

Стратagemный бум в Китае

В ноябре 2002 г. я побывал в замечательном китайском городе Чэн-дэ. Он расположен менее чем в трехстах километрах к северо-западу от Пекина. Со второй половины XVII столетия и до 1911 г. здесь находилась летняя резиденция императоров династии Цин, куда монархи и двор перебирались на лето, спасаясь от столичной жары. В те времена сам город и прилегающая местность носили название Жэхэ. Поскольку эта местность простерлась в центре горного массива Янынань, летние температуры здесь на 6—8 градусов ниже, чем в Пекине. Находясь в своей резиденции в Жэхэ, императоры активно занимались и внутренней и внешней политикой, например, именно здесь в 1858 г. был ратифицирован Айгунский договор с Россией. Комплекс императорского дворца великолепно сохранился, у главных ворот, через которые входят посетители, я, кроме вывески музея, обнаружил и еще одну, оповещающую, что на территории бывшего дворца располагается Общество по изучению стратегий. «Что может быть прекраснее, чем изучать искусство разрабатывать стратегию и составлять стратагемы на территории исторического памятника, где много поколений предшественников только этим и занимались!» — подумал я. Сеть таких обществ, членами которых являются тысячи людей, раскинулась по всему Китаю. Я упомянул о чэндэском потому, что помещение для него выбрано на редкость удачно.

Посетив через две недели одну из прекраснейших жемчужин в ожерелье исторических мест Китая — город Ханчжоу, я побывал в местном магазине исторической литературы. Сознаться честно, глаза разбегались, как в пещере Аладдина. Хотелось увезти с собой все эти книжные полки, хранившие стратагемное богатство. Но пришлось ограничить себя приобретением двух книг: 12-томного коллективного труда «36 стратагем»¹ и четырехтомной, изданной в виде старинного ксилографа, также коллективной работы «36 стратагем»². Если первая из этих книг носит популяризаторский характер, то вторую отличает глубокий исследовательский подход.

Спустя год в Шанхае в книжном магазине на главной торговой улице Наньцзинлу из огромного числа «стратагемной» литературы я как наиболее свежую выбрал книгу «Расшифровка 36 стратагем», предназначенную для военных³.

Рассказываю обо всем этом, чтобы подчеркнуть, что рынок такого рода литературы в Китае поистине неисчерпаем, так как постоянно насыщается трудами упомянутых выше обществ по изучению стратагем.

Но в рыночной экономике предложение определяется спросом. Во Введении ко второму тому своей книги Харро фон Зенгер подробно описывает распространенность стратагем в современном китайском обществе. Он останавливается и на дискуссиях о моральных сторонах использования стратагем, ссылаясь на многочисленные публикации в китайской печати. Это обилие исходного материала и позволило Харро фон Зенгеру почти вдвое увеличить объем второго тома по сравнению с первым, хотя его анализ охватывает издания, вышедшие в свет до 1999 г. Хочу заметить, что в наступившем XXI столетии поток литературы, журнальных и газетных выступлений продолжает увеличиваться. И не только в Китае. Во Вьетнаме, Южной Корее, Японии стратагематика получила весьма бурное развитие.

На мой взгляд, наиболее убедительное объяснение этому явлению дает исследовательница из Новосибирска Т.Г. Завьялова, которая отмечает, что «в настоящее время в странах Восточной Азии не только изучают и издают в широком масштабе литературу, посвященную стратагемам, но происходят процессы популяризации и внедрения исторического опыта стратагем в массовое сознание. Вероятно, возрождение традиционной культуры стратагем и стратагемного мышления характеризует процессы трансформации культуры Дальневосточного региона в условиях глобализации и насильственной вестернизации, формирование новой парадигмы национальной и культурной самоидентификации»⁴.

¹ Саньшилю цзи (Ча ту бань). Цзюань 1 — 12. // 36 стратагем. Иллюстрированное издание. ТТ. 1 — 12. Сост. Ци Хунчжи, Лун Фэн. Изд. Шидай вэньи чубаньшэ. Чанчунь, 2001. В редколлекцию этого издания входит 19 специалистов.

² Саньшилю цзи. // 36 стратагем. Сост. Ван Цзянминь. ТТ. 1-4. Изд. Чжунго вэньши чубаньшэ. Пекин, 2002. Над этим четырехтомником трудились 77 специалистов.

³ Саньшилю цзеду. // Расшифровка 36 стратагем. Сост. Мао Юаньгу, Сюй Чуцяо. Изд. Цзефанцзюнь вэньи чубаньшэ. Пекин, 2002.

⁴ Завьялова Т.Г. «Канон о сокровенном» Чжао Жуя. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 1. Вып. 2. Востоковедение. Новосибирск, 2002. С.31.

Т.Г. Завьялова попыталась не только осмыслить причины появления нового огромного массива научной и научно-популярной литературы в Китае, но и решила сделать очень важный шаг по систематизации этого массива с точки зрения жанровых особенностей, содержания, времени написания и степени научности издания⁵. Она разработала рубрикатор для классификации печатной продукции, посвященной стратагемам или содержащей важную информацию о них. С любезного согласия Т.Г. Завьяловой приведем и проиллюстрируем лишь некоторые разделы этого рубрикатора.

Первоисточники (не включая философские и литературные классические каноны). К этой категории относятся новые издания трактатов «Гуй гу цзы» («Философ долины демонов») и «Фан цзин» («Канон о сокровенном»), знаменитого труда Сыма Гуана «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» («Основное содержание «Всеобъемлющего зеркала, управлению помогающего»)⁶, а также «Чжи шу» («Книга мудрости») эпохи династии Мин (1368—1644).

Издания трактатов «36 стратагем», «Сунь-цзы бинфа» и литература, посвященная этим памятникам. В этом разделе насчитывается 16 изданий, вышедших в период с 1995 по 2002 г.

Трактаты школы военных философов и литература, им посвященная. Сюда входят и многотомные собрания вроде «Ли-дай минжэнь цзимоу вэньку» — «Собрание стратагем выдающихся исторических личностей» (12 томов, Тайбэй, 1996), где в 6-м томе находится трактат Сун Биня, а в 12-м — трактат У-цзы.

Литература, посвященная стратагемам, в философской классике. В этом разделе следует отметить две серии. Первая издана в г. Ухань в 1998 г., ее главным составителем является Юань Чжун. Она носит название «Чжунго чжимоу цзуншу» («Библиотечка китайских стратагем»). Ее назначение — показать взаимосвязь стратагематики с различными философскими школами и течениями древнего и средневекового Китая. Вторая серия была издана в Тайбэе в 1999 г. Она гораздо объемнее первой и насчитывает свыше двух десятков томов. Ее заглавие «Чжихой жэньшэн» («Сообразительность в жизни»). Все тома также содержат массу примеров использования стратагем выдающимися философами прошлого.

Литература, посвященная стратагемам, в 4 классических романах и других литературных произведениях. Здесь издатели также пошли по пути публикации серий. Так, в 1998 г. издательство провинции Хэнань («Хэнань жэньминь чубаньшэ») предложило своим читателям серию с весьма привлекательным названием «Чжиши минчжу цзуншу» («Библиотечка разума знаменитых сочинений»). Стратагемы «извлекались» из таких действительно знаменитых во всем мире классических романов, как «Си ю цзи» («Путешествие на Запад»), «Хунлоу мэнь» («Сон в Красном тереме»), «Шуйху чжуань» («Речные заводи»), «Саньго чжи» («Троецарствие»). Ближким к этой серии явился и изданный на Тайване в 1998 г. многотомник «Шиюнь лиши» («Использовать историю»), в котором 8-й том был посвящен стратагемам в летописи «Чуньцю» («Весны и осени»), а 9-й — в романе «Троецарствие». Наконец, в 2000 г. в Пекине была издана серия, в которой нашли свое место стратагемы из всех вышеперечисленных романов⁷.

Словари и издания общего характера. Например, в 1993 г. в Пекине вышел первый, а в 1995-м второй том «Словаря китайских стратагем»⁸. Аналогичный словарь в 2000 г. был издан в Шанхае⁹. Интересны биографические словари известных стратагемщиков¹⁰. А в предназначенной для детей серии наряду с

⁵ Там же.

⁶ Эта грандиозная энциклопедия, охватывающая все стороны управления государством, была переведена на русский язык нашим знаменитым китаеведом Н.Я. Бичуриным в начале XIX столетия. Подробнее см.: Мясников В.С., Попова И.Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения чл.-корр. Н.Я. Бичурина // Вести. РАН, 2002. Т. 72, № 12. С. 1099-1106.

⁷ Серия «Моуюн цинхуань чжиши жэньшэн» («Магия стратагем как руководство в жизни»). Изд. «Фанцзун чубаньшэ». Пекин, 2000.

⁸ Чжунго моулюэ дадянь. Сост. У Цзинтянь. Изд. Гоцзи вэньхуа чубань гунсы. ТТ. 1-2. 1993-1995. 1037с.

⁹ Цзимоу шидянь (Практический словарь стратагем). Сост. Ма Чжуаньшэн, Лю Вэньфу. Изд. Ханьюй дацядянь чубаньшэ. Шанхай, 2000. 679 с.

¹⁰ Моулюэ цзя (Стратагемщики). Сост. Мао Чжэньфа и др. Изд. Ланьтянь чубаньшэ. ТТ. 1—2. Пекин, 1993. 606 с. В 1995 г. этот словарь вышел четвертым изданием Моулюэ цзя (Стратагемщики). Сост. Цзы Юцю. Изд. Ланьтянь чубаньшэ. ТТ. 1—2. Пекин, 1996—1998. Этот объемный труд (первый том 1392 с.) Цзы Юцю, работавший заместителем секретаря Всекитайского совета военных наук и являющийся членом Всекитайского общества изучения международной стратегии, пополнил и такими книгами, как «Мао Цзэдун

книгами поговорок и басен опубликовано и пособие «500 образцовых стратагем»¹¹. Занятный прием привлечения интереса публики к стратагемам использовало издательство газеты «Гуанмин жибао»¹². Оно выпустило в свет четырехтомник под заглавием «Синь Цзычжи тунцзянь»¹³, т. е. некую перелицовку, или, как теперь принято называть, *ремейк*, классического труда Сыма Гуана, о котором мы упоминали выше. Все четыре тома имеют раздел «исторические прецеденты», раскрывающий содержание стратагем, планов и методов в управлении государством, и раздел «исторические деятели», содержащий отрывки и афоризмы из произведений философской и литературной классики. Кроме того, каждый из томов заключает в себе по три раздела. Первый том — «Управление государством», «Политика трудолюбия и бережливости», «Политика неподкупности». Второй том — разделы «Использование кадров», «Исполнение законов», «Внимание к советам и речам». Третий — «Составление стратагем и планов», «Исправления и новации», «Успокоение народа», в него полностью включен трактат «36 стратагем». Наконец, четвертый том посвящен самовоспитанию — «Дела в соответствии с Дэ» (воспитание характера), «Обучение талантов», «Домострой».

Разумеется, все части этого рубрикатора тесно связаны друг с другом, и каждая из них наполнена огромным количеством литературы. Задача, которую поставила перед собой Т.Г. Завьялова, — подготовить сводный библиографический справочник по стратагематике. Сегодня выполнение этой грандиозной задачи частично облегчается Интернетом. В Сети содержится значительное количество информации об издательствах различных стран, выпускающих книги о стратагемах.

Старое правило гласит: «Наука начинается с систематизации». Думаю, что наше китаеведение уже сделало первые шаги на «пути в 10 тысяч *ли*», который приведет нас к многоярусной пагоде, носящей поэтическое название «Сокровищница китайской стратегической мысли». Взойти на вершину этой пагоды будет гораздо труднее, чем проделать тернистый путь к ней. Но девизом всех дерзающих должно быть древнеримское правило: «*Per aspera ad astra*» — «Через тернии к звездам».

В. С. Мясников

Антология хитроумных планов

Никому не нравится быть обманутым. Моральный, а порой и материальный ущерб запоминается надолго. Причем моральный урон в большинстве случаев переживается сильнее. Стресс вызывают перенесенные унижение и разочарование. Обман обычно воспринимается как свидетельство моральной нечистоплотности, хитрости, которая всего-навсего «низшее проявление ума». Исключением явился лишь влюбленный поэт, воскликнувший, что он «сам обманываться рад», тем более когда его герой философски утверждал, что «тмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Но представьте себе, что вы проиграли партию в шахматы или в шашки, причем, может быть, не одну, а несколько подряд. Вы ведь не заявите, что вас обманули, вы признаете, что противник сильнее вас, он владеет не только правилами игры, но ее сутью, тонкостями, стратегическим видением и тактическими ловушками.

Все это — достоинства игроков высшего класса, гроссмейстеров. Их превосходство вы признаете без обиды.

Теперь, отбросив эмоции, допустим, что в жизни взаимоотношения людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями. Это не плод нашей фантазии, к этому заключению относительно недавно пришла современная психология. Родились понятия: транзакция — единица общения; процедуры, ритуалы и времяпрепровождения — простейшие формы общественной деятельности. Наконец, было сформулировано определение игр. «Игрой мы называем, — пишет выдающийся американский психолог Эрик Берн, — серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но

да чжимоу» («Великая стратагема Мао Цзэдуна»), «Моулюэ лунь» («Теория стратагем»), ответственным редактором которых он является.

¹¹ Чжимоу 500 ле (500 примеров стратагем). Сост. Чжан Янь, Жань Цзюйхой. Чунцин чубаньшэ. Чунцин, 2001. 500 с.

¹² «Гуанмин жибао» — основная газета китайской интеллигенции, типа нашей «Литературной газеты».

¹³ Синь Цзычжи тунцзянь (Новое Всепроницающее зеркало, управлению помогающее). Главн. сост. Ван Вэйго. Изд. Гуанмин жибао чубаньшэ. ТТ. 1—4. Пекин, 1997. (Т. 1—978 с., т. 2—934 с., т. 3—951 с., т. 4—961 с.)

обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы эффективными, а времяпрепровождение — выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат «задней мысли»). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда — драматичным. Игры, напротив, могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом»¹⁴.

Блестящие открытия современных психологов страдают одним отнюдь не умаляющим их значения недостатком: нынешние психоаналитики и не подозревали, что они описали явление, бывшее в течение тысяч лет достоянием китайской культуры общения. То, что ныне названо «играми», еще за несколько столетий до начала нашей эры было разработано и внедрено в повседневную жизнь в системе ценностей китайской цивилизации. Причем я хочу подчеркнуть, что стратагемность мышления и поведения — а именно это понятие эквивалентно понятию игры — относится к характерным особенностям именно китайской цивилизации, к достижениям ее философской и политической мысли. Этот феномен, имплицитный в общественное сознание, с веками, перейдя национальные границы, отразился и на политической и общественной культуре таких восточноазиатских стран, как Япония, Корея, Вьетнам. И только теперь начинают соединяться традиционные китайские научные представления о человеке и его возможностях с данными европейской науки.

Начавшийся в эпоху Великих географических открытий активный контакт различных человеческих цивилизаций продолжается и в наши дни. Европейскую цивилизацию Восток обогатил пряностями и алмазами, шелками и оригинальными философскими системами, фарфором и искусством строить арочные мосты. В течение столетий европейские политики толковали об «отставании» Востока, его «застойности», тем не менее XVIII век для Парижа, Лондона и Петербурга был отмечен устойчивой модой на все китайское. Стиль «шинуа» в убранстве дворцов и в парковой архитектуре, в живописи и в предметах быта и по сей день мы видим в ансамблях и коллекциях Версаля и Петергофа, Ораниенбаума, Лувра и Потсдама, в собраниях десятков других музеев.

В течение столетий европейцы жадно брали все, что поражало и привлекало их, но, в общем-то, все это лежало на поверхности. Удивительные же свои тайны Восток упорно хранил, для их разгадки требовались время и труд ученых-ориенталистов. Сегодня новые средства коммуникаций уплотнили время. Не только востоковеды, но и европейски высокообразованные представители стран Востока выступают в роли талантливых пропагандистов этнокультурных достижений азиатских цивилизаций, способствуют постижению европейцами особенностей политической культуры восточных обществ. Вопреки предсказаниям Р. Киплинга Восток и Запад сходятся. Более того, Восток ведет наступление на Запад.

Если брать не политический, а социальный уровень, то на наших глазах в Европе и Америке почти поголовное увлечение дзен-буддизмом, йогой и сексуальными рекомендациями, записанными в «Кама-сутре», естественно перешло в устойчивый интерес к достижениям традиционной китайской медицины, кухни, гимнастике *ушу* и системе *цигун*. Этот интерес вылился в широкое занятие китайскими методами физической и психологической тренировки, что привело к созданию спортивных секций и выпуску специальной литературы. Сегодня Запад наверстывает свое отставание от Востока в главном — в науке о человеке.

Представляемая читателю книга приоткрывает завесу над еще одной, причем наиболее закрытой от иностранцев, особенностью восточноазиатской цивилизации — стратагемностью мышления ее представителей. Что же такое стратагемность? Само понятие стратагема (по-китайски: чжимоу, моулюе, цэлюе, фанлюе) означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Интересна сама семантика этого понятия: бином «чжимоу», например, одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость. Стратагемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Огромное влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве», который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагема. В настоящее время можно считать установленным, что под литературно-философским псевдонимом Сунь-цзы выступал выдающийся полководец-«стратагемщик» Сунь Бинь, живший в IV в. до н. э. в древнекитайском царстве Ци. На протяжении тысячелетий китайские полководцы составляли стратагемы для взятия крепостей и достижения успеха в военных кампаниях. В исторических хрониках и романах сохранились имена выдающихся стратегов: от легендарного Тай Гуна, наставника У-вана,

¹⁴ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Пер. с англ. М., Прогресс, 1988. С. 37.

основателя династии Чжоу (XI — III вв. до н. э.), и соперничавшего в военной славе с самим Сунь Бинем полководца У-цзы (V в. до н. э.) до героев эпопеи «Троецарствие» (конец II — начало III в. н. э.) Чжунэ Ляна и Цао Цао.

Стратегемы составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны и в управлении гражданским обществом, и в дипломатии. Все, что требовало выигрыша в политической борьбе, нуждалось, по их убеждению, в стратегемном оснащении. Дипломатические стратегемы представляли собой нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам. В дипломатии понятие стратегемности раскрывается как сумма целенаправленных дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана, обеспечивающего решение кардинальных задач внешней политики государства. Будучи нацеленной на реализацию стратегемы, стратегемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства.

Но с помощью стратегем наносились и тактические удары. Широко известна, например, стратегема «Убить чужим ножом», с помощью которой устранялся опасный персонаж в лагере противника. Так, в романе-эпопее «Троецарствие» министр — блюститель церемоний Ван Юнь задумывает стратегему, чтобы избавиться от жестокого и распутного военачальника Дун Чжо, стремившегося захватить престол. Ван Юнь договаривается с красавицей певицей и танцовщицей Дяочань о том, что она должна понравиться и Дун Чжо, и его приемному сыну, храброму, но недалекому воину Люй Бу. Ван Юнь обещает отдать Дяочань молодому храбrecу, но отправляет ее к Дун Чжо. Естественно, что Люй Бу взбешен и обвиняет Ван Юня в коварстве, однако тот с невинным видом отвечает, что Дун Чжо лишь поинтересовался подарком и взглянул на красавицу, после чего, уверив, что сам передаст ее Люй Бу, увез артистку к себе. Став наложницей Дун Чжо, Дяочань постоянно стремится столкнуть своего хозяина с его приемным сыном. В конце концов ей это удалось, и Ван Юнь, устроив западню, заманил Дун Чжо во дворец, где тот и был убит Люй Бу¹⁵.

Этот эпизод подобен многим другим в богатой истории Китая. Но в нем особенно наглядно раскрываются необходимые условия для составления и успешной реализации стратегем. К ним относятся: умение рассчитывать ходы и предвидеть их последствия, знание психологических особенностей тех, против кого нацелен план (Дун Чжо обуян жаждой власти и сластолюбив, Люй Бу храбр, недалек и может увлечься молодой красавицей), и, наконец, упорство автора плана в реализации стратегемы. Стратегема подобна алгоритму, она организует последовательность действий.

Выражение «политика является искусством возможного» стало тривиальным. Банальное толкование его сводится к тому, что политик ограничен в своих возможностях и должен, будучи реалистом, максимально учитывать конкретную ситуацию, следовательно, он не может сделать более того, что ему позволяют обстоятельства. Однако на самом деле искусство возможного — это способность предвидеть последствия политических шагов, их возможные результаты. В этом плане стратегемность, раскрывая способность просчитать ходы в политической игре, а порой не просто просчитать, но и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника, служит образцом политической дальновидности, причем дальновидности активной.

Итак, стратегемность — это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни. Казалось бы, все очень просто: найдите свою стратегию и оснастите ее ловушками. Но даже в такой суперстратегической игре, как шахматы, европейские мастера лишь в конце XIX в. научились строить основанные на оценке ситуации стратегические планы. Э. Ласкер писал по этому поводу: «Найти правильный план так же трудно, как отыскать верное обоснование его. Прошло много времени, по меньшей мере, тысяча лет, прежде чем шахматный мир понял значение плана»¹⁶. В Китае же за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов — стратегем — вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями.

Знание древних стратегем, составление хитроумных планов стало в Китае традицией, причем не только традицией политической жизни, касающейся дипломатии или войны. Со временем продуманный во всех деталях обычный бытовой план сравнивали с классическим наследием великих стратегов. В известном средневековом романе «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» старуха сводня Ван, устраивая герою любовное свидание, хвастает, что у нее есть план, состоящий из десяти пунктов, который по своим

¹⁵ См.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1984. С. 62—73.

¹⁶ Ласкер Э. Учебник шахматной игры. Изд. 6-е. М., 1980. С. 193.

достоинствам не уступает планам самого Сунь-цзы¹⁷.

Умение составлять стратагеми свидетельствовало о способностях человека, наличие плана вселяло в исполнителей уверенность в успехе любого дела. Поэтому на всех уровнях в Китае привыкли с должным уважением относиться к стратегии и вырабатываемым стратегами планам. От важнейших политических проблем до игры в китайские облавные шашки «вэй-ци» — всюду шло состязание в составлении и реализации стратагем. Появился даже специальный термин — *чжидоу*, — обозначавший такую состязательность. Стратагемность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии. Но это не означает, что китайцы — это нация ловких интриганов, хитрецов и обманщиков. Нет. Это народ, в первую очередь умеющий стратегически мыслить, составлять долгосрочные планы, как на государственном, так и на личностном уровне, умеющий просчитывать ситуацию на достаточное количество ходов вперед и употребляющий стратагемные ловушки для достижения успеха.

Одним из достоинств совершенного человека, согласно конфуцианскому учению, являлось такое качество, как «минь» — ум, смысленность, способности. Владение искусством составлять стратагеми было свидетельством высокой одаренности. О таких людях говорили: не успеет шевельнуть бровью, в голове рождается план. Как уже упоминалось, в Древнем Китае огромная масса придворных ученых, философов занималась составлением стратагем. Эти профессионалы предлагали свои секретные планы правителям царств или феодалам, способным оплатить интеллектуальную услугу.

Вместе с тем еще в Древнем Китае была поставлена проблема соотношения стратагемности с моралью. Конфуцианские ученые критиковали создателя первой централизованной китайской империи Цинь Ши-хуанди (259 — 210 до н. э.) за то, что он «выслушивал планы, предлагавшиеся множеством людей, применял достижения шести поколений, благодаря чему, как шелковиный червь, пожрал шесть царств, уничтожил местных владетелей, овладел Поднебесной. Он полагался на низость коварных планов, что привело к исчезновению искренности и доверия. В его правлении не было ни нравственных наставлений, ни преобразующих начал гуманности и справедливости, которые помогли бы объединить сердца Поднебесной... и в Поднебесной начался великий разброд, вызванный тем злом, которое таилось в коварстве и лжи правителя»¹⁸.

Ответ Цинь Ши-хуанди его оппонентам был весьма характерен: император приказал закопать несколько сот ученых живьем в землю, а их книги сжечь. Как говорится, без всякой стратагемности. Но судьба не оставила безнаказанным это злодеяние: спавшему императору была введена в ухо игла, он скончался без следов насилия или отравления. Но проблема моральных аспектов стратагемности оставалась. Она решалась исторической наукой и художественной литературой, исходившими каждый раз из одного общего критерия: если герой действовал в интересах государства и ради благоденствия народа, то он относился к положительным персонажам, его стратагеми и основанные на них шаги и меры были благородными по определению. И, разумеется, узурпаторы власти, охотники за чужим добром, похитители невинности и прочие злодеи составляли «негативные» стратагеми, которые тем не менее все равно подлежали изучению и запечатлению в анналах.

Эта проблема дожила и до наших дней, и не только в Китае. Современная психология указывает, что необходимо различать «игры» с таким типом социального действия, как «операция». «Операцией мы называем простую трансакцию или набор трансакций, — подчеркивает Э. Берн, — предпринятых с некоторой заранее сформулированной целью. Например, если человек честно просит, чтобы его утешили, и получает утешение, то это операция. Если кто-нибудь просит, чтобы его утешили, и, получив утешение, каким-то образом обращает его против утешителя, то это игра. Следовательно, внешне игра выглядит как набор операций. Если же в результате игры один из участников получает «вознаграждение», то становится ясно, что в ряде случаев операции следует считать маневрами, а просьбы — неискренними, так как они были лишь ходами в игре»¹⁹. В целом же, отмечает этот психоаналитик, современное американское общество не поощряет искренности (кроме как в интимной обстановке), так как здравый смысл предполагает, что искренность всегда можно использовать с дурным умыслом»²⁰.

Итак, кто же может успешно пользоваться стратагемами? Тот, кто всесторонне подготовлен, кто, изучив

¹⁷ См.: Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин. Мэй. Т. 1. М., 1977. С. 59-60.

¹⁸ Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М., 1968. С. 40.

¹⁹ Берн Э. Указ. соч. С. 37.

²⁰ См. там же. С. 148.

особенности стратагемного мышления и действий, может обеспечить выигрыш в состязании даже с более сильным или хитрым противником, если тот не обеспечил себе такую же подготовку. «Непобедимость заключена в самом себе, возможность победы заключена в противнике», — учил Сунь-цзы²¹. Собственно, этот же принцип лежит и в основе всех восточных боевых единоборств: ушу, цзюдо, таэквандо. Стратагемность — это школа психологического противоборства, которой присущи свои законы и требования. Давая рекомендации своим читателям, Сунь-цзы впервые описал определенный стереотип поведения, который можно назвать азбукой стратагемщика. «Если ты и можешь что-нибудь, — наставлял великий стратег, — показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройств; приняв смиренный вид, вызови в нем сомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов, выступи, когда он не ожидает»²². Девизом стратагемного образа действий являются слова Сунь-цзы: «Сначала будь как невинная девушка — и противник откроет свою дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц — и противник не успеет принять мер к защите»²³.

Стратагемность была серьезным оружием китайских политиков, военных, дипломатов. Благодаря устной традиции, историческим хроникам и художественным произведениям эффективность применения стратагем была очевидной и для широкой публики. Естественно, стратагемы стали секретным национальным достоянием. Прагматичный китайский ум классифицировал стратагемы по видам, разработал методику применения той или иной стратагемы в зависимости от конкретной ситуации, создал своеобразный «банк данных» — «Трактат о 36 стратагемах». Но все это должно было тщательно скрываться от иностранцев. Одним из способов предотвращения утечки сведений о стратагемах был существовавший в императорском Китае запрет на вывоз из страны книг. Разумеется, никто из имперских чиновников не посмел бы ввести иностранца в секретный арсенал стратагем.

Сами же иностранцы, даже после знакомства с трактатом Сунь-цзы и применения его в военных академиях в качестве учебного пособия, не подозревали о широте использования стратагем на всех уровнях. Тем более они не учитывали, что стратагемность стала важной чертой национальной психологии. Этим объясняется длительное «молчание» мировой синологии по этой проблеме. Попытки же специалистов смежных дисциплин сориентироваться в древних традициях Востока привели их к заключению, что «самые ранние сценарные психоаналитики были в Древней Индии. Они строили свои предсказания в основном на астрологических идеях. Об этом любопытно говорится в «Памчатантре»»²⁴. Добавим к этому, что и политическая наука Древней Индии создала и рекомендовала правителям использовать огромное число хитроумных планов²⁵.

Сегодня стратагематика — учение о стратагемах — во всем мире переживает бум. Равные возможности овладеть этим искусством предоставляются всем, и мы надеемся, что публикация перевода книги Харро фон Зенгера на русский язык поможет в этом и нашим согражданам. Что же произошло? Как «рассекретили» стратагемность? Нет, тысячелетнюю тайну стратагем не вывозили из Китая, подобно коконам шелкопряда в выдолбленном посохе странствующего монаха. Просто, как часто бывает в науке, возросшее количество отдельных данных привело к качественному скачку в приращении знания.

Российская и западноевропейская наука пришла к открытию стратагемности почти одновременно. Автор этих строк, изучая в конце 50-х — первой половине 70-х годов полный свод дипломатических документов китайской стороны, относящихся к взаимоотношениям империи Цин с Русским государством в XVII веке²⁶, обнаружил определенную закономерность формирования этой документации и, соответственно, действий

²¹ См.: Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М. — Л., 1950. С. 37.

²² Там же. С. 34.

²³ Там же. С. 54.

²⁴ Берн Э. Указ. соч. С. 193.

²⁵ См.: Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. История, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М., 2000. С. 369-383.

²⁶ См. нашу публикацию: Русско-китайские отношения в XVII в. Документы и материалы. Т. 1. М. 1969; т. 2. М., 1972.

китайских властей. Какая-то скрытая пружина, даже не просто пружина, а целостный и точно действующий механизм способствовал реализации внешней политики империи на ее северных рубежах. Знакомство с источником, носившим весьма примечательное название: «Стратегические планы усмирения русских», — приоткрыло тайну этого механизма. Этот источник показал, как император вынашивал, составлял и в течение более двух десятилетий реализовывал стратегию, нацеленную на вытеснение русских из Приамурья. Дальнейшее исследование подтвердило, что в традиционном Китае искусство составления стратегий всегда оценивалось исключительно высоко. Высшие сановники империи должны были в совершенстве владеть им, излагая свои замыслы императору. В императорских указах, характеризовавших тех или иных государственных деятелей, способность к составлению стратегий отмечалась особо²⁷. Была показана содержательная модель стратегии, являющаяся «синтезом результатов оценки ситуации и специфического приема, выработанного теорией для аналогичной обстановки»²⁸.

В развернутом виде стратегичность как элемент политической культуры традиционного китайского общества, в частности его дипломатии, была проанализирована в моей монографии «Империя Цин и Русское государство в XVII веке», опубликованной затем на английском и французском языках и выдержавшей второе, дополненное издание на русском языке²⁹. Отечественная и зарубежная критика дала высокую оценку этой работе. Но в нашем Китае еще оставались скептики, которые считали, что стратегичность существует, но она не является специфически китайской реальностью. Конечно, пророки отечества не выбирают... Какова же была моя радость, когда в 1988 г. на конференции Европейской ассоциации китайистов в Веймаре я встретил высокого симпатичного молодого человека, который стоял у стенда, прикрепив к нему ксерокопию титульного листа своей книги «Стратегии». Это был швейцарский ученый Харро фон Зенгер.

Харро фон Зенгер родился в 1944 г. в небольшом швейцарском селении Виллерцелл, где предпочитает жить и по сей день. Еще в школьные годы он проявил большие способности к языкам, занимаясь вдобавок к официальной программе по латыни, греческому, немецкому, французскому и английскому еще и русским языком. Вскоре после окончания школы он случайно в одной частной коллекции увидел «Граматику разговорного китайского языка» Зейделя. Эта книга настолько захватила юношу, что и определила его судьбу. Поступив на юридический факультет Цюрихского университета, он, помимо специальных дисциплин, занимался «для души» китайским языком. Один из знакомых китайских студентов научил его писать иероглифы. Завершая университетское образование, Харро фон Зенгер уже смог защитить диссертацию по теме «Традиционные китайские торговые договоры» и стал доктором права.

В то время когда русские китайисты переживали весь драматизм и негативные для их труда последствия советско-китайской конфронтации, особенно лишение их контактов с китайскими учеными, американские и европейские синологи получали подготовку на Тайване. Харро фон Зенгер отправился в Тайбэйский университет, променяв имевшиеся дома положение юриста и высокую зарплату на комнату в аспирантском общежитии. С августа 1971-го и по октябрь 1973 г. под руководством китайских профессоров молодой правовед совершенствовал свои знания на юридическом факультете Тайбэйского университета. Он описал этот период своей жизни в очень любопытных дневниковых заметках, которые впоследствии опубликовал³⁰. Живой интерес к китайской культуре, к многовековым традициям великой страны привел молодого ученого к постановке фундаментальной проблемы: в чем же сущность различий при межличностных контактах представителей европейской и восточноазиатской цивилизаций?³¹ Стремление разобраться в этом и привело пытливого швейцарца к познанию стратегичности.

Как это часто бывает в науке, помог его величество случай. Изучая историю права на юридическом факультете, Харро фон Зенгер одновременно совершенствовал знания китайского языка в Центре языковой подготовки Тайбэйского педагогического института. Здесь-то он и встретился с работавшей на Тайване по

²⁷ См.: Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. М., 1977. С. 15—16.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., Наука, 1980; Miasnikov V. S. The Ch'ing Empire and the Russian State in the 17th century. M., Progress Publishers, 1985; Miasnikov V. L'Empire des Qing et l'Etat Russe au XVII-e Siècle. M., Progress Publishers, 1985; его же. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987.

³⁰ См.: Зенгер Х. фон. Швейцарец на Тайване. Мин Тао Литерче энд Арт. Тайбэй, 1989 (на кит. яз.).

³¹ См. там же. С. 40—43.

совместительству преподавательницей Пекинской академии национальных меньшинств профессором Бо Чжэнши (настоящее имя которой Бо Шаофань). Она, являясь выдающимся эрудитом, могла ответить, казалось, на любые вопросы. Однажды профессор Бо, между прочим, обронила фразу: «Тридцать шестая стратагема: бегство — лучший выход в безнадежной ситуации». Это высказывание привлекло внимание Зенгера, который задал вопрос: «Если тридцать шестая стратагема: побег — лучший выход из положения, то что же такое стратагема с первой по тридцать пятую?» И его совершенно поразил ответ Бо: «Не знаю». Швейцарский аспирант еще ни разу не слышал, чтобы она говорила: «Не знаю». С тех пор 36 стратагем стали мучившей его загадкой, которую он стремился во что бы то ни стало разрешить. Вскоре один китайский студент дал ему рифмованную таблицу 36 стратагем, потом на одном из тайбэйских книжных развалов Харро фон Зенгер разыскал книгу, посвященную 36 стратагемам. Однако ни в одном из этих изданий не было подробного разбора каждой стратагема.

Всего же Харро фон Зенгер провел в Восточной Азии шесть лет. Начав еще в Тайбэе штудировать японский язык, он продолжил обучение на юридическом факультете Токийского университета, а затем осенью 1975 г. стал иностранным студентом исторического факультета Пекинского университета. И всюду он целеустремленно собирает материал о стратагемах и стратагемности. Особенно повезло ему в Пекине: в университете он встретился с австралийцем Ревии Алле (Revy Alley), жившим в Китае с начала 30-х годов. Тот дал Зенгеру книгу, которая была выпущена для «внутреннего пользования» в период, когда в руководство страны входил Линь Бяо. Она называлась «Китайско-английский словарь терминов в области политики, военного дела и культуры». Именно в этой книге швейцарский исследователь нашел анализ трактата «36 стратагем». В 1977 г., возвратившись в Швейцарию высокообразованным востоковедом, молодой ученый много печатается в газетах, выступает по телевидению. 14 января 1977 г. в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Харро фон Зенгер опубликовал первую статью о стратагемах, называвшуюся «Использование 36 стратагем для критики «банды четырех». Тогда же он начинает переводить на немецкий язык трактат «36 стратагем». В 1981 г. Зенгер становится приват-доцентом синологии в Цюрихском университете, а затем с 1989 г. профессором знаменитого Оренбургского университета имени Альберта Людвиг (Германия), где с октября 1993 г. он является деканом философского факультета и читает лекции.

В 1981 г. Европейская ассоциация китаеведов проводила свою очередную конференцию в Цюрихе. В составе советской делегации был профессор В. А. Кривцов, который, опираясь на мои уже изданные к 1980 г. труды, сделал сообщение о разработке в Институте Дальнего Востока АН СССР, заместителем директора которого он являлся, теории стратагемности в китайской дипломатии. Конечно, теперь уже трудно восстановить подробности обсуждения этого сообщения, однако известно, что ученый из КНР, принимавший в нем участие, очевидно, воспринял его как обвинение в адрес китайских руководителей и выступил с резкой ответной критикой. На научной дискуссии, к сожалению, отразилась та полемика, которая происходила тогда на уровне политического руководства двух стран. Кстати сказать, в докладе В. А. Кривцова не оказалось конкретных данных о моих публикациях, поэтому Харро фон Зенгер, бывший одним из наиболее заинтересованных участников обсуждения, не получил сведений об издании моих работ на русском языке. Не знал он и о последующих переводах моей книги на английский и французский языки. Он, естественно, продолжал упорно трудиться и в 1988 г. опубликовал на немецком языке свою монографию о китайских стратагемах в швейцарском издательстве «Шерц»³².

В том же году и состоялась упомянутая выше «историческая» встреча двух европейских «стратагемщиков» в Веймаре. Мы обменялись взаимной информацией и опубликованными трудами и, подобно двум альпинистам, совершившим разными, но нелегкими маршрутами восхождение к одной и той же вершине, почувствовали взаимное уважение и симпатию. Харро фон Зенгер затратил на подготовку своей монографии 15 лет. Он изучил около 30 книг, посвященных китайской культуре, в которых содержались сведения о стратагемах. Это были китайские (включая Гонконг и Тайвань), японские и южнокорейские публикации. Кроме того, молодой востоковед проштудировал несколько сот статей на старокитайском и современном языке, сравнил, какой вклад в стратагемность был сделан европейцами, индийцами и арабами. Он пришел к выводу, что стратагема существуют у всех народов. Их можно обнаружить и в Библии, и в сказках братьев Гримм, в греческих мифах и в африканских легендах. Но на Западе под влиянием религиозной морали этот вполне естественный феномен общественной жизни официально был как бы приглушен, хотя и существовал в реальной жизни. Тогда как в Китае, где не было такого рода религиозного конформизма, для развития стратагемности существовала полная свобода.

Мы вновь встретились в августе 1990 г. на очередной, XXXII конференции Европейской ассоциации

³² См.: Senger H. von. Strategeme. Der erste Band der berühmten 36 Strategeme der Chinesen — lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgeestellt. Bern, Scherz, 1988.

китаеведов в голландском городе Лейдене, где профессор Зенгер сделал доклад на тему «Китайские стратагемы и западная культура». Его книга к этому времени стала бестселлером европейской синологии. В 1990 г. издательство «Шерц» выпустило ее пятое издание, одновременно она переводилась на английский, голландский, итальянский, японский и китайский языки. Китайский перевод вышел в свет в декабре 1990 г.³³, причем за четыре месяца разошелся весь 200-тысячный тираж книги. В разных странах появились буквально десятки газетных и восторженных журнальных отзывов о ней.

В чем же секрет такого успеха книги профессора Харро фон Зенгера? Уж не связан ли он с какой-нибудь хитроумной стратагемой ее автора? Думаю, что ответ заключается в том, что эта книга уникальна по многим показателям. Во-первых, она вводит читателя в совершенно новый круг знания. Стратагемы существуют у всех народов, однако на Западе нет аналогов такого свода стратагем, который уже в течение почти трех тысячелетий характеризует традиционное китайское мышление и представляет собой своего рода зашифрованную таблицу умножения, известную каждому китайцу с детства и во многом организующую его поведение в различных жизненных ситуациях.

Во-вторых, китайцы до недавнего времени в известной мере держали в секрете от иностранцев существование свода стратагем. И хотя в последние годы они популяризируют стратагемность изданием специальной литературы³⁴ и даже сериями комиксов, в Западной Европе и США такого рода литература отсутствовала. Наконец, Харро фон Зенгер анализирует в своей книге этот феномен китайской национальной культуры на основе глубокого научного исследования, опирающегося на редкостное знание языка и культуры Китая, что позволило широко использовать китайские первоисточники. Все это убеждает читателя в точности содержания раскрытой тайны.

При весьма скупом лингвистическом оформлении (весь свод 36 стратагем включает в себя лишь 138 китайских иероглифов, т.е. одна стратагема записана четырьмя, а иногда тремя иероглифами, составляющими идиоматическое выражение), стратагемы олицетворяют собой квинтэссенцию тысячелетнего опыта народа и дают широкий простор для разнообразных толкований. При этом смысл стратагемы для некитайского читателя обязательно нуждается в пояснении, наглядном примере, иначе тонкие намеки некоторых стратагем-метафор останутся непонятыми.

Из всего свода совершенно неизвестных на Западе 36 китайских стратагем профессор Зенгер для начала взял первые 18 и показал читателю их смысл и происхождение. Стратагемы, составляющие первую половину трактата, вошли в первый том труда Зенгера. Правда, следует оговориться, что такое механическое деление корпуса «Трактата о 36 стратагемах» было довольно условным. Позже профессор Зенгер отмечал, что первоначально он собирался публиковать перевод «36 стратагем» с комментариями, но затем пришел к выводу, что интереснее сделать сравнительное исследование о стратагемах на Востоке и на Западе. Следует отметить, что и такие стратагемы, как «Прекрасная дама» (№ 31) или «Открытые городские ворота» (№ 32), приводимые автором в Прологе, как и каждая из второй половины трактата, по нашему мнению, не менее интересны и поучительны.

Например, Стратагема № 20 подтверждает обоснованность вывода о том, что стратагемы существуют у всех народов. Она носит выразительное название «В мутной воде ловить рыбу». Вспомним, что эта идиоматическая метафора существует практически во всех европейских языках (сравни немецкое: *im trüben fischen*; английское: *fish in troubled waters*). Наконец, вполне «общечеловечески» звучит и уже упоминавшееся название последней, 36-й стратагемы: «В абсолютно безнадежной ситуации лучшая стратагема — спастись бегством».

Иллюстрируя применение анализируемых им стратагем, автор приводит более 250 примеров из военной истории Китая, классических произведений художественной литературы, исторических трактатов разных эпох, а также из современных публикаций. Еще в своей первой статье на эту тему он отмечал, что в период

³³ См.: Зенгер Х. фон. Чжимоу — пинчан хэ фэйчан шикэды цяоци (Стратагемы — хитроумные замыслы в обычное время и чрезвычайные моменты). Шанхай, Жэньминь чубаньшэ, 1990 (на кит. яз.). В том же году вышли в свет голландское и итальянское издания: Senger H. von. *Stratagemen. Listen om te overleven*. Rotterdam, Lemniscaat, 1990; Senger H. von. *Stratagemmi. Vivere e sopravvivere con astuzie vecchie di tremila anni*. Roma, Serra e Riva Editori, 1990; а в декабре 1991 г. в переводе Мирона Га-битца книга была издана в США: Senger H. von. *The Book of Stratagems (Tactics for Triumph and Survival)*. New York, Viking Penguin, 1991. В 1992—1993 гг. «Стратагемы» были изданы в Турции и на испанском языке в Буэнос-Айресе. В январе 1994 г. вышло тайваньское издание.

³⁴ См., например: Сань ши лю цзи синьбянь (36 стратагем в новой редакции). Ред. Ли Линянь. Пекин, Цзефан цзюнь чубаньшэ, 1981 (на кит. яз.).

«культурной революции» в Китае чаще всего использовались такие стратагемы, как: «Извлечь нечто из ничего», «Убить чужим ножом», «Указывая на шелковицу, обвинять акацию». Но при этом Харро фон Зенгер не бросает читателя в океане китайской действительности, а постоянно дает ему твердую почву привычных фактов европейской и американской истории и культуры. Поэтому на страницах книги встречаются имена Вольтера и Ги де Мопассана, Франклина Делано Рузвельта и Ли Харви Освальда, В. И. Ленина и Милована Джиласа, И. В. Сталина и М. Н. Тухачевского и многих, многих других представителей «евроатлантической» и евразийской цивилизаций. Благодаря компаративному характеру исследования усиливается увлекательность в изложении материала. Книга дает многостороннее представление о пока что труднодоступной для понимания европейцев богатейшей духовности китайского народа и своеобразии его психологии.

Познакомившись со стратагемностью, каждый из нас, естественно, начнет припоминать, а не был ли он жертвой какой-либо стратагемы, может быть и не понимая этого. По этому поводу можно сказать, что, например, на межгосударственном уровне отношения нашей страны с Китаем испытали на себе в период 60—70-х годов влияние китайской стратагемности. В начале расхождений с СССР Мао Цзэдун, который блестяще владел стратагемными методами, призывал сосредоточить усилия на Советском Союзе, чтобы ликвидировать социалистический лагерь. Девизом китайской дипломатии стали слова Мао Цзэдуна: «Бей по голове, остальное само развалится». Но ведь это — название стратагемы № 18 из «Трактата о 36 стратагемах». Позже шестая стратагема: «На востоке поднимать шум, на западе нападать» — также была использована китайской внешнеполитической пропагандой, которая приписывала этот хитроумный замысел советскому руководству. Дескать, оно только делает вид, что борется с Китаем, а на деле готовит удар против Запада. Так пекинская дипломатия «загоняла» (любимое выражение Бисмарка) европейских союзников в свой лагерь.

Наконец, возникает вопрос: а создает ли в наше время кто-либо новые стратагемы, или мы как-то ограничены рамками 36 стратагем? Разумеется, попытки создания новых стратагем возможны. Так, еще в «Китайско-английском словаре терминов в области политики, военного дела и культуры», подаренном ему австралийским другом, Харро фон Зенгер обнаружил в дополнение к 36 еще 40 стратагем. Но следует сразу же оговориться, что на пути создателей новых стратагем стоит тот факт, что классические стратагемы могут выступать в каких-то сочетаниях своих элементов или частей, давая варианты. Количество таких вариантов будет равно 236, т.е. около 68 миллиардов. Это меньше, чем количество вариантов в шахматах, но тем не менее достаточно для того, чтобы в известной степени ограничивать создание принципиально новых стратагем. Вместе с тем если не считать с чисто спортивным интересом в попытках стратагемотворчества, то упомянутое количество стратагем и их вариантов вполне достаточно для их использования во всех областях жизни.

В 1994 г. профессор Харро фон Зенгер опубликовал две книги: «Введение в правовую систему Китая» (в Германии) и в Швейцарии — монографию о международном частном и процедурном праве КНР. Административная должность декана факультета, как он признавал, дала ему возможность на практике следить за стратагемностью поведения окружающих и одновременно обсуждать эту проблему со специалистами по различным дисциплинам. После публикации двух упомянутых книг уже прославленный автор взялся за подготовку второго тома «Стратагем», который и увидел свет в 2000 г.³⁵ Теперь читатели, имеют возможность познакомиться с полным изданием труда фон Зенгера.

«Книга не исчерпывает слов, слова не исчерпывают мыслей», — гласит китайская пословица. Это относится и к представляемой читателю книге, автору которой есть что еще рассказать читателям о любимом предмете его научных занятий. При всей значительности вклада, который Харро фон Зенгер вносит в дело взаимопонимания представителей европейской и китайской цивилизаций, он тем не менее признает, что его монография не может во всей полноте охватить все проблемы, материалы и факты той поистине неистощимой научной и литературной сокровищницы, которая именуется Китайские Стратагемы.

* * *

Издание книги Харро фон Зенгера на русском языке имеет свои особенности. Дело в том, что наша страна имеет давнюю китаеведческую традицию, какой не располагают, скажем, не только Турция или государства Латинской Америки, но и США, где были опубликованы переводы зенгеровских «Стратагем». Наши китаеведы успели, если перефразировать известные строки Б. Окуджавы, сорок тысяч разных книжек написать. Русский читатель знаком с фундаментальными трудами академиков В. П. Васильева, В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, С. Л. Тихвинского. В предисловии к первому изданию его книги на русском

³⁵ Senger Harro von. Stratagème. Band II. Die berühmten 36 Strategeme der Chinesen — lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgeestellt, Scherz, 2000.

языке Харро фон Зенгер признал, что В. С. Мясников «может считаться пионером китаеведческих стратагемных исследований на Западе»³⁶.

В русских переводах имеется значительное число произведений китайской классической литературы. Например, широко цитируемый Харро фон Зенгером и наиболее «стратагемный» роман «Троецарствие» выдержал два издания на русском языке. В конце 90-х годов в Иркутске появилось новое русское издание романа «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй». Более того, на рубеже XX и XXI столетий в России начала развиваться и стратагематика. Свидетельством тому является издание выполненного В. В. Малявиным перевода трактата «36 стратагем»³⁷. Одновременно в Петербурге появилась в переводе с английского антология трудов по военной стратегии Древнего Китая³⁸. Продолжая изучать истоки стратагемности, В. В. Малявин представил читателям хрестоматию, содержащую переводы основных трактатов, лежащих в основе стратагематики³⁹. Но постепенно акцент такого рода исследований начал смещаться с зенгеровской формулы «искусство жить и выживать» к парадигме «как жить и властвовать». Именно под таким названием вышла в свет любопытная книга арабиста А. А. Игнатенко⁴⁰. За ней последовала публикация подготовленной Л. С. Васильевым своеобразной хрестоматии по восточным политическим стратагемам⁴¹. Год спустя появилась книга переводов древних китайских трактатов, озаглавленная «Искусство властвовать»⁴². И как бы в продолжение темы была издана «Книга дворцовых интриг», содержащая специально подобранные фрагменты из китайской литературной классики⁴³. Эта тема раскрывалась и на материале других цивилизаций, в частности византийской. Здесь особо следует отметить изданные академиком Г. Г. Литавриным поучения византийского полководца XI века Кекавмена⁴⁴. Многие его идеи близки учению Сунь-цзы, и это подчеркивает правильность универсалистского подхода к стратагемам.

Появились и некоторые издания, которые содержат положения, близкие стратагемам, они созданы как бы по мотивам стратагем, их можно расценить как попытки стратагемотворчества. К таким книгам относятся сочинение одного из представителей советских спецслужб А. И. Воеводина⁴⁵ и переведенный с английского солидный фолиант «48 законов власти» Р. Грина⁴⁶. Автор подчеркивает, что в Италии в художественной школе Фабриса ему открылась «непреодолимая актуальность Макиавелли»⁴⁷. При этом он отмечает, что источниками для его труда послужили документы, созданные «цивилизациями далекими и несопоставимыми, такими, как Древний Китай и Италия эпохи Возрождения»⁴⁸.

³⁶ Зенгер Харро фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. Перев. с немецкого А. В. Дыбо. Общая редакция, вступ. статья и комментарии В. С. Мясникова. М., Прогресс, Культура. 1995. С. 19.

³⁷ Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха. Перев. с кит. В. В. Малявина. М., 1998.

³⁸ У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., Евразия. 1998.

³⁹ Китайская наука стратегии. Составитель В. В. Малявин. М., Белые альвы, 1999.

⁴⁰ Игнатенко А. А. Как жить и властвовать. Секреты успеха, добытые в старинных арабских назиданиях правителям. М., Прогресс, Культура, 1994.

⁴¹ Политическая интрига на Востоке. Отв. ред. Л. С. Васильев. М., 2000.

⁴² Искусство властвовать. Ди Гоу (XI в.) План обогащения государства. План усиления армии. План успокоения народа. Перев. З. Г. Лапиной. Лю Шао (III в.). О человеческом существе. Перев. Г. В. Зиновьева. М., 2001.

⁴³ Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае. Под общ. ред. Д. Н. Воскресенского. М., 2002.

⁴⁴ Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. Изд. 2-е, перераб. и доп. Подготовка текста, введение, перевод с греческого и комментарий Г. Г. Литаврина. СПб., Алетей, 2003.

⁴⁵ Воеводин А. И. Стратагемы. Стратегии войны, манипуляции, обмана. Изд. 2-е. доп. М, Белые альвы, 2002.

⁴⁶ Грин Р. 48 законов власти. М., 2003.

⁴⁷ Там же. С. 5.

⁴⁸ Там же. С. 29.

Следует заметить, что наряду с интересом к восточным школам стратегий в нашей стране наметился и устойчивый спрос на труды Н. Макиавелли и его последователей. Упомянем здесь лишь несколько последних изданий, таких, как «Этика Макиавелли»⁴⁹, «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. Статьи, суждения, библиография»⁵⁰, и, наконец, изданные в одном томе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь» самого Н. Макиавелли⁵¹. И все же китайские «Стратагемы» занимают приоритетное место у читающей публики, а открытие их как важнейшего компонента китайской политической мысли и общественного сознания, как секретного оружия Востока, признано одним из серьезных достижений академической востоковедной науки в нашей стране⁵². Таким образом, наша читательская аудитория лучше подготовлена к знакомству со «Стратагемами» Харро фон Зенгера при их полном издании, чем в то время, когда ей был предоставлен только их первый том.

Учитывая это, при подготовке рукописи первого тома мы стремились дать адекватные уже имеющимся русским переводам названия, имена собственные, понятия. При этом, стараясь избежать двойного перевода, т.е. с китайского на немецкий, а затем с немецкого на русский (еще академик В. М. Алексеев показал несостоятельность попыток переводить русскую литературу на китайский язык не с оригиналов, а с английских и немецких переводов), использовали готовые фрагменты из уже имеющихся русских изданий. Во всех случаях это оговорено в комментариях. Тот же метод был применен и для передачи довольно многочисленных цитат из трудов Мао Цзэдуна. Мы отсылаем читателя именно к сделанному в Китае официальному переводу на русский язык сочинений Мао Цзэдуна. И, наконец, чтобы читателю было легче ориентироваться, мы применяли уже ставшие привычными названия литературных произведений. Например, роман «Шуи ху чжуань» имеет адекватное русское название «Речные заводы», поэтому мы сочли возможным отказаться от используемого Х. Зенгером немецкого названия «Разбойники с Ляншаньских болот»⁵³.

Редактирование первого тома «Стратагем» было выполнено Светланой Даниловной Марковой. Перевод второго тома и его комментирование сделал Александр Гарькавый, который также придерживался упомянутых выше принципов использования готовых фрагментов из русских переводов китайской классики. Так, например, отрывки из «Бесед и суждений Конфуция» даются по работе А. С. Мартынова⁵⁴, а «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы цитируется в переводе академика Н. И. Конрада, даже когда отсылка идет к хрестоматии В. В. Малявина⁵⁵.

Выход в свет первого тома в 1995 г. стал заметным явлением. В журналах и газетах появились положительные отклики. Читающая публика говорила, что книга захватывает, как «Тысяча и одна ночь». Тираж разошелся очень быстро, и книга стала большой редкостью. На встречах с читателями и в письмах, приходивших в мой адрес, чаще всего задавался вопрос: «Когда же будет опубликовано продолжение?» Ну, что же, теперь мы по праву можем сказать, что терпение читателей вознаграждено. Будем надеяться, что долгожданный двухтомник «Стратагем» будет столь же долговечным в использовании, как и описываемые в нем приемы межличностного общения.

В. С. МЯСНИКОВ

К русскому читателю

Китайская цивилизация является одновременно и китайской и общечеловеческой, ибо китайцы, являясь китайцами, в то же время суть просто человеческие существа. Одна из выдающихся отраслей

⁴⁹ Юсим М. А. Этика Макиавелли. Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1990.

⁵⁰ Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. Статьи, суждения, библиография. Под общ. ред. П. Баренбойма. М., 2001.

⁵¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.

⁵² См. Губарев В. С. Фантастика в чертежах. Судьба науки и ученых в России. М., 2003. С. 377 - 391.

⁵³ Перевод названия этого романа, например, на английский язык звучит как «All Men Are Brothers» — «Все люди братья».

⁵⁴ Мартынов А. С. Конфуцианство. Лунь юй. Перевод А. С. Мартынова. Т. 1-2. СПб., 2001.

⁵⁵ Китайская наука стратегии. Составитель В. В. Малявин. М., 1999.

китаеведческих исследований (которую можно было бы назвать «китаеведческие исследования, объясняющие Китай») сосредоточивает свое внимание на типично китайских чертах китайцев, т. е. на том, что считается специфически характерным для Китая. Этот тип китаеведческих исследований нацелен на то, чтобы мы поняли Китай. Я же в этой книге подчеркиваю другой аспект китаеведения: существуют китаеведческие исследования, придающие особое значение тем аспектам китайской культуры, которые являются частью культуры всего человечества; китаеведение служит не только для изучения китайского народа, но и для лучшего понимания рода человеческого в целом. «Воспринимающее китаеведение» ставит своей целью определить приемлемые для остального человечества разделы китайской культуры и знаний, с тем чтобы перенести их в наши страны, и таким образом мы могли бы заполнить пробелы в нашей цивилизации и обогатить наши знания.

Такой подход может быть очень успешно проиллюстрирован изучением китайских стратагем. Стратагемы, т. е. *неортодоксальные* пути к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей, представляются общечеловеческим феноменом. Однако, в связи с некоторыми культурными и религиозными условиями, на Западе почти отсутствуют исследования по этой теме. Понимание стратагемности на Западе развито слабо. Представители Запада — до определенной степени — поражены «стратагемной слепотой», хотя в своей повседневной жизни они постоянно являются жертвами стратагем и часто сами применяют их в зависимости от ситуации, иными словами, без всякой теории и без подлинного предварительного расчета.

С другой стороны, в Китае никогда не налагалось табу на хитроумные планы до такой степени, как это делалось на Западе. Там традиционно существовала большая, чем на Западе, свобода в этой области. Китай, по-видимому, является единственным местом в мире, где стратагемы когда-либо были распределены по категориям и получили собственные названия (в форме каталога 36 стратагем). Основное намерение автора этой книги — показать возможность универсального применения китайской стратагемности (учения о хитроумных планах) на любом поприще и в любой стране для исследовательских и практических целей. То, что это намерение уже приносит плоды, подтверждает книга «Хитроумный Иисус», написанная швейцарским протестантским священником, который использовал 36 китайских стратагем для раскрытия хитроумия Иисуса⁵⁶. Пусть русское издание «Стратагем» вдохновит исследование таких проблем, как «хитроумные замыслы в политике», «стратагемная социология», «психология коварных замыслов», «мотив лукавства в литературе», «философия хитрости».

Первым западным деятелем, который когда-либо упомянул, применительно к Китаю, термин «стратагема», был русский дипломат начала XVIII в.⁵⁷ Это — открытие моего дорогого коллеги профессора В.С. Мясникова, кто, таким образом, может считаться пионером китаеведческих стратагемных исследований на Западе. Поэтому я особенно горд и глубоко благодарен профессору В.С. Мясникову за его огромные усилия, направленные на выход в свет русского издания этой книги.

Эта книга стремится преподавать Китайское Искусство Хитроумия, но в основе ее лежит дух высказывания китайского мыслителя Хун Цичэна: «Сердце, которое хочет нанести вред другим, не подлежит прощению, но сердце, заботящееся о других, совершенно необходимо». Я хочу, чтобы эта книга помогла русским читателям быть «простыми, как голуби», но в то же время «мудрыми, как змии» (Иисус)⁵⁸.

ХАРРО ФОН ЗЕНГЕР, Фрейбург, апрель 1993

Пролог

Стратагема открытых городских ворот

Советник Кун Мин, прозванный также Чжугэ Ляном⁵⁹, был послан с 5000 солдат в Сичэн, чтобы перевезти

⁵⁶ См.: Mauch U. Der Listige Jesus. Theologischer Verlag, Zürich, 1992.

⁵⁷ Речь идет о выдающемся русском дипломате С. Л. Владиславиче-Рагузинском, который в 1727 г. писал о китайских сановниках: «И сию вторую *стратагему* они чинили, чем бы меня обмануть» (АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, 1727, д. № 9, л. 10) (В. М.).

⁵⁸ Выражение из Евангелия (Матф., 10, 16). Обращаясь к апостолам, Иисус сказал: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (В. М.).

⁵⁹ Чжугэ Лян — полководец эпохи Троецарствия (192—265 н. э.). Это был период падения Ханьской

находившиеся там припасы в Ханьчжун. Там к нему вдруг начали прибывать один за другим более десятка гонцов, скакавших во весь опор. Они сообщили, что вражеский военачальник Сыма И⁶⁰ из государства Вэй вступает в Сичэн с подобным осеннему рою войском в 150 000 человек. К этому времени при советнике Кун Мине не было уже ни одного военачальника, лишь штаб из штатских чиновников. Из 5000 солдат половина уже отбыла из Сичэна вместе с припасами. В городе оставалось не более 2500 солдат. Когда чиновники услышали это известие, лица их побледнели от ужаса. Советник Кун Мин поднялся на городскую стену и обозрел окрестности. И вправду, у горизонта небо было закрыто клубами пыли. Огромное войско вражеского военачальника Сыма И приближалось. Советник Кун Мин приказал:

— Снимите и спрячьте флаги и знамена с городской стены! Каждый воин пусть находится на своем посту! Сохраняйте тишину; ослушник, подавший голос, будет обезглавлен. Все четверо городских ворот распахнуть настежь! Пусть у каждого ворот подметают улицу двадцать солдат, переодетых горожанами. Когда подойдет войско Сыма И, пусть никто не действует самовольно. У меня есть для этого случая стратагема [цзи].

Затем Кун Мин накинул плащ из журавлиных перьев⁶¹, надел коническую шелковую шапку и отправился на городскую стену в сопровождении двух оруженосцев, захватив с собой цитру с гнутой декой, и там уселся прямо на парапет одной из наблюдательных башен. Возжегши курение, он начал играть на цитре.

Между тем разведчики авангарда генерала Сыма И достигли городской стены и увидели все это. Никто из разведчиков не решился пройти дальше. Спешно вернулись они к Сыма И и сообщили об увиденном. Сыма И недоверчиво рассмеялся. Затем он приказал войскам остановиться. Сам он поехал вперед на быстрой лошади, чтобы издали посмотреть на город. И впрямь, там он увидел советника Кун Мина, который сидел на сторожевой башне городской стены с радостной улыбкой на лице и играл на цитре с гнутой декой среди дымков от курящихся благовоний. Слева от него стоял оруженосец, который обеими руками держал

империи и жестоких междоусобиц в Китае. С 192 г. борьбу за власть вели три главных претендента — военачальники Цао Цао, Лю Бэй и Сунь Цюань. Цао Цао назвал свои владения царством Вэй со столицей в г. Лоян. Обширные земли современных провинций Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, частично Шэньси, Ганьсу, Хэнань, Цзянсу, Хубэй, Ань-хой составляли территорию царства Вэй, которое захватывало и часть Южной Маньчжурии и Северной Кореи. Цао Пэй, сын и преемник Цао Цао на престоле Вэйского царства, в 220 г. низложил последнего императора династии Поздняя Хань. Эта дата считается иногда началом Троецарствия. Однако на деле три фактически независимых района страны появились в 192 г.

Сунь Цюань дал своим владениям название царство У. Оно располагалось в южной и юго-западной частях страны, занимая территории пров. Хунань, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Гуанси, а также южные части пров. Аньхой, Хубэй и Цзянсу. Столицей являлся г. Нанкин, называвшийся тогда Цзянье. Лю Бэй овладел западом Китая, т. е. территориями нынешних пров. Сычуань, частично Шэньси, Хубэй, Гуйчжоу и Юньнань. Нынешняя столица Сычуани г. Чэнду служил столичным городом и этому царству, называвшемуся Шу-Хань.

Чжугэ Лян, первоначальное имя которого было Кун Мин, был выходцем из г. Яньду. Затем, спасаясь от бедствий, он бежал в г. Цзиньчжоу, где сам обрабатывал землю. Он стал сподвижником Лю Бэя и выдающимся стратегом царства Шу-Хань.

⁶⁰ Сыма И был командующим на службе у Цао Цао. В 263 г. царство Вэй разгромило Шу-Хань. Внук Сыма И — Сыма Янь — в 265 г. низложил потомка Цао Цао, третьего вэйского правителя и, провозгласив себя императором, дал своей империи название Цзинь. Покончив в 280 г. и с царством У, он восстановил единство Китая.

⁶¹ Реальные исторические персонажи периода Троецарствия превратились со временем в действующих лиц китайского героического эпоса; наиболее значительным произведением этого жанра был написанный в XIV в. роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие». Творчество Ло Гуаньчжуна протекало в период, когда в Китае заканчивалось правление чужеземной монгольской династии Юань. Верхи и низы общества были единодушны в стремлении восстановить правление национальной китайской династии. Поэтому не случайно Чжугэ Лян и Сыма И — борцы за объединение Китая — были возведены в ранг национальных героев, а один из военачальников той эпохи, Гуань Юй, был канонизирован в качестве «бога войны» — Гуань-ди.

Чжугэ Лян, в свою очередь, был наделен выдающейся конфуцианской мудростью и способностями даосского мага. Его накидка из журавлиных перьев вызывала в народном представлении ассоциации с бессмертными даосскими святыми, поднимающимися в небеса на журавлях.

драгоценный меч, справа — оруженосец с волосяным опахалом.

В проходе городских ворот и перед ними виднелось около двадцати простолодинов, которые с опущенными головами невозмутимо подметали дорогу. Когда Сыма И разглядел все это, он пришел в сильное смущение. Он вернулся к своему войску, приказал авангарду и арьергарду поменяться местами и повернул на север, в направлении лежащих там гор. Его второй сын, Сыма Чжао, по дороге проговорил:

— Наверняка у Чжугэ Ляна не было воинов, потому он и разыграл эту сцену. Отец, почему вы отвели войско?

Сыма И отвечал:

— Чжугэ Лян известен своей предусмотрительностью и осторожностью. Еще никогда он не предпринимал ничего рискованного. Сегодня ворота города были широко открыты. Это определенно указывает на подвох. Если бы мои войска вступили в город, они, конечно, пали бы жертвой стратагема. Предпочтительно было побыстрее отступить.

И все войско Сыма И ушло. Кун Мин увидел, как вражеские отряды исчезают вдаль. Он рассмеялся и захопал в ладоши. Все чиновники, бывшие с ним, были озадачены. Они спросили Кун Мина:

— Сыма И — знаменитый военачальник государства Вэй. Сегодня он привел сюда 150 000 отборных воинов, увидел вас, советника Шу-Хань, и поспешно отступил. По какой причине?

Кун Мин отвечал:

— Этот человек исходил из того, что я стараюсь вести себя предусмотрительно и осторожно и никогда не рискую. Увидев такую картину, он решил, что у меня множество воинов сидит в засаде. Поэтому он отступил. Вообще меня смущают отчаянные предприятия, но сегодня я искал спасения в таких действиях, так как не имел выбора.

Все чиновники в изумлении склонили головы и воскликнули:

— Стратагему советника не удалось бы разгадать даже привидению! Если бы не он, мы должны были бы просто сдать город и спастись бегством!

Кун Мин сказал:

— У меня ведь было только 2500 воинов. Если бы мы оставили город и бежали, конечно, далеко бы мы не ушли. Сыма И взял бы нас в плен.

В позднейшие времена было написано стихотворение, восхвалявшее это деяние:

«Цитра с гнутой декой, украшенная нефритом, длиною в три фута победила отборное войско, когда Чжугэ Лян в Сичэне повернул врагов вспять. Поныне местные жители показывают это место. Там 150 000 человек повернули коней»⁶².

⁶² Этот эпизод считается классической иллюстрацией к тому положению «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы, которое гласило, что полководец должен быть «хозяином» войны. «У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать», — учил Сунь-цзы. Как сбить нападающего с толку неожиданностью своих действий, разрушить этим его планы — вот что демонстрирует Чжугэ Лян (см.: Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М, 1977. С. 123-125).

Литературная версия этой стратагема изложена в романе «Троецарствие» (см.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1954. Т. 2. С. 439—449. На заставке тома читатель может увидеть и портрет Чжугэ Ляна). Сокращенное издание романа было опубликовано в 1984 г., в нем также имеется этот эпизод (см.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1984). В том и другом изданиях перевод выполнен В. Панасюком.

Приводимое здесь стихотворение имеется в русском издании 1954 г. Оно звучит следующим образом (с. 449):

*Яшмовый цинь длиною в три чи храбрейшее войско рассеял.
Так Чжугэ Лян заставил врага с позором уйти от Сичэна.*

Приобретение наложницы путем измерения земли

Один юноша, не достигший еще совершеннолетия, но весьма смысленный, рано лишился обоих родителей и жил под опекой своего дяди. Однажды юноша заметил, что у дяди очень обеспокоенный вид. Он стал расспрашивать о причинах этого. Дядя отвечал, что тревожится о том, что у него нет сына. Чтобы позаботиться о мужском потомстве, следовало бы взять в дом наложницу, но этого не хочет его супруга. Потому он и озабочен.

Юноша немного подумал, а затем сказал:

— Дядя, не печалься более. Я вижу способ добиться от тети согласия.

— Вряд ли у тебя что-нибудь получится, — недоверчиво проговорил дядя.

На следующий день с утра юноша взял портновскую линейку и стал мерить ею землю, начиная от двери дядиного дома, и занимался этим так упорно, что тетка выглянула из дома.

— Что это ты тут делаешь? — спросила она.

— Я обмеряю участок, — хладнокровно отвечал юноша и продолжал свое занятие.

— Что? Обмеряешь участок? — воскликнула тетка. — Что это ты волнуешься о нашем добре?

На это юноша с самоуверенной миной пояснил: — Тетушка, это же само собой разумеется. Я готовлюсь к будущему. Вы с дядей уже не молоды, а сыновей у вас нет. Поэтому, конечно, ваш дом останется мне, вот я и хочу его обмерить, потому что собираюсь впоследствии перестраивать.

Тетка, раздраженная и разгневанная, не смогла ни слова вымолвить. Она побежала в дом, разбудила мужа и начала умолять его, чтобы он как можно скорее взял наложницу.

Введение (том 1)

Как было найдено слово

«А что это такое — стратагема?» — спросил меня недавно один университетский профессор, когда я однажды упомянул в разговоре 36 китайских стратагем.

Начиная свой синологический доклад о 36 китайских стратагемах, прочитанный перед слушателями всех факультетов Цюрихского университета, я прежде всего поставил перед аудиторией вопрос: «Кто знает слово «стратагема»?» И в заполненном зале поднял руку лишь один слушатель, причем пожилого возраста.

Слово «стратагема» восходит к древнегреческому *strategema*, что означает военное дело вообще и в частности военную хитрость. Римский государственный деятель Секст Юлий Фронтин (до 103 н. э.) избрал для своего трактата название *strategemata* (множественное число от *strategema*). Этот почти двухтысячелетний трактат вышел в немецком переводе под заголовком «Военные хитрости» (*Kriegslisten*. Berlin-DDR, 1963; 3-е изд. 1987). В последний раз перед этим книга переводилась на немецкий в 1792 г., последнее английское издание относится к 1925 г. (имеются позднейшие переиздания). Кажется, что слово «стратагема» в английском языке куда более употребительно, чем в немецком; в *The Oxford English Dictionary*, Vol. X, Oxford, 1933, ему дается следующее толкование:

1.a. An operation or act of generalship; usually, an artifice or trick designed to outwit or surprise the enemy. (Военная операция или прием, обычно хитрость или уловка, предназначенная, чтобы ввести в заблуждение или заставить врасплох врага.)

1.b. In generalized sense: Military artifice. (В обобщенном смысле: военная хитрость.)

2.a. Any artifice or trick; a device or scheme for obtaining an advantage. (Любая хитрость или уловка; прием или интрига с целью достигнуть преимущества.)

*Тысячи всадников в страхе большом коней повернули обратно.
Слушая сказ об этих делах, дивишься тому неизменно.*

2.b. In generalized sence: Skill in devising expedients; artifice, cunning. (В обобщенном смысле: изобретательность в поисках выхода; хитрость, изворотливость.)

Это слово, которое даже в «Немецком словаре» Я. и В. Гриммов (том 19 по переизданию 1984 г.) толкуется не более исчерпывающим образом, в пределах англосаксонского мира встречается не только в заглавиях книг по военному делу (см., например: Whaley V. *Stratagem — Deception and Surprise in War*. Cambridge, Massachusetts, Center for International Studies, 1969, или Bailey F.G. *Stratagems and Spoils: A Social Antropology of Politics*, Oxford, 1985), но и, скажем, в книгах психологической ориентации, как в работе А. Х. Чэпмена «Put-offs and Come-ons». New York, 1968 (немецкий перевод — Берн, 1969, под заголовком «Приемы против ближних»). В 1970 г. в Национальном театре в Лондоне шла пятиактная комедия «The Beaux' Stratagem», принадлежащая перу драматурга Жоржа Фаркуара (1678—1707). «Литературно-энциклопедический словарь» Киндлера (Цюрих, 1965) переводит заглавие, опуская слово «стратагема», как «Военная хитрость щеголя», хотя в ней идет речь всего лишь о брачной афере. Итак, мне представляется, что в английском и французском языках слово *stratagem/stratageme* определенно прижилось. Еще один пример: в «Записках туенядца» (3-е изд. Цюрих, 1984) Ж.Р. фон Салис выводит на с. 304 некоего «человека, притворяющегося слепым», который, «наблюдая доверчивых окружающих из этого самодельного убежища, видит все людские уловки». Во французском издании (*Parler au Papier*. Lausanne, 1984) эта фраза выглядит как «qui se fait passer pour aveugle et qui, grâce à ce stratagème, observe son entourage...»⁶³. Таким образом, и во французском тексте употребляется слово «стратагема», отсутствующее в немецком. Имеется, однако, и обратный пример пренебрежения феноменом стратагема на немецкоязычном Западе: издатели монументальной «Новой Британской Энциклопедии» (30 т., 15-е изд. — 1981) не обнаружили в мире ни одной стратагема. Напротив, «Grand Larousse encyclopédique» (10 т. Париж, 1964) не пропустил словарной статьи «Stratagème».

В немецкоязычном мире слово *Strategem* влечит жалкое существование Золушки и употребляется в редчайших случаях — например, у Х. Г. Бека: «И стратагема, военные хитрости, которыми человек обеспечивает себе выживание, вернее, чем дерзость и мужество» (*Byzantinisches Eroticon*. München, 1986. S. 182). Напрасно будет читатель разыскивать это слово в компактном издании «Большого Брокгауза» (26 т., 1984), или в *Meuers Neue Lexicon* (8 т., 1980), или в «Орфографическом словаре» Дудена (1980). Однако оно имеется в «Словаре иностранных слов» Дудена с толкованием «военная хитрость, прием, уловка», в «Немецком словаре» Варига с толкованием «военная хитрость, обман врага». Изредка оно встречается также в научных работах; например, у Шопенгауэра в «Эристической диалектике» перечисляется 36 риторических стратагем, или приемов. Но в повседневной речи, в общепринятом научном словаре, в беллетристике и языке средств массовой информации слово «стратагема» практически отсутствует.

Совершенно иначе обстоит дело в Китае. И в произведениях древнекитайской литературы, относящихся к периоду «Весны и Осени» (VIII—IV вв. до н. э.) или к периоду «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.)⁶⁴, и в современной китайской литературе и периодике, и в докладах Мао Цзэдуна взгляд то и дело останавливается на иероглифах:

着 современное чтение — *чжао*

⁶³ Который притворяется слепым и который, благодаря этой стратагеме, наблюдает окружающих (фр.).

⁶⁴ Термин «Весна и Осень» (по-китайски «Чунь-цю») употребляется в двух значениях. Во-первых, так названа пятая книга конфуцианского пятикнижия, содержащая летопись княжества Лу; во-вторых, такое название носит исторический период 722—481 гг. до н. э. В те времена страна распалась на множество самостоятельных владений, а власть правившей династии Чжоу (XI—III вв. до н. э.) была лишь номинальной.

Однако постепенно к периоду «Сражающихся царств» («Чжань-го»), который охватывал 403—221 гг. до н. э., главными на исторической арене остались семь царств: Чу, Цинь, Чжао, Ци, Вэй, Янь и Хань. Исторические хроники этого периода носят название «Чжаньго цэ» — «Планы «Сражающихся царств». Но иероглиф «цэ» имеет значение и «план», и «стратегия». Поэтому речь идет о дипломатических и военных стратагемах, использовавшихся в тот период в борьбе между древнекитайскими царствами. Именно это содержание источника и раскрывалось исследователями (см.: Васильев К. В. *Планы Сражающихся царств*. М., 1968; Crump J.L., Jr. *Intrigues. Studies of the Chan-kuo Ts'e*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 1964. Дж. Крамп сделал и полный перевод этой хроники, см.: *Chan-kuo Ts'e. Translated by J. I. Crump*, Jr. Clarendon Press, Oxford, 1970).

謀 современное чтение — *моу*

笑 современное чтение — *цэ*

и в особенности

計 современное чтение — *цзи*

Истолкуем, например, иероглиф 計

Он состоит из двух частей:

言 современное чтение — *янь* «считать»⁶⁵

十 современное чтение — *ши* «десять»

и, таким образом, обозначает «считать до десяти», или вообще «считать, учитывать, рассчитывать», а как существительное — «расчет, план». В зависимости от контекста китайские иероглифы могут выступать в различных значениях. Это касается и слова «цзи», и других, приведенных выше. Нас в них интересуют выступающие в определенных типах текстов два значения: 1) военная хитрость и 2) хитрость, уловка в политической и частной жизни. Именно этим двум значениям и соответствует в западных языках слово «стратагема». Так, в вышедших в Пекине в 1970 и 1978 гг. китайско-английских словарях объемом 20 тыс. слов выражение 三十六計 («саньшилю цзи»), используемое в основном в текстах политической и военной тематики, переводится как «36 стратагем». Я предпочитаю слово «стратагема» слову «хитрость», поскольку у слова «стратагема» отсутствует свойственный слову «хитрость» отрицательный оттенок значения. «Хитрость» (нем. List), как указано в «Этимологическом словаре немецкого языка» Ф. Клюге, производится от германского list — «знать», которое древнее других слов, обозначающих знание. Оно относилось к области воинского искусства (военные хитрости), кузнечного ремесла и культово-магической деятельности, которая христианством была запрещена как колдовская. С этих пор слово list употребляется с оттенком осуждения, а вновь возникающий мир идей обращается к «искусству» (Kunst), «мудрости» (Weisheit), «науке» (Wissenschaft). Приведенные выше китайские иероглифы — как и слово List («хитрость») в древние времена — употребляются вполне нейтрально, а то и в положительном смысле. Отметим, что китайский иероглиф с чтением «чжи», который переводится в большинстве западных словарей как «мудрость», «знание» и под., в китайских текстах — как в древних, так и в новых — употребляется в основном в значении «хитрость» или же — нейтрально — «стратагема».

Тридцать шесть стратагем почтенного господина Тана

Первую ссылку на «Тридцать шесть стратагем» находим в «Истории династии Южная Ци» («Нань Ци шу»). Династия Южная Ци правила в 479—502 гг. История династии Южная Ци была составлена Сяо Цзысянем (489—537). Эта хроника содержит биографию государственного деятеля Ван Цзинцзэ. Герой биографии однажды упоминает «тридцать шесть стратагем (саньшилю цэ) почтенного господина Тана».

Под «господином Таном» подразумевается знаменитый военачальник Тан Даоци (до 436 до н. э.), состоявший на службе династии Южная Сун (420 — 479). «Жизнеописание Тан Даоци» содержится в XV томе «Истории южных династий» («Нань ши»). Там присутствует следующий эпизод:

«Во главе войска Тан Даоци двинулся на север и пробился к реке Ци. Он окружил большие силы государства Вэй и взял Хуа-тай. Больше тридцати сражений дал он войску Вэй и большинство их выиграл. Когда его войско достигло Личэна, прекратился подвоз продовольствия, и он повернул назад. От перебежчиков врагу стало известно о нехватке провианта в сунской армии и о происходящем от этого недовольстве и упадке боевого духа. Тогда однажды ночью Тан Даоци приказал своим воинам взвешивать песок, громко выкрикивать получившийся вес, а потом просыпать вокруг немногий еще оставшийся у них рис. На рассвете войска Вэй поверили, что у армии Тан Даоци еще достаточно запасов риса, и прекратили

⁶⁵ Основное значение иероглифа янь — «речь», «слово». Значения «считать» не дают ни китайские, ни европейские словари (В. М.).

преследование. Перебежчиков они сочли лжецами и отрубили им головы. Но среди войск Тан Даоци, которые были значительно малочисленнее вражеских, а теперь были совершенно изнурены, разразилась паника. Тогда Тан Даоци приказал воинам надеть вооружение. Сам он на боевой колеснице медленно объехал свой лагерь. Когда войска Вэй увидели это, они испугались засады, не решились приблизиться и отступили. Хотя Тан Даоци не удалось завладеть областью Желтой реки, он привел на родину войско целым и невредимым. Оттого повсюду разошлась слава о его героизме, и государство Вэй трепетало перед ним».

Эта история показывает, как благодаря использованию различных стратагем Тан Даоци удалось уберечь войско от уничтожения. Но был ли в его распоряжении набор из 36 стратагем — об этом полуторатысячелетняя «История династии Южная Ци» умалчивает. Да и вряд ли имелись в виду какие-то конкретные 36 стратагем: китайцы с древних пор питают слабость к численным метафорам, в частности с числом 36, и не всегда используют числительные в буквальном смысле, так что Ван Цзинцэ вполне мог подразумевать просто «многочисленные стратагемы» — как в современном французском разговорном языке выражение *trente-six* (36) означает неопределенно большое число.

Число 36 в словосочетании «36 стратагем» старейшего дошедшего до нас трактата о стратагемах (о котором подробнее см. ниже) обосновывается ссылкой на «И цзин» («Книгу перемен»)⁶⁶ — гадательную книгу, основное содержание которой может быть датировано X—VIII вв. до н. э. Главная идея «Книги перемен», этого одного из известнейших древнекитайских сочинений, согласно древнейшему (середина I тысячелетия до н. э.) комментарию, — дуализм Инь и Ян, двух противоположных сил, из которых Ян представляет (в частности) солнечную сторону, а Инь — тeneвую. Но Инь означает также «хитрость», и по «Книге перемен» ее число — 6. Исходя из этого, число 36 является квадратом элементов Инь и, таким образом, вызывает представление о великом множестве хитростей.

В «Книге перемен» нет, однако, списка 36 стратагем, хотя определенные «стратагемные» типы поведения намечаются. Нет этого списка и в цитированной выше «Истории династии Южная Ци» или в любой другой из 24 историй китайских династий. До последнего времени считалось, что впервые 36 стратагем были сведены в хитроумной таблице, известной под названием «Хунмынь чжэсюэ» («Философия Хунмынь»), принадлежащей тайному обществу Хунмынь, основанному около 1074 г. Общество Хунмынь преследовало цель освобождения из-под власти чужеземной маньчжурской династии (1644—1911) и восстановления коренной династии Мин (1368—1644). Составленный им список 36 стратагем может рассматриваться как прообраз бытующих ныне версий 36 стратагем. Но в 1941 г. был обнаружен более ранний источник — «Трактат о 36 стратагемах», относимый к концу династии Мин.

Тысячелетняя кристаллизация

Толковавшееся выше слово «цзи», которое мы будем здесь переводить как «стратагема», в этом значении фигурирует уже в древнейшем в мире руководстве по военному делу — в трактате о воинском искусстве Сунь У (Сунь-цзы)⁶⁷, современника Конфуция (551—479 до н. э.), непосредственно в заголовке первой главы. В этой главе воинское искусство определяется как искусство введения в заблуждение. В третьей главе, название которой английский синолог Л. Джайлс переводит как «Attack by Stratagem» («Нападение посредством стратагемы»), провозглашается: «Лучше всего победить вражеское войско, не применяя оружия».

Для Сунь-цзы победа в битве стоит лишь на третьей ступени по шкале воинского искусства. Второе место

⁶⁶ «И цзин» (другое название «Чжоу и») — «Книга перемен», или «Канон перемен» — замечательный памятник древнекитайской философской и религиозной мысли. В духовной жизни восточноазиатского цивилизационного комплекса «И цзин» играл особую роль, сравнимую лишь со значением Библии для христианской культуры. Выдающийся вклад в перевод и изучение «И цзина» был сделан петербургским востоковедом Ю. К. Щуцким (1897—1938), трагически погибшим в годы необоснованных репрессий. В 1960 г. труд Ю. К. Щуцкого удалось издать небольшим тиражом под редакцией Н. И. Конрада. В 1993 г. вышло новое издание труда Ю. К. Щуцкого (см.: Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен», 2-е изд., исправленное и дополненное. Под ред. А. И. Кобзева. М., 1993).

⁶⁷ «Трактат о военном искусстве» долгое время считался произведением древнекитайского полководца Сунь У, который жил в царстве У в период «Весны и Осени». В настоящее время ряд исследователей считают, что авторство трактата принадлежит другому выдающемуся стратегу Древнего Китая, полководцу Сунь Биню. Сунь Бинь в период «Сражающихся царств» находился на службе в царстве Ци (см.: Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 201).

он отдает победе дипломатическими средствами, а первое — победе с помощью стратагемы. Насколько большое место уделяет Сунь-цзы военной хитрости как косвенному стратегическому методу, показал А. А. Штахель в своем докладе «Клаузевиц и Сунь-цзы: две стратегии».

Трактат Сунь-цзы, внимание к которому привлекли Шиюнь в работе «Сунь-цзы бинфа юй цзе гуаньли» (Воинское искусство Сунь-цзы и руководство производством. Нанкин, 1984), вошел в число 20 книг, представляющих китайскую культуру, по «Шэкэ синь шуму» (Каталог новых изданий по общественным наукам. Пекин, 1985. № 139. 30 августа). Из созданных до нашей эры произведений в тот же список входят «Хань Фэй-цзы»⁶⁸, «Исторические записки» Сыма Цяня⁶⁹ и далее роман «Сон в Красном тереме» (XVIII в.)⁷⁰. Таким образом, в Китае стратагемы с древнейших времен играют важную роль. В течение столетий вновь и вновь возникали идиоматические выражения, образные, метафорические обороты речи для стратагем различного рода. Эти обороты оттачивались народным сознанием и создавались авторами сочинений по военной теории, философии, истории и литературе. Под «стратагемными» метафорами скрываются выражения, относящиеся к историческим событиям, отстоящим от нас на 2000 лет, и к народным преданиям, повествующим об обстоятельствах, в которых применялась та или иная стратагема. И собрание 36 стратагем с лингвистической точки зрения представляет собой список из 36 речевых оборотов.

Полный список 36 стратагем состоит всего из 138 китайских иероглифов. 138 поделить на 36 будет 4, итак, лишь по 4 иероглифа на каждую стратагему. Таким образом, языковой материал для отдельной стратагемы весьма ограничен. Зато эта языковая скупость представляет большое место для многообразных изложений и толкований. Да, изложения и толкования здесь необходимы. Потому что прямое значение стратагемы, данное в обособленных метафорах, без разъяснения и примера, осталось бы непонятным.

До последнего времени собрание 36 стратагем в целом оставалось в Китае в некотором роде тайным знанием. Отсюда, однако, не следует, что большинство китайцев не было знакомо с отдельными оборотами из этого списка с малых лет. Большую популярность стратагем следует возводить прежде всего к китайской народной литературе. Известные практически каждому китайцу классические новеллы часто представляют собой истории о стратагемах. Первое место тут занимает исторический роман «Сань го янь-и» («Троецарствие»). К нему можно относиться как к учебнику стратагем. В нем описывается масса военных хитростей и даются все подробности их планирования и выполнения. Правду говорит старая китайская поговорка: «Кто прочитал повесть о трех царствах, тот умеет применять стратагемы». К тому же и современные средства массовой информации продолжают заботиться о том, чтобы стратагемы не пришли в забвение, вставляют их во внутривластные репортажи и комментарии к антинародным действиям определенных функционеров или во внешнеполитический анализ событий, осуждаемых Китаем. Популяризации 36 стратагем служат даже комиксы. Так, в 1981 г. в провинции Цзилинь разошлось издание 6-серийного комикса под заглавием «36 стратагем» в 1 140 930 экземпляров, а в 1982 г. в Гуанси вышло 400 000 экземпляров 12-серийного комикса «Собрание 36 стратагем о воинском искусстве». Очевидно, в наши дни 36 стратагем известны каждому школьнику. Так, в первом томе «Чжунсюэшэн байкэ чжиши жи ду» (Ежедневное энциклопедическое чтение для учеников средней школы. Пекин, 1983) на 24 января указан список 36 стратагем.

Расцвет китайской литературы о стратагемах

Область значения «цзи» простирается от ничтожной уловки или совершенно спонтанного сиюминутного

⁶⁸ «Хань Фэй-цзы» — философский трактат, излагающий идеи одного из крупнейших теоретиков школы «фа-цзя» — законников, или «легистов», — Хань Фэя (ум. 233 до н. э.). Хань Фэй придерживался взглядов, отражавших стремление к созданию сильной централизованной государственной власти (см.: Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 224—283).

⁶⁹ Сыма Цянь (145—86/74) — выдающийся историк Древнего Китая, «китайский Геродот», автор «Ши-цзи» — «Исторических записок», огромной хроники политической жизни Древнего Китая. В настоящее время предпринимается полное русское издание этого труда, который выходит в свет в переводе, под редакцией и со вступительной статьей и комментариями Р. В. Вяткина (см.: Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972; т. 2. М., 1975; т. 3. М., 1984; т. 4. М., 1986; т. 5. М., 1987; т. 6. М., 1993).

⁷⁰ «Сон в Красном тереме» — роман Цао Сюэциня (1719-1763). «...Если вы хотите познакомиться с китайской жизнью, до сих пор замкнутой для нас в высших сферах, то только и можете получить сведения из этого романа», — писал знаменитый китаевед XIX в. академик В. П. Васильев (Васильев В.П. Очерк китайской литературы. СПб., 1880. С. 159). Имеется современный перевод романа на русский язык (см.: Цао Сюэцинь. Сон в Красном тереме / Пер. В. Панасюка. М., 1958).

действия до целой запланированной системы поведения: в затруднительной, исключаяющей прямой образ действий ситуации, причем контрагент «проводится» — в широком смысле слова — в положение, в котором он не ориентируется, инсценированное противной стороной и часто воздействующее своей театральностью или же возникшее независимо от противной стороны; с определенной целью, которую лицо, использующее стратагему, воспринимает как хорошую, а контрагент — не обязательно как плохую.

Стратагемы могут относиться к различным категориям, как то:

- камуфлирование (чем-то правдоподобным);
- введение в заблуждение (чем-то ложным);
- захват добычи;
- блокада;
- получение преимущества;
- соблазнение и
- бегство.

Кроме того, имеются стратагемы различной степени утонченности, обман на словах и в действиях, специальные военные хитрости и уловки, которые с тем же успехом можно применять в политической и частной жизни.

По своей глубинной концепции стратагемы выводятся из древнего китайского представления (впервые письменно зафиксированного в «Книге перемен») о взаимодействии между двумя противоположными космогоническими принципами, тенью Инь и солнцем Ян. В особенности это представление выражается в упоминавшейся уже игре Видимого, находящегося на свету, и Невидимого, проводимых втайне планов и мероприятий. Отдельные китайские стратагемы пронизывает даосская концепция недеяния — у вэй; эти стратагемы частично принадлежат к духовным достижениям «легистов», наиболее выдающимся представителем которых является Хань Фэй (ум. 233 до н. э.), в особенности к «технике власти» (шу), которую «легисты» помещали в сердце властителя рядом с «законным правом» (фа) и сохранением «положения» (ши). Множество примеров применения стратагем проникнуто идущим от «легистов» духом государственной мудрости с его приоритетом государственных интересов над конфуцианскими этическими нормами.

В последние годы в китайскоязычном мире, то есть в КНР, Гонконге, на Тайване, вышло много монографий о 36 стратагемах.

В 1962 г. Архив политического института Китайской Народно-освободительной армии опубликовал без комментариев трактат неизвестного происхождения о 36 стратагемах. Этот трактат был случайно найден на мостовой в 1941 г. неким Шу Хэ в главном городе провинции Сычуань Чэнду. Он был выпущен чэндуской типографией «Синьхуа», на титульном листе большими иероглифами стоит надпись «36 стратагем» и ниже мелким шрифтом: «Тайная книга воинского искусства». Книжечка, напечатанная на бумаге ручного изготовления, привлекла к себе внимание. Затем выяснилось, что это издание рукописи, которая тогда же, в 1941 г., была обнаружена в книжной лавке в Биньчжоу, провинция Шаньси.

Обретенный в 1941 г. Шу Хэ экземпляр «Трактата о 36 стратагемах» содержит короткое введение и заключение. Главная часть состоит из 36 главок.

Они озаглавлены как:

ди-и цзив («Первая стратагема»);

диэр цзи («Вторая стратагема»)

и так далее, до тридцать шестой стратагемы.

После этого заглавия в каждой из 36 главок идет состоящее из трех-четырех иероглифов обозначение стратагемы, затем следует весьма абстрактный, часто со ссылками на «Книгу перемен», комментарий. Заключает каждую главу разъяснение стратагемы. Здесь приводятся примеры, почти исключительно из китайской истории, конкретных применений каждой стратагемы.

Когда в Китае начала развиваться политика открытости, обнаруженный в 1941 г. трактат вышел в 1979 г. в провинции Цзи-линь (иллюстрированное переиздание — март 1987 г.). В этом издании дан оригинал трактата на классическом китайском, перевод его на современный китайский язык и комментарий. Предисловие цзилиньского издания содержит также некоторые предположения о происхождении трактата. Многочисленные отсылки на «Книгу перемен» могут указывать на то, что составитель трактата находился под влиянием Чжао Бэньсюэ или кого-то из его учеников. Чжао Бэньсюэ (1465—1557), военный теоретик эпохи Мин (1368—1644), впервые систематизировал положения военного дела на основе «Книги перемен», проведя основную идею «Книги перемен» о постоянном взаимодействии Инь и Ян в диалектику военных действий и выявив противоположности типа:

- казаться и быть;
- большинство и меньшинство;
- сила и слабость;
- лобовая атака и засада;
- необычное и общепринятое;
- продвижение вперед и отход.

Похоже, что обнаруженный в 1941 г. трактат является более ранним, чем список 36 стратагем тайного общества Хунмынь, а именно относится к концу минского — началу цинского времени (XVI—XVII вв.). Следующую монографию о 36 стратагемах выпустило в 1981 г. пекинское Военное издательство («Чжаньши чубаньшэ») под заглавием «36 стратагем в современной обработке». В основе этой книги лежит все тот же старый «Трактат о 36 стратагемах», но, кроме того, приводятся также примеры применения стратагем в новые и новейшие времена, и к тому же не только в Китае. В марте 1991 г. вышло девятое издание этой книги (более 1,5 млн. экземпляров). На Тайване в 1982 г. вышла монография «Тайная книга 36 стратагем с комментариями», основанная на цзилиньском издании 1979 г. 19 изданий за 9 лет (1976—1985) выдержала в Тайбэе брошюра «Хитрость в сражении» с подзаголовком «36 стратагем». По содержанию она вплоть до предисловия аналогична появившейся в 1969 г. на гонконгском рынке книге «36 стратагем с примерами из древнего и нового времени».

В сентябре 1987 г. мне удалось купить в Сеуле три корейские и в Токио пять японских работ о 36 стратагемах. Самая старая из японских публикаций датировалась 1981 г. Никакие публикации на эту тему в США и Западной Европе мне не известны.

Моя статья о 36 стратагемах, появившаяся в «Frankfurter Allgemeinen Zeitung» 14 января 1977 г., возбудила немалый международный интерес, прежде всего, насколько мне известно, в Советском Союзе. На 27-м европейском синологическом конгрессе в Цюрихе (1981) профессором В. А. Кривцовым из советской Академии наук был сделан доклад о стратагемах в китайской политике. Этот доклад, резко раскритикованный делегатом из КНР, не был опубликован в материалах конференции. Материалами и стимулами к написанию данной книги я обязан изданиям на китайском языке из КНР, Тайваня и Гонконга.

Мир стратагем

При сравнении китайских изданий возникает впечатление, что в КНР на первый план выводится внешнеполитический и военный аспекты 36 стратагем. В предисловии к пекинскому изданию книги «36 стратагем в современной обработке» говорится:

«Эта публикация обусловлена потребностью знать и применять стратагемы в военном противостоянии. Рядом с марксистской военной теорией это историческое достижение должно занять подобающее место и послужить основой для развития современного военного искусства стратагем».

И далее:

«Древняя китайская пословица говорит: на войне не следует пренебрегать хитростью. Теория стратагем составляет важную часть военной теории. Когда командир берет инициативу в свои руки, многое зависит от того, сможет ли он внезапно поставить мат противнику, то есть сумеет ли он победить противника благодаря искусно примененным стратагемам. Это позволит ему сделать плохое положение хорошим и с малым числом войска победить превосходящие силы противника. И возможно, ему удастся поставить противника на колени, вообще не прибегая к военным действиям. Поскольку лежащие в основе военного искусства стратагем принципы имеют в высшей степени общую природу, они обладают большой жизненной

силой в качестве общих оснований военной стратегии и тактики. В этом качестве 36 стратагем тысячи раз были испытаны и остаются применимыми до сих пор. Благодаря развитию науки и техники возникли новые средства применения стратагем и стратагемы наполнились новым содержанием, но основное содержание стратагем остается стабильным. Поэтому руководящая роль стратагемного планирования и для ведения современной войны остается более важной, чем общие принципы военной стратегии и тактики.

В цзилинском издании 1979-1987 гг. в предисловии также подчеркивается военный характер стратагем:

«Трактат о 36 стратагемах» принадлежит к области так называемого военного дела. Это энциклопедия тех приемов, которые военные теоретики, начиная с Сунь-цзы (VI—V вв. до н. э.), обозначали как Гун Дао [«Путь введения противника в заблуждение»].»

В китайской литературе появлялись также и критические замечания в адрес 36 стратагем, как, например, в цзилинском издании 1979-1987 гг:

«Наблюдается в 36 стратагемах также загнивание реакционно-феодалных отбросов, а именно в тех стратагемах, которые нацелены на завоевание военной добычи. Здесь необходим критический подход».

Тайбэйские и, прежде всего, гонконгские публикации, напротив, обращают внимание, прежде всего, на возможность употребления стратагем в частной жизни. Так, в предисловии к 19-му изданию книги «Хитрость в бою — 36 стратагем» (Тайбэй, 1985) подчеркивается:

«Стратагемы подобны невидимым ножам, которые спрятаны в человеческом мозгу и сверкают, только когда их вздумаешь применить. Применяют их военные, но также и политики, и купцы, и ученые. Тот, кто умеет применять стратагемы, может мгновенно превратить в хаос упорядоченный мир или упорядочить хаотический мир, может вызвать гром среди ясного неба, превратить бедность в богатство, презрение в почтение и безнадежную ситуацию в выигрешную. Человеческая жизнь — это борьба, а в борьбе нужны стратагемы. Каждый человек стоит на линии фронта. Краткий миг рассеянности — и вот уже что-то, принадлежащее одному человеку, досталось в добычу другому. Но тот, кто умеет применять стратагемы, всегда удержит инициативу в своих руках. Во дворце или в хижине, но стратагема пригодится всегда».

При этом с китайской точки зрения стратагемы вовсе не обязательно служат «злomu», чтобы перехитрить «доброе». Очень часто возникают ситуации, в которых как раз добрый, но находящийся в более слабой позиции человек может достигнуть в высшей степени достойной цели исключительно с помощью стратагемы. Так было в классическом китайском обществе, в котором законы не служили защитой отдельной личности и никакой независимый суд не был способен помочь человеку в его праве. В древнем китайском обществе, где отсутствовала юриспруденция, служащая интересам личности, стратагемика (практическое знание уловок, необходимых для выживания в жизненной битве) должна была давать человеку жизненно необходимую опору.

Тем не менее естественным образом возникает вопрос об отношении стратагем к традиционной китайской, и в особенности к конфуцианской, этике. Публикации, появившиеся в КНР, проходят мимо этой проблемы, в противоположность, например, появившейся в Гонконге в 1969 г. книге «36 стратагем с примерами из древнего и нового времени».

Издатель, в частности, пишет:

«Стратагемы представляют собой полную противоположность конфуцианской человечности и добродетели. Тот, кто человечно и этично поступает с врагом, только вредит себе самому. Кто не сделает такого вывода из истории о событии, происшедшем в VII в. до н. э., рассказанной в классическом конфуцианском комментарии Цзо?»

Князь Сян был владыкой государства Сун. В 638 г. до н. э. он пошел войной на сильное государство Чу. Войска Сун уже построились в боевые порядки, в то время как чуская армия должна была еще переправиться через реку. Один из сунских сановников знал, что у Чу большое войско, а у Сун — маленькое. Он предложил воспользоваться моментом и напасть на чуское войско, пока оно еще не все переправилось. Но князь Сян отвечал: «Это недостойный поступок. Благородный человек не может нападать на кого-либо, когда тот в затруднительном положении». Когда войска Чу переправились через реку, но еще не построились в боевые порядки, сановник вновь предложил напасть на чускую армию. Сян отвечал: «Это недостойный поступок. Благородный человек не нападает на войска, которые не успели построиться». Только когда чуские войска совершенно приготовились к бою, князь Сян дал приказ к наступлению. В результате государство Сун понесло тяжелое поражение, а сам князь Сян был ранен.

Поведение князя Сяна, над которым насмеялся, в частности, Мао Цзэдун в своем докладе «О затяжной

войне» в мае 1936 г., откомментировано автором из Гонконга следующим образом:

«Речи о человечности и добродетели могут использоваться, чтобы добиться чего-то от других. Но нельзя позволять провести себя с их помощью, по крайней мере не в сражении — физическом или духовном. Как говорится, «жизненный опыт — это вопрос образованности, а здравый смысл в обращении с людьми основывается на махинациях». Наше время провозглашает себя цивилизованным. Но чем цивилизованнее общество, тем больше в нем места занимают ложь и обман. В такой среде 36 стратагем представляют собой средство как защиты, так и нападения. Они несут в себе практическую мудрость, которая значительно ценнее пустых фраз морали и увещаний».

В сущности, так полагают не только в Китае. Преподаватель Цюрихского университета эллинист В. Буркерт утверждает в своей книге «Ното песанс» (Человек убивающий. Берлин, 1972):

«Агрессивность, насилие человека над человеком, проявляющиеся посреди нынешнего прогресса цивилизации и даже, по-видимому, связанные с ним, стали центральной проблемой современности».

Уже в религии древних греков, которых Буркерт берет в качестве представителей человечества, он обнаруживает очевидную тенденцию агрессии, которую формулирует следующим образом:

«Не только в благочестивом образе жизни, в молитве, песнопениях и танцах сильнее всего проявляется божество, но и в смертоносном ударе секиры, в льющейся крови, в сожжении кусков мяса».

Поскольку Буркерт связывает эту, по-видимому, имманентно присущую человечеству склонность к агрессии с многотысячелетним охотничьим образом жизни, кажется вполне реальным предположить, что к тем же временам человека охотящегося (по Буркерту, «*hunting ape*» — «охотничья обезьяна») относится и изобретение уловок. А возможно, они имеют и более древнее происхождение. В. Б. Дрешер пишет в своей книге «Формула выживания — как звери справляются с опасностями окружающей среды»:

«Самая древняя в истории эволюции форма сообразительности у животных — это сообразительность, относящаяся к врагу и добыче, то есть способность к уловкам, позволяющая избежать врага и настичь добычу. Для многих животных эта способность лежит целиком в области инстинктивного. Для других оказываются важными приобретенные знания».

В пользу экзистенциальной укорененности хитрости в человеке говорит тот факт, что о ней задумывались с древнейших времен.

Еще в XVIII в. до н. э. ассирийский владыка Шамши-Адад поучал своего сына Ясмах-Адада: «Измышляй уловки [*Hibqu*], чтобы побить врага и иметь возможность маневра. Но и враг будет изобретать уловки и маневрировать. И так вы, как борцы на арене, будете применять друг против друга уловки».

В Ветхом завете, в «Книге притч», встречаются фразы вроде: «Хитростью выиграешь ты битву, и победа придет».

Я уже ссылаясь на собрание стратагем Фронтинна, к которому присоединился бы любой политик второй половины II столетия до н. э. Происходящий из Исландии сборник древней северной поэзии «Эдда» содержит советы типа: «Тому, кто отправляется в путь, нужна сообразительность». Или: «Шутку за шутку должны принимать люди, а обман — за обман».

Немецкие пословицы говорят: «Кто ведет себя как овца, того пожрут волки»; «Хитрость торжествует над силой»; «Чего силой не добьешься, то обманом унесешь». Древние греки восхищались «хитроумным Одиссеем». Можно уже и не говорить о «Государе» Макиавелли. Или о предназначенном для политиков и придворных «Ораторе» иезуита Балтазара (1601 — 1658). По-видимому, менее известен «индийский Макиавелли» Каутилья (IV в. до н. э.), написавший руководство по искусству управления «Артхашастра» («Наука о выгоде»). Интересовались этой темой и древние арабы. Еще Магомет (570—632) сказал: «Война — это хитрость».

За 100 лет до Макиавелли появилась книга «*Raqa'iq al-hilal fi daqa'iq al-hiyal*»⁷¹ («Плащ из тончайшей материи искусных хитростей»); которая вышла во французском переводе в 1976 г. в Париже под заглавием «*Le livre des ruses — La stratégie politique des Arabes*» («Книга хитростей — политическая стратегия арабов»). Еще старше посвященный стратагемам труд Ибн Зафера, сицилийского араба, жившего в XII в.,

⁷¹ При передаче названий арабских книг использована система транслитерации, разработанная академиком И. Ю. Крачковским и проф. Н. В. Юшмановым и А. А. Ромаскевичем (В. М.).

переведенный Майклом Амари под заголовком «Solwan or Waters of Comfort» («Успокоение или Воды Утешения»). Юридические стратагемы составляют важную часть исламского права и его практического применения. Об этом повествуют такие книги, как «Al-hiyal fi as-sari'ah al-islamiyyah» («Хитрости в исламском праве») Мухаммеда абд ал-Ваххаба Бухайри (Каир, 1974), «Al — hiyal al-mahzur minha wal-masru» («Дозволенные и недозволенные хитрости») Абд-ас-Салама Дихни (Каир, 1946) и «Al-hiyal fi al-mu'amalat al-maliyyah» («Хитрости в области имущественных отношений») Мухаммада ибн Ибрагима (Тунис — Триполи, 1983).

Устав касательно законов и обычаев наземной войны (Гаагское соглашение о наземной войне) от 1907 г. в статье 24 объявляет военные хитрости допустимыми. В заключительном протоколе Женевского соглашения от 12 августа 1949 г. «О защите жертв межнационального вооруженного конфликта» (Протокол I), с одной стороны, находим запрет на вероломство (ст. 37, пункт 1), с другой — перечень допустимых военных хитростей, например камуфляж, ложные позиции, отвлекающие операции и ложная информация (ст. 37, пункт 2). Американский армейский справочник (Field Manual 27—10, «The Law of Land Warfare», 1956) также содержит список «допустимых военных хитростей» (Stratagems permissible). Сюда причисляются неожиданное нападение, ложные наступления, отход или бездействие, введение в заблуждение путем отдачи ложных приказаний, использование радиокодов, паролей и сигналов противника, введение в заблуждение относительно наличия живой силы, техники и оружия, устранение войсковых знаков различия с формы и введение в заблуждение посредством ложных сообщений и пропаганды.

Таким образом, неудивительно, что китайцы черпают демонстрационный материал по применению 36 стратагем не только в китайской истории. В гонконгской, тайбэйской и пекинской литературе по стратагемам нередко приводятся примеры из жизни стран, находящихся далеко за пределами китайской границы, — от Древнего Рима, начиная с Юлия Брута, противника последнего римского императора Тарквиния, через наполеоновскую Францию к воюющим странам Первой и Второй мировых войн.

В китайской культуре, как утверждает профессор антропологического отделения Китайского университета в Гонконге Цяо Чжан, стратагемы представляют собой «в высшей степени разработанную, распространенную и долговечную традицию».

Предлагаемое исследование является первой работой на европейском языке, посвященной 36 китайским стратагемам. Как пишет профессор Цяо Чжан, 36 стратагем обеспечивают инструмент, в высшей степени полезный для понимания сущности китайского общества, а я мог бы добавить, что и для понимания китайской военной и политической мысли и поведения. При том, что границы этой почти неисчерпаемой, на китайский взгляд, темы необычайно широки, настоящая работа, впервые затрагивающая ее в европейской литературе, конечно, не может рассмотреть всех вопросов, материалов и фактов, оставляемых на будущие исследования. Владением китайским и японским языками, а также знаниями по китайской культуре, без которых работа с китайскими первоисточниками и бесчисленные, ведшиеся на китайском и японском устные и письменные обсуждения этой темы оказались бы для меня недоступными, я глубоко обязан прежде всего моим учителям и учительницам, а также сокурсникам и сокурсницам за все шесть лет моего обучения в Тайбэе, Токио и Пекине.

Введение (том 2)

1. В чаяниях бесхитростного мира

«Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели призрение, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчины, свое прибежище — у женщины. Нетерпимым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя; нестерпимо было не дать силам выхода, но и не полагалось [работать] только для себя. По этой причине не возникали [злые] замыслы [«моу»], не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось великим единением [«да тун»]» («Записки о правилах ритуальной благопристойности» [«Ли цзи»], гл. 9. «Действенность ритуала» [«Ли юнь»]: Древнекитайская философия, т. 2. Пер. И. Лисевича. М.: Мысль, 1973, с. 100; Зенгер приводит здесь перевод на немецкий Р. Вильгельма (1930): *Li Gi. Das Buch der Riten, Sitten und Bräuche*. Düsseldorf: Diederichs, 1981, S. 56f.).

Эти слова более чем двухтысячелетней давности взяты из конфуцианского канона *Ли цзи* и повествуют о самой известной китайской утопии. Представленному «обществу неведома хитрость», умиленно пишет Лю Цзинь в очерке *«Идеальное государство Конфуция»* (ежедневная газета) *Литературное собрание*

[*Вэньхуэй бао*]. Шанхай, 26.06.1998, с. 8). Впрочем, на пороге XXI в. в Китае ведут разговор не о времени «великого единения», а, согласно *Ли цзи*, о предшествующей ему эпохе простой «зажиточности» [«сяокань»], в которую китайцы надеются вступить, опираясь на «четыре модернизации» (промышленность, сельское хозяйство, наука и техника) к середине XXI в. Так что время, когда не понадобится хитрость, предстает далеким будущим. И неудивительно, что в Китае по обе стороны пролива возник огромный поток литературы, касающейся такого явления, как «хитрость» в широком понимании, в частности, выраженном списком из 36 стратагем (уловок). Если при подготовке первого тома *Стратагем* в середине 80-х гг. в моем распоряжении было только три сочинения о 36 стратагемах из КНР и не более полудюжины книг из Гонконга и Тайваня, то теперь (летом 1999 г.) я уже не в состоянии обозреть вал публикаций на эту тему. К тому же прежде неоднократно издававшиеся труды появляются ныне в переработанном и расширенном виде. В некоторых сочинениях предлагается использование 36 стратагем в конкретных областях жизни. Но во всех этих книгах приведены примеры использования той или иной уловки. По сути, они представляют собой собрание упорядоченных, согласно списку 36 стратагем, образцов их действия. Только одна книга, *36 стратагем, заново истолкованных и тщательно изученных* («Саньшилю цзи синь цзе сянь си»). Пекин, 1993, 408 с., 300 тыс. знаков), не укладывается в данную схему. Она принадлежит перу Юй Сюэбиня, профессора из Циньхуандао, что на западе провинции Хэбэй. Там на первой странице упоминается первый том моей книги о стратагемах (*Strategeme. Band I, Scherz Verlag. Bern, München, Wien, 1996*). Юй Сюэбинь отводит частным примерам вспомогательную роль, перенося центр тяжести целиком на теоретическое осмысление каждой стратагемы.

Уловкам в прославленных китайских романах посвящены такие книги, как *Троецарствие и 36 стратагем* [«Саньшилю цзи юй Саньго яньи», авторы Ли Биньянь, Сунь Цзин], *Путешествие на запад и 36 стратагем* [«Саньшилю цзи юй Сиюцзи», автор Синь Янь] и *Сон в красном тереме и 36 стратагем* [«Хун-лоумэн юй Саньшилю цзи», автор Фань Чжуаньсинь], все эти книги изданы в Пекине в 1998 г. Что касается Тайваня, то тайбэйский ежемесячный журнал *Туйли цзачжи* в своем июньском номере за 1998 г. сообщает о готовящемся издании книжной серии *36 стратагем в романной форме*. На сентябрь 1999 г. вышло в свет 24 тома, каждый объемом в 300—400 страниц, где получили отражение стратагемы 1—5, 8, 10—12, 14, 15, 17—19, 22, 23, 26—31, 33 и 35. К сентябрю 2000 г. в продаже должны появиться все 36 томов.

Особенно много книг по стратагемам посвящено экономическим вопросам, что связано со склонностью китайцев уподоблять «рыночную площадь» «полю боя» [шанчан жу чжань-чан]. Такое представление в наши дни, естественно, подвергается критике: «Всякое сравнение хромает. Нельзя утверждать, что оно ошибочно, но и злоупотреблять им тоже негоже... В конкурентной борьбе между предпринимателями непозволительно видеть в сопернике врага, которому любым способом следует подставить ножку и без зазрения совести нанести вред. Ведь здесь состязаются, а не воюют... И в экономической борьбе, и в настоящей войне дело касается победы и поражения, но с одной существенной разницей: экономическая борьба сопряжена с соперничеством, тогда как война — с враждой. Многие положения военной теории вполне пригодны для экономического противоборства. В предпринимательской борьбе, как, впрочем, и в спортивных состязаниях, прибегают к стратегии и тактике. Основы ведения войны вроде правил «избегать полноты, устремляться в пустоту» (см. стратагему 2) и «война лишена постоянства» в отношении предпринимательства означают, что там, где слаба конкуренция, следует сосредоточить свои силы и устранить свои слабости и что нужно постоянно принаравливаться к изменениям рынка. А вот такие стратагемы, как «убить чужим ножом» (стратагема 3), «извлечь нечто из ничего» (стратагема 7), «стратагема красавицы» (уловка 31) и «стратагема сеяния раздора» (уловка 33), в экономической борьбе использовать против своего собрата по сословию ни в коем случае нельзя. Посредством стратагем вроде «обманув правителя, переправить его через море» (стратагема 1) и «цикада сбрасывает кокон» (стратагема 21) некоторые преступники с большим размахом промышляют контрабандой, уклоняются от уплаты налогов и выпускают или продают поддельную или недоброкачественную продукцию. Подобного рода недопустимые действия жестко караются государством. Ведь говорит народная мудрость: «Доброе имя выше барыша» и «Пусть прогорит дело, лишь бы не пострадали честь и человеколюбие». В цене остается профессиональная этика, а не унижающее человеческое достоинство поведение!..» (*Чжу Тао. Предпочсть «конкуренцию» «войне»*. *Жэньминь жибао*. Пекин, 13.05.1997, с. 12).

Однако, несмотря на такие отдельные предостережения, в Китае зачастую исходят из того, что мудрость, которой руководствуется военачальник в сражении, схожа с той, что направляет купца в его занятиях торговлей. Это достаточно древнее представление. Еще две тысячи лет назад живший во времена Сражающихся царств предок китайских торговцев Бо Гуй, согласно *Историческим запискам* Сыма Цяня, сказал: «Я управляю производством товара так же, как Сунь У и У Ци управляли войсками» [см. *Сыма Цянь. Ши цзи*, глава 129]. Наставник Сунь (иначе Сунь У, VI в. до н. э. — нач. V в. до н. э.) считается создателем самого древнего в мире военного трактата. О Бо Гуйе известно, что он, будучи купцом, прибегал к стратагемам. Похоже, не без влияния примера Бо Гун в последнее время в Китае появились многочисленные издания книг об использовании стратагем в деловой жизни. Это такие книги, как *36 хитростей и глупостей в торговой войне* [«Шан чжань чжань сань ши лю цзи цяо чжо цзи»; Чэндун, 1992, автор: Хоу Лицзянь]; 36

уловов в торговой войне — подборка подлинных примеров [«Шан чжань 36 цзи-шили цзинсюань» (36), Шицзячжуан, 1992, автор: Чжоу Цзюньцюань и др.]; *Используемые в торговле 3буловок* [«Шан юн сань ши лю цзи», Ухань, 1994, автор Юй Чуцзе]; *36 уловов в торговой войне* [«Шан чжань сань ши лю цзи», Тайбэй, 1994, автор Гао Моу]; *36 уловов: тактика ведущейся на высшем уровне торговой войны* («36 цзи чаоцзи шанчжань цэлюэ») (36), Тайбэй, 1997, автор Яо Сююань].

Даже спорт не обошли вниманием авторы книг по 36 стратагемам, например, *Тридцать шесть стратагем и облавные шапки* («Сань ши лю цзи юй вэйци»), Чэнду, 1990, автор Ма Сяо-чунь; *36 стратагем в шахматах*, Шанхай, 1992; *36 стратагем и искусство побеждать на спортивной площадке*, Пекин, 1992. Представление стратагемной науки как теории необычного, используемой преимущественно в военной области, подкрепляется в Китае установкой «ставить древнее на службу современному» [«гу вэй цзинь юн»], как утверждает *Жэньмин жибао* (22.07.1982, с. 5), а также Юй Сюэбинь в упомянутой книге.

Надо сказать, что стратагемам посвящены не только книги, но и календари, журналы, комиксы, телевизионные фильмы, даже музей восковых фигур сообщает о стратагемах. И газета *Жэньминь жибао*, печатный орган Центрального комитета Коммунистической партии Китая, 22.05.1998 объявила о начале съемок телесериала под названием *Военное искусство Сунь-цзы и 36 стратагем*.

13—17 июля 1997 г. в Военной академии г. Шицзячжуан прошло совещание на тему «Информационное общество и военная стратагемная наука», участниками которого были ученые кадры, преподающие данный предмет в различных военных училищах. В 2000 г. стратагемная наука должна окончательно утвердиться в качестве предмета междисциплинарного обучения. В 1999 г. 39 научно-технических работников были отмечены за свои выдающиеся достижения, среди них 36 естествоиспытателей и трое обществоведов, в том числе Ли Биньянь (род. 1945), автор самой популярной книги о 36 стратагемах. Он был отмечен за подготовку курса лекций о военной стратагемной науке, получил премию в размере 10 тыс. немецких марок и был лично принят председателем КНР и генеральным секретарем КПК Цзян Цзэмином. То, что я перевожу словами «стратагемная наука», по-китайски звучит «моулюэсюэ» и охватывает собой не только 36 стратагем, хотя они и играют важнейшую роль в этой только становящейся отрасли знаний. Центр по изучению военной стратагемной науки уже действует в рамках Оборонного университета [Гофан дасюэ].

2. Воспитание детей с помощью стратагем

В Китае с молодых лет знакомят с 36 стратагемами. Так, выходящий в Пекине ежемесячный журнал *Истории в картинках* [Цяньхуань хуабао] в номере за апрель 1998 г. приводит четыре примера уловов, которые описаны мною в первом томе *Стратагем* (см. 2.1, 10.5, 15.1 и 18.6), для которых я, как и в предлагаемом ныне втором томе книги, отобрал наиболее известные китайские истории про уловки. Газета *Китайский пионер* [Чжунго шаонянь бао], 4.06.1997, рассказывая об истории в картинках под названием «Покажи, что знаешь», которая печатается из номера в номер в журнале *Beijing Cartoon* [Бэйцзин Катун], с одобрением отмечает, что «эта история замешана на 36 уловках». В октябрьском номере (1997 г.) ежемесячного журнала *Детство* [Эртун шидай] помещена стратагемная головоломка, заканчивающаяся словами: «В этом бедственном положении Ян Минь призвала на помощь все свое хитроумие и придумала уловку — какую? (Ответ ищи в этом номере)». Вот эта головоломка: Ян Минь по поручению своей школы-восьмилетки для всенародного праздника первого октября купила на ярмарке в отдаленном селе хлопущки. В лавке ее заметил плохой человек. Когда пришла пора возвращаться в родную деревню, уже стемнело. В безлюдном месте тот человек преградил ей путь и потребовал денег. Подойдя к ней, он стал угрожать, тыкая в лицо зажженной сигаретой. В этот опасный момент Ян Минь пришла на ум спасительная хитрость — здесь рассказ обрывается и задается вопрос: какая. Ответ мы находим на следующей странице: Ян Минь сделала вид, что лезет в карман за деньгами. На самом же деле она вытаскивает хлопущку, которую проворно подносит к зажженной сигарете и бросает в грабителя. Тот до смерти напуган, а следующие один за другим хлопки привлекли внимание прохожих, которые и задержали злодея. Даже этот пример показывает, как китайских детей с помощью стратагем приучают решать возникающие затруднения. Впрочем, китайская литература по стратагемам не забывает и о представителях национальных меньшинств, и здесь выходят книги о любимом уйгурском герое [Насредине] Афаньди [кит.] и о популярном в Тибете плуте дядюшке Дэнба (Агу Дэнба [на Западе пишется Тотра]). (Таковы, например, *Сборник рассказов об Агу Дэнба*. Пекин, Изд. Центрального института национальных меньшинств, 1983, серия «Рассказы о хитрецах из Китая»; *Рассказы об Агу Дэнба*. 2-е изд., Лхаса, 1985; на рус. яз. см.: *Проделки дядюшки Дэнба*. Тибетское народное творчество. М., 1962; *Суды и судьи в мировом фольклоре*. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983; *Чудаки, шуты и пройдохи Поднебесной*. Пер. с кит. А. Воскресенского и В. Ларина. Гудьял-Пресс, 1999).

3. Туман подозрения

Разумеется, такое активное проникновение стратегемной науки в различные сферы общественной жизни Китая приводит и к негативным последствиям, ибо стратегемы используются не только во благо, но и во вред людям. Например, Министерство общественной безопасности в своем «Циркулярном письме к полицейским чинам затронутых наводнением десяти провинций» ссылается на пятую стратегему, когда говорит о необходимости жестко бороться с теми, кто «среди пожара», т. е. затопления, «учиняет грабеж», т. е. прибегает к противоправным действиям (*Рабочая газета [Гунжэнь жибао]*. Пекин, 24.08.1998, с. 2).

Прежде всего от пагубного, даже преступного использования стратегем достается рядовым китайским потребителям. Ведь подделываются или разбавляются (см. 25.9) буквально все товары, что порой, как в случае со спиртным, приводит к смертельным исходам. Слова «цзя» и «мао», означающие «поддельный», все чаще появляются на страницах китайской печати, как и выражение «дацзя» («борьба с подделкой»). В пересмотренном китайском *Уголовном кодексе*, действующем с 1.10.1997, появился раздел о преступлениях, связанных с производством и сбытом поддельных или недоброкачественных товаров (статьи 140—150). «Постоянно заводятся дела о мошенничестве, — пишет обозреватель *Жэньминь жибао* (Пекин, 26.05.1998, с. 12). — Добропорядочному гражданину приходится остерегаться. Прискорбно, что жизнь становится столь напряженной, даже устрашающей. Кажется, что чувствовать себя в безопасности можно лишь дома, но стоит шагнуть за порог и очутиться на людях, как нужно с особым тщанием смотреть под ноги, чтобы не угодить в яму или водоворот. Даже честный торговец и тот лишился покоя. Ему приходится постоянно быть начеку со своими покупателями. Вполне обычные отношения вполне обычных людей уже ставятся под сомнения. Дело заходит столь далеко, что люди с добрыми побуждениями из-за страха не быть понятыми предпочитают не бывать на людях, запираясь у себя дома. Вот насколько застил наше общество туман подозрительности!»

Ему вторит статья из *Рабочей газеты*, печатного органа Всекитайской федерации профсоюзов, озаглавленная «Покончить с лукавством» (*Гунжэнь жибао*. Пекин, 22.04.1998, с. 6). К вредящим общему благу стратегемам прибегают и чиновники, например, когда они «внешне покоряются, а втайне противодействуют» [«ян фэн инь вэй»] распоряжениям вышестоящих органов.

Особо пагубное действие оказывают, как признался мне в августе 1998 г. один китайский правовед, облаченные в форму законности уловки со стороны частных лиц и служащих. В борьбе с ширящимися зловерными ухищрениями приходится взывать к человеколюбию (Ван Янь. «Противопоставить бдительность «лишенному человеколюбию знанию». *Жэньминь жибао [Народная газета]*. Пекин, 3.04.1995, с. 11).

Таким образом, стратегемы становятся опасными, если их используют для сугубо личных целей, забывая о нравственных нормах. Поневоле вспоминаются рассуждения Лю Сяна (77—6 до н. э.) из его *Хранилища учений [Шо юань]*: «Меж уловок [«цюань моу»] бывают честные и бесчестные. Уловки благородного мужа [«цзюнь цзы»] честны [«чжэн»], уловки же ничтожного человека [«сяо жэнь»] бесчестны [«се»]. Уловки честного нацелены на общее благо. Ежели честный всем сердцем предан народу, то его [действия] благородны. Уловки бесчестного проистекают из его своекорыстия и жажды выгоды. Ежели он что-то и делает ради народа, это сплошной обман» (*Шо юань*, гл. 13 «Уловки» [«Цюань моу»]). Известный немецкий синолог Эрих Хениш (1880—1966) называл Лю Сяна, как и второго по значимости конфуцианца Мэн-цзы [т. е. Мэн Кэ], «поборником нравственности и личности».

Однако в Китае в целом по-прежнему царит убеждение о внеценностном характере самих стратегем: «Стратегемы — всего лишь средства. А средства отличает не нравственная «благонадежность» или «неблагонадежность», а «полезность» или «бесполезность». Со стратегемами дело обстоит так же, как и с кухонным ножом, которым удобно резать овощи. Мы оцениваем нож единственно по тому, остро ли он заточен и тем самым пригоден ли для использования. Никто ведь не говорит, что это нравственно благонадежный нож, если употреблять его для резки овощей, но при этом он оказывается нравственно неблагонадежным, если совершить им преступление» (Юй Сюэбинь, указ, соч., с. 4). Не стратегема сама по себе, а та конкретная цель, которой она служит, подлежит нравственной оценке. Таким образом, в нравственной оценке использованной в конкретном случае стратегемы решающую роль играет нравственная оценка цели или побуждения для применения стратегемы. Когда стараются перехитрить человека, решившегося на противоправное действие, это найдет понимание. «Ты крутой парень», — удостаивает такой похвалы несущий ночную службу в районе Сюань гор. Нанкина полицейский путевого обходчика. Его, когда он возвращался домой на мотоцикле, остановила девушка. В ходе разговора он быстро смекнул, что перед ним проститутка. «С наигранным интересом» (*Законность [Фучжи жибао]*. Пекин, 1.11.1991) он отнесся к ее предложению. После того как сошлись в цене в 50 юаней, она села к нему, поскольку полагала, что он решил отвезти ее в укромное место. На самом же деле парень направил свой мотоцикл напрямик к полицейскому участку, где ее взяли под стражу, а его столь достойно поблагодарили.

В связи с использованием стратагем в политике один китайский автор пишет: «Ведущие представители различных слоев могут прибегать к стратагемам, что они и делают. Но лишь увязывая использованную в конкретном случае стратагему с самим существом дела — правого или неправого, прогрессивного или реакционного либо вовсе безотносительного к правоте или неправоте, можно оценить ее надлежащим образом» (*Чжунхуа Чунтун Вэньхуа Дагуань* [«Обзор традиционной китайской культуры»]. Пекин, 1993, с. 508).

Еще более пространно выразился другой китайский автор: «По своей сути стратагемы являются лишь подручными средствами [шоудуань] для достижения людьми определенной цели, они простые орудия [гунцзюй] безо всякой нравственной окрашенности... так что стратагемами может воспользоваться каждый. Уловка в руках низкого человека пусть и дарует ему на короткое время удачу, но в итоге приведет его к краху. И лишь люди благородные с помощью уловки извлекут прочную выгоду и одержат конечную победу» (Дэн Цзяньхуа: *Моулюэ цзиньвэй* [Сущность стратагем]. Ухань, 1994, с. 8).

Нравственная оценка хитрости не как таковой, а с точки зрения, какой цели она служит, не чужда и европейцам. Сказки, сатиры, новеллы, комедии отличаются «признанием за физически слабым и обездоленным права на хитрость». «Когда сказочному герою удастся обманным путем выманить волшебный предмет или тайну, его поступок ввиду преследуемой тем цели получает одобрение». В детской и юношеской литературе «их герои, хитрые звери или дети, служат примером для подражания». Готовый «жизненный урок» преподает забавная история, «представляя обделенным людям в хитроумном герое пример для подражания» (Katalin Horn. List («Хитрость») // *Enzyklopädie des Märchens*, т. 8. Берлин — Нью-Йорк, 1996, столбцы 1099, 1101 и след.).

4. Свет и тень неотделимы друг от друга

Сколь бы ни ратовали сказки и глас народа за хитрость, официально на Западе ее предают анафеме: «Присущий хитрости налет необъяснимого/недоступного здравому смыслу на христианском Западе — отчасти под влиянием более древних традиций — связывают с проделками зловредного дьявола и его «подручных» на земле. *Козни* дьявола, колдовские *уловки* противопоставляются божественному [промыслу] и божественным чудесам. Бог при сотворении чуда не нуждается ни в каких уловках. Поскольку он в любое время может превзойти данные дозволенные человеку возможности, то культуре приходится хитрость причислять к «оставленному» богом антимиру антихриста, противостоящего ему дьявола». Если хитрости, согласно исследованиям Гуго Штегера (Steger), на Западе отводится место в «антимире антихриста» и она тем самым отвергается («List — ein kommunikativer Hochseilakt zwischen Natur und Kultur», в кн.: Harro von Senger (составитель): *Die List*, Frankfurt a. M., 1999, с. 326), то китайские выражения вида «цзи», переводимые словом «хитрость» либо «уловка», соотносят с [натурфилософским] началом «инь». В этой связи следует обратиться к *И цзин* (*Книга перемен*), гадательной книге, основной текст которой был написан в X—VIII вв. до н. э., на которую опирается созданный примерно 500 лет назад самый древний трактат о 36 уловках — *36 Стратагем* (*Сокровенная книга о военном искусстве*) [*«Саньшилю цзи»* («*Мибэнь бинфа*)], состоящий из 36 глав.

Основная мысль Книги перемен, пожалуй, наиболее известного сочинения древнего Китая, согласно его старейшему «Комментарию [привязанных слов] («Си цы чжуань»)» (примерно середины первого тысячелетия до н. э.), заключается в двойственной природе всего сущего, где неизменно выступают два начала, ян и инь. Ян воплощает собой светлую, солнечную сторону, например, освещенный склон холма, инь — темную, затененную сторону. Инь служит также и олицетворением «хитрости». Однако в представлениях китайцев область инь является не «антимиром» или «антиян», а выступает дополнительной к ян сферой, связанной с ней подобно полюсам [магнита]. Без инь не могло бы существовать и ян. Из такого понимания инь — ян хитрость обретает законность в мире. Хитрость неизбежно и естественно сосуществует с нехитростью, подобно тому, как «вечно соседствуют правда и ложь» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 26.11.1998, с. 12). Мир человеческих взаимоотношений на основе одной лишь нехитрости для китайцев просто немислим; их пониманию близки слова Иоганна Вольфганга Гете (1749—1832): «Сколько бы мы ни познавали мир, в нем всегда будут соседствовать светлая и темная стороны». Из взаимодополнительности инь и ян вытекает обязательность существования хитрости, которая тем самым предстает неотъемлемой частью мудрости и ума. Согласно трактату *36 стратагем* (*Сокровенная книга о военном искусстве*), «Инь и ян во взаимной связи меняют позиции, /Ключ к победе таится в этих переменах». Об этом я подробно говорил в своем докладе на европейском съезде сиологов в Париже в 1992 г. (см. Harro von Senger: «The Idea of Change as a Fundament of the Chinese Art of Cunning» // *Notions et perceptions du changement en Chine*. Mémoires de l'institut des hautes études chinoises, vol. XXXVI, Paris, 1994, с. 21 и след.). Впрочем, распространенный на Западе взгляд, отделяющий христианского бога от всякой хитрости, при ближайшем рассмотрении предстает — хитроумной? — выдумкой. Разумеется, божественную хитрость можно выявить лишь при соответствующем стратагемном анализе, не получившем, к сожалению, развития на Западе (см. Ulrich Mauch. *Der listige Jesus* (*Хитроумный Иисус*). Zürich, 1992).

5. Миф о сугубо конфуцианском Китае

Слово «цзи» в выражении «36» звучит не только совершенно нейтрально, но даже имеет оттенок одобрения, тогда как слово «хитрость» в немецком языке вызывает скорее отрицательные образы. Поэтому я предпочел для своей книги нейтральное название «36 стратагем», а не вполне допускаемые названия вроде «36 хитростей» или «36 козней». Однако такой подход порой оспаривается. Так, один немецкоязычный автор настаивает на «36 каверзах (Finten)», хотя не ясно, присутствует ли в слове «каверза» неодобрительный оттенок. Он обосновывает свой выбор следующим образом:

«В отличие от представления фон Зенгера... употребляется не нейтральное выражение «стратагема», а сознательно «ангажированное» понятие «каверза» или «хитрость»; ведь все эти выражения взяты, так сказать, из опыта военных действий, в котором — что редко афишируют — хитрость, обман и опять же хитрость выходят на передний план. Конфуцианство со своими идеалами здесь превращается так, что китайский мир сквозь очки «36 каверз» в самом прямом смысле слова предстает во всей своей подноготной. И столь часто возносимая классиками «гармония» отражается здесь, как в кривом зеркале» (*China aktuell*. Hamburg, März, S. 231).

Подобная критика выбранного мною нейтрального слова «стратагема» вызвана идеализированным образом Китая, якобы целиком проникнутого конфуцианством и конфуцианскими идеалами, которые на протяжении веков будто бы неизменно направляли ход повседневной жизни. Нейтральному или одобрительному пониманию хитрости в понимаемом таким образом Китае, естественно, нет места.

Что касается «36 цзи», то по существу они действительно представляют собой перечень военных хитростей. Ведь древнейший трактат о 36 стратагемах имеет подзаголовок *Сокровенная книга о военном искусстве*. В данном сочинении каждая стратагема поясняется преимущественно примерами из китайской истории. Военные хитрости уже исстари описывались в соответствующих трудах — всего в Древнем Китае было написано более 4 тысяч военных трактатов. Поскольку китайская история полна войн, то неудивительно слышать в Китае голоса тех, кто допускает, что китайская военная культура является определяющей чертой китайской культуры и лежит в основе китайского народного характера (см. Чэн Фанпин. *Гуанмин жибао*. Пекин, 17.02.1994, с. 3). Применение стратагем, однако, не ограничивается войной, но оказывается всеобщим образцом хитроумного поведения. Это проявляется уже в том, что лишь немногие формулировки 36 стратагем отсылают к военным обстоятельствам. Непосредственно из военного трактата *Сунь-цзы* берет начало всего одно из 36 наименований стратагем (стратагема 4), и к Лао-Цзы восходит тоже одно выражение (стратагема 7). Многие формулировки стратагем отсылают к историческим или литературным источникам (например, стратагемы 1, 3, 5, 6, 10, 11, 13, 14, 15, 18 и т. д.).

Об использовании стратагем в области политики и внешних сношений упоминают с древнейших времен такие книги, как исторический свод Лю Сяна (77—6 до н. э.) *Планы сражающихся царств [Чжань го цэ]*. Как показывает описывающий жизненные перипетии большого семейства роман *Сон в красном тереме (Хунлоумэн)* Цао Сюэциня (умер ок. 1763), применение стратагем не было чуждо и сугубо личным отношениям. Даже Конфуций вовсе не чурался хитрости (см. § 8). Помимо того, в Древнем Китае существовало не только конфуцианство, но наряду с военной мыслью и сочувственно относящимся к хитрости легизмом (см. § 18) жила и народная культура. Присущая китайскому народу высокая оценка хитрости подтверждается содержанием таких популярных в течение столетий романов, как *Троецарствие*, а также многочисленных поэм и опер, где показаны хитрости, лукавство. Именно за умение пользоваться стратагемами на протяжении веков почитают во многом являющего собой конфуцианца Чжугэ Ляна (см. 1.4, 3.8, 9.1, 13.8, 13.13, 14.6, 14.13, 16.1, 16.2, 16.21 и т. д.). Что же до наблюдаемого в последние годы потока китайских книг о 36 стратагемах, то это явление привносит весьма одобрительное отношение к хитрости, питаясь восходящими к китайской духовной традиции истоками.

В свете всего сказанного перевод выражения «36 цзи» как «36 стратагем» представляется удачным, поскольку немецкое заимствование «стратагема» первоначально обозначало военную хитрость, а в дальнейшем вообще искусный прием, уловку. Тот же выбор сделан также в 4 из 5 других изданий о «36 цзи», появившихся за пределами Китая:

— Giorgio Casacchia: *I trentasei stratagemmi: l'arte cinese di vincere* (Neapel, 1990);

— François Kircher: *Les 36 stratagèmes: traité secret de stratégie chinoise* (Paris, 1991, ТВ-издание, 1995);

— Wang Xuanming: *Thirty-six Stratagems: Secret Art of War* (Asiapac Comic Series. Singapur, 1992, Neudruck, 1999);

— William Tucci; Gary Cohn: *Shi: Senryaku — The Thirty-Six Stratagems* (Crusade Comics, New York, 1995).

Исключение составляет название немецкого издания книги Гао Юаня *Lure the Tiger Out of the Mountains: The 36 Stratagems of Ancient China* (Нью-Йорк, 1991). Оно звучит так: *Вымани тигра с гор: 36 мудростей Древнего Китая для современного менеджера* (Фрейбург, 1991). В этой книге говорится соответственно о «36 хитростях». Каких-нибудь соображений относительно перевода слова «цзи» Гао Юань не приводит. Опубликованный в Пекине английский труд о «36 цзи» озаглавлен *The Wiles of War: 36 Military Strategies from Ancient China* (Пекин, 1991). «Wiles of War» приблизительно соответствует немецкому «Kriegslisten» («военные хитрости»), и что касается английского слова «strategy», то оно значит в том числе «хитрость, расчет, интриги» (Отто Шпрингер [изд.]: *Langenscheidts enzyklopädisches Wörterbuch der englischen und deutschen Sprache*, Bd. 2 Berlin, 1978, S. 1393); Такого значения у немецкого слова «Strategie» нет, во всяком случае, согласно специальным немецко-немецким словарям. «Хитрое» значение английского «strategy» подразумевает, вероятно, также Лоренс Дж. Брэм в своей брошюре *Negotiating in China: 36 Strategies* (2-е изд., Гонконг, 1996).

6. Для Запада — обезьяна, для Китая — кладезь знаний

«Ведь хитрость, — сообщал мне в письме от 2.10.1994 Вольфганг Кульманн (Kullmann), профессор отделения классической филологии [одного из старейших учебных заведений Германии, основанного в 1457 г. эрцгерцогом Альбрехтом VI под названием Альбертина] Фрейбургского университета [в начале XIX в. стал называться Альберт-Людвиге университет (большую поддержку оказал университету великий герцог Людвиг Баденский)], — играет заметную роль в раннем древнегреческом эпосе: деревянный конь; хитроумный Одиссей, чьему коварству дается весьма лестная оценка; обман Прометея с жертвоприношением Зевсу у Гесиода (боги получают лишь худшую часть жертвенного быка); хитрость в любви (обольщение Герой Зевса [с помощью чудесного пояса Афродиты и усыпление его в своих объятиях], чтобы отвлечь его от [Троянской] войны [и тем самым дать возможность победить ахейцам (Илиада, кн. 14, строки 341—352)]). Но и позднее Афродита и любовь часто соседствуют с «хитростью». Поразительно то, что в греческой этике классической поры, похоже, данное явление не затрагивается (у Аристотеля вообще отсутствует слово «хитрость»»).

Некоторые соображения на этот счет высказывают Рената Цёпфель (Zöpffel) и Ута Гудзони (Guzzoni) (см. Harro von Senger [ред.]: *Die List*. Frankfurt a. M., 1999, S. 111ff., 386ff.). После того как хитрость не удостоили своим вниманием греческие философы, в Древнем Риме ей пришлось еще хуже. «Совершенно не римским средством» назвал ее крупный римский историк Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.) в своей «[Истории Рима] от основания города (Ab Urbe condita)» (кн. 1, 53.4). Так что апостол Павел нашел благодатную почву для утверждения: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред богом» [1 Кор 3:19]. Неудивительно, что на Западе хитрость причисляют к «лжемудрствованию» и даже к «порокам» (см. учебное пособие неотомического толка пастора д-ра Бернхарда Келина (Kälin): *Einführung in die Ethik*, 2. Aufl. Sarnen, 1954, № 204) и поэтому на 700 страницах *Всеобщего катехизиса (Weltkatechismus)*. Oldenburg, 1993) Католической церкви с его 2865 пунктами, который, «по утверждению папы, являет собой «Христову весть целокупно и без изъятия» (*Neue Zürcher Zeitung*)*, 1.10.1993, S. 23), она вообще не упоминается (согласно «Предметному указателю», с. 797). Как писал крупнейший немецкий военный теоретик и историк К. Клаузевиц, «малочисленной и совершенно слабой стороне, которой уже не может помочь ни осторожность, ни мудрость... хитрость еще предлагает свои услуги как единственный якорь спасения» (О войне. Часть третья. О стратегии вообще. Глава 10. Хитрость. М.: Госвоениздат, 1934). Получается, что хитрость не имеет почти ничего общего с мудростью, более того, за нее хватаются, когда недостает мудрости. У предтечи Просвещения Джона Локка хитрость вызывает чуть ли не отвращение: «Хитрость (*cunning*), это обезьяна подобие мудрости, как нельзя более далека от последней и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна ввиду сходства, которое у нее имеется с человеком, и отсутствия того, что действительно создает человека. Хитрость есть только отсутствие разума...» («Мысли о воспитании» (Some Thoughts concerning Education, 1-е изд. 1693; последнее, 5-е изд. вышло уже после смерти философа в 1705), параграф 140: *Джон Локк*. Сочинения, т. 3. Пер. с англ. Ю. Да-видсона. М.: Мысль, 1988, с. 537).

1 Далее Новая цюрихская газета. — *Прим. пер.*

Совершенно иначе понимается уже на протяжении тысячелетий взаимосвязь мудрости и хитрости в Среднем государстве [Чжунго]. Основное обозначение «мудрости» передается в современном Китае словом «чжи». Лучший на Западе словарь китайского языка (*Dictionnaire français de la langue chinoise*. Paris. Изд. Институт Риччи (Ricci), 1976, с. 149) предлагает четыре значения данного слова: 1. talent; capacité; 2. intelligence; sagesse; prudence; 3. intelligent; sage; prudent; 4. *stratagème* (подробнее см.: Harro von Senger: «Strategemische Weisheit» // *Archiv für Begriffsgeschichte*. Bd. XXXIX. Bonn, 1996, S. 29ff.). Впрочем, и на Западе мудрость и хитрость могут ужиться в одном общем понятии. Так, в отношении древнегреческого слова «μῆτις» [род. падеж μῆτιδος] говорится: «...parfois «plan, plan habile», plus souvent «sagesse» habile et efficace, qui n'exclut pas la ruse...; le mot est volontiers appliqué à Zeus le rusé, voir Vernant et Détienne...» ([иногда — «план, искусный план», чаще искусная и удачливая «мудрость», не исключаяющая хитрости...

слово часто применяется к хитроумному Зевсу, см. Vernant et Détienne,] Pierre Chantraine: «Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots». Paris, Klincksieck, 1968, S. 699- [В «Древнегре-ческо-русском словаре» В. Дворецкого «μητις» определяется следующим образом: 1) мудрость, разум (Пиндар: μητιν αλωττηξ — хитрый, как лиса); 2) замысел, план, намерение.] М. Детьен и Ж.-П. Вернан объясняют значение «μητις» так, что древнегреческая «мудрость» оказывается весьма близкой к китайскому понятию «чжи». «Μητις» оказывается «une forme d'intelligence et de pensée, un mode du connaître; elle implique un ensemble complexe, mais très cohérent, d'attitudes mentales, de comportements intellectuels qui combinent le flair, la sagacité, la prévision, la souplesse desprit, la feinte, la débrouillardise, l'attention vigilante, le sens de l'opportunité. des habiletés diverses, une expérience longuement acquise; elle s'applique à des réalités fugaces, mouvantes, déconcertantes et ambiguës, qui ne se prêtent ni à la mesure précise, ni au calcul exact, ni au raisonnement rigoureux» («формой ума и мысли, способом познания; она предполагает сложный, но очень гармоничный комплекс ментальных побуждений, интеллектуальных усилий, которые сочетают чутье, проницательность, предвидение, тонкость ума, хитрость, находчивость, настороженное внимание, чувство противоречия, различные умения, изощренную опытность; она применяется в изменчивых, неустойчивых, приводящих в замешательство и сомнительных ситуациях») Marcel Détienne; Jean-Pierre Vernant: *Les ruses de l'intelligence: la métis des Grecs* (М. Детьен, Ж.-П. Вернант. Уловки разума: греческая «метис»). Paris, 1974, с. 9 и след.).

Также и немецкое слово «хитрость» (List) на раннем этапе своего бытования означало в том числе и «мудрость». Однако в отличие от древнегреческого «μητις» и китайского «чжи» немецкому слову «List» в современном значении (см. представленное в § 12 и взятое из толкового словаря *Duden* определение слова «List») не присуще совмещение понятий «мудрость» (без оттенка лукавства) и «хитрость», которое если и наблюдалось, то на крайне ограниченном временном промежутке при переходе от исходно весьма положительного к современному, сугубо отрицательному значению. Особенность китайского понятия «чжи» заключается в том, что оно сохраняло свое двойственное значение «мудрость»-«хитрость» не только в какое-то определенное время, но и в самые разные эпохи (так сказать, синхронно и диахронно).

Так, название «И лао фу чжи доу сань цзефань» статьи, появившейся в ежедневной пекинской газете *Бэйцзин жибао* 22.06.1995, можно перевести «Старушка хитростью усмиряет трех разбойников». В статье говорится о пожилой женщине Цзя Юймэй, содержащей в городе Иньчуань в Нинся-Хуэйском автономном округе, где проживают дунгане, закусочную. Все здания вокруг были снесены, жители переехали в район новостройки, а хозяйку закусочной задержали какие-то дела. И вот ночью к ней стали ломиться грабители, требуя денег. Сначала она пыталась их образумить, а затем пошла на такую хитрость: стала громко звать отсутствовавших в то время сыновей, притворившись, что они спят наверху. «Вызывайте полицию да спускайтесь сами с оружием!» — звала она. Потом она низким голосом изобразила, будто ей сверху отвечает один из присутствующих сыновей.

7. **Одолевать головой, а не силой**

Выражениями вроде «чжи доу» («одолеть хитростью» или «перехитрить»), которым *Бэйцзин жибао* охарактеризовала действия пожилой женщины, или «доу чжи» (дословно «мериться мудростью/хитростью»), часто встречающимися в современной печати, пользовались и в весьма отдаленные времена. В Китае хорошо известно высказывание Лю Бана, основателя самой долговечной императорской династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), в котором использовано словосочетание «доу чжи»: «Нин кэнь доу чжи, бу нэн доу ли»: («Я предпочитаю состязаться в разуме (чжи) и не могу состязаться в силе»). Сян Юй, главный соперник Лю Бана, взял в плен [Тай-гуна], отца Лю Бана «и [послал] сказать Хань-вану (т. е. Лю Бану): «Если ты не поспешишь сдаться, я сварю Тай-гуна заживо». Хань-ван ответил: «Я и ты, Сян Юй, оба, стоя лицом к северу, получили повеление Хуай-вана. Оно гласило, что, согласно условию, мы будем старшим и младшим братом. Мой старик отец — это твой старик отец. Если ты непременно хочешь сварить живьем своего старика отца, сообрази уделить и мне чашку похлебки». Сян-ван разгневался и хотел убить Тай-гуна, но затем одумался и послал сказать Хань-вану: «Поднебесная волнуется, словно море, вот уже несколько лет и все из-за нас двоих, я хочу лично сразиться с вами, Хань-ван, в поединке и выявить победителя и побежденного, чтобы не причинять больше напрасных страданий народу, нашим отцам и сыновьям в Поднебесной». Хань-ван со смехом отказался [от этого предложения], ответив: «Я предпочитаю состязаться в разуме и не могу состязаться в силе» (*Сыма Цянь. Исторические записки, т. 2. Пер. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 1975, с. 147*).

На самом деле Лю Бан в своем «состязании в разуме» с Сян Юем прибегал преимущественно к помощи уловок. Так, восьмая из 36 стратагем «[Для вида чинить (сожженные) деревянные мостки (по дороге на Чэньцан), а самим] тайно выступить (обходным путем) в Чэньцан» основывается на военной хитрости Лю Бана (см. 8.1). Современную книгу о «состязании ума» [доу чжи] выпустил Ли Бинъянь, составитель самой популярной в Китае книги о 36 стратагемах. 19 изданий с 1976 по 1985 год (когда по причине многочисленных плагиатчиков ее пришлось изъять из продажи) выдержала в Тайбэе книга *Саньшилю цзи: доуцзи* (Тридцать шесть стратагем: состязание ума [точнее, состязание в хитрости]). Джордже Казакия

(Casacchia), выпустивший в Неаполе книгу о 36 стратагемах (см. § 5), вызывает усмешку, когда, не обременяя себя знаниями о словаре китайских стратагем, усматривает в подзаголовке «доу чжи» вышеупомянутой тайваньской книги псевдоним ее издателя (*I trentasei stratagemmi*. Neapel, 1990, с. 29, прим. 19).

Уже в древнейших китайских сочинениях, которые относят к области философии, «чжи» в обыгрываемом здесь смысле играет определенную роль. Так, в самом старом военном трактате Китая *Военное искусство Сунь-цзы* (около 500 до н. э.) слово «чжи» встречается семь раз, например, в следующем предложении: «Не обладая высшим знанием (чжи), нельзя использовать лазутчиков» («фэй шэн чжи бу нэн юн цзянь») [«Сунь-цзы», 13.8 «Использование шпионов» [«Юн цзянь»]: Китайская военная стратегия. Пер. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 208]. То, что «высшее знание» имеет здесь привкус хитроумия, видно из сопутствующих комментариев. Ду Му (803—852) пишет: «Нужно сначала оценить характер шпиона, его искренность, правдивость, многосторонность ума [у Зенгера «хитроумие»], и только после этого можно пользоваться им» («Сунь-цзы. У-цзы: Трактаты о военном искусстве». Пер. с кит. Н. Конрада. М.–СПб: АСТ, 2001, с. 337). Конечно, лишь мудрость, восприимчивая к хитрости, в состоянии распознать хитрости других.

В *Сунь-цзы* о военачальнике говорится: «Полководец — это мудрость, доверие, человечность, отвага, строгость» [«Сунь-цзы», 1.3 «Первоначальные расчеты» («Цзи»): Китайская военная стратегия. Пер. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 120]. «Мудрость» (чжи) упомянутым выше Ду Му разъясняется так: «Мудрость — это умение господствовать в любой обстановке и знание постоянства в переменах» (*там же*, с. 120). Комментатор Мэй Яочэнь (1002—1060) идет даже дальше: «мудрость (чжи) — это умение быть находчивым и изощренным». Уже Ван Фу (76/85—157/167) отмечает: «Посредством мудрости (чжи) полководец подчиняет противника себе... А раз он подчиняет противника себе, то должен быть в состоянии прилаживаться к переменчивым обстоятельствам... Если он привлекает способных и умных (чжи) людей, то ему удаются его тайные замыслы (инь моу) («Суждения сокровенного человека» [«Цянь фу лунь»], гл. 21 «Наставление полководцам» [«Цюань цзянь»]).

Согласно преданию, Сунь-цзы жил более 2500 лет назад во времена «Весен и Осеней» (770—476 до н. э.), в ту же пору, что и Конфуций (551/552—479). Другой философ той же эпохи, существование которого, впрочем, как и авторство приписываемого ему сочинения Дао дэ цзин (по-немецки часто передающегося как *Tao Te King*), *Книги пути и добродетели*, ставится под сомнение, а именно Лао-Цзы, соотносит «мудрость» с созвучными хитрости понятиями: «Когда появилось мудрствование (чжи), возникло и великое лицемерие» (*Дао дэ цзин*, § 18. Пер. Ян Хиншуна // Древнекитайская философия, т. 1. М.: Мысль, 1972). Поэтому Лао-Цзы утверждает: «Когда будут устранены мудрствование (чжи) и ученость, тогда народ будет счастливее во сто крат» (*там же*, § 19). «Поэтому управление страной при помощи знаний (чжи) приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью» (*там же*, § 65).

В одном современном китайском, пусть и популярном, комментарии так уясняется связь между осуждаемой Лао-Цзы мудростью и проистекающей из нее хитростью: «[Лао-Цзы] требовал пренебрегать мудрецами и мудростью... Лао-Цзы отвергал знание и мудрость, говоря, что обладающим знаниями народом трудно управлять... Отчего люди пытаются обманывать и хитрить? Все дело заключается в обманчивости так называемой мудрости...»

Хотя Лао-Цзы и не ставил знак равенства между мудростью (чжи) и хитростью, все же хитрость для него неизбежно сопутствовала мудрствованию. Чем умнее и затейливее что-либо замышляется, придумывается или устанавливается, тем с большей хитростью люди отвечают на это. Чем больше мудрствование, тем сильнее противодействие хитрости, чем меньше самого мудрствования, тем меньше требуется от людей хитрости. В *Дао дэ цзин* присутствуют мысли, которые позволяют рассматривать этот труд как книгу о военном искусстве, а самого Лао-Цзы — как философа козней (см. 17.31). Не случайно ведь само появление таких книг, как «Искусство стратагем [согласно] «Лао-Цзы» («Лао-Цзы моу люэ сюэ», Гонконг, 1993), автор Чжан Юньхуа.

8. Конфуций — тайный приверженец хитроумия?

В *Беседах и суждениях (Лунь юй)*, основополагающем сочинении, непосредственно передающем учение Конфуция, слово «чжи», которое обозначает как мудрость, так и хитрость, встречается 116 раз, причем два раза в значении существительного «знание», 89 раз в глагольном значении «знать» и 25 раз в значении «мудрость». «Мудрость» понимается Конфуцием главным образом как умение различать добро и зло, истину и ложь. Впрочем, иногда у Конфуция это слово имеет оттенок хитроумия. Так, всякого, обладающего умом (чжи) Цзан Учжуна, он называет «совершенным человеком» [«чэнжэнь»; *Лунь юй*, 14.2]. Цзан Учжун был сановником царства Лу, который, бежав в царство Ци, сумел предвидеть убийство Чжуангуна, правителя владения Ци в 553—548 до н. э. Посредством провокационной стратагемы (уловка 13 из составленного два тысячелетия спустя списка 36 стратагем) Цзан Учжун привел в ярость Чжуангуна,

пожелавшего даровать тому удел. Цзан Учжун в одной из бесед обозвал Чжуан-гуна «крысой» из-за нападения на царство Цзинь, ослабленное внутренними раздорами. Цель такого умышленного оскорбления состояла в том, чтобы Чжуан-гун отсрочил дарование удела Цзян Учжуну. Благодаря этой отсрочке Цзан Учжун смог уцелеть, когда через год умертвили самого правителя царства Ци. Конечно, хитроумная составляющая мудрости у Конфуция не выдвигается на первый план. Однако было бы неверно отрицать наличие хитрости у проповедуемой Конфуцием мудрости. Конфуций в рамках своего нравственного учения, хотя и не явно, а исподволь, ратует за применение хитрости, например, в таком эпизоде:

«Обращаясь к Конфуцию, правитель княжества Шэ сказал: «В моих владениях есть прямой человек. Когда его отец украл барана, сын выступил свидетелем против отца». Конфуций сказал: «Прямые люди в наших владениях отличаются от ваших. Сыновья скрывают проступки отцов, а отцы скрывают проступки сыновей. В этом и состоит прямота» («Лунь юй», 13-18).

Понятно, что отец, скрывая проступки сына, а сын — ошибки отца, могут прибегать к лукавству, например, обманывая власти, прикидываясь глупцами, заматывая следы, помогая скрыться объявленному в розыск родственнику и т. п. Поэтому главная для Конфуция добродетель — сыновья почтительность — в случае необходимости сопряжена с хитроумием. Тем паче не стоит удивляться, что Конфуций допускает присутствие в «мудрости» (чжи) некоторого лукавства. Свидетельством того, что сам Конфуций не брезговал хитростью в своих отношениях с ближними, служит *Лунь юй*. «Ян Хо хотел видеть Конфуция, но Конфуций не пошел к нему. Тогда Ян Хо отправил [в дар Конфуцию] поросенка. Конфуций выбрал время, когда Ян Хо не было дома, и пришел поблагодарить его за подарок» [*Лунь юй*, 17.1]*, тем самым воспользовавшись уловками выгоды положения и бегства (стратагема 12 и 36). При этом удалось соблюсти внешне правила учтивости и избежать нежелательной встречи. В другой раз «Жу Бэй хотел повидать Конфуция. Конфуций отказал ему под предлогом болезни» (*там же*, 17.20), что являлось чистой ложью (стратагема 7 либо 27). «[И в тот момент, когда] посланный с отказом выходил из ворот, Конфуций взял лютню, заиграл и запел, специально для того, чтобы Жу Бэй услышал это» (*там же*, 17.20). Очевидно, что Конфуций тем самым в открытую хотел показать, что не болезнь послужила причиной отказа принять Жу Бэя, и указать тому на совершенный (неизвестный нам) проступок столь наглядным по сравнению с привычным увещанием образом (стратагема 13).

* Далее извлечения из «Бесед и суждений» (*Лунь юй*) даются в переводе А. Мартынова по изданию «Конфуцианство. В 2 тт. «Лунь юй», т. 2. СПб: Петербургское Востоковедение, 2001. — *Прим. пер.*

Впрочем, среди китайцев есть авторы, которые склонны присущую многим китайцам смекалистость, когда они прикидывают все выгоды завязываемых отношений, отделить от мышления — как сугубо рассудочного, опирающегося на чисто логические выводы, так и исходящего из чувственного восприятия и иррациональных посылок. При этом последние оба вида мышления рассматриваются как якобы не получившие в Китае большого отклика.

9. Исходящий из расчета отказ от умерщвления людей

Доказательством в пользу приписываемого Конфуцию расчетливо-стратагемного мышления — речь вообще идет об имеющем для китайцев исстари первостепенное значение «практическом разуме» [шиюн лисин] — может служить Мэн Кэ (около 372—289 до н. э.), второй по значимости представитель конфуцианства. В беседе с лянским правителем Сян-ваном (ум. 295 до н. э.) на вопрос «Кто из правителей сможет объединить Поднебесную?» (Китай в то время был раздроблен на многочисленные владения) Мэн-цзы ответил: «Объединить ее может тот, кто не падок к умерщвлению людей... Ныне же в Поднебесной среди правителей нет таких, кто не был бы падок на умерщвление людей (намек на жестокость правителей, борющихся с лянским правителем за право стать воссоединителями Поднебесной), но если окажется такой, кто не будет падок на умерщвление людей, тогда народы Поднебесной все пойдут за ним и будут уповать на него. Если бы взаправду так произошло, народы покорились бы ему с такой же готовностью, с какой вода стекает вниз. Однако если вода сразу обильно низвергнется, кто тогда сможет воспротивиться ей?!» [Мэн-цзы. Пер. В. Колоколова. СПб: Петербургское востоковедение, 1999, с. 20 (гл. 1.6)]. Мэн-цзы отвергает жестокое правление, основываясь не на нравственной посылке, а исходя из голого расчета, что отказавшийся от убийства людей правитель в борьбе за объединение страны способен обставить своих соперников.

Начиная с Мэн-цзы «чжи» стало обозначать «мудрость» как одну из четырех главных конфуцианских добродетелей. Но «чжи» у Мэн-цзы порой включает в себе хитроумие: «Кто-то подарил Цзы Чаню во владении Чжэн рыбу. Цзы Чань велел смотрителю водоемов выпустить ее в пруд и кормить там. Смотритель зажарил рыбу и, докладывая об исполнении приказа, сказал: «Как только я выпустил рыбу, она была вялая, немного погода стала резвиться и очень довольная исчезла!» На это Цзы Чань задумчиво произнес два раза: «Она обрела свое место, обрела свое место!» Смотритель водоемов вышел и сказал: «Кто из вас скажет, что Цзы Чань умен [чжи]? Я сжарил и съел рыбу, а он говорит: «Она обрела свое место, обрела свое

место!» Выходит, что добропорядочного мужа можно обмануть, воспользовавшись его же способом рассуждать, но трудно погубить, если прибегнуть к тому пути, который он отвергает» (*там же*, гл. 9.2) (см. 16.18).

В данном отрывке зритель водоемов ставит под сомнение «ум» Цзы Чаня, поскольку тот не разглядел его обманную уловку. «Умным», видимо, посчитал бы Цзы Чаня зритель водоемов с его представлением об «уме», бытовавшим в ту пору среди широких масс, лишь в том случае, если бы тот засомневался в картине, нарисованной зрителем водоемов в соответствии с тем, что Цзы Чань предполагал услышать, и, заподозрив подвох, устроил бы проверку или если бы Цзы Чань поручил проследить тайком за выполнением зрителем водоемов отданного поручения и поймал бы его за руку. Хотя Мэн-цзы четко не определяет понятие «мудрость» («ум»), все же для благородных мужей в отношении разворачивающегося соответственно их нравственным установкам хода событий и его освещения он не допускает мудрость, замешанную на хитрости. Одновременно Мэн-цзы признает за умом благородного мужа хитрость, но лишь когда ход событий и их освещение противоречат принятому нравственному порядку.

10. Оказать помощь тонущей невестке

В связи с Мэн-цзы следует упомянуть слово «цюань», означающее прежде всего «подвижную гирю», а отсюда «взвешивать», «обдумывать», «делать расчет», «сила, влияние», даже «[субъективное] право». Оно входит в состав выражаемого на китайском языке понятия «права человека» (*жэньцюань*). Здесь же нас прежде всего интересуют значения типа «предварительный», «непостоянный», «применяться», те значения, которые нашли отражение во встречающемся впервые в составленной Фань Е (398—445) *Истории Поздней Хань* («Хоу Хань шу») словосочетании «цюань-и чжи цзи», что означает «сообразующийся с обстоятельствами замысел», «тактический ход». Наконец, «цюань» может обозначать отклоняющийся от (конфуцианского и т. п.) канона [«цзин»] образ действий, исход которых мог или должен соответствовать пути (дао), лежащему в основе не только канона, но и всего сущего. В таком понимании «цюань» встречается уже в «Комментарии Гуньяна [к Веснам и Осеням] («[Чунь цю] Гуньян чжуань») (составленный в эпоху Сражающихся царств, 475—221 до н. э.) к отредактированной Конфуцием *Летописи Весен и Осени*: «Что такое цюань? Цюань противостоит канону (цзин), но [порой] бывает лучше».

Образцовое представление «цюань» в качестве «чрезвычайной меры» дано в книге Мэн-цзы: «Если не оказать помощи тонущей невестке, то это значит быть волком или гиеной. То, что мужчина и женщина при передаче или получении чего-либо не соприкасаются друг с другом руками, — это правило учтивости (ли — , слово, служащее выражением установлений, составляющих канон нравственного и благопристойного с точки зрения конфуцианства поведения). А подача руки при оказании помощи тонущей невестке — это та гиря (цюань), которая перетянет весы на сторону добра» [Мэн-цзы. Пер. В. Колоколова. СПб, 1999, с. 112 (гл. 7.18)].

То, что здесь Мэн-цзы поясняет на примере, видно из следующих слов: «Чан цзэ шоу цзин, бьянь цзэ цун цюань» («в обычных обстоятельствах придерживаться канона, при [существенном] изменении [принятого хода вещей] следовать за противовесом [канона]»). Отсюда вытекает тот взгляд на вещи, согласно которому кажущиеся устоявшимися общественные нормы (цзин) вовсе не являются неприкосновенными для всех случаев жизни. Всегда возникают такие стечения обстоятельств, когда «цюань», иначе говоря, отступающее от норм поведение, вполне оправданно. Таким образом, китайская духовная культура уже на протяжении тысячелетий предоставляет индивидууму подобающую случаю свободу для неожиданных, престаупающих установленные нормы действий. Поэтому неудивительно, что в богатом словнике уловок «цюань» занимает видное место.

В китайских сочинениях, связанных со стратегемами, особо важную роль играет образованное словами «цюань» и «моу» понятие «цюаньмоу», означающее «(политическая) тактика, прием» и «обман». Впервые «цюаньмоу» встречается у Сюнь Куана (также именуемого Сюнь-цзы, наставник Сюнь, 313—238 до н. э.), испытавшего сильное влияние легизма конфуцианца: «Посему стоящих у кормила власти и прибегающих к козням (цюаньмоу) ждет погибель» («Сюнь-цзы», гл. 11 «Совершенный государь и гегемон» («Ван бо пянь»)]. В составленной Бань Гу (32—92) *Книге [о династии] Хань* («Хань шу») приводится описание составителей военных трактатов, «цюаньмоучже», характеризуемых следующим образом: «Обычными (чжэн) [средствами] они стремятся управлять государством, необычными (ци) — вести войну. Перед ведением войны они вначале составляют план. При этом они учитывают сложившуюся обстановку и привлекают гадателей. Они привлекают военные приемы» (гл. 30, «Искусство и литература» [«И вэнь чжи»]).

Эту древнюю традицию предлагают в современном Китае такие книги, как «Стратегемы для военачальников» («Бинцзя цюаньмоу», 3-е изд. Пекин, 1991), автор Ли Биньянь; «Стратегемы китайской старины» («Чжунго гудай цюаньмоу». Нунци, 1988), составитель Юань Ювэнь; «Искусство стратегем:

тяжба проигравшей и победившей сторон» («Цюаньмоу шу: шуцзя юй инцзя дэ цзяолян». Пекин, 1995), составитель Лю Сижэнь.

11. Выдавать убийство за войну, а обман за торговлю

«Вот это европейцы. Куда бы их ни занесло, всюду царит любовь! А у нас, китайцев? Одни козни...» — эти обличительные слова вкладывает в уста одного из своих героев бывший китайский министр культуры и всемирно известный писатель Ван Мэн (см. Wang Meng: *Rare Gabe Torheit* (Редкий дар — глупость. Пер. на нем. Ульриха Каутца (Kautz). Frauenfeld 1994, S. 80 [«Метаморфозы, или Игра в складные картинки» («Ходун бянь жэньсин», главный герой Ни Учэн); на русском языке роман в переводе Д. Воскресенского вышел в 1988 г. Ван Мэн. Избранное. Под ред. с. Торопцева. М.: Радуга]). Но действительно ли в Европе, на Западе, царит любовь? Там смотрят на это иначе, нежели герой Ван Мэна. Уже немецкий поэт Себастьян Брант (1457 - 1521) сетует в своем «Корабле дураков» [«Das Narren Schyff», 1494] на то, что в мире «полно плутов и поддельщиков» (Betrüger sint und Fälscher vil; сатира 102. На рус. яз. см.: Себастьян Брант. «Корабль дураков». Пер. Л. Пеньковского. М.: Худ. лит., 1989, с. 149). А известный своим черным юмором американский писатель Амброс Бирс (1842—1914) характеризует западную цивилизацию следующим образом: «Запад — та часть земли, что лежит к закату (либо к восходу) от Востока. Преимущественно там живут христиане, большое племя из рода лицемеров, главным занятием коих является убийство и обман, что те предпочитают именовать «войной» и «торговлей». Тем же промышляют и на Востоке» [«Словарь сатаны» («The Devils Dictionary», 1906)].

Ввиду расплывчатого представления о хитрости в западном мире в данном отрывке слова «лицемеры» и «обман» вполне подпадают под определение хитрости, которая хоть и не упоминается явно, но все же явственно видна в том, что «убийство» Бирс язвительно именует «войной», а «обман» — «торговлей». Но Запад не очень-то разнится от Востока, к каковому я причисляю и Китай. При этом несомненно, что на Западе, насколько мне известно, не было ничего похожего на список 36 стратагем, который китайцы составили еще пятьсот лет назад и до середины XX в. хранили в тайне. Хитрость не привлекла к себе такого внимания на Западе, как это было в Китае. На Западе всегда могут прибегнуть, пусть и без подготовки, к стратагемам, но рассуждать, говорить и писать об этом там не привыкли.

12. За редкими деревьями лжи не видят густого леса уловок

Пренебрежение хитростью отражается и на немецком языковом пространстве. Например, *Указатель имеющихся в продаже книг* (*Verzeichnis lieferbarer Bücher* 1998—99, Bd.5 Frankfurt, a. M., 1998) содержит 151 название с ключевым словом «ложь» (Lüge) и только 14 названий с ключевым словом «хитрость» (List) (с. 1023 и след., 10 399 и след.). Ложь на Западе уже на протяжении тысячелетий изучается как явление, и ей давно дано определение. Но ведь с позиции стратагемной науки ложь оказывается лишь малой частной областью хитрости. В списке 36 стратагем ложь как некое обхождение с языком соответствует стратагеме творения 7, «из ничего сотворить нечто». Даже в рамках стратагемы творения ложь оказывается частным случаем и отнюдь не охватывает собой все поле значений этой стратагемы. Даже если под «ложью» в очень широком смысле подразумевать не только языковое расхождение между обозначаемым (именуемым) и обозначением (именем) и причислить к ней тем самым подпадающие в раздел обманной стратагемы уловки из списка 36 стратагем — то и тогда она предстает всего лишь частным случаем такого обширного явления, как хитрость. Получается, что на Западе за деревьями не видят леса. Поглощенность западного человека ложью вполне можно рассматривать как своего рода маневр, чтобы не соприкоснуться с хитростью.

Но что же такое «хитрость»? Этим вопросом, пусть и исподволь, не слишком явно я занимался в первом томе *Стратагем*, привлекая многочисленные примеры. Теперь же я хочу наверстать упущенное. В толковом словаре немецкого языка *Duden: Deutsches Universalwörterbuch*, начиная с издания 1983 г., даются два определения хитрости, узкое и широкое. Узкое определение именует хитрость средством, с помощью которого, *обманывая других*, пытаются достичь того, чего нельзя достичь обычным путем. Данное описание хитрости соответствует бытующему в немецком языковом пространстве, а по существу и на всем Западе пониманию хитрости. Там остается почти неизвестным широкое толкование хитрости, где она предстает средством, с помощью которого пытаются достичь того, чего нельзя достичь обычным путем. В том, широком толковании *отсутствует составляющая обмана*. На мой вопрос, не выхолащивается ли тем самым понятие хитрости, составители словаря ответили, что такое широкое определение действительно следовало бы ограничить добавлением эпитета «ловкий». Итак, хитрость — это ловкое средство, с помощью которого пытаются достичь того, чего нельзя достичь обычным путем. Подобное широкое, обходящееся без элемента обмана толкование хитрости оказывается теми мостками, которые позволяют западному человеку получить доступ к китайскому пониманию хитрости. Ведь основной признак нейтрального, если не положительного восприятия китайцами хитрости состоит в том, что они не сводят хитрость к обману и мошенничеству.

13. Что делает хитрость хитростью

Не «обман» и «мошенничество», а «необычное» (ци) с китайской точки зрения служит отличительной чертой хитрости. Оно, как явствует из широкого определения хитрости в толковом словаре *Duden*, воспринимается в диалектическом единстве с «обычным» или «регулярным» [чжэн], что следует из следующего отрывка из *Военного искусства Сунь-цзы*:

«При встрече с противником войско становится непобедимым благодаря сочетанию необычных («ци»; [Н. Конрад переводит это понятие словом «маневр»]) и регулярных («чжэн»; [у Конрада «правильный бой»]) действий... Вообще говоря, в бою противника встречают регулярной позицией (чжэн), побеждают же его нерегулярным маневром (ци). Поэтому тот, кто искусно пользуется нерегулярными маневрами, безграничен, подобно Небу и Земле, и неисчерпаем, подобно Хуанхэ и Янцзы. Кончаются и снова начинаются — таковы солнце и луна; умирают и снова нарождаются — таковы времена года. Тонов не более пяти, но все изменения пяти тонов слышать невозможно. Цветов не более пяти, но все изменения пяти цветов видеть невозможно. Вкусов не более пяти, но все изменения пяти вкусов ощутить невозможно. Боевых маневров существует не более двух видов — маневр необычный и регулярный, — но все превращения регулярных и необычных действий сосчитать невозможно. Действия регулярные и необычные взаимно порождают друг друга, и это подобно круговороту, у которого нет конца. Разве может кто-нибудь их исчерпать?» («Сунь-цзы», 5.3 «Потенциал (мощь)» [«Ши»]: Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 140—141).

В изданном в Шанхае (1978) сводном комментарии к *Сунь-цзы* на первой странице эту мысль комментирует живший в танскую эпоху Ли Цюань (сер. VIII в.): «На войне без применения хитростей трудно победить» (*там же*, с. 141). Идущий далее комментарий жившего в сунскую эпоху (960—1279) Хэ Янь-си [иначе именуемого господин Хэ] разъясняет «ци» посредством одержанной благодаря стратагемам победе [княжества Цинь над княжеством Чжао в войне 236—229 до н. э.] периода Сражающихся царств (см. 3.9).

«Ци» и «чжэн» в переводе на западные языки *Военного искусства Сунь-цзы* передаются по-разному: «*maneuvers direct and indirect*», «*direkter*» и «*indirekter Methode*», «*normal*» и «*extraordinary force*». Предпочтительней передавать «ци» словом «*extraordinary*» (необычный). На это направлена и передача «чжэн» словом «*the straightforward*», а «ци» — словом «*surprise*». (Roger T. Ames [перевод, введение и комментарий]: *Sun Tzu. The Art of Warfare*. New York, 1993, с. 119). Лишь чрезвычайное, непривычное, необычное может обескуражить и позволить обвести противника. Так, Лайонел Джайлс (Giles, 1875—1958) при переводе комментария к приведенному из *Сунь-цзы* отрывку передает «ци» словом «*abnormal*»: «*In presence of the enemy, your troops should be arrayed in normal (zheng) fashion, but in order to secure victory abnormal (qi) maneuvers must be employed*» (*Sun Tzu on the Art of War: The Oldest Military Treatise in the World*. Shanghai/London, 1910, 2-е изд.: Taipeh, 1964, с. 35).

Отдельная глава под названием «Ци чжэн» имеется в утерянном почти две тысячи лет назад, а в 1972 г. найденном в не полностью сохранившемся виде при раскопках [в погребении военного чиновника ханьского времени в местечке Иньцюшань, провинция Шаньдун] трактате IV в. до н. э. *Военные законы Сунь Биня* («Сунь Бинь бинфа») [на рус. яз. см.: *Китайская военная стратегия*. Пер. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 284 — 364]. Ральф Д. Сойер удачно переводит «Ци чжэн» как «*Неортодоксальное и ортодоксальное*» (Ralph D. Sawyer [перевод]: *Sun Pin: Military Methods*, Boulder/Col. 1995, с. 230). Сунь Бинь пишет о соотношениях «ци» и «чжэн» следующее: «*Подобия недостаточно для того, чтобы одержать победу, поэтому, сохраняя свое отличие от противника, применяй необычный маневр. Посему покой — это «необычное» для движения, отдых — это «необычное» для трудов, сытость — это «необычное» для голодания, порядок — это «необычное» для смуты, множество — это «необычное» для малого. Когда нападение является регулярным (чжэн) действием, сдержанность предстает действием необычным (ци)*» («*Китайская военная стратегия*». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 362).

В одном комментарии к этому месту говорится: «Чжэн» — всеобщее, привычное, «ци» — особенное, изменение... «Обычное» (чжэн) и «необычное» (ци) суть два взаимообусловленных понятия. То, что в привычных обстоятельствах является «обычным», в особенных обстоятельствах может предстать чем-то «необычным», и наоборот» (Чжан Чжэньцэ, «Военные законы Сунь Биня с улучшениями и разъяснениями» {«Сунь Бинь бинфа цзяо ли»}. Пекин, 2-е изд., 1986, с. 195).

В появившемся почти 500 лет назад трактате о 36 стратагемах в комментарии к стратагеме 8 говорится: «Необычное (ци) производят из обычного (чжэн); не будь обычного, нельзя было бы произвести необычное». Эта уясняющая китайское понимание хитрости мысль нашла свое выражение в таком обороте речи: «*Чу ци чжи шэн*», что дословно означает следующее: «Произвести необычное и добиться победы» или «Произведя необычное, добиться победы». «Новый китайско-немецкий словарь» (Пекин, 1996, с. 123) предлагает такой перевод: «Непредвиденной уловкой добиться победы», «Одолеть кого-либо с помощью

неожиданности; захватить противника врасплох». Этот оборот речи содержательно восходит к *Военному искусству Сунь-цзы*, но сама формулировка принадлежит известному своими *Докладными записками* [«цзоу-и»] высокопоставленному танскому сановнику Лу Чжи (754—805). Что касается меня, то, отвечая на вопрос, что понимается в Китае под «хитростью», я использовал бы этот фразеологизм, который к тому же является наилучшим переводом на китайский широкого определения хитрости из [толкового словаря немецкого языка] *Duden*.

Если, согласно китайским представлениям, хитрость проистекает из мудрости, то исконно присущее хитрости «производство необычного» представляет собой осознанный мыслительный процесс. При этом из понятия хитрости исключены колдовство (Magie) и религиозные чудеса — столь же необычные способы достижения цели, а также необычные, проявляемые на инстинктивном уровне реакции человека. Так, колдовство в романе минской эпохи *Путешествие на запад* используется в качестве подручного средства при осуществлении уловок, но в *изобретении* уловок совершенно не участвует. Наделенному колдовскими способностями человеку, решившему пойти на хитрость, приходится руководствоваться предписаниями 36 стратагем подобно обычному человеку. Ввиду того, что сама суть хитрости заключается в производстве «чрезвычайного», то требуемое для этого умственное усилие должно быть из ряда вон выходящим, то есть человек должен проявить определенную смекалку и сноровку, степень которых в зависимости от изощренности уловок может различаться.

14. Двенадцать уловок Сунь-цзы

В соответствии с издавна распространенным в Китае широким толкованием хитрости в *Военном искусстве Сунь-цзы* после слов «Война — это путь обмана» приводится двенадцать таких путей. Ввиду чрезвычайной краткости китайского текста в квадратных скобках даются пояснения к переводу:

- (1) если можешь [идти войной на противника], показывай противнику, будто не можешь;
- (2) если готов действовать [против противника], показывай, будто не готов;
- (3) когда находишься вблизи [противника], показывай, будто ты далеко;
- (4) а когда ты далеко [от противника], показывай, будто ты близко;
- (5) [если противник желает] выгоды, [клади наживку и] заманивай его;
- (6) покоряй его, водворяя в его стане разлад;
- (7) если он в достатке [снаряжен], будь начеку;
- (8) если он силен, уклоняйся от него;
- (9) вызвав в нем гнев, приведи его в смятение [и подтолкни к необдуманным действиям];
- (10) приняв смиренный вид, разожги в нем гордыню;
- (11) если его силы свежи, утоми его;
- (12) если он сплочен, посея в его стане раздор («Сунь-цзы», гл. 1.7: Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 122).

В *Военном искусстве Сунь-цзы* далее говорится: «Нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает» (*там же*, с. 122).

Как показывают по меньшей мере правила 7 и 8, «хитрость» означает не только «обман». Бдительность по отношению к хорошо снаряженному противнику и уклонение от столкновения с сильным врагом (см. также стратагему 36) расценивается китайцами как хитрое поведение. Напротив, ослабление бдительности (возможно, спровоцированное противником) и нерасчетливо-смелая конфронтация (что касается Германии, то можно вспомнить Верден в Первой мировой войне и Сталинград — во Второй мировой войне) рассматриваются как отрицательные образцы типично бесхитростного, прямо-таки глупого образа действий и как нарушение требования о применении в необходимых случаях стратагемы бегства. «12 уловок» должны вызывать или использовать подходящие ситуации, в которых враг «не подготовлен» и соответственно действия «не ожидаются». Такие ситуации, согласно *Военному искусству Сунь-цзы*, могут вести к победе.

Широкое понимание «хитрости» отражено и в появившемся через 2 тысячи лет после *Военного искусства*

Сунь-цзы списке 36 стратагем. Список 36 стратагем хотя и покрывает большую часть возможных уловок, все же не является всеобъемлющим. Поэтому можно встретить китайские издания списков из 58, 64 и еще большего числа стратагем.

В зависимости от целей, которых помогают достигать стратагемы из списка 36 стратагем, можно выделить следующие основные их разновидности:

- 1) стратагемы подделки (имитации): создание иллюзорной действительности (например, стратагемы 7, 27, 29);
- 2) стратагемы утаивания: имеющиеся в действительности обстоятельства делаются скрытыми от взгляда (например, стратагемы 1, 6, 8, 10);
- 3) [дез]информирующие стратагемы: о том, что на самом деле неизвестно, сообщается как об известном (например, стратагемы 13, 26);
- 4) стратагемы извлечения выгоды: своевременно используется активно вызванные или случайно созданные благоприятные обстоятельства (например, стратагемы 2, 4, 5, 9, 12 (инсценировка совпадения и т. п.), 18, 19, 20);
- 5) стратагемы бегства: уклоняются от неблагоприятных обстоятельств (например, стратагемы 11, 21, 36);
- 6) смешанные стратагемы: одно и то же действие можно отнести к стратагемам различных категорий. Так, любое утаивание сопровождается имитацией и т. п. Следует отметить: только стратагемы разновидностей 1 и 2 основываются на обмане. Лишь в рамках этих обеих категорий доступно принятое на Западе уравнивание «хитрости» и «лжи». Стратагемы разновидностей 3—5, хотя и могут играть скрытыми картами, основываются, однако, в первую очередь на искусной игре с элементами действительности, осознаваемой как многослойная, находящаяся в постоянном динамичном развитии и непостоянная.

Таким образом, все 36 стратагем по важнейшему вопросу их отношения к действительности могут быть разделены на 3 основных класса:

- а) стратагемы обмана (основные разновидности 1 и 2);
- б) стратагемы присутствия (основные разновидности 3, 4 и 5);
- в) смешанные стратагемы (основная разновидность 6).

Чистые стратагемы присутствия, для которых в первую очередь необходимы сноровка, присутствие духа, внимание, сила воображения, дар комбинации, сообразительность и т. п., полностью лишены элемента активного обмана. Среди 36 стратагем, по-видимому, по количеству и по значимости преобладают именно стратагемы присутствия.

Предпринятое выше распределение 36 стратагем на 6 основных разновидностей и 3 основных класса принадлежит не китайским авторам, а лично мне. В Китае на первом плане стоят другие классификации 36 стратагем, в частности, на две разновидности: применяемые при сильном положении (наступательные) и при слабом положении (оборонительные).

36 стратагем, разработанные китайскими умами, представляют собой более высокий уровень обобщения, нежели те многочисленные конкретные обособленные примеры уловок, которыми ограничились европейцы. В Европе знаменитые случаи уловок, размещаемые в беспорядке — в Китае 36 разновидностей хитрости, вносящих порядок в мешанину хитроумных происшествий. Если европейцы в лесу уловок наверняка видят лишь беспорядочно стоящие деревья, то китайцы, образно выражаясь, благодаря списку 36 стратагем в состоянии упорядочить огромные лесные заросли в соответствии с немногими семействами деревьев и тем самым вынести суждение касательно отдельного дерева. И когда китайцам приходится сталкиваться с уловками, им тотчас приходит на ум соответствующая разновидность хитрости, что позволяет уяснить суть происходящего и выявить взаимосвязь с другими случаями такого же рода. Поэтому осведомленность в уловках и восприимчивость к ним у китайцев значительно выше, чем у европейцев, которые всегда видят лишь сугубо конкретные проявления хитрости, не замечая общего в однотипных уловках и не находя для них точного выражения. Используя список 36 стратагем либо как руководство для собственного хитроумного поведения, либо как путеводный компас, позволяющий уберечься от чужих уловок, китайцы умеют ориентироваться в области хитрости гораздо лучше по существу слепых к ней европейцев.

15. Стратегемы как образец поведения

В 1995—96 учебном году вел вместе с профессором философского отделения Утой Гудзони во Фрейбургском университете междисциплинарный семинар «Хитрость в китайском и западном мышлении». В конце годового курса занятий были получены такие итоги:

1. Ни один западноевропейский философ не дал определения понятия «хитрость», хотя западные философы разрабатывали определения других сходных понятий (например, лжи и т. п.).
2. Время от времени западноевропейские философы использовали понятие «хитрость».
3. Из докладов на семинаре можно сделать вывод, что используемое западноевропейскими философами понятие «хитрость» применяется иногда в узком смысле («хитрость = искусный обман»), иногда в широком смысле («хитрость = необычный путь к достижению цели посредством разума»). Например, Ницше использовал, скорее, узкое понимание хитрости. Примером широкого понимания хитрости является гегелевская «хитрость разума» (см. 24.14).
4. Весьма немногие западноевропейские философы, как, например, Шопенгауэр, размышляли над хитростью как таковой. Слово «хитрость» если и упоминается, то вскользь. В противоположность этому «ложь» неоднократно была предметом изучения западноевропейской философии.
5. Невыделение темы хитрости западноевропейской философией в особую тему основывается на посылах, восходящих еще к Древней Греции, которые ни с китайской традиционной точки зрения, ни с современной западной не кажутся ни убедительными, ни самыми важными.
6. Западноевропейская философия односторонне опирается на прямой путь истины и соответственно поиск истины. Вероятно, этим объясняется постоянное моральное обесценивание хитрости.
7. С другой стороны, и в европейской традиции встречается высокая оценка применения хитрости, например, по отношению к Одиссею или хитрому Лису, а также к хитроумию придворных шутов и многих сказочных героев. Здесь хитрость понимается в связи с рассудительностью, здравым смыслом (по-гречески = φρόνησις).
8. Хитрость предполагает специфическое отношение человека к его оппоненту (обычно это тоже человек).
9. Хитрость в отношениях может быть сугубо рационально-целесообразной, но может включать и шутовское обращение с собственными возможностями и возможностями оппонента. «Дипломатические» отношения лежат где-то посередине между тем и другим.
10. Приемы как таковые могут восприниматься как искусный и соответственно хитроумный подход к действительности. На такое понимание указывают средневековое употребление слова «хитрость» и гегелевское понимание хитрости.
11. Хитрость — это область, в которой западноевропейское мышление может оплодотворяться китайскими образцами мышления, например, в виде 36 стратегем.
12. Как следует из ряда докладов, китайская классификация хитрости может послужить более глубокому стратегемному анализу западных философских текстов. Альтернативы стратегемной схемы анализа в форме 36 стратегем и построенной на такой схеме дальнейшей классификации всего содержания философского текста, относящегося к понятию хитрости, в ходе семинара не было обнаружено.

Особенно достоин внимания последний результат семинара: 13. Многослойная проблематика рассмотрения хитрости и вопрос, в каких случаях следует идентифицировать предположительно хитрое поведение одного из оппонентов как фактическую уловку, в значительной степени отступили на задний план. Идентификация хитрости рассматривалась как бесспорная, в противном случае обсуждение ее заняло бы слишком много времени. Таким образом, возникла тенденция принимать к рассмотрению хитрое поведение непосредственно, без глубоко идущих теоретических рассуждений и в соответствии с основными задачами решать, насколько и в каких условиях собственное или чужое хитрое поведение является этически оправданным. В течение всего годового семинара ни разу не ставился вопрос, является ли этически приемлемым стратегемный анализ предположительно хитрого поведения других людей. Вновь и вновь обсуждалось, является ли этически приемлемым хитрое поведение по отношению к другим. Из двух задач стратегемной науки: служить руководством к действию и направлять наблюдения — руководство к действию оказалось чрезмерно подчеркнутым.

Понимание назначения стратагем только как образца поведения преобладало также в цикле лекций о хитрости, который я читал во Фрейбургском университете (1995—96 уч. год) (см. 23). Тогда все участники семинара укрепились во мнении, что стратагемы могут способствовать значительному повышению человеческой маневренности и гибкости во всевозможных областях жизни, поскольку выявляют и делают доступными новые варианты деятельности.

16. Стратагемы как способ восприятия действительности

В противоположность западному сведению хитрости к голому руководству к действию, для китайцев 36 стратагем служат не только моделью поведения, но и прежде всего способом познания, помогающим выйти из рамок обычного, наивного, обусловленного требованием однозначности взгляда на вещи и обрести такой угол зрения, который позволяет с новой точки зрения открыть для себя уже известное и увидеть по-новому уже знакомое.

Нравственная озабоченность тем, что мир не соответствует нашим желаниям, и стремление переустроить его распространением добродетели дополняется стратагемным восприятием действительности, позволяющим построить модель закулисного функционирования мира и увидеть действительно существующее за видимостью реальности.

Естественно, стратагемный анализ — только одна из многих точек зрения, с которых китайцы рассматривают мир. Однако, поскольку они пользуются стратагемной оптикой, они привлекают 36 стратагем в порядке защиты как орудие для ретроспективного или перспективного стратагемного анализа военных, политических, дипломатических, экономических процессов, литературных текстов и т. п.

Большая часть практически необозримого числа китайских книг о 36 стратагемах может рассматриваться в качестве набора примеров, иллюстрирующих отдельные стратагемы как образцы стратагемного анализа. Сведущим в стратагемном анализе был уже неизвестный автор насчитывающего около 500 лет *Трактата о 36 стратагемах* (*Сокровенной книги военного искусства*), который приводит в каждой из 36 посвященных отдельным стратагемам частей примеры из китайской истории, подведение которых под определенную стратагему является соответственно плодом предшествовавшего стратагемного анализа событий.

Характерная склонность многих китайцев подвергать необычное поведение других людей стратагемному анализу и предполагать скрытую хитрость за явным поведением другого обуславливает то обстоятельство, что бдительность и недоверчивость выглядят прямо-таки неотъемлемой чертой китайского менталитета (см. также пункт 3). Глубокое невежество Запада относительно китайского искусства стратагем, будь то поведение и реакции китайцев или — что, возможно, еще важнее — китайское мировосприятие, опирающееся на хитрость, вело, например, «к совершенно ошибочным оценкам Китая британскими специалистами» перед и во время переговоров конца 70-х — начала 80-х годов о последовавшем в 1997 г. возврате Гонконга Китаю (см. Helmut Martin: *Honkong: Strategien des Übergangs*. Frankfurt a. M., 1997, с. 14; см. также с. 89 и след.). То, что оппонент может перейти от стратагемного анализа обстановки к собственным действиям, не соответствует господствующим на Западе представлениям (см., например, «Paul Grice's theory of implicature» // Stephen C. Levinson: *Pragmatics*. Cambridge, 1983, с. 100 и след.). Возникающая отсюда опасность неправильного объяснения явлений китайского культурного мира и упущений по отношению к китайской стороне вследствие использования только своих — слепых по отношению к хитрости — категорий требует пристального внимания.

17. Американский танец с мечами

Случаи применения стратагем в качестве руководства к действию рассмотрены и в первом, и в предлагаемом ныне втором томе моей книги. Здесь я хочу рассмотреть и показать на примере прежде всего функцию стратагем как способа восприятия.

Официальные китайские органы на основании использования Западом, в частности правительством США, «двойных стандартов» в вопросе о правах человека, заключают, что Запад под руководством притворяющихся «борцом за права человека» США заинтересован отнюдь не в соблюдении прав человека, а в совершенно иных, преимущественно политических целях. В этом смысле высказывался, например, Дэн Сяопин в беседе с египетским президентом Мубараком 13.05.1990, указав на то, что Никсон во время «культурной революции» в 1972 г. не обмолвился ни единым словом о положении с правами человека, тогда как те же США подвергли критике положение с правами человека в Китае периода реформ и открытого общества: «Из этого легко видеть, что вопрос о правах человека — всего лишь предлог». 31.10.1989 Дэн Сяопин сказал: «Я не утверждаю, что правительства западных государств хотят разрушить общественную систему Китая, но это верно по крайней мере для отдельных людей на Западе...» Еще яснее высказался

генеральный секретарь КПК Цзяп Цзэминь на общенациональной конференции, посвященной проблемам внешней пропаганды, 2.11.1990: «Нужно всемерно разоблачать мошеннический характер западной пропаганды «демократии», «свободы» и «прав человека». Под вывеской «демократии», «свободы» и «прав человека» враждебные западные силы начали нападение на нас и пытаются всевозможными каналами проникать сюда и действовать против нашей социалистической системы...»

То, что Китай не принимает западную критику относительно «прав человека» за чистую монету, продемонстрировал также руководитель китайской делегации на заседании Комиссии по правам человека ООН в Женеве 1.03-1995. «Причина, по которой США, некоторые страны ЕС, а также определенные неправительственные организации не принимают во внимание подвижки в Китае и поднимают из года в год так называемый вопрос о правах человека, очень проста, — заявил он. — После того как западные государства, как и США, вследствие окончания холодной войны потеряли своего прежнего противника [Советский Союз], они направляют теперь острия своих атак против развивающихся стран. Как самая большая развивающаяся страна, которая последовательно борется за общие интересы развивающихся стран, Китай становится для западных государств, принимая во внимание их стремление к гегемонии и политике господства, серьезным препятствием. К этому примешивается еще то, что китайский народ неуклонно движется по самостоятельно избранному пути. Таким образом, западные государства хватаются за так называемый вопрос о правах человека и делают из этого политический инструмент, чтобы оказывать давление на Китай. Ваша забота о правах человека в Китае фальшива. Совершенно очевидны ваши устремления подчинить себе Китай, затормозить его развитие и принудить китайцев отказаться от их политического и социального строя».

Председатель китайского Общества по изучению прав человека, неправительственной организации, Чжу Мучжи (род. 1916) в интервью 2.01.1996 выбрал исходной точкой уже не подспудного, а совершенно открытого стратегаемного анализа совершенно лицемерный, по его мнению, американский интерес к правам человека в Китае:

«Как, с точки зрения господ из США, в действительности обстоят дела с правами человека в Китае? Права человека имеют для них значение только как право низвергать руководство КПК и расшатывать социалистическую систему. Если это право не предоставляется, то для них в Китае нет никаких прав человека, в их глазах права человека подавляются. Что касается других прав человека, таких как право на существование, право на развитие, право на труд, право на образование и другие, — сколько бы ни имели таких прав китайцы, американцев это не интересует».

Стратегемный способ восприятия выражен непосредственно в следующих словах Цзу Мучжи: «В действительности США совсем не интересуют права человека... Руководство США, очень обеспокоенное стремительным развитием Китая, приводит в движение все рычаги, чтобы привести Китай к застою и достигнуть цели озападнивания и раскола Китая. В Китае известна история [под названием] «Сян Чжуан фехтует мечом, желая поразить им Пэй-гуна» («Сян Чжуан у цзянь, и цзай Пэйгун») [см. 8.1]. США сегодня изображают танец с правами человека, целью которого, однако, являются не права человека, а смертельный удар по Китаю, развивающемуся под руководством КПК» (*Синь Хуа Юэбао* [ежемесячник *Новый Китай*]. Пекин, № 2, 1996, с. 60).

За западным интересом к соблюдению прав человека в Тибете скрывается, согласно китайской официальной точке зрения, тайная цель «расколоть суверенное государство». «Демократические» реформы, которые Англия после 140-летнего периода, когда «в Гонконге демократия была иностранным словом» (Florian Coulmans, Judith Slalpers. *Das neue Asien*, Zürich, 1998, с. 38), попыталась провести в Гонконге в 1997 г., были, по мнению китайцев, «попыткой... дестабилизации».

Разумеется, китайская официальная точка зрения не всегда состоит в том, что любая критика положения с правами человека в Китае воспринимается как заговор. Например, премьер-министр Китая Ли Пэн в беседе с испанскими парламентариями в феврале 1992 г. сказал: «В нынешнем обсуждении вопроса о правах человека следует различать две ситуации. В одном случае права человека используют как предлог для проведения курса на мировую гегемонию, в другом — вопрос о правах человека поднимают ради заботы о человеке» (см. также 19.38).

Китайское недоверие, основанное на стратегаемном восприятии, не является явлением нынешнего времени. Не только сегодняшние западные борцы за права человека, но и средневековые христианские миссионеры отмечали это:

«Китайцы не могли поверить, что иностранные миссионеры приезжали в Китай из высших духовных побуждений, ради распространения своей религии, без каких-то иных целей. В этом часто видели другие намерения и пытались выявить их. Так, [пожалуй, самый известный иезуитский миссионер Мат-тео] Риччи (1552—1010) то и дело подпадал под это подозрение» (Wolfgang Franke. *China und Abendland*. Göttingen,

Уже в *Военном искусстве Сунь-цзы* говорится: «Кто был искусен в военных делах, сначала делал себя непобедимым, а потом выжидал, когда представится верная возможность победить противника» (Сунь-цзы, гл. 4.1 «Диспозиции» [«Син»] // Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 133). Чтобы обеспечить себе положение, при котором оказываешься непобедимым, «нужно быть постоянно настороже относительно возможного падения и ни на минуту не ослаблять бдительности. Ибо, как только человек проявит неосторожность, он даст врагу случай выступить против себя» (Юй Сюэбинь, с. 11). Как сказал в конце эпохи Мин (1368—1644) мудрый Хун Цзычэн [иначе Хун Инмин (XVI—XVII вв.)]: «Неуязвимо сердце, остерегающееся людей» [«фан жэнь чжи синь бу кэ у»] «Вкус корней» («Цай гэн тань»), собрание 1, афоризм 129).

18. Китайское понимание локковой пагубности хитрости

«Истинно ловкие люди всю жизнь делают вид, что гнушаются хитростью...» [(Les plus habiles affectent toute leur vie de blâmer les finesses...), максима 124: Ларошфуко Ф. де., Мемуары. Максимумы. Пер. с фр. Э. Липецкой, Л.: Наука, 1971, с. 160; переиздано в 1993 г.], — замечает французский моралист Ларошфуко (1613—1680). Можно было бы объяснять в свете этого высказывания притворный отказ Запада от хитрости, выражающийся в пренебрежении ею или недоброжелательных отзывах в ее адрес, как признак крайнего коварства. Тогда получалось бы, что честные китайцы говорят об уловках, а на Западе их умышленно замалчивают. Я тем не менее склоняюсь к мнению, что такое толкование бьет мимо цели. Многие свидетельствуют о том, что на Западе на хитрость не обращают внимания лишь потому, что в его глазах хитрость выглядит никчемной. Как типичный для «святой простоты» «истинного христианина, чей благочестивый взгляд устремлен к миру иному» (см.: Spiegel. Hamburg, № 23, 1998, S. 90) и в значительно меньшей степени на реальный мир, «который не только весь покрыт силками обмана» (см. *Новая цюрихская газета*, 12.08.1997, с. 46), но и, кроме того, полон стратагем, выглядит следующее высказывание Джона Локка (1632—1704): «Хитрость... не будучи в состоянии достигнуть своих целей прямо, пытается добиться их плутовскими и окольными путями; и беда заключается в том, что хитрость помогает только раз, а потом всегда лишь мешает. Совершенно невозможно сделать такое толстое или тонкое покрывало, которое скрывало бы тебя. Никому еще не удавалось быть настолько хитрым, чтобы скрыть это свое качество. И после того, как хитрец разоблачен, всякий его боится, никто ему не доверяет, и все охотно объединяются против него, чтобы нанести ему поражение. Между тем человеку открытому, честному и мудрому никто не ставит препятствий, и он идет к своей цели прямым путем» (*Джон Локк. Сочинения*, т. 3. Пер. с англ. Ю. Давидсона. М.: Мысль, 1988, с. 537, § 140).

Подобное утверждение о мнимой незначительности хитрости уже разбиралось в Китае на добрых две тысячи лет раньше Джона Локка и было опровергнуто. В трактате *Хань Фэй-цзы* [гл. 36 «Возражения» («Нань»)], приписываемом Хань Фэю (288—233 до н. э.), мы читаем:

«Князь Вэнь-гун удела Цзинь хотел начать войну с уделом Чу. Призвав своего дядю Цзю Фаня [Ху Янь, цзиньский высокопоставленный сановник], он сказал: «Я намерен воевать с жителями Чу; их много, а у меня народа мало, как быть?» Цзю Фань ответил: «Я слышал, что князь, церемонии которого сложны, не относится с неудовольствием к преданности и верности; в бою и войне же не пренебрегают коварством и фальшью. Вы их обманите, и только». Князь, отослав Цзю Фаня, призвал Юн Цзи и спросил: «Я намерен воевать с жителями Чу; их много, а у меня народа мало, как быть?» Последний ответил: «Если поджечь леса и (тогда) начать охоту, то без особых усилий добудешь много зверя; но потом зверей уже не будет. Если поступать коварно с народом, то удастся приобрести выгоду на один момент; но он уже не повторится». Князь одобрил сказанное. Отказав Юн Цзи, он начал войну с Чу по плану (моу), предложенному Цзю Фанем, и благодаря этому разбил удел. Вернувшись [с похода], он стал раздавать награды. Сначала наградил Юн Цзи, а затем Цзю Фаня. Сановники заметили тогда: «Дело при Чэнпу [результат] плана Цзю Фаня. Возможно ли, воспользовавшись его советом, поставить его самого на второе место?» Князь ответил: «Вам этого не понять. Цзю Фань говорил о выгодах момента (цюань), а Юн Цзи о пользе на многие годы». Конфуций, услышав об этом, заметил: «Князь Вэнь должен быть гегемоном! Он знает выгоду момента, понимая пользу многих лет». Кто-то заметил: «Ответ Юн Цзи не был ответом на вопрос князя Вэнь-гуна». Всякий, отвечающий на вопрос, имеет основания, руководясь в ответе значительностью и спешностью дела. Когда отвечают, говоря о том, что низко и незначительно, на вопрос о высоком и великом — этого не приемлет владыка людей. В данном случае князь спросил о том, как встретиться тому, у кого мало народа, с тем, у кого его много. Ответ гласил: «Впоследствии не повторится»; так не отвечают. Вэнь-гун, однако, не понимал ни значения момента, ни пользы надолго. Если он, вступив в бой, победил, тогда в государстве наступил покой, его положение упрочилось; армия стала сильна, и авторитет утвердился. Даже повторение этого случая не дало бы ему большего. Какое же могло быть беспокойство о том, что не наступает эта польза на многие годы? Если же он не одержал бы победы, то государство его погибло бы, армия ослабла, сам он помер, его имя исчезло, и не спасти его было бы от той смерти. Разве было бы время ожидать

продолжительной пользы? Последнее зависит от победы [данного] дня, а это [в свою очередь] от применения коварства к врагу. Оно дает пользу на многие годы. Поэтому я считаю, что Юн Цзи ответил не на вопрос князя Вэнь-гуна. Притом князь не понял сказанного Цзю Фанем. Сказанное последним о приемлемости коварства и фальши не значило, что применяют их к своему собственному народу, а говорилось о враге. Враг — это государство, на которое нападают. Какая беда в том, что его больше не будет?! Разве Вэнь-гун поставил на первое место Юн Цзи за его заслуги?! — Однако победили Чу и разбили войско благодаря плану Цзю Фаня. За его добродетельные речи?! Юн Цзи говорил, что больше не будет [удачного случая]; это не добродетельные речи. Цзю Фань же совместил то и другое. Он сказал: «Государь, церемонии которого многочисленны, не пренебрегает преданностью и верностью». Это значило, что в силу преданности любят своих подданных и не обманывают свой народ благодаря верности. Таким образом, не обманывают ради любви. Кто скажет лучше этого. Он, однако, настаивал: к коварству и лживости прибегают на войне. У Цзю Фаня сначала были добрые речи, а затем победа; таким образом, у него были две заслуги, но его поставили на второе место. У Юн Цзи не было ни одной, и его наградили прежде. Правильно ли в таком случае восклицание Конфуция: «Разве не должен быть гегемоном князь Вэнь-гун?!» Конфуций не понимал, как следует награждать» (*Иванов А.И.* Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб, 1912, с. 203—205). ..., Обсуждаемую Хань Фэем в 632 г. до н. э. битву при Чэнпу (в современном округе Пу, провинция Шаньдун) относят «к историческим примерам поражений, которые терпели большие и сильные армии, и побед, которые одерживали армии малочисленные и слабые» (Мао Цзэдун, [«О затяжной войне» («Лунь чичзю чжань»; май 1938), гл. «Инициатива, гибкость, плановость», § 82: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения, т. 2. Пекин, 1969, с. 207]). В начале битвы преимущество было у чуского войска. Но цзиньский Вэнь-гун использовал предложенную Ху Янем стратегию обмана и получения выгоды. Он удалился на 90 китайских миль, выждал благоприятного момента, выбрал своей целью слабые места чуской армии, а именно ее правый и левый фланги, и направил сильный удар против них. Благодаря этому он нанес чуской армии тяжелое поражение. Примечательно в тексте Хань Фэя само оспаривание довода, что хитрость помогает только один раз и затем оказывается никчемной. Если определенная хитрость помогает «только однажды», то одновременное применение в отдельном случае заключенной в хитрости силы может вызвать долгосрочные, необратимые последствия. Западному просвещенному читателю, например, можно напомнить о хитрости Давида против Голиафа. Долгосрочные последствия разового применения хитрости никак не сможет упразднить позднейшее (зачастую крайне запоздавшее) разоблачение хитрости. Впрочем, как раз западный мир бывает настолько слеп к хитрости, чтобы в полной мере *разоблачить* любую уловку и упразднить ее последствия и тем более отличить «обманщика» от «открытого, честного и мудрого мужа».

19. Макиавелли: никакой не гуру хитрости

Мухаммед Али, или Али-Бей аль-Кабир (1728—1773), мамлюкский правитель Египта [с 1757 (с 1770 султан)], в свое время заказал перевод сочинения Макиавелли «Государь» (Il Principe) на арабский язык. Когда первые две главы были переведены, Мухаммед Али начал читать перевод. Прочтя главу, он воскликнул: «Я знаю гораздо больше хитростей, чем этот европейский эмир!» И немедленно повелел прекратить перевод Макиавелли. Указанием на этот исторический анекдот в — оставшемся непереуведенным — предисловии Рене Кавама (Khawam) [род. 1917, сириец, с 1947 г. живущий во Франции] к первому изданию *As-siyassah wal-hiyah ind al-arab: raqaiq al-hilal fi daqaiq al-hiyal* (London, 1988, с. 5) далее цитируемой как *Le livre des ruses**, я обязан Саму Алдебу (Aldeeb) (род. 1949), специализирующемуся в исламском праве научному сотруднику Швейцарского института сравнительного изучения права (Лозанна).

* Название арабской рукописи конца XIII — начала XIV в. безымянного автора «Рака'ик аль-хияль фи дака'ик аль-хияль», что примерно означает «Изящные одежды, в [кои рядятся] тонкие уловки», а А. Игнатенко переводит как «Изысканные одеяния, или Утонченные хитрости». Существует перевод на французский сирийца Рене Кавама без публикации арабской рукописи: René R. Khawam, *Le Livre des Ruses: La stratégie politique des Arabes*. Paris, Editions Maisonneuve & Larose, 1985 (*А. Игнатенко* «Интрига в арабо-исламской культуре эпохи Средневековья» (по материалам «княжских зеркал»)), в книге «Политическая интрига на Востоке». М.: Восточная литература РАН, 2000, с. 103—143). См. также его книгу «Как жить и властвовать. Секреты успеха, добытые в старинных арабских назиданиях правителям». М.: Прогресс, 1994. —Прим. пер.

Мухаммед Али нашел Макиавелли, в котором европейцы видят первейшего специалиста по хитрости, настолько безвредным, что не пожелал иметь перевод его прославленного сочинения. Безусловно, совершенно иначе отнесся бы арабский властитель к переводу первой из глав китайского трактата о 36 стратегемах. Он скорее всего воскликнул бы: «Ни одному арабу не ведомо столько хитростей, сколько знает этот китайский эмир! Переведите-ка мне скорее весь трактат о 36 стратегемах!»

Почему Мухаммед Али повел бы себя именно так, а не иначе? Возникший в Китае около 500 лет назад *Трактат о 36 стратегемах* ставит хитрость во главу угла, отличаясь от трактата Макиавелли по двум

признакам.

Во-первых, хитрость у Макиавелли не выносится на передний план. То, что мы именуем «макиавеллизмом», не является хитростью как таковой. У Макиавелли речь идет в первую очередь о том, что властитель, в частности при условии чрезвычайного положения в государстве, освобождается от жесткого требования соблюдать этические нормы. Макиавелли, по сути, обосновывает, не вводя самого этого понятия, учение о государственных интересах. Он порывает с традиционной христианской метафизической наукой о государстве. Макиавелли ставит на место христианских добродетелей властителя как предпосылки длительного политического господства его способность приобретать и сохранять политическую власть без каких-либо сомнений, как самоцель. Макиавелли, таким образом, в определенной мере ратует за отделение политики от этики.

Во-вторых, Макиавелли, занимаясь этой основной задачей, только в отдельных случаях говорит об уловках, к которым должен прибегать властитель, чтобы завоевать и сохранить политическую власть. Так он выделяет, например, уловку «Разделяй и властвуй». В этом отношении, может быть, особый интерес представляет менее известная, чем «Государь», книга Макиавелли «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия». В этой книге Макиавелли повествует о множестве событий, в которых задействована та или иная хитрость. Однако никакой теории хитрости он не разрабатывает и даже не пытается систематически различать разновидности уловок между собой или составлять их перечень.

Поэтому Макиавелли должен был показаться арабскому политику Мохаммеду Али в отношении уловок весьма примитивным. Ведь собрания исторических случаев и рассказов о хитростях были известны арабам уже с давних пор. В 1976 г. в Париже во французском переводе вышла книга *Le Livre des Ruses: La stratégie politique des Arabes, написанная по-арабски за 100 лет до Макиавелли!* Конечно, арабские сборники историй о хитростях или так называемых правовых уловках тоже не содержат никакой систематизации хитростей. Они довольствуются нанизыванием конкретных случаев хитрого поведения.

20. Будьте мудры, как змии [Мф 10:16]

Вряд ли французский семиолог Ролан Барт (1915—1980) прав, утверждая: «Нам не стоит, изучая Восток, искать... какую-то иную мудрость» (*L'empire des signes*. Женева, 1970, с. 10). В действительности тот же Китай располагает иной мудростью. Китайская мудрость обширнее западноевропейской мудрости. Это видно хотя бы по китайскому иероглифу, служащему для записи понятия «мудрость». Этот иероглиф, как уже пояснялось выше, одновременно обозначает и «хитрость». Хитрость в Среднем государстве нежится в лучах славы «мудрости». Мудрец в Китае при необходимости должен быть хитрым, тем он и славен. Совершенно иначе к этому относятся на христианском Западе. Здесь хитрость предают проклятию. В Библии ее приравнивают к убийству (Мк 7, 21—23, см. также Рим. 1, 29 в Лютеровой редакции *Библии*, 1912). Мудрость и хитрость разнятся, как огонь и вода.

Таким образом, на Западе хитрость криминализована и отсечена от мудрости. Хитрость остается в ведении уголовного *права и*, может быть, полководца на войне. Мудрецы Запада закрывают на нее *глаза*. Хитрость как бы противопоказана западноевропейскому духу. А потому западная мудрость «слепая к хитрости», и в этом она — полная противоположность китайской. Не ощущая богатства оттенков хитрости, мы неуклюже приравниваем ее ко лжи и обману. Мы вымарываем ее из действительности, низводя до уровня «махинации» или «цинизма». Кто решится говорить открыто о собственных или чужих стратагемах! Когда еще на Западе хоть один политический процесс будет систематически исследован на присутствие в нем хитрости! Мы ведем себя так, будто хитрости не существует. И, однако с незапамятных времен на Западе хитрость применяется инстинктивно, под влиянием обстоятельств — она неприкрыто практикуется, но стыдливо умалчивается. Я опросил сотни людей, в том числе управленцев и университетских профессоров, кто автор высказывания: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби!» Более 90% затруднились ответить. Эти слова принадлежат Иисусу (Мф 10:16). Змей является символом хитрости (см., например, в Евангелии: 2 Кор 11:3). «Будьте мудры, как змии» расшифровывается как «будьте хитры, как змии». Но как стать хитрым, подобно змию?

Очевидно, в Евангелии отсутствуют ясные советы по этому поводу. Бессильна тут помочь и вся западная мудрость с ее научными дисциплинами. Хитрость на Западе, похоже, так и принадлежит к вещам, «о которых мы знаем, не зная их. Они дремлют в области бессознательного и должны быть выведены в сознание, чтобы мы действительно узнали их» (Хавьер Мари-ас). До тех пор пока нечто не получит словесного выражения, Оно остается неопределенным. Только слова придают четкие очертания более или менее скрытому кругозору нашего опыта. Недостающие в западном культурном пространстве слова для понятийной области хитрости предоставляет китайский каталог 36 стратагем. При этом я исхожу из предположения, что хитрость — это всеобщее явление, одно и то же как для западного мира, так и для Китая. Макс Вебер ошибается, когда усматривает в Китае высококультурное инаковое бытие, «совершенно

противоположную систему регламентации жизни, просто другой мир». Заблуждается и швейцарский писатель Адольф Мушг (Muschg), утверждая: «*Ratio* китайца или *ratio* японца, т. е. диктуемые культурой очевидности того, как следует каждый раз поступать японцу, китайцу и т. д., в корне столь отлично от европейского *ratio*, что объединение или смешение различных *rationes* возможно только в сугубо отвлеченном плане и/или только в прагматических целях. В лучшем случае, например, в Целях разделения сфер влияния или устранения явлений, угрожающих жизни обеих сторон» («Das Private und der Weltlauf. Ober das Notwendige: ein Gespräch mit Adolf Muschg» [«Частная жизнь и мир. О насущном: беседа с Адольфом Мушгом»], в *Новой цюрихской газете*, 9, 10.07.1994, с. 67).

С одной стороны, китайцы — это *китайцы* с их неповторимым, сугубо китайским культурным достоянием. Но вместе с тем они являются такими же людьми, как все люди с присущими всем им общечеловеческими чертами. К общечеловеческим чертам китайцев относится, без сомнения, и хитрость. За то время, что китайцы, не стесненные христианскими и иными западными предубеждениями, тысячелетиями исследовали хитрость, они выявили кое-что общечеловеческое. Итог китайского исследования хитрости — список 36 стратагем — имеет общечеловеческое значение. Он не знает ни пространственных, ни временных границ, не связан ни с системой общественного устройства, ни с национальной принадлежностью. С этой мыслью я писал и первый, и настоящий тома стратагем. *Далее*, я сознательно иллюстрировал стратагемы не только примерами из китайской истории и литературы, но и примерами из литературы и истории Запада, США, Африки, из мифологии германских стран, из Библии и т. д. Каждый западный человек может понять объясненные в первом и во втором томах китайские уловки без дополнительной подготовки. Овладевая китайским списком хитростей, перечнем из 36 стратагем, мы восполняем недостаток хитрости в западной мудрости. То, что не только китайцы могут чему-то научиться у европейцев, но и мы можем кое-что взять от них, установил уже Лейбниц (1646—1716):

«Всякая сторона располагает чем-то, что она могла бы сообщать другой к ее пользе...» [habetque utraque pars, quae alteri cum fructu communicare possit] (из Введения к *Novissima sinica* (1697). Перевод на немецкий Вернера Видмера. *Новая цюрихская газета*, 3—4.05.1980).

21. Вред, служение и шутка

Вслед за Фомой Аквинским я хотел бы с этической точки зрения различить три разновидности стратагем.

При стратагеме нанесения вреда разрушительное начало преобладает над созидательным. Пример — использование стратагемы 3 «Чужим ножом убить человека» Давидом, который таким образом убирает Урию с пути, чтоб заполучить его жену Вирсавию. Бог наказывает Давида за такое действие (см. 3.2). Разумеется, не всякая наносящая вред стратагема осуждается в Библии! «Неверный управитель» в Новом Завете получает одобрение, хотя и применяет стратагему 17 (стратагему приманки) лишь из своекорыстных побуждений — во вред своему господину (см. 17.45).

Пример стратагемы подшучивания — систематическое применение провокационной стратагемы 13 в телевизионном шоу «Понимаете ли Вы шутки? (Скрытой камерой)», посредством чего у жертв вызывали нелепую реакцию, а у зрителей смех, другой пример подшучивающей стратагемы предоставил австриец Вальтер Клир (род. в 1955), который весной 1990 г. под вымышленным именем Люцианы Глазер опубликовал рассказ «Конец зимы», одурачив массу критиков, «которые восхваляли напыщенный кич неизвестной писательницы» (*Новая цюрихская газета*, 8-9.08.1998, с. 44).

Стратагема услужения подчинена более высоким целям. Так, господь благословляет Юдифь на спасение своего народа с привлечением стратагем. Она отрубает голову охмелевшему Олоферну, тайно пронесит ее в свой родной город и вывешивает на городской стене. Это зрелище настолько потрясает ассирийцев, что они, полностью деморализованные, отступают (см. 35. 8), — так одна-единственная женщина, без всякого военного опыта, победила целое войско — сделав это оружием слабых!

Но не являются ли стратагемы, к какой бы из трех этических категорий мы их ни причислили, сами по себе негодим средством, во всяком случае, с западной точки зрения? Вспомним к тому же слова цюрихского профессора философии Георга Колера: «Там, где нет [характеризующегося порядочностью и миролюбием] открытого мира, [где] отсутствуют рамки, «позволяющие надеяться, что всякий благоразумный субъект будет вести себя, не выходя за них» (Роулз), [там] в иных обстоятельствах здравый человеческий рассудок должен стать либо своекорыстно рассудительным и нравственно ущербным, либо предстать в облике героической, исключительной личности, которая Для большинства из нас слишком величественна и крайне обременительна» («Любыми средствами? Доводы Эноны [Ἐνώνη, нимфы, первой супруги Париса] о добродетели и упадке здравого смысла». *Новая цюрихская газета*, 7—8.11.1998, с. 70). К сожалению, не существует мира, где царит порядочность, миролюбие и благожелательность, где все без исключения люди «готовы забыть о себе и видеть в других равных себе» и где каждый человек самоценен, заслуживает

безусловного уважения, и потому «запрещается использовать его ради достижения чужих целей». Реально существующий мир, скорее, таков, что «порядок и закон» там весьма часто оказываются на службе «победителя, кровью утвердившего свое право сильнейшего», и «правила игры» там определяют вовсе не наиболее нравственные личности, а сильнейшие, зачастую скрывающие свою власть. Западный земной рай всюду утвержденного кантонского категорического императива* — такая же утопия, как и китайское Великое единение. Поэтому, пока существует человек, будут и стратагемы. То, что в таком мире прибегающие к стратагемам будут «нравственно ущербными», как утверждает Г. Колер, — это далекое от реальности предубеждение западного человека, и излечиться от него смогут те, кто будет достаточно непредвзят, чтобы усвоить китайское искусство стратагем. Как говорил немецкий поэт Фридрих Шиллер (1759—1805):

* Поступать «так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». *И. Кант. Основы метафизики нравственности // Собр. соч. в 6 тт., т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965, с. 270. — Прим. пер.*

«...не всегда возможно

столь детски чистым в жизни оставаться,

как учит совесть в глубине души.

В борьбе вседневной против хитрых козней

и честному правдивым быть нельзя...»

(«Валлеништейн», трилогия, ч. 2, «Пикколомини» // Шиллер. Валлеништейн. Драматическая поэма. М.: Наука, с. 210).

22. От «Жэньминь жибао» до «Плейбоя»

Первый том многих *Стратагем* вышел на немецком языке 15 изданиями, он был переведен на китайский язык (по одному изданию в Шанхае и в Тайбэе), английский, французский, голландский, итальянский, португальский, испанский, русский и турецкий языки (общий тираж около 400 тыс. экземпляров), удостоившись рецензий на целый разворот, начиная от пекинской *Жэньминь жибао*, лондонской «China Quarterly», московской «Far Eastern Affairs», Тайбэйской «Sinorama», римской «Mondo Cinese», «Общественной Швейцарской Военной газеты» и до «Спорта», «Шпигеля» и «Плейбоя». Первый том, в котором содержатся только 18 из 36 стратагем, насчитывает более 400 страниц. В Китае также появляются подробные труды на эту тему, например, изданное Ван Си и Бо Хуа *Полное собрание 36 стратагем (Саньшилю Цзи Цюаньшу*, в трех томах, 1,14 млн. иероглифов, 1541 стр., 2-е изд. Пекин, 1996). Чаше, однако, в Китае выпускаются тоненькие книжечки о 36 стратагемах. Много раз переиздававшийся основополагающий труд У Гу по древнейшему *Трактату о 36 стратагемах (36 стратагем с пояснениями*. Чанчунь, 1987) включает 135 страниц и 103 000 иероглифов. Всего 111 страницами и 57 000 иероглифов обходится Ли Бинъянь, который составил самую популярную книгу о 36 стратагемах (Новое издание тридцати шести стратагем [«Саньпилю цзи синьбянь», 1995], 12-е изд. Пекин, 1998, 1 163 100 экземпляров). Следует, однако, учитывать, что китайские читатели этих кратких книг располагают совершенно иным багажом знаний о китайской культуре вообще и культуре стратагем в частности, нежели европейцы. Если мы хотим действительно ознакомить европейцев с 36 стратагемами, требуются совершенно иные объемы книги.

Примечательно поведение нью-йоркского издательства (Viking/Penguin, Нью-Йорк) к выпуску первого тома моей книги. При издании было снято около трети текста оригинала под тем предлогом, что и немногих примеров достаточно для понимания функционирования отдельных стратагем. Меня не удивила ни американская склонность к выгоде, ни потребность в «об-легчении» «36 стратагем», поэтому я не возражал, лишь втайне сожалея о том, что по ту сторону Атлантики, очевидно, совершенно не поняли построения и замысла моей книги. У меня речь отнюдь не ограничивалась простым объяснением механизма действия стратагем. Кроме этого, я хотел показать их вневременный и наднациональный характер. Поэтому я обдуманно приводил часто весьма схожие примеры, относящиеся, однако, к различным эпохам и культурным средам. Я хотел показать общечеловеческий характер зафиксированных в 36 стратагемах явлений и разъяснить, что синология, то есть наука о Китае, не ограничивается рамками Китая и в китайской культуре можно отыскать нечто присущее и полезное всем людям. Очень многие читатели немецкоязычного издания, а также голландские, итальянские, русские, китайские и турецкие издатели первого тома поняли мои намерения, что доказывает весьма широкий интерес к моей книге и тот отклик, который она нашла у представителей многих областей знаний.

Конечно, и американское издательство Penguin, выпустившее первый том *Стратегем* карманным форматом, заслуживает моей благодарности. Ни одно другое издательство не оказывало моей книге такой чести, поставив ее рядом с трудами Эзопа, Дидро, Лафонтена, Плутарха, Шопенгауэра, Геродота, Ницше, Фукидида, Клаузевица, Макиавелли, Монтеня, Вольтера и Шекспира («The 48 Laws of Power» by Robert Greene and Joost Elffers: Related Classics, www.penguinputnam.com/48laws/related.htm, интернет-издание от 1.01.2000 [на рус. яз. см.: *Р. Грин. 48 законов власти. М.: Рипол Классик, 2001*]).

Работая над вторым томом *Стратегем*, я старался предоставить читателю прежде всего возможность спокойного, делового, беспристрастного, как это принято у китайцев, анализа, механизмов действия стратагем как таковых. В отличие от книг о том, как работают стратагемы, у западного читателя с избытком хватает трудов по религии, этике и морали. Я рекомендую их тем читателям, которые хотели бы знать, как приведенные мною примеры использования стратагем следует оценивать с этих точек зрения. Под влиянием новаторской *Книги о стратагемах* Юй Сюэбиня (см. § 1) я уделяю в данном томе больше места теории, чем в томе первом. Вновь и вновь я искал параллели между использованием стратагем в различное время и в различных местах. Порой я освещаю западный образ действий прожекторами стратагемного анализа и таким образом позволяю ему проявиться в новом свете. Серьезные и шуточные примеры непрерывно сменяют друг друга. Каждый приведенный пример должен побуждать к размышлению и выявлять потенциал стратагемной науки, недооцененный на Западе. Ни в одной из множества китайских книг о 36 стратагемах не было прослежено употребление отдельных формулировок стратагем в древнейших и новых китайских текстах разного рода, как и историческое становление точных формулировок стратагем, что я частично попытался сделать в первом и в настоящем томах. Так, я впервые привожу древнейшие китайские источники формулировки стратагемы 20, опираясь на рукопись труда пекинского лингвиста Лю Цзесю, которую тот любезно мне предоставил. Как в первом, так и во втором томах проявляется то обстоятельство, что определенные стратагемы являются более многослойными, чем другие, из-за чего некоторые стратагемы были снабжены большим количеством примеров по сравнению с другими. Совершенно очевидно, что только значительное количество примеров, наглядно показывающих истоки и разнообразие возможностей применения с виду простых стратагем, может привлечь внимание западной публики на богатство стратагемной фантазии китайцев, которые с младых ногтей более осознанно, чем мы, знакомятся со стратагемами.

23. 36 стратагем и психиатрия, германистика, теология

Задуманный таким образом первый том *Стратегем* оказался не только чтивом, но и послужил пищей для ума. 29.12.1990 голландское издание книги стало предметом, пожалуй, первого в мире научного заседания, посвященного хитрости, а именно продолжавшегося полдня междисциплинарного совещания в Амстердаме. В начале 1991 г. по поводу выхода в свет китайского издания подобное совещание состоялось и в Шанхае. В 1995—96 уч. году во Фрейбургском университете состоялся цикл лекций о хитрости, в котором приняли участие более 20 преподавателей самых различных дисциплин из пяти университетов. Итоговый отчет был выпущен издательством *Suhrkamp* книгой карманного формата под номером 2039 с названием «Хитрость» (*Die List*. Франкфурт-на-Майне, 1999). В Лозаннском университете приват-доцент Жерар Салем (Salem) основал на отделении взрослой психиатрии совместно с [французским] синологом Жеральдом Бери (Béraud) [род. 1957] и в сотрудничестве с межотраслевой группой психиатров, психологов и др. закрытый семинар по исследованию клинических случаев с точки зрения 36 стратагем (см. также Джорджио Нардоне (Nardone). *Kurztherapie bei Zwängen und Phobien* («Ускоренная терапия при изнасиловании и навязчивых страхах»). Берн, 1997, с. 68 и след., 76 и след., 83). Заведующий кафедрой германистики Александр Шварц (Schwarz) также избрал хитрость одной из основных тем своего исследования. Затяжная им передвижная выставка на тему «*Rusés du monde entier*» [«Хитрости со всего мира»] с весны 1997 по весну 1999 г. объехала 10 округов западной Швейцарии. В ее каталоге подчеркивается своевременность появления первой книги *Стратегем*. В авторитетном издательстве *Theologische Verlag* швейцарский священник, доктор Ульрих Маух, опираясь на каталог 36 стратагем, опубликовал книгу *Der listige Jesus* («Хитроумный Иисус») (Цюрих, 1992).

24. Содействие на Востоке, помощь на Западе

Множество людей помогли мне при составлении первого и второго томов *Стратегем*. Всем им я премного благодарен. Прежде всего я хотел бы упомянуть здесь своих сокурсников в Тайбэе и в первую очередь госпожу Ши Фунин и господина Шао Идуня, далее госпожу Чэнь Сюин и госпожу Чэнь Минсянь (Пекин), господ Лю Цзесю и Оуян Цзунсин (Пекин), господ Ци Вэня и Гуй Цяньюаия (Шанхай), господ Ян Шуаня и Ху Чжэнцзе (Ухань), а также господину Чжан Шаосюна (Чанша). В Европе необходимую помощь мне оказывала моя дорогая матушка Дорис фон Зенгер (1909-1990), моя дорогая супруга Марианна, господин Владимир Мясников (Москва), господин Ульрих Маух (Mauch) (Метменштеттен), госпожа Ивонна Шайвиллер (Scheiwiller) (Штайнен), господин Вальтер Петриг (Petrig) (Айнзидельн), господин Петер Визендангер (Wiesendanger) (Цюрих), господин Ху Вэньхуэй (Цюрих), господин Сами Альдеб (Aldeeb)

(Лозанна), господин Рафаэль Фербер (Ferber) (Захсельн), господа Лутц Биг (Bieg) и Томас Тойбнер (Teubner) (Кельн), госпожа Анне отто (Otto) из Восточного отделения Фрейбургского университета и наряду с господами Петером Грайнером (Greiner), Буркхартом Кинастом (Ktenast), Петером Зитте (Sitte) и Лутцем Рерихом (Rüch) еще многие коллеги из того же университета, в частности, слушатели моего цикла лекций о хитрости, а также опытные сотрудники издательства *Scherz Verlag* (Берн).

Стратегема № 1. Обмануть императора, чтобы он переплыл море

Четыре иероглифа	瞞	天	過	海
Современное китайское чтение	Мань	тянь	го	хай
Перевод каждого иероглифа	Обмануть	император (также небо)	переплыть	море
Связный перевод	Обмануть императора, чтобы он переплыл море.			
Перевод с учетом древнейшей привязываемой к стратегеме притчи	Добиться, чтобы император переплыл море, поместив его в дом на берегу, который в действительности был замаскированным кораблем.			
Сущность	Соккрытие цели, сбитие с курса, стратегема «шапки-невидимки». Стратегема <i>corampublico</i> ⁷² .			

1.1. В доме над морем

Эта стратегема и ее история восходят ко временам военного похода, предпринятого танским императором Тай Цзуном (626— 649)⁷³ за море, против государства Когуре на Корейском полуострове. Мне известны две

⁷² Открытый, прилюдный (лат.).

⁷³ Второй танский император Тай-цзун — Ли Шиминь продолжил на северо-востоке политику завоеваний, начатую еще предшествующей Суйской династией. Интересы империи в борьбе за морские коммуникации и влияние на племена, обитавшие в Маньчжурии, сталкивались здесь с интересами северокорейского государства Когуре. На Корейском полуострове существовало тогда три государства: Когуре (на севере), Силла (на юго-востоке полуострова) и Пэкче (в северной и юго-западной частях полуострова), которые вели между собой борьбу за объединение страны. Китай решил вмешаться в ход этой борьбы, выступив в поддержку государства Силла. Три крупных похода в Корею в начале VII в. закончились полной неудачей. Из 350-тысячной армии, вторгшейся на полуостров в 612 г., в пределы империи возвратилось лишь около 3 тысяч человек.

Ли Шиминь хорошо помнил этот урок. Поэтому он и не решался пересечь море. Когда же он сделал этот шаг и в 645 г. его войска приблизились к стенам Пхеньяна, им все равно пришлось отступить под натиском корейской армии.

Но стратегемность предполагает не только планы, рассчитанные на конкретный, сиюминутный случай, но и стратегию, определяющую линию поведения, например, государства на десятки, а иногда и более лет. Такой была и «корейская стратегема» Китайской империи.

Преемник Ли Шиминя, император Гао-цзун (650-683), продолжал наступление на Корею. В 660 г. его армия, насчитывавшая 100 тысяч воинов, высадилась на юге Корейского полуострова и разгромила войска государства Пэкче. Одновременно китайские армии вторглись и с севера в Когуре, но Пхеньян им опять не удалось взять. Пэкче обратилось за помощью к Японии. Но объединенные силы Танской империи и государства Силла разгромили прибывший на помощь Пэкче японский флот. В 668 г. пал Пхеньян. Правителям Силла, помогавшим империи сокрушить своих соперников на Корейском полуострове, пришлось пережить горькое разочарование во вчерашнем союзнике и признать себя вассалом Китая. Территории Когуре и Пэкче были разделены на 9 военных округов и присоединены к Китаю. Пхеньян стал центром провинции Аньдун (Умиротворенный Восток). Однако через некоторое время Силла возглавило

версии притчи.

Когда император с войском в 300 000 человек дошел до моря, он пал духом. Впереди только вода, вода без края.

Когуре в тысячах миль отсюда. Как туда переправиться? Почему он не послушал советников, предостерегавших его от этого похода? В смущении он обратился к своим военачальникам, чтобы узнать их дальнейшие планы. Те попросили время на размышления. Так как военачальники боялись, что император может отменить поход, они обратились в конце концов к хитроумному генералу Сюэ Жэньгую. Он не полез в карман за стратагемой, с помощью которой можно было бы мгновенно перенести императора и его воинов за море. Он заявил, что воспользуется хитростью, для чего вплоть до завтрашнего дня никто не должен глядеть на море, и сказал: «Что, если бы император мог проехать по морю, как посуху?» Сюэ Жэньгуй все подготовил. На следующий день офицеры сообщили императору, что богатый крестьянин, живущий прямо на берегу моря, пожелал доставить для войска провиант на время переправы и говорить с императором. Обрадованный император направился со своей свитой к берегу моря. Самого моря он не увидел, так как 10 000 искусно расположенных одноцветных полотнищ от палаток закрывали все поле зрения. Богатый крестьянин почтительно пригласил императора войти в дом. Повсюду на стенах висели дорогие занавеси, а на полу лежали ковры. Император и его спутники уселись и стали пить вино. Через некоторое время императору показалось, что со всех четырех сторон слышится свист ветра; удары волн раздавались в его ушах подобно грому. Кубки и светильники дрожали и качались. Удивленный император приказал одному из слуг отдернуть занавесь. Взгляд его упал на безграничную темную морскую поверхность. «Где мы?» — взволнованно спросил он. «Вся армия движется в открытом море в направлении Когуре», — пояснил ему один из советников. Перед свершившимся фактом решимость императора окрепла. Теперь он отважно двинулся навстречу восточному берегу.

1.2. Деревянный город в море

Император немедленно вышел со своей армией в открытое море, не соблазняясь для этого переряженным в дом кораблем. Целое войско в 100 000 воинов, и всадники и кони, погрузились на борт 1300 кораблей. Император со своими сановниками находился на борту корабля под флагом с императорским драконом. Переправа длилась уже три дня. Вдруг разразилась страшная буря. Морские волны вздымались на много сажень с ревом и шипением и внушали императору такой ужас, что лик его приобрел цвет пыли. Воины и боевые скакуны по всем кораблям в беспорядке валялись друг на друга, вскакивали и вновь теряли равновесие. Даже император, Сын Неба, несколько раз грохнулся на пол. Никто из уважаемых сановников не избежал падения и морской болезни. В ужасе император стонал: «Господа, я отказываюсь продолжать этот поход на восток. Хоть бы уж скорее противник атаковал!»⁷⁴. Как сказал, так и сделал. Несмотря на возражения некоторых советников, говоривших, что следует объявить о продолжении переправы, поскольку есть угроза нападения корейцев, императорский флот повернул вспять и на всех парусах направился в Дэнчжоу (провинция Шаньдун), где через три дня и причалил. Император со свитой вступил в приморский город. Там советник Сю Маогун обратился к нему:

— Поход против Восточного государства — государственное дело, как же Ваше Величество возвратится в столицу Чанъань⁷⁵?

народную борьбу за изгнание китайских войск с полуострова и объединило Корею. Империя временно отступила, перенесла свои административные органы на Ляодунский полуостров.

⁷⁴ Здесь следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, китайские средневековые суда были плоскодонными и не приспособленными к плаванию в открытом море. Обычно они совершали лишь каботажные вояжи, не удаляясь от берега, чтобы спастись в случае непогоды. Во-вторых, в походах китайские военачальники пытались предугадать исход своего предприятия, основываясь на благовестных или, наоборот, дурных предзнаменованиях. В данном случае внезапно разразившаяся буря могла расцениваться как неблагоприятное предзнаменование.

⁷⁵ В те времена в Китае было уже около 200 крупных и множество мелких городов. В период правления Танской династии они стали средоточием ремесла и торговли. Крупнейшим городом был столица империи Чанъань (совр. Сиань в пров. Шэньси). Город представлял собой в плане почти правильный четырехугольник со сторонами около 10 км с запада на восток и 9 км с юга на север. Он стал образцом «решеточной» планировки многих городов Восточной Азии, а позднее Европы и Америки. В первой половине VIII в. его население достигало миллиона жителей. Остатки окружавших город мощных стен с восемью монументальными воротами сохранились до наших дней.

Император ответил:

— Буря на море ввергает меня в ужас. Не поплыву больше на корабле, возвращусь вспять, в Чанъань.

Сю Маогун отвечал:

— Утешьтесь, Ваше Величество: морская буря, побушевав несколько дней, уляжется. И когда ветры стихнут, мы сможем переплыть море, дабы покорить Восточное государство.

Император Тай Цзун отвечал:

— Если все так, как ты говоришь, то мы можем обождать. Той же ночью Сю Маогун отправился в лагерь военачальников.

— Что привело вас сюда среди ночи? — спросил генерал Цзиндэ.

Сю Маогун сказал:

— Мне кажется, Его Величество потерял желание продолжать поход на Восточное государство. Только если мы с помощью стратагемы введем императора в заблуждение так, чтобы он переправился через море, мы можем добиться победы над Восточным государством.

Военачальник Цзиндэ спросил:

— Что вы имеете в виду под стратагемой «Обмануть императора, дабы он переплыл море»?

Сю Маогун пояснил:

— Иди к Чжан Хуаню и добейся, чтобы он предложил стратагему, которая позволила бы нам так обмануть императора, чтобы он переплыл море.

Цзиндэ отправился к Чжан Хуаню и сказал:

— Император боится ветра и волн. Он не хочет вновь взойти на корабль и переплыть море. И вот я призываю тебя найти такую стратагему, которой можно было бы так ввести в заблуждение императора, чтобы он переправился через море. Император должен, так и не ощутив мощи морской стихии, спокойно пристать к восточному берегу. — И Цзиндэ пригрозил: — Я прикажу вырыть яму. Если ты к утру не выдумаешь подходящей стратагемы, я прикажу закопать тебя на один чи⁷⁶. Если не сможешь представить стратагему до полудня, прикажу закопать тебя на два чи. Если же и к вечеру стратагема не будет готова, тебя закопают на три чи. Если и тогда ты не измыслишь стратагемы, тебя похоронят живьем.

Вместе со своими друзьями Чжан Хуань изобрел такую стратагему: надо купить много сот громадных бревен и нанять плотников, чтобы они построили деревянный город. С обеих сторон от городской стены следовало соорудить несколько домов. Пол перед домами должен быть покрыт песком и глиной и засажен травой и цветами. Должны быть в городе и улицы. Одно из войсковых подразделений будет играть роль горожан, весьма дисциплинированных. Посреди города будет возведен для императорского местопребывания трехэтажный «Павильон Безветрия».

В нем будут возносить молитвы буддийские монахи. Этот деревянный город должен будет сразу же отправиться в плавание. Лишь только поднимется буря, он как бы внезапно покажется из морских просторов и предоставит императору убежище от разбушевавшейся стихии. Император сойдет на берег, отдохнет в «Павильоне Безветрия», не будет больше видеть моря, а также болтаться туда-сюда, а то и падать от качки. Когда ветер уляжется, то окажется вполне реально убедить императора вновь взойти на корабль. Стратагема Чжан Хуаня была признана достойной и проведена в жизнь.

Через три месяца деревянный город был готов к отплытию. Его спустили на воду, и скоро он исчез из виду.

Через три дня Сю Маогун обратился к императору:

⁷⁶ Харро фон Зенгер употребляет здесь немецкое слово «Klafter», которое обычно переводится как «сажень». Однако очевидно, что речь идет о китайской мере длины «чи», равной 32 см.

— Ваше Величество, я гадал о погоде по костям инь-ян⁷⁷. Ветра не будет в течение полугода. Что, если теперь мы поднимемся на корабли и переплывем море?

— Ну, если так... — сказал император и отдал повеление выступать. Через три дня после отплытия вновь началась заметная качка. Император сказал:

— Но это ведь признак надвигающейся бури. Я предпочел бы вновь повернуть вспять, в Шаньдун.

Сю Маогун сказал:

— Ваше Величество, оставьте заботу. Впереди по курсу близко лежит место, где корабли могут бросить якорь.

Военачальник Цзиндэ сделал вид, что напряженно всматривается вдаль. Вдруг он сказал:

— Ваше Величество, там впереди виднеется город. Мы можем направиться туда и укрыться от бурных волн.

Император сказал:

— Что это за город? Подвластен ли он мне? Сю Маогун отвечал:

— Ваше Величество, я посмотрел по карте. Это крепость, построенная для укрытия от ветра. Она признает ваше владычество. Ваше Величество может сойти на берег и там избежать бури и волн.

— Ну ладно, — соизволил ответить Его Величество.

И так Драконов корабль⁷⁸ и весь военный флот бросили якорь у деревянного острова. Император и его спутники сошли на «берег». «Жители» города бросились ниц перед императором, Сыном Неба, и приветствовали его.

Император спросил:

— Не найдется ли здесь тихого местечка, где можно отдохнуть?

Хорошо подготовленные жители острова препроводили императора в «Павильон Безветрия». А там его уже поджидала волшебная декорация покоя и отдохновения, благодаря которой ему удалось ото всего забыть. Так император был, так сказать, «пристратагемирован» к переправе через море.

1.3. Синолог-детектив

Изучение китайского языка и исследовательская работа привели меня в 1971 — 1973 гг. в Тайбэй, в 1973—1975 гг. в Токио и в 1975—1977 гг. в Пекин. Еще в Тайбэе, в самом начале моих занятий Дальним Востоком, я впервые услышал о 36 стратагемах. В Центре языковой подготовки Тайваньского университета о них бегло упоминала мой профессор китайского языка, госпожа Бай Чжэнши⁷⁹. Сама она о них ничего точно не знала, почему я и обратился к моим китайским соученикам. Довольно скоро я получил от них список 36 стратагем. Я с удивлением понял, что и для них самих это явление отчасти загадочно. Мой интерес, естественно, возрос. Отныне стратагемы, так сказать, не шли у меня из ума. Я охотился за смыслом состоящих из трех, максимум из четырех иероглифов названий стратагем. Это было нелегко. Прежде всего,

⁷⁷ Гадание по костям берет начало еще в Древнем Китае. Чаще всего использовались черепахи панцирные кости. На них наносились либо определенные тексты, либо гадательные символы. В данном случае Сю Маогун дает понять, что он использовал символы — триграммы или гексаграммы — главной гадательной книги, «И цзина», в которых «инь» означает «теньевые», отрицательные черты, а «ян» — «световые», положительные. Широко были распространены также гадание на стеблях тысячелистника и множество других способов попытаться угадать судьбу человека и ход событий.

⁷⁸ Дракон — символ Китая и символ императорской власти. Императорские одежды были расшиты золотыми драконами. Отсюда и выражение: Драконов, т. е. императорский, корабль.

⁷⁹ Хотя в данном тексте Зенгер пишет: «Нэгг» («господин») Бай Чжэнши, однако в китайских и англоязычных публикациях о книге Зенгера указывается, что Бай Чжэнши — дама, являвшаяся профессором Народного университета в Пекине и одновременно работавшая на Тайване.

никто из опрошенных профессоров и студентов не смог разъяснить мне скрытый смысл Стратегемы № 1. Они все время переводили второй иероглиф как «небо», а не как «император». Согласно этой версии, распространенной ныне и на Тайване, и в Китае, перевод звучит так: «Обманув небо, переплыть море». Только один из профессоров Пекинского университета в 1976 г. указал мне на связанную со Стратегемой № 1 притчу и ее источник: биографию генерала Сюэ Жэньгуя (614—683) в «Юн Лэ да дянь» («Энциклопедия времени правления Юн Лэ», 1403—1424), старейшем в мире и крупнейшем энциклопедическом труде.

Через несколько лет я получил подтверждение указанию пекинского профессора в цзилинском издании «Мибэнь бинфа. Саньшилю цзи» («36 стратегем. Тайная книга военного искусства») и в опубликованном в Тайбэе труде «Саньшилю цзи мибэнь цзицзе» («Тайная книга 36 стратегем с толкованиями»). Все это относится к первой из толковательных притч. Что касается второй притчи, потребовались длительные исследования, прежде чем было обнаружено первое указание — в одной из статей У Гу в журнале «Шэхэй кэсюэ чжаньсянь» («Фронт общественных наук». Чанчунь, 1978). Там цитировалась фраза, включающая формулировку Стратегемы № 1, из слегка фантастического исторического романа «Шо Тан» («Рассказы эпохи Тан»). Но я не нашел этой фразы ни в одном доступном тайваньском или китайском издании этого романа — все они основаны на одном и том же обработанном и сокращенном издании XIX в. Не более полезными оказались для меня западные синологические библиотеки. Наконец в 1986 г. в одной из пекинских библиотек я нашел издание романа, датированное 1736 г. И тут мои поиски увенчались успехом: передо мной лежала вторая версия, слегка сокращенный перевод которой приведен выше. Стратегема была названа здесь прямо в заглавии главы романа: «Мань тянь чжи Тай Цзун го хай» («Стратегема обмана императора переправила императора Тай Цзуна через море»). Итак, лишь погрузившись в прошлое Китая, можно расшифровать Стратегему № 1.

1.4. Расторгнутая помолвка

Чжугэ Лян (181—234), называемый также Кун Мин, в «Стратегеме открытых городских ворот» сидит на городской стене и, играя на цитре с гнутой декой, отгоняет своими боевыми мелодиями наступающего врага. В 26 лет Чжугэ Лян еще не был женат. По тем временам это был уже весьма брачный возраст. Каждый день он занимался науками и играл на цитре с гнутой декой. Ему было и так хорошо. Его старший брат и невестка чего только не предпринимали, чтобы наконец ввести к нему, сироте, супругу. Но уже семь раз не воспользовался он случаем жениться. Из-за этого его невестка устроила ему сцену. Чжугэ Лян попытался ее унять: «Я боюсь спать с кем-либо в одной постели и при этом видеть разные сны».

Невестка настаивала: «Брак — это небесное установление. Тут нельзя быть таким же разборчивым, как при покупке осла или лошади. В самом деле! Уже семерых подобных феям девушек предложила я тебе. И ото всех ты отказался! Не собираешься ли ты ждать, пока родится на свет единственная, предназначенная тебе?»

Чжугэ Лян знал, как хотели его брат и невестка, чтобы он завел семью. Поэтому ему ничего не оставалось, кроме как сказать: «Пожалуйста, невестушка, поищите еще для меня!»

Невестка отвечала: «Я подумываю о восьмой дочери семейства Чжу, что у восточных городских ворот».

Чжугэ Лян спросил: «А как обстоят дела с ее совершенствами и талантами?»

Невестка подняла его на смех: «Совершенства? Таланты? Необразованность для женщины — добродетель!»

Когда она заметила, как качает головой Чжугэ Лян, она продолжала настаивать: «Я так решила! Никаких отговорок! Я не выйду из этой комнаты, пока ты не скажешь «да».

Чжугэ Лян проговорил: «Если бы только моя невестка не ставила на первое место красивую внешность!»

Невестка продолжала уговоры: «Старая пословица гласит: «Искусный муж, красивая жена!» Ты — человек с большими талантами. Тем более тебе подходит прекрасная супруга. Или ты хотел бы жениться на уродине?»

Чжугэ Лян произнес: «Да нет, она не обязательно должна быть уродлива. Однако, когда ты сказала «уродина», мне кое-что пришло на ум».

Невестка тут же захотела узнать, о ком он подумал.

Чжугэ Лян пояснил: «У моего учителя Хуан Чэньяня есть дочь. Ее зовут Хуан Чжэньин. Я слышал, что она обладает обширными знаниями и возвышенным умом...»

Невестка прервала его: «Что? Хуан Чжэньин? Да ведь она прозвана Уродиной. С детских лет она выглядит страшилищем. Кожа у нее темная, как у рыбы вьюна. Уже много лет я ее не видела. С тех пор, наверное, она

стала еще безобразнее».

Чжугэ Лян выслушал этот поток слов с улыбкой, но молча. Потом он проговорил: «Пока девушка созреет, это все может еще восемнадцать раз перемениться...»

Невестка снова прервала его: «Чем больше она изменялась, тем уродливее становилась!»

Чжугэ Лян сказал: «Невестушка, ухо не столь достойно доверия, сколь глаз. Я читал ее стихи. Пожалуй, она бы мне подошла. Прошу вас, повидайтесь с ней».

Хуан Чжэнъин и впрямь не была красоткой, но она была умна и прилежна. Помимо повседневных занятий рукоделием, она посвятила себя изучению книг. Ей минуло уже 24 весны, но никто еще не добивался ее руки, что причиняло ее отцу немалое беспокойство. От дочери это не укрылось. Тут неожиданно прибыла невестка Чжугэ Ляна. Фальшиво улыбаясь, она обратилась к отцу Хуан: «Я слышала, что в вашем саду выросли невиданно великолепные цветы. Нельзя ли мне взглянуть на них?»

Прямодушный отец провел ее в сад, где как раз в это время находилась его дочь со своей красивой служанкой. Невестка, увидев их издали, решила, что та из двух девушек, которая красива, и есть дочь, и внутренне порадовалась такому полному изменению внешности. Затем она открыла отцу истинную причину своего посещения. Дочь, слышавшая разговор сквозь заросли, крикнула: «Если ваш деверь вправду хочет меня в жены, пусть явится сам и составит обо мне представление! Чем раньше, тем лучше!»

Так и оставшись при своем заблуждении, невестка Чжугэ Ляна теперь знай поторапливала его, чтобы он как можно скорее отправился из своего жилища в горах Лунчжун к семейству Хуан в Синлянь. Она взялась его сопровождать. По дороге она все подстегивала коней. Они дико неслись вперед и — о ужас — сбили Мын Гунвэя, друга Чжугэ Ляна. Поднявшись на ноги, он спросил о причинах спешки. Услышав правду, он торопливо воскликнул: «Только не на этой девушке! Она на редкость уродлива».

Невестка возмущенно одернула его. Тогда он обратился с предупреждениями к Чжугэ Ляну, которому желал в жены лишь прекраснейшую девушку в мире. Чжугэ Лян спросил, а как обстоит у Хуан Чжэнъин с образованием. Что касается искусства, начитанности и возвышенного ума, друг мог отозваться о девушке только в самых похвальных выражениях. Невестка с удовольствием слушала эти восхваления. Добравшись до Синляня, они услышали доносившиеся изнутри жилища семейства Хуан звуки игры на цитре — играла хозяйская дочь. Мелодия свидетельствовала о самом возвышенном образе мыслей, неподвластном превратностям судьбы.

«Какая прекрасная игра!» — воскликнул Чжугэ Лян.

Отец девушки, узнав голос своего ученика, поспешил навстречу и ввел прибывших в гостиную. Чжугэ Лян пожелал увидеть дочь хозяина дома. За ней послали, но она заставила себя долго ждать. На самом деле она разглядывала Чжугэ Ляна из-за занавеси. Его выразительное лицо и статная фигура произвели на нее впечатление. Чтобы проникнуть в его сущность, она передала ему через свою красивую служанку стихотворение. По дороге служанка попала на глаза невестке, которая как раз бродила по дому, пытаясь разыскать хозяйскую дочь.

Увидев служанку, она воскликнула: «А, вот ты где». Та, догадавшись о недоразумении, быстро удалилась. Чжугэ Лян принял стихотворение и прочел его:

*Сквозь занавеску увидела я
господина лицо. Но по лицу не смогла разглядеть,
что он в сердце таит. Чтобы знакомство ближе свести,
надо бы поговорить. В храм четырех сокровищ приди,
там тебя буду ждать.*

Четыре сокровища означают четыре принадлежности ученого: плитку для растирания туши, тушь, бумагу и кисть. Чжугэ Лян сразу понял, что его приглашают в библиотеку. Там его встретили две девушки, одна красивая, другая уродливая. Они пригласили его присесть. Сначала красивая спросила о его имени, возрасте и прочем. Затем заговорила уродливая: «Вы слывете человеком больших талантов. Почему же вы, в вашем возрасте, еще не обзавелись семьей?»

Чжугэ Лян вежливо ответил: «В наши тревожные времена нелегко завести семью. Я пребываю в постоянных

заботах о государственном благе, и мне трудно думать о браке».

Некрасивая девушка сказала: «Из вашего ответа я заключаю, что вы стремитесь к высокому».

Эти слова наполнили Чжугэ Ляна удивлением. Откуда она может знать о его далеко идущих планах? Раз это мудрое заключение сделала некрасивая девушка, верно, она-то и есть хозяйская дочь? «Моя невестка ошиблась», — подумал Чжугэ Лян. И он искренне признался: «Лю Бэй, дядя императора, хочет забрать меня со здешних гор и взять на службу, дабы я сопутствовал ему в защите находящейся в опасности Ханьской династии» [см. 16.21: Трижды посетить соломенную хижину].

Хуан Чжэньин спросила: «Вы еще в нерешительности?»

Этот вопрос вновь наполнил Чжугэ Ляна удивлением. Он отвечал: «Да, я хотел бы посоветоваться об этом с вашим отцом, который был прежде моим учителем».

Хуан Чжэньин спрашивала дальше: «Что же заставляет вас колебаться?»

Чжугэ Лян сказал: «Ныне государство раздроблено. Удельные правители разобрали его по частям. Возможно, лучше замкнуться в частной жизни и, возделывая поле, окончить свои дни в тиши и безвестности».

Красивая девушка захлопала в ладоши и воскликнула: «Конечно, следует завести семью и жить себе тихо и скромно, не домогаясь горных вершин!»

Чжугэ Лян обратился к другой и спросил ее мнение. Та отвечала: «Ваши таланты необычайны. И сами вы уже достигли широкой известности. Народ же мечтает о восстановлении Ханьской династии. А Лю Бэй умеет узнавать способных людей. Уже дважды находил он вас в вашей соломенной хижине. Я полагаю, что он явится и в третий раз».

Эта оценка также понравилась Чжугэ Ляну. Уродливая девушка продолжила: «Вы получили и литературное образование, и военные знания, чтобы спасти народ и государство. Вы должны взять за образец Цзян Таньгуна [см. 17.10: Рыбак выуживает царя], который служил основателю династии Чжоу. Ни в коем случае не следует оставлять сверкающий перл погребенным в темной земле».

Когда Чжугэ Лян услышал эти слова, его восхищение уродливой девушкой необычайно возросло. Им овладело решение спуститься с гор в широкий мир, и он поднялся, чтобы немедленно ехать домой. Служанка остановила его: «Вы же приехали ради сватовства!»

Чжугэ Лян отвечал: «Кто моя невеста, мне уже известно. Ею стала та, что выказала такое благородство, говоря со мной».

Хуан Чжэньин очень обрадовалась, услышав это, но сказала: «Трижды обдумайте это! Ведь ваша невестка...»

Чжугэ Лян понял, что она имела в виду. Он прервал ее: «Не обращайтесь внимания. Жена моего брата хочет мне только добра».

«Не пугает ли вас, что скажут люди?» — настаивала она.

«Каждый пользуется своим ртом, как ему угодно. Но устремление моего сердца никто не отклонит от цели!»

Только теперь Хуан Чжэньин подтвердила свое согласие. Она проговорила растроганно: «Видно, провидению так угодно, чтобы наши сердца отныне соединились».

В этот момент в комнату ворвалась невестка Чжугэ Ляна. Она все еще считала, что красивая служанка и есть Хуан Чжэньин; поэтому она привлекла девушку к себе и спросила Чжугэ Ляна, решился ли он. Служанка, смутившись, воскликнула: «Госпожа...»

«Что еще за «госпожа»! — прервала ее та. — Зови меня просто «супруга моего брата!»»

Тут она заметила, что уродливая девушка глядит на нее, покраснев. У невестки сразу открылись глаза. В ужасе она спросила: «Принято ли уже решение?»

Хуан Чжэньин молча склонила голову. Невестка взглянула на Хуан Чжэньин, затем на Чжугэ Ляна. Конечно, они совершенно не подходили друг другу! Тогда она силой подняла Чжугэ Ляна с кресла и

вытащила его из библиотеки, по дороге бормоча: «Глупый мой молодой деверь! Глупый мой молодой деверь!»

Возвратившись в Лунчжунские горы, невестка продолжала настаивать, чтобы Чжугэ Лян изменил свое решение. Но тот не отвечал ни да ни нет, только лукаво улыбался, чем поверг невестку в полнейшую панику. Однажды к ним приехал в гости Мын Гунвэй, и невестка упростила его поговорить с Чжугэ Ляном. Тот, однако, не стал вступать в разговор и тихо сидел, продолжая читать книгу. Невестка прямо кровавым потом обливалась — она боялась за свою добрую славу, ведь люди припишут ее небрежению то, что деверь ее сосватал такую уродливую жену. Поэтому она поставила Чжугэ Ляну ультиматум: «Если ты не расторгнешь помолвку, то я тебе больше не невестка, а ты мне не деверь». Мын Гунвэй стал уговаривать Чжугэ Ляна (который был сиротой): «Ведь жена твоего старшего брата тебе все равно что мать. Ты должен ее слушаться». Что было поделывать Чжугэ Ляну? Он не хотел нарушать брачного обещания, но не хотел и причинять горе невестке. И тут ему пришла в голову мысль. Он сразу же взял кисть и составил документ о разрыве помолвки с Хуан Чжэньин. Эту бумагу он передал Мын Гунвэю. Тот принял бумагу и прочел следующее стихотворение:

Уродливо твоё лицо — как можешь ты быть супругой моей? Вчера я пожалел тебя, сегодня уж нет к тебе любви. Прости! Ты видишь — постоянства в текучей этой жизни нет. Увы, какое обещанье несокрушимо для измены?!

Радостный и удовлетворенный, взял его друг бумагу и спрятал ее в рукав. Обрадовалась невестка. Мын Гунвэй охотно взялся за неприятное поручение и передал известие о разрыве помолвки семье Хуан. Когда отец Хуан прочел письмо Чжугэ Ляна, его охватила печаль. Тут же послал он за дочерью. Та никак не хотела верить сообщению отца, но глаза ее невольно наполнились слезами. Мын Гунвэй передал ей собственноручное письмо Чжугэ Ляна. Когда девушка прочла стихотворение, ее слезы высохли. «Отец!» — радостно воскликнула она. Мын Гунвэй взглянул на нее в изумлении: не сошла ли она с ума?

Написав это письмо, Чжугэ Лян стал нести себя так, как будто переродился. Невестка предлагала ему все новых и новых невест, а он внимательно рассматривал ее предложения. Только вот всегда настаивал на том, чтобы без сопровождения посетить семью невесты. И каждый раз, вернувшись, он давал невестке отрицательный ответ, причем весь лучился от радости. Невестка как на раскаленных углях сидела, но ничего не могла возразить. Как-то она спросила свою служанку, действительно ли ее деверь посещает все эти семейства.

«Да, — отвечала та, — только ни одна девушка ему не понравилась». Наконец долгое ожидание кончилось. Однажды Чжугэ Лян сообщил невестке, что он нашел себе подходящую жену и через три дня женится. Невестка очень обрадовалась, думая: «Кого бы он там ни выбрал, конечно, она лучше, чем ужасная Хуан». Начались приготовления к празднеству. Когда в день свадьбы прибыла украшенная цветами повозка с невестой, все выстроились у входа, чтобы поздравить ее. Невесту, скрытую покрывалом, провели в праздничный зал. Она медленно подняла покрывало. И что же? Это оказалась Хуан Чжэньин! Невестка и Мын Гунвэй застыли, как пораженные громом.

Затем невестка обратилась к Мын Гунвэю и спросила прерывающимся голосом: «Так ты не передал сообщения о разрыве помолвки?» В поисках помощи Мын Гунвэй оглянулся на Чжугэ Ляна.

Тот спросил: «А ты не можешь припомнить стихотворение, бывшее в письме?»

Действительно, Мын Гунвэй помнил стихотворение наизусть:

Уродливо твоё лицо — как можешь ты быть супругой моей? Вчера я пожалел тебя, сегодня уж нет к тебе любви. Прости! Ты видишь — постоянства в текучей этой жизни нет. Увы, какое обещанье несокрушимо для измены?!

Произнеся его, он воскликнул: «Ах, ну и поймал ты меня на удочку!»

Невестка ничего не понимала. Мын Гунвэй обратился к ней: «Дело в том, что это было «стихотворение сокровенных окончаний».

«Что это такое?» — спросила невестка.

«Это стихотворение, в котором последние иероглифы каждой строки составляют отдельную строку⁸⁰. Здесь

⁸⁰ То есть последние слова; эта форма сходна с нашим акростихом. — *Прим. авт.*

такая фраза: «Моей любви нет измены».

Теперь оставалось только, чтобы Хуан Чжэньин успокоила рассерженную невестку. Она почтительно заговорила с ней, указала на свою духовную близость с Чжугэ Ляном и закончила: «Он применил стратегию «Обманув небо, переплыть море». О почтенная невестка! Смиритесь, пожалуйста, с происшедшим и не препятствуйте нам!»

И так, искренними мольбами, Чжугэ Лян и его супруга в конце концов смягчили невестку.

Эту историю я заимствовал из вышедшего в китайском Театральном издательстве альбома «Чжугэ Лян чжао цзинь» (Чжугэ Лян на смотрах. Пекин, 1985). Современный, созданный Чжао Куйхуа текст, конечно, ни в коей мере не свободен от упреков историков. Однако писатель и государственный деятель Тао Цзунъи в своем двадцатитомном труде (основанном на более чем шестистах ныне частично утерянных книгах) «Стена письмен», в разделе «Сообщения о Сяньяне» (ныне округ в провинции Хубэй, на западе которого находятся горы Лунчжун), пишет о помолвке Чжугэ Ляна с дочерью Хуана. Уроdlивость ее Тао Цзунъи описывает, указывая на ее «желтые волосы и темную кожу». Кроме того, он упоминает, что люди насмеялись над девушкой и над ее свадьбой с Чжугэ Ляном. Каким образом Чжугэ Лян применил Стратегему № 1 (понимаемую в широком смысле)? В стихотворении, которое читали все действующие лица, он ухитрился одновременно передать два диаметрально противоположных утверждения: что он разрывает помолвку и что он настаивает на ее сохранении. Только хитроумная невеста поняла второй смысл и начала с того дня вместе с Чжугэ Ляном (который после разрыва помолвки стал часто выезжать из дому — конечно, не только чтобы повидаться с другими кандидатками) готовиться к свадьбе. В то время как Чжугэ Лян без помехи занимался воплощением своих брачных планов, невестка и друг пребывали в убеждении, что он следует их желаниям. Таким образом, женитьба Чжугэ Ляна на некрасивой девушке, то есть как раз то, чего они хотели избежать, произошла, так и не вызвав заранее никаких подозрений. И так Чжугэ Лян, «обманув небо» — свое ближайшее окружение, — «преодолел море», то есть без помех переждал критическое время до самой свадьбы. Когда он наконец прибыл к назначенной им самим брачной пристани, невестка перед лицом свершившегося факта не смогла уже не сохранить хорошую мину при нежелательном для нее повороте игры.

1.5. Упражнения в стрельбе перед городскими воротами

В еще более древние времена произошла следующая история, которая в обеих вышеуказанных публикациях о 36 стратегемах приводится как демонстрирующая применение Стратегемы № 1.

Однажды один из находившихся в ведении Кун Жуна (153— 208) городов осадили враги. Как устоять без помощи извне? Средство нашел некий Тай Шицы. На следующий же день он в сопровождении еще троих всадников выехал за ворота осажденного города. Расположившиеся лагерем на некотором удалении вражеские воины с удивлением наблюдали за этой прогулкой. Тай Шицы спешился, установил у городской стены мишень и стал вместе со своими людьми упражняться в стрельбе. Когда они расстреляли все стрелы, все четверо сели на коней и вернулись в город. На следующий день все повторилось. Во вражеском лагере некоторые воины поднялись взглянуть на выезд, но остальные продолжали лежать и даже не повернулись в ту сторону. То же происходило и на третий день, причем уже ни один из вражеских воинов не считал упражнения в стрельбе достойными внимания. Наконец, на четвертый день Тай Шицы посреди этого занятия вдруг вскочил в седло, сильно ударил коня хлыстом и как стрела промчался сквозь кольцо врагов, увозя с собой донесение с просьбой о помощи. Когда враги опомнились и бросились вслед, он был уже за горами.

Пятая история, поясняющая Стратегему № 1, приведена в «Саньшилю цзи синь бянь» (36 стратегем в современной обработке. Изд. 5-е. Пекин, 1987).

1.6. Передислокация войск суйским военачальником Хэ Жоби

В 589 г. династия Суй решила захватить лежащий к югу от реки Янцзы город Чэн. Перед выступлением суйский военачальник Хэ Жоби трижды предпринимал перемещения и концентрацию войск. На третий раз чэнцы настолько потеряли бдительность, что внезапная атака суйцев почти не встретила сопротивления и увенчалась полным успехом.

1.7. Сущность стратегемы и пестрая шелуха красноречия

В объяснительной притче «В доме над морем» (имеется в виду первая, более старая, версия) императора уверили, что дорога ведет в дом, в то время как она вела к совершенно иной цели — на борт корабля. В

истории «Упражнения в стрельбе перед городскими воротами» перед вражескими воинами разыгрывалась безобидная тренировка, усыпившая их бдительность и позволившая прорваться через окружение, чтобы предупредить союзников.

Если очистить Стратегему № 1 от пестрой шелухи ее образного языкового выражения, выходит наружу ее общее значение: маскировка цели, пути или направления. Настоящий путь оказывается совсем другим, в отдельных случаях противоположным предполагаемому.

В свете Стратегемы № 1 в Китае до сих пор принято излагать различные внутри- и внешнеполитические события.

1.8. Размахивая красным знаменем, выступить против красного знамени

В частности, в сокрытии истинной цели с помощью отвлекающей маскировки обвинялся Линь Бяо в следующей формулировке:

«Ни на минуту не выпуская из рук цитатника Мао, постоянно возглашая Мао славу, в глаза он говорит красиво, исподтишка же кует планы убийства».

Когда в середине 70-х годов в немилость впал Дэн Сяопин, ему приписывали использование Стратегемы № 1 — затемнения истинного курса (и это обвинение до сих пор не снято). В тогдашней газетной кампании можно было прочесть, например, такое:

«Чтобы воплотить свою ревизионистскую программу, Дэн Сяопин сфабриковал три лживых документа: «Об общей программе совместной работы партии и всего народа», «Некоторые проблемы научной и технической работы» и «Некоторые вопросы ускорения промышленного развития». Общий знаменатель всей этой сорной травы — множество цитат из произведений революционных классиков... Это типичное свойство того рода авторов, которые на словах демонстрируют свое знание марксизма, на деле же отреклись от него».

Согласно китайской прессе, сокрытие истинной цели (а именно политики, служащей удовлетворению личных амбиций) являлось основным приемом в деятельности «банды четырех». Тогдашний председатель Коммунистической партии Китая Хуа Го-фэн так охарактеризовал их в правительственном сообщении от 26 февраля 1978 г.:

«Банда четырех — это клика... двурушников самого низкого пошиба, которые умеют ловко маскироваться. Они постоянно размахивают красным знаменем в битве против красного знамени, выставляют над собой боевые стяги борьбы с реставрацией капитализма, чтобы реставрировать капитализм, и громко провозглашают антиревизионистские лозунги, чтобы отвлечь внимание от своей ревизионистской деятельности. Их «революционное» поведение должно было скрывать под собой их истинную сущность».

То, что прежде оценивалось как доказательство ревностной преданности Мао, после их падения виделось уже в свете Стратегемы № 1. Не вызывавшие некогда никакого сомнения поступки и высказывания теперь казались чистым маневром, направленным на сокрытие настоящей линии, антисоциалистической. Газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» эксплицитно указывали на Стратегему № 1. Чаще, однако, китайские средства массовой информации применяли цветистые описания этой стратагемы в современном духе, вроде «Носить красные шапки, но иметь черное сердце» или уже упоминавшегося «Размахивая красным знаменем, выступить против красного знамени».

Анализ под углом зрения Стратегемы № 1 часто можно встретить во внешнеполитических комментариях китайской прессы. Поскольку еще Ленин (соответствующий пассаж доньше цитируется в Китае) обвинял некоего г-на Левицкого в том, что последний отрекается от ревизионизма, чтобы скрыть собственный ревизионизм, многочисленные политические заявления Советского Союза толкуются не в их буквальном смысле, но в прямо противоположном.

Так, например, Советский Союз обвиняли в том, что истинная цель его южноафриканской политики — достижение превосходства стратегических вооружений, а также обеспечение стратегического морского пути вокруг Европы. «Антирасизм» Советского Союза и «поддержка народно-освободительных движений» служили, по мнению китайцев, лишь маскировкой истинных целей.

«Агрессоры, яростно подготавливающие новое наступление, особенно старательно и громогласно трубят о мире и разоружении», — говорится в одном из комментариев о советской политике; в другом месте упоминается о «музыке мира, предназначенной для того, чтобы заглушать грохот пушек». По мнению

китайских обозревателей, Советский Союз достиг к тому времени ощутимого военного превосходства в Центральной Европе, но пытался еще увеличить его под прикрытием фраз о «сохранении равновесия». Особенно большое значение для этой маскировки и отвлекающих маневров, согласно китайскому анализу, имел советский лозунг «разрядки». С одной стороны, он позволял представить выраженное европейской Конференцией по безопасности признание неприкосновенности послевоенных границ как «огромный успех разрядки», хотя для Советского Союза здесь в первую очередь существенна была неприкосновенность его сферы влияния в Восточной Европе. С другой стороны, он вовсе не полагал необходимым следствием этого признания замораживание социального статус-кво, Советский Союз не видел препятствий для того, чтобы «поддерживать борьбу других народов за свободу и прогресс». По мнению китайских аналитиков, это означало, что Советский Союз присвоил себе право вмешательства во внутренние дела во всем мире. В результате Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе превратилась в «небезопасную конференцию в Европе», использованную Советским Союзом для достижения перевеса над Западом (китайская пресса, 1978-1980).

Но не только политика Советского Союза рассматривалась сквозь призму Стратегемы № 1. В 1982 г. обеим сверхдержавам, и Советскому Союзу и США, было предъявлено обвинение в том, что они, размахивая флагом «мирного разоружения», в действительности предпринимают безудержное наращивание военной мощи, а позднее к этому обвинению еще прибавился упрек в том, что «ограниченная разрядка на длительный срок» была возможна между ними благодаря их обусловленным гонкой вооружений чрезмерным экономическим запросам («Жэньминь жибао». 1987. 31 декабря). Наконец, точно таким же образом, по мнению китайской прессы, Вьетнам, прикрываясь вымышленной китайской угрозой, начал агрессию против Камбоджи («Жэньминь жибао». 1983. Июль).

Насколько глубокие корни пустила Стратегема № 1 в образе мыслей китайцев, демонстрируют также внешнеполитические карикатуры. Обычно Советский Союз представляется на них как кровожадный аллигатор, прикрывающий зубастую пасть платочком с надписью «прирожденный вегетарианец». На другой карикатуре Советский Союз изображался в виде акулы в очках, широко открытая пасть которой заглатывала одну за другой маленьких рыбок. Выступающая над поверхностью часть ее тела имела форму черного корабля и снабжена была надписью: «Мирное сотрудничество». На третьей карикатуре советские солдаты в Афганистане из могилы прокапываются в направлении нефтяных стран Ближнего Востока. Это происходит за ширмой, на которой нарисованы два голубя мира («Жэньминь жибао», 1978—1982). На два применения Стратегемы № 1 в XX столетии указывает упоминавшаяся книга о 36 стратегемах, вышедшая в 1987 г. в пекинском Издательстве Народно-освободительной армии:

«Во Второй мировой войне немецкая сторона 29 раз начинала перемещение войск в направлении французской границы; в результате, когда началось решительное наступление, французы не сразу поняли, что происходит. Сходным образом арабы подготавливали в 1973 году Йом-Кипурское нападение. После «шестидневной войны» 1966 года они ежегодно проводили военные маневры, во время которых войска концентрировались у Суэцкого канала. Под прикрытием очередных маневров они и начали наступление в день Йом-Кипур»⁸¹.

Такая же интерпретация египетского отвлекающего маневра в войне «Йом-Кипур» дается в работе Хаима Герцога «Финал в пустыне — уроки Йом-Кипурской войны» (2-е изд. Берлин — Франкфурт-на-Майне, 1985, китайский перевод — Изд-во Народно-освободительной армии, Пекин, 1984).

Закончим главу о Стратегеме № 1 фразой из комментария в «Саныилю цзи» («Мибэнь бинфа») («36 стратегем. Тайная книга военного искусства»):

«Весьма часто как раз общеизвестное скрывает под собою глубочайшую тайну».

Стратегема № 2. Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао

Четыре иероглифа	圍	魏	救	趙
Современное китайское чтение	вэй	Вэй	цзю	Чжао
Перевод каждого иероглифа	осадить	Вэй	спасти	Чжао

⁸¹ Йом-Кипур — День Жребия, иудейский религиозный праздник. О его происхождении см.: Ветхий завет, кн. Эсфирь (В. М.).

Связный перевод	Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао.
Перевод с учетом древнейшей привязываемой к стратагеме притчи	Спасти государство Чжао, осадив государство Вэй, войска которого осадили государство Чжао.
Сущность	Косвенное давление на врага при помощи угрозы, направленной против одного из его уязвимых мест, стратагема удара по слабому месту, стратагема ахиллесовой пяты.

2.1. На неохраемые территории — с войсками

Здесь речь пойдет об одном историческом эпизоде, который знаменитый китайский историк Сыма Цянь (род. ок. 145 до н. э.) в своем труде «Ши цзи» («Исторические записки») приписывает первой из двадцати четырех династических историй Китая. Эту историю знает любой китайский ребенок, что показывает рассказ «Сунь Бинь вэй Вэй цзю Чжао» в крупнейшей китайской детской газете «Эртун шидай» («Детство»), № 18, вышедшей в Шанхае 16 сентября 1981 г. Историк Сыма Цянь переносит нас во времена доимперского Китая, в V—III вв. до н. э. В те времена Китай состоял из множества мелких царств, воевавших друг с другом за главенство. Войны были повседневным явлением. В 354 г. до н. э. царство Вэй напало на царство Чжао и осадило его столицу Хань-дань (соответствует нынешнему городу Ханьдань в провинции Хэбэй). Царство Чжао обратилось за помощью к царству Ци (на юге современной провинции Шаньдун). В 353 г. до н. э. властитель царства Ци располагал армией в 80 000 человек. Военачальником в ней был Тянь Цзи, а его советником — Сунь Бинь. Куда же следовало двинуться этой армии? Тянь Цзи собирался двигаться прямо в царство Чжао и там вступить в бой с вэйской армией. Сунь Бинь отверг этот план. Он сказал: «Если кто-то хочет распутать узел, то, конечно, он не должен изо всей силы тянуть и дергать веревку. Если кто-то тренирует боевых петухов, то, конечно, для этого он не ставит их друг с другом. Если кто-то хочет покончить с осадой, то лучше всего, если он не будет вводить свои войска в место, и так полное войска, а отправит их в место, свободное от войска. Все отборные войска царства Вэй находятся в царстве Чжао. Царство Вэй лишено военной защиты. Поэтому я предлагаю, чтобы мы осадили столицу Вэй, Даян (соответствует нынешнему городу Кайфэн в провинции Хэнань). Тогда вэйская армия сразу прекратит осаду Ханьдани и поспешит назад, на помощь собственной стране». Тянь Цзи последовал совету Сунь Биня. Как только распространилось известие о нападении циской армии на царство Вэй, вэйская армия сняла осаду и поспешила назад, в Вэй. Армия царства Ци расположилась в заранее выбранном месте, лежавшем на пути армии Вэй, а именно в Гуйлине (на северо-востоке современного города Хэцэ в провинции Шань-дун). Здесь они спокойно ожидали в полной боевой готовности и нанесли полное поражение вэйской армии, значительно более сильной, но изнуренной быстрым маршем. Таким образом царство Чжао было спасено. Эта притча, переданная мною здесь в несколько вольном переводе, была записана более двух тысяч лет тому назад. Первая фиксация фразеологизма, обозначающего Стратагему № 2, при помощи четырех иероглифов: вэй, Вэй, цзю, Чжао («Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао»), — знаменитый роман минского времени «Сань Го янь-и» («Троецарствие») Ло Гуань-чжуна (1330—1400). В тридцатой главе этого романа упоминается стратагема Сунь Биня «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао». Сунь Бинь, который изобрел этот метод ведения военных действий, был одним из потомков Сунь У, уже упомянутого выше создателя древнейшего в Китае и во всем мире военного трактата. Неудивительно, что Сунь Бинь и сам написал военный трактат. После почти двухтысячелетнего забвения, в апреле 1972 г., археологи откопали 232 бамбуковые таблички с его текстом в провинции Шань-дун; в том же году он был издан под заглавием «Сунь Бинь бин фа» («Военное искусство Сунь Биня»).

2.2. О полноте и пустоте

Избегать «полного», то есть района, занятого неприятелем, и вместо того проникать в «пустое», то есть район, оставленный противником, — так звучит слегка обобщенное толкование данной стратагемы. «Пустота» и «полнота» — два основных термина традиционной китайской военно-теоретической мысли. Их вводит уже Сунь-цзы в древнейшем в мире трактате по военному искусству. В шестой главе, «Пустота и полнота» («Сюй ши пиань»), название которой Лайонел Джайлс приблизительно перевел как «Weak and strong points» («Слабые и сильные точки»), а Сэмюэл Б. Гриффит как «Weakness and strengths» («Слабые и сильные места»), Сунь-цзы замечает между прочим:

«В войне следует избегать полного и проникать в пустое. Появляйся в местах, которые враг должен будет оборонять в спешке. Спешно иди туда, где враг не ожидает тебя».

В книге «Цзюньши чэньюй» («Воинские поговорки»), вышедшей в 1983 г. в Тайюане, провинция Шаньси,

эта стратагема толкуется следующим образом:

«В таких случаях не обороняют район, которому угрожает враг, а нападают на опорные пункты во вражеском тылу. Так врага заставляют отвести войска и защищать свой собственный тыл. Вследствие этого угрожаемый район освобождается».

Стратагема № 2 рассматривается также в «Чжунго гудай чжэсюэ юйянь гуши сюань» (Избранные философские притчи и рассказы Древнего Китая. Шанхай, 1980):

«Все явления связаны между собой. Так, например, обстоит с противоположными понятиями полного и пустого. Если кто-то воспользуется их связью, он может коренным образом изменить соотношение сил своих и противника, превратить сомнительное положение в выигрышное и одержать победу».

Стратагема № 2 упоминается Мао Цзэдуном в докладе «Стратегические проблемы партизанской войны против японской агрессии» (май 1938 г.):

«В случае, если противник прочно обосновался в районе нашей обороны, мы посылаем туда часть наших сил, чтобы взять противника в окружение. Одновременно наши главные силы предпринимают наступление в районе, из которого противник явился. Мы повышаем там свою активность, чтобы побудить засевшего в обороняемом нами районе противника к отходу и нападению на наши главные силы. Это метод «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао».

Стратагема № 2 упоминается также в одном из сочинений Чжу Дэ о партизанской войне с Японией, датированном 1938 г. (Чжу Дэ сюань цзи (Избранные труды Чжу Дэ. Пекин, 1983). Чжу Дэ (1886—1976) — один из основателей и главнокомандующий Красной армией, до самой своей смерти остававшийся номинальным главой государства КНР в качестве председателя Постоянной комиссии Национального народного конгресса.

2.3. Из доконфуцианской эпохи

Уже классический конфуцианский труд «Цзо-чжуань» («Комментарий Цзо»)⁸², одно из старейших китайских исторических сочинений, составленных до начала нашей эры, содержит сведения о применении Стратагема № 2. Так, в 623 г. до н. э. чуские войска осадили государство Цзян (в нынешней провинции Хэнань). В ответ на это войско государства Цзинь вошло в Чу, чтобы выручить Цзян. В 622 г. до н. э. государство Чу напало на государство Сун, которое, в свою очередь, обратилось за помощью к государству Цзинь. Властитель Цзинь, князь Вэнь, был обязан благодарностью властителю Чу, который оказывал ему помощь во время его 19-летнего изгнания, и не мог открыто выступить против Чу. Советник князя Вэня Ху Янь придумал выход. Государству Цзинь следовало напасть на Цао и Вэй, государства, наследственно и через свойство связанные с Чу, в которых непочтительно обходились с князем Вэнем во время его изгнания. Тогда Чу вынуждено было бы отвести свои войска из Сун, чтобы оборонять Цао и Вэй. Так и случилось. Эта история была опубликована в 1981 г. в Шанхае в виде комикса тиражом в 1 680 000 экземпляров.

2.4. Тайпинские повстанцы и войска Дэн Сяопина

Применение Стратагема № 2 в новой китайской истории иллюстрируется захватом города Ханчжоу в 1860 г. войсками повстанцев-тайпинов, которые таким образом хотели принудить к отступлению войска, осаждавшие их столицу Нанкин. Когда в августе 1947 г. Чан Кайши собирался предпринять большое наступление на район, захваченный Коммунистической партией Китая, Дэн Сяопин и Лю Бочэн со своими войсками форсированным маршем оставили район, где располагались их опорные пункты, и направились за тысячу миль в горы по ту сторону Хуанхэ, в район, занятый чанкайшистами. Под угрозой оказалась сама основа военной силы Чан Кайши. Тот был вынужден защищаться от мощного наступления Красной армии и не смог напасть на красные районы. Так одним штрихом была изменена вся картина военных действий. Этот случай приводится как пример применения и развития Стратагема № 2 в труде «Саньшилю цзи синь бянь» (Тридцать шесть стратагем в современной обработке. Пекин, 1987).

⁸² «Цзо-чжуань» — одна из канонических конфуцианских книг, комментариев к летописи «Чунь-цю» («Весна и Осень»). Автором «Чунь-цю» считался сам Конфуций, авторство «Цзо-чжуань» приписывалось одному из его учеников, Цзоцю Мину (Цзо Цюмину). Описываемые в «Цзо-чжуань» события касаются 722-468 гг. до н. э. и содержат материал о войнах между правителями того периода, религиозных верованиях и обрядах, природных явлениях и поведенческих стереотипах древних китайцев.

2.5. Современный тайваньский анализ Стратегемы № 2

В труде «Саньшилю цзи мибэнь цзицзе» (Тайная книга тридцати шести стратегем с комментариями. 3-е изд. Тайбэй, 1986) в разделе о Стратегеме № 2 указаны следующие примеры из современности.

Оказывается, предпринимая наступление на Вьетнам весной 1979 г., КНР не имела в виду ничего, кроме стратегемы «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао». Китай, вводя войска во Вьетнам, лишь хотел добиться, чтобы вьетнамские войска вышли из Камбоджи ради обороны их собственной страны. Однако в данном случае маневр не удался, поскольку китайская угроза Вьетнаму оказалась слишком слабой. Вот если бы Китай осадил Ханой, Стратегема № 2 привела бы к успеху. Насколько широко пропускная полоса Стратегемы № 2 в сознании китайцев, показывают следующие три примера из той же вышедшей в Тайбэе книги. Согласно издателю книги Шу Ханю, постоянно повергающие свободный мир в панику угоны самолетов террористами также являются примерами применения этой стратегемы. То же самое касается взятия американских заложников в Тегеране, позволившего Ирану обходиться с сильнейшей страной мира как с шахматной фигуркой на ладони. Аналогичное толкование дается эмбарго на ввоз зерна в Советский Союз после его нападения на Афганистан. Вновь оцененная в КНР и на Тайване Стратегема № 2 сообщает особое значение следующим словам Сунь-цзы:

«Война подобна воде. Как и вода, она не имеет постоянной формы. Тот, кто выверяет свою тактику по положению врага и таким образом достигает победы, может считаться достигшим божественности».

Стратегема № 3. Убить чужим ножом

Четыре иероглифа	借	刀	殺	人
Современное китайское чтение	<i>цзе</i>	<i>дао</i>	<i>ша</i>	<i>жэнь</i>
Перевод каждого иероглифа	Одолжить	нож	убить	человек
Связный перевод	Взять займы нож, чтобы убить человека.			
Сущность	Убить чужим ножом. Погубить противника чужими руками. Стратегема подставного лица. Вредить косвенным путем, не афишируя себя. Стратегема алиби, стратегема заместителя.			

К четырем иероглифам этой стратегемы не привязывается никакой объяснительной притчи. Они непосредственно и наглядно описывают, как стратегема осуществляется. Одно из древнейших упоминаний краткой формулировки Стратегемы № 3 мы находим в пьесе эпохи Мин (1368—1644). Вот перевод соответствующей сцены, впервые выполненный на одном из европейских языков.

3.1. Коварная отправка на войну

В театре. Артист в амплуа злодея, исполняющий роль цензора Хань Ду, выходит на сцену и поет на мотив «Сянлюнян»⁸³:

Я — начальник над служащими цензурного ведомства⁸⁴ в Западной канцелярии,

⁸³ В китайском классическом театре некоторые вокальные партии исполнялись на мотив уже известных напевов. Для их обозначения В. Ф. Сорокин ввел термин «романс» в качестве условного эквивалента китайскому понятию «цы», переводившемуся ранее как «мелодии», «песни» (см.: Сорокин В. Ф. Китайская классическая драма XIII—XIV вв. М., 1979. С. 31). Название мелодии (в данном случае «сянлюнян») обычно не связано с содержанием «романса» и, как правило, не переводится.

⁸⁴ В императорском Китае существовала система Цензората. Наряду с Императорским секретариатом и главными министерствами — военным, общественных работ, церемоний, чинов, наказаний и др. — действовала система Цензората. Она как бы уравнивала приоритет военного ведомства в структуре государственных органов и давала значительные права гражданским чиновникам. При династиях Мин (1368—1644) и Цин (1644—1911) наряду со столичной Палатой цензоров (Дучаюань) существовала сеть

Я — начальник над служащими цензурного ведомства в Западной канцелярии.

Ледяная рука моей власти повергает всех в страх и смущение.

Я ношу шапку с одним рогом и езжу на черно-белой пестрой лошади, как следует моему сану.

От меня все отшатываются в почтительном трепете.

Этим я обязан расположению первого министра Люй Ицзяня [978—1043, противник реформ, предложенных Фань Чжунянем]. Этим я обязан расположению первого министра Люй Ицзяня.

Я предан ему со всеми потрохами («вплоть до моих легких и кишок»). Выражение его лица и каждое его слово — для меня закон.

Гнев мой обрушивается на этого безмозглого негодяя [имеется в виду Фань Чжунянь (989—1052), ученый и политик, известный тем, что мог держать речь, не заглядывая в бумажку; в 1040 г. участвовал в битве против армии династии Западная Ся (с территории, ныне принадлежащей к автономной области Нинся, населенной народностью хуэй); в 1043—1045 гг. был вице-министром империи, пытался провести ряд реформ, однако потерпел неудачу из-за противостояния консерваторов]. Он не знает, что его ожидает! Мой гнев обрушивается на этого дурака, он не знает, что его ожидает. Он все болтает языком и шлепает губами. Он окружает себя сотрапезниками, скрытными, как лисицы⁸⁵. (*Говорит.*) Я — всего лишь цензор Хань Ду. Но первый министр Люй — сколь велик он! А этот Фань Чжунянь выступает против него — что за наглость! За известностью закидывает он снасть, хочет поймать славу! Он запрашивает не по чину, бросается дерзкими словами. И еще вовлек в свое клеветническое дело Ю Цзина и Ин Чжу. Все они будут смещены с должности и поставлены на место. А еще этот Оуян Сю [1007—1072, ученый и высокопоставленный чиновник, поддерживал Фань Чжуняня]. Тебе-то что до этого? Ты насмехаешься над цензором Ся [имеется в виду Ся Сун, (985—1051); когда он в 1043 г. должен был быть назначен тайным государственным советником, бывшие тогда у власти реформисты объединились против него вокруг Фань Чжуняня, вследствие чего он получил менее важную должность; за это он обвинил реформистов в заговоре]! Ты сам этим вырыл себе яму! К счастью, ты не заботишь меня, ничтожного. Я уже много дней не видел цензора Ся. Пойду-ка навещу его. (*Идет.*) О, кто-то показался вдали, это, наверное, он. Отойду-ка я в сторону и погляжу, куда он направляется.

(Актер в амплуа шута, исполняющий роль цензора Ся, выходит на сцену и поет на ту же мелодию):

Цензурное ведомство — моя епархия, цензурное ведомство — моя епархия.

Характер у меня не подозрительный и не хитрый. В настоящее время я — жертва беспочвенных обвинений. Неправедливость, от которой я страдаю, возбуждает во мне гнев.

Виновный в этом [Фань Чжунянь] переведен в отдаленную область. Виновный переведен в отдаленную область. Я хочу его окончательно уничтожить.

Если ты хочешь избавиться от сорняка, ты должен выбросить его корни с поля. Горе тебе, если ты только отбросишь его в сторону, ибо он позже вернется и разрастется вновь!

провинциальных цензорских учреждений. Их главной функцией был контроль за местной бюрократией, борьба с коррупцией и иными злоупотреблениями властью. В соответствии со Сводом законов империи Цензорат наблюдал за правильным исполнением всеми правительственными учреждениями и должностными лицами своих обязанностей, за деятельностью последних и их поведением в частной жизни, а также за народной нравственностью. Кроме официальных чиновничьих званий чиновники Цензората назывались еще «эрму гуань» — «глаза и уши», через которые верховная власть следит за жизнью всего государства во всех ее проявлениях. Цензоры были наделены правом прямого обращения к императору, поэтому их еще называли «янь-гуань» — «чиновники слова», т. е. должностными лицами, обладавшими свободой слова. Активную роль Цензорат играл и при организации и приеме экзаменов на ученые степени, дававших право получившим их занимать соответствующие чиновничьи должности.

⁸⁵ Лисица — один из важнейших персонажей китайского фольклора и основанной на нем художественной литературы. Например, выдающийся китайский новеллист Пу Сунлин (1622—1715) часто использовал в своем творчестве образ лисицы-оборотня, превращающейся в прекрасную девушку, пленяющую «лисьими чарами» грешных селян, студентов, чиновников. Как правило, обман раскрывался и оборотень исчезал (см.: Пу Сунлин (Ляо Чжай). Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных / Пер. академика В. М. Алексеева. М., 1957).

(Актер-злодей выступает вперед и говорит):

О почтенный господин Ся!

(Актер-шут изображает испуг.) (Актер-злодей говорит): Куда путь держите?

(Актер-шут поет):

На восток к моему благодетелю, чтобы поговорить с ним. На восток к моему благодетелю, чтобы поговорить с ним.

Если мой план удастся, мы сможем вновь спать спокойно.

(Актер-злодей говорит):

Я, ваш младший брат, придерживаюсь того же мнения. Давайте воспользуемся тем обстоятельством, что первый министр еще не являлся на аудиенцию ко двору. Отправимся скорее к нему, скорее! (Оба отходят в сторону.)

(Выходит актер с раскрашенным лицом, исполняющий роль первого министра Люй Ицзяня, но в повседневной одежде. За ним следует актер-слуга. Актер с раскрашенным лицом поет на мотив «Шэнчацзы»):

По своему положению и важности я вхожу в число трех высочайших государственных советников во главе империи. Я всего лишь на расстояние в несколько дюймов удален от драконоподобного лика императора. Я властвую над жизнью и смертью. Все взирают на меня в почтительном страхе. *(Говорит.)* Все чиновники склоняются передо мною, первым министром, до земли. Меня украшают нефритовый пояс и красный плащ. Я — краеугольный камень священной династии. Никто не решится посягнуть на мой приказ. Я поражен наглостью одного пустоголового негодяя. Он решается таскать тигра за усы [посягает на мой авторитет]! Секретарь! Сразу же дай мне знать, когда придут оба цензора, Хань и Ся!

(Актер-слуга):

Будет исполнено!

(Актер-злодей и актер-шут входят и говорят):

Вот мы и прибыли! О, жилище первого министра — оно подобно обители богов. Обратимся же к секретарю и попросим доложить о нас.

(Актер-слуга):

Отец наш как раз спрашивал о вас обоих. Входите, пожалуйста, поскорее.

(При виде первого министра оба пришельца преклоняют колени и говорят):

Ваши последователи, Ся и Хань, явились к вам на аудиенцию.

(Актер с раскрашенным лицом говорит):

Поднимитесь, вы оба!

(Актер-злодей и актер-шут встают, складывают руки у груди в приветственном жесте, кланяются, вновь выпрямляются и ждут.)

(Актер с раскрашенным лицом говорит):

На днях слышал я поношения от этого негодяя. Фань Чжунянь и его приятели, конечно, уже получили свое, но гнев мой еще не улегся. У вас, господа, уж конечно, найдется какая-нибудь страатагема для меня.

(Актер-злодей говорит):

Я, Хань Ду, день и ночь страдал от обиды за вас, благородного первого министра, не мог ни есть, ни спать. Однако страатагема у меня нет.

(Актер с раскрашенным лицом говорит):

Вот уж, действительно, можно сказать, «сопровождать в огонь и в воду»! Спасибо вам! Спасибо!

(Актер-шут говорит):

Я, ничтожный, придумал стратегию. Я затем и явился, чтобы доложить о ней.

(Актер с раскрашенным лицом говорит):

Говори же! Говори!

(Актер-шут):

Ю Цзин, Ин Чжу и Оуян Сю сами по себе не враги благородному первому министру. Если они с недавних пор не держат языка за зубами, так это потому, что их подстрекает Фань Чжунянь. Если не умертвить Фань Чжуняня, корень зла не будет истреблен.

(Актер с раскрашенным лицом):

Убить Фань Чжуняня было бы нетрудно. Но я боюсь, что придворные будут недовольны.

(Актер-шут):

Я, ничтожный, подумал об этом. Сейчас как раз поднял бунт Чжао Юаньхао [1003—1048, основатель империи Западная Ся, в течение семи лет вел войну против династии Северная Сун (960—1126)]. Вокруг него собираются все новые силы. Двор должен назначить военачальника, который поведет против него войско. Вы, благородный министр, завтра утром должны подать императору представление. По этому представлению Фань Чжунянь [будучи штатским чиновником и ученым без военного опыта] получит военное назначение и будет отправлен для подавления бунта Чжао Юаньхао. Это называется «убить чужим ножом». К тому же вы покажете этим, благородный министр, будто сменили гнев на милость! Как вам нравится такая стратегия?

(Актер с раскрашенным лицом громко восклицает):

Замечательно, замечательно! Я в ближайшее же время издам приказ о переводе тебя в более высокий ранг. Непременно сдержу свое слово.

(Актер-злодей):

Фань Чжуняня убьют, но остается еще множество его последователей. Не будете ли вы столь любезны, чтобы составить их список и распространить его при дворе, чтобы они остерегались превышать свои полномочия словом или делом?

(Актер с раскрашенным лицом):

Как это верно! Как верно!

(Актер-шут):

В этом списке на первых местах должны стоять Цай Сян [1012—1069; помимо своей служебной карьеры, считался одним из четырех величайших каллиграфов династии Северная Сун] и Ши Цзиэ [1005—1045; чиновник и ученый, убежденный конфуцианец].

(Актер-шут):

Вот это называется поставить общественную службу на пользу личной мести!

(Актер с раскрашенным лицом поет на мотив «Сочуанхань»):

О, государственные дела! Лишь мне одному доверены они. Подчиненные, мне служащие, должны уважать меня, великого первого министра. Фань Чжунянь и его клика не держались в рамках своих полномочий. Он играл с огнем, и пламя охватило его. В дикие области отправят его, за тысячи миль от столицы. И это наказание еще не удовлетворит моего гнева. Лишь когда Фань Чжунянь будет убит и тело его разрублено на мелкие кусочки, я вздохну свободно.

(Хором):

Назначим его военачальником! Если его убьют по ту сторону границы, кто сможет вновь вызвать к жизни его душу?

(Актер-шут поет на тот же мотив):

Мне отвратительна вся эта банда бессовестных выскочек. Императорской кистью подписан указ об их отстранении и назначении в отдаленные области. Там в Новый год снег так глубок, что они не могут шагнуть ни назад, ни вперед. Так тяжела там жизнь. Страшно далеки они от родной земли. И письму оттуда не дойти. Горько должны они теперь раскаиваться в том, что так неразумно распускали языки.

(Хором):

Мы ручаемся, что Фань Чжуняню не найти пути назад. Если его убьют в битве с бунтовщиками, кто сможет вновь вызвать к жизни его душу?

(Актер с раскрашенным лицом поет на тот же мотив):

Следует подумать о том, что Фань Чжунянь и его клика пытались обмануть императора. Уже несколько лет он протаскивал своих людей на важные должностные места. Его сила еще сохраняется. Ему придется только слегка раздуть пламя, а наше совсем угасло. Поэтому с его товарищами нужно покончить сразу, без промедления, чтобы они не смогли оказать ему тайную поддержку или нанести нам ответный удар.

(Хором):

Сегодня выйдет приказ, чтобы эти негодяи до конца своих дней были отстранены от государственной службы. Кто вернет им вновь их должности и почет?

(Актер с раскрашенным лицом):

Я под корень изведу всю эту банду, пользуясь вашей чудесной стратегией.

(Актер-злодей и актер-шут):

Не человек [то есть первый министр Люй Ицзянь и оба цензора] хочет смерти тигра [то есть Фань Чжуняня], но тигр желает гибели человека.

(Выходят.)

В этой сцене из драмы «Три причины пожеланий счастья», переведенной с насчитывающей несколько столетий рукописи из столичной Пекинской библиотеки, враги Фань Чжуняня планируют убрать его с дороги, отправив военачальником в битву. Они не сомневаются, что собравший большие военные силы бунтовщик Чжао Юаньхао погубит их не искушенного в военном деле врага. Чжао Юаньхао — это «нож», предназначенный для убийства Фань Чжуняня. Но эта цель завуалирована, внешне они желают Фань Чжуняню добра, повышая его в чине. В этой драме эпохи Мин (1368—1644), написанной Ван Тиннэ, я вижу существенный признак «интриги», как его определяет Арнульф Дитерле в своей диссертации «Структурные элементы интриги в греко-римской комедии»: «Интриган пытается достигнуть своей цели не прямым путем, но хитростью, подтасовкой реальных фактов».

Остается добавить еще, что в действительности Фань Чжунянь умер не на поле битвы, а от болезни. Но замышляемая в пьесе отправка на войну также могла бы достигнуть желаемых результатов, что показывает следующая история.

3.2. Мечом аммонитян

В «Семейной библии — извлечениях из Священного Писания для домашнего чтения и воспитания юношества» (Гларус, 1887) читаем:

«Через год, в то время когда выходят цари в походы, Давид послал Иоава и слуг своих с ним, и всех израильтян, и они поразили аммонитян и осадили Равву. Давид же оставался в Иерусалиме. И случилось так, что Давид под вечер, встав со своей постели, прогуливался по кровле царского дома и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива. И послал Давид разведать, кто эта женщина. И сказали ему: это Вирсавия, жена Урии-хеттеянина.

Тогда Давид написал письмо Иоаву и послал его с Урией. В письме он написал так поставьте Урию там, где

будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер. Посему когда Иоав осаждал город, то поставил он Урию на таком месте, о котором знал, что там храбрые люди. И вышли люди из города, и сразились с Иоавом, и пало несколько из народа, из слуг Давидовых; был убит также и Урия-хеттеянин. И послал Иоав донести Давиду о всем ходе сражения.

Когда услышала жена Урии, что умер Урия, муж ее, стала она плакать о муже своем. Когда кончилось время плача, Давид послал и взял ее в дом свой, и она сделалась его женой и родила ему сына».

Примечательно в этом отрывке из Ветхого завета, что Бог осуждает и наказывает за применение Стратегемы № 3: «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа». Господь посылает Нафана, который, в частности, упрекает Давида: «Урию-хеттеянина ты поразил мечом; жену его взял себе в жены, а его ты убил мечом аммонитян». И затем следует объявление наказания с обоснованием причин: «Как ты этим делом подал повод врагам Господа хулить Его, то умрет родившийся у тебя сын!» И ребенок действительно умер.

Идея божественного возмездия за предосудительное применение стратегемы чужда китайской культуре, хотя даже в произведениях китайской литературы герои, применяющие стратегемы с дурными намерениями, часто кончают плохо. Нередко также настигает их осуждение потомков, выражаемое в произведениях литературы или изобразительного искусства — одно из страшнейших наказаний для китайцев прошлого (см. ниже, 7.18: Выдуманное преступление Юэ Фэя, и 18.12: Прославление кистью и тушью).

3.3. Стрела Локи на тетиве Хедура

«Фригга, мать Бальдура, отправилась бродить по свету, чтобы с каждого существа и с каждой вещи взять клятву, что они не нанесут вреда ее сыну. Дальнее это было странствие — но все существа и вещи дали ей эту клятву: огонь и вода, железо и медь, камни и земля, травы и деревья, звери, птицы, яды и болезни.

Боги возрадовались и устроили большой праздник, чтобы почтить Бальдура. И там предстал он между своими братьями. Они воздавали ему почести так: посылали в него свои стрелы, бросали камни и замахивались мечами. И это казалось им чудесным, ибо ничто не могло повредить Бальдуру.

Лишь один из всех с завистью смотрел на игры. Это был Локи. Ему радость богов всегда была что соринка в глазу. Он принял облик старухи и явился перед Фриггой. «Как радостны, — сказал он, — игры асов на Идском поле! И как, ничто не может повредить Бальдуру?» — «Ему не может повредить ничто на свете, — отвечала Фригга, — ибо никто не отказал мне в клятве».

«Но уверена ли ты, что всех о ней просила?»

Тут Фригга вспомнила, что к западу от Валгаллы встретила растение, которое показалось ей слишком молодым, чтобы вынести тяжелую клятву: омелу.

Теперь старуха узнала все, что ей требовалось. И Локи, не медля, нашел омелу и вырезал из нее стрелу. С этой стрелой явился он на игрище богов. Хедур стоял немного поодаль от веселой толпы. К нему, слепому брату Бальдура, и приблизился Локи. «Почему ты не воздаешь, подобно другим, почестей твоему брату?» — спросил он. «Потому, что я его не вижу», — отвечал Хедур.

Тут вызвался Локи помочь ему прицелиться, чтобы и Хедур мог воздать почести Бальдуру.

«Вот, возьми стрелу и положи ее на тетиву, — сказал он. — Мой глаз да послужит твоей руке!» Тогда Хедур взял стрелу из рук Локи и выстрелил. И тут произошло несчастье, равного которому не было на свете. Ибо стрела пронзила Бальдура. Мертвым упал светлый бог на землю». (Цит. по: Рок богов и судьба людей, пересказано из «Эдды» Даном Линкольмом. Раштатт, 1981.)

Локи использовал руку Хедура как нож.

3.4. Два персика убивают трех воинов

В эпоху «Весны и Осени» служили князю Цзину (ум. 490 до н. э.) из княжества Ци (на севере нынешней провинции Шаньдун) три храбрых воина: Гунсунь Цзе, Тянь Кайцзян и Гу Ецзы. Их отваге никто не мог противиться. Их сила была столь велика, что даже голыми руками хватка их была подобна тигриной.

Однажды Янь Цзы, первый министр княжества Ци, повстречался с этими тремя воинами. Ни один не встал почтительно со своего сиденья. Этот проступок против вежливости разгневал Янь Цзы. Он обратился к

князю и сообщил ему об этом случае, который оценил как представляющий опасность для государства. «Эти трое пренебрегают этикетом по отношению к высшим. Можно ли положиться на них, если понадобится подавлять мятеж внутри государства или выступить против внешних врагов? Нет! Потому я предлагаю: чем раньше их устранить, тем лучше!»

Князь Цзин озабоченно вздохнул: «Эти трое — великие воины. Вряд ли удастся их взять в плен или убить. Что же делать?»

Янь Цзы призадумался. Потом он сказал: «У меня есть одна мысль. Пошлите к ним вестника с двумя персиками и со словами: «Пусть возьмет себе персик тот, чьи заслуги выше».

Князь Цзин так и поступил. Три воина стали мериться своими подвигами. Первым заговорил Гунсунь Цзе: «Однажды я голыми руками победил дикого кабана, а в другой раз — молодого тигра. По моим деяниям мне полагается персик». И он взял себе персик.

Тянь Кайцзян заговорил вторым: «Дважды обращал я в бегство лишь с холодным оружием в руках целое войско. По моим деяниям я также достоин персика». И он также взял себе персик.

Когда Гу Ецзы увидел, что ему персика не досталось, он со злобой сказал: «Когда я однажды в свите нашего господина переправлялся через Хуанхэ, огромная водяная черепаха схватила мою лошадь и исчезла с нею в бурном потоке. Я нырнул под воду и пробежал по дну сто шагов вверх по течению и девять миль вниз по течению. Наконец я нашел черепаху, убил ее и спас мою лошадь. Когда я вынырнул с конским хвостом по левую сторону и черепашей головой по правую, люди на берегу приняли меня за речное божество. Это деяние еще более достойно персика. Ну что, никто из вас не отдаст мне персик?»

С этими словами он вынул свой меч из ножен и поднял его. Когда Гунсунь Цзе и Тянь Кайцзян увидели, сколь разгневан их товарищ, заговорила в них совесть, и они сказали: «Безусловно, наша храбрость не сравняется с твоей и наши деяния не могут мериться с твоими. Тем, что мы оба сразу схватили себе по персику и не оставили тебе, мы показали лишь свою алчность. Если мы не искупим этого позора смертью, проявим еще и малодушие». Тут они оба отдали свои персики, обнажили мечи и перерезали себе горло.

Когда Гу Ецзы увидел два трупа, ощутил он свою вину и сказал: «Бесчеловечно, что оба моих боевых товарища умерли, а я живу. Недостойно стыдить других словами и прославлять себя самого. Малодушно было бы совершить такое дело и не умереть. К тому же, если бы оба моих товарища поделили между собой один персик, оба получили бы достойную их долю. Я же тогда мог бы взять себе оставшийся персик».

И тут он уронил свои персики на землю и также перерезал себе горло. Вестник сообщил князю: «Все трое уже мертвы». И князь приказал похоронить их по установленному для воинов ритуалу.

Я вышел через городские ворота Ци

И увидел в отдалении Тан-иньли

И посредине три кургана,

Друг подле друга, как близнецы.

Я спросил: «Чьи это могилы?»

Ответ был: там покоятся

Гунсунь Цзе, Тянь Кайцзян и Гу Ецзы!

Сила их могла сдвинуть горы,

А благородство не имело себе равных.

Но однажды их постигло предательство.

Тогда два персика убили трех воинов.

Кто способен был на такую стратагему?

Это Янь Цзы — первый министр Ци.

Приведенный текст взят из «Янь Цзы Чунь цю» («Весна и Осень Янь Цзы»), произведения, полный и

тщательный немецкий перевод которого был выполнен Р. Хольцером (Werzburger Sino-Japonica. Bd. 10. 1983). Я обнаружил его перевод на современный китайский язык в книге по китайской фразеологии, вышедшей в 1982 г. в Цилине. Янь Цзы (ум. 500 до н. э.) служил при трех властителях княжества Ци. В цитированном произведении, собрании анекдотов о Янь Цзы, содержится масса стихов, частично из наследия китайского философа Мо Цзы (ок. 468—376 до н. э.).

Это стихотворение сочинил Чжугэ Лян (181—234), первый министр Шу-Хань, сам бывший выдающимся знатоком стратагем. Он прославляет погибших и клеймит позором Янь Цзы за применение Стратагемы № 3. Тот не рискнул приговаривать непочтительных воинов к смертной казни. Воспользовавшись тем обстоятельством, что «героические личности часто бывают слишком вспыльчивы и обращают непомерное внимание на свою честь, гордость и собственную особу» (Лютц Мюллер), он посеял меж ними разлад, вследствие которого они сами наложили на себя руки.

3.5. Храбрый портняжка и великаны

«А портняжка двинулся дальше куда глаза глядят. Долго он странствовал и вот пришел наконец во двор королевского дворца и, почувствовав усталость, прилег на траве и уснул. В то время как он лежал, пришли люди, стали его со всех сторон разглядывать и прочли у него на поясе надпись: «Побил семерых одним махом».

— Ох, — сказали они, — чего же хочет этот знатный герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь важный человек.

Они пошли и объявили об этом королю, полагая, что на случай войны он будет здесь человеком важным и нужным и что отпускать его ни в коем случае не следует. Этот совет королю понравился, и он послал к портняжке одного из своих придворных, который должен был ему предложить, когда тот проснется, поступить к королю на военную службу.

Посланец подошел к спящему, подождал, пока, тот начал потягиваться и открыл глаза, и только тогда изложил ему королевское поручение.

— Я затем сюда и явился, — ответил портной. — Что ж, я готов поступить к королю на службу.

Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение. Но королевские воины отнеслись к портняжке недружелюбно и хотели его сбить куда-нибудь подальше. «Что оно из этого выйдет? — говорили они между собой. — Если мы с ним поспоримся, то он, чего доброго, на нас набросится и побьет семерых одним махом. Уж тут никто из нас против него не устоит». И вот они порешили отправиться все вместе к королю и просить у него отставку.

— Где уж нам устоять, — сказали они, — рядом с таким человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что придется ему из-за одного потерять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться, чтоб больше его на глаза не пускать. Но король не решился дать ему отставку: он боялся, что тот убьет его, а заодно и придворных, а сам сядет на его трон. Долго он думал-раздумывал и наконец порешил сделать так. Он послал к портняжке и велел ему объявить, что он хочет ему, как великому военному герою, сделать некоторое предложение.

В одном из лесов его королевства поселились два великана, они своими грабежами и разбоями, поджогами и пожарами великий вред учиняют; и никто не осмеливается к ним приблизиться, не подвергаясь смертельной опасности. Так вот, если он этих двух великанов одолеет и убьет, то отдаст он ему свою единственную дочь в жены, а в приданое полкоролевства, а поедут с ним сто всадников на подмогу.

«Это было б неплохо для такого, как я, — подумал портняжка, — заполучить себе в жены красавицу королевну да еще полкоролевства в придачу, такое не каждый день выпадает на долю».

— О да! — сказал он в ответ. — Великанов этих я одолею, и сотни всадников мне для этого не надо; кто одним махом семерых побивает, тому двоих бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехала следом за ним сотня всадников. Подъехав к лесной опушке, он сказал своим провожатым:

— Вы оставайтесь здесь, а я уж расправлюсь с великанами один на один. — И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам.

Вскоре он увидел двух великанов. Они лежали под деревом и спали, и при этом храпели вовсю, так что даже ветки на деревьях качались.

Портняжка, не будь ленив, набил себе оба кармана камнями и взобрался на дерево. Он долез до половины дерева, взобрался на ветку, уселся как раз над спящими великанами и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долгое время ничего не замечал, но наконец проснулся, толкнул своего приятеля в бок и говорит:

— Ты чего меня бьешь?

— Да это тебе приснилось, — ответил ему тот, — я тебя вовсе не бью.

И они опять улеглись спать. А портной вынул камень и бросил его на второго великана.

— Что это? — воскликнул второй. — Ты чем в меня бросаешь?

— Я ничем в тебя не бросаю, — ответил первый и начал ворчать.

Так ссорились великаны некоторое время, и, когда оба от этого устали, они помирились и опять уснули. А портняжка снова начал свою игру, выбрал камень побольше и кинул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Это уж чересчур, — закричал тот, вскочил как безумный и как толкнет своего приятеля об дерево — так оно все и задрожало. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока наконец оба не упали замертво наземь»*.

* Братья Гримм. Сказки. Пер. с нем. Г. Петникова. Минск, 1983. С. 88—91. — *Прим. перев.*

В этой сказке братьев Гримм о храбром и хитром портняжке, приведенной по двухтомному изданию Манессе, Стратагемой № 3 сначала пытается воспользоваться король. Он хотел бы избавиться от портняжки, но не решается прямо действовать против нежелательного пришельца. Тогда он надеется сжить портняжку со свету руками великанов. Свои коварные намерения король преподносит в виде почетного поручения, за выполнением которого последует королевская награда.

Портняжка, в свою очередь, пользуется Стратагемой № 3. Бросая камни, добивается он ссоры между сонливыми великанами, так что они со зла убивают друг друга. Таким образом, для умерщвления великанов портняжка воспользовался их собственными силами.

3.6. Зарытый документ князя Хуаня

Князь Хуань (806—771 до н. э.) из государства Чжэн стремился к тому, чтобы захватить государство Куай. Прежде всего он приказал вызнать, как зовут всех искусных министров и военачальников государства Куай, и написал бумагу, в которой говорилось следующее: после падения государства Куай все перечисленные министры и военачальники государства Куай получат столь же высокие должности в государстве Чжэн. Кроме того, все земли государства Куай будут поделены между ними. Затем князь Хуань воздвиг за городскими стенами большой алтарь и зарыл под ним бумагу. После этого он приказал заклать кур и свиней и дал Небу торжественную клятву, что не нарушит заключенного с сановниками из Куай договора. Когда князь государства Куай узнал об этом событии, он заподозрил в измене весь свой главный штаб и государственный совет и всех их, разгневавшись, повелел казнить. Таким образом князь государства Чжэн Хуань не только избавился от элиты государства Куай, но еще и использовал для этого самого властителя Куай. Теперь князь Чжэн без труда мог одолеть государство Куай.

Этот пример применения Стратагемы № 3 приведен в книге Хань Фэя (ок. 280—233 до н. э.). Уже цитировавшийся в разделе о Стратагеме № 2 классический конфуцианский труд «Цзо-чжуань» сообщает его под 514 г. до н. э.

3.7. Подарок Си Юаня

Высокопоставленный чиновник Си Юань из государства Чу был справедливым и миролюбивым человеком. Но его коллега Фэй Уцзи и военный комендант Янь Цзянши завидовали его успехам и ненавидели его. Первый министр Цзи Чан любил получать подарки и с готовностью склонял свое ухо к клеветническим наговорам. Фэй Уцзи, который хотел уничтожить Си Юаня, сказал первому министру, что Си Юань хочет пригласить его на пир. Затем Фэй Уцзи пошел к Си Юаню и сообщил ему, что первый министр хотел бы

получить от него приглашение. Си Юань возразил, что по своему низкому чину он недостойн посещения первого министра. Однако если тот будет настаивать на визите, то он, Си Юань, изъявляет всяческую готовность его принять. Каким подарком он мог бы почтить первого министра? Фэй Уцзи отвечал: «Первый министр питает страсть к доспехам и оружию. Покажи мне, что у тебя есть из этого, и я помогу тебе выбрать». Фэй Уцзи остановил свой выбор на пяти доспехах и пяти предметах вооружения и посоветовал Си Юаню: «Поставь их у входа. Когда первый министр увидит их, ты сможешь их ему подарить».

В день пира Си Юань поставил шатер слева от ворот и там расставил подарки. А коварный Фэй Уцзи нашептал первому министру, что Си Юань поставил у входа вооруженных людей, по-видимому замышляя что-то дурное, и дал совет не принимать приглашения. А кроме того, во время короткого похода против государства У Си Юань якобы был подкуплен и, вместо того чтобы, как ему было поручено, захватить государство У, отступил против воли своих военачальников. Первый министр послал гонца к дому Си Юаня, и тот издали увидел выставленное там оружие и доспехи. Тогда первый министр вызвал к себе Янь Цзянши, чтобы разузнать подробнее о происшедшем. Тот давно уже был предупрежден Фэй Уцзи. После аудиенции у первого министра Янь Цзянши приказал напасть на дом Си Юаня. Когда тот узнал о готовящемся нападении, он покончил с собой.

Таким образом, злодеи Фэй Уцзи и Янь Цзянши погубили своего врага также чужими руками.

Сам Конфуций (551—479 до н. э.) однажды вынужден был прибегнуть к Стратегеме № 3. Это случилось в год, когда могущественное государство Ци решило напасть на слабое в военном отношении родное государство Конфуция Лу. Чтобы спасти Лу, Конфуций отправил своего искусного в красноречии ученика Цзы Гунна (род. 520 до н. э.) по соседним государствам. Тот прежде всего убедил военачальника Ци напасть вместо государства Лу на государство У. Затем Цзы Гун отправился в государство У и убедил тамошнего царя напасть на государство Ци, чтобы помочь Лу. После того как между Ци и У разгорелась война, Цзы Гун поспешил в государство Цзинь и подвигнул его князя на войну против государства У. В результате началась война между Цзинь и У. Таким образом Конфуцию удалось спасти свое родное государство Лу.

Здесь три государства играют роль одолженного «ножа», которым ликвидируется опасность.

3.8. Битва у Красных стен

Подобным же образом в 208 г. советнику Лю Бэя (161—223), тогда двадцатисемилетнему Чжугэ Ляну (181—234), за хитрость и изворотливость почитаемому в Китае народным героем классической древности, удалось убедить двадцатилетнего Сунь Цюаня, в то время основного противника властвовавшего в Северном Китае Цао Цао (155—220), заключить союз со значительно более слабым Лю Бэем против располагавшего могучим войском Цао Цао⁸⁶. Победа над Цао Цао в битве у Красных стен⁸⁷ была в первую очередь заслугой Сунь Цюаня, которого Чжугэ Лян применил в качестве «чужого ножа» против Цао Цао. Но, благодаря руководству Чжугэ Ляна, Лю Бэй извлек из этой военной победы значительно больший политический выигрыш, чем Сунь Цюань.

3.9. Старый военачальник Лянь По и вспыльчивый Чжао Ко

После победы над государством Хань в 260 г. до н. э. государство Цинь (которое впоследствии, в 221 г. до н. э., объединило весь Китай) решило напасть на государство Чжао. Царь Чжао поручил оборону старому военачальнику Лянь По. Лянь По, искусный воин, занял оборону в Чанпине. Войска Цинь неоднократно штурмовали столицу, но Лянь По удавалось удержать ее. Он не решался на открытое сражение с более

⁸⁶ Дипломатия Чжугэ Ляна раскрывается в 44-й главе «Троецарствия». Почти убедив Сунь Цюаня в возможности победы над Цао Цао, Чжугэ Лян встретился с Чжао Юем, главным полководцем царства У, которому предложил не вступать в войну с Цао Цао, а подарить ему двух известных красавиц сестер Цяо, о которых давно мечтает престарелый владетель царства Вэй, специально построивший для утех с ними башню Бронзового воробья. Но старшая из них была женой полководца Сунь Цэ, а младшая — самого Чжао Юя. Чжао Юй пришел в ярость и преисполнился решимости сразиться с Цао Цао. Когда шло заседание совета, его слово и повлияло на принятие Сунь Цюанем окончательного решения вступить в войну с царством Вэй (см.: Троецарствие. М., 1984. С. 269-276).

⁸⁷ Битва у Красных стен — сражение войск Цао Цао и Чжао Юя у Сяньцзяоку на реке Янцзы (см. там же. С. 277—285). Сражение произошло зимой 208 г. Река Янцзы в этом месте протекает в ущелье среди высоких берегов из красного песчаника, которые и именовались Красными стенами.

сильной циньской армией.

В государстве Чжао жил некий Чжао Ко, сын одного покойного военачальника. Теоретически он хорошо знал военное дело, но не имел практического опыта. При этом он достиг определенного положения в армии Чжао. Ему не нравилась оборонительная тактика Лянь По, и он перед царем Чжао обвинил его в малодушии. Тогда царь Чжао приказал военачальнику Лянь По наконец выступить против циньской армии. Но тот продолжал колебаться.

Циньские шпионы узнали о разногласиях между царем Чжао, Чжао Ко и Лянь По. Агенты Цинь подкупили жителей столицы и распустили с их помощью слух, что Цинь боится, что Чжао Ко будет назначен военачальником. С Лянь По якобы будет легко иметь дело, так как он собирается сдать город. Этот слух достиг ушей царя Чжао. Он отстранил Лянь По и его преемником назначил Чжао Ко. Тот воспользовался первой возможностью для прямого выступления против превосходящих сил циньской армии, которая взяла армию Чжао в котел и полностью уничтожила. Среди убитых оказался также новый военачальник Чжао Ко. Это было началом конца государства Чжао. В 228 г. до н. э. оно было присоединено к государству Цинь.

3.10. Убийственная песнь Вэй Сяокуаня

В эпоху раздробленности Китая (III—VI вв.) династия Восточная Вэй располагала блестящим стратегом в лице Ху Люйгуана (взрослое имя Мин Юэ, «Светлая луна»). Вэй Сяокуань, высокопоставленный чиновник и военный деятель враждебной Вэй династии Северная Чжоу, боялся растущей мощи этого противника. Властитель династии Восточная Вэй был еще молод и легковверен. К тому же министры при дворе династии Восточная Вэй заботились только о своей личной выгоде и потеряли всякое чувство ответственности за судьбу государства. Этим положением и воспользовался Вэй Сяокуань. Он сочинил песню и разослал агентов в область династии Восточная Вэй. В этой песне имелись стихи вроде: «Светлая луна светит над Шаньанем» (Шаньань был главным городом династии Восточная Вэй) — и подобные, все намекающие на то, что Ху Люйгуан собирается совершить государственный переворот. В результате царь династии Восточная Вэй приказал казнить Ху Люйгуана.

3.11. Сталин как «одолженный нож» немцев и наоборот

Вышедшая в 1987 г. в Китае книга о стратегах причисляет к пользователям Стратегемы № 3 немцев, которым в 1936 г. удалось передать русской разведке сфальсифицированные документы, в глазах Сталина выставляющие маршала Тухачевского (1893—1937) в роли предателя. Таким образом, Сталин сыграл роль «одолженного ножа» и казнил Тухачевского.

На Западе участие немецкой секретной службы в ликвидации Тухачевского посредством передачи фальсифицированных материалов считается спорным и донныне не доказанным. Китайская интерпретация тем не менее в целом подтверждается Виктором Александровым в его историческом репортаже «L'affaire Toukhatchevsky» (Вервье, Бельгия, 1978). Как очевидный факт рассматривает немецкое участие в казни Тухачевского также Густав Адольф Пуррой в своей книге «Das Prinzip Intrige» (Zürich — Osnabrück, 1986).

В свою очередь, согласно гонконгской работе о стратегах, Сталин также с непревзойденной хитростью использовал Стратегему № 3. В 1944 г. польская подпольная армия, состоявшая из более чем 40 000 человек, хотела использовать тяжелое положение немцев после Сталинграда и высадки союзников в Нормандии, чтобы предотвратить превращение Варшавы в поле битвы между русскими и немцами. По их плану 31 июля 1944 г. советский танковый авангард должен был занять пригороды Варшавы. Этот момент представлялся удачным для нападения подпольной армии на немцев в Варшаве. Выступление было назначено на 1 августа. Как раз когда население Варшавы с оружием в руках выступило против немецкой армии, советское наступление внезапно остановилось. Войска даже немного отошли. Немцы поняли, что им не угрожает никакой опасности с советской стороны, и бросили все силы на подавление польских подпольных организаций в Варшаве. Рузвельт и Черчилль несколько раз телеграфировали Сталину, прося его продолжить наступление и спасти Варшаву, но Сталин отказался и даже протестовал против английской и американской поддержки Варшавы с воздуха под предлогом того, что она затронула бы русское воздушное пространство.

Только 10 сентября 1944 г., на шестую неделю варшавского восстания, Советский Союз начал военные операции. При поддержке Красной армии войска коммунистической армии Польши вошли в пригород Варшавы. 15 сентября Красная армия вновь остановила наступление. Немцы покончили со всеми очагами сопротивления и превратили Варшаву в руины. Только когда польская подпольная армия была полностью уничтожена, советская армия нашла момент подходящим для входа в Варшаву.

Как пишет гонконгская книга о стратагемах, составленная Ма Сэньляном и Чжан Лайпином, это пример применения Стратегемы № 3 для того, чтобы уничтожить польскую подпольную организацию в Варшаве как возможного противника захвата власти коммунистами. Для этого Сталин воспользовался силами немецкой армии.

3.12. Ван Сифэн и две наложницы

В романе «Хун-лоу мэн» («Сон в Красном тереме») Цао Сюэциня (ум. ок. 1763), одним из известнейших произведений классической китайской литературы, шестьдесят девятая глава называется так: «Пригласила в дом наложницу и утонченным способом совершила убийство «чужим ножом».

Цзя Ляню, женатому на Ван Сифэн, уже давно наскучила его жена, не только потому, что она так и не подарила ему наследника, но и оттого, что последнее время она часто болела. Он влюбился в прекрасную госпожу Ю, взял ее тайно второй женой и поселил в домике поблизости от родового дворца. Ван Сифэн от одного из слуг узнала о том, что ее супруг завел себе наложницу. Когда муж ее уехал по делам, она, изображая добрые чувства, отыскала госпожу Ю и пригласила ее переехать во дворец. При переезде Ван Сифэн лишила ее прежней прислуги и приставила новых служанок, особым образом проинструктированных. С этих пор она неустанно интриговала против госпожи Ю. Однако внешне Ван Сифэн, заходя раз в неделю к госпоже Ю, была само дружелюбие и любезность. Госпожа Ю и не подозревала, что Ван Сифэн за ее спиной предпринимает все, чтобы испортить ей жизнь. Наконец Цзя Лянь вернулся из путешествия. Его отец дал ему в подарок 17-летнюю Цю Тун. Цзя Лянь ни днем ни ночью не отходил от юной наложницы. Ван Сифэн возненавидела ее, конечно, не меньше, чем госпожу Ю, но при этом она рассчитывала найти в ней средство устранения госпожи Ю. Она могла теперь воспользоваться стратагемой «Убить чужим ножом», а сама сидеть высоко на горе и оттуда наблюдать, как соперницы уничтожают друг друга⁸⁸. Если бы удалось с помощью семнадцатилетней погубить госпожу Ю, избавиться потом от семнадцатилетней для нее не представило бы труда. Вот какую роль выбрала она для себя.

Итак, Ван Сифэн начала неустанно настраивать Цю Тун против госпожи Ю.

«Ты молода и неопытна и не видишь опасности, которая тебя подстерегает, — нашептывала она Цю Тун. — Его сердце целиком принадлежит ей. Даже я вынуждена уступать ей и покоряться. Ты погибнешь, если будешь с ней соперничать».

«Ну нет, я уж не покорюсь ей! — возмутилась Цю Тун. — Глядя, как пропадает ваш авторитет, видно, к чему ведет ваша уступчивость и осмотрительность. Уж я-то быстро управлюсь с этой девкой! Узнает она у меня!»

Эти слова она намеренно произнесла так громко, что госпожа Ю должна была их услышать. Она была просто потрясена такой ненавистью, целый день плакала, и кусок не лез ей в горло. Затем Ван Сифэн еще более разожгла злобу семнадцатилетней против госпожи Ю с помощью подкупленного предсказателя, так что юная наложница посмела, проходя под окнами павильона, в котором находилась госпожа Ю, разразиться громкими ругательствами и проклятиями. Несчастная окончательно пала духом и в ту же ночь покончила с собой, вдохнув золотые чешуйки.

Эта история завладела китайской театральной сценой, будучи взята за сюжет пекинской оперы «Ван Сифэн данао Нингофу» («Большой скандал из-за Ван Сифэн во дворце Нинго»). Эта опера была относительно благосклонно оценена в «Пекинской вечерней газете» в июне 1981 г. Последняя фраза критической статьи на эту тему — «Массы в целом охотно приняли эту постановку», а в шестнадцатисерийном комиксе по «Сну в Красном тереме», вышедшем в Шанхае в 1984 г., эта история также изложена соответствующим образом.

3.13. Победа Жун Готуаня в настольном теннисе

Жун Готуань (1937—1968) в 1957 г. переехал из Гонконга в Китай. В 1959 г. он, первый участник из Китая, выиграл чемпионат мира по настольному теннису и стал чемпионом мира. Во время «культурной революции» (1966—1976) он подвергся преследованиям и в 1968 г. был казнен, однако был посмертно реабилитирован в июле 1978 г.

⁸⁸ Это парафраз известного китайского выражения: «Сидеть на горе и наблюдать за борьбой тигров в долине». В роли «сидящего на горе» не раз выступал Сунь Укун, Царь обезьян, популярнейший герой знаменитого романа У Чэньэня (1500—1582) «Си ю цзи» («Путешествие на Запад»). На русском языке роман был издан в переводе А. П. Рогачева (см.: У Чэньэнь. Путешествие на Запад. Тт. I-IV. М., 1959).

В комиксе о Жун Готуане, выпущенном в г. Шицзячжуане (провинция Хэбэй) в 1980 г., Стратегема № 3 применялась в спортивном контексте. Жун Готуань родился в бедной семье в Гонконге. Его отец был матросом. В 13 лет Жун Готуань бросил школу и начал зарабатывать себе на хлеб. Его отец был членом профсоюза, и в их профсоюзном клубе Жун Готуань научился играть в настольный теннис. Там же на него оказали влияние патриотические настроения. 1 октября 1954 г., в день национального праздника КНР, Жун Готуань принял участие в турнире по настольному теннису, который в честь праздника был устроен профсоюзом. Из-за этого турнира работодатель Жун Готуаня выгнал его. К счастью, Жун Готуань смог найти новую работу в профсоюзе. Здесь он много времени посвящал тренировкам.

В 1956 г. японская команда по настольному теннису посетила проводившийся в Гонконге 23-й чемпионат мира по настольному теннису и приняла участие в дружеском турнире. Против новоиспеченного японского чемпиона мира должен был выступать Жун Готуань. Он точно знал, что его матч с японским чемпионом мира подстроен враждебными ему и всем симпатизирующим КНР членам профсоюза людьми в оргкомитете, которые как раз собирались «убить его чужим ножом», чтобы тем погасить его восходящую звезду и унижить профсоюз. Немудрено, что Жун Готуань сражался, не щадя сил. Он победил, и радио и пресса распространили весть об этом блестящем успехе по всему городу. Стратегема врагов, пытавшихся использовать японского чемпиона мира как «нож», чтобы устранить Жун Готуаня и выставить на посмешище профсоюз, провалилась.

3.14. Угроза конкуренции

Даже после продолжительных партнерских отношений китайская сторона может обиняком довести до сведения западного делового партнера, что ей поступали также предложения других фирм и не исключено, что другая фирма получит больше шансов. Возможно, что эта информация соответствует действительности и китайская сторона отдает предпочтение конкуренту из материальных интересов. Но возможно также, что это — тактика переговоров, вдохновленная Стратегемой № 3.

Конкурирующая фирма, которая в этом случае лишь на словах получила предпочтение китайцев, служит оружием, с помощью которого ранее предпочитаемому партнеру навязываются желательные для китайцев условия, на которые он соглашается, чтобы избежать конкуренции.

3.15. Ярость до упаду

Какой-то человек, возбужденно жестикулируя, ругает стоящего перед ним господина. На втором рисунке из четырехчастной истории в картинках «Холодная ванна» известного китайского карикатуриста Ван Лэтяня он в ярости подпрыгивает и продолжает рвать и метать. На третьей картинке он чуть не лопається от гнева, его лицо закрашено ярко-красным цветом, волосы стоят дыбом, руки сжаты в кулаки. Из последних сил он рывкает на своего противника и затем, совершенно ослабевший, опускается на пол и сидит на корточках, тяжело дыша.

Его противник все это время, дружески улыбаясь, слушает его вопли и стоит спокойно, не произнося ни единого слова. Без всякого активного действия он одерживает верх над «нападающим» с помощью Стратегемы № 3; «одолженный» им «нож» — это израсходованные напрасно из-за его равнодушия силы ругающегося, а «убито» этим «ножом» переполнявшее того возбуждение.

Многочисленные китайско-японские виды спортивной борьбы, как, например, дзюдо, «мягкий путь» самообороны, рассчитаны на то, чтобы отвести натиск противника так, чтобы он уходил в пустоту или обращался против самого нападающего. В некоторой степени это верно также для бокса, фехтования и борьбы.

Похоже, что любой человек сам на себе неосознанно применяет Стратегему № 3 в те моменты, когда он, вместо того чтобы прямо противостоять нежелательным движениям чувств, пытается их, не вмешиваясь, холодно зафиксировать и позволить им умереть самим по себе.

3.16. О «банде четырех»

В 1974 г. Мао начал всенародное движение критики ревизионизма. Весь народ должен был изучать литературу о диктатуре пролетариата. Согласно Мао, ревизионизм проявляется двояко: во-первых, в догматизме, то есть в бездумном преклонении перед марксистскими фразами без оглядки на действительность, и, во-вторых, в эмпиризме, а именно в слепом ориентировании на боевую революционную практику без учета теории. «Банда четырех» обвинялась в том, что она в течение некоторого времени пыталась нацелить революционное движение односторонне на критику эмпиризма.

Таким образом они хотели дискредитировать старые кадры во главе с Чжоу Эньлаем, дав понять народу, что старые кадры уже не могут обходиться своим опытом и должны быть заменены новыми силами. Этот маневр газета «Жэньминь жибао» («Народная газета») в ноябре 1976 г. отнесла к применению Стратегемы № 3. Эмпиризм должен был быть «ножом», с помощью которого «банда четырех» устраняла заслуженные старые кадры.

Ба Цзинь, председатель китайского Союза писателей и самый известный из ныне живых китайских писателей⁸⁹, в письме от 18 мая 1977 г., обвиняя «банду четырех», в частности, пишет:

«Некоторые вещи, которые мы раньше знали только из древних преданий, теперь мы испытали на себе... умерщвление свидетелей, «убийство одолженным ножом» и так далее».

3.17. Пример из Дюрренматта

Одно из любимых произведений современной швейцарской литературы, распространенных в Китае, — это роман Дюрренматта «Судья и его палач». Комикс по нему выдержал миллионные издания. Возможно, популярность этого произведения связана также и с возможностью ассоциаций со Стратегемой № 3. Краткий пересказ содержания, вышедший в провинции Гуйчжоу, гласит:

«Старый швейцарский комиссар Берлах — справедливый и неподкупный человек. Однако в капиталистическом государстве он может применять закон только к повседневным мелким преступлениям. Ему не удастся наказать такого закоренелого преступника, как Гастман, у которого лежит на совести множество различных злодеяний. Тем не менее он собирает улики против Гастмана. Но, поскольку Гастман находится под покровительством политической власти крупных капиталистов, клики иностранных господ, выставить против него юридически аргументированное обвинение является сложной задачей. Поэтому Берлах вынужден отказаться от судебного преследования. Вместо этого он использует убийцу, который хочет приписать свое злодеяние Гастману, и, таким образом, умерщвляет Гастмана рукою убийцы».

3.18. Опасная похвала для киносценария

Бывает, что Стратегему № 3 применяет при анализе китайская литературная критика. Газета «Бэйцзин жибао» («Пекинская газета») от 15 сентября 1981 г. упоминает комментарий в «Вэньи бао» («Журнал по литературе и искусству»). Там некоторым литературным критикам предъявлено обвинение в том, что они пользовались стратagemой «Убить чужим ножом», а именно: они использовали тайваньские похвалы некоторым современным китайским киносценариям в качестве ножа против их авторов.

3.19. Марионетка марионетки

На карикатуре в «Жэньминь жибао» начала января 1979 г. изображен Брежнев, высоко поднимающий марионетку — Вьетнам, который, в свою очередь, держит провьетнамскую камбоджийскую марионетку. В статье под карикатурой, в частности, говорится, что Советский Союз использовал стремление Вьетнама к гегемонии над регионом с целью распространить свое влияние на всю Восточную Азию и контролировать коммуникации между Индийским и Тихим океанами. «Советский Союз использует Вьетнам как нож в спину Китая», — пишет Тан Шань в той же газете в ноябре 1983 г.

3.20. Барабанщик эпохи Хань

В конце эпохи Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) жил некий Ми Хэн (173—198)⁹⁰. Красноречивый, хороший каллиграф, он разбирался не только в стихосложении, но также и в музыке, в частности в игре на барабане. Характер у него был твердый и горделивый. Политик, военачальник, ученый, военный теоретик и

⁸⁹ В ноябре 1994 г. Ба Цзиню исполнилось 90 лет.

⁹⁰ Здесь Харро фон Зенгер допускает неточность: речь идет не о Ми, а о Ни Хэне, известной исторической личности и одном из героев романа «Троецарствие». В 24 года Ни Хэн был известным ученым, блиставшим многими талантами; хотя он действительно обладал трудным характером, главным мотивом его действий в отношении Цао Цао было то, что он считал последнего узурпатором. Ни Хэн переживал за законного императора, представителя династии Хань. Сначала он даже готов был совершить террористический акт, но не преуспел в этом (см.: Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. С. 359—361).

основатель династии Вэй (220—255, одного из трех царств, о котором идет речь в романе «Саньго», («Троецарствие»)) Цао Цао однажды захотел с ним познакомиться. Ми Хэн уклонился от знакомства. Тогда Цао Цао назначил его барабанщиком в свое войско. Через некоторое время Цао Цао устроил празднество на острове, находившемся поблизости от нынешнего острова Ухань на реке Янцзы. Там он собирался выставить Ми Хэна на посмешище перед всеми гостями, но Ми Хэну удалось, наоборот, выставить на посмешище Цао Цао в стихотворении о попугаях, которых гости подарили Цао Цао⁹¹. С тех пор этот остров назывался Попугаевым. После этого Цао Цао сказал Кун Жуну: «Ми Хэну удалось меня опозорить. Однако это очень искусный и широко известный человек. Если я его убью, то меня обвинят в отсутствии великодушия. Но вот военачальник Лю Бяо злобен и вспыльчив по натуре. Я прикомандирую Ми Хэна к нему. Лю Бяо определенно не сможет его вынести и вскоре уничтожит». И Цао Цао позаботился о том, чтобы Ми Хэн был переведен на службу к Лю Бяо. И действительно, вскоре один из офицеров Лю Бяо, Хуан Цзу, убил Ми Хэна⁹².

Смерть двадцатипятилетнего Ми Хэна, жертвы Стратегемы № 3, оплакивалась в Китае; даже через 1500 лет после этого события поэт Сун Сян (1756—1826) написал стихотворение о посещении могилы Ми Хэна на Попугаевом острове, а где находятся могилы Цао Цао и Хуан Цзу, никто не знает:

Два дня уже стоит корабль на якоре у Попугаева острова. День за днем катятся волны над погружившимися в реку зданиями. Ветер доносит рокот барабана Ми Хэна, А душистая трава на могиле печально шепчет стихотворение о попугаях. Я отыскал твою могилу осенью и не пожалел простого жертвенного вина. Но кто знает, где погребены Цао и Хуан, и кто помянет их?

Согласно книге о стратегемах, вышедшей в Пекине в 1987 г., Стратегема № 3 в древности то и дело использовалась в борьбе внутри насквозь прогнившей феодальной бюрократии Древнего Китая и потому заслуживает осуждения.

С другой стороны, что касается военного дела, следует уметь иногда применять силу третьих лиц. Для этого

⁹¹ В 23-й главе «Троецарствия», также как и в «Жизнеописании Ни Хэна», этот эпизод излагается несколько по-иному. Придя к Цао Цао, Ни Хэн дал резко негативные характеристики лицам из его окружения. Цао Цао не решился его убить, так как ученый был слишком популярен, и назначил его барабанщиком в своей свите. В день, когда был назначен пир, Ни Хэн не надел наряд, предложенный ему Цао Цао, и, когда начал свое выступление, с поразительной экспрессией заиграл на барабане пьесу об узурпаторе и, приблизившись к трону, сбросил с себя одежды и остался нагим. Когда же Цао Цао попытался обвинить его в непристойном поведении, Ни Хэн произнес обличительную речь, направленную против узурпатора:

«— Стыда у тебя нет! — закричал Цао Цао. — Не забывай, что ты в императорском храме предков!

— Обманывать Сына Неба и высших — вот бесстыдство, — невозмутимо отвечал Ни Хэн. — Я обнажил формы, данные мне отцом и матерью, и хочу показать свое чистое тело!

— Это ты-то чист? — съязвил Цао Цао. — А кто же, по-твоему, грязен?

— Ты не отличаешь мудрости от глупости, значит, у тебя грязные глаза. Ты не читаешь книг и стихов, значит, грязен твой рот. Ты не выносишь правдивых слов, значит, грязны твои уши. Ты не отличаешь старого от нового, значит, ты грязен телом. Ты мечтаешь о захвате власти, значит, ты грязен душой. Я — самый знаменитый ученый в Поднебесной, а ты сделал меня барабанщиком...» (там же. С. 360; здесь дан перевод «Жизнеописания Ни Хэна»; Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1954. Т. 1. С. 295—300).

⁹² В действительности Лю Бяо был соперником Цао Цао, и к нему вэйский правитель решил направить Ни Хэна послом. Он заявил своему приближенному Кун Жуну, одному из друзей Ни Хэна, который рекомендовал его Цао Цао: «Послушай, этого твоего свинопаса Ни Хэна я убью, как воробья или мышь; только вот что этот человек пользуется (вздорно, между прочим) славой, и со всех сторон могут быть нарекания на меня, что я, мол, не мог его вынести. Я пошлю его к моему сопернику Лю Бяо. Посмотрим, как ему там придется». Конечно, Ни Хэн не ужился ни с Лю Бяо, ни с другим губернатором, Хуан Цзу, который поручил ему написать «Оду попугаю» по случаю принесенной во дворец редкостной птицы, переданной поэту глумившимся над ним сыном губернатора. Эта ода и обессмертила имя Ни Хэна. В ней есть и такие строки:

Ах, этот твой язык: вот лестница ко злу! Попробуй не сдержись — налезешь на рожон...

Перевод оды выполнен академиком В. М. Алексеевым (см.: Алексеев В. М. Указ. соч. С. 361).

следует использовать споры и разногласия во вражеском лагере, которые и применяются как «нож». При этом «одалживание» может иметь разнообразное содержание: предметом заимствования могут служить силы врага, причем врага заставляют их напрасно расходовать, в результате чего добиваются превосходства над ним (см. также главу о Стратегеме № 4). Затем, объектом заимствования могут быть вражеские военачальники, между которыми возбуждаются противоречия, так что они нападают друг на друга. Наконец, это могут быть вражеские стратагемы, которые надо, изучив, отводить так, чтобы они действовали против врага.

Согласно тайваньской книге о стратагемах, древнекитайские военные теоретики придерживались того мнения, что опора на помощь союзников лишена блеска. Высшая школа военного искусства состоит в том, чтобы использовать для подавления врага его же военную, экономическую и интеллектуальную мощь. Как сказано в китайском трактате «Бинфа юаньцзи» («Основы военного искусства»):

«Если у тебя ограничены собственные силы, воспользуйся силами врага. Если невозможно самому обезвредить силы врага, воспользуйся ножом врага. Если у тебя нет военачальников, используй военачальников врага. В этом случае можно самому удержаться от действия и лишь наблюдать в покое. Если не можешь сам, дотянись рукой врага».

Стратегема № 4. В покое ожидать утомленного врага

Четыре иероглифа	以	逸	待	勞
Современное китайское чтение	<i>и</i>	<i>и</i>	<i>дай</i>	<i>лао</i>
Перевод каждого иероглифа	Посредством	покой	ожидать	утомленный
Связный перевод	В покое (недеянии) ожидать утомленного (врага).			
Сущность	Стратегема изматывания противника.			

Впервые краткая формулировка Стратегемы № 4 появляется в трактате Сунь-цзы о военном искусстве (VI—V вв. до н. э.): «Поблизости от поля битвы ждать идущего издалека врага; отдохнув, ожидать усталого; насытившись, ожидать голодного...» (VII глава, «Цзюнь чжэн» — «Борьба армий»)⁹³.

«Тот, кто первым достиг поля битвы и ожидает противника, к моменту битвы отдохнет. Кто придет на поле битвы вторым и сразу вступит в сражение, тот будет уже усталым. Поэтому тот, кто понимает что-то в военном искусстве, тот направляет врага и не позволяет ему направлять себя».

(VI глава, «Сю ши — «Пустота и полнота»)⁹⁴.

Развитие некоторого события, в особенности на войне, создает все новые ситуации. Соответственно, часто невозможно их проанализировать с помощью какой-либо одной стратагемы; последовательность событий требует применения двух-трех одновременно.

4.1. Событие при Гуйлине.

Когда Сунь Бинь спасал Чжао, окружив Вэй (см. выше, 2.1: На неохраняемые территории — с войсками), то сначала он воспользовался Стратегемой № 2, а затем, устроив засаду поблизости от Гуйлина, отдохнув,

⁹³ Зенгер переводит название этой главы как «Kampf der Armeen» — «Борьба армий». Академик Н. И. Конрад, давший классический перевод и анализ трактата Сунь-цзы, вкладывает несколько иной смысл в название этой главы («Цзюнь чжэн»): «Борьба на войне». В этой главе Сунь-цзы говорит о правилах ведения войны. Под № 15 мы обнаруживаем и приводимый Зенгером отрывок «Находясь близко, ждут далеких; пребывая в полной силе, ждут утомленных; будучи сытыми, ждут голодных; это и есть управление силой» (Конрад Н. И. Указ. соч. С. 33—34).

⁹⁴ Это самое начало главы VI, «Полнота и пустота», трактата Сунь-цзы: «Сунь-цзы сказал: кто является на поле сражения первым и ждет противника, тот исполнен сил; кто потом является на поле сражения с запозданием и бросается в бой, тот уже утомлен. Поэтому тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой» (там же. С. 31).

разбил вэйскую армию, утомленную маршем из Чжоу.

Ожидание, таким образом, следует рассматривать не как пассивный процесс, а как активную подготовку. Часто оно помогает вымотать противника, нужным образом направить его, «заманить в глубину собственной территории» («ю ди шэньжу») и выбрать благоприятную обстановку для битвы. В этом случае речь идет о том, чтобы провести противника и самому не оказаться в его ловушке.

4.2. Засада при Малине

В 342 г. до н. э., через двенадцать лет после спасения Чжао путем осады Вэй, Вэй напало на государство Хань. Хань призвало на помощь государство Ци. Тянь Цзи и Сунь Бинь взяли на себя командование циской армией и повели ее сразу же на столицу государства Вэй. Когда Пан Цзюань, командовавший войском Вэй, узнал об этом, он немедленно вывел войско из Хань. Сунь Бинь знал о высокомерии Пан Цзюаня и недооценке им сил циской армии. Когда армия Вэй подошла, он изобразил отступление. При этом в первый день его армия оставила 100 000 кострищ, во второй 50 000, а в третий только 30 000. Надевшийся на легкую победу над армией Ци Пан Цзюань решил, что она ослаблена массовым дезертирством. Поэтому он оставил тяжеловооруженную пехоту и отправился в преследование с легковооруженными отрядами. За один день он сделал два дневных перехода. Сунь Бинь рассчитал, что Пан Цзюань к вечерней заре окажется у Малина. Там он и поставил засаду и, как и замыслил, смог уничтожить вэйские отряды. Сам военачальник Пан Цзюань покончил с собой на поле битвы⁹⁵.

Цинь Шихуан, который в 221 г. до н. э. основал первую централизованную империю, в 223 г. до н. э. смог с помощью Стратегемы № 4 смести с пути объединения Китая последнего еще остававшегося соперника — государство Чу. За это Цинь Шихуан прославлялся в КНР во время «культурной революции» (1966—1976).

4.3. Падение Чан Кайши

В тайбэйском, пекинском и гонконгском изданиях, посвященных стратегемам, Красной армии, созданной Компартией Китая, единодушно — хотя и с разной оценкой — приписывается сознательное применение Стратегемы № 4. Общий смысл состоит в следующем: основные силы Красной армии устраивали засаду в подходящем месте внутри области, занятой красными, где затем захватывали врасплох главные силы измотанного противника.

Когда Чан Кайши в конце 1930-го — начале 1931 г. провел во главе 100 000 человек первые пять походов против красных районов на юге провинции Цзянси, Мао Цзэдун и Чжу Дэ, располагавшие лишь 40 000 человек, заманили его главные силы под руководством генерала Чжан Хунцзяня в удобный для них район Лунгана, где были сконцентрированы силы коммунистов. Таким образом на этом *театре* сражения создался численный перевес красных войск, которые уничтожили при атаке 9000 человек противника и взяли генерала Чжан Хунцзяня в плен. Так во время этого похода было предreshено падение Чан Кайши. При помощи Стратегемы № 4, в частности, 8 мая 1932 г. при Суцзяпу одержал победу над Чан Кайши военачальник коммунистов Сюй Сян-цян. Об этом вспомнила (с подчеркиванием роли Стратегемы № 4) газета «Жэньминь жибао» в мае 1982 г.

⁹⁵ У этой истории есть и еще одна сторона. Дело в том, что в молодости Сунь Бинь и Пан Цзюань вместе учились у одного из главных «стратегемщиков» Древнего Китая, диалектика-релятивиста Гуй Гу-цзы (философа из Долины демонов). Затем пути их не просто разошлись: Пан Цзюань из зависти к тал антам Сунь Биня и его уму оклеветал его. Сунь Биню отрубили ноги и бросили в тюрьму. Однако с помощью циского посла Сунь Биню удалось бежать в царство Ци, где он стал военным советником. Он и посоветовал цискому полководцу Тянь Цзи при вступлении в земли царства Вэй ввести противника в заблуждение: в первый день развести сто тысяч очагов для варки пищи, во второй — уменьшить их до пятидесяти, а в третий — до тридцати тысяч. Пан Цзюань и попался на этот прием дезориентации противника; решив, что армия Ци разбегается, он бросился в погоню с небольшим отрядом. Попав в засаду и поняв свою ошибку, он не мог снести позора и, воскликнув: «Пусть торжествует этот мальчишка Сунь Бинь», пронзил себя мечом.

4.4. Шестнадцать иероглифов Мао: формула партизанской войны

В работе «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.)⁹⁶ Мао писал:

«Если наступающий противник намного превосходит нашу армию по численности и силе, то добиться изменения в соотношении сил можно лишь только тогда, когда он углубится на территорию опорных баз и сполна хлебнет там лиха, как это произошло с ним в третьем «карательном походе», во время которого начальник штаба одной из бригад Чан Кайши заявил: «Толстых затащали до худобы, а худых затащали до смерти», а командующий гоминьдановской армией западного направления Чэнь Миншу говорил: «Национальная армия везде как в потемках, а для Красной армии повсюду светло». Вот в таких условиях, даже если противник силен, силы его резко падают, войска изматываются, их моральное¹ состояние понижается и многие его слабые места становятся очевидными. Красная же армия, хоть она и слаба, в отличие от противника накапливает силы и, находясь в прекрасном состоянии, поджидает измотавшегося противника. При таком положении часто создается некоторое равновесие сил или же абсолютное превосходство противника превращается в относительное превосходство, а наша абсолютная слабость — в относительную слабость; бывает даже, что противник становится слабее нас и мы получаем над ним перевес»⁹⁷.

В телеграмме от апреля 1947 г. относительно хода операций на северо-западном театре сражений Мао подчеркивает:

«Наш курс состоит в том, чтобы, действуя прежним методом, заставить противника еще некоторое время (примерно месяц) покрутиться и помыкаться в данном районе, с тем чтобы он вконец измотался и стал испытывать острый недостаток в продовольствии, а затем, в подходящий момент, уничтожить его. Главные силы наших войск не должны спешить на север для наступления на Юйлинь или на юг для нанесения удара по противнику с тыла. Следует разъяснить командирам, бойцам и народным массам, что применяемый нашей армией метод есть необходимый путь, ведущий к окончательной победе над противником. Если не измотать противника полностью и не довести его до крайнего голода, то невозможно будет добиться окончательной победы. Этот метод можно назвать «тактикой изматывания» — противника изматывают до полного истощения сил, а потом уничтожают»⁹⁸.

В сжатой форме Мао выразил содержание Стратегемы № 4 в стихотворении из 16 иероглифов, заключающем в себе формулу партизанской войны:

*Враг наступает — мы отступаем,
Враг остановился — мы тревожим,
Враг утомился — мы бьем,
Враг отступает — мы преследуем*⁹⁹.

⁹⁶ Эта работа была подготовлена на основе курса лекций, которые Мао Цзэдун читал в Академии Красной армии в северной части провинции Шэньси. Автор считал свою работу незаконченной: ему не удалось изложить свои взгляды по проблемам стратегического наступления, политической работы в армии и др. Работа обобщает опыт Второй гражданской войны в Китае (1928—1936). Важно и то, что она была подготовлена после известного совещания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи (январь 1935 г.), на котором Мао Цзэдун и его сторонники утвердились в руководстве КПК и Красной армии.

Говоря о необходимости глубоко изучать законы ведения войны, Мао Цзэдун ссылается на известное положение Сунь-цзы: «Знай противника и знай себя, и ты будешь непобедим» (название работы и цитаты из нее, как и из других произведений Мао Цзэдуна, мы приводим по официальному китайскому изданию: Мао Цзэдун. Избр. произв. Пекин, 1967. Т. I. С. 242).

⁹⁷ Там же. С. 275-276.

⁹⁸ Мао Цзэдун. Избр. произв. Пекин, 1969. Т. IV. С. 160.

⁹⁹ Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. I. С. 270.

4.5. Эпизод в войне «Йом-Кипур»

В качестве примера современного успешного применения Стратегемы № 4 пекинское издание о стратегемах (1987) указывает на прием, примененный египтянами в начале четвертой израильско-арабской войны (6—22/25 октября 1973 г.) в сражении пехоты против танкового подразделения. Египетская армия прорвала линию обороны Бар-Лева и навела мост через Суэцкий канал. Для разрушения моста израильская армия вызвала по радио танковую бригаду. Египетское наступление должно было остановиться. Египтяне сумели дешифровать радиопереговоры. Тут же вторая египетская пехотная дивизия получила приказ поставить линию обороны на направление израильского танкового удара и оставаться в засаде. Одновременно египетский передовой отряд был послан на строительство второго моста через Суэц, поблизости от первого, чтобы убедить израильтян, что планируется мощная переправа. Так египтяне завели израильтян в нужном направлении. Те, по словам китайского издания, ослепленные самодовольством и низко оценивая военное искусство противника, бросились на штурм. Египтяне послали авангардный отряд, чтобы он противостоял противнику, но вовремя отошел и таким образом завлек израильтян в засаду, где они были бы уничтожены. Так благодаря Стратегеме № 4 ожидающая в засаде пехота смогла победить танковое подразделение.

4.6. Ожидать стоя

Применение Стратегемы № 4 встречается и в частной жизни. Гонконгская и тайваньская книги о стратегемах пишут об этом так: человек устраивает так, чтобы противник ждал стоя и благодаря этому обессилел бы и потерял стойкость; тут человек улучает момент для нападения и одним ударом валит противника с ног.

Как сказано в «Трактате о 36 стратегемах», «сильного врага следует ослаблять усталостью».

Стратегема № 5. Грабить во время пожара

Четыре иероглифа	趁	火	打	劫
Современное китайское чтение	чэнь	хо	да	цзе
Перевод каждого иероглифа	Использовать	пожар	заниматься	грабеж
Связный перевод	Грабить во время пожара.			
Сущность	Извлекать выгоду из нужды, трудностей, кризисного положения другого; нападать на поверженного в хаос противника. Стратегема стервятника.			

Главная мысль Стратегемы № 5 прослеживается уже в трактате Сунь-цзы по военному искусству (VI—V вв. до н. э.):

«Когда враг повержен в хаос, пришло время восторжествовать над ним».

Я перевожу это изречение Сунь-цзы, опираясь на комментарий государственного деятеля, ученого, поэта и военного теоретика Ду Му (803 — ок. 852), жившего в эпоху Тан.

Одно из древнейших упоминаний краткой формулировки этой стратегемы содержится в фантастическом романе «Си ю цзи» («Путешествие на Запад»), принадлежащем перу У Чэньэня (ок. 1500-ок. 1582).

5.1. Солнечно-прекрасное одеяние

Во время путешествия на Запад из Танской империи в поисках рукописей Будды монах Трипитака¹⁰⁰ и его

¹⁰⁰ «Трипитака» — санскритское слово, означающее «три корзины», — каноническое собрание буддийских текстов (Хинаяны и Махаяны). Главные герои романа У Чэньэня «Путешествие на Запад» (см. комм. 6 к Стратегеме № 3) — буддийский монах Сю-ань Цзан и его спутник Сунь Укун — так определяют цели своего паломничества: «Они по высочайшему повелению направляются в западные края поклониться Будде и вымолить священные книги». В основе сюжета романа лежит состоявшееся за девять столетий до

спутник, Царь обезьян¹⁰¹, пришли к некоему монастырю, в коем имелось более 70 залов и более 200 монахов, и попросились переночевать. Во время изысканной чайной церемонии настоятель монастыря спросил у Трипитаки, нет ли у него с собой какого-либо сокровища, чтобы на него подивиться. Царь обезьян напомнил Трипитаке об одном одеянии, бывшем среди их поклажи. Монахи рассмеялись на эти слова, так как они обладали сотнями одеяний из тончайшего шелка с прекраснейшей вышивкой. Настоятель показал эти одеяния гостям. Но на Царя обезьян они не произвели особенного впечатления, и он пожелал все же показать монахам принесенное одеяние. Пока он вынимал одеяние, завернутое в два слоя промасленной бумаги, сквозь нее пробивались сверкающие лучи. Когда же Царь обезьян взмахнул одеянием, комнату наполнили алый свет и чудесный аромат. О, что за потрясающе прекрасное одеяние! Тут пришли настоятелю дурные мысли. Он склонился перед Трипитакой и, рыдая, сказал, что слаб глазами и не может как следует разглядеть одеяние и потому хотел бы взять его на ночь в свою келью. Ему дали одеяние. Ночью он держал совет со своими монахами, как бы им присвоить это одеяние. И вот один молодой монах по имени Великая Стратагема предложил подпалить зал Цзэн и сжечь спящих там гостей. Монахи быстро стали обкладывать зал Цзэн хворостом. Но Царь обезьян вовсе не спал, а с полужакрытыми глазами выполнял дыхательные упражнения. Вдруг он услышал за стеной какую-то беготню и шелест хвороста на ветру. В гневе он поднялся, чтобы не будить спящего Трипитаку, превратился в пчелу, вылетел наружу и увидел вокруг связки хвороста. Тут он решил, что монахи попадут в вырытую ими же яму.

Быстро полетел он, все время оглядываясь назад, к Южным вратам небес и попросил у ясноглазого царя небес Дэвараджи покрывало, защищающее от огня. С покрывалом он прилетел верхом на облаке на крышу зала Цзэн и прикрыл им Трипитаку, дабы тот оставался в безопасности. Затем он пронаблюдал с конька крыши, как монахи подожгли хворост. Произнеся заклинание, он глубоко вздохнул — и тут поднялся сильный ветер, раздувший огонь так, что пламя охватило весь монастырь. Остался нетронутым только зал Цзэн со спящим Трипитакой. Теперь монахи проклинали тот час, когда покусились на своих гостей.

Проснулись все звери и демоны в окрестных горах. Пробудился и горный дракон, что жил в пещере Черного ветра, в двадцати милях от монастыря. Чтобы помочь монахам, он подлетел туда на облаке и увидел, что залы перед ним и за ним пусты, а в коридорах с обеих сторон пылает огонь. Он вбежал в зал и заметил в комнате настоятеля сверток в голубой обертке, из которого выходили многоцветные лучи. Развернув сверток, дракон обнаружил в нем драгоценное одеяние, редкостное буддийское сокровище. Забыв все свои добрые намерения, он схватил одеяние, совершив тем самым грабеж во время пожара, и тут же улетел на черном облаке в свою пещеру вместе с ворованным добром...¹⁰²

5.2. Терпение Гоу Цзяня

В период «Весны и Осени» (770—476 до н. э.) китайское государство было раздроблено на более чем 170 царств. Между этими царствами то и дело возникали конфликты. Однажды началась война между

создания этого литературного шедевра реальное путешествие в Индию знаменитого китайского ученого, богослова, философа, лингвиста и археолога Сюань Цзана (602—664), который доставил в Китай буддийские книги, способствовал широкому внедрению буддизма в стране, изучению санскрита.

В романе Сюань Цзан выступает под разными именами: Танский монах, Монах, принесенный рекой, Цзиньчан, Законоучитель, Аскет и, наконец, Трипитака. Очевидно, У Чэньэнь имел в виду человека, ищущего именно эти священные тексты. Вместе с тем заметим, что сами иероглифы имени Сюань Цзана также могут вызывать аллюзии: «сюань» в сочетании с иероглифом «ши» означает — учитель, знаток буддизма, наставник в делах веры. Цзан является омонимом иероглифа «цзан», имеющего одним из значений санскритское *ṛitaka* — буддийский канон — и входящего в выражение «фоцзяо саньцзан» — Трипитака, тройственный буддийский канон.

¹⁰¹ Царь обезьян — Сунь Укун — также называется то Царем обезьян, то Великим мудрецом, равным небу, то Странствующим монахом, то Небесным конюшим (Бимавэнь). Иногда он выступает в романе У Чэньэня и под именем Синчжэ — Кудесник, так как он наделен чудодейственной силой, необычайными способностями к превращениям, является обладателем волшебного жезла, который он, уменьшив до размеров иглы, хранил в ухе.

¹⁰² Роман «Путешествие на Запад» состоит из 100 глав, полных необычайных приключений. Данный эпизод относится к 16-й главе (т. 1). Необычная ряса — буддийское сокровище — была похищена, как сказано в русском переводе, не драконом, а волшебником, жившим на горе Черного ветра (см.: У Чэньэнь. Указ. соч. Т. 1. С. 304).

царствами У и Юэ, и царь Юэ, Гоу Цзянь¹⁰³, потерпел поражение.

Много лет ждал побежденный реванша. Наконец погиб знаменитый военачальник, бывший полководцем царства У. К тому же там началась страшная засуха. Даже раки в водоемах высохли, и рис завял на корню.

В довершение всего властитель У уехал из страны в гости к другому князю. Гоу Цзянь незамедлительно использовал это затруднительное положение: напав на У со всеми своими силами, он захватил его врасплох и уничтожил¹⁰⁴.

5.3. Оставшиеся вне игры

К началу эпохи «Сражающихся царств» (475—221 до н. э.) китайская территория была разделена уже только приблизительно на 20 государств. Среди них были государства Чу, Хань, Ци, Цинь, Вэй, Янь и Чжао.

Ци и Хань были союзниками и намеревались покорить Янь. Но из страха перед Чжао и Чу они не решались этого делать. И вот на Хань напали Цинь и союзное ему Вэй. Царь Ци хотел поспешить на помощь своему союзнику, но его советник Тянь Чэньсы предупредил его: «Если Хань будет разрушено, под угрозой окажется Чжао и Чу. Поэтому оба они незамедлительно выступят на помощь Хань».

И Ци не вступило в военные действия на стороне Хань. А Чжао и Чу повели себя именно так, как предсказывал Тянь Чэньсы. Таким образом, Цинь, Вэй, Чжао и Чу оказались одновременно вовлечены в войну за Хань. Момент, когда вокруг везде пылали военные факелы, государство Ци использовало для неожиданного нападения на государство Янь, также оказавшееся вне этой игры, и в 270 г. до н. э. захватило его.

5.4. При успехе — в цари, при неудаче — в разбойники

«Какой основатель одной из китайских императорских династий заложил основы своей империи, опираясь на Стратегему № 5?» — задается вопрос в тайбэйском (1985) издании о стратегемах. Кто удачно ограбит терпящего пожар ближнего, станет царем или императором, кто, в таких условиях, останется в дураках — будет «разбойником» или «бунтовщиком»? Отсюда идет китайская пословица «Чэн ван бай коу» («Успех делает царем, неудача — разбойником»). В качестве примера можно указать на воцарение с помощью чужеземцев-маньчжур последней китайской императорской династии Цин (1644—1911), которая смогла воспользоваться хаотическим состоянием внутривосточной ситуации в Китае, вызванным крестьянскими волнениями¹⁰⁵.

¹⁰³ Гоу Цзянь — Гоу Цзянь-ван (475—465) был последним из «пяти гегемонов» («у ба»). Так в китайской историографии выделяется период древней истории с начала VII по начало VI в. до н. э., когда одному из пяти наиболее сильных царств удавалось подчинить своей политике остальные. Первым «гегемоном», т. е. главой союза князей и председателем общекняжеских съездов, провозгласил себя в 678 г. владетель княжества Ци — Хуань-гун. После его смерти (643) Ци утратило положение гегемона из-за междоусобиц среди сыновей Хуань-гуна. Гегемоном стал сунский князь Сян-гун (650—637), но в 639 г. он был разбит войсками княжества Чу, однако цзиньский Вэнь-гун, (636—628), в свою очередь, сумел нанести княжеству Чу сильное поражение и стал гегемоном. Но после его смерти его преемник утратил положение гегемона, и оно перешло к Чжуан-гуну (613—590) — правителю княжества Чу, который первым присвоил себе титул «ван» — «царь». Когда же в княжестве У к власти пришел Хо-люй (514—495), гегемония перешла к этому княжеству. В приводимом эпизоде отражена борьба юэского Гоу Цзянь-вана с уским Хо-люем (514—495).

¹⁰⁴ Этот эпизод приводится Сунь-цзы как образец военных действий на чужой территории. Гоу Цзянь-ван, вторгнувшись в пределы царства У, направил свои фланговые колонны для удара по флангам уской армии. Увидев наступающего с двух сторон противника, военачальник царства У разделил свои силы на две части, чтобы отразить нападение. Именно тогда Гоу Цзянь-ван и нанес решающий удар в центре и наголову разбил войска царства У.

¹⁰⁵ В 1644 г. на пекинском троне воцарилась маньчжурская династия Цин. Маньчжуры до этого неоднократно вторгались на территорию китайской империи Мин. Но когда большая часть страны была охвачена крестьянской войной под водительством Ли Цзычэна, китайские феодалы во главе с У Саньгуем пропустили маньчжурские войска в пределы Великой стены, надеясь с их помощью справиться с повстанцами. Однако маньчжуры, овладев Пекином, сделали его столицей собственной империи, завершив к началу 80-х годов XVII столетия подавление очагов сопротивления на юге Китая.

5.5. *Захват территорий*

В китайской новой истории многие чужеземные силы пытались воспользоваться отсталостью и тяжелым положением Китая и применить Стратегему № 5.

Так, подобно жестокому пожару, отразилась на состоянии Китая первая проигранная им Опиумная война (1840—1842). Англия и США получили от этого немалую выгоду, заключив благоприятные для себя так называемые неравноправные договоры. У французской буржуазии, так сказать, потекли слюнки, и, чтобы совершить «разбой во время пожара», французское правительство, которое до Опиумной войны практически не поддерживало отношений со Срединной империей, в августе 1844 г. отправило в Китай посла со специальной миссией, Мари Мельшиора Жозефа де Лагрене (1800—1862). Уже через несколько недель ему без труда удалось заключить Хуанпуский договор на условиях, более чем выгодных для Франции.

Так излагается эта история в брошюре Гу Юня «Чжунго цзиньдай ши шан ды бупиндэн тяюэ» (Неравноправные договоры в новой истории Китая. Пекин, 1973).

«Царская Россия воспользовалась пожаром для грабежа, отхватив кусок нашей территории» — так была озаглавлена заметка исторического содержания в «Бэйцзин жибао» («Пекинской газете») от 14 ноября 1981 г. Столь длинные заголовки типичны для китайской журналистики. Часто они как бы в зародыше содержат пересказ всей статьи. Газета напоминает о заключенном в Пекине за 120 лет до того русско-китайском договоре. Когда в 1860 г. Пекин наводнили британские и французские колониальные войска, захватившие и поджегшие, кроме всего прочего, императорский летний дворец, царская Россия воспользовалась сложным положением Китая и вынудила его на договор, по которому ей достались «около 400 000 кв. км китайской территории к востоку от р. Уссури»¹⁰⁶.

5.6. *Афганистан, декабрь 1979 г.*

Как пример применения Стратегемы № 5 рассматривалось также нападение Советского Союза на Афганистан в декабре 1979 г. Эта точка зрения высказана в книге о стратегемах, вышедшей в 1987 г. в Пекине. «Пожар», который был использован СССР, — это нестабильное положение в Афганистане вследствие путча Тараки плюс хаотическая ситуация в Иране и паралич действий США в результате драматической истории с заложниками в Тегеране.

Согласно озаглавленному по названию Стратегемы № 5 комментарию в «Жэньминь жибао», в буквальном смысле воспользовались пожаром четыре советских дипломата, которые в ноябре 1979 г. проникли в подвергшееся пожару здание американского посольства в Пакистане, чтобы порыться в дымящихся углях, однако были прогнаны пакистанской охраной.

5.7. *Изнеможение Исава*

«И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого; ибо я устал. Но Иаков сказал: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот, я умираю; что мне в этом первородстве? Иаков сказал: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему и продал первородство свое Иакову. И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы: и он ел, и пил, и встал, и пошел».

За этим в Библии следует еще одна фраза: «И пренебрег Исав свое первородство». С точки зрения китайских стратегем не хватает обоснования поведения Иакова. Его можно было бы сформулировать таю Иаков находчиво воспользовался утомленным состоянием своего брата Исава и вынудил того продать право первородства за чечевичную похлебку.

¹⁰⁶ По русско-китайскому Айгуньскому договору (1858) граница между Россией и Китаем была установлена по р. Амур, а Уссурийский край, ранее не принадлежавший ни той ни другой стороне, был объявлен совместным владением — кондоминиумом. Пекинский договор 1860 г. определил границей двух государств р. Уссури и далее по оз. Ханка и р. Сунгача до р. Туманган. Состояние неразграниченности территорий в Приморье было ликвидировано.

5.8. Неграмотный кореец

Корея, приблизительно 1930 г. Крестьянин Хо Тар Су — усердный и справедливый, почитающий родителей и заботливый по отношению к супруге — целыми днями трудится на своем поле. Одна забота гложет его: единственное его дитя, дочь по имени Феникс, отправилась в Северо-Восточный Китай искать своего мужа, угнанного японскими захватчиками. Прошло уже много месяцев, а вестей от нее все нет. Наконец странствующий от деревни к деревне торговец керосином привозит письмо. Он не нашел самого Хо Тар Су и, поскольку торопился, положил письмо у входа в дом и ушел. Крестьянин, будучи неграмотным, принял письмо за выброшенный торговцем листок бумаги. Он оторвал полоску и свернул себе сигарку, а остатком заклеил дыру в окне.

Через несколько дней распространилось известие о наводнении в том районе Китая, куда отправилась его дочь. Семью крестьянина Хо охватило беспокойство. Они решили, что мать отправится на поиски дочери, а деньги на путешествие они займут у местного крупного землевладельца. Мать как раз собиралась в путь, когда вновь объявился керосинщик. Он спросил Хо Тар Су, получил ли тот письмо от дочери. Тогда-то Хо вспомнил об использованной на заклеюку окна «бросовой бумажке». С сохранившейся половинкой письма бегали добрые супруги по всей деревне, но не нашли никого, кто мог бы прочесть им листок. Уже почти отчаявшись, они встретили молодого человека, который вроде бы умел читать. Когда парень со смущенным видом уставился на бумажку, они решили, что с дочерью случилось несчастье. В тот вечер семья проплакала все глаза. Наконец крестьянин нашел грамотного человека в лице своей племянницы. Она привела к ним в дом своего учителя. В остатке письма сообщалось, что у дочери все в порядке, более того, она произвела на свет внука. Слезы печали превратились в слезы радости. Однако тут же последовал удар: от обоих грамотных Хо Тар Су узнал содержание долговой расписки, под которой крупный землевладелец заставил его поставить отпечаток пальца. Оказывается, крестьянин за каких-то 20 вон продал свою племянницу!

Приблизительно так развивается действие постановки труппы северокорейского Национального театра «Письмо дочери» (весна 1987 г.). Согласно пекинской газете «Гуанмин жибао», речь идет о новой постановке пьесы, которую «лично сочинил товарищ Ким Ир Сен во время освободительной войны с Японией в китайской провинции Цзилинь и в свое время участвовал в ее исполнении». Ким Ир Сен, вождь Северной Кореи, посетил 4 апреля 1987 г. представление своей пьесы, «о котором отозвался с большой похвалой».

Основная идея этого произведения, по мнению китайского театрального критика Чжу Кэчуаня, «знание — сила». Каждый зритель уйдет с представления убежденным, что «отсталое воззрение, что для крестьянина, обрабатывающего поле, образованность и грамотность бесполезны, в высшей степени вредоносно».

Весьма показательно, что пьесе с подобной тенденцией в современной Северной Корее уделяется столько внимания. Но мы не будем этого обсуждать. Для нас более важно образующее кульминацию пьесы поведение крупного землевладельца по отношению к попавшему в беду крестьянину. Он использует эту беду, «пожар», для «грабежа» — за ничтожную сумму покупает его племянницу, причем крестьянин об этом даже не подозревает.

5.9. Корзины из лозы, унесенные рекой

Китайская пресса самокритично бичует также применение Стратегемы № 5 в самом Китае — во внутренней политике (так, «банда четырех» обвинялась в том, что использовала царивший в стране хаос «культурной революции», чтобы прийти к власти) и в частной жизни. Например, когда 14 января 1980 г. в провинции Цзянсу опрокинулась повозка продовольственного отряда, 158 корзин из лозы, стоимостью около 1580 юаней, которые направлялись в Шанхай, были унесены водой. Крестьяне выловили их и, несмотря на вмешательство полиции, частично присвоили.

Вариант краткой формулировки Стратегемы № 5, в котором второй иероглиф, «хо» («пожар»), заменен на «фу» («богатство»), появился как подпись к карикатуре в «Жэньминь жибао» в июле 1983 г. Карикатура высмеивает гастролирующие в сельской местности «культурные отряды», которые пытаются использовать благосостояние многих крестьянских общин, достигнутое благодаря политике реформ, для получения завышенного жалованья. Как видно, в современном Китае стратегемы интерпретируются весьма упрощенно.

Стратегема № 6. Поднять шум на востоке — напасть на западе

Четыре иероглифа	𠂇	東	击	西
Современное китайское чтение	шэн	дун	цзи	си
Перевод каждого иероглифа	шуметь	восток	нападать	запад
Связный перевод	Поднять шум на востоке — напасть на западе.			
Сущность	Изображать наступление на востоке, но вести его на западе; проводить ложный маневр на востоке, а наступать на западе; обманный маневр для сокрытия истинного направления атаки; стратегема ложного маневра.			

Краткая формулировка восходит к произведению государственного деятеля и историка Ду Ю (735—812) «Тундянь» («Общая история учреждений»)¹⁰⁷. В главе о военном деле название одного из разделов — «Изображает нападение на востоке, чтобы в действительности напасть на западе». Главную идею Стратегемы № 6 сформулировал еще Сунь-цзы (VI—V вв. до н. э.):

«Удар наносят там, где враг его не ожидает».

В произведении «Хуайнань-цзы», изданном под именем князя Лю Аня из Хуайнани (179—122)¹⁰⁸,

¹⁰⁷ Ду Ю — известный историк эпохи Тан — назвал свое произведение «Тундянь», что в переводе на русский означает «Энциклопедия». По своему содержанию этот труд относится к энциклопедии обычаев и нравов, социально-политической истории. Этот труд входит в «Три свода» («Сань тун» — три исторические энциклопедии), охватывающие историю («Тунчжи», XII в.), политическую жизнь («Тундянь», VII в.) и историко-литературную сферу («Вэньсянь тункао», XIII в.). Ду Ю раскрывал социально-экономическую историю Древнего и средневекового Китая с позиций «легистов» — законников (см. ком. 5 к Введению). Зенгер переводит название «Тундянь» как «Allgemeine Geschichte der Institutionen», что буквально означает «Общая история учреждений», но в данном случае «Institutionen» скорее имеет тот смысл, который Дж.К. Фэрбенк вложил в термин «Institutions», давая одной из выпущенных под его редакцией книг название «Chinese Thought & Institutions» (The University of Chicago Press, 1957), т. е. «Идеология и социально-политическое устройство Китая».

В «Военном отделе» своей «Энциклопедии» Ду Ю обильно цитирует трактат Сунь-цзы, давая комментарии к тем или иным его положениям.

¹⁰⁸ Лю Ань был владетельным князем, носил высший титул «ван»; он приходился внуком Лю Бану, основателю Ханьской династии, и был дядей могущественного императора Гао-цзу.

Очень живой портрет Лю Аня воссоздан академиком Н. И. Конрадом:

«Рассказывают, что он собирал у себя целые толпы «даосов», т. е. кудесников, магов, так сказать, бытового плана: это могли быть отшельники, спасающиеся где-нибудь в глуши гор и занимающиеся там колдовскими опытами; это могли быть искатели всяких волшебных средств, прежде всего — лекарства, приносящего долголетие и даже бессмертие; это могли быть и просто знахари, но оперирующие волшебными средствами. Впрочем, сам хуайнаньский ван все-таки стремился оставаться на «уровне» Лао-цзы и Чжуан-цзы [великих философов. — В. М.], т. е. мыслить как философ. Так, он вполне в духе Лао-цзы решал вопрос о существовании человеческой природы: «Человек рождается и пребывает в покое — в этом состоит его небесная (т. е. естественная) природа». Из этого же следует, что человек должен сохранять прирожденную чистоту, простоту, душевную невозмутимость. Только этим путем он достигнет познания «Пути», т. е. истины» (Конрад Н.И. Указ.соч.С. 511-512).

Написанное при дворе Лю Аня произведение «Хуайнань-цзы» («Философы из Хуайнани») — памятник даосской философской мысли. Лю Ань и сам принимал участие в написании отдельных глав. Академик В. М. Алексеев называл их «мистическими главами», «развивающими даосское мечтание, неудержимое, как лавина» (Алексеев В. М. Указ. соч. С. 62). Перевод отдельных глав памятника на русский яз. см.:

говорится:

«Птица, которая хочет клюнуть, наклоняет голову и прячет свой клюв... тигр и леопард не показывают своих когтей... итак, военное искусство состоит в том, чтобы показывать себя мягким и слабым, но при нападении встретить врага твердостью и силой и, заняв круговую оборону, затем во мгновение ока вылететь подобно рою».

Современная книга о стратегах (Пекин, 1991) так объясняет Стратегему № 6:

«Целью является сокрытие истинного направления удара. Посредством быстрых операций следует появляться то на западе, то на востоке, наносить внезапный удар, чтобы столь же внезапно отступить, изображать подготовку к наступлению, которого затем не проводить, разыгрывать мирные намерения, хотя в действительности собираешься напасть, проводить цепочку действий, из которой с необходимостью следует определенное поведение, а затем давать отбой, делать вид, что что-то произошло совершенно случайно, хотя это не так, представляться готовым к действиям, когда совершенно не способен к ним, и наоборот. Противник легковерно будет извлекать из происходящего слишком торопливые заключения и принимать неверные меры и подвергнется нападению и будет побежден там, где он об этом вовсе не думал».

6.1. Опасность от подневольного труда

Князь Кан из государства Цинь (620—609 до н. э.) в течение трех лет заставлял население принудительно работать на постройке башни. В это время в государстве Цзин, находящемся на юго-востоке от Цинь, готовилось нападение на Ци. Жэнь Ван сказал князю Кану:

«Все, что ослабляет государство, помогает врагу: голод, мор, гражданская война и принудительные работы. В течение трех лет вы заставляли народ строить башню. Теперь, когда в Цзин собирается армия, я боюсь, что нападение на Ци является прикрытием, а в действительности нацелено на нашу страну. Остерегайтесь этого».

Цинь выслало войска на защиту своей восточной границы, и Цзин действительно прекратило свои военные приготовления.

Этот случай рассказан в книге Хань Фэй-цзы (ок. 280—233 до н. э.), знаменитого представителя фацзя («легистов»).

6.2. Ложный союз

В эпоху «Сражающихся царств» (475—221 до н. э.) государства Ци, Хань и Вэй напали втроем на государство Янь. Чтобы помочь Янь, военачальник Цзин Ян повел армию государства Чу сначала на север, но затем совершенно неожиданно напал на крупный вэйский город и захватил его. Ци, Хань и Вэй прекратили наступление на Янь. Чуская армия достигла своей цели спасти Янь и собиралась уйти из захваченного вэйского города. Но тут западная сторона города оказалась обложена ханьской армией, а восточная — циской. Таким образом, чуская армия оказалась в ловушке. Что было делать? Цзин Ян решил открыть западные ворота; целыми днями через них въезжали и выезжали боевые колесницы и всадники, а по ночам там горели факелы. Так он изобразил активное сообщение между чуской и ханьской армиями, В циской армии поднялся ропот. Говорили, что Хань и Чу могут объединиться для нападения на Ци. В конце концов циска армия отошла. Оставшаяся в одиночестве ханьская армия опасалась теперь нападения значительно более сильной чуской армии. Выбрав одну бурную и темную ночь, она тоже отступила. После этого чуская армия могла спокойно отправляться домой.

6.3. Переправа в тумане

Лю Бан (род. между 256 и 247 до н. э., ум. 195 до н. э.), который в 206 г. до н. э. уничтожил первую централизованную китайскую императорскую династию Цинь и основал наиболее продолжительную по времени правления императорскую династию Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), до 202 г. до н. э. вынужден был бороться с местными властителями, которые вошли в силу при гибели династии Цинь¹⁰⁹. Одним из его

Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. С. 36-90.

¹⁰⁹ Выходец из среды общинников, Лю Бан пришел к власти на волне антициньских восстаний. Ряд крупных

противников был царь Бао из государства Вэй (ум. 204 до н. э.). Обороняясь от наступления ханьской армии, царь Бао приказал своему военачальнику Бо Чжи окопаться вместе со всей вэйской армией на восточном берегу Хуанхэ, под Пубанем (западная часть округа Юнцзи в современной провинции Шаньси). Бо Чжи блокировал переправу через Хуанхэ, прекратил всякую лодочную связь, уничтожил все лодки местных крестьян и поставил мобильный отряд постоянно патрулировать берег. Поскольку он был уверен, что никакой возможности переправиться через Желтую реку, кроме как под Пубанем, у ханьской армии нет, он удовольствовался этими мерами.

Хань Синь (ум. 196 до н. э.), главнокомандующий ханьской армией, понял, что прямое наступление у Пубаня вряд ли удастся. Тем не менее он разбил главный лагерь ханьской армии напротив стана вэйской армии под Пубанем, расставил вокруг лагеря множество знамен и свел в это место все корабли, которые у него были. Целыми днями ханьские войска били в барабаны и шумели, а по ночам везде в лагере горели факелы и шла усердная деятельность. Все создавало впечатление, что ханьская армия готовится к переправе. И Бо Чжи не обращал никакого внимания на то, что делается выше по Хуанхэ.

Между тем Хань Синь тайно повел основные силы на север, где и переправился через Хуанхэ у Сяяна (на юге современного округа Ханьчэн в провинции Шаньси). Это решило дело: царь Вэй Бао потерпел полный разгром.

Это историческое событие описано (причем эксплицитно упоминается Стратегема № 6) в книге для юношества «Чжунго гудай чжаньчжэн гуши» (Истории о войнах Древнего Китая. Пекин, 1978).

6.4. Обманутые «Желтые повязки»

В конце династии Восточная Хань (25—220) Чжу Цзюнь (ум. 195 н. э.) осадил город Юань, в котором засел отряд восставших «Желтых повязок»¹¹⁰. Чтобы получше ознакомиться с расположением противника, он повелел насыпать перед городскими стенами земляной вал. Затем он приказал бить в боевые барабаны и произвел ложное наступление с западной стороны города. Как только Чжу Цзюнь увидел с земляного вала, что «Желтые повязки» поспешили на оборону западной стены, он молниеносно напал с основными силами на северо-восточную часть города. Так он смог войти в Юань без особых усилий.

6.5. Иерихонские трубы

«Иерихон заперся и был заперт от сынов Израилевых; никто не выходил из него, и никто не входил», — сообщает книга Иисуса Навина. По божественному повелению Иисус Навин сообщил народу свой план. В Библии сказано:

«Как скоро Иисус сказал народу, семь священников, несших семь труб юбилейных пред Господом, пошли и затрубили трубами, и ковчег завета Господня шел за ними... Вооруженные же шли впереди их, а идущие позади следовали за ковчегом завета Господня и, идучи, трубили трубами... Таким образом ковчег завета Господня пошел вокруг города и обошел однажды; и пришли в стан и ночевали в стане... И делали это шесть дней. В седьмый день встали рано, при появлении зари, и обошли таким же образом вокруг города семь раз... Когда в седьмый раз священники трубили трубами, Иисус сказал народу: воскликните, ибо Господь предал вам город... Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена города до своего основания, и народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город».

Современный военный теоретик комментирует:

аристократов, поддержавших антицинскую борьбу, получили право взимания налогов с определенных территорий, что явилось существенной уступкой центра. Кроме того, свыше 20 руководителей повстанческих отрядов получили аристократические титулы и наследственные владения, причем значительная часть их занимала огромные территории. Некоторые из них начали даже отливку собственной монеты и занялись добычей соли, подрывая монополию государства. Когда же Лю Бан попытался ограничить местных «царьков», то его же собственный племянник Лю Пи возглавил мятеж семи виднейших аристократов.

¹¹⁰ В Китае уже в древности существовали тайные общества. Одно из них — даосская секта «Тайпин дао» («Путь Великого спокойствия») — организовало в 184 г. антиправительственное восстание. Сторонники секты повязывали головы желтыми платками, отсюда и их движение получило в исторических источниках название «Желтые повязки».

«В течение шести дней трубачи Иисуса обходили Иерихон. На седьмой обвалилась часть стены, и израильтяне атаковали город через этот пролом. Очевидно, звуки труб должны были заглушать шум, производимый саперами, которые подкапывались под городские укрепления. Когда фундамент был подкопан, стена обрушилась».

Таким образом, по цитированному отрывку из Даниэля Райхеля (*Beweglichkeit und Ungewißheit, Studien und Dokumente, Heft V. Bern, 1986*), «концерт» иерихонских трубачей является типичным обманным маневром в смысле Стратегемы № 6.

6.6. Дальновидный военачальник Чжоу Яфу

При ханьском императоре Цзине (157—141 до н. э.) семеро феодалов подняли восстание и напали на верного императору военачальника Чжоу Яфу (ум. 143 до н. э.); он вынужден был укрыться в городе. Когда войска восставших напали на юго-восточный угол города, Чжоу Яфу приказал усилить оборону северо-западного угла. Вскоре действительно основной отряд противника направился к северо-западному углу города, но там ничего не добился.

6.7. Наполеон против Ирландии

Когда в 1798 г. Наполеон планировал египетскую кампанию, англичане должны были поддерживаться в убеждении, что Франция собирается отправить флот в Ирландию, чтобы захватить ее. Поэтому адмирал Нельсон закрыл Гибралтар. Тут для Наполеона пришел момент быстро вывести свой флот по направлению к Египту.

Эти данные автор обнаружил в работе: David G. Chandler. *The Campaigns of Napoleon*. New York, 1966, p. 214—215.

6.8. Неожиданный удар Чжу Дэ

1 августа 1927 г. размещенные в Наньчане (провинция Цзян-си) войска восстали против гоминьдановского режима, учрежденного Чан Кайши 18 апреля 1927 г. в Нанкине; эти войска образовали ядро Красной армии. Часть восставших соединений под давлением гоминьдановских войск отошла в Южный Китай. Там, в горах Цзинганшань (провинция Цзянси), они образовали к 1930 г. одиннадцать революционных опорных пунктов, в частности в городе Юнсинь. Когда гоминьдановские войска атаковали их, Чжу Дэ (1886—1976), тогда командующий 4-й Революционной крестьянской армией, напал на Гаолун (провинция Хунань), чтобы создать впечатление наступления в Хунани. Затем половина сил Красной армии внезапно отступила от Гаолуна и форсированным маршем прошла 130 миль, уничтожила в Цаоши вражеский полк и заняла город Юнсинь. Как провозглашает «Жэньминь жибао» от 2 августа 1982 г., это деяние Чжу Дэ имеет в основе искусное применение стратагемы «Поднять шум на востоке, напасть на западе».

6.9. Четырежды Мао

Мао Цзэдун не менее четырех раз приводит Стратегему № 6 в 1-ми 2-м томах Избранных произведений. Так, в работе «О затяжной войне» (1938) он пишет:

«Когда симпатии народных масс принадлежат нам в такой мере, что возможность просачивания сведений в лагерь противника исключена, мы, используя различные способы дезориентирования противника, будем в состоянии с успехом ставить его в тяжелое положение, попав в которое он будет принимать ошибочные решения, совершать ошибочные действия и вследствие этого лишится своего превосходства и инициативы.

Одним из способов дезориентирования противника является метод: «Поднять шум на востоке, а нанести удар на западе»¹¹¹.

И в другом месте той же работы:

«Все сказанное относится к ошибкам, допущенным самим противником, а не навязанным ему нами.

¹¹¹ Мао Цзэдун. Избр. произв. Пекин, 1969. Т. 2. С. 209.

Однако мы можем сознательно вынуждать противника совершать ошибочные действия, то есть путем разумных и эффективных мероприятий и при поддержке организованных народных масс дезориентировать противника и заставлять его действовать так, как хотим мы; например, можно использовать такой метод, как «Поднять шум на востоке, а нанести удар на западе»¹¹².

В статье «Вопросы стратегии партизанской войны против японской агрессии» (1938) Мао учит:

«...При этом необходимо постоянно прибегать к различным уловкам для обмана противника, заманивая его в ловушки и дезориентирования, например, поднимать шум на востоке, а наносить удар на западе»¹¹³.

И наконец, четвертое указание Мао на Стратегему № 6 встречаем в его докладе «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» (1936):

«Нужно помнить, что, каким бы искусным ни было командование противника, оно не может действовать совершенно безошибочно на протяжении более или менее длительного периода, поэтому возможности использования нами промахов противника существуют всегда. Противник может совершить ошибку точно так же, как мы иногда ошибаемся и даем противнику возможность воспользоваться нашим промахом. Мы можем вызывать промахи противника и искусственно, путем того, что Сунь-цзы называл «созданием видимости» (создать видимость на востоке, а удар нанести на западе, то есть применить так называемый ложный маневр)»¹¹⁴.

6.10. Речь Цяо Гуаньхуа в ООН

На пленарном заседании 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 26.9.1975 г. глава делегации КНР, тогдашний министр иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа, сказал, имея в виду, очевидно, стоявшую тогда в центре всеобщего интереса советско-китайскую пограничную напряженность:

«Обе сверхдержавы, США и Советский Союз, спорят друг с другом за весь земной шар. Они усиливают соперничество в Европе, на Средиземном море, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе, Индийском океане, Тихом океане, Атлантике, Азии, Африке и Латинской Америке. Стратегический центр тяжести их соперничества лежит в Европе. Социал-империализм [Советский Союз] изображает наступление на востоке, но в действительности оно направлено против Запада».

В той же речи Цяо Гуаньхуа говорит:

«Предложение Советского Союза о запрете размещения оружия нового типа, которое, предположительно, является еще более ужасным, чем ядерное оружие, имеет целью не что иное, как отвлечение внимания людей от насущных проблем на отдаленные, не относящиеся к делу вопросы».

Эта аргументация опять же вызывает в памяти Стратегему № 6, здесь в виде риторической фигуры: «внимание делового партнера отвлекается от насущной главной проблемы путем подсовывания ему другой проблемы, по видимости более важной, но в действительности ирреальной».

6.11. Камбоджа вместо Китая

«На севере шумят, на западе нападают» — так выглядел сформулированный в подражание Стратегеме № 6 заголовок в «Жэньминь жибао» от 26 октября 1978 г. Согласно статье, Вьетнам долго расписывал северную угрозу со стороны Китая и якобы стоящую у порога войну Китая против Вьетнама, в действительности пытаясь отвлечь внимание вьетнамского народа от недовольства, связанного с трудностями, которые вызвало вооружение вьетнамской армии, а также направить в другое русло интерес мировой общественности к предстоящему походу Вьетнама против Камбоджи.

¹¹² Там же. С. 229.

¹¹³ Там же. С. 103.

¹¹⁴ Мао Цзэдун. Избр. произв. Пекин, 1967. Т. 1. С. 276.

6.12. Охота на Чао Гая

В знаменитом романе, восходящем к концу юаньского — началу минского периода (XIII—XIV вв.), под названием «Шуй ху чжуань», которое переводят то как «Разбойники с Ляншаньских болот», то как «На побережье»¹¹⁵, Чао Гай с семью товарищами обманывает отряд солдат, которые эскортировали подарки стоимостью 1500 связок монет¹¹⁶ на день рождения некоего высокого должностного лица. Чтобы поймать вожака банды Чао Гая, было послано сто человек под руководством Чжу Туна и Лэй Хэна. Перед крестьянским домом, в котором жили разбойники, Чжу Тун сказал Лэй Хэну: «К дому ведут два пути, один спереди, другой сзади. Давай разделимся. Я буду следить за задним выходом, а ты за передним. Затем мы начнем «шуметь на востоке, а нападать на западе». Таким образом, они все выйдут с одной стороны, и мы сможем их схватить».

В другом эпизоде романа, великолепно переведенного Иоганной Херцфельдт на немецкий (Лейпциг, 1968), шум то на востоке, то на западе преследует цель вымотать противника. Здесь Стратегема № 6, так сказать, смыкается со Стратегемой № 4.

6.13. Шум на востоке, шум на западе

Цинь Мин выругался во всю глотку, приказал бить барабанам и гонгам и скомандовал: «Вперед! Надо найти путь к вершине!»

Вершина горы Свежего ветра служила убежищем шайке разбойников. К ним, однако, присоединялись и вполне достойные мужи, которые из-за несовершенной правовой системы Древнего Китая оказались жертвами несправедливых обвинений и вынуждены были бежать от властей. Вспыльчивый военачальник Цинь Мин получил приказ уничтожить разбойничье гнездо.

«С грозным боевым кличем штурмовали воины гору, впереди шла пехота. На пути открывались крутые ущелья, опасные выступы скал. Наконец первые солдаты достигли гребня и заглянули вверх. Тут со скал на них покатались с громоподобным шумом громадные бревна и камни, потекли целые ручьи негашеной извести вперемешку с горячими и вонючими нечистотами, о бегстве нечего было и думать. Они вжались в землю и лежали беспомощные. Те, что шли следом, быстро повернули назад и попытались найти укрытие.

Вне себя от гнева, Цинь Мин собрал тех, кому удалось отступить, и повел их в восточном направлении вдоль подножия горы, чтобы найти другое направление для подъема. Тут на западном склоне загремели барабаны, из густого леса вырвалась шайка разбойников с красными знаменами. Спеша изо всех сил, повел Цинь Мин пехоту и конницу на запад, но тут барабаны смолкли, и больше не было видно ни единого красного знамени. Когда он, подойдя поближе, разглядел дорогу, по которой спускались и затем исчезли разбойники, ему пришлось убедиться, что это была не настоящая дорога, а узенькая тропинка, которую, по-видимому, протоптали сборщики хвороста; к тому же она была завалена сучьями и совершенно непроходима.

Солдаты как раз намеревались прочесать окрестные кусты, как вдруг лазутчик доложил, что на

¹¹⁵ На русском языке роман одного из классиков китайской литературы, Ши Найяня, опубликован благодаря тому, что два замечательных китаеведа объединили свои усилия. Перевод был выполнен профессором А. П. Рогачевым, а общую его редакцию осуществил профессор В.С. Колоколов. Название романа в русском издании звучит как «Речные заводы» (тт. 1—2. М., 1955). Действие романа связано с крестьянским восстанием периода династии Сун (960—1279); в соответствии с официальной имперской традицией повстанцы именовались «разбойниками». Их главный лагерь находился на стыке провинций Шаньдун, Хэнань и Хубэй, в местности Ляншаньбо. Чао Гай — один из основных героев, в романе ему присвоен титул Небесный князь. Он являлся одним из ближайших сподвижников главы повстанцев — Сун Цзяна.

¹¹⁶ Многие старинные китайские монеты (как правило, медные, невысокого достоинства) имели отверстие посередине и употреблялись в виде связок. Еще в 1958 г. на одной из проселочных дорог в Шаньдуне я видел целую арбу таких монет; возраст некоторых из них исчислялся столетиями. Крестьянин вез их, очевидно, на переплавку: это был период «большого скачка», когда любой металл, обнаруженный в доме, шел в самодельные плавильные печи. В нашей литературе эти монеты часто называют «чохами» от тюркского слова «чжогос» — «мелкая монета». Зенгер употребляет термин «Käsch», означающий в немецком языке понятие «кэш» — китайская мера веса или китайская монета. Упомянутый здесь эпизод см.: Ши Найнянь. Речные заводы. М., 1955. Т. 1. С. 289-290.

восточном склоне слышны барабаны и видны красные знамена. Как подхваченный ветром, поспешил Цинь Мин с пехотой и конницей на восток. Когда они приблизились, барабан замолк, не сверкали красные знамена. Немногие ведущие наверх тропы были загорожены упавшими наземь деревьями и кустами.

Вновь прибежал лазутчик. Он слышал на западном склоне гром барабанов и видел красные знамена. Цинь Мин поспешил назад: тот же обман!

Он заскрежетал зубами от ярости, как если бы хотел раздробить их в пыль. Вокруг стояли утомленные воины. Вдруг — чу! С востока вновь отчетливо доносятся барабаны. Туда, обратно... ничего не видно и не слышно...¹¹⁷»

Таким образом силы военачальника Цинь Мина были истощены и поражение стало неизбежным.

6.14. Фокусничество

Фокусники часто используют во время своих представлений метод «На востоке шуметь, на западе нападать». Так они отвлекают взгляд зрителей в другом направлении. Там же, куда публика в этот момент не смотрит, быстро и незаметно проделывается фокус (Шанхай, 1985).

6.15. Пинг-понговый мяч в вышине

В 1977 г. китайские игроки в настольный теннис применяли Стратегему № 6 следующим образом: они очень высоко подбрасывали мяч, так что соперник следил за ним взглядом, отвлекался и не видел, как китайский игрок готовится к подаче. Здесь речь идет не о востоке и западе, а о верхе и низе, так что отношение восток — запад в краткой формулировке Стратегемы № 6 следует понимать скорее фигурально.

Китайские спортивные карикатуристы то и дело обращаются к Стратегеме № 6. Например, защитник смотрит налево, отвлеченный несущимся к нему башмаком нападающего, в то время как справа в ворота беспрепятственно влетает мяч («Синь Хуа юэбао» — ежемесячный журнал «Новый Китай». 1989- № 9). Карикатура Сунь Цзеляна в «Тяньцзинь жибао» показывает, как эта стратегема, будучи уже почти лишеной смысла, может рассматриваться с намеком: игрок в бадминтон размахивается, чтобы отбить летящий на него волан, и с шумом попадает по голове прогуливавшегося сзади него старика. Лаконичная подпись под картинкой гласит: «На востоке шуметь, на западе нападать».

Стратегема № 7. Извлечь нечто из ничего

Четыре иероглифа	無	中	生	有
Современное китайское чтение	у	чжун	шэн	ю
Перевод каждого иероглифа	небытие	нутро	возникнуть, извлечь	бытие
Связный перевод	Из недр небытия возникает бытие; из ничто возникает нечто. Извлечь из ничего нечто.			

¹¹⁷ Полностью этот эпизод выглядит гораздо занятнее и красочней. Хитроумный план был придуман Хуа Юном, одним из бывших подчиненных Цинь Мина. Он и научил повстанцев появляться то с востока, то с запада. Он же приказал устроить на горных тропинках множество ловушек и, кроме того, запрудить две горные речки; когда солдаты Цинь Мина проходили по их руслам, повстанцы пустили воду. Но главное, что учел Хуа Юн, — это характер противника. Цинь Мин за вспыльчивый характер был прозван Громовержцем, он отличался такой храбростью, что его, как пишется в романе, «не одолело бы войско даже в десять тысяч солдат». При подходе отряда Цинь Мина повстанцы были сначала даже напуганы, но затем, приняв в качестве плана стратегему Хуа Юна, они уничтожили отряд Цинь Мина, а самого его взяли в плен. Более того, Хуа Юну с помощью еще одной стратегемы удалось убедить Цинь Мина перейти на сторону повстанцев (см. там же. Т. 2. С. 3-18).

Сущность	<p>а) Следует так инсценировать угрозу, чтобы противник смог заметить обман; тогда его бдительность ослабевает, при виде настоящей угрозы он примет ее также за ложную и в результате падет ее жертвой..</p> <p>б) Выигрыш перевеса, достижение перемены в воззрениях или каких-то реальных изменений с помощью инсценировки.</p> <p>в) Достать что-либо из воздуха; представить выдумку реальностью; распускать слухи; устраивать лживые, клеветнические кампании. Тактика диффамации. Делать из мухи слона. Маневр раздувания. Стратегема мистификатора.</p>
----------	--

Краткая формулировка восходит к 40-й главе книги «Дао дэ цзин», написанной китайским философом Лао-цзы (предп. VI—V вв, до н. э.) Текст гласит:

«В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии»¹¹⁸.

Это значит: каждая вещь, прежде чем возникнуть, не существовала. Следовательно, она возникла из ничего.

Здесь не место вдаваться в дальнейшее толкование этой фразы и погружаться в глубь даосской философии. Следует только отметить, что труд «Дао дэ цзин», который на Западе толкуется в основном глубоко философски, в Китае с эпохи Тан (618—907) вплоть до нашего времени то и дело рассматривался как трактат по военному делу на том основании, что по меньшей мере 20 из 81 главы в завуалированной философской форме обсуждают военные вопросы, а остальные главы также содержат свидетельства стратегической и тактической мысли, насыщенной важным опытом. Памятник «Дао дэ цзин» — «это военный трактат, который объединяет в себе военные познания времен эпохи «Весны и Осени» и эпохи «Сражающихся царств»... Он переносит военную философию на все явления природы и общества». Такое пояснение — само по себе не бесспорное — дается в китайском издании Лао-цзы (Шанхай, 1977).

Стратегема № 7, как показано в рубрике «сущность», может работать на трех различных уровнях.

7.1. Соломенные куклы вместо воинов

В эпоху Тан, в 756 г. н. э., в районе современного Пекина взбунтовался военный правитель Ань Лушань (ум. 757 н. э.)¹¹⁹. К восставшим присоединился также военачальник Лин Хучао. Он осадил город Юнцю. Оборонявший город с малым числом воинов и оружия военачальник Чжан (709—757)¹²⁰, верный императору, приказал своему отряду сделать 1000 соломенных кукол в человеческий рост, одеть их в черные одежды, прикрепить к веревкам и с наступлением ночи спускать их наружу вниз по городским

¹¹⁸ В данном случае мы пользуемся понятийным аппаратом, выработанным при переводе «Дао дэ цзина» на русский язык известным специалистом в области древнекитайской философии, доктором философских наук Ян Хиншуном, проработавшим над этим памятником около 30 лет (см.: Древнекитайская философия. Т. 1. С. 114-115, 127).

¹¹⁹ В 733 г. в Танской империи была произведена децентрализация власти. Военные наместники получили огромные права распоряжаться не только армейскими частями, но и казной, обрели власть над народом. Когда же двор попытался ограничить всевластие этих наместников, один из них, тюрк по национальности, Ань Лушань, которому подчинялись значительные территории (в современной Внутренней Монголии, провинциях Шэньси и Хэ-бэй), поднял мятеж. Призвав на помощь войска соседнего государства киданей, Ань Лушань захватил обе столицы империи — Лоян и Чанань. Император Сюань-цзун бежал в провинцию Сычуань. Однако против провозгласившего себя императором Ань Лушаня выступили другие военачальники-наместники. В междоусобной борьбе Ань Лушань был в 757 г. убит, а мятеж через некоторое время подавлен.

¹²⁰ Чжан Сюнь стал одним из героев китайской истории, он символизировал преданность императору, верность своему долгу. С ним связана одна из легенд: во время ожесточенной битвы у города Суйяна Чжан Сюнь от ярости так заскрежетал зубами, что они у него выкрошились. Поэт и генерал XIII в. Вэнь Тяньсян (1236—1282), храбро сражавшийся с вторгшимися в Китай монголами и отвергнувший их предложения по примеру других военачальников перейти им на службу, воспевая патриотизм в поэме «Песнь духу прямоты [т. е. чести. — В. М.]», говорит, что этот дух «был и зубами Чжана при битве в Суйяне». Академик В. М. Алексеев перевел эту поэму в сентябре 1941 г. и написал статью о китайском патриоте Вэнь Тяньсяне (см.: Алексеев В. М. Указ. соч. С. 379-385).

стенам. Окружавшие город воины решили, что это спускаются вниз по стенам защитники города. На соломенных кукол посыпался град стрел. Чжан Сюнь приказал поднять кукол и таким образом добыл много тысяч стрел.

Несколько позже Чжан Сюнь приказал настоящим воинам спускаться вниз по стенам, Лин Хучао и его люди решили, что противник хочет набрать еще стрел с помощью соломенных кукол. На это они отреагировали злорадным смехом и не предприняли никаких приготовлений к битве. Отряд добровольцев в 500 человек, вышедший из города, молниеносно наводнил лагерь Лин Хучао, поджег палатки, убил часть осаждающих, а остатки разогнал в разные стороны.

7.2. Из истории корейской войны

Изданная в Пекине в 1987 г. книга о стратагемах приводит на Стратагему № 7 такой пример: во время корейской войны 8 октября — 25 ноября 1952 г. разгорелась битва на горе Сангамри-онг. США высадили на площади в 3,5 кв. км около 60 тыс. человек и сбросили много тысяч бомб, из-за чего высота горы уменьшилась на 2 м. Наконец китайские солдаты, удерживавшие вершину горы, вынуждены были отступить в катакомбы. Противник попытался выкурить их оттуда и уничтожить.

Однажды ночью некий китайский отряд воспользовался усталостью американцев. В направлении намеченной вылазки они бросали пустые консервные банки и другие производящие громкий шум предметы. Сначала противник очень чутко реагировал на каждый звук и стрелял по местам, откуда слышался шум. Китайцы произвели эти действия три раза подряд. Наконец бдительность американцев ослабла. Тут маленький китайский ударный отряд быстро вышел из катакомб и взорвал два вражеских бункера, находившихся в 20 м от входа. Когда американцы поняли, в чем дело, китайский отряд уже опять спрятался в катакомбах.

С военной точки зрения Стратагема № 7 учит тому, чтобы соединять фикцию и реальность и внезапно превращать фикцию в реальность. «Ничто» — это в данном случае фантом, который должен обмануть врага, «нечто» — истинное явление, которое замаскировано фантомом и внезапно выступает из-за него в момент, когда противник еще полагает, что перед ним фантом. Таким образом в некотором смысле из «ничего» возникает «нечто».

По другому толкованию Стратагемы № 7, из «ничего» — фантома — непосредственно выводится «нечто». Сюда относятся следующие два примера.

7.3. «Гигантская армия» цюришанок

Летом 1292 г. габсбургский герцог Альбрехт осадил Цюрих, после чего ошутимо побил цюрихцев при Винтертуре. Дело шло об установлении власти Габсбургов в сопротивляющейся Швейцарии. После устрашающего штурма Этенбахского бастиона сдача города стала лишь вопросом времени. Тогда на помощь пришли жительницы Цюриха. «С барабанами и трубами» они, вооружившись, вышли на Линденхоф и построились так, «будто были тысячи». Альбрехт, надеявшийся на легкую победу над сильно уменьшившимися в числе цюрихцами, дал себя обмануть и снял осаду.

Искусным построением на Линденхоф цюришанки смогли инсценировать высокую боеспособность Цюриха. Из ничего, из миража, они создали «нечто» — отступление противника.

Вероятно, эта история слишком хороша, чтобы быть правдивой, полагает знаток истории Цюриха Вальтер Бауманн (*Zürich auf dem Lindenhof, Turicum. Zürich, 1982*). Она впервые рассказана в 1340 г. монахом-проповедником Иоганнесом из Винтертура. Весьма многословно описывает дальнейший поход Альбрехта, который от Цюриха повел войска во внутреннюю Швейцарию. Но большая часть хроники представляет собой пересказ Библии с замененными именами. Глава о мерах, принятых швейцарцами против приближающегося войска, прямо списана с 4-й главы Книги Юдифи: народ Израиля ожидает нападения ассирийского военачальника Олоферна. Очень возможно, что эпизод с воинственными цюришанками найден Иоганнесом в еще каком-нибудь древнем источнике. *Se non e vero, e ben trovato!*¹²¹

¹²¹ Если и неправда, то хорошо придумано (*итал.*). — Прим. перев.

7.4. Бычья армия Ганнибала

Когда в 217 г. до н. э. римлянин Фабий Кунктатор заманил Ганнибала с его войском в глубокую долину и закрыл выход, тот освободился при помощи свежей стратагемы. Он собрал 2000 волов, привязал им на рога связки хвороста и, когда наступила ночь, поджег хворост и погнал волов на римлян. Те решили, что на них идет целое войско карфагенян, и спаслись бегством. Ганнибал же вывел своих воинов из западни (см.: Schädlich G. Kriegslust gestern und heute. 2. Aufl. Herford — Bonn, 1979).

Через более чем 2000 лет, во время Второй мировой войны, при одном из военных столкновений в Северной Африке фельдмаршал Роммель ввел в заблуждение противника, замаскировав «фольксвагены» под танки и с помощью туч пыли, поднятых немногими идущими по пустыне машинами, разыграв передвижение массы войск (см. там же).

Большое искусство в применении военных хитростей проявил герой Гражданской войны в России В. И. Чапаев. Вот один из характерных примеров. Однажды Чапаев отправился на разведку с кавалерийским эскадронам. Следовало выяснить, не занята ли соседняя деревня белогвардейцами. Оказалось, что деревня свободна, но белогвардейские дозоры находятся в непосредственной близости от нее. Путь чапаевского эскадрона лежал через небольшой холм, под которым стояла деревня.

Когда эскадрон показался на вершине холма, белогвардейцы заметили его и обстреляли. На спуске к деревне эскадрон скрылся от белогвардейских наблюдателей. Чапаев понял, что просматривается лишь малая часть дороги, и приказал эскадрону объехать холм и еще раз проскакать через него. Белогвардейцы подумали, что проехал второй эскадрон. Чапаев приказал еще несколько раз появиться на виду у противника. В то время как один и тот же эскадрон вновь и вновь проезжал по холму, белогвардейцы решили, что готовится к наступлению целый кавалерийский дивизион, и ушли без боя (см.: Kriegslust und Findigkeit. Berlin-DDR, 1956).

Во время Второй мировой войны однажды «саперное подразделение под командованием старшины Гоцеридзе получило приказ быстро заминировать дорогу, по которой двигалась крупная группировка противника. В батальоне к тому времени почти не осталось мин, а ждать получения следующей партии означало не выполнить приказ вовремя.

Гоцеридзе приказал приготовить щиты с немецкой надписью «Achtung, Minen!» («Осторожно, мины!»). Ночью советские минеры проползли через линию обороны противника и поставили на дороге эти щиты. Утром советские наблюдатели увидели, как фашисты останавливают свои машины, внимательно и опасно читают надписи на щитах и явно не решаются ехать дальше. Движение было прервано. На дороге скопилось множество вражеских машин с различными грузами. Советские артиллеристы, с которыми Гоцеридзе заранее договорился, накрыли фашистские войска массированным огневым ударом и нанесли противнику большие потери» (там же).

Под Старой Руссой передний край советской обороны проходил по опушке леса. Чтобы наблюдать за противником, советские солдаты должны были карабкаться на сосны. Сосны под тяжестью человеческого тела начинали раскачиваться, что немедленно становилось заметно на фоне неподвижных деревьев. Противник понял, что происходит, и открыл огонь по качающимся соснам. Советские солдаты попытались прекратить раскачивание, но это оказалось практически невозможно. Тогда командир взвода лейтенант Лебедев решил обмануть противника. Он приказал солдатам привязать к вершинам сосен тросы и протянуть их в окопы. Все это было сделано ночью. Утром солдаты стали дергать за тросы и раскачивать сосны. Фашистские солдаты открыли автоматный огонь по качающимся соснам. Как только автоматы замолкли, советские солдаты опять стали раскачивать сосны, и противник опять открыл огонь. Так продолжалось до полудня. Только тогда фашистские солдаты поняли, что их дурачат, и прекратили стрелять. Теперь советские наблюдатели спокойно могли использовать сосны как наблюдательные пункты, потому что фашистские солдаты более не пытались их обстреливать (там же).

7.5. Сила благодаря суеверию

Чэнь Шэн (в 208 до н. э.), участник крестьянского восстания в конце эпохи Цинь (221—206 до н. э.), попытался с помощью погусторонних сил поднять моральный дух своих последователей. Он приказал незаметно подложить платочек с надписью «царь Чэнь Шэн» в брюхо рыбы. Платочек должен был быть найден во время трапезы и принят за небесное знамение. Затем он послал переодетых в призраков людей выкрикивать в полночь: «Чэнь Шэн станет царем!» Это побудило некоторых суеверных людей

присоединиться к его армии¹²².

7.6. Белый небесный император

Сыма Цянь (род. ок. 145 до н. э.) сообщает о Лю Бане (род. ок. 250—195 до н. э.), основателе династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), что еще в то время, когда он был всего лишь деревенским старостой, он убил змею, перегородившую ему дорогу. Позже прохожие видели там плачущую старуху. Она жаловалась, что кто-то убил ее сына, а сын ее — сын Белого небесного императора. Он якобы превратился в змею, которая загоразивала тут дорогу. Затем старуха внезапно исчезла.

Белый небесный император — божество, которое почиталось в то время еще правившей Циньской династией. В гонконгской и тайбэйской книгах о стратагемах эта история разъясняется с точки зрения Стратагемы № 7: Лю Бан использовал рассказ, с современной точки зрения являющийся суеверной чепухой, для того, чтобы обосновать свое появление в роли грядущего победителя Циньской династии и основателя новой династии. Действительно, Лю Бан вошел в историю как первый император династии Хань.

В принципе можно предположить также следующий вариант этого древнекитайского политического жульничества. Некий точно установленный и принятый некоторой группировкой проект обнаружится с помощью управляемого «пророка». Затем, когда действительно возникает заранее спланированный результат, все воспринимают его как божественное повеление, каковое и принимается всей душой без дальнейшего сопротивления.

7.7. Вьетнамские деревья-листочки

Сигналом к началу десятилетнего Вьетнамского сопротивления (1418—1428) диктату китайской династии Мин (1368—1644) явилось восстание в Ламь-Суне (в нынешней центральной вьетнамской провинции Тхань-Хоа) под руководством Ле Лоя (ум. 1433), богатого крестьянина¹²³. Его важнейшим советником был Нгуен Трай (1380—1442), «ученый, писатель, стратег, государственный человек» (Пьер Ришар Феррей). Его призывающее к битве произведение «Бин Нго дай-цао» («Большая прокламация о борьбе с Нго» [презрительное обозначение китайцев]) выказывает его выдающимся знатоком древнекитайского военного и стратагемного искусства. «Завоевание сердца» вьетнамского народа виделось ему столь же важным, сколь и военная «победа над вражеской цитаделью». Поэтому он придавал большое значение пропаганде и агитации. Как рассказывают, он пользовался для этого, в частности, Стратагемой № 7. На листьях дерева он велел написать тончайшими штрихами пророчество: «Ле Лой станет царем, а Нгуен Трай — его министром».

Чтобы передать этот смысл, достаточно было лишь нескольких употребительных во Вьетнаме китайских иероглифов. Они были, однако, написаны не тушью, а свиным салом. Муравьи выели жирные места, так что надпись оказалась выгравированной на листьях, которые потоки воды разнесли повсюду. Вьетнамцы приняли несущиеся по воде листочки с выцарапанным пророчеством за обещающее победу небесное знамение и еще воодушевленное сражались против иноземных захватчиков, каковых окончательно выдворили в 1428 г.

¹²² В 209 г. до н. э. на юге Китая, в провинции Аньхой, подняли восстание крестьяне, которых гнали на работы на север. Во главе восставших встали выходцы из беднейших слоев Чэнь Шэн и У Гуан. Повстанцев поддержали конфуцианские ученые и потомки самого Конфуция, подвергавшиеся в то время гонениям. Позже к восставшим примкнули и представители имперской аристократии. Однако между вождями восстания началась борьба, в ходе которой Чэнь Шэн в 208 г. был убит. В 202 г. Лю Бан основал новую династию — Хань.

¹²³ Существовавшие в средневековом Индокитае государства Аннам и Тямпа, объединившись, отразили натиск покоривших Китай монголов. Однако в XIV в. между этими государствами разгорелась борьба, в ходе ее одна из сторон обратилась за помощью к Китаю. Император династии Мин послал войско, которое в 1407 г. заняло Ханой. Китайские войска силой навязывали вьетнамцам свой язык и свои обычаи, что вызвало резкое недовольство народа. Сопротивление возглавил Ле Лой, феодал из провинции Тханьхоа, который начал в 1418г. партизанскую борьбу против китайских войск. В 1427 г. он осадил Ханой, посланная на помощь китайская армия была им разбита, и в 1428 г. Ханой капитулировал. Ле Лой провозгласил себя королем Аннама, став основателем династии Ле. Он немедленно направил посольство в Пекин в знак признания сюзеренитета Китая. Минское правительство рассудило, что это достаточно хороший выход из сложившейся ситуации, и признало легитимность правления Ле Лоя.

Еще один пример взят из книги «Чжань го цэ» («Планы Сражающихся царств»), крупнейшего собрания рассказов об известных личностях, притч, исторических анекдотов из доханьского периода (до 206 до н. э.).

7.8. Путешествие в Цзинь

В эпоху «Сражающихся царств» (475—221 до н. э.) было множество странствующих политиков. Они переезжали из государства в государство, чтобы прославить свою мудрость и наняться на службу к какому-нибудь властителю. Одним из них был Чжан И (ум. 310 до н. э.) из государства Вэй. Он получил известность прежде всего как первый министр Цинь¹²⁴. Однажды во время своих странствий он попал в государство Чу. Здесь он жил в величайшей бедности. Его свита обиделась и хотела от него уйти. Чжан И утешил их: «Подождите, пока я не поговорю с царем». Царь предоставил ему аудиенцию, однако выказал мало благосклонности. По высказанному Чжан И желанию царь разрешил ему дальнейшее путешествие в Цзинь. Чжан И спросил:

«Не хочет ли властитель что-нибудь получить из Цзинь?»

«Золота, жемчуга и слоновой кости достаточно и в Чу. У меня нет никаких пожеланий».

«Не желал бы царь получить красивых женщин?»

«Чего ради?»

«Потому что там женщины прекрасны, как богини».

«Чу — удаленная страна. Еще никогда не видел я красивых женщин оттуда. Почему бы мне и не заинтересоваться?»

С просьбой доставить ему красивых женщин царь подарил Чжан И жемчуга и нефрита.

Обе любимые жены царя узнали об этом (согласно гонконгской книге о стратагемах, не без содействия Чжан И), испугались и передали ему 1500 цзиней¹²⁵ золота, надеясь избежать того позора, что их вытеснят чужеземные женщины.

Перед отъездом Чжан И попросил царя, чтобы тот еще раз выпил с ним на прощание. Царь согласился и протянул ему кубок. Через некоторое время Чжан И попросил царя призвать всех, с кем тот обычно пирует, чтобы он мог выпить и с ними. Тогда царь призвал обеих своих любимых жен. Когда Чжан И увидел их, он бросился перед царем ниц. «Я солгал вам и заслуживаю смерти», — воскликнул он.

«Почему это?» — спросил царь.

«Я проехал через все государство, но нигде не встречал столь прекрасных женщин, как эти. Когда я обещал привезти вам самых красивых женщин, таким образом я солгал».

¹²⁴ Чжан И был одним из основателей дипломатической школы «Цзун хэн» — «построения союзов по вертикали и горизонтали». Его современник Су Цинь организовал вертикальный (с юга на север) союз для борьбы с находившимся на западе Китая царством Цинь. В свою очередь Чжан И в 311 г. до н. э. создал из шести царств горизонтальную (с запада на восток) коалицию для противодействия южному царству Чу. Для реализации своих стратегических планов оба дипломата направлялись к удельным владельцам и произносили обращенные к ним речи, стремясь убедить царей примкнуть к той или иной системе. Занятно, что Су Цинь первоначально предлагал свою идею циньскому правителю, но был отвергнут, а Чжан И был готов служить царству Чу, но также не преуспел. Затем они как бы поменялись местами, причем Су Цинем руководило стремление отомстить царству Цинь за пренебрежение его талантом. В практической дипломатии речи Чжан И были как бы антитезой выступлениям Су Циня (см.: Васильев К.В. Планы Сражающихся царств. М., 1968. С. 56—60). В конечном счете стратегия Чжан И оказалась эффективней: после длительных войн царство Цинь подчинило себе остальные уделы и создало единую империю. В 221 г. до н. э. циньский царь Ин Чжэн был провозглашен первым циньским императором — Цинь Шихуанди.

¹²⁵ Цзинь — китайская мера веса. Современный цзинь равен 596,16 г. В большинстве «Сражающихся царств» цзинь составлял около 256 г. Зенгер употребляет здесь термин «Kättis»; в немецком языке нет такого слова, это транскрипция малайского слова «catty», употребляемого и в английском языке и означающего китайские и индийские меры веса. Для китайской системы веса кэйти эквивалентен цзиню.

«Это простительно, — сказал царь. — Я-то ведь все время пребывал в убеждении, что эти две женщины — самые красивые в Поднебесной»¹²⁶.

Обсуждаемое путешествие в Цзинь и обещание достать там небесно прекрасных женщин — это пустые обещания, «ничто». А подаренные золото и драгоценности — это «нечто», которое выводится из этого «ничего». В следующем примере «ничто» — это фальшивое убийство, а «нечто» — честь объявленного вне закона брата.

7.9. Убийство собаки послужило вразумлением супругу

Так называется пьеса эпохи Юань (1271 — 1368). Вот вкратце ее содержание¹²⁷.

Советника Сунь Хуа два его собутыльника настолько настраивают против младшего брата — Сунь Жуна, человека достойного, живущего своими учеными занятиями, что он выгоняет того из дома. Младший брат находит приют в хижине с холодным, развалившимся очагом и вынужден кормиться подающим. Все старания жены советника и старого верного слуги не могут переубедить Сунь Хуа, что брат его невинен и оклеветан его собутыльниками.

Наконец жена советника решила воспользоваться Стратagemой № 7. Она уговорила соседку, арендовавшую у советника клочок земли, убить свою дворовую собаку. Кровоточащий труп они завернули в человеческую одежду и положили в сумерки у ворот дома советника. Когда советник вернулся домой с попойки и наткнулся в темноте на окровавленный труп, он перепугался, что его могут обвинить в убийстве. Тут же он бросился искать обоих своих собутыльников, перед тем поклявшись быть ему опорой во всех случаях жизни, и умолял их помочь ему унести и зарыть труп. Но собутыльники отговорились, один сердечной болезнью, другой прострелом, и захлопнули двери своих домов прямо перед носом советника.

Когда советник вернулся домой, жена убедила его искать помощи у младшего брата. Супруги отправились вместе. Брат согласился; он вытащил труп из города и зарыл его в речном песке. Советник наконец увидел своих друзей в истинном свете. Он помирился с братом и взял его в дом. Когда собутыльники вновь пришли, чтобы раскинуть свои сети, он отказался иметь с ними дело, отговорившись одному большим сердцем, а другому прострелом. Разозлившись, бывшие друзья донесли на советника и его брата, что те совершили убийство и скрыли труп. На суде жена советника выступила как свидетельница защиты. Мнимого поковщика вырыли из песка, и тем доказана была, невинность обвиняемых. Оба собутыльника были наказаны. Случай этот достиг ушей двора. Двор постановил наказать доносчиков заключением в колодки и изгнанием. Брат же советника за свою братскую верность получил государственный пост.

7.10. Убийство матери послужило вразумлением супруге

«Куан ци цзи» — «Стратагема для обмана супруги» — так называется в оригинале история Ю Хэнсяна из сборника рассказов «Ибай гэ чэнсинь» — «Сто удовольствий» (Шанхай, 1983), которую мы здесь кратко пересказываем.

В бригаде Циншань¹²⁸ была семья из четырех человек: мамаша Ван, ее сын господин Ван, его жена

¹²⁶ Этот эпизод описан в 192-й главе, находящейся в разделе «Книга царства Чу» в «Планах Сражающихся царств» («Чжаньго цэ»). Глава эта носит название: «Чжан И восстанавливает свое богатство, лстя женщинам».

¹²⁷ Полное название этой пьесы анонимного автора — «Госпожа Ян убивает собаку, чтобы образумить мужа». Более детально ее содержание см.: Сорокин В.Ф. Указ. соч. С. 193—194.

¹²⁸ Речь идет о сельскохозяйственной производственной бригаде. В ходе «большого скачка» в 1958 г. в сельской местности стали создаваться сельские народные коммуны. Производственная бригада была следующим уровнем организации в сельскохозяйственном производстве. Их роль особенно возросла в 70-е годы. К 1974 г. в КНР насчитывалось 750 000 сельских производственных бригад, число коммун в это время было около 50 000. Бригады имели самостоятельные партийные ячейки, они занимались не только производственными вопросами, но и проблемами здравоохранения и просвещения. Особенно известной стала Дачжайская производственная бригада из провинции Шаньси. Осенью 1975-го и в декабре 1976 г. прошли всекитайские конференции по изучению опыта Дачжая. Ставилась задача превратить к 1980 г. треть уездов Китая в «уезды дачжайского типа». Но XI пленум ЦК КПК осенью 1978 г. перевел реформы в русло строительства рыночной экономики. Преобладающей производственной единицей на селе стала семья.

Коричный Цветок и их сыночек. Господин Ван работал на окружном заводе сельскохозяйственной техники. Отношения между мамашей Ван и ее невесткой Коричный Цветок напоминали отношения между противоположно заряженными тучами в небесах. Едва они сталкивались, сверкали молнии, грохотал гром и лился дождь как из ведра. Постоянные скандалы и ссоры прекратить могла бы только смерть.

Однажды сыночек упал и начал орать. Бабушка Ван протянула было руки поднять его, да передумала: она вспомнила, как в такой же ситуации ее обвинили в том, что она балует ребенка. Пока она металась, не зная, что предпринять, вошла Коричный Цветок и стала браниться: «Ребенок так сильно упал, а ты ему не помогаешь. Ты, наверное, была бы рада, если бы он вообще разбился до смерти».

Стоило невестке открыть рот, свекровь тоже показала себя не с самой скромной стороны. Случилось, что и должно было случиться. Губы превратились в ружья, а языки в мечи, вспомнили все, и увядшую капусту, и сгнившую репу.

Как раз в этот момент господин Ван вернулся из города. Обычно он редко приезжал домой. Сейчас он походил на мышь, попавшую внутрь кузнечного меха: ветер дует с обеих сторон. Когда мать и жена заметили его, это еще подлило масла в огонь. Обе женщины побежали к нему. Бабушка Ван сказала со слезами, шмыгая носом:

«Ты мой сын. Я хочу услышать от тебя только одно: жить мне дальше или умереть».

Коричный Цветок также обратилась к нему со слезами на глазах:

«Ты сын твоей матери, а я здесь чужая, пятое колесо в телеге. Наверно, лучше было бы, если бы ты развелся со мной».

Господин Ван сжал крепко губы и ничего не сказал. Он понимал, что в такой обстановке что бы он ни сказал, все будет только хуже. Сюда подходит изречение: «Мало лучше, чем много, ничего лучше, чем мало». Так что он, недолго думая, изобразил немое. Ссора между обеими женщинами продолжалась весь день. Только вечером бабушка Ван, которую уговорили собравшиеся соседи, всхлипывая, ушла в свою комнату. Тут Коричный Цветок подумала про себя: «Теперь-то я добьюсь своего. Если только муж один раз уступит мне, у старухи больше ничего не выйдет».

Как только соседи ушли, она снова начала рыдать, воздевая руки к небу, и биться головой об землю. Она сделала все, чтобы заставить мужа высказаться, но он сидел и не произносил ни единого слова. Наконец, скрипнув зубами, он сказал:

«Ну ладно, не плачь больше. Я решил окончательно разрешить дело».

«Но как?»

Он отвечал как бы вскользь:

«Обдумал я все и справа, и слева. Остается только один путь. Моя мать уже не молоденькая. Хотел бы я избавиться от нее и покончить с бесконечной сварой».

Когда Коричный Цветок услышала это, у нее мурашки по спине побежали и глаза вылезли на лоб, как электрические лампочки. Господин Ван сказал:

«Правда, я обдумывал это уже много раз. Наше семейное согласие можно спасти только так».

Когда Коричный Цветок поняла, что муж ее не шутит, она подумала: «Действительно, чем раньше старуха умрет, тем лучше». Мысль о том, чтобы избавиться от нее таким образом, уже не показалась ей столь ужасной. И она спросила мужа:

«А если это дело откроется, что тогда?»

Господин Ван кивнул и ответил:

«Правильно, сейчас все знают, как ты с ней обращаешься. Теперь, если мы от нее избавимся, на нас непременно падет подозрение. Если мы хотим незаметно обойти и богов, и духов, придется сделать вот что».

И он сказал Коричному Цветку, что завтра она должна с самого утра пойти к матери и извиниться перед ней; что, во-вторых, она весь день должна с ней сердечно обходиться и всячески улаживать; что, в-третьих, она с

утра до вечера должна подавлять в зародыше каждый возникающий намек на ссору. Коричный Цветок не отвечала ни слова. Наконец, он сказал еще, что в таком случае утром впервые за много дней будет тихо.

Он надеется, что она учтет его слова. Она должна продержаться по крайней мере до его возвращения. Только когда пройдет определенный промежуток времени, удастся создать у соседей впечатление, что они с матерью живут в мире. А когда он придет, он уж тогда потихоньку от нее избавится. Никто ничего и не заподозрит.

Что касается мамаша Ван, то она в этот вечер долго ворочалась без сна в своей постели. Только начало светать и она собралась вставать, дверь в комнату открылась и кто-то вошел. Когда она вгляделась, она сжалась от ужаса. Это была Коричный Цветок. Что ей тут было нужно? Мамаша Ван покрылась с головы до ног гусиной кожей.

Тут она услышала обращение «мама». Коричный Цветок приблизилась к ее кровати и сказала:

«Вчера я была не права и обидела тебя. Муж устроил мне головомойку. И вот я пришла, чтобы признать свою ошибку и извиниться. И еще я принесла тебе чашку куриного бульона. Я его только что сварил. Ешь его скорее, пока он еще теплый. Он поможет тебе переменить гнев на милость. А попозже я принесу тебе завтрак, мама».

С этими словами она вышла из комнаты. Как тяжело дался ей первый выход в этой пьесе! Сердце у нее колотилось как бешеное, лицо пылало огнем, по всему телу выступил холодный пот, а ноги так ослабели, что она с трудом вышла. Мамаша Ван решила, что ей это приснилось. Во второй раз за восемь лет, прошедшие со свадьбы ее сына, она услышала слово «мама» из уст Коричного Цветка. «Старая баба» да «мерзкая старуха» — таковы были ее обычные обращения. Да к тому же еще принесла ей лакомый кусочек! Вчера — как ведьма, сегодня — как Гуаньинь, буддийская богиня добросердечия. Может быть, она лишь губы помазала медом, а в сердце затаила мышьяк? Может, она отравила бульон, чтобы убить свекровь?

Мамаша Ван в первый момент испытала побуждение отдать бульон собаке. Но потом она сказала себе: «Мне уже шестьдесят шесть лет. Лучше умереть сразу, чем дальше терпеть такую жизнь».

И она одним глотком выпила бульон. Затем она в своих лучших одеждах улеглась в постель и стала ждать болей в желудке и смерти.

Она ждала напрасно. Против ожидания, она чувствовала себя все лучше и лучше. А потом пришла Коричный Цветок, опять тепло обратилась к ней «мама» и подала ей чашку слизистого рисового отвара. Без колебаний госпожа Ван села, взяла еду, съела ее и опять улеглась. Так она полдня лежала, не испытывая ни болей, ни приступов головокружения. Напротив того, ее сознание становилось все яснее. Только теперь она начала удивляться по-настоящему.

В полдень мамаша Ван поднялась и вышла на кухню. Там она с удивлением заметила, что исчезла ее маленькая плитка. На столе дымились рис и только что сваренные овощи. Тут подошла Коричный Цветок:

«Мама, до сих пор я плохо с тобой обращалась и все время тебя обижала. С сегодняшнего дня мы будем в хороших отношениях».

Сказав это, она усадила мамашу Ван за накрытый на двоих стол. Отныне от Коричного Цветка, бывало, только и слышалось: «мама» да «мама». Речи ее были сладки, а руки так и летали, чтобы убажить мамашу Ван, у которой скоро потеплело на сердце. Для Коричного Цветка это было только игрой, но мамаша Ван приняла ее всерьез. Она решила: «Если невестка со мной хорошо обращается, буду-ка и я к ней добра».

Теперь, когда Коричный Цветок возвращалась с поля, еда стояла уже готовая, сыночек был ухожен и даже свиньи были накормлены. Коричный Цветок должна была каждое утро вставать в половине пятого, но из-за множества домашних обязанностей не всегда могла вовремя прийти на работу в бригаду. Мамаша Ван забрала единственный будильник в доме из комнаты Коричного Цветка и тайком поставила его в свою комнату. Когда Коричный Цветок проснулась на следующее утро, небо было гораздо светлее, чем обычно, а на кухне ее ждал приготовленный завтрак. Теперь у невестки потеплело на сердце и выступили слезы на глазах. Теперь, когда она сказала «мама», это обращение было искренним. Однажды ночью у Коричного Цветка вдруг подскочила температура. Мамаша Ван услышала ее стоны и поспешила к ней. Прежде всего, она забрала внука и устроила его в своей комнате. Затем позаботилась о невестке и наутро, как только рассвело, вызвала врача. Благодаря заботам мамаша Ван Коричный Цветок скоро выздоровела, но она все еще чувствовала себя очень слабой. Тогда мамаша Ван достала фунт плодов личжи, которые ей кто-то подарил на Новый год, и отдала их Коричному Цветку. Та решительно отказалась их есть и все повторяла:

«Я же никогда не покупала тебе никакой еды. С каким лицом я буду есть твои плоды?»

Мамаша Ван отвечала:

«Что значит «мое и «твое»? Мы же одна семья. Ешь плоды, это придаст тебе сил».

Она присела к невестке на кровать и стала чистить плоды и совать их Коричному Цветку в рот. Пока Коричный Цветок ела плоды, в ее сердце разыгрывались всевозможные чувства, то сладкие, то кислые, то горькие, то острые. Невольно у нее выступили на глазах слезы. Как только силы к ней окончательно вернулись, она купила мамаше Ван килограмм личжи, и дала ей сверх того рисовых талонов на пять килограммов и еще пять юаней, и просила ее покупать себе все, что она пожелает. Теперь мамаша Ван была так растрогана, что расплакалась. Она вытерла слезы краешком подола.

И так свекровь и невестка зажили в самых сердечных отношениях. Через два месяца господин Ван опять явился домой. Поскольку он уловил ситуацию, он не тратил дальнейших слов. После ужина он вынул из кармана бутылочку, высыпал содержимое в стакан, налил туда воды и отнес к матери в комнату. Коричный Цветок, которая в это время вязала, едва заметила это его действие. Когда господин Ван вернулся, она спросила его: «Что это ты отнес матери в комнату?»

Он спокойно ответил:

«Яд».

Коричный Цветок громко вскрикнула и задрожала всем телом. Вязанье упало на пол. Господин Ван зажал ей рот:

«Ты с ума сошла? Прекрати шуметь».

Едва он отпустил жену, она попыталась выбежать из комнаты, чтобы позвать врача, но господин Ван преградил ей путь.

«Что мы решили два месяца назад? По дороге домой я услышал от соседей, что ты хорошо обращаешься с моей матерью. Ты правильно разыграла свою роль. Теперь можно и отравить мою мать. Никто нас не заподозрит».

Когда Коричный Цветок услышала это, она зарыдала, упала на колени перед мужем и стала его умолять:

«Пожалуйста, пожалуйста, позови скорее врача. Твоя мать не должна умереть. Я была не права. Твоя мать — хороший человек».

Господин Ван спросил:

«Почему же раньше было не так?»

«Раньше она была упрямая, и я была упрямая. И обе мы старались друг друга переупрямить. Потом я стала изображать доброту, и она стала доброй. И все шло лучше и лучше. Наконец, я уж не знаю, что со мной случилось, меня вдруг озарило. Теперь я понимаю: старый человек в доме — это драгоценность».

Когда господин Ван услышал это, он помог жене встать с пола и начал смеяться. Только теперь он доверил Коричному Цветку, что на самом деле он отнес матери лекарство. Его убийственные планы были, оказывается, отвлекающим маневром. Он придумал стратегию, чтобы добиться изменения в отношениях между женой и матерью. Он надеялся, что если она будет хорошо обращаться с его матерью, то мать тоже будет к ней добра и фальшивая доброта Коричного Цветка переродится в настоящую.

Коричный Цветок пришла в себя. Она похлопала мужа по плечам:

«Ты... ты... молодец. Здорово ты сыграл со мной шутку».

«Не шутку я с тобой сыграл, а прочитал лекцию. Только метод был несколько необычный».

В этом примере фальшивый план убийства матери — «ничто», из которого возникает «нечто», а именно хорошие отношения между матерью и невесткой.

7.11. Только бегство спасло месье Пурсоньяка

Жюли влюблена. Но ее отец Аронт сговорил ее за месье де Пурсоньяка из Лиможа.

«Ну что, вам пришло что-нибудь в голову касательно нашего дела? — спрашивает Жюли своего возлюбленного и продолжает: — Как вы думаете, Эраст, возможно ли избежать этого ужасного брака, который мой отец вбил себе в голову?»

Эрасту удается успокоить Жюли: «Достаточно сказать, что у нас имеется множество стратагем, готовых к применению».

Итак, чтобы расстроить свадьбу, Эраст с помощью неаполитанца Сбригани использует множество стратагем. Когда Пурсоньяк приезжает, они с помощью двух врачей объявляют его больным и помешанным. Врачи лечат его кровопусканием и клизмами, так что Пурсоньяк действительно заболевает. Отцу один из врачей объявляет, что у пациента сифилис.

Является голландский купец (переодетый Сбригани). Он обвиняет Пурсоньяка в том, что тот остался должен десяти-двенадцати голландским купцам. Пурсоньяк перестает понимать, на каком он свете. Он не подозревал ни о болезни, ни о долгах. Аронта, отца Жюли, извещают, что его предполагаемый зять весь в долгах.

Сбригани рассказывает Пурсоньяку, что Жюли — обычная девушка, довольно легкого поведения.

Наконец Аронт и Пурсоньяк встречаются. Отец уже гораздо менее одушевлен этим браком. Является Жюли и внезапно набрасывается на Пурсоньяка с объятиями и поцелуями, то есть ведет себя действительно как девица легкого поведения, так что Пурсоньяк тоже гораздо меньше воодушевлен.

Наконец отец прогоняет Жюли. Тут входит переодетая женщина и заявляет, что Пурсоньяк — ее супруг, которого она нашла после долгих поисков. Вскоре появляется вторая женщина и утверждает то же самое, причем показывает троих детей, о которых утверждается, что это — дети Пурсоньяка.

Аронт наконец решает, что не выдаст Жюли за этого человека.

Приходит юрист и обвиняет Пурсоньяка в многоженстве. Адвокат объясняет, что это преступление карается повешением.

Пурсоньяку остается только бежать, переодетшись в женское платье. Эраст обращается к Аронту, который благодарен ему за разоблачение месье де Пурсоньяка и предлагает ему в награду руку своей дочери.

В этой комедии Мольера (1622—1673) «Господин де Пурсоньяк», впервые поставленной в 1669 г., одно гротескное применение Стратагемы № 7 следует за другим. И до сих пор еще пьеса доставляет наслаждение зрителям, как, например, во время постановки 4 октября 1987 г. в Большом амфитеатре Высшей школы искусств в Париже.

7.12. Опасные стихотворения

Литературная инквизиция имела в Китае столько же времени, сколько Стратагема № 7. Так утверждает в статье, посвященной Стратагеме № 7, межрегиональная пекинская газета «Гуанмин жибао», указывая, в частности, на известного поэта, государственного деятеля, каллиграфа и художника Су Ши (1037—1101)¹²⁹, который однажды был брошен в тюрьму на том основании, что некоторые строки его стихотворений оскорбляли императорский двор.

¹²⁹ Су Ши (Су Цзычжань, Су Дунпо; 1037—1101) — величайший поэт, художник, каллиграф, эссеист, конфуцианский мыслитель эпохи Сун. Су Ши был известен своими историческими рассуждениями. Он видел разрыв между конфуцианскими постулатами и реальной ситуацией, не выдерживавшей никаких моральных или морализирующих постулатов. Выход Су Ши видел «в определенном разграничении силы и права не по месту (трону), а по личности, на троне сидящей. Династ есть факт, с которым надо считаться (с точки зрения конфуцианства это почти ересь), но, обязываясь его признать как такового, я отнюдь не обязан считать злодея, сидящего на троне, порядочным человеком» (Алексеев В. М. Указ. соч. С. 138). Прославился Су Ши и своими обличениями правителей, развязывающих войны (см. там же. С. 368).

Подобный же случай описывается в романе «Разбойники с Ляншаньских болот»¹³⁰. «Из ничего извлек ты нечто» — это было одно из обвинений, которые бросили мстители в лицо Хуан Вэньбину, прежде чем замучить его до смерти. Что же он сделал?

Сун Цзян, известный своими добродетелями мелкий чиновник в ямыне (магистрате) округа Юньчэн, дал денег одной проезжей женщине, госпоже Янь, чтобы она могла похоронить мужа, который умер от холеры. Позднее госпожа Янь выдала за Сун Цзяна свою восемнадцатилетнюю дочь По Си. Поскольку он не мог удовлетворить желания своей молодой жены, она вступила в связь с другим мужчиной. Однажды она попыталась шантажировать Сун Цзяна, и он в состоянии аффекта прикончил ее. Сун Цзян бежал и через некоторое время присоединился к мятежникам. Его отец заманил его с помощью Стратегемы № 7 в дом. Там его схватили и отправили в Цзянчжоу. Отец строго-настрого приказал ему никогда больше не связываться с мятежниками с Ляншаньских болот, что Сун Цзян, как почтительный сын, и обещал.

В Цзянчжоу Сун Цзян жил в тюрьме, но мог свободно входить в нее и выходить. Однажды он вышел на прогулку из городка и пришел к некоей харчевне. Там он заказал вина и еды и сам не заметил, как напился. Вдруг на него нашло грустное настроение. Ему было уже больше тридцати лет, а он был заклеен как преступник и сидел в тюрьме, далеко от отца и брата. Он начал плакать. Тут он заметил, что выбеленная стена помещения испещрена надписями, и ему пришла в голову мысль, что и он может что-нибудь здесь оставить на память, чтобы потом, когда он вновь достигнет высокого положения, мог бы вернуться в это место и вспомнить об охватившей его печали. Итак, он написал на стене стихотворение и подписал его своим именем. Потом он выпил еще несколько стаканчиков вина, заплатил и тихонько пошел домой. Там опустился на кровать и сразу заснул. На следующий день он не вспомнил о своем стихотворении. Случайно вскоре в эту гостиницу прибыл Хуан Вэньбин, чиновник, служивший по соседству, известный своим низкопоклонством и тем, что он разорял народ до нитки. Он прочитал стихотворение на стене. Стихотворение ему не понравилось. Он посчитал его крамольным и записал. Потом он посетил префекта Цзянчжоу. Тот только что получил письмо от столичного астролога. Согласно письму, в их местности как раз появился человек, который планировал мятеж. Кроме того, префекту докладывали о загадочной и зловещей песенке, которую распространяли уличные мальчишки. Тут Хуан Вэньбин показал стихотворение Сун Цзяна. Префект сразу приказал схватить Сун Цзяна. Его должны были казнить, но в последний момент его спасли Чжао Гай и его люди, которые захватили также Хуан Вэньбина и отомстили ему за Сун Цзяна¹³¹.

В этом рассказе «ничто» — это написанное в пьяном виде стихотворение, а «нечто» — предположительно извлекаемые из него опасные мятежнические взгляды, распространителя которых следует казнить. Здесь проявляется пагубное воздействие Стратегемы № 7 в смысле «извлечь что-либо из воздуха», или «высосать что-либо из пальца».

Обвинения в таком применении Стратегемы № 7 звучат в Китае особенно часто. В 1955 г. Мао Цзэдун осудил применение этой стратегемы «представителями всех эксплуататорских классов». Во времена так называемой «банды четырех» по официальному китайскому сообщению такое же обвинение было возложено на Линь Бяо, в сентябре 1971 г. безвинно погибшего бывшего министра обороны и официального преемника Мао. В книге, вышедшей в 1982 г., под названием «Синьфасюэ» — «Уголовное право» — «банда четырех», в свою очередь, обвинялась в том, что она подтасовывала факты, высасывала из пальца преступления, короче, «извлекала из ничего нечто».

7.13. Матерчатые тапочки Дэн Сяопина для босоногих врачей

В качестве одного из пострадавших позже указывался Дэн Сяопин. «Извлекая из ничего нечто», «банда четырех» сконструировала вопиющую к небесам лживую историю.

В октябре 1974 г. Дэн Сяопину случилось в беседе с членом медицинской делегации одной из стран «третьего мира» говорить о китайских «босоногих врачах». Он поддержал это движение, но сказал: «босоногие врачи» отчасти занимаются трудом, отчасти исцеляют болезни. Поначалу у них было мало медицинских знаний. Они могли исцелять только некоторые простые болезни. Но через несколько лет они уже могли приобрести себе соломенные сандалии (то есть их профессиональное мастерство возросло). А еще через несколько лет они, вероятно, смогут носить матерчатые. Вот и все, что сказал Дэн Сяопин.

Но годом позже, еще при «культурной революции», на него сплели из этого веревку. Его обвинили в

¹³⁰ Об этом романе см. комментарий к Стратегеме № 6.

¹³¹ См.: Ши Найань. Указ. соч. Т. 2. С. 82-106, 121-138.

желании, чтобы «босоногие врачи» больше не ходили босиком, а носили бы соломенные сандалии или матерчатые тапочки. В антидэнзовском памфлете говорилось:

«Неисправимый последователь капиталистического пути во всю глотку выступал за то, чтобы босоногие врачи «носили соломенные сандалии», «носили матерчатые тапочки». Это означает не что иное, как то, что они должны идти по ревизионистской дороге в капиталистических башмаках. Столь нервная, направленная на разрушение, сбивчивая речь — характерный признак сторонника реставрации».

Посткультурно-революционный комментарий: здесь Дэн Сяопин говорил о соломенных сандалиях и матерчатых тапочках в смысле образного сравнения уровней знаний.

Понятно, что в стране с централизованными средствами массовой информации Молва, которую Вергилий представил в четвертой книге своей «Энеиды» как мифическое чудовище, будучи выпущена на свободу, может произвести разрушительное действие. «Черный» материал (полуправдивые, вырванные из контекста или просто выдуманные цитаты из разговоров, заметок и речей) на неугодных членов Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и высокопоставленных должностных лиц в региональном руководстве собирался «бандой четырех», а затем распространялся, как утверждает «Жэньминь жибао» от 25 декабря 1976 г., эксплицитно упоминая при этом Стратагему № 7.

7.14. Заклеймен как преступник в Юньнани

Итак, согласно более поздним китайским разоблачениям, во время «культурной революции» из «ничего» то и дело извлекались довольно суровые последствия. Этому найден был соответствующий «черный зачинщик». Во всех областях господствовала диктатура «черной линии», по которой любой партийный деятель мог без всякой причины оказаться заклеянным как ренегат, шпион, последователь капиталистического пути или контрреволюционер. В январе 1968 г. в провинции Юньнань дошло до вооруженного противостояния масс. Были убитые и раненые. Одна из разделившихся на враждебные лагеря групп была названа одним из последователей Линь Бяо в этой провинции «западноюньнаньской штурмовой бригадой», обвинена в различных преступлениях, заклеяна как контрреволюционная и безжалостно преследовалась. Попав в окружение, 1100 членов группы были убиты.

Благодаря этой акции сторонники Линь Бяо в Юньнани добились определенного преимущества, которое использовали для того, чтобы преследовать так называемых «сторонников западно-юньнаньской штурмовой бригады» в 54 округах провинции.

Сюда же относится еще один высосанный из пальца случай. В январе 1968 г. Цзян Цин, супруга Мао Цзэдуна, сказала партийному секретарю провинции Юньнань:

«Я читала план агентурной сети гоминьдана в Юньнани и разглядела все твои козни. Это ты выполняешь этот гоминьдановский план». Это высказывание Цзян Цин представитель Линь Бяо в Юньнани использовал как основание для того, чтобы ославить юньнаньского партсекретаря как ренегата, шпиона и «исполнителя плана юньнаньской гоминьдановской агентурной сети» и отдать его под огонь «боевой критики». Все те, кто поддерживал этого партсекретаря, также были представлены «исполнителями плана юньнаньской гоминьдановской агентурной сети» и жестоко преследовались.

После «культурной революции» этот случай подвергся расследованию. Согласно «Жэньминь жибао» от 26 сентября 1978 г., так называемой «западноюньнаньской штурмовой бригады» никогда не существовало. «План юньнаньской гоминьдановской агентурной сети» оказался целиком «ничем, извлеченным из ничего». Партсекретарь не был ни ренегатом, ни шпионом. Эти характеристики были извлечены из процитированного высказывания Цзян Цин и пушены в оборот.

7.15. Отсутствующие профессии

Пропагандисту и теоретику Яо Вэньюаню, приговоренному в 1982 г. к тюремному заключению, между прочими предъявлялось обвинение в том, что он использовал Стратагему № 7, предавал осуждению бывшего высокого военачальника, вице-министра, члена Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и начальника Отдела пропаганды ЦК Тао Чжу (1908—1969). Вот соответствующая цитата из Яо Вэньюаня:

«В работе Тао Чжу «Священные идеалы» то и дело говорится о профессии мореплавателя, летчика, ученого, писателя, инженера, учителя... и никогда речь не идет о рабочих, крестьянах и солдатах».

«Отсутствие упоминания о рабочих, крестьянах и солдатах и было его преступлением», — пишет Ма Ци в

пекинской газете «Гуанмин жибао» (15 декабря 1978 г.).

Но и после «культурной революции» в китайской прессе не прекратились обвинения в применении Стратегемы № 7.

7.16. Вооруженное восстание в округе Пу

Так, на следующий год после падения «банды четырех» в уезде Линьфэнь провинции Шаньси было извлечено из «ничего» «нечто» и сфабриковано тяжелое обвинение, по которому было оклеветано более двухсот человек и приговорен к смерти секретарь окружного парткомитета. Случай этот получил известность как «вооруженное выступление контрреволюционеров в округе Пу». Что же представляло собой то «ничто», из которого было выстроено «нечто» (обвинение)? Ответственные лица из уезда Линьфэнь позаимствовали для охоты амуницию у местного армейского подразделения. Так произошла «кража армейского оружия». Далее, в округе Пу проходили конференции функционеров из уезда Линьфэнь. Кроме того, у различных работников уезда там имелись всякие служебные дела. Это было вменено им в вину как «завязывание контрреволюционных контактов».

В октябре 1980 г. пекинская газета «Гуанмин жибао» сообщила, что все эти обвинения высосаны из пальца. При этом упоминалась Стратегема № 7.

Предупреждают против применения Стратегемы № 7 и в более узких рамках. Члены партии, составляя свои внутренние отчеты вышестоящим лицам, должны остерегаться, как бы не наговорить в них на невинных третьих лиц. В 1983 г. в Пекине вышла брошюра о методах мышления и работы, в которой, в частности, дано двенадцать правил, которые следует соблюдать в критике.

Вторым стоит совет делать все утверждения на основании тщательного расследования и никогда не извлекать из ничего нечто. Особенно недоброжелательное отношение вызывают нередко обнаруживающиеся в различных областях китайской экономики фальшивые сообщения об успехах, также сделанные с применением Стратегемы № 7.

Зачастую китайская пресса пользуется этой стратегемой для объяснения событий за рубежом.

7.17. Китай и пакистанская атомная бомба

«В особенности Советский Союз не упускает малейшей возможности извлечь из ничего нечто и обратить это против Китая» («Жэньминь жибао»). Вот примеры высосанных из пальца советских обвинений:

- Китай планирует совместно с Пакистаном военную интервенцию в Афганистан.
- Китай совместно с Пакистаном разрабатывает ядерное оружие.
- В китайском Синьцзяне размещены лагеря афганских мятежников.
- Китайские вертолеты вторглись в индийское воздушное пространство.
- Два израильских должностных лица посетили Китай, очевидно, с целью заключения китайско-израильского союза.
- Убийца Кеннеди Освальд поддерживал связи с Китаем.
- Китай поддерживает контакты с итальянскими «красными бригадами».

Упреки в адрес Советского Союза почерпнуты из «Жэньминь жибао» за 1978—1984 гг. Однажды использование Стратегемы № 7 было приписано индийской газете, в которой сообщалось, что в Бангкоке вдруг объявились тысячи китайцев; однажды — Вьетнаму, утверждавшему весной 1979 г., что Китай планирует нападение на Лаос.

7.18. Выдуманное преступление Юэ Фэя

Лишь немногие герои китайского прошлого могут сравниться в популярности с военачальником Юэ Фэем (1103—1142). Приводят в пример его верность империи, сюжетом многочисленных притч являются его низкое происхождение, прямой нрав, дисциплина в его войске и забота о простом народе. Ему посвящены один роман, множество пьес и опер, и он возведен в ранг даосского божества.

В особенности известен Юэ Фэй благодаря умелой обороне территории династии Южная Сун (1127—1279). Но бессмертным сделала его гибель, навлеченная на него тем самым императорским двором, который он защищал.

Тунгусские племена нюйжень (чжурчжени) с далекого Севера напали на китайские земли севернее Янцзы, и армия основанной ими династии Цзинь (1115—1234) проникала все дальше в Южный Китай, куда бежал китайский император. Юэ Фэй, который в это время служил у одного помещика в личной охране, добровольно поступил в армию и быстро продвинулся в качестве талантливого офицера. Он создал крестьянскую армию, прославленную своей дисциплиной. Известно изречение Юэ Фэя: «Не разбирайте на дрова ни единого дома, даже если вы замерзаете, и не грабьте народ, даже если страдаете от голода».

Китайская армия быстро освободила от чжурчженей большой район, и осенью 1140 г. армия Юэ Фэя нанесла войскам династии Цзинь тяжелое поражение в провинции Хэнань. Теперь следовало оттеснить чжурчженей в их земли на Северо-Востоке. И тут пришел приказ императора, отзывающий Юэ Фэя и других военачальников, намеревавшихся способствовать дальнейшему освобождению страны.

По наиболее распространенной в современном Китае версии, причиной, приведшей Юэ Фэя к гибели, было то, что властитель династии Цзинь добивался отстранения Юэ Фэя, пугавшего его в качестве прямо-таки непобедимого противника, для усиления при китайском дворе влияния кругов, выступавших за политику уступок и мира. Он передал первому министру Цинь Гую (1090—1155)¹³² письмо, в котором настаивал на отстранении Юэ Фэя как необходимым предварительным условием мирных переговоров. Цинь Гуй принадлежал к богатейшим помещикам своего времени. Его владения лежали поблизости от Нанкина, то есть как раз в районе развертывания войск, где была сосредоточена большая часть живой силы для обороны. Он хотел спешного заключения мира и пошел на предложенное врагами дело — с помощью Стратегемы № 7.

Прежде всего он сфабриковал обвинение против подчиненного Юэ Фэю военачальника Чжан Сяня. Тот якобы намеревался поднять мятеж против императорского двора. Затем он начал утверждать, что Юэ Фэй и его сын Юэ Юнь писали Чжан Сяню возмутительные письма. На основании этих лживых обвинений Цинь Гуй приказал заключить Чжан Сяня и Юэ Юня в тюрьму. После этого он вызвал Юэ Фэя в тогдашнюю столицу Линьань (современный Ханчжоу, провинция Чжэцзян) под предлогом намерения задать ему несколько вопросов. Юэ Фэй беспрекословно выполнил приказ и по приезде в столицу был немедленно схвачен и брошен в темницу.

Цинь Гуй настаивал на своем утверждении, что Юэ Фэй, Юэ Юнь и Чжан Сянь готовили мятеж. Согласно официальной «Истории династии Сун», составленной в 1343—1345 гг., ответственный за борьбу с чжурчженями военачальник Хань Шичжун (1089—1151) потребовал у него объяснений. Цинь Гуй дал подлый ответ: письма, по всей видимости, были сожжены, почему теперь невозможно проверить их содержание, но преступное деяние как таковое «предположительно, налицо» («мо сю ю»).

Выражение «мо сю ю» («предположительно, налицо») часто употребляется в китайской прессе, когда описывается применение Стратегемы № 7 клеветниками, пытающимися обвинить невинного в абсолютно выдуманном злодействе.

После построенного на фальшивом обвинении судебного разбирательства Юэ Фэй и оба его поделника были казнены в павильоне Фэнбо в Ханчжоу в канун китайского Нового, 1142, года. Юэ Фэю было только 39 лет.

¹³² Борьба династии Южная Сун против чжурчженей носила затяжной характер. Наряду с героями сопротивления военачальником Хань Шичжуном и руководителем народного ополчения Юэ Фэем появились и антигерои. Главным из них стал Цинь Гуй. Он в свое время был схвачен чжурчженями как агент сунского правительства. Но его соответствующим образом одарили и отправили обратно, инсценировав побег. Сунь-цзы называл таких людей «внутренними шпионами». Действительно, вернувшись на родину, Цинь Гуй вновь попал на государственную службу и, будучи человеком исключительно способным, достиг высшего поста в имперской бюрократии — канцлера. Таким образом государственная машина империи оказалась в руках чжурчженевского агента.

Действуя в интересах чжурчженевского двора и по согласованному с ним плану, Цинь Гуй фактически парализовал все работы по восстановлению обороноспособности южносунского государства. В его план входило и устранение наиболее способных военачальников империи, поэтому Юэ Фэй и его сподвижники пали от рук палача. В результате дипломатической капитулянтской деятельности Цинь Гуй Китай оказался расколотым на два царства — Южное и Северное.

Деяния Юэ Фэя воодушевили народ, а его судьба возбудила по всей стране волну негодования. Через 20 лет на трон династии Сун появился новый претендент. Чтобы добиться признания общественности, он приказал выкопать тела казненных и устроить торжественное сожжение трупов Юэ Фэя и Юэ Юня на берегу озера Сиху в Ханчжоу. В 1221 г. на этом месте был построен посвященный им храм, существующий и поныне. Разрушенная во время «культурной революции» могила Юэ Фэя теперь восстановлена и украшена статуей Юэ Фэя.

На могиле установлено также четыре бронзовые фигуры, преклоняющие колени перед Юэ Фэем, как бы прося у него прощения. Одна из фигур представляет собой первого министра Цинь Гуя, остальные — его супругу и еще двух участников заговора против Юэ Фэя. Статуи и поныне отмечены печатью презрения к их злодеянию¹³³.

7.19. Три человека создают одного тигра

В эпоху «Сражающихся царств» государства Вэй и Чжао заключили как-то договор о дружбе с тем условием, что царевич Вэй будет отослан в Чжао как заложник. Царь Вэй доверил эскорт царевича своему ближайшему советнику, министру Пан Цуну. Пан Цун предвидел, что после его отъезда некоторые придворные попытаются очернить его в глазах царя. Перед тем как попрощаться с царем, он спросил:

«Если кто-нибудь сообщит вам, что по улицам столицы бродит тигр, вы поверите?»

«Нет. Разве такое возможно?»

«А если второй человек придет, говоря то же самое?»

«Нет, даже двое не смогут меня убедить».

«Но если явится третий и тоже скажет, что видел на улице тигра, будет ли ему вера?»

«Конечно, я поверю ему. Если три человека утверждают одно и то же, наверное, это правда».

На это Пан Цун сказал:

«Я буду сопровождать царевича в далекое государство Чжао. Конечно, более трех людей попытаются оклеветать меня во время моего отсутствия. Надеюсь, что вы все тщательно обдумаете, прежде чем прийти к заключению».

Царь кивнул и проговорил:

«Я знаю, что вы имеете в виду, теперь идите!»

Действительно, многие придворные попытались оклеветать Пан Цуна. Поначалу царь не обращал на них внимания. Но чем больше голосов проклинали Пан Цуна, тем более усиливались в сердце царя подозрения, и наконец он оказался убежден в дурных свойствах Пан Цуна. Возвратившись, Пан Цун понял, что он потерял благоволение царя. И все это случилось из-за сплетен, которые, будучи часто повторяемы, приобрели облик правды.

Часто случается так, что человек, который работает изо всех сил, слывет карьеристом, а о том, кто выступает против несправедливости и коррупции, распространяется мнение как о чистоплюе. Так отстреливают каждую вырывающуюся в вожаки стаи птицу. Уже Лу Синь (1881 — 1936), популярнейший писатель XX в. в КНР, отметил: «В Китае часто пускают стрелы в спину, так что любой богатырь, который смело двинется вперед, легко теряет жизнь» (цит. по: Наньфан жибао. 1982. 9 апреля).

7.20. Четырехступенчатые слухи

Чэнь Сяочуань насчитывает четыре ступени эскалации слухов, направленных против лица, которое намереваются опорочить. Если этот человек безупречен с профессиональной стороны, на него прежде всего предпринимаются политические нападки. Если он неуязвим политически, его обвиняют в деловой недобросовестности. В случае неудачи на прицел берется его личная жизнь. Когда и этот выстрел

¹³³ В Ханчжоу специально поставлена статуя Цинь Гуя, чтобы каждый китаец мог плюнуть в лицо предателю своей страны.

оказывается мимо цели, придираются к его характеру, например упрекают в излишней гордости. Обычно цель навредить достигается, как только начальник поверит слуху.

«Слухи имеют большое значение для устрашения, — указывает гонконгское издание по стратагемам 1969 г. — С помощью немногих слов можно устроить так, чтобы герой сложил оружие и даже чтобы человек покончил с собой. К тому же совершенно не обязательно должно пройти какое-то время. Как только сплетня становится известной, она неминуемо производит свое действие».

По тем же причинам Чэнь Сяочуань в январе 1985 г. называет фабрикантов слухов самыми мерзкими и достойными ненависти людьми. И требует распространить наказание, предусмотренное в статье 38-й китайского уголовного кодекса, на всякого, кто распространяет о ком-либо порочащие сведения, полученные от третьих лиц.

7.21. Конец сплетни

Цзы Чжан спросил Конфуция о сущности пронизательности. Учитель сказал: «На кого не оказывает влияния долго распространявшаяся клевета, того люди могут назвать пронизательным».

В книге философа Сюнь-цзы (ок. 313—238 до н. э.) написано буквально следующее:

«Катящийся шар перестает катиться, попав в яму. Бродящая среди людей сплетня перестает распространяться, попав на умного человека».

Стратегема № 8. Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцан

Четыре иероглифа	暗		渡		陳		倉	
Современное китайское чтение	ань		ду		чэнь		цан	
Перевод каждого иероглифа	тайно		выступать		Чэнь		дан	
Связный перевод	Тайно выступить в Чэньцан.							
Иногда также 8 иероглифов	明	修	棧	道	暗	渡	陳	倉
Современное китайское чтение	мин	сю	чжань	дао	ань	ду	чэнь	цан
Перевод каждого иероглифа	видимо	восстанавливать	дерево	мостки	тайно	выступать	Чэнь	цан
Связный перевод	Для вида чинить деревянные мостки, тайно выступить в Чэньцан.							
Перевод с учетом древнейшей привязываемой к стратагеме притчи	Для вида чинить сожженные деревянные мостки через ущелье, ведущие из Ханьчжуна в Гуаньчжун, однако втайне, не окончив починки, двигаться кружным путем через Чэньцан в Гуаньчжун.							
Сущность	а) Стратегема сокрытия истинного направления. Стратегема кружного пути. б) Укрывать изысканное намерение за ординарными действиями; прятать за нормальным / обычным / ортодоксальным / общепринятым нечто ненормальное / необычное / неортодоксальное / необщепринятое. Стратегема нормальности.							

Краткая формулировка восходит к историческим событиям, описанным Сыма Цянем в «Исторических записках».

8.1. Сожженные мостки

В 207 г. до н. э. в битве при Цзюлу Сян Юй одержал решающую победу над династией Цинь. Теперь началась жестокая борьба между ним и другими вожаками повстанческих войск, в особенности Лю Баном (ок. 250—195 до н. э.), прозванным также Пэй Гуном¹³⁴. В 206 г. Сян Юй с войском более чем в 400 000 человек продвинулся в Гуаньчжун, плодородную и хорошо защищенную стратегически центральную область династии Цинь (с центром в срединной части старой провинции Шаньси), с тем чтобы напасть на ее столицу Сяньян. Здесь он узнал, что Лю Бан уже захватил город со 100 000 воинов и принял титул царя Гуаньчжуна. Это соответствовало воле царя Чу Хуая (см. 14-2), который в недавнем прошлом признавался, хотя бы только номинально, высшим авторитетом среди наиболее влиятельных вождей восстания. Он обещал титул царя Гуаньчжуна тому, кто первый займет Сяньян.

Удача Лю Бана раздражила Сян Юя. Сян Юй вошел в Гуаньчжун, разбил лагерь под Хунмынем (восточнее нынешнего Линь-туна в провинции Шаньси) и объявил, что уничтожит Лю Бана. Значительно более слабый в военном отношении Лю Бан не смог бы к этому моменту оказать Сян Юю существенного сопротивления. Он поспешил в Хунмынь, чтобы утихомирить того. Сян Юй пригласил Лю Бана на пир. Фань Чжэн, советник Сян Юя, приказал брату Сян Юя, Сян Чжуану, протанцевать во время пира перед Лю Баном танец с мечом, чтобы убить его. По мнению Фань Чжэна, в будущем Лю Бан мог бы представлять для Сян Юя серьезную опасность. Но Лю Бану с помощью его советника Чжан Ляна и военачальника Фань Куая удалось, под предлогом необходимости отлучиться по нужде, покинуть лагерь Сян Юя до конца пира. Все образованные китайцы знают выражение «Хунмынь янь» — «Хунмыньский пир», а также «Сян Чжуан у цзянь и цзай Пэй Гун» — «Сян Чжуан танцует с мечом, но мысли и взгляды его направлены на Пэй Гуна».

Затем Лю Бан уступил Сяньян и область Гуаньчжун Сян Юю. Последний в 206 г. до н. э. провозгласил себя «гегемоном Западного Чу». К своим владениям он добавил части нынешних провинций Цзянсу, Аньхуй, Шаньдун и Хэнань со столицей в Пэнчэне (нынешний Сюйчжоу в провинции Цзянсу). По всему Китаю он посадил восемнадцать удельных князей. Лю Бана следовало держать как можно дальше. Поэтому ему назначили удел в Ханьчжуне с областями на востоке и западе нынешней провинции Сычуань, а также на юге и западе нынешних провинций Шаньси и Хубэй. Кроме того, Сян Юй пожаловал Лю Бану титул царя Хань. Отсюда идут название и год установления основанной Лю Баном династии Хань. Чтобы указать Лю Бану его место, Сян Юй разделил граничащий с Ханьчжуном Гуаньчжун на три области, которые отдал в удельное владение трем перебежавшим к нему военачальникам разбитой династии Цинь. Непосредственным соседом Лю Бана оказался бывший циньский военачальник Чжан Дань.

Таким образом, Лю Бан был вынужден оставить Гуаньчжун. При отходе из Гуаньчжуна в Ханьчжун он сжигал за собой на всем протяжении пути пройденные деревянные мостки через горные ущелья. С помощью этого он намеревался защититься от внезапного нападения из Гуаньчжуна, в особенности со стороны Чжан Дая. С другой стороны, этим он показывал, что не сохранил никаких намерений вернуться

¹³⁴ Сян Юй, аристократ, происходивший из правившего дома царства Чу, первоначально овладел огромными территориями. Он одержал ряд побед над войсками Лю Бана, выходца из низов, сумевшего собрать значительную армию. Но известному полководцу Хань Синю, сражавшемуся на стороне Лю Бана, удалось реализовать стратегию постепенного лишения Сян Юя поддержки. Первоначально он разгромил трех циньских князей, пришедших на службу Сян Юю и получивших от него земли в управление. Затем он разбил княжества Вэй и Чжао, нанес поражение Янь и Ци, поддерживавшим Сян Юя. После этого в битве при Гай-си (202 до н. э.) Сян Юй потерпел окончательное поражение.

Определенную роль в победе Лю Бана сыграло и то, что его опорной базой была территория центрального бассейна р. Хань — Ханьчжун (откуда он и взял название для своей империи — Хань), район формирования китайского этноса. Тогда как Чу — опорный край Сян Юя — было далеким окраинным царством, в известном смысле периферией китайской цивилизации.

Само по себе возвышение империи Цинь и ее падение долго занимали умы китайских стратегов, философов, политических деятелей, литераторов. Блестящий писатель-эссеист Ханьской эпохи Цзя И, отправленный за вольнодумство в ссылку императором Вэнь-ди, написал специальный трактат «Об ошибке Цинь». Нарушение высшими лицами империи моральных норм — вот что, по мнению Цзя И, было главной причиной падения всех династий. «Что же привело к тому, что один человек (восставший против Цинь Чуский ван Сян Юй) принес беду, — вопрошал он, — и семь мавзолеев (воздвигнутых в память семи царей — создателей могущества Циньского царства) рухнули, а сам он (сын Ши-хуанди, «Второй император») пал от руки этого человека (т. е. Сян Юя) и стал посмешищем для Поднебесной? То, что он не следовал принципам «человеческого и должного», не понял различия между «захватом и сохранением» (Конрад Н. И. Указ. соч. С. 500). Эта формула Цзя И на многие века стала традиционной для китайской историографии.

на восток.

Когда немного позже, все еще в 206 г. до н. э., Тянь Жун, которому Сян Юй не пожаловал никакого удела, поднял восстание против Сян Юя в районе древнего государства Ци, Лю Бан приказал своему военачальнику Хань Синю (ум. 196 до н. э.) готовиться к походу на восток. Чтобы обмануть противника, Хань Синь отправил нескольких воинов чинить сожженные мостки. Военачальник Чжан Дань при этом известию только засмеялся и решил, что пройдут еще многие годы, прежде чем разрушенные мостки опять будут пригодны к использованию. Военачальник Хань Синь в действительности, однако, не собирался прокладывать путь по деревянным мосткам. Вскоре после начала ремонтных работ он тайно повел основные силы Лю Бана по другому пути — по Гудаоской дороге в Чэньцан. Чжан Дань был захвачен врасплох, потерпел поражение и покончил с собой. Поход в Чэньцан стал для Лю Бана началом победоносного похода против Сян Юя. Этот поход окончился в 202 г. до н. э. окончательным установлением династии Хань.

Популярность этого эпизода явствует из пьесы эпохи Юань (1271 — 1368) «Высокий император Хань моет себе ноги и тем раздражает военачальника Ин Бу»¹³⁵. В прологе Лю Бан, ханьский император, декларирует (с эксплицитным упоминанием Стратегемы № 8):

«По фамилии зовусь я Лю, по имени Бан, а взрослое мое имя Ли. Родом я из Пэй [в нынешней провинции Ганьсу]. После смерти первого императора Цинь поднялись, объединившись, ленные князья и уничтожили Цинь. Тогда состояли мы с Сян Юем [который был аристократом из государства Чу] на службе у царя Чу Хуая. Царь Хуай сделал меня правителем Пэй, а Сяна правителем Лу. Мы оба вместе с удельными князьями прошли через перевал Ханью. Царь Хуай обещал, что тот, кто первым проникнет в область западнее перевала Ханью, станет царем Гуаньчжуна. Первым оказался я и должен был стать царем. Но Сян Юй со своим высокомерием и военной силой отказался считать царя Хуая законным императором. Он присвоил титул «гегемона Западного Чу». Он раздал князьям новые уделы и назвал их царями этих областей. Меня же он послал в Ханьчжун и дал титул царя Хань. Своей столицей я сделал Ханьчжун. Вскоре после этого царь Сян приказал Ин Бу тайно убить законного императора в Чэне. Все князья, объединившись, поднялись против Сян Юя. Я воспользовался стратегемой Хань Синя «Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцан», захватил области трех мятежных военачальников династии Цинь и, наконец, занял Пэнчэн, столицу Сян Юя».

Еще одна пьеса эпохи Мин (1368—1644) называется «Верховный главнокомандующий Хань тайно выступает в Чэньцан».

Следующий пример относится к периоду Троецарствия (220— 280). Три соперничавших тогда на китайской территории царства носили названия Вэй, У и Шу.

8.2. Изменнический лагерь

Дэн Ай (197—264), военачальник государства Вэй, разбил лагерь на северном берегу Белой реки (на северо-востоке нынешнего округа Сунпань в провинции Сычуань). Через три дня военачальник Цзян Вэй (202—264) из государства Шу приказал своему подчиненному Ляо Хуа вести войско на южный берег той же самой реки и поставить его напротив лагеря Дэн Ай. Военачальник Дэн Ай сказал своему коменданту: «Если бы Цзян Вэй собирался на нас внезапно напасть, то он осадил бы нас, при том, что мы гораздо слабее его, по обычным правилам военного искусства. Он бы сразу же переправился через реку и напал на нас. Однако мы не видим с его стороны никакого движения. Я думаю, что Цзян Вэй собирается отрезать нас с тыла и поставил Ляо Хуа, только чтобы удержать нас здесь. Цзян Вэй наверняка направился сейчас с большой армией на восток, чтобы захватить наш опорный пункт, город Таочэн» (современный Таоянчэн в провинции Ганьсу).

Той же ночью Дэн Ай приказал своему войску направиться в Таочэн по маленькой тропинке.

¹³⁵ Содержание этой пьесы анонимного автора см.: Сорокин В. Ф. Указ. соч. С. 236—237. Следует отметить, что, посещая классический театр, который был очень популярен в народе, китайский зритель соперничал многим героям, применявшим стратегемную дипломатию и в большой политике, и в быту. Так, в пьесе «В холодном зале Чжан И применяет хитрость» главными героями выступали уже упоминавшиеся нами (см. ком. 6 к Стратегеме № 7) теоретики системы «вертикальных и горизонтальных союзов» Су Цинь и Чжан И (см. там же. С. 207). А в пьесе «Пан Цзюань ночью едет по дороге на Малин» была представлена горестная судьба самого Сунь Биня. Правда, в пьесе наставником Сунь Биня и Пан Цзюаня в искусстве составления стратегем выступает не философ Гуйгу-цзы (см. ком. 3 к Стратегеме № 4), а даос-волшебник Ван Чань, местом обитания которого также была Долина демонов (см. там же. С. 218—219).

Действительно, Цзян Вэй как раз собирался переправиться там через реку, чтобы занять город. Но Дэн Ай подоспел раньше. Так что Таочэн остался в руках Дэн Ая. Вот пример неудачного применения Стратегемы № 8, поскольку Дэн Ай сумел ее разгадать. Отклонение Цзян Вэя от обычных военных действий — переправы через реку и нападения на значительно более слабое войско Дэн Ая — было слишком очевидно и навело Дэн Ая на подозрения¹³⁶.

8.3. Болезнь Люй Мына

Тогда же, в эпоху Троецарствия, Сунь Цюань (182—252), император У, хотел отвоевать у Лю Бэя (161—223) Цзинчжоу (территория нынешних провинций Хубэй, Хунань, частично Хэнань, Гуйчжоу, Гуандун и Гуанси). Эту задачу Сунь Цюань поручил своему военачальнику Люй Мыну (178—219). Последний узнал, что Гуань Юй, командующий Цзинчжоу, внезапно усилил деятельность по созданию обороны, увеличил войско и воздвиг на реке целую террасу для сторожевых костров. Тогда Люй Мын распространил слух о своей болезни и оставил свой пост, назначив преемником молодого Лу Суня. Он отступил, таким образом, на задний план и оттуда раскинул свои сети. Сообщение об отставке Люй Мына было выгодно Гуань Юю. Он позволил ввести себя в заблуждение. В своей гордыне он посчитал нового командующего Лу Суня молодым и неопытным и увел свои оборонительные войска на север для наступления на Цао Цао, императора Вэй. Теперь пришел час Люй Мына. Он снарядил речной флот, погрузил в трюмы часть своих воинов, а остальным приказал надеть белые одежды, изображая торговцев. Корабли отправились в Цзянлин (современный Цзянлин, провинция Хубэй), столицу Цзинчжоу. Сторожевые посты пропустили флот. Приблизившись к цели, воины вышли из корабельного чрева и захватили Цзянлин. Командующий Гуань Юй пал в бою.

Для Гуань Юя была вполне естественна отставка его противника в связи с болезнью и замена его молокососом. Вся история была настолько же нормальна, насколько починка деревянных мостков.

При этом втайне происходила дальнейшая военная кампания Люй Мына против Гуань Юя. Как Чжан Дан был захвачен врасплох тем, что Хань Синь двинулся не через мостки, а по другой дороге, так Гуань Юй был захвачен врасплох «внезапно выздоровевшим» Люй Мыном и его «торговыми» кораблями¹³⁷.

8.4. Десятидневный отдых Ди Цина

Ди Цин (1008—1057), крупный военачальник династии Северная Сун (960—1127), изрядно начитанный в древнекитайских военных трактатах, в 1152 г. применил Стратегему № 8 против восставшего Нун Чжигао. Во время похода Ди Цин однажды отдал приказ разбить лагерь, чтобы предаться отдыху в течение 10 дней. Вражеские лазутчики донесли об этом восставшим. Те поверили, что внезапное наступление Ди Цина в ближайшее время исключается, и оставили всякую предосторожность. Против ожидаемого, однако, на следующий день Ди Цин отдал приказ свертывать лагерь и совершил марш-бросок на захваченного врасплох противника, полностью уничтожив его.

Здесь десятидневный отдых, предписанный Ди Цином, показался столь естественным, что Нун Чжигао поверил соответствующим сообщениям своих лазутчиков. Тем более ошеломило его внезапное нападение.

8.5. Нормандия вместо Кале

Согласно пекинской книге о стратагемах, высадка союзников в Нормандии в июне 1944 г. может рассматриваться как «тайное выступление в Чэньцан» с применением новейшей военной техники XX столетия. С точки зрения географии высадка с юго-востока Англии в район Кале была бы естественнее и последовательнее (учитывая возможность обеспечения транспортом и поддержки с воздуха), чем высадка с

¹³⁶ Этот эпизод относится к заключительной стадии борьбы «Трех царств». Война между Шу и Вэй, целью которой было утверждение господства над Серединной равниной, т. е. над районом наиболее развитого земледелия, шла с переменным успехом, но Цзян Вэю все же удалось нанести решающее поражение Дэн Аю. В ходе войны оба полководца демонстрировали глубокое знание стратегии, опираясь на указания Сунь-цзы, расставляли друг другу многочисленные ловушки. Однако армия царства Шу, созданная и обученная Чжугэ Ляном, превосходила по своей подготовке войска Вэй, которые по сути были народным ополчением (см.: Л о Гуаньчжун. Указ. соч. Т. 2. С. 607—693).

¹³⁷ Эта стратагема была задумана не самим Люй Мыном, а советником Сунь Цюаня Лу Сунем (см. там же. С. 195—204).

юга Англии в Нормандию. Очевидно, немцы придерживались такого же взгляда. Они верили, что союзники предпочтут ближний путь дальнему. Поэтому они сконцентрировали главные силы своей обороны в районе Кале. Благодаря различным обманным маневрам союзники еще усилили уверенность немцев. Например, распространились слухи о наличии на востоке Англии первой американской группы войск, в качестве главнокомандующего которой назывался генерал Пат-тон. Затем в гаванях на юго-востоке Англии и в устье Темзы были поставлены муляжи десантного флота. Затем союзники усилили бомбардировки в районе Кале, в то время как Нормандию бомбили не более, чем другие районы. Таким образом, немцы утвердились в предположении, что высадка союзников произойдет в Кале. Высадка в Нормандии полностью захватила их врасплох.

Эта китайская интерпретация подтверждается рядом западных сообщений о Второй мировой войне. Например, в труде «Большой атлас Второй мировой войны» сказано:

«Все предприятие было соединено с одним из наиболее совершенных ложных маневров этой войны. Союзники предприняли все, чтобы убедить немцев в том, что высадка на французский берег планируется по Дуврской дороге. На каждый вылет в область западнее Гавра приходилось два вылета дальше на север, на каждую тонну бомб, сброшенных в Нормандии, добавлялось две тонны бомб, сброшенных к северу от Гавра. В британском Кенте, возможном исходном пункте наступления по Дуврской дороге, были построены муляжи штаб-квартир и железнодорожных объектов».

Относительно китайской интерпретации воздействия этого ложного маневра мне написал бывший натовский генерал:

«Совершенно верно, что союзники проводили планомерные маскировочные операции FORTITUDE на севере и на юге, с помощью которых должны были изображаться намерения высадки в

Норвегии и в Па-де-Кале. С помощью радиоигры и перераспределения сил было сфальсифицировано наличие лишней армейской группы. Однако весьма сомнительно, чтобы немецкое руководство было этим обмануто или, во всяком случае, чтобы это повлияло на немецкую подготовку к обороне. Воздушно-десантные операции 82-й (США), 101-й (США) и 6-й (Британия) парашютных дивизий ни в коем случае не были маскировочными, а представляли собой интегральную составную часть самой операции по высадке, при том, что в отдельных местах действительно были сделаны отвлекающие тактические маневры».

8.6. Из истории китайско-вьетнамской войны 1979 г.

Уже в древнейшем военном трактате, написанном Сунь-цзы, говорится:

«Что делает непобедимой армию при нападении врага, так это связь обычного с необычным.

Вообще в войне обычное используется в придачу, а победы достигают через ненормальное».

И далее Сунь-цзы пишет:

«Кто умеет пользоваться ненормальным, в той же степени безгранично способен к изменениям, как небо и земля, и неисчерпаем, как реки и потоки»¹³⁸.

Согласно Стратегеме № 8, внешне должны приниматься совершенно обычные военные мероприятия, в то время как втайне проводятся какие-то необычные меры. Если бы Хань Синь не занимался на глазах у всех починкой деревянных мостков, тайное движение на Чэньцан не удалось бы. В делийском издании о стратагемах постоянно противопоставляется нормальное, ортодоксальное в военном отношении ненормальному и неортодоксальному. Без нормального ненормальное существовать не может. Согласно пекинской книге о стратагемах, выражения «для вида» и «втайне» в краткой формулировке Стратегемы № 8 заменимы на «ортодоксальные» и «неортодоксальные», «ненормальные» военные средства. Исходный момент каждого неожиданного нападения и взятия врасплох — это совершенно нормальная военная

¹³⁸ Академик Н. И. Конрад несколько по-иному переводит это место из 5-й главы трактата Сунь-цзы:

«То, что делает армию при встрече с противником непобедимой, — это правильный бой и маневр.

...Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром. Поэтому тот, кто хорошо пускает в ход маневр, безграничен подобно небу и земле, неисчерпаем подобно Хуанхэ и Янцзыцзяну» (Конрад Н. И. Указ. соч. С. 30—31).

деятельность. Только когда противник уже подведен к тому, чтобы расценивать действия и намерения врага с точки зрения ведения нормальной войны, необычное действие может привести к успеху. Если ты собрался «втайне выступать в Чэньцан», нужно отвлечь внимание противника нормальной деятельностью — починкой моста.

Согласно пекинскому изданию, «нормальное» и «ненормальное» могут пониматься по-разному. Например, если превентивный удар — нормальное действие, то уступать врагу первый удар, а затем перехватывать инициативу кажется ненормальным. Если регулярное ведение войны нормально, партизанская война ненормальна; открытая война нормальна, тайное нападение ненормально; прямое фронтальное наступление нормально, обход с флангов ненормален. Нормальное и ненормальное противопоставлены и при этом связаны между собой. При определенных условиях они могут переходить друг в друга. В качестве примера приводится эпизод из китайско-вьетнамской войны начала 1979 г. Китайцы выяснили, что вьетнамцы, учитывая обычный китайский маневр обходить противника с флангов и нападать сзади, втайне снабдили фланги своей обороны усиленной огневой мощью и минными полями. Непосредственно противостоящие китайцам вьетнамские позиции были защищены относительно слабо. Тогда китайцы вместо фланговой внезапно предприняли фронтальную атаку, что привело вьетнамцев в полное замешательство. В данном случае нападение китайцев с флангов было в какой-то мере «нормальным», а внезапная фронтальная атака оказалась «ненормальной» («тайный поход на Чэньцан»).

Стратегема № 8, по китайским представлениям, применима и в частной жизни, например в любовных делах. Гонконгские и тайбэйские издания в главе «Тайно двигаться на Чэньцан» указывают на знаменитый китайский эротический роман минской эпохи (1368—1644) «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй»¹³⁹ — и на столь же старый роман «Разбойники с Ляншаньских болот»¹⁴⁰.

8.7. Помощь для тетушки Ван

В 4-й главе романа «Цветы сливы в золотой вазе» Пань Цзиньлянь (Золотой Лотос), супруга Большого У, встречается со своим возлюбленным Симынь Цином в доме старой тетушки Ван. Своему мужу Золотой Лотос объяснила, что она готовит для старой Ван платье и обувь. Помощь старой женщине — совершенно нормальное и, очевидно, заслуживающее доверия дело. Скрывается за этим ненормальное для древних китайцев дело — свидание замужней женщины с любовником. Помощи тетушке Ван соответствует в следующем примере священная реликвия, которую следует предъявить. Известно, что в эпоху Тан (618—907) в Китае действительно существовало почитание некоей кости в качестве кости Сакьямуни, основателя буддизма. Против торжественного вноса этой кости в императорский дворец протестовал в получившем широкую известность произведении ученый Хань Юй (768—824), что чуть не стоило ему головы¹⁴¹. В июне 1987 г. китайская пресса сообщила, что четыре фаланги пальцев Сакьямуни обнаружены в подземном помещении построенного 1700 лет назад Фамыньского храма в ста километрах к западу от Сианя (провинция Шаньси). Они хранились в четырех раковинах из различных материалов: железа, золота, серебра, хрусталя, нефрита и сандалового дерева. Тело Будды после его смерти (ок. 477 до н. э.) должно было быть разделено между храмами всего мира.

8.8. Зуб Будды

В романе «Речные заводы» жрец Хай Гун из храма Благодарности понимает, что он равнодушен к Пань

¹³⁹ Русское издание этого романа вышло под заглавием «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй». Тт. 1—2 / Пер. с кит. В. Манухина. М., 1977.

¹⁴⁰ Т. е. «Речные заводы» (см. ком. 9 к Стратегеме № 6). Дело в том, что главный герой эротического романа «Цветы сливы в золотой вазе» — Симынь Цин — упоминается и в «Речных заводах». Анонимный автор «Цзинь, Пин, Мэй» развил и продолжил историю походов Симынь Цина, отличавшегося необычайным распутством. Таким путем, как предполагают исследователи средневековой китайской литературы, Ван Шичжэнь — известный поэт и эссеист XVI в. — отомстил за своего казненного по ложному доносу отца виновнику этого злодеяния чиновнику Янь Шифаню, дом которого был у Западных ворот (Симынь), а детское имя звучало Цин. Существуют и другие легенды, связанные с написанием этого замечательного произведения.

¹⁴¹ Хань Юй (768—824) — крупнейший конфуцианский мыслитель, историк, философ, литератор эпохи Тан. Автор трудов «О пути», «Письмо министру Лю», «Вопросы о Юэ». Резко выступал против канонизации определенных формул буддизма и даосизма.

Цзяюнь, супруге начальника тюрьмы в Цзичжоу. Однажды Пань Цзяюнь отправилась в сопровождении отца в храм, чтобы помянуть покойную мать. После выполнения церемонии Хай Гун пригласил отца и дочь в свою келью. Подали чай. В дополнение к лакомой еде жрец произнес массу комплиментов своим гостям. Для старого отца он припас особенно крепкое вино. Вскоре старик совершенно опьянел. Жрец приказал отнести его в соседнюю комнату и там уложить в постель, пока он не проспится.

Дочь также выпила вина и была в приподнятом настроении. «Почему вы настаиваете, чтобы я без остановки пила?» — спросила она.

Монах, улыбаясь, прошептал: «Потому что я вас обожаю».

«Я больше не могу», — сказала она.

«Прошу вас, разрешите мне показать вам зуб Будды, который я храню в другой комнате».

Женщина отвечала: «Пожалуй, я как раз хотела бы посмотреть на зуб Будды».

Комната на верхнем этаже была спальней жреца. Красиво убранное ложе прямо-таки призывало лечь на него.

«Какая чудная комнатка, и какая чистая», — сказала Пань Цзяюнь восхищенно.

Монах отвечал улыбаясь: «Не хватает только молодой женщины».

Она шутливо возразила: «А что же вы ее себе не найдете?»

Монах отвечал: «Где тот покровитель, который нашел бы мне ее?»

Женщина сказала: «Вы же хотели показать мне зуб Будды».

«Отошлите сначала вашу служанку Иньэр, тогда я его достану».

Женщина приказала: «Иньэр, спустись и погляди, не проснулся ли отец». Иньэр покинула комнату, и монах запер за ней дверь кельи.

8.9. Брачное посредничество

В рассказе «О храброй деве», который сочинил маньчжур Вэнь Кан в первой половине XIX в., молодой ученый Ань Ци предпринимает путешествие в 3000 миль, чтобы быть со своим отцом, который из-за интриг недоброжелателей лишился поста смотрителя дамбы в южной богатой речной области Китая и приговорен к уплате значительной суммы денег. По пути Ань Ци приезжает в монастырь, монахи которого в действительности — переодетые бандиты. Героиня романа — сестрица Тринадцать — спасает его в последнюю минуту от смертельного удара настоятеля и убивает как самого настоятеля, так и остальных обитателей монастыря. При этом она заодно освобождает пожилую пару Чжан и их семнадцатилетнюю дочь Цзиньфэн (Золотой Феникс). Семейство Чжан во время засухи решило оставить родину и отправиться к старшему брату отца Чжана в Пекин. По пути семья захала в этот монастырь и попала в плен к бандитам. Когда после всего пережитого родители Чжан и молодой Ань Ци готовят еду на монастырской кухне, сестрица Тринадцать отводит Цзиньфэн в сторонку и осведомляется прежде всего о ее гражданском состоянии. Когда сестрица Тринадцать узнает, что Золотой Феникс еще не обручена, она предлагает ей свои услуги в качестве свахи. При этом она думает о господине Ань Ци. Золотой Феникс в глубине души не имеет ничего против такого брачного союза, но чувствует некоторое беспокойство и сомнение.

Ведь эта сестрица Тринадцать для нее малознакомая, случайная попутчица. Конечно, она благородно помогла ей в нужде, спасла ее из тяжелого положения и даже от смерти, а теперь хочет обеспечить ей семейное счастье с этим симпатичным молодым человеком Ань Ци. При этом она говорит об этом очень горячо и настойчиво, согласно своему характеру, пытаясь вытянуть из Цзиньфэн короткое и ясное «юань» («да»).

Это против всякой нормы. Какую цель она преследует этим благородным, но совершенно непрошеным посредничеством? Что-то за этим кроется, говорит рассудок деревенской девушки Золотой Феникс. И в ее головке происходит дальнейшая работа.

«Она ведь такая же девушка, как я, — говорит она себе. — И так похожа на меня внешностью и возрастом. Тогда она подвержена тем же человеческим правилам и природным законам, что и я. Почему же тогда она

отходит сама в сторону и предлагает мне такой прекрасный союз? Почему она обеими руками предлагает мне этот подарок, мне, совершенно ей чужой? Нет ли у нее чего на уме? Конечно, она надеется на такой же союз для себя. Поскольку она не может предложить его сама, она выбрала обходной путь через меня. Для вида она «чинит деревянные мостки», втайне же «направляется в Чэньцан».

Здесь Золотой Феникс рассматривает предлагаемое сватовство — по китайским понятиям, само по себе совершенно нормальное — как выставляемую напоказ «починку деревянных мостков» и подозревает, что сестрица Тринадцать втайне планирует «поход на Чэньцан», то есть собственный брак с Ань Цзи с помощью обходного пути через брак его же с Цзиньфэн. Известно, что в Китае было возможно многоженство.

Действительно, любой, кому предложат неожиданную помощь, прежде всего спросит: почему? Примечателен в этом примере тот факт, что Золотой Феникс делает еще один шаг и находит ответ в стратагеме, которую приписывает сестрице Тринадцать. Золотой Феникс полагает, что сестрица Тринадцать помогает ей выйти замуж только затем, чтобы впоследствии Золотой Феникс и ее родители помогли ей стать женой того же человека. Здесь может проявляться определенная оригинальность менталитета, характерная не только для Цзиньфэн: сами по себе нормальные, неизвращенные отношения прощупываются в соответствии с определенными стратагемами, которые, предположительно, лишь маскируются нормальностью. Примечателен способ, каким Золотой Феникс пытается обосновать свои подозрения, что сестрица Тринадцать преследует на свой манер исключительно собственные интересы, а именно собственный брак с Ань Цзи.

8.10. Самопожертвование Будды

Золотой Феникс думает дальше: «Почему бы мне не согласиться на эту любовь втроем? Я бы ничего не имела против. Я бы таким образом выразила благодарность ей за все, что она для меня сделала, и могла бы показать ей, как искренне я ей преданна. Но как мне узнать, действительно ли она этого хочет?» Наконец, после усиленных раздумий, она решает пойти по менее щекотливому литературному пути. «Сестрица, я несколько лет усердно изучала литературу и знаю немало историй из древних и новых времен, но кое-что в одном древнем тексте остается мне до сих пор непонятным. Не будешь ли ты столь добра, чтобы разъяснить мне это темное место?»

Сестрица Тринадцать сразу же догадалась, что за этими словами скрывается что-то иное. «Я — вся слух», — дружелюбно отвечала она девушке.

«Я припоминаю одно место в Махаяна-сутре, где речь идет о Будде-человеке, как жил он в горной глуши и трудился над самосовершенствованием, пока не превратился в Будду-божество. Там говорилось, что однажды он встретил голодного тигра и, пожалев его, отрезал кусок собственной плоти и скормил ему. А в другой раз встретил он голодного стервятника и насытил его куском собственных внутренностей. Так проявилось сочувствие Будды-человека к хищной птице и дикому зверю и зашло столь далеко, что он не пожалел собственной плоти и собственных внутренностей. Разбираешься ли ты в таком самопожертвовании?»

Проницательный ум сестрицы Тринадцать не уступал по утонченности той тончайшей булавке, которая была спрятана в этом вопросе и никогда не была бы доступна для обычного женского рассудка.

С коротким довольным смешком и долгим вздохом сказала она серьезным и даже мрачным тоном: «Сестричка, мы так хорошо понимаем друг друга, но на дно моей души ты заглянуть не можешь. Это я должна сохранить в себе. Короче говоря, о том, о чем идет речь, о счастливом брачном союзе, для меня говорить нечего. В том, что люди этого мира зовут счастливым выбором супруга, для меня в этой жизни доли нет».

Золотой Феникс своим притчеобразным вопросом, по-видимому, отреагировала на уровне той самой Стратагемы № 8, которую подозревала у сестрицы Тринадцать. Прямым вопросом относительно самопожертвования Будды она прикрыла косвенный вопрос о мотивах самопожертвования сестрицы Тринадцать.

8.11. Критики эклектики

В рамках культурно-революционной критики конфуцианства Ло Сыдин обнажает шпагу против эклектики — «как-бы-тоже-философии». Ло Сыдин — это контролировавшийся «бандой четырех» авторский коллектив в Шанхае. Эклектика представляет собой для бескомпромиссной коммунистической идеологии как бы соринку в глазу, поскольку ей свойственно вместо борьбы искать мирного уравнивания

позитивных аспектов той и другой стороны. Уже после «культурной революции» Шэнь Таошэн (в «Жэньминь жибао») высказывает предположение, что во времена Конфуция любая клика, которая в этот период рассвета феодализма стремилась реставрировать исторически отсталое рабство, выступала с эклектических позиций.

Так что сама по себе критика эклектики у Ло Сыдина была совершенно справедливой. Однако, если внимательнее прочесть обвинения Ло Сыдина в адрес эклектики, оказывается, что в эклектичности всегда обвиняется какой-нибудь древнекитайский первый министр. Эта особенность обнаруживается в такой формулировке, как эклектичный первый министр династии Хань стремился прежде всего к сглаживанию отношений и потому никогда не занимал четкой позиции, и ей подобных. Все эти формулировки явно направлены прямо на одного первого министра — Чжоу Эньлая. И так, нормальная сама по себе критика эклектики (указывает «Жэньминь жибао») представляет собой как бы «починку мостков», за которой скрывается атака на Чжоу Эньлая — «поход на Чэньцан».

Подобным же образом, следуя пассажиру в комментарии к гексаграмме И («умножение») в классической китайской «Книге перемен», пекинская книга о стратагемах извлекает из более высоких сфер сравнение с движением ветра, который неожиданно врывается в образовавшуюся пустоту.

Эта пустота, по интерпретации Стратагемы № 8 в книге о наиболее употребительных китайских поговорках, вышедшей во Внутренней Монголии в 1978 г., возникает за счет того, что при проведении отвлекающего действия направление зрения и слуха человека отклоняется в сторону, откуда возникает свободное пространство для воплощения совершенно другого намерения.

Стратагема № 9. Наблюдать за огнем с противоположного берега

Четыре иероглифа	隔	岸	观	火
Современное китайское чтение	гэ	ань	гуань	хо
Перевод каждого иероглифа	противоположный	берег	наблюдать	огонь
Связный перевод	Наблюдать огонь с противоположного берега.			
Сущность	Наблюдать за пожаром на противоположном берегу, якобы не имея к нему отношения. Якобы безучастно наблюдать за тем, как противник оказался в кризисной ситуации, в тяжелом положении. Бездействие: никакой помощи, никакого спешного вмешательства или преждевременного действия, пока тенденции не разовьются в твою пользу, и лишь тогда можно действовать и пожинать плоды. Стратагема невмешательства. Стратагема выжидания, задержки.			

Краткая формулировка вызывает в воображении сцену из знаменитого романа «Троецарствие»: Лю Бэй, впоследствии основатель одного из трех царств, и его советник Чжугэ Лян наблюдают с горы Фанькоу за озаренной пожаром битвой у Красных стен¹⁴².

9.1. Победители-наблюдатели

В 208 г. н. э. Чжугэ Ляну удалось заполучить в коалицию против Цао Цао, властителя Северного Китая, располагавшего более чем двухтысячным войском, Сунь Цюаня, правителя У. Цао Цао расположился лагерем на северном берегу Янцзы, уский военачальник Чжоу Юй (175—210) со своей армией — на южном. В том месте вздымалась высокая гора. Там, где она отходила от берега, на ней были вырублены два иероглифа: «Красные стены». Отсюда битва между Чжоу Юем и Цао Цао получила название «Битва у

¹⁴² См. комментарий к Стратагеме № 3.

Красных стен».

Чжоу Юю удалось хитростью склонить неопытного в сражениях на воде Цао Цао последовательно сцепить свои корабли для переправы через Янцзы. Таким образом пехота Цао Цао должна была пересечь реку, как посуху. Чжоу Юю же рассчитывал с помощью юго-восточного ветра сжечь весь флот Цао Цао, скрепленный вместе.

Непосредственно перед началом битвы Чжугэ Лян, который и сопровождал Чжоу Юю в походе, и давал ему советы, вернулся к своему господину Лю Бэю, с которым направился на гору Фанькоу, чтобы оттуда наблюдать за пожаром и битвой на другом берегу. Таким образом, Лю Бэй оказался в выгодном положении, из которого мог, во-первых, рассматривать бой своего союзника Сунь Цюаня со своим заклятым врагом Цао Цао издали и, во-вторых, воспользоваться победой Сунь Цюаня, достигнутой благодаря искусному маневрированию, для собственного усиления.

Ни в одной из вышедших в КНР, Гонконге и Тайване книг о стратагемах не приводится примера о Стратагеме № 9, в котором действительно шла бы речь о пожаре на противоположном берегу. Приведенная сцена из «Троецарствия» в этой связи в китайской литературе о стратагемах не упоминается.

Краткая формулировка стратагемы легко поддается толкованию. «Огонь» символизирует кризисную ситуацию, «другой берег» выступает для обозначения попавшей в кризисную ситуацию противной стороны, а «наблюдение» относится к третьему лицу, которое по виду не участвует в кризисе, но собирается извлечь из него выгоду. Поэтому неудивительно, что в процессе многократного применения Стратагемы № 9 образные выражения в краткой формулировке совершенно скрылись за абстрактным смыслом и перестали ощущаться как ссылка на «Троецарствие».

9.2. Бегство в смерть

Юань Шан и Юань Си были единственными оставшимися в живых сыновьями Юань Шао (ум. 202 н. э.), бывшего при жизни соперником Цао Цао. Будучи преследуемы Цао Цао, братья решили с несколькими тысячами человек бежать в Ляодун (Южная Маньчжурия), хотя правитель Ляодуна Гунсунь Кан был противником их отца. Отец неоднократно пытался захватить Ляодун, но, поскольку Ляодун находился далеко от театра сражений между Цао Цао и Юань Шао, Гунсунь Кан не сражался также и на стороне Цао Цао. Поэтому братья надеялись найти у Гунсунь Кана убежище. Они рассчитывали, если подвернется случай, его убить, чтобы затем из Ляодуна покончить с Цао Цао. Последний в это время был близок к тому, чтобы установить свое господство над Северным Китаем.

Что было естественнее для Цао Цао, чем преследовать этих опасных братьев во время их бегства в Ляодун? Но Цао Цао прислушался к совету своего доверенного лица Го Цзя (170—207), согласно которому Гунсунь Кана и братьев лучше всего было оставить в покое. Тогда вскоре Гунсунь Кан убьет их. И действительно, довольно скоро Гунсунь Кан передал головы обоих братьев Цао Цао. Военачальники Цао Цао спросили его: «Каким образом произошло устранение братьев?» Согласно древнейшему «Трактату о 36 стратагемах», Цао Цао объяснил происшедшее так: «С одной стороны, Гунсунь Кан опасался стремления братьев к захватам. То, что они скрывались в Ляодуне, должно было пробудить в нем подозрение. С другой стороны, Гунсунь Кан опасался моего нападения на Ляодун. Если бы я стал преследовать братьев по пятам, то Гунсунь Кан объединился бы с ними против меня. Но я отпустил поводья и отказался от похода на Ляодун. Моя пассивность привела к тому, что Гунсунь Кан и братья схватились друг с другом».

Так Цао Цао устранил двух своих врагов тем, что, ввиду смертельного антагонизма между ними и Гунсунь Каном, взял на себя роль наблюдателя.

9.3. Взятие Чанчуня в 1948 г.

Во время гражданской войны в Китае (1945—1949) в июне 1948 г. Красная армия начала осаду Чанчуня (ныне столица провинции Цзилинь). Город, оборудованный мощными укреплениями, обороняло около 100 000 солдат гоминьдановских войск Чан Кайши. Однако съестные припасы в Чанчуне подходили к концу. Наконец начались вооруженные столкновения среди гоминьдановских солдат за продовольствие, которое доставлялось только по воздуху.

Красная армия не снимала осаду, но и не пыталась напасть на город. Таким образом она позволяла «созреть» внутренним, раздиравшим противника «противоречиям». «Противоречия» в КНР — обычное обозначение для оппозиции, разлада, ссор и трудностей любого порядка.

Преждевременное военное нападение на Чанчунь объединило бы гоминьдановские войска и задушило бы в

корне их противоречия. В это время пришло известие о больших успехах Красной армии в Цзиньчжоу. Под военным и политическим давлением Красной армии Цзэн Цзэшэн, командующий юньнаньскими войсками Чанчуньского гарнизона, отказался выполнять приказ Чан Кайши о прорыве окружения Чанчуна. 17 октября 1948 г. части Цзэн Цзэшэна взбунтовались. За этим последовала капитуляция остальных гоминьдановских войск в Чанчуне.

Не пролив ни единой капли крови и без единой военной акции (согласно пекинской книге о стратагемах), Красная армия овладела Чанчуном.

9.4. Наблюдать скрестивши руки

В органе китайского комсомола «Чжунго циннянь бао» («Китайская молодежная газета») от 18 апреля 1981 г. Чжу Цзяньго во внешнеполитическом разделе, анализируя реакцию Советского Союза на ирано-иракскую войну, приходит к выводу, что Советский Союз удовлетворится тем, что будет «наблюдать пожар с противоположного берега». Здесь краткая формулировка приведена не в качестве стратагемы, а лишь для описания предположительного поведения Советского Союза ввиду ирано-иракского конфликта. Если бы Советский Союз открыто поддержал Ирак, то скорее всего он этим подтолкнул бы Иран в объятия США. Если же, напротив, Советский Союз поддержал бы Иран, то должен был бы ожидать вражды со стороны большинства арабских государств. Поэтому Советский Союз мог только «наблюдать за пожаром на противоположном берегу», но не «таскать никаких каштанов из огня». Подобным же образом, так сказать, нестратагемно, ту же краткую формулу применил Лу Синь (1881 — 1936), один из самых признанных в КНР китайских писателей XX столетия. В докладе от 21.12.1927 г. он сказал, что китайская литература и искусство раньше «наблюдали за огнем с противоположного берега», то есть служили в основном для времяпрепровождения и удовольствия и не касались волнующих каждого жизненно важных вопросов. В интервью издателю «Театра», приложения к шанхайской газете «Чжунхуа», 14 ноября 1934 г. он отмечает, что приписывание разоблачительных историй к каким-нибудь действительно существующим местностям приводит лишь к тому, что читатели из этих местностей в порыве местного патриотизма обращают свою ненависть на автора, а читатели из других местностей безучастно «наблюдает за пожаром с противоположного берега» (то есть за ссорой упомянутой местности с писателем), не принимая саму историю и ее мораль близко к сердцу. Чтобы иметь своим адресатом возможно большее число читателей, Лу Синь поэтому лишь в некоторых своих рассказах указывал место действия.

В КНР критиковалось также «наблюдение за пожаром с противоположного берега» в смысле поверхностного, проведенного не на месте события, анализа проблемы — например, в появившемся в 1983 г. в провинции Цзилинь 5-м издании «Философских принципов марксизма». В другой связи «наблюдение за пожаром с противоположного берега» бичуется как выражение чисто эгоистического стремления оставаться вне любого события, которое непосредственно тебя не касается, и не пытаться применить свои знания и умения на пользу человечества. Эта самовлюбленная позиция часто обозначается также выражением Фэн Мыньлуна (1574—1646): «Каждый отгребает снег только от собственной двери и не заботится о льде на крыше соседа».

Но как в каждом отдельном случае отличить действительно равнодушного наблюдателя от притворяющегося равнодушным? Так, в романе «Троецарствие» Лу Су, советник Чжоу Юя, перед походом на Цао Цао спрашивает Чжугэ Ляна, почему тот в полном бездействии со скрещенными на груди руками наблюдал, как верного Хуан Гая наказали пятьюдесятью ударами и тяжело поранили.

Чжугэ Лян, улыбаясь, ответил: «Вы огорчаете меня. Разве вы не заметили, что эта сцена избияния была не чем иным, как проведенной по предварительному договору между всеми участниками стратагемой для обмана Цао Цао? Как же я мог бы в нее вмешаться?»

9.5. Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров

Это другая краткая формулировка Стратагемы № 9. По-китайски она звучит так:

Пять иероглифов	坐	山	观	虎	斗
Современное китайское чтение	цзо	шань	гуань	ху	доу
Перевод каждого иероглифа	сидеть	гора	наблюдать	тигр	битва

Эта краткая формулировка восходит к описанию события из времен циньского царя Хоя (337—311 до н. э.) в «Исторических записках» Сыма Цяня.

Государства Хань и Вэй воевали друг с другом. Царь Хой из Цинь хотел также вступить в войну и стал советоваться об этом намерении со своими министрами. Одни одобрили его план, другие отклонили. Царь был в нерешительности. Наконец он обратился к Чэнь Чжуню. Тот после долгого раздумья сказал: «Знаете ли вы историю о том, как Бянь Чжуанцзы охотился на тигра? Однажды Бянь Чжуанцзы увидел двух тигров, которые пожирали бычью тушу. Он уже вытащил из ножен свой меч и хотел напасть на тигров, но тут его спутник, Гуань Чжуцзы, схватил его за руку и сказал: «Эти два тигра еще только начали есть. погоди, пока алчность пробудится в них по-настоящему. Тогда они обязательно нападут друг на друга. Большой тигр, конечно, загрызет маленького, но и сам будет ранен в битве. Дождись этого момента, и ты сможешь без особого труда уложить двух тигров».

Бянь Чжуанцзы последовал этому совету, спрятался за камнем и стал наблюдать за тиграми. Через некоторое время они действительно подрались. Маленький тигр был убит, большой ранен. Теперь Бянь Чжуанцзы выскочил из-за камня, обнажил меч и прикончил раненого тигра. Так он без труда добыл двух тигров.

Теперь сражаются государства Хань и Вэй. Война длится уже целый год. Вступать в нее бесполезно. В конце концов могучее государство Вэй покорит маленькое Хань, но и само жестоко пострадает в войне. Тогда вам и надо будет воспользоваться обстоятельствами и таким образом присоединить оба государства к вашему».

И действительно, так и случилось.

Мао Цзэдун неоднократно обосновывал внутри- и внешнеполитические события с помощью этой краткой формулировки Стратегемы № 9- Так, 30 июня 1939 г. Мао обвинил зарубежные круги в том, что «они попустительствуют агрессии Японии против Китая, а сами «следят с горы за борьбой тигров», дожидаясь благоприятного момента, чтобы устроить так называемую Тихоокеанскую конференцию по мирному урегулированию и оказаться в выгодном положении «третьего радующегося»¹⁴³.

11 марта 1940 г. Мао в статье «Актуальные проблемы тактики в антияпонском объединенном фронте» утверждал, что США опять же проводят политику «сидя на горе, наблюдать за битвой тигров»¹⁴⁴.

24 апреля 1945 г. Мао обвинил гоминьдановское правительство Чан Кайши в пассивном ведении войны против Японии, это «перевалило всю тяжесть войны на фронт освобожденных областей, районов, принадлежащих Коммунистической партии Китая, — и облегчило японским захватчикам проведение широко задуманных наступательных планов против Освобожденных районов, в то время как сами гоминьдановцы, сидя на горе, наблюдают за битвой тигров»¹⁴⁵.

Относительно европейского театра военных действий 1 сентября 1939 г. Мао заметил:

«В последние годы международная реакционная буржуазия, и прежде всего реакционная буржуазия Англии и Франции, неизменно проводила по отношению к германской, итальянской и японской фашистской агрессии реакционную политику так называемого «невмешательства». Эту политику она проводила с той целью, чтобы, попустительствуя агрессивной войне, извлекать из нее выгоды для себя. Поэтому Англия и Франция категорически отвергали неоднократные предложения СССР об организации подлинного фронта борьбы против агрессии, заняли позицию «невмешательства» и, попустительствуя германской, итальянской и японской агрессии, ограничивались ролью сторонних наблюдателей. Они ставили себе целью дать воюющим сторонам истощить друг друга, чтобы потом выступить на сцену и вмешаться... Политика «невмешательства», которую проводила международная, и прежде всего англо-французская, реакция, — это политика «следить с горы за борьбой тигров», это в чистейшем виде империалистическая политика поживы на чужой счет»¹⁴⁶.

¹⁴³ Речь идет о работе Мао Цзэдуна «Против капитулянтства» (см.: Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 2. С. 313—319).

¹⁴⁴ 11 марта 1940 г. Мао Цзэдун выступил на совещании высших руководящих партийных работников в Яньани с тезисами «Нынешняя тактика в едином антияпонском фронте», в которых отметил, что «США продолжают держаться выжидательной политики, «следя с горы за борьбой тигров»» (там же. С. 539).

¹⁴⁵ Это высказывание было сделано Мао Цзэдуном на VII съезде КПК в докладе «О коалиционном правительстве» (см.: Мао Цзэдун. Избр. произв. Пекин, 1969. Т. 3. С. 275—276).

¹⁴⁶ Такую оценку Мао Цзэдун дал в его «Беседе с корреспондентом «Синьхуа жибао» о современной

28 сентября 1939 г. Мао сообщил:

«Правительства Англии, США и Франции вовсе не имели искреннего намерения предотвратить войну, — напротив, они способствовали ее возникновению. Своим отказом от соглашения с Советским Союзом, отказом от заключения с ним действенного соглашения о взаимной помощи на основах равноправия и взаимности они показали, что хотели не мира, а войны. Общеизвестно, что в нынешней международной обстановке отвергнуть Советский Союз — значит отвергнуть мир. Это известно даже такому представителю английской буржуазии, как Ллойд Джордж. В этой обстановке в этот момент Германия выразила готовность прекратить антисоветские действия, отказаться от «антикоминтернов-ского пакта» и признать неприкосновенность советских границ; вот тогда-то между СССР и Германией и был заключен договор о ненападении. Англия, США и Франция рассчитывали толкнуть Германию на войну с Советским Союзом, а сами хотели «следить с горы за борьбой тигров»: пусть-де Советский Союз и Германия истощат друг друга вконец, а тогда мы выступим на сцену и наведем порядок. Этот заговор был расстроен заключением советско-германского договора о ненападении... Когда речь шла об Испании, о Китае, об Австрии и Чехословакии, эти заговорщики не только не имели ни малейшего намерения пресечь агрессию, но, наоборот, попустительствовали агрессии и разжигали войну, стремясь втравить других в драку, чтобы самим на их счет пожить. Благозвучия ради это именовалось «невмешательством», в действительности же это означало «следить с горы за борьбой тигров»¹⁴⁷.

В 1981 г. Чжан Цзянь с экономического факультета Уханьского университета пошел по стопам Мао в своем анализе советской внешнеполитической стратегии. Этот анализ был опубликован в «Китайской молодежной газете» от 24 января 1981 г. Согласно Чжан Цзяню, определенные западные круги исходят из ошибочного положения, что советское вторжение в Афганистан служит в первую очередь цели блокирования Китая. На основании этого предположения эти круги впадают в иллюзию, будто противоречия между Китаем и Советским Союзом могут от этого обостриться и именно Китай должен будет нести основной груз сдерживания советской экспансионистской политики. И тогда Запад сможет, «сидя на горе, наблюдать за битвой тигров». Согласно Чжан Цзяню, однако, нападение Советского Союза на Афганистан может быть удовлетворительно обосновано только в рамках общей стратегии советской мировой политики, нацеленной на достижение мировой гегемонии. Ядерная проблема для достижения мировой гегемонии — контроль над Западной Европой. Для этого необходима стратегическая блокада Западной Европы. Два направленных против Западной Европы кольца блокады Советским Союзом протянулись от Ледовитого океана до Черного моря и от Черного моря до Тихого океана. Афганистан, по-видимому, является пунктом пересечения обоих этих колец и плацдармом не только для действий против Западного Китая, но также и в направлении против арабских нефтяных государств и портов Индийского океана. Пекинская книга о стратегах рассуждает:

«Если в лагере противника ежедневно проявляются противоречия и внутренние трения, тогда следует «следить с горы за борьбой тигров». В этом случае было бы неправильно извлекать пользу из нужды другого и пытаться «использовать пожар для грабежа». Торопливое нападение быстро заставит враждующие стороны вновь объединиться и увеличит опасность ответного удара. Так что лучше здесь отойти в сторону и ждать, пока противоречия между противниками не разовьются настолько, чтобы противники вступили в схватку и покончили друг с другом».

Стратегема № 9, таким образом, не заключается в простом ожидании. Когда приспелет время, ожидание должно перейти в заранее подготовленные действия.

Тем самым Стратегема № 9 находится под знаком ожидания, попустительства и предусмотрительности, которые советует уже Сунь-цзы в 12-й главе своего трактата о военном искусстве.

Перефразируя мысль Лао-цзы, можно было бы сказать:

Кажущееся бездействие — это высшая форма действия.

9.6. Далеко от красной пыли

Пекинский языковед Лю Цзесю видит связь между словами Стратегемы № 9 и стихотворением монаха Цянь

международной обстановке» (см.: Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 2. С. 328—329).

¹⁴⁷ Анализ причин советско-германского пакта о ненападении был дан Мао Цзэдуном не только в упомянутой беседе с корреспондентом «Синьхуа жибао», но и в цитируемой Зенгером специальной статье «Единство интересов Советского Союза и всего человечества», подготовленной по просьбе Китайско-советского культурного общества к 22-й годовщине Октябрьской революции (см. там же. С. 345—356).

Кана, относящимся к Танской эпохе (VII—X вв. н. э.). Это стихотворение описывает, однако, не применение стратагема, а отрешенность буддийского мудреца от мира. «Красная пыль» — это буддийское описание преходящего земного бытия; образ «зеленых вершин гор, прохладных, как лед» отражает спокойствие и отрешенность отшельника:

Там, на другом берегу реки, в красной пыли Суетные люди, вспыхивающие, как пламя. Здесь, у порога кельи, лишь зеленые вершины гор Вздвигаются, прохладные, как безмолвный лед.

Стратагема № 10. Скрывать за улыбкой кинжал

А)

Четыре иероглифа формулировки А	笑	裡	藏	刀
Современное китайское чтение	сяо	ли	цан	дао
Перевод каждого иероглифа	улыбка	в	скрывать	кинжал
Связный перевод	Скрывать за улыбкой кинжал.			

Б)

Четыре иероглифа формулировки Б	口	蜜	服	劍
Современное китайское чтение	коу	ми	фу	цзянь
Перевод каждого иероглифа	рот	мед	живот	меч
Связный перевод	Во рту — мед, а за пазухой — меч. Ублажать словами, в сердце же вынашивать зло.			
Сущность	Прикрывать дурные намерения внешним дружелюбием и красивыми словами. Стратагема двуличия. Стратагема Янусовой головы. Стратагема усыпления внимания. Стратагема поцелуя Иуды.			

10.1. Ли Ифу и Ли Линьфу

Первую формулировку использовал один из знаменитейших поэтов эпохи Тан, Бо Цзюйи (772 — 846)¹⁴⁸, для характеристики Ли Ифу (614—666). В стихотворении «Тянь кэ до» («Небо доступно познанию») он пишет, что типы, подобные Ли Ифу, «скрывают за улыбкой кинжал, которым убивают людей». Косвенно метит по этим, подобным Ли Ифу, людям стихотворение того же автора, входящее в цикл о преимуществах винопития, со следующим предупреждением:

Перестань острить кинжал, прикрываясь улыбкой. Гораздо лучше пить вино и, тихо свалившись с ног, лежать, напившись.

Кто же был Ли Ифу? Согласно историческим сведениям, он попал в случай при танском императоре Гао-цзуну и своим подхалимством и лестью добился положения важного сановника при дворе. Согласно «Истории Поздней Тан», составленной около 940 г. н. э., «[Ли] Ифу представлялся кротким и скромным; говоря с кем-либо, он всегда лучисто улыбался. Однако в глубине души он был коварен и лукав. Кто противостоял ему хотя бы в малой степени, того он стремился погубить. Современники говорили о нем: Ифу прячет за своей улыбкой кинжал».

В «Истории Ранней Тан», составленной Оуян Сю (1007—1072), Ли Ифу описан таким же образом. Принадлежащая лирику Бо Цзюйи формулировка стратагема вошла и в повествовательную литературу, например в такие известные классические романы, как «Речные заводы» и «Сон в Красном тереме», а также

¹⁴⁸ При переводах на русский язык фамильный знак великого танского поэта читается как «бо» (см.: Бо Цзюй-и. Четверостишия / Пер. с кит. Л. Эйдлина. М., 1951).

во многие пьесы.

Ее можно, например, найти в исторической драме Гуань Ханьцина (XIII в.) «Гуань давай дуфу даньдао хой» («Великий царь Гуань является на пир, вооруженный лишь кинжалом»)¹⁴⁹.

Вторую формулировку передает Сыма Гуан (1019—1086)¹⁵⁰. В труде «Цзы чжи тун цзянь» («Всеобщее зеркало, правлению помогающее») он сообщает о Ли Линьфу (ум. 752 н. э.), первом министре императора Сюань Цзуна (712—756):

«Наиболее отвратительны для него были ученые. Наружно он поощрял их и приваживал сладкими речами, но втайне вредил им. Современники говорили о Ли Линьфу: «Во рту у него мед, а за пазухой — меч»¹⁵¹.

После смерти Мао 12 сентября 1976 г. члены «банды четырех» в прессе КНР то и дело изображались как потомки Ли Линьфу. Со своей стороны, Мао 20 сентября 1939 г. сравнил империалистов с Ли Линьфу, а 28 сентября 1939 г. — тогдашнего британского премьер-министра Чемберлена — с Ли Ифу. В другом месте Мао в отношении китайской внутренней политики призывал к борьбе с воплощенным в образах Ли Ифу и Ли Линьфу поведением, которое он описал так:

«В открытую объединяться, втайне противостоять, устами соглашаться, сердцем отрицать, в лицо говорить красивые слова, за спиной устраивать склоки — в этом выражается двуличие».

В этой же связи имеет смысл упомянуть «пули в сахарной оболочке», принадлежащие «буржуазии», которые Мао рассматривал как основную опасность для «пролетариата» после «победы китайской народно-демократической революции».

Та же формула «во рту — мед, а за пазухой — меч» имеется в китайском издании Собрания сочинений

¹⁴⁹ Великий князь Гуань — это один из героев «Троецарствия», прославленный полководец Гуань Юй. В пьесе сановник Лу Су приглашает Гуань Юя на пир в стремлении силой вынудить его уступить территорию Цзинчжоу. Коварству Лу Су Гуань Юй противопоставляет пронизательность и храбрость. Эта фабула отражена и в полном названии драмы Гуань Ханьцина: «Лу Цзыцзин (Су) устраивает пир в надежде вернуть Цзинчжоу; великий ван Гуань с одним мечом идет на пир» (см.: Сорокин В. Ф. Указ. соч. С. 256—257).

¹⁵⁰ Сыма Гуан (1019—1086) был однофамильцем основоположника китайской историографии Сыма Цяня. Он являлся крупным государственным деятелем Сунской эпохи и создателем уникального исторического труда «Цзы чжи тун цзянь», состоящего из 294 книг и охватывающего историю Китая с 403 г. до н. э. (т. е. от периода «Сражающихся царств») по 960 г. н. э. — начало правления династии Сун. Авторский замысел, отраженный и в названии работы, заключался в том, чтобы не только воссоздать факты истории в их взаимосвязи, но и научить своих современников осмысливать их, извлекая уроки.

В XII в. труд Сыма Гуана был переработан Чжу Си в духе неоконфуцианства и стал называться «Цзы чжи тун цзян ган му», в XVIII столетии его перевели на маньчжурский язык, бывший тогда официальным языком Циньской империи. По «горячим следам» он был переведен с маньчжурского одним из французских миссионеров (Joseph-François de Mailla, *Histoire generate de la Chine*. Paris, 1777—1785). В первой половине XIX в. великий русский китаевед Никита Яковлевич Бичурин (Иакинф), находясь во главе Русской духовной миссии в Пекине, перевел эту грандиозную работу с китайского языка, причем перевод был сделан «для собственного употребления при справках». К 1825 г., уже в ссылке в Валаамском монастыре, Н. Я. Бичурин завершил работу над переводом, рукопись которого в настоящее время хранится в Архиве Петербургского отделения Института востоковедения РАН (см.: Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 94, 312, 410).

¹⁵¹ На совести Ли Линьфу и судьба одного из талантливейших поэтов Танской эпохи — Чжан Цзюлина, который служил при дворе в министерском чине. Поэт отличился тем, что в день тезоименитства императора преподнес ему не редкие драгоценности, как иные придворные, а книгу об основах управления, определявших возвышение и процветание династии или ее упадок. Государь изобразил восторг. Но вскоре назначил министром Ли Линь-фу, спросив поэта мнение о нем. Чжан Цзюлин ответил: «Боюсь, что он будет для государства опасен». Тем не менее назначение состоялось, и Ли Линьфу начал протезировать другим высочайшим и проходимцам, в частности Ню Сянькэ. Чжан Цзюлин вновь пытался отсоветовать императору продвигать таких временщиков, но это навлекло на него лишь высочайшую немилость (см.: Алексеев В. М. Указ. соч. С. 146).

Ленина. Она переводит название одной из работ Ленина 1907 г.¹⁵² как «Мед на устах и желчь в сердце».

Что касается Советского Союза, то в гонконгской книге о стратагемах в качестве примера человека, похожего на Ли Ифу и Ли Линьфу, приводился Хрущев. При жизни Сталина он изображал его верного ученика, а потом, на XX съезде КПСС, предал его. Согласно этой интерпретации, именно благодаря предательству Хрущев достиг власти.

Во всяком случае, в Китае Стратагема № 10 весьма распространена, судя хотя бы по наличию многочисленных вариантов обеих ее кратких формулировок, как, например:

мянь дай чжунхоу, нэй цан цзяньчжа

(на лице — верность и доброта, в душе же скрыты лукавство и фальшь);

цзуй шан фан митан, синь ли дан бишуан

(губы помазать медом, а в сердце скрыть мышьяк).

Но, надо думать, двуличие свойственно не только жителям Китая; например, в «Эдде»¹⁵³ можно найти следующее изречение:

Если ты другому Доверять не хочешь, Выгоды же хочешь От него добиться, Говори учтиво, Замышляя лихо. За обман коварством Следует платить.

Китайские формулировки типа «Скрывать за улыбкой кинжал» не нуждаются ни в каких дальнейших разъяснениях. Но, по-видимому, некоторые примеры из китайских изданий, посвященных стратагемам, могут пояснить неожиданные ракурсы Стратагемы № 10. Первый такой пример обнаруживается в труде Хань Фэя (ум. 233 до н. э.)¹⁵⁴, известнейшего представителя так называемых «сторонников закона» («легистов»).

10.2. Опасное свойство

В эпоху «Весны и Осени» князь У (770—744 до н. э.) из государства Чжэн (в сердце современной провинции Хэнань, к югу от Хуанхэ) намеревался захватить княжество Ху (в современной провинции Хэнань). Но в военном отношении его возможности были ограничены, и он не решился предпринять прямое нападение на Ху. Взамен он воспользовался Стратагемой № 10. Он предложил тогдашнему князю Ху в жены свою прекрасную дочь. Тот согласился и таким образом породнился с князем У. Мало того, чтобы окончательно охмурить князя Ху, князь Чжэн собрал своих министров и сказал: «Я подумываю захватить какое-нибудь государство. Кто скажет мне: захват какой страны легче всего увенчается успехом?»

Министр Гуань Цисы предположил, что успешнее всего было бы напасть на Ху. В притворном гневе князь У вскричал:

«Как, вы предлагаете воевать против княжества Ху, которое связано с нами родственными узами?»

И он приказал обезглавить министра.

Об этом узнал князь Ху. Последние его сомнения в искренности дружбы с Чжэн испарились, и отныне он отложил попечение о границах с государством Чжэн. Неожиданно князь Чжэн коварно напал на Ху и уничтожил его. Долгое время после того Чжэн оставалось весьма могущественным княжеством. Только в

¹⁵² Имеется в виду статья «Памяти графа Гейдена» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 37—45).

¹⁵³ «Эдда» («Edda») — собрание древнеисландских мифологических и героических песен. Автором является поэт-скальд Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson) (1178—1241). Его сочинение носит название «Младшая Эдда», или «Снорриева Эдда». Этот труд, подготовленный в 1222—1225 гг., содержит обзор и поэтическое переложение древних скандинавских саг. «Старшая Эдда» («Эдда Сэ-мунда», «Песенная Эдда»), датируемая XIII столетием, также является сборником древнеисландских эпических произведений, основанных на устной традиции германских народов. В современном немецком языке песни «Эдды» обозначаются термином «Eddalieder».

¹⁵⁴ См. комментарий к Введению.

375 г. до н. э. оно было уничтожено Хань.

Вот какой комментарий дается к описанию этого случая в книге о китайских военных пословицах, вышедшей в 1983 г. в Тайюане, провинция Шаньси:

«Это типичный пример применения Стратегемы № 10 в военных целях. Князь Чжэн не моргнув глазом принес в жертву собственную плоть и кровь и безвинно умертвил одного из своих министров. И все это проделывалось, чтобы разыграть дружелюбие и тем усыпить подозрения противника. Итак, противник должен увериться в твоих дружеских или мирных намерениях, и тогда он потеряет бдительность. Втайне же при этом планируется нападение на противника при удобном случае, причем проводится соответствующая подготовка, о которой противник не догадывается».

10.3. Царь-конюх

В эпоху «Весны и Осени» царь государства Юэ (в нынешней южнокитайской провинции Чжэцзян), Гоу Цзянь (ум. 465 до н. э.), потерпел поражение в битве при озере Тайху от властителя государства У Фу Чая (ум. 473 до н. э.; согласно сообщениям китайской прессы, в 1984 г. при раскопках был найден его меч). Сначала Гоу Цзянь собирался бежать на чужбину вместе с 5000 воинов, но его наперсник Вэнь Чжун посоветовал сдаться Фу Чаю и с помощью политики уступок сделать возможным отмщение в будущем.

Итак, Гоу Цзянь послал Вэнь Чжуна к Фу Чаю и предложил тому отборнейшие сокровища государства Юэ. Затем он заявил о своей готовности навечно стать слугой Фу Чая. Фу Чай, не вняв советам собственных военачальников, попался на удочку. Гоу Цзянь надел одноцветные одежды и вместе с наперсником, супругой и 300 воинами явился в государство У. Там он преклонил колени перед Фу Чаем и в самых униженных выражениях поблагодарил того за великую милость, что его оставили в живых.

Фу Чай поставил Гоу Цзяня конюхом. Когда Фу Чай выезжал верхом, Гоу Цзянь сам подводил ему коня и всякий раз говорил, как он благодарен властителю У за то, что он сохранил ему жизнь. Если Фу Чай был болен, Гоу Цзянь больше всех печалился о нем, даже рассматривал его испражнения.

Гоу Цзянь выказал себя столь почтительным, что Фу Чай решил, что он и впрямь стал верным слугой. Через три года он разрешил Гоу Цзяню вернуться на родину. Там Гоу Цзянь стал спать на соломе и хворосте, чтобы помнить о мести. С той же целью, чтобы постоянно подогревать в себе жажду отмщения, он съедал каждый день за обедом кусок желчного пузыря. Одновременно он всеми силами готовился к реваншу. Наконец однажды звезды послали Гоу Цзяню победоносный поход против У (см. 5.2).

Сразу за этой историей в тайбэйском издании (1986) следует рассказ о Лугии Юнии Бруте (VI в. до н. э.) под заголовком:

10.4. Притвориться свиньей, чтобы убить тигра

Когда последний царь Рима Тарквиний Гордый¹⁵⁵ убил отца и старших братьев Брута, по легенде, Брут вынужден был, чтобы спастись, притворяться безумным. Он так хорошо изображал безумие, что царь

¹⁵⁵ Цари правили Римом 244 года: от основания города и до учреждения власти выборных консулов. Луций Тарквиний Гордый, захвативший власть в результате коварного убийства Сервия Туллия, царствовал в течение 25 лет.

Тарквиний и сам пользовался стратагемами. В ходе войны с городом Габии после неудачных попыток взять город приступом или осадой Тарквиний, «совсем не по-римски, принялся действовать хитростью и обманом». Он сделал вид, что занят закладкой храма и другими работами у себя в городе. Одновременно младший из его трех сыновей, Секст, перебежал, договорившись с отцом, в Габии. Здесь он приложил немало красноречия и усилий, чтобы добиться доверия габийцев. Он преуспел в этом, став одним из военачальников, и «пользовался такой любовью, что Тарквиний-отец был в Риме не могущественнее, чем сын в Габиях». Пользуясь своим положением, Секст по указанию отца (Тарквиний не доверил присланному гонцу свой план, он лишь молча ходил по саду, сбивая палкой головки самых высоких маков, но Секст понял намек) истребил лучших из габийских старейшин. «Осиротевшее, лишившееся совета и поддержки габийское государство было без всякого сопротивления предано в руки римского царя» (Тит Ливий. История от основания Рима // В сб.: Историки Рима. М., 1969. С. 190-191).

держал его при дворе в качестве безобидного шута для своих сыновей¹⁵⁶. После самопожертвования Лукреции, погибшей за чистоту и свободу¹⁵⁷, Брут скинул маску. Он побудил супруга и отца Лукреции поклясться, что они успокоятся не раньше, чем будет изгнан ненавистный тиран со своими развратными сыновьями, а сам поспешил с телом Лукреции в Рим, где пламенной речью убедил народ свергнуть и изгнать царя. После этого образовалась Римская республика, в первый Консулат которой были избраны Брут и его верный товарищ Коллатин.

Заголовок, данный этой истории, представляет собой распространенную в Китае поговорку. Согласно гонконгской книге о стратагемах, она ведет начало от рассказов об охотниках, которые притворяются свиньей, чтобы подманить тигра и неожиданно напасть на него. Та же книга цитирует приписываемое легендарному основателю даосизма Лао-цзы изречение:

«Мудрость — за глупость [выдать]»¹⁵⁸, а также изречение поэта Су Ши (1037—1101):

«Мудрейший выдает себя за дурачка». Далее в гонконгской книге следует рассуждение:

«Прием «Притвориться свиньей, чтобы убить тигра» применяется против сильного врага. От него скрывают клинок меча, представляются глупыми, как свинья, поддаются во всем, изображают дружескую улыбку и прислуживают подобно рабам. Но как только представляется случай, раб превращается в палача».

10.5. Предложение о капитуляции

В III в. до н. э. княжество Янь напало на княжество Ци и захватило 17 городов. Держались еще только два города, один из них — Цзимо. После того как военачальник, руководивший обороной Цзимо, пал на поле брани, его место занял Тянь Дань. После применения Стратегемы № 34 и дальнейших фланкирующих мер Тянь Дань отправил старых и слабых жителей города, а также женщин на городские стены и послал в яньскую армию вестников, которые сообщали о капитуляции города. Воины яньской армии разразились торжествующими криками. Жители города передали Тянь Даню больше 1000 золотых монет, которые он вместе с письмом от богатых жителей Цзимо отослал яньскому военачальнику. В письме говорилось: «Цзимо скоро сдастся. Наше единственное желание — чтобы наши домочадцы, жены и наложницы не попали в плен». Яньский военачальник ответил согласием, и бдительность яньской армии еще понизилась. Теперь пришло время для Тянь Дая сделать вылазку из города. Во время этой вылазки яньская армия потерпела жестокое поражение.

Неудивительно, что еще Конфуций предостерегал:

«Честные речи и любезный вид редко сочетаются в людях».

Его современник Сунь-цзы в «Трактате о военном искусстве» вообще считает униженные речи противника признаком опасности и предупреждает:

¹⁵⁶ Как пишет Тит Ливий, в доме Тарквиния «явилось страшное знаменье: из деревянной колонны выползла змея». Встревоженный Тарквиний решил направить доверенных лиц в Дельфы, к прославленному оракулу. Эту миссию он поручил своим сыновьям Титу и Аррунту. «В спутники им был дан Луций Юний Брут, сын царской сестры Тарквиний, юноша, скрывавший природный ум под приятною личиной. В свое время, услышав, что виднейшие граждане, и среди них его брат, убиты дядею, он решил: пусть его нрав ничем царя не страшит, имущество — не соблазняет; презираемый в безопасности, когда в праве нету защиты. С твердо обдуманном намерением он стал изображать глупца, предоставляя распоряжаться собой и своим имуществом царскому произволу и даже принял прозвище Брут — Тупица, — чтобы под прикрытием этого прозвища сильный духом освободитель римского народа мог выждать своего времени» (там же. С. 193).

¹⁵⁷ Секст Тарквиний, явившись в дом как гость, силой и гнусным шантажом обесчестил Лукрецию — жену Тарквиния Колла-тина, сына Эгерия, славившуюся в Риме нравственной чистотой. Раскрыв своим близким злодеяние Секста, Лукреция покончила с собой.

¹⁵⁸ Лао-цзы (Лао Дань) в своем ответе Конфуцию на вопрос о «дао» — пути совершенного человека — отвечает, что «много знающий человек не обязательно обладает истинным знанием, а искусный в споре не обязательно обладает настоящим умом. Поэтому настоящий совершенномудрый отбрасывает эти качества» (см.: Древнекитайская философия. Т. 1. С. 281). Существуют несколько иные переводы этого отрывка, например в работе Л. Д. Позднеевой «Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая» (М., 1967): «Держаться вне всей тьмы вещей, вмещающая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа» (с. 248—249).

«Если враг без предварительной договоренности внезапно попытается заключить перемирие, здесь определенно скрывается подвох»¹⁵⁹.

В 1977 г. в 5-м издании этого трактата в Тайбэе эта фраза была осовременена с помощью формулировки, примененной к внутривнутриполитическому противнику:

«Если враг нападает, мы начинаем переговоры; если враг начинает переговоры, мы нападаем».

10.6. Смена коменданта в Лукоу

Пекинская книга о стратагемах приводит в главе, посвященной Стратагеме № 10, случай, происшедший в 219 г. н. э., который описан также в народном романе «Троецарствие».

Главный герой событий — Люй Мын (178—219), стратег на службе Сунь Цюаня (182—252), властителя У (в современном Юго-Восточном Китае), одного из трех царств. Люй Мын узнал, что Гуань Юй (ум. 219), военачальник царства Шу (в районе нынешней провинции Сычуань), который в это время был комендантом важного для контроля над рекой Янцзы города Цзянлин (совр. Цзянлин, провинция Хубэй), готовит нападение на Фаньчэн (близ нынешнего Сянфаня, провинция Хубэй) на юге царства Вэй. Этот момент показался Люй Мыну подходящим для захвата Цзянлина. Сунь Цюань дал «добро» его планам. Однако, когда Люй Мын вошел в Лукоу (на западе нынешнего Цзяю, провинция Хубэй), он узнал, что вдоль реки па коротком расстоянии друг от друга сооружены сигнальные башни и обороняющая Цзянлин армия вооружена наилучшим образом. Люй Мын понял, что нападение на Цзянлин обречено на неудачу. Тогда он остановился в Лукоу и распространил известие о своей болезни.

Тогда Сунь Цюань послал в Лукоу в ту пору еще малоизвестного стратега Лу Сюня (183—245). Тот предложил Люй Мыну сделать еще один шаг и уйти в отставку с поста командующего. Ибо Люй Мын был единственным, кого принимал всерьез Гуань Юй, слишком высоко ставивший собственное геройство. Преемник Люй Мына должен был униженно засвидетельствовать свое почтение Гуань Юю, после чего тот должен был в своем высокомерии увести войска из Цзянлина воевать против Фаньчэна.

Сунь Цюань был согласен с этим планом; после отставки Люй Мына он назначил Лу Сюня новым верховным главнокомандующим и поручил ему охрану Лукоу. Лу Сюнь вел двойную тактику, прикрывая дружескими жестами готовящийся поход. Он послал Гуань Юю полное лести письмо, отборных лошадей, тончайшие шелковые ткани и дорогие яства и напитки. Посланец Лу Сюня присовокупил к письму на словах, что Лу Сюнь надеется на добрые отношения с Гуань Юем.

Действительно, Гуань Юй почувствовал себя в безопасности с этой стороны. Посланные Лу Сюнем шпионы донесли, что половина цзянлинского гарнизона ушла на захват Фаньчэна. Царство У начало тайные переговоры с царством Вэй, чтобы избежать войны на два фронта. Когда Гуань Юй полностью перестал обращать внимание на царство У и полностью сосредоточился на захвате Фаньчэна, Люй Мын вновь выступил на сцену; спустившись вместе с военным флотом, замаскированным под торговый, по Янцзы, он без особого труда внезапно захватил Цзянлин (см. также 8.3).

10.7. Советская и вьетнамская дружба

По пекинской книге о стратагемах (1987), Советский Союз рассматривает политико-дипломатические ухищрения как неперемное условие для подготовки внезапных военных действий. Это применимо как будто к событиям, предшествовавшим вводу советских войск в Афганистан в конце 1979 г. В течение года СССР изображал «мирное сотрудничество», оказывая так называемую экономическую помощь, готовя военных специалистов и посылая военных советников. Так он постепенно получил в руки контроль над афганской армией и создал предпосылки для оккупации Афганистана.

Так же якобы и Вьетнам: перед нападением на Камбоджу «ради усыпления внимания стран Юго-Восточной Азии» говорил о «региональном сотрудничестве», что китайской прессой было отнесено на счет Стратагемы

¹⁵⁹ Н. И. Конрад вкладывает другой смысл в эту фразу: «Если он [противник. — В. М.], не будучи ослаблен, просит мира, значит, у него тайные замыслы». Причем к термину «ослаблен» Н. И. Конрад сделал специальное примечание: «Слово «юэ», употребленное здесь Сунь-цзы, малопонятно, что открывает простор различным догадкам. Из всех предложенных комментаторами толкований выбираю толкование Чэнь Хао, объясняющее это слово через выражение «цюй жо» — «быть надломленным», «быть обессиленным» (см.: Конрад Н.И. Указ. соч. С. 37, 300).

№ 10. Анализу вьетнамской политики, выполненному Пэн Ди, в «Жэньминь жибао» от 16 августа 1979 г. был предпослан заголовок:

«Дипломатия улыбки — за улыбкой скрыт кинжал».

Стратегема № 11. Сливовое дерево засыхает вместо персикового

Четыре иероглифа	李	代	桃	僵
Современное китайское чтение	ли	дай	тао	цзян
Перевод каждого иероглифа	сливовое дерево	вместо	персиковое дерево	засохнуть
Связный перевод	Сливовое дерево засыхает вместо персикового.			
Перевод с учетом связываемого со стратегемой стихотворения	Сливовое дерево жертвует собой ради растущего рядом с ним персикового дерева, отдав за него свои корни на съедение насекомым.			
Сущность	<p>а) С помощью обманного маневра пожертвовать собой, чтобы спасти другого.</p> <p>б) С помощью обманного маневра пожертвовать другим, чтобы спастись самому.</p> <p>в) С помощью обманного маневра пожертвовать другим, чтобы спасти третье лицо.</p> <p>г) Пожертвовать малым, чтобы выиграть нечто ценное. Стратегема козла отпущения, стратегема жертвенного агнца.</p>			

11.1. Стихотворение

Формулировка стратегемы восходит к собранию народных песен и баллад, изданному «Музыкальной палатой» Юэфу, основанной ханьским императором У Ди (140—87 до н. э.). Назначением «Музыкальной палаты» было записывать литературные и народные стихи и песни. Дошедшее до нас собрание Юэфу содержит главу о народных песнях Ханьской эпохи (206 до н. э. — 220 н. э.), исполнявшихся в сопровождении струнных и духовых инструментов¹⁶⁰. В одной из песен, под названием «Кричит петух», имеется следующий пассаж:

«Персиковое дерево растет у открытого колодца. Сливовое дерево растет рядом с персиковым деревом. Пришли насекомые и грызут корни персикового дерева. Сливовое дерево [жертвует собой, отдает свои корни насекомым и] засыхает вместо персикового дерева. Если деревья жертвуют собой друг за друга, разве могут братья забыть друг друга?»

Для разъяснения этой стратегемы гонконгское издание воспользовалось историей, случившейся 2500 лет назад, приведенной в уже неоднократно упоминавшемся классическом конфуцианском трактате «Цзочжунь»¹⁶¹. Этот памятник принадлежит к четырем конфуцианским канонам, доносящим до нас традиции X—VI столетий до н. э.

11.2. Под чужим флагом

Вэйский князь Сюань (718—700) имел связь с наложницей своего отца. Она родила ему сына по имени

¹⁶⁰ Наиболее полно переводы на русский язык ханьских «юэфу» представлены в первом томе «Антологии китайской поэзии», изданной под редакцией Го Можо и Н. Т. Федоренко (М., 1957), где они занимают специальный раздел (с. 232—280).

¹⁶¹ См. первый комментарий к Стратегеме № 2.

Цзицзы. Позже князь Сюань решил женить этого Цзицзы на Сюань Цзян, женщине из Ци. Но она была так прекрасна, что князь сам взял ее в жены. Она родила двух сыновей: кроткого Шоу и коварного Шо. Впоследствии Сюань Цзян и ее сын Шо оклеветали Цзицзы перед князем. Между прочим они утверждали, что Цзицзы не мог простить своему отцу, что тот отнял у него прекрасную Сюань Цзян. Наконец князь послал Цзицзы с поручением в Ци. Одновременно он послал разбойников, которые должны были настигнуть Цзицзы под Шэнем и убить. Шоу, добрый сын, любивший своего сводного брата Цзицзы, предупредил его и посоветовал спастись бегством. Но Цзицзы отверг его совет. Его объяснение дышит типично конфуцианской добродетелью безусловной сыновней покорности: «Если я не послушаюсь приказа отца, разве буду я заслуживать имени сына? Если бы существовали государства, где нет отцов, тогда я смог бы в них укрыться».

Перед отъездом Цзицзы Шоу напоил его допьяна, забрал у него флаг наследного принца и сам отправился в путь. Разбойники приняли его за Цзицзы и убили. Вскоре на дороге показался Цзицзы и воскликнул: «Этого меня должны были вы убить! Он ни в чем не виноват! Убейте меня!» Тогда разбойники убили и Цзицзы.

В этой истории добрый Шоу играет роль сливового дерева. Однако Цзицзы, которого можно было бы сравнить с персиковым деревом, не принимает его жертвы.

Имеется также история из XI в. н. э., в которой один из братьев готов принять на себя роль сливового дерева, но в отличие от изложенной выше у нее сравнительно благополучный конец. Под заглавием «Ди Цин спасает своего старшего брата с помощью стратагемы» эта история появилась в апрельском номере крупнейшего в Китае детского журнала «Эртун шидай» («Детство»). В Китае любое детское чтение имеет утилитарно-воспитательную направленность; в этом случае детям преподносилось стратагемное поведение в духе братской любви.

11.3. Как провели забияку

Ди Цин (1008—1057) рано потерял родителей и жил со старшим братом Ди Су, бедным, но глубоко порядочным крестьянином. Однажды Ди Цин относил обед Ди Су, работавшему в поле. По дороге встречающая женщина крикнула ему, что его брат дерется на берегу реки с Железным Лоханем.

Железный Лохань был местный хулиган. В тот день он напился и пошел в поля искать, с кем бы подраться. У одного добропорядочного крестьянина он отнял и съел пампушку. Крестьянину это не понравилось, и он полез в драку. В результате схватки малорослый крестьянин оказался на земле. До сих пор Ди Су спокойно наблюдал происходящее, но тут рассердился и ударил Железного Лоханя кулаком. Так началась драка между Железным Лоханем и Ди Су, а они оба были люди сильные. Женщина как раз принесла в поле обед, увидела драку и поспешила за помощью. Когда Ди Цин прибыл на место происшествия, драка уже кончилась. Его брат Ди Су сидел на камне и тяжело дышал. Лоб его был изборожден заботой — он понимал, что попал в скверную историю. Ди Цин взглянул на реку и увидел, что Железный Лохань, не умеющий плавать, отчаянно борется за свою жизнь. Ди Су толкнул его так, что тот упал в реку. Ди Цин знал, что, если парень утонет, его брату грозит большая опасность, по законам Сунской династии — смертная казнь. И Ди Цин бросился в воду, чтобы спасти Железного Лоханя.

Тот неуверенно боролся с течением и уже совершенно выдохся. Вдруг он заметил, что к нему спешит помощь. Он протянул руки и изо всей силы вцепился в воротник ветхой рубахи Ди Цина. Др-р-р-р — и у него в руке остался жалкий клочок материи. Ди Цин ухватил тонущего за волосы и вытащил на берег. При этом он прошептал ему в ухо: «Я — Ди Су и спас тебе жизнь».

Железный Лохань наглотался воды и был почти без сознания. Он неспособен был понять, кто спас его — Ди Цин или Ди Су. Едва достигнув берега, он упал в обморок и лежал как мертвый.

«Ясно, я его убил, — сказал в ужасе Ди Су. — Я должен за это заплатить жизнью. Что же будет с тобой, братец?» И слезы покатались у него по щекам.

«Брат, успокойся, я думаю, что он просто обессилел, он жив», — сказал Ди Цин.

«Все равно плохи мои дела. Я явно повредил ему, и меня потребуют к ответу».

Со всех сторон уже спешили односельчане. Они стали утешать Ди Су: «Не беспокойся, ты напал на праведном гневе, чтобы помочь другому. Мы замолвим за тебя словечко».

Тут появился местный староста. Он закричал: «Ди Су, император нашей династии издал закон, по которому тот, кто начнет драку и убьет противника, заплатит своей жизнью!»

Ди Су молча встал и ждал, пока на него наденут наручники.

«Стойте!» — крикнул тут младший брат.

«Малыш, ты смеешь возражать?» — проговорил староста с каменным лицом.

Ди Цин воскликнул: «Вы спутали капусту с репой. Точно установлено, что Железный Лохань обидел более слабого односельчанина. Я, разозлившись, из сочувствия стал помогать слабому. Этот хулиган был недостаточно предусмотрителен, да к тому же и пьян. Потом мой брат вытащил его на берег и тем спас ему жизнь».

Староста с сомнением взглянул на Ди Цина и повернулся к толпе, как бы спрашивая: «Так ли?»

Тут же некоторые сельчане отозвались: «Верно, мы можем подтвердить это».

Ди Цин еще подбросил: «Видите, у него в руке воротник от моей рубашки».

Староста наклонился и схватил Железного Лоханя за судорожно сжатую руку, в которой действительно был разодранный воротник. Тут староста велел заковать Ди Цина. Но тот воскликнул: «Еще не установлено, что Железный Лохань умер!»

«Ну что ж, давайте это выясним», — волей-неволей приказал староста.

Ди Цин выскочил вперед, уселся верхом на Железного Лоханя и стал массировать ему желудок. Вскоре Железный Лохань открыл рот, и оттуда пошла грязная вода. Тут он очнулся. В этот момент Ди Цин нагнулся над ним и что-то прошептал ему на ухо.

Железный Лохань пошевелился, встал, на слабых ногах подошел к Ди Су, скрестив руки на груди, склонился перед ним и сказал:

«Благодарю тебя за то, что ты спас мне жизнь». Сказал и поплелся прочь.

Ди Су очень удивился. Надвигавшаяся на него буря внезапно рассосалась. Зеваки поняли, что глазеть больше не на что, и разошлись.

По дороге домой Ди Су спросил Ди Цина:

«Младший братец, я не могу понять, почему Железный Лохань, который дрался со мной не на жизнь, а на смерть, стал меня благодарить. Что произошло?»

Ди Цин отвечал:

«Когда Железный Лохань отнял у крестьянина пампушку, а затем подрался с ним и с тобой, он был сильно пьян. Он не может ничего об этом четко припомнить. Потом он упал в реку. Когда я вытаскивал его на берег, я обманул его, прошептав на ухо: «Я — Ди Су и спасаю тебя». Когда он приходил в сознание, я опять подсказал ему, что он должен поблагодарить Ди Су. Он так и сделал». Ди Су был изумлен искусством Ди Цина в применении стратагем, которое спасло его от бесчестия. Как пишут Ян Ю и Чэ Юньян в «Эртун шидай», Ди Цину было всего 15 лет. Неудивительно, что впоследствии он сделался выдающимся военачальником. Что он и в этом качестве не пренебрегал стратагемами, показывает история, уже приведенная выше (8.4: Десятидневный отдых Ди Цина).

11.4. Из истории «Ста дней реформ» 1898 г.

Формулировка Стратагемы № 11 использована — как в отношении братьев, так и в чисто поэтическом смысле — ученым, государственным деятелем и дипломатом Хуан Цзуньсянем (1848— 1905) в стихотворении о событиях «Ста дней реформ» 1898 г.:

Сливовое дерево засыхает за персиковое; Деяние младшего из братьев трогает до слез.

Как поясняет Цянь Чжунлянь в комментарии к этим строкам, речь идет о Кан Гуанжэне (1867—1898), который после провала реформы его старшего брата Кан Ювэя (1858—1927), прогрессивного реформатора,

покончил с собой в надежде, что из-за его смерти Китай пробудится к реформам¹⁶².

11.5. Подмененное платье короля

Во время освободительной войны Вьетнама (1418—1427) при китайской династии Мин (1368—1644) вьетнамская армия под командованием крестьянина Ле Лоя в 1419 г. попала в окружение под Чином (нынешняя провинция Тханьхоа в Центральном Вьетнаме). Тогда его подчиненный Ле Лай сказал Ле Лую: «Дайте мне вашу одежду! Нарядившись в нее, я выйду из лагеря».

Когда китайцы увидели его, они приняли его за Ле Лоя, взяли в плен и убили. Благодаря этому настоящий Ле Лой смог спастись и впоследствии войти в историю как король Ле Тхай То, основатель вьетнамской династии Ле (1428—1793). Дольше пословица «Ле Лай спас короля» и название улицы — «улица Ле Лая» — в бывшем Сайгоне, нынешнем Хошимине призваны напоминать об этом вьетнамском применении Стратегемы № 11 (см.: Вьетнам су луоч (Очерк истории Вьетнама). Сайгон, 1971. Т. 1. С. 219).

11.6. Ненастоящий маркиз на гильотине

В 1775 г. Шарль Сент-Эвремонт, почувствовав отвращение к тирании французской аристократии, и в особенности к своему дяде, маркизу Сент-Эвремонду, эмигрировал в Англию. Там он под именем Чарльза Дарнея преподавал французский язык. Позже он женился на Люси, единственной дочери французского врача Александра Манетта. Когда разразилась Великая французская революция, Шарль предпринял мужественную, но необдуманную попытку спасти от мести революционеров верного слугу своего семейства, для чего отправился в Париж. По доносу трактирщицы Дефарж, семью которой погубил дядя Шарля, Шарль был приговорен к смерти казни. Сам доктор Манетт, последовавший за ним в Париж вместе с Люси, не сумел ему помочь, хотя был на хорошем счету у революционеров. Спасение Шарля организовал спешно прибывший в Париж из Лондона английский чиновник Сидней Картон. Поразительно схожий с Шарлем внешне, Картон уговорил англичанина Барсада, поступившего к революционерам на службу и работавшего сторожем в тюрьме, впустить его в камеру Шарля за несколько часов до казни.

Шарль, под воздействием могучей воли Картона, надел его сапоги поменялся с ним галстуками и дал снять у себя с волос ленту и взерошить волосы так, как они обычно торчали на голове у Картона. Затем Картон с помощью наркотика погрузил Шарля в бессознательное состояние, поменялся с ним одеждой, завязал волосы лентой и вызвал Барсада, которому приказал отнести потерявшего сознание «англичанина» в приготовленную карету, где ожидали Люси Манетт, ее отец и ее дочь, а также английский банкир Джарвис Лорри. Лорри заранее получил от Картона его паспорт и пропуск. В качестве Сиднея Картона Шарль Сент-Эвремонт в бессознательном состоянии покинул Париж. Картон был гильотинирован вместо него¹⁶³.

¹⁶² Брат Кан Ювэя — Кан Гуанжэнь (Кан Юпу, Кан Юбо) — был одним из наиболее активных сподвижников великого китайского реформатора. В период нахождения Кан Ювэя у власти Кан Юпу принимал участие в подготовке различных правительственных документов и поддерживал контакты между реформаторами и столичной интеллигенцией. Заметной фигурой Кан Юпу был и в ходе движения против давнего обычая — бинтования ног женщинами Китая.

Он не покончил с собой, как повторяет вслед за современным китайским комментатором Харро фон Зенгер, а был арестован 21 сентября 1898 г. и затем убит. Вот как описывает данное событие наиболее компетентный исследователь истории этого реформаторского движения, академик С. Л. Тихвинский: «После полудня 21 сентября отряд из 300 человек, возглавляемый командующим войсками Пекинского гарнизона маньчжуром Чун Ли, по приказу Цы Си окружил гостиницу наньхайского землячества в Пекине, где обычно проживал Кан Ювэй. Не найдя Кан Ювэя, они арестовали и увели с собой его брата Кан Юпу и его учеников — участников движения за реформы Чэнь Цзыляна и Цянь Цзюньбо (он же Цянь Вэйцзи), — а также двух слуг. На отдельных повозках их доставили в штаб гарнизона и там тотчас подвергли допросу, чтобы узнать, где находится Кан Ювэй. Арестованные показали, что Кан Ювэй выехал в Тяньцзинь, намереваясь затем следовать в Шанхай». Уже 28 сентября в числе других руководителей движения за реформы фактически без суда и следствия Кан Юпу был казнен по распоряжению императрицы Цы Си (см.: Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. Изд. 2-е, дополненное. М., 1980. С. 193—194, 238, 240).

¹⁶³ Печальная судьба маркиза д'Эвремонта является фабулой известного исторического романа Ч. Дикенса «Повесть о двух городах» (см.: Дикенс Ч. Собр. соч. Т. 22 / Пер. с англ. С. П. Боброва и М. П. Богословской. М., 1960). Два города — это Париж и Лондон. Роман был написан в апреле — ноябре 1859 г. под

Излишне было бы указывать на то, что, согласно китайскому стратегическому анализу, Сидней Картон сыграл роль сливового дерева, а Шарль Сент-Эвремонд — персикового.

11.7. Арест Чан Кайши

После великого похода Красной армии (1934—1935) и ее прибытия в Северную Шаньси Чан Кайши (1887—1975) предпочел борьбу с «коммунистической опасностью» противостоянию захватившим Китай японцам. Поэтому он отправил в Сиань, столицу провинции Шаньси, группу генералов для действий против коммунистов; они должны были уничтожить вынесенные за пределы Яньани опорные пункты. Обладавшим наибольшей властью среди них был Чжан Сюэлян (род. 1898). Для тогдашней ситуации была характерна, с одной стороны, нарастающая волна патриотизма и призывов к борьбе с японцами, а также прекращению гражданской войны; с другой стороны, Коминтерн хотел организовать единый фронт коммунистов и некоммунистов.

Таким образом, войска в Сиани находились под непосредственным воздействием лозунга, брошенного Компартией Китая: «Китайцы не должны убивать китайцев, но должны объединить все силы для борьбы против японцев».

Чжан Сюэлян разделял эту точку зрения и в июне 1936 г. объединился с Чжоу Энляем (1898—1976), заключив с ним тайное соглашение о фактическом прекращении военных действий. В августе 1936 г. в штаб Чжан Сюэляна был послан неофициальный представитель Коммунистической партии Китая. Информация об этом достигла Нанкина, тогдашней столицы Китая, и побудила Чан Кайши в конце октября отправиться в Сиань, как раз в момент японского наступления в Суйюане¹⁶⁴. Это наступление вызвало многочисленные антияпонские забастовки, прежде всего в Шанхае и Циндао. Военные представители из Гуанси и Гуандуна потребовали от Чан Кайши прекратить внутрикитайские стычки и организовать сопротивление Японии. Эти требования Чан Кайши отклонил, так же как и требование Чжан Сюэляна об образовании единого антияпонского фронта. Точно так же он отказался перевести хотя бы часть гарнизона из Сиани в Суйюань. 4 декабря, находясь в Сиани, Чан Кайши призвал ко всеобщему походу против коммунистов с 12 декабря, но его обращение к Чжан Сюэляну и Ян Хучэну, который в это время исполнял функцию так называемого комиссара примирения в Шаньси, не возымело успеха. Когда Чан Кайши 10 декабря 1936 г. лишил Чжан Сюэляна поста, оппозиция перешла в наступление. 12 декабря 1936 г. отборная группа личной гвардии Чжан Сюэляна арестовала Чан Кайши.

Затем Чан Кайши было предъявлено восемь требований и указано на важность единого фронта против Японии.

Арест Чан Кайши вызвал большой отклик в Китае и во всем мире. Руководство Коммунистической партии Китая немедленно направило в Сиань делегацию во главе с Чжоу Энляем. После долгих и сложных переговоров Чан Кайши принял поставленные ему требования и 25 декабря 1936 г. в сопровождении Чжан Сюэляна вернулся в Нанкин, где Чжан Сюэлян предстал перед судом, был лишен всех званий и приговорен к десятилетнему заключению. Это заключение уже после 1949 г. продолжалось на Тайване. Теперь (в 1988 г.) Чжан Сюэлян продолжает жить на Тайване как более или менее свободный человек¹⁶⁵.

непосредственным воздействием Крымской войны. Ситуация в Англии накануне войны и в ходе ее грозила социальным взрывом. В романе Диккенс стремился показать положение в стране, полностью охваченной революцией. Диккенс был противником насилия, он сравнил «нормальное» общество — действие начинается за полтора десятилетия до первых революционных залпов во Франции — с тем, которое возникает в ходе катаклизма. Следует заметить, что это произведение художественными средствами развивало «антитеррористическую» направленность знаменитого труда Томаса Карлейля «Французская революция», который был настольной книгой Ч. Диккенса.

¹⁶⁴ Сближение позиций Чжан Сюэляна и руководства КПК произошло в ходе его секретных переговоров с Чжоу Энляем, проходивших ночью в помещении церкви в Сиани. Сианьским событиям посвящена огромная литература. На основе ранее секретных документов перипетии «сианьского инцидента» наиболее подробно и глубоко проанализированы в новом фундаментальном исследовании академика С. Л. Тихвинского «Путь к объединению и независимости Китая» (М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1995. Рукопись. С. 1016-1023).

¹⁶⁵ Чжан Сюэлян, которому исполнился 91 год, в настоящее время живет у дочери в Сан-Франциско. Правительство КНР неоднократно приглашало его вернуться на родину, гарантируя ему возвращение имущества и высокий статус.

Гонконгская книга о стратагемах предполагает, что Чжан Сюэлян взял на себя перед военным судом полную ответственность за захват Чан Кайши, чем спас своих сообщников, в особенности Ян Хучэна¹⁶⁶. Как подчеркивает издатель гонконгской книги, этим благородным делом Чжан Сюэлян сходен со сливовым деревом, которое жертвует собой за персиковое.

Но не во всех более чем многочисленных примерах использования Стратегемы № 11 сливовое дерево приносит свою жертву добровольно. По этому поводу можно привести один исторический и один литературный пример.

11.8. Пожар в Чанша

Во второй половине 30-х годов, когда китайцы боролись с японскими захватчиками, губернатором провинции Хунань, имевшим резиденцию Чанша, был Чжан Чжичжун (1890—1969). В тайбэйской книге о стратагемах, в главе о стратагеме «Сливовое дерево засыхает вместо персикового дерева», приводятся детали некоего происшествия из хунаньских лет Чжан Чжичжуна, не попавшие в официальные исторические труды.

После того как японцы в октябре 1938 г. захватили город Ухань (провинция Хубэй), положение Чанша, где находился Чжан Чжичжун, стало выглядеть шатким. На основании неверного толкования донесений Чжан Чжичжун решил, что японские войска уже заняли Синьцянхэ, находящийся всего в нескольких километрах от Чанша. В панике он приказал поджечь Чанша, чтобы таким образом разделаться с войсками противника, закрепившимися в Цинье. И 12 ноября 1938 г. столица Хунани была охвачена пламенем. Пожар удалось потушить только 14 ноября; погибли более 30 000 жителей¹⁶⁷.

Но никаких японцев и в помине не было. Более точная разведка показала, что речь в предыдущем донесении шла о находящемся в нескольких дюжинах километров от Чанша опорном пункте Синьхэ, а не Синьцянхэ.

Безрассудное сожжение Чанша возбудило всеобщее возмущение. Для Чжан Чжичжуна требовали смертной казни. Начальство начало расследование. Но Чжан Чжичжун защитился с помощью стратагемы. Он обратился к коменданту гарнизона Фэн Ти, начальнику полиции Вэнь Чжунфу и командиру группы безопасности Сю Куню: «Этот промах — наш общий. Мы не можем уйти от ответственности. Но если мы все окажемся под арестом, это будет конец. Потому лучше будет, если вы сейчас возьмете все на себя, а я отправлюсь в Центр и там приведу все в порядок. Наверняка еще можно спасти положение».

Трое подчиненных согласились. Так Чжан Чжичжун избежал ответственности. Он отправился в Чунцин, тогдашнюю столицу Китая, где, конечно, ничего не стал предпринимать, чтобы спасти своих подчиненных, а, наоборот, еще подлил масла в огонь. По его настоянию они были расстреляны, и таким образом он избавился от свидетелей своего промаха.

В этом случае три сливовых дерева были одурачены персиковым и принесены в жертву. А Чжан Чжичжун сделал впоследствии головокружительную карьеру в КНР.

В «Энциклопедическом словаре новейшей истории Китая» (Пекин, 1985) вина за пожар в Чанша и казнь троих мнимо виновных приписана гоминьдановскому правительству, которое якобы свалило все с себя на трех козлов отпущения. О Чжан Чжичжуне сказано только, что он «также был наказан».

¹⁶⁶ Перед бегством на Тайвань Чан Кайши расправился с Ян Ху-чэном.

¹⁶⁷ Пожар в Чанша, погубивший, по разным сведениям, от 20 до 30 тысяч жителей и уничтоживший свыше 50 тысяч зданий, был результатом не только паники и необдуманных распоряжений Чжан Чжичжуна. Как отмечает С. Л. Тихвинский, «поздно ночью 12 ноября гоминьдановское командование, давно вынашивавшее авантюрный план устройства в каком-либо китайском городе огненной ловушки японским войскам по примеру пожара Москвы во время нашествия Наполеона в 1812 г., поверив непроверенным слухам о вступлении в Чанша японской армии, приказало поджечь город со всех сторон» (Тихвинский С.Л. Путь к объединению и независимости Китая. С. 638). В пламени пожара едва не погибли Чжоу Энлай и Е Цзяньин, участвовавшие 12 ноября в проходивших в Чанша торжествах, посвященных дню рождения Сунь Ятсена. Вообще же, такого рода «стратагемный поджог» является частью традиционного китайского военного искусства. В трактате Сунь-цзы имеется специальный раздел, посвященный использованию огня в боевых действиях.

11.9. Вышитая туфелька

Стратagemой № 11 воспользовался также Пу Сунлин (1640—1715)¹⁶⁸ в своем знаменитом произведении — собрании 490 рассказов под заглавием «Странные истории из кабинета Ляо», в новелле «Яньчжи».

Жил в Дунчане знахарь-ветеринар Бянь. Его дочь Яньчжи была образованна и красива, и он хотел выдать ее замуж за ученого. Но из-за его низкого положения и бедности это желание не могло исполниться. Так Яньчжи дождалась до пятнадцати лет и все еще не была сговорена.

В доме напротив жила госпожа Ван, супруга Гуна, подруга Яньчжи. Госпожа Ван была женщина легкомысленная и любила розыгрыши. Однажды, когда Яньчжи провожала бывшую у нее в гостях госпожу Ван до ворот, она увидела проходившего мимо молодого человека, одетого в белое. Яньчжи будто пламя охватило. Глаза ее следовали за юношей неотрывно. Когда он удалился, она еще раз взглянула ему вслед. Госпожа Ван заметила это. Она шутливо сказала Яньчжи, что это был бы для нее подходящий муж. Яньчжи покраснела, но ничего не ответила. Госпожа Ван сообщила, что раньше жила на той же улице, что и родители этого молодого человека, что его зовут Е Цючжунь и что нет человека более покладистого и мягкого по характеру. У него умер отец, а недавно также и жена, поэтому он носит траур. Она могла бы обратиться к Е Цючжуню и уговорить его просить через посредника руки Яньчжи. Яньчжи ничего не сказала, и госпожа Ван, смеясь, ушла домой.

С тех пор прошло много дней, а ничего не происходило. Яньчжи начала сомневаться, выполнила ли госпожа Ван свое обещание. А может быть, она, Яньчжи, слишком низкого рода? Она начала грустить, ничего не ела и не вставала с постели. Тут к ней пришла в гости госпожа Ван. Она осведомилась о причине болезни. Яньчжи отвечала, что не имеет об этом понятия; после последнего посещения госпожи Ван она дурно себя почувствовала и теперь лежит при смерти и не знает, что будет с нею завтра.

Госпожа Ван сказала, что ее муж уехал по делам и потому она еще не передала господину Е весточки. Может быть, поэтому Яньчжи заболела? Услышав это, Яньчжи покраснела. Госпожа Ван пошутила: «Если твои дела обстоят так и ты из-за этого болеешь, что поделать! Я позову господина Е прийти к тебе ночью, дабы вы с ним счастливо соединились. Он не сможет тебя отвергнуть».

Яньчжи отвечала: «В нынешних обстоятельствах стыдиться мне нечего. Если мое положение не слишком для него низко и он пришлет посредника, ко мне тут же вернется здоровье. Но на личную встречу с ним я никак не могу согласиться».

Госпожа Ван ушла от нее, покачивая головой.

С юных лет госпожа Ван имела связь со своим соседом Суцзе.

В замужестве она часто посещала Суцзе, когда ее муж бывал в отъезде. Как раз в это время Суцзе пришел к ней, и она рассказала ему историю Яньчжи в качестве забавного анекдота. Суцзе знал, что Яньчжи очень хороша собой. Он решил воспользоваться обстоятельствами, чтобы достигнуть своей цели, но, боясь ревности госпожи Ван, не выказал интереса, однако выведал у нее, как расположена комната Яньчжи. На следующую ночь он взобрался по стене к окошку Яньчжи и постучал в окно.

«Кто там?» — спросила она.

«Е Цючжунь».

Яньчжи сказала: «Днем и ночью думаю я о вас, желая вместе с вами состариться и поседеть, но не наслаждения одной ночи. Если вы меня действительно любите, срочно пришлите посредника для законного заключения брака. Тайно же быть с вами наедине я не соглашусь».

Суцзе ничего не оставалось, как для начала с нею согласиться. Однако он настаивал на том, чтобы хотя бы пожать ей руку в знак заключения брачного договора. Яньчжи не хватило духу противоречить ему во всем; она с трудом поднялась с постели и открыла окно. Суцзе ворвался в комнату, обнял ее и попытался принудить к любви. Яньчжи была слишком слаба, чтобы сопротивляться. Она упала на пол и тяжело

¹⁶⁸ По другим источникам, Пу Сунлин родился значительно раньше. Так, Н. Т. Федоренко в предисловии к переводам новелл Пу Сунлина, выполненным В. М. Алексеевым, отмечает: «Выдающийся китайский новеллист Пу Сунлин, писавший под псевдонимом Ляо Чжай, родился в провинции Шаньдун в 1622 году и умер в 1715 году» (Пу Сунлин (Ляо Чжай). Указ. соч. С. 7).

дышала. Суцзе хотел поднять ее, но она пригрозила, что закричит.

Суцзе боялся, что его ложь раскроется, и не решился больше ничего предпринять. Он лишь просил назначить день следующего свидания, Яньчжи сказала, что этим днем будет день их свадьбы. Тогда Суцзе схватил ее за ногу, сорвал вышитую туфельку и исчез.

После этого он отправился прямо к госпоже Ван. В то время как он лежал у нее в постели, он вдруг вспомнил про туфельку и попытался нащупать ее у себя в рукаве, но напрасно. Туфли там не было. Он все обыскал, но безуспешно. Наконец пришлось ему во всем признаться госпоже Ван, но даже общими усилиями туфельку не нашли.

На той же улице проживал один бездельник по имени Мао Да. Он одно время безуспешно ухаживал за госпожой Ван и знал о ее связи с Суцзе. Он хотел как-нибудь поймать их тепленькими, чтобы потом шантажировать госпожу Ван. Тем вечером он подошел к ее дому, открыл садовую калитку и на цыпочках прокрался в сад. Вдруг он наступил на что-то мягкое. Поднял: женская туфля! Мао Да подкрался к окну и услышал в точности, что рассказывал

Суцзе о своем визите к Яньчжи. После этого он, удовлетворенный, ушел.

Еще через несколько дней Мао Да вечером перебрался через стену сада при доме Яньчжи. Плохо ориентируясь, он оказался близ комнаты ее отца. Тот выглянул наружу и увидел мужчину. Отец сразу подумал, что тот явился к его дочери. Распалившись гневом, он схватил нож и выскочил наружу. Мао Да испугался и побежал. Только он хотел перебраться через стену, как отец его догнал. Мао Да повернулся и отнял у него нож. Тут еще мать Яньчжи подняла крик. Загнанный в угол, Мао Да убил отца Яньчжи и сбежал.

Яньчжи прибежала с фонарем, увидела мертвого отца и рядом, у подножия стены, свою туфлю. Мать спросила ее о туфле, и она, плача, рассказала, как было дело, только не решилась вмешать госпожу Ван и говорила только о Е Цючжуне.

На следующий день окружной суд поднял дело против Е Цючжуна. Е был арестован; ему было всего 19 лет, и во многих отношениях он был как дитя. Когда его заковали, он ошалел от страха, а представ перед судом, не знал, что сказать. Он ничего не отрицал, а только дрожал. Суд все более убеждался, что Е и есть преступник. Его подвергли допросу с пытками, так как в императорском Китае приговорить можно было только того, кто признался в преступлении. Молодой ученый не выдержал боли, взял все на себя и получил смертный приговор. Приговор был отправлен на утверждение высшей инстанции в Цзинань.

Цзинаньский начальник полиции с первого взгляда на Е усомнился в его виновности. Он тайно подсадил к нему в камеру агента, чтобы Е получил возможность высказаться не под давлением. Полученная таким образом информация еще укрепила веру начальника полиции в невинность молодого человека. Очная ставка Яньчжи с Е Цючжуном и последовавший допрос госпожи Ван навели наконец на след любовника госпожи Ван Суцзе. Тот признался в своей аванюре с Яньчжи, но отрицал, что убил ее отца. Но под пыткой он признал убийство и был приговорен к смерти. В отчаянии он письменно обратился к почтенному наместнику Ши Юшаню. Последний пришел к убеждению, что в деле концы с концами не сходятся, и затребовал к себе все бумаги.

С помощью дальнейших допросов госпожи Ван Ши Юшань узнал имена еще нескольких мужчин, ухаживавших за ней, и среди них имя бездельника Мао Да, которого сразу же заподозрил в преступлении. Но поскольку Мао Да не сознавался, Ши Юшань сказал: «Теперь пусть духи храма покарают преступника».

Все приятели госпожи Ван должны были с голыми спинами зайти в неосвященный буддийский храм и встать у стенки. Там Ши Юшань объявил им: «На спине виновного дух поставит знак». Через некоторое время он вызвал всех мужчин из храма и осмотрел их спины. После этого он указал на Мао Да и сказал: «Ты — убийца». Дело в том, что Мао Да крепко прижимался спиной к вымазанной перед тем золой стене, чтобы дух не смог коснуться его спины. Так Ши Юшань добился от него признания.

В решении суда Ши Юшань, в частности, утверждал, что Суцзе пытался засушить сливовое дерево вместо персикового, назвавшись Е Цючжуном при ночном свидании с Яньчжи. Мао Да, по его выражению, будучи захвачен на месте преступления, попытался надеть шляпу Чжана вместо головного убора Ли — то есть свалить свое злодеяние на Суцзе, оставив там вышитую туфлю.

До сих пор во всех приведенных примерах действовали две стороны. Либо сливовое дерево жертвовало собой ради персикового по собственному побуждению, либо персиковое вынуждало его к жертве. На следующем уровне интерпретации Стратегемы № 11 в действие вступает третья сила, которая навязывает

одному из участников роль сливового дерева.

11.10. Утаенный наследник

В 607 г. до н. э. князь Лин из Цзинь (620—607) погиб от руки одного из представителей могущественного аристократического рода Чжао¹⁶⁹. Любимца убитого князя Ту Аньцзя¹⁷⁰ преемник убитого князя Цзинь через несколько лет назначил главным смотрителем Уголовной палаты. Тогда Ту Аньцзя решил отомстить за смерть своего покровителя, князя Лина, и истребить род Чжао.

Один из военачальников, не одобрявший этого плана, выдал его главе рода Чжао. Тот не видел выхода из положения и решил пожертвовать своей жизнью, а свою беременную жену, принцессу из дома князя Цзиня, отправил в княжеский дворец. Вскоре войска Ту Аньцзя взяли родовое гнездо рода Чжао и перебили все семейство. Спаслась только жена главы рода, отправленная во дворец.

Вскоре она родила сына. Ту Аньцзя сразу же послал во дворец своих людей за младенцем, но матери удалось спрятать его. Ту Аньцзя подумал, что его увезли из дворца. Он приказал разыскать ребенка.

Два верных вассала рода Чжао, Гунсунь Чуцзю и Чэн Ин, придумали, как спасти новорожденного, единственного наследника рода Чжао. Чэн Ин нашел мальчика того же возраста, Гунсунь Чуцзю поместил его в хижину в горах. Затем Чэн Ин выдал Ту Аньцзя их укрытие. Младенца и присматривавшего за ним Гунсунь Чуцзю нашли и убили. Ребенка из семьи Чжао после этого вернули во дворец и, не подвергая опасности, воспитали в безвестности.

Когда ему исполнилось 15 лет, князь Цзинь восстановил в правах семейство Чжао. Молодой Чжао открылся князю Цзиню, и тот разрешил ему отомстить Ту Аньцзя. Ту Аньцзя был убит вместе со всем его родом.

Эта история из гонконгской книги о стратагемах приводится в уже многократно цитированных «Исторических записках» Сыма Цяня. В эпоху Юань (1271 — 1368) его воспользовался Цзи Цзюньсян в драме «Мудрое дитя Чжао»¹⁷¹. Это одна из первых китайских пьес, переведенных на западные языки. Французский пересказ П. Премаре под названием «Сирота Чжао» вышел в книге «Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de L'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise» (Т. 3. Париж, 1735), изданной иезуитом Жаном Батистом Дюгальдом (1674— 1743)¹⁷². Он вдохновил Вольтера (1694— 1778) на трагедию «Китайский сирота»¹⁷³.

¹⁶⁹ Лин-гун был убит в персиковом саду полководцем Чжао Чуанем, который мстил за преследования своего брата Чжао Дуня (см.: Сыма Цянь. Указ. соч. Т. 5. С. 169— 170).

¹⁷⁰ Комментируя содержание пьесы «Сирота Чжао», написанной на этот исторический сюжет, В. Ф. Сорокин замечает: «Существует неясность относительно правильного написания имени этого персонажа, поскольку наряду с односложной (Ту) есть и двусложная фамилия (Туань). Однако в IV акте сказано, что приемного сына этого персонажа звали Ту Чэн, поэтому мы принимаем написание Ту Аньгу» (Сорокин В. Ф. Указ. соч. С. 244). Как видим, имеются различия в написании не только для фамилии, но и для имени: Аньгу (Аньцзя), но наличие нескольких имен (данного в детстве и полученного позднее) — это довольно частое явление в старом Китае.

¹⁷¹ Полное название пьесы — «Сирота Чжао творит великую месть» (см. там же).

¹⁷² Труд бельгийца, иезуитского миссионера в Китае Ж. Б. Дю-гальда «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Империи Китай и Китайской Тартарии» был хорошо известен в России в XVIII столетии. Тогда же отрывки из него были переведены и опубликованы (см.: Рассохин И. Известие о шелковых заводах, каким образом они учреждены в Китае, и о прочем туда принадлежащем, переведенное из дю-Галдова описания китайского государства. С приобщением некоторых от прапорщика и китайского языка переводчика Лариона Россохина, учиненных примечаний. — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». 1757. Май. С. 387— 461).

¹⁷³ Пьеса «Китайский сирота» была одним из произведений «китайского цикла» Вольтера, который вслед за Лейбницем пережил увлечение Китаем. О философских и исторических суждениях Вольтера, касающихся Китая, подробнее смотри прекрасную публикацию Г. И. Саркисовой «Вольтер о Китае и становление русского китаеведения» (в сб.: И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова. М., 1993. С. 100—135). Еще при жизни Вольтера в Российской академии наук был произведен специальный анализ его публикаций о Китае. Любопытно, что и в Китае китаеведческие эссе Вольтера не остались незамеченными; прибыв на Женевскую конференцию 1954 г., маршал Чэнь И первым делом посетил могилу

Невинное дитя, отдавшее жизнь вместо спрятанного наследника, чтобы тот мог расти в безопасности, было назначено на роль сливового дерева вассалами Гунсунь Чуцзю и Чэн Ином. Одновременно добровольно взял на себя роль сливового дерева Гунсунь Чуцзю. Спасенное персиковое дерево — последний отпрыск рода Чжао.

Что касается поведения Гунсунь Чуцзю, оно невольно заставляет вспомнить высказывание, приписываемое Конфуцию, которое соответствует конфуцианской добродетели абсолютной «верности»:

«Если ты чей-то подданный и тебе могут отрубить голову вместо твоего владыки — пусть будет так».

11.11. Вечные страдания нежной души

В октябре 1981 г. «Пекинская вечерняя газета» объявила, что в день национального праздника в Пекине будут давать оперу «Вечные страдания нежной души».

Как сообщалось в статье, несколько лет назад в древнем погребении в Сиани был обнаружен полностью сохранившийся труп женщины в богатой одежде. Исследование показало, что женщина умерла в возрасте 30 лет от яда. Эта находка вдохновила Го Можо (1892—1978), писателя, поэта, драматурга, историка, филолога и археолога, внесшего в культуру современного Китая вклад, сравнимый с вкладом Гёте в немецкую культуру, на создание потрясающей истории.

Одна из императриц династии Тан (618—907) не желала иметь детей. Она боялась, что потеряет таким образом свою привлекательность и тем самым влияние на мужа и свое могущество. Поэтому она приказала разыскать среди простонародья беременную женщину, чтобы (как выразилась «Пекинская вечерняя газета») заставить сливовое дерево засохнуть вместо персикового. Такую женщину, Фэн Сянлю, нашли и насильно доставили в императорский дворец. Там она родила сына, и императрица представила его императору как законного наследника престола. Когда сын вырос, императрица испугалась, что тайна может раскрыться, и убедила его отравить свою настоящую мать.

Эта история напоминает о загадочном случае с найденным Каспаром Хаузером, который в действительности, видимо, был старшим сыном баденского великого герцога Карла и его супруги Стефании, приемной дочери Наполеона. Графиня фон Хохберг, глава Хохбергской линии Баденского дома, приказала тайно подменить в колыбели здорового младенца, наследовавшего баденский трон, на мертвого ребенка работницы. Настоящего принца отдали на воспитание, а подменышу устроили роскошные похороны. Во всяком случае, так интерпретируется эта история с точки зрения «теории принца», которую журнал «Шпигель» (№ 40 от 28.9.1987), вслед за книгой Ульрики Леонгардт «Prinz von Baden, genannt Kaspar Hauser» (Reinbeck, 1986), провозглашает «соответствующей основным фактам». Графиня фон Хохберг хотела таким образом с помощью своего придворного фаворита Генриха Давида фон Хенненхофера закрепить трон за собственными детьми, что ей и удалось.

В межгосударственных отношениях доимперского Китая (до 221 г. до н. э.) одной из основных целей было не быть жертвой стремления властителей наиболее могущественных государств к гегемонии. В такой обстановке многие становились персиковыми деревьями, чтобы не превратиться в сливовые.

11.12. Нерешительный владыка

В эпоху «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.) государство Хань, царь которого Сюаньхой (332—312) часто проявлял медлительность, находилось между двумя могущественными княжествами, Цинь и Чу. Царь Цинь в некоторый момент увидел в княжестве Чу соперника за гегемонию в стране. Он решил напасть на Чу. Но поперек дороги у него лежало царство Хань. Тогда он послал в Хань специалиста по заключению межгосударственных союзов Чжал И, чтобы склонить Хань к совместной войне против Чу. Царь Хань, однако, решил придерживаться нейтралитета в отношении обоих могучих соседей. Это разгневало царя Цинь, и он постановил захватить Хань. Это произошло в 317 г. до н. э. Войско Цинь, не встретив серьезного сопротивления, вторглось в Хань. В страхе и заботах призвал царь Хань своего советника Гун Чжунмина. Тот уклонился от прямых высказываний и вместо этого процитировал народную песню: «Сливовое дерево засыхает вместо персикового». Владыка Хань не понял намека. Тогда Гун Чжунмин указал на два дерева в царском саду и сказал: «Положим, маленькое дерево — персиковое, а большое — сливовое. На персиковое дерево внезапно напали насекомые. Если хочешь его спасти, единственная возможность — убедить насекомых напасть вместо персикового дерева на сливовое».

Вольтера и написал посвященные великому французскому философу стихи.

Теперь царь Хань понял план Гун Чжунмина. Угрожающее Хань несчастье должно перекинуться на Чу, и Чу послужит жертвенным агнцем за Хань. Ради этого властитель Хань послал своего советника в Цинь. Цинь должно было получить по соглашению крупный город в государстве Хань и за это заключить военный союз против Чу.

Об этом услышал царь Чу и призвал своего советника Чэнь Жэня. Тот рассмеялся и сказал: «Хань намеревается применить против нас стратагему «Засушить сливовое дерево вместо персикового». Так побьем же Хань его собственной стратагемой!»

Царь Чу оценил план своего советника. Он, с одной стороны, подготовился к военному нападению, с другой стороны, распустил слух по всем соседним государствам, что Чу откликнулось на просьбу Хань о помощи и вводит в это государство войска содействия. Затем властитель Чу отправил в Хань эмиссара, который передал его владыке много ценных подарков и предложил ему союз против Цинь. Советник Хань отверг этот план, который мог привести только к тому, чтобы Хань положило свою голову за Чу. На это посланец Чу объявил, что Чу уже собрало всю армию, и поклялся, что Чу будет сражаться вместе с Хань до победы. Нерешительный властитель Хань принял эти слова чуского посланца за чистую монету. Он отверг старый план напасть на Чу вместе с Цинь.

Царь Цинь сначала не поверил известию о союзе между Хань и Чу. Он послал в Хань и Чу переодетых купцами шпионов. Шпионы подтвердили новость. Разгневанный колебаниями владыки Хань, царь Цинь вошел в Хань еще до того, как Хань достигли войска Чу. Ханьская армия упорно сопротивлялась. Перед лицом совершенно критического положения Хань его царь отправил послов в Чу с просьбой о военной помощи. Царь Чу в точности по плану Чэнь Жэня выслал войска в направлении Хань, но только для вида, чтобы побудить Цинь овладеть Хань еще до того, как Хань нападет на Цинь вместе с войсками Чу. Властитель Чу послал гонцов в Хань с сообщением, что войска уже спешат на помощь. В действительности же он и не собирался поддерживать Хань.

Войска Хань поджидали чускую армию, но та не пришла. Ханьские войска были деморализованы. Многие воины дезертировали. И тут Цинь повело генеральное наступление на Хань. Главные силы Хань потерпели поражение, и оно стало вассальным государством Цинь. После победы Цинь над Хань владыка Чу испугался нападения циньских войск. Но его советник Чэнь Жэнь полагал, что это напрасное беспокойство. Сливовое дерево уже было срублено, и тем самым существование персикового дерева было окончательно обеспечено.

Советники властителя Цинь настаивали на походе против Чу. Но властитель Цинь был против. Война против Хань принесла определенные потери, войска Чу были хорошо подготовлены и в покое ожидали усталого противника. Поэтому владыка Цинь увел свою армию назад. Таким образом, стратагема Чэнь Жэня увенчалась полным успехом. Хань было принесено в жертву и тем упрочило безопасность Чу.

Эта история взята из труда, относящегося к началу II столетия до н. э., «Планы Сражающихся царств»¹⁷⁴, содержащего эпизоды из времен V—III вв. до н. э. Мы здесь привели текст не по древнему памятнику, а по новой версии из китайского комикса, вышедшего в 1982 г. в автономном районе Гуанси-Чжуан тиражом в 558 000 экземпляров.

В приводившихся до сих пор примерах речь шла о том, чтобы приносить в жертву людей или жертвовать собой. Но Стратагема № 11 может пониматься и в более абстрактном смысле. Тогда «сливовое дерево» выступает как метафора любой жертвы. Примером такой интерпретации Стратагемы № 11 может служить следующая история, приведенная в пекинской книге о стратагемах 1987 г. Она происходит из уже неоднократно цитированных исторических записок Сыма Цяня.

11.13. Конские бега военачальника Тянь Цзи

В эпоху «Сражающихся царств» военачальник Тянь Цзи часто бился об заклад с князем государства Ци, делая крупные ставки на скачках. Скачки в те времена состояли из трех заездов трех различных лошадей из одной конюшни. Тянь Цзи регулярно проигрывал.

Однажды за ним проследовал Сунь Бинь, ученик Сунь-цзы, автора много раз уже упоминавшегося древнейшего военного трактата в мире. Сунь Бинь знал, что лошади Тянь Цзи уступают лошадям царского дома. Но и лошади Тянь Цзи, и лошади царского дома делились на три категории: хороших, средних и плохих.

¹⁷⁴ См. второй комментарий к Введению.

Когда вновь начались скачки с тремя последовательными заездами на трех различных лошадях, Сунь Бинь посоветовал Тянь Цзи, чтобы тот сначала выставил плохую лошадь против хорошей лошади царского дома, хорошую лошадь против средней царской лошади и, наконец, среднюю лошадь против плохой царской лошади.

Тянь Цзи последовал этому совету и в результате один раз потерпел поражение — своей слабой лошади против хорошей царской, но два раза победил — с помощью своей хорошей лошади против средней царской и средней лошади против плохой царской — и выиграл соревнования.

В данном случае «засушить сливовое дерево вместо персикового» означает на скачках пожертвовать своей плохой лошадью против лучшей лошади противника (сливовым деревом), чтобы лучшая и средняя лошади (персиковые деревья) выиграли скачки. Кроме того, может идти речь о частичной жертве в качестве цены за общий выигрыш. Если бы Тянь Цзи со своими в целом более плохими лошадьми ставил на полную победу и выставил свою наилучшую лошадь против лучшей лошади противника, среднюю против средней и плохую против плохой, то он, напротив, потерпел бы полное поражение.

11.14. План битвы военачальника Тянь Цзи

В военном деле Сунь Бинь применил стратегию «Пожертвовать сливовым деревом вместо персикового» после избавления государства Чжао путем окружения столицы государства Вэй (см. 2.1). Окружив столицу Вэй, Сунь Бинь вынудил войска Вэй снять осаду Чжао и быстро двигаться на родину. Вэйские войска шли тремя колоннами, левой, средней и правой. Левая колонна была самая сильная, следующей была средняя, а правая — самая слабая.

Тянь Цзи, военачальник циской армии, уже хотел применить изученный на скачках метод и разделил свое войско на три части, сильную, среднюю и слабую, после чего намеревался пустить слабую часть войска против сильной колонны противника, сильную — против средней, а среднюю — против слабой.

Но Сунь Бинь объяснил, что сейчас не идет речь о том, чтобы победить в отношении два к одному, а о том, чтобы уничтожить как можно больше врагов, победив войско Вэй. Он предложил бросить слабый отряд против сильной колонны противника, а средними частями напасть на среднюю колонну противника. Таким образом создавался отрезок фронта с вражеским превосходством и отрезок фронта с равными силами. Однако таким образом Сунь Бинь ставил обе эти части войска под угрозу. Одновременно он предлагал молниеносное наступление сильной части войска на слабую колонну противника, с тем чтобы, одержав легкую победу, двинуться на помощь средней части войска и вместе расправиться со средней колонной противника. Затем сильная и средняя части войска объединяются со слабой, чтобы вместе победить сильную колонну противника. Таким образом оказался достигнут абсолютный перевес, обеспечивший циской армии победу в битве под Гуйлинем.

11.15. Расчеты танского императора

Как сообщает Фань Вэньлань в своем «Кратком курсе китайской истории» (Пекин, 1978), подобной же тактикой воспользовался и император Тай-цзун (627—649). В гражданской войне, предшествовавшей основанию династии Тан (618—907), он приобрел богатый опыт и мог с первого взгляда улавливать сильные и слабые места военного формирования противника. Часто он посылал слабые части своего войска против сильных вражеских частей, а сильные части своего войска — против слабых вражеских частей. Под давлением сильного вражеского отряда слабая часть войска несколько отходила назад, а сильная часть прорывалась сквозь фронт слабой части противника. После этого сильная часть поворачивала и нападала сзади на сильную часть противника, которая в это время теснила слабую часть. В результате взятые в клещи вражеские воины почти полностью истреблялись.

В качестве сливового дерева, которое приносится в жертву, здесь выступает слабая часть войска танского императора Тайцзуна. Спасенное персиковое дерево воплощает его в конечном счете победоносная армия.

11.16. Победа Красной армии на Днепре

Осенью 1943 г. во время битвы на Днепре две ударные группы 381-го стрелкового батальона пересекли реку к северу от Киева. После того как обе ударные группы заняли опорный пункт на другом берегу, их обнаружили немцы, разгадавшие советский план и собравшие вместе большое количество танков для контрнаступления. Советское командование молниеносно разобралось в новой боевой ситуации. С одной стороны, оно приказало обеим ударным группам, переправившимся через Днепр, не щадя жизни оборонять захваченный плацдарм и оказывать немцам упорное сопротивление, чтобы поддержать противника в

зablуждении, что основные советские силы находятся на этом участке, и таким образом локализовать там немецкие войска.

С другой стороны, главные силы 381-го стрелкового батальона были переформированы, включены в 38-ю наступавшую армию и откомандированы на новый участок, находившийся к югу от Киева. В то время как обе ударные группы были практически полностью уничтожены, советское командование без особенных трудностей организовало переправу через Днепр в этом другом месте и в результате получило более двадцати опорных пунктов на другом берегу. Как показывает этот пример, извлеченный из пекинской книги о стратагемах (1987), здесь неблагоприятные обстоятельства вынудили советскую сторону к применению Стратагемы №11. Обе советские ударные группы представляют собой пожертвованное сливовое дерево, а спасенное персиковое дерево — это одерживающая наконец победу в данном эпизоде Советская армия.

Как реагирует специалист, воспитанный на стандартах западного военного мышления, на этот пример, приводимый в пекинской книге о стратагемах (1987)? Смотри об этом статью редактора китайской газеты «Цзефан цзюнь бао»: «Пример не содержит никакого обманного маневра, а лишь нормальное явление в тактике: прорыв наступательного подразделения и новое наступление в другом направлении с подключением дополнительных сил». Таков комментарий бывшего главнокомандующего союзными силами НАТО по Европе.

11.17. Чудесное оружие слабейшего

Что касается интерпретации Стратагемы №11, представленной в последних примерах, китайские книги о стратагемах дают следующие объяснения.

Соотношение сил на войне принадлежит к факторам, которые могут быть объективно и в большой степени математически оценены. Оно создает предпосылку для победы той или иной стороны. Но при использовании этих преимуществ или недостатков во время реальных военных действий наряду с объективным фактором существенную роль играет субъективный.

К ведению боя с помощью объективных факторов (вооружение, технология, информация и т. д.) добавляется еще ведение боя посредством субъективных факторов (оценка ситуации, бдительность, быстрота реакции и т. п.). Благодаря правильному применению субъективных факторов собственные недостатки, обусловленные объективными факторами, можно обратить в преимущества.

Решающую роль в победе или поражении играет оценка сильных и слабых мест у себя и противника. Она может дать в руки чудесное оружие, с помощью которого в целом более слабый может победить в целом более сильного. Это чудесное оружие — Стратагема №11. Она применяется, когда проигрыш неизбежен: тогда следует пожертвовать малой частью ради превосходства в целом. Сформулированное Ван Цзисинем (VIII в. н. э.) в трех фразах извлечение из «Десяти тайных правил игры го»¹⁷⁵ гласит:

«Возноси хвалу камням, если ты от этого выиграешь! Иди на маленькую потерю территории, если она сулит тебе большое приобретение территории.

«Есть такие опасные ситуации, в которых надо сдаваться!»

Игра го тысячелетиями пользовалась успехом в Китае и проникла оттуда в Японию. В этой игре оба игрока стараются занять черными и белыми камешками как можно больше места на игральной доске.

Таким образом, в этой игре внимание концентрируется на решающей битве, даже при опасности оказаться слабее во второстепенных схватках или потерпеть несколько частичных поражений. Такое отношение лежит в рамках того китайского воззрения, что имеет значение не победа в каждом отдельном противостоянии, но лишь победа в целом. Стратагема № 11 поможет, согласившись на частные потери, избежать общих и в конце одержать полную победу. Здесь речь идет о том, чтобы «выбрать важнейшую из двух предпосылок и легчайшее из двух последствий». С другой стороны, предварительное взвешивание предпосылок и последствий в наше время стало очень трудным. Поэтому китайцы подчеркивают важность связи военного искусства стратагем с изучением боевых операций.

¹⁷⁵ Речь идет о китайских «облавных шашках» — «вэйци», которые послужили прототипом игры го. Основной принцип игры заключается в том, чтобы путем «занятия территории» создать для противника безвыходную позицию. В Китае эта игра всегда была очень популярна. Одним из сильнейших игроков страны в 50— 60-х годах был маршал Чэнь И, являвшийся министром иностранных дел КНР.

11.18. Капиталистические договоры с пролетарской государственной властью

Преимущества, достигнутые с помощью сознательной военной жертвы, переносятся, естественно, и в область дипломатии. Так, мотив жертвы звучит в следующих фразах из комментария кантонской «Наньфан жибао» за июль 1979 г. об экономическом открытии Китая для зарубежных стран:

«Чтобы в недалеком времени перестроить Китай в современное сильное социалистическое государство, мы должны заплатить определенную цену «за учение» [= «сливовое дерево»]. Но с точки зрения виднеющегося вдали будущего позволить зарубежным инвесторам получить определенную прибыль стоит».

Что касается мотива сознательной жертвы в экономической области, здесь легко найти точки соприкосновения с Лениным. Пекинская газета «Гуанмин жибао» в августе 1978 г. цитировала, независимо от официального начала курса «политики открытых дверей» (декабрь 1978 г.), следующие его строки:

«Если мы хотим товарообмена с границей — а мы его хотим, мы понимаем его необходимость, — наш основной интерес — возможно скорее получить из капиталистических стран те средства производства (паровозы машины, электрические аппараты), без которых восстановить нашу промышленность сколь-нибудь серьезно мы не сможем, а иногда и совсем не сможем, за недоступностью иметь для наших фабрик нужные машины. Надо подкупить капитализм сугубой прибылью [по китайской стратагеме = «сливовым деревом»]. Он получит лишнюю прибыль — бог с ней, с этой лишней прибылью, — мы [по китайской стратагеме = «персиковое дерево»] получим то основное, при помощи чего мы укрепимся, станем окончательно на ноги и экономически его победим».

(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 110)

«Без оборудования его [восстановления хозяйства], без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя. И не жалко при этом лишней прибыли для капиталистов [= «сливовое дерево»], — лишь бы добиться [= «персиковому дереву»] этого восстановления».

(Там же. С. 136-137)

«Еще более это относится к концессиям: не производя никакой национализации, рабочее государство отдает в аренду определенные рудники, лесные участки, нефтяные промыслы иностранным капиталистам [= «сливовые деревья»], чтобы получить от них добавочное оборудование и машины, позволяющие нам [= «персиковому дереву»] ускорить восстановление советской крупной промышленности».

(Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 8)

«...Мы должны сказать, что о продаже России капиталистам нет и речи, что речь идет о концессиях, причем каждый договор о концессиях обусловлен определенным сроком, определенным соглашением и обставлен всеми гарантиями, которые тщательно продуманы».

(Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 136)

«Концессионер — это капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради прибыли, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной или ради получения сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно [= «сливовые деревья»]. Советская власть [= «персиковые деревья»] получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок».

(Ленин В. И. полн. собр. соч. Т. 43. С. 223)

«Политика открытых дверей» с ее расширением торговли с Западом казалась многим западным наблюдателям, по крайней мере сначала, чуть ли не распродажей Китая. Доброжелательные зарубежные круги испугались, что Китай может вновь потерять независимость, полученную такой дорогой ценой. Однако нельзя ли посмотреть на расцветающие все более пышным цветом китайские экономические контакты с Западом с точки зрения Стратагемы № 11? Жертвой — сливовым деревом, отданным на съедение насекомым, — здесь являются небольшая, строго рассчитанная часть китайской самостоятельности, некоторые концессии и связи с границей. С ее помощью получен значительно больший выигрыш — спасенное персиковое дерево: недостижимая без западной помощи модернизация Китая. Жертва в конце концов оказывается фиктивной, так как полученная прибыль явно перевешивает убытки.

Стратегема сознательных, насколько это возможно, ограниченных жертв, разумеется, влияет и на тактику китайской стороны при заключении каждого отдельного договора. Невольно вспоминается изречение Конфуция:

«Без терпимости в малом не выполнить великих планов».

Заметим, что это «малое», по отношению к которому проявляется терпимость, мало лишь с точки зрения большого Китая, но, может быть, не так уж мало для его западных партнеров.

11.19. Мао и обнаженная натура

Насколько универсально для китайцев «жертвенное» мышление, на котором основывается Стратегема №11, видно из письма Мао к Дэн Сяопину от 18 июля 1965 г.:

«...Изображение обнаженных моделей — мужского пола или женского, старых или молодых — основополагающая и необходимая техника в скульптуре и живописи. Не может быть и речи о том, чтобы уничтожить ее. Даже когда мы встречаем здесь негативные моменты, с этим следует смириться. Ради искусства [персикового дерева] мы не должны пугаться отдельных жертв».

11.20. Низменная повседневность

При взгляде на «низменную повседневность» издатель гонконгской книги о стратегемах выдает следующее рассуждение о Стратегеме № 1:

«Многие преступники работают с подставными лицами, чтобы самим скрываться на заднем плане, плести свою паутину и при неудаче пожертвовать головами этих лиц».

Случается также часто, что «начальник сваливает на подчиненного собственный промах или ошибку, чтобы спасти свою шкуру, или же, наоборот, подчиненный берет на себя грехи начальника, чтобы спасти его».

Пример такой жертвы подчиненного находим еще у древнекитайского философа Мо-цзы:

«Когда в древности мудрецы на службе у царей совершали что-либо выдающееся, они обращали это на пользу владык, так что все, что было замечательно и прекрасно, связывалось с личностью господина, а вся клевета и досада — с личностью слуги. И так, необремененность и покой приходились на долю властителя, заботы же и печали были делом министра»^{176 177}.

Стратегема № 12. Увести овцу легкой рукой

Четыре иероглифа	順	手	牽	羊
Современное китайское чтение	шунь	шоу	цянь	ян

¹⁷⁶ Немецкий перевод — Х. Шмидт-Глинтцер. Дюссельдорф — Кёльн, 1975. — *Прим. авт.*

¹⁷⁷ Мо-цзы (Мо Ди) (479—400 до н. э.) — глава школы моистов. Сам он и его последователи отражали взгляды служилого сословия. Отсюда в трактате Мо-цзы, являющемся плодом коллективного творчества, появилась даже специальная глава «Приближение служилых», своеобразный гимн служилому сословию, представители которого именуются «мудрыми». «Если, управляя царством, не заботиться о служилых, то страна будет потеряна» — вот основная посылка этой главы. В главе «Почитание мудрости» содержится и раздел, часть которого цитируется Зенгером. Он звучит следующим образом: «Древние совершенномудрые правители получали поддержку мудрых людей. Они назначали их на службу, награждали, давали им высокий пост и делали их знатными, разделяли землю и выделяли им надел земли, держали мудрого около себя всю жизнь. Только мудрый понимает замыслы благородного мужа и претворяет их. Мудрый всеми силами стремится выполнять порученное ему правителем дело и всю жизнь не чувствует усталости в делах... Мудрый человек делает так, чтобы правитель жил в радости и покое, а горе и печали он берет на себя» (Древнекитайская философия. Т. 1. С. 184).

Перевод каждого иероглифа	легкий	рука	увести	овца
Связный перевод	Увести овцу легкой рукой.			
Перевод, дополненный по смыслу	Находчиво используя обстоятельства, суметь увести с собой случайно попавшуюся овцу.			
Сущность	Постоянная и всесторонняя психологическая готовность использовать для обретения преимущества любые шансы. Стратагема Кайроса ¹⁷⁸ .			

Овца, занимающая восьмое место в восточном 12-годичном цикле, в Древнем Китае была символом детской почтительности, так как ягненок преклоняет колени, желая сосать материнскую грудь. Кроме того, она может обозначать и Ян, мужскую силу. Ученые возводят современный иероглиф со значением «красота» к сочетанию иероглифов «большой» и «овца» — «большая овца», по-видимому, обозначает вкусную, то есть «прекрасную», пищу, которая особенно ценилась китайцами.

Еще в пьесе, ставившейся в начале VII в. н. э., «Вэй Чигун, вооруженный только кнутом, отбивает копье Ли Юаньци», согласно Гуань Ханьцину (XIII в.)¹⁷⁹, появляется формулировка Стратегемы № 12, но не в значении стратагеми, а в качестве цветистого описания легкости, с которой Ли Юаньци обманул своего врага Вэй Чигуна.

В том же значении употребляется формулировка Стратегемы № 12 в известном народном романе «Речные заводы». Это издание в 120 глав, и 99-я из них гласит:

«Вскоре Ма Лин уже покрыл на двух своих волшебных колесах более двадцати миль. Дай Цзун понял, что больше не может его удерживать. Далеко-далеко летал Ма Лин, как вдруг перед ним появился толстый буддийский монах и, ударив его своим монашеским посохом, принудил спуститься и захватил Ма Лина, уводя тем самым овцу недогнущей рукой»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Кайрос (*греч.*) — божество благоприятного момента. — *Прим. авт.*

¹⁷⁹ В. Ф. Сорокин приводит содержание этой пьесы. Ее автором является Шан Чжунсянь, а полное название — «Юйчи Гун трижды отнимает копье». Некоторая разница в написании имени главного героя объясняется тем, что знак «вэй» является фонетиком в иероглифе «юй». Зенгер, очевидно зная звучание фонетика, не проверил чтение иероглифа по словарю, а оно в данном случае является иным, чем фонетик (см.: Сорокин В. Ф. Указ. соч. С. 266—267).

¹⁸⁰ Существует два основных варианта романа «Речные заводы»: один содержит 70 глав, другой — 120. Наиболее популярной является первая, сокращенная версия. Именно с нее профессором А. П. Рогачевым и был сделан перевод романа на русский язык, вышедший в 1955 г. Полный текст романа был издан в Пекине в 1954 г. для литературоведческой и филологической работы. В годы «культурной революции» в Китае была развернута идеологическая кампания по поводу классического литературного наследия.

В 1972 г. началась «реабилитация» классики и в канун визита Р. Никсона в Пекине начали продаваться «Сон в Красном тереме» и затем «Речные заводы», которые пользовались огромным спросом у публики. Продавались как старые, вышедшие еще до «культурной революции» издания, так и новые. Затем вышли в свет и «Троецарствие», и «Путешествие на Запад». Однако в 1973—1974 гг. началась интенсивная критика романа «Речные заводы». В 1975 г. Мао Цзэдун придал этой критике общекитайский характер, причем использовал против своих оппонентов версию романа из 120 глав. (Подробнее см.: Желоховцев А. Н., Рогачев А. П. Кампания вокруг романа «Речные заводы» в Китае // Народы Азии и Африки. 1978. № 1. С. 80-91.)

Отрывок, приводимый Зенгером, в прямом переводе с китайского звучит несколько по-иному. Правда, может быть, Зенгер пользовался каким-то другим изданием. Мы же приводим его по полному изданию 1954 г.: «За короткое время Ма Лин проехал свыше 20 ли. Дай Цзун, проехав 16—17 ли, остановился. Смотрел повсюду, но Ма Лина не увидел. Ма Лин же впереди летел стрелой и столкнулся с одним очень толстым монахом, который нанес ему прямой удар в лицо и ударом своего посоха буддийского монаха опрокинул Ма Лина, воспользовавшись моментом, захватил чужое и быстро взял Ма Лина в плен» (Ши Найань. Шуй ху цюань чжу. Пекин, Жэньминь вэньсюе чубаньшэ. Т. 3. С. 1552). Заметим также, что сочетание из четырех иероглифов, обозначающих Стратегему № 12, имеется в «Китайско-русском словаре», подготовленном Шанхайским институтом иностранных языков (Пекин: Шану иншу гуань, 1977. С. 843). Его перевод дается

В подходящем для нас значении использует формулировку Стратегемы № 12 У Чэньэнь (1500—1582) в XVI главе фантастического романа «Путешествие на Запад», при описании попытки похищения волшебного одеяния у буддийского монаха Трипитаки (см. 5.1).

Царь обезьян, заметив, что монахи собираются поджечь хворост, рассуждает так:

«Они собираются убить нас и похитить одеяния... Я бы мог разогнать их моей волшебной палицей, но уж слишком велико будет тогда мое превосходство. Один удар — и все они будут перебиты. И придется мне потом сносить упреки моего господина в том, что я применил к ним насилие. Поступлю же я тогда таю обращусь к способу «Недрогнувшей рукой увести овцу» и направленный против нас замысел убийства обращу на них самих, так чтобы не мы потеряли свои жизни, а они — свои»¹⁸¹.

Здесь под «овцой» подразумевается стратегемный план монахов, который Царь обезьян сорвал с помощью Стратегемы № 3, перебив монахов. «Увод овцы» — это, так сказать, перехват и нейтрализация стратегемы противника.

В Стратегеме № 12 идет речь о находчивом использовании благоприятного стечения событий, в особенности обнаруживающихся вдруг промахов противника. Тут уместна китайская поговорка:

«Большую стену можно развалить с маленького угла, а бревно начинает гнить с сучка».

Пекинская книга о стратегемах от 1987 г. приводит в этой связи следующий исторический пример:

12.1. Сян Юй против Тянь Жуна

В 206 г. до н. э. Сян Юй (232—202 до н. э.) был провозглашен «единовластным царем Западного Чу»; у него в подчинении оказалось восемнадцать глав наследственных домов¹⁸². Один из претендентов на роль главы наследственного дома, Тянь Жун, оказался не у дел. В том же году он взбунтовался, выгнал или убил одного за другим нескольких глав наследственных домов и наконец оказался властителем трех областей княжества Ци (в восточной части современного Китая), на которое он и претендовал в качестве главы наследственного дома. Чтобы обезвредить Тянь Жуна, Сян Юй пошел на него войной. Этим моментом воспользовался Лю Бан (ок. 250—195 до н. э.), который стремился вернуть себе находившийся на западе Ханьчжун. Он воспользовался неспособностью Сян Юя следить за событиями в Западном Китае и согласно плану своего военачальника Хань Синя тайно направился в Чэньцан, чтобы без особого труда овладеть тремя областями бывшего княжества Цинь (см. 8.1).

В этом примере «овца» — это временная слабость вовлеченного в войну Сян Юя. С помощью «увода овцы» в подразумеваемом здесь смысле Лю Бан заложил краеугольный камень в создание династии Хань, самой долгой династии в китайской истории.

12.2. Чжао просит о помощи

В 354 г. до н. э. Хой, царь государства Вэй (369—319 до н. э.), задумал присоединить лежавшее к северу от Вэй государство Чжао. Для этого он направил в Чжао большую армию под командованием военачальника

как: «воспользовавшись моментом (случаем), забрать (стащить) что-то; походя (на ходу) прихватить (взять) чужое (чужую вещь)».

¹⁸¹ А. П. Рогачев несколько по-иному излагает эти размышления Сунь Укуна: «Они задумали погубить нас и завладеть наше рясой, вот почему и решились на такое злодеяние. Тут надо бы поорудовать моим посохом, но это невозможно: Учитель снова будет обвинять меня в жестокости. А ведь достаточно одного удара, чтобы перебить их всех. Постой, постой! — обрадовался он. — А почему бы мне тоже не пуститься на хитрость и не сорвать их плана? Ничего нет трудного на их козни ответить кознями» (У Чэньэнь. Указ. соч. Т. 1. С. 301—302).

¹⁸² Зенгер употребляет здесь европейский термин «Lehenskönige» — «ленные цари». Но это сразу ставит проблему становления феодализма в Китае, которая находится в центре многочисленных дискуссий в течение многих лет. Думается, что для рассматриваемого здесь исторического периода правильнее использовать термины, применяемые при переводе на русский язык «Исторических записок» Сыма Цяня. В таком случае речь идет о главах наследственных домов (шицзя) (см.: Сыма Цянь. Указ, соч. Т. 5; о деяниях Сян Юя см. там же. Т. 2. С. 53—156).

Пан Цзюаня. Пан Цзюань беспрепятственно дошел до столицы государства Ханьдань (современный город Ханьдань в провинции Хэбэй) и окружил его в 353 г. до н. э. Царь Чжао послал просьбу о помощи владыке могущественного государства Чу, лежавшего к югу от Вэй. Царь Чу не стал спешить отвечать на эту просьбу. Он собрал своих советников. Первый министр Чжао Сисю высказался против вступления в войну на стороне Чжао. Напротив, по его мнению, следовало поддержать Вэй. Сильное Вэй будет еще больше притеснять Чжао. Чжао будет оказывать еще более упорное сопротивление, и наконец оба государства будут истощены войной. Тогда Чу сможет сыграть роль «смеющегося третьего».

Цзин Шэ единственный выступил против и объяснил свой план, ведущий к ослаблению государств Чжао и Вэй. Этот план понравился царю Чу. Он назначил Цзин Шэ военачальником и дал ему небольшую армию, которая под предлогом оказания помощи Чжао перешла границу между Чу и Чжао. Чжаоские военачальники распространили известие о помощи из Чу в войсках, оборонявших столицу Чжао. Но, несмотря на сопротивление, Пан Цзюань после семимесячной осады, собрав все силы, наконец захватил город. В этот момент пришла весть о том¹⁸³, что государство Ци откликнулось на призыв о помощи из Чжао и послало войска по направлению к остававшейся без охраны столице Вэй. Пан Цзюань тут же вывел свое войско из Чжао и отправился на родину. На этом пути Пан Цзюань потерпел поражение от циских войск, применивших стратегию «В покое ожидать утомленного врага».

Тут-то и пригодилось то обстоятельство, что и Вэй и Чжао были истощены войной и поражениями. Цзин Шэ воспользовался им и со своим маленьким войском отхватил часть территории Чжао. Так увенчалось успехом применение стратегии «Недрогнувшей рукой увести овцу».

Просьба Чжао к Чу о помощи дала Чу случай ввести войска на территорию Чжао, чтобы потом при благоприятном стечении обстоятельств без труда захватить его кусок — «овцу».

12.3. Тридцать километров до Москвы

По мнению автора одной из пекинских книг о стратегиях, находчивое использование внезапно обнаружившихся слабостей противника вполне возможно в условиях современной войны.

«Состоящая из танков, мобильных соединений и пехоты армия, наступающая с большой быстротой, вряд ли может надеяться постоянно сохранять координацию между частями войск, на всех участках поддерживать в безупречном состоянии тыловое снабжение и поспевать подтягивать фланги. Поэтому за наступающим танковым соединением часто остаются относительно слабые места. Опытный командир может использовать эти уязвимые места».

Именно таким образом во время Второй мировой войны советское командование обошлось с наступающими немецкими войсками на тридцатом километре от Москвы. Советы исходили из того, что фронт противника имеет выгнутую форму и не поддерживается арьергардом. Все силы были сосредоточены «на кончике стрелки». Согласно китайской интерпретации, с помощью нападений с флангов Советам удалось уничтожить немецкую армию и повернуть весь ход войны.

Согласно другому варианту интерпретации Стратегемы № 12, речь идет о таком использовании обстоятельств, при котором «овца» по собственной воле идет в руки ловца. Книга о стратегиях, вышедшая 19-м изданием в Тайбэе в 1985 г., приводит по этому поводу историю из классического конфуцианского труда «Цзо-чжуань»¹⁸⁴.

12.4. Сладострастный князь

Чжуан, князь Ци (553—548 до н. э.), имел связь с женой важного сановника Цуй Чжу. Прознал об этом Цуй Чжу и замыслил убить князя. Но никак не представлялось ему подходящего случая. Насилу смог он устроить так, чтобы прекратить встречи князя со своей женой. Однажды князь по пустому поводу приказал бить кнутом своего слугу Цзя Шу, но потом оставил его в своей свите. Обиженный Цзя Шу стал союзником Цуй Чжу.

Однажды явился в Ци высокий посол государства Цзю. Князь Чжуан устроил в его честь пир у северных городских ворот. Не случайно поблизости оттуда находилось жилище Цуй Чжу: несомненно, князь надеялся

¹⁸³ Этот план связывается со Стратегемой № 12 в одном из комиксов, выпущенных КНР. — *Прим. авт.*

¹⁸⁴ См. первый комментарий к Стратегеме № 2.

встретиться с его хозяйкой, когда приглашенный на пир Цуй Чжу уйдет из дому.

Об этом намерении догадался Цуй Чжу. Он сказался больным и не явился на пир. На следующий день князь решил навестить Цуй Чжу, но, придя к жилищу Цуй Чжу, увидел его жену и последовал за ней в дом. Цзя Шу, сопровождавший князя, приказал всей свите ждать снаружи, сам вошел за князем в дом и запер за ним двери. А в доме были спрятаны вооруженные люди, которые убили князя Чжуана.

12.5. Легкий подъем на Тигровую гору

К этому примеру примыкает эпизод из известного китайского романа «Линьхай сюеюань» («Лесное озеро в снежной стране»). Его автор Цю Бо (род. 1923), который сам в 16-летнем возрасте вступил в 8-ю полевую армию, руководимую Компартией Китая, описывает, как во время гражданской войны в Китае (1945—1949) разведгруппа особого назначения Народно-освободительной армии обнаружила и разгромила гоминьдановские войска в лесах Северо-Восточного Китая. Роман частично был переработан в революционную оперу «С помощью тактического искусства овладеть Тигровой горой», принадлежащую к немногим пьесам, ставившимся в Китае во время «культурной революции»¹⁸⁵.

В XII главе романа командир разведгруппы особого назначения Народно-освободительной армии Шао Цзяньбо допрашивает взятого в плен вражеского разведчика Лю Вэйшаня по прозвищу Ицзомао (Чуб). Его спрашивают об укреплениях противника

на Тигровой горе, на которой в бункере засели связанные с гоминьдановскими войсками бандиты Цзо Шаньдяо. Ицзомао рисует карту и показывает в левом нижнем углу долину. При этом он объясняет: «Эта долина совсем незаметна. Если ее использовать для штурма горы, успех обеспечен».

Шао Цзяньбо задумался: «Эта долина — явно слабое место врага. И конечно, она у него под наблюдением. Ицзомао явно замышляет дурное. К тому же я слышал, что люди Цзо Шаньдяо умеют уводить овцу недогнувшей рукой. Возможно, Ицзомао хочет применить против нас эту стратагему. Наверняка он предполагает, что мы будем уничтожены, когда двинемся по долине на гору».

В этом примере отряд Народно-освободительной армии не находится на Тигровой горе, а только собирается туда направиться. Вражеский разведчик искусно использует обстоятельства, чтобы сделать противника практически неспособным к обороне. Однако этот его план разбивается о недоверие Шао Цзяньбо, который подмечает Стратагему № 12, скрывающуюся под указанной разведчиком по видимости безопасной дорогой.

Явно не думали о Стратагеме № 12 воины, о которых идет речь в следующем примере из деяний императора Ханьской династии Сяня (190—220).

12.6. Бегство императора

Император Сянь был захвачен в плен бунтовщиками в столице империи, Чанани. Когда обстоятельства позволили ему, он бежал. Целью его бегства был Лоян, но отряд всадников бросился за ним в погоню. Вскоре преследователи уже почти догнали императора. Тогда старый императорский советник Дун Чэн посоветовал: «Давайте побросаем на дорогу драгоценности и другие сокровища».

¹⁸⁵ Реорганизация китайского классического театра началась еще летом 1964 г., когда по инициативе Мао Цзэдуна в Пекине был проведен смотр спектаклей Театра пекинской музыкальной драмы на современную тему. Среди спектаклей были два, которые не имели успеха, но постановка которых приписывалась супруге Мао Цзэдуна — Цзян Цин: «Искры в камышах» и «Красный фонарь». С 1967 г. они стали именоваться «образцовыми революционными спектаклями». «Искры в камышах» позже были переименованы в «Шацзябан»; к этим спектаклям добавились оперы «Чжи цюй Вэйхушань» («Взятие хитростью горы Вэйхушань») и «Циси Байхутуань» («Налет на полк Белого тигра»), а также балетные спектакли «Хунсэ нянцзы цзюй» («Красный женский батальон»), «Баймао нюй» («Седая девушка»), «Юймэн сун» («Песня горы Юй-мэн») и «Дети степей».

Кроме революционной тематики эти спектакли отличались от старой классической пекинской оперы тем, что был изменен музыкальный строй — добавлено количество инструментов и музыкантов (с 7 до 20), в музыкальную ткань были вкраплены и мелодии европейских композиторов, к исполнению женских ролей были допущены актрисы (в старом театре эти роли исполняли только мужчины), со сцены по ходу спектаклей звучали «Интернационал», «Алеет Восток» и другие революционные гимны.

Так они и сделали. Последними они выбросили украшенную нефритом корону и шейные цепочки императрицы. Когда бунтовщики увидели драгоценности на земле, они остановили лошадей, спрыгнули с седел и начали, не обращая внимания на гневные приказы своего начальника скакать дальше, собирать эти богатства. Конечно, то, что они могли сейчас собрать, превосходило все, что они заработали тяжелым трудом за всю жизнь. Поэтому они и думать забыли о преследовании императора. И бунтовщики стали собирать внезапно ставшие доступными сокровища — «овцу на обочине» — и упустили императора, свою прежнюю цель.

Этот пример напоминает о часто употреблявшемся китайцами при ведении военных действий обманном маневре: чтобы отвлечь противника, по земле рассыпают золото, шелка, хлеб или рис. Воины противника начинают подбирать эти сокровища, и боевые ряды ломаются. Тут спрятанные неподалеку войска нападают на них и наносят сокрушительное поражение. Этот пример я позаимствовал из книги: Кай Верхан Мей (изд.). Ци чжуан — практика ведения войны у китайцев. Мюнхен, 1980.

Оправдывает ли получаемое при этом преимущество требуемые затраты, зависит от обстоятельств. Следует остерегаться ошибки, при которой за малое платишь большим. Как гласит одно из десяти тайных правил игры го (см. 11.17), «пренебрегай малым, чтобы выиграть большое».

12.7. Семь морских путешествий Чжэн Хэ

Согласно книге о стратагемах, вышедшей в Тайбэе в 1973 г., необычный пример применения Стратегемы № 12 связан с таинственной судьбой минского императора Хоя (1398—1402). Последний, заняв трон в 1398 г., решил покончить с властью феодалов в империи и для этого сместил многих феодальных князей и сделал их простыми подданными. Наконец остался только один удельный князь, в Янь. Он организовал сопротивление, приведшее к трехлетней гражданской войне. Гражданская война кончилась тем, что князь Янь захватил императорскую столицу Нанкин и сжег императорский дворец. Что при этом случилось с императором, остается неизвестным. Все легенды сходятся на том, что он исчез. Между прочим, предполагается, что он переоделся монахом и бежал за границу. Его враг, князь Янь, сам себя назначил его преемником и правил под именем императора Чэн-цзу (1402-1424)¹⁸⁶.

Выдающимся достижением эпохи его правления явились морские экспедиции, в которые он отправлял мусульманина, родом из Юньнани, евнуха Чжэн Хэ. С 1405 по 1433 г. Чжэн Хэ выходил в море семь раз. Первую морскую экспедицию 1405—1407 гг., в которой участвовало более трехсот судов и двадцать семь тысяч моряков, Чжэн Хэ повел к южному берегу Вьетнама, Яве, Суматре, Малакке, Цейлону и Калькутте. Во время экспедиции Чжэн Хэ, в частности, принял участие в деле о наследовании трона одного яванского королевства. В последующих экспедициях Чжэн Хэ сделал Калькуттское, Кочинское и Цейлонское царства вассалами Минской империи; китайские войска вторгались во внутренние области султаната на Суматре. Самое длительное путешествие предпринял Чжэн Хэ в 1417—1419 гг. к Аравийскому полуострову и восточноафриканскому побережью.

Согласно поздним китайским историческим работам, китайский император заботился о своем престиже, отправляя флот в моря Восточной Азии. С точки зрения автора уже упоминавшейся книги о стратагемах, вышедшей в Тайбэе, все эти лавры явились лишь «овцой, которую Китай подцепил по дороге», при том что главная цель оказалась не достигнута. Главной же целью было уничтожение объявившегося за границей императора Хоя. Собранный Чжэн Хэ политический урожай позже использовался с помощью Стратегемы № 12, чтобы прикрыть неудачи в отношении главной цели.

Автор тайбэйской книги о стратагемах обосновывает свой тезис тем, что никогда прежде ни один китайский император не стремился демонстрировать свой авторитет за границами империи. К тому же, поставив

¹⁸⁶ Когда в 1398 г. скончался основатель национальной китайской династии Мин — Чжу Юаньчжан, придворная камарилья в обход сыновей возвела на престол одного из его внуков. Сыновья, почувствовав себя ущемленными, начали борьбу за власть. Один из них, владетельный князь Яньцзин (бывшей столицы монгольской династии Юань — Даду) по имени Чжу Ди, сверг «узурпатора» Хой-ди и занял престол сам. Его храмовое имя было Чэн-цзу, а девиз годов правления — Юн-лэ (Вечная радость). Яньцзин он объявил северной столицей, переименовав его в Бэйцзин (Северная столица — современный Пекин). Прежняя столица его отца получила название Наньцзин (Южная столица — Нанкин).

С его именем связаны крупные преобразования в стране, активная завоевательная внешняя политика на севере и северо-востоке. На юге помимо завоеваний в Индокитае была организована серия морских экспедиций в страны южных морей, а также вдоль побережья Индостана вплоть до Африки.

подобную цель, конечно, не послали бы для проведения заграничной миссии евнуха. Евнухи вряд лигодились в качестве высших представителей китайской культуры.

Действительно, в биографии Чжэн Хэ, приведенной в изданной в 1739 г. китайской «Истории династии Мин», читаем:

«Император Чэн-цзу разгневался, что император Хой бежал за границу, и хотел преследовать его. Потому пожелал он, чтобы блеск его армии воссиял в дальних областях и показал всем богатство и мощь Китая».

Даже в этом официальном обосновании экспедиции Чжэн Хэ преследование исчезнувшего императора Хоя названо на первом месте и лишь за ним следуют прочие причины. В общем ту же последовательность причин экспедиции Чжэн Хэ демонстрирует также Фу Личэн, один из известнейших современных тайваньских историков, в «Краткой истории Китая»; в подобном же смысле высказывается Чжун Шухэ в книге «Цзоу сян шицзе» (Прорыв в мир. Пекин, 1985. С. 20). Чжун Шухэ указывает на обострившуюся как раз при Минской династии политику общей закрытости Китая по отношению к загранице. Китайцам, жившим поблизости от морского берега, было под угрозой штрафа запрещено строить морские суда, и в 1369 г. минский император Тай-цзу¹⁸⁷ повелел прервать все контакты с пятнадцатью странами, в том числе с Кореей и Японией.

12.8. В ожидании персика

Несколько изменяет формулировку Стратегемы № 12 Чжао Чжунсэнь, фабричный рабочий из Кайфына, в статье в «Жэньминь жибао» от 5 февраля 1977 г.:

«Труд — это борьба. В его процессе все время натыкаешься на противоречия и противостояние. Реагирование на них — серьезная проблема. Бывают люди, которые склоняются к выжиданию. Они ждут и ждут, пока проблема не решится сама собой. Если ожидание остается безуспешным, они снимают с себя всякую ответственность, говоря, что ничего поделать нельзя. Если же проблема решается за время ожидания, они «легкой рукой срывают персик».

12.9. Жонглирование фактами

Ши Цяо разоблачает в пекинской газете «Гуанмин жибао» за декабрь 1978 г. наступление так называемой «банды четырех» и ее союзников:

«Они вырывают из целого отдельные факты, изолируют их от прочих и выводят затем из них абсурдные заключения. Так, например, из ста деяний некоего государственного деятеля выбираются две-три ошибки и при умолчании о девяноста процентах его положительных качеств подаются как доказательство его неспособности».

Эти «контрреволюционные махинации», согласно Ши Цяо, породили за год у некоторых товарищей дурную привычку жонглировать фактами. Они постоянно подчеркивают, как важно сохранять контакт с действительностью, но ограничиваются тем, что «легкой рукой уводят попавшуюся на дороге овцу», то есть вырывают из всей полноты материала отрывочные даты, сведения и ситуации. «И они хотят таким образом доказать свою правоту».

12.10. Продвижение овцы

В связи со стратегией, обычно применяемой для продвижения по службе, формулировка Стратегемы № 12 всплывает в комментарии, впервые появившемся в № 5 хэйлунцзянского журнала «Партийная жизнь», которому было придано такое значение, что 3 апреля 1984 г. его перепечатала «Жэньминь жибао».

«При продвижении растущих функционеров вновь и вновь происходит обращение все к той же излюбленной «овце». У них обычно мягкий характер, они всем обычно отвечают «да-> и «хорошо», в моральном и производственном смысле имеют средние способности и никогда не доставляли трудностей руководству. Об этих людях можно сказать: «И начальства они не раздражают, и коллег не сторонятся». И когда заходит речь о повышении, о них сразу вспоминают. Всех их «проводят легкой рукой».

¹⁸⁷ Тай-цзу — храмовое имя основателя Минской династии Чжу Юаньчжана.

Все это совершенно неуместно. Я говорю «неуместно» не оттого, что такие люди могут возмутить право и порядок и нарушить спокойствие, но потому, что они, подобно немым трубачам в хоре из бамбуковых труб, занимают место, для которого не обладают соответствующей квалификацией, и, как кукушка, поселившаяся на ветке под соловьем, не могут ничего предпринять или совершить, а лишь мешают делу. Легко догадаться, что всякий, кто говорит только «да» и «хорошо» и постоянно оглядывается на начальство, заняв однажды руководящий пост, точно так же будет ждать указаний сверху и сможет самостоятельно выполнять работу только второго-третьего класса. «Увести овцу легкой рукой» просто, но таким образом нельзя совершить ничего нового».

12.11. Ложки, летающие без крыльев

Особенно часто в прессе КНР Стратегема № 12 приводится по отношению к случайному воровству, что соответствует определению этой стратегемы, которое дал в эпоху Цин (1644—1911) Гу Чжанси:

«Украсть, что плохо лежит, — это называется «легкой рукой увести овцу».

Так, многократно уже цитированная «Жэньминь жибао» в марте 1983 г. жаловалась, что многие люди «легкой рукой уводят овцу», причем речь шла не только об общественном имуществе, но также и об интеллектуальной собственности.

«Легкой рукой уведена овца» при «снятии пробы» с охлажденных напитков» — под таким заголовком «Бэйцзин ваньбао» («Пекинская вечерняя газета») в августе 1983 г. обвинила фабричного рабочего Ханя в краже трех кружек пива в баре пекинского крытого рынка «Восточный ветер».

«Легкой рукой уведены тарелки» — под таким заголовком шанхайская «Цзефан жибао» («Освобождение») в июне 1984 г. сообщала об учителе, который за обедом на загородной экскурсии шепнул своему соседу: «Эти тарелки можно не покупать на рынке. Я возьму одну себе».

«Легкой рукой увести миски» — такова подпись к карикатуре Чжу Сэньлиня в «Тяньцзиньской газете» от 2 сентября 1980 г. Отец, мать и сын радостно едят из мисок, которые, судя по надписям на них, происходят из различных столовых.

«Решительно положить конец уводам овец легкой рукой» обзавелся Се Цзяли из фирмы табачных и алкогольных изделий шанхайского пригорода Хуанпу в одной из китайских районных газет в августе 1979 г.: «В последнее время многие гостиницы точно установили, что немало ложек умеет летать без крыльев».

12.12. Подобранный веревка

Тайваньская книга о стратегемах подчеркивает, что предпосылкой для применения Стратегемы № 12 должна быть незаметность и беспрепятственность «увода овцы». Если же при осуществлении стратегемы человеку помешали, на первый план выходит искусство отговорок, спасающих всю затею. Вот анекдот из одной из гонконгских книг о стратегемах:

«Ворующий коров приведен был к судье и обвинен в краже. Но он оправдывался со словами: «С каких это пор я ворую коров? Я просто увидел на дороге веревку и решил поднять ее и унести домой. А уж привязанная к веревке корова пошла со мной по своей воле».

Это, конечно, шутка, пишет гонконгский автор, но чем от этого отличается тон письма, которое написал маньчжурский военачальник и завоеватель Доргон (1612—1651) после поражения Минской династии в 1644 г. военачальнику Ши Кэфа (ум. 1645), оставшемуся верным Мин и после захвата маньчжурами Пекина боровшемуся за восстановление Минской династии? Доргон пытается убедить Ши Кэфа капитулировать и описывает захват маньчжурами Северного Китая в следующих выражениях:

«Ради воцарения мира в государстве захватили мы Яньцзин [Пекин]; мы отобрали его у Ли Цзычэна [предводителя крестьянского восстания], а вовсе не у благородной Минской династии».

Квинтэссенция Стратегемы № 12 выражена одной из тайваньских книг о стратегемах в таких словах:

«Стратегема № 12 включает в себе требование не сосредоточивать все внимание на отдельных обстоятельствах, а, напротив, расширить поле своего зрения, чтобы, если в нем возникнут какие-нибудь возможности для выигрыша, а) сразу же заметить их и б) использовать. Даже малейшее, едва заметное преимущество не следует недооценивать. Мелкими каплями наполняется океан. Польза от стратегемы «Легкой рукой увести овцу» заключается не в приобретении отдельной овцы, а в непредвиденном

выигрыше, обеспеченном постоянной установкой на открытость ко всему и находчивость, что во много раз увеличивает значимость этого выигрыша».

Стратегема № 13. Бить по траве, чтобы вспугнуть змею

Четыре иероглифа	打	草	惊	蛇
Современное китайское чтение	да	цао	цзин	шэ
Перевод каждого иероглифа	бить	трава	спугнуть	змея
Связный перевод	Бить по траве, чтобы вспугнуть змею.			
Сущность	Поворошить палкой в норе. Стратегема косвенного предостережения, запугивания, предупредительного выстрела. Стратегема провокации.			

Одно из старейших упоминаний объяснительной притчи к Стратегеме №13 находим в труде «Нань Тан цзинь ши» («Современная история династии Южная Тан») ¹⁸⁸, написанном Чжэн Вэньбао в 977 г. н. э.

13.1. Потревоженная совесть

При династии Южная Тан (937—975) некий Ван Лу служил начальником уезда Дату (соответствует современному уезду Дату в провинции Аньхой). Он был известен своей жадностью и взяточничеством. Однажды жители его уезда подали жалобу на секретаря Ван Лу с обвинениями во взятках, а также в других проступках. Когда Ван Лу прочитал обвинения, которые относились также и к нему, он очень испугался. В таком настроении он написал:

«Вы еще только постучали по траве, а я уже подобен вспугнутой змее».

Была ли рассчитана жалоба на такое действие, из этого отрывка неясно, но, во всяком случае, фраза Ван Лу может быть источником формулировки Стратегемы № 13, встречающейся также в китайской буддийской литературе. Согласно «Заметкам о передаче факела» («Чуань дэн лу»), собранию буддийских изречений эпохи Сун (X—XIII вв.), один из буддийских учителей сказал:

«Я бью по траве, и змея ужасается».

Здесь также обыгрывается применение палки для ударов, вызывающих просветление. Это — буддийское педагогическое средство, применявшееся к неопитам монахом Дэ Шанем, жившим в эпоху Тан (618—907). Исполованное ударами палки тело здесь соответствует побитой траве, из которой появляется уподобляемая змее душа, доселе погруженная в мирские мечты, или, по китайскому выражению, в красную пыль.

Сам Чжу Си (1130— 1200), основатель неоконфуцианства, признанного в 1313г. официальной религией ¹⁸⁹,

¹⁸⁸ Могущество династии Тан было подорвано восстанием крестьян во главе с Хуан Чао. В январе 881 г. повстанцы захватили столицу империи Чанъань. Императорский двор бежал на юг. Однако к 901 г. восстание было жестоко подавлено. Фактическая власть в стране принадлежала полководцам-карателям. Один из них — Чжу Вэнь — увез императорскую семью в Лоян, а затем полностью истребил ее (906). На юге страны положение было более устойчивым, военные действия вспыхивали реже, здесь сохранялся режим Танской империи (династия Южная Тан). Север же подвергся вторжению киданей, провозгласивших в 916 г. свое государство империей, которая в 937 г. приняла название Ляо. Оплотом сопротивления киданям стал Кайфэн. В 960 г. гвардия провозгласила своего командира Чжао Куаньиня императором династии Сун. В ходе длительных войн новой династии удалось к 980 г. добиться объединения Китая.

¹⁸⁹ Неоконфуцианство Чжу Си складывалось как официальная государственная доктрина Сунской империи. Эта философская система развивалась в условиях борьбы Китая против натиска чжурчженской империи Цзинь и Тангутского государства, поэтому ее стержнем была идея упрочения центральной власти и пресечения сепаратистских, центробежных устремлений крупных феодалов. В качестве государственной идеологии конфуцианство, обновленное Чжу Си, просуществовало вплоть до XIX столетия. Феодално-

также применял формулировку Стратегемы № 13. Так, в письме (относящемся, по-видимому, к 1196 г.), адресованном Хуан Жэньцину, он пишет:

«Твое послание, полученное мною, написано просто, и по смыслу ясно. Ли Цан должен поостеречься. Боюсь я только, что он, увидев Хуан Шанбо в тяжелом положении, уподобится вспугнутой ударами по траве змее и не решится больше ничего предпринять».

Хуан Жэньцин, Хуан Шанбо и Ли Цан — ученики Чжу Си. Он использует здесь формулировку Стратегемы № 13 чисто иллюстративно — так же, как и Ван Шифу, творивший в конце XIII — начале XIV в., в пьесе «Си сян цзи» («Западный флигель»), признанном шедевре китайской драматической поэзии¹⁹⁰. Когда Чжан Гун, герой пьесы, в IV акте по дороге в столицу, смертельно усталый, засыпает в придорожной корчме, ему снится его возлюбленная Ин-ин. Она бежит за ним торопливо, как «вспугнутая ударами по траве змея».

В то время как Чжу Си применяет это выражение для описания смятенного состояния духа, Ван Шифу пользуется им для передачи грациозных движений бегущей девушки. В обоих случаях стратегемное значение отсутствует.

1 3.2. Казнить одного, чтобы предостеречь сотню

Применение этого принципа в борьбе с преступниками сформулировал еще во времена ханьского императора Сюаня (74—49 до н. э.) Инь Вэнгуй, правитель Дунхая (на юго-востоке современной провинции Шаньдун и северо-востоке современной провинции Цзянсу).

По преданию, Инь Вэнгуй мудро исполнял свою должность и следовал законам. Все преступления по своему уезду он расследовал лично и постановил производить казни за тяжкие преступления во время ежегодных осенних и зимних собраний чиновников или же его инспекционных поездок. Причиной того было намерение «одной смертной казнью предостеречь сотни людей». Согласно биографии Инь Вэнгуя в «Истории династии Хань», многие чиновники и простые люди, шедшие по скользкой дорожке, под воздействием страха начинали новую жизнь. Так, например, Инь Вэнгуй своими руками казнил ужасного злодея Сю Чжунсуя, которого не решались покарать его предшественники. Эта казнь всполошила весь уезд Дунхай. «Весь уезд пребывал в страхе и ужасе, и никто более не решался идти против законов. После этого во все правление Инь Вэнгуя в Дунхае царили мир и порядок».

Этот пример я взял из книги Чжоу Цзиньхуа «Чэньюй гуши убай пянь» (500 историй о китайских пословицах. Чуньцин, 1982), из главы о пословице «Чэньюй цзин бай» — «Наказать одного, чтобы напугать многих».

Здесь наказание одного лица выступает в качестве «битья по траве», в результате которого многочисленные преступные элементы — «вспугнутые змеи» — в испуге отвращаются от преступления.

В области борьбы с преступностью видит возможность применения Стратегемы № 13 и один из тайваньских авторов. Он советует в неясных случаях прежде всего «разворошить окружение подозреваемого». Здесь он имеет в виду некоторые тайваньские дела о коррупции, в которых допрашивались и арестовывались не главные подозреваемые, занимавшие самые высокие посты, а их ближайшее окружение — секретари, шоферы и прочие.

13.3. Убить курицу, чтобы запугать обезьяну

Ли Боюань (1867—1906) в политическом романе «Гуаньчан сяньси цзи» («Разоблачение мира чиновников») приводит Стратегему № 13 в слегка измененном виде. Она всплывает в главе 53, где ее применяет маньчжурский генерал-губернатор Цзяннани¹⁹¹ Вэньмин. Генерал-губернатору, как раз когда он собирался

патриархальные основы государственности, взаимоотношений верховной власти и низов при императорах Канси (1662—1722) и Цяньлуне (1736—1795) даже утверждались специальными указами, содержащими ссылки на воззрения Чжу Си.

¹⁹⁰ Этот шедевр китайской драматургии опубликован на русском языке (см.: Ван Ш и Фу. Западный флигель / Пер. и предисл. Л. Н. Меньшикова. М., 1960).

¹⁹¹ Цзяннань — в императорском Китае территории к югу от реки Янцзы (части провинций Цзянсу и Аньхой), выделявшиеся в самостоятельную административную единицу.

пообедать, сообщили о визите некоего иностранца.

Это оказался консул одной страны. Зачем ему понадобился генерал-губернатор? Незадолго до того генерал-губернатор приказал казнить одного из солдат личной охраны. Само по себе это не было важным событием. Видимо, для этой казни были свои причины. Но казнь происходила не на плацу и не перед воротами ямыня, а прямо напротив консульства. Это так всполошило консула, что он решил побеспокоить генерал-губернатора. Ворвавшись к нему, он сразу же после приветствия изложил дело и спросил, какова причина того, что казнь состоялась близ консульства. Генерал-губернатор был уже стар, но, к счастью, также весьма мудр и образован. После короткого раздумья он сказал: «Почтенный консул еще не спросил меня, кого я приказал казнить. Этот солдат был очень плохой человек; он был «боксером» и замешан во всех тех неприятностях, с которыми столкнулась ваша уважаемая страна и другие страны в нашей столице во время восстания «боксеров»¹⁹².

«Если он был «боксером», то, конечно, он был приговорен не зря; тем не менее почему он все-таки был казнен перед нашим консульством?»

Генерал-губернатор минутку подумал и сказал:

«На то есть своя причина. Совершение казни должно было явиться устрашающим примером для других «боксеров». Консул, возможно, не знает, что эти «боксеры» хотели свергнуть династию Цин [1644—1911] и истребить всех иностранцев¹⁹³. Поэтому я решил воспользоваться стратагемой. Я приказал казнить этого солдата перед вашим консульством. Его сообщники должны были увидеть, что их ожидает. Пословица верно говорит: «Убей курицу, чтобы запугать обезьяну». Я приказал казнить только одного солдата, но все бывшие «боксеры», увидев этот пример, в будущем уже не решатся докучать вашему консульству и подданным вашего государства».

Консул громко расхохотался, похвалил предусмотрительность генерал-губернатора, произнес еще несколько незначущих слов и ушел.

Генерал-губернатор проводил посетителя до дверей. Вернувшись в свою комнату, он вытер пот со лба, для чего ему понадобилось несколько платков — так его напугало посещение консула. Придя в себя, он вызвал всех полицейских и слуг:

«...Видели бы вы, в каком настроении был этот иностранец. Только благодаря моей мудрости я смог смягчить его двумя-тремя словами, а не то кто знает, что могло бы случиться...»

В этом диалоге достойно внимания то, как генерал-губернатор объясняет посредством Стратагемы №13 неприглядную для него ситуацию в выгодном для себя свете. Ибо в действительности казнь произошла перед консульством по недосмотру и без всякой задней мысли. Это пример того, как стратагема, использованная демагогически, может выручить из неприятного положения. Случается, конечно, и обратное: применив стратагемный анализ, можно бог знает что увидеть в совершенно безобидных действиях и ситуациях (см. 7.12, 7.19 и др.).

В интерпретации генерал-губернатора казненный перед посольством «боксер» был «убитой курицей» или же «побитой травой», а его сообщники — «вспугнутыми обезьянами» или «змеями».

Использование Стратагемы № 13 вовсе не ограничивается «вспугиванием змей» с целью, образно выражаясь, лишить их яда. На следующем уровне интерпретации, судя по приводимым в китайской литературе о стратагемах примерам, речь идет о том, чтобы «битьем по траве» побудить «змей» к определенным действиям.

¹⁹² Восстание «боксеров» — так называлось народное восстание ихэтуаней в Северном Китае в 1898—1901 гг. Свое название это восстание получило от наименования руководившего им тайного общества «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»), или «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и мира»).

¹⁹³ На самом деле ихэтуани с самого начала движения выступали под лозунгом «Поддержим Цин, смерть иностранцам!». Правящая верхушка империи, стараясь удержаться у власти, признала движение патриотическим, пыталась ввести его в легальное русло, но затем предала повстанцев, вступив в сговор с империалистическими державами.

13.4. Приобретение наложницы путем измерения земли

Текст см. на с. 32. Дерзкие претензии молодого человека на наследство — битье по траве — повергли в ярость тетку, то есть «вспугнули змею». К тому же они побудили женщину разрешить мужу то, что раньше ему запрещалось, лишь бы имущество не досталось непочтительному юнцу.

13.5. Вынужденный брак

У царя государства Чжуншань были две возлюбленные — придворные дамы по имени Инь и Цзян. Обе надеялись стать царицами и потому втайне отчаянно боролись друг с другом. Советник царя Сыма Си заметил это соперничество и решил, что может им воспользоваться, чтобы увеличить свое богатство и влияние. Ради этого послал он тайно к даме Инь посланца, который, не называя имени посланного, нашептал ей:

«Стать царицей — это не пара пустяков. Если вы добьетесь своего, вы станете первой дамой в государстве и достигнете могущества и власти. Если же вы потерпите неудачу, не только ваша жизнь, но и жизнь всей вашей семьи окажется в опасности. Так что вам следует либо отказаться от цели, либо принять бой, но это — только в том случае, если победа будет за вами наверняка. А добиться успеха вам поможет только господин Сыма Си».

После этого дама Инь тайно встретилась с Сыма Си. Тот вскружил ей голову искусно разработанным планом. После его рассказа госпожа Инь возблагодарила небеса и землю и сказала: «Если вам это удастся, я вам щедро отплачу». В подтверждение она тут же выдала ему крупную сумму.

В соответствии со своим планом Сыма Си отправил к царю записку. Он написал, что хочет переговорить о своих замыслах о том, как увеличить силу государства, а силу соседей уменьшить. Царь весьма заинтересовался и пожелал видеть Сыма Си, чтобы переговорить о его плане.

Сыма Си предложил под видом дипломатического визита посетить государство Чжао и тайно изучить там военные укрепления, топографию и политическую ситуацию. Он сказал, что, только вернувшись, сможет разработать точный план. Царь снабдил его подарками и деньгами и отправил в Чжао.

Завершив официальную беседу с властителем Чжао, Сыма Си завел с ним непринужденный разговор, в котором сообщил, что много слышал о красавицах из Чжао, но до сих пор ни одной не видел. «Правду сказать, — продолжил он, — побывал я во многих странах и видел, наверно, всех красавиц в мире, но, думается, ни одна не может сравниться с придворной дамой Инь у меня на родине. Подобна она небесной фее, спустившейся на землю. Ее красоту невозможно ни описать словами, ни изобразить с помощью туши и кисти».

У властителя Чжао екнуло сердце, когда он услышал такие слова, и он торопливо спросил: «А нельзя ли было бы мне ее добыть?»

Сыма Си, поразмыслив, придал разговору другое направление и отвечал: «Я ведь это только так сказал. Если вы захотите добыть эту женщину, я не смогу вам помочь. Хотя эта женщина всего лишь придворная дама, царь Чжуншаня очень любит ее. Во имя Неба, помалкивайте о том, что я вам сказал, а не то меня казнят».

Царь Чжао усмехнулся и намекнул, что он тем не менее хотел бы получить эту женщину.

Сыма Си вернулся в свою страну и отчитался перед своим царем. При этом он посплетничал о властителе Чжао, который, по его словам, оказался совершенно легкомысленным и распутным и думал только о женщинах. «А кстати, — продолжил он, — я узнал из верного источника, что властитель Чжао втайне замыслил заполучить придворную даму Инь».

«Что за подлец!» — возмутился царь Чжуншаня.

Сыма Си призвал царя успокоиться и сказал: «Ныне государство Чжао более могущественно, чем наше, и мы не можем победить его. Если царь Чжао потребует даму Инь, нам придется отдать ее. Если же мы этого не сделаем, Чжао сочтет нас недружелюбными, нападет на нас и уничтожит. Но если мы отдадим ее, то над нами все будут смеяться, говоря, что мы так слабы, что вынуждены были отдать чужому царю возлюбленную нашего царя».

«Что же делать?» — спросил царь.

Сыма Си спокойно отвечал: «Есть только одно средство. Если вы сделаете даму Инь царицей, это умерит аппетиты властителя Чжао. Еще не было такого, чтобы какой-нибудь правитель требовал себе в жены царицу другой страны».

«Очень хорошо», — сказал царь, и дама Инь без особого труда сделалась царицей.

В этом примере сексуальное стимулирование властителя Чжао, проведенное Сыма Си, явилось «битьем по траве», а царь Чжуншаня — «вспугнутой змеей». Стратегема № 13 выступает здесь как стратегема провокации: царь Чжуншаня был спровоцирован жениться на даме Инь.

13.6. Проиграть врагу сначала женщину, а потом битву

В 54-й и 55-й главах «Троецарствия» описываются следующие события.

Сунь Цюань, владыка государства У (на юго-востоке тогдашнего Китая, одно из трех царств в III в. н. э.), послал Лу Су к Лю Бэю, будущему властителю Шу, второго из трех царств, с требованием отдать область Цзинчжоу. Эту область Лю Бэй захватил в результате Битвы у Красных стен (см. 9.1). В этой битве Лю Бэй заключил союз с Сунь Цюанем против Цао Цао, впоследствии основавшего третье царство Вэй на севере тогдашнего Китая. Но, несмотря на этот союз против общего врага, между Сунь Цюанем и Лю Бэем продолжало существовать почти неприкрытое соперничество, даже вражда, поскольку Лю Бэй считал себя наследником династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) и вследствие этого законным претендентом на трон императора всего Китая. Поэтому Лю Бэй отверг требование посланца Сунь Цюаня. Тот возвратился в Шу несолоно хлебавши. Тут Чжоу Юй, советник Сунь Цюаня, узнал, что умерла Гань, супруга Лю Бэя. Ему показалось, что он нашел способ прибрать к рукам Цзинчжоу, и он обсудил с Лу Су следующий план: следовало отдать в жены Лю Бэю Сунь Шансян, младшую сестру Сунь Цюаня. Чтобы привести супругу домой, Лю Бэй должен будет поехать в государство У. Тут-то его и надо будет захватить в качестве заложника и обещать свободу, если он отдаст Цзинчжоу.

Сунь Цюань одобрил этот план и вновь отправил к Лю Бэю посланца. Чжугэ Лян, советник Лю Бэя, разгадал хитрость и решил обратиться против врага. В 209 г. н. э. он отправил Лю Бэя в У под охраной военачальника Чжао Юня, которому дал тайные письменные инструкции. Явившись в У, Чжао, согласно инструкции Чжугэ Ляна, отправил половину охраны с определенными поручениями в столицу У. Затем он посоветовал Лю Бэю посетить старейшину Цяо, приходившегося тестем Чжоу Юю и Сунь Цэ, старшему брату Сунь Цюаня. Передав ему подарки, Лю Бэй сообщил, что Сунь Цюань приказал устроить его, Лю Бэя, свадьбу со своей сестрой.

В то же время половина эскорта Лю Бэя в праздничных одеждах явилась в столицу государства У и начала закупать всевозможные вещи для свадьбы Лю Бэя с дочерью правящего дома У. Новость распространялась как на крыльях ветра, и скоро весь город только об этом и говорил.

После визита Лю Бэя старейшина Цяо отправился к матери Сунь Цюаня, владыки У, чтоб поздравить ее со счастливым событием.

«С каким счастливым событием?» — воскликнула мать царя.

«Со свадьбой вашей возлюбленной дочери с Лю Бэем. Он уже приехал, как вы, конечно, знаете».

«Я, бедная, ничего об этом не знаю», — пожаловалась мать царя. Она тут же послала за сыном и отправила слуг в город, чтоб они разведали, что происходит. Слуги скоро возвратились и доложили, что сообщение старейшины Цяо соответствует фактам и что жених уже поселился в гостинице. У него в свите пятьсот солдат, и он закупает в городе свиней, овец и фрукты для свадебного пира. Мать царя была глубоко потрясена.

Сунь Цюань, придя вскоре, увидел, что его мать бьет себя в грудь и горько рыдает.

Сунь Цюань спросил: «Чем так опечалена, моя матушка?»

Мать отвечала: «Тем, что ты обходишься со мной как с пустым местом. Что сказала тебе моя старшая сестра, когда лежала при смерти?»

Сунь Цюань, встревоженный, спросил: «Если матушка хочет мне что-то сказать, пусть скажет яснее. Какова причина твоего горя?»

«Когда девушка подрастает, ее выдают замуж. Так положено с давних времен. Но ведь я — твоя мать, и ты

должен был сообщить мне, что Лю Бэй хочет стать моим зятем. Почему ты скрыл это от меня? Устройство этой свадьбы — мое дело».

«Кто тебе об этом сказал?» — спросил Сунь Цюань, пораженный.

Мать отвечала: «Весь город говорит об этом, и только от меня ты это скрыл».

Старейшина Цяо сказал: «Я знаю об этом уже несколько дней и явился сюда, чтобы передать пожелания счастья».

«Это все неправда, — сказал Сунь Цюань. — Это стратагема моего советника Чжоу Юя, чтобы добиться возврата Цзинчжоу. Чжоу Юй использовал этот предлог, чтобы заманить Лю Бэя, захватить его и вынудить отдать Цзинчжоу. Если мы не получим Цзинчжоу, то казним Лю Бэя. Брак с моей сестрой — это только стратагема, он не соответствует нашим истинным намерениям».

Мать страшно разгневалась и стала поносить Чжоу Юя. «Он — правитель шести областей и восьмидесяти одного уезда и не может придумать для возврата Цзинчжоу стратагема лучшей, чем стратагема «Красавица» с моей дочерью в качестве приманки? Если Лю Бэй будет убит, то моя дочь никогда не получит супруга, потому что кто же тогда на ней женится? Нечего сказать, блестящее решение, разбить жизнь моей дочери!»

Старейшина Цяо поддакнул: «Может, вы и заполучите Цзинчжоу с помощью этой стратагема, но во всей Поднебесной люди будут насмехаться над вами».

Сунь Цюань погрузился в молчание. Мать его продолжала ругать Чжоу Юя.

Тут старейшина сказал: «В конце концов, Лю Бэй — потомок императорской династии Хань. Видимо, ничего не остается, как принять его в качестве зятя и постараться, чтобы эта скверная история не вышла на свет».

В результате действительно произошла свадьба Лю Бэя с сестрой Сунь Цюаня, и он увез ее в Цзинчжоу. Чжоу Юй попытался преследовать его с войском, но натолкнулся на организованное по совету Чжугэ Ляна сопротивление и потерпел полное поражение. Эта история отразилась в китайской поговорке: «Пай лэ фужэнь чжэ бин» («Проиграть врагу сначала женщину, а потом битву»).

Эта поговорка рассматривается, например, в книге «500 историй о китайских пословицах» (Чунцин, 1982).

История приводится в качестве примера на Стратагему № 13 в книге о стратагемах, вышедшей в 1973 г. в Тайбэе. «Битье по траве» здесь — внезапное сопротивление со стороны матери царя плану Чжоу Юя использовать ее дочь как приманку. Гнев матери поверг ее сына Сунь Цюаня («змею») в страх и ужас. Поэтому расстроился хитрый план.

13.7. Опасность в Яошаньских горах

В 627 г. до н. э. Му, князь государства Ци, замыслил поход против отдаленного княжества Чжэн. Министр Цзянь Шу предостерегал против дальнего похода, утомительного для войск, но князь Му пренебрег предостережениями. Рыдая, Цзянь Шу проехал некоторое расстояние вместе с уходящей армией и изложил свои соображения военачальнику Мэн Минши перед горами Яошань (в современной провинции Хэнань), через которые лежал обратный путь. На этом пути следовало опасаться засады. Но самоуверенный и высокомерный военачальник не обратил внимания на предупреждение. После неудачного похода он стал переходить горы, не разведывая дорогу, а ограничившись тем, что разделил свои войска на четыре колонны, следовавшие одна за другой. Передняя колонна наткнулась на засаду небольшого вражеского отряда, который быстро отступил. Так и не предприняв дальнейшей разведки, Мэн Минши ввел свои войска в узкую долину, в которой был полностью окружен противником. Циньская армия погибла вся до единого воина.

Эта история из «Исторических записок» Сыма Цяня приводится в пекинской книге о стратагемах от 1987 г. как пример катастрофических последствий неучета стратагема «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею», что в данном случае означало бы с помощью авангарда выгнать из кустов залегшего в засаде врага, вместо того чтобы, не разведав обстановки, вести свою армию в неизвестность.

Совершенно иначе вел себя через 800 лет один вэйский военачальник.

13.8. Предусмотрительный Сыма И

После падения династии Хань в 220 г. н. э. в Китае образовалось три царства: Вэй на севере, У на юго-востоке и Шу на юго-западе. Царство Шу, как мы уже видели, было основано Лю Бэем, потомком императорского рода Хань. Чтобы установить господство династии Хань над всем Китаем, Шу в период между 225 и 234 гг. предприняло несколько военных походов на север против Вэй.

В 231 г. первый министр Шу Чжугэ Лян (ум. 234) начал пятый поход против Вэй. Его противником, как и прежде, был выдающийся военачальник Сыма И. У горы Цишань обе армии долго медлили, не вступая в бой, поскольку Сыма И избегал прямого столкновения. Внезапно Чжугэ Лян получил известие, что государство Вэй сговорилось с государством У и воспользовалось отсутствием Чжугэ Ляна, чтобы напасть на Шу с запада. Чтобы избежать открытия второго фронта, Чжугэ Лян стал готовиться к отступлению. Об этом узнал через своих шпионов Сыма И, которому еще не было известно о союзе между У и Вэй. Он начал опасаться, что Чжугэ Лян использует стратегию «Инь шэ чу дун», то есть «Выкурить змею из норы». Поэтому он не решился преследовать шуские войска и решительно отклонил требование Чжан Хэ, одного из своих офицеров, немедленно начать преследование. Только когда новая разведка подтвердила отступление армии Шу, Сыма И спустился с гор, чтобы преследовать противника, но, боясь, что Чжугэ Лян мог устроить засаду, решил применить стратегию «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею».

Поскольку начальник авангарда Чжан Хэ продолжал стремиться к немедленному преследованию шуской армии, Сыма И удовлетворил его желание. Но, согласно со Стратегией № 12, он дал Чжан Хэ только несколько тысяч всадников, а сам последовал сзади с основными силами.

Чжан Хэ, который уже давно с нетерпением ожидал непосредственного столкновения с армией Шу, поскакал вперед со своими несколькими тысячами воинов. Но Чжугэ Лян, как того и опасался Сыма И, оставил в одной долине засаду. В эту узкую лесистую долину и въехал галопом храбрый, но не искушенный в стратегиях Чжан Хэ. Он не знал, что Сыма И использует его как «палку», чтобы выгнать из кустов «змею». Так он заехал в глубь долины, и вдруг из лесной засады появился отряд шуской армии. Предводитель отряда Вэй Янь атаковал Чжан Хэ, но через короткое время повернул назад, изображая бегство. Чжан Хэ и его воины без опаски преследовали убегавший шуский отряд. Постепенно темнело, и вэйский отряд забеспокоился. Вдруг со всех сторон сомкнулись стволы деревьев, и в воздухе засвистели бесчисленные стрелы, выпущенные из засады шускими воинами по вэйскому отряду, который в результате погиб весь до последнего человека.

Об этом узнал Сыма И, который возблагодарил небеса за то, что догадался использовать стратегию «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею». Ведь благодаря этому остались невредимыми основные силы его армии.

Эта история была опубликована в 1982 г. в виде комикса тиражом 554 500 экземпляров; издание посвящено 36 стратегиям. Вышеприведенный пример иллюстрирует Стратегию № 13-

Не напрасно в «Трактате о 36 стратегиях», в главе о Стратегии № 13, приводится отрывок из труда Сунь-цзы по военному искусству, из главы «Армия на марше»:

«Когда наступающая армия проходит топографически сложные места — перевалы, болота или леса, — она должна продвигаться осторожно и производить разведку местности, чтобы не попасть в засаду противника»¹⁹⁴.

В еще более общем виде сформулирован этот совет в пекинской книге о стратегиях, вышедшей в 1991 г.:

«Если имеются сомнения, следует выяснить истинное положение дел. Только если полностью представляешь себе обстановку, можно начинать дело. Повторяющаяся разведка — это шанс для обнаружения замаскировавшегося противника».

В этой связи в книге приводятся два примера.

¹⁹⁴ Н. И. Конрад переводит название этой главы как «Поход». Параграф 11 этой главы дает такое указание: «Если в районе движения армии окажутся овраги, топи, заросли, леса, чащи кустарника, непременно внимательно обследуй их. Это места, где бывают засады и дозоры противника» (Конрад Н. И. Указ. соч. С. 36).

13.9. Битва на корейском плато Чонгдонг

Во время корейской войны китайская армия при наступлении на северо-западе плоскогорья Чонгдонг оказалась в следующем положении. Противник укрылся в двух тоннелях, более чем в сорока бункерах и более чем в двадцати блиндажах. В распоряжении атакующих китайцев имелось более двух полков, поддерживаемых артиллерией и несколькими танками. Вечером 4 ноября 1953 г. китайцы пустили вперед две колонны, которые, стремительно наступая, обстреляли противника с обоих флангов. Двадцатиминутная схватка побудила противника выйти из укреплений и вступить в открытый бой. Обе китайские колонны отступили, и вражеские войска и огневая сила оказались совершенно открытыми. В этот момент китайцы выстрелили по противнику одновременно из 24 реактивных установок, поддержанных горной и полевой артиллерией, гаубицами и танковыми орудиями. Противник понес тяжелые потери. После этого китайские войска перешли в наступление, и три вражеские роты были уничтожены. В этом случае первая атака китайских колонн соответствует «битью по траве», а противник, подобно «змее», выползает из своего укрытия.

13.10. Огонь по фальшивым десантникам

Согласно пекинской книге о стратегемах, вышедшей в 1987 г., англо-французская армия во время операции по высадке в Порт-Саиде 5 ноября 1956 г. использовала изображения парашютных десантников из дерева и резины. Египетская армия приняла их за настоящих десантников и приказала наземной артиллерии открыть по ним огонь. После этого египетские солдаты перешли в наступление, чтобы собрать приземлившихся искусственных «парашютистов» и уничтожить их. Таким образом египтяне открыли свою огневую и живую силу. После этого воздушные силы Франции и Англии нанесли египтянам тяжелые потери.

Это применение Стратегемы № 13 во время Суэцкого кризиса 1956 г., впрочем, не подтверждается ни полковником Тревором Дьюпаем в книге «Elusive Victory — The Arab-Israeli Wars, 1947— 1974» (Лондон, 1978), ни Жаком Массю в работе «La Vérité sur Suez 1956» (Париж, 1978).

13.11. Грезы о «Ста цветах»

Гонконгская книга о стратегемах приводит в главе о Стратегеме №13 следующий пример.

В 1957 г. Коммунистическая партия Китая решила выявить все элементы, настроенные враждебно по отношению к ней в партийных и государственных органах, а также в культурных кругах. Ради этого было сыницировано движение «Пусть расцветают сто цветов»¹⁹⁵, направленное на свободное выражение мнений. Это вызвало в стране мощную реакцию. По всей стране от крестьянских деревень до городов, от народных учителей до университетских профессоров бесчисленные китайцы открыто выражали свое несогласие. Однако движение это продлилось недолго и быстро перешло в новое движение по борьбе за ликвидацию «правых». Большая часть тех, которые во время кампании «Ста цветов» поддались на провокацию, подпали под эту новую кампанию. Это явление 1957—1958 гг., когда, образно говоря, «змеи» были выгнаны из кустов и обезврежены, по-видимому, занимало умы многих китайцев еще в конце 70-х годов. Пекинская газета «Гуанмин жибао» писала в ноябре 1979 г.:

«Есть люди, которые рассматривают партийную норму «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» как стратегию, понадобившуюся для того, чтобы «выгнать змею из норы».

В 1986 г. в Китайской Народной Республике всерьез подумывали отметить тридцатилетие партийного лозунга «Пусть расцветают сто цветов».

13.12. Возвращение Царя обезьян

«Убирайся!» — приказал монах Трипитака своему спутнику, Царю обезьян Сунь Укуну. С этими словами

¹⁹⁵ Более точным переводом названия этого курса, который давался самими китайскими специалистами, является «Пусть расцветают все цветы». Дело в том, что иероглиф «бай» — «сто» — имеет и значение «все». Любопытно, что это выражение зародилось еще в эпоху Чунь-цю («Весны и Осени») (722—481 до н. э.) и звучало как «бай цзя чжэн мин» — «пусть соперничают все ученые». Кампания 1956—1957 гг. также получила название «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» (см.: Маркова С. Д. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события (1956— 1973). М., 1975. С. 37-78).

Трипитака соскочил с коня и велел своему второму спутнику, Песочному монаху Ша¹⁹⁶, достать бумагу и кисть. Затем он принес от ближайшего ручья немного воды, наскоблил с тушевого камня немного туши и здесь же написал отпускное свидетельство:

«О обезьянья морда! Прими это свидетельство. Отныне я отказываюсь считать тебя учеником. Если ты когда-нибудь еще попадешься мне на глаза, пусть провалюсь я в самую глубокую щель в аду».

Царь обезьян торопливо взял свидетельство и отвечал:

«Учитель! Не надо произносить проклятий, я сейчас же иду!»

Он почтительно склонился перед монахом и затем дал Песочному монаху Ша следующий совет:

«Если вдруг какое-нибудь чудовище нападет на Учителя, ты должен лишь сказать этому чудовищу, что я, Царь обезьян, был старшим учеником Учителя. Поскольку мое искусство известно всем чудищам, они не осмелятся причинить Учителю вред».

Действительно, Царь обезьян имел основания для подобной самоуверенности. Рожденный в незапамятные времена из оплодотворенного Небом каменного яйца, он стал властителем обезьяньего царства на Востоке, посреди Великого моря, на острове, носящем название «Гора цветов и плодов». Один мудрец посвятил его в тайну бессмертия и обучил всем магическим искусствам. Благодаря этому Царь обезьян мог по своему желанию изменять внешность, находиться одновременно в нескольких разных местах и становиться невидимым. Все стихии были ему подвластны, и, не опасаясь расстояний, он перемещался, кувыркаясь по облакам, на тысячи миль в одно мгновение. Его алмазные зеницы проникали сквозь любые преграды. Оружием его была огромная железная палица с золотыми шипами. Эта палица могла по его приказу вырастать до огромных размеров или уменьшаться до швейной иголки, которую он прятал у себя в ухе. Своей безрассудной отвагой не раз повергал он в смятение небеса. Ни один из небесных обитателей не мог с ним сравниться. Небожителям не оставалось ничего другого, как признать его могущество и возвести его в ранг «Равного Небесам Великого Святого».

Но Царь обезьян так и остался своенравным упрямым: он унес без разрешения персики жизни, росшие в строго охраняемом саду царицы-матери, без разрешения пил небесный нектар и проглотил отборные, сделанные Лао-цзы веретена жизни. Только самому высочайшему Будде удалось заточить Царя обезьян под горой. Там принужден был лежать он в наказание за свои проказы в течение столетий, пока наконец не раскаялся и не был отпущен, чтобы помочь монаху Трипитаке доставить священные рукописи с Запада.

Но теперь Трипитака не желал его больше знать.

«Я хочу быть добрым монахом, — сказал он. — Никогда больше имя злого духа, подобного тебе, не придет мне на уста. А теперь убирайся!»

Когда Царь обезьян увидел, что Учитель не смягчается, он попросился, совершил кувырок по облакам на тысячу миль вдалеку и устремился в свое обезьянье царство на Гору цветов и плодов.

Что же произошло?

По пути на Запад в Индию за священными буддийскими рукописями монах Трипитака вместе с Царем обезьян, Монахом-свиньей Чжу Бацзе, Песочным монахом Ша Уцзином и Белой дракононой лошадкой подошел к огромной горе Белого тигра. В этой горе было логово чудовища по имени Белокостая Женщина. Чудище заметило приближение монаха Трипитаки, слава которого достигла этих мест. Молва гласила: кто отведал мяса этого благочестивого человека, обретет бессмертие. Чтобы приблизиться к нему, чудовище приняло облик обольстительной девушки, которая предложила Трипитаке пищу. Своими алмазными зеницами Царь обезьян сразу углядел, какое опасное чудовище скрывается за приятной наружностью. Не слушая протестов Трипитаки, он поднял свою палицу и нанес девушке сокрушительный удар. Чудовище, однако, разбиралось в защитной магии и ускользнуло из-под удара, оставив свою телесную оболочку, безжалостно расплюснутую палицей.

Пораженный жестокостью Царя обезьян, Трипитака хотел его прогнать, но затем смягчился и простил его.

Но чудовище не отказалось от своих намерений. Оно вернулось в виде облака в горную лощину, там

¹⁹⁶ Речь идет о Ша-сэне, одном из спутников Сюань-цзана. Весь этот эпизод изложен в 27-й главе романа «Путешествие на Запад» (см.: У Чэньэнь. Указ. соч. Т. 2. С. 20—34).

приняло облик восьмидесятилетней старухи и вышло навстречу паломникам, горько рыдая. Ее заметил Монах-свинья и в ужасе прошептал Трипитаке: «Это, наверно, мать девушки, убитой Сунь Укуном». Царь обезьян, однако, сразу раскусил старуху. Без предисловий он ударил ее палицей. И вновь чудовище ускользнуло, оставив искалеченный труп старой женщины.

Трипитака был так разгневан, что соскочил с лошади. Снова он был близок к тому, чтобы прогнать Царя обезьян, но простил его и во второй раз.

На третий раз чудовище явилось в облике старика с белоснежными волосами, произносившего буддийские сутры. Он пожаловался, что пропала его дочь, а теперь еще и супруга, которая пошла на поиски дочери. Ему-де ничего не оставалось, как отправиться в путь, чтобы выяснить, что с ними случилось.

На этот раз Царь обезьян приказал местным духам и горному божеству стеречь в воздухе, чтобы чудовище не смогло ускользнуть. И действительно, удар Сунь Укуна уничтожил не только внешнюю оболочку чудовища, но и загасил светильник его духа. В результате телесной оболочке вернулся ее прежний облик: кучка костей. Трипитака при виде этой кучки костей уже было поверил клятвам обезьяньего царя, что он действительно убил чудовище, как Монах-свинья нашептал: «Он убийца! Боясь вашего гнева, Учитель, превратил он труп старика в кучку костей, надеясь обмануть вас».

Трипитака поверил Монаху-свинье и окончательно прогнал Царя обезьян.

С двумя оставшимися учениками и драконовой лошадей Трипитака перешел гору Белого тигра и достиг леса Черных пиний. Тут одолел его голод. Он спешился и попросил Монаха-свинью поискать какой-либо безубойной пищи. Тот отправился в лес и блуждал там много миль, не встретив ни единой человеческой души. Усталый, опустился он на траву и сразу заснул.

Поскольку посланный за едой не вернулся, Трипитака послал за ним Песочного монаха Ша. Оставшись в одиночестве, Трипитака немного посидел и отправился оглядеть окрестности. В лесу он заметил золотую пагоду. Трипитака не знал, что там обитает чудовище Желтое Платье, и попал к нему в плен. Но благодаря мольбам третьей принцессы Царства Превращений его отпустили на свободу. Третья принцесса за тринадцать лет до того была похищена чудовищем, которое принуждало ее стать своей женой. Она тайно дала Трипитаке письмо к своей семье. Поэтому она и спрашивала чудовище отпустить монаха.

Явившись в Царство Превращений, Трипитака передал письмо по назначению. Прочтя письмо, царь попросил Трипитаку убить чудовище. Но на такое деяние Трипитака был не способен. Выполнить задачу вызвались его ученики, обладавшие магическим искусством, — Монах-свинья и Песочный монах, — но они переоценили свои силы. Чудовище взяло в плен Песочного монаха. Монах-свинья во время битвы спрятался в кусты и так спасся.

Тогда чудовище превратилось в красивого молодого ученого и в этом облике было допущено ко двору Царства Превращений. Оно хотело, чтобы царь официально признал его зятем. На глазах царя оно превратило Трипитаку в тигра, которого тут же заперли в клетку. Теперь Белая драконовая лошадь осталась совсем одна. Очень обеспокоенная, она приняла свое прежнее обличье дракона, чтобы искать Трипитаку. Трипитаку она не нашла, но обнаружила пирующее во дворце чудовище. Белая драконовая лошадь превратилась в дворцовую прислужницу и поднесла чудовищу вина. Затем она начала исполнять танец с мечом, чтобы в некоторый момент приблизиться к нему и зарезать. Однако вместо того чудовище запустило в нее канделябром. В последний момент ей удалось увернуться. Той же ночью она отправила вновь нашедшегося Монаха-свинью за помощью к Царю обезьян.

Монах-свинья пошел неохотно. Он решил солгать Царю обезьян. Если бы тот вернулся и увидел, в каком печальном положении находится Трипитака, он, конечно, помог бы без всяких просьб. Поэтому, когда обезьяний царь дружески принял Монаха-свинью, тот стал объяснять, что Учитель по нему соскучился: «Он послал меня, чтобы я привел тебя».

Но Царь обезьян стал показывать Монаху-свинье богатства своего царства и не выразил никакого желания возвращаться на землю.

Чжу Бацзе ушел из обезьяньего царства с пустыми руками и, отойдя на четыре мили, принялся громко проклинать своего бывшего товарища. Его проклятия дошли до ушей Царя обезьян. Оскорбленный, он приказал схватить Монаха-свинью и привести к себе. Чжу Бацзе ничего не оставалось, как открыть истинную причину своего прихода:

«Драконовая лошадь сказала, что ты благороден, добродетелен и верен долгу. Благородный человек не задумывается о давно прошедших болезнях. Она предположила, что, конечно, ты поспешишь на помощь к

Учителю. Умоляю тебя, старший брат, вспомни об изречении: «Один день учитель — на всю жизнь отец». И ради всего святого, спаси нашего Учителя Трипитаку!»

«О глупец! — отвечал Царь обезьян. — Ведь когда я оставил вас, я предупредил, что, если Учитель попадет в руки какого-нибудь чудовища, скажите ему, что я — старший ученик Учителя. Зная мои способности, любое чудовище сразу же отпустит Учителя. Почему же ты не последовал этому совету?»

Монах-свинья подумал про себя: «Просить военачальника о деянии хуже, чем распалить военачальника на деяние. Попробую-ка я его распалить!» И он сказал так:

«Старший брат! Может быть, лучше было бы, чтобы я тебя не упоминал. Едва твое имя слетело с моих уст, чудовище разъярилось еще сильнее».

Царь обезьян спросил: «Что ты имеешь в виду?»

Монах-свинья отвечал: «Я сказал: «О чудовище! Не играй с огнем! Горе тебе, если ты посмеешь сделать что-нибудь дурное моему Учителю. Мой старший соученик — Царь обезьян. Его магические силы безграничны, и мощь его — погибель для чудовищ и демонов. Если он явится сюда, он одним ударом убьет тебя наповал и оставит лежать непогребенным!»

Но когда чудовище услышало об этом, — продолжал Монах-свинья, — оно еще больше разъярилось и прошипело мне: «Кто такой этот Царь обезьян, которым ты хочешь меня напугать? Когда он явится, я сдеру с него живьем шкуру, раздеру его мускулы, раздроблю кости и отведаю его сердце. Обезьяна, наверное, тоща, но я сделаю из нее котлету и поджарю в масле».

«Кто осмеливается так поносить меня?» — взвыл Царь обезьян, распаленный гневом. Он в ярости запрыгал туда и сюда, расцарапал свои щеки и растянул свои уши.

«О старший брат, успокойся, это чудовище Желтое Платье говорило о тебе так непочтительно. Я только точно передал тебе его слова».

Царь обезьян вскричал: «О достойный младший брат, вставай! Я иду с тобой! Если какое-то чудовище осмеливается так меня поносить, мне ничего не остается, как уничтожить его. Итак, мы отправляемся. Когда пятьсот лет назад я устроил переполох в Небесном дворце, все небесные воины склонялись передо мной, едва завидев, и называли Великим Мудрецом. Этакое бесстыдное чудовище! Оно решается ругать меня у меня за спиной. Ну, я сейчас ему покажу! Я схвачу его и разорву на тысячи кусков, чтоб наказать его за оскорбление! А совершив это, возвращусь в свое царство».

«Да будет так, о старший брат, — сказал Монах-свинья. — Ты пойдешь со мной и обезвредишь это чудовище, а покарав его, решишь, возвращаться тебе или остаться».

Так Монаху-свинье в романе «Путешествие на Запад» удалось заставить Царя обезьян вернуться на землю, чтобы спасти монаха Трипитаку, с помощью стратагемы провокации — «Просить военачальника о деянии хуже, чем распалить военачальника на деяние».

Эта стратагема, называемая «Цзи цзян цзи» или «Цзи цзян фа» — «Стратагема подначивания военачальника», практически идентична Стратагеме № 13.

С помощью искусной провокации объект доводится до эмоционального состояния, побуждающего к совершению действия, от которого при обычных обстоятельствах он — даже если бы его просили или убеждали — воздержался бы. Можно задеть его гордость, чтобы он потерял голову, или — как мне объяснил один историк из Пекинского университета — сыграть на уверенности в собственном всемогуществе и непобедимости, на чувствах ненависти, стыда, собственного достоинства, ревности, зависти — чего угодно. Но в любом случае раздраженный человек перестает понимать, что является игрушкой в руках провокатора, и совершает то, чего от него добивались.

13.13. Башня Бронзового воробья

Перед лицом наступающей армии Цао Цао, властителя Северного Китая, многие силы в восточнокитайском государстве У стали склоняться к капитуляции.

Военачальник Чжоу Юй, главный советник властителя У по внешней политике, также высказывался в пользу подчинения режиму Цао Цао. Сам властитель У был в нерешительности. Он ожидал решения Чжоу Юя. Таким образом, выбор между войной и миром зависел от одного человека.

Тут-то его навестил Чжугэ Лян, главнокомандующий армией Лю Бэя. Лю Бэй к тому времени уже трижды посетил Чжугэ Ляна в его соломенной хижине (см. 16.21) и стремился с его помощью установить свое господство в Юго-Западном Китае.

Если бы государство У попало под власть Цао Цао, последний настолько усилился бы, что распространение его империи на весь Китай было бы лишь вопросом времени. По мнению Чжугэ Ляна, такое развитие событий следовало предотвратить. Только тогда у Лю Бэя оставались бы шансы достигнуть его честолюбивых целей.

Сначала Чжугэ Лян попытался, вслед за Лу Су, военным советником властителя У, склонить Чжоу Юя к войне против Цао Цао. Но Чжоу ответил, что не хочет противиться Цао Цао, так как тот правит именем ханьского императора. К тому же силы его очень велики. Нападение на него связано с большим риском: «Я убежден, что война означает верное поражение, а уступчивость — мир».

«Вы не правы, — возразил Лу Су. — Уже при трех поколениях наше государство подчиняется одной и той же династии. Не так-то просто перейдет оно под чужую власть. Почему же вы рассуждаете с позиции слабого?»

«Если население этих земель пострадает от войны вследствие принятого мной решения, его гнев обратится на меня. Поэтому я полон решимости посоветовать нашему властителю покориться Цао Цао».

«Но вы недооцениваете могущество нашего властителя и удачную топографию нашей страны. Если Цао Цао нападет на нас, еще неизвестно, кто победит».

Так они некоторое время спорили, а Чжугэ Лян с улыбкой смотрел на них. Наконец Чжоу Юй спросил, чему он улыбается.

«Не кому иному, как твоему противнику Лу Су, — отвечал Чжугэ Лян. — Он не знает, какой пробил час».

«Господин, — сказал Лу Су, — что вы имеете в виду?»

Чжугэ Лян ответил: «Чжоу Юй совершенно прав, предлагая капитуляцию».

«Чжугэ Лян разбирается в приметах времени, — вмешался Чжоу Юй. — Он того же мнения, что и я».

Лу Су спросил: «Это правда, Чжугэ Лян, вы тоже так думаете?»

Чжугэ Лян отвечал между прочим, что капитуляция обеспечит безопасность женщинам и детям и сохранит верхним слоям общества власть и высокие посты.

Лу Су гневно прервал его: «Вы хотите, чтобы мой господин поклонился этому бунтовщику Цао Цао?»

Чжугэ Лян ответил: «Есть у меня одна стратагема. Если мы применим ее, вам не придется собирать овец и сосуды с вином в дар Цао Цао. Не придется также покидать страну и расставаться со службой. Не понадобится даже одному из вас переправиться через реку, чтобы сдать Цао Цао. Достаточно лишь послать Цао Цао лодку с двумя людьми. Как только Цао Цао получит этих двух, войска его сложат оружие, свернут знамена и уйдут»¹⁹⁷.

Чжоу Юй спросил: «Какие же это два человека произведут столь могучее действие на Цао Цао?»

Чжугэ Лян пояснил: «Без этих двух людей здешняя густо населенная страна обойдется столь же легко, сколь дерево без одного листа или хранилище зерна без одного зернышка. Но если Цао Цао получит их, он в великой радости оставит эту землю».

«Так о ком же идет речь?» — нетерпеливо спросил Чжоу Юй.

Чжугэ Лян повел речь так: «Когда я жил в горах Лунчжун [см. 16.21], слышал я, что Цао Цао приказал воздвигнуть башню на реке Чжан, башню Бронзового воробья. Это сооружение исполнено великолепия. Цао Цао разыскал по всей стране прекраснейших женщин и приказал им поселиться в ней. Ведь Цао Цао, как известно, большой любитель женщин. Давно уже слышал он о двух красавицах, живущих в здешних местах.

¹⁹⁷ Полное изложение стратагеми Чжугэ Ляна дается в 44-й главе «Троецарствия» (см.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1954. Т. 1. С. 542-553).

Обе они происходят из семьи Цяо. Они так прекрасны, что при виде их рыбы, полные благоговения, выпрыгивают из ручьев и птицы падают на землю, пуна прячет свой лик и цветы краснеют от стыда. Цао Цао поклялся, что его обрадуют лишь две вещи в этом мире: завоевание всей империи и обладание двумя красавицами Цяо, которым он желал бы посвятить себя на склоне дней в башне Бронзового воробья. Если он достигнет всего этого, то без сожаления сойдет в могилу. Так что истинная причина нынешнего его похода — эти две женщины!»

И, обращаясь к Чжоу, Чжугэ Лян продолжал: «Почему бы вам не отправиться к отцу двух прекрасных сестер, купить их за тысячу золотых монет и послать за реку к Цао Цао? Добившись своей цели, он, удовлетворенный, отступит. Почему бы вам не применить эту стратегию?»

«Но какие доказательства имеются у вас, что Цао Цао столь пламенно стремится обладать сестрами Цяо?»

Чжугэ Лян отвечал: «Ведь его сын Цао Чжи сочинил по его приказанию «Оду башне Бронзового воробья». Все стихотворение говорит лишь о горячем желании Цао Цао обладать императорским тронном и о его страсти к обеим дочерям Цяо. Я думаю, что смогу рассказать это стихотворение, если вы пожелаете. Меня глубоко восхищает его красота.»

Чжоу Юй сказал: «Прошу вас, попробуйте.»

И Чжугэ Лян стал рассказывать «Оду башне Бронзового воробья» — длинное стихотворение, в котором Цао Цао воспевал безмятежную, полную наслаждений жизнь в названной башне с обеими красотками после получения императорского трона — во всяком случае, так его понял Чжоу Юй. В частности, он услышал следующие строки:

Две башни вздымаются слева и справа,

Одна носит имя «Нефритовый дракон», другая — «Золотой феникс».

Они объединены двумя Цяо, на востоке И на юге, в средоточии радости...

Чжоу Юй дослушал стихотворение до конца и вдруг вскочил в приступе гнева. Грозя кулаком на север, он завопил: «Ты, старый бунтовщик, слишком глубоко ты хочешь меня унижить!»

Чжугэ Лян тоже вскочил и сказал: «Что за дело вам до двух женщин из народа?»

«Вы, должно быть, не знаете, господин, — сказал Чжоу, — что старшая из сестер — вдова Сунь Цэ, отца нашего нынешнего владыки, а младшая — моя собственная супруга.»

Чжугэ Лян выказал сильное удивление и сказал: «Нет, действительно, я этого не знал. Ах, какая гибельная ошибка с моей стороны! Какая ошибка!»

Чжоу Юй сказал: «Либо я, либо этот старый разбойник! Вместе нам не ужиться на свете. В этом я клянусь!»

Этот эпизод взят из «Троецарствия». Цао Цао действительно построил башню под названием «башня Бронзового воробья». Но строки стихотворения, приведенные Чжугэ Ляном, об обеих Цяо, объединенных в средоточии радости, на самом деле говорят о двух висячих мостах, которые связывали две башни. Дело в том, что «цяо» по-китайски — в частности, «мост». Чжугэ Лян воспользовался созвучием его с фамилией Цяо, чтобы заронить в душу Чжоу убеждение, что это стихотворение (которое, кстати, не сохранилось нигде, кроме текста романа) относится к двум сестрам.

Так он возбудил гнев главнокомандующего Чжоу и обходным путем добился своей цели: заставить Чжоу выступить против Цао Цао (относительно результатов похода см. 9.1).

13.14. Под знаменем Пророка

«Вряд ли найдется что-либо более грациозное, чем эти тонкие, высокие, обвитые лесенками кружевные минареты, составляющие дивный контраст с выпуклостями куполов, раскинувшихся между ними. Нигде не понимаешь лучше, на что может подвигнуть религиозное воодушевление...

Ахмед, конечно, не знал, что этот великолепный храм когда-нибудь станет местом, с которого один из его последователей будет призывать османский народ к уничтожению янычаров. После того как Махмуд увидел необходимость этого шага, он прибегнул к такому средству: он приказал перенести знамя Пророка, столь высоко чтимое всеми мусульманами, из государственной сокровищницы, где оно хранилось, в мечеть

Ахмеда. Завернутая в три покрывала реликвия, которую открывали только по самым большим праздникам, привлекла к мечети большую часть населения

Константинополя. Султан развернул знамя и показал народу, одновременно призвав его к сопротивлению. Воодушевленная толпа целиком и полностью встала на сторону султана, и янычары именем турецкого народа были уничтожены все до единого» (Мария Белли, 1788—1833, цит. по: *Reise Textbuch Istanbul*, DTV, München, 1987).

Янычары — войско, набранное в 1329 г. османским султаном Орханом из принявших ислам христианских пленников; позже оно пополнялось за счет так называемого «детского налога» на подданных-христиан. В XVII столетии их количество достигало 100 000 воинов. В 1826 г. они воспротивились введению новой, организованной по европейскому образцу, милиции и за это были уничтожены Махмудом II. Как следует из сообщения Марии Белли, он использовал при этом Стратегему № 13, разжегши религиозные страсти в народе.

13.15. Воодушевляющая лекция по истории — залог спортивной победы

Многократный чемпион мира по настольному теннису Чжуан Цзэдун в своей «Азбуке применения стратагем в спорте» (Пекин, 1985) сообщает следующие сведения:

«Перед Двадцать шестым первенством мира по пинг-понгу [Пекин, 1961] ожидался еще финал между Японией и Китаем. В общественном мнении и среди профессионалов японцы считались фаворитами, которым китайцы никого не смогут противопоставить. В нашей команде также некоторые боялись, и даже у меня было тяжело на душе. Незадолго до китайско-японского финала я сел на стул и попытался придумать, как бы обойти японцев. Вдруг кто-то тихо сказал мне: «Сяо Чжуан». Я оглянулся и увидел старого спортивного деятеля. Поспешно поднявшись, я предложил ему сесть, но тот против ожидания не согласился. На его мрачном лице ходили туда-сюда мускулы. Я внутренне удивился, почему его обычно сияющее лицо сегодня выглядит так угрюмо. Пока я стоял в растерянности, он засучил рукава рубашки и заговорил. Он говорил о постыдных унижениях, которые наша страна претерпела в прошлом от империалистических агрессоров. С тех пор сверхдержавы всегда рассматривали нас как «азиатского больного». «Ныне, на этих соревнованиях, мы обязаны выложиться и защитить честь китайского народа».

Когда он окончил свою речь, он еще раз взглянул на меня и молча вышел. Внезапно все мои сомнения исчезли без следа. Не испытанный доселе подъем охватил меня. Я решил посвятить все свои силы достижению победы. Это чувство не оставило меня и когда я, против всякого ожидания, дошел до двух финальных игр с японцами. Оглядываясь назад, я могу подтвердить, что воодушевление, вселенное в меня старым спортивным деятелем, имело решающее значение для нашей победы над японцами».

Здесь «подразнимаемый военачальник» — игрок в настольный теннис Чжуан Цзэдун. Старый спортивный деятель, возбудив его патриотические чувства, вывел его из ступора. Тогда впервые китайская команда настольного тенниса и в ее составе Чжуан Цзэдун завоевали титул чемпионов мира в командном первенстве, и Чжуан Цзэдун отстоял для Китая титул чемпиона мира в личном зачете, завоеванный в 1959 г. в Дортмунде Жун Готуанем (см. 3-13).

13.16. Жаждающий стратагем заяц

Заяц пришел к Богу и попросил у него стратагему. Бог сказал: «Хорошо. Я услышал твою просьбу, Но сначала я испытаю тебя. Ты должен принести мне живого питона. Ты должен принести мне парного молока буйволицы. Ты должен принести мне калобасу, наполненную мухами. Ты должен принести мне калобасу, наполненную москитами, и живого питона. Когда ты исполнишь все это, ты приведешь мне живую гиену. Вот тогда я добавлю к твоей мудрости новую мудрость». Заяц отправился в путь. Он взял калобасу, пришел к буйволице и сказал: «Вот, то ли она наполнится, то ли не наполнится, то ли она наполнится, то ли не наполнится». — «Что такое?» — спросила буйволица. Заяц ответил: «Если бы я подоил тебя, ведь не хватило бы молока наполнить мою калобасу». — «Ну нет, ты ошибаешься», — возразила буйволица. И заяц начал доить. Когда калобаса наполнилась, он заткнул ее. Затем он отправился к мухам и сказал: «Вот то ли наполнится, то ли не наполнится, то ли наполнится, то ли не наполнится». Мухи спросили: «О старший братец Заяц, о чем это ты?» — «Да вот, эта калобаса говорит, что если вы в нее залетите, то не сможете ее заполнить». Они залетели в калобасу. Заяц заткнул ее и пошел дальше. Он пошел к москитам и сказал: «То ли наполнится, то ли не наполнится, то ли наполнится, то ли не наполнится». Москиты спросили: «Эй, старший братец Заяц, что там у тебя?» — «Да вот, калобаса утверждает, что если вы залетите в нее, то не сможете ее заполнить». — «Ну что ж, посмотрим». И они влетели в калобасу и наполнили ее. Заяц заткнул

ее и пошел дальше. Он пошел и вырезал себе большую палку. Питон спросил: «Эй! Что это у тебя? Эй, братец Заяц, что это там ты положил?» — «Эта палка говорит, что, если ты с ней Померяешься, она окажется больше, чем ты». — «Ну, давай-ка примерим», — сказал питон. Когда он вытянулся вдоль палки, заяц крепко привязал его к ней, положил палку со змеей на плечо и двинулся дальше. Потом он отправился к гиене. Гиена спросила его: «Куда идешь ты со всеми этими калебасами?» Заяц сказал: «Пойдем вместе! Если ты сможешь меня нести, давай я погрузусь на тебя со всеми вещами, и мы двинемся быстрее. Там убили большого быка, мы пойдем и наедемся вдоволь его мяса». Гиена сказала: «Что ты говоришь!» Заяц ответил: «Чистую правду!» — «Ладно, я пойду с тобой!» — «Я сяду на тебя верхом?» — «Ладно, садись». Хоп — заяц вскочил на гиену и надел ей на морду уздечку. Потом он запел: «Великий Бог повелел мне принести парного молока от буйволицы, и вот оно — парное молоко, царский подарок! Великий Бог сказал мне принести калебасу, полную мух, вот она, калебаса, полная мух, царский подарок! Великий Бог сказал мне принести калебасу, полную москитов, вот она — калебаса, полная москитов, царский подарок! Великий Бог повелел мне принести живого питона, вот он — живой питон, царский подарок! Великий Бог повелел мне привести живого «Ву-гу», вот он — Живой «Ву-гу», царский подарок!» — «Что ты говоришь, — спросила гиена, — живого «Ву-гу»? Все остальное было понятно, а вот «Ву-гу» — это я не понимаю». — «В чем дело? Это ведь не о тебе я говорю. Едем быстрее» — ава! Так они ехали и ехали и явились к Всемогущему Богу. Заяц вновь запел свою песню. Затем он рассказал обо всем Богу. Всемогущий Бог сказал: «Оставь все там, уходи склонившись!» Заяц побежал, согнув спину. Всемогущий Бог взял тяжелый предмет, ву! И бросил его в Заяца. Тот прыгнул навстречу и поймал его, пак. «Да, действительно, — заключил Бог, — если бы я дал тебе еще и стратагему, ты бы лишил меня моего трона, меня, Всемогущего Бога».

Эта сказка, переданная мною здесь с небольшими сокращениями, широко распространена в Восточной Африке. Она записана, переведена и откомментирована Г. Мейером и В. Герег-Карадем (*L'enfant ruse et autres contes bambara. — Mali et Senegal oriental. Paris, 1984, p. 137*).

Образ зайца, искусного в применении стратагем, известен также в Судане и в Южной Африке. В Центральной Африке и в Камеруне ему соответствуют черная антилопа или черепаха, а на Атлантическом побережье — паук.

Заяц стремится к большей мудрости, то есть к увеличению своих знаний в области стратагем. Он хочет таким образом возвыситься над другими животными. Бог, в котором заяц надеется найти учителя стратагем, ставит перед ним «невыполнимые» задачи, которые заяц решает с помощью различных стратагем. Прежде всего он пользуется Стратагемой провокации № 13. Каждый разговор со своей жертвой он начинает с противоречия, чтобы возбудить ее любопытство. Как только разговор завязывается, заяц прибегает к той же стратагеме, задевая самолюбие партнера. Тот пытается доказать свои способности, в которых заяц сомневается, и попадает на крючок. С гиеной заяц применяет еще и Стратагему № 7, «Сделать нечто из ничего», приманивая ее завлекательной картинкой убитого быка. Эту картинку он (по Стратагеме № 17) использует как «кирпич», с помощью которого добывает «нефрит» (гиену).

Бог дает зайцу последнее задание: приказывает убежать, согнув спину, — и швыряет в него тяжелым предметом. Но едва заяц слышал позади шорох, он, вопреки божественным указаниям, останавливается и таким образом избегает, вероятно, смертельного удара по спине. Недоверчивость зайца даже в непосредственной близости божества невольно вызывает в памяти строки «Эдды»:

Прежде чем в дом войдешь, все входы ты осмотри, ты огляди, — ибо, как знать, в этом жилище недругов нет ли.

Или:

Гость осторожный, дом посетивший, безмолвно внимает — чутко слушать и зорко смотреть мудрый стремится.

Так заяц выдержал последнее испытание: он превзошел самого Бога. После этого африканский Всевышний отказался обучать его новым стратагемам, ибо в этом случае заяц уподобился бы Богу и стал бы для него опасен. Бог как высшая инстанция искусства стратагем — один из любопытных аспектов этой африканской сказки.

«Господь Бог изощрен, но не коварен»¹⁹⁸, — сказал в Принстоне в мае 1921 г. Альберт Эйнштейн. Как писал мне профессор А. Германн (Штутгарт, Институт истории, кафедра истории естественных наук и техники),

¹⁹⁸ Цит. по одноименной книге Абрахама Пайса. Брауншвейг, 1986. С. 106. — *Прим, автора.*

Эйнштейн всегда относился к природе и ее персонификации, Богу, как к загадочному существу, Сфинксу, но не как к хитрецу и обманщику.

Тем не менее донныне существует тип мировоззрения, согласно которому Бог и хитрость не чужды друг другу. Их близость может зайти столь далеко, что Бог женится на Хитрости, а затем даже пожирает ее¹⁹⁹:

«Зевс взял в жены Метис (Хитрость), и, когда она забеременела от него Афиной, проглотил ее. Будучи таким образом переварена и усвоена, лукавая мудрость вошла в верховного бога и стала составной частью олимпийского порядка».

Так пишет Элен Ведрин во введении к книге «Les ruses de la raison, pouvoir et et pouvoirs» (Paris, 1982). Она при этом ссылается на замечательную работу М. Détiene, J.P. Vernant «Les ruses de l'intelligence, la métis des Grecs», Paris, 1974. Греческое слово metis имеет смысл более широкий, чем просто «хитрость», и, подобно китайскому чжи (мудрость/хитрость), охватывает также значения wisdom, skill, craft (см.: A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddell and Robert Scott. Oxford, 1940/1973).

Связь между божеством и хитростью в различных культурах выявляется также при исследовании роли трикстера. «Трикстер» буквально означает «шут», «мошенник». Однако в исследованиях по мифологии термин «трикстер» обозначает мифического героя, характеризуемого непредсказуемым плутовским поведением. Черты трикстера имеют германский бог Локи (см. 3.3) и греческий Гермес. В индийской мифологии роль трикстера исследовал Пол Рэдин в работе «The Trickster» (с комментарием К. Г. Юнга о психологии фигуры трикстера, 3-е изд. New York, 1976); Пол В. А. Вильяме посвятил ей книгу «The Fool and the Trickster» (Cambridge/Totowa, 1979).

13.17. Носовой платок Дездемоны

После возвращения с Кипра мавр Отелло был окружен всеобщим восхищением за свой победоносный поход против турок. Только Яго ненавидел его и хотел погубить, потому что из-за Отелло его обошел по службе Кассио. Яго мечтает отомстить Отелло, но действует не сам, а через других. Сначала он провоцирует ссору между Родриго и капитаном Кассио. Когда Монтано пытается их помирить, пьяный Кассио выхватывает кинжал и ранит Монтано. Яго разжигает недовольство толпы.

Когда Отелло является и требует объяснений, Яго удается свалить на Кассио всю вину за беспорядки. Отелло понижает Кассио в должности. Смущенный Кассио просит совета у Яго. Тот предлагает ему просить о протекции супругу Отелло Дездемону.

Поверив Яго, Кассио обращается за помощью к Дездемоне, когда она прогуливается в саду. Яго тем временем возбуждает в Отелло подозрения в неверности Дездемоны, бросая тень на Кассио. Тут ничего не подозревающая Дездемона просит Отелло помирить Кассио.

Отелло решает, что наличие тайной связи между Дездемоной и Кассио доказано. Когда Дездемона хочет освежить его лоб своим носовым платком, его подарком, он в гневе отбрасывает платок. Платок потихоньку подбирает жена Яго Эмилия. Так он попадает в руки Яго, а тот подбрасывает его в комнату Кассио. Кассио не знает, чей это платок, и забирает его себе. Отелло едва может обуздать свою ревность, но требует от Яго доказательств неверности Дездемоны. Яго (используя Стратагему № 7) утверждает, что слышал, как Кассио во сне шептал имя Дездемоны, а кроме того, заметил у Кассио платок Дездемоны. Так Яго удается довести Отелло до неистовства.

Когда Дездемона снова пытается замолвить словечко за Кассио, Отелло требует, чтобы она показала подаренный им платок. Она не может этого сделать, Отелло раздражается тяжкими оскорблениями и руганью, и она, глубоко опечаленная, уходит.

Яго устраивает для Отелло возможность подслушать свой разговор с Кассио о его возлюбленной, Бьянке. При этом Яго удается искусно спровоцировать ответы Кассио таким образом, чтобы Отелло поверил, что речь идет о Дездемоне. Когда Кассио в своей невинности показывает платок Дездемоны, Отелло полагает измену Дездемоны доказанной и решает ее убить. Он душил Дездемону, а затем, узнав о своей ошибке, закалывается сам.

Так в опере Джузеппе Верди (либретто Арриго Бойто) Яго устраняет ненавистного Отелло не собственной рукой, а разжигая в нем пламя ревности с помощью вновь и вновь применяемой Стратагемы провокации

¹⁹⁹ Старшая Эдда, Речи Высокого. Перевод А. Корсуна. БВЛ. Т. 9. С. 190. — *Прим. перев.*

№13 «до такой степени, что Отелло гибнет в этом огне», — как пишут Пань Ида и Ду Гэншэн в предназначенной для средней школы книге «Типичные фигуры в прославленных произведениях зарубежной литературы» (Шанхай, 1987).

13.18. Риторическая провокация

В книге о стратагемах, вышедшей в 1987 г. в Тайбэе, Стратагема № 13 определяется как риторическая хитрость. Согласно ей не следует в критическом разговоре ясно высказываться самому, лучше короткими замечаниями побуждать высказаться противника. Поток речи противника также с легкостью можно пресечь немногими провоцирующими словами и по его реакции узнать его истинные намерения. Ни в коем случае нельзя самому раздражаться нотациями, так как тогда противник получит возможность вернуться к спокойному изложению и к сокровищу задних мыслей.

В этом примере «бить по траве» — высказывать раздражающие противника замечания, а «вспугнутая змея» — собеседник, спровоцированный на речь.

Несколько другой вариант находим у Шопенгауэра:

«Противоречие и ссора побуждают к преувеличенным утверждениям. Таким образом, мы можем, противореча врагу, побудить его к высказыванию в преувеличенном виде чего-либо, что он считает истиной; мы же, опровергнув это преувеличение, будем выглядеть так, как если бы опровергли само подразумеваемое утверждение».

Здесь с помощью стратагемы провокации противника доводят до крайних высказываний, которые легко опровергнуть или выставить неправдоподобными. Кроме того, Шопенгауэр в рассуждении об «уловке 23» своей «Диалектики спора» советует:

«Напротив, мы сами должны остерегаться, как бы нас не спровоцировали противоречиями на преувеличенные или чересчур сильные утверждения».

То, что язык спорщика не всегда умирится чисто риторическими средствами, показывает следующая история, происшедшая в 625 г. до н. э. Она приводится в классическом конфуцианском труде «Цзо-чжуань».

13.19. Негостеприимный хозяин

Царь Чу объявил, вопреки совету первого министра, своим наследником Шанчэня. Позже он изменил свое решение, пожелав, чтобы наследником стал его сын Чжи, и собрался понизить Шанчэня в должности. Шанчэнь услышал об этом, но не знал, насколько слухи соответствуют действительности. Он спросил своего учителя Пань Чуна, нельзя ли как-нибудь выяснить истину. Пань Чун дал ему совет: «Пригласи на пир сестру царя и обращай с ней непочтительно».

Принц последовал совету. Дама, с которой он был недостаточно обходителен, разгневалась и закричала: «Ах ты грубиян, не зря царь хочет тебя убить и вместо тебя назначить наследником Чжи!»

После этого Шанчэнь сообщил учителю, что слухи оказались правдивыми. Вскоре он устроил переворот и убил царя Чу, унаследовав его власть под именем царя Му (625—614 до н. э.).

Здесь «бить по траве» — намеренная невежливость Шанчэня, а «вспугнутая змея» — рассерженная этой невежливостью и потому выдавшая тайну царская сестра.

Как и всякая стратагема, Стратагема №13 при неумелом обращении может обратиться неуклюжей попыткой, так сказать, «разбудить спящую собаку» или «сунуться в осиное гнездо». Кроме того, она вообще может оказаться предупреждением, побуждающим противника оставаться в укрытии. По этому поводу можно привести диалог из народного романа «Речные заводы». Разговаривают Ши Энь, сын коменданта лагеря в Мынчжоу, и У Сун — силач, прославившийся тем, что голыми руками убил тигра. У Сун умертвил свою невестку-изменницу, отравившую его брата, и в наказание за это сослан в лагерь. Ши Энь приглашает У Суну совершить вылазку против врагов, расположившихся в соседнем городке. У Сун готов сразу же перейти к действиям, но Ши Энь удерживает его: «О старший брат, подождите, пока не придет мой отец. Если он одобрит наш план, нам более ничто не будет препятствовать. Мы не должны действовать опрометчиво... если мы отправимся туда, не подготовившись как следует, мы только «будем бить по траве и вспугнем змею», и Цзян Чжун будет настороже».

13.20. Из «Настольного оракула» Грациана

Приведем к стратагемному значению выражения «Бить по траве, чтобы спугнуть змею» еще цитату из «Настольного оракула всемирной мудрости», собрания афоризмов остроумного испанца Бальтасара Грациана (1601 — 1658), которое впервые вышло в 1653 г. (перевод на немецкий язык А. Шопенгауэра):

«Шарить по кустам, чтобы приблизительно выяснить, что там может быть, в особенности если вы не уверены в успехе поисков. Таким образом можно всегда обеспечить себе выход, поскольку в любой момент можно и серьезно вступить в игру, и уклониться от этого, Осторожный человек всегда сначала подготовит почву намеками; этот метод незаменим для просителя, любовника и правителя».

Стратегема № 14. Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу

Четыре иероглифа	借	尸	還	魂
Современное китайское чтение	цзе	ши	хуань	хунь
Перевод каждого иероглифа	позаимствовать	труп	вернуть	душа
Связный перевод	Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу.			
Сущность	а) Поставив новую цель, возродить к жизни нечто, принадлежащее прошлому, б) Использовать в современной идеологической борьбе старые идеи, традиции, обычаи, литературные произведения и т. п., переинтерпретируя их для новейшего употребления, в) Придавать чему-либо, в действительности новому, ореол старины. Стратегема наведения патины, г) Употреблять новые учреждения для продолжения старых отношений. Использовать новых людей для проведения старой политики. Обувать новые башмаки, чтобы идти по старой дорожке. Наливать старое вино в новые мехи ²⁰⁰ .			
	Стратегема нового фасада, д) Присваивать чужое добро, чтобы на нем основать свое могущество; идти по трупам. Стратегема паразитизма, е) Использовать любые средства для выхода из трудного положения. Стратегема возрождающегося феникса.			

Одно из первых упоминаний формулировки Стратегемы № 14 — пьеса «Люй Дунбинь вразумляет Ли Юэ с железным костылем», принадлежащая Юэ Бочуаню (эпоха Юань, 1271 — 1368)²⁰¹. Немецкий перевод выполнен А. Форке (см.: Китайские пьесы эпохи Юань. Изд. М. Гимм. Висбаден, 1978). В этой пьесе искомая формулировка появляется полдюжины раз, причем совершенно не в стратагемном, а, напротив, в буддийско-даосском осмыслении.

14.1. Ли с железным костылем

В первом акте пьесы главный герой, Юэ Шоу, начальник уезда Чжэнчжоу, говорит о себе и своем подчиненном Чжан Цяне:

«Месяц назад мой заместитель написал донос на то, что в Чжэнчжоу много неспособных высших

²⁰⁰ Перефразированное выражение из Евангелия (Мф. 9: 17; Мк. 2: 22): «Не вливают... вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают. Но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое». То есть по первоначальному смыслу: нельзя создавать что-либо новое, не расставшись со старым, это выражение прямо противоположно сущности Стратегемы № 14.

²⁰¹ Полное название этой пьесы — «Люй Дунбинь уводит от мира Ли Юэ с железным посохом». Главная сцена в ней посвящена воскрешению души в новом теле (см.: Сорокин В. Ф. Указ. соч. С. 209).

чиновников и развращенных низших. Император спешно отправил сюда судью с особым заданием. Он носит судейский меч и медный молот для немедленного предания казни, а судить он будет уже после того. Когда местные чиновники услыхали, что это высокое лицо по имени Хань Вэйгун того и гляди приедет, сердца их наполнились страхом. Кто попрятался, а кто сбежал. Я не стал бежать — мои дела не настолько плохи. Мы направились навстречу благородному господину, но не встретили его, а потому собираемся вернуться домой пообедать, а потом идти на службу».

Придя домой, Юэ Шоу видит у ворот даосского монаха. «Юэ Шоу, безголовый демон, ты умрешь», — возглашает монах. Жена сообщает Юэ Шоу, что монах обозвал ее вдовой, а детей — безродными ублюдками и вообще вел себя непочтительно. Юэ Шоу приказывает Чжан Цяню повесить монаха на воротах. Монах этот — не кто иной, как бессмертный даос Люй Дунбинь. Он обнаружил в чиновнике Юэ Шоу кандидата на отправку в царство Бессмертных. Но для этого задания его еще следует просветить, и сцена с ругательствами — первая ступень просветления.

Через некоторое время на дороге появляется старый крестьянин. Он снимает с ворот повешенного монаха. Начинается спор между Юэ Шоу и стариком, в котором Юэ Шоу называет крестьянина безрассудным и похвально своим могуществом. Старик оказывается тем самым королевским посланцем Хань Вэйгуном и приказывает Юэ Шоу чисто вымыть шею и явиться на службу. Там он попробует на Юэ Шоу свой меч.

Эта угроза повергает Юэ Шоу в такой ужас, что он умирает и попадает в подземное царство. Только собрался князь тьмы Яма подцепить его вилкой и бросить в котел с кипящим маслом, как появляется бессмертный Люй Дунбинь. Он просит Яму отложить наказание, передать ему Юэ Шоу в качестве ученика и отпустить его вновь на землю.

Яма отвечает: «Посмотрим. — Он справляется по документам. — Поздно. Жена Юэ Шоу уже сожгла его труп, и душе некуда возвратиться».

Люй Дунбинь: «Что же делать? Яма, погляди, пожалуйста!»

Яма: «Сейчас посмотрю. — Смотрит. — Благородный бессмертный, в Фэннине, в уезде Чжэнчжоу, у восточных ворот, умер сын старого мясника Ли, молодой мясник Ли. Его тело еще не остыло. Что, если мы позаимствуем труп Ли для возвращения души Юэ Шоу?»

Люй Дунбинь: «Прекрасно. Юэ Шоу, кто бы мог подумать, что твоя жена уже сожгла твое тело. Я разрешаю тебе позаимствовать другое для возвращения твоей души. Пусть будет тело молодого мясника Ли, а душа — Юэ Шоу».

И Люй Дунбинь вселяет душу Юэ Шоу в труп молодого мясника Ли. Поскольку тот был хром на одну ногу, теперь Юэ Шоу нужен костыль. Сразу после воскрешения Юэ Шоу отправляется к своим близким. Теперь он вдруг осознал грехи, совершенные им на должности начальника уезда:

Я лгал своей кистью.

Кривое спрямлял.

В сердце небесное с перстью мешал.

Часто подкуплен неправым бывал.

Правду неправедной объявлял.

...

Завижу ли блеск кошелька твоего — Хоть будь ты бесчестен, приму я его. Но тот, кто с пустыми руками пришел, Здесь справедливости бы не нашел. Забыв свой долг, стремился я Только к наживе, греха не тая. И нога крива моя, если взглянуть, За то, что крив был раньше мой путь.

После короткого объяснения с женой и допроса у императорского чиновника Хань Вэйгуна Юэ Шоу последовал за Люй Дунбином по пути отрешения от мира. Вместе с Люй Дунбином он стал одним из восьми Бессмертных. Статуя хромого Ли с костылем ныне украшает берег Западного озера в Фучжоу (провинция Фуцзянь).

Формулировку Стратегемы № 14 мы встречаем и в пьесе «Цветы изумрудного персика» (также эпоха Юань;

автор неизвестен), где Сюй Битао, умершая дочь чиновника Сюй Дуаня, воспользовалась трупом своей сестры, чтобы воскреснуть и выйти замуж²⁰².

Тот же мотив возрождения разрабатывается в пьесе Тан Сянь-цзу (1550—1617) «Листья пиона, или Повесть о возвращении души» — драме, которая и сейчас пользуется в Китае величайшим успехом.

Во всех этих случаях в качестве обозначения души используется слово «хунь». В классическом китайском языке имеется еще одно название души — «по». Это, собственно говоря, жизненная сила, которая, по поверью, после смерти человека некоторое время сохраняется в могиле. Душа, хунь, напротив, — носитель человеческой личности. Она еще дольше остается жить после смерти человека и все время стремится вернуться в мир. Маги могут заставить ее служить себе. (Подробнее см. об этом в «Лексиконе китайских символов» В. Эберхарда. Кёльн, 1987.)

Естественно, что в качестве стратагемы выражение «Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу» следует понимать метафорически.

14.2. Пастушок Синь становится царем Чу

В эпоху «Весны и Осени» (VIII—V вв. до н. э.) на территории нынешнего Китая существовало более 170 мелких государств. К началу эпохи «Сражающихся царств» (425—221) их оставалось около 20.

Наиболее могучих из них насчитывалось 7, в их числе Чу и Цинь. Они боролись за власть над всем Китаем. В конце концов Цинь победило все остальные государства; государство Чу было присоединено в 223 г. до н. э. По площади это было самое обширное государство в Китае.

После смерти первого императора Цинь в 210 г. до н. э. империю в возрасте 21 года унаследовал его сын Ху Хай, ведший развратную жизнь за счет угнетенного народа. Уже в первый год его правления в области бывшего государства Чу взбунтовались Чэнь Шэн (см. 7.5) и У Гуан. В 208 г. до н. э. Чэнь Шэн был убит, но этот бунт послужил сигналом к восстанию по всей стране. Больше всего восставших было на территории бывшего Чу, что не было случайностью, так как до того, как Чу было уничтожено Цинь, оно проводило сравнительно мягкую, уважающую чужую свободу политику. К тому же жители Чу не могли простить Цинь позорного события: в 299 г. до н. э. чуского царя Хуая заманили в Цинь и взяли там в плен, где он и скончался.

В числе восставших были Сян Лян и его племянник Сян Юй. Сян Лян был сыном знаменитого чуского военачальника. Когда один из восставших провозгласил некоего потомка знатного чуского рода царем Чу, Сян Лян получил совет от отшельника Фань Цзэна (277—204) найти истинного наследника царского рода Чу и провозгласить его царем. Если бы это удалось, Сян Лян привлек бы на свою сторону население Чу, что упрочило бы поддержку в борьбе против господства Цинь.

Сян Лян последовал этому совету и организовал розыски. Наконец отыскался внук царя Хуая по имени Синь, работавший подпаском. Он был согласен провозгласить себя царем под именем столь прискорбным образом погибшего в циньской темнице царя Хуая. Провозглашение нового царя Хуая еще больше разожгло в жителях Чу дух сопротивления циньцам. Отныне Сян Ляну и его племяннику Сян Юю был открыт путь к успешной борьбе и господству в государстве.

Этот пример взят из цзилиньской серии комиксов о 36 стратагемах, из главы о Стратагеме № 14. Пастушок Синь, внук покойного царя Чу, является именно «трупом» в политическом смысле, вследствие уничтожения государства Чу. В нем, законном отпрыске старой Чуской династии, Сян Лян и Сян Юй возродили душу умершего царского дома. Когда имя погибшего почти 100 лет назад в Цинь царя вновь возвратилось к жизни, с новой силой воспламенилась ненависть населения Чу к циньским захватчикам. Благодаря применению Стратагемы № 14 Сян Ляну и Сян Юю удалось придать своему сопротивлению Цинь характер законной борьбы за восстановление династии. Это же пытались делать, согласно книге Цзян Говэя и Цзян Юнкана, вышедшей в 1983 г. в Гуйчжоу (КНР), и другие восставшие: Чэнь Шэн и У Гуан украсили свои знамена иероглифами Да Чу (Великое Чу); Хань Гуан назвался царем Янь — государства, уничтоженного

²⁰² Сюй Битао не сама выбирает для своей души новую материальную оболочку, а также, как и герои предыдущей пьесы, делает это с помощью даосской магии. Полностью пьеса называется «Даос Са ночью раскрывает тайну цветов битао». На наш взгляд, название цветов — «битао», — сохраненное в названии, способствует более полному пониманию содержания пьесы, так как созвучно имени героини (см. там же. С. 251-252).

Цинь в 222 г., Тянь Дань — царем Ци, побежденного в 221 г., Вэй Цзю — царем Вэй, павшего в 225 г., У Чэн — царем Чжао, присоединенного Цинь в 228 г.

Пекинская книга о стратагемах от 1987 г. указывает, что нередко потомки оборвавшейся династии — то есть в некотором смысле «трупы» — использовались для политических целей совсем других династий — «душ», манипулирующих «трупами». Делается это, чтобы применить в своих целях присущее народу чувство лояльности к старой династии. Тут уместно вспомнить Пу И (1906—1967), последнего императора Китая, свергнутого в 1911 г. Он был поставлен во главе созданного в 1932 г. японской Квантунской армией сателлитного маньчжурского правительства Маньчжоу-Го — так называемой «маньчжурской империи», которая в действительности являлась японской колонией.

14.3. Ван Ман и его любовь к древностям

По-видимому, на мысли о Стратегеме № 14 наводят также деяния императора Ван Мана²⁰³, правившего в 8—23 гг. н. э. Чтобы упрочить свою власть, он, в частности, воспользовался в своих целях Школой древностей.

Когда после гибели Циньской династии, предпринявшей грандиозное сожжение произведений конфуцианской литературы, с 213 г. до н. э. предпринимались попытки восстановить труды классиков древности, в правление ханьского императора У (140—87 до н. э.) при чудесных обстоятельствах в стене дома, где когда-то жил Конфуций, были найдены рукописи, написанные архаической формой иероглифики.

Тех, кто изучал эти рукописи, стали называть «последователями Школы древностей». Происхождение текстов было сомнительным, и большинство ученых не верили в их подлинность. Но император Ван Ман и его люди целиком приняли их на вооружение. Рукописи были переизданы и при этом подчищены (как, например, указано у В. Эберхарда) в направлении, соответствующем планам Ван Мана. Были предприняты и другие переиздания древних текстов с фальсификацией.

Ван Ман старался доказать, будто все его начинания вдохновлены советами властителей и министров древности, дошедшими через древние рукописи. Относительно своих новых законов он утверждал, что они возрождают обычаи старых добрых времен. При этом он ссылаясь на сильно подправленные древние книги. В действительности выдуманные им законы никогда не существовали; либо Ван Ман перетолковывал в свою пользу подходящие места из древних текстов, либо вставлял в них фальсифицированные пассажи. Несомненно, поначалу Ван Ман и его клеветы занимались сознательным обманом, но с течением времени сами в него поверили (Эберхард).

Поскольку Ван Ман использовал для своих политических целей вырванные из контекста исторические примеры и прямую фальсификацию истории, напрашивается вывод, что он комбинировал Стратегему № 14 со Стратегемой № 7.

14.4. Вьетнамская историческая присяга

Истинные примеры из древности использовали ради современных политических целей и вьетнамцы, согласно комментарию «Жэньминь жибао» за июль 1978 г. Комментатор, не ссылаясь на Стратегему № 14, под заголовком «Кто разжигает национальную рознь?» рассуждает:

«Уже давно вьетнамские газеты и журналы распространяют репортажи об исторической агрессии китайских феодальных князей против Вьетнама. При этом чиновники и военачальники вьетнамских королевских династий всячески возвеличиваются и представляются в виде современных пролетарских героев. Вьетнамские власти ежегодно организуют различные мероприятия в память исторических событий или личностей, проявивших себя в борьбе с китайской агрессией. Распространяются бесчисленные исторические пьесы, рассказы, заметки, пропагандистские плакаты и фотографии. В средней школе изучается борьба Древнего Вьетнама с китайскими феодалами. Таким образом, всеми средствами создается образ агрессора с Севера... Это известный прием: говорить о старом, подразумевая новое».

²⁰³ Ван Ман был, пожалуй, первым, кто попытался осуществить практиковавшийся и в новейшей истории Китая политический курс «гу вэй цзинь юн» — «ставить древнее на службу современности». Он стремился вдохнуть новую жизнь в конфуцианское учение. Главным трудом, который большинство китайских историков и филологов считают поддельным, является «Чжоули» — свод «Чжоуских установлений». С помощью этого труда при Ван Мане предпринималась попытка идеализировать древнее китайское государство, его политическую систему и общественные нравы (см.: Алексеев В.М. Указ. соч. С. 34).

Другими словами, постоянные воспоминания о давних нападениях Китайской империи на Вьетнам и героическом сопротивлении вьетнамского народа предстают здесь как средство разжигания вражды к КНР. Давно уже мертвые китайские агрессоры и их вьетнамские противники и являются тем «трупом», в который вдыхается новая жизнь посредством пропагандируемой вьетнамскими руководителями неприязни к КНР.

14.5. Новые народные принципы

Одна из книг о стратагемах, вышедшая на Тайване, обвиняет Мао Цзэдуна в применении Стратегемы № 14, поскольку он воспользовался старой популярной доктриной, преследуя совершенно иную, новую цель. Эту стратегию Мао применял до того, как достиг власти, хорошо зная, что народ настроен против марксизма и гоминьдановского правительства, хотя по-прежнему положительно воспринимает основную доктрину последнего, а именно учение о трех народных принципах: национализме, демократии и поддержании жизненного уровня населения.

Эти три принципа выдвинул д-р Сунь Ятсен (1866—1925). Чтобы привлечь народ на свою сторону и ослабить его сопротивление, Мао опубликовал доклад о так называемых «новых народных принципах»²⁰⁴. В этом докладе Мао принимает квинтэссенцию трех народных принципов Сунь Ятсена как постулаты на период перехода к социализму. Так, Мао заявляет, что единственной его целью является свержение не любимого народом гоминьдановского правительства, но что он никоим образом не является противником трех народных принципов Сунь Ятсена, провозглашенных этим правительством. Таким образом, он воспользовался «трупом» трех народных принципов, чтобы вдохнуть в них коммунистическую «душу». Благодаря этому ему многих удалось привлечь на свою сторону, однако, когда он наконец достиг власти, о народных принципах Сунь Ятсена речи уже не заходило.

Читал ли тайваньский автор, отнесший «новые народные принципы» Мао к применению Стратегемы № 14, статью последнего «О новой демократии», написанную в январе 1940 г.? Его анализ заставляет в этом усомниться, так как опирается исключительно на выражение «новых три народных принципа», употребленное в этой статье. В действительности Мао указывает там — со ссылками на Сунь Ятсена, который в последний период жизни сотрудничал с Коммунистической партией Китая, — совершенно ясно следующие три новых принципа: союз с Советским Союзом, союз с Коммунистической партией Китая и поддержку рабочих и крестьян. В другой аналогичной работе, во всяком случае в ее версии, получившей распространение после основания КНР в 1949 г., Мао решительно дистанцируется от трех старых народных принципов Сунь Ятсена²⁰⁵. Ни о каком обмане населения, предпринятом в совершенно ясном сочинении Мао, не может быть и речи. Заслуживает, однако, внимания сам способ, каким тайваньский автор анализирует произведения Мао в стратагемном духе.

14.6. Мертвый победитель

Глава о Стратегеме № 14 в стратагемной серии комиксов, вышедшей в Лицзяне, содержит историю из 104-й главы уже многократно цитировавшегося романа «Троецарствие».

В 234 г. н. э. Чжугэ Лян, министр и стратег государства Шу, вел свой шестой поход против северокайтайского государства Вэй. Его противником был Сыма И (179—251), командующий вэйской армией.

Поскольку длительное продвижение войск создавало проблемы со снабжением, Чжугэ Лян стремился как можно скорее добиться решающего сражения. Сыма И и вэйская армия, напротив, старались сделать войну затяжной и окопались на берегу реки Хуай.

Вновь и вновь Сыма И и его людей пытались принудить к открытому сражению. Но он не отступал от принятой тактики выжидания. Через некоторое время Чжугэ Лян отправил к Сыма И посланца со

²⁰⁴ В работе Мао Цзэдуна «О новой демократии», о которой здесь идет речь, имеется специальный раздел «Старые три народных принципа и новые три народных принципа» (Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 2. С. 460—467).

²⁰⁵ Х. фон Зенгер имеет в виду работу Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа». Однако следует заметить, что в ней Мао Цзэдун, постоянно подчеркивая правоту многих оценок Сунь Ятсена, сделанных им на основании 40-летнего опыта революционной борьбы, дистанцируется лишь в одном — оценке роли национальной и мелкой буржуазии как движущей силы революции (см.: Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 4. С. 501—518).

шкатулкой. Военачальники Сыма И, рвавшиеся в бой, решили, что Чжугэ Лян прислал гонца с объявлением войны. Они набились в палатку Сыма И, чтобы удостовериться в этом. Все не отрываясь следили, как Сыма И вскрывает письмо Чжугэ Ляна. В письме Чжугэ Лян насмеялся над Сыма И, говоря, что он не командующий, а баба, дрожит за свою жизнь и боится смерти. Сыма И разгневался, но не показал виду и, улыбаясь, открыл шкатулку. Там лежали только женские платья.

Когда военачальники Сыма И увидели это и поняли, что Чжугэ Лян насмеяется над их главнокомандующим, они тут же пожелали, чтобы посланец был казнен, а Чжугэ Ляну дан немедленный бой.

Согласно комиксу из Лицзяна, Сыма И ответил на это изречением Конфуция:

«Кто не проявляет терпимости, навлекает опасность на большие планы».

Вместо того чтобы казнить посланца Чжугэ Ляна, он пригласил его к обеду. За едой Сыма И избегал военных тем и осведомлялся только о жизненных обстоятельствах и здоровье Чжугэ Ляна.

Отпустив посланца восвояси, Сыма И сказал своим военачальникам: «Чжугэ Лян пытается воспользоваться стратагемой провокации. Мы ни в коем случае не должны на это попадаться. Ведь сам Чжугэ Лян сейчас очень плохо здоровьем. Он переутомлен военными и политическими делами, не ест и не спит и, наверное, скоро умрет. Вы же, мои военачальники, должны быть готовы к его смерти. Как только придет эта весть, мы начнем битву».

И вэйская армия осталась в своих укреплениях, что очень опечалило Чжугэ Ляна. Война тянулась уже более 100 дней. Каждый день Чжугэ Лян советовался со своими военачальниками, как быть дальше, а по вечерам не мог заснуть, раздумывая, как бы победить Сыма И. Чжугэ Лян переутомился и стал харкать кровью; он все слабел и наконец умер.

Военачальники шуской армии были сражены горем и хотели немедленно заняться похоронами. Но оба командующих, Ян И и Цзян Вэй, следуя завещанию Чжугэ Ляна, убедили военачальников отложить погребальную церемонию. Тело Чжугэ Ляна положили в гроб, и армия получила приказ об отходе. Тут только Сыма И покинул свои укрепления и начал преследовать противника. По пути он поднялся на холм, чтобы с него взглянуть издали на шускую армию. Он увидел, что она держит те же боевые порядки, под теми же знаменами, что и при жизни Чжугэ Ляна. Сыма И вдруг испугался, не была ли весть о смерти Чжугэ Ляна ложной, и подумал, что этот слух распустили, лишь чтобы выманить его на поле битвы. Но по настоянию своих военачальников он вынужден был продолжить преследование. Вскоре шуская армия вдруг по сигналу остановилась и повернулась, готовая к бою, навстречу вэйцам. Это все была в точности тактика Чжугэ Ляна. Сыма И вновь охватили сомнения, и тут из-за деревьев показался флаг главнокомандующего Шу и колесница, окруженная военачальниками, в которой, выпрямившись, сидел — по слухам, покойный — Чжугэ Лян. Как только Сыма И это увидел, он тут же отдал приказ к отступлению. Шуская же армия спешно продолжила свой отход, пока не оказалась в безопасности. Только тогда она приступила к погребальной церемонии. Впоследствии Сыма И узнал, что Чжугэ Лян действительно умер и в колеснице была кукла. Он тут же возобновил преследование, но противник был уже далеко.

Вэйские военачальники очень разозлились, что упущен шанс уничтожить шускую армию. Сыма И же сказал со вздохом: «Искусство, с которым Ян И вел войско, в точности походило на манеру Чжугэ Ляна, как будто дух покойного Чжугэ Ляна возродился в Ян И. Я попался на стратагему «Позаимствовать тело, чтобы вернуть душу».

14.7. От династии Вэй к династии Цзинь

Совершенно иначе Стратагема № 14 интерпретируется в книге Цзюнь Да «Чжунго хуанди лечжуан» (Предания о китайских императорах в хронологическом порядке. Тайбэй, 1981.)

«Эта стратагема использует тактику паразитов. Паразит внедряется глубоко во внутренности противника и пожирает все, что может, чтобы ослабить врага. В конце концов от того остаются только кожа да кости, а паразит становится сильным и откормленным».

На такую интерпретацию Стратагемы № 14 вдохновила Цзюнь Да карьера Сыма И (который в предыдущем примере выступал в качестве противника Чжугэ Ляна) и его последователей.

Около 208 г. н. э. Сыма И поступил на службу к Цао Цао (155— 220). Последний, как мы уже говорили, в конце Ханьской династии захватил северную часть Китая, и его сын Цао Пэй в 220 г. провозгласил там династию Вэй. В течение своей жизни Сыма И служил четверем властителям, из них трем императорам

династии Вэй. Могущество Сыма И постоянно возрастало. Когда некий противник в 249 г. задумал его сместить, Сыма И воспользовался благоприятными обстоятельствами для путча и вскоре нашел предлог, чтобы вырезать семьи своих противников до третьего колена. После смерти Сыма И два его сына унаследовали его могущество. Они еще более упрочили свое положение, когда в 260 г. один из сыновей принял участие в убийстве последнего императора династии Вэй. Наконец Сыма Янь, внук Сыма И, в 265 г. был провозглашен императором и вдохнул новую душу в «труп» Вэй-ской династии, основав на ее месте династию Цзинь, просуществовавшую до 316 г. Ей удалось вновь на несколько десятилетий объединить весь Китай.

14.8. Реформированный культ Митры

Нельзя ли взглянуть с точки зрения китайских стратагем, а именно Стратагемы № 14, на то явление, которое Анна-Сюзанна Ришке обозначает как «шахматный ход»? В воскресном выпуске «Новой цюрихской газеты» от 24/25 декабря 1983 г. Ришке пишет:

«Обычай отмечать смену года, видимо, очень древний. У римлян на период между 17 и 23 декабря приходился праздник Сатурна, бога посева, так называемые сатурналии. Это был самый большой праздник в году: прекращались все работы и дела, и на улицах царило праздничное, беззаботное оживление. Рабы наслаждались кратковременной свободой, дома были украшены свежими лавровыми ветвями. Люди ходили друг к другу в гости и дарили восковые свечи и глиняных куколочек.

Еще задолго до Рождества Христова евреи праздновали восьмидневный Праздник огней, а у германцев принято было не только в середине лета, но и в зимнее солнцестояние устраивать большое празднество в честь возрождения Солнца и пронсящихся в это время по небу дарующих плодородие богов: Вотана и Фрейи, Донара и Фрейра. Поклонение свету и плодородию как существенная составная часть дохристианских праздников середины зимы не было вытеснено из сознания людей и после введения христианства в качестве государственной религии императором Константином Великим (306—337 н. э.). Еще император Аврелиан (214—275 н. э.) в 274 г. основал официальный государственный культ бога Солнца и объявил день его рождения, 25 декабря, государственным праздником. Из Персии через Малую Азию, Грецию и Рим до Германии и Британии распространился культ арийского солнечного бога Митры. Многочисленные развалины его святилищ (митрей) еще сегодня демонстрируют, каким почетом пользовался этот бог, податель плодородия, мира и победы, у римских солдат.

Таким образом, весьма мудрым шахматным ходом было объявление бывшего дня Митры (25 декабря) днем рождения Иисуса Христа, предпринятое христианской церковью при папе Либерии (352—366) в 354 г.»

Действие «шахматного хода», подразумеваемое автором, было таково, что относящийся уже к прошлому, но все еще обладающий огромной силой воздействия «труп» — культ Митры — оказался одушевлен новой, христианской душой, благодаря чему старое продолжало жить, наполненное новым содержанием.

14.9. Нострадамус во Второй мировой войне

Эллик Хоув в книге «The Black Game — British Subversive Operations against the Germans during the Second World War» (в Германии вышла в 1983 г. в Мюнхене под заголовком «Черная пропаганда: свидетельство очевидца о тайных операциях британской секретной службы во Второй мировой войне») сообщает, что во время Второй мировой войны в Великобритании вышла на немецком языке книга в 124 страницы под названием «Нострадамус пророчествует о ходе войны», которую распространяли в Германии. Томик содержал, в частности, пророчество Нострадамуса об убийстве Гитлера. Этим надеялись смутить суеверных немцев.

В данном случае мертвый уже в течение многих столетий Нострадамус — «труп» — был использован как носитель антинационал-социалистской пропаганды — новой «души».

14.10. Паломничество к месту рождения Конфуция

Во время «культурной революции» в журнале «Пекин ревью» утверждалось, что классовая природа политических представителей декадентских и реакционных классов XX столетия совпадает с классовой природой упадочных рабовладельцев VI и V столетий до н. э., которых представлял Конфуций. Поэтому все реакционеры в Китае, которые работали на восстановление старых порядков, якобы прибегают к «тому же поношенному духу Конфуция», используют его как «оружие в деле контрреволюционной реставрации». Так, например, Юань Шикай (1859—1916), захвативший власть после падения в 1911 г. существовавшей более 2000 лет Китайской империи, мечтал о возвращении тех дней, когда император феодальной монархии

обладал всей полнотой власти. В связи с этим он разыграл фарс «паломничества» к месту погребения Конфуция, чтобы тем подтвердить свое стремление к реставрации империи.

Предпринимал паломничество к могиле Конфуция, по примеру древних феодалов, и Чан Кайши. В дальнейшем он использовал идеи Конфуция о «великой унификации» для своей собственной, «контрреволюционной великой унификации» в принципах государственного устройства. Такие феодальные теории, как «великая унификация» или «небоизбранность властителя», он, по словам китайского автора, использовал как реакционное теоретическое обоснование своей диктатуры. Восстановление «древнего пути Конфуция и Мэн-цзы» также было якобы использовано для борьбы с влиянием коммунистической идеологии в Китае.

Для такого анализа весьма подходит цитата из Маркса, выглядящая как парафраз Стратегемы № 14, которая не раз появляется в китайских публикациях времен «культурной революции»:

«Они в страхе призывают к себе на службу духов прошлого, заимствуют их имена, боевые кличи, костюмы и, переодевшись под старину, на заимствованном языке разыгрывают сцены из Новой истории».

14.11. Императрица Китая

В феврале 1977 г. Ван Буси рассуждал на страницах пекинской газеты «Гуанмин жибао»:

«Поскольку открытая пропаганда в пользу «банды четырех» вызвала бы у населения обратную реакцию, «банда четырех» могла бить в пропагандистские барабаны только на окольных путях», — например при помощи Стратегемы № 14, которую Ван Буси тут же цитирует.

С этой целью пропагандисты «банды четырех» восхваляли, например, Люй Хо (241 — 180 до н. э.). Люй Хо помогала своему супругу Лю Бану (ок. 250—195 до н. э.), основателю и первому императору династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), в овладении государством, а после смерти Лю Бана осталась верной исполнительницей его заветов, Ван Буси считает, что это выдает намерение Цзян Цин после смерти Мао перехватить скипетр.

В 1974 г. в обращении группы пекинских писателей, выступавших под общим псевдонимом Лян Сяо, в идеализированном виде представлялся образ танской императрицы У Цзэтянь (624—705). Во время смены династий она уверенно выступила на политическую сцену Китая. Жестокие методы — как то: применение тайных агентов, убийства и покушения, с помощью которых У Цзэтянь утверждала императорское величие (согласно комментарию газеты «Гуанмин жибао» от апреля 1977 г.), — прославлялись в изложении Лян Сяо как «удары, направленные против консервативных сил», «борьба с реакцией» и т. п. То, что в действительности являлось борьбой за власть, Лян Сяо выставлял как «политическую битву» между реформисткой У Цзэтянь и реакционными конфуцианцами. Представление У Цзэтянь как «женщины с новыми идеями» в действительности должно было прославлять Цзян Цин. Другими словами, «труп» мертвой уже более тысячи лет У Цзэтянь вдохнули «душу» и политические амбиции супруги Мао Цзян Цин, возжелавшей, по мнению ее критиков, стать У Цзэтянь XX столетия.

Можно представить себе также следующую интерпретацию Стратегемы № 14: выставляется напоказ совершенно новое тело, но пробудившая его к жизни душа — старая. Попросту говоря, это называется «вливать старое вино в новые мехи», или «в новой обувке спешить по старой дорожке», или «приклеивать новые ярлыки к старым товарам», или же

14.12. Менять подливку, а не овощи

Под таким заголовком пекинский журнал «Шицзе чжиши» («Всемирное обозрение») комментировал в июне 1986 г. замену Бабрака Кармаля Наджибуллой в должности генерального секретаря ЦК правящей в Афганистане Демократической народной партии.

Китайский комментатор Мэй Вэнь приходит к заключению, что «смена лошадей» обозначает всего лишь то, что старая афганская политика Советского Союза будет теперь проводиться под новым именем, сущность же ее не изменится. С одной стороны, Советский Союз усилит военную активность, чтобы окончательно подавить сопротивление афганского народа и упрочить свое политическое господство, а в дальнейшем создать предпосылки для гигантского продвижения войск. С другой стороны, он будет пытаться гибкими мерами, нацеленными на политические решения, избежать давления мирового общественного мнения, выиграть время для продвижения войск и вынудить противоположную сторону к развитию отношений, благоприятному для него.

Представленную здесь интерпретацию Стратегемы № 14, конечно, можно развивать и дальше, например в смысле скрытой реставрации старого порядка. При этом новые учреждения употребляются как инструменты старых отношений.

Касаясь военной истории, китайская литература о стратегемах употребляет Стратегему № 14 метафорически. Если исходная ситуация является плохой или даже безнадежной, то «возвращение души» представляется в качестве выхода из этого положения.

14.13. Стремление в Шу

Одна из пекинских книг о стратегемах 1987 г. приводит следующий пример из труда Сыма Гуана (1019—1086) «Цзы чжи тун цзянь» («Всеобщее зеркало управления»).

После битвы у Красных стен в 208 г. (см. 9.1) завоевательские устремления Сунь Цюаня и Лю Бэя обратились на провинцию Шу. При этом Лю Бэй из-за слабости в военном отношении оказался в невыгодном положении.

Зимой 214 г. Цао Цао напал на Ханьчжун (на юге нынешней провинции Шаньси). Это навлекло угрозу на Лю Чжана, который удерживал в это время Ичжоу в Шу. Он опасался нападения Цао Цао после того, как тот овладеет Ханьчжуном. Поэтому он попросил у Лю Бэя помощи и пропустил его в Шу. Лю Бэй воспользовался этим обстоятельством и ввел в Шу войска. Через два года он сместил Лю Чжана и аннексировал Ичжоу. Этим он создал предпосылки для основания в дальнейшем царства Шу, одного из трех царств III в. н. э., и упрочил свое политическое положение. У Лю Бэя не было возможности овладеть областью Шу с помощью военной силы. Но с другой стороны, эта область по стратегическим планам его советника Чжугэ Ляна представляла собой неоценимый опорный плацдарм, который был необходим каждому, кто хотел бы сыграть важную политическую роль. В этой ситуации «возвращением души» «труп» политических амбиций Лю Чжана явилось приобретение желаемых территорий.

В этом примере китайское слово «цзи», которое я перевожу как «стратегема», выступает в значении простой «фишки», а вовсе не в значении военной хитрости. Это демонстрирует многообразие значений китайского выражения, которое не покрывается нашим более узким термином «стратегема».

14.14. Туман на плато 584

Во время корейской войны соединение китайской армии получило приказ удерживать плато 584 на южной стороне Анцзябуна на реке Ханьган. В течение пяти дней было уничтожено более тысячи солдат противника. Недостаток снабжения и собственные высокие потери вынудили китайцев оставить плато, и 10 февраля в 8 часов утра его заняли американские войска. Как раз в этот момент поднялся густой туман. Видимость не превышала 10 метров. Это дало редкую удачную возможность подобраться к противнику незамеченным. Китайский командир проанализировал положение следующим образом: поскольку противник только что одержал победу, то его бдительность будет довольно слабой. Это обстоятельство следует использовать для немедленного нападения. В 8 часов 36 минут 26 еще боеспособных китайских солдат в американской форме под защитой тумана начали восхождение двумя отрядами, слева и справа. Когда правый отряд был на расстоянии ста метров от противника, они обнаружили, что американцы как раз начали подкрепляться. Определенно, они не приняли никаких мер предосторожности. Китайцы подобрались к противнику на расстояние пяти метров и открыли огонь. Противник был захвачен совершенно врасплох. Тут и левый китайский отряд добрался до вражеского лагеря. Американские солдаты не смогли правильно оценить количество нападающих и бежали сломя голову. Все сражение длилось около 10 минут. Было убито более тридцати солдат противника. И плато 584 вновь оказалось в руках китайцев.

В данном случае туман и беззаботность американцев оказались «трупом», который китайцы использовали для «возвращения души», то есть утраченного плато.

14.15. Из мира бизнеса

Согласно книге о стратегемах, изданной в Тайбэе, Стратегема № 14 применяется также в деловом мире — например, когда в период кризиса ищут новых акционеров или кредиторов. Они в данном случае оказываются «трупом», а экономический подъем — «возвращением души».

И в заключение еще один пекинский комментарий:

«Никто не побеждает постоянно. Отступления — в порядке вещей. Но речь идет о том, чтобы сохранить на

стадии неудач ясную голову, спокойно проанализировать положение и подобрать подходящий «групп», то есть воспользоваться всеми пригодными обстоятельствами, чтобы вновь взять инициативу в свои руки и превратить поражение в победу».

Стратегема № 15. Сманить тигра с горы на равнину

Четыре иероглифа	调	虎	离	山
Современное китайское чтение	дяо	ху	ли	шань
Перевод каждого иероглифа	побудить	тигр	покинуть	гора
Связный перевод	Побудить тигра покинуть гору. Сманить тигра с его горы на равнину. Отрезать противника от его базы.			
Сущность	<p>а) Сманить тигра с горы на равнину, чтобы обезвредить его.</p> <p>б) Сманить тигра с горы, чтобы затем без усилий занять гору (и таким образом также победить тигра).</p> <p>в) Ослабить тигра, отдалив его от важнейшего помощника.</p> <p>г) Отрезать тигра от тех, кого он защищает, чтобы затем легко обезвредить их. Стратегема изоляции.</p>			

Уже в книге «Гуань-цзы», приписываемой политическому философу Гуань Чжуну (VII в. до н. з.), говорится:

«Когда тигр или леопард покидают свое логово и приближаются к людям, они становятся добычей людей. Пока тигр или леопард полагаются на свое логово, им удастся сохранять свою силу».

До сих пор сохранившая употребительность китайская пословица гласит: «Ху ло пин ян бэй цюань ци», что означает в переводе: «Если тигр спускается на равнину, на него тут же набрасываются собаки».

Хан Фэю (III в. до н. э.), известнейшему представителю древнекитайской Школы законников, основателем которой считается Гуань-цзы, приписывается следующее высказывание:

«Тигр побеждает собаку с помощью своих когтей и зубов. Если отнять у тигра зубы и когти и отдать их собаке, то тигр должен будет подчиниться собаке».

В формулировке Стратегемы № 15 «тигр» — образное наименование противника, а «гора» — образное же обозначение наиболее привычного и подходящего для противника поля сражений. Цель Стратегемы № 15 состоит в том, чтобы выманить «тигра» с его «горы». Это необходимо прежде всего, если имеешь дело с сильным «тигром». Ведь если допустить, чтобы сильный «тигр» пользовался еще и преимуществом своего положения на «горе», ситуацию можно будет описать с помощью другой китайской поговорки: «Вэй ху фу и» — «Снабдить тигра крыльями», то есть сделать сильного противника еще сильнее.

Имеются, конечно, примеры «тигров», отличающихся не только грубой силой и дерзостью. Их не так-то легко сманить с их «горы». Вспомним Одиссея, проплывавшего мимо острова сирен, которые завлекали моряков обольстительным пением и убивали их. Одиссей заткнул своим спутникам уши воском, а себя приказал привязать к мачте — и корабль остался на правильном курсе!

В рубрике «Сущность» приводятся различные возможные варианты применения Стратегемы № 15. Снабдим их некоторыми примерами.

15.1. Путешествие к Сыну Неба

Князь У (770—774 до н. э.) из Чжэн (в районе нынешней провинции Хэнань) имел двух сыновей. Старший из них, У Шэн, явился на свет перевернутым, то есть вперед ногами. Из-за тяжелых родов его мать его возненавидела. Она страстно полюбила своего второго сына, Дуаня, и хотела, чтобы он унаследовал трон. Но отец, уважая традиции наследования, противился этому; кроме того, старшему сыну нечего было

поставить в вину. Поэтому Дуань получил только небольшой удел, а У Шэн был назначен официально наследником и после смерти отца получил его скипетр. Он правил Чжэн под именем князя Чжуана (743—701 до н. э.).

Мать, недовольная положением своего любимого сына, попросила нового князя отдать в удел брату большой город Чжи. Князь отклонил ее просьбу, так как город этот был слишком значителен. Тогда она потребовала для младшего сына важный город Цзин.

Советник князя Чжай Чжун предостерег князя, говоря, что по закону самые большие удельные города не должны превышать по размеру трети столицы, а город Цзин этому правилу не отвечает. Как не могут на небе светить два солнца, так не должно быть в государстве двух правителей. Город Цзин расположен в центре страны, его население весьма велико, и в политическом и военном отношении он не уступает столице. К тому же Дуань — любимый сын вдовы князя. Если дать ему этот город, волей-неволей в стране появятся два правителя.

Но князь отвечал, что таков приказ его матери, и отдал Дуаню город Цзин. Перед отъездом Дуань встретился с матерью, посоветовавшей ему готовиться в своей новой цитадели к удобному случаю для захвата трона.

Вскоре Дуань повелел военачальникам западной и северной границ подчиняться его приказам, в том числе в военном отношении, что не подобало ему как удельному владетелю. Затем он оккупировал прилегающие территории и увеличивал свои силы с каждым днем.

Об этом стало известно при княжеском дворе, но сам князь ничего не предпринимал. Один сановник, по имени Гунцзы Люй, посоветовал ему как можно быстрее устранить младшего брата. Но князь ответил: «Дуань — любимый сын моей матери. Он мой младший брат. Как могу я из-за клочка земли повести себя не по-братски и перечить матери?»

Гунцзы Люй отвечал, что медлить в решительный момент — верный путь к неудаче. А потерпев неудачу, раскаиваться будет поздно.

Князь Чжуан вздохнул: «Ах, я уже неоднократно обдумывал этот вопрос. Конечно, Дуань определенно собирается узурпировать трон. Но открыто он до сих пор не взбунтовался. Если я что-нибудь ему сделаю, мать станет строить против меня козни и весь свет обвинит меня в отсутствии братской любви и почтительности к матери. Единственное, что мне остается, — делать вид, что я ничего не понимаю, оставить брата безнаказанным и ждать, пока он не дойдет до явно бунтовщических действий. Тогда у меня будут доказательства его преступных намерений».

Гунцзы Люй возразил: «С одной стороны, вы правы. Но с другой стороны, ваш брат с каждым днем становится все могущественнее. Скоро он будет сильнее вас. Что, если мы побыстрее устроим так, чтобы он обнаружил свои намерения, и тогда уже без колебаний уничтожим его?»

И Гунцзы Люй предложил такой способ: князь, который уже давно, боясь нападения со стороны брата, не покидал княжества, должен отправиться на аудиенцию ко двору Сына Неба. В отсутствие князя его брат наверняка попытается напасть на столицу. Он, Гунцзы Люй, будет ждать с войском в засаде близ резиденции Дуаня и, как только Дуань выйдет из города со своими войсками, займет Цзин. Тогда младший брат потеряет свою опорную базу, и будет несложно обезвредить его.

Князь согласился с этим планом. Он поставил Чжай Чжуна наместником на время своего отсутствия. Мать князя сочла момент благоприятным для исполнения своих планов и отправила к младшему сыну вестника с тайным посланием касательно захвата столицы. Но Гунцзы Люй захватил вестника и убил. Письмо он переслал князю Чжуану, а к его брату отправил другого вестника с письмом сходного содержания. Дуань отослал гонца с ответным письмом к матери. В этом письме он назначал точную дату запланированного военного выступления. Это письмо также досталось Гунцзы Люю. Гонца он отправил к матери князя с фальшивым письмом подобного же содержания.

Теперь у князя Чжуана были в руках вожделенные доказательства. Он попрощался с матерью и с большой pompой отправился в сопровождении личной гвардии ко двору Сына Неба. Одновременно Гунцзы Люй с войском устроил засаду поблизости от города Цзин и там ожидал, когда «тигр» оставит свою «гору».

Дуань вывел из города всех воинов и двинулся на столицу под тем предлогом, что он обязан в отсутствие брата обеспечивать ее безопасность. Город Цзин, в который Гунцзы Люй перед тем заслал своих агентов для возбуждения беспорядков, остался без охраны и был быстро взят.

Дуань узнал в пути о падении Цзина. Он тут же приказал войску поворачивать назад и остановился лагерем за городскими воротами, чтобы подготовиться к штурму. Но его люди были деморализованы. Проникшие тайно в лагерь агенты Гунцзы Люя распространили сведения о предательских планах княжеского брата, вследствие чего ночью половина армии дезертировала.

Дуань попытался бежать с остатком войска в Яньи, но и этот город был уже занят войсками князя. В конце концов Дуань вернулся в тот небольшой городок, власть над которым не удовлетворяла его ранее. Но войска князя уже приближались. Городок был слишком мал, чтобы противостоять наступлению. Дуаню ничего не оставалось, как покончить с собой.

Вот такая история приводится в романе «Истории Восточного Чжоу», относящемся к эпохе Мин (XIV—XVII вв.), окончательная редакция — эпоха Цин (XVII—XX вв.). В нем содержатся рассказы из VIII—III вв. до н. э., основанные на исторических данных, нередко расцвеченных игрой фантазии. Вышеописанные события излагаются также в классическом конфуцианском труде «Цзо-чжуань» — значительно суше и без стратагемных довесков. Интерпретация, использованная нами, опирается на книги о стратагемах, изданные на Тайване и в Гонконге. Следующий наш пример исторически более достоверен.

15.2. Совет под Чэнем

Хань Синь (ум. 196 до н. э.) прежде служил Сян Юю (232—202), главному сопернику Лю Бана (ум. 195 до н. э.) в борьбе за императорский трон после падения династии Цинь в 206 г. до н. э. Впоследствии, однако, он перебежал к Лю Бану, стал военачальником и оказал тому большие услуги (см. 8.1). За это Лю Бан дал ему в удел царство Чу. Когда Чжун Лимэй, крупный военачальник Сян Юя, после смерти последнего бежал и Лю Бан начал охоту за ним, Хань Синь укрыл его и не выполнил прямого приказа Лю Бана о его аресте.

В 201 г. до н. э. Лю Бану, уже императору Китая, донесли, что Хань Синь замышляет бунт. Лю Бан воспользовался стратагемой, подсказанной ему его советником Чэнь Пином (ум. 178 до н. э.). Он устроил инспекционную поездку в Юньмын (в нынешней провинции Хубэй) и созвал всех своих удельных князей на совет в уезде Чэнь (нынешняя провинция Хэнань). Когда Хань Синь получил это приглашение, ему ничего не оставалось, как подчиниться. Он боялся обвинения в беспорядках. Чтобы избежать этого, он принудил Чжун Лимэя к самоубийству и с его головой в качестве доказательства своей лояльности явился к Лю Бану, где и был арестован.

В этом примере совет в Чэнь служит для того, чтобы выманить Хань Синя — «тигра» — из его удела Чу («горы») и без труда обезвредить его. При этом Лю Бану наконец удалось лишить его ценного союзника, Чжун Лимэя.

15.3. Провели за нос

В расширенном значении Стратагема № 15 в первом из приведенных выше вариантов может употребляться также в полемике. Противную сторону в споре заставляют нарушить сдержанность и заводят в менее знакомую или вообще чуждую область, где легче будет поймать ее на ошибке.

Кроме того, можно представить себе применение Стратагемы № 15 при заключении торгового договора с иностранными бизнесменами, при формулировании статей о подсудности или о месте третейского суда. Эту статью можно составить таким образом, что в конфликтной ситуации партнер будет лишен привычного ему юридического обеспечения и окажется на незнакомой и потому неблагоприятной юридической почве.

15.4. Просьба о помощи Сунь Цэ

В последнее десятилетие династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) окраинные области Китая оказались под властью множества правителей. К югу от Янцзы, там, где теперь расположен Шанхай, возникло два основных центра, один на юго-востоке, в районе современной провинции Цзянсу, подчинявшийся Сунь Цэ (175—200), правителю Гуйцзи, а другой на северо-западе, на территории современной провинции Аньхой, где правил Лю Сюнь, владыка Луцзяна.

Оба этих властелина спорили между собой за единоличную власть над Южным Китаем. К 199 г. Лю Сюнь так далеко распространил свое могущество, что стал представлять непосредственную угрозу для Сунь Цэ.

Что же делать? Многие чиновники и советники Сунь Цэ настаивали на немедленном походе против Лю Сюня и уничтожении последнего в решающей схватке. Но некоторые думали иначе. Они считали слишком опасной прямую конфронтацию с таким сильным противником. Один из них, Чжоу Юй (175—210),

предпочитал стратагему опосредованной конфронтации; он полагал, что, прежде чем «лезть в тигриное логово», следует «сманить тигра с горы». Сунь Цэ послушался совета Чжоу Юя. Ему были известны личные качества Лю Сюня. Лю Сюнь был алчен, честолюбив и, пожалуй, глуповат. Исходя из этого, Сунь Цэ отправил к Лю Сюню доверенного посланца с письмом и подарками. На пути в Луцзян, где пребывал Лю Сюнь, посланец обнаружил множество военных лагерей. Все выглядело так, будто предстоит большой военный поход. Чтобы попасть на аудиенцию к Лю Сюню, посланцу пришлось пройти через шеренгу вооруженных до зубов воинов. Будучи допущен к Лю Сюню, он передал ему письмо Сунь Цэ. Письмо гласило:

«Мы с почтением взираем на Вас и желаем добрых отношений с Вами. Но, будучи в постоянных военных заботах, я не имел возможности посетить Вас. Ныне Шан Ляо вновь высылает войска и насаждает на плохо защищенные территории к югу от Великой реки. Мы слишком слабы для дальнего похода. Потому мы подаем Вам вместе с подарками это прошение, чтобы побудить Вас к карательному походу и поражению Шан Ляо. Мы полагаем, что, если Вы сделаете это, это будет неоценимой помощью и поддержкой для слабых государств к югу от Великой реки».

Затем посланец передал подарки. Лю Сюнь был весьма тронут почтительностью Сунь Цэ. Он знал, что овладение царством Шан Ляо означало огромную мощь и благоденствие. К тому же Сунь Цэ попросил его о поддержке и послал множество ценных даров. Вне себя от радости, Лю Сюнь устроил в честь посланца роскошный пир. За столом посланец неоднократно поднимал кубок за победу Лю Сюня в предстоящем походе на Шан Ляо. Военачальники Лю Сюня также пили за победу в предстоящей победоносной войне против Шан Ляо. Только у одного штатского чиновника, по имени Лю Е, на лице сохранялась озабоченность. Когда пир окончился, Лю Сюнь спросил его о причине недовольства. Советник сказал: «Шан Ляо — небольшой город, но окружен прочными стенами. Его трудно взять. Боюсь, что Сунь Цэ применяет против нас стратагему «Сманить тигра с горы». Я предвижу неизбежное поражение».

Самодовольный и глупый, Лю Сюнь преисполнился гнева и воскликнул: «Молчи! Если бы Сунь Цэ действительно решился это предпринять, он не послал бы посланца». Военачальники хором поддержали Лю Сюня, и поход к Шан Ляо был решен. Город узнал о том, что надвигается армия, и сразу предпринял все необходимое для обороны. После долгого тяжелого пути Лю Сюнь приказал усталым войскам обложить город и одновременно напасть со всех сторон. Защитники города, будучи отдохнувшими и полными боевого духа, дали бой измотанному противнику. Бесчисленные стрелы, камни и бревна встретили взбирающихся на городские стены воинов. Атака армии Лю Сюня окончилась поражением, боевой дух воинов упал еще ниже. Сунь Цэ сразу же узнал, что Лю Сюнь со своими главными силами осадил Шан Ляо. Только одно маленькое сторожевое войско осталось охранять Луцзян. Тогда Сунь Цэ сказал своим советникам: «Мы сманили тигра с его горы. Теперь можно сначала овладеть его логовом, а потом легко покончить с ним». После этого Сунь Цэ ворвался со своей армией в Луцзян, который сдался без боя. Захватив Луцзян, Сунь Цэ выступил против главных сил Лю Сюня, падение боевого духа которых достигло глубочайшей точки при известии о падении Луцзяна. Битва кончилась для Лю Сюня катастрофой. После полного поражения он мог лишь взывать к Небу: «Почему я не послушался совета Лю Е? Я попался на стратагему Сунь Цэ «Сманить тигра с горы» и потому впал в ничтожество!» После этого он примкнул к Цао Цао (155-220).

Сунь Цэ, в свою очередь, этим легчайшим из своих походов заложил основание позднейшего царства У, одного из трех царств первой половины III столетия н. э.

Пример применения Стратагемы № 15 позаимствован из исторической хроники «История Троецарствия», составленной Чэнь Шоу (233—297); он пересказывается, в частности, в одном из распространенных в КНР комиксов о стратагемах. В другом комиксе излагается следующее происшествие, относящееся к концу Ханьской эпохи. О нем рассказывается в «Истории династии Поздняя Хань», принадлежащей перу Фань Е (398—445).

15.5. Котел при Чэньцане

На северо-западе Китая варварский народ цян восстал против династии Хань. Юй Сюй, правитель Уду (на территории нынешней провинции Ганьсу), выступил против восставших, но те непрерывно побеждали его. Юй Сюй вынужден был отойти со своими тремя тысячами воинов в изрезанную расщелинами долину близ Чэньцана (в современной провинции Шаньси). Там он приказал устроить укрепленный лагерь. Вступать в битву с цянским войском, насчитывавшим более 10 000 человек, он не собирался. Цян отрезали ему все пути к отступлению, и Юй Сюй оказался в ловушке. По-видимому, его могла спасти только стратагема.

Юй Сюй приказал своим воинам кричать, обращаясь к осаждающим: «О воины цян! Мы отправили посланца к императору за помощью. Как только подойдут императорские войска, мы будем с вами сражаться!» Войско цян поверило и решило не дожидаться подхода императорских войск, а заняться

грабительскими набегами на соседние области.

Когда Юй Сюй увидел отход цянских войск из долины, он сразу же бросился в погоню. При этом на каждом привале он распорядился удваивать количество кострищ. Военачальники цянского войска постоянно узнавали через разведку об увеличении числа кострищ в ханьских войсках. Ввиду явного усиления ханьских войск дополнительными отрядами цянские военачальники наконец решили отступить в их исконную область. Об этом Юй Сюй узнал от своей разведки. Он напал на отступающие цянские войска и нанес им тяжелое поражение.

То, что Юй Сюй ввел в заблуждение цянские войска, распространив среди них сведения о подходе императорских войск, явилось средством выманить «тигра» (цяньское войско) с «горы» (то есть с опасного для ханьцев, но, по-видимому, удобного для цянских войск поля сражения).

15.6. Послание в карпе

В комиксе, изданном в КНР тиражом 920 тыс. экземпляров (Шэньян, 1982), рассказывается, как была применена Стратегема № 15 во время войны с Японией (1937—1945).

На северном берегу озера, поросшего тростником, стояла деревня Саньхэшэ, на востоке лежала деревня Хочжуан, на юге — деревня Гаобаочжуан, а на западе — деревня Люйши. В Гаобаочжуане находилась усадьба Ба Саньфу. Коммунисты считали его местным диктатором. Он был деревенским старостой и, когда японцы вторглись в ту местность, втерся к ним в доверие. Одна рыбацкая семья не признавала его власти, и Ба Саньфу посоветовал японцам их убить. Четырнадцатилетней дочери рыбака Хун Яцзы удалось бежать.

Она отправилась к своему деду в деревню Саньхэшэ, к северу от озера. Тот был связным в армии Коммунистической партии Китая. Позднее Хун Яцзы стала связной в вооруженной рабочей группе — так во время антияпонского вооруженного сопротивления назывались отряды, действовавшие под руководством китайской компартии.

Хун Яцзы выходила на маленькой лодке на рыбную ловлю, чтобы передавать секретную информацию. На основании этой информации коммунисты однажды ночью напали на японское укрепление на западном берегу озера и убили японского командира. Поэтому японский отряд под командованием некоего Камено получил задание усилить японскую позицию в деревне Гаобаочжуан на южном берегу озера и установить связь с японцами на восточном берегу. Японцы хотели таким образом выступить против коммунистов с двух сторон.

Девушка узнала об этом и сообщила командиру рабочей группы. Командир дал ей особое задание. Она выплыла на своей лодке на середину озера и там стала ловить рыбу. Вдруг она услышала голос с берега: «Плыви сюда, не то стрелять буду!» Этого-то Хун Яцзы и ждала. Она послушалась приказания и причалила к деревне Гаобаочжуан. На расспросы японских солдат она невинно отвечала: «Я ловлю рыбу с соколом».

В этот момент показался повар жившего там господина Ба Саньфу. Он должен был приготовить праздничный обед для японского командира Камено, но у него не было свежей рыбы. Затем вышел сам господин Ба Саньфу. Хун Яцзы, помня о своем задании, ничем не выдала охватившей ее ненависти. Ба Саньфу приказал Хун Яцзы показать корзину с рыбой, но счел рыбу слишком мелкой. Хун Яцзы сказала, что, по ее мнению, крупная рыба в этом месте не водится. Ба Саньфу спросил, где же добыть крупную рыбу. Хун Яцзы указала на север, в направлении деревни Саньхэшэ. «Там действительно бывает крупная рыба?» — в сомнении спросил Ба Саньфу.

«Хочешь верь, хочешь не верь. Вчера я видела у одного старого рыбака в сетях карпа размером с человека. Там были и еще рыбы. Но он не разрешает чужим там рыбачить».

«Тогда отправляйся и доставь мне крупных рыб и крабов», — сказал Ба Саньфу».

«Таких рыб не продают, а если хочешь их получить, отправляйся за ними сам».

Ба Саньфу озабоченно спросил: «А нет ли там людей из Восьмой полевой армии [название армии китайской компартии во время японской войны]?»

Хун Яцзы успокоила его. Тогда Ба Саньфу приказал своему повару Лань Хуньяню отправиться за рыбой вместе с Хун Яцзы. Хун Яцзы погребла прочь от берега, напевая нежным голоском рыбацкую песню. Вдруг в камышах послышались выстрелы. Лань Хуньянь испугался и лег на дно лодки. Хун Яцзы сделала вид, что тоже испугалась, и уронила весло. В следующий момент из камыша показались два вооруженных человека. Один из них окликнул Лань Хуньяня: «Что ты тут делаешь?»

«Я еду покупать рыбу», — сказал Лань Хунъянь. Хун Яцзы не подала виду, что узнала спрашивающего. Это был командир коммунистической рабочей группы. Она показала на Лань Хунъяня: «Это повар Ба Саньфу, его послали за рыбой».

Человек в камышах снял шапку и вежливо сказал: «Господин Ба Саньфу — наш друг. Пожалуйста, продолжайте ваш путь и выполните свое поручение».

Лань Хунъянь справился со своим страхом, поклонился человеку из камыша и пробормотал: «Да, да». Хун Яцзы стала грести дальше. Через некоторое время они пристали к северному берегу.

Как раз в это время ее дед разбирал сети под деревом гинкго. Хун Яцзы сказала: «Вот тот старый рыбак. Пойди и возьми у него рыбу». Лань Хунъянь подошел и грубо потребовал у старика рыбы. Тот сначала отвечал, что у него нет рыбы. На это Лань Хунъянь сказал: «Меня послал господин Ба. Он устраивает прием для господина военачальника Камено. Или тебе больше нравится тайно отдавать рыбу коммунистической Восьмой армии, чем снабжать императорскую японскую армию?»

«А-а, так почему же вы мне сразу не сказали? — Теперь старик был сама вежливость. — Так вы от господина Ба! Конечно, у меня есть рыба».

И он вынес из дома огромного карпа, килограммов на пятнадцать. Лань Хунъянь тут же взял рыбу и приказал Хун Яцзы везти его обратно.

Приплыв в Гаобаочжуан, он приказал Хун Яцзы помочь себе. Лодку он привязал к дереву, а рыбу отнес на кухню. Вскрыв желудок рыбы, он обнаружил исписанный листок промасленной бумаги. В испуге он воскликнул: «Сюда, ко мне! В карпе нашлось письмо». Все столпились на кухне. Господин Ба также подошел со своим сандаловым веером. Он взял бумагу и увидел на ней иероглифы цзюэми, «совершенно секретно» и «лично господину Ба». Он испугался.

Хун Яцзы воспользовалась моментом и ушла в комнату для гостей, чтобы принести горячей воды для чая. Всем, кого она встречала, она рассказывала о письме в рыбе. Эта новость насторожила Камено, который как раз пил чай. Он вскочил и бросился на кухню.

После нападения на японский лагерь в Люйши до него доходили слухи о связи господина Ба с коммунистической Восьмой армией.

Поэтому он был уже предубежден против господина Ба. Он пришел на кухню и потребовал письмо.

Прочтя письмо, Камено молча вышел. Господин Ба не знал, что делать. Камено призвал к себе повара и допросил его. Повар отвечал правдиво, как только мог: господин Ба послал его в Сань-хэшэ. По дороге он встретил солдат из Восьмой армии. Те сказали, что они в хороших отношениях с господином Ба. Затем Камено расспросил Хун Яцзы. Ее рассказ полностью совпал с тем, что говорил повар.

Тогда Камено вновь вернулся в столовую к господину Ба. Чем больше тот пресмыкался, тем сильнее росли подозрения Камено. Когда Ба хотел поднести ему вина, Камено бросил чашу ему в лицо, вытащил меч и закричал: «Негодяй!» Господин Ба пробормотал: «Это недоразумение». Тогда Камено дал ему прочитать письмо из рыбы. Там было написано:

«Сегодня ночью мы собираемся напасть на Хочжуан. Мы рассчитываем на то, что Вам удастся напоить эту свинью Камено и воспрепятствовать ему прийти на помощь солдатам в Хочжуане. Позже мы отблагодарим Вас за это дело и за помощь при Люйши.

Вооруженная рабочая группа: ЦзянЦи».

И Камено отрубил господину Ба голову. Выйдя из дома, он услышал в направлении Хочжуана выстрелы. На двух моторных лодках Камено тут же направился к Хочжуану, чтобы расставить там своих людей. В этот момент вооруженная рабочая группа Коммунистической партии заняла врасплох усадьбу Ба Саньфу, связала двух оставленных там солдат Камено и подожгла усадьбу.

Когда Камено приблизился к Хочжуану, он не нашел там и следа коммунистов. В раздражении он обернулся и увидел, как вдали пылает его база в Гаобаочжуане. Тут он понял, что зря убил господина Ба и пал жертвой стратагемы «Сманить тигра с его горы». Камено тут же приказал поворачивать на Гаобаочжуан. Но вооруженная рабочая группа залегла в засаде и нанесла японцам полное поражение.

15.7. Аграрная реформа в Суйфэньдадяньцзы

В уже цитировавшемся романе Цю Бо «Лесное озеро в снежной стране» (см. 12.5) из эпохи гражданской войны в Китае (1945—1949) 29-я глава так и называется — «Сманить тигра с горы».

Шао Цзяньбо, командир разведывательного отряда коммунистической Народно-освободительной армии, ломал себе голову, как победить гоминьдановского командира Ма Сишаня и его триста солдат. Ма Сишань обосновался в пещере на вершине горной цепи Гокуй. Туда вела только узенькая тропинка через вековой лес. На расстоянии ста двадцати китайских миль оттуда находилась ближайшая деревня Суйфэньдадяньцзы.

Из товарищей Шао Цзяньбо одни предлагали окружить врага и уничтожить, другие же — искусными маневрами принудить его к бегству и затем напасть. Шао Цзяньбо остановился на Стратагеме № 15. Он решил повести свой разведывательный отряд в обход и провести аграрную реформу в ближайшей к горе деревне Суйфэньдадяньцзы. План исходил из того, что эти революционные действия побудят связанных с деревенскими властями гоминьдановцев покинуть убежище на горе и напасть на коммунистов в долине.

По плану Шао Цзяньбо у трех самых богатых деревенских землевладельцев в деревне отобрали овощи, орудия труда и лошадей и разделили между бедными. Один из этих троих, Чжао Да-фа, бежал на вершину Гокуй. Это бегство соответствовало намерениям Шао Цзяньбо. На основании сообщения Чжао Дафа о положении в деревне Ма Сишань пришел к выводу, что его триста всадников с легкостью обезвредят пятьдесят лыжников вражеского отряда. Так что он отдал приказ в ту же ночь оставить гору и рано утром напасть на коммунистов в деревне. Шао Цзяньбо в ту же ночь обходным путем вместе со своим отрядом достиг вершины Гокуй. Таким образом, рано утром он мог обозревать с вершины вниз, в деревне, вражеский отряд, который, видимо, искал его. Воины Шао Цзяньбо радостно кричали: «Товарищи! Тигра сманили с его горы!»

«Только теперь начинается работа, — сказал Шао Цзяньбо. — Теперь мы должны проникнуть в логово тигра так, чтобы у бандитов больше не было убежища. И мы вместе с нашим помощником, снегом, сможем напасть на них везде, где только пожелаем. Я приказываю немедленно разрушить бандитскую пещеру на вершине Гокуй».

После этого примера из современного китайского романа приведем еще две истории из романов — эпохи Мин (XIV—XVII столетия н. э.).

В первую очередь это роман «Фэн шэнь яньи». Автор его неизвестен. Главы 1—46 переведены немецким синологом Вильгельмом Грубе (вышли в 1912 г.).

Действие основанного на древних книгах и легендах романа разыгрывается в конце эпохи Шан (XVI—XI вв. до н. э.) и описывает военные походы чжоуского царства У против Шанской династии. В начале романа последний император Шан приносит жертву в храме богини Ньюва, создательницы людей. При этом он сочиняет стихотворение, разгневавшее ее, и она посылает трех чудовищ, чтобы заколдовать его. Главы со 2-й по 30-ю повествуют о жестокости императора, о восстании против него царя У и о войне чжоусцев против шанцев. Роман в основном состоит из перечислений убийств. При этом традиционные божества даоизма и буддизма выступают на стороне чжоусцев.

15.8. Разговор на городской стене

В 88-й главе романа друг другу противостоят военачальник шанского императора Чжан Куй и военачальник чжоуского царства У Цзян Цзыя. Чжан Куй засел в хорошо укрепленном городе. Цзян Цзыя как раз обдумывал положение, когда к нему явился юноша-даос, передавший ему послание от наставника Цю Люсуня с горы Цзялун. В этом письме Цю Люсунь рассказывал, как овладеть городом. Среди прочих была фраза: «Господин Цзыя должен применить стратагему «Сманить тигра с горы»».

После этого Цзян Цзыя вместе с царем У отправился к городской стене и там, жестикулируя, стал советоваться с царем. Это немедленно передали Чжан Кую в городе; он поспешил на городскую стену и действительно увидел обоих своих врагов совсем рядом. Тогда Чжан Куй сказал себе: «Цзян Цзыя совершенно презирает меня. Это все потому, что я все время сижу в обороне города и совершенно не делаю вылазок. Вот он уже пришел к городской стене и ведет себя так, как будто я — пустое место». После этого Чжан Куй сказал своей супруге: «Возьми на себя оборону города. Я оставляю его, чтобы убить их обоих и избежать великого позора». Супруга отправилась на городскую стену, чтобы оттуда наблюдать за битвой. Чжан Куй с мечом в руке сел верхом на лошадь, приказал открыть городские ворота и выскочил на равнину с криком: «Эй, вы, двое, прощайтесь с жизнью!» Цзян Цзыя и царь У сразу поскакали прочь. Чжан Куй бросился их преследовать. Как раз к этому моменту и готовилось войско Цзян Цзыя. Оно вошло в город

через открытые ворота и захватило его. «Благодаря стратагеме можно овладеть зайцем, живущим на луне. С помощью стратагемы можно схватить золотую птицу, живущую на солнце». Эти строки комментируют в романе удачное использование Стратагемы № 15.

15.9. Погоня за Иисусом Навином

В XIII в. до н. э. ветхозаветный Иисус Навин при штурме города Гая разделил израильское войско на две части. С одной половиной Иисус двинулся к городу, как будто намереваясь его штурмовать. Другую половину он спрятал в пустыне с другой стороны города. Противник сделал вылазку, ударил по войску Иисуса, войско побежало, и противник начал преследование. Удалившись от города, израильское войско остановилось и двинулось против преследователей.

Когда царь Гая вывел все свои силы из города и оставил ворота отворенными, сидевший в засаде отряд без труда овладел городом, гайское войско оказалось захвачено в котел и было уничтожено²⁰⁶.

Как подчеркивает Даниэль Райхель в своей «Мобильности и скрытности» (Studien und Documente. Heft V. Hrsg. vom Edgenössischen Militär-departement. Bern, 1986), успех Иисуса нельзя свести к одному только удачному применению стратагемы (с. 12).

Сходным образом, по-видимому, развивалась в 1066 г. битва при Гастингсе. Высадившееся в Англии норманнское войско под предводительством Вильгельма Завоевателя безуспешно пыталось разбить войско англосаксов, укрывшееся на высоте за земляными насыпями. Тут Вильгельму пришла в голову стратагема. Он вновь приказал наступать, и, когда его войско бежало после этой столь же безуспешной, как и предыдущая, атаки, англосаксы выбрались из своего укрепления, чтобы использовать бегство норманнов для их полного уничтожения, но вдруг оказались в окружении. Бегство оказалось только стратагемой, призванной выманить англосаксов из их твердыни (см.: Готфрид Шедлих. Военная хитрость раньше и теперь. 2-е изд. Херфорд, Бонн, 1979).

15.10. Источник, помогающий прервать беременность

В главе о Стратагеме № 5 в качестве первого примера приводился роман «Путешествие на Запад». В этом романе описано исторически засвидетельствованное путешествие китайского буддийского монаха Трипитаки в 629—645 гг. в Индию за священными текстами. Трипитака должен был перенести большие опасности и удивительные приключения. То и дело на него нападали сверхъестественные чудовища и злые духи, которых он побеждал благодаря своим, тоже одаренным сверхъестественными способностями спутникам. Главный его помощник — Царь обезьян Сунь Укун, обладающий всевозможными магическими силами (см. 13.12). Позднее за ним последовали Монах-свинья Чжу Бацзе и Песочный монах Ша Сэн.

Во время путешествия однажды монах Трипитака и Монах-свинья Чжу Бацзе напились воды из некоей чистой реки. После этого они почувствовали ужасные боли. Затем животы у них стали распухать, и они становились все толще. В домике у дороги они узнали у одной старухи, что они находятся вблизи от города Женщин в Западном Лян и что жительницы города пьют из этой реки, чтобы забеременеть. Таким образом, Трипитака и Чжу Бацзе одновременно забеременели от глотка воды. Им оставался лишь один выход. В трех тысячах миль отсюда находилась гора Разрешения мужественности. В этой горе была пещера Избавления от детей, в которой тек Абортный источник. Глоток воды из этого источника вызывал прерывание беременности. Однако воду оттуда получить было не так просто. За год до того некий даосский монах по имени Истинный Бессмертный Услужитель захватил пещеру и переименовал ее в келью Собрании бессмертных. С тех пор он ведет себя как хозяин источника и взимает за воду плату деньгами, бараниной, вином и фруктами. Для бродячих монахов, какими были Трипитака и его спутники, такая плата была недоступна. Так что им ничего не оставалось, как вынашивать детей. Но Царь обезьян Сунь Укун решил добыть воду. Сев на облако, он вскоре достиг горы. У горы он увидел здание, у ворот которого сидел на лужайке старый даос. Обезьяний царь поставил свою кружку, поклонился и попросил воды из источника. Но даос, послушник Истинного Бессмертного Услужителя, заломил высокую цену. «Мы же нищенствующие монахи», — сказал обезьяний царь и попросил допустить его пред лицо Истинного Бессмертного Услужителя.

²⁰⁶ Переводчик взял на себя смелость изложить историю по Ветхому завету, где она рассказывается более доходчиво, чем в цитируемом автором военном труде: Malamat A. Conquest of Canaan: Israelite Conduct of War according to Biblical Tradition, from Enciclopedia Judaica Yearbook, 1975/6, Jerusalem, 1977. — *Прим. перев.*

Когда последний услышал имя Сунь Укуна, в нем воспламенился гнев. Ведь он был братом Царя демонов-быков и дядей чудища Красное Дитя, которому Сунь Укун однажды порядком навредил. Истинный Бессмертный Услужитель загорелся жаждой мести. Он поспешил к воротам, обругал Сунь Укуна и бросился на него с топором. Они дважды сходились в схватке, и оба раза побеждал Сунь Укун, но ему не удалось добыть воду из источника.

Тогда он вернулся в город Женцин и призвал на помощь монаха Ша. Он приказал ему стоять с кружкой у входа в пещеру. Сам же он опять вызовет хозяина источника на бой, а во время боя монах Ша должен проникнуть в грот и зачерпнуть воды. После этого Сунь Укун опять отправился к воротам, размахивая своей железной палицей и крича: «Откройте, откройте!» Страж сообщил господину, что Сунь Укун явился опять. Истинный Бессмертный Услужитель выскочил из пещеры и опять отказал ему в воде. Тогда обезьяний царь кинулся на него со своим металлическим жезлом. Разгорелась новая схватка. Сунь Укун постепенно отводил своего противника вниз по склону. Этим обстоятельством воспользовался монах Ша, чтобы подставить кружку под текущую воду. После этого он вскочил на облако и крикнул обезьяньему царю, что выполнил задание.

Обезьяний царь прекратил схватку и воскликнул: «Когда я пришел в первый раз, ты дважды воскликнул, что я никогда не добьюсь воды. Теперь я воспользовался стратагемой «Сманить тигра с горы». Я вовлек тебя в битву, чтобы мой спутник мог забраться в пещеру и набрать воды».

В данном случае обезьяний царь «сманит тигра с горы» не ради уничтожения «тигра», а чтобы выполнить «на горе» важную задачу.

Вот еще два примера на третий вариант Стратагемы № 15: «Ослабить тигра, изолировав от его важнейшего помощника».

15.11. Гнев Фань Цзэна

В 204 г. до н. э. Лю Бан, основатель Ханьской династии, был вытеснен в Синъян (в нынешней провинции Хэнань) своим могущественным противником Сян Юем (232—202 до н. э.). Советник Лю Бана Чэнь Пин (ум. 178 до н. э.) предложил внести вражду в войско Сян Юя с помощью стратагемы «Сеяние раздора». Это показалось Чэнь Пину достаточно легким прежде всего потому, что он знал Сян Юя как человека недоверчивого.

Чэнь Пин начал распространять в лагере противника слух о том, будто советники и помощники Сян Юя недовольны тем, что при большой нагрузке они получают недостаточную плату, и потому якобы собираются объединиться с Лю Баном и погубить Сян Юя. Сян Юй прослышал об этом и рассердился. Желая выяснить обоснованность слухов, он направил посла в лагерь Лю Бана. Лю Бан приготовил пышный пир. Когда посланец Сян Юя пришел, Лю Бан удивленно сказал: «Я думал, вы посланец Фань Цзэна, а вы, оказывается, посол царя Сяна». После этого он приказал своим людям уйти и предложил послу очень скудную еду. Тот все доложил своему господину. Сян Юй исполнился недоверия к своему важнейшему советнику Фань Цзэну. «Неужели Фань Цзэн действительно вступил в тайные сношения с Лю Баном?» Немного позже Фань Цзэн посоветовал своему господину Сян Юю наступать на Синъян, но Сян Юй не последовал этому совету. Когда Фань Цзэн узнал, что Сян Юй больше не доверяет ему, он вышел из себя и сказал Сян Юю: «Ну и оставайся один. Я отправляюсь домой». И он в ярости покинул Сян Юя, а вскоре после того умер.

В этом случае тигром является Сян Юй, а гора, от которой ему было опасно отдаляться, — советник Фань Цзэн.

15.12. Переход через гору Львов-Верблюдов

Однажды Трипитака и его спутники подошли к огромной горе, носившей сказочное имя — Восьмисотмильная гора Львов-Верблюдов. Какой-то старик предостерег путешественников от дальнейшего продвижения. Он сказал, что около сорока восьми тысяч демонов под предводительством трех демонских князей рыщут по горе и убивают всякого смертного.

При дальнейшем путешествии обезьяний царь познакомился с неприятными обитателями горы. С двумя из трех демонских князей он с успехом сражался. Оба побежденных уже готовы были пропустить через гору Трипитаку и его спутников. Когда они обсуждали это в своем гроте, третий демон сказал: «Да, пусть они следуют за нами. Тогда они определенно падут жертвой моей стратагемы «Сманить тигра с горы».

«Что ты имеешь в виду под «Сманить тигра с горы?»» — спросил старший из демонских князей. Третий

демонский князь, которого звали Гигантская Птица с Облачной Дороги в Три Тысячи Миль, объяснил свой план, и остальные радостно его одобрили. Третий демон происходил из города Львов-Верблюдов, находящегося за четыреста миль оттуда. Пятьсот лет назад он проглотил этот город вместе с его царем и завладел той местностью, населенной ныне чудовищами и демонами. Он слышал, что Танский двор послал некоего набожного монаха собирать на Западе священные тексты. Танский монах был, по слухам, хорошим человеком, ведшим исполненный чистоты образ жизни в течение десяти поколений. Поэтому кто поест его мяса, тот продлит свою жизнь и не будет подвержен старению. Поскольку Третий демонский князь сам был слишком слаб, чтобы справиться с наделенным магической силой Сунь Укуном, сопровождавшим Трипитаку, он явился на гору и объединился с двумя другими демонскими князьями.

Согласно стратагеме Третьего демонского князя, монаха Трипитаку следовало посадить в паланкин и перенести через гору с помощью восьми чудовищ. Не подозревающий ничего дурного Царь обезьян шел поодаль. Монах Ша следовал в арьергарде. Монах-свинья Чжу Бацзе тащил поклажу. После четырехсот миль пути они увидели город, из которого исходил свет. Тут Царя обезьян охватили подозрения. Обернувшись, он увидел, как Третий демонский князь приближается, замахиваясь на него гигантским боевым топором. Сунь Укун немедленно стал обороняться. Завязалась тяжелая схватка. Одновременно старший демонский князь схватил Чжу Бацзе, а еще один демонский князь напал на монаха Ша.

В это время восемь носильщиков беспрепятственно внесли Трипитаку в город и там заперли его. Три его спутника не могли ему помочь, потому что вынуждены были сражаться за свою жизнь²⁰⁷.

Здесь «тигр» — монах, которого изолировали от «горы», т. е. его спутников и защитников.

15.13. Походы на юге и сражения на севере

Когда весной 1976 г. я обучался китайской истории в крупнейшем университете КНР, Пекинском, один профессор китайской истории XX столетия сообщил мне, что Стратагема № 15 часто применялась Красной армией в войне с японцами и гоминьдановцами. Обычно речь шла о том, чтобы завести главные силы противника в такое положение, где бы они не могли выполнить своей функции и не представляли больше серьезной опасности. Либо их заманивали в место неудачное с топографической точки зрения, либо отделяли основные военные подразделения и, разгромив их, ослабляли противника. В 1936 г. в лекциях «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» Мао Цзэдун писал о маневрах окружения и изматывания гоминьдановских войск в Цзянси:

«Мы отклонились к востоку, чтобы привести главные силы противника к наступлению в нашей укрепленной местности в Южном Цзянси и тем поставить их в безвыходное положение. Суть этого плана состояла в том, чтобы ослабить главные силы противника и нанести удар по слабым частям»²⁰⁸.

²⁰⁷ Эти события изложены в 32—34-й главах романа «Путешествие на Запад». Танский монах еще не раз был похищен различными духами и демонами, встречавшимися на его пути (см. главы 65, 85), при этом применялись различные стратагемы, например «Разделить цветок сливы по лепесткам», то есть разобщить силы противника и тем самым ослабить его. Но небожители ради торжества добра и справедливости помогли Трипитаке спастись (см.: У Чэнъэнь. Указ. соч. Т. II. С. 104—157; т. 3. С. 275—313; т.4. С.200-221).

²⁰⁸ В более поздней редакции этой работы данный отрывок оснащен ссылкой на Сунь-цзы, рекомендовавшего не пренебрегать маневренной войной и при необходимости отступлением. «Во время борьбы против третьего «карательного похода» в Цзянси

Красная армия отступила до предела (она сосредоточилась в тыловой зоне опорной базы), но без этого она не могла бы победить противника, так как последний превосходил ее по численности более чем в десять раз. Сунь-цзы говорил: «Уклоняйся от боя, когда противник стремительно рвется вперед, бей его, когда он, расслабленный, возвращается назад»; говоря так, он имел в виду моральное и физическое изматывание противника с целью уничтожения его превосходства» (Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 1. С. 276).

В целом же в китайском воинском искусстве приоритет стратагемности несомненен. Как подчеркивал еще С. Л. Владиславич-Рагузинский, знаменитый российский дипломат, подписавший в 1727 г. Кяхтинский договор с Китаем: «Они [китайцы. — В. М.] причитают разумнейшими от европейцев и большими обманщиками в стратагемах воинских, только исповедуют, что европейцы суть бодры, сердиты и отчаянны, как звери, и что их сердца огнем и стрелами утолить невозможно, но точною обманом в их маршах и прочем удержать и до баталии не допустить». Русский посол был первым европейцем, определившим стратагемный

Такое применение Стратегемы № 15 я наблюдал во многих фильмах, виденных мною в Пекине во время обучения (1975— 1977), например в фильме «Нань чжэн бэй чжань» («Походы на юге и сражения на севере»).

Но и гоминьдановским войскам Стратегема № 15 была известна, как признавался сам Мао в 1937 г.

В одном гонконгском издании по стратегемам указывается, что Стратегема № 15 чаще всего употребляется при политическом противостоянии. В битве за власть каждый одновременно является и тигром, и охотником.

Пекинское рассмотрение Стратегемы № 15 заключается цитатой из статьи Фридриха Энгельса «Осада Силистрии» (1854):

«Можно быть принужденным к отступлению и потерпеть поражение, но, пока еще есть возможность оказать давление на противника, т. е. принудить «тигра» спуститься с «горы», вместо того чтобы подвергаться его давлению, имеется еще определенное превосходство над ним».

Наконец, приведем цитируемую в китайских книгах о стратегемах фразу о гексаграмме «цзянь» («препятствие»)²⁰⁹ из известнейшей китайской гадательной книги «И цзин» («Книга перемен») в вольном переводе:

«Приближение к врагу означает опасность, достойно хвалы заставить врага приблизиться».

Стратегема № 16. Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти

Четыре иероглифа	欲	擒	故	縱
Современное китайское чтение	юй	цин	гу	цзун
Перевод каждого иероглифа	хотеть	схватить	прежде, сначала	отпустить
Связный перевод	То, что ловишь, сначала отпусти. Тому, что хочешь захватить, сначала дай уйти.			
Сущность	Стратегема «кошки-мышки». Стратегема непротивления. Стратегема завоевания сердец.			

В «Цзо-чжуань», одном из тринадцати конфуцианских классических трудов, говорится:

«Упусти врага на один день — принесешь несчастья многим поколениям».

Однако имеются обстоятельства, в которых рекомендуется применять Стратегему № 16. Стандартным для всех китайских книг примером применения этой стратегемы служит эпизод из уже многократно цитировавшегося романа «Троецарствие» (см. 16.2), которому предшествует следующий эпизод²¹⁰, также

характер китайской дипломатии и воинского искусства. Свои наблюдения он изложил в дипломатической переписке и в VI главе — «О сухопутной армии Китайской империи» — своего официального труда «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства», поднесенного им императрице Анне Иоанновне (см.: Русский вестник СПб., 1842. № 2. Февраль. С. 242).

²⁰⁹ Гексаграмма «цзянь» — «препятствие» — сопровождается афоризмами: «Благоприятен юго-запад»; «Неблагоприятен северо-восток»; «Благоприятно свидание с великим человеком»; «Стойкость — к счастью». Известная нам интерпретация афоризмов в зависимости от позиций черт, на наш взгляд, не дает возможности обнаружить что-либо, адекватное вольному переводу Х. фон Зенгера (см.: Щуцкий Ю. К. Указ. соч. С. 183-184, 186, 244, 267, 386-388).

²¹⁰ Здесь Х. фон Зенгер интерпретирует главы романа с 87-й по 90-ю (см.: Ло Гуаньчжун. Указ. соч. Т. 2. С. 336-387).

16.1. Победа благодаря дружелюбию

После смерти Лю Бэя (ум. 223 н. э.), властителя государства Шу-Хань (в нынешней провинции Сычуань), Цао Цао из северокитайского царства Вэй решил, что критическая ситуация смены власти в Сычуани представляет удобный момент для нападения на это государство, которое значительно продвинет его к возжеленной цели — объединению всего Китая. Один из советников предложил Цао Цао заключить много союзов и с их помощью напасть на царство Шу-Хань с пяти сторон. В качестве одного из союзников был назван царь Мэнхо. Этот властитель неханьского народа правил к югу от царства Шу-Хань, в районе нынешней провинции Юньнань.

Известие об угрозе войны на пять фронтов достигло ушей нового властителя Шу-Хань. Его советнику Чжугэ Ляну удалось искусными мерами замедлить исполнение планов Цао Цао. Сначала Чжугэ Лян сумел привлечь на свою сторону правителя У, третьего из трех царств, которого Цао Цао хотел сделать своим союзником. Так удалось отвести опасность с севера. Затем, однако, пришло известие, что Мэнхо со ста тысячами воинов напал на юго-западную границу царства Шу-Хань. Правитель Цзяньнина (Луни в нынешней провинции Юньнань) Юн Кай, верный вассал погибшей династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), по слухам, примкнул к Мэнхо. Чжу Бао, правитель Цзангэ, и Гао Дин, правитель Юэсуй, тоже, по видимому, сдались Мэнхо. Три этих бунтовщика поддерживали Мэнхо в его нападении на район Юнчан. Положение его правителя выглядело совершенно безнадежным.

Такое развитие событий показалось Чжугэ Ляну столь угрожающим, что он сам принял командование южным походом 225 г., впоследствии ставшим знаменитым.

Когда три бунтовщика узнали, что советник государства Шу-Хань выступил против них, они мобилизовали более пятидесяти тысяч человек. Гао Дин поручил Е Хуаню выступить против авангарда шу-ханьской армии. Под Ичжоу Е Хуань встретился с Вэй Янем, командующим авангардом шу-ханьской армии. Прежде чем началась битва, Вэй Янь выехал вперед, сразился с Е Хуанем и потребовал от него капитуляции. Но вместо того чтобы сдаться, Е Хуань подсказал к своему противнику и потребовал второй схватки. После первого же удара Вэй Янь почувствовал, что будет побежден, и бежал. Е Хуань бросился в погоню, через несколько миль попал в засаду и был доставлен к Чжугэ Ляну.

Последний, применяя Стратегему № 16, приказал развязать его, угостил вином и яствами и сказал: «Ведь Гао Дин — верный сторонник государства Шу-Хань. Он просто был обманут Юн Каем. Вернись к своему господину. Я надеюсь, что ты убедишь его раскаяться и вы оба будете на нашей стороне. Это спасет его от гибели».

Е Хуань поблагодарил его, уехав оттуда, нашел Гао Дина и рассказал ему, как дружелюбно обошелся с ним Чжугэ Лян. Гао Дин был глубоко тронут. Через некоторое время Юн Кай явился в лагерь к Гао Дину и спросил, как случилось, что Е Хуань был отпущен на свободу. Гао Дин отвечал: «Чжугэ Лян сделал это из дружелюбия».

«Таким образом, Чжугэ Лян воспользовался стратегемой сеяния раздора, — сказал Юн Кай. — Он явно надеялся, что мы поссоримся».

Гао Дин склонялся к тому, чтобы поверить Юн Каю, но, с другой стороны, в нем было посеяно сомнение относительно причин поведения Юн Кая. Через некоторое время Юн Кай и Гао Дин повели совместное наступление на Чжугэ Ляна. Но Чжугэ Лян устроил засаду. Многие нападающие погибли, а еще большее количество попало в плен. Люди Юн Кая и Гао Дина были доставлены в лагерь Чжугэ Ляна и там содержались раздельно. Чжугэ Лян пустил слух, что освободит воинов Гао Дина, а воинов Юн Кая казнит. Когда эта весть уже обошла всех, Чжугэ Лян велел привести к себе людей Юн Кая. «Кто ваш военачальник?» — спросил у них Чжугэ Лян. «Мы подчиняемся Гао Дину!» — закричали все. Тогда Чжугэ Лян, опять же пользуясь Стратегемой № 16, принял их с почетом, щедро одарил и отпустил в их лагерь.

Затем к нему привели настоящих людей Гао Дина, и он спросил их о том же. «Мы подчиняемся Гао Дину», — отвечали те. Их Чжугэ Лян также принял с почетом, в третий раз применяя Стратегему № 16, угостил едой и питьем и в заключение сказал: «Юн Кай прислал ко мне посла, чтобы сообщить о своей капитуляции. В качестве доказательства своей преданности он обещал мне головы Гао Дина и Чжу Бао. Но я не пойду на это. Поскольку вы подчиняетесь Гао Дину, я отправляю вас к нему, но вы не должны больше сражаться против меня. В следующий раз я не пощажу вас».

Они поблагодарили, вернулись в свой лагерь и там рассказали то, что узнали о Юн Кае. Чтобы узнать

больше, Гао Дин послал шпиона в лагерь к Чжугэ Ляну. Шпион попал в засаду. Когда его привели к Чжугэ Ляну, тот притворился, будто полагает, что к нему привели посланца от Юн Кая. «Твой господин обещал мне головы Гао Дина и Чжу Бао. Почему же он не выполняет своего обещания? Ты не слишком искусен. Что ты тут высматриваешь?»

Шпион не смог ничего толком ответить Чжугэ Лян угостил его и передал письмо. «Отнеси эту грамоту Юн Каю и скажи ему, что он должен быстрее выполнять обещанное».

Шпион передал послание Гао Дину. Когда тот прочитал его, то разгневался:

«Я всегда был верен Юн Каю, а он хочет меня убить».

И он решил посвятить в тайну Е Хуаня. Тот уже был сильно настроен в пользу Чжугэ Ляна и сказал: «Чжугэ Лян в высшей степени благородный господин. Плохо было бы оказаться его противниками. Это Юн Кай вовлек нас в бунт. Лучше всего было бы убить Юн Кая и перейти на сторону Чжугэ Ляна». Так они и сделали. Гао

Дин убил Юн Кая и Чжу Бао и перешел к Чжугэ Ляну, который назначил его правителем Ичжоу.

Конечно, Чжугэ Лян достиг здесь успеха не только с помощью Стратегемы № 16, но и с помощью стратегемы сеяния раздора и стратегемы «Убить чужим ножом». Такая комбинация нескольких стратегем часто обозначается по-китайски как «цепь стратегем» («ляньхуаньцзи»).

16.2. Семь освобождений царя Мэнхо

При дальнейшем продвижении к югу Чжугэ Ляну сообщили, что явился посол царя Шу-Хань. Это был Ма Су, передавший от царя подарки для воинов — вино и шелк. Чжугэ Лян обратился к Ма Су: «Царь повелел мне замирить области варварских племен. Я слышал, что вы хороший советчик, и надеюсь на ваши указания».

Ма Су отвечал: «Эти варварские народы с юга не хотят признавать нашу власть, так как надеются, что удаленность их области и высокие горные цепи защитят их. Может быть, сегодня вам и удастся привести их к повиновению, но уже завтра они снова отпадут от вас. Там, куда вы пойдете со своей армией, тут же воцарится спокойствие, но, как только вы уведете армию с юга на север, чтобы напасть на Цао Цао, эти варварские народы воспользуются моментом и опять отпадут от Шу-Хань. При рассмотрении вопроса о военной силе верна максима: лучше завоевывать сердца, чем города. Вести бой сердцем лучше, чем оружием. Я надеюсь, что вам, может быть, удастся привлечь сердца этих народов».

«Вы прямо мои мысли читаете», — отвечал Чжугэ Лян. И он повел войска дальше.

Мэнхо, царь южных варваров, узнал, что сам Чжугэ Лян выступил против него и что он уже победил с помощью стратегем трех его союзников, Юн Кая, Чжу Бао и Гао Дина. Он призвал к себе вождей трех ущелий и сказал: «Чжугэ Лян ведет большую армию, чтобы напасть на нашу страну. Мы должны все вместе оказать ему сопротивление».

Вожди трех ущелий двинули навстречу Чжугэ Ляну три колонны, насчитывавшие около пятидесяти тысяч человек. Но они не могли противостоять его военному искусству. Один из трех вождей погиб в ночной схватке, два других вождя, Дунтуна и Ахой-нань, попали в плен. Их доставили к Чжугэ Ляну, который сразу же освободил их от пут. Он угостил их и отпустил не без наставления в будущем воздерживаться от враждебных действий. Оба освобожденных со слезами на глазах поблагодарили его и исчезли.

«Завтра, несомненно, сам Мэнхо нападет на нас. Это даст нам возможность захватить его в плен», — сказал Чжугэ Лян после их ухода. И он проинструктировал двух командиров, которые после этого покинули лагерь с пятью тысячами воинов. Затем еще два командира по приказанию Чжугэ Ляна построили свои отряды. Теперь Чжугэ Лян сделал все необходимые приготовления для сражения с Мэнхо. Через несколько дней тот действительно выступил против них. После короткой схватки китайское войско побежало. Мэнхо бросился следом и преследовал его 20 миль. Вдруг он увидел, как слева и справа из засады поднялись китайские воины и окружили его. Отступление было отрезано. Мэнхо с несколькими близкими военачальниками удалось бежать в горы Цзиньдай; китайцы следовали по пятам. Внезапно впереди тоже оказался китайский отряд. Мэнхо и его свита попали в плен.

Чжугэ Лян встречал их в лагере вином и мясом. Шатер победителя окружали семь рядов стражников с обнаженным оружием. Сам лагерь выглядел весьма внушительно. На самом высоком месте стоял трон Чжугэ Ляна. Сначала он призвал всех пленников, кроме царя Мэнхо, повелел освободить их от пут и

обратился к ним так «Вы все праведные люди. Это Мэнхо вовлек вас в неповиновение. Наверное, всех вас ждут дома родители и родичи, жены и дети. Весть о поражении, наверное, уже дошла до них, и они проливают горькие слезы. Я отпускаю вас; возвращайтесь домой и утешьте их».

Затем он одарил их вином и пищей и отпустил. Бывшие пленники были глубоко тронуты и благодарили Чжугэ Ляна со слезами на глазах. Потом Чжугэ Лян приказал привести царя Мэнхо и спросил его: «Покойный властитель Шу-Хань был добр к тебе. Что побудило тебя взбунтоваться?»

Мэнхо отвечал: «Ты напал на нашу страну безо всякого предупреждения, как же ты обвиняешь меня в бунте?»

«Ты мой пленник, — воскликнул Чжугэ Лян, — разве ты не видишь, что слабее меня?»

«Я попал в твои руки в горном бездорожье, по неосторожности. Почему же я должен чувствовать себя слабее тебя?»

Чжугэ Лян спросил: «Если я освобожу тебя, что ты будешь делать?»

«Я вновь соберу войско и поведу против тебя в решающую схватку. Но если я опять попаду в плен, то подчинюсь тебе».

Тогда Чжугэ Лян отдал приказ освободить Мэнхо, одарить его пищей и одеждой и проводить в его лагерь. Кроме того, он подарил Мэнхо оседланную лошадь.

Шу-ханьские офицеры были недовольны освобождением царя. Они явились в шатер Чжугэ Ляна и обратились к нему так: «Мэнхо — могущественнейший вождь южных племен. Сегодня он был в наших руках. Это помогло бы усмирить южных варваров. Почему же ты позволил ему уйти?»

Чжугэ Лян отвечал: «Я могу поймать этого человека с той же легкостью, с какой вынимаю руку из кармана. Но я стремлюсь овладеть его сердцем. Тогда мир здесь, на Юге, установится сам собой».

Военачальников не слишком удовлетворила эта отповедь.

Через некоторое время Мэнхо достиг реки Лу и наткнулся там на разрозненные остатки своей армии, пытавшиеся что-нибудь выяснить о его судьбе. Они радостно приветствовали своего царя и спросили, как ему удалось выбраться.

Мэнхо солгал: «Они заперли меня в палатке. Я убил более десятка стражей и бежал под покровом ночи. Затем я встретил верхового разведчика, убил его и захватил его лошадь».

Никто не усомнился в словах царя. Ему помогли переправиться через реку и стали там лагерем. Мэнхо сразу же начал собирать новую армию. Призвал он и Дунтуну с Ахойнанем, вождей двух ущелий, которых Чжугэ Лян ранее взял в плен и отпустил. Те, хотя и с тяжелым сердцем, не смогли послушаться приказа. Мэнхо возвестил: «Чжугэ Лян знает множество стратегем. В открытом бою мы не сможем его победить. Но его воины устали в долгом походе, а близится жаркое время года. Это — в нашу пользу. К тому же нас защищает река Лу. Мы должны окопаться здесь. Жара вынудит Чжугэ Ляна к отступлению. Тогда-то мы ударим по нему и возьмем в плен».

Столкнувшись с оборонной тактикой Мэнхо, Чжугэ Лян приказал Ма Даю переправиться в мелком месте, в нижнем течении Лу, на другой берег и воспрепятствовать снабжению войска Мэнхо. Затем Ма Дай получил приказ схватить вождей Дунтуну и Ахойнана.

Ма Даю действительно удалось выполнить первое задание. Он захватил более 100 повозок с продовольствием, предназначавшихся Мэнхо.

Когда Мэнхо узнал об этом, он послал против Ма Дал младшего офицера Манъячжана, но Ма Дай с легкостью его обезвредил. Тогда Мэнхо выслал вождя Дунтуну. Ма Дай выехал ему навстречу. Среди людей Ма Дая некоторые узнали в Дунтуне человека, которого как-то захватили в плен, а затем отпустили.

Тогда Ма Дай подсказал к Дунтуне и обвинил его в неблагодарности. Дунтуна так устыдился, что не смог ничего ответить и повернул прочь без боя.

Мэнхо страшно разгневался. «Предатель, — вскричал он, — ты не стал сражаться из-за того, что Чжугэ Лян с тобой хорошо обошелся!»

И он приказал казнить Дунтуну. С трудом удалось окружавшим его военачальникам уговорить его отменить казнь. Вместо этого Мэнхо приказал дать Дунтуне сто палок. Многие вожди в душе сочувствовали осужденному.

Через некоторое время они собрались в лагере Дунтуны, говоря между собой: «Чжугэ Лян — великий мастер на стратагемах. Сам Цао Цао и Сунь Цюань, властитель царства У, боятся его. Сколь же сильно должны опасаться мы! Прежде он обошелся с нами хорошо. Мы обязаны ему жизнью. Теперь следовало бы доказать ему нашу благодарность. Давайте же убьем Мэнхо и перейдем на сторону Чжугэ Ляна! Так мы спасем наш народ от новых бедствий».

Затем Дунтуна схватил меч и с сотней воинов поспешил в главный лагерь. Мэнхо как раз оказался пьян. Дунтуна связал его и переправил через реку Лу к Чжугэ Ляну. Когда Чжугэ Лян узнал о происшедшем, он щедро одарил Дунтуну и отпустил его и его сторонников.

Затем он приказал палачу доставить Мэнхо и сказал последнему: «В прошлый раз ты сказал, что, второй раз попав в плен, сдашься. Что ты скажешь теперь?»

Мэнхо отвечал: «Это пленение нельзя приписать твоему искусству. Мои собственные люди поставили меня в такое положение. Почему же я должен тебе сдаваться?»

«А что ты сделаешь, если я снова тебя отпущу?»

«Я, конечно, всего лишь южный варвар, но в военном деле кое-что понимаю. Если ты отпустишь меня в мои ущелья, я соберу новую армию и нападу на тебя. Если же ты вновь возьмешь меня в плен, тогда я отдам тебе мое сердце. Я подчинюсь тебе и буду верным слугой».

Тогда Чжугэ Лян приказал снять с пленника путы и принести для него угощение. После этого он предложил Мэнхо проехать вместе с ним через весь китайский лагерь, чтобы Мэнхо понял, как хорошо китайское войско обеспечено провизией и снаряжением. После осмотра Чжугэ Лян обратился к Мэнхо: «Как же ты можешь надеяться победить меня, когда у меня такие опытные воины, такие искусные офицеры и такое вооружение? Если ты сдашься, я сообщу об этом царю Шу-Хань; тебе оставят твое царство, и сыновья и внуки твои вечно будут властителями южной области. Что ты думаешь об этом?»

Мэнхо отвечал: «Даже если я потерплю поражение, мой народ в ущельях не согласится с этим. Если ты меня отпустишь, я соберу их и смогу убедить их в том, чтобы они тебе подчинились».

Чжугэ Лян обрадовался этим словам. Он отвел Мэнхо в свой шатер, ел и пил с ним до вечера, а затем сам проводил его к реке Лу и приказал переправить в лодке на другой берег.

Но, переправившись, Мэнхо в первую очередь приказал убить Дунтуну и Ахойнана. Затем он держал совет со своим братом Мэнью. «Теперь я хорошо знаю расположение в лагере Чжугэ Ляна».

И он дал Мэнью некоторые указания, к выполнению которых брат тут же и приступил. Мэнью взял сто сильных воинов с грузом золота, драгоценных камней, жемчуга и носорожьих рогов, вместе с ними переправился через реку Лу и явился в лагерь Чжугэ Ляна. Там его остановил отряд под предводительством Ма Дая. Ма Дай спросил, что ему нужно, после чего задержал Мэнью и послал вестника к Чжугэ Ляну. Когда гонец передал известие, Чжугэ Лян спросил Ма Су, что он думает об этом известии. Ма Су сказал, что он не решается сообщить об этом вслух, но может написать. Когда Чжугэ Лян прочитал то, что написал Ма Су, то он очень обрадовался, потому что Ма Су думал то же, что и он.

Затем он дал указание нескольким офицерам. Когда все было подготовлено, призвали воинов с дарами. Мэнью сказал: «Мой брат Мэнхо-благодарит вас за дружелюбие. Вы пощадили его жизнь. Он посылает вам эти дары. Потом он пришлет дань для властителя Шу-Хань».

Чжугэ Лян по-княжески принял Мэнью и сотню воинственных и внушающих страх воинов. Все это время Мэнхо ожидал известий в своей палатке.

Наконец явились два разведчика, которые сообщили ему, что Мэнью и его воины хорошо приняты. Таким образом, все складывалось как нельзя лучше для нападения, запланированного на вторую ночную стражу. Мэнхо потихоньку вышел из лагеря с тридцатью тысячами воинов и переправился в сумерках через реку Лу. С отрядом в сто человек царь ворвался в главный лагерь Чжугэ Ляна. Он не встретил никакого сопротивления, даже входные ворота были открыты, Мэнхо проскакал сквозь них, но лагерь был покинут. Подъехав к шатру военачальника, Мэнхо откинул входной занавес. Палатка была ярко освещена факелами. Что же он увидел? Его брат и все его воины лежали там мертвецки пьяные. В вино, которое предложил им Чжугэ Лян, было подмешано снотворное.

Мэнхо понял, что снова пал жертвой стратагемы Чжугэ Ляна. Он взвалил на плечи брата и приказал утащить его воинов, чтобы вернуться к основным силам.

Но когда он обернулся, вдруг со всех сторон вспыхнули факелы и послышался гром барабанов. Люди Мэнхо растерялись и бросились во все стороны, преследуемые воинами Чжугэ Ляна. Царь попытался ускользнуть, но путь был отрезан. Отчаянным броском он прорвался к реке Лу. Добежав до берега, Мэнхо заметил лодку, в которой сидели, по-видимому, его воины. Он подозвал лодку и прыгнул в нее. Тут прозвучал приказ, воины схватили Мэнхо и связали его. Лодку приготовил Ма Дай и посадил туда переодетых воинами Мэнхо солдат Шу-Хань.

В плен попал не только Мэнхо, но и его брат и многочисленные приближенные. Ни у кого из пленных не тронули и волоска на голове.

Опять Мэнхо привели к Чжугэ Ляну. Тот рассмеялся: «Ты действительно думал, что меня обманут маневры твоего брата с подарками? Теперь ты опять в моей власти. Сдаешься?»

Мэнхо отвечал: «Теперь я попал в плен из-за пьянства моего брата и воздействия твоего снотворного. Если бы я был на месте брата, а он напал бы извне со своими воинами, то, конечно, я бы победил. Это третье пленение — удар судьбы, а не следствие моей неискренности. Почему же я должен сдаваться?»

«Но ведь это же уже в третий раз. Почему же ты не сдаешься?»

Мэнхо повесил голову и молчал. Чжугэ Лян, улыбаясь, сказал: «Я вновь отпускаю тебя».

Мэнхо отвечал: «Если ты отпустишь нас, мы опять будем вооружаться, чтобы сразиться с твоим войском. Если меня снова возьмут в плен, то тогда я покорюсь».

Тогда Чжугэ Лян приказал отпустить Мэнхо, его брата и приближенных. Они поблагодарили Чжугэ Ляна за великодушие и исчезли.

Мэнхо, гордый, что три раза вышел из переделки невредимым, вернулся в свое ущелье, откуда разослал своих друзей к восьми племенам и девяноста трем родам. В конце концов у него собралось войско в сто тысяч человек.

Когда Чжугэ Лян узнал об этом, он сказал: «Я ожидал этого. Теперь у нас есть случай показать всю нашу мощь».

Но прежде всего Чжугэ Лян увел свое войско с пути атакующих. Этим он хотел добиться, чтобы противник зря растратил свой боевой дух. Когда через некоторое время он узнал о том, что войско Мэнхо устало, он дал указание своим командирам устроить несколько засад. Затем он разыграл перед Мэнхо торопливое отступление, бросив лагерь со всеми запасами. Мэнхо попался на стратагему. Он подумал: «По-видимому, суровые обстоятельства вынудили Чжугэ Ляна оставить лагерь. Либо на Шу-Хань напал Сунь Цюань, властитель У, либо Цао Пэй, царь Вэй. Этим обстоятельством следует воспользоваться. Мы сейчас же предпримем преследование».

У реки Эрхэ Мэнхо увидел на северном берегу лагерь Чжугэ Ляна и сказал своим людям: «Очевидно, Чжугэ Лян опасается преследования. Поэтому он сразу укрепился на северном берегу. Видимо, через несколько дней он уйдет». И он приказал рубить деревья и готовить переправу. Он не заметил спрятанных на южном берегу шу-ханьских солдат. В этот день поднялся сильный ветер. Войско Мэнхо внезапно увидело себя посреди моря факелов. Со всех сторон слышались барабаны. Шу-ханьские воины покинули свои укрытия и бросились на армию Мэнхо. Началась паника. Мэнхо бежал с немногими верными людьми. Он попытался вернуться в свой старый лагерь. Однако там уже находились шу-ханьские воины. Во время бегства Мэнхо достиг опушки густого леса. Там он увидел колесницу и около нее нескольких охранников. В колеснице сидел Чжугэ Лян. Мэнхо приказал своим людям захватить Чжугэ Ляна, они побежали к колеснице, но тут раздались крики, и они исчезли. Чжугэ Лян, оказывается, приказал вырыть ров, в который упали Мэнхо и его люди. Мэнхо, его брат Мэнью и их спутники попали в плен к шу-ханьской армии. Снова Чжугэ Лян отпустил всех военнопленных меньшего ранга, перед тем хорошо угостив их и сказав на дорогу добрые слова. Люди Мэнхо покинули шу-ханьский лагерь, полные благодарности.

Затем привели Мэнью, брата Мэнхо. Чжугэ Лян начал упрекать его со следующими словами: «Твой брат — простофиля. Ты должен был бы привести его в разум. Ведь я поймал его сегодня в четвертый раз. Неужто он не испытывает стыда?»

Лицо Мэнью покраснело от смущения. Он упал ниц и стал молить о снисхождении. Чжугэ Лян сказал: «Если бы я собирался тебя убить, то сделал бы это не сегодня. Я милую тебя. Но ты должен наконец

образумить твоего брата!» И он приказал снять с Мэнью путы и отпустил его. Тот со слезами поблагодарил и исчез.

Когда привели Мэнхо, Чжугэ Лян гневно спросил: «Сегодня я вновь поймал тебя. Что ты скажешь мне теперь?»

Мэнхо отвечал: «Я вновь пал жертвой вашей стратагемы».

Чжугэ Лян приказал обезглавить Мэнхо. Тот не выказал ни малейшего страха. Он только повернул голову к Чжугэ Ляну и сказал: «Если бы ты меня еще раз отпустил, я бы взял реванш за четыре поражения». Чжугэ Лян засмеялся, приказал снять с Мэнхо путы, пригласил в свой шатер и угостил. Затем он спросил: «Уже четыре раза я учтиво обошелся с тобой, а ты все еще не хочешь сдаваться. Почему?»

Мэнхо возразил: «Я человек необразованный, но, в отличие от вас, полагаюсь не только на коварные стратагемы. Почему же мне сдаваться?»

Тогда Чжугэ Лян спросил: «Если я в четвертый раз отпущу тебя, ты вновь нападешь на меня?»

Мэнхо ответил: «Если вы вновь возьмете меня в плен, я всем сердцем подчинюсь вам и отдам вашей армии все, что смогу найти в своем ущелье. Я поклянусь никогда не предавать вас».

Чжугэ Лян опять отпустил его. Мэнхо направился на юг.

Наконец он наткнулся на своего брата Мэнью. Тот сказал: «Мы не доросли до этого противника. Уже много раз мы были побиты. Мне кажется, нам лучше всего укрыться в горах. Шу-хань-ская армия не выдержит легкой жары и отступит».

И они отправились в ущелье Тулун. Там правил царь Досы, друг Мэнью. Ущелье это было труднопроходимым. Один проход закрыли люди царя Досы, другой был опасен для жизни: там рыскали ядовитые змеи и скорпионы. Днем и ночью над землей поднимался смертоносный туман, вода была только в четырех ключах, и та — смертельно ядовитая.

В этом надежном убежище оба брата в компании царя Досы вели беспечальную жизнь. Между тем Чжугэ Ляну благодаря помощи сверхъестественных сил удалось подобраться к этому укрытию и раскинуть свой лагерь в непосредственной близости от него. Когда Мэнхо узнал об этом, он после одного из пиров решил для поднятия боевого духа напасть на шу-ханьскую армию. Как раз в это время подошел Ян Фэн, вождь ущелья Исиинь с тридцатью тысячами воинов. Он предложил Мэнхо помощь. Тот приказал устроить пир и угостить Ян Фэна и его сыновей. Во время обеда Ян Фэн призвал танцовщиц с мечом, а оба его сына поднесли вина Мэнхо и Мэнью. Только они хотели выпить, Ян Фэн отдал приказ, Мэнхо и его брата связали. Их судьбу разделил Досы.

«Но мы же друзья, почему ты так со мной поступаешь?» — спросил Мэнхо.

«Чжугэ Лян взял в плен моих братьев, сыновей и племянников, которые взбунтовались вместе с тобой, но потом отпустил их. Чтобы отблагодарить Чжугэ Ляна за благородство, я решил взять тебя в плен и отправить к Чжугэ Ляну».

Чжугэ Лян спросил Мэнхо: «А теперь сдаешься?»

«Не твои способности, — отвечал Мэнхо, — но измена в моих рядах вновь предала меня в твои руки. Можешь убить меня, но я не сдамся».

Чжугэ Лян отвечал: «Я еще раз проявлю милосердие. Ты можешь опять повести против меня войско. Но если ты вновь попадешь ко мне в руки, я сотру с лица земли и тебя, и твое семейство». И он отпустил Мэнхо, Мэнью и царя Досы. Ян Фэна и его людей он щедро наградил, дал высокие должности и отослал.

Мэнхо поспешил к ущелью Инькан. Он заключил союз с царем Мулу. Однако и на этот раз Чжугэ Лян одержал победу. Царь Мулу погиб, а ущелье было захвачено. Чжугэ Лян приказал найти Мэнхо. Тут ему донесли, что свекор Мэнхо после бесполезных попыток заставить Мэнхо капитулировать схватил его, его жену и больше ста домочадцев и всех их привел к Чжугэ Ляну. Когда Чжугэ Лян узнал об этом, он проинструктировал двух своих командиров. С двумя тысячами отборных солдат они спрятались перед шатром главнокомандующего. Затем Чжугэ Лян приказал привести Мэнхо и других пленных. Когда пленники склонились у входа, Чжугэ Лян дал знак спрятаным солдатам. Те бросились на сотню пришельцев. Обыск показал, что у каждого при себе был острый меч. Чжугэ Лян сказал: «Вы только сделали вид, что сдались. На самом деле вы хотели меня убить». И, обращаясь к Мэнхо, он добавил: «Разве ты не

сказал последний раз, что ты сдашься, если я захвачу твою семью. Что ты теперь скажешь?»

«Мы пришли по собственному почину и поставили наши жизни на карту. Мое пленение — не результат вашего искусства. Почему же я должен сдаваться?»

Чжугэ Лян сказал: «Это твоё шестое пленение. А ты все упрямишься. Сколько это будет продолжаться?»

«Если вы схватите меня еще в седьмой раз, то я сдамся вам и больше не буду бунтовать».

Чжугэ Лян сказал: «Ну ладно. Твое последнее убежище разрушено. Чего же мне еще бояться?» И он приказал снять с Мэнхо путы со словами: «Если я поймаю тебя еще раз, то больше не отпущу».

Мэнхо и его люди прикрыли головы руками и бежали, подобно крысам.

Теперь Мэнхо мог надеяться только еще на одного союзника: царя Утугу из страны Угэ. Тот был готов предоставить ему для отмщения тридцать тысяч воинов. Эти воины были одеты в кольчуги из лиан. Лианы в течение полугода вымачивались в масле, а потом сушились на солнце. Потом они снова размягчались и снова сушились, и так несколько раз.

После этого из них плели шлемы и кольчуги. Одетые в них воины Угэ могли переплывать реки не замочившись. Никакое оружие не могло проткнуть эти кольчуги. Первый бой при реке Тао-Хуа Чжугэ Лян проиграл. Он тут же все разузнал у местных жителей о своем новом противнике. Затем он залез на гору и изучил местность. При восхождении он обнаружил долину с лишенными растительности каменными стенами, похожую на длинную змею. Это открытие весьма порадовало Чжугэ Ляна. Он дал своим командирам тайные указания и приказал Вэй Яню с его отрядом разбить лагерь на месте переправы через реку Тао-Хуа. При нападении царя Утугу он должен был свернуть лагерь, высмотреть белый флаг и двигаться к нему. В течение полумесяца он должен был четырнадцать раз изображать бегство перед войсками Угэ и каждый раз оставлять лагерь со всеми палатками.

Тем временем Мэнхо предупредил царя Утугу о стратагемах Чжугэ Ляна. По его словам, особенно опасаться следовало засад. Прежде всего нужно было держаться настороже в районе крупных долин. Утугу принял этот совет во внимание.

Затем пришло сообщение о том, что шу-ханьский лагерь раскинут на берегу Тао-Хуа. Утугу послал своих воинов в кольчугах из промасленных лиан за реку. После немногих стычек шу-ханьское войско бежало. Воины Угэ испугались засады. Поэтому они отказались от преследования. На второй и третий день повторились такие же стычки. Только тогда Вэй Янь заметил вдалеке белый флаг. Он повел спасающееся бегством войско туда и там обнаружил пустой лагерь. Пятнадцать раз Вэй Янь изображал поражение и сдал семь лагерей. Преследование Утугу становилось все более дерзким. Но там, где росли густые деревья и кустарники, он останавливался и обычно посылал разведчиков, которые действительно находили среди деревьев шу-ханьские флажки. Мэнхо, смеясь, говорил: «Чжугэ Лян наконец иссяк со своими стратагемами. Мы его насквозь видим. Мы уже пятнадцать раз обращали его в бегство и овладели семью лагерями. Еще одно, последнее усилие, и победа будет за нами».

Утугу слушал все это с большой радостью. Теперь он уже полагал, что с легкостью победит шу-ханьскую армию. На шестнадцатый день они опять вошли в соприкосновение с отрядом Вэй Яня. Он вновь бежал без боя. Утугу висел у него на плечах. Вэй Янь свернул в обнаруженную Чжугэ Ляном похожую на змею каменистую долину. Там опять развевался белый флаг. Утугу не увидел ни деревьев, ни кустов. Засады было неоткуда ожидать. Поэтому он беззаботно продолжил преследование.

В долине путь им неожиданно преградило несколько дюжин повозок. Утугу решил, что повозки служили для перевозки армейского имущества и были брошены при поспешном бегстве. Поэтому он, не раздумывая, продолжил преследование. Но вдруг со стен долины посыпались стволы деревьев и камни и завалили выход из долины. В тот же момент Утугу заметил, что повозки набиты рисовой соломой и загораются. Везде взрывался припрятанный порох, горящие факелы летели со стен ущелья и поджигали фитили, ведущие к повозкам. Вся долина превратилась в огненное озеро. Пропитанные маслом кольчуги воинов Угэ сразу же занялись, и тридцать тысяч воинов погибли. Когда Чжугэ Лян смотрел на это ужасное кровопролитие со своего наблюдательного пункта, слезы выступили у него на глазах, и он сказал: «Конечно, я служу моему царю, но ради этого я пожертвовал многими человеческими жизнями».

Воины Угэ доложили Мэнхо, который не последовал за Утугу, о победе его союзника. Мэнхо радостно поспешил к долине своего триумфа и там пережил жестокое разочарование: Утугу и его армия были стерты с лица земли. Мэнхо бросился назад, но тут его схватили воины Угэ, которые привели его на место побоища. На самом деле это были переодетые воины шу-ханьской армии. Вновь Мэнхо и его родичи

оказались в руках Чжугэ Ляна. Их привели в палатку и угостили. Во время обеда у входа в палатку появился вестник от Чжугэ Ляна и обратился к Мэнхо: «Чжугэ Лян считает позором вновь встречаться с вами. Он поручил мне освободить вас. Соберите против него следующую армию, если сумеете, и устраивайте еще одну решающую битву. А теперь уходите!»

Вместо того чтобы бежать, Мэнхо разрыдался. «Семь раз попал я в плен и семь раз отпущен, — сказал он. — С древних времен не случалось ничего подобного. Я, конечно, необразованный человек, но не вовсе лишен чувства благодарности. Как мог бы я быть таким бессовестным!»

Он и его спутники упали на колени и поползли с оголенной верхней половиной тела (знак раскаяния) к шатру военачальника.

«О министр, вы обладаете величием неба. Мы, люди Юга, никогда больше не окажем вам сопротивления».

«Такты подчиняешься, наконец?» — спросил Чжугэ Лян.

«Я, мои сыновья и внуки глубоко тронуты вашим всепроникающим животворным великодушием. Как же можем мы не подчиниться!» Чжугэ Лян пригласил Мэнхо в свой шатер, предложил ему сесть и устроил праздничный пир. Он подтвердил царское достоинство Мэнхо и вернул ему все захваченные земли.

Двое из военачальников не выказали понимания великодушия к Мэнхо: «Почему вы после столь утомительного военного похода не назначили своего правителя?»

Чжугэ Лян отвечал: «На то имеются три причины. Во-первых, я должен был бы снабдить своего правителя войсками для охраны. Во-вторых, южные народы постоянно оказывали бы китайскому правителю сопротивление вследствие их воинственности. И в-третьих, южные народы всегда сохраняли бы недоверие к чужому правителю. Если я никого не оставляю за собой, я не должен никак его обеспечивать. Так я избавляюсь от всех трудностей».

Доброта победителя была вознаграждена благодарностью южных народов. С тех пор на южной границе Шу-Ханьского царства царил мир. Таким образом, Чжугэ Лян с помощью Стратagemы № 16 завоевал сердца побежденных. Впрочем, без мощной военной силы вряд ли ему удалось бы психологическое ведение войны, как подчеркивают Ли Биньянь и Сунь Цзин в книге, вышедшей в конце 1986 г. в Издательстве Народно-освободительной армии Китая.

Первое сообщение о семи освобождениях царя Мэнхо мы находим в хронике Си Цзочи (ум. 384 н. э.). Историческая правдивость этого сообщения время от времени подвергалась сомнению. Тем не менее героизм Чжугэ Ляна вновь и вновь воспевается в первую очередь в комиксах и книгах для детей.

16.3. Мао и его военнопленные

Мао Цзэдун также вдохновлялся Стратagemой № 16 — дважды, во время гражданской войны в Китае между коммунистическими войсками и армией Гоминьдана (1945—1949), как утверждает книга о стратагемах, «пойманная» мною на огромном книжном рынке в Тайбэе.

Мао воспользовался этой стратagemой в отношении с попавшими в плен солдатами и офицерами противника. Сначала были отобраны те, кого сочли особо приверженными Чан Кайши; их содержали в строгом заключении. С остальными солдатами и офицерами обращались в высшей степени хорошо. Чтобы распропагандировать их в пользу коммунистов, в первую очередь использовались так называемые «су ку хуэй». Это были собрания, на которых выходцы из нижних слоев общества, тщательно проинструктированные коммунистическими функционерами, сравнивали нужду и горе своих «братьев и сестер по классу» с роскошной жизнью верхних слоев, которым якобы покровительствовал Чан Кайши. Потрясенные этими сильно приукрашенными рассказами и материальными доказательствами — вплоть до веревки, на которой помещик повесил замученного отца рассказчика (в те времена, вероятно, четырехлетнего), — слушатели загорались ненавистью к господствующим классам и их политическим и военным представителям. Действенность приема впоследствии была по достоинству оценена в избранных трудах Мао. Кто из пленных солдат под его влиянием не вступал немедленно в Красную армию, того отправляли домой, снабдив деньгами на дорогу и добрым советом: «Когда в следующий раз столкнешься с нами на поле битвы, вспомни: китайцы не воюют против китайцев!..»

Мао рассчитывал, что отпущенные солдаты разовьют агитацию и вызовут брожение в армии противника, отчего снизится ее боевой дух. Кроме того, опровергалась пропаганда противной стороны относительно жестокости коммунистов.

Освобожденные, естественно, утверждали, что им удалось бежать. Многие из них хвалили своим товарищам или подчиненным высокий боевой дух и дисциплину Народно-освободительной армии. Другие устраивали саботаж или в критический момент перебежали на сторону коммунистов. Еще до того, как Красная армия приступила в апреле 1949 г. к решающей переправе через Янцзы, боеспособность гоминьдановской армии резко упала. Так Мао удалось ослабить вражескую армию парадоксальным методом освобождения пленных. Конечно, военная мощь самого Мао была предварительным условием успеха стратагемы.

16.4. Отступление как наступление

К концу династии Восточная Хань (25—220 н. э.) город Юань-чэн захватили восставшие, называвшие себя «Желтыми повязками». Императорские войска под командованием Чжу Юня не смогли выбить их из города с помощью Стратагемы № 6 и наконец сняли осаду.

«Желтые повязки», у которых было совсем худо с продовольствием, решили, что им представляется наконец подходящий случай для нападения на отступающую армию. Они сделали вылазку. Имперские войска сопротивлялись, но продолжали отход. Наконец город оказался в 20 милях от сражающихся. Теперь командующий мог приступить к исполнению давно задуманного плана. Он внезапно отдал приказ об ответном наступлении и послал часть войска, чтобы отрезать восставшим обратный путь. Те попытались рассыпаться в стороны, но везде натыкались на вражеские засады. Для осады город Юаньчэн был практически неприступен, но после «отступления» он оказался оставлен защитниками, и занять его не составило труда для императорских войск.

16.5. Якорь спасения в качестве гильотины

30 июня 1947 г. пять колонн ударной полевой армии в провинциях Шаньси, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань под командованием Лю Бочэна (1892—1986) и Дэн Сяопина, в количестве 130 000 солдат, переправились с боем через реку Хуанхэ и двинулись к горам Дабе (провинция Шаньдун).

14 июля две колонны Красной армии взяли в клещи два вражеских соединения близ деревушки Люинцзи. Чтобы не ввязываться в отчаянную битву, коммунистические командиры решили применить стратагему «То, что хочешь схватить, сначала отпусти» и открыли кольцо окружения с одной стороны. Это побудило противника к попытке прорваться из котла. Однако коммунистические военачальники так расположили свои войска, что прорывающиеся попали в ловушку и были с легкостью уничтожены.

Уже неоднократно цитированный Сунь-цзы советовал в своем «Трактате о военном искусстве»:

«Не преследуй отчаявшегося противника слишком близко, по пятам».

«Трактат о 36 стратагемах» еще усиливает эту рекомендацию:

«Если противника преследуют по пятам, он собирает последние силы, пытаясь спастись. Но если ему оставить выход, его напряжение и боевой дух ослабнут и он делается легкой добычей. Так можно избежать большого кровопролития».

«Ослабление ведет к подчинению. Будущее — светло» — такое высказывание, вдохновленное «И цзином» («Книгой перемен»), содержится в «Трактате о 36 стратагемах», в главе, посвященной Стратагеме № 16.

16.6. Сложное сватовство

«Когда я гляжу на свою двадцатилетнюю дочь, мне представляются три вещи: насекомые, чудища и демоны» — так писал У Вояо (1866—1910) в знаменитом романе «Редкостные события последнего двадцатилетия». К редкостным событиям принадлежит, в частности, следующее применение Стратагемы № 16 в семейных отношениях.

Некий господин Цзяо, вице-министр в пекинском министерстве наказаний, жаждал любой ценой выдать замуж свою опустившуюся, курящую опиум дочь. Ей было уже 25 лет — для заключения брака в традиционном Китае весьма солидный возраст, — а она еще не была замужем. Подходящей партией отцу казался недавно овдовевший тридцатилетний придворный историк Чжоу. Но в качестве представителя невесты сам отец не мог делать господину Чжоу решительных авансов. Следовательно, ему нужен был сват. Тут отец узнал, что господин Чжоу хотел остаться верным памяти умершей жены и уже выставил за дверь нескольких сватов. Наконец господин Цзяо обратился к начальнику департамента в министерстве наказаний, который в том же возрасте, что историк Чжоу, выдержал государственный экзамен на самую

высокую должность. Сюэфан был известен своим красноречием. Когда вице-министр открыл ему свою мечту, Сюэфан ударил себя в грудь и заявил: «Забудьте заботы, я найду способ сообщить ему, что он может просить руки вашей дочери. Но не забывайте о страгегеме «Если хочешь ухватить, сначала отпусти», прежде чем давать благословение на брак. Только так подобает действовать».

Затем Сюэфан начал часто посещать придворного историка Чжоу. У того был шестилетний сын. При каждом визите Сюэфан общался с мальчиком — играл с ним или проверял знание иероглифов. Однажды он как бы мимоходом посочувствовал ребенку: «Бедное дитя, такой маленький и лишен матери. Почему твой отец не возьмет новой жены?»

Придворный историк услышал замечание, которое, конечно, в первую очередь было обращено к нему, и, смеясь, ответил: «Моя печаль еще не утихла. Как я мог бы даже разговаривать об этом! Я твердо решил провести остаток дней вдовцом».

Начальник департамента Сюэфан вовлек господина Чжоу в беседу о нынешней его жизни без супруги. Выяснилось, что ему нет нужды брать жену для ухода за сыном, так как о ребенке хорошо заботится няня. Няня была по происхождению землячкой историка.

Но Сюэфан постарался поколебать его уверенность замечанием: «И все же мне кажется, что вы должны жениться как можно скорее».

«Что это значит?» — спросил историк Чжоу. Начальник департамента Сюэфан только улыбнулся и не сказал ни слова. Это совсем обеспокоило господина Чжоу. Он повторил вопрос. Тогда Сюэфан начал: «Не говори, что я тебе плохой друг. Но если я расскажу тебе, во-первых, ты мне не поверишь, а во-вторых, разгневаешься».

Господин Чжоу отвечал: «Либо так, либо этак. В одном случае это неосновательно, в другом — я не вижу причин для возмущения».

Сюэфан опять улыбнулся, но, как и раньше, ничего не сказал. Это вызвало у господина Чжоу восклицание: «Твое нынешнее поведение действительно раздражает меня. Что же это такое? Что это за намеки на вещи, о которых даже нельзя открыто разговаривать?»

Тут лицо Сюэфана стало серьезным. «Я не хотел тебе говорить. Но если я не откроюсь тебе, то окажусь неверен нашей дружбе. Так что мне ничего не остается, как сказать все прямо. Только не обижайся на мои слова».

Господин Чжоу совсем разъярился: «Ты все ходишь вокруг да около, а не говоришь, что все это значит».

Сюэфан отвечал: «Ну, так я скажу тебе. Если бы это касалось другого человека, мне было бы все равно. Но ведь мы с тобой старые друзья...» И опять замолчал.

Господин Чжоу гневно вскричал: «Говори же ясно и прямо, в двух словах, о чем речь. К чему эти экивоки?»

Сюэфан сказал: «Ты сейчас занимаешь почтенную должность, и тем важнее это обстоятельство».

Господин Чжоу становился все нервнее: «Да на что ты все намекаешь? Говори сейчас же!»

Сюэфан продолжал: «Говоря по правде, в последнее время не все в порядке с общественным мнением».

Этим Сюэфан затронул болезненное место господина Чжоу, ибо для того не было ничего важнее его репутации и он более всего заботился о ее незапятнанности. Так что слова Сюэфана прозвучали для него как гром с ясного неба. Он вскочил и спросил: «Что ты имеешь в виду?»

Тогда Сюэфан наконец сообщил ему — очевидно, применяя тем самым Стратегему созидания № 7, — что ходят слухи, что он живет с няней своего сына. Потому якобы он и отказывает всем сватам.

В последующем разговоре господин Чжоу пытается найти быстрый способ восстановить свою репутацию. Например, он подумывает о том, чтобы отправить няню вместе с сыном на постоянный двор или отослать сына к дедушке и бабушке. Но все эти средства Сюэфан отверг как сомнительные. Наконец Сюэфан сказал: «Если ты доверяешь мне, я обещаю тебе, что мне удастся восстановить твою репутацию».

«Говори же скорее, как ты собираешься этого достигнуть?»

Сюэфан ответил: «Распусти сегодня же слух о том, что ты ищешь новую супругу. Это убьет все сплетни в

зародыше».

Господин Чжоу сразу же отверг этот совет на том основании, что надолго это не поможет. Ведь он после этого не сможет отказывать, как прежде, всем претенденткам.

«Конечно, — подтвердил Сюэфан. — Так что тебе ничего не остается, как серьезно подумать о браке». И он вновь привел множество очевидных аргументов в пользу своего совета.

Господин Чжоу замолчал и задумался. Во всяком случае, как внушил ему Сюэфан, он должен как можно быстрее до всеобщего сведения свое желание вступить в брак, чтобы задушить слухи. Сюэфан ушел, обменявшись с Чжоу еще несколькими незначительными словами.

На следующий день он не явился с визитом. Господин Чжоу разыскал его и сказал, что он, подумав, не видит никакого иного решения, чем предложенное.

«Если так, позвольте тогда мне сыграть роль свата. Дочь семейства Лу одаренна и прекрасна. Пойду повидаюсь с ними».

Через день он сообщил господину Чжоу о неудаче. Сегодня он попробует поговорить с господином Чжаном о его незамужней младшей сестре. Теперь господин Чжоу, который больше всего боялся сплетен, сам стал проявлять активность и сообщил всем друзьям о своих матримониальных намерениях. Все больше друзей и знакомых предлагали себя в качестве брачных посредников. Сюэфан все время обсуждал с господином Чжоу различные возможности и наконец убелил его, что, наверное, хорошо бы ему искать невесту постарше. После этого он подговорил некоторое третье лицо обратить внимание господина Чжоу на дочь вице-министра Цзяо.

Господин Чжоу попросил у Сюэфана совета. Тот задумчиво сказал: «Об этой возможности я уже подумывал. Только боюсь, что дочь Цзяо не захочет выходить замуж за вдовца. Кроме того, ее отец — мой начальник. Мне не очень-то улыбается идти к нему с таким предложением. Поэтому я ничего тут не могу сказать. С другой стороны, если бы удалось заключить такой брак — это было бы идеально. Я слышал, что она сведуща в благородных искусствах — в игре на цитре, го, каллиграфии и живописи. А к тому же еще хорошо пишет, считает и ведет хозяйство. Кажется, ей немногим больше двадцати лет. Для твоего сына она была бы настоящей второй матерью».

Когда господин Чжоу услышал все это, в нем тут же возгорелось желание добиться этого брака. Но семейство Цзяо заставило его подождать ясного ответа. Господин Чжоу нервничал все больше. Он вновь попросил Сюэфана о посредничестве. Но ему пришлось еще много раз повторить свою просьбу, прежде чем тот согласился. Теперь Сюэфан день за днем ходил к семейству Цзяо, пока господин Чжоу не получил наконец положительного ответа.

Здесь мы прерываем нить повествования. Конечно, Сюэфан использовал несколько стратагем, чтобы достичь своей цели — обручения дочери господина Цзяо с господином Чжоу. Сначала он смутил господина Чжоу вымышленными сплетнями (Стратагема № 7), чтобы сманить его с «горы» — заставить отказаться от решения сохранить свое вдовство. В этом месте, естественно, приходит в голову провокационная Стратагема № 13. Благодаря этому Сюэфан привел господина Чжоу в такое состояние, что он всеми фибрами души возжаждал заключения брака с дочерью Цзяо. При этом Сюэфан всячески томил господина Чжоу ожиданием, так что тот проглотил наживку и решил жениться на женщине, описанной ему — опять же с помощью Стратагемы № 7 — в самых лучших красках.

Стратагемы выполнили свое назначение. Но я, конечно, дочитал роман до конца и выяснил, что в день свадьбы произошла катастрофа. Невеста, находившаяся под действием наркотиков, опоздала на заключение брака на час и, придя, сразу же вытащила свои опиумные принадлежности и начала курить...

16.7. Рафсанджани и подарки из США

«В американской прессе распространилась привлекающая всеобщее внимание новость».

Так начиналось сообщение об иранской аванюре в шанхайской газете «Вэньхой бао» от 14 ноября 1986 г. на странице «Шизцзе чжи чуан («Окно в мир»).

«В течение 18 месяцев США поддерживали тайные сношения с Ираном и поставляли ему оружие, чтобы взамен добиться освобождения содержащихся в Бейруте американских заложников. Согласно американским источникам, эти сношения велись в обход Госдепартамента, министерства обороны и ЦРУ с личного согласия президента Рейгана. Последний номер американского журнала «Ньюсуик», вышедший досрочно,

сообщил о подоплеке. Ниже следует адаптированный перевод этого сообщения, который мы предлагаем читателям».

За этим введением следует подготовленное переводчиками и редакторами Цзи Юнем и Лян Жэнем сокращенное изложение репортажа, появившегося в «Ньюсуик» 17 ноября 1986 г. под заголовком «Плащ и кинжал».

Там говорилось, что 4 ноября 1986 г., в седьмую годовщину существования американского посольства в Тегеране, председатель иранского парламента Рафсанджани казался особенно довольным. Удовлетворение было вызвано одной заметкой в ливанской газете.

До сих пор китайские переводчики следовали американскому тексту. Но далее, не прерывая текста, они дают подзаголовок, в котором обращаются к Стратагеме № 16:

«Макфарлан явился с визитом, чтобы передать подарки, иранский секретарь парламента сначала отпустил то, что хотел поймать».

Пятеро американских правительственных чиновников, и среди них бывший шеф Совета национальной безопасности Макфарлан, тайно прилетели в Тегеран. С собой делегация привезла символические подарки, а именно пирог в форме ключа (в знак завязывания новых отношений) и Библию с автографом Рональда Рейгана, и, кроме того, по слухам, всем высшим государственным деятелям Ирана были обещаны автоматические пистолеты «кольт». По другой версии, во время визита было сделано ужасающее предложение: передать Ирану самолет, нагруженный американским оружием.

«Иран не попался на удочку, — сказал Рафсанджани. — Мы сказали им, что не принимаем их подачек и что нам нечего с ними обсуждать». Как он съязвил, «американцы нуждаются в нашем влиянии для решения ливанской проблемы».

Этот отказ от первого предложения американцев — от кольтов, военного снаряжения и тому подобного — китайские журналисты интерпретировали с точки зрения Стратагемы № 16. Иранцы поначалу отвергли все это, чтобы побудить американцев на еще большие уступки. Результатом применения Стратагемы № 16 явилось получение иранской стороной (согласно сообщению «Ньюсуик») вооружений на сумму более 60 миллионов долларов, среди которых были противотанковые ракеты, радарные системы и запчасти для устарелого иранского флота.

Интересны различия в представлении всей истории у американских и китайских журналистов. Одни выдали сухую информацию, не углубляясь в анализ стоящей за событиями тактики Ирана. Другие — китайцы, — напротив, попытались — не имеет значения, справедливо или нет, — объяснить поведение иранцев в начальной стадии переговоров определенной стратагемой. Это хороший пример того, как китайцы применяют интерпретацию международных событий в стратагемном духе.

16.8. Отпущенные супругоубийцы

В 1891 г. в Китае вышел сборник детективных историй «Пэн гун ань» («Дела господина Пэна») в 24 томах и ста главах. В них идет речь о Пэн Пэне, начальнике уезда Саньхэ при императоре Кан Си (1662—1722), позже губернаторе Хэнани. Он успешно расследовал множество преступлений. В 1985 г. это произведение было переиздано в КНР. Я купил экземпляр в отеле «Цзиньшань» близ Шанхая во время проходившего там международного конгресса по современной китайской литературе (3—11 ноября 1986 г.), на который я был приглашен.

В 13-й главе двое мужчин приходят к господину Пэну и сообщают ему, что у источника во дворе храма Духа неба под Хэхэжанем обнаружен труп. Господин Пэн тут же отправляется в паланкине на место преступления. Выясняется, что у источника лежат два трупа, один мужской, без головы, а другой — молодой женщины. Расследование показало, что женщина была задушена, а мужчина убит ножом. В то время как господин Пэн еще был занят расследованием, подбежал какой-то мужчина и громко стал жаловаться на свершившееся преступление. Господин Пэн приказал привести этого человека.

Приведенный, которому было лет 60, с плачем упал перед ним на колени и пожаловался, что выдал свою единственную дочь Хризантему за некоего Яо Гуанчжи из деревни Хэ. Когда сегодня он пошел ее навестить, оказалось, что она пропала. Его зять, который держит трактир в Хэхэжане, тоже не знает, где она. Он прослышал, что господин Пэн осматривает тут каких-то покойников. Тогда он прибежал сюда и совершил ужасное открытие — мертвая оказалась его дочерью. «Я, ничтожный, умоляю господина отомстить за мою дочь».

Господин Пэн повелел показать старику также и мужской труп, но тот не смог его опознать. Тогда господин Пэн приказал положить трупы в гробы и отправил вестника к своим помощникам Лю Чэну и Ли Фу. Затем он опять поехал в паланкине в свой ямынь. Вскоре он приказал обоим сыщикам вызвать в ямынь на допрос Яо Гуанчжи, вдовца потерявшей. С ними отправился и Яо Гуанли, старший брат вдовца.

Придя в трактир, они не обнаружили разыскиваемого. Его помощник сообщил Яо Гуанли, что его брат находится в доме семьи Хуан, на Главной восточной улице, шесть участков к северу отсюда. Однако, придя туда, они нашли дом семьи Хуан запертым. Яо Гуанли подергал за дверное кольцо, тогда изнутри дома послышался слабый, изнеженный женский голос: «Вам кого?»

Женщина открыла дверь, увидела троих мужчин и повторила вопрос. На вид ей было около двадцати лет. Изящное тело обвивали пестрые одежды, из-под которых виднелись лилейные ножки (условное название для искусственно уменьшенных ступней). Блестящие черные волосы контрастировали с белой, слегка припудренной кожей. Тонкие брови изгибались над сияющими миндалевидными глазами с хитринкой.

Яо Гуанли сказал, что разыскивает своего младшего брата. Женщина крикнула через плечо: «К тебе кто-то пришел, выходи!»

Из дома вышел Яо Гуанчжи. Он пригласил троих мужчин зайти выпить, но Яо Гуанли сказал: «Так вот ты где! Господин Пэн приказал привести тебя к нему».

Полицейские заковали Яо Гуанчжи и женщину в цепи и посадили в паланкин.

Господин Пэн внимательно осмотрел арестованных. Яо Гуанчжи был высокий привлекательный мужчина немногим старше двадцати лет, с белой чистой кожей лица и энергичным взглядом. Еще привлекательнее выглядела девушка. Господин Пэн приступил к допросу: «Кто задушил вашу жену и бросил ее в колодезь?»

Яо Гуанчжи отвечал: «Я слышал сегодня об этом в трактире. Я как раз собирался зайти к вам и попросить отомстить за свою жену». При этом его глаза покраснели и наполнились слезами.

Господин Пэн спрашивал дальше: «А какие отношения у вас с этой женщиной? Почему вы находились в ее доме?»

Женщина сказала: «Меня зовут Ли. Он побратим моего мужа».

Господин Пэн стукнул по столу своим жезлом и приказал женщине: «Заткнись! Говори, когда тебя спрашивают». Сыщики тоже зарычали, так что женщина в ужасе сжалась.

Яо Гуанчжи торопливо сказал: «Я дружен с ее мужем, Хуан Юном. Он держит лавку в Тунчжоу и обычно поставляет мне чайные листья. Сегодня я пришел к нему, чтобы заказать новую партию. Тут явился мой брат Яо Гуанли, меня и эту женщину заковали и привезли сюда. У меня только одна просьба: отпустите ее, она не имеет к этому делу никакого отношения».

Господин Пэн внимательно наблюдал за ними. Потом он спросил женщину: «Что за лавка у твоего мужа и кто, кроме тебя, живет в доме?»

«Меня зовут Ли. Моему мужу 24 года. У него нет ни родителей, ни братьев, ни сестер, так что мы живем в доме одни. Сейчас муж в Тунчжоу, где он торгует продуктами».

Господин Пэн спросил: «Когда он уехал из дому?»

Женщина побледнела и торопливо ответила: «После праздника Драконовой лодки, несколько дней назад».

Господин Пэн продолжал допрашивать: «Часто ли он приезжает домой?»

«Два-три раза в год. Он вернется только к Новому году».

Теперь господин Пэн опять обратился к Яо Гуанчжи: «Твоя жена была задушена. Почему ее бросили в колодезь под Хэхэжа-нем?»

Яо Гуанчжи отвечал: «Я, ничтожный, об этом ничего не знаю».

На это господин Пэн холодно рассмеялся: «Ты, повинный в смерти преступник, ты решаешься лгать мне в лицо?! Эй, там, надавайте ему по морде!»

Яо Гуанчжи нанесли множество ударов по губам, но он не смирился, а только кричал, что с ним поступают несправедливо.

Господин Пэн спросил: «Кто расправился с твоей супругой? Говори правду!»

Яо Гуанчжи ответил: «Я правда не знаю».

«Положите его на пол и побейте еще».

Теперь Яо Гуанчжи побили палками, но он продолжал утверждать, что ничего не знает.

Господин Пэн нахмурился и хорошенько подумал. И тут ему в голову пришла стратагема. Он сказал: «Яо Гуанчжи, с тобой поступили несправедливо. Я напрасно приказал тебя побить. За это я тебе отплачу пятью унциями чистого серебра. Иди похорони свою жену, поверь мне, я отомщу за тебя негодяю, который ее убил. Теперь иди займись своими делами!» И он отпустил обоих арестованных. Они поблагодарили его и удалились.

После этого господин Пэн кое-что шепнул на ухо своему сыщику Ли Цихоу. Ли Цихоу кивнул и потихоньку пошел следом за ними. Он увидел, что они отправились в Хэхэжэнь, напрямик в дом Хуан Юна. Когда стемнело, Ли Цихоу подобрался к дому. В окнах горел свет. Вдруг он услышал женский голос. Кончиком языка он отклеил бумагу на окне. В комнате он увидел низкий столик с различными яствами. С одной стороны сидел Яо Гуанчжи, с другой — госпожа Ли. Она говорила посмеиваясь: «Выпей еще два кубка за полученные сегодня удары».

Яо Гуанчжи отвечал: «Завтра мы избавимся от этой штуки под каном. Тогда у меня камень с души упадет. Ты убила его острием ножа и тем освободила меня от тяжести».

Женщина сказала: «Теперь мы сможем стать навечно мужем и женой. Ты избавился от нее, а я — от него. Хорошо только, что мы сохранили головы на плечах, а то это могло бы не сойти нам с рук». И она, смеясь, поднесла кубок с вином к губам Яо Гуанчжи.

Теперь Ли Цихоу слышал достаточно. Он с воплем ворвался в комнату и заковал захваченных врасплох преступников.

Господин Пэн, таким образом, смог поймать обоих убийц лишь после того, как сначала отпустил их. Благодаря этому они потеряли бдительность и открыли ушам спрятавшегося сыщика ужасную тайну. Таким образом, освобождение их привело к поимке.

Множество подобных «хитростей» рассказал мне мой преподаватель Сига Сюдзо из Токийского университета, самый известный к настоящему времени японский специалист по истории азиатского права (см.: *Criminal Procedure in the Ch'ing Dynasty in: Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*, № 33, Tokyo, 1975).

16.9. Путешествие балерины

Однажды зимней ночью двое китайских красноармейцев, Сунь Ин и Сю Ху, находившиеся на оснащенном по последнему слову техники наблюдательном пограничном пункте 101-го уезда, обнаружили на экране радара маленькую фигурку, явно советского агента. Они тут же запросили номер 816 — командира корпуса Ба, — следует ли схватить агента.

Ба приказал пока тщательно наблюдать за пришельцем, но не мешать ему перейти границу. Через некоторое время они увидели, как малорослый агент встречается под деревьями с другим — человеком высокого роста. После короткого свидания они пошли каждый своей дорогой. Маленькая фигурка двинулась к пограничному уезду 102, высокая быстро приближалась к китайско-русской границе. Пограничники вновь запросили инструкции у номера 816, и пришел приказ продолжать наблюдать за «гостем» в уезде 102, а высокому позволить перейти границу.

Сунь Ин и Сю Ху удивились. Как это — позволить обоим агентам идти куда хотят? Но приказ есть приказ.

Анализ следов с помощью фантастических технических средств показал, что агенты вышли из советского подземного командного пункта недалеко от границы. Их шпионское задание состояло в сборе сведений о совершенно секретной китайской военной базе 9417, которую невозможно было обнаружить с самолетов и спутников.

Однажды на военной базе была замечена сова, облетавшая ее при свете дня. Ее удалось подстрелить, и обнаружилось, что под перьями скрывался летательный аппарат со встроенной мини-камерой. Вскоре обнаружили человека, который, видимо, запустил эту сову. Однако этот человек утверждал, что он только собирал травы в лесу. Его отпустили, но незаметно следили за ним с помощью запахового сенсора. Человек, которого пограничники сочли агентом, вернулся в свое жилище в Цицикар. Но он почувствовал опасность и запросил по радио у советского командного центра разрешения покинуть Китай. Получив разрешение, в ту же ночь он был заменен упоминавшейся низкорослой фигуркой.

Ее тоже оказалось нетрудно идентифицировать. Это была китайка Лю Цинь, бывшая балерина, которая училась за границей и там была завербована советской агентурой. По приказу номера 816 эту шпионку тоже для начала оставили в покое. Она отправилась в Цзяхэдаци в провинции Хэйлуцзян и, по-видимому, искала там связного. Постепенно она решила, что ушла от слежки, купила себе железнодорожный билет в Шанхай, а оттуда улетела в Кантон, после чего наконец совершенно упокоилась относительно слежки. В одном магазине она купила у некоей продавщицы игрушечного медведя. В парке она вынула из уха медведя маленькую бумажку, скатанную в шарик. На бумажке был написан адрес. Вечером она отыскала соответствующую квартиру. Там жила та самая продавщица, тоже шпионка.

Через несколько дней Лю Цинь уехала из Кантона. В поезде она не заметила, что за ней следили с помощью запахового сенсора, оформленного в виде наручных часов. Чувствуя себя в безопасности, она вернулась в Цзяхэдаци. Там она нашла квартиру местного связного, и он дал ей адреса еще пяти связных. Через три дня все они встретились на такой же квартире. В этот момент ворвалась китайская пограничная стража и захватила все шпионское гнездо. Арестовали и кантонскую продавщицу. На советский командный центр пришла фальшивая телеграмма, и советский командир выслал по ней «нарушителя границы». Его тоже поймали.

Комикс, излагающий эту историю (в его основе — известный научно-фантастический роман, принадлежащий перу Е Юнле), вышел в Гуандуне в 1981 г. и озаглавлен по Стратегеме № 16: «Что хочешь поймать, сначала отпусти».

То же название выбрал тайваньский автор для руководства по искусству убеждения, написанного Шан Яном (ок. 390—338 до н. э.), одним из известнейших теоретиков и практиков древнекитайской Школы законников²¹¹. Идеи Школы законников находятся в резком противоречии с конфуцианскими идеалами и в те времена соперничали с ними.

16.10. Конфуцианское снотворное Шан Яна

Сяо, властитель Цинь (361—338 до н. э.), разослал повеление всем ученым людям Китая предстать перед собой. Он хотел испытать их дарования. Шан Ян, услышав об этом и находясь в государстве Вэй, недолго раздумывал и в 361 г. отправился в Цинь. Благодаря рекомендации Цзин Цзяня, одного из придворных властителя, его допустили к аудиенции.

Во время первой аудиенции властитель заснул, пока Шан Ян с ним беседовал. Через пять дней последовала вторая аудиенция, но высказанные и на ней теории не тронули властителя. Только на третьей аудиенции слова Шан Яна начали интересовать властителя. На четвертой аудиенции интерес властителя возрос настолько, что последующие споры с Шан Яном продолжались много дней.

Цзин Цзянь спросил Шан Яна: «Властитель совершенно переменяет свое отношение к тебе. Как ты этого добился?» Шан Ян отвечал: «На двух первых аудиенциях я говорил о конфуцианском пути властителей древности, но правитель Сяо нашел конфуцианские методы управления не особенно действенными. Чтобы добиться успеха на этом пути, нужны усилия в течение десятков и сотен лет, ибо, согласно конфуцианскому учению, властители древности действовали лишь лучистой силой своей добродетели. Но требуется долгое время, чтобы добродетель осветила всю страну. Какой нынешний властитель возьмет на себя подобный

²¹¹ Шан Ян был не только законником, но и прямым апологетом силы и аморальности политики. Он утверждал, что «государство может достичь спокойствия благодаря земледелию и войне... на государство, которое любит силу, трудно напасть, а государство, на которое трудно напасть, непременно добьется процветания». Шан Ян выступал проповедником тотальных методов ведения войны. «Если войска совершают действия, на которые не отважится противник, — это значит, что страна сильна. Если во время войны страна совершает действия, которых противник устыдился бы, то она будет в выигрыше», — утверждал легистский канон (см.: Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит. Вступ. ст. и комм. Л. С. Переломова. М., 1968. С. 150-151, 156).

труд? Потому правителю Сяо эти методы правления и показались неудовлетворительными. Потом я начал излагать ему мысли Школы законников о построении богатого государства с сильной армией. Эта цель может быть достигнута в кратчайшие сроки с помощью жесткой, поддерживающей крестьян и ориентированной на войну, заложенной в законах системы наказаний и поощрений, и при этом требование добродетельности властителя может и не выполняться. Поэтому правитель Сяо и заинтересовался».

Тайваньский автор объясняет, что Шан Ян сначала изложил властителю Сяо противоположную позицию, то есть конфуцианскую доктрину. Пытаясь убедить его в правильности собственной теории — теории Школы законников, он сначала изложил воззрения оппонента, но сделал это таким образом, чтобы внушить властителю к ним отвращение. Когда властитель уже умирал от скуки над этой доктриной, Шан Ян начал объяснять теорию

Школы законников; таким образом, скучный рассказ о противоположной точке зрения был лишь средством вернее приобрести в правителе сторонника собственной позиции. Так же объясняет эту историю и Сыма Цянь, которому принадлежит древнейшая биография Шан Яна: «При ближайшем рассмотрении становится ясно, что Шан Ян, надеясь свести властителя Сяо с пути древних императоров и царей, употреблял фальшивые аргументы. Истинные его намерения были в другом».

16.11. Через расхлябанность — к строгости нравов

Правитель Цзин назначил Янь Цзы управляющим Дуньэ. Через три года по всей стране о Янь Цзы говорили только дурное. Правитель Цзин был этим недоволен и призвал его ко двору, чтобы уволить. Янь Цзы, оправдываясь, сказал: «Я сознаю свои ошибки, но прошу оставить меня в Дуньэ еще на три года. После этого обо мне будут говорить во всей стране только хорошее».

Правитель Цзин не смог отказать ему в просьбе и опять поставил его управляющим в Дуньэ. Через три года по всей стране действительно говорили о нем только хорошее. Это порадовало правителя Цзина, и он опять призвал его ко двору, на этот раз чтобы наградить. Но Янь Цзы отказался от подарка и не хотел ничего принять.

Когда правитель Цзин спросил его о причинах его поведения, он отвечал: «Поскольку я заботился о благополучии Дуньэ, я приказал строить дороги и принял поспешные меры к увеличению населения, этим я не понравился дурным. Я награждал бережливых и прилежных и всех, кто выказывал заботу о детях и братскую любовь. Я наказывал воровавших время и бесполезных. Этим я не понравился ленивым. При наказаниях я не выделял благородных и могущественных. Этим я не понравился благородным и могущественным. Если у меня требовали чего-либо мои приближенные, я разрешал им то, что было согласно с законом, и запрещал то, что было противно закону. Этим я не понравился своим приближенным. Когда я принимал своих начальников, я никогда не переступал требований религиозных обрядов. За это меня невзлюбили мои начальники. Так произошло, что все эти люди стали распространять обо мне дурные речи и повторять свою хулу при дворе. Через три года эти обвинения дошли до вас. На этот раз я стал все делать по-другому. Я не стал строить дорог и отложил в долгий ящик меры по увеличению населения. Тут возрадовались дурные. Я стал обижать бережливых и прилежных и всех, кто проявлял заботу о детях и братскую любовь. Я перестал наказывать воровавших время и бесполезных. От этого возрадовались ленивые. При наказаниях я начал выделять благородных и могущественных. Потому возрадовались благородные и могущественные. Все, что у меня требовали мои приближенные, я им разрешил. Потому возрадовались мои приближенные. Когда я принимал своих начальников, я стал делать то, что запрещают обряды. Поэтому возрадовались мои начальники. Так и получилось, что все эти люди стали петь мне хвалу по всему миру и довели ее до твоих ушей. Раньше ты хотел меня наказать за то, что достойно было вознаграждения, а теперь хочешь наградить за то, что достойно наказания. Таковы причины того, что я не хочу принять твоей награды».

Тогда правитель Цзин признал в Янь Цзы искусного чиновника и назначил его управляющим всей страны. Через три года государство Ци достигло большого подъема.

Согласно этому анекдоту из «Янь Цзы Чунь Цк» («Вёсны и Осени Янь Цзы», см. 3.4), Янь Цзы хотел завоевать доверие правителя Цзина. Прямым путем — справедливым управлением Дуньэ — ему это не удалось; правитель Цзин едва не прогнал его со службы. Тогда Янь Цзы на три года отпустил вожжи. Тем, что он отказался от всех своих принципов при управлении, он обходным путем заслужил положительные отзывы, возвратил благоволение правителя и после этого искусной речью сумел склонить его слух к восприятию своей точки зрения на управление.

Таким образом, благодаря временной сдаче позиций Янь Цзы не только добился высочайшего поста в государстве, но и убедил правителя в своей высокой нравственности.

16.12. Обман до последней страницы

Каким образом молодой ученый Ань Цзи в «Повести о смелой девушке» (Вэнь Кан, XIX в.) во время дальней поездки к отцу был спасен сестрицей Тринадцать из когтей бандитов, уже было описано (см. 8.9: Брачное посредничество). Впоследствии молодой Ань Цзи рассказал своему отцу о чудесном спасении.

Отец Ань хотел познакомиться со спасительницей своего сына, но сын не знал, как ее найти. Что касается места ее жительства, он знал только стихотворение, которое она написала на стене монастыря, где укрывались разбойники. В последних строках говорилось:

Если вы будете меня искать,

Найти меня можно где-нибудь в облаках.

Отец погрузился в размышления, непрестанно бормоча себе под нос последнюю строчку стихотворения, «где-нибудь в облаках», а также выводил пальцем на тарелке три иероглифа, означавшие «сестрица Тринадцать». Внезапно он ударил кулаком по столу и воскликнул, просветлев лицом: «Догадался!»

Сын, конечно, стал его расспрашивать. Тот отвечал: «Я уверен в себе. Но сейчас не время мне открываться тебе. Подожди немного. Скоро я начну говорить и действовать».

Таким образом, юноша с головой, полной домыслов, вынужден был набраться терпения. Автор пишет:

«Но не только юный Ань мучился сомнениями. Также и читатели этой книги должны будут испытывать муки нетерпения. Ибо как другие авторы пишут романы, в которых они, чтобы привлечь читателя, сначала его «отпускают», так и я поведу себя не иначе в моей повести и буду рассказывать все по порядку, от головы до хвоста. Так что терпение, читатель, все узнаешь в назначенное время».

И Вэнь Кан открыл тайну сестрицы Тринадцать только в самом конце романа, переведенного на немецкий Францем Куном под заголовком «Черная всадница».

Вэнь Кан воспользовался здесь Стратagemой № 16 как литературным приемом. Он хочет «поймать» внимание читателя, которое, конечно, должно постепенно ослабевать по ходу действия романа. Средство полностью завладеть читателем состоит в том, чтобы перед самой разгадкой загадочных происшествий вновь погрязнуть его в неизвестность. Этим автор все время подстегивает любопытство читателя и тем удерживает его внимание до самого конца книги.

16.13. Фальшивое бриллиантовое кольцо

Применение Стратagemы № 16 в качестве литературного приема приписывается в китайских литературоведческих трудах также Ги де Мопассану, а именно его новелле «Колье».

Матильда, очаровательная девушка из бедной семьи, вышла за мелкого служащего министерства культуры. Она была несчастна, потому что чувствовала себя рожденной для блестящего общества и роскоши, а жила в бедно обставленной квартирке. От этого она страдала и раздражалась. Она мечтала о роскошном жилище, увешанном восточными коврами и уставленном бронзовыми канделябрами, о блеске и роскоши.

Случилось так, что министр культуры пригласил ее мужа и ее на вечер. Конечно, это польстило ее самолюбию, но у нее не было подходящего туалета. Тогда муж купил ей за 400 франков, которые хранил для других целей, вечернее платье. Теперь Матильде не хватало только подходящего украшения. Она грустила, пока ее богатая подруга Форестье не одолжила ей чудесное бриллиантовое кольцо. На вечере все взгляды были устремлены на нее, все хотели быть ей представленными. Она понравилась самому министру культуры. Она танцевала, пьяная от счастья, забывшись в триумфе своей красоты, в блеске успеха, как на облаке...

Далее история обретает неожиданный поворот. Когда вечер кончился, Матильда обнаружила, что потеряла кольцо. Чтобы возместить ущерб, она должна была в течение десяти лет тяжело и изнурительно работать, причем в конце узнала, что подруга одолжила ей фальшивое кольцо. Тяжелая работа отняла всю ее красоту, и она превратилась в замученную домохозяйку.

Китайский комментатор поясняет:

«Освобождение героини в первой части истории служит для того, чтобы опять «поймать» ее во второй части. Сначала Ги де Мопассан позволяет героине вскарабкаться на вершину счастья, чтобы потом упасть с

нее еще ниже».

Китайский комментатор квалифицирует это как применение Стратегемы № 16. Некий Хуан Хайгэнь написал, явно под влиянием Мопассана, короткую новеллу под названием «Колье» — заглавие также представляет собой китайский перевод заглавия новеллы Мопассана.

16.14. Линь Чун вновь и вновь выходит из положения

В работе «Беседы о диалектике искусства» (Пекин, 1985) Ян Маолинь и Ли Вэньтянь обнаруживают литературное применение Стратегемы № 16 в романе минского времени «Речные заводы».

Когда один молодой человек пристал к супруге Линь Чуна, Линь Чун уже занес над ним кулак, чтобы свалить на землю, как вдруг узнал, что перед ним приемный сын его начальника, предводителя Гао Цю. Он сразу убрал руки и увел свою жену. От стыда за свой промах и любовной тоски молодой Гао заболел. Когда его приемный отец Гао Цю узнал причину болезни, он измыслил вместе с лесником Лу стратегию, с помощью которой собирался сжить со света Линь Чуна. Первый их прием состоял в том, чтобы побудить Линь Чуна купить дорогую саблю. На следующий день два посланца от предводителя сообщили, что Гао Цю, у которого тоже была дорогая сабля, услышал о новом приобретении и хочет сравнить свою саблю с саблей Линь Чуна и что Линь Чун должен немедленно отправиться к предводителю.

Линь Чун не заметил хитрости и поспешил во дворец. Там его провели в зал Белого тигра и оставили ждать. Когда Линь Чуна охватили сомнения и он уже собрался уходить, вошел предводитель и воскликнул: «Никто тебя не звал! Как ты осмелился самовольно войти в зал Белого тигра? Разве ты не знаешь закона? Я вижу саблю у тебя на поясе! Ты собирался меня убить!» Линь Чуна схватили и отвезли в Кайфын, чтобы обезглавить. Таков был первый арест Линь Чуна.

Однако писец законов Сунь Дин из Высшего законодательного двора, который расследовал дело, обнаружил интригу. Он сделал так, чтобы Линь Чуна отпустили, заклеив его, дав 20 палочных ударов и сослав в Цанчжоу. Так автор даровал Линь Чуну первое освобождение.

Старый Гао подкупил стражей, которые сопровождали Линь Чуна к месту ссылки, чтобы они убили его по дороге. И действительно, они завели Линь Чуна в лес Дикого кабана и привязали к дереву. Уже занесена дубина, чтобы нанести ему смертельный удар в висок. Таково второе пленение Линь Чуна.

Тут раздается громоподобный рев. Это явился монах Лу Чжишэнь, бывший императорский капитан и приятель Линь Чуна.

Он с руганью налетел на обеих палачей. Линь Чун спасен. Это его второе освобождение.

Под защитой Лу Чжишэня Линь Чун благополучно прибывает к месту своей ссылки. Там ему сначала достается место охранника в храме Верховного бога небес. Позже первый тюремщик открывает ему, что имеет для него особое задание. Он должен как можно быстрее сменить старого солдата, который управляет находящейся в пяти милях от города житницей для боевых коней. Тут старому Гао, который все еще покушается на жизнь Линь Чуна и при этом пытается убедить его тестя отдать дочь в жены молодому Гао, приходит в голову новая стратегема. Он подкупает тюремщика. В ту ночь, когда Линь Чун должен взять на себя бразды правления в житнице, житница должна загореться, а Линь Чун — погибнуть в пламени. Таково третье пленение Линь Чуна.

Однако случилось так, что Линь Чун в ночь, на которую назначено злодейство, был в кабаке. Возвращаясь оттуда, он видит, что соломенная крыша житницы продавлена слоем снега. Линь Чун отправляется спать в близлежащий уединенный горный храм и внезапно пробуждается от шума и треска. Через трещину в стене он видит, что житница ярко пылает. Так он спасся в третий раз. Три жулика, которые устроили пожар по приказанию старого Гао, приходят в храм, но не могут открыть ворота, поскольку под них подложен камень. Линь Чун подслушивает беседу и узнает об их планах. В гневе он выскакивает из храма и убивает всех троих. После этого, не питая надежд на правосудие, он присоединяется к восставшим крестьянам, так называемым разбойникам с Ляншаньских болот.

Оба китайских комментатора обращают внимание на крутые повороты хода действия в этой истории. Из ситуации максимально неблагоприятной для героя он сразу же попадает, наоборот, в удачное положение. Читатель, самоидентифицирующийся с главным героем Линь Чуном, то и дело оказывается в пучине глубочайших несчастий, чтобы затем выйти из них невредимым, благодаря чему судьба героя вновь и вновь вызывает на его лбу холодный пот.

16.15. Сначала совет, а потом выговор

Каждый виновник автомобильной аварии, даже самый закоренелый, в первый момент чувствует шок и стыд. Если в этом состоянии ума его обругать, часто бывает, что от виновника отлетает раскаяние и он начинает сопротивляться, вместо того чтобы признать свою ошибку. Поэтому с виновником аварии нужно разговаривать по-хорошему, утешать его, выслушивать его объяснения и ждать, пока его возбуждение уляжется, чтобы только после этого сделать ему выговор. Только так можно надеяться на успех в обращении с виновником дорожного происшествия.

Таким образом, сначала следует отпустить на свободу чувство вины, потому что в этой фазе человека нельзя убедить с помощью поучений. Только когда возбуждение пройдет, наступит время для выговора.

Таким советом в духе конфуцианской добродетели снабжена Стратегема № 16 в изложении одного тайбэйского специалиста по стратегемам.

16.16. Захвалить до смерти

«Когда нет другого выхода, то часто прибегают к лести. После этого захваленный становится беззащитен, и его низвергают с высот».

Эту максиму якобы приписал Линь Бяо (1907-1971) на полях книги Сталина «Вопросы ленинизма». К этому времени Линь Бяо был объявлен официальным преемником Мао Цзэдуна. Однако в 1971 г. после неудачного путча против Мао он попытался угнать самолет и бежать в Советский Союз. После этого Линь Бяо был заклеен в КНР как смертельный враг Мао. Максима Линь Бяо послужила доказательством для обвинения в том, что Линь Бяо собирался «убить Мао хвалой» (журнал «Лиши яньцзю», «Исторические исследования»). Пекин).

В КНР идеи Мао Цзэдуна насаждались повсеместно. Открыто противостоять им значило совершить самоубийство. Следовательно, такому врагу, как Линь Бяо, ничего не оставалось, кроме как изображать самого верного последователя Мао. Но с целью дискредитировать идеи Мао и самого Мао Линь Бяо предпринимал все, чтобы вознести его как можно выше. Так, он называл Мао «гением, который рождается раз в тысячелетие», «Мао — гений гениев», «Идеи Мао Цзэдуна превосходят материальные силы и могут заменить их», «Идеи Мао Цзэдуна — вершина человеческой мысли», «Каждая фраза Мао Цзэдуна представляет собой истину в последней инстанции». Развивая таким образом культ Мао, Линь Бяо создавал условия для того, чтобы довести этот культ до абсурда и скинуть Мао с пьедестала.

Здесь тоже можно наблюдать применение Стратегемы № 16: противнику предоставляется полная свобода действий, что способствует расцвету в нем тщеславия и самодовольства; следствием этого является всеобщее противодействие и отвращение к нему, благодаря чему можно нанести ему смертельный удар с полного согласия широких слоев населения. Произошедшее с Линь Бяо невольно напоминает историю об уличных мальчишках, кричавших всаднику: «Какая прекрасная лошадь! Быстрее, быстрее!» Всадник, возгордившийся от похвалы, все нахлестывал и нахлестывал свою лошадь, наконец у нее на морде появилась белая пена, и она замедлила бег. Но мальчишки все кричали: «Быстрее, быстрее!» — и всадник все погонял ее. Лошадь упала и издохла.

16.17. Западня высокомерию

Однажды в 1925 г. один начальник отряда доложил командиру Хэ Луну из Фэнчжоу (провинция Хунань), что он поймал поблизости от города Цзиньши английского торговца, пытавшегося заниматься контрабандой оружия и опиума, и отобрал у него товар. Вскоре явился служащий английского посольства с китайским представителем из управления провинции. Англичанин выглядел высокомерным и агрессивным.

Хэ Лун проводил гостей в приемную и спросил об их деле.

«Ваш подчиненный ограбил торговца из нашей страны, который привез товары в Цзиньши. Я требую, чтобы вы навели порядок».

Хэ Лун спокойно ответил: «Я знаю об этом происшествии. Я как раз предпринимаю расследование. Как только оно закончится, я приму необходимые меры».

Англичанин подумал, что ему удалось запугать Хэ Луну. Еще более высокомерно он продолжал: «Все украденные вещи должны быть возвращены».

Хэ Лун отвечал: «В таком случае я прошу вас указать все пропавшие вещи вот в этом формуляре». Своей наивной реакцией Хэ Лун вызвал у высокомерного англичанина уверенность, что ему удастся беспрепятственно вернуть все контрабандное добро. Он не понял, что Хэ Лун воспользовался Стратегией № 16, и записал все предметы в формуляр. В этот момент вошел солдат и сообщил Хэ Луну: «Расследование закончено, наши люди действительно отобрали у английского купца товар. Это было оружие и опиум».

«Хорошо», — сказал Хэ Лун. Он обратился к английскому чиновнику: «Пишите все».

Тот так и сделал и подписал список. Хэ Лун взял листок и внимательно прочел его. Тут лицо его стало серьезным, и он ударил кулаком по столу. «Я как раз и предвидел, что это торговец оружием и наркотиками». Он приказал доставить конфискованную контрабанду и сравнил с заполненным формуляром. «Вы преступаете китайские законы». Английский чиновник сдался без боя.

Эту историю я прочел в пекинской газете «Чжунго циннянь бао». Маршал Хэ Лун (1896—1969) был одним из основателей китайской Красной армии. После 1949 г. он, в частности, служил заместителем премьер-министра КНР, а также был крупным организатором спорта.

16.18. Мечтать о съеденной рыбе в пруду

Яо, легендарный император китайской древности, назначил своим преемником добродетельного Шуня. Это возбудило зависть в младшем брате Шуня, Сяне. Он подумывал об убийстве. Однажды Шунь чистил колодец. Сделав работу, он вылез через дополнительную шахту. Сян думал, что Шунь еще находится в колодце, и завалил отверстие, чтобы убить Шуня. Затем он направился в замок Шуня. Там он увидел, что Шунь сидит на кровати и играет на цитре с гнутой декой. Сян разыграл радость: «Братец, как я по тебе соскучился!» Когда Шунь увидел Сяна, он действительно обрадовался: «Ты пришел как раз вовремя. Я собираюсь подумать о важнейших делах империи. Помоги мне, пожалуйста, с государственными делами».

Когда Ван Чжан прочел эту историю, он очень взволновался. Он спросил своего учителя Мэн-цзы (ум. 289 до н. э.), второго по величине представителя конфуцианского учения: «Если все было так, как написано в книге, не была ли радость Шуня также разыграна?»

Мэн-цзы отвечал: «Нет, Шунь был добродетельным мужем. Когда он увидел, что его младший брат счастлив, он тоже обрадовался».

Однажды Цы Чань, министр Чжэн, получил в подарок живую рыбу. Цы Чань не решился сам убить рыбу, чтобы съесть ее, и попросил стража пруда бросить ее в пруд. Но вместо этого страж пруда убил рыбу и съел. Потом он сообщил Цы Чаню, что отпустил рыбу и что якобы сначала она выглядела в воде как мертвая, а потом вновь зашевелилась и исчезла. Цы Чань весьма обрадовался.

Страж пруда сказал другим: «Как могут говорить о Цы Чане, что он мудр? Я съел рыбу, а он грезит, что она плавает в пруду».

Смысл этих притч, приведенных в книге Мэн-цзы, которые я перевел из нового появившегося в КНР издания, кристаллизован в китайском выражении: «Ци и ци фан». Это означает: «Обмануть кого-либо с помощью его же образа мыслей». Такое поведение рассматривается как особо утонченное применение Стратегии № 16: противнику предоставляется полная свобода мнения, свобода желаний, действий, невмешательство в круг его знаний, в то время как контрагент действует исходя из совершенно другого представления о мире, других стремлений и из другого круга знаний. Таким образом, противник по собственному желанию оказывается пленником миража, в истинности которого ему даже не приходит в голову усомниться. В данном случае речь идет о том, что человек как бы отпускается «на свободу», то есть во власть своих ошибочных убеждений. Любая «незапланированная» мысль обеспокоила бы его, даже ужаснула, и, вместо того чтобы заполучить его, контрагент рисковал бы его потерять. Приходится так искажать истину, чтобы она подошла к привычному образу мыслей жертвы, поскольку правде он доверять не сможет. Часто приходится лгать, чтобы думали, что ты говоришь правду, потому что, если скажешь правду, подумают, что ты лжец. Это можно проиллюстрировать «минутным рассказом» Бай Сяои. Он появился весной 1985 г. в молодежном сборнике миниатюр, вышедшем тиражом 30 тыс. экземпляров. Я перевел его по публикации в «Чжунго циннянь бао» («Китайская молодежная газета»), официальном органе китайского комсомола.

16.19. Взрыв в гостиной

Хозяин разлил чай по чашкам и расставил их перед гостями. Затем он накрыл чашки крышками, при этом раздавался слабый звон. Хозяин увидел, что кое-чего еще не хватает, поставил термос на пол и поспешил в

соседнюю комнату. Оба гостя, отец и его десятилетняя дочь, услышали, как открываются дверцы шкафов и достаются какие-то предметы.

Дочь стояла у окна и разглядывала цветы. Пальцы отца приближались к тонкой ручке чашки. Вдруг раздался треск, подобный взрыву. Термос на полу оказался опрокинут. Дочь обернулась и быстро огляделась. Все выглядело как и раньше, и все же произошло нечто сверхъестественное. Ни она, ни ее отец не дотрагивались до термоса. После того как хозяин поставил его на пол, он покачался немного, но переворачиваться не собирался.

Взрыв заставил хозяина поспешить к гостям. В руке у него была коробка с сахаром-рафинадом. Он заметил дымящуюся лужу и машинально проговорил: «Ничего, ничего!»

Отец, казалось, сначала хотел что-то сказать, но тут же овладел собой. Затем он произнес: «Я очень сожалею, кажется, я толкнул его».

«Да ничего», — равнодушно ответил хозяин.

На обратном пути дочь спросила: «Ты что, действительно опрокинул термос?»

«Я был к нему ближе всех», — отвечал отец.

«Но ведь ты до него даже не дотронулся. Я как раз видела твое отражение в окне. Ты вообще не шевелился».

Отец рассмеялся: «А что же мне было делать?»

«Термос упал сам, потому что пол неровный. Он же закачался, когда дядя Ли поставил его на пол. Папа, почему же ты сказал, что ты...»

«Но ведь дядя Ли не видел, как он упал».

«Ты мог бы ему объяснить».

«Ничего бы не получилось, детка. Лучше было заявить, что я его толкнул. Это звучало правдоподобнее. Бывает так, что ты просто не знаешь, что случилось, и чем правдивее твои утверждения, тем лживее они кажутся и тем меньше народу тебе верит».

Дочь минуту помолчала.

«Значит, только так и можно было себя вести?» — спросила она.

«Только так!»

16.20. Автономный покупатель

Советы, напоминающие китайскую Стратагему № 16, дает Марк Х. Маккормак в книге «Что не изучается в Гарвардской школе бизнеса», в главе под названием «Стратагемы».

Маккормак настоятельно советует продавцам в некоторых случаях позволять товару сначала самому воздействовать на покупателя, вместо того чтобы сразу начинать его расхваливать. Если оставить покупателя в покое перед лицом товара, его фантазия и вождление разыгрываются куда сильнее. Так что в данном случае покупатель скорее оценит преимущества товара.

Далее Маккормак советует:

«Если вы доверяете своему товару и знаете, что он удовлетворит покупателя, отдайте ему товар и скажите, что о цене договоритесь потом; это больше привлекает покупателя, чем если сразу установить твердую цену. Конечно, для этого вы должны хорошо знать покупателя. Есть покупатели, которые с легкостью приписывают нули, но бывают и такие, которые их вычеркивают».

16.21. Трижды посетить соломенную хижину

Вновь я обращаюсь к Чжугэ Ляну (181—234), советнику основателя государства Шу-Хань Лю Бэя (161—

223) из эпохи Троецарствия. Как установились отношения нерушимого доверия между этими двоими людьми?²¹²

Сначала о Чжугэ Ляне. Он скромно жил в горах Лунчжун близ города Сяньян (нынешняя провинция Хубэй) и оттуда наблюдал за ходом китайской политики. В дружеском кругу он часто сравнивал себя с Гуань Чжуном и Юэ И, великими старыми мастерами политического и военного искусства доимператорского Китая. Для воплощения его мечты ему не хватало только найти такую личность, на службе у которой он мог бы находиться. Ему не казалось возможным связывать свою карьеру ни с одной из установившихся политических группировок. Более или менее подходящим казался Лю Бэй. Его далеко идущие планы стать главой всего Китая не имели под собой никакой опоры, однако как отдаленный родственник Ханьского императорского дома он излучал некоторое обаяние величия.

Чжугэ Лян узнал, что Лю Бэй ищет советника. Таким образом, ему выпадал шанс. И он решил употребить все силы, чтобы завоевать сердце Лю Бэя. Поэтому он поручил различным преданным ему людям поговорить о нем с Лю Бэем.

Лю Бэй, который, помимо всего прочего, страдал от сознания надвигающейся старости, в последнее время потерпел ряд поражений. В битве с Цао Цао он потерял практически всю свою армию. Затем он с трудом избежал двух покушений со стороны Лю Бяо, правителя Цзинчжоу, своего дальнего родственника, под покровительство которого отдался. Казалось, уже все потеряно. После бегства из Сяньяна, где он пережил второе покушение, он встретил отшельника Сыма Хоя, прозванного господином Водяное Зеркало. Лю Бэй сказал: «Я случайно проходил поблизости, и мальчишка подпасок привел меня к вам. Какое счастье иметь возможность вас приветствовать!»

Господин Водяное Зеркало отвечал: «Вы явно спасаетесь от кого-то бегством. Это я заключаю по вашему мокрому платью и утомленному виду. Не следует скрывать правду».

Лю Бэй рассказал ему на это, что произошло в Сяньяне. Водяное Зеркало предложил Лю Бэю чаю и сказал: «Уже давно слышу я о вашей славе. Как попали вы в такое униженное положение?»

Лю Бэй отвечал: «Судьба ко мне неблагоприятна».

Однако господин Водяное Зеркало возразил: «Дело не в судьбе. Вам не хватает верных людей».

С этим Лю Бэй не согласился. Он перечислил имена своих помощников: «Все они остались мне верны».

Водяное Зеркало отвечал: «Конечно, у вас есть прекрасные военные, но трое советников, которых вы назвали, — это просто книжные ученые. Они не способны упорядочить хаос и принести в мир благословение».

Лю Бэй сказал: «Я уже пытался найти какого-нибудь живущего в уединении мудреца, ожидающего своего часа, но пока, к сожалению, безуспешно».

Водяное Зеркало проговорил: «В этой местности собрались все способные люди государства, только ищите».

«Как же мне найти их?» — спросил жадно Лю Бэй.

«Если бы вам удалось заполучить Спящего Дракона, империя была бы ваша».

«Кто же это?»

Водяное Зеркало сложил ладони и, смеясь, сказал: «Ну, ну!»

Когда Лю Бэй спросил его снова, Водяное Зеркало сказал: «Уже поздно. Вы можете переночевать здесь, а завтра мы дальше поболтаем».

После ужина Лю Бэй еще долго лежал с открытыми глазами. Ему все время вспоминались слова Водяного Зеркала. На следующий день Лю Бэй спросил Водяное Зеркало о Спящем Драконе, но тот снова, смеясь, отвечал: «Ну, ну!»

²¹² Начало отношений Лю Бэя с Чжугэ Ляном описывается в гл. 36—38 (см.: Ло Гуаньчжун. Указ. соч. Т. 1. С. 443—478).

Когда Лю Бэй предложил Водяному Зеркалу поступить к нему на службу, тот отказался: «Есть другие, в десять раз более подходящие для того, чтобы стоять рядом с вами. Вы должны только найти их».

Лю Бэй попрощался с Водяным Зеркалом и поскакал в Синье, где встретился со своими побратимами Гуань Юем и Чжан Фэем.

Наконец одному из друзей Чжугэ Ляна удалось поступить на службу к Лю Бэю под вымышленным именем Дань Фу в качестве военного советника. Когда ему случилось в неслужебной обстановке беседовать с Лю Бэем, он упомянул Чжугэ Ляна: «Отец его рано умер, и он рос у дяди в Наньяне. По названию близлежащей горы он принял прозвище Спящий Дракон. После смерти дяди он переехал в горы Лунчжун. Там он живет вместе со своим младшим братом. Если вам удастся получить его в помощники, вы можете больше не беспокоиться о мире в государстве».

Так уже дважды внимание Лю Бэя было обращено на Чжугэ Ляна. Теперь у него была лишь одна цель: нанять Чжугэ Ляна в советники. Взяв богатые дары, он вместе со своими побратимами отправился на поиски Чжугэ Ляна. Как пишет тайбэйская книга о стратегах, Чжугэ Лян втайне принял меры, чтобы еще выше подняться во мнении Лю Бэя. Когда Лю Бэй приблизился к Лунчжунским горам, он услышал, как крестьяне в поле пели песню, полную аллегорий и упоминаний мудрого отшельника. Когда Лю Бэй спросил, кто автор песни, они назвали Чжугэ Ляна и показали Лю Бэю дорогу к его соломенной хижине.

Но Чжугэ Лян, который втайне больше всего на свете хотел попасть на службу к Лю Бэю, отсутствовал. Это еще более подстегнуло интерес Лю Бэя. Заинтригованный, он вернулся в Синье. По дороге он встретил, конечно случайно, Цуй Чжоупина, друга Чжугэ Ляна. Тот в краткой беседе с Лю Бэем проявил глубокую мудрость. Из Синье Лю Бэй послал шпионов в горы Лунчжун, чтобы те наблюдали за Чжугэ Ляном. Они сообщили Лю Бэю, что Чжугэ Лян теперь вернулся в свою соломенную хижину. Лю Бэй отправился к нему снова. Его верный сторонник Чжан Фэй сказал было, что Чжугэ Лян простая деревенщина и Лю Бэю следует просто привезти его силой, но тот отвечал: «Как мог бы я приказывать величайшему мудрецу нашего времени?»

Итак, Лю Бэй опять поехал в сопровождении своих побратимов в Лунчжунские горы. Была середина зимы и очень холодно. Оба его спутника повернули назад, но Лю Бэй подумал: «Если я выдержу эту снежную бурю, я докажу тем Чжугэ Ляну мое почтение».

Но Чжугэ Ляна опять не было дома. Его младший брат, бывший в хижине, сказал Лю Бэю, что объект его поисков отправился в путешествие вместе с Цуй Чжоупином, причем точно неизвестно куда. Так что Лю Бэй во второй раз вынужден был вернуться ни с чем, правда оставив Чжугэ Ляну записку. В ней Лю Бэй выразил глубочайшее сожаление в том, что опять не встретил его. Он надеется, что Чжугэ Лян поможет ему умиротворить государство. Он еще придет к нему. Перед этим, однако, он постарается очиститься с помощью поста и омовений лекарственными настоями.

Теперь Лю Бэй дождался весны и приказал выбрать благоприятный день с помощью искусных предсказателей по «И цзину». После этого он в третий раз отправился в соломенную хижину Чжугэ Ляна. Чтобы продемонстрировать свое уважение, последнюю милю он не проехал на лошади, а прошел пешком.

Теперь мальчик, который жил в хижине Чжугэ Ляна, сообщил, что хозяин вчера вернулся.

«Пожалуйста, сообщи, что я пришел, чтобы повидаться с ним».

«Хозяин, конечно, дома, но сейчас он спит».

«Ну, тогда подожди с сообщением».

Лю Бэй попросил обоих своих спутников подождать перед хижинкой, а сам потихоньку вошел в нее и увидел Чжугэ Ляна, погруженного в глубокий сон, на циновке.

Лю Бэй в знак приветствия сложил руки на высоте груди и молча ожидал, стоя в ногах циновки. Прошло довольно много времени, а хозяин все не просыпался. Наконец он пошевелился, но только для того, чтобы перевернуться на другой бок лицом к стене. Юный слуга хотел его разбудить, но Лю Бэй не разрешил.

Еще целый час он стоял и ждал. Наконец Спящий Дракон открыл глаза. Он обратился к мальчику: «Что, гости пришли?»

«Это Лю Бэй, дядя императора. Он уже давно тут стоит, ожидая вас».

«Что же ты мне раньше не сказал? Дай мне сменить одежду». И Чжугэ Лян исчез в отгороженном углу,

откуда вскоре вышел тщательно одетый. В последующей беседе Чжугэ Лян изложил свой план того, как Лю Бэю стать императором. Он предложил Лю Бэю укрепить в качестве базы своей военной мощи область нынешней провинции Сычуань, затем установить отношения с Сунь Цюанем, властителем лежащего к востоку государства У, завоевать варваров на западе и на юге и объединенными силами ударить по Цао Цао, властителю северного государства Вэй.

Лю Бэю сразу же понравились советы Чжугэ Ляна. Обсуждение стратегии в Лунчжунских горах кончилось тем, что Лю Бэй возбужденно вскочил, скрестил руки на груди в знак почтения и воскликнул: «С тех пор как я вас послушал, мне блеснул свет впереди. Как будто черные тучи разогнано ветром и я увидел вновь голубое небо. У меня нет сейчас имени и мало добродетелей, но надеюсь, что Учитель не пренебрежет мною, ничтожным, и покинет свое уединение, чтобы помогать мне. Я буду с величайшим почтением следовать вашим указаниям».

Чжугэ Лян ответил: «Уже давно возделываю я здесь свое поле и счастлив этим. У меня нет желания отправляться в широкий мир, и я не смогу следовать вашему зову».

Лю Бэй начал плакать: «Если вы не выйдете в мир, что же будет с нашим бедным народом?»

Когда Чжугэ Лян увидел, что рукава Лю Бэя омочены в слезах, у него не осталось более сомнения в твердом намерении Лю Бэя опереться на него. Жаждающее мудрого советника сердце Лю Бэя теперь было у него в руках, так что Чжугэ Лян больше не отказывался. Так началось его молниеносное возвышение в качестве советника Лю Бэя, слепо доверявшего ему.

С этого эпизода из романа «Троецарствие», который большинство исторических трудов относит к 207 г., а его историческая достоверность ни у кого не вызывает сомнений, возникает нерушимое доверие между Лю Бэем и Чжугэ Ляном. Здесь, согласно гонконгской книге о стратагемах, которую в основных чертах поддерживает пекинская книга о стратагемах от 1986 г., Чжугэ

Лян использовал Стратегему № 16: он дважды отпускал Лю Бэя, с тем чтобы на третий раз прочнее привязать его к себе.

Это событие до сих пор живет в китайской поговорке: «Сань гу мао лу» («Трижды посетить соломенную хижину»)²¹³.

*

16.22. Зловещее предчувствие смерти

В походе против северного царства Вэй Лю Бэй, не послушавшись советов Чжугэ Ляна, потерпел тяжелое поражение. От тоски и раскаяния он заболел и слег в городе Байдичэн. Когда его состояние серьезно ухудшилось, он использовал против Чжугэ Ляна Стратегему № 16. Полный страха, что его династия может прерваться, в час своей смерти он пригласил Чжугэ Ляна. Сначала он сказал ему сквозь слезы: «Благодаря вашим советам я мог завоевать империю, но способности мои были слишком малы. Поэтому я не прислушался к вашим советам и потерпел это поражение. Теперь я заболел от печали и вижу уже лик смерти. Мой наследник слаб и неискусен, но мне ничего не остается, как доверить государство ему».

При этих словах слезы побежали у него по щекам. Чжугэ Лян тоже заплакал. Он был глубоко тронут. Затем умирающий Лю Бэй сказал: «Близится мой конец. Я хотел бы поблагодарить вас от души, Теперь вы сможете с легкостью низложить императора Вэй. Вы сможете привести Китай к миру и завершить великий труд. Если вы можете стоять рядом с моим сыном, помогите ему. Но если он покажет себя неспособным, заберите у него трою!»

Когда Чжугэ Лян услышал эти слова, он полностью потерял самообладание и весь покрылся холодным потом. Рыдая, он преклонил колени и поклялся: «Никогда не возжелаю я ничего иного, кроме как до самой смерти верно служить вашему сыну!»

Именно тем, что умирающий властитель предложил Чжугэ Ляну свое государство и даже посоветовал ему государственный переворот против собственного сына, ему удалось возбудить в Чжугэ Ляне чувство верности и обеспечить выживание пошатнувшейся после его поражения династии.

²¹³ Иносказательно это означает: усердно, неоднократно приглашать кого-либо на службу (В. М.).

16.23. Терпение приносит розы

Комментарий к гексаграмме № 5²¹⁴ в «И цзине» — «Книге перемен» — поднимает содержание Стратегемы № 16 до высокого уровня жизненного искусства. Не следует пытаться овладеть своей судьбой, лучше предоставить себя ее течению и ждать:

«Пока время не созрело, не следует заботиться о будущем и пытаться ухватить его. В покое собирается сила, через еду и питье для тела, через радость и благое бытие — для духа. Судьба сама направляет свой путь, и надо быть всегда готовым».

Стратегема № 17. Бросить кирпич, чтобы получить яшму

Четыре иероглифа	抛	磚	引	玉
Современное китайское чтение	пао	чжуань	инь	юй
Перевод каждого иероглифа	бросить	кирпич	получить	яшма
Связный перевод	Бросить кирпич, чтобы получить взамен яшму; отдать что-либо, не имеющее ценности, чтобы за это выманить что-либо ценное; с помощью незначительного дара или благосклонности добиться значительного выигрыша; отдать противной стороне что-либо ненужное ради того, чтобы позже получить что-либо значительно более существенное ²¹⁵ .			
Сущность	Стратегема обмена. Стратегема червяка и рыбки. Стратегема приманки.			

С древних времен яшма является любимым камнем китайцев. Яшма — минерал, который бывает окрашен по-разному в зависимости от содержания железа: он может быть черным, красным, голубым, зеленым и даже белым. В Древнем Китае яшма использовалась в императорской и религиозной символике, а также в украшениях и при декоративной отделке. Яшмовый император — верховное божество в верованиях китайского народа.

Так же как в выражении «Пусть расцветают сто цветов» имеются в виду не настоящие цветы, а различные формы и направления стиля в литературе и искусстве, Стратегема № 17 говорит не о настоящем куске яшмы и не о настоящем кирпиче, как его воспевают Тан Цзицин в пекинской газете «Гунжэнь жибао» («Рабочая газета»), официальном органе китайских профсоюзов, от 19 июля 1987 г.:

Разбуженный ото сна,

Он потрянул с себя долгую грезу Паньгу, создателя мира,

И, перемешанный сильной рукой, обрел крепость,

И в мелодии силы обрел форму.

²¹⁴ Гексаграмма № 5 — стуй — означает «необходимость ждать». Ей сопутствуют афоризмы: «Обладателю правды — изначальное свершение»; «Стойкость — к счастью»; «Благоприятен брод через великую реку». В интерпретации расположения черт отмечается, что, «творя правду теперь, ее реализацию можно предоставить будущему» и что только «подлинное умение выждать и переждать, в конце концов, приводит к счастью» (см.: Щуцкий Ю. К. Указ. соч. С. 242, 294-297).

²¹⁵ Как и многие другие обозначения стратегем, выражение «Пао чжуань инь юй» стало идеоматическим. Кроме тех значений, которые приводятся Х. фон Зенгером, оно употреблялось при диспутах в смысле: изложить свое мнение с целью получить более компетентное суждение со стороны; а также в качестве образца вежливой литературной речи: своими недостойными виршами вызвать такой замечательный ответ (см.: Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И. М. Ошанина. М., 1984. Т. 4. С. 500. № 12972; Китайско-русский словарь / Под ред. проф. И. М. Ошанина. М., 1955. С. 739, № 7712).

Он раскалится в пылающем огне надежды

И достиг свободы в печном жару.

Наконец податливая глыба

Облеклась в краски огня

И в крепость.

Дзинь-дзинь — древняя музыка звона.

Кирпич летит в пустыни и горные долины

И воплощает в жизнь один план за другим.

Так на огромных пространствах Родины

Каждый день вздымается к небу новая строка стихотворения.

Обретение «яшмы» — цель, выбрасывание «кирпича» — средство Стратегемы № 17. При этом и «кирпич» и «яшма» могут употребляться в разнообразных символических значениях. Неудивительно, что гонконгский специалист по стратегемам Ли Цзунъю утверждает: «Эта стратегема имеет самую большую область применения».

17.1. Половина четверостишия

Когда поэт эпохи Тан Чжао Гу однажды приехал в Сучжоу, тамошний поэт Чан Цзянь решил выманить у него несколько стихотворных строк. Он подумал, что Чжао Гу, конечно, посетит Линъяньсы, храм Духа скал. Поэтому Чан Цзянь написал на стене храма два стиха, намеренно не очень искусно составленных, которые принадлежали стихотворной форме, включающей четыре стиха, состоящих из пяти или семи иероглифов.

Когда Чжао Гу посетил храм, его действительно смутило неоконченное четверостишие. Он дописал две недостающие строки и так закончил стихотворение. Оба его стиха оказались значительно искуснее, чем предложенные Чан Цзянем. Поведение Чан Цзяня сохранилось в памяти потомков в поговорке «Бросить кирпич, чтобы получить яшму».

Эта история не соответствует действительности. Чан Цзянь жил в первой половине VIII в., а Чжао Гу — в первой половине IX в. Могло ли неоконченное четверостишие Чан Цзяня на стене храма сто лет спустя вдохновить Чжао Гу на два дополнительных стиха? Кто знает! Но и в этом случае в рассказе, распространявшемся с эпохи Сун (X—XIII вв.) в десятках трактатов, концы с концами не сходятся.

17.2. Китайский флирт

Женщина, прекрасная, как роскошный, благоухающий на всю страну пион, с кожей блистающей, белой как снег и лицом как искрящаяся яшма. Речь ее подобна щелчку ласточек и напеву тростниковой флейты.

Этими строками начинается веноч стихотворений «Великолепная пара» уйгурского поэта Гуань Юньди (1286—1324). Ему присуща безыскусная естественность, с которой он воспевает отношения между мужчиной и женщиной, например в следующих строках:

Я вижу, что он беспрестанно бросает на меня взгляды.

Это меня очень радует.

Я бросаю ему кирпич, чтобы получить яшму.

Из его печали я надеюсь получить свое счастье.

В данном случае кирпич, по-видимому, обозначает вопрос женщины, изображающий негодование: «Почему вы мне докучаете?» Боль, которую вызывает раздраженный тон вопроса, — это «кирпич», который она бросает тайно любимому ею мужчине. Однако таким образом она предоставляет ему возможность завязать разговор. Более близкое знакомство с ним — это та «яшма», которую в результате получает женщина.

17.3. Любопытный послушник

В эпоху Тан (VII—X вв.) дзенский проповедник Цуншэнь учил своих послушников совместной медитации²¹⁶. Они должны были неподвижно сидеть с закрытыми глазами и путем очищения духа от всех мирских мыслей достигать состояния самоотречения. Однажды перед вечерней медитацией монах объявил: «Сегодня вечером я отвечу на ваши вопросы. Кто достиг самого глубокого погружения в буддийское учение, может выйти вперед».

Все ученики сразу же среагировали на это принятием правильной позы и погружением в глубокую медитацию. Только один молодой послушник, который был о себе очень высокого мнения, вышел вперед и поклонился. Монах Цуншэнь немедленно произнес: «Я-то бросал кирпич, чтобы получить яшму, а глядите-ка, что я получаю: необожженный кирпич!»

Это — анекдот из сборника буддийских поучений эпохи Сун. Предложение монаха, произнесенное перед медитацией, уподобляется кирпичу. Монах надеялся в конце длительной медитации обнаружить ученика, сильно продвинувшегося в познании путем просветления, — «яшму». Но ему это не удалось. Вместо этого он получил любопытного выскочку.

17.4. Позор Девятого дядюшка До

Иногда слова Стратагемы № 17 используются как риторическая фигура, например в романе Ли Жучжэня «Цзин хуа юань» («Цветы в зеркале», приблизительно 1763—1830).

Ученый Тан ао сопровождает своего тестя, купца Линь Чжияна, в морском путешествии. Купец занимается торговлей в дальних странах. С ними едет также 80-летний, но еще крепкий и довольно образованный штурман, Девятый дядюшка До.

Однажды они приезжают в страну Чернозубых. В то время как Линь Чжиян занимается торговлей, Тан ао и Девятый дядюшка До прогуливаются по улочкам столицы. Они заходят в переулок и видят на одной из дверей надпись: «Школа для девочек». Оттуда выходит старик, замечает иностранцев и приглашает на чашку чая. Любопытный Тан ао соглашается, так как хотел бы узнать побольше об этой стране.

В школе гости видят двух 14-летних школьниц с черными лицами, выкрашенными красной краской бровями и выразительными глазами. На одной красное, а на другой пурпурное платье. Приносят чай. Старый учитель говорит ученицам: «Сегодня вам представилась редкая возможность встретиться с двумя великими учеными. Они могут разрешить ваши вопросы, возникшие при обучении. Не прекрасно ли так расширить свои знания?»

Девятый дядюшка До отвечает: «Конечно, я не так глубоко образован, но об обычной книжной науке некоторое представление имею».

На это одетая в пурпурное платье девушка слегка привстала и сказала: «Мы живем в удаленной стране и по природе невежественны. Как можем мы решиться задавать вам вопросы?»

Девятый дядюшка До подумал про себя: «Эта девушка разговаривает не так уж неотесанно. Наверное, она уже училась пару лет. Жаль, что здесь есть только малолетние женщины. Не знаю, о чем с ними и поговорить. Пожалуй, надо ее вызвать на разговор каким-нибудь замечанием. Если она хоть чуть-чуть умеет читать и писать, еще долго можно будет поддерживать беседу».

²¹⁶ Дзен-буддизм достиг в Китае расцвета именно при династии Тан. Тогда же выделились его Южное и Северное направления, а затем и другие ветви. Как отмечает выдающийся японский исследователь Дайсэцу Судзуки: «Из того, что мы можем прочесть в литературе о происхождении Дзена в Индии до его появления в Китае, очень многое настолько перемешано с легендами, что установить какие-либо достоверные факты вообще невозможно». На китайской почве дзен, благодаря особенностям психологии и философии народа, обрел не просто второе дыхание, а был как бы воссоздан заново. «Практический ум китайского народа создал, таким образом, дзен и сделал все возможное для его дальнейшего развития с целью удовлетворения своих религиозных потребностей» (Дзен-буддизм. Дайсэцу Судзуки. Основы дзен-буддизма. Сэкида Кацуки. Практика дзен. Бишкек, 1993. С. 104—105). Проблема религиозного синкретизма в Китае прекрасно проанализирована в монографии Е. Б. Поршневой «Религиозные движения позднесредневекового Китая» (М., 1991). Свои размышления по этому вопросу я изложил в отзыве об этой книге (см.: Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 183-184).

Вслух он сказал: «Ты, о одаренная, ставишь себя уж очень низко. Не будь так стыдлива. Если есть у тебя на сердце какие-нибудь вопросы — спрашивай, не стесняйся. Что знаю, я тебе расскажу».

Тут откликнулся и Тан ао: «Мы давно уже оставили книжное учение. Много лет уже не упражнялись. Боюсь, что наши знания неглубоки, и надеюсь на твои указания, о одаренная».

Услышав из уст Тан ао слово «указания», Девятый дядюшка До проронил многозначительное «хм». Про себя он подумал: «Ведь это же две чужеземные девушки. Ясно, насколько мало у них знаний. Почему почтенный Тан так вежлив с ними? Явно он их слишком высоко оценивает».

Но кто бы мог подумать, что это возможно: девушки выказали глубокие знания и выдающуюся память. Не нашлось ни одной книги, которую бы они не знали. Из их уст речь лилась непрерывным потоком. Девятый дядюшка До, у которого язык был тоже хорошо подвешен, охотно бы срезал какую-нибудь из них, но они не показывали никаких пробелов в знаниях. Тогда он подумал: «Пожалуй, этих девушек не поймаетшь на обычных классиках. Однако, насколько я знаю, «И цзин», «Книга перемен», за границей совершенно неизвестна. Почему бы не вовлечь девушек в разговор о ней? Наверняка здесь предел их знаний».

И он обратился к девушкам: «Я слышал, что «Книга перемен» мало известна за границей. Но здесь, я вижу, культура процветает. Вы, одаренные, много знаете и глубоко начитанны, и, конечно, вам знакомы основные положения «И цзина». С цзийского и ханьского времени [221 до н. э. — 220 н. э.] многие ученые объясняли этот труд. Я хотел бы спросить вас, какую школу комментаторов вы считаете лучшей?»

Девушка в пурпурном платье отвечала: «Между эпохами Хань и Цзинь [206 до н. э. — 420 н. э.] и эпохой Суй [581—618] мне известны, кроме работы Цзы Ся «Комментарий к «И цзину»», состоящей из двух томов, еще 93 комментария. Но знания мои слишком малы, чтобы я решилась их оценивать. Я прошу вас высказать ваше мнение».

Девятый дядюшка До подумал про себя: «Я до сих пор слышал только о 50—60 комментариях, а она говорит о 90, но отказывается о них высказаться. Наверное, она помнит лишь несколько названий, а такое большое число сказала, чтобы похвалиться. Этим она хотела меня устыдить, но я-то понял, в чем дело, и оставлю ее с носом. Также и братец Тан получит удовольствие».

И он сказал: «Я слышал больше чем о 100 комментариях к «И цзину». Меня поражает, что здесь известно только о 93. Не может ли одаренная сказать мне, сколько томов включает каждый комментарий?»

Девушка в пурпурном платье отвечала, улыбаясь: «Сущность каждого комментария я, пожалуй, не смогу припомнить во всех подробностях. Но названия комментариев и число томов, из которых они состоят, я, пожалуй, скажу».

Покраснев, Девятый дядюшка До сказал: «Почему бы одаренной не назвать тогда один-два комментария с именами авторов и числом томов?»

На это девушка в пурпурном перечислила все 93 комментария и подробнейшим образом описала их содержание.

Девятый дядюшка До в смущении слушал это перечисление. В этом списке были все известные ему работы, а также многие другие. «Надеюсь, она не станет теперь испытывать меня. Я ведь ничего не смог бы прибавить», — сказал он себе в изумлении.

Но девушка действительно задала ему тот вопрос, которого он боялся. «Такой великий мудрец, как вы, говорил о 100 комментариях. Я не знаю, идет ли речь об уже перечисленных здесь работах или о совершенно другом списке из 100 комментариев. Пожалуйста, назовите мне одно или два заглавия, чтобы я могла расширить мои знания».

Девятый дядюшка До торопливо ответил: «Все, что мне известно, одаренная уже перечислила. Я уже стар, и память моя не слишком хороша».

Но девушка проявляла настойчивость: «Конечно, содержание отдельных работ мудрец может не очень хорошо помнить, я даже не решаюсь об этом спрашивать. Но авторов и число томов может перечислить каждый школьник. Почему же великий мудрец скрывает от меня знания?»

Девятый дядюшка До ответил: «Но я правда больше ничего не помню. Я вовсе не хочу ничего скрыть».

Девушка в пурпурном платье парировала: «Если великий мудрец не может назвать ни одного комментария, это значит в лучшем случае, что он не хочет меня учить, но в худшем случае это значит, что он хотел меня

обмануть, говоря о 100 комментариях».

Когда Девятый дядюшка До услышал это, он весь покрылся потом и больше ничего не смог сказать. Девушка в пурпурном платье, однако, продолжала: «Только что великий мудрец говорил о 100 книгах. Я ведь прошу только перечислить в дополнение к моим 93 еще 7, так чтобы вместе получилось 100 книг. Это может даже ребенок. Почему же вы не хотите просветить меня?»

Девятому дядюшке До оставалось в его положении только почесывать себе уши и щеки. Она вновь заговорила: «Кто же будет при таком легком вопросе еще медлить с ответом? Ничтожная служанка только что привела в движение свои губы и язык и перечислила многочисленные комментарии. Я хотела бросить кирпич, чтобы получить яшму».

Здесь мы прерываем изложение романа «Цветы в зеркале», действие которого происходит в эпоху Тан. Этот роман более всего знаменит в Китае пронизывающей его идеей равенства полов. Еще Конфуций (551—479 до н. э.) приравнивал женщин к «маленьким людям»: «Женщины и маленькие люди с трудом обучаемы. Если ты приблизишь их к себе, они становятся назойливы, если удалишь — становятся строптивы»²¹⁷.

В Китае женщина рассматривалась как создание космического принципа Инь, пассивной земной стихии, навеки подчиненной мужчине, представителю принципа Ян, активной стихии неба, обволакивающего землю. Китайцы не ограничивались тем, что уродовали женщинам ступни и тем вызывали у них отсталость в физическом развитии.

В духовном отношении женщина тоже была в определенной степени скована. Такое представление о женщине во многих местах романа «Цветы в зеркале» в корне оспаривается. Девятый дядюшка До воплощает мужское чувство превосходства над невежественной женщиной и оказывается пристыжен.

Уже поднаторевший в стратагемах читатель во время чтения этого раздела мог заметить, что Девятый дядюшка До вопросом про «И цзин», «Книгу перемен», хотел применить Стратагему № 15: «Сманить тигра с горы на равнину». Однако это ему совершенно не удалось, и он сам подвергся действию стратагемы. Когда девушка называет их дискуссией кирпичом, которым она хотела выманить у Девятого дядюшки До яшму, она не столько имеет в виду стратагему, сколько пользуется ею, отчасти изображая самоуничтожение, отчасти в шутку, сквозь которую просвечивает сознание собственного превосходства.

²¹⁷ Это отрывок из 17-го раздела основного конфуцианского канона «Луньюй» — «Беседы и суждения». В переводе В. А. Кривцова он звучит следующим образом: «Учитель сказал: «Трудно иметь дело только с женщинами и низкими людьми. Если с ними сближаешься, то они перестают слушаться. Если же от них удаляешься, то неизбежно испытываешь с их стороны ненависть» (Древнекитайская философия. Т. 1. С. 173).

В оригинале канона для обозначения «низких людей» используется термин «сяо жэнь», означающий и людей маленького роста, и людей из низов, простолюдинов. Х. фон Зенгер переводит его как «kleinen Leuten», что действительно означает «маленькие люди», причем «kleinen» имеет даже оттенок «малыши, дети». Конфуций, конечно же, имел в виду простой народ, причем в конфуцианстве характерно противопоставление терминов «цзюньцзы» — «совершенный муж» и «сяо жэнь» — «мелкий человек». «...Над настоящим идейным героем (цзюньцзы), — подчеркивал В. М. Алексеев, анализируя творчество Пу Сунлина, — бесовское наваждение бессильно, и его путь (дао) торжествует, как на каком-то экзамене. Обратно этому мелкий человечек (сяо жэнь), даже если он весь свой век изучал великих людей по Конфуцию, в конце концов подл. За счастье обладать прекрасною женщиной-феей, приходящей к нему неожиданно и незаслуженно, он платит грубою неблагодарностью и вероломством, слушаясь темных, омраченных людей больше, чем своего, казалось бы, просвещенного наукою рассудка» (Алексеев В. М. Указ. соч. С. 304).

В. М. Алексеев подчеркивает, что в учении Конфуция зарождается строгость «поведения ученых и ответственных деятелей», приравниваемая «к благочестию лиц, присутствующих на церемонии богослужения в храме предков. Это строгое поведение требует абсолютного довольства своим делом и судьбой (шоу фэнь, ань фэнь) и воздержания от его превышения (бу юэ ци фань) в виде, например, самозванства (цзянь), бунта против законных властей (луань), насильственного овладения чужим добром (ли) и агрессии (цинь). Все это недостойно ученого историка и моралиста (цзюньцзы), и люди этого типа — низкие пигмеи (сяо жэнь), с которыми ученый не должен ни знать, ни считаться (бу сян вэй моу)» (там же. С. 366).

17.5. Советские гравюры за китайскую бумагу

Древнекитайская девушка в пурпурном платье употребила Стратагему № 17 как риторическое средство самовыражения. Точно так же бывает и в современном Китае, например у Мао Цзэдуна:

«Что касается вопросов культуры, здесь я не специалист... то, что я могу сказать по поводу прогрессивнейших культурных веяний целой страны, скорее можно сравнить с кирпичом, брошенным в ожидании яшмы».

Это цитата из первого абзаца доклада Мао о новой демократии от 1940 г. Примечательно, что слова Стратагемы № 17 опущены в официальном немецком переводе избранных трудов Мао (Пекин, 1968). Здесь вместо кирпича и яшмы говорится о «решающем стимуле для деятелей культуры ради получения их собственных полноценных докладов»²¹⁸.

Длинные статьи их авторы в Китае часто с самоиронией называют «кирпичами». Последний абзац выходящей в Пекине газеты для интеллигентов «Гуанмин жибао» включает статью об изучении английского языка фразой:

«Наши замечания и советы пока не достигли совершенства. Мы только впервые ставим этот вопрос на публичное обсуждение и таким образом бросаем кирпич в ожидании яшмы».

В конце статьи о времени возникновения лозунга «Свобода, равенство, братство» историк Чэнь Цзунь пишет:

«Приведенный выше материал я выписывал попутно при изучении истории Французской революции. Он неполон и требует еще значительных исследований. Поднимая здесь некоторые вопросы, я надеюсь, бросив кирпич, получить яшму».

И Цао Чжэнвэнь пишет в своем детективе «Темные тени над виллой Осеннего аромата», вышедшего в 1985 г., в котором обсуждаются политические нормы Компартии Китая по отношению к частному домовладению:

«Китайский детективный роман, который в течение пятидесяти лет находился под влиянием советского шпионского романа, теперь предпринимает свои первые шаги. Этим маленьким томиком, представляемым на суд читателя, я бросаю кирпич, чтобы получить яшму».

Скорее в шутовском смысле применяет заглавие «Инь юй цзи» («Коллекция полученной яшмы») известнейший китайский писатель XX столетия Синь (1881—1936) к изданному им в 1934 г. собранию русской гравюры по дереву. Когда Лу Синь хотел опубликовать в 1931 г. роман Серафимовича «Железный поток», он узнал из одного журнала о существовании русских гравюр по дереву, иллюстрирующих это произведение. Лу Синь попытался достать иллюстрации. Это ему удалось. Один из его друзей в Советском Союзе послал ему несколько гравюр с замечанием, что они стоят очень дорого, но выше всего русские литографы оценивают китайскую бумагу для печати гравюр. И если Лу Синь пришлет бумагу, то он с легкостью сможет получить гравюры. Когда Лу Синь внимательно рассмотрел присланные оттиски, он увидел, что они действительно сделаны на китайской бумаге, причем на такой, которая применялась в Китае только для бухгалтерских расчетов.

Так что Лу Синь послал в Советский Союз дешевую китайскую и японскую бумагу — «кирпич» — и получил взамен 36 ценных гравюр — «яшму».

17.6. Клятва над могилой

Дама Цай из Аньлина известна была своей красивой внешностью и здоровым, крепким телосложением. Этим она привлекла взор царя Гуна из Чу. Он выбрал ее в жены. Придворный Цзян И явился к даме Цай и спросил ее: «Имеют ли ваши предки воинские заслуги перед династией?»

Дама отвечала: «Нет».

²¹⁸ В издании на русском языке этот отрывок переведен следующим образом: «Я не сведущ в вопросах культуры, все собирался ими заняться, но только теперь приступил к этому... Пусть эти наши соображения послужат для передовых деятелей культуры всей страны лишь как отдельные удачные неумелых исканий, как та песчинка, которая вызывает к жизни жемчужину» (Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 2. С.429).

Цзян И спрашивал дальше: «Может быть, у вас есть такие заслуги?»

Ответ опять был отрицательный.

Цзян И спросил: «Чем же вы заслужили такое преимущество?»

Дама отвечала: «Причины этого мне неизвестны».

Цзян И объяснил: «Я слышал, как говорится: если одарить кого-нибудь деньгами, он уйдет, как только деньги кончатся, если одарить кого-нибудь красотой, то любовь исчезнет, как только красота поблекнет. Сегодня вы цветете, но цветы когда-нибудь увянут. Как вы собираетесь добиться того, чтобы царь продолжал одаривать вас вниманием и впоследствии не отвернулся бы от вас?»

Дама Цай отвечала: «Я еще молода и невежественна. Я прошу у вас мудрого совета».

Цзян И предложил ей: «Достаточно, чтобы вы намекнули владыке, что хотите быть погребенной вместе с ним».

Дама Цай ответила: «Я последую вашему совету».

Цзян И удалился. Через год он вновь встретился с дамой Цай. Он спросил ее, сообщила ли она царю о своем намерении сойти вместе с ним в могилу. Она ответила: «У меня не было подходящего случая».

Еще через год Цзян И еще раз посетил даму Цай и спросил: «Теперь вы поговорили с владыкой?»

«Нет, у меня не было возможности».

Цзян И сказал: «Вы то и дело въезжаете и выезжаете из городских ворот в одной повозке с царем. Два года уже прошло, а вы утверждаете, что так и не смогли с ним поговорить. Похоже, что вы не придерживаетесь моего совета». И он ушел, недовольный.

В том же году царь устроил охоту. Свет охотничьих факелов был подобен огненным облакам. Рев тигров и волков раздавался подобно грому.

Вдруг появился обезумевший носорог. Он как раз собирался врезаться в левый бок царской повозки, но тут царь отдал приказ лучшим стрелкам уложить зверя. Достаточно было одного выстрела, и носорог мертвым упал на землю. Радостный царь рассмеялся, склонил голову к даме Цай и сказал: «С кем сможешь ты наслаждаться таким удовлетворением, когда я умру?»

Дама Цай опустила глаза, пролила несколько слезинок, которые увлажнили ее платье, обняла царя и поклонилась: «После того как царь проживет десять тысяч лет, его подданная сойдет с ним в могилу. Как же я тогда узнаю, кто переживет такое наслаждение в качестве следующего царя?»

Когда царь Гун услышал эти добродетельные слова, он сразу же подарил даме Цай удел в 300 хозяйств. Поэтому говорится: «Цзян И разбирается в стратагемах, а дама Цай — в выборе удачного момента».

Эту историю рассказывает Лю Сян (77—6 до н. э.) в книге «Шо юань» («Сад анекдотов»), в разделе о стратагемах. «Кирпич» здесь — клятва дамы Цай, а «яшма» — получение ею пожизненного удела.

17.7. Предложение сотрудничества

Описание карикатуры: откормленный мужчина, явно какой-то чиновник, гнусно ухмыляясь, преклонил колени перед ямой. Эта яма символизирует упорное научное исследование, в которое прилежно зарылся некий ученый. Чиновник провозглашает:

«Мы работаем вместе». Из ямы то и дело протягивается рука, подающая ему сверкающие драгоценные камни. На камнях написано: «Результаты исследований». Стоящий на коленях забирает камни. В левой руке он держит кирпич с надписью «Гибель от клеветы». Этот кирпич он собирается бросить в яму, как только работающий там человек отдаст ему драгоценные камни, доверяя его обещаниям сотрудничества.

Подпись к этой карикатуре, принадлежащей кисти Пань Вэньхоя и опубликованной в приложении к «Жэньминь жибао», гласит: «Получить яшму, а взамен бросить кирпич». Конечно, получение «яшмы» здесь все равно является следствием бросания «кирпича», а именно пустых обещаний сотрудничества. Новым в этой карикатурной переработке Стратагемы № 17 является появление второго кирпича, который бросают на

голову ученому после того, как он выполнит свое дело. Применяющему стратагему чиновнику, в научном отношении совершенно бездарному, конечно, хочется достичь научной славы за чужой счет.

17.8. Гимн на испускание газов

«Цветущий талант» — так звучит буквальный перевод ученой степени сюцай в императорском Китае. Один такой ученый умер и предстал перед владыкой преисподней Ямой. Яма как раз в этот момент испустил газы. «Цветущий талант» тут же сымпровизировал «Гимн на испускание газов»:

Высоко вздымается блистающий золотом пар. Он истекает из зада драгоценным дуновением. Звук его подобен звукам струнной и духовой музыки. Аромат его подобен мускусу и душистому посконнику.

Владыка ада был весьма польщен, подарил «Цветущему таланту» десять дополнительных лет жизни и отправил обратно в мир людей.

Этим гимном мы обязаны политику и литератору Чжао Наньсину (1550—1627). Он дослужился при дворе Минской династии до начальника министерства чинов. Без особенного успеха он боролся с политической коррупцией, развившейся при дворцовом евнухе Вэй Чжунсяне. «Гимн на испускание газов» приводится в его книге «Сяо цзань» («Хвала смеху»), в которой он издевается над множеством нелепостей своего времени.

«Кирпич» здесь — совершенно не имеющий ценности «Гимн на испускание газов», а полученная за него «яшма» — это подаренные владыкой преисподней десять дополнительных лет жизни. То, что этот вид максимы «Я дам тебе мало, а ты мне много» до сих пор актуален, доказывает перепечатка гимна в книге, вышедшей в Сяньцзяне в 1981 г.

17.9. 36-й прием Шопенгауэра

«Ввести противника в смущение бессмысленным потоком слов. Речь идет о том, что часто человек, слыша всего лишь слова, полагает, что в них есть над чем подумать.

Если он в душе уверен в собственной слабости и если он привык часто слышать то, чего не понимает, делая вид, что понимает, то ему можно понравиться, произнося с серьезным выражением лица чепуху, звучащую учено и глубокомысленно, и выдавая ее за неоспоримое доказательство своего тезиса».

Так пишет немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788— 1860) в своей «Эристической диалектике»²¹⁹. Здесь бессмысленный поток речи является «кирпичом», а глубокое впечатление, которое он производит на партнера, — «яшмой». Но такого эффекта можно достигнуть не только бессмысленной словесной эквилибристикой, а и бессмысленным, но впечатляющим действием.

17.10. Рыбак выуживает царя

Таким образом удалось наняться на службу к властителю Чжоу человеку по имени Цзян Цзя, прозванному также Цзян Таньгуном (см. 15.8); согласно легенде, эти события относятся к концу второго тысячелетия до н. э. Не имея успеха при дворе династии Шан (XVI—XI вв. до н. э.), Цзян Цзя покинул столицу и поселился на берегу реки Вэй, большом притоке реки Хуанхэ. Эта местность находилась под властью Цзи Чана из рода Чжоу, противника династии Шан. Цзян Цзя знал о далеко идущих политических планах Цзи Чана и о его нужде в способных советниках.

Чтобы привлечь внимание Цзи Чана, Цзян Цзя начал удить рыбу в реке Вэй. Но он удил совершенно необычным образом.

Его крючок был не загнутым, а прямым, на нем не было никакой наживки. Кроме того, он держал крючок на расстоянии добрых трех футов от воды, поднимал удочку высоко в небо и громко произносил фразу: «Рыба, которой надоело жить, должна сама ухватиться за крючок».

Об этом редкостном методе ловли рыбы вскоре услышал Цзи Чан. Он нашел, что этот рыбак — забавный шут, и послал воина с приказом привести его ко двору. Но рыбак не обратил на воина внимания, только

²¹⁹ Эристика (от нем. *Eristik*) — искусство ведения спора.

сказал как бы сам себе: «Крючок! Крючок! Крючок! Однако вместо рыбы лишь мелкая креветка хулиганит». Воину ничего не оставалось, как вернуться и сообщить Цзи Чану о своей неудаче. Цзи Чан поразмышлял над этим и убедился, что рыбак этот — чудаковатый, но выдающийся человек. Он послал чиновника, чтобы пригласить его ко двору. Когда Цзян Цзыя заметил посетителя, он не обратил на него внимания, а только сказал, разговаривая сам с собой: «Крючок! Крючок! Крючок! Большая рыба не клюет, только мелкая безобразничает».

Чиновник в удивлении вернулся к Цзи Чану и обо всем рассказал.

«Это, пожалуй, действительно выдающийся человек», — подумал Цзи Чан.

И вот он набрал ценных даров и отправился к рыбаку сам, чтобы пригласить его ко двору поговорить. Теперь Цзян Цзыя уверился, что стремление Цзи Чана найти искусного советника действительно исходит из глубины сердца, и он поступил на службу к династии Чжоу, которой в качестве военачальника помог в решающей битве с династией Шан.

Здесь редкостный метод ловли рыбы является «кирпичом», а возрастание интереса властителя Чжоу к необычному рыбаку — полученной за него «яшмой».

17.11. Благоухание имени на сто поколений

Рыба видит лишь приманку, а крючка не видит, пишет Ван Чжихуа в «Чжунго циньянь бао». Ухватив крючок, рыба оказывается на тарелке рыбака. В человеческом обществе также используется множество пестрых «наживок». В качестве примера Ван Чжихуа приводит рекламный текст из предисловия к китайской энциклопедии «Who is Who в промышленности»:

«Это «Who is Who» необходимо любому руководителю предприятия или менеджеру. Любой руководитель или менеджер должен постоянно иметь в руках хотя бы один экземпляр. Ибо читатель узнает из книги о компетенции других и на основании полученных сведений может установить связи с себе подобными. Книга поможет также заблистать чести вашей семьи для внуков и правнуков, поскольку в ней указывается, что участник ее добавил исполненный славы лист к семейной истории. Ваше имя на вечные времена впишется в список китайских предпринимателей, войдет в историю и будет распространять свое благоухание на сто поколений».

Включение имени в список китайских предпринимателей стоит 4 юаня за заявку, 10 юаней за опубликование и 12 юаней за книгу, всего 26 юаней (около 12 немецких марок по курсу 1988 г.), что для китайцев немалая цена. Королевские доходы — «яшма» достаются за кучу пустых обещаний — за «кирпич».

Этот тип пропаганды известный американский логик Ирвин М. Копи называет *argumentum ad populum*²²⁰. Он приводит в качестве примера автомобиль, рядом с которым сфотографирована хорошенькая девушка и который в результате рекламируется как лучший:

«Рекламные агенты расхваливают свои товары, заставляя человека грезить о них».

17.12. Ворона и Лисица

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру; На ель ворона взгромоздясь, Позавтракать совсем уж было собралась, Да призадумалась; а сыр во рту держала. На ту беду Лиса близехонько бежала. Вдруг сырный дух Лису остановил: Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил. Плутовка к дереву на цыпочках подходит, Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит И говорит так сладко, чуть дыша: «Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки! Рассказывать, так прямо сказки! Какие перышки! Какой носок! И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица, При красоте такой и петь ты мастерица, Ведь ты б у нас была царь-птица!» Вещунья с похвал вскружилась голова, От радости в зобу дыханье сперло, — И на приветливы Лисицыны слова Ворона каркнула во все воронье горло: Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

²²⁰ *Argumentum ad populum* — спектакль для публики (лат.).

Похвала Лисицы — это «кирпич», с помощью которого она получает свою «яшму», сыр.

17.13. Пять городов в подарок

В эпоху «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.) царство Цинь хотело овладеть царством Вэй. Для этого оно заключило союз с государством Чжао. В награду за победу над Вэй Цинь обещало Чжао отдать принадлежащий Вэй город Е (в районе нынешней провинции Хэнань).

Царь Вэй узнал об угрозе войны на два фронта, испугался и собрал на совет своих министров. Но никто не мог найти выхода. Наконец царь обратился к своему военачальнику Ман Мао, который особенно славился своей хитростью. Тот сказал, что нет причин беспокоиться. Ведь между Цинь и Чжао по традиции не может возникнуть хороших отношений.

«Нынешний военный союз направлен на раздел нашей страны и увеличение собственных владений. Конечно, союз этот кажется сильным, но каждая из сторон преследует при этом только свои собственные цели. Тон задает Цинь, а Чжао играет роль помощника. Чжао нужно только предложить побольше, и союз с легкостью будет разбит».

И Ман Мао рассказал свой план. Царь Вэй счел его хорошим и начал приводить в исполнение. Он послал в Чжао посла, который передал царю Чжао следующее: «Город Е в настоящее время удержать трудно, рано или поздно он падет. Но ведь вы, нападая вместе с Цинь на нашу страну, хотите только получить этот город. Чтобы избежать войны, царь Вэй решил отдать вам город Е без боя. Принимаете ли вы предложение?»

Возрадовавшись, царь Чжао отвечал: «Почему это царь Вэй раздаривает города, когда еще не дошло дело до схватки?»

Ответ был таков: «Все очень просто. Война ужасна. Она уносит человеческие жизни и опустошает страну. Царь Вэй руководствуется человечностью и заботой о будущем. Он хочет, чтобы его народ избежал нужды и несчастий. Поэтому он решил покончить дело миром».

Царь Чжао спросил: «Чего же хочет царь Вэй от меня, если я приму подарок?»

Посол ответил: «Конечно, у моего царя имеются некоторые пожелания, ибо он хочет мирного решения проблемы, а не безусловной капитуляции. Даже в тяжелейшем положении он может взвесить преимущества и недостатки. Ранее между Вэй и Чжао был союз и дружеские отношения. Отношения же между Вэй и Цинь всегда были плохими. Цинь — это страна волков. Циньские воины подобны диким зверям. Лучше уж мы отдадим нашу землю старым друзьям, чем оставим ее в добычу варварам. Так что если вы хотите дружбы с царем Вэй, то он ожидает от вас, что вы разорвете отношения с Цинь. Тогда вы получите город Е в знак дружбы. Если же вы откажетесь от предложения, наша страна будет вести политику выжженной земли и сражаться до последней капли крови».

Царь Чжао обсудил ночью предложение со своим советником, который посоветовал согласиться. Ибо, если можно заполучить единственную причину войны — город Е — без боя, зачем воевать? Кроме того, Цинь, присоединив Вэй, станет гораздо могущественнее и непременно направит острие своего копья против Чжао. Таким образом, следует воспользоваться предложением Вэй для получения преимущества, укрепить положение Вэй, подавить экспансионизм Цинь и тем упрочить собственную безопасность.

Так что царь Чжао принял условия Вэй, сразу же объявил о разрыве отношений с Цинь и закрыл границу с ним. Царь Цинь, услышав эту новость, страшно разгневался. Он сразу прекратил подготовку к нападению на Вэй, а вместо этого стал готовить поход на Чжао.

Царь Чжао тем временем решил воплотить в жизнь пакт, заключенный с Вэй, и направил армию в направлении города Е, чтобы занять его. В городе Е стояла армия военачальника Ман Мао. Военачальник встретил чжаоскую армию на самой границе и спросил ее командира, со злом или с благом они явились. Военачальник чжаоской армии сослался на договор между Вэй и Чжао об уступке города Е.

«Собачье дерьмо, — загремел Ман Мао. — Мне доверена охрана города, как могу я сдать его без боя?»

«Это тайное дипломатическое соглашение. Царь Вэй сообщил свою волю», — сказал военачальник Чжао.

«Что еще за тайное соглашение? Разве царь Вэй лично на это согласился? Покажите мне договор».

Чжаоский военачальник возразил: «Разве слова посла царя Вэй ничего не стоят?»

Ман Мао парировал: «Что еще за посол? Если вы доверяете послам, прислушайтесь ко мне. Царь Вэй не передавал мне никакого приказа, и я не имею права сдать город. Если вы хотите его получить, запросите разрешения у моего начальника. Но я предупреждаю: если вы сейчас же не уберетесь, я отрежу вам отступление и нападку на вас!»

Военачальнику Чжао ничего не оставалось, как отступить и обо всем рассказать своему царю. Тот только теперь понял, что царь Вэй обвел его вокруг пальца. Одновременно он узнал о стараниях Цинь заключить с Вэй военный союз против Чжао. Это погрузило его в еще больший ужас. После спешного совещания со своими приближенными он добровольно отдал Вэй пять городов, чтобы добиться союза против Цинь.

Этот рассказ взят из книги, датируемой 200 г. до н. э., — «Планы «Сражающихся царств»», увлекательнейшего беллетристического произведения, в котором описываются политические интриги двух столетий, предшествовавших воцарению Цинь, со всеми тогдашними анекдотами, политическими речами и остроумными выражениями. Я привожу историю в изложении современной тайбэйской книги о стратагемах.

«Кирпичом» здесь является лживое обещание отдать город Е, а спасение от Цинь и пять городов, полученных Вэй, соответствуют «яшме».

17.14. Изоляция княжества Чу

В эпоху «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.) государство Цинь готовилось напасть на государство Ци, но побоялось, что Ци заключит союз с государством Чу. Чтобы предотвратить такой союз, циньский царь Хой в 313 г. до н. э. послал своего советника Чжан И (ум. 310 до н. э.) в Чу. Чжан И обещал царю Чу область окружностью 600 миль, если Чу будет на стороне Цинь. Царь Чу, несмотря на предупреждение своего советника Чэнь Чжэня, попался на удочку и обещал не нападать на Цинь.

Известие о приеме Чжан И у царя Чу достигло государства Ци. Царь Ци разгневался. Он решил, что царь Чу хочет выступить вместе с Цинь против Ци. Так были разорваны доверительные отношения между Чу и Ци.

Но и обещанные земли оказались только приманкой. Когда Чу потребовало область через посла, Чжан И заявил, что он имел в виду не одну из областей царства Цинь, а лишь принадлежащий ему самому удел окружностью в 6 миль. В ярости царь Чу напал на Цинь, но потерпел поражение. С этого момента княжество Чу оказалось в полной изоляции. Здесь «кирпичом» является лживое предложение дара, а «яшмой» — увеличение мощи Цинь вследствие изоляции Чу.

17.15. Вступление в войну с Японией

На Ялтинской конференции (4—11 февраля 1945 г.), которая названа в тайбэйской книге о стратагемах «тайным дележом добычи», Сталин, опять же согласно тайбэйской книге, применил Стратагему № 17. Рузвельт (по выражению лорда Морана, личного врача Черчилля, «тяжело больной человек») и Черчилль (который, по тому же источнику, испытывал к Сталину «чувство дружбы и уважения»), стремясь как можно скорее покончить с войной, пытались убедить Сталина объявить войну Японии. Сталин обещал сделать это после капитуляции Германии и таким образом бросил союзникам «кирпич» и добился массы уступок в отношении Восточной Азии, в частности получил разрешение присоединить японские Курилы и Южный Сахалин.

По решениям Ялтинской конференции Сталин обязан был в мае 1945 г. объявить Японии войну, но в установленный им самим срок он ничего не предпринял. Он занял выжидательную позицию и развязал японцам руки в войне с союзниками.

Только после того как американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму, когда Япония и так была принуждена капитулировать, Сталин 8 августа 1945 г. официально объявил войну Японии и без больших усилий овладел всем тем, что обещали ему Рузвельт и Черчилль. В частности, в зону советского влияния попал Северо-Восток Китая, что помогло китайской Красной армии победить во всем Китае.

Согласно тайбэйскому стратагемоведу, поведение Сталина в точности соответствует Стратагеме № 17. На Ялтинской конференции он воспользовался стремлением западных союзников к победе, несколькими предложениями возбудил их симпатию и таким образом получил свою прибыль в Восточной Азии.

Подобную же интерпретацию сталинской политики дает Чэнь Цзяньчэнь в книге, вышедшей в 1972 г.:

«Советское правительство под руководством И. В. Сталина 14 августа 1945 г. заключило в Москве договор с

Чан Кайши, согласно которому Сталин признавал правительство Чан Кайши единственным законным представителем Китая и обещал ему помощь против коммунистов. За это советское правительство получало множество преимуществ:

1. Признание старой китайской области Внешняя Монголия в качестве независимого государства. В действительности это «независимое государство» попало под русское влияние.
2. Совместное пользование в течение 30 лет северокитайской Чанчуньской железнодорожной линией.
3. Аренда Порт-Артура и Даляня на 30 лет.

Таким образом Россия удовлетворила свои империалистические устремления и утвердилась на Дальнем Востоке. Но Сталин тут же забыл этот договор и впоследствии поддерживал китайских коммунистов до их полной победы».

«Кирпичом» здесь было обещание признать некоммунистическое китайское правительство, а полученной «яшмой» — три перечисленных преимущества.

17.16. Букет гвоздик открывает двери

В швейцарской прессе в 1987 г. распространились следующие сообщения:

«Две мошенницы, обворовывающие главным образом пожилых людей в Базеле, на прошлой неделе добыли более 50 тысяч франков. По сообщению уголовного комиссариата, их метод всегда один и тот же: две женщины появляются у дверей с букетом и объясняют, что должны передать цветы определенному лицу в доме, которое сейчас отсутствует. Затем жилец вовлекается в разговор, во время которого у него что-нибудь выпрашивают. Потом мошенницы проникают в дом и ищут там ценные вещи или деньги. За последнюю неделю было отмечено 9 таких случаев. В одном из них мошенницы украли у двух пожилых женщин около 19 тысяч франков».

(«Новая цюрихская газета», 10 апреля 1987 г.)

«Еще о мошенницах. На 6 тысяч франков денег и украшений украли две женщины и один мужчина в среду около 12 часов на улице Лафатера в округе № 2. Пожилая женщина в возрасте 81 года возвращалась домой с покупками. Перед домом ее ожидали мужчина и женщина. Последняя держала в руках букет красных гвоздик и объяснила, что он предназначен для отсутствующей сейчас квартирантки с первого этажа. Под предлогом написания записки женщина добилась того, что старушка впустила ее к себе в квартиру. Через несколько минут появилась вторая неизвестная. Обе женщины завлекли хозяйку на кухню, а в это время мужчина обыскал спальню и забрал украшения и деньги».

(«Новая цюрихская газета», 26 июня 1987 г.)

Букет цветов играет роль «кирпича», а добыча соответствует яшме».

17.17. Изгнание стратагемой из рая

Ветхий завет повествует:

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог, не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знания; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги».

Этот отрывок из Библии Ли Кэ, Ляо Шисян и Тан Юанди в своей философской беседе «О знаниях, которые делают людей мудрее» (Наньчан, 1982) характеризуют как гротескный; по их материалистическим воззрениям, получение знания может быть плодом лишь долговременной практики, а не единовременного постижения. Сюжет о змее дает повод к теологическим интерпретациям, весьма плодотворным с точки зрения китайских стратагем. Рассмотрим один такой комментарий, принадлежащий Герхарду фон Радсу:

«Для нас не важно, кто такой змей, а важно, что он говорит. Он начинает разговор — шедевр тонкого

психологического воздействия — заинтересованным и при этом совершенно будничным вопросом; он даже не называет тайно подразумеваемый предмет разговора, Дерево Познания; сделать это он предоставляет легкомыслию женщины».

В совершенно невинном на первый взгляд вопросе змей, очевидно, применил Стратагему № 8 (см. 8.10). Однако вопрос не так уж невинен:

«При этом вопрос змея явно исходит из искажения факта, так как Бог ни в коем случае не говорил, чтобы люди не ели ни с одного дерева, но именно этим он вовлекает женщину в разговор. Он сразу же дает ей возможность оказаться правой и выступить на стороне Бога. Однако в форме этого вопроса содержится смертоносный выпад против послушания. Женщина совершенно безоружна против этого зла. Она отвечает, но при этом в пылу усердия делает еще один маленький шаг. Конечно, Бог запретил людям только одно дерево, но что до него нельзя даже дотрагиваться, Бог не говорил. Это излишество показывает некоторую слабость в позиции женщины».

На то, что змей искажает истину своим вопросом, Ева проявляет ответную реакцию, чем дает змею возможность «зацепиться». Здесь можно усмотреть применение Стратагемы провокации №13.

«Теперь змей может снять маску, изображавшую интерес к приказу Господа; он больше не спрашивает, а утверждает и всячески подчеркивает, что то, что сказал Бог, — неправда, и обосновывает это. Он утверждает, что лучше знает Бога, чем почитающая его женщина, и тем побуждает женщину выйти из послушания и говорить о Боге и его приказе как о чем-то несущественном. Он приписывает Богу дурные намерения...

Змей обнадеживает человека по меньшей мере расширением знаний и личного могущества, которое позволит людям самим отличать священное от вредоносного. Это совершенно новое явление. Этим актом человек выходит из круга божественной заботы. Раньше Господь определял, что хорошо для человека, и тот был полностью защищен. Теперь же человек должен решать сам. Конечно, встает вопрос, не станет ли желаемая независимость тяжелейшим грузом его жизни. Но кто же об этом думает? Шаг, который следует совершить, столь незначителен! В безграничности и непостижимости этого высказывания и состоит его соблазн. Оно полно тайных намерений, и после того, как оно направило мысли человека в определенном направлении, змей еще раскрывает его со всех сторон и дает разыграться фантазии. Шипение змея обещает возможность расширения человеческой жизни сверх границ, поставленных Господом при творении, овладение тайной, которая лежит по ту сторону сознания человека. Рассказ о падении человека, его отделении от Бога, которое произошло и вновь и вновь происходит не только в отношении впадения в моральное зло, в дочеловеческое, относится и к тому, что мы зовем титанизмом, к сверхчеловеческому, и в этом его самое большое значение. Змей не солгал и не сказал правды. Тонкость его слов состоит именно в полуправде. Змей «умеет мелкими изменениями акцента, полуправдой и двусмысленностями добиться от партнера, чтобы тот сам начал разыгрывать в уме желательные змею действия» (Штек). Следует также отметить, что змей не произносит ни одного требования. Он просто возбуждает в душе человека устремление, из которого само собой следует решение».

Этой серией рассуждений Герхард фор Раде невольно заставляет вспомнить о Стратагеме № 17. Хитрый змей бросает Еве «кирпич», упакованный в прекрасные обещания, которые ничего не стоят змею. Получает ли змей взамен или намеревается получить какую-нибудь «яшму», из библейского текста неясно. Если он действует из злобы и зависти, то «яшмой» является удовольствие при мысли об изгнании Адама и Евы из рая. Или же наградой змею является выход человека из слепого повиновения Богу? Как бы то ни было, возможно, что и в том и в другом случае непосредственной причиной всей не райской человеческой истории явилось применение Стратагемы № 17.

17.18. Все царства мира

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню для искушения от диавола и, постившись 40 дней и 40 ночей, напоследок взалкал. И приступил к нему искуститель... Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Тогда оставляет его диавол, — и се, Ангелы приступили и служили Ему».

Конечно, предлагаемый дар, все царства мира, не что иное, как «кирпич», настоящий обман. Таким образом дьявол, в существовании которого до сих пор убежден папа Иоанн Павел II, предостерегавший против его коварных советов 85 тысяч верующих на мюнхенском стадионе «Олимпия» 3 мая 1987 г., стремился этим добиться «яшмы» — отпадения Иисуса от Бога.

Иисус здесь являет пример неожиданной реакции на искусно примененную Стратегему № 17: он бросает «кирпич» обратно.

17.19. Утолить жажду видом сливы

Однажды Цао Цао (155—220), находясь в походе, заблудился и оказался в безводной местности. Воины страдали от жажды. Цао Цао приказал объявить: «Вскоре мы придем к большой сливовой роще со спелыми плодами. У них кисло-сладкий вкус, который поможет утолить жажду».

Когда воины услышали об этом, у них во рту выступила слюна, и Цао Цао удалось убедить их идти дальше до тех пор, пока они действительно не наткнулись на источник.

Эту историю мы находим в книге «Ши шо синь ю» («Новые анекдоты из общих разговоров»), восходящей к князю Лю Ицину (403—444), в главе «Обман и хитрость». Анекдот дал жизнь поговорке «Утолить жажду видом сливы». Пустая надежда, иллюзия («кирпич») пробуждает надежду и таким образом позволяет добиться «яшмы». Это напоминает об утверждении Милована Джиласа («Новый класс»):

«Оба пункта программы [коммунистической партии], неизбежность революции и быстрая индустриализация, ход которой требует невыносимых жертв и несет с собой безоглядное насилие, предполагают не допущение, а прямо-таки веру в возможность царствия небесного на земле».

Чтобы мобилизовать столь огромные силы («яшму»), естественно, требуется вера не только в земное, но и в потустороннее небесное царствие.

17.20. Утолить голод нарисованным пирогом

Дзенский монах Чжисянь ушел из семьи и отказался от мира, чтобы достичь буддийского просветления. Он уединился по дзенскому правилу на горе Гуйшань. Монах Ю чувствовал, что он жаждет мудрости, и хотел помочь ему достичь большего знания. Однажды он спросил Чжисяня: «Я не задаю вопросов о том, что ты изучил в течение твоей жизни по книгам и что написано в классических трудах. Я хочу большего: когда ты еще не покинул тело матери и ничего еще не мог различать, вот об этом прошлом времени, которое не было еще затронуто книжной мудростью и знанием о предметах внешнего мира, расскажи мне что-нибудь».

Чжисянь смущенно молчал, потом долго бормотал себе под нос и наконец попытался в нескольких фразах ответить на вопрос. Но монах Ю не удовлетворился ответом. Тогда Чжисянь сказал: «Прошу вас, расскажите что-нибудь сами».

Ю ответил: «Ведь то, что я скажу, будет моим мнением. Как оно может обогатить твои знания?»

Тогда Чжисянь вернулся в свою келью и искал во всех книгах подходящее объяснение, но не нашел ответа на поставленный вопрос. Тут он, вздохнув, сказал сам себе: «Нарисованным пирогом не утолить голод».

Потом он сжег все книги со словами: «В этом мире я больше не буду изучать буддийский путь. Вместо этого я стану нищим странником. Тогда мне не придется больше томить мой дух».

Со слезами он покинул гору Гуйшань и отправился в странствие. Буддийское учение представилось вдруг монаху Чжисяню нарисованным пирогом, вид которого не может обмануть более глубокий взгляд. Нарисованный пирог соответствует «кирпичу», а утоление жажды знаний — «яшме». Монах отказался и от «яшмы», и от «кирпича».

17.21. Лекарство от стремления к скачке на быстром коне

«Стремление к победе изначально присуще человеку», — пишет поэтесса Ли Цинчжао (1084— 1151 ?) в одном из своих стихотворений. Но как быть, если не можешь победить и достигнуть желанной цели?

Ли Цинчжао отвечает:

«Утолять жажду разговором о сливах — это способ немного успокоить стремящееся к состязанию сердце. Утолять голод нарисованным пирогом — это способ слегка утишить стремление к скачке на быстром коне».

Далее Ли Цинчжао размышляет о «маленьком чуде, побочных искусствах образованного человека». Сюда относится игра в китайские шахматы, или «игра в коней», которой Ли Цинчжао посвящает стихотворение. Победа в такой игре служит заменителем победы в настоящей жизненной битве и утешает тоскующее по

причине жизненных неудач сердце. Конечно, кроме игр и спорта имеется еще множество «сливозаменителей» и «пирогоза-менителей». Лу Синь создал памятник Стратегеме № 17 (в смысле самоутешения через иллюзию) образом А Кью. В 1937 г. Мао назвал Лу Синя мудрецом современного Китая, подобно тому как Конфуций был мудрецом Китая эпохи феодализма (Гельмут Мартин).

Бедный поденщик А Кью из деревни Вэйчжуан в глубине души оценивает все унижения, постигающие его, как победы. Ему удается с помощью искусственных аргументов подняться над неудачами.

«Будучи неграмотным, он подписывал документ, и кисть не послушалась его: кружок, который он должен был нарисовать взамен своего имени, получился кривым. Но его утешила мысль: только дурак может нарисовать совершенный круг».

Когда А Кью услышал, что сын деревенского старосты сдал государственные экзамены, он подумал про себя: «Мой сын сдал бы их гораздо лучше».

Когда деревенские бездельники обзывают А Кью скотиной, он в ответ быстро называет себя червяком. Когда же бездельники набрасываются на него, избиение продолжается всего 10 секунд, и А Кью думает про себя: «Разве я не искуснейший самоуничужитель? А если опустить «самоуничужитель», что останется? Искуснейший!»

Когда однажды А Кью удалось выиграть в азартной игре, чтобы затем тут же потерять деньги в драке, он утешается пословицей: «Не благословением ли было старику потерять лошадь?» (см. 17.42). И поражение в драке он тоже превращает в победу: он наносит себе правой рукой два удара по липу, так что корчится от боли. После этих ударов ему становится легче на сердце. Несмотря на то что лицо его все еще горит от боли, он чувствует себя так, как если бы бьющим был он сам, а побитым — другой, и таким образом превращается в победителя.

Не всякий может дойти до такого рукоприкладства с целью самоутешения. Более мягкие и разумные формы применения Стратегемы № 17 против самого себя ради достижения внутреннего спокойствия — «яшмы» — являются совершенно обычными.

Например, если в Китае разбивается фарфоровая посуда, так сказать, «кирпич», часто это считается счастливым предзнаменованием («яшмой») и произносится фраза: «Суйсуй пиньань» («Год за годом жить в мире»). Связь между разбитым фарфором и этим благопожеланием обусловлена созвучием китайского слова со значением «разбить» («суй») и слова со значением «год» («суй»).

Другой пример такого мягкого самоутешения приводит автор портрета Гёте и его друг Иоганн Генрих Вильгельм Тишбайн (1751—1829) в своем рисунке «Длинная тень». Артур Шопенгауэр описывает его в труде «Мир как воля и представление» следующим образом:

«На рисунке представлена совершенно пустая комната, освещенная только огнем, пылающим в камине. Перед камином стоит человек... таким образом, что тень его протягивается через всю комнату».

Тень падает не только на пол комнаты, но и поднимается на противоположную стену до потолка и еще немного протягивается по нему. Тишбайн так комментирует рисунок

«Это человек, который в мире ничего не достиг и ничего не совершил. Теперь он радуется, что хотя бы может отбрасывать такую большую тень».

(Цит. по: Новая цюрихская газета. 1987. 3 августа.)

Гигантская тень здесь соответствует «кирпичу», «яшмой» является полученное удовлетворение.

17.22. Завтра, подожди до завтра

Лэй Хэн, начальник стражи из Юньчэна, посетил представление известной певицы Бай Сюин из Восточной столицы. После представления певица взяла кубок, приглашающим жестом показала его слушателям, сошла со сцены и направилась собирать плату, начиная с первого ряда сидений. Первым, перед кем она остановилась, оказался Лэй Хэн. Он пошарил в кошельке у себя на поясе, но там не было ни монетки! «Я забыл взять с собой деньги, — извинился он. — Завтра ты получишь двойную плату».

Но Бай Сюин отвечала со смехом: «Пословица гласит: «Если лучшее вино недостаточно крепко, каков же на вкус осадок!» Мандарин, занявший лучшее место, должен был показать добрый пример!»

Лэй Хэн почувствовал неловкость: «Мне ничего не стоит отвесить тебе три или пять унций серебра. Моя несообразительность привела к тому, что сегодня я не подумал, чтобы взять с собой деньги».

«Сегодня у мандарина нет карманных денег, но завтра он обещает принести три или пять унций серебра! Это подобно старой поговорке: «Унять жажду видом слив, утолить голод нарисованным пирогом!»»

Певица из романа «Речные заводы» приписывает начальнику стражи применение Стратегемы № 17: вместо того чтобы что-нибудь ей дать теперь же, он обещает двойную плату завтра. Это кажется ей пустым обещанием — «кирпичом», который он ей бросает, чтобы получить «яшму» — сэкономить плату за концерт.

17.23. Беззащитная команда дровосеков

В области военного дела «бросание кирпича», по мнению одного из пекинских специалистов по стратагемам, часто обозначает тактическую перестановку, которая должна определенным образом воздействовать на противника. Для этого могут служить ложная атака или ложное перемещение. В том случае, если с их помощью действительно завоевывается «яшма», прежде всего это происходит благодаря психологическому воздействию на противника. После этого удастся привести его к неверным выводам, чтобы он принял кажущееся за чистую монету.

В 700 г. до н. э. княжество Чу напало на княжество Цзяо (в нынешней провинции Хубэй). Чуская армия осадила столицу Цзяо, которую обороняли главные силы противника. Чиновник по имени Цюй Ся обратился к князю Чу со следующими словами: «Княжество Цзяо невелико, и его правителя легко вывести из себя. А кого легко вывести из себя, тот мало размышляет. Поэтому давайте отправим наших дровосеков работать без охраны, чтобы завлечь в ловушку защитников Цзяо».

В древности в китайской армии имелись специальные команды, которые во время походов заготавливали топливо и отвечали за приготовление еды. Обычно в поисках топлива их сопровождали воины. Цюй Ся предложил отправить на этот раз команду дровосеков без сопровождения.

Князю Чу план понравился. Армия Цзяо напала на команду и взяла в плен тридцать дровосеков. На следующий день вся армия Цзяо только и думала, как бы вновь захватить неохраняемую группу дровосеков.

Но чуская армия устроила засаду в горах. Когда цзяоская армия вышла на охоту за дровосеками, она попала в котел, чусцы напали и нанесли ей полное поражение. Цзяо было вынуждено капитулировать.

Тридцать дровосеков, которых сначала удалось захватить Цзяо, были «кирпичом», а капитуляция Цзяо — «яшмой».

17.24. Иллюзорные ударные силы

В марте 1947 г. могучая армия гоминьдана (230 000 человек) выступила против твердыни коммунистов в пограничном районе Шаньси — Ганьсу — Нинся. Мао Цзэдун отдал распоряжение не удерживать никаких позиций, но нанести противнику наибольшие потери в подвижном бою. Поэтому он сдал «красную столицу» Яньань, которую захватили 12 гоминьдановских бригад. Падение символической столицы коммунистов вызвало у чан-кайшистов триумфальные настроения. В Паньлуне под Яньанью окопалась часть ударных сил гоминьдановской армии.

На эту опорную точку решила напасть Северо-Восточная полевая армия коммунистов. Но Паньлун был очень хорошо укреплен. Чтобы занять его, необходимо было удалить защищающие его силы. Красная армия сконцентрировала многочисленные корабли на известных переправах через реки Удин и Дали в районе Суйдэ и Мичжи и отправила маленькие отряды различными путями в направлении Суйдэ. Противник с помощью воздушного наблюдения обнаружил это и ошибочно заключил, что главные ударные силы Красной армии выводятся на восток, в район реки Хуанхэ. Это побудило противника двинуть девять полков к северу.

Красная армия воспользовалась стратагемой «Бросить кирпич, чтобы получить яшму». Частью своих сил она атаковала продвигающегося к северу противника. Одновременно она посредством различных действий, указывающих противнику направление движения, создала у него впечатление, что главные силы сосредотачиваются на севере. Гоминьдановские полки были вынуждены непрерывно преследовать эти предполагаемые главные силы в надежде получить возможность взять Красную армию в клещи с севера и с юга в районе между Цзя и Убао с помощью расположенной в Юйлине части гоминьдановской армии.

Когда войско противника было выманено на север, главные силы Красной армии, скрывавшиеся у Юнпина, двинулись в Паньлун, 29 апреля 1947 г. окружили крепость, 2 мая начали атаку и 4 мая победили. Все 6700 солдат противника, оставленные в Паньлуэне, были уничтожены. Главные силы гоминьдановцев были слишком далеко, чтобы прийти на помощь.

17.25. Ханьский император в окружении

В 201 г. до н. э. сюнну, восточноазиатские гунны, под предводительством Мо Ду²²¹ (ум. 174 до н. э.) напали на местность Май (округ Шо нынешней провинции Шаньси). Китайский военачальник капитулировал. Сюнну прорвались к югу и овладели Тайюанем (ныне столица провинции Шаньси). Ханьский император Гао-цзу повел войско против захватчиков. Было очень холодно, и шел снег. Около трети китайских воинов отморозили пальцы. Мо Ду изобразил отступление. Ханьский император решил, что сюнну сочли себя разбитыми, и начал преследование. Мо Ду скрывал отборные войска. На глаза Гао-цзу попадались только старики и инвалиды из войска сюнну.

Когда Гао-цзу дошел до гор Байдэн (близ нынешнего города Датун в провинции Шаньси), Мо Ду взял его в клещи с помощью вдруг откуда-то появившегося войска и держал в окружении 7 дней. Китайскому императору удалось освободиться из этого неприятного положения, только богато одарив супругу Мо Ду, и то благодаря различным благоприятным обстоятельствам.

Этот пример я взял из 17-й главы тайбэйской книги о стратагемах. Разыгранное Мо Ду отступление и брошенные инвалиды были «кирпичом», окружение Гао-цзу в Байдэнских горах явилось той «яшмой», которой Мо Ду добивался. Ханьский император с помощью той же стратагемы вышел из унижительного положения.

17.26. Невесты вместо оружия

После этого случая нападения сюнну на китайскую территорию участились. К концу III столетия до н. э. сюнну основали на северо-западе Китая большой союз кочевых племен. Их империя протянулась от озера Байкал до озера Балхаш, а на юге доходила до современной Внутренней Монголии, Ганьсу и Синьцзяна. Основателем этого государства, просуществовавшего до I в. до н. э., был Мо Ду. Нападая на китайские области, сюнну грабили и уводили в плен людей, которых превращали в рабов. Ханьский император не мог выдержать войну с этим могущественным варварским народом.

В 198 г. до н. э. он призвал видного сановника, Лю Цина²²², чтобы обсудить положение. Лю Цин сразу же

²²¹ Мо Ду — так в тексте Х. фон Зенгера; речь идет о сюннском шаньюе (вожде) Модэ.

²²² Лю Цин — известный политический стратег Древнего Китая. Он был простым солдатом и служил под фамилией Лоу в одном из пограничных гарнизонов. Когда основатель Ханьской династии император Гао-цзу решал вопрос о местопребывании столицы, он дал полезный совет перенести столицу не в Лоян, а в Гуаньчжун, за что был пожалован титулом Фэн-чунь-хоу (Маркиз, хранящий чистоту помыслов) и правом носить царскую фамилию Лю (см.: С ы м а Ц я н ь. Указ. соч. Т. 2. С. 380). Для «усмирения» сюнну не военной силой, а путем приобщения их к китайской цивилизации с помощью ритуала Лю Цин предложил «теорию о мире и родстве с иноземцами», согласно которой следовало регулярно направлять к сюнну красноречивых послов, а также установить брачные связи с их вождями (шаньюями).

С тех пор политика Китайской империи по отношению к сюнну сводилась, по выражению известного древнего историка Бань Гу, «к двум статьям: если чиновник, то придерживается политики мира и родства, если военный, то говорит о походах и карательных экспедициях» (Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 201).

Для исполнения своего плана Гао-цзу направил Лю Цина к сюннскому шаньюю в качестве посла. Считалось, что император выдал замуж за шаньюя принцессу Лю-юань. Потому последующие правители сюнну являлись внуками ханьского императора по женской линии. Однако на деле вместо принцессы послали дочь титулованного лица. Это было связано с тем, что Лю-юань была единственной дочерью императора и к тому же она являлась супругой князя Чжао-вана, который выступил против ее отправки к сюнну, так же как и ее мать императрица (см. там же. С. 204). Сюнну узнали о подмене, конфуцианский ритуал вообще не мог оказать на них «усмиряющего» действия в короткий срок.

Кроме того, стратегический план Гао-цзу — Лю Цина встретил противодействие и со стороны Юэ Чунхана,

подтвердил, что сюнну не могут быть побеждены с помощью военной силы. Император спросил, не думает ли Лю Цзин, что сюнну можно усмирить с помощью культурного влияния.

Лю Цзин отвечал: «Царь сюнну Мо Ду похож по природе на пылающий огонь. Он ведет себя подобно волку. Разговаривать с ним о человечности, долге и добродетели было бы неуместно. Но имеется другой путь связать ему руки. И не только ему, но и его потомкам. Я имею в виду долгосрочную стратегию, но я не знаю, что вас от этого удерживает».

Император хотел узнать больше. Лю Цзин объяснил: «Если мы хотим усмирить сюнну, остается одно средство — политический брак, который превращает противника в родственника. Я предлагаю вам отдать Мо Ду в жены одну из принцесс. Это исполнит его благодарностью. Китайская жена станет царицей, и рожденные от нее сыновья будут наследниками Мо Ду. Вы сможете поддерживать постоянные контакты благодаря отношениям тестя и зятя, укрепляя их ценными дарами. Таким образом, даже дикого тигра можно приручить так, чтобы ездить на нем верхом. В качестве вашего зятя Мо Ду больше не сможет грабить ваше государство, а его потомки — ваши внуки — тоже будут вести себя тихо. Так вы победите воинов противника мирными средствами, без войны. Этот план надолго укрепит безопасность».

Ханьский император гневно воскликнул: «Как может уважающий себя китайский император отдать принцессу в жены дикарю? Надо мной все будут издеваться!»

Лю Цзин возразил: «Вы могли бы пожертвовать сливовым деревом ради персикового — выдать самую прекрасную из придворных дам за принцессу и отдать ее Мо Ду».

Этому совету ханьский император и последовал. Мо Ду действительно очень обрадовался невесте и выразил готовность породниться с императором Гао-цзу. После смерти Мо Ду вожди сюнну продолжали брать в жены китайок. Из них особенно известна, прежде всего в литературной области, придворная дама Ван Чжаоцзюнь. В 33 г. до н. э. она согласилась выйти замуж за одного из правителей сюнну, искавшего руки благородной дамы-китайки.

Мир, однако, установился ненадолго.

Позже многие правители Древнего Китая обнаружили единственную возможность долгосрочной защиты от кочевников на севере, а именно стали строить высокие стены и валы и устанавливать постоянную пограничную стражу. Так возникла Великая Китайская стена, история которой, впрочем, начинается еще в VII столетии до н. э.²²³

Хотя нападения сюнну на Китай и не удалось полностью прекратить, все же поведение китайцев может рассматриваться в свете Стратегемы № 17. «Кирпичи» здесь — китайские невесты, а «яшма» — временный мир.

17.27. Полезная телеграмма

Во время Второй мировой войны американцы заметили в беспроводной радиосвязи японцев частое повторение двух букв: AF. Американцы предположили, что этот код относится к островам Мидуэй. Чтобы выяснить это, американскому адмиралу на островах Мидуэй было приказано послать телеграмму на английском языке о том, что на островах Мидуэй неисправно водоснабжение. Вскоре американцы перехватили японскую телеграмму с сообщением, что на AF отсутствует питьевая вода. Американцы сочли доказанным, что AF означает «острова Мидуэй». Благодаря этому они смогли впоследствии легко предупредить все японские действия против островов Мидуэй.

китайца, глубоко обиженного ханьским двором и поступившего на службу к сюнну. Юэ Чунхан успешно разоблачал слабые места в аристократической культуре Китая (см.: Suzuki Chusei. *China's relations with Inner Asia: the Hsung-nu, Tibet*. In: *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge Mass., 1968. P. 180-181).

²²³ Великая Китайская стена строилась на протяжении длительного времени, но как единый комплекс она была воздвигнута при императоре Цинь Ши-хуане (246—207 до н. э.), когда разрозненные укрепления, создававшиеся отдельными царствами, были объединены в целостное сооружение. Первая централизованная Китайская империя укрепила свой северный рубеж против «варварской» периферии. Вместе с тем Великая стена служила целям и внутренней политики — препятствовала оттоку населения из Китая.

Несколько иную версию, чем пекинская книга о стратагемах, которую я сейчас цитировал, предлагает Роберт Листон в книге «Шпионы и шпионаж»:

«К этому времени американскому морскому командованию удалось раскрыть японский морской код, поэтому они знали, что планируется нападение. Неизвестно было только, будет ли оно направлено на острова Мидуэй или на Пёрл-Харбор. В этом критическом положении Джозеф Дж. Рочфорд, командор и специалист по дешифровке кодов в контрразведке, предложил план, как заглянуть в карты японцев. По предложению Рочфорда с Мидуэйских островов в Пёрл-Харбор было послано незашифрованное сообщение. Содержание его было простым. Там говорилось о повреждении дистилляционной установки. Через несколько дней было перехвачено зашифрованное сообщение в штаб адмирала Ямамото о том, что на Мидуэй не хватает воды. Это обстоятельство могло показаться японцам важным, только если они действительно собирались напасть на Мидуэй. Рочфор правильно все рассчитал, японцы попались на удочку».

И в той и в другой версии применяется Стратегема № 17. «Кирпич» здесь — телеграфное сообщение о разрушенной системе водоснабжения, а «яшма» — полученная от японцев информация.

17.28. Письмо о соли из Бонна

«Оригинальным средством воспользовалась при проведении переписи населения столица ФРГ Бонн, чтобы выяснить местонахождение граждан, не охваченных переписью. В сентябре (летнем месяце!) 4170 гражданам были разосланы письма с призывом не сыпать соль на пешеходные дорожки. На конверте стояла пометка «Не пересылать». О том, какая здесь имеется в виду хитрость, раскрыл в своем запросе прикомандированный к парламенту депутат «зеленых» Вилли Зауэрборн на следующем же заседании Совета. Если бы письма не вернулись, с соответствующими квартирами в Бонне было бы все ясно, и по этим случаям можно было бы провести расследование».

(«Рейнская газета». Кобленс, 5 октября 1987 г.)

Отосланное из Бонна письмо с бессмысленным сообщением и дополнительной отметкой «Не пересылать» оказалось «кирпичом», с помощью которого пытались заполучить «яшму» — информацию о смене места жительства.

17.29. Пустая шкатулка

Би Ай, сведущий в стратагемах житель уезда Ланьей (нынешняя провинция Чжэцзян), однажды пришел в гости к своему другу, который служил в уездном ямыне округа. Там Би Ай увидел начальника уезда Хуана, который нервно ходил из угла в угол и выглядел крайне озабоченным. Хуан недавно получил свою должность и всюду слыл неподкупным начальником.

После обмена приветствиями начальник уезда обратился к Би Аю с просьбой. Оказалось, что вдруг непонятным образом исчезла печать уезда. Хуан подозревал тюремного сторожа Ху, человека корыстного, который не слишком уважал законы. Поскольку Хуан часто делал ему замечания, сторож возненавидел начальника уезда. Чтобы отомстить за себя, Ху подружился с хранителем печати. По-видимому, когда тот на минутку вышел, Ху украл печать. Обнаружив воровство, начальник уезда собрал преданных ему служащих на совет. Положение было весьма сложным. Никаких доказательств против Ху не было. Если бы за него взялись, он имел бы возможность все отрицать. А если припереть его к стенке, возникала опасность, что он уничтожит печать. Таким образом, печать как будто исчезла окончательно, а ответственному за нее начальнику уезда Хуану грозили отставка и наказание. По-хорошему с Ху тоже невозможно было договориться, поскольку он боялся мести начальника уезда, который не простил бы ему воровства. Служащие долго ломали головы, не приближаясь к решению проблемы, и наконец решили обратиться к Би Аю.

Немного подумав, Би Ай сказал начальнику уезда: «Не беспокойтесь больше ни о чем. Объявите себя больным и три дня не принимайте посетителей и не занимайтесь служебными делами и документами. Можете быть уверены, что на четвертый день вы получите печать». И Би Ай посвятил начальника уезда в подробности своего плана.

В ночь с третьего на четвертый день в здании ямыня возник пожар. Новость облетела весь город. Хуан приказал всем служащим ямыня явиться на тушение пожара. Били гонги, раздавались крики. Приказ, конечно, услышал и тюремный сторож Ху. Когда он прибежал на пожар, его тут же подозвал начальник уезда и сказал: «Тушением пожара занимаются уже много людей. Я сам ими командую. Тебе туда идти не обязательно. Вместо этого я доверяю тебе печать уезда. Вот, возьми шкатулку. Если ты сохранишь ее, я

буду рассматривать это как твой вклад в борьбу с огнем». И начальник уезда убежал. Тюремный сторож остался со шкатулкой в руках. Он сразу же установил, что она заперта. Таким образом, он не мог открыть ее на месте и показать всем, что она пуста. Только тут тюремный сторож понял, что стал жертвой стратагемы. Теперь, если он отдаст начальнику уезда шкатулку, а тот увидит, что она пуста, его обвинят в воровстве. Сторожу ничего не оставалось, как пойти с пустой шкатулкой домой и там тем же путем, каким он украл печать, положить ее обратно. Пожар той же ночью удалось потушить. На следующий день начальник уезда собрал всех служащих, чтобы наградить. Сторож Ху явился со шкатулкой. Начальник уезда тут же открыл ее и увидел, что там лежит печать. Начальник, естественно, сделал вид, что ничего не заметил, и отдал сторожу его награду.

Так начальник уезда Хуан с помощью Стратагемы № 17 избежал грозившей ему опасности отстранения от службы и наказания. «Кирпичом» здесь была пустая шкатулка, а «яшмой» — возвращенная печать.

17.30. Дары как доказательство верности

Усиление рода Чжоу, одерживавшего все новые победы над соседними народами, вызывало страх у династии Шан (XVI—XI вв. до н. э.). Шанский император Вэнь Дин убил чжоуского властителя Цзи Ли. Наследник последнего, Цзи Чан (о котором мы уже говорили в 17.10: Рыбак выживает царя), жаждал мести. Отовсюду он привлекал к себе талантливых людей. Когда последний император Шанской династии узнал о враждебных намерениях Цзи Чана, он приказал немедленно арестовать его и сослать в Юли (в нынешнем уезде Таньбинь, провинция Хэнань). Тогда те таланты, которых собрал вокруг себя Цзи Чан, придумали, как выразилась детская книжка, вышедшая в Пекине в 1978 г., «чувствительную стратагему». Они предложили Цзи Чану послать шанскому императору прекрасных женщин, великолепных лошадей и множество ценностей, чтобы тем подтвердить свою верноподданность. Жадный шанский император клонул на стратагему. Весь его гнев против Цзи Чана угас, и он даже наделил его некоторыми привилегиями. Таким образом Цзи Чан за несколько подарков получил гораздо более ценную вещь — свободу. Его сын, известный под именем чжоуского императора У, уничтожил Шанскую династию в битве при Мус (юг нынешнего уезда Ци провинции Хэнань); это произошло в 1027 г. до н. э. Важную роль при этом, по-видимому, сыграл военачальник Цзян Цзя, о котором говорилось в 17.8 и 17.10.

17.31. Лао-цзы — философ интриги?

То, что хочешь ограничить, сначала следует расширить.

То, что хочешь ослабить, сначала надо усилить.

То, что хочешь опрокинуть, сначала надо поставить.

У кого хочешь что-то забрать, тому сначала надо что-то дать.

Благодаря этому пассажиру из «Дао дэ цзин», Лао-цзы (приблизительно середина I тыс. до н. э.), который считается автором этого произведения²²⁴, до сих пор обвинялся в изобретении «философии интриги». Многие комментаторы относят приведенные здесь строки также к области военного искусства.

Против такой интерпретации выступил историк философии Гао Хэн (ум. 1985 в КНР). Он толкует этот текст следующим образом:

То, что сократится, сначала расширяется. То, что ослабнет, сначала сильно. То, что погибнет, сначала возвышается. То, что будет взято, сначала дается.

Лу Юаньчи в своем «Популярном толковании текстов Лао-цзы» (Пекин, 1987) ищет компромисс между первым и вторым толкованиями. Он полагает, что обе версии с научной точки зрения правильны: принадлежащая Гао Хэну — по отношению к природным явлениям, а другая — по отношению к общественным явлениям. Лао-цзы, по-видимому, прежде всего установил определенные «диалектические

²²⁴ Основоположник даосизма Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.) был современником Конфуция. «Дао дэ цзин» — произведение, в котором изложено его учение, столь увлекшее когда-то Л. Н. Толстого, — переведено на русский язык проф. Ян Хин-шуном. Данный отрывок звучит следующим образом: «Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его. Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему» (Древнекитайская философия. Т. 1. С. 125—126).

закономерности» в природе и применил их к анализу социальных процессов с целью предостеречь людей.

Тем не менее в самом древнем собрании примеров, толкующих высказывания Лао-цзы, которые мы находим в труде Хань Фэй (ум. 233 до н. э.), соответствующее место интерпретируется в однозначно стратегическом смысле.

17.32. Колокол в качестве авангарда

Князь Чжи, могущественнейший из шести правителей государства Цзинь в середине V в. до н. э., задумал напасть на государство Чоюю. Но на пути туда лежала совершенно непроходимая местность. Тогда он приказал отлить большой колокол и предложил его в подарок властителю Чоюю. Тот очень обрадовался и решил устроить дорогу в свою страну, чтобы с удобствами довести колокол. Его советник Чичжан Маньчжи сказал ему: «Вы не должны этого делать. Князь Чжи ведет себя как маленькое государство, оказывающее большое уважение. Но на самом деле князь Чжи представляет большое государство. Несомненно, за колоколом последуют воины. Не принимайте подарка!» Но правитель Чоюю не послушался этого совета и забрал колокол. Через 7 месяцев Чоюю было уничтожено. За колоколом действительно последовала армия князя Чжи.

В книге Хань Фэй-цзы эта история иллюстрирует рассматривавшийся выше пассаж из «Дао дэ цзина». После этого военного эпизода стоит фраза: «Потому говорят: у кого хочешь что-нибудь забрать, тому сначала следует что-нибудь дать».

17.33. Смертоносное владение

В другой раз князь Чжи возжелал часть земли князя Хуаня из Вэй. Хуань колебался. Его советник Жэнь Чжан спросил: «Почему вы не отдаете ему землю?»

«Князь Чжи домогается этой моей земли без всякой причины. Почему я должен ему ее отдавать?»

Советник возразил: «Если вы сейчас отдадите князю эту землю, возрастет его высокомерие и стремление захватить еще больше земель. Соседние властители будут этим обеспокоены и объединятся. Если собрать армии множества государств и напасть на недооценивающего своих противников князя, с ним будет покончено. Как говорится: «Кого ты хочешь победить, тому сначала помоги. У кого ты хочешь что-то отнять, тому сначала дай». Так что вы хорошо сделаете, если отдадите князю землю и тем увеличите его спесь».

«Хорошо», — сказал князь Сюань и подарил князю Чжи удел в 10 тысяч хозяйств. Князь Чжи очень обрадовался. Затем он возжелал земли царства Чжао. Царство Чжао отказало ему. Тогда князь Чжи начал поход против Чжао. Царства Хань и Вэй поспешили на помощь Чжао, и князь Чжи погиб.

«Кирпич» — удел, а «яшма» — достигнутое наконец избавление от князя Чжи.

17.34. Жемчужина искусства управления

Благодаря осмотрительному поведению советника Гуань Чжуна (ум. 645 до н. э.) государство Ци, одно из более чем 170 княжеств эпохи «Весны и Осени» (VIII—V вв. до н. э.), значительно усилилось. В 681 г. до н. э. князь Хуань предпринял поход против южного соседа, княжества Лу. Князь Лу, Чжуан (693—662 до н. э.), после нескольких поражений вынужден был просить мира. Он готов был уступить княжеству Ци ряд областей и уже собирался неподалеку от местечка Кэ принести соответствующую клятву, но тут его военачальник Цао Мо внезапно подбежал к алтарю, схватил князя Хуаня и, занеся кинжал, воскликнул: «Либо ты отдашь назад украденную землю, либо я убью тебя и себя!»

Князю Хуаню ничего не оставалось, как отдать назад едва приобретенные земли. Тогда Цао Мо отпустил его и вернулся на свое место.

Князя Хуаня этот случай привел в ярость. Он измыслил план погубить Цао Мо и забрать обратно землю. Гуань Чжун, однако, сказал ему: «Конечно, вы произнесли обещание под угрозой насилия, но сейчас между вами и княжеством Лу имеется открытый договор. Если вы откажетесь от своего слова и погубите кого-нибудь в княжестве Лу, вам никто не станет доверять. Вы удовлетворите свой гнев, но тем вызовете негодование множества князей. Это только повредит вам. И думать забудьте об этом плане».

Тогда князь Хуань решил придерживаться договора с Цао Мо и отдал княжеству Лу все завоеванные у него

области. Известие об этом как на крыльях ветра распространилось по всему государству. Князья прослезились все как один. Они восхитились обязательностью князя Хуаня и почувствовали к нему доверие. Через два года они единогласно избрали его своим предводителем. Конечно, княжество Ци стало государством-гегемоном той эпохи, имея значительные военные силы, как подчеркивается в книге биографий китайских советников, вышедшей в Тайбэе в 1983 г. Но одной военной силы для достижения гегемонии было недостаточно. Сыма Цянь (род. ок. 145 до н. э.) пишет:

«Князь Хуань хотел отказаться от договора с Цао Мо, но Гуань Чжун потребовал от него сдерживать слово. Благодаря этому все князья перешли на сторону Ци. Потому говорится: «Понимать, что дать, — это способ получить, жемчужина в искусстве управления».

«Кирпич» здесь — верность договору, хотя бы заключенному под угрозой насилия, а «яшма» — достигнутая в результате гегемония.

17.35. Гибель династии

Видя, что династия Западная Чжоу близится к гибели, священный император, князь Хуань (ум. 771 до н. э.), спросил своего советника Ши Бо: «Династия в опасности. Боюсь, что угрожающая ей гибель коснется и меня. Куда мне бежать, чтобы избежать смерти?»

Ши Бо ответил: «От гибели династии выиграет мощь варварских народов на западе и севере. По соседству с Чжоу имеется множество других государств, но все они — неподходящие места для убежища. К крупнейшим удельным государствам принадлежат Хао [ныне уезд Синьян, провинция Хэнань] и Куай [ныне уезд Ми, провинция Хэнань]. Властители Хао и Куай весьма высокомерны и заносчивы благодаря удачному стратегическому положению их областей. Кроме того, они алчны. Если вы доверите обоим этим властителям вашу супругу и детей, а также ваше имущество, они не решатся отказать вам в просьбе. Но когда династия Чжоу падет, властители в своей алчности и высокомерии нарушат слово и отвернутся от вас, чтобы завладеть вашим имуществом. Тогда у вас будет хороший повод вместе с верными вам вассалами династии Чжоу напасть на обоих клятвопреступников и забрать их земли, на которых вы сможете пережить гибель династии».

Князю очень понравился совет. Он послал жену и детей к властителям Хао и Куай, которые согласились взять их под покровительство. Этим князь Хуань в определенном смысле поймал их в ловушку.

Его семья и имущество здесь играют роль «кирпича». Властители, которым он бросил этот «кирпич», из-за своей жадности не могли удержаться, чтобы не завладеть полностью отданным им под покровительство человеческим и материальным имуществом. Это дало князю Хуаню повод для военного похода, в котором он добыл себе подходящее место для убежища, «яшму».

Я нашел эту историю в вышедшем в КНР в 1985 г. популярном издании труда «Го юй» («Беседы о царствах») ²²⁵. Этому собранию анекдотов X—V вв. до н. э. более двух тысяч лет. Китайцы считают его древнейшим историческим трудом; с точки зрения западных синологов, в нем отсутствует граница между серьезной исторической работой и беллетристикой. Использованное мною издание 1985 г. содержит значительное число пассажей из этого труда, который еще сейчас рассматривается в КНР как поучительное и увлекательное чтение.

17.36. Отдать больше, чем скакуна

Еще с эпохи «Весны и Осени» (VIII—V вв. до н. э.) на востоке Китая жил род Дунху ²²⁶. То и дело он вступал в стычки с соседними племенами.

В 209 г. до н. э. предводитель живших по соседству сюнну был убит своим сыном Мо Ду. Мо Ду

²²⁵ В китайской историографии помимо 25 династийных историй, берущих свое начало от «Исторических записок» Сыма Цяня, существуют и не вошедшие в канон монографии типа «Чжаньго цэ» («Планы Сражающихся царств»). К этому же классу исторических сочинений относится и «Го юй» — «Беседы о царствах».

²²⁶ В период «Чжаньго» — «Сражающихся царств» — к северу от рубежей Китая сложились три союза кочевых племен: на востоке — дунху, древние монголы; на севере — сюнну (хунну), древние тюрки; на западе — юэчжи.

узурпировал престол. Властитель Дунху решил «прощупать» Мо Ду. Для этого он послал к нему вестника с требованием подарить себе «тысячемильную» лошадь — лошадь, обладающую большой быстротой и выносливостью.

Мо Ду почувствовал неладное. Он призвал своих министров и держал с ними совет. Они заявили: во всей стране есть только одна «тысячемильная» лошадь. Это — наследство покойного царя. Невозможно с такой легкостью дарить ее за границу.

Но Мо Ду решил: «Напротив, невозможно из-за лошади ставить под удар добрососедские отношения». И он отдал «тысячемильную» лошадь. Властитель Дунху решил, что Мо Ду испугался его. Через некоторое время он послал нового вестника с требованием отдать супругу Мо Ду в жены властителю Дунху.

Мо Ду опять собрал своих советников. Они возмущенно кричали со всех сторон: «Какой позор! Что возомнил этот главарь Дунху? Он хочет взять в жены нашу царицу! Следует наказать его войной».

Но Мо Ду решил: «Зачем из-за женщины подвергать опасности дружбу с соседями?» И отправил свою супругу властителю Дунху. Когда тот получил от Мо Ду не только лучшую лошадь, но и его прекрасную супругу, успех ударил ему в голову. Вскоре он вновь послал вестника ко двору сюнну. На этот раз он требовал кусок приграничной земли окружностью в тысячу миль. Мо Ду опять собрал совет. Одни говорили, что землей следует пожертвовать, другие были против. Тут Мо Ду поднялся и провозгласил: «Земля — это основа государства. Как можно отказываться от нее?» И он приказал обезглавить всех советников, которые выступили за передачу земли. Сам он облекся в доспехи, собрал войско и молниеносно напал на страну Дунху.

Войско противника было столь ошеломлено нападением, этим первым «нет», что не смогло даже обороняться. В одно мгновение Мо Ду уничтожил все государство Дунху. Не встретив сопротивления, он вошел во дворец властителя и убил его.

«Кирпичи» здесь — это княжеские подарки, а «яшма» — победа над противником.

17.37. Золото и шёлк для тюрков

В середине VI в. н. э. тюрки основали на территории нынешней Монголии огромное государство, простиравшееся далеко на запад. В 582 г. н. э. государство распалось на западную и восточную половины. Восточные тюрки держались до определенной степени поодаль от китайской династии Суй (581—618), но затем, в связи с беспорядками и дворцовыми интригами в начале династии Тан (618—907), стали все чаще совершать набеги на Китай. Когда Сизли, хан восточных тюрков, в 622 г. наводнил нынешнюю китайскую провинцию Шаньси своим войском в 100 тысяч человек, посол танского императора сумел убедить его отступить, обещав ежегодную дань. Но в 624 г. Сизли вместе с Тули, другим тюркским ханом, снова вошел в Китай. Благодаря своему бесстрашному выступлению и раздорам между Сизли и Тули Ли Шиминь, сын китайского императора, вновь сумел отвести опасность.

В 626 г. Сизли вновь напал на Китай со 100 тыс. солдат и остановился лишь в нескольких милях от китайской столицы Чань-ань. Династия Тан в этот момент была еще слаба. Юный Ли Шиминь, в то время император Китая, не послушал предложений советника укрепиться в столице, потому что боялся, что в этом случае тюрки опустошат китайские провинции. «Я должен показать, что не боюсь их!» — сказал он. Он собрал небольшой отряд и поехал со свитой к реке Вэй. Там, на противоположном берегу, стояли готовые к бою тюрки. Ли Шиминь высокомерно бросил тюркскому хану слова: «Вы нарушили прежние договоры!» Увидев китайского императора, тюркские предводители совершенно потеряли мужество. Они спешили и почтительно приветствовали его. Внезапно показалась четко построенная китайская армия, блистающая на солнце вооружением и штандартами, — величественное зрелище! Тюрки совсем перепугались. Император подал армии знак перестраиваться в боевые порядки и поскакал один на мост Бянь, чтобы вызвать тюркских ханов на поединок.

Потрясенный смелостью противника, Сизли не решился принять бой. Он запросил мира. Танский император, достигший своей цели — окончательного устранения тюркской опасности, — согласился на это предложение и к тому же одарил Сизли золотом и шелками,

Согласно написанной между 940 и 945 гг. н. э. «Старой Тан-ской истории»²²⁷, между танским императором

²²⁷ История наиболее могущественной в Средние века династии Тан началась в 613 г., когда суйский император Ян-ди был свергнут одним из своих военачальников — Ли Юанем. Новая династия получила

и одним из его подданных произошел следующий разговор:

«Сяо Ю спросил: «...советники и храбрые военачальники хотели войны, но ваше величество не согласилось на это. Потому у меня имеются некоторые сомнения».

Император отвечал: «...если бы я принял бой с тюрками, было бы много погибших и покалеченных. Даже если бы я победил их, наверное, в следующем же году они, боясь дальнейших поражений, перестроили бы свое управление. Из ненависти ко мне они нанесли бы нам немалый ущерб. Теперь же я отложил кольчугу и оружие. Я поймал их на приманку драгоценных камней и шелковой материи. Так я унизил высокомерие непокорных врагов. Без сомнения, это начало их окончательного поражения. Недаром говорят: «У кого хочешь что-нибудь взять, тому нужно сначала что-нибудь дать».

Известный китайский историк-марксист Фань Вэньлань (1893—1969) в своей многотомной «Истории Китая» буквально цитирует высказывание танского императора:

«У кого хочешь что-нибудь взять, тому нужно сначала что-нибудь дать».

У западных историков, напротив, эта фраза танского императора опускается — например, в работах Репе Груссе «L'empire des steppes» (Paris, 1939) или в 5-томном труде на турецком языке «Türklerin Tarihi» («История тюрков») Догана Авджиоглу (Стамбул, 1981).

В 630 г. н. э. наконец пришло время. Танский император уничтожил государство восточных тюрков, хан которого Сиэли к этому времени оказался в полной изоляции. Отсутствие согласия в собственных рядах, которое отчасти подогревалось китайцами, поставило его в безвыходное положение.

Богатые подарки, переданные танским императором в 626 г. властителю тюрков, были «кирпичами». Они внесли свой вклад в коллапс отношений между Китаем и Восточнотюркским каганатом. По мере ослабления противостояния с Китаем усиливались внутритюркские противоречия, которые Китай смог использовать для разъединения противника. Это и была полученная «яшма».

17.38. Троянский конь

«По легенде, длительная Троянская война кончилась благодаря придуманной Одиссеем хитрости с деревянным конем. Греки построили гигантского деревянного коня, в брюхе которого укрылась группа воинов. Затем они сделали вид, что отплывают, а в действительности укрылись в ближней бухте. Деревянного коня они оставили под стенами Трои. Троянцы поверили, что греки оставили свои воинственные намерения. Они заметили под стенами города деревянного коня и не догадались, что это военная хитрость. Поэтому они втащили его в город в качестве военной добычи. Ночью, когда троянцы спали, греческие воины выскочили из брюха деревянного коня, открыли городские ворота и подали сигнал. Тайно вернувшиеся с моря греки напали на город и вместе с действовавшими внутри города товарищами овладели им».

Так объясняется выражение «троянский конь» в книге «Объяснение литературных примеров в избранных трудах Маркса и Энгельса» (Пекин, 1986). Даже Мао Цзэдун в своем докладе о противоречиях от 1937 г. упоминает «стратагему деревянного коня», о которой повествуется «в одной иностранной повести». В китайском тексте «Пяти философских докладов Мао Цзэдуна», в которые входит доклад о противоречиях (Пекин, 1970), имеется сноска со ссылкой на Троянскую войну. В официальном немецком издании того же

название Тан. 294 года спустя могущественный «цзедуши» — правитель одного из северных пограничных округов Чжу Вэнь, получивший от императора титул «цзоань чжун» — «полностью верный», — низложил в 907 г. последнего императора Танской династии. Весь период правления танского дома делится как бы на две исторические части: до мятежа Ань Лушаня в 755 г. и после него. Именно после этих событий, когда обе столицы империи были захвачены мятежниками, а император Сюань-цзун бежал в Сычуань, начинается новый период существования Тан. Хотя Ань Лушань и провозгласил себя императором, но он погиб в 757 г. Мятеж был подавлен, Танская династия уцелела.

Официальная династия Тан состоит из двух книг: «Цзю Тан шу» и «Синь Тан шу» — «Старой Танской истории» и «Новой Танской истории». Написание «Синь Тан шу» было закончено в 1060 г. Подготовка той и другой книг проходила в острой борьбе мнений, главным образом по проблемам политики империи на ее северных рубежах.

труда (Пекин, 1976) такой сноски нет²²⁸.

Военная хитрость с троянским конем — единственная в изданных трудах Мао Цзэдуна отсылка к гомеровским поэмам.

«Кирпич» здесь — совершенно бесполезный деревянный конь, «яшма», которую греки заполучили с его помощью, — победа над Троей.

17.39. Разбитые горшки и сковородки

Мао Цзэдун приводит максимум Лао-цзы и по военным, и по мирным поводам. В работе «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.) он, в частности, пишет:

«Люди, выступавшие за то, чтобы «остановить противника за воротами своего государства», возражали против стратегического отступления, мотивируя это тем, что наше отступление ведет к утрате территории, наносит ущерб населению (так называемое «битье посуды в собственном доме») и вызывает неблагоприятные отклики во внешнем мире... Ответить на все эти утверждения нетрудно: на них уже ответила наша история. Что касается утраты территории, то сплошь и рядом бывает так, что, только утратив ее, можно ее сохранить. Как говорится, «если хочешь взять, то сначала дай». Если мы утрачиваем территорию, а получаем победу над врагом, да потом еще восстанавливаем территорию и даже расширяем ее — это прибыльная операция»²²⁹.

Во время гражданской войны (1945—1949) Мао применил эту максимум к Яньани — после Долгого похода (1934—1935) к столице коммунистов. Когда в июле 1946 г. на Яньань напали превосходящие силы Чан Кайши, Мао сдал город 18 марта 1947 г. 15 мая 1947 г. в Нанкине Чан Кайши безрассудно заявил в речи:

«От главных сил Мао практически ничего не осталось. Он вынужден был бежать. Теперь они больше не представляют собой сплоченной силы».

(Цит. по: Жэньминь жибао. 1985. 29 сентября)

Янь Чжанлинь, бывший начальник охраны Мао, пишет:

«Перед лицом вражеского наступления председатель Мао и Центральный Комитет партии приняли мудрое решение. Не только Яньань, священный город китайской революции, но и бесчисленные большие, малые и средние города, некоторые важные линии коммуникаций были сданы. Это решение имело стратегическое значение. Без предварительной сдачи нескольких городов невозможны были бы последующие выдающиеся победы».

(В дни великих решающих боев. Пекин, Китайское издательство книг для юношества, 1986)

«Кирпич» здесь — сданные города и линии коммуникаций, а «яшма» — конечная победа.

17.40. Сначала покорми, а потом дои

В 1956 г. Мао переносит совет Лао-цзы — Стратегему № 17 — в область экономического строительства. В директиве по ускорению социалистического преобразования ремесел он обращается к проблемам существовавших в то время в Китае 60 тыс. ремесленных товариществ, которые насчитывали около 5 млн. работников. Эти товарищества производили продукты питания, одежду и другие товары народного потребления, выпускали предметы искусства занимались ремонтом и готовили уток по-пекински. Мао утверждал:

²²⁸ В русском переводе имеется упоминание о троянском коне. «Герой романа «Шуйчжэуань» Сун Цзян трижды атаковал Чжужэчжэуан, но из-за незнания обстановки и неправильного метода действий дважды потерпел поражение. Когда же он изменил метод действий и, начав с разведки обстановки, разобрался в лабиринте троп, расстроил союз между селениями Лицзэчжэуан, Хуцзэчжэуан и Чжужэчжэуан, устроил засаду в лагере противника и применил метод, подобный использованию троянского коня, о котором повествует одно иностранное предание, — его третья атака увенчалась успехом» (Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. 1. С. 415).

²²⁹ Там же. С. 279—280.

«Предоставление государством материалов и оборудования кооперативам должно производиться по рационально установленным, а не государственным отпускным ценам... На первых порах своего существования кооперативы экономически слабы и нуждаются в государственной помощи. Очень хорошо, что государство по пониженным ценам предоставляет кооперативам освободившиеся старые машины, а также машины и помещения, ставшие излишними после превращения частных предприятий в смешанные государственно-частные и их объединения. Как говорится, «если хочешь взять, то сначала дай». Когда кооперативы окрепнут, государство увеличит налоги и повысит цены на сырье»²³⁰.

Примерно то же говорится в передовице «Жэньминь жибао» за сентябрь 1988 г.:

«Если хочешь что-нибудь получить, сначала что-нибудь отдай. Если мы сейчас поддержим сельскую промышленность, то она окрепнет и в будущем внесет большой вклад в социалистическую модернизацию».

17.41. Промок, «как мокрая курица»

«Нельзя только брать, ничего не давая, — провозглашает Ань Жо в эссе в той же газете.

Я люблю богатую, полную жизни атмосферу пекинского крестьянского рынка. Часто я хожу туда за покупками. Но иногда он меня и раздражает. Например, однажды шел сильный дождь, но надо всем рынком не было ни одного навеса. Все присутствовавшие промокли, «как мокрые курицы». Мне ничего не оставалось, как убежать оттуда. При этом нельзя сказать, что за порядком на рынке не присматривают. Например, установлены единые рыночные цены. Но о защите продавцов и покупателей от солнца и дождя не подумали. Мы живем в социалистическом государстве. Деньги, которые берешь у народа, следует вновь отдавать на пользу народа. Ответственные органы не должны брать не давая».

Здесь автор и все присутствовавшие на рынке вместе с ним, так сказать, тоскуют по поводу неприменения Стратегемы № 17. Если бы руководство пекинского рынка потратило какие-то средства на благоустройство рынка, количество покупателей и выручка продавцов увеличились бы и могли бы увеличить для государства прибыли от рынка. В этом случае следование Стратегеме № 17 пошло бы всем на пользу.

17.42. Пропавшая лошадь

Некогда в одной из пограничных областей Китая жил старик. Его прозвали Стариком с пограничья. Однажды его великолепная лошадь исчезла, не оставив следов. Соседи и друзья собрались, чтобы утешить старика.

Тот, однако, не выказывал никакой печали. Улыбаясь, он говорил: «Конечно, лошадь пропала, но кто знает, может быть, это к счастью».

Прошло некоторое время. И действительно, внезапно пропавшая лошадь явилась к старику. С собой она привела вторую, еще более ценную лошадь. Вся деревня пришла в возбуждение. Люди сбежались и поздравляли старика. Но тот вовсе не казался счастливым. Он говорил: «С чем тут поздравлять? Кто знает, не к несчастью ли это».

Через несколько дней единственный сын старика сел на вторую лошадь. Лошади не понравился новый всадник, она понесла и сбросила его на землю. Молодой человек стал калекой.

Когда люди узнали об этом, они пришли утешать старика, но тот опять же не печалился. Он говорил: «Возможно, это к счастью».

Через некоторое время на границе началась война. Множество молодых людей попало в армию и было отправлено на поля сражений. Все они погибли. Только сын Старика с пограничья смог остаться дома как инвалид. И он выжил.

Эта притча приводится в «Хуайнаньцзы», собрании даосских, конфуцианских и легистских текстов. Труд составлен учеными, которых собрал вокруг себя в конце II в. до н. э. князь Лю Ань из Хуайнани (179—122 до н. э.). Притча напоминает о парадоксе из «Дао дэ цзина»:

«Счастье опирается на несчастье, несчастье скрывается в счастье».

²³⁰ Мао Цзэдун. Избр. произв. Пекин, 1977. Т. 5. С. 337.

Эпизод пересказывается в «Историях о поговорках» (Пекин, 1982). В качестве объяснения говорится:

«Выражение «Неудачей ли было, что у Старика с пограничья сбежала лошадь?» означает, что дурное может превращаться в хорошее, а временные потери — в будущий выигрыш».

Газета «Цзефан жибао», орган партийного комитета Коммунистической партии Китая в г. Шанхае, обращается к этой истории в спортивном репортаже. На европейском турнире по баскетболу Болгария и Чехословакия боролись за выход в финал. Оставалось 8 секунд до свистка. Болгары шли впереди на 2 очка, но для попадания в финал им нужно было получить преимущество в 5 очков. В этот решающий момент болгарский тренер попросил устроить короткий перерыв и дал указания двум игрокам. Когда игра опять началась, болгарская команда повела мяч сначала в направлении корзины противника. Но ведший мяч игрок внезапно повернулся и кинул мяч в собственную корзину. В этот момент прозвучал свисток. Игра закончилась вничью. Чешская команда была так же ошарашена таким поворотом, как и зрители. Некоторые болгарские игроки тоже ничего не поняли. Но ничья, согласно правилам, привела к продлению игры на 5 минут. Болгары собрали все силы и выиграли 6 очков. Таким образом они попали в финал.

Китайский комментатор Чу Чжан указывает на хитрость болгарского тренера. В оставшиеся 8 секунд болгары не смогли бы получить требуемые 5 очков. Поэтому болгарский тренер дал понять своим игрокам, что они сами должны устроить себе потерю и добавить 2 очка чехам. На первый взгляд эти 2 очка выглядят как бросаемый «кирпич». В действительности же болгарская команда получила взамен необходимые для решительного боя 5 минут, то есть «яшму». Эти 5 минут помогли добиться необходимого преимущества в 5 очков. Мудрость болгарского тренера видна в том, что он в кратчайший срок сумел правильно оценить потери и выигрыш и решился на временное отступление в надежде на конечную победу.

«Кто хочет у кого-нибудь что-нибудь получить, тот должен ему сначала что-нибудь дать, — говорит китайский комментатор.

Только благодаря потере можно много выиграть, отступить на один шаг, чтобы сделать два шага вперед, события часто развиваются согласно этой диалектике».

«Не удачей ли было, что у Старика с пограничья сбежала лошадь?» Эта пословица, как заключает Чу Чжан в своем репортаже, может звучать фаталистически, но если правильно оценить объективное развитие событий и понять, что ввиду будущих приобретений можно кое-чем поступиться, то с помощью ее применения можно добиться выигрыша через потери.

«Если бы мы не осознавали этой смены потерь выигрышами, как могли бы мы регулировать экономику, разрабатывать планы, проводить в жизнь политнормы и т. п.?»

(Чу Чжан)

17.43. Мировые рекорды вместо мест

Известный китайский тяжелоатлет Чэнь Маньлинь (род. 1941) определял соотношение между занимаемыми на соревнованиях местами и охотой за рекордами в духе Стратагемы № 17. Во время национальных соревнований он стремился установить мировой рекорд и не обращал внимания на то, какое ему достается место. Часто ему не удавалось поставить мировой рекорд, и тогда он удовлетворялся одним из последних мест. Наконец он втрое улучшил мировой рекорд и тем прославил свою родину, как писала пекинская «Спортивная газета», которая в связи с этим упомянула Стратагему № 17. Чэнь Маньлинь бросал публике «кирпич», соглашаясь на последние места в соревнованиях, но благодаря этому ему удалось достичь мирового рекорда, то есть «яшмы». В 1965 г. он установил мировой рекорд в весе пера (до 56 кг), выжав 118 кг. В 1966 г. ему удалось поднять 128,5 кг — мировой рекорд в легком весе (до 60 кг), и в том же году он улучшил мировой рекорд в весе пера до 118,5 кг. В 1978 г. Чэнь Маньлинь стал тренером тяжелоатлетической команды провинции Гуандун.

17.44. Ростки будущего

«Когда я только еще учился играть в настольный теннис, я упражнялся в различных ударах — нападении, прямом ударе, косом ударе, срезающем ударе. Но наибольшее впечатление на меня произвел обмен ударами, которые оба игрока, стоя далеко от стола, наносят изо всей силы. Однако после некоторой тренировки я понял, что мне не подходит этот стиль: я был невысок ростом и не очень силен. Тем не менее я был убежден, что в технике боя мое будущее.

Однажды я наблюдал тренировочный матч между прекрасной теннисисткой Сунь Мэйин, которая с 1983 г.

была выбрана в Национальный народный конгресс, и членом мужской команды по теннису. При этом я заметил, что Сунь Мэйин отбили шарик легким, но молниеносным поворотом кисти без особенного применения силы. Шарик все-таки вылетел с поля; от способа, которым он летел, у меня перехватило дыхание — так низко прошел он над столом. Если бы он коснулся поверхности стола, то даже самый лучший игрок не смог бы отбить его. Тогда я подумал, что в этой технике удара лежит масса возможностей, и с большим воодушевлением начал отрабатывать у себя такой удар. Через некоторое время я начал овладевать этим движением, но только в общих чертах. Моему удару не хватало быстроты и силы. Я старался полностью овладеть этой техникой и выработал определенные приемы движений, которые внесли значительные улучшения. Успех вдохновил меня на дальнейшие усилия. Так день ото дня росла сила техники удара, и благодаря этому развивалась и моя исходная техника нападения вблизи стола.

Конечно, не увидев удара Сунь Мэйин, я до этого не дошел бы.

Отсюда можно извлечь следующий урок: мы должны постоянно вести наблюдения, которые в повседневной жизни могут иметь лишь минутное значение, но открывают огромные возможности ввиду скрывающихся в них ростков будущего. Конечно, разглядеть эти ростки в их скрытом состоянии трудно, но если взять их под защиту и ухаживать за ними, то в конце концов они расцветут пышным цветом. Эти ростки, как правило, требуют развития, и только мыслящий, наблюдательный и открытый новому человек может их угадать.

Эти рассуждения многократного чемпиона мира по настольному теннису Чжуан Цзэдун (род. 1949) озаглавлены «Бросить кирпич, чтобы получить яшму». Чжуан Цзэдун интерпретирует слова стратагеми несколько иначе, хотя и в допустимом для языка смысле:

«Кирпич бросается и затем возвращается в виде яшмы».

Худший наблюдатель увидел бы только, что китайская теннисистка плохо отбила шарик, и подумал бы: «Ага, кирпич!» А Чжуан Цзэдун, трехкратный чемпион, тщательно проанализировал все движение удара и, несмотря на его неуспех, обнаружил в нем потенциал — ростки будущего. Эти ростки с помощью своих стараний он привел к расцвету. Так он превратил «кирпич» в «яшму».

17.45. Неверный управитель

«Сказал же Иисус ученикам своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его. И, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении своим, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом: копать не могу, просить стыжусь; знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее напиши: 50. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: 80. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо дети человеческие догадливее в своем роде детей Божьих²³¹. И я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители».

В начале этой истории, рассказанной евангелистом Лукой, управитель находится в кризисе. Хозяин обвиняет его в неискренности или в неверности и готов его выгнать. Все его существование в опасности. Он считает себя слишком важным для физической работы, а нищенствовать стыдится. Что же ему делать, как упрочить свое материальное положение?

Управитель использует последний шанс. Он призывает должников своего господина по одному — при таких делах не нужны свидетели, — чтобы позаботиться о них за счет богача. Долг первого составляет сто мер масла (приблизительно урожай со 140 масличных деревьев). Возможность такой огромной фальсификации, в данном случае на половину общей суммы, объясняется тогдашней деловой практикой. Должник протягивает доверенному лицу — представляющему своего господина управителю — собственноручно написанное долговое обязательство. Поскольку только управитель контролирует сделку, он может потихоньку уладить двустороннее соглашение. Во втором случае речь идет о ста мерах зерна (550 центнеров — урожай с 42 гектаров). Управитель действует таким же образом, только в данном случае он снимает лишь 20 процентов долга. Теолог Йозеф Эрнст видит главное здесь в последовательных и целеустремленных действиях человека, у которого вода уже дошла до шеи. Уменьшая долги своему господину — здесь

²³¹ Речь идет о потомках Каина и Сифа (В. М.).

покамест идет речь о «кирпичах», поскольку господину это пока еще ничего не стоит, — он надеется приобрести благожелательность должников, чтобы они приняли его, когда он потеряет свое место. Это и есть вожделенная «яшма». Исполнились ли надежды управителя, которого Йозеф Эрнст называет ловким мошенником, нам неизвестно. Но в явной форме говорится, что его положение в результате улучшилось, потому что господин признал правильным способ поведения неверного управляющего.

Кто же этот восхваляющий управителя господин? Согласно теологу Дану Отто Виа, это работодатель управляющего. Он обнаружил обман, но, как человек, обладающий юмором и независимым мышлением, похвалил находчивость управителя, хотя и потерпел от нее убыток.

Но, по Йозефу Эрнсту, господин — это сам Иисус, который хвалит управляющего. Похвала Иисуса не связана с этическим качеством действий управляющего, а только с целеустремленностью, с которой он пытается найти выход из тупиковой ситуации.

«В своем роде» означает: их способами и в их собственной среде дети человеческие превосходят детей Божьих. Характеристика Иисуса содержит некоторое скрытое звучание: в сравнении с неверующими христиане в своем поведении проявляют отсутствие концентрированности и планомерности.

Согласно Дану Отто Виз, Иисус ставит поведение управителя в некоторую эстетическую рамку, которая делает миниатюру из того, что следует признать жульничеством. В плутовской комедии рассказывается история удачливого мошенника, который с легкостью обманывает общество, и при этом не предлагается никакой позитивной альтернативы. Жуликоватый негодяй спасает свою жизнь с помощью собственной сообразительности и обходя правила общественной ответственности, хотя и не угрожая существенно обществу. Он обладает острой наблюдательностью в том, что касается реакции человека, умеет играть на его вкусах. Он действует, не обращая внимания на общественные представления о добре и зле, хотя и не является столь же большим врагом этих правил, как тот, кто живет в ином мире. Хотя его высокоразвитая практическая сообразительность заменяет эмоциональную зрелость, он не совершенно бесчувствен. Плутовская история выводит на свет теньевую сторону человека, ту сторону, которая имеется у всех, но обычно держится под контролем. Она предоставляет этим импульсам возможность проявления.

Доставляет ли притча преходящее эстетическое наслаждение удачной приземленностью нашего тайного «Я»? Возможно, глубочайшей теологической импликацией этого эстетического эффекта является то, что хорошее самочувствие в конечном счете не является следствием смертельной серьезности.

Эдвард Швейцер в своем теологическом комментарии считает, что притча говорит о мудрости управителя. Он мудр, потому что предвидит свое будущее и заботится о нем. Таким образом, притча рассматривает настоящее как возможность воздействовать на будущее и настоятельно приглашает к этому. Примечательно, что понимание, которое сообщают современные комментаторы Библии притче о мудром управителе, созвучно Стратагеме № 17.

17.46. Уцененные телевизоры

Каждый обманщик поначалу был честен, утверждает тайбэйский знаток стратагем Шу Хань. Поначалу он действительно предоставляет некоторую выгоду. Но это только «кирпичи». После того как он раздаст «конфетки», его партнер теряет настороженность и обретает доверие к обманщику. С ним все соглашаются иметь дело без всяких условий. И в результате выгода для него во много раз превышает убыток.

Такой ход мысли демонстрирует статья в газете «Бэйцзин ваньбао». Ван Сянцян, работавший ранее на Пекинском нефтеочистительном заводе, получил с помощью жульничества столько, что мог питаться в лучших ресторанах Пекина, отдыхать вместе с женой в различных провинциях Южного Китая и ночевать в лучших отелях. Дома парочка пила вино, курила сигареты с фильтром, у них было 4 цветных телевизора, фотоаппарат, стиральная машина, холодильник и софа, а их дети ходили в школу в наручных часах, показывающих дату.

Как этот человек достиг такого богатства? Ключом к деньгам была Стратагема № 17. Рабочий покупал по рыночной цене импортные цветные телевизоры и магнитофоны и перепродавал их гораздо дешевле. Покупатели, конечно, широко его пропагандировали. Благодаря этой рекламе ему удалось получить 80 тыс. юаней и снабдить более 100 человек телевизорами по сходной цене. При этом он говорил, что может так дешево продавать эти приборы благодаря многочисленным связям внутри страны и за границей. В результате ему удалось произвести большое впечатление на таксиста, который стал кем-то вроде личного шофера Вана, больничного врача, который давал ему по желанию справки о болезни, и телевизионного техника в одной ремонтной мастерской. Последнего Ван использовал для того, чтобы собирать отовсюду деньги на телевизоры и магнитофоны, которые впоследствии присваивал. Так он за полгода насобирал более

чем с 400 человек около 456 тысяч юаней (ок. 217 тыс. немецких марок по курсу 1988 г.).

В конце концов мошенник был пойман и попал в репортаж «Бэйцзин ваньбао». Прежде чем он получил большие деньги — «яшму», он сначала должен был перепродать некоторое количество приборов по дешевой цене. Это были его «кирпичи».

17.47. Топ-менеджмент в японских фирмах

«В наших тайных манипуляциях, которые проводятся не только политиками и людьми бизнеса, но и любым из нас, мы часто искусно используем чувство долга. Штука состоит в том, что мы выказываем кому-либо дружеские чувства, которых он у нас, может быть, и не просил, и этим оказываем на него давление, так что в результате он не может оказать нам противодействие. Так поступают родители со своими детьми (крайнее проявление: «Я загубил ради тебя свою жизнь, а ты так неблагодарен»); дети с родителями, партнеры друг с другом, продавцы с покупателями (предложения на пробу, бесплатные услуги). Очень трудно не поддаться таким манипуляциям, потому что необходимость платить добром за добро глубоко укоренилась в нас. Нужно много мужества, чтобы сказать решительное «нет», — ведь мы рискуем быть заклеятыми как неблагодарные, невежливые и эгоистичные».

Так пишет Лютц Мюллер в своей книге «Храбрый портняжка: хитрость как жизненное искусство» (Цюрих, 1985).

«В состав качеств, по которым оценивается глава японского предприятия, входит готовность оказать любезность или даже услугу своим служащим. Чтобы понравиться служащим, следует хорошо изучить их стремления путем постоянных контактов. Так шеф завоевывает лояльность сотрудников, которые чувствуют себя обязанными ему. Когда начальник постоянно протягивает подчиненным руку помощи, подчиненные готовы пойти за него в огонь».

Эту информацию о талантливых японских дельцам сообщает Рюэй Симицу, профессор токийского университета Кэйо, в книге «Топ-менеджмент в японских фирмах» (1986).

Об отношении умного предпринимателя к коллегам пишет тайбэйский исследователь стратегем Шу Хань:

«Не следует вступать в препирательства относительно распределения наград и премий в коллективе. Напротив, выделяя себе долю, лучше сделать ее меньше, чем у других. С человеком, придерживающимся этого правила, сотрудничают охотнее. Если даже это сотрудничество принесет прибыль хотя бы трижды, умный руководитель окажется при этом в выигрыше. Ведь если бы в первый раз он выговорил себе большую, чем у других, долю, то отношения в коллективе могли бы испортиться и два других раза, возможно, вообще никакой прибыли получить не удалось бы. С коллегой, известным тем, что он большую часть выручки отдает другим, всякий охотно согласится сотрудничать».

Это напоминает нам стих из Ветхого завета:

«Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется; а другой сверх меры бережлив и, однако же, беднеет. Благотворительная душа будет насыщена; и кто напоет других, тот и сам напоен будет».

17.48. Много клиентов за медные пластинки

В 1975 г. в Чикаго состоялась выставка, в которой принимала участие одна фирма по производству продуктов питания. Явившись на место выставки, шеф фирмы Джон увидел, что ему отведен самый дальний угол в помещении.

Множество народу посещало выставку, но почти никто не находил дороги к витринам Джона. Но Джон не вешал носа. На третий день выставки посетители вдруг стали находить на полу маленькие медные пластинки. На них было написано: «По этой пластинке можно получить сувенир у витрины фирмы Джона». Доселе забытый уголок, где находился Джон со своими экспонатами, вдруг привлек целый поток посетителей. Даже когда медные пластинки кончились, этот поток продолжался (из «Пекинского юмористического журнала», 1987, № 4).

С помощью выброшенных «кирпичей» — медных пластинок — и, по-видимому, дешевых сувениров Джон получил желанную «яшму» — рекламное воздействие своей витрины.

17.49. Предложение об образовании как приманка к подписанию

договора

«Едва было подписано соглашение в области атомной энергетики между Японией и Китаем в начале августа 1985 г., в Пекин отправилась с предложениями сотрудничества деловая делегация от фирмы «Мицубиси». Она должна была создать для японцев подход к китайскому, выгодному с их точки зрения, рынку атомной энергетики. Ведущая японская экономическая газета «Нихон кэйдзай» сообщила, что «Мицубиси» обсудила с китайцами заключение множества широких договоров о технологическом сотрудничестве. Фирма «Мицубиси» предлагает при этом китайской стороне информацию для постройки и эксплуатации атомной электростанции к югу от Шанхая. Договор должен быть подписан еще до конца года, и можно рассчитывать, что первая японская техника попадет в распоряжение китайцев начиная со следующего года.

Ради этого в Японии предусмотрена специальная программа обучения для китайских инженеров и техников, практически ориентированная на установки, строящиеся сейчас и на уже готовые к эксплуатации. По сообщению «Нихон кэйдзай», эта программа начинает работу в будущем месяце.

По словам японского экономического вестника, «Мицубиси» этими предложениями сотрудничества добилась преимуществ перед американскими и европейскими партнерами в том, что касается договоров на строительство запланированных атомных станций в Китае».

Подзаголовок этой статьи Рауля Лаутеншутца, корреспондента «Новой цюрихской газеты» в Токио, невольно напоминает о Стратегеме № 17: «Предложение об образовании как приманка к подписанию договора».

Даровая программа образования, которую предлагает японская фирма, выглядит как «кирпич», с помощью которого японцы надеются получить «яшму», а именно — обогнать своих конкурентов в сфере атомной энергетики в Китае. В сентябре 1987 г. в Токио я узнал от профессора Миками Такехико, что эти расчеты «Мицубиси» до сих пор не оправдались.

17.50. Предложение о сотрудничестве в качестве клина

Кроме японцев к Стратегеме № 17 обращались и Советы. В начале 1979 г. они пригласили некоторые японские рыболовецкие компании ловить рыбу в территориальных водах Советского Союза, возле Южных Курил, полученных от Японии после Второй мировой войны, и устраивать совместные советско-японские предприятия рыбообрабатывающей промышленности. Это был «кирпич». С его помощью русские хотели расколоть японское движение за возвращение Северных территорий, так чтобы некоторые японские фирмы молчаливо признали русское господство над этими областями. Это была та «яшма», к которой стремились Советы.

Этот стратегемный анализ русских предложений Японии предпринял У Сэвэн в книге «Взгляд на Японию» (Пекин, 1985).

17.51. Перспектива выигрыша выигрыша

В международных отношениях категории «давать» и «брать» могут оказываться на одном уровне. Это перспектива выигрыша выигрыша в противопоставлении господствующей при неравных позициях перспективе выигрыша проигрыша, называемой также сведением к нулю. Когда даешь, чтобы взять, решается, что можно отдать для того, чтобы что-то получить. Возможны ли уступки, цена которых может быть возмещена уступками противоположной стороны? В такой ситуации обе стороны стараются по возможности действовать «кирпичами» в привлекательной обертке. Дело состоит в том, чтобы заметить «кирпичи» и не отдать за них «яшму» (по статье Чжан Чжимина в пекинском журнале «Знания о мире»).

17.52. Снаряды в сахарной оболочке

«Враг не может покорить нас силой оружия, и это уже доказано. Однако своей лестью буржуазия может покорить слабовольных из наших рядов. Возможно, среди коммунистов найдутся и такие, которые, хотя и не покорились врагу с оружием в руках и были достойны звания героя перед лицом такого врага, тем не менее не смогут устоять перед натиском тех, кто применяет «снаряды в сахарной оболочке», и будут сражены этими снарядами».

Это высказывание сделал Мао в марте 1949 г.²³². Здесь он косвенно приписывает буржуазии применение Стратегемы № 17. Она соблазняет мужественных бойцов сладкими приманками, чтобы с их помощью завоевать «яшму» — ослабление или даже падение диктатуры китайского пролетариата.

Конечно, это видение будущего принадлежит к реалистическим прогнозам Мао. Через 32 года премьер-министр Чжао Цзяян представил правительству доклад, в названии которого стояла та же цитата о «буржуазных снарядах в сахарной оболочке». Весной 1986 г. Гао Вэй в «Чжунго цинняньбао», центральном органе китайского комсомола, призвал напрямч свое мужество, чтобы противостоять этому «теплому ветру»:

«Речь идет всего лишь о сигаретах, алкоголе или конфетах. Но может случиться, что китайский проситель может поставить условием просимому повысить по службе дочь или сына, повысить им зарплату, облегчить вступление в партию или разрешить обучение за границей. Одним словом, речь идет о «снарядах в сахарной оболочке».

Каждый выстрел вызывает разрыв в структуре, который, образно говоря, пропускает мух, поэтому Гао Вэй призывает своих читателей отвергать «снаряды в сахарной оболочке», чтобы избежать разрывов, поскольку китайская пословица учит: «Муха не поселяется на яйце без трещин».

17.53. Ты в подарок принес...

Я заканчиваю главу о Стратегеме № 17 стихотворением из классической конфуцианской «Книги песен», древнейшего собрания китайских стихотворений, которому более 2500 лет, в нем идет речь об обмене подарками между женщиной и мужчиной и, в общем смысле, о щедрой плате за малый дар. Если фрукт вознаграждается украшением, то что это должно быть за украшение? На маленькие подарки можно отвечать большими подарками, но дружба превосходит любой дар. В этом и состоит глубинный смысл стихотворения.

*Мне ты в подарок принес плод айвы ароматный,
Яшмой прекрасною был мой подарок обратный.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.*

*Мне ты в подарок принес этот персик, мой милый.
Я же прекрасным нефритом тебя одарила.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.*

*Сливу в подарок принес ты сегодня с приветом,
Я же прекрасные в дар отдала самоцветы.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.*

(«Шицзин», I, V, 10*)

* Здесь приводится русский перевод Л. Штукина по изд.: Шицзин. Книга песен и гимнов. М, 1987. С. 65. — Прим. перев.

²³² Доклад Мао Цзэдун на II пленуме ЦК КПК седьмого созыва (см.: МаоЦзэдун. Избр. произв. Пекин, 1969. Т. 4. С. 456).

Стратегема № 18. Чтобы поймать разбойников, надо прежде поймать главаря

Четыре иероглифа	擒	賊	擒	王
Современное китайское чтение	цинъ	цзэй	цинъ	ван
Перевод каждого иероглифа	поймать	разбойники	поймать	главарь
Связный перевод	Если хочешь поймать разбойничью шайку, поймай сначала главаря.			
Сущность	Обезвредить предводителя или главный штаб организации противника, чтобы затем потратить значительно меньше сил на его разгром; сделать противника безвредным, устранив верхушку. Стратегема захвата вождя — стратегема удара по голове. Стратегема исключения — стратегема архимедовой точки ²³³ .			

18.1. Объяснительное стихотворение

Краткой формулировке Стратегемы № 18 уже более 1200 лет. Мы находим ее в стихотворении Ду Фу (712—770), знаменитейшего после Ли Бо (701—762) поэта эпохи Тан, одного из более чем 2300 поэтов этого периода расцвета китайской литературы, от которого до нас дошло около 50 000 стихотворений.

«Его труды сияют сквозь столетия, как неугасимый светильник», — восторгался переводчик, поэт и ведущий китайский германист Фэн Чжи в 1962 г. Через четырнадцать лет — еще в период «культурной революции» — мне пришлось посетить родину Ду Фу, Гунсянь (провинция Хэнань).

Ду фу часто страдал от нужды и бедности. Один из его детей умер от голода. Но чем больше поэт бедствовал при жизни, тем более высокий пьедестал обеспечен был его славе в глазах потомков. Его прозвали Шишэн, буквально «святой поэт». «Святой» не следует понимать здесь в религиозном смысле. Это слово означает, что Ду Фу достиг вершины поэтического совершенства. Его стихотворения, обычно представляющие собой «истории в стихах», содержат отражение пестрых картин его времени. Они повествуют о тяжелой жизни деревенских жителей, о событиях политической и военной истории. Из приблизительно 1400 дошедших до нас стихотворений Ду Фу особенно известно следующее произведение (из цикла «В поход за Великую стену»):

Когда натягиваешь лук — Тугой должна быть тетива, Должна быть длиною стрела, Что в битву послана людьми. Когда стреляешь по врагу — Бей по коню его сперва, И если в плен берешь солдат — Сперва их князя в плен возьми. Убийству тоже есть предел, — Хотя закон войны, суров, — Как есть пределы у всего, Как есть границы у страны. Конечно, армия должна Сдержатъ нашествие врагов, Но истрелять их без числа — Не в этом цель и смысл войны²³⁴.

В 730 г. после нескольких поражений тибетское государство Туфань отправило к китайскому императорскому двору послов с мирными предложениями. Китайский император Сюань Цзун (712—756) принял их, сообразуясь с мнением своих советников. После этого на границе наступил мир. Государство Туфань отвело все войска. Через 7 лет китайский император решил воспользоваться тем, что туфаньские границы не охраняются, и, нарушив мир, напал на тибетцев. Китайский военачальник Цуй Си углубился в территорию Туфаня на 2 тыс. миль и нанес тибетцам тяжелое поражение. Между Китаем и Туфанем опять началась война.

²³³ Словосочетание «цинъ цзэй цинъ ван» употребляется и как образное выражение в значении: в каждом деле надо начинать с главного.

²³⁴ Перевод приведен по изданию: Ду Фу. Стихотворения. Пер. А. Гитовича. М. — Л., 1962. С. 15. — Прим. перев.

Когда в 740 г. умерла китайская принцесса, вышедшая за властителя Туфаня в 709 г., к китайскому императорскому двору явилось тибетское траурное посольство, которое попыталось заключить мир. Император Сюань Цзун отклонил предложение. Через год тибетцы захватили важную китайскую пограничную крепость Шibaочэн (к юго-западу от нынешнего города Синин, провинция Цинхай). Китайский император приказал отбить крепость. Однако командующий, получивший приказ, вышел из повиновения и вскоре был казнен. В 749 г. император призвал отвоевать Шibaочэн предводителя поступивших на китайскую службу тюрок Гэ Шуханя (ум. 757). Гэ Шухань с 33 тысячами войска выполнил задачу, потеряв более 10 тысяч воинов. Крепость вновь оказалась в руках китайцев.

Непродуманная военная политика императора Сюань Цзуна, не считавшаяся со множеством человеческих жертв, побудила Ду Фу написать это стихотворение. Исторический комментарий к нему можно найти в труде Цао Муфаня «Ду ши цзашо» (Взгляд на стихотворения Ду Фу. Чэнду, провинция Сычуань, 1981).

Если ты хочешь выстрелить из лука, нужно сразу выбрать самый лучший и не терять напрасно время и силы с плохим луком.

То же самое — при выборе стрелы. Вместо того чтобы стрелять в маленький силуэт всадника и с большой вероятностью промахнуться, Ду Фу советует целиться в лошадь. Так ты имеешь больше шансов первым же выстрелом обезвредить противника. Вместо того чтобы гоняться за каждым членом разбойничьей шайки, следует поймать главарей. Бандиты, оставшись без руководства, станут легкой добычей. Война с варварами также должна ограничиваться обороной от их нападений. Если эта цель достигнута, оружие может замолчать.

Ду Фу призывает в своем стихотворении: в любой ситуации следует сначала выделить главное, ограничить свои действия этим пунктом и только в следующую очередь заниматься частностями. Это ограничение Ду Фу описывает с помощью различных образных сравнений. Самым знаменитым из них стало выражение:

«Если хочешь поймать разбойничью шайку, поймай сначала главаря».

Как указывает тайбэйский исследователь стратагем Шу Хань, здесь, конечно, в первую очередь имеется в виду прямой смысл данного стиха.

«Но одновременно это — тайное указание на способ достижения победы во множестве других ситуаций: кто хочет превзойти противника, должен часто вспоминать эту стратагему».

18.2. Обезьяны без дерева

Итак, образно выражаясь, как на войне, так и в жизненной битве следует в первую очередь найти «предводителя» «разбойничьей шайки». Такой предводитель может быть отдельным человеком или группой людей, а может быть предметом или определенной проблемой.

Когда «предводитель разбойников» установлен, встает задача направить на него острие атаки и уничтожить его. Это вызывает цепную реакцию в его окружении. Если все улажено без боя, то, согласно «И цзину», «Книге перемен», «драконья стая теряет вожака». Враждебная организация обезглавлена. В комментарии к Стратагеме № 18 говорится:

«Если схватить вражеского предводителя, это может вызвать гибель всей силы противника. Если разрушена главная опора врага, он погибает. Если положить на лопатки вожака, приспешники разбегутся».

Эти строки напоминают о другом образном китайском выражении:

«Когда дерево срубают, обезьяны с него разбегаются». Мао Цзэдун однажды сформулировал следующую мысль:

«Как бы ни ярились зависящие от империализма паразиты, на их закулисных господ надежды мало. Когда дерево срубают, обезьяны с него разбегаются и вся ситуация изменяется».

Эта цитата из 2-го тома Избранных трудов Мао Цзэдуна относится к связям между Японией и прояпонскими кругами в Китае, в частности в гоминьдановском правительстве Чан Кайши. Мао обвиняет прояпонские китайские группировки в том, что они позволяют употребить себя японцам в качестве «ножа» против китайских коммунистов (Стратагема № 3). Но поскольку Япония сама является «деревом», которое скоро будет срублено, находящиеся под ее защитой «обезьяны» тоже погибнут.

Через 35 лет так называемая «банда четырех», а именно шанхайский профсоюзный деятель Ван Хунвэнь,

главный идеолог Чжан Чуньцяо, пропагандист Яо Вэньюань и супруга Мао Цзян Цин, согласно разоблачениям китайской прессы, явилась руководством опутывающей всю страну сети единомышленников — так называемой клики «банды четырех». Она добилась практически абсолютной власти над средствами массовой информации. И тем не менее эта система без гражданской войны оказалась обезврежена буквально в один день. Как это произошло? В октябре 1976 г., через несколько недель после смерти Мао, четыре предводителя, потерявшие свою главную опору, были арестованы.

«С арестом «банды четырех» упало «дерево», и обезьяны разбежались с него».

(«Жэньминь жибао», 1979)

18.3. Умирает человек — умирает и его политика

Конечно, существует множество способов обезвредить «предводителя разбойничьей шайки». Для этого можно применять другие стратагемы, выбирая их в зависимости от природы «предводителя» и обстоятельств. Если «предводитель» — человек, можно действовать двумя путями: либо жесткими средствами, либо мягкими. К жестким средствам причисляется применение вооруженного насилия. При этом предводитель устраняется физически. При мягких средствах пытаются коррумпировать или пленить мысли и чувства предводителя. Согласно китайским книгам о стратагемах, сюда, в частности, относятся «плотские бомбы». На Западе более принят термин «секс-бомбы». Это оружие, согласно гонконгской книге о стратагемах, часто оказывается действенной, чем настоящая бомба.

В основе Стратагемы № 18 лежит твердая уверенность в выдающейся мощи отдельной личности или элиты. Она отражает, таким образом, иерархическое мышление и авторитарный государственный строй императорского Китая. В империи высшим авторитетом являлся Сын Неба, а в семье — отец. И по этому образцу было устроено большинство общественных группировок в традиционном Китае. Эта важность отдельной личности частично сохраняется до сих пор. Например, Дэн Сяопин, руководитель Китая после смерти Мао Цзэдуна в 1980 г., в речи о «культурной революции» жалуется на «влияние феодальной автократии»:

«Если кто-либо достигал высокого положения, его родственники, собаки и куры также возносились до небес. Если кто-то попадал в опалу, родственников постигала та же судьба».

Тесная связь целой группы людей с судьбой отдельного «вожака» продолжает практиковаться в Китае, в обществе, где «связи между индивидуумом и группой внутри верхней прослойки весьма сильно подвержены давлению патерналистского авторитета» (Герберт Франке, Рольф Трауцеттель).

В Китае часто говорят о «жэньчжи» («личном господстве»). Основное содержание понятия личного господства, общее для всех философов Древнего Китая, передает следующая фраза из классического конфуцианского источника:

«Пока человек жив, проводится его политика; если он умрет, умрет и его политика».

Эта фраза объясняет причины той цепной реакции, которую вызывает существование или гибель одной личности. До сего дня значение центра в государстве остается в основных чертах тем же. «Господство институтов» осуществлено здесь еще не полностью — тех институтов, которые в западном обществе «до определенной степени снижают роль руководителя с помощью регулировки связей между силами, их расчленения, ограничения сил, управления силами и уравнивания сил» (Алоиз Риклин).

Даже и в Китае захват «предводителя» не всегда приносит желанный выигрыш. По-видимому, закон о том, что нет правил без исключений, действует во всем мире.

18.4. Покинутый император

В эпоху Мин (1368—1644) всемогущий дворцовый евнух Ван Чжэнь (ум. 1449) вынудил 23-летнего императора Ин Цзуна (1435—1464) лично руководить походом против ойратов, надвигавшихся с севера, из Восточной Монголии, под предводительством Эзен-хана (ум. 1454). Император Ин Цзун потерпел поражение и попал в плен при крепости Туму (на севере нынешней провинции Хэбэй). Евнуха Ван Чжэня убили возмущенные китайские воины. Ойратская армия предприняла наступление на Пекин. Сто тысяч китайских мужчин и женщин были взяты в плен или перебиты. Императора ойраты волокли с собой. Дальнейшее развитие событий описывает американский синолог немецкого происхождения Вольфрам Эберхард:

«Ойраты не собирались убивать императора. Они хотели сохранить его в качестве добычи и освободить за большой выкуп. Однако различные придворные клики не слишком заботились о своем императоре. После гибели клики Вана вновь образовались две клики, из которых победила клика генерала Юя, так что последний даже смог отстоять Пекин от ойратов. Он провозгласил нового императора, но не младенца-сына плененного императора, как это следовало бы по обычаю, а его брата. Другая клика вступилась за права императорского сына. Из этого ойраты сделали вывод, что китайцы не склонны давать большой выкуп за пленника. Они сильно снизили цену и фактически навязали китайцам их бывшего императора, надеясь по крайней мере, восстановив его власть в Пекине, вызвать полезные для себя политические беспорядки. Так все и случилось».

Этот пример показывает, что пленение «главаря» не всегда выводит из строя всю «шайку». Напротив, в Риме не арест, а изгнание Катилины (ок. 108—62 до н. э.) превратило в прах его опасный заговор — во всяком случае, по интерпретации его противника, Марка Туллия Цицерона (106—43 до н. э.).

18.5. Толпа без руководителя

«Изгоняя Катилину из Рима, я предвидел, квинтиты, что после его удаления мне не придется страшиться ни сонливого Публия Лентула, ни тучного Луция Кассия, ни бешено безрассудного Гая Цетега. Из всех этих людей стоило бояться одного только Катилины, но и его — лишь пока он находился в стенах Рима».

Это последнее замечание Цицерона позволяет вспомнить о Стратегеме № 15 «Сманить тигра с горы на равнину». Но предоставим слово Цицерону:

«Он знал все, умел подойти к любому человеку; он мог, он осмеливался привлекать к себе людей, выведывать их мысли, подстрекать их; он обладал способностью задумать преступное деяние, и этой способности верно служили и его язык, и его руки. Для выполнения определенных задач он располагал определенными людьми, отобранными и назначенными им, причем он, дав им какое-нибудь поручение, не считал его уже выполненным; решительно во все он входил сам, был бдителен и рьян; холод, жажда и голод были ему нипочем. Если бы этого человека, столь деятельного, столь отважного, столь предприимчивого, столь хитрого, столь осторожного при совершении им злодеяний, столь неутомимого в преступлениях, я не заставил отказаться от козней в стенах Рима и вступить на путь разбойничьей войны, мне нелегко было бы отворотить страшную беду, нависшую над вашими головами... И если бы Катилина оставался в государстве и по сей день, то нам пришлось бы сразиться с ним, причем мы никогда — если бы этот враг все еще находился в Риме — не избавили бы государство от таких больших опасностей, сохранив при этом мир, спокойствие и тишину».

Это было извлечение из «Третьей речи против Катилины» по изданию: Лангеншайдтова библиотека избранных греческих и римских классиков в новых немецких переводах. Т. 90. Берлин — Штутгарт, 1855-1812.

Все грозившие Риму опасности были устранены благодаря удалению Катилины из города. По Цицерону, следовало бояться одного Катилины из-за его предусмотрительности, деловых качеств и решительности. Его сторонники, которые погубили дело своей ограниченностью и непредусмотрительностью, сами по себе ничего не смогли бы добиться.

Здесь можно вспомнить о высказывании Макиавелли:

«Толпа без предводителя беспомощна».

(О государстве. Пер. Йог. Циглера. Карлсруэ, 1832)

Макиавелли навели на это заключение следующие события:

«Римские плебеи, по причине смерти Виргинии, вооружившись, удалились на Священную гору. Сенат отправил к ним посланцев, дабы спросить, кто дозволил им покинуть своих военачальников и уйти. И столь высок был авторитет Сената, что, не имея предводителя, никто из плебеев не решился ответить. Как пишет Ливии, не хватало для ответа не предмета, а того, кто бы этот ответ произнес».

* Цицерон. Речи. Т. I. Пер. В. О. Горенштейна. М: Наука, 1993. С. 316—317. —Прим. перев.

18.6. Утопленное суеверие

Во времена князя Вэня из Вэй (445—396 до н. э.) чиновник Си-мэнь Бао был назначен начальником уезда Е

(на западе нынешнего уезда Линьчжан, провинция Хэнань). Прибыв на место службы, он встретился с местными старейшинами и стал расспрашивать их, какие затруднения есть у местных жителей. Старейшины сказали: «Нас печалит необходимость отдавать невест богу реки, что является причиной нашей бедности».

Симэнь Бао стал расспрашивать подробнее. Ответ был таков: «Три жреца и один отшельник каждый год устраивают поборы среди населения. Сумма, которую они отнимают, доходит до ста раз по 10 тысяч. Из них 20—30 раз по 10 тысяч они употребляют на свадьбу речного бога. Остаток они делят между собой и еще одной колдуньей. Когда приходит время, колдунья является сюда и выбирает какую-нибудь красивую девушку. Она говорит: «Эта девушка должна стать супругой речного бога». И начинается подготовка к церемонии помолвки. Девушке шьют новые шелковые платья. Она должна жить уединенно и не употреблять ни вина, ни мяса. На берегу реки строят хижину для проведения праздника. С четырех сторон ее завешивают желтыми и красными шелковыми занавесями. Туда отводят девушку и приносят говядину и другие яства. Через 10 дней на девушку надевают украшения и приказывают ей лечь на циновку. Циновку бросают в реку. Она проплывает несколько миль, а потом вместе с девушкой уходит под воду к речному богу. Если в каком-нибудь семействе есть красивая дочь, то все боятся, что, когда она вырастет, колдунья назначит ее в невесты речному богу. Многие семейства бегут вместе с дочерьми в отдаленную местность. Население города становится все меньше, и растет нищета. Это продолжается уже долго. В народе говорят: «Если речному богу не отдать невесты, то потоки воды разрушат все имущество и утопят людей». Так говорится».

Симэнь Бао сказал: «Когда речной бог захочет получить супругу в следующий раз, я хочу, чтобы трое жрецов, колдунья и деревенские старейшины проводили девушку, когда ее будут отправлять в реку. Я тоже буду там присутствовать». Все согласились.

Когда пришел назначенный день, Симэнь Бао явился на берег реки. Три жреца, местные чиновники и служащие, богачи, старейшины — все пришли посмотреть на жертвоприношение. Всего было около трех тысяч зрителей. Колдунья было около 70 лет. За ней следовали 10 ее учениц. Все они носили длинные шелковые платья и прислуживали колдунье.

Симэнь Бао сказал: «Позовите-ка сюда невесту речного бога. Хочу посмотреть, красива она или уродлива».

Из хижины вынесли избранницу. Симэнь Бао рассмотрел ее и повернулся к жрецам, колдунье и старейшинам: «Эта девушка недостаточно красива. Поэтому я поручаю великой волшебнице спуститься в реку и передать весть речному богу. Если он пожелает более красивую супругу, мы пошлем ее ему через некоторое время». И он приказал своим помощникам бросить старуху в реку. Немного подождав, Симэнь Бао сказал: «Почему эта старая волшебница так медлит? Пусть ее ученица поторопит ее!»

И в реку бросили одну из учениц. Еще через некоторое время Симэнь Бао сказал: «Что это ученица задерживается? Пошлите еще одну ученицу, чтобы поторопила ее». В реку бросили еще одну ученицу. Таким же образом эта судьба постигла еще трех учениц.

Симэнь Бао сказал: «Колдунья и ученицы всего лишь женщины. Они не могут толково передать речному богу наши слова. Пожалуй, надо отправить в реку трех жрецов, чтобы они объяснились с речным богом».

И он приказал бросить в реку трех жрецов. Затем он заколол волосы шпилькой и стал, внимательно уставившись в реку, чего-то ждать. Тут страх охватил деревенских старейшин, чиновников и зрителей. Наконец Симэнь Бао обернулся и сказал: «Старая колдунья, ее ученицы и три жреца не возвращаются, что делать?» И он приказал бросить в реку отшельника и одного из богачей, чтобы поторопить исчезнувших. Тут все бросились на колени, оперлись руками о землю и стали, обращаясь к Симэнь Бао, так стучать головами по земле, что раскровянили себе лбы. Цвет их лиц напоминал остывший пепел. Симэнь Бао сказал: «Ну ладно, давайте еще немного подождем».

Через некоторое время он сказал: «Ну, вставайте. Я чувствую, что речной бог еще долго будет удерживать своих гостей. Вам не надо ходить к нему. Идите по домам». Чиновники и жители Е перепугались за свои жизни, и с тех пор больше никто не пытался и говорить о свадьбе речного бога, не говоря уже о том, чтобы ее устраивать.

Скорее всего простое объяснение не тронуло бы суеверных жителей города. Однако это суеверие было опорной точкой жульничества, проводившегося маленькой группой людей. После того как жрица, руководившая этой группой, вместе с несколькими сторонниками была брошена в реку, суеверие навеки утонуло в потоке.

Этот рассказ о событии, происшедшем более 2400 лет назад, восходит к «Историческим запискам» Сыма Цяня (род. ок. 145 до н. э.), точнее, к приложению, принадлежащему перу Чу Шаосуня (I в. до н. э.). История

известна в Китае каждому школьнику. Я прочитал ее в 1973 г. в Центре языковой подготовки Тайваньского Нормального университета в 4-м томе официальной серии

учебников по китайскому языку для тайваньских средних школ, а кроме того, в качестве примера к Стратегеме № 18 в гонконгских и тайбэйских книгах о стратегемах. В КНР Симэнь Бао увековечен в первую очередь в комиксах.

18.7. Стрелы из руты

В период восстания Ань Лушаня произошла стычка между Чжан Сюнем (709—757), начальником уезда Чжэньюань (в современной провинции Хэнань), и восставшим военачальником Инь Цзыци. Войско Чжан Сюня пошло в атаку на войска бунтовщиков, и те потеряли около 5 тысяч человек. Но победа еще не была достигнута. Чжан Сюнь хотел уничтожить предводителя врагов, военачальника Инь Цзыци, но никак не мог узнать его в схватке. Тогда Чжан Сюнь приказал своим воинам использовать в качестве стрел стебельки руты. Воины противника, в которых попадали эти бессильные стрелы, очень обрадовались, потому что решили, что Чжан Сюнь расстрелял уже все настоящие стрелы.

Воины бунтовщиков, захватив эти стрелы, все поспешили к одному человеку, явно своему предводителю, которому хотели передать радостную новость. Таким образом Чжан Сюнь узнал, кто из воинов Инь Цзыци. Он тут же приказал начальнику отряда Нань Цзиюню выпустить по военачальнику бунтовщиков стрелу, естественно настоящую. Стрела попала в левый глаз военачальника, он сразу прекратил битву и вместе со своим войском отошел, признав поражение.

Только устранение вожака приносит победу. Вышедшая в северо-восточной китайской провинции Цзилинь книга о стратегемах напоминает: без устранения вражеского главаря и без разрушения главной силы противника так же глупо полагать, что ты достиг полной победы, как отпустить в горы раненого тигра.

18.8. Зимний ночной поход

Бунт Ань Лушаня и Ши Сымина (756—763) нанес тяжелый и имевший большие последствия удар могуществу китайского императорского двора. Ослабление верховной власти государства побудило бесчисленных региональных военных правителей создавать собственные маленькие княжества. При императоре Сянь Цзуне (805—820) попытались отделиться также У Шаочэн и его младший брат У Шаоян, последовательно бывшие военными правителями Хуайси (район нынешней провинции Хэнань). Но только У Юаньци, сын У Шаояна, в 814 г. открыто взбунтовался против императора. Он укрепился в Цайчжоу (в нынешнем уезде Жунань, провинция Хэнань) и все время увеличивал свою военную мощь. Все попытки усмирить возмутителя спокойствия пропали даром. Наконец военным правителем региона, соседнего с областью влияния У Юаньци, был назначен по его собственной просьбе Ли Су, который занялся усмирением восстания.

Сначала Ли Су держался тихо и утвердил У Юаньци в убеждении, что он получил слабого соперника. В то же время Ли Су всеми силами готовился к схватке. Он изучал местность, засылал шпионов и муштровал солдат. Но в первую очередь он заботился о том, чтобы с попавшимися в плен бунтовщиками хорошо обращались. Даже дезертиров высокого ранга, попавших ему в руки, он принимал хорошо и брал в свою армию. Так он набрал себе воинов, которые хорошо были знакомы с территорией У Юаньци. Через некоторое время Ли Су узнал, что лагерь У Юаньци находится не в Цайчжоу, а в расположенном поблизости Хойцю и что Цайчжоу практически не защищен.

Планируя военный поход, Ли Су исходил из следующих предпосылок. Все его предшественники оказались бессильны против У Юаньци. Тот еще ни разу не терпел поражения. Поэтому его самонадеянность чрезвычайно возросла. У него было два важнейших союзника: Ли Шидао, правитель Юньчжоу (в области нынешней провинции Шаньдун), и Ван Чэнцун, военный правитель Хэнчжоу (в районе нынешней провинции Хэбэй). Оба этих военных правителя еще не решились открыто отпасть от императора. Однако, если иметь в виду долгие военные действия против У Юаньци, возникала опасность того, что они оба солидаризируются с бунтовщиком. Чтобы устранить такое неблагоприятное для императора развитие событий, имелось лишь одно решение: быстрый сокрушительный удар по У Юаньци, или, как формулирует вышедшая в 1983 г. в Гуйчжоу книга о стратегемах, принадлежащая перу Цзян Говэя и Цзян Юнкана, применение Стратегемы № 18.

В 27-й день 11-го месяца 817 г. зимней ночью Ли Су начал молниеносный поход на Цайчжоу. Уже более 30 лет там никто не встречал императорских солдат, так что никто не ожидал нападения в ту ночь. Шел снег. Множество военных знамен сломал ветер, но войско Ли Су продвигалось вперед.

Более чем через 1100 лет Чэнь И (1901 — 1972), с 1949 г. мэр Шанхая и министр иностранных дел КНР, написал во время гражданской войны стихотворение «Поход снежной ночью», которое напоминает о событиях 817 г.:

Гору Тайшань окутал глубокий снег,

Реку И покрыл толстый лед.

Сквозь черную ночь

Торопливый поход.

Боевой дух высок,

И сердца бьются в лад.

Чтобы шайку поймать,

Мы поймаем сперва

Вожака.

И наступит всеобщий праздник

Весеннего дня.

К утру армия Ли Су подошла к стенам Цайчжоу. Городская стража крепко спала. Путь был свободен, и воины Ли Су вошли прямо в город.

Известие о падении Цайчжоу застало врасплох бунтовщика У Юаньцзи. Он попал в плен и был доставлен к императорскому двору в Чанъань. Так одним ударом было покончено с многолетним бунтом в Хуайси.

18.9. Черный тигр вырывает сердце

В 1948 г. Красная армия осадила стратегически важный город Сяньян (провинция Хубэй). С востока, запада и севера город был окружен рекой Ханьшуй, с юга — защищен горами. Между рекой Ханьшуй и южными горами к западной части города шел узкий коридор. Расположенные вне города на горах бункеры и оборонительные сооружения, по-видимому, образовывали стабильную систему обороны. Согласно пекинской книге о стратагемах, командующий войсками противника Кан Цзэ был «жаждущим крови пожирателем коммунистов». Он прекрасно знал коммунистическую тактику: «сначала позволить врагу растратить свои силы, а потом захватывать отдельные изолированные отряды противника». В эту тактику входило также основное правило, гласившее, что при штурме укрепленного объекта надо прорвать сначала внешнее кольцо укреплений, а потом одну за другой уничтожать внутренние линии обороны.

Но Красная армия повела себя иначе. Сначала она захватила ближайшую к городу гору Чжэнью и так открыла себе путь к коридору. Отсюда «черный тигр мог сразу же вырвать сердце противника». «Черный тигр» здесь образное название особенно сильного противника. Песенка внешней линии обороны была спета. Затем Красная армия использовала Стратегему № 6 «Шуметь на востоке, а нападать с запада», а именно разрушила окружающую город стену и захватила в плен командира противников Кан Цзэ. Так пал Сяньян. Вся операция заняла только 8 дней. Считавшаяся непреодолимой линия обороны у реки Ханьшуй рассыпалась в прах.

Этот пример приводится в главе о Стратегеме № 18 из вышедшей в Пекине книги о стратагемах. «Поимка главаря» здесь состоит в молниеносном нападении на центр вражеской обороны.

18.10. Схватить противника за горло

С появлением парашютных войск расширилось применение Стратегемы № 18. Парашютно-десантные войска позволяют молниеносным нападением перерезать главный нерв противника. Под прикрытием политических маневров и дипломатических оговорок можно внезапно овладеть с воздуха столицей или важным стратегическим объектом противника, схватить врага прямо за горло, без боя овладеть центральными командными пунктами и подготовить путь основным войскам. Пекинский стратагемовед — автор следующей цитаты — в качестве примера приводит взятие Кабула советскими военно-воздушными силами в 1979 г.:

«В данном случае, очевидно, изначально общеиспользуемая статагема стала монопольной стратагемой империализма».

18.11. Разговор о заместительнице

Красиво одетая молодая женщина в блестящих украшениях, прекрасная как фея, с рубиновыми губами, всегда готовыми к лучистой улыбке, — таков облик Ван Сифэн, молодой супруги Цзя Ляня, второго сына князя Шэ. Она — сердце и оплот княжеского дворца, в котором проживает ветвь рода Цзя с огромной свитой родственников, слуг и служанок, насчитывающей около 400 душ.

Ван Сифэн, одна из четырех главных героинь уже цитированного (см. 3.12) романа «Сон в Красном тереме», не только красива и талантлива, но, кроме того, «зла и ядовита» (Ван Куньлунь). Она происходит из могущественного семейства. Ее дядя занимает самый высокий военный пост при императорском дворе. Род Цзя находится от него в зависимости. Когда Ван Сифэн была еще ребенком, она часто переодевалась мальчиком. Таким образом она узнала о жизни больше, чем обычная женщина ее времени. Поскольку главные мужчины дворца находятся на государственной службе и ее муж стремится к тому же, на нее падает ведение всего хозяйства. С помощью жесткой руки и трезвого взгляда на жизнь ей удастся поддерживать определенный порядок. Однако задача нелегка. Несмотря на внешний блеск дома, приходится затыкать все больше глоток, улаживать все больше неурядиц. Никто из многочисленных господ и слуг, живущих в чести и роскоши, не думает, что будет дальше. Они настолько привыкли к своему образу жизни, что не могут хозяйствовать более экономно. Хотя внешне здание кажется устойчивым, они подгнило изнутри. С каждым надо обращаться согласно его положению — с людьми старшего, равного, младшего поколений, с людьми из мужнина рода и с невестками, и, кроме того, еще приходится регулировать взаимоотношения между слугами и служанками. В этом в высшей степени сложном переплетении человеческих отношений молодая женщина должна ежедневно проявлять величайшую ловкость, чтобы эта задача не раздавила ее. Но благодаря жизненному опыту и способностям ей удастся в каждом положении найти правильный выход, иногда с помощью жестоких средств (3.12).

Вследствие выкидыша Ван Сифэн вынуждена лежать в постели и не может заниматься дворцовым хозяйством. Руководство берет в свои руки тетка Ван Сифэн, госпожа Ван. Будучи несколько флегматичной, она чувствует, что не способна сама выполнять эту задачу, и привлекает в качестве помощниц Ли Вань, одну из невесток, известную своим дружелюбием и обходительностью, и незамужнюю Цзя Таньчунь, младшую дочь высокопоставленного чиновника Цзя Чжэна, владельца дворца, ребенка не первой жены, а одной из наложниц. Цзя Таньчунь слывет спокойной и сговорчивой. Слуги и просители, конечно, стараются поживиться в отсутствие суровой хозяйки Ван Сифэн, но их надежды обмануты. Обе заместительницы, Ли Вань и Цзя Таньчунь, в высшей степени серьезно относятся к своим обязанностям, состоящим в учете доходов и в наказании нерадивых слуг. Их, оказывается, не так легко уговорить.

Однажды Ван Сифэн, находясь у себя в постели, беседует со своей служанкой Пиньэр о заместительницах, в особенности о Цзя Таньчунь.

«Из-за экономии, которую я навела в последние годы, — говорит Ван Сифэн, — в этом доме все меня возненавидели. Ненавидят меня в глубине души и скрывают кинжал за улыбкой». Так что Ван Сифэн скорее рада, что Цзя Таньчунь также проводит весьма жесткий режим. Она надеется, что таким образом ненависть, направленная на нее, отчасти охладится.

«И вот еще что я хотела тебе сказать, — продолжает Ван Сифэн. — Я думаю о выражении «Если хочешь поймать разбойничью шайку, поймай сначала главаря». Если Цзя Таньчунь будет искать способы провести собственные взгляды на домашнее хозяйство, конечно, она будет использовать меня в качестве дурного примера. Если ты услышишь такое, не заступайся за меня. Чем больше она меня критикует, тем вежливее веди себя с ней и не противоречь ей, чтобы сохранить мое лицо. Это было бы неправильно!»

Китайский политик и ученый Ван Куньлунь (1902—1985), начальник отдела пропаганды Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и великолепный знаток романа «Сон в Красном тереме», интерпретирует это место таким образом:

«Во время болезни Ван Сифэн Цзя Таньчунь временно замещает ее. У Ван Сифэн очень скоро появляется ощущение, что Цзя Таньчунь пытается ее критиковать. Одновременно Ван Сифэн предвидит, что правление Цзя Таньчунь преходяще. Ввиду этого Ван Сифэн, проявляя гибкость, сглаживает конфликт».

Ван Сифэн пользуется в данном случае двумя стратагемами: «Скрывать под улыбкой кинжал» (Стратагема № 10) и «Если хочешь поймать разбойничью шайку, поймай сначала главаря» (Стратагема № 18). В употреблении Стратагемы № 10 она подозревает практически всех. С помощью Стратагемы № 18 она

оценивает возможное будущее поведение своей временной заместительницы Цзя Таньчунь. Из-за своих дурных поступков — пример приводился в 3.12 — и во многих отношениях безнравственного поведения, которое находит в доме больших и мелких подражателей, Ван Сифэн чувствует вокруг себя дурные намерения. Она инстинктивно оценивает себя как «главаря». «Разбойники» — это обитатели дворца. Чтобы отвлечь их от их несправедливых притязаний, Цзя Таньчунь должна выставить в качестве дурного примера фигуру Ван Сифэн.

18.12. Прославление кистью и тушью

Гибнут стада,

Родня умирает,

И смертен ты сам;

Но смерти не ведает

Громкая слава

*Деяний достойных*²³⁵.

Такой ход мысли, выразившийся в «Старшей Эдде», не чужд и жителям Срединного государства. Многие китайцы, изо всех душевных сил стремятся к тому, чтобы «и через 100 поколений распространять аромат», т. е. и после своей смерти иметь хорошую репутацию. И многие китайцы больше, чем смерти, боятся «провонять на мириады лет»²³⁶, то есть на все времена остаться покрытыми позором.

Прислушаемся к разговору между императорским чиновником Чжуан Сяоянем, который ради своего увлечения — собирания рисунков определенной школы — не остановится перед преступлением, и его сыном Чжуан Чжиянем.

Чжуан Сяоянь: «Теперь я должен сказать тебе нечто важное. Сейчас же уезжай из города, отправляйся к Ли Юню и скажи ему, что он сегодня вечером должен ожидать старого господина Ли в саду его превосходительства Чэна. Сошлись на меня и не теряй времени!»

Чжуан Чжиянь удивленно спрашивает: «Кто этот старый господин Ли?»

Чжуан Сяоянь смеется: «Этого ты действительно можешь не знать. Господин Ли — это не кто иной, как Ли Чункэ. Это литературный корифей современности. Его поклонники есть везде.

В наше время, если хочешь привлечь на свою сторону знаменитых писателей, следует завоевать Ли Чункэ. Как говорится: «Если хочешь поймать разбойничью шайку, поймай сначала главаря»».

Чжуан Чжиянь спросил: «Каким же влиянием пользуется этот старый господин, если вы так вокруг него увиваетесь?»

«Ха-ха, — рассмеялся Чжуан Сяоянь. — Его могущество велико. Разве ты не знаешь: боевые топоры властителя и советника могут произвести действие на 100 лет, но кисточка и тушь искусного писателя оставляют свой след на тысячу лет. Сведения потомков о том, вели мы себя праведно или дурно, удел быть забытым потомками или жить в их памяти висят на кончике кисти этого писателя».

Этот отрывок я извлек из вышедшего в 1907 г. романа «Цветы в море зла», принадлежащего перу Цзэн Пу (1872—1935), переведенного на французский язык Изабеллой Бижон под названием «Fleure sur l'océan de rêsche» (1983)²³⁷. Чжуан Сяюань исходит из предположения: если он завоеует симпатии ведущего, по его

²³⁵ Перевод по изд.: БВЛ. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — *Прим. перев.*

²³⁶ Мириады лет — здесь довольно любопытное совпадение в двух древних языках. Х. фон Зенгер употребляет термин «Mugiaden von Jahren», что полностью соответствует известному китайскому «вань суй» — «десять тысяч лет», ибо в греческом «mugias» также означает «десять тысяч».

²³⁷ Перевод этого романа на русский язык появился в 1960 г. (см.: Цзэн П у. Цветы в море зла. Исторический роман / Пер. с кит. В. Семенова. М., 1960). Это произведение раскрывает мир китайского чиновничества в конце XIX — начале XX столетия. Главный герой — крупный имперский чиновник — направляется послом

оценке, писателя своего времени, добрая слава о нем сохранится навсегда.

Кто не вспомнит тут о стихотворении «Евфрозина», которое Гёте посвятил своей рано умершей подруге Кристиане Нойман? Согласно стихотворению, она привиделась автору в ночных горах, где хотела попрощаться с ним. В конце она просит:

«Опиши меня в стихотворении, потому что только тот, кого прославит поэт, продолжает жить и после смерти. А все остальные превращаются в призрачные тени».

(Ля йзиЭ. Хвала современности. Новая цюрихская газета. 1987. 29—30 августа. С. 66)

Не дай сойти мне в тень лишенной восхваленя! Лишь Муза охранит от смерти бытие.

18.13. Конец школьной забастовки

В 1905 г. в Китае очередной раз происходила сдача имеющих тысячелетнюю традицию императорских экзаменов на государственную должность. В Цзядине, административном центре уезда Лэшань (современная провинция Сычуань), была средняя школа. Она подчинялась храму Цаотан в северной части города. Поскольку окончание средней школы приравнивалось к получению титула «Цветущий талант» (сюцай), получаемому в результате экзамена на уровне уезда, многие старшие кандидаты явились на вступительный экзамен в школу. Многим было больше 30 лет. Среди младших школьников был Го Можо (1892—1978); он поступил в среднюю школу в 1906 г. По сравнению с большинством соучеников он был еще ребенком. Когда все выстраивались по росту, он был третьим с конца. В школе изучались краеведение, счет, музыка, физкультура, история, естествознание, классические конфуцианские тексты и каллиграфия. Хотя Го Можо в первом семестре еще больше любил играть, чем учиться, на семестровом экзамене он получил первое место. Это всех потрясло. Го Можо пишет в своих мемуарах:

«Поднялась буря возмущения. Во-первых, я считался легкомысленным мальчишкой, который не проявляет ни малейшего усердия. Как мог я получить такую награду? Во-вторых, старшие из моих соучеников не знали, что я уже ходил дома в частную школу и попрактиковался в науках. В-третьих, мой успех унижал достоинство старших. В-четвертых, ректор ушел в отставку, а школьный надзиратель отсутствовал по болезни. Остались только мягкосердечный учитель Шуай и добрый учитель Лю».

Мои старшие соученики разрывались от гнева и не упускали малейшей возможности мне навредить. В это время мне не было еще и 14 лет. У меня было круглое светложеее и розовощекое лицо, и вообще я был крупным и здоровым ребенком. Кроме того, я носил косичку, что принято было у нас дома, но нетипично для города, а в косичке была красная ленточка. Даже в нормальные времена мои соученики подшучивали надо мной за это. Но теперь, когда разразилась буря, их злоба больше не имела границ.

Они выбрали делегацию, которая окружила учителя Шуая и потребовала проверить правильность результатов экзаменов. В то время как делегаты вместе с учителем Шуаем находились в кабинете школьного надзирателя, под окном стояла толпа школьников, которые дико орали: «Обман! Обман! Что, у нас лица недостаточно приятные? Мы тоже купим себе красные ленточки и заплетем косички! Мы купим пудры и наведем красоту. Мы немножко нарумянимся».

Я не понял сразу, почему этот шум, и тоже пошел туда, чтобы посмотреть на скандал. Один старший школьник, по имени Сю, которому было около 32 лет, схватил меня за правую руку и спросил: «Ну, как поживаешь?» При этом он сдвинул мне руку и не отпускал ее. Минут через 10 мои пальцы потеряли чувствительность.

Когда он наконец отпустил руку, на правом запястье у меня образовались кровоподтеки, будто пурпурные браслеты. Доску объявлений со списком выдержавших экзамен сняли, и результаты экзаменов тщательно расследовали. Но никакого доказательства их неправильности не было обнаружено. Они потащили учителя Шуая из кабинета надзирателя в помещение ректората, оттуда — в приемную и пытались всеми силами побудить его к изменению присужденных мест. Они на него так надавили, что он наконец снял у меня несколько баллов. Повод: я выпросил себе лишнюю неделю каникул на праздник Драконовой лодки, чтобы съездить домой. Так я переместился на третье место. Только тогда старшие школьники успокоились».

В этом месте Го Можо цитирует стихотворение Ду Фу:

в Германию и Россию. Для русского читателя весьма интересны взгляды китайского официала на русских людей, его знакомства с народовольцами.

Когда стреляешь по врагу — Бей по коню его сперва, И если в плен берешь солдат — Сперва их князя в плен возьми.

Не следует думать, что мысль об этих строках пришла Го Можо только позже, когда он писал автобиографию, вложив их в голову 14-летнего мальчика. Гораздо более вероятно, что Го Можо действительно прямо тогда вспомнил слова Ду Фу, поскольку его мать учила его танским стихотворениям еще до того, как он в возрасте четырех с половиной лет поступил в частную школу, где изучал антологию из 300 стихотворений эпохи Тан. После пережитого унижения Го Можо, находясь дома на летних каникулах, вновь и вновь обдумывал про себя происшедшее с ним в духе Стратагемы № 18.

«Я знал, что все старшие соученики — это злобные ничтожества, которые только и умеют, что издеваться над слабыми и бояться сильных. И я придумал план: после каникул поставил себе цель принять меры против учителей, которых они боялись, прежде всего против учителя Шуая, которого теперь я глубоко ненавидел. В моем представлении учитель Шуай принадлежал к моим мучителям: он сговорился со старшими школьниками и снял мне баллы. Снятие баллов было не так уж важно, но разве старшие школьники не использовали полученные мною ранее баллы для того, чтобы всячески издеваться надо мной, а его обвинять в семейственности? Он даже не попытался их наказать, а просто подчинился им. Разве это не так же плохо, как практиковать семейственность? Разве он не знает, что их абсурдные утверждения о том, что я процветаю благодаря семейственности, не соответствуют фактам?»

Размышляя обо всем этом, я, естественно, потерял всякое терпение. В наступающем семестре я не мог думать ни о чем, кроме мести!

Итак, я обдумал основные направления мести и после летних каникул вернулся назад в город и школу.

Сравнительно с первым семестром обнаружилось два существенных улучшения. Учитель И был вновь здоров и теперь оказался в должности ректора. Бывший ректор, господин Чэнь Цзиминь, вернулся и преподавал китайский язык Учитель Шуай, как и прежде, занимался с нами классиками. Фактически я довольно многому от него научился, но из-за унижения, которое пережил от него в прошлом семестре, я больше не мог относиться к нему справедливо. Что бы он ни делал, я всегда был против него.

К тому же я твердо решил организовать фронт против учителей. Я уже потерял детскую беззлобность, и среди новых и старых учителей школы не осталось ни одного, против которого я бы не выступал. Даже И, «тигру», перед которым все трепетали, я неоднократно «подпаливал усы».

Однажды шесть школьников за столом Го Можо в столовой сыграли шутку над одним прожорливым старшим школьником. Тот пожаловался учителю И. Учитель И вызвал к себе семерых школьников и устроил им допрос. Когда один из школьников ответил шутливо, учитель И дал ему пощечину. «Господин И, вы изрядно грубите», — сказал Го Можо. Остальные школьники начали громко восхвалять его. За это представление Го Можо получил строгий выговор. Но после этой стычки с «тигром» И авторитет Го Можо получил среди школьников всеобщее признание.

«С этих пор я стал их маленьким вождем. Чтобы все мне подчинялись, я изо всех сил старался изжить из себя все детское и разыгрывал взрослого».

День за днем у него все больше проявлялись дурные наклонности. Например, он пил все больше вина и начал курить.

«В первом семестре свободной оставалась половина субботы, и школьники, жившие в городе, могли переночевать дома. Это правило во втором семестре было отменено. Но школьники требовали восстановления старого порядка, в особенности те, кто жил в городе.

Мы выбрали делегацию, которая должна была передать наши требования учителям. Я был делегатом класса А. Мы выставили наши требования, и, поскольку их не удовлетворили, мы сорвали урок. Беспорядки все нарастали. Среди школьников, конечно, оказалось несколько гнусных личностей, которые тайно сотрудничали с учителями. Вместе с ними учителя составили план, как сорвать собрание школьников. Когда школьники собрались в большой аудитории, туда пришел «тигр» И, чтобы еще раз попытаться запугать их своим авторитетом. Он сказал: «Школа может сделать субботу свободной. Мы только беспокоимся о вашей учебе и вашем здоровье и потому придумали это правило. Если вы все-таки хотите быть абсолютно свободными, мы можем удовлетворить это ваше желание. Но общешкольная стачка — это бунт против начальства». Затем он добавил: «Конечно, я знаю, что большинство из вас не хочет этой стачки. Это все работа одного-двух индивидуумов, которые вас подговорили. Я надеюсь, что вы назовете мне имена этих индивидуумов. А иначе я всех вас выгоню из школы. Кто заступится за вас дома перед вашими отцами и старшими братьями?» Но его слова не оказали никакого действия. Тогда учителю Ду, «ученой обезьяне»,

пришла идея. Он предложил выборы с тайной подачей голосов. Школьники должны были выбрать руководителя стачки. Это привело к полному поражению школьников. Результатом подачи голосов было то, что лишь несколько бюллетеней остались белыми, а на большей их части стояло мое имя. Это означало для меня роковую участь: меня выгоняли из школы. Я собрал свои «7 предметов», покинул школу и провел безутешную ночь в гостинице в городе.

Я чувствовал себя тогда бесконечно одиноким. Я даже плакал. Но мое отчаяние, мои слезы были вызваны не раскаянием в своем поведении, а разочарованием и возмущением глупостью моих соучеников и коварством учителей.

То, что я был вожаком школьников, учителя знали уже давно. Если они хотели меня выкинуть из школы, они могли сделать это в любой момент. Почему же они применили такие методы и сделали школьников предателями? Возможно, конечно, что учителям было не так уж легко выгнать меня из школы, но в моих глазах это их не извиняло».

Го Можо на некоторое время удалось применить Стратегему № 18. Когда он решился напасть на страшных учителей и отнять у них поклонение школьников, это ему удалось. Но в конце концов стремление стать вожаком школьников стало камнем преткновения, с помощью которого учителя добились его падения, применив Стратегему № 18 уже против него. Чтобы прекратить стачку школьников, они предложили тайно выбрать ее руководителя. При этом заранее было ясно, что выберут Го Можо. Тот факт, что Го Можо официально был назван в качестве предводителя недозволенной акции, дал учителям возможность сделать из него козла отпущения и выгнать из школы.

18.14. Одухотворенность мысли

Мои друзья заполнили мир.

Ауж пустым знакомствам несть числа.

Последним я познакомился с господином Чжаном,

Подобным фениксу в стае ворон.

Его изысканное искусство — на самый утонченный вкус.

Хотя он и молод,

Поможет быть причислен к самым высокимумам,

Которые встречаются в городе муз Лояне.

Поведение его идет, так сказать, по истинно нравственному пути,

И его литературное дарование необычайно блистательно. Со встречи поэтов в удаленном отмираместе Стрелой пролетели пять месяцев. Во время прощального визита ты попросил меня подарить тебе несколько слов.

С тяжелым сердцем я расставался с тобой, Я взял тебя за руку и открыл тебе глубины своей души. Основа литературной образованности — хранение в сердце важнейших трудов. Как можно забыть этот принцип! Это как собираться в путешествие на 1000 миль и брать провизии на три месяца. Литературное творчество знает лишь один ключ к успеху — расцвет одухотворенности. Это как при наступлении на вражескую крепость:

Прежде всего надо схватить предводителя разбойников. Дом твой богат книгами, а лестницы его из мрамора. После возвращения ты должен будешь заняться домашним хозяйством И в то же время поддерживать знакомство со знатными учителями и богатыми друзьями. Если основа литературного творчества — собирание и припоминание книжных знаний — крепко укоренилась, она только укрепляется со временем. Если одухотворенность развилась в полную силу, она всегда будет только одушевлять. Достигнув насыщения, собранные литературные знания будут становиться все обширнее, а крылья одухотворенности будут становиться все сильнее. Если возьмется широко образованный человек за кисточку, это можно сравнить с богачом, творящим чудеса своим золотом. Кто развил в себе одухотворенность, у того горизонты духа широки и отличаются от горизонтов обычного человека, который, пытаясь написать литературное произведение, погружается в бездну и никак не может ухватить существенное. Если ты однажды станешь знаменитым и мы с тобой увидимся вновь, в

сравнении с тобой я буду лишь учеником поэта.

В этом кратком литературном путеводителе, составленном Ван Маем, чиновником и литератором первой половины XIII в., для своего последователя, молодого писателя Чжан Цзиньшаня, выражение «пленение предводителя» означает заботу об одухотворенности, потому что только одухотворенность помогает литературному произведению обзавестись душой и снабжает его внутренним огнем. По Ван Маю, забота об одухотворенности — ключ к успеху писателя. Без этого остаются только вычитанные мысли, безжизненный сырой материал. Поэтому Ван Маю забота об одухотворенности кажется столь же важной, как захват предводителя при штурме вражеской крепости. Формулировка Стратегемы № 18 служит здесь Ван Маю цветистым сравнением.

18.15. Ас настольного тенниса тонет в пятимильном слое облаков

На 26-м Всемирном чемпионате по настольному теннису (Пекин, 1961) китайская мужская команда впервые получила титул чемпиона мира. Китай обогнал Японию, которая с 1954 г. пять раз завоевывала командное мировое первенство. Но успех китайцев не мог заслонить того факта, что некоторые из китайских игроков, обладающих высокими скоростными качествами, еще не выработали правильной точки зрения на японскую технику сверхкрученого удара. Они все еще находились на стадии поисков способов противостояния, чтобы избежать патовой ситуации. Как только китайские игроки попадали на японских соперников с такой техникой, от них требовались величайшие усилия для борьбы.

Чжан Селинь, член китайской команды, специалист по тактике обороны, выдающийся представитель этого вида спорта и знаток стратегем, втайне составил план, как приноровиться к самым выдающимся японским специалистам по технике сверхкрученого удара. Для этого Чжан Селинь посвятил себя исследованию многочисленных способов обороны. На 27-м мировом первенстве (Белград, 1963) Япония вновь попыталась заполучить титул чемпиона мира в командном зачете. Китайская команда выпустила Чжан Селиня для решающего поединка. Он запасся целым ковшом разнообразных приемов против японской техники. Игра едва началась, а японец уже чувствовал себя так, как будто попал в пятимильный слой облаков и тумана. Бурной и все время меняющейся технике обороны Чжан Селиня, его резкому удару японец ничего не мог противопоставить. Так и не поняв, что случилось, он проиграл схватку. Победа Чжан Селиня оказала удивительное воздействие. После того как он обыграл самого сильного японского игрока, победа была прочно в руках китайской команды. Китай успешно отстоял свой титул чемпиона мира в командном зачете.

Этот пример я позаимствовал из воспоминаний многократного китайского чемпиона мира по настольному теннису Чжуан Цзэдун. Он приводит его в разделе о Стратегеме № 18. Сильнейший игрок японской команды, конечно, является здесь «главарем». Концентрация Чжан Селиня на лучших игроках команды противника нанесла смертельный удар боевому духу японской команды — «разбойничьей шайки».

18.16. Режем помидоры без доски

В главе о Стратегеме № 18 Шу Хань вспоминает:

«Как-то я смотрел кулинарную программу по тайбэйскому телевидению. Тема: как разрезать овощи без доски. Ведущий положил помидор с неотрезанным черешком себе на руку. Затем он сделал на помидоре три надреза, повернул помидор и ножом вырезал черешок. Помидор тут же распался на шесть кусков в форме полумесяца, лежащих на ладони ведущего. Тот не стал сразу разрезать помидор, чтобы не повредить руку, но после того, как он удалил черешок, в данном случае «главаря», помидор распался на куски сам собой».

18.17. Четыре главных противоречия

Уже в первой фразе своего руководства по Стратегеме № 18, вышедшего в 1984 г., пекинский исследователь стратегем Ли Биньян, с которым я лично знаком, использует термин «основное противоречие». Как он пишет, глубинное значение Стратегемы № 18 состоит в том, чтобы уловить и разрешить основное противоречие и таким образом достигнуть полной победы. Термин «основное противоречие» употребляет в связи со Стратегемой № 18 и Чжуан Цзэдун, трижды чемпион мира по настольному теннису.

Основное противоречие — это квинтэссенция в учении Мао Цзэдуна о противоречиях, каковое вместе с его учением о практике составляет основу «Идей Мао Цзэдуна» (Го Бисюань. Китайская молодежная газета. 1987. 21 июля).

«Идеи Мао Цзэдуна» — господствующая доктрина в руководстве миллиардным народом. Я уже показал это в одной из моих книг, «Партия, идеология и закон в КНР» (Берн, 1982), и в статье «Новое во взаимодействии между государственными и партийными нормами в КНР» в книге, изданной специалистом по Мао Цзэдуну Стюартом Р. Шрамом, — «Пределы государственной власти в Китае» (London, New York, Hongkong, 1985). Концепция Мао об основном противоречии представляется присущей китайскому марксизму. Весь мир, согласно Мао, является клубком противоречий. На каждой стадии развития политическое руководство Китая должно выбрать одно из существующих одновременно противоречий и объявить его основным. Главной задачей китайского народа является решение этого основного противоречия. Все силы миллиардного народа концентрируются на решении основного противоречия, поэтому, когда китайское руководство вдруг находит новое основное противоречие, это приводит к огромным переменам в Китае, поражающим западных туристов.

С середины 30-х годов руководство Компартии Китая четырежды меняло основное противоречие.

1. В 1937—1945 гг. основное противоречие было: Китай против Японии. При этом, с точки зрения коммунистической партии, понятие «Китай» включало также гоминьдан вместе со смертельным врагом Мао, Чан Кайши. Главной задачей было изгнание японцев.
2. В период с 1946-го по 1949 г. появилось новое основное противоречие: Компартия Китая под руководством Мао Цзэдуна против гоминьдановского правительства под руководством Чан Кайши. Основной задачей было поражение Чан Кайши.
3. В период с 1949-го по 1976/78 г. новым основным противоречием стало: «пролетариат» против «буржуазии». Главной задачей была «классовая борьба» пролетариата в целях поражения буржуазии.
4. С 1976/78 г. основное противоречие: необходимость модернизации для преодоления отсталости. Главной задачей является поражение отсталости Китая с помощью четырех модернизаций: в китайской промышленности, сельском хозяйстве, обороне, а также науке и технике.

Западному наблюдателю сцепление основного противоречия с дополнительными противоречиями часто может показаться загадочным. Однако в своей основе логика противоречий совершенно проста и понятна. Например, если установлено, что для Китая во всех областях главным противоречием признано противоречие между модернизацией и отсталостью, то улаживание всех остальных противоречий попросту отбрасывается. Например, это происходит, когда предпринимается все, чтобы форсировать модернизацию. Поскольку Запад является проводником нового, само собой разрешается дополнительное противоречие: «Следует ли посылать китайских студентов на учебу за границу, чтобы они изучали там западные достижения, да или нет?»; такое дополнительное противоречие, как: «Увеличивать ли импорт прогрессивных западных технологий и иностранного капитала, да или нет?» — решить нетрудно.

Поскольку сотрудничество с фирмой «Кока-кола» способствует модернизации китайской индустрии напитков, и решение дополнительного противоречия: «Кооперация с фирмой «Кока-кола», да или нет?» — также не представляет проблемы. Конечно, даже в Китае в мелочи всегда вмешивается дьявол. Поэтому при конкретных решениях этих дополнительных противоречий могут возникнуть чрезвычайно сложные внутривнутриполитические проблемы, например относительно дополнительного противоречия: «Следует ли перенимать у Запада, кроме технологий и методов развития промышленности, также и общественные институты, да или нет?»

Во внешней и внутренней политике КНР нынешнее основное противоречие действительно играет роль «предводителя» всех остальных дополнительных противоречий. Когда партия и правительство решают считать главным определенное противоречие, они вызывают ураган, который наклоняет все степные травы в одном и том же направлении. В Китае часто случается, что главное противоречие можно определять также и для отдельных мелких групп проблем, например для экономики, литературы, спорта и т. п. Отсюда выводится учение о «главной стороне» каждого отдельного противоречия. Например, в экономике при противоречии между «надеждой на собственные силы» и «опорой на иностранную помощь» «надежда на собственные силы» выступает как главная сторона противоречия. Таким образом, мышление, ориентированное на центральное звено, несет в себе признаки того способа, которым в КНР подходят к решению вопросов.

Вернер Майснер в своей книге «Философия и политика в Китае — противоречия в диалектическом материализме за 30 лет» (Мюнхен, 1986) пользуется словом «стратагема» в отношении учения Мао Цзэдуна о противоречиях. По его мнению, «символика «диалектического материализма» не представляет собой общности с европейским марксизмом, а больше напоминает о военных теориях эпохи «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.), в рамках которых развилась целая система военно-политических стратагем».

Несомненно, анализ Вернера Майснера в основном говорит о 30-х годах. В настоящее время я бы приписал материалистической диалектике в Китае гораздо более всеобъемлющую функцию, чем роль связи при политических альянсах, или, как пишет издательство в аннотации к книге Майснера, приобретает свойство «политической и военной стратагемы». Прослушанный мною на философском факультете Пекинского университета годовой курс марксистской философии (1976—1977) дает основания полагать, что материалистическая диалектика в Китае, упрощенно говоря, представляет собой направленное целиком на внешний мир («материалистическое»), практически ориентированное руководство для прояснения и правильного обращения с аспектами различного рода, рассматриваемыми как противопоставленные или «противоречащие друг другу» («диалектика»). Материалистическая диалектика в ее применимости ко всевозможным проблемам выказывает себя в Китае действительно эффективным рецептом для политического руководства миллиардным народом.

Трактовка всей синомарксистской материалистической диалектики как происходящей исключительно из стратагем завела бы нас слишком далеко. Тот факт, что и по сей день влияющее на китайскую политику учение Мао об основном противоречии явно связано со Стратагемой № 18, не может считаться доказательством.

«Основное противоречие занимает ведущее, доминирующее положение среди других противоречий» — так говорится в 5-м издании вузовского учебника о принципах марксистской философии, вышедшем в 1983 г. в северокитайской провинции Цзилинь.

Его [основного противоречия] разрешение оказывает решающее влияние на положение дел. Различные прочие противоречия подчиняются этому основному противоречию. Если оно решено, остальные решить гораздо легче. Так, например, во время гражданской войны 1945—1949 гг. битва при Цзиньчжоу была основным противоречием по отношению ко всей операции в Западном Ляонине и Шэньяне [12 сентября — 2 ноября 1948 г.]. Когда Цзиньчжоу был взят, противник превратился бы в «пойманную в ведро черепаху» и появилась бы возможность «запереть дверь и побить собаку», то есть отрезать противнику путь к отступлению и победить его. Таким образом наконец была бы достигнута стратегическая цель уничтожить врага во всем Северо-Восточном Китае. На этом примере можно увидеть, что основное противоречие определяет остальные противоречия и влияет на них. Существование и развитие основного противоречия определяют и влияют на существование и развитие прочих противоречий. Для того чтобы решить остальные противоречия, следует сконцентрировать силы и разрешить основное противоречие. Этот метод в обиходном языке называется: «Таща за нитку, вытягивать петлю», «Если бьешь змею, бей по голове», «Если ведешь быка, веди за кольцо в носу» и «Если хочешь поймать шайку разбойников, поймай сначала главаря».

Стратагема № 19. Вытаскивать хвост из-под котла

Четыре иероглифа	釜	底	抽	薪
Современное китайское чтение	фу	ди	чоу	синь
Перевод каждого иероглифа	Котел горшок	Под	Вытащить	Хвост
Связный перевод	Вынуть хвост из-под котла — вытащить топливо из очага, чтобы прекратить кипение воды.			
Сущность	1. Подавить в зародыше / пресечь в корне; покончить раз и навсегда; устранить причину; выбить почву из-под ног. Стратагема пресечения. 2. Лишить опоры/основания. Выбить почву из-под ног. Перекрыть воду. Перекрыть кислород. Иссушить питательную среду. Осушить болото. Схватить за жабры. Обломать рога. Сделать подкоп. Опустошить, лишить сил. Стратагема лишения силы. 3. Обострить до известной степени конфликт между противниками или с одним противником и на долгий срок или на время оставить его тлеть, поскольку его раздувание или возможное потухание невыгодно. Стратагема замораживания конфликта. Подрывная стратагема.			

«И снова весна! О... как далеки были устремления, сомнения, упоения... На короткое мгновение они снова зашевелились где-то в глубине твоей души. В этом заброшенном храме, вокруг которого высятся горы и кружится холодный ветер; где деревья раскинули оголенные сучья и ветви, на которых все же виднеются

набухшие почки. Прошлое! Ты похоже на птицу, поющую в глуши, на мягкий ветерок, на жаркое солнце. Ты беззвучное пламя в печи и одновременно мертвый пепел. Ты словно вода в чайнике, которая давно прогрелась, но никогда не закипит. Вокруг тебя происходят бесконечные колдовращения; слышатся долгие стоны и тихая песнь. Ты улавливаешь едва слышные шорохи жизни. Ты струишься, как свет звезд в тихую ночь; ты мертвая вода, по которой проходит легкая зыбь. Прошлое! Сколько кануло в вечность месяцев, лет!» (пер. Д. Воскресенского).

Эти строки принадлежат китайскому писателю, бывшему министру культуры (1986—1989), а ныне (2000) одному из четырнадцати заместителей председателя Союза писателей Китая Ван Мэну (род. 1934) и взяты из [пятой главы] вышедшего в 1987 г. романа *Ходун жэнь бяньсин* («Метаморфозы, или Игра в складные картинки»), который блестяще перевел на немецкий Ульрих Каутц под названием «Редкий дар — глупость» (изд. Frauenfeld, 1994) (Ван Мэн. Избранное. Под ред. С. Горопцева. Пер. Д. Воскресенского. М.: Радуга, 1988, с. 87). В весенней сценке Ван Мэна беззвучное пламя в печи и мирно греющаяся вода вызывают ощущение уюта. Совершенно иное олицетворяют пылающий огонь и бурлящая вода в стратагеме 19.

19.1. От малой искры занимается пожаром степь

Кипящая вода бурлит не сама по себе, но благодаря силе огня. Чем жарче пылает огонь, тем сильнее клокочет вода. Непосредственное воздействие на воду мало что дает или крайне непродолжительно. Огонь существует тоже не сам по себе. Он в огромной мере зависит от поддерживающего его материала — хвороста: «это душа огня» (Ань Цзимин и др. *Юнбин цзин [Канон военного искусства]*. Ухань, 1996, с. 239). В хворосте дремлет могучая сила. Вспомним насчитывающую более полутора тысяч лет китайскую поговорку: «От малой искры занимается пожаром степь» [«син-хо ляо-юань»]. Это скрытая холодная стихия инь, из которой появляется разбуженная ото сна раскаленная пылающая стихия ян — огонь. Сам по себе хворост не способен вершить насилие. Он лежит тихо и мирно. К нему можно безбоязненно приблизиться. И даже когда он горит, можно без особого труда, пусть не голыми руками, а подручными средствами, вынуть его из очага. Тогда вода через короткое время перестает кипеть, ее бурление остановится.

Кипящая вода — это образ угрозы, с которой трудно совладать напрямую, а огонь — это образ истока данной угрозы. Тот, кто прибегает к стратагеме 19, не выступает прямо против самой угрозы, а устраняет ее причину. Такое поведение диктуется желанием полностью уничтожить очаг опасности или овладеть им и тем самым подавить угрозу, не входя с ней в прямое соприкосновение. Стратагема 19, как показывает сама ее формулировка, может быть направлена и против обстоятельств, и против людей. Человек избегает напрямую выступать против кого-то и стремится скрытно лишить противника опоры и тем самым осадить его. Прежде всего эта стратагема может помочь в случае серьезной угрозы, которой сложно противостоять напрямую. Главная суть стратагемы 19 — лишить противника сил, то есть речь идет о том, что в комментарии [на шестую главу (6.4)] *Военного искусства Сунь-цзы*, принадлежащем жившему в сунскую эпоху Хэ Яньси, представлено следующим образом: «Наполненность противника я могу сделать пустотой, а его пустоту я могу сделать полнотой» (Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 151).

Как и стратагема 2, стратагема 19 имеет отношение к оппозиции пустое/полное, но несколько иное. Обе стратагемы ослабляют «полноту», то есть сильное место противника. В отличие от стратагемы 2, которая обнаруживает в противнике присущую ему изначально, а не созданную посредством стратагемы «пустоту», незащищенное слабое место, стратагема 19 «опустошает» «полноту» у противника, вынуждая того подчиниться. «Полнота» соперника уничтожается или по крайней мере уменьшается, тогда как питающие ее источники иссушаются или перекрываются. В противоположность стратагеме 18 стратагема 19 уклоняется от непосредственного (даже хитроумного) столкновения с главными силами противника и направляет свое острие в иную сторону, туда, откуда черпает свои силы противник. Стратагема 19 разрушает или подрывает питающий силы противника источник.

Стратагема 19 в своих трех ипостасях — устранение, ослабление или управление в собственных целях источником сил у противника — может использоваться в любых сферах человеческих отношений и совершенно по-разному: открыто или тайно, хитро или попросту, физически или психически, действием или словами, в современных или давно прошедших условиях. Многоликость этой стратагемы в дальнейшем будет показана на различных примерах. Вначале обозрим китайскую древность, так как истоки стратагемы уходят своими корнями более чем на 2 тысячи лет назад.

19.2. Болезнь не лечить, а предупредить

«В наш век высшие гадают всеми способами, пробуют разные заклинания, но болезней и недугов у них все больше. Это похоже на стрелка, который, промахнувшись, спешит поправить мишень. Разве от этого

улучшится меткость? Если лить горячую воду в кипящую, думая прекратить кипение, вода закипит еще пуще. Надо убрать огонь, тогда кипение прекратится. Посему колдунов и врачей, яды и снадобья, с помощью которых можно заклясть или вылечить болезнь, люди древности презирали из-за их поверхностности» (кн. 3, гл. 2 «О полном долголетии» («цзинь шу»): «Весны и Осени господина Люя» («Люйши чюньцю»). Пер. с кит. Г. Ткаченко. М.: Мысль, 2001, с. 91). Эти строки из главы «О полном долголетии» книги «Весны и Осени господина Люя», собрания трудов представителей различных философских течений, составленного в III в. до н. э., содержат уже в общих чертах формулировку стратагемы 19: «Если убрать огонь, вода перестанет кипеть». Если хочешь остаться здоровым и жить долго, нельзя попеременно доливать и отливать воду, то есть позволять болезни начаться и прерывать ее, прибегая к врачам и лекарствам. Скорее, нужно устранять с самого начала «огонь», или, как говорится в другом месте китайского трактата, «устранять вредоносное» [«цю хай»]. «Слишком сладкое, слишком кислое, слишком горькое, слишком острое, слишком соленое — когда этими пятью переполнено тело, они вредны жизни. Слишком большая радость, слишком большой гнев, слишком большая скорбь, слишком большой страх, слишком большая печаль — когда этими пятью связана душа, они вредны жизни. Слишком сильный холод, слишком большой жар, слишком большая сухость, слишком большая влажность, слишком сильный ветер, слишком долгий дождь, слишком густой туман — когда этими семью потревожен ум, они вредны для жизни. Посему для вскармливания жизни нет ничего важнее знания корня. Если познан корень, болезни неоткуда прийти» (*там же*, с. 90). Необходимо — и это основное конфуцианское требование — во всем знать меру. Можно было бы дополнить эту максиму японским пониманием того, что «болезни происходят от [ненужной] вспыльчивости», и китайским жизненным правилом: «Раз засмеешься, и вот ты на 10 лет моложе; раз обеспокоишься, и уже седые все волосы» (*Сунь Дунминь*. Праведник исцеляет болезнь, прежде чем она проявится. *Жэньминь жибао*. Пекин, 14.12.1997, с. 3).

Не только с точки зрения поддержания здоровья и долголетия, но и непосредственно в связи с медициной стратагема 19 упоминается в тексте, появившемся через 2 тысячи лет после «Весны и Осени господина Люя». Речь при этом идет о так называемом «страшном ветре» (цзинфэн [означающем в медицине падучую]). Бытовало представление, что ветер при определенных неблагоприятных условиях, например при истощении, проникает в тело через поры, всасывается внутренностями и вызывает болезни. Эти болезни выражались обычно в форме страшных судорог. С точки зрения современной западной медицины наименование «страшный ветер» относилось к целому спектру различных болезней. Японские справочные пособия связывают его, например, с воспалением мозговой оболочки. В романе *Цзин Хуа Юань* («Цветы в зеркале» [на русском яз. см.: *Ли Жучжэнь*. Цветы в зеркале. Пер. В. Вельгуса, Г. Монзелера, О. Фишман, И. Циперович. Под ред. В. Колоколова. М.-Л.: Наука, 1959, серия «Лит. Памятники»; перевод, увы, неполный (отсутствуют гл. 72—93), с многочисленными пропусками и страдает неточностями]), принадлежащем перу Ли Жучжэня (около 1763—1830), сын высокопоставленного служащего говорит о «страшном ветре» [т. е. падучей], от которого он чуть не умер в трехлетнем возрасте: «Самая опасная болезнь для маленького ребенка — это «страшный ветер». Врачей она крайне беспокоит. Уже многие младенцы умерли от нее. И лечат сам недуг зачастую неверно. Если, например, люди сталкиваются с падучей у младенцев, то они не выясняют, происходит ли она от холода или жары, и их не заботит, страдает ли маленький больной от пустоты или от полноты. Они неизменно прописывают холодные и охлаждающие лекарства, например, илюли коровьей желчи [с содержанием желчного камня, который находится в желчном пузыре водяного буйвола арни] и илюли, успокаивающие дракона [с двумя при определенных обстоятельствах оказывающимися крайне ядовитыми компонентами: соединениями мышьяка и ртути]. Однако этим они причиняют больным огромный вред. Даже если на сотню больных исцелится один, он неминуемо будет отравлен минеральными солями и пострадает. Падучая выражается не только одним недугом и не один ветер является ее причиной, так что нельзя все болезни относить к «страшному ветру». Разве можно наобум прописывать лекарства, которые должны вылечить только страх [внешний симптом]? Нужно очень тщательно выяснить, от какой причины произошла болезнь. Если она возникла, к примеру, из-за жары, то следует охладить жар. Если она возникла из-за холода, то следует устранить холод. Если она возникла действительно из-за ветра, то следует устранить проникший в тело ветер. Если она возникла из-за скопившейся в теле слизи, то надо растворить слизь, обратив ее в жидкость. Если она возникла из-за поедания той или иной снеди, то нужно заставить желудок переварить эту снедь. Если принимать различные лекарства, преследуя одну из перечисленных целей в зависимости от конкретного случая, не надо будет лечить от страха; страх исчезнет сам собой. Такой образ действий называют «вытаскивать хворост из-под котла» [в рус. пер. этот отрывок опущен].

Формулировка стратагемы 19 является, согласно профессору Паулю У. Уншульду (Unschuld) из Института истории медицины Мюнхенского университета, которому я обязан важными указаниями по переводу этого места из «Цветов в зеркале», часто используемой в китайской медицинской литературе метафорой для лечения, при котором болезнь лишают ее основы. Так именуют в традиционной китайской медицине и лечебную процедуру, когда с жаром борются посредством слабительного, оказывающего охлаждающее действие. Горячая голова при высокой температуре является как бы котлом. Охлаждающим слабительным устраняют из тела то, что сообщает жар этому котлу наподобие хвороста.

19.3. Пламя чувственной страсти

«Государь Цюю²³⁸, польстившись на взятку — большой колокол, потерял царство (см. 17.32); юйский правитель дал поймать себя, прельстившись нефритом из Чуй-цзи²³⁹. Сянь-гун, покоренный красотой Цзи из Ли²⁴⁰, породил смуту в четырех поколениях; Хуань-гун наслаждался яством, приготовленным И Я, а в результате не был вовремя похоронен²⁴¹; хуский царь, увлекшись красотой танцовщиц, потерял свои лучшие земли²⁴². Если бы эти пять государей сообразовывались с естественным, отказывались от лишнего, довольствовались для себя необходимым и не шли на поводу у вещей, разве их постигло бы такое несчастье?» (*Хуайнань-цзы*, глава 7 «О духе» [«цзин шэнь»] (*Дао дэ цзин. Книга пути и благодати*²⁴³. Пер. Л. Померанцевой. М.: Эксмо, 2001, с. 186, 378-379)).

Против подобных земных влечений «ученые» (имеются в виду конфуцианцы и соперничавшие с ними легисты, приверженцы так называемой школы «законников» [«фа цзя»]), не располагали подходящим средством. Ведь они ограничивались тем, что стремились регулировать человеческие отношения призывом к добродетели, например к добродетели воздержания, или уголовными законами. Однако таким способом они только подавляли человеческие влечения, оспаривая лишь их выражение, а не их наличие. Сами влечения оставались неприкосновенными. От их натиска то и дело спасаются валами, воздвигнутыми конфуцианской моралью, или соответственно легистскими законами о наказаниях.

«Ныне же конфуцианцы не вскрывают корень желаний, а запрещают само желаемое, не ищут истока наслаждений, а пресекают сам предмет наслаждения. Это все равно что пытаться рукой заткнуть источник, питающий большие и малые реки... Конфуцианцы не могут заставить людей не желать, а могут только заставить воздерживаться, не могут заставить людей не наслаждаться, а могут только пресечь наслаждение. Принудить Поднебесную бояться наказания и не сметь разбойничать, разве значит заставить не иметь разбойничьих замыслов?» (*там же*, с. 184-185).

Как, однако, освободиться от чувственных влечений и мирских радостей? Задумавшись вот над чем: «Так, Небо и Земля, вращаясь, образуют единство, тьма вещей в совокупности составляет одно. Кто познал одно, тот знает все; кто не способен познать одно, тот не знает ничего. Например, я ведь тоже — вещь Поднебесной. Не знаю, создан ли я для полноты Поднебесной или, не будь меня, ее целостность не пострадала бы? Если даже так, я — вещь, и вещь — тоже вещь, какой смысл в этих похожих вещах? Оно рождает меня — для какой пользы? Оно убивает меня — какой от этого убыток? Творящее изменения сделало меня горшком — я не могу не повиноваться. Откуда мне знать, что делающие иглоукалывание и прижигания, желающие сохранить себе жизнь не заблуждаются? Откуда мне знать, что тот, кто ищет смерти, затягивая узел на шее, не обретает счастья? Говорят, жизнь — это рабский труд, а смерть — отдохновение. Поднебесная столь велика, кто может знать это? Творящее изменения породило меня — я не

²³⁸ Цюю — государство северных «варваров» (ди). Некогда Чжи-бо (V в. до н. э.), собираясь напасть на Цюю, преподнес его правителю большой колокол. Тот, прельстившись дорогим подарком, открыл дороги, и царство его погибло от войск Чжи-бо.

²³⁹ Цзиньцы, желая напасть на царство Го, подкупили юйского правителя с тем, чтобы он позволил пройти войскам через его владения. На обратном пути, оставшись в Юй на ночлег, они расправились и с ним самим.

²⁴⁰ Цзиньский Сянь-гун (правил 676—651 до н. э.) в 675 г. до н. э. во время похода на царство Ли-жун взял себе в жены красавицу Цзи. Ее потомство впоследствии не раз было причиной смуты в государстве.

²⁴¹ И Я, или Ди Я, — знаменитый древний кулинар, служил у циского государя Хуань-гуна (правил 685—643 до н. э.). Хуань-гун был большим гурманом. И Я, чтобы доказать ему свою преданность, сварил для него отвар из головы собственного сына и вошел таким образом к нему в доверие. После смерти Хуань-гуна, борясь за престол, его сыновья в течение шестидесяти дней не находили времени похоронить отца.

²⁴² Циньский Му-гун (правил 659—621 до н. э.), собираясь в поход против хусцев, послал их правителю в дар танцовщиц. Увлечшись ими, правитель забросил дела, и этим воспользовался Му-гун, отвоевав у него лучшие земли.

²⁴³ В *Планах сражающихся царств* [«Чжаньго цэ»] Цюю передается иначе, а у Сыма Цяня — как Чоую; согласно древнекитайскому историку Сюй Гуану (352—425), это название варварского царства племен *жунов* и *и*. Чжи-бо — представитель одного из сильных родов в Цзинь; в период смуты фактически стал главой этого княжества, но был предательски убит в 453 г. до н. э. главами домов Хань и Вэй, разделивших с домом Чжао земли Цзинь между собой (*Сыма Цянь. Исторические записки*, т. 7. М.: Наука, 1996, с. 143, 345). — *Прим. пер.*

останавливал, оно убивает меня — я не препятствую. Желая жить, я ничего не делаю, чтобы жить, ненавижу смерть, я не отказываюсь от нее. Презирая, я не впадаю в ненависть, ценя, радуюсь. Принимай то, что тебе отпущено Небом, будешь всегда спокоен. С рождением я обретаю форму в семь чи, а по смерти у меня только клочок земли для гроба. Моя жизнь подобна всем, кто обладает формой, по смерти же я соскальзываю в бесформенное. Если так, то мое рождение не принесло никакой пользы живущим, а моя смерть не сделает землю более плодородной. Да и откуда мне знать, в чем грань между удовольствием и отвращением, пользой и вредом? Творящее изменения хватает и вытягивает вещь, подобно тому, как гончар глину. Берет и делает из нее таз. Этот таз не слишком отличается от глины, из которой сделан. И вот уже готовый сосуд оно вдруг разбивает вдребезги и возвращает к основе. Эти осколки также не слишком отличаются от таза... Мудрец находит себе удобное место, сообразуясь со временем; находит себе дело в радость, сообразуясь с поколением... Поэтому жизнь и смерть для него одинаково велики и не производят в нем изменений. Хотя небо покрывает, а земля поддерживает, он не зависит от них; он проникает в не имеющее щели и не смешивается с вещами; наблюдая хаос дел, способен не упускать их корень... Жизнь и смерть для него лишь превращение, а тьма вещей -- как один род... Мудрец ест столько, сколько нужно для поддержания дыхания; одевается так, чтобы прикрыть тело; удовлетворяет естественные потребности, не нуждаясь в лишнем. Нет Поднебесной — это не нанесет Ущерба его природе, есть Поднебесная — это не нарушит его гармонии. Есть Поднебесная, нет ли — ему все едино. Из небытия вступаем в бытие, из бытия — в небытие. Конец и начало не имеют грани, неизвестно, что их порождает» (*там же*, с. 166—168, 170-171, 179-180).

В книге *Хуайнань-цзы* эти соображения подытоживают слова, возвращающиеся к основной мысли стратагемы 19: «Подливая кипяток в кипящую воду, кипения, конечно, не остановить. Истинно понимающий корень дела убирает огонь, и все» [*там же*, с. 187].

Кипящая вода здесь — образ горящих в человеке влечений, подливаемая горячая вода олицетворяет обращающиеся сугубо к внешним проявлениям конфуцианство и легизм. Под устранением огня подразумевается усмирение в себе человеческих влечений. Эта цель достигается тем, что узнают и устраняют источник желаний и жажды удовольствия. Данной цели достигают благодаря даосскому знанию, что мир — это неминуемая череда преходящих состояний. Всякая радость, как и всякая боль, мгновенно развеивается. Зачем тогда придавать такое большое значение столь недолговечным вещам? Признание постоянной изменчивости приятием Дао, стихийно управляющего и изменяющего все сущее Пути, освобождает человека от жажды выгоды и наслаждений. Он довольствуется тем немногим, что имеет и в чем действительно нуждается, не имеет многого — и его не влекут мысли о том, чего у него нет и что ему не нужно. Человек должен освободить свое сознание, которое должно стать подобно безмятежному ясному озеру, которое безучастно отражает небо. Так говорил даосский философ Чжуан-Цзы (около 369—286): «У Высшего человека сердце что зеркало: оно не влечется за вещами, не стремится к ним навстречу, вмещает все в себя — и ничего не удерживает. Вот почему такой человек способен превзойти вещи и не понести от них урона» (*Чжуан-цзы*, гл. 7 «Достойные быть владыкой мира» [«Ин ди ван»]. Чжуан-цзы. Ле-цзы. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Мысль, 1995). За 200 лет до Чжуан-Цзы основатель даосизма Лао-Цзы учил:

«Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает. Тот, кто оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свою пронизательность, освобождает себя от хаотичности, умеряет свой блеск, уподобляет себя пылинке, представляет собой глубочайшее. Его нельзя приблизить для того, чтобы с ним сродниться; его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать; его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться; его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить; его нельзя приблизить для того, чтобы его унижить. Вот почему оно уважаемо в Поднебесной». (*Дао дэ цзин*. Перевод Ян Хиншуна // Древнегреческая философия, т. 1. М.: Мысль, 1972, с. 131. Х. фон Зенгер приводит *Дао дэ цзин* в переводе на нем. Рихарда Вильгельма.)

Созвучные этим, произнесенным полтора тысячелетия назад словам мысли можно найти в современных высказываниях из КНР, например, таких: «На первый взгляд можно подумать, что «желание малого» ведет в отличие от «желания многого» к уменьшению наслаждения и удовлетворения, но в действительности «желание малого» ведет к умственному и физическому совершенству и долгой, достойной уважения и благополучной жизни — можно ли «желать» большего?» (*А Мин. О желании // Гуанмин жибао*. Пекин, 19-05.1998, с. 4).

19.4. Спасение благодаря освобождению от заблуждений Я

При жизни Будды (VI в. до н. э., спорно) в Индии сожжения удаивались только останки состоятельных

людей, пепел которых затем клали в урну. Прах бедняков погребали на кладбищах²⁴⁴. «Псы и шакалы пожирают его, волки и черви, вороны и ястребы и другие хищники...» (Karl Eugen Neumann [перевод]; *Die Reden Gotamo Buddhos*. Речи Гаутамы Будды. Перевод Карла Неймана. Мюнхен, 1922, с. 201 и след.). По утверждению К. Неймана, чтобы лицезреть брэнность человеческого тела, Будда побуждал своих учеников посещать такие места. Знание того, что смерть неизбежна, потрясает каждого. Те, кто не может жить с этим знанием, ищут спасения в учениях, обещающих преодоление смерти и соответственно бессмертие в той или иной форме или во всяческих ухищрениях, потакая слабостям, отвлекающим от мыслей о неизбежности смерти. Мысль о том, что все дозволено, возможно, и ведет к огромным достижениям, как бы преодолевающим ограниченность жизни, однако всякое человеческое творение, всякая земная уверенность, всякое мирское наслаждение не перестает быть всего лишь проходящей иллюзией. В конечном счете в человеческом бытии запечатлена «пагубность плоти» и страдание. Постоянное изнурение и угасание плоти находит свое ужасное завершение в неминувшем ее распаде. Первопричина «цепи страданий» с буддийской точки зрения заключена в «пагубности страстей», влечений пяти чувств и ума к всевозможным вещам напоподобие богатства, славы, наслаждений, к которым относится даже стремление к добродетели, поскольку всякая «страсть — это осквернение ума» (*там же*, 1922, с. 207). «Глубоко привязаны к пяти желаниям. / [Они] подобны яку, любящему свой хвост, / Скованные алчностью и увлечениями, слепые, / [Они] не видят ничего... / [В них] глубоко вошли ложные взгляды, / [Они] хотят отбросить страдания / с помощью страданий... / А «корни» живых существ тупые. / [Живые существа] привязаны к веселью, / Слепы в своей глупости...» [«Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы» (санскрит *Саддхарма-пундарика-сутра*, кит. *Мяофа ляньюа цзин*, яп. *Мёхо рэнгэ кё*), глава вторая «Уловка»: «Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы». Пер. с кит. А. Игнатовича (1947-2001). М.: Янус-К, 1998, с. 111-112] (в немецком издании дается перевод Маргариты фон Борсиг (Borsig): *Sutra von der Lotosblume des wundersamen Gesetzes*, Darmstadt, 1993, с. 78 и след.).

Постоянные желания то того, то другого порождают осознание собственного «Я». Ведь желание есть и пить или состояние болезни дают почувствовать собственное тело, которое лелеют и о котором заботятся, думая так: «Оно принадлежит мне, это я, это я сам» (Речи Гаутамы Будды. Пер. Неймана, с. 329). «Я» — это плод желания, желание порождает этот морок. В ослеплении своим Я пребывают люди с тупыми «корнями» и малой мудростью, привязанные к надменности, самодовольные» (Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Пер. с кит. А. Игнатовича. М.: Янус-К, 1998, с. 113), хотя они могут удовлетворять свои страсти, они не свободны от страдания. Ибо никакое яство не насыщает и никакое питье не утоляет жажды навеки, и величайшее наслаждение мгновенно развеивается.

Автор знаменитого эротического китайского романа *Цветы сливы в золотой вазе* (эпоха Мин, 1368—1644), [предваряя первую главу], жалуется такими строками из стихотворения танской поры (618—907):

«Великолепие и роскошь? — Вот сойдут они, и обнажится наводящая ужас иссохшая почва. Отзвучат флейты [*сяо*] и арфы [*чжэн*], смолкнут и поющие уста. Что до силы клинка, исчезнет она, и остается лишь его холодный блеск. Беззвучно плятятся драгоценные струны цитры [*цин*]; без света гаснет вечерняя звезда. Пустынны нефритовые ступени, лишь увлажняет их осенняя роса. Там, где с песнями пускались в пляс, ныне лишь луна безмолвно освещает дом. Те, кто пел там и плясал, никогда уже не вернутся. Все они ныне обратились в могильный прах: доблесть, красота — все унесено прошлым!» (перевод на нем. Отто и Артура Кибата // *Цзинь, Пин, Мэй*, т. 1. Гамбург, 1967, с. 19 [в русском переводе этих строк нет, поскольку их нет и в старейшем минском издании романа, послужившим оригиналом для русских переводчиков]).

Таким образом, человек, поглощенный «мирской пылью», то есть земным, пребывает в море иллюзий.

²⁴⁴ Очевидно, основываясь на книге Неймана, вышедшей в 1922 г., автор дает здесь неверное представление о захоронении индийцев по имущественному признаку — богатых кремируют, а бедняков оставляют на съедение стервятникам. Первоначально, как правило, мертвые тела выбрасывали, закапывали в землю или выставляли на съедение хищным животным и птицам; обычай кремации имеет более позднее происхождение. Одна ветвь древних ариев — парсы сохранили древний обычай выставления тела на съедение птицам и после того, как они стали стойкими огнепоклонниками, поскольку они считали огонь слишком священным, чтобы осквернять его такой нечистой вещью, как труп. Однако ведийские арии не разделяли эту точку зрения, и, стремясь увидеть дорогих им покойников ушедшими на Небо и соединившимися с предками, они считали нужным отдавать мертвое тело Агни, чтобы он перенес его на Небо и чтобы, обретя сияющий облик, оно соответствовало своему новому окружению. См.: *Р.Б. Пандей*. Древнеиндийские домашние обряды. Пер. с англ. А. Вигасина. М.: Высшая школа, 1990, с. 190 и далее; *Ю. Смирнов*. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.: Восточная литература РАН, 1997; *Ван Геннеп А.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. Пер. с фр. Ю. Ивановой, Л. Покровской. М.: Восточная литература РАН, 1999. — *Прим. пер.*

Иллюзия того, что «у меня что-то есть», порождает желание. Обманом, однако, является и окончательная, освобождающая смерть. Мара (смерть) и Кама (страсть) значат часто одно и то же. Ибо смерть нередко является людям не в своем истинном отталкивающем облике, а в образе желанной вещи и предмета страсти, например в виде сулящих наслаждение наркотиков. Страсть — это ловушка, ведущая к смерти, так как она вновь и вновь заманивает человека в вещный мир ко все новым воплощениям, которые снова оканчиваются смертью и последующим воплощением. Духовно несвободный человек — и здесь лежит, пожалуй, основное различие между буддизмом и даосизмом — воплощается и вновь претерпевает страдания, тогда как освободившийся выходит из Цепи воплощений. Что до даосизма, то одно из его направлений и вовсе стремится к физическому бессмертию. Таким образом, человек, по сути, оказывается жертвой собственных желаний в значительной степени из-за того, что поддается чарам творящей стратагеми 7: желания из ничего творят вожеленные предметы, не имеющие в себе ничего постоянного и, следовательно, не существующие.

Поскольку буддизм учит видеть иллюзорность мира и замечать за всякой видимостью зияющую пустоту, он предстает религией с в высшей степени стратагемным восприятием действительности. Чтобы освободить человека от страданий, необходимо с буддийской точки зрения освободить его самого, то есть в первую очередь уничтожить в нем желание. Если это человеку удастся, он обводит смерть вокруг пальца, иначе говоря, освобождается от коварства выступающей под обликом желания смерти, на что указывает следующее четверостишие из собрания стихотворений первых учеников Будды:

«[Передающий другим буддийское учение] Призыв [освобожденного от страсти] мудреца гремит, как львиный рык среди скал, призыв героя, призыв господина, Избежавшего коварства смерти» ([Тхерагатха, Бхагадваджа, стих 178]²⁴⁵; Карл Эйген Нейман [перевод]: *Die Lieder der Mönche und Nonnen Gotamo Buddhos / aus den Theragâthâ und Therogâthâ zum erstenmal übers.* 2-е изд. Мюнхен, 1923, с. 61).

Согласно учению Махаяны, помимо самоосвобождения возможно еще освобождение с помощью бодхисаттвы (см. 24.15). Стоит пресечь страсти, сравнимые с «горящей соломой» и «раскаленными углями» ([Мадждокхима-никая: 22 (III, 2). Алагаддупама-сутта (Притча о змее)]; К. Нейман. Речи Гаутамы Будды. Мюнхен, 1922, с. 322), и исчезает привязанность к вещам. Тогда они как бы не существуют. Затем исчезает различие между положительным и отрицательным, человек не стремится более к приятному и не избегает неприятного. Он не стремится ни к злу, ни к добру. На первых шагах по пути просветления еще можно испытывать радость, однако вскоре «рассеивается полная самомнения сущность «Я», срубается под корень, так что больше нечему развиваться» (*там же*, с. 340), и наступает полное беспристрастие. Даже буддийское учение представляется излишним, как голое средство к достижению цели. Оно больше не имеет ценности. Человек ожидает смерти, и если не перерождается, то достигает нирваны. Если желания устранены, тем самым удален хворост из-под котла. Все иллюзии рассеиваются, «Я» теряет всякое значение и в итоге растворяется в нирване. Все происходит «подобно тому, как исчезает огонь, / Когда заканчивается хворост» (Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Пер. с кит. А. Игнатовича. М.: Янус-К, 1998, с. 95). Имея в виду эту цель, вьетнамский буддийский монах Тхит Ньят Хань [Thich Nhbt Hanh, род. 1926] в книге *Umarme deine Wut* (Цюрих, 1992 [на русском яз. см.: Тхит Ньят Хань. Обретение мира. СПб: Андреев и сыновья, 1993]) рассматривает 20 практических приемов медитации, обучающих умению «гасить пламя» при ослеплении желанием, гневом и ревностью.

19.5. Лишить [опоры] земли, а стало быть, и жизни

[После того как Геракл доставил яблоки Гесперид Эврисфею,] «он не стал возвращаться в Микены прямой дорогой. Сначала он отправился в Ливию, где царь Антей, сын Посейдона и Матери-Земли, имел обычай заставлять всех путников бороться с ним до полного изнеможения, а затем убивал своего противника. Ведь он был не только искусным атлетом, но и восстанавливал свои силы, прикасаясь к земле. Черепами своих жертв он украшал кровлю храма Посейдона. Неизвестно, то ли Геракл, решивший покончить с этим варварским обычаем, вызвал гиганта Антея на поединок, то ли его самого вызвал Антей. Гигант жил в пещере под высокой скалой, питался львиным мясом и спал на голой земле, чтобы не только сохранять, но и увеличивать свою и без того непомерную мощь. Мать-Земля, не потерявшая способности рожать после того, как произвела на свет гигантов, зачала Антея в ливийской пещере и гордилась им больше, чем своими ужасными старшими детьми — Тифоном, Титием и Бриареем. Олимпийцам не поздоровилось бы, если бы Антей сражался против них в долинах Флегры. Перед поединком оба участника сбросили с себя львиные

²⁴⁵ «Тхерагатха» — входящее в «Сутта-питаку», раздел «Кхуддака-никая», собрание четверостиший (гатха) монахов. Приведенное стихотворение принадлежит Бхагадвадже, одному из шестнадцати старейшин (пали *тхера*, санскрит, *стхавира*), более известных как архаты, учеников Будды Шакьямуни, являющихся хранителями его Учения. — *Прим. пер.*

шкуры, но если Геракл на олимпийский манер натер свое тело маслом, то Антей посыпал свои ноги горячим песком на тот случай, если его прикосновение к земле через подошвы ног окажется недостаточным. Геракл хотел приберечь свои силы и утомить Антея и очень удивился, когда, бросив его на землю, увидел, как наливаются мышцы гиганта и как сила вливается в его тело. Это Мать-Земля вернула ему истраченные силы. Соперники вновь схватились, и на этот раз Антей упал сам, не дожидаясь, когда соперник бросит его наземь. Тогда Геракл, поняв, в чем дело, поднял Антея над землей, сломал ему ребра и, несмотря на стенания Матери-Земли, держал его в могучих объятиях до тех пор, пока тот не испустил дух» (*Грейвс Р. Мифы Древней Греции*. Пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992, с. 379).

Этому применению стратагемы 19 в древнегреческом мифе Магда Штаудингер (Staudinger) и Регина Катер (Kather) (*Freiburger Universitätsblätter* (Записки Фрейбургского университета), тетрадь 136. Фрейбург, июнь 1997) дают современное толкование. Человек противопоставил созданную им техносферу природной биосфере. Борьба между Гераклом и Антеем олицетворяет борьбу между силами цивилизации и неукротимыми силами природы. Как только Антей в борьбе с Гераклом касается земли, в него вливается новая сила. Лишь когда Геракл отрывает его от земли, из него вместе с силой уходит и жизнь. Геракл, представитель техносферы, удушает его. Так и человек может укротить грозящие ему силы природы и по меньшей мере в некоторой степени обезвредить их. Тем самым он может использовать силы природы в своих целях. Но при этом, разумеется, он должен соблюдать законы природы и помнить о них. Если он забывает об этом, нещадно эксплуатируя силы природы, если он, подобно Гераклу, не знает удержу, он уничтожает природу. Человек, безусловно, погубит сам себя, если его жажда власти будет непомерно расти, так что он полностью заместит техносферой биосферу. Ведь, разрушая биосферу, он отнимает у природы возможность самовосстановления. Тем самым человек подрывает основы собственной жизни. Неосторожно направляя свою техническую мощь против природы, чтобы эксплуатировать ее, он рубит сук, на котором сидит. Он «разрушает естественные условия своего существования» (Чжан Дайнянь: «Критический разбор [древнекитайского выражения] «небеса и земля — одно целое» [«тянь жэнь хэ и»]: [выходящий раз в два месяца журнал] «Передовая линия общественных наук» [*Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь*]. Чанчунь, № 3, 1998, с. 70). При таком подходе к стратагеме 19, когда хитрость обращается в глупость, человек не отводит от себя опасности, а просто лишает себя почвы под ногами:

«Земной шар — это сад всего человечества. Горы и реки, озера и моря, птицы и звери, насекомые и рыбы, все они — наши друзья, от которых мы, люди, зависим. Разрушая природу и нанося вред окружающей среде, человечество губит себя... Если кожа пропала, на чем волосам держаться? [«пи чжи бу цунь, мао цзян янь фу»]» (Дун Фанцзюнь. *Жэньминь жибао*. Пекин, 28.04.1998, 8.9).

19.6. Политика [схватывания] вершков вместо корешков

Впервые формулировка стратагемы 19 в виде последовательности из четырех иероглифов встречается в «Записке о взыскании местных правителей императорского рода» [«И-чу цзун-фань шу»] государственного чиновника и литератора XVI в. Ци Юаньцзо. В документе, который приводит Юй Жуцзи [16 век] в своем «Наброске сообщения касательно министерства церемоний» [«Либу чжи гао»], составленном в 1620 году, сказано следующее: «Пословица гласит: «Переливать кипяток, чтобы прекратить кипение, вместо [того, чтобы погасить огонь,] вытащив дрова из-под котла» [«Ян тан чжи фэй, бу жу фу-ди чоучинь»]. При нынешнем состоянии дел, чтобы выправить положение, ничего не остается, как менять дедовские правила». Речь идет о выдаче зерна и денег членам императорского рода: эти кормления обременительны для государственной казны, даже если отдельные суммы снижены до предельно малой величины. Повышение налогов тоже не поможет. Ци Юаньцзо предлагает старые соглашения заменить новыми, направленными на крайнее ограничение круга получателей выплат. Образцом обстоятельного и окончательного решения этого затруднения ему служит стратагема 19.

В таком ключе рассматривает стратагему 19 и современная китайская пресса. На выставки в Пекине и Шанхае запрещено приходить с сумками. Почему? Чтобы «отодвинуть хворост от очага» и тем самым предотвратить кражи со стендов («Спортивная газета» [*Тюй куайбао*]. Пекин, 20.08.1979). Сотрудник тайбэйской газеты, отвечающий на письма читателей, советует ученице интерната, которая жалуется на свою соседку по комнате, болтающую со всеми о ее жизни и привычках, прибегнуть к «вытаскиванию хвороста из-под котла». Она должна распространить слух, что ее соседка любит приврать в расчете на простаков (*Чжунго Шибao*, 19.04.1991). Задача стратагемы в этом случае заключается в подрыве доверия к сплетнице.

«В последние годы возросло число пиратских изданий. Даже запреты не смогли их остановить. Компетентные правительственные органы приняли строгие меры, чтобы воспрепятствовать продаже таких изданий. Это крайне необходимо. Но не можем ли мы, литераторы, тоже что-нибудь предпринять и «убрать хворост из очага?» Вот так взывает Сяо Лунь, обращаясь к китайским писателям в выходящей два раз в неделю шанхайской «Литературной газете» [*Вэньсюэ бао*]. Он ратует за увеличение тиража не элитарных, а

популярных произведений, полагая, что таким образом можно было бы перекрыть кислород низкопробным, а зачастую даже порнографическим, пиратским изданиям. В другой статье о пиратских изданиях в той же газете Гу Ни требует не только положить конец распространению нелегальных изданий, но и «вытащить хворост из очага», то есть, ведя борьбу с виновными издательствами и типографиями, производить «чистку источника» [циньюань]. Ведь если «чист источник, чиста и стремнина» [«юань цин цзэ лю цин»] (*Сюнь Куан* (ок. 313 — ок. 238 до н. э.): *Сюнь-цзы*, гл. 12 «Путь правителя» [«Цзюнь дао»]). «Не допускать наркоманов к источникам, откуда поступают наркотики, сделать для них невозможным сам доступ к наркотикам, это было бы много дешевле борьбы с наркоманией», — призывает научный советник Шао Имин из Научно-исследовательского института вирусологии Китайской академии профилактической медицины (*Гуанмин жибао*. Пекин, 30.05.1997).

«Следует объединить борьбу с преступностью и профилактику преступности, одновременно врачевать верхушку и корень» и (очевидно, учитывая разногласия внутри Коммунистической партии Китая) «предотвращать беду заранее, одновременно врачую верхушку и корень, причем основное внимание уделять корню», — гласят два крупных заголовка в шанхайской ежедневной газете *Вэньхуэй бао* (18.04.1995 и 17.07.1998). «Врачевать верхушку [собственно, весь ствол без корня] и корни одновременно [«бяо бэнь цзянь чжи»]» — часто встречающийся в современных китайских текстах фразеологизм, восходящий к теории и практике китайской медицины. Им воспользовался, например, китайский премьер-министр Ли Пэн в правительственном заявлении от 1.03.1997 о борьбе с коррупцией. «Переливают кипяток, чтобы прекратить кипение, вместо того чтобы погасить огонь, вытаскивая дрова из-под котла», — пишут два обозревателя в общенациональной пекинской газете интеллигенции *Гуанмин жибао* (17.03.1998) в статье под заголовком «Необходимо эффективнее сдерживать коррупцию». Принятия «направленных на вытаскивание хвороста из-под котла мер по борьбе с загнившими корнями» требовал в апреле 1998 г. глава ведомства Госсовета по надзору и наказаниям Хэ Юн [род. 1940], имея в виду многочисленные нарушения в сельском хозяйстве, финансовой системе, транспорте и системе общественной безопасности (*Жэньминь жибао*. Пекин, 29.04.1998).

Печатный орган Всекитайской федерации профсоюзов упрекает отдельные предприятия и органы власти в «погоне за скороспелыми успехами и сиюминутной выгодой [цзи гун цзинь ли]» и напоминает высказывание Конфуция «Если будешь спешить, то не преуспеешь» [«Лунь юй», 17.13] (*Гунжэнь жибао*. Пекин, 19-08.1998, с. 6). О «недальновидности» привлечения инвестиций некоторыми управленцами сожалеет президент фирмы «Нестле» Хельмут Маухер (*Die Zeit*²⁴⁶. Гамбург, 9.07.1998, с. 21). Но и политики часто довольствуются борьбой с симптомами, ограничиваясь простым латанием дыр. «Недальновидное политическое мышление слишком легко берет верх» (*Новая цюрихская газета*, 20—21.06.1998, с. 21). Так, в западных странах дополняют друг друга «событийная культура, с одной стороны, и политика сроков полномочий законодательных органов — с другой, которые, кажется, стремятся перещеголять друг друга в близорукости, оборачивающейся «потерями в долгосрочной перспективе» (*Вольф Лепенис* (Lepenis). Закончена ли европеизация мира? Schweizerisches Institut für Auslandsforschung (Швейцарский институт зарубежных исследований) [изд.]; *Горячая точка: Восточная Азия* («Brennpunkt Ostasien»). Цюрих, 1997, с. 32). На привычку политиков хвататься за верхушки и не лечить корни кризиса сетует *Новая цюрихская газета* в редакционной статье «Охота на исламистов в Турции?» (3—4.05.1997): «Недостаток ширящейся антиисламской кампании... в том, что это — борьба сугубо с симптомами. Она оставляет без внимания... причины успеха исламистов на выборах. Сюда относятся неспособность других крупных партий решать безотлагательные социальные проблемы, идеологическая беспринципность их руководителей и нередко встречающаяся продажность».

«Нулевая терпимость», суровые наказания за мелкие правонарушения, что практиковалось, например, в Нью-Йорке 90-х гг., не способствуют борьбе с истоками (корнями) преступности (такими как распад семьи, анонимное и мобильное общество без контроля за жителями, огромные имущественные различия, доступность огнестрельного оружия, исторически сложившееся упование на силу, недостаток социализации, крайняя неоднородность общества, обилие мигрантов и так далее), представляя собой лишь «пластырь на раковой опухоли» (Письмо читателя. *Новая цюрихская газета*, 17,03.1998). «Зеленые», которые устраивают демонстрации протеста против ввоза радиоактивных отходов или запланированного затопления отслужившей нефтяной платформы наподобие Brent Spar, вместо того чтобы бороться за новое, менее потребительское отношение людей к окружающему миру, являются типичными борцами с верхушками. В действительности следовало бы бороться со стремлением людей к чрезмерному потреблению энергии, а не с его результатами вроде отработанного ядерного топлива или выкачанной нефтяной скважины. Конечно, весь вопрос в том, можно ли хотя бы умерить, если не победить, человеческую алчность. Над этим 2 тысячи лет назад ломали головы авторы *Хуайнань-цзы*, а еще раньше Будда (см. 19.3, 19-4). Даже изменение

²⁴⁶ Далее *Цайт*. — Прим. пер.

политической системы не всегда способно воздействовать на корни, вызвав внутренние перемены в людях. Следовало бы утверждать в обществе отношения, когда не приветствовались бы искусственно создаваемые рекламой, модой и престижем потребности и ограничивались бы удовлетворением одних естественных нужд, жили бы тем, что есть у человека, и не стремились бы к отсутствующим предметам роскоши. Сегодня борьба с отдельными язвами современной цивилизации отвлекает от тех явлений, которые приводят к язвам, а именно «расточительного образа жизни западных промышленных обществ» (*Петер Винтерлинг* (Winterling)). Средства массовой информации нуждаются в катастрофах. *Badische Zeitung*, Оренбург, 19.10.1996, с. 6) с их «всеохватной алчностью» (*Носим Хомский. Haben und Nichthaben*. Боденхайм, 1998 [в оригинале *Class Warfare: Interviews with David Barsamian* (1996)]). Обращая всю силу своего протеста на поверхностные явления, мы упускаем из вида самые насущные вопросы. Основной вопрос звучит так: как осуществить требование Махатмы Ганди, высказанное в письме к Дж. Неру в 1945 г.: «Человек должен довольствоваться тем, в чем он действительно нуждается», ибо «мир может удовлетворить потребности каждого, но только не алчность».

19.7. Увеличивать либо уменьшать потоки беженцев?

«Идет ли здесь речь о вытаскивании хвороста из-под котла или же о предотвращении кипения воды постоянным ее помешиванием?» Таким вопросом задается Се Вэньцин, вынося его в заголовок своего очерка, в конце июня 1979 г. появившегося в нескольких китайских ежедневных газетах, а в 1984 г. вошедшего в книгу «Избранные статьи на злободневные темы». Се Вэньцин ставит вопрос, позволит ли запланированная сессия ООН, посвященная вьетнамским беженцам, вьетнамскому правительству поставить преграду массовому исходу населения, или же, пойдя на поводу у вьетнамского правительства, ограничится советами относительно обхождения с беженцами, скажем, их размещения в тех или иных странах. В последнем случае, заключает обозреватель, все сведется лишь к попыткам «не доводить воду до кипения ее помешиванием, во вред государствам Юго-Восточной Азии и остальному миру».

19.8. Укороченный стержень шариковой ручки

Появление шариковой ручки чрезвычайно облегчило людям письмо. Шариковая ручка оказалась значительно практичнее и к тому же дешевле перьевой. Однако вскоре выяснилось, что, поработав некоторое время, она начинает «течь». Выводимые ею линии утолщаются, бумага покрывается излишками Пасты и загрязняется, а стоит зазеваться, то можно испачкать и одежду. Все это крайне раздражало.

И тогда производители стали доискиваться причины протекания пасты и вскоре нашли. Дело в том, что красящую пасту переносит на бумагу закрывающий один конец стержня крохотный шарик, и оказалось, что со временем он изнашивается и становится меньше, и тогда возникает щель, через которую и вытекает паста.

Решение задачи, как видим, заключалось в повышении износостойкости шарика. Одни производители решили воспользоваться для изготовления шарика нержавеющей сталью, другие прибегли к драгоценным камням. Однако, хотя он и стал более прочным, из-за постоянного его вращения повреждался край стержня, и паста опять протекала. А если и сам стержень делать из драгоценного камня, ручка была бы слишком дорогой. Даже если бы и стержень, и шарик изготавливали из нержавеющей стали, все равно бы они изнашивались и опять стала бы протекать паста.

Над решением этой задачи ломал голову и японец Наката Тосабуро (1887—1967). Он выяснил, что паста начинает протекать после того, как ею написано примерно 25 тысяч знаков. Нельзя ли «вытащить хворост из очага», уменьшив длину стержня? Таким образом снижалась его вместительность, и, прежде чем шарик успевал изнашиваться, запас пасты заканчивался и течь было нечему.

19.9. Предоставление трона ради блага государства

Почти 400 лет продолжалось славное правление династии Хань, а затем начался ее закат; слава ее поблекла. При императорах Хуань-ди (правил 147—167) и Лин-ди (правил 168—198) наступает распад государственной власти. Власть все больше переходит в руки дворцовых евнухов, чье недостойное правление знаменует начало конца.

После смерти императора Лин-ди (189) военачальник [да цзянцзюнь] Хэ Цзинь в сопровождении вооруженных латников явился в дворцовый зал и тут же перед гробом Лин-ди посадил на трон наследника [Лю] Бяня [175—189]. Главный евнух Цзянь Ши, который нашептывал умирающему императору, что Хэ Цзиня следует убить, выбежал в дворцовый сад и спрятался в цветах, но был найден и тотчас умерщвлен.

Начальник стражи Юань Шао (ум. 202) призвал Хэ Цзиня перебить всех евнухов.

Однако Хэ Цзинь проявил нерешительность, чем воспользовались евнухи, поспешив к императрице, сестре Хэ Цзиня, за помощью. Благодаря заступничеству императрицы Хэ Цзинь пощадил евнухов. Однако Юань Шао не оставил намерения истребить их. Под влиянием своей сестры, которая чувствовала себя обязанной евнухам, Хэ Цзинь все медлил. Тут Юань Шао посоветовал ему прибегнуть к стратагеме 3: «Раз не желаете сами вмешиваться, то созовите в столицу доблестных полководцев с их войсками и перебейте евнухов. Время не ждет». Хотя [чжу-бо] старший чиновник приказа, следивший за правильным ведением записей и книг [Чэнь Линь (ум. 217)] предупреждал, что «собирать все войска, чтобы убить несколько евнухов, это все равно что разжигать печь, для того чтобы сжечь один волосок», Хэ Цзинь последовал совету Юань Шао.

К полководцам, которые тайным приказом были призваны в столицу, принадлежал и могущественный [цзы-ши] чиновник округа Силян [в чьи обязанности входили контроль за административным аппаратом округа и выявление незаконных действий местных властей] — Дун Чжо (умер 190), уже давно жаждавший расширить свою власть. Получив приказ идти к столице, он понял, что настал его час. Подняв войска, он двинулся в столицу Лоян. Однако его зять и ближайший советник Ли Жу [умер 194] предупредил его: «В приказе, нами полученном, много неясного. Почему бы вам не послать вперед гонца с письмом? Если вы про себя назовете вещи своими именами, а на словах выразите покорность, то можете задумывать великое дело!» Дун Чжо так и поступил. В отправленном им Хэ Цзиню письме говорилось: «Мне довелось слышать, что причиной непрекращающихся смут в Поднебесной является клика дворцовых евнухов во главе с Чжан Жаном [умер 189], которая вызывающе держит себя по отношению к императорской власти. Чтобы прекратить кипение котла, как известно, лучше всего разбросать горящий под ним хворост. Хоть и бывает больно, когда вскрывают нарыв, но все же это лучше, чем принять яд в пищу. Я осмелюсь выполнить ваш приказ о вступлении с войском в Лоян лишь в том случае, если вам удастся испросить у Сына неба позволения устранить Чжан Жана и его приспешников. Это будет великим счастьем для династии, это будет великим счастьем для Поднебесной!»

На самом деле этими, в точности отвечавшими намерениям наивного Хэ Цзиня словами Дун Чжо проложил себе путь в Лоян и к временному господству в Китае (см. 35.5). Письмо Дун Чжо, которое Чэнь Шоу (233—297) приводит в своем историческом труде «Троецарствие», насквозь пропитано стратагемным замыслом, служа узакониванию под благовидным предлогом нацеленных на расширение собственной власти шагов с одновременным сокрытием истинных, совершенно своекорыстных побуждений. Письмо оказывается четвертым по времени источником того, как приводится в действие стратагема 19, и там говорится то же самое, что не так давно Юань Шао советовал Хэ Цзиню в отношении евнухов, а именно: «вырвать сорную траву с корнем» [«чжань-цао чу-гунь»].

19.10. Никакого поста для мошенника

«У Хоу Цина [503—552] голос шакала и глаза осы. Это проходимец с сердцем волка и вкрадчивостью лисы. Что же касается его верности долгу, то даже к своему отцу он не питает никаких чувств. Он предает своих и перебегает к врагам. Он изменил нашей династии и перебрался в Ляп. Что приглянулось ему там и что удерживает его от столь привычной измены?.. Когда злодея принимают на службу и уповают на его верность, это первый шаг на пути к гибели государства... Мудрый человек так не поступит, а временно поддавшийся обману, осознав грозящую опасность, тотчас одумается. Отказать мошеннику вроде Хоу Цина в месте есть не что иное, как вытащить хворост из-под котла, дабы предотвратить кипение, или уничтожить сорную траву, вырвав ее с корнем. Чтобы зло пресечь на корню, надо взять под стражу Хоу Цина, заковать ему руки и ноги и отослать для наказания в Восточное Вэй...»

Так говорится в записке, которую по повелению Гао Чэна (521—549), властителя [547—549] Восточная Вэй, составил сановник Вэй Шоу (506—572). Целью данной записки было вбить клин между императором У-ди (правил 502—549) южной династии Лян и Хоу Цзином (502 — 552). Генерал Хоу Цзин порвал с царством Восточная Вэй, перейдя в услужение к У-ди.

Насколько приведенная записка способствовала печальному концу Хоу Цина (см. 33.13), сказать трудно. Примечателен сам текст, предвосхищающий выражение стратагемы 19. Со ссылкой на Хоу Цина выражения «вытаскивать хворост для успокоения кипящей воды» и «вырывать с корнем сорную траву» превозносятся в качестве нравственной максимы китайской древности, ратующей за решительное пресечение зла или за полное разрешение затруднений (*Большой словарь китайских добродетелей* [«Чжунхуа мэйдэ дадянь»]. Тайюань, 1996). Ничто, по сути, не может быть застраховано от несправедливого клейма «корень всех зол» и незаслуженных нападок стратагемы 19.

19.11. «Секс-бомбы» против Конфуция

В 501 г. до н. э. Конфуций (551—479 до н. э.) был принят на службу [управителем селения волости Чжунду] в своем родном царстве Лу, где сидел на престоле Дин-гун [правил 509—495 до н. э.], но вся власть находилась в руках [его любимца], потомка луского Хуань-гуна (правил 711—694 до н. э.), вельможи Цзи Хуань-цзы. Прошел год управления Конфуция, и повсюду стали брать с него пример. С поста управителя селения его перевели на должность *сыкуна* (начальника общественных работ), а затем и *сыкоу* (управителя судебных дел). К 496 г. до н. э. он вел дела первого советника *гуна*. «Прошло всего три месяца, как [Кун-цзы] начал участвовать в управлении царством, но продавцы баранины и свинины уже не пытались чрезмерно завышать цены; мужчины и женщины стали ходить по дорогам порознь, и никто не присваивал оставленного на дороге; гости, прибывавшие со всех четырех сторон в городки, не обращались с просьбами к местным чиновникам; все находили то, что искали, и [довольные] возвращались домой. Цисцы, прослышав [об усилении сыкоу], стали поговаривать с опаской, обращаясь к своему государю Цзин-гуну [правил 548—591]: «Поскольку Кун-цзы занялся делами правления, [Лу] непременно станет гегемоном. Коль станет гегемоном, а земли наши находятся рядом, то мы станем первыми, кого они присоединят. Не лучше ли отдать [эти] земли [добровольно]?» Ли Чу сказал: «Давайте сначала попробуем воспрепятствовать этому. Если же не сможем воспрепятствовать, то разве будет поздно отдать земли!» (Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993, С.113—114; см. также *Сыма Цянь*. Исторические записки, т. 6. М.: Восточная литература РАН, 1992, с. 131-134).

Известно, что Конфуций строго придерживался ритуалов начальных времен западной династии Чжоу (XI в. до н. э. — 770 до н. э.). Особенно это касалось ритуала жертвоприношения, но также и сообразующихся с положением, полом и возрастом церемониальных обрядов, внешнее соблюдение которых должно сопровождаться соответствующими внутренними нравственными правилами. Конфуций ожидал от князя Дин-гуна и сановника Цзи Хуань-цзы добросовестности в словах и делах, приверженности к добродетели, неприятия лести и отказа от роскоши, излишеств и чрезмерного потакания желанием плоти. Иное поведение Конфуций считал отступлением от нравов Западного Чжоу. Однако в царстве Ци хорошо знали, что Дингун и Цзи Хуань-цзы падки до плотских утех. Исходя из этого, циские власти и решили воспользоваться «стратагемой», как пишет Эдуард Шаванн (1865—1915) в своем переводе на французский язык жизнеописания Конфуция из «Исторических записок» Сыма Цяня [145 или 135 — ок. 86 до н. э.] (*Les mémoires historiques de Sema Tsien*, tome cinquième. Paris, 1967, с. 328). «Тогда отобрали в Ци восемьдесят красивых девушек, нарядили в цветастые одежды, научили танцевать «канлэ»²⁴⁷ и, усадив в тридцать повозок, запряженных четверками коней, покрытых вышитыми попонами, направили в дар правителю Лу. Девичий табор и украшенные попонами кони остановились у Южных ворот луской городской стены. Цзи Хуань-цзы, переодевшись в чужую одежду, вновь и вновь выходил за ворота посмотреть на них и уже вознамерился принять [дар]. И тогда он посоветовал правителю Лу проехать туда окольным путем. Целыми днями занимались они смотрами, напрочь забросив дела правления. Цзы Лу сказал: «Теперь вам, учитель, можно уходить». Кун-цзы ответил: «В Лу ныне будут приносить жертвы Небу и Земле. И уж коль скоро дафу [сановники] будут наделять жертвенным мясом, мне, по-видимому, лучше остаться». [Цзи] Хуань-цзы наконец принял в дар певичек, и три дня [в Лу] не прислушивались [к советам] об управлении, а после жертвоприношения Небу и Земле жертвенное мясо не было роздано дафу. И тогда Кун-цзы ушел из столицы Лу и поселился в Тунь. Учитель музыки, провожавший его, сказал: «Не совершаете ли вы, учитель, ошибки?» Кун-цзы произнес: «Разрешите ответить песней. В ней поется: «Уста тех женщин изгнали меня, их приезд сюда может привести к смерти и гибели». Вот почему мне остается теперь по конца моих дней кручиниться и скитаться!» Когда учитель музыки [Ши И] вернулся, [Цзи] Хуань-цзы, выслушав [собеседника], тяжело вздохнул: «Учитель осудил меня из-за этих певичек-рабынь!» [Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993, с.113—114; см. также *Сыма Цянь*. Исторические записки, т. 6. М.: Восточная литература РАН, 1992, с. 131 — 134].

Конфуцию больше не представится возможность воплотить на деле свои величественные политические замыслы. В книге *36 стратагем с примерами* [«Сань ши лю цзи инь ли»] (Тайбэй, около 1972 [автор Чэнь Дичжи]) дается следующее замечание: «Даже наш праведник Конфуций споткнулся на уловке «вытаскивания хвороста из-под котла». И с той поры он скитался на чужбине, ведя нищенскую жизнь. Отсюда можно заключить, что этот человек, само воплощение человечности и добродетели, не мог противостоять даже малой уловке. Данный пример к тому же служит доказательством того, что идеальной жертвой уловок являются такие вот духовные проповедники праведного пути». — «Наивность по причине незнания простых... уловок», по мнению Марион фон Дёнхоф (Dönhoff), является «отличительной чертой всех великих мыслителей» (*Цайт*. Гамбург, 27.06.1997, с. 11). В этом мире недостаточно быть лишь

²⁴⁷ И. Семененко переводит название этого танца словом «наслаждение». См.: *Конфуций*. Лунь юй. Изречения. М.: Эксмо, 2003, с. 283. — *Прим. пер.*

знатоком добродетели. По крайней мере, столь же важно уметь распознавать и пресекать вредоносные стратагемы.

Прямым путем заманить Конфуция в ловушку было для циских властей делом тяжелым, даже невыполнимым. Однако власть Конфуция покоилась на его добрых отношениях с сановником Цзи Хуаньцзы и государем Дин-гуном. Эти доверительные отношения оказались подорванными посредством приношения дара в виде восьмидесяти «плотских бомб» (*жо-удань*, как написано в упомянутой книге Чэнь Дичжи) и ста двадцати лошадей. Конфуций подал в отставку, и таким образом луские власти лишились поручителя возвышения царства Лу. Вытаскивание хвороста из очага удалось цисцам в двух отношениях. Было сорвано возвышение Лу и отведена грозящая Ци опасность. Примечательно содержание исполненной Конфуцием песни, свидетельствующее о его глухоте к хитрости. В своей песне он единственно жалуется на губительное влияние женщин. Того, что они послужили лишь слепым орудием «направленной на саботаж политики Лу стратагемы» (таков отзыв Шц Юня в *Гуанмин жибао*. Пекин, 2.06.1996), а истинных врагов Лу следовало искать в другом месте, Конфуций вовсе не заметил. Ушел бы он с занимаемого поста, если бы помимо обрядов Западного Чжоу и возвышенного нравственного учения он разбирался бы еще в уловках так же, как его противник Ли Чу, прибегший к стратагеме «вытаскивания хвороста из очага»? Из-за своего демонстративного ухода Конфуций до конца дней лишился столь желанной для него возможности влиять на политику своего времени. Если бы он разгадал уловку циских властей, то, пожалуй, поступил бы не так, как замыслили враги, а согласно собственному правилу: «Нетерпеливость в малых делах может погубить большие замыслы» («Лунь юй», 15.27).

19.12. Борьба Москвы против довооружения

В связи с обсуждением вопроса о довооружении в Федеративной Республике Германии Ван Шифан в начале 80-х годов XX в. опубликовал в печатном органе КПК *Жэньминь жибао* статью: «Московская тактика вытаскивания хвороста из-под котла» (Пекин, 24.06.1981). Москва жестко нападала на федерального канцлера Хельмута Шмидта, настаивавшего на довооружении, но при этом пригласила в Москву Вилли Брандта, чтобы обсудить с ним советские мирные предложения и высказать пожелание вывода ракет из Западной Германии. С двумя важнейшими представителями одной и той же немецкой политической партии в Москве обращались подчеркнуто по-разному, за чем, безусловно, скрывался определенный расчет. Привечая настороженно относящегося к довооружению Вилли Брандта, Москва надеялась изменить отношение социал-демократических немецких властей в этом вопросе. При этом Советский Союз не переставал открыто угрожать Западной Германии. Если дело дойдет до размещения ракет, то Федеративная Республика Германии ставит себя под угрозу полного уничтожения в случае ядерной войны. Так что и это должно было настроить общественное мнение западных немцев против канцлера Шмидта. Наконец, Советский Союз играл на горькой памяти об агрессии фашистской Германии, сравнивая решение НАТО о довооружении с нападением Гитлера на СССР сорок лет назад, и сея раздор, призывал народы Европы не забывать дурных замашек западнонемецкой военщины. Теперь ФРГ, по словам Ван Шифана, является главной опорой НАТО в Европе. В качестве аванпоста НАТО ее нечем заменить. От готовности ФРГ противостоять нападению Советского Союза зависит судьба остальных стран Европы. Если бы удался тайный замысел [«кинь мою»] Москвы, нацеленный на то, чтобы воспрепятствовать размещению ракет в ФРГ, все рассыпалось бы подобно костяшкам домино. Весь план НАТО тогда, похоже, рухнул бы. За желанием Москвы видеть «независимой политику» Бонна скрывался расчет применить против НАТО стратагему «вытаскивания хвороста из очага».

19.13. Конечная победа царя обезьян

После того как Дух горы Черного ветра, воспользовавшись пожаром, стащил данную Сюань-цзаном 270-летнему настоятелю монастыря на одну ночь рясу, он вернулся к себе в пещеру. Взору не подозревавшего о случившемся пожаре Сюань-цзана, когда утром, пробудившись от сна, он вышел из храма, «представились разрушенные, обгорелые стены; ни строений, ни пагод, ни храмов — ничего не было. «Ай-я! — воскликнул он в ужасе. — Где же храмы?! Почему крутом пепелище?» — «Вы все проспали! — сказал Сунь У-кун. — Сегодня ночью был пожар!» — «Как же так?» — спросил пораженный Сюань-цзан. «Я охранял этот храм, — пояснил Сунь У-кун. — А вы так сладко спали, учитель, что мне жаль было вас тревожить». — «Почему же ты не спас остальные строения?» — спросил Сюань-цзан. «А для того, чтобы вы еще больше убедились в своей правоте, учитель, — рассмеялся Сунь У-кун. — Как вы вчера сказали, так и получилось. Монахам понравилась ваша ряса, и они решили сжечь нас. Если бы я вовремя не узнал об этом, то сейчас от нас осталась бы только пепел да обожженные кости... «А где же ряса? — спохватился Сюань-цзан. — Неужели сгорела?» — «Да нет же! — успокоил своего учителя Сунь У-кун. — Целехонька. Келья, в которой она спрятана, не сгорела»... Между тем наставник, обнаружив, что рясы нигде нет, пришел в отчаяние. Он не знал, что ответить, и, не находя выхода из создавшегося положения, решил, что в живых ему все равно не остаться. Тогда он с разбегу ударился головой о стену. Удар был настолько силен, что голова несчастного

раскололась и из нее хлынула кровь, оросив землю. Монахи от горя совершенно обезумели. «Что нам теперь делать? — причитали они. — Наставник погиб, рясы нигде нет!» — «Видно, кто-то из вас, разбойников, *спрятал* ее, — сказал Сунь У-кун. — Ну-ка принесите мне списки монахов, я проверю!» — приказал он. Смотритель монастырских зданий тотчас же принес две книги, где были записаны монахи, послушники и работники. Всего двести тридцать человек. Сунь У-кун попросил Сюань-цзана занять почетное место и после этого начал по очереди вызывать монахов. Каждого из них он заставлял развязывать пояс и тщательно обыскивал. Но, несмотря на все усилия, рясы обнаружить не удалось... Тогда, поразмыслив, он спросил у монахов: «А нет ли здесь поблизости какого-нибудь волшебника?» — «Вот хорошо, что вы спросили, мы сами не вспомнили бы об этом! — воскликнул смотритель монастыря. — К юго-востоку отсюда находится гора Черного ветра. В горе есть пещера, которую тоже называют пещерой Черного ветра. В этой пещере живет дух, Черный князь. Покойный наставник часто беседовал с ним. Этот князь — настоящий волшебник». — «А далеко до этой горы? — поинтересовался Сунь У-кун. «Да всего двадцать ли, — отвечал смотритель. — Видите вон ту вершину? Это и есть гора Черного ветра». — «Ну, теперь успокойтесь, учитель, — смеясь, сказал Сунь У-кун, — больше мне ничего не надо. Рясу, конечно, похитил этот волшебник»... Тут Сунь У-кун совершил прыжок в воздух, очутился на облаке и отправился на гору Черного ветра разыскивать рясу... Повернувшись несколько раз вокруг собственной оси, он быстро добрался до горы Черного ветра и огляделся... Любуясь красивым пейзажем, Сунь У-кун вдруг услышал голоса. На покрытом душистой травой склоне горы кто-то разговаривал. Осторожно ступая, чтобы не быть услышанным, Сунь У-кун шмыгнул за скалу и, украдкой выглянув оттуда, увидел трех духов-оборотней, сидевших на земле. В центре сидел какой-то черный человек, слева от него даос и справа ученый. Говорили они напыщенно, громко... «А ведь послезавтра у меня день рождения, — смеясь, сказал черный человек. — Надеюсь, что вы, уважаемые, окажете мне честь своим посещением». — «Мы каждый год празднуем день вашего рождения, почтенный князь, как же можем мы не явиться в этом году?» — отвечал ученый в белых одеждах. «Сегодня ночью я раздобыл одну драгоценность, — продолжал черный человек, — расшитую золотом рясу Будды. Вещь поистине великолепная. В честь своего дня рождения я завтра выставлю ее напоказ и приглашу всех даосских служителей, пусть придут поклониться рясе Будды. А пир мы назовем «Пиром в честь одяения Будды». Что вы об этом скажете?» — «Превосходно! Замечательно! — в восторге воскликнул даос. — Завтра я непременно буду у вас, хочу заранее поздравить вас с днем вашего рождения, а послезавтра приду на пир». Сунь У-кун, услышав слова «ряса Будды», сразу же понял, что речь идет о драгоценности, которую он ищет. Не в силах больше сдерживать своего гнева, он выскочил из-за скалы и, взмахнув посохом, крикнул: «Наконец вы попались мне, разбойники! Украли мою рясу, да еще собираетесь устраивать какой-то пир в честь одяения Будды! Ну-ка, верните мне ее, только живо! Ни с места!» Сунь У-кун взмахнул своим посохом, целясь в голову противника. Однако черный человек, испугавшись, превратился в ветер и исчез... Сунь У-кун... ринулся в горы на поиски черного человека, оказавшегося волшебником. Он обогнул острый пик, перевалил через хребет и там увидел высокую отвесную скалу, а в ней пещеру... Властитель горы Черного ветра накинул на себя одежду, туго подпоясался и, вооружившись пикой с черной кисточкой, вышел из пещеры... С пикой в руках он ринулся навстречу противнику, и между ними завязался отчаянный бой... Они схватывались уже раз десять, и все же нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Раскаленное солнце стояло в зените, когда Черный волшебник, защищаясь копьём, крикнул: «Монах Сунь! Сделаем передышку! Я хочу подкрепиться! А потом продолжим!» — «Ах ты, скотина мерзкая! — заорал в ответ Сунь У-кун. — А еще называешься удалцом! Хорош удалец! Сейчас только полдень, а ты есть захотел. Я больше пятисот лет был придавлен горой и все это время не пил и не ел. А за пятьсот лет можно было проголодаться! Нет, увильнуть тебе не удастся! Никуда ты не уйдешь! Верни рясу, тогда я отпущу тебя!» Однако Черный волшебник, притворившись, что собирается защищаться, быстро скрылся в пещере, затворив за собой каменные ворота. Нет надобности распространяться о том, как он собрал всех подвластных ему духов, распорядился об устройстве пира и написал приглашения всем духам и демонам — властителям гор с просьбой прибыть на торжество. Как Сунь У-кун ни осаждал ворота, никто ему не открывал. Пришлось вернуться в монастырь... Подкрепившись, Сунь У-кун снова взобрался на облако и отправился на гору Черного ветра. По пути ему повстречался оборотень, который шел по главному пути и нес под мышкой цветной деревянный ящичек, сделанный из грушевого дерева. Сунь У-кун сразу же догадался, что в ящичке лежат пригласительные карточки. Тогда он поднял свой посох и опустил его на голову оборотня. Но, к несчастью, он не рассчитал удара, и от волшебника осталась одна лепешка. Сунь У-кун оттащил его в сторону, взял ящичек, раскрыл его и увидел, что там действительно лежит пригласительная карточка, на которой было написано: «Я, Черный волшебник, земно кланяюсь и почтительно обращаюсь к вам, почтенный старец Цзинь-чи. В прошлом вы неоднократно оказывали мне милость, за что я вам глубоко признателен. Ночью я был свидетелем пожара, но не мог оказать вам помощи. Надеюсь, что вы остались невредимы. Мне случайно удалось приобрести рясу Будды, и я собираюсь устроить пир, на который почтительно приглашаю вас. Выражаю надежду, что вы будете со своей свитой. Примите мое уважение. Приглашение посылаю за два дня до торжества». Прочитав это, Сунь У-кун не выдержал и расхохотался. «Вот так мерзавец! — воскликнул он. — Он хоть и подох, но получил по заслугам. Так вот оно что! Оказывается, он в одной шайке с этим волшебником. Что ж тут удивляться, что он прожил двести семьдесят лет. Очевидно, волшебник научил его какому-нибудь способу подчинения духа, вот он и стал бессмертным. Я отлично помню, каков он из себя. Приму-ка я сейчас его вид, проникну в

пещеру и разыщу рясу. Если будет нетрудно, возьму ее. чтобы избежать дальнейших хлопот»... Он произнес заклинание и, встав против ветра, тотчас же изменил свой вид, превратившись в точную копию наставника монастыря... [Таким образом Сунь У-кун попадает в пещеру и заводит разговор с Черным волшебником.] Неожиданно их беседу прервал волшебник, который охранял горы. «Великий князь! Беда! — сказал он входя. — Гонец с приглашениями по дороге убит Сунь У-куном. Сам же Сунь У-кун под видом наставника монастыря Цзинь-чи явился сюда, чтобы завладеть одеянием Будды». Выслушав это, волшебник подумал: «Мне и самому показалось странным, что наставник так быстро пришел сюда. Конечно, это Сунь У-кун!» Вскочив на ноги, волшебник схватил копье и ринулся на Сунь У-куна. А тот, выхватив из уха свой посох, приняв свой настоящий вид, отразил удар и выскочил во двор. Здесь перед воротами завязался ожесточенный бой. Волшебники, населяющие пещеру, помертвели от страха. В этот раз противники дрались куда яростней, нежели в прошлый. Начав бой у самой пещеры, противники постепенно передвинулись на вершину горы, а оттуда взлетели на облака. Они вызывали туман и ветер, кружили песок и камни. Они дрались до тех пор, пока красный диск солнца не стал спускаться к западу. Однако все еще нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. "Эй, Сунь! — крикнул наконец волшебник. — Остановись! Сейчас уже поздно. Иди-ка к себе, а завтра утром приходи. И тогда мы сразимся с тобой не на жизнь, а на смерть». — «Нет, постой! — крикнул Сунь У-кун. — Биться, так до конца. Разве можно уходить только потому, что поздно?!» Сунь У-кун продолжал наступать. Тогда Черный волшебник превратился в ветер и скрылся в пещере. Он запер каменные ворота и больше не показывался. Сунь У-куну ничего не оставалось, как снова вернуться в монастырь бодисатвы Гуаньинь. Опустившись на облаке вниз, он крикнул: «Учитель!.. Мы бились до позднего вечера, но ни один из нас не вышел победителем. Наконец волшебник улизнул к себе в пещеру и крепко заперся там. Мне тоже не оставалось ничего другого, как вернуться домой». — «Ну а как ты думаешь, сможешь ты в конце концов одолеть его?» — спросил Трипитака. «Вряд ли, — отвечал Сунь У-кун. — Силы у нас, пожалуй, равны»... — «Как же в таком случае ты сможешь одолеть его и отобрать рясу?» — «Э, не беспокойтесь! — успокоил Трипитаку Сунь У-кун. — Я знаю, что делать». Пока они беседовали, монахи накрыли на стол и пригласили учителя с учеником поесть. После ужина Трипитака с фонарем в руках отправился на отдых в передний храм. Монахи расположились на ночлег вдоль стен, во временно устроенных шалашах... Ночь прошла спокойно... Но Трипитака, почивавший в храме бодисатвы Гуаньинь, спал беспокойно. Все его мысли были сосредоточены на рясе. Повернувшись на бок и взглянув в окно, он вдруг увидел, что забрезжил рассвет. Он быстро встал и позвал: «Сунь У-кун! Уже светло! Иди скорей за рясой!» Сунь У-кун одним прыжком вскочил с постели. Монахи уже принесли воду для умывания. «Смотрите, как следует прислуживайте моему учителю, — приказывал им Сунь У-кун, — а я снова отправляюсь в путь». Встав с постели, Трипитака остановил его: «Ты куда идешь?» — «По-моему, бодисатва Гуаньинь довольно беззаботна, — не отвечая на вопрос, сказал Сунь У-кун. — В ее честь здесь воздвигнут прекрасный монастырь, возжигаются благовония, а она допускает, чтобы по соседству жил какой-то волшебник. Я сейчас отправлюсь к Южному морю. Найду ее и скажу, чтобы она прибыла сюда сама и отобрала у волшебника рясу»... Не успели замереть еще звуки его голоса, как он бесследно исчез. Вмиг очутился он у Южного моря и, остановив свое облако, стал осматриваться. Величественная картина открылась перед ним. Сунь У-кун долго любовался всей этой красотой и никак не мог налюбоваться. Наконец он на облаке опустился у бамбуковой рощи... Тут дух-хранитель вошел в пещеру и додо. жил бодисатве о приходе Сунь У-куна. Бодисатва приказала ввести его. [Гуаньинь (досл. «наблюдающий за звуками», т.е. «внимающий мольбе») — бодисатва Авалокиташвара. Наиболее почитаемое и популярное буддийское божество в старом Китае. Изображается в виде женщины либо с младенцем на руках, либо с вазой и веткой ивы. Почитается как божество милосердия, оказывающее помощь всем обездоленным и избавляющее от всех бед и несчастий. Известна также под названиями Гуаньши инь и Гуаньинь Пуса (бодисатва). Согласно преданию (идушему от эпохи Юань, 1271 — 1368), Гуаньинь предстает перерождением принцессы Мяо-шань, младшей дочери Мяо Чжуан-вана, правителя одного из китайских княжеств в эпоху Чжоу, в VII в. до н. э. Она была очень религиозной и страстной почитательницей Будды. Вопреки воле отца, хотевшего выдать ее замуж, она покинула родителей и ушла в монастырь. В монастыре ей пришлось пережить большие трудности, так как другие монахини, завидуя ее красоте, старались свалить на нее самую тяжелую работу. Позднее, когда ее отец узнал о ее местопребывании, он послал туда отряд солдат. Солдаты сожгли монастырь и привезли дочь князя домой. Здесь ей предложили на выбор или выйти замуж, или умереть. Она предпочла смерть и была задушена. В царстве мрака она получила персик, приносящий бессмертие. И после этого повсюду, где бы она ни появлялась, она приносила с собой счастье и благополучие. Князь ада Яма, он же Янь-лован, не захотел, чтобы она оставалась в аду, и потому она вернулась на землю. Здесь для постоянного местопребывания ей была отведена гора Путошань, или, как ее еще называют, Путолоцзяшань, находящаяся на небольшом острове восточнее провинции Чжэцзян в уезде Динхай. На этой горе в честь Гуаньинь сооружен главный храм.] Войдя в пещеру, Сунь У-кун подошел к лotosовому трону и приветствовал бодисатву поклоном. «Зачем ты явился?» — спросила бодисатва. «В пути мы с учителем зашли в монастырь, выстроенный в честь тебя. Народ приносит тебе жертвы. А ты позволила волшебнику Духу черного медведя поселиться рядом с монастырем и выкрасть рясу моего учителя. Я много раз пытался отобрать у него рясу, но не смог и сейчас прибыл специально для того, чтобы просить у тебя помощи». — «Ну что за невежественная обезьяна! — возмутилась бодисатва. — Как ты смеешь так со мной разговаривать и требовать, чтобы я спасала вашу рясу? Из-за тебя все и получилось. Зачем тебе

понадобилось хвастаться этой драгоценностью и показывать ее простым смертным, да вдобавок ко всему вызывать ветер и раздувать пожар? Ведь ты сожгла мой монастырь Задерживающихся облаков. А теперь явилась сюда и поднимаешь шум». Сун У-кун понял, что бодисатве известно все, что было, и все, что будет, и поспешно опустился на колени. «О бодисатва! — воскликнул он. — Прости твоему сыну грехи! Все это правда. Но я осмелился побеспокоить тебя, милостивая бодисатва, лишь потому, что волшебник ни за что не хочет отдавать рясу, а учитель сердится и грозит заклинанием, от которого у меня голова раскалывается на части. Яви свое милосердие, помоги отобрать у волшебника рясу, и мы сможем продолжать свой путь». — «Этот волшебник обладает огромной силой и, пожалуй, не уступит тебе. Но ради Танского монаха я, так и быть, отправлюсь вместе с тобой». Тут Сунь У-кун снова склонился перед бодисатвой, выражая ей свою глубокую признательность, и затем вслед за ней вышел из пещеры. Сев на радужное облако, они вмиг очутились у горы Черного ветра и здесь спустились вниз. Направляясь по тропинке к пещере, они вдруг заметили даоса, который появился из-за склона горы. В руках у него было стеклянное блюдо, а на блюде лежали две пилюли бессмертия. Чрезвычайно обрадованный этой встречей, Сунь У-кун выхватил свой посох и с размаху так стукнул даоса по голове, что у того вылетели мозги и фонтаном брызнула кровь. «Ну что за обезьяна! — в ужасе воскликнула бодисатва. — Опять ты за свое! Ведь не он украл твою рясу, ты даже не знаешь его. Значит, между вами не могло быть никакой вражды. За что же ты убил его?» — «Ты знаешь, кто это такой? Это приятель Черного волшебника. Вчера они еще с каким-то мудрецом сидели на полянке и беседовали. Черный волшебник пригласил его на Пир в честь одяения Будды. Дух, которого я убил, шел поздравить Черного волшебника, а завтра должен был явиться на Пир в честь одяения Будды. Вот откуда я знаю его». — «Ну, ладно!» — сказала бодисатва. Сунь У-кун приподнял даоса, чтобы рассмотреть его как следует, и тут увидел, что это волк. На блюде была выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы». Прочитав это, Сунь У-кун от радости рассмеялся. «Вот удача! — воскликнул он. — Теперь нам не придется затрачивать усилий! Этот волшебник, можно сказать, сам попал нам в руки, а с другим мы быстро разделаемся». — «О чем это ты говоришь?» — спросила бодисатва. «У меня есть одна мысль, которую можно назвать: "На план ответить планом". Только я не знаю, одобришь ли ты ее». — «Ну говори, что надумал». — «Взгляни на это блюдо, ^ сказал Сунь У-кун. — Здесь лежат две пилюли бессмертия. Мы понесем их в подарок волшебнику. На оборотной стороне этого блюда вырезаны четыре иероглифа: «Сделал Лин Сюй-цзы» На эту удочку мы и поймает волшебника. Если ты согласишься, нам не придется прибегать к оружию и драться с волшебником, Его мгновенно поразит болезнь, и тогда ряса в наших руках. Если же ты не согласишься, ты можешь спокойно отправляться к себе на Запад, а я вернусь на Восток. В этом случае рясу можно считать подаренной волшебнику, а поездка Танского монаха кончится впустую». — «Ну и язык у этой обезьяны!» — рассмеялась бодисатва. «Что ты, помилуй! Я просто хотел предложить тебе свой план!» — отвечал Сунь У-кун. «Ну, что же ты придумал?» — спросила бодисатва. «На этом блюде выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы». Надо полагать, что Лин Сюй-цзы — имя этого даоса. Ты, бодисатва, должна принять вид этого даоса. Я же съем пилюлю бессмертия и приму ее вид, только буду немного побольше. Затем ты возьмешь блюдо с пилюлями и преподнесешь волшебнику ко дню его рождения. Потом предложишь ему съесть пилюлю, которая побольше. Когда волшебник проглотит ее, то есть меня, я у него в желудке найду, что делать. Пусть только откажется вернуть рясу, я из его кишок веревки совью». Бодисатва покачала головой, но возразить ничего не могла и вынуждена была согласиться. «Каково?» — смеясь, спросил Сунь У-кун. Тут бодисатва проявила свое великое милосердие и безграничную божественную силу. Обладая способностью превращаться в любое существо или предмет, она в мгновение ока превратилась в даоса отшельника Лин Сюй-цзы... «Чудесно! Замечательно! — с восторгом воскликнул Сунь У-кун. — Не разберешь, не то это оборотень бодисатва, не то бодисатва оборотень». — «Бодисатва, оборотень все это лишь одни понятия, — сказала, смеясь, бодисатва. — Если говорить по существу, то ничего подобного нет». Сунь У-кун тотчас же понял, что хотела сказать бодисатва, и, повернувшись, превратился в пилюлю бессмертия. Пилюля, в которую превратился Сунь У-кун, была чуть побольше, Бодисатва отметила это, взяла блюдо и отправилась прямо к пещере. Бодисатва осталась очень довольна. «Эта грязная скотина не зря выбрала себе такое место для жилья», — подумала она, и все же в душе у нее родилось чувство сострадания. У пещеры бодисатва увидела духов, они охраняли вход. «Преподобный отшельник Лин Сюй-цзы прибыл!» — закричали духи. Одни из них бросились доложить о его приходе, другие пошли навстречу. Тотчас же показался дух-волшебник, вышедший встретить гостя. «Я очень рад, — сказал он, что ты осчастливил мое убогое жилище своим высоким посещением». — «Примите от меня скромный дар — пилюлю бессмертия и пожелание вам вечной жизни», — промолвила в ответ бодисатва. Закончив церемонию приветствий, они уселись и начали обсуждать вчерашние события. Бодисатва поспешила достать блюдо с пилюлями. «Великий князь, — молвила она, — прошу вас взглянуть на мой скромный подарок». Выбрав шарик побольше, она преподнесла его волшебнику со словами: «Желаю вам, великий князь, здравствовать тысячу лет!» Волшебник в свою очередь взял второй шарик и, подавая его бодисатве, сказал: «Желаю того же и вам, дорогой Лин Сюй-цзы!» Как только церемония была окончена, волшебник хотел проглотить пилюлю, но пилюля сама проскользнула прямо в желудок. Там Сунь У-кун принял свой обычный вид, потянулся во все стороны, и волшебник тотчас же повалился на землю. Бодисатва тоже приняла свой обычный вид и велела волшебнику отдать рясу. Тем временем Сунь У-кун успел уже выйти через нос волшебника. Однако, опасаясь, как бы волшебник не учинил какого-нибудь буйства, бодисатва набросила ему на голову обруч. И когда волшебник, вскочив на ноги, бросился на Сунь

У-куна с копьем, она вместе с Сунь У-куном была уже высоко в воздухе и стала произносить заклинание. В тот же миг у волшебника началась мучительная головная боль, он выронил из рук копье и стал кататься по земле. А Прекрасный царь обезьян, наблюдая все это, посмеивался. «Ну что, мерзкая тварь, вернешь ты теперь рясу или нет?» — спросила бодисатва. «Я готов сделать это сейчас же, — поспешил ответить волшебник. — Только пощадите меня». Между тем Сунь У-кун, боясь, как бы дело не затянулось, решил избить волшебника, но бодисатва остановила его. «Не причиняй ему вреда! — сказала она. — Он мне еще пригодится». — «Да на что может пригодиться это чудовище, убить его надо, вот и все», — сказал Сунь У-кун. «Часть горы Лоцзяшань, где я живу, — сказала бодисатва, — сейчас никем не охраняется. Я возьму его с собой и сделаю небожителем, хранителем этой горы». — «Ты поистине милосердна и всегда выручаешь из беды, — сказал, смеясь, Сунь У-кун. — Тебе жаль погубить всякое живое существо. Вот если бы я знал это заклинание, то наверняка прочитал бы его не меньше тысячи раз. Однако здесь ещё осталось много духов, надо и с ними кончить». Волшебник Тем временем пришел в себя. Он катался по земле и жалобно кричал: «Пожалейте меня! Я готов вступить на путь Истины!» Тогда бодисатва опустилась на облаке вниз и, возложив руки на голову чудовища, *взяли с него обет монашества*. Затем она заставила волшебника взять копье и следовать за ней. Наконец-то лихие помыслы Духа черного медведя исчезли, и строптивый характер его был усмирен. «А ты, Сунь У-кун, возвращайся теперь обратно, — приказала бодисатва, — и как следует служи Танскому монаху. Смотри, чтобы в дальнейшем не было никаких упущений или безобразий». — «Прости, бодисатва, что доставил тебе столько хлопот и заставил ехать в такую даль, — сказал Сунь У-кун. — Позволь мне проводить тебя немного», — добавил он. «Нет, не нужно», — отвечала бодисатва. Тогда Сунь У-кун взял рясу и, распростившись с бодисатвой, отправился в монастырь. А бодисатва в сопровождении Духа черного медведя пустилась в обратный путь к Великому морю» (У Чэньэнь. Путешествие на запад. Пер. А. Рогачева. М.: Худ. лит., 1959, т. 1, с. 293—327).

Данный отрывок из романа *Путешествие на Запад* [«Сиюц-зи»; издан в 1592] У Чэньэня (около 1500—1582) во многих китайских книгах о стратагемах приводится как типичный пример использования стратагемы 19. «Если встречаемые царем обезьян в его путешествии на Запад чудовища слабее его, он побеждает их похода. Но когда собственных сил не хватает, он обращается к той силе, против которой у чудовищ нет никакого средства, позволяя ей вмешаться в ход событий» (36 *стратагем с примерами*. Тайбэй, 1972).

19.14. Сузубо преобразователи сельского хозяйства

После 1948 г., как пишут в гонконгской книге о 36 стратагемах, Коммунистической партии Китая удалось использовать так называемых «демократических деятелей», чтобы те пожаловались правительству США на беспомощность чанкайшистско-го режима в борьбе с царящей там коррупцией. Вместе с тем китайские коммунисты слезно уверяли американцев, что в отличие от вынашивающих планы мирового господства русских коммунистов они всего лишь стремятся преобразовать свое сельское хозяйство. К преобразованиям в сельском хозяйстве в те времена в Америке относились с большим сочувствием. Таким образом, США пришлось решать, приостанавливать помощь гоминьдановскому правительству Чан Кайши или нет. Под напором прокоммунистической пропаганды в критический для гоминьдановского правительства 1949 г. США сворачивают экономическую помощь Чан Кайши. Этот шаг подорвал моральный дух поддерживавшей гоминьдановское правительство части китайского населения, что ослабило внутреннее и внешнее положение режима. Известно, что вскоре после этого китайские коммунисты пришли к власти на материковом Китае.

19.15. Покинутые зачинщики мятежа

В период правления династии Северная Сун (960—1127) СюэЧанжу [1000—1061] был назначен [*тунпань*,] помощником правителя трех областей, в одной из которых, Ханьчжоу (в нынешнем округе Гуанхань, провинция Сычуань), он и расположился. Однажды воины одной из областей взбунтовались. Они покинули казармы, устроили поджоги и вознамерились расправиться с правителем области и его военным помощником. Оба чиновника не решились на побег. В этот критический момент на место событий спешно прибыл Сюэ Чанжу и обратился к мятежным воинам со словами: «У вас у всех есть отец с матерью, жены с детьми. Почему же вы решились на подобные действия, грозящие вам и вашим близким смертью? Пусть те, кто лишь примкнул к беспорядкам, соберутся вон там!» Все так и вышло: случайные соучастники беспорядков собрались в одном месте, никуда не двигаясь. И только восемь человек, зачинщиков разбоя, тайком попытались скрыться в близлежащих деревнях. Вскоре они были схвачены. Люди поговаривали: «Не будь Сюэ Чанжу, несдобровать бы городу».

Данный пример успешного применения стратагемы 19 приводит самый древний трактат о 36 стратагемах. Поступок Сюэ Чанжу, пишет У Гу в книге *36 стратагем с пояснениями* (Чан-чунь, 1987), наглядно показывает, как можно подорвать моральный дух противника и лишить его боеспособности. Однако анализ

У Гу не затрагивает всей полноты стратагемных, не ограничивающихся одним лишь подрывом морального духа противника действий. Несомненно, сама смелость Сюэ Чанжу во многом лишила мужества мятежников. Однако одного бесстрашия Сюэ Чанжу здесь было бы мало. Его краткая, стратагемно выстроенная речь оказалась тем решающим ударом, которым удалось пресечь корни мятежа. Вначале Сюэ Чанжу привлек внимание всех мятежников к печальным последствиям их действий. Не только они, но и их родные (исподволь высказанная угроза) подвергались опасности смертной казни. Затем Сюэ Чанжу обращается к примкнувшим к беспорядкам, давая им понять, что в случае добровольной сдачи их ждет снисхождение (см. стратагемы 15 и 33). Таким образом, Сюэ Чанжу удалось лишить зачинщиков мятежа поддержки. Оказавшись одни, они вынуждены были бежать.

19.16. Умыкание лучших

Живший в танскую эпоху Цзя Линь в своем комментарии к *Военному искусству Сунь-цзы* [гл. 8] к средствам нанесения вреда противнику причисляет переманивание в свой стан способных и умных людей, лишая тем самым противника советников [«Есть только один способ смутить удельного правителя: нужно опорочить мудрых людей среди его приближенных и подослать к нему людей испорченных, дабы они расстроили управление в его землях» («Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 169)]. К такому способу прибегал уже [уский] военачальник времен Троецарствия Люй Мэн (178—219), победивший Гуань Юя (ок. 162—219) и вернувший стратегически важный для царства У город Цзянлин (см. 8.3).

Царства У и [Хань-]Шу заключили союз против северного царства Вэй. Но затем У вошло в тайный сговор с Вэй, надеясь тем самым вернуть находившийся в руках наводящего ужас шуского воина Гуань Юя город Цзянлин. Для достижения своей цели Люй Мэн среди прочего, как пишет Вэй Тан в [выходящем на шести языках: китайском, немецком (China im Aufbau), испанском, английском, французском и арабском] журнале *Китай на стройке [Чжунго цзяньшэ]* [с 1990 г. переименован в *Китай сегодня* (Цзиньжи Чжунго) (Пекин. Январь, 1985), прибегает к стратагеме «вытаскивания хвороста из очага»: он переманивает на свою сторону многих офицеров Гуань Юя, все больше сужая круг его соратников.

Действия Люй Мэна вызывают в памяти другие образы другой эпохи, например, шаги Израиля, охарактеризованные «Особой комиссией по расследованию соблюдения Израилем прав человека в отношении палестинцев и других арабов в оккупированных областях» ООН следующим образом: «...the government of Israel hoped to enervate the community by depriving it of intelligent and active leadership, and thereby to reduce the community to a state of passive subservience to the occupying power» (Лотар Куль (Kuhl): *Die Untersuchungs und Berichtstätigkeit des «Special Committee to Investigate Israeli Practices» der Generalversammlung der Vereinten Nationen*. Берлин, 1995, с. 387). Привожу данный пример не для того, чтобы высказать собственную позицию, а для того, чтобы показать всеобщность одного из приемов хитрости.

19.17. Наставник без учеников

«Поезд замедлял ход, собираясь сделать остановку. Кое-кто из пассажиров вставал, снимал уложенные чемоданы, увязывал на верхних полках узлы или облачался в халат либо куртку... За окном проплыла зеленеющая роща, до слуха пассажиров донеслось стрекотание цикад. Поезд пошел еще тише и через мгновение резко затормозил у платформы.

Из вагона вышел высокий человек лет тридцати, с гордой осанкой. Из-под полей шляпы светились его глаза, живые и пронизательные. У него был только портфель, зажатый под мышкой, и в помощи носильщика он не нуждался. Молодой человек не суетился, как другие пассажиры. На перроне, где сразу же после прихода поезда поднялась обычная вокзальная суতোлка, он напоминал одинокого журавля среди мелких щебечущих пташек. Молодой человек вышел с вокзала, протиснулся сквозь толпу рикш, зазывавших седоков, и зашагал по песчаной дороге вдоль берега реки.

На противоположном берегу высилась городская стена. Древняя кирпичная кладка почти сплошь покрылась мхом, и сейчас, в лучах заходящего солнца, она казалась зеленой, под Цвет чайных листьев. Уходящая ввысь пагода строго возвышалась на фоне синего неба, как бы стремясь нарушить картину унылого однообразия.

Река была довольно широкой, но совершенно спокойной. В Ней четко отражались небо и городская стена. И там, в реке, они выглядели даже красивее, чем в действительности.

По мере того как человек удалялся, вокзальный шум постепенно затихал, пока наконец не исчез вовсе. У

молодого человека возникло какое-то необычное ощущение, уши давила непривычная тишина, словно окружающий воздух был до предела разрежен. На стенах пагоды, на реке — на всем лежала печать седой старины. Но в этой старине было немало привлекательного, и суетные мирские дела, казалось, уплывали куда-то в туманную даль, словно маленькие облачка на краю неба. Человек остановился, приподнял поля шляпы, внимательно осмотрелся по сторонам и подумал: «Как мне дороги эти старинные стены и рвы. Рвы подобны артериям старика, в которых течет старая кровь. Но я хочу избавить их от старой крови и влить свежую, чтобы вернуть моему городу цветущую молодость. И когда в жилах его не останется ни капли старческой крови, а взору откроется прекрасный облик седой старины, то ничто в мире не сможет сравниться по красоте с моим городом!»

Мысли о будущем еще более укрепляли его решимость и отвагу. Достав платок, он вытер выступивший на лице пот и снова быстро зашагал вперед. Миновал мост, он вошел в городские ворота.

Улица была очень узкой, солнца на ней было немного. Если по улице проезжали два рикши навстречу друг другу, то пешеходам приходилось вплотную прижиматься к забору, чтобы не оказаться раздавленными. И все же прохожие постоянно подвергались опасности: того и гляди ушибут. Приказчики, сидя с засученными рукавами за прилавками магазинов, не спеша обмахивались пальмовыми веерами, словно на отдыхе. У пешеходов тоже, казалось, не было никаких дел, и они беззаботно прогуливались взад и вперед.

Иногда откуда-то вдруг появлялись голые ребятишки и с пронзительным криком стремглав неслись друг за другом. Только это и нарушало атмосферу покоя, да еще стремительный бег рикш с непрерывно звенящими колокольчиками, тоже никак не гармонирующий с царившим здесь покоем и торжественностью.

«Тридцать лет живу, а картина всегда одна и та же. Только рикш с их тележками, сверкающими черным лаком, стало больше. Прохожие все так же медлительны. Медлительность старшего поколения по наследству переходит к младшему, поэтому, как и прежде, на улицах видны лишь неторопливые фигуры пешеходов. Невыносимо, когда на узеньких улицах вам преграждают путь, не дают идти быстрее», — почти с раздражением думал молодой человек. Чуть ускорив шаги, он сворачивал то вправо, то влево, чтобы избежать столкновения с пешеходами или экипажами. Его рубашка давно уже взмокла от пота, но, только заметив, что прохожие один за другим остаются позади, он почувствовал, что идет быстро.

Вдруг молодой человек остановился, снял соломенную шляпу и почтительно окликнул прохожего:

— Господин Гао!

Перед ним стоял человек лет пятидесяти, высокий и очень худой, с лицом землистого цвета и глубокими морщинами на лбу. На нем была рубаха из легкого полотна и куртка из материи сюаньша (сорт тонкого шелка) с изображением дракона. Сквозь огромные круглые очки были видны близорукие глаза. Над верхней губой — густые черные усы.

Хотя господин Гао Цзюй и был близорук, он еще издали внимательно разглядывал идущего навстречу человека и думал: «Он и вправду вернулся, видно, слух о том, что они собираются открыть школу, не был пустым. Все же лучше его не останавливать. Он уже забыл о том, как ходил ко мне на уроки. Не будем на него обижаться, он ведь наверняка все еще продолжает носить нас, стариков. О чем же с ним говорить?» Так думал старый учитель, шагая по обочине улицы навстречу крестьянину с коромыслом, нагруженным кореньями лотоса. Учитель Гао смотрел прямо перед собой и думал, что вот сейчас поравняется со своим учеником и пройдет мимо.

Однако бывший ученик заметил господина Гао, остановился и учтиво окликнул его. Тому оставалось только внезапно прозреть и радостно воскликнуть:

— А, Юй-шэн, давненько мы не виделись, вы что ж это, на лето приехали, а потом опять до свидания, не так ли?

— Нет, я не собираюсь уезжать. Я со своими друзьями решил открыть здесь среднюю школу. Вот этим и буду заниматься.

— Хорошее дело. Я помню, у нас и раньше об этом поговаривали.

После этих слов учитель Гао хотел откланяться и уйти, но Юй-шэн продолжил разговор:

— Мы решили осуществить наш план в соответствии с нашими идеалами, и, конечно, у нас будут неувязки. Придется почаще заходить к господину за советом, чтобы позаимствовать его богатый опыт.

Господин Гао Цзюй улыбнулся не то скромной, не то пренебрежительной улыбкой и ответил:

— Э, времена теперь не те. Наш опыт похож на вышедшее из моды платье, которому только и остается, что лежать на дне чемодана. Какая от него польза вашей новой школе! — И, немного помолчав, добавил: — Однако школа и впрямь нелегкое дело: чем больше ею занимаешься, тем труднее. Раньше, когда ты учился, у нас во всем была прочная основа. Теперь иначе — все как-то неустойчиво, пусто, даже у тех, к кому думаешь обратиться, чтобы позаимствовать что-нибудь новое.

— Опыт всегда остается опытом, новый он или старый. Господин Гао просто скромничает.

Говоря это, Юй-шэн в душе все же не мог не подосадовать на ворчливый тон учителя Гао.

А господин Гао Цзюй, намереваясь разведать замыслы Юй-шэна, спросил:

— Ну, а как дела с финансами, все уже небось урегулировано? Бывало и так, что самые благие намерения после столкновения с финансовой проблемой исчезали, словно дым.

— Мы составили смету. Взносы учеников должны покрывать повседневные расходы. На первоначальные затраты пойдут пожертвования, которые уже собраны.

— Смогут ли ваши доходы покрыть расходы?

— У меня и моих друзей интересы и стремления общие, да и заботиться нам нужно только о себе — мы не обременены семьями. Поэтому расходы на выплату жалованья у нас будут минимальные, а два или три человека вообще не нуждаются в деньгах...

— Совсем не нуждаются... в деньгах?

Гао Цзюй не поверил своим ушам. Помедлив, он заметил с улыбкой:

— По всему видно, что вы горите желанием просвещать людей. Похвально, похвально. Ну что ж, до свидания!

С этими словами он наклонил голову и пошел; его длинная фигура покачивалась на ходу.

— До свидания, господин!

Учитель Гао вошел в чайную. Большинство мест было уже занято посетителями. После плотного обеда, выкулив кальян, полакомившись арбузом и кореньями лотоса, любители попить чаю направлялись в чайную в тот час, когда на улицы ложились длинные тени, а солнце клонилось к западу. Они шли медленным шагом, степенно, так, что ни одна капелька пота не выступила на их лицах.

Сидевший среди посетителей уездный инспектор школ Лу Чжун-фан при появлении Гао Цзюя перестал курить кальян и собрался уходить. Он наклонил голову и сказал:

— Старина Цзюй! Сегодня ты пришел позже меня. Вот здесь свободно, вот здесь. — И инспектор указал концом кальяна на место за своим столиком.

— Вот и хорошо, старина Чжун, вот и хорошо. В дороге произошла задержка, поэтому я и пришел позднее.

Сказав это, учитель Гао разделся и повесил куртку и халат на вешалку, потом снял с себя рубаху и положил ее на спинку плетеного стула, совершенно обнажив верхнюю часть своего смуглого и худого тела. Два провала за ключицами и ребра на груди выделялись слишком отчетливо. При сопоставлении с белым и упитанным телом Лу Чжун-фана, в формах которого не было никаких острых углов, на тело господина Гао нельзя было смотреть без улыбки.

— Как вы думаете, кого я встретил по дороге? Этого... Дин Юй-шэна! Он уже приехал, — проговорил учитель Гао, усаживаясь.

Официант принес полотенце, смоченное в горячей воде, и Гао Цзюй трижды обер им спину и грудь. Прodelав эту процедуру, учитель Гао, приглаживая усики, обратился к своему соседу:

— Они хотят непременно открыть школу. Дин Юй-шэн только что сообщил мне, что он специально займется этим делом.

Чжун-фан раздул огонек и ожидал, когда кальян разгорится.

— Разумеется, — откликнулся он, — обязательно откроют. Мне стало известно, что они арендовали

школьное помещение в Синьцзяхуне.

Затем он булькнул кальяном, делая затяжку, и из ноздрей его поднялись две сизые струйки дыма.

— Наша школа разорилась и не может выплатить жалование учителям. А вот они нашли правильный выход и откроют свою школу. Он сказал мне, что пожертвования на нее уже собраны. Вот тебе и дети!

— Ха, дети! — повторил Чжун-фан и ехидно засмеялся.

— Одно мне непонятно: Дин Юй-шэн сказал, что текущие расходы они будут покрывать за счет платы за обучение, так как жалование им нужно самое небольшое, а некоторые, мол, от него совсем отказываются. Так ради чего же они взялись за это дело?

— Ха-ха, старина Цзюй, доверчив же ты, однако. Они будут учить чужих детей и денег им за это не нужно? Да откуда могли взяться такие люди в наше время! Ясно, здесь кроется что-то другое.

После такого суждения Чжун-фан принял самодовольный вид и сделал еще одну затяжку. Старому Гао Цзюю стало немного стыдно за себя. Взяв стакан с чаем, он отхлебнул глоток и проговорил, как бы оправдываясь:

— Да, здесь что-то кроется, это я понимаю, но в чем тут соль, мне невдомек.

— А не в том ли, что... — начал Чжун-фан и, перегнувшись через стол к уху Гао Цзюя, перешел на шепот. Затем он снова уселся на свое место и продолжал уже вслух: — У них непременно есть какой-то источник, откуда они берут деньги, и, конечно, разговоры о том, что им не нужно жалование, — всего лишь громкая фраза, рассчитанная на эффект. Они надеются, что люди в один голос заговорят об их горячем рвении к просвещению, попадутся к ним в ловушку и невольно станут их подпевалами. Будь все иначе, разве не сказал бы тебе Юй-шэн, где они собрали пожертвования для основания школы?

Старина Цзюй и верил, и не верил. Моргая глазами, он промямлил, охваченный каким-то невыразимым страхом:

— Да, да. По всей вероятности, это так и есть.

— Не по всей вероятности, а точно так.

— О чем это вы так горячо спорите?

Вопрос задал заведующий отделом просвещения Ван Сюань-бо. Сначала Ван Сюань-бо занял было место в стороне, у окна, но потом решил немного пройтись. Разговор Гао и Лу привлек его внимание. Взяв свободный стул, он подсел к приятелям.

Гао и Лу передали Ван Сюань-бо содержание своего разговора, и последний, кивая головой, заметил:

— Разумеется, для этого все и делается. Правильно говорит старина Чжун. Такие люди кормятся за счет беспорядков, и уж если они их затевают, то не останавливаются ни перед чем. Найдут какую-нибудь щель, ну и стремятся пролезть в нее. Средняя школа «Хунъи» и есть та основа, на которой они хотят укрепиться.

— Ну что ж, это похоже на ловлю вора: только тот, крадучись, откроет дверь, чтобы просунуть руку, как мы его тут же и схватим..

Старый Гао Цзюй, вставивший эту фразу, сам же и рассмеялся, обнажив при этом свои желтые зубы. Но Сюань-бо не присоединился к нему; желая высказать свое мнение, он продолжал:

— Мы, конечно, совсем не хотим напрасно обвинять других, но посмотрите, какими методами они пользуются, — уж одно это доказывает, что они затевают смуту. Я никогда не был близок с такими людьми, а вот у моего младшего сына есть товарищи по учебе, вроде этих. Он виделся с ними на днях, и они ему рассказали о школе, которую хочет открыть Дин Юй-шэн. Первая нелепость, которую он собирается ввести, — это совместное обучение мальчиков и девочек. Вы только подумайте! Средняя школа, а девочки и мальчики вместе! Вторая нелепость...

— Это свободная любовь, не так ли? — выпалил Чжун-фан, и его круглое лицо расплылось в любопытной улыбке.

— Нет, не то. Они утверждают, что учителя и ученики вместе должны активно участвовать в общественной

жизни, во всем, что происходит за стенами школы. Уму непостижимо. Дело учителя — обучать учеников, а дело учеников — учиться. Зачем же думать о каком-то обществе, о какой-то общественной деятельности, да еще активной деятельности! Ведь это же и есть смута и нарушение существующего порядка!

Сюань-бо говорил с возмущением, в душе его, казалось, все кипело, и от волнения он даже расстегнул свою жилетку из тонкой шелковой материи и обнажил грудь.

Старый Цзюй почувствовал какое-то смятение и печально проговорил:

— И когда это только мир перестанет меняться, когда люди успокоятся! Вот взять этого Дин Юй-шэна: учился он когда-то у Меня, был примерным учеником, тише воды, ниже травы. Кто бы мог подумать, что через десять лет от него будет такая беда!

— Так говорить не следует. — Сюань-бо, видимо, был недоволен чрезмерным унынием Цзюя и решительно возразил: — Этим молокососам не так уж легко будет у нас поднять голову и вызвать какие-нибудь беспорядки! Если бы мы не стали бороться, а позволили нашим детям вступить в их организацию и вызвать тем самым страшные бедствия, то мы оказались бы недостойными наших предков, недостойными наших древних мудрецов, нашей родной земли. Поэтому на нас лежит огромная ответственность. Старина Чжун, ты у нас уездный инспектор. Когда они откроют школу, ты, как имеющий право надзора, найди какой-нибудь беспорядок, а мы без всяких церемоний издадим приказ о ее закрытии.

Чжун-фан положил кальян на стол, отпил еще несколько глотков чая и ответил:

— Это, конечно, вполне возможно. Только более радикальным средством противодействия я считал бы «выгрести угли из-под котла, чтобы он не кипел».

И Чжун-фан сделал руками жест, словно выгребал угли.

— Как это понять?

— Очень просто. Не дадим им возможности набрать учеников. На днях учителя начальной школы говорили мне о том, что их ученики обращаются к ним за советом, куда лучше поступить после окончания школы. Конечно, учителя рекомендуют им казенную школу или педагогическое училище, объясняют, что такой выбор был бы самым правильным, а открывающаяся в этом семестре новая средняя школа «Хунъи», в которой занятия будут вести несколько приезжих молодых людей, не совсем, мол, солидное учебное заведение. Я, между прочим, упоминал, что эти молодые люди преследуют какие-то особые цели, и, кажется, никто им не доверится. Итак, к моменту открытия большая часть парт в новой школе будет пустовать, тем дело и кончится.

Сюань-бо выслушал Чжун-фана и почувствовал некоторое облегчение, у Гао Цзюя тоже отлегло от сердца.

— Если все пойдет так, как ты говоришь, то это божественная помощь предков, счастье, ниспосланное родным местам! Только и нам нужно быть осторожнее и при встрече с другими рассказывать им о плюсах и минусах этого предприятия, — добавил Сюань-бо, все еще ощущая в душе смутное беспокойство.

— Ну, это естественно, — откликнулись Гао Цзюй и Чжун-фан, кивая друг другу головами — у одного на длинной и тощей, у другого — на сильно располневшей шее.

Объявления о приеме в среднюю школу «Хунъи» были расклеены на всех перекрестках, помещены в нескольких местных газетах и даже напечатаны на одной из полос какой-то шанхайской газеты, считавшейся «видной». Всякий, кто просматривает эти объявления, ощущает тупую боль в сердце, словно это дьявольские заклинания, в которых содержатся страшные угрозы. Поэтому никто и не подумал разобраться в том, о чем говорили мелкие иероглифы, напечатанные внизу.

В городе то и дело можно было слышать такие разговоры:

— Ах, эта школа «Хунъи»! И откуда у нее левые замашки? С этими людьми лучше не иметь дела, а держаться подальше от них.

Люди грамотные и разбирающиеся в законах выражались так

— Пусть закроются школы хоть во всей Поднебесной, пусть ни одного иероглифа не узнают наши дети, и все-таки мы не рискуем отправить их в среднюю школу «Хунъи». Кто же захочет, чтобы мир превратился в шайку зверей и людоедов!

Снова наступила жара. Во дворе на ясене, словно соревнуясь между собой, стрекотали цикады. Юй-шэн механически перелистал страницы регистрационного журнала, где по-прежнему было записано всего только восемь имен.

Но он не отчаивался: «Это не поражение, ведь сделано еще далеко не все, какое же это поражение! Восемь, так будем хорошенько обучать восьмерых! Вот если даже их ничему не научим, тогда будет провал!..» (*Е. Шэнтао. Одна жизнь. Рассказы. Пер. с кит. Е. Слабнова. М.: Гослитиздат, 1960, с. 151 — 166*). Эти слова вкладывает в уста своего героя из рассказа «В городе» писатель, педагог, издатель и общественный деятель Е. Шэнтао. Дин Юй-шэн и его соратники и не подозревали о стратега, которую вызвала к жизни их вербовка учеников. Весьма примечательно то, что в рассказе Е. Шэнтао противники новой школы, разговаривая в чайной, называют свои действия по имени стратега 19, прибегнуть к которой решают вместо карательных мер. Подобного рода обдуманной подход к осуществлению хитрости, которую замыслившие ее даже называют по имени, вряд ли мы найдем в европейской литературе, начиная с ее истоков, Древней Греции.

19.18. Сожжение житницы [на озере] Воронье гнездо [Учао]

Гуаньду, находившийся в северо-восточной части нынешнего уезда Чжунмоу провинции Хэнань, в 200 г. оказался местом битвы между войсками Цао Цао (155 — 220), тогдашним канцлером [*чэн-сян*] ханьского императора, и Юань Шао (ум. 202), правителем [захваченных им] областей Цзи, Цин и Бин (ныне провинция Хэбэй, восточная и северная части провинции Шаньдун, провинция Шаньси) (см. также 9.2 и 19.9). Юань Шао располагал сотысячным войском, тогда как у Цао Цао было всего 20 тысяч воинов и почти отсутствовал провиант. Однако Цао Цао воспользовался беспечностью Юань Шао, недооценившего противника, и с пятью тысячами воинов, которых он для введения врага в заблуждение снабдил такими же знаменами, как у Юань Шао, совершил ночную вылазку и поджег его житницы на [озере] Учао (Воронье Гнездо). Для устрашения главных сил противника тысяче воинов Юань Шао отрезали носы, а их лошадям — языки. Это привело в ужас войско Юань Шао и расстроило его ряды (см. стратега 20), и тогда отряды Цао Цао напали на него и разбили. Вскоре Юань Шао занемог и скончался. Несмотря на превосходство противника в живой силе, Цао Цао одержал победу благодаря тому, что ему удалось у Юань Шао «вытащить хворост из очага». Преданием огню житницы и своими устрашающими действиями Цао Цао настолько деморализовал главные силы Юань Шао, что свел на нет их численное превосходство. Достигнутая благодаря стратега 19 победа в битве при Гуаньду позволила Цао Цао в дальнейшем завладеть северным Китаем и явилась удостоившимся похвалы Мао Цзэдуна примером победы малыми силами над более могущественным противником.

О ночном нападении на житницы близ озера Учао рассказывает одна (достоинством 20 фэнь) из четырех марок, посвященных событиям романа *Троецарствие* серии, которую выпустило Министерство связи КНР 10.12.1990.

19.19. Лишить воды Ветилую

О взятии измором противника упоминается еще в *Военном искусстве Сунь-цзы*, древнейшем в мире военном трактате: «Будучи сытым, ожидай голодных» («Сунь-цзы», 7.15 «Военное противоборство» [*цзюнь чжэн*]): Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 163). Приблизительно в ту же эпоху, когда жил Сунь-цзы, совсем в других краях, а именно «в двенадцатый год царствования Навуходоносора (605—562 до и. э.), царствовавшего над Ассириями в великом городе Ниневи, — во дни Арфаксада, который царствовал над Мидянами в Екбатанах... в те дни царь Навуходоносор предпринял войну против царя Арфаксада на великой равнине, которая в пределах Рагава. К нему собрались все живущие в нагорной стране, и все живущие при Евфрате, Тигре и Идасписе, и с равнины Ариох, царь Елимейский, и сошлись очень многие народы в ополчение сынов Хелеуда. И послал Навуходоносор, царь Ассирийский, ко всем живущим в Персии, и ко всем живущим на западе, к живущим в Киликии и Дамаске, Ливане и Антили-ване, и ко всем живущим на передней стороне приморья, и ме-аду народами Кармила и Галаада, и в верхней Галилее, и на великой равнине Ездрилон, и ко всем живущим в Самарии и городах ее, и за Иорданом до Иерусалима, и Ветани и Хела, и Кадиса и реки Египетской, и Тафны и Рамессы, и во всей земле Гесемской до входа в верхний Танис и Мемфис, и ко всем живущим в Египте до входа в пределы Ефиопии. Но все обитавшие во всей этой земле презрели слово Ассирийского царя Навуходоносора и не собрались к нему на войну, потому что они не боялись его, но он был для них как один из них: они отослали от себя его послов ни с чем, в бесчестии. Навуходоносор весьма разгневался на всю эту землю и поклялся престолом и царством своим отмстить всем пределам Киликии, Дамаска и Сирии, и мечом своим умертвить всех, живущих в земле Моава, и сынов Аммона и всю Иудею, и всех, обитающих в Египте до входа в пределы двух морей. И в семнадцатый год он ополчился со своим войском против царя Арфаксада и одолел его в сражении, и обратил в бегство все войско Арфаксада, всю конницу его и все

колесницы его, и овладел городами его... А Арфаксада схватил на горах Рагава и, пронзив его копьем своим, в тот же день погубил его. Потом пошел назад со своими в Ниневию — он и все союзники его — весьма многое множество ратных мужей; там он отдыхал и пировал с войском своим сто двадцать Дней. В восемнадцатом году, в двадцать второй день первого месяца, последовало в доме Навуходоносора, царя Ассирийского, повеление — совершить, как он сказал, отмщение всей земле. Созвав всех служителей и всех сановников своих, он открыл им тайну своего намерения и своими устами определил всякое зло той земле. И они решили погубить всех, кто не повиновался слову уст его. По окончании своего совещания Навуходоносор, Царь Ассирийский, призвал главного вождя войска своего, Олоферна, который был вторым по нем, и сказал ему: «Так говорит великий царь, господин всей земли: вот, ты пойдешь от лица Моего и возьмешь с собою мужей, уверенных в своей силе, — пеших сто двадцать тысяч и множество коней с двенадцатью тысячами всадников, — и выйдешь против всей земли на западе за то, что не повиновались слову уст моих. И объявишь им, чтобы они приготавливали землю и воду, потому что я с гневом выйду на них, покрою все лице земли их ногами войска моего и предам ему их на расхищение. Доли и потоки наполнятся их ранеными, и река, запруженная трупами их, переполнится; а пленных их я рассею по концам всей земли. Ты же, отправившись, завладей для меня всеми пределами их: которые сами сдадутся тебе, тех ты сохрани до дня обличения их; а непокорных да не пощадит глаз твой: предавай их смерти и разграблению по всей земле твоей. Ибо жив я — и крепко царство мое: что сказал, то сделаю моею рукою...» Олоферн, выйдя от лица господина своего, пригласил к себе всех сановников, полководцев и начальников войска Ассирийского, отсчитал для сражения отборных мужей, как повелел ему господин его, сто двадцать тысяч и конных стрелков двенадцать тысяч, и привел их в такой порядок, каким строится войско, идущее на сражение... И выступил в поход со всем войском своим, чтобы предварить царя Навуходоносора и покрыть все лице земли на западе колесницами, конницею и отборною пехотою своею... Придя к Ездрилому близ Дотеи, лежащей против великой теснины Иудейской, он расположился лагерем между Гаваем и городом Скифов и оставался там целый месяц, чтобы собрать весь обоз своего войска. Сыны Израиля, жившие в Иудее, услышав обо всем, что сделал с народами Олоферн, военачальник Ассирийского царя Навуходоносора, и как разграбил он все святилища их и отдал их на уничтожение, очень, очень испугались его и трепетали за Иерусалим и храм господина бога своего; потому что недавно возвратились они из плена, недавно весь народ Иудейский собрался, и освящены от осквернения сосуды, жертвенник и дом господень. Они послали во все пределы Самарии и Кони, и Ветерона и Вельмена, и Иерихона, и в Хову и Эсору. и в равнину Салимскую, заняли все вершины высоких гор, оградил стенами находящиеся на них селения и отложили запасы хлеба на случай войны, так как нивы их недавно были сжаты, а великий священник Иоаким, бывший в те дни в Иерусалиме, написал жителям Ветилуи и Ветомесфема, лежащего против Ездрилона, на передней стороне равнины, близкой к Дофаиму, чтобы они заняли восходы в нагорную страну, потому что чрез них был вход в Иудею, и легко было им воспрепятствовать приходящим, так как тесен был проход даже для двух человек... На другой день Олоферн приказал своему войску своему и всему народу своему, пришедшему к нему на помощь, подступить к Ветилуе, занять высоты нагорной страны и начать войну против сынов Израилевых... На другой день Олоферн вывел всю свою конницу пред лице сынов Израилевых, бывших в Ветилуе, осмотрел восходы города их, обошел и занял источники вод их и, оцепив их ратными мужами, возвратился к своему народу. Но пришли к нему все начальники сынов Исавя, и все вожди народа Моавитского, и все военачальники приморья и сказали: выслушай, господин наш, слово, чтобы не было потери в войске твоём. Этот народ сынов Израиля надеется не на копья свои, но на высоты гор своих, на которых живут, потому что неудобно восходить на вершины их гор. Итак, господин, не вой с ним так, как бывает обыкновенная война, — и ни один муж не падет из народа твоего. Ты останься в своем лагере, чтобы сберечь каждого мужа в войске твоём, а рабы твои пусть овладеют источником воды, который вытекает из подошвы горы; потому что оттуда берут воду все жители Ветилуи, — и погубит их жажда, и они сдадут свой город; а мы с нашим народом взойдем на ближние вершины гор и расположимся на них для стражи, чтобы ни один человек не вышел из города. И будут томиться они голодом, и жены их, и дети их, и прежде, нежели коснется их меч, падут на улицах обиталища своего; и ты воздашь им злом за то, что они возмутились и не встретили тебя с миром. Понравились эти слова их Олоферну и всем слугам его, и он решил поступить так, как они сказали... Сыны Израиля воззвали к господу богу своему, потому что они пришли в уныние, так как все враги их окружили их, и им нельзя было бежать от них. Вокруг них стояло все войско Ассирийское — пешие, колесницы и конница их — тридцать четыре дня; у всех жителей Ветилуи истощились все сосуды с водою, опустели водоемы, и ни в один день они не могли пить воды досыта, потому что давали им пить мерою. И уныли дети их, и жены их, и юноши, и в изнеможении от жажды падали на улицах города и в проходах ворот, и уже не было в них крепости» [«Ветхий завет», неканоническая книга «Иудифь». 1:1 — 16; 2:1-19; 3:9-10; 4:1-7; 7:1-22] (Зенгер Цит. по: Deutsche Bibelgesellschaft [издатель]: *Die Bibel in heutigem Deutsch. Das Alte Testament*, 2-е изд. Штутгарт, 1982, с. 861 и след.).

Безусловно, выступающая здесь в образе лишения противника воды стратагема 19 привела бы к победе Олоферна, если бы Юдифи с божьего благословения не удалась стратагема цепи [уловок], спасшая народ

Израиля (см. 35.8). Впрочем, инки тоже завоевали в 1470 г. Чан-Чан, столицу государства Чимор, перерезав снабжавшие ее водой каналы²⁴⁸.

19.20. Геноцид посредством истребления бизонов

Более 30 миллионов, а по иным оценкам — 50 миллионов бизонов, ошибочно именуемых в США «буйволами», обитало в Северной Америке, когда там высадились первые переселенцы. Вслед за этим началось их поголовное истребление. К началу XX в. бизонов уже было всего 500 особей. С 80-х гг. этот вид животных переживает своего рода возрождение: общая численность поголовья в 1996 г. на территории США и Канады оценивается в 50 тысяч.

Еще в 1840-е годы сотысячные стада бизонов паслись в прериях, словно созданных для них. Туземные индейские племена убивали столько животных, сколько было необходимо им для пропитания, изготовления одежды, жилищ и лодок, а также орудий и утвари. В ход шел даже навоз животных, используемый в качестве топлива. Равновесие природы не нарушалось. Индейцы почитали бизона как священное животное.

Но в середине XIX в. американский президент Авраам Линкольн (1809—1865) пообещал каждому переселенцу 65 гектаров свободной земли²⁴⁹. Этот участок земли величиной с четверть квадратной мили был приманкой, с помощью которой вербовали переселиться в прерии даже жителей Германии. Подписанием в 1862 г. гомстед-акта тот же президент, который ввязался в Гражданскую войну ради освобождения рабов, решил судьбу индейцев и их бизоных стад. Когда вместе с переселенцами на запад устремились железные дороги и стало возможным везти по ним обратно в промышленные города необработанные бизоньи шкуры, создались условия истребления бизоных стад. Оказалось, что бизонья кожа благодаря своей упругости прекрасно подходит для приводных ремней, и на нее возник необычайный спрос. Куда бы ни приходила железная дорога, будь то Додж-Сити в Канзасе, бывший тогда крупнейшим перевалочным пунктом для скота, либо Бисмарк в Северной Дакоте, туда на бизонью охоту устремились тысячи безработных. Они стреляли до тех пор, пока не приходилось остужать раскаленные стволы водой, а при ее отсутствии собственной мочой. Некий охотник по имени Том Никсон хвалился тем, что с пятнадцатого сентября по двадцатое октября 1875 г. отстрелял в общей сложности 2173 бизона. Добыча «Буйвола» Била Коди (Cody, 1846—1917), позже ставшего организатором представлений из жизни Дикого Запада [Wild West show], за восемь месяцев составила 4280 бизонов. Армия видела в бизоных охотниках полезных союзников в борьбе с индейцами, как пишет в своем очерке «Возвращение бизонов» Ганс Хойнг (Hoynng) (*Шпигель*. Гамбург, 41, 1996, с. 190 и след.). Генерал Филипп Шеридан (1831 — 1888) хвалил охотников за то, что они «уничтожают продовольственные запасы индейцев», и наказывал: «Пусть они убивают, сдирают шкуры и продают, покуда не истребят всех бизонов. И лишь потом ваши прерии обживут пестрые буренки и горячие ковбои».

Американская армия воспользовалась еще одной, основывающейся на уловке 19, стратегией на уничтожение: «С исчезновением бизонов вымрут и индейцы» (*Новая цюрихская газета*, 15.01.1991, с. 34). На пятом международном съезде сторонников индейских народов Америки (Цюрих, 7 - 9.08.1989) один из выступавших индейцев племени тлинкитов поведал об опасности, грозящей рыбным ресурсам, составляющим основу пропитания и занятости коренного населения Америки, со стороны участвовавших разливах нефти. Он сравнил подобные бедствия с отстрелом бизонов в прошлом веке, «приведшем к геноциду североамериканских индейцев прерий» (*Новая цюрихская газета*, 10.08.1989, с. 46).

19.21. Запад без ближневосточной нефти

Египетский президент Гамаль Абдель Насер (1918—1970) называл нефть «жизненным нервом цивилизации». Без нефти «не могли бы существовать ни заводские станки, ни наземные, морские и воздушные средства связи, ни средства ведения войны — будь то парящие поверх облаков истребители либо

²⁴⁸ Чан-Чан (Chan Chan) — столица легендарного государства Чимор (археологическая культура Чиму) в Перу, близ г. Трухильо в долине р. Моче, существовавшего в 1-й половине 2-го тыс. Занимала площадь 25 кв. км и имела население до 25 тыс. человек. Именно в Чиму впервые была создана объединенная сеть ирригационных каналов и построены дороги, соединяющие горы и побережье. — *Прим. пер.*

²⁴⁹ Так называемый гомстед-акт (от англ. homestead — усадьба, участок) принят в 1862 г. в США в ходе Гражданской войны 1861 — 1865 гг.; предоставлял каждому американскому гражданину право на получение (при уплате небольшого сбора) участка земли (гомстеда), который со временем переходил в его собственность — *Прим. пер.*

скрытые в толще воды подводные лодки. Без нефти все это было бы лишь ржавой, неподвижной, безжизненной грудой железа».

Свыше семидесяти процентов разведанных на земле запасов нефти сосредоточено в «энергетическом овале» Персидского залива и Каспийской впадины (*Новая цюрихская газета*, 23.03.1998, с. 31). Кто одержит верх в борьбе за обладание скрытыми в каспийско-кавказских недрах и уступающими только ближневосточным запасами газа и нефти — Россия, США или иная держава, тот овладеет жизненно важной артерией, без которой не обойдется индустриальный мир в XXI в. Но сейчас главным поставщиком нефти в Европу, Америку и Японию является Ближний Восток. Китай не преминул похвалить арабские страны, которые в конце 1973 г. после войны Йом-Кипур [Судного Дня (религиозного праздника иудеев) — в этот день армии Египта и Сирии предприняли внезапное нападение на Израиль] (см. 19.22) задействовали нефть «в качестве грозного оружия в своей борьбе против израильского сионизма и его пособников» («Пекинское обозрение» [*«Бэйцзин чжоубао»*, выходящий на шести языках (китайский, японский, английский, французский, немецкий (Peking-Rundschau), испанский) иллюстрированный еженедельник], № 48, 4.12.1978). Когда еще существовал Советский Союз, один китайский обозреватель упрекал его в том, что СССР использует против Запада стратегию «вытаскивания хвороста из-под огня». В этих целях Советский Союз все ближе подкрадывается к Красному морю, Аравийскому полуострову и Персидскому заливу, чтобы затем взять в кольцо нефтеносные районы и отрезать от остального мира нефтепроводы (*Жэньминь жибао*. Пекин, 16.12.1978). Но этой цели распавшийся Советский Союз так и не достиг. В этом районе по-прежнему хозяйничают США. Поскольку «все зависит от нефти» (*Tages-Anzeiger*. Цюрих, 6.03.1998, с. 7), то, хоть США и обладают огромной властью, они оказываются крайне уязвимыми. Пока никто из соперников США не в состоянии применить против Запада стратегию 19, чтобы отрезать ему доступ к ближневосточной нефти, беспокоиться не о чем. Но что произойдет, если этой стратегией воспользуется, например, Саудовская Аравия?

19.22. Тушение пламени

Пока в войне Судного Дня (6—22.10.1973) успех был на стороне арабов (египетские войска благодаря внезапному нападению переправились через Суэцкий канал и отвоевали часть Синайского полуострова), Советский Союз не требовал прекращения огня. 9 октября в своем послании алжирскому президенту Бумедьену (1932—1978) генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев выразил солидарность с арабским народом и пообещал помочь: «Сирия и Египет не будут одиноки в их борьбе с вероломным врагом... Что касается Советского Союза, мы обещаем арабским государствам в их справедливой борьбе с империалистической агрессией Израиля многостороннюю помощь и поддержку». Но когда после 15 октября военное положение египетской армии стало критическим, о чем Советскому Союзу благодаря разведывательным спутникам стало известно раньше египетского командования, Советский Союз, премьер-министр Которого Косыгин находился в Каире с 16 по 19 октября, стал настаивать на скорейшем перемирии. Окруженная израильскими войсками третья египетская армия была бы неминуемо разбита, если бы война продлилась еще пару дней, что могло стоить египетскому президенту Садату власти.

В ходе московской встречи 20 октября Киссинджер согласился с необходимостью немедленного перемирия. Американское изложение условий перемирия было чуть ли не дословно взято у русских. В 21 час 20 октября на командном пункте рядом с Садатом зазвонил телефон. Президенту сообщили, что Советский посол Владимир Виноградов просит о немедленной встрече. Он хочет передать послание Брежнева, как раз ведущего в Москве переговоры с Киссинджером. Через тридцать минут, Виноградов передал Садату послание Брежнева, где тот просил его пойти на перемирие. Кроме того, Садат получает проект резолюции, которую обе сверхдержавы собирались предложить Совету Безопасности. В послании подтверждается готовность Советского Союза заступиться в случае нарушения

Израилем перемирия. Брежнев дал ясно понять, что его страна готова направить в Египет советские войска для обеспечения перемирия. В понедельник утром 22 октября собрался Совет Безопасности и принял резолюцию под № 338, где содержались требования о начале мирных переговоров в течение 12 часов, самое позднее до 18.52 22 октября. Эта резолюция, как и касавшаяся нового перемирия резолюция Совета Безопасности под № 339 от 23 октября, а также резолюция под № 340 от 25 октября относительно посылки международных миротворческих сил на Ближний Восток были приняты 14 голосами из 15. Представитель КНР воздержался при голосовании, протестуя против «самоуправства» США и особенно Советского Союза. Очевидно, имея в виду стратегию 19, КНР упрекала Советский Союз в том, что посредством навязываемого народам Ближнего Востока перемирия он «гасит пламя справедливой народной войны арабов против агрессии». В бытность мою студентом в Пекинском университете (1975 — 1977), когда я спрашивал своих китайских сокурсников о типичном применении стратегии 19, они чаще всего ссылались на поведение Советского Союза при завершении войны Судного Дня. Возможно, Китай в ходе стратегического разбора обстоятельств окончания войны стал жертвой действий арабов «с их редкой склонностью впадать в эйфорию» (Chaim Herzog: *Entscheidung in der Welt*, 2-е изд. Берлин, 1975, с. 7). В действительности

совместными усилиями США и Советского Союза была создана обстановка, в которой даже проигравшая сторона сохраняла определенные силы для того, чтобы израильско-арабский конфликт мог вновь разгореться, и США с Советским Союзом тем самым могли и впредь заниматься своей политической кухней. В следующем примере стратега 19 используется тоже умеренно, чтобы можно было подольше сохранять слабости противника для собственной пользы.

19.23. Мертвый сезон для голлистов

Весной 1998 г. Социалистическая партия втихомолку побуждала своих парижских политиков не набрасываться на вовлеченного во всевозможные скандалы голлистского мэра Жана Тибери (Tiberi, род. 1935). Причина: левые хотели по возможности дольше сохранить у власти Тибери, который с 1983 по

1995 г. был заместителем тогдашнего главы города Жака Ширака; они были убеждены, что раздуваемые в дальнейшем скандалы помогут им на следующих выборах стать хозяевами мэрии, а возможно, и Елисейского дворца. Ведь при вынужденной отставке Тибери голлисты в борьбе за «Hôtel de Ville» сделают упор на более значимой политической фигуре, скорее всего поставят на уважаемого экс-премьера Эдуарда Балладюра (Balladur, род. 1929), что будет невыгодно социалистам (*Шпигель*. Гамбург, № 23, 1998, с. 133).

19.24. Пропавшие авианосцы

Во Второй мировой войне авианосцы придали войне на море новые очертания, поскольку стало возможным задействовать в морских сражениях самолеты. Господство в воздухе теперь во многом определяло и господство на море. Авианосцы, по словам знатока стратегем Ли Бинъяня, явились «хворостом для очага», от которого зависело завоевание и удержание господства в воздухе над морем (*Новое издание 36 стратегем*. Пекин, 1998, с. 61).

Вблизи кораллового атолла Мидуэй, который расположен к северо-западу от Гавайских островов на севере Тихого океана и в лагуне которого имеется несколько островов, 4—6 июня 1942 г. произошло сражение между японским ударным соединением (11 линкоров, 6 авианосцев с 293 самолетами, 16 крейсеров, 53 эсминца и др.), пытавшимся захватить оперативную базу США на Мидуэе, и американским флотом (3 авианосца с 243 самолетами, 8 крейсеров, 14 эсминцев). В результате сражения американцы стали господствовать на Тихом океане, впервые продемонстрировав значение авианосцев по сравнению с линкорами.

Американский командующий Тихоокеанским флотом Честер Уильям Нимиц [Nimitz, 1885—1966] благодаря разведывательным самолетам узнал расположение японских авианосцев. Ему удалось тайно провести флот через заградительные порядки японских подводных лодок и расположиться к северу от атолла Мидуэй. Японские самолеты всем составом отправились бомбить атолл. Этого и дожидался Нимиц. Он приказал пятидесяти штурмовикам напасть на четыре оставшихся без воздушного прикрытия японских авианосца, которые в результате были потоплены. Японские самолеты, потеряв посадочную полосу, по возвращении один за другим рухнули в море.

«Морское сражение близ атолла Мидуэй можно считать поворотным в битве за Тихий океан. После потери четырех авианосцев и летчиков японцам пришлось перейти к стратегической обороне. Им так и не удалось достаточно быстро восполнить эти материальные и людские потери, чтобы успешно противостоять набирающей обороты военной машине США» (Helmut Pemsel: *Seeherschaft*, т. 2. Кобленц, 1997, с. 568; [на рус. яз. см.: *Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море 1939—1945. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1965; *Хаттори Такусиро*, Япония в войне. 1941 — 1945. СПб: Полигон, 2000, с. 290-306 (переиздание 1973)].

19.25. Конец лакомствам

Чжан Сяоминь привык до и после обеда наедаться сладкого. Мать постоянно настаивала на том, чтобы он оставил эту привычку, но бесполезно. Наконец она решила прибегнуть к стратега 19, перестав давать сыну карманные деньги на покупку сладостей. Под рубрикой «вытаскивание хвороста из очага» я нашел этот пример из области детского воспитания во *Фразеологическом словаре на все случаи жизни* (составитель Люй Юн-цюань. Тайбэй, б/г). Промышленно-торговый банк города Сиань удостоился похвалы за то, что предприятиям, замеченным в производстве поддельных товаров, банк перекрывал поступление денежных средств, тем самым «вытаскивая хворост из очага» (*Газета особого района Шэньчжэнь [Шэньчжэнь тэцзюй бао]*, 23.10.1994).

Как сказал в другой связи писатель Ганс Магнус Энценбергер (Enzenberger, род. 1929): «Что такое пистолет по сравнению с рукой, перекрывающей канал поступления денег?» (*Шпигель*. Гамбург, № 4, 1989, с. 196).

Об этом, очевидно, думали и США, когда в начале 1988 г. ввели экономические санкции против Панамы в надежде быстро поставить на колени тогдашнего диктатора Панамы генерала Норьегу. Чжан Лян, обозреватель печатного органа Коммунистической партии Китая *Жэньминь жибао*, определил шаги американцев как использование стратагемы 19 (*Жэньминь жибао*. Пекин, 16.03.1988, с. 6). Американские действия привели к серьезному финансовому кризису

Панаме. Правительство оказалось не в состоянии содержать свои 150 тысяч служащих, что привело к их забастовке и к стычкам протестующих с силами правопорядка. Однако «желаемого результата добиться не удалось» (*Новая цюрихская газета*, 9.03.1988, с. 4). Экономические санкции США, напротив, привели, по меньшей мере отчасти, к поддержке панамским народом и многими латиноамериканскими странами генерала Норьегу. Стратагема обернулась против ее авторов.

Американцам удалось в конце концов низложить Норьегу, но не с помощью хитрости, а посредством оружия и насилия. Режим на Кубе не смогла поколебать даже многолетняя экономическая блокада американцев. Впрочем, США при президенте Рейгане вовлекли Советский Союз в гонку вооружений, которую тот экономически не смог осилить. Чтобы уменьшить доходы Москвы от продажи нефти, а с этим покупательскую способность для приобретения необходимого высокотехнологичного оборудования, США уговорили саудовские власти выбросить на мировой рынок нефть по низким ценам. США намеренно подорвали кредитоспособность Советского Союза на финансовом рынке и пытались ввести всеобъемлющее эмбарго. Не все им удалось, но тем не менее благодаря использованию стратагемы 19 был ускорен развал Советского Союза.

В 90-е гг. XX в. США отложили выполнение своих обязательств по уплате взносов в ООН. Отсрочка выплат в размере 1,7 миллиарда долларов едва не привела ООН к банкротству, поскольку долг США составлял около двух третей общей внешней задолженности ООН (*Шпигель*. Гамбург, № 36, 1999, с. 163) и более 130 процентов средств на содержание ООН за 1997 г. (Helmut Volger. «UN-Reform im Alleeingang? Das konfliktreiche Verhältnis zwischen USA und UN». *Internationale Politik*. Бонн, № 12, 1997, с. 41). Стоило США лишить ООН финансовой основы, что соответствует стратагеме 19, как они ограничили «в существенной мере дееспособность ООН» (*там же*, с. 44). На это и рассчитывали США, видевшие в ООН организацию, «зачастую действующую вопреки интересам США» и проводившую «программы социальных и экономических преобразований, на характер которых США ввиду соотношения сил в ООН могли оказывать лишь незначительное влияние» (*там же*, с. 42, см. также 35.18).

19.26. Евро как орудие подрыва немецкого влияния?

«Своя европейская денежная валюта, которая должна быть пушена в обращение в 1999 г., вводится согласно Маастрихтским соглашениям. Она должна составить жесткую конкуренцию американскому доллару и японской иене и оживить экспорт стран Евросоюза». Эту оценку Евросоюза относительно причин ввода европейской денежной единицы «евро» целиком приводит выходящий в Пекине на шести языках, в том числе на немецком, еженедельник *Пекинское обозрение* (20.08.1996).

Но если мы хотим узнать, что усматривают китайцы за фасадом официальных европейских заявлений, необходимо изучить китайскоязычную прессу. Там можно отыскать такие оценки: «Франция опасается, что вновь объединившаяся Германия, ничем больше не стесненная, может стать экономической сверхдержавой, а немецкая марка станет вершить судьбы европейской экономики. Поэтому Франция и хочет вводом европейской валюты приструнить немецкую марку».

Такой анализ помещен в статье «Французско-немецкая ось ослабевает, а англо-французский союз укрепляется» (*Литературное собрание [Вэньхуэй бао]*. Шанхай, 25.12.1995). Автор Чжоу Годун, заместитель главы европейского отделения Шанхайского института по международным вопросам, трактует политику Франции по отношению к Германии с точки зрения стратагемы 19: Франция хочет лишить Германию возможности занять в будущем господствующее положение — упразднением немецкой марки. Поэтому евро само по себе является не целью, а стратегическим средством в своекорыстных целях: существенное ослабление представляющего опасность северного соседа. В этом направлении ведет свой анализ и Цзян Цзяньго: «Чтобы стать в конце 1980-х гг. активным участником европейского валютного союза, Франция стремилась ограничить ведущее положение немецкой марки в Европе и уменьшить немецкое влияние в Европе» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 8.05.1998, с. 7).

Подобные замечания появлялись и в европейской прессе: «Валютный союз, как он задумывается, ослабит экономическое и финансово-политическое господство [а тем самым и политический вес] Германии в Европе. Ведь денежная политика будет проводиться совместно. Это старый и издавна неуклонно проводимый Францией курс. Вместе с тем Париж не оставит своих притязаний во внешней и оборонной политике. Поэтому договор о политическом союзе представляет собой лишь протокол о намерениях» (*Новая*

цюрихская газета, 8—9.05.1993, с. 33). «французы [Миттеран] усматривали в [упразднении немецкой марки] единственное верное средство контроля за 80 миллионами немцев» (*Шпигель*. Гамбург, № 18, 1998, с. 109). «Современный ход создания Европейского валютного союза представляется попыткой уравновесить превосходство немецкой марки и Немецкого Федерального банка (*Werner Link. Gleichgewicht und Hrgmonie. Frankfurter allgemeine Zeitung*²⁵⁰, 19.09.1997, с. 13). «Этому немецкому господству следует поставить заслон в виде евро» («Demontage eines deutschen Erfolgsmodell»). *Новая цюрихская газета*, 20—21.06.1998, с. 21). Евро служит тому, чтобы помешать предполагаемому засилью немцев в Евросоюзе. «Маастрихт, — торжествующе писала в 1992 г. *Фигаро*, — это своего рода Версальский договор, достигнутый без войны» (*Шпигель*. Гамбург, № 17, 1998, с. 141). «Вся эта штукавина евро делается наперекосяк, ибо в первую очередь нацелена не на будущее Европы, но на то, как бы ослабить Германию» (Rudolf Augstein. *Spiegel Special*. Гамбург, № 2, 1998, с. 18).

Однако с китайской точки зрения далеко не решено, что евро в качестве проводника стратагемы 19, как надеется на это Франция, действительно подорвет могущество Германии. Ведь «отношение Германии к введению единой валюты весьма жесткое и заключается в том, что лишь равноценная по стоимости и стабильности с немецкой маркой денежная единица может ее заменить».

По мнению Чжоу Годуна, Германия разглядела французскую уловку и пытается ее перечеркнуть. Новая денежная единица должна обладать одинаковыми с немецкой маркой качествами. Немецкая марка должна стать эталоном для евро. Тем самым, как полагает Чжоу Годун, положение Германии в итоге остается неизменным, ибо Германия оказывается верховным контролером и гарантом новой валюты. Использование Францией стратагемы лишения силы бьет мимо цели, оборачиваясь для Гер. мании даже укреплением ее положения.

Подобные рассуждения можно встретить и в западных сред. ствах печати: «Половина Евросоюза упрекает Коля в том, что при создании валютного союза он вынудил остальных определять стабильность рынка согласно немецким меркам» (*Бильд [Bild]*. Гамбург, 8.01.1992, с. 4). «Согласно экономическому еженедельнику *La Vie Française*, «заносчивые» немцы посредством валютного союза желают наверстать то, «что им не удалось сделать в трех вооруженных столкновениях с Францией за 125 лет» Жак Аттали, бывший советник прежнего президента Франсуа Миттерана, писал, что немцы мечтают лишь об одном: создать «евро-немецкую марку», посредством которой они бы «господствовали экономически на Западе, а политически на Востоке» (*Цайт*. Гамбург, 18. 10.1996, с 41). «Скептики и критики усматривают в европейском валютном союзе орудие немецкого господства для германизации Европы, но на этот раз без вооруженного насилия, а с помощью немецкой экономической мощи, посредством немецкой марки в обличий евро» (*Carlo Marsala. «Italien und die europaeische Warungsunion».* KAS-AI. Бонн, № 12, 1997, с. 16).

Действительно ли захочет и сумеет Германия постоянно заботиться о том, чтобы евро обладало теми же качествами, что и почившая немецкая марка и чтобы Европейский Центральный банк неизменно придерживался «мерок Немецкого Федерального банка» (*Tages-Angezeiger*. Цюрих, 5.05-1998, с. 5)? Или мы имеем всего лишь благое пожелание или пустое обещание немецкого правительства в смысле стратагемы 17, чтобы немецкий избиратель проголосовал за евро? Насколько немецкое влияние на Европу может быть порой ограниченным, показали события мая 1993 г.: вопреки немецким представителям парламентская ассамблея Совета Европы приняла решение, что немецкий язык не будет третьим официальным языком Европы. Основания: перевод на немецкий язык ежегодно стоил бы 21,5 миллиона марок (брошюры, протоколы, письма, переводчики). Это официальное основание могло служить стратагемным сокрытием истинных причин отказа: низкий престиж немцев в Европе. Один голландский депутат даже съязвил: «Чтобы ввести новый официальный язык, за ним должна стоять некая культура»

(*Бильд*. Гамбург, 14.05.1993). Данный пример, похоже, говорит о недостаточной устойчивости положения Германии в Европе.

Таким образом, растут «сомнения в силе евро», как и «опасения, что евро окажется изначально слабой валютой», которая промахнется мимо цели, которую наряду с устранением немецкой марки преследует Франция, а именно — подрыва могущества американского доллара. Ведь если «мало обращали внимания на вопросы экономики и условия вхождения в союз, то в политической плоскости не осталось не замеченным ни одно средство по проталкиванию идеи [валютного] союза». «Интерес к строгому обоснованию условий вхождения в союз явно идет на спад по мере приближения сроков заключения валютного союза». «Обещание строгого обоснования условий все больше выливается в чистую риторику» («риторика» — часто используемое в немецком языке обтекаемое слово для хитроумного обхождения со сказанным или написанным)). «Все больше понимаешь, насколько велик [стратагемно выгодный] простор для толкований,

²⁵⁰ Далее *Франкфуртер альгамайне цайтунг*. — Прим. пер.

когда выносят решение об участии отдельной страны в валютном союзе... Особенно бросается в глаза то, насколько важную роль может сыграть «творческое ведение бухгалтерского учета» [прошу любить и жаловать страгатеми 29, см. 29.16] и прочие трюки» (*Новая цюрихская газета*, 16.09.1996, с. 9). «С Италией и Бельгией... по политическим соображениям в Евроклуб проходят и те страны, чье постоянное соблюдение условий вхождения в союз вызывает большие сомнения» («Der Euro — ein kühner Integrationssschritt». *Новая цюрихская газета*. 30.06.1998, с. В1).

Здесь в связи с китайским анализом явной французской хитрости и немецкого противоядия в отношении евро возникает вопрос: не слишком ли высокою мнения китайский обозреватель о хитроумии немецкого обывателя в частности и вообще некогда одураченной быком Европы (см. 35.11)? А не окажется ли валютный союз в конце концов всего лишь классической глупостью (чего, естественно, никто не желал)? Ведь, «когда до Немецкого обывателя дойдет, что его надули, его гнев обернется против европейской интеграции как таковой» (Роланд Фаубель (Vaubel), профессор политэкономии в университете города Мангейма и член научного совета при федеральном министерстве экономики: *Цайт*. Гамбург, 27.06.1997, с. 26).

19.27. Обрезанием лишить дееспособности

«Дина, дочь Лии, которую она родила Иакову, вышла по-смотреть на дочерей земли той [Ханаанской]. И увидел ее Си, хем, сын Еммора Евейнина, князя земли той, и взял ее, и сделал ей насилие. И прилепился душа его в Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу и говорил по сердцу девицы, и сказал Сихем Еммору, отцу своему, говоря: возьми мне эту девицу в жену. Иаков слышал, что [сын Емморов] обесчестил Дину, дочь его, но как сыновья его были со скотом его в поле, то Иаков молчал, пока не пришли они. И вышел Еммор, отец Сихемов, к Иакову, поговорить с ним. Сыновья же Иакова пришли с поля, и когда услышали, то огорчились мужи те и воспылали гневом, потому что бесчестие сделал он Израилю, переспав с дочерью Иакова, а так не надлежало делать. Еммор стал говорить им и сказал: «Сихем, сын мой, прилепился душою к дочери вашей; дайте же ее в жену ему; породнитесь с нами; отдавайте за нас дочерей ваших, а наших дочерей берите себе и живите с нами; земля сия пред вами, живите и промышленяйте на ней и приобретайте ее во владение». Сихем же сказал отцу ее и братьям ее: «Только бы мне найти благоволение в очах ваших, я дам, что ни скажете мне; назначьте самое большое вено и дары; я дам, что ни скажете мне, только отдайте мне девицу в жены». И отвечали сыновья Иакова Сихему и Еммору, отцу его, с лукавством; а говорили так потому, что он обесчестил Дину, сестру их; и сказали им: «Не можем этого сделать, выдать сестру нашу за человека, который необрезан, ибо это бесчестно для нас; только на том условии мы согласимся с вами, если вы будете как мы, чтобы и у вас весь мужеский пол был обрезан; и будем отдавать за вас дочерей наших и братья за себя ваших дочерей, и будем жить с вами, и составим один народ; а если не послушаетесь нас в том, чтобы обрезать, то мы возьмем дочь нашу и удалимся». И понравились слова сии Еммору и Сихему, сыну Емморову. Юноша не умедлил исполнить это, потому что любил дочь Иакова. А он более всех уважаем был из дома отца своего. И пришел Еммор и Сихем, сын его, к воротам города своего, и стали говорить жителям города своего и сказали: «Сии люди мирны с нами; пусть они селятся на земле и промышленяют на ней; земля же вот пространна пред ними. Станем брать дочерей их себе в жены и наших дочерей выдавать за них. Только на том условии сии люди соглашаются жить с нами и быть одним народом, чтобы и у нас обрезан был весь мужеский пол, как они обрезаны. Не для нас ли стада их, и имение их, и весь скот их? Только согласимся с ними, и будут жить с нами». И послушались Еммора и Сихема, сына его, все выходящие из ворот города его: и обрезан был весь мужеский пол — все выходящие из ворот города его. На третий день, когда они были в болезни, два сына Иакова, Симеон и Левий, братья Динины, взяли каждый свой меч, и смело напали на город, и умертвили весь мужеский пол; и самого Еммора и Сихема, сына его, убили мечом; и взяли Дину из дома Сихемова и вышли. Сыновья Иакова пришли к убитым и разграбили город за то, что обесчестили сестру их. Они взяли мелкий и крупный скот их, и ослов их, и что ни было в городе, и что ни было в поле; и все богатство их, и всех детей их, и жен их взяли в плен, и разграбили все, что было в домах. И сказал Иаков Симеону и Левию: «Вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для жителей сей земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой». Они же сказали: «А разве можно поступать с сестрою нашею, как с блудницею!» (Бытие 34:1-31.)

19.28. Атака вслед за третьей барабанной дробью

«В эпоху Чуньцю между княжествами Лу и Ци²⁵¹ вспыхнула война, — пишет в своей статье

²⁵¹ Лу и Ци — два феодальных княжества в эпоху Чуньцю (722-481 до н.э.). Большое княжество Ци находилось в центральной части нынешней провинции Шаньдун, а уступавшее ему по размерам княжество

«Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (декабрь, 1936) Мао Цзэдун. — Чжуан-гун, правитель княжества Лу, хотел вступить в бой, не дожидаясь, пока войско Ци будет изнурено, но его удержал Цао Гуй. Они решили прибегнуть к тактике «враг утомился — мы бьем» и разбили армию Ци. В истории китайского военного искусства это стало классическим образцом победы слабого над сильным». Теперь прервем цитату Мао и посмотрим, как описывал эти события историк VI—V в. до н. э. Цзо Цю-мин²⁵².

«Весна. Войско Ци пошло войной на нас. Князь собирался в поход. Цао Гун попросил принять его. Земляк Цао сказал ему: «Сановникам надлежит обдумывать это. Зачем тебе вмешиваться?» Цао Гуй сказал: «Сановники ничтожны, далеких планов строить не могут». Он предстал перед князем и спросил: «Чем будешь ты воевать, князь?» Князь сказал: «Платьем и яствами я не смел наслаждаться один и всегда делил их с другими». Цао Гуй возразил: «Малыми милостями всех не одаришь, народ не пойдет за тобой, князь!» Князь сказал: «Чистых животных, и яшму, и шелк в жертву принося богам, не смел вводить их в обман, всегда поступал по честности». Цао Гуй возразил: «Малой честностью не снискать доверия, боги не дадут благословения». Князь сказал: «В малых и великих тяжбах — пусть даже не мог уразуметь суть — всегда судил по справедливости». Цао Гуй ответил: «Это — честное выполнение долга. С этим можно идти воевать!»²⁵³ Когда ты, государь, пойдешь в бой, позволь сопровождать тебя!» Князь взошел с ним на колесницу, и битва произошла под Чаншао. Князь собирался ударить в барабан к атаке. Цао Гуй сказал: «Еще нельзя!» Трижды били атаку барабаны Ци, и Цао Гуй сказал: «Теперь можно!» Не устояло войско Ци, и князь собрался преследовать его. Цао Гуй сказал: «Еще нельзя!» Всмотрелся в следы их колес, взошел на передок колесницы, посмотрел им вслед и сказал: «Теперь можно!» Тогда началась погоня за войском Ци. После победы князь спросил Цао Гуя о причинах поступков его. Цао Гуй ответил: «Ведь война — это мужество. Первый барабан поднимает мужество, со вторым — оно падает, с третьим — иссякает. У врага мужество иссякло, мы же были полны мужества и потому победили. Воюя с большим княжеством, трудно узнать его силы. Я боялся засады. Я всмотрелся в следы их колесниц — они были спутаны; посмотрел на их знамена — они пали. Вот тогда мы бросились в погоню».

Мао комментирует эти события так: «В данном случае обстановка была такова, что слабое княжество сопротивлялось сильному. В тексте говорится о политической подготовке к войне — завоевании доверия народа; говорится о позиции, благоприятной для перехода в контрнаступление, — Чаншао; говорится о моменте, благоприятном для начала контрнаступления, — «у врага мужество иссякло, мы же были полны мужества»... В военной истории Китая имеется чрезвычайно много примеров, когда победы одерживались в результате применения этих принципов: битва между Лю Баном и Сян Юем под Чэнгао²⁵⁴, битва между войсками Ван Мана и Лю Сю под Куньяном²⁵⁵, битва между Юань Шао и Цао Цао под Гуаньду²⁵⁶, битва

Лу — в южной части той же провинции. Чжуан-гун был князем Лу и 693-662 гг. до н.э.

²⁵² Цзо Цю-мин — автор Цзочжуань, известной летописи эпохи династии Чжоу. Приведенная в данном труде цитата взята из этой летописи (10-й год правления Чжуан-гуна).

²⁵³ «Это — честное выполнение долга. С этим можно идти воевать!» — этими словами Цао Гуй хочет сказать, что, когда правитель при рассмотрении тяжб действует справедливо, он может завоевать поддержку народа и, следовательно, может вести войну. «Князь собирался ударить в барабан» и «трижды били атаку барабаны Ци» — здесь «бить в барабан» означает бросать войска в атаку.

²⁵⁴ Чэнгао — древний город, находившийся в северо-западной части нынешнего уезда Чэнгао провинции Хэнань. В древние времена был важным стратегическим пунктом. Здесь в 203 г. до н. э. происходила битва между ханьским князем Лю Баном и чуским князем Сян Юем. Сян Юй занял Юньян и Чэнгао и почти полностью разгромил войска Лю Ба-на. Однако впоследствии Лю Бан воспользовался благоприятным моментом, когда чуские войска переправлялись через реку Сышуй, нанес им сокрушительный удар и вернул город Чэнгао.

²⁵⁵ Куньян — древний город, находившийся в северной части нынешнего уезда Есянь в провинции Хэнань. Здесь Лю Сю (император Гу-ан У-ди, основатель восточной ханьской династии) в 23 г. н. э. разгромил войска Ван Мана. В этом сражении неравенство сил было исключительно большим: у Лю Сю было всего 8—9 тысяч человек, а у Ван Мана — более 400 тысяч. Используя беспечность военачальников Ван Мана — Ван Сюня и Ван И, — вызванную недооценкой сил противника, Лю Сю бросил против них 3 тысячи своих отборных войск, которые и разгромили основное ядро войск Ван Мана; развивая этот успех, Лю Сю перешел в наступление и наголову разбил Ван Мана.

²⁵⁶ Гуаньду находился в северо-восточной части нынешнего уезда Чжунмоу провинции Хэнань. Здесь в 200 г. н. э. произошло сражение между войсками Цао Цао и Юань Шао. Юань Шао располагал стотысячной армией. У Цао Цао войск было мало, а запасы продовольствия иссякли. Однако он использовал

между царствами У и Вэй у горы Чибэ²⁵⁷. битва между царствами У и Шу под Илином²⁵⁸, битва между государствами Цинь и Цзинь у реки Фэйшуй²⁵⁹ и т. д. Во всех этих знаменитых сражениях при большом неравенстве сил слабый сначала отступал, а затем захватывал инициативу и побеждал» [Мао Цзэдун, «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» (декабрь 1936): *Мао Цзэдун*, Избранные произведения, т. 1. Пекин, 1967, с. 268 и след.].

В ту пору «бить в барабан» означало бросить войска в атаку. Когда в стане Ци дважды били в барабан и воины шли вперед на стан Лу, лусцы уклонялись от битвы, и тем самым удар цис-цев приходился впустую, а потому, когда проббили барабаны в третий раз, моральный дух циских воинов выдохся. Цао Гую благодаря тактике выжидания удалось «вытащить хворост из очага» противника и довести его до состояния, которое в *Вэй Ляо-цзы*, последнем значительном военном трактате доимператорского Китая, составленном, по видимому, Вэй Ляо (4 в. до н. э.), характеризуется следующим образом: «Когда дух отнят, бегут» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. 4 «Борьба за могущество» [«Чжань вэй»]: *Сунь-цзы. У-цзы*. Трактаты о военном искусстве. Пер. с кит. Н. Конрада. М.-СПб: АСТ, 2001, с. 113). Боевой дух войск подвержен, естественно, колебаниям. Подобно тому, как лук невозможно постоянно держать натянутым, так и войско невозможно непрерывно подгонять и держать в неустанном напряжении. Уже в древнейшем военном трактате не только Китая, но и всего мира, в *Военном искусстве Сунь-цзы* (VI—V вв. до н. э.) говорится: «У войска можно отнять его дух, у полководца можно отнять его решимость (досл. *сердце*)... у людей утром дух свеж, днем он увядает, а вечером иссякает²⁶⁰. Поэтому тот, кто умеет вести войну, избегает противника, когда его дух бодр, и нападает на него, когда его дух увядает или иссякает: вот что значит иметь власть над духом» (*Сунь-цзы*, 7.12—13 «Военное противоборство» («цзюнь чжэн»): Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 162).

Китайские комментаторы *Военного искусства Сунь-цзы* ссылаются здесь на победу Цао Гую над циским

проявленную Юань Шао беспечность, вызванную недооценкой сил противника, произвел внезапный налет и поджег обозы Юань Шао. Войска Юань Шао охватила паника, и тогда Цао Цао нанес удар, уничтожив главные силы Юань Шао.

²⁵⁷ Войска царства У возглавлял Сунь Цюань, войска царства Вэй — Цао Цао. Чибэ - гора на южном берегу реки Янцзы, в северо-восточной части нынешнего уезда Цзяюй в провинции Хубэй. Здесь в 208 г. Цао Цао с 500-тысячным войском, которое он выдавал за 800-тысячное, выступил против Суш. Цюаня. Последний в союзе с другим противником Цао Цао — Лю бэсм — выставил 30-тысячное войско; но воспользовавшись эпидемией в войсках Цао Цао и их неумением сражаться на воде, сжег суда Цао Цао и разгромил его армию.

²⁵⁸ Ил и находится в восточной части нынешнего уезда Ичан провинции Хубэй. Здесь в 222 г. Лу Сунь, полководец царства У, нанес жестокое поражение войскам царства Шу, которыми командовал Лю Бэй. Вначале Лю Бэй во всех сражениях одерживал победы и занял Илин, углубившись на 500—600 ли на территорию царства У. После этого Лу Сунь в течение 7—8 месяцев уклонялся от боя. Дождавшись момента, когда войска Лю Бэя «были измотаны до предела, пали духом и потеряли веру в спасение», Лу Сунь воспользовался поднявшимся ветром, поджег лагерь Лю Бэя и разгромил его войска.

²⁵⁹ В 383 г. войска государства Восточное Цзинь под командованием Се Сюаня нанесли у реки Фэйшуй (в нынешней провинции Аньхуэй) тяжелое поражение войскам Фу Цзяня, правителя государства Цинь. Последний имел и своем распоряжении 600 с лишним тысяч пехоты, 270 тысяч кавалерии и личную охрану в 300 тысяч всадников. Войска Се Сюаня (включая флот) насчитывали лишь 80 тысяч человек. Две армии разделяла река Фэйшуй. Се Сюань использовал заносчивость и самонадеянность противника и обратился к Фу Цзяню с просьбой уступить ему небольшой плацдарм на берегу, где стояла циньская армия, с тем чтобы его войска могли переправиться и дать решающее сражение. Фу Цзянь согласился и приказал своим войскам отойти. Однако как только его войска начали отход, их уже нельзя было остановить. Воспользовавшись этим, войска Се Сюаня переправились через реку и разгромили армию Фу Цзяня (*там же*).

²⁶⁰ Чжан Юй — сунский комментатор военного трактата «Сунь-цзы», например, так разъясняет это место: «Утро — это образ вообще всякого начала, день — это образ середины, вечер — это образ конца; это все — не просто начало, середина и конец дня. Вообще дух людей устроен так, что, когда человек впервые приходит к чему-нибудь и начинает браться за что-нибудь, его дух бодр и полон энергии; когда это продолжается долго, человек утомляется, и дух его падает. Поэтому тот, кто умеет вести войну, избегает такой обстановки, когда противник бодр и полон сил и когда защищается крепко, а поджидает, когда тот утомится и будет помышлять только о том, чтобы пойти домой, и тогда такой полководец Двинет свои войска и ударит на него. Это означает: уметь управлять своим духом и подрывать дух противника» (*Сунь-цзы. У-цзы*: Трактаты о военном искусстве. Пер. с кит. Н. Конрада. М. - СПб: АСТ, 2001, с. 211). — *Прим. пер.*

войском. Ключом к его успеху послужило не преимущество в вооружении или численности, а применение стратагемы 19. Действия Цао Гуя как блистательный пример стратагемы 19 в действии описывают в многочисленных китайских букварях о 36 стратагемах, а не только в школьных учебниках. Когда я в качестве члена делегации по правам человека от швейцарского министерства иностранных дел посетил Лхасу, то обнаружил этот пример в шестом выпуске учебника китайского языка для младших классов средней школы под заголовком «Цао Гуй объясняет военное дело».

Кажется, Ленин сказал, что для уничтожения народа вначале нужно разрушить его мораль. До Ленина прусский офицер Карл фон Клаузевиц, которого тот внимательно и с одобрением читал, учил, что война есть столкновение противостоящих волей: «Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат двух тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе» («О войне», часть первая «Природа войны», гл. 1 «Что такое война?», § 5 «Крайнее напряжение сил». *Клаузевиц*. О войне. М.: Госвоениздат, 1934). Не только материальная сила или определенные навыки, но и моральный дух составляет нерв войны. «Чего стоят на войне танки, самолеты и перевес в живой силе, если в войсках отсутствует боевой дух? Ответ очевиден: ничего! Без горючего не тронется ни один танк, не взлетит ни один самолет, а без боевого духа любое войско будет мертво» (из Введения к посвященному теме «боевого духа» выпуску газеты *Der Schweizer Soldat/Wehrzeitung*. Цюрих, 15.11.1967, с. 89).

К победе может вести не только уничтожение вражеских войск, но и лишение противника мужества. Однако успешное применение стратагемы 19 в войне посредством подрыва морального духа противника не всегда оказывается делом простым. Так, принятое британским правительством 14-02.1942 решение приступить к ковровому бомбометанию преследовало главным образом цель подрыва морального духа гражданского населения Германии. Но вышло все наоборот. Воздушный террор послужил поводом для германского руководства представить ведущуюся им войну с союзниками как справедливую.

Современное ведение войны наряду с техникой и энергетическими ресурсами основывается прежде всего на информационном оружии, пишет Шэнь Вэйгуан в статье об «информационной войне» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 23.06.1996, с. 4). В информационной войне применение стратагемы 19 не ограничивается нападением на сети передачи данных, цифровые средства обработки, а включает распускаемую СМИ дезинформацию «вплоть до троянских вирусов» («Nicht Erklärte Kriege: Geheimdienste und Militärs haben Computer und Datennetze im Visier» [«Необъявленная война: секретные службы держат под прицелом ЭВМ и сети передачи данных»]: *Цайт*. Гамбург, 10.11.1998, с. 50). Информационное оружие играет большую роль и при воздействии на волю и решимость к борьбе как собственной армии, так и армии противника. Современная война все больше опирается на силу духа и иные нематериальные ресурсы. Воля и решимость сражаться становятся вообще самым важнейшим военным ресурсом. Сейчас, когда появилось оружие массового уничтожения, как никогда прежде на передний план выдвигается деморализация и подрыв духа противника. Ввиду крайне высокой цены военной победы по сравнению с прошлым стараются избегать «горячей» войны и вместо прежнего девиза «сохранить себя, уничтожить противника» придерживаться правила «сохранить себя, изменить противника».

Стоит лишить противника силы духа, воли к борьбе — самое грозное оружие становится бесполезным: ведь он утрачивает волю привести оружие в действие. Тем самым современная, использующая информацию в качестве оружия психологическая и пропагандистская военная машина проводит в жизнь признанное еще Сунь-цзы высшим проявлением военного искусства правило: «Покорить чужую армию, не сражаясь» («Сунь-цзы» 3.1 «Стратегия нападения» [«моу гун»]: Китайская военная стратегия. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 128). Эту стратагемную грань в восприятии китайцами «информационной войны» не замечает М. Эхсан Ахрари (Ahrari) в своей посвященной техническим вопросам статье «Chinese prove to be attentive students of information warfare» («Китайцы выказывают прилежание в изучении информационной войны») (*Janes Intelligence Review*. Coulsdon, Surrey, U. K., Vol. 9, № 10, October 1997).

19.29. Дело в крови, а не в виновности

В октябре 1995 г. подошел к концу «процесс века» по делу чернокожего футболиста О. Дж. Симпсона (Simpson). Государственная прокуратура выдвинула против Симпсона, подозреваемого в убийстве своей бывшей жены госпожи Николь Браун и ее любовника Рона Голдмена, весьма веские доказательства его вины. Однако суд из двенадцати чернокожих присяжных после четырехчасового совещания единогласно вынес оправдательный приговор. Адвокаты Симпсона построили свою защиту на расовой принадлежности подсудимого. При этом они сосредоточились на приводимых обвинением свидетельских показаниях Марка Фурмана. Этот служащий полиции утверждал, что в ночь убийства нашел в саду Симпсона окровавленную перчатку. При этом он заверял суд, что никогда не обзывал чернокожих «черномазыми». Однако предоставленная адвокатами Симпсона звукозапись интервью Фурмана показала, что тот в ходе разговора употребил это ругательство 46 раз. Адвокаты Симпсона строили свою защиту на том, что показания

Фурмана не заслуживают доверия. Они изображали его расистом, который хочет обвинить Симпсона, для чего и сфабриковал улики. После окончания судебного разбирательства, отвечая на вопросы, американский лидер негров Луи Фарракан (Farrakhan) сказал: «Белые были возмущены, черные же ликовали... Черные радовались тому, что столетиями действовавшую против них систему правосудия на этот раз удалось перехитрить» (*Шпигель*. Гамбург, № 42, 1995, с. 183). Примечательно, что Фарракан употребил слово «хитрость». Но посредством какой хитрости удалось обставить американскую систему правосудия, он, впрочем, не сказал. Здесь нам поможет список 36 стратагем. Осуществленный подрыв доверия к главному свидетелю обвинения Фурману позволил усомниться в главном на процессе показаниях — умелое использование стратагемы 19!

19.30. Пресечь малодушие

В начале правления династии Восточная Хань (25—220) вражеские войска совершили ночной набег в расположение У Ханя, начальника войскового приказа [*дасыма*]. Все вокруг пришли в замешательство, лишь один У Хань невозмутимо продолжал лежать на своем ложе. Когда солдаты увидели, что их военачальник сохраняет присутствие духа, их растерянность улеглась, и они вскоре пришли в себя. Теперь У Ханю нельзя было терять ни минуты. Он приказал своим отборным частям предпринять в ту же ночь ответную вылазку. Вскоре противник был обращен в бегство. У Хань воздействовал на своих подчиненных не напрямую, например, угрожая сурово наказать растерявшихся воинов, а потушил пламя охватившего их страха, как повествуется в самом древнем трактате о 36 стратагемах.

Схожим образом в момент опасности [трагический день 18 января 1832 г., когда разразилось восстание «Ника»] воздействовала на своего супруга, византийского императора Юстиниана I Великого (ок. 482—565, на троне с 527), его жена и соправительница императрица Феодора (497—548). Так называемые «зеленые» [прасины], объединившись с приверженцами так называемых «голубых» [венеты]²⁶¹, восстали против императора. Они требовали смещения высших сановников, для пущей убедительности предав огню расположенную рядом с царским дворцом церковь, и угрожали, что посадят на престол другого.

Когда посланные императором против бесчинствующих мятежников войска дрогнули и отступили, генералы стали уговаривать Юстиниана бежать.

И тут, «когда у дверей императорского дворца раздались угрожающие крики торжествующих мятежников, когда обезумевший Юстиниан, потеряв голову, видел одно спасение в бегстве», положение спасла Феодора. «Она присутствовала на совете сановников; все пали духом, она одна оставалась бодрой и спокойной. Ею не было еще произнесено ни слова; вдруг среди полной тишины она поднялась, вся в негодовании на всеобщее малодушие, и напомнила императору, а также и министрам об их долге: «Если бы не оставалось другого исхода, кроме бегства, — заявила она, — я не хочу бежать. Кто носит царский венец, не должен переживать его потерю. Я не увижу того дня, когда меня перестанут приветствовать императрицей. Если ты хочешь бежать, царь, это твое дело; у тебя есть деньги, суда готовы, море открыто; что касается меня, я остаюсь».

²⁶¹ Венеты и прасины — главные цирковые партии (димы) в городах Византии, где (как ранее в античном Риме) проводились состязания (преимущественно конные) и представления в цирке и на ипподроме. Вокруг зрелищ складывались партии «болельщиков», получавшие названия по цвету одежды возниц (венеты — «голубые», а прасины — «зеленые»). Димы имели свое выборное руководство, штат прислуги, возниц, артистов, а также дома, лошадей, денежные средства, которые каждая партия собирала со своих сторонников. Первоначально димы были чисто спортивными организациями. После принятия закона императора Константина (правившего в 306—337 гг.) об «аккламациях» (праве городского населения выражать возгласами одобрение или неодобрение зачитываемым в цирке постановлениям властей) димы к концу IV в. стали превращаться в своеобразные политические партии с определенной социальной окраской. Всего димов было 4, но политическое значение приобрели лишь враждовавшие между собой венеты и прасины. Венеты возглавлялись сановной знатью, стояли за централизацию, бюрократическое управление, православие, а прасины — с торгово-ремесленной верхушкой во главе — выступали за усиление органов местного самоуправления, проявляли симпатии к монофизитству. С начала V в. венеты и прасины стали привлекаться к обороне города, их обязали выставлять определенное число вооруженных людей: таким образом венеты и прасины получили право организации своей милиции и участия в местном самоуправлении (иногда иррационально лишало какую-либо партию этих прав). В конце V и в VI в. борьба между венетами и прасинами обострилась: особенно буйно вели себя отряды молодежи, так называемые стасиоты, устраивавшие побоища. Иногда социальные противоречия приводили к объединению рядовых венетов и прасинов, они выходили из повиновения своему руководству и совместно выступали против правительства (восстание в 532 г. «Ника»). К VIII в. венеты и прасины утратили политическое значение, их роль ограничилась участием в торжественных празднествах. См. БСЭ, 3-е изд. - Прим. пер.

Мне нравится старинное выражение, что порфира — прекрасный саван». В этот день, когда, по выражению современника, «империя находилась, казалось, накануне гибели», Феодора спасла престол Юстиниана, и в этой последней борьбе, где на карту были поставлены и трон ее, и жизнь, воистину ее честолюбие возвысилось до героизма» (*Шарль Диль*. Византийские портреты. Пер. с фр. М. Безобразовой. М.: Искусство, 1994, с. 55 [1-е изд. 1914]) (Зенгер приводит эту выдержку из журнала *Zeitmagazin*. Гамбург, 14.05.1998, с. 35).

В свете этих двух примеров утверждение «боевой дух не подчиняется приказам» (см., в частности, *Schweizer Soldat/Wehrzeitung*. Цюрих, 15.11.1967, с. 97) предстает неполным, и его следует видоизменить следующим образом: «хотя боевой дух и не подчиняется приказам, он все же поддается влиянию и порой даже бывает управляем».

19.31. Достижение мира отлучением мужей от брачного ложа

Пелопоннесская война (431 — 404 до н. э.) между Афинами и Спартой идет уже двадцатый год. Женщинам не удастся уговорами побудить мужчин к миру. Тогда Лисистрата, героиня одноименной комедии Аристофана, впервые разыгранной на афинской сцене в 411 г. до н. э., «пускается на хитрость» (Alfred Schlieriger. *Der Trieb zum Frieden: Lysistrate als Freilichtmaskenspiel in Ägust*. *Новая цюрихская газета*, 10.06.1996, с. 21).

Лисистрата созывает к Акрополю афинянок, чтобы поведать им свой замысел. Туда же приходит и Лампито, посланница Спарты. Заставить мужчин заключить мир женщины должны, отказывая им в супружеских ласках. Поначалу две афинянки, Клеоника и Миринна, не согласны с этим планом, но остальные убеждают их. Афинянки произносят торжественную клятву и скрепляют ее круговой чашей вина. Лампито возвращается в Спарту, чтобы подбить на те же меры своих соплеменниц. А афинянки тем временем занимают Акрополь [где, кстати, хранилась городская казна]. Осаду старцев, пытающихся поджечь Акрополь, женщины отважно отбивают, окатывая их водой из кувшинов. Тут появляется советник, дряхлый старик, которому Лисистрата разъясняет поступок афинянок. Взаимные нападки между хором стариков и хором женщин продолжаются.

Дальнейшие события показывают, что многие женщины тяготятся взятым на себя обязательством. Лисистрата прилагает все свое умение, чтобы удержать своих изголодавшихся по любви сторонниц. Ей это удается, напоминая о принесенной клятве. Затем следует сцена любовного свидания Миррины и ее мужа, Кинесия, сгорающего страстью и желающего ее утолить. Миррина умело распяляет его страсть, чтобы в итоге оставить несолоно хлебавшим. В этой сцене затеянная женщинами блестящая игра достигает своей высшей точки. Когда же приходит вестник спартанцев, который сообщает о том, что подобное творится и у лакедемонян, бывшие противники достигают взаимопонимания. Заключается мир, отмечаемый пиршеством и танцами. Так спор улажен с помощью не военной, а «мирной хитрости» (выражение Биргит Берг (Berg): *Rhein-Zeitung*. Кобленц, 22.12.1977).

19.32. Наркотики против строптивости

В захудалой деревеньке Мэнгуаньтунь помещичья семья Ни была самой знатной. Дед Ни Учэна, известный ученый — цзюй-жэнь²⁶², был сторонником реформ и в двадцать первый год эры правления Гуансюй²⁶³ принимал участие в «подаче петиции», или, как говорили тогда, «передаче прошения с общественной повозки». Он сам изготовил деревянные матрицы и отпечатал прокламацию, в которой ратовал за «Небом дарованные ноги»²⁶⁴, что в те времена считалось не просто радикальной, но прямо-таки экстремистской и крамольной идеей. После поражения реформаторов в двадцать четвертый год правления Гуансюй дед покончил с собой — повесился. Об этом прискорбном событии в доме открыто не говорилось, и Ни Учэн узнал о нем из случайных упоминаний слуг и родственников, хотя и не все понял в этих давних делах.

Сам Ни Учэн хорошо помнил своего помешанного родственника — брата деда. В любой момент от него можно было ожидать какой-нибудь нелепой выходки. Он мог, к примеру, в клочья разорвать свою одежду

²⁶² Вторая после сюэя ученая степень в старом Китае.

²⁶³ Династии и годы правления каждого императора имели особые девизы-иероглифы, символизирующие счастье, благополучие, мир. Эра Гуансюй («Блестящее наследие») — годы правления маньчжурского императора Дэцзуна (1875—1908).

²⁶⁴ Требование отмены бинтования ног благородных китайнок. 3 Мера площади, равная 6,6 акра.

или ни с того ни с сего запеть, зарыдать или начать хохотать до упаду. Несколько раз Ни Учэн видел, как безумца связывали веревками. Он помнил, что до самой кончины бедняга таскал на ногах железные цепи.

Бабушка Ни Учэна глубоко переживала обрушившиеся на семью несчастья, будучи убежденной, что всему виной злой рок. Она не раз обсуждала со своими сыновьями, как исправить положение, но те ничего путного предложить не смогли. Из всей семьи лишь энергичная невестка, мать Ни Учэна, была способна придумать что-то дельное, и она действительно предложила выход: сняться с насиженных мест и перебраться в другие края, чтобы избавиться от злой силы, преследовавшей семью.

Родня поддержала смелое решение. Однако все окрестные земли были давным-давно заняты, и семье пришлось остановить свой выбор на деревеньке еще более неказистой, чем прежняя, — на Таоцунь, лежавшей в шестидесяти ли, до которой и добираться было куда сложнее, чем до Мэнгуаньтунь. Почти три года они строили дом, па него ушла уйма денег, но зато теперь семейство владело и домом, и грушевым садом площадью в два му3, током и крупорушкой. Всего в усадьбе насчитывалось двадцать с лишним построек. Семья Ни переехала в Таоцунь в год смерти императора Гуансюя — в 1908 г.

Отец Ни Учэна (старший из братьев) своими странностями и причудами нисколько не походил на своего покойного отца-радикала, готового в любой момент на крайние действия. Ни Вэйдэ был человеком медлительным и вялым. Он принадлежал к той породе людей, которых обычно зовут недотепами или тряпками. Его левое плечо было немного выше правого. Говорил он невнятно, с великим трудом связывая слова. Всю жизнь он страдал поносами и недержанием мочи. Во все времена года у него текло из носа. Он то и дело чихал или зевал. В довершение всего он с юных лет пристрастился к курению опиума, и эта дурная привычка постоянно раздражала и беспокоила его мать. Однако его жена, мать Ни Учэна, относилась к слабостям мужа иначе. Она сочувствовала ему и вступалась за него. Эта крупная, видная женщина, весьма решительного нрава, с ясной головой, к тому же обладавшая сильным чувством собственного достоинства, была, несомненно, самой авторитетной фигурой в семье. С раннего детства Ни Учэн испытывал по отношению к матери не только великое почтение, но и робость. Как только она вошла в семью Ни, она сразу почувствовала, что дела в этом доме плохи — дом околдован. Понятно, что это сильно огорчило ее, но она приложила всю свою энергию, волю и ум, чтобы воспрепятствовать крушению семьи. Увы, в доме горело адское пламя, способное своим светом сначала прельстить человека, а потом сжечь его. Вот почему свекор поддался искусству движения за реформы²⁶⁵ и затем повесился, а его брат свихнулся. Она боялась, что нечистая сила в конце концов изведет всю семью. В старом поместье Мэнгуаньтунь ей часто по ночам в шуме ветра слышались странные заунывные звуки, похожие на крик животного или плач обиженного духа. Ей делалось страшно, потому что она твердо знала, что это кричит «оборотень». Несколько раз ей во сне снился свекор, на которого в жизни она как сноха не смела даже глаз поднять. Теперь он стал часто являться ей. Он представлял перед нею вполне здоровый и умиротворенный. Как-то он ей сказал: «Вот я немного покурил опиума, и недуг мой сразу прошел». Его странно дребезжащий голос вызывал у нее страх. Постепенно образ свекра перестал ее тревожить, но таинственные слова, сказанные дребезжащим голосом, остались в памяти. Они часто звучали в ушах этой решительной женщины с ясной головой. Пробудившись, она продолжала слышать: «Вот я покурил немного опиума, и мой недуг сразу прошел».

И она наконец прозрела! Предки ее семьи наверняка обладают волшебной силой, а потому род Ни никогда не пресечется. О Всевидящее Небо! Значит, спасительная сила таится в опиуме. Судите сами: если бы отец Ни Вэйдэ курил опиум, стал бы он призывать к каким-то реформам и всяким новшествам? А тем более подавать петиции «с общественной повозки», бороться за «Небом дарованные ноги»? Разве стал бы он искать смерти в петле? Понятно, что жизнь у курильщиков хуже собачьей, но все же они не кончают с собой, остаются целы и невредимы, в худшем случае могут свихнуться. Так и случилось с полоумным братом свекра. Если бы он сызмальства пристрастился к зелью, разве испытал бы он столько страданий, разве стал бы так бесноваться? Навряд ли он так оторвался бы от всего мира и от родных. Значит, тот, кто курит опиум, действительно испытывает не только успокоение, но и блаженство, поэтому в пристрастии Ни Вэйдэ к зелью следует видеть не только слабость, но и некую жизненную силу и устойчивость.

Теперь мать Ни Учэна стала поощрять опиекурение, да и сама не прочь была сделать пару затяжек. Однако себя она контролировала и не позволяла себе всецело поддаться соблазну, потому что после переезда в Таоцунь она стала единственной опорой разваливавшейся семьи. Она не могла и не имела права впадать в крайность, тем более допустить душевную болезнь. Она не позволяла себе витать в облаках, как это делал ее непутевый муж...

На пятом месяце беременности она схоронила свекровь, а на седьмом — мужа... В третий год эры

²⁶⁵ Движение за установление конституционной монархии, за осуществление умеренных буржуазных реформ в конце XIX в.

Сюаньтун, за три месяца до Синьхайской революции, семья Ни Вэйдэ созрело — и на свет появился Ни Учэн, на котором, как ни странно, нисколько не отразились переживания матери в связи с кончиной близких людей. Он рос здоровым и крепким мальчиком — словом, весь в мать, однако ясности ее ума он все же не унаследовал. Умом он едва ли уступал другим детям, разве что совсем немного. В семь месяцев у него появились первые зубки, а на ноги он встал, когда ему не исполнилось и годика. Через полгода его отнесли в уездный город, где в «заморском доме» (так местные жители называли единственную в городе амбулаторию при католической миссии) ему сделали прививку оспы. В четыре года он уже умел писать свое имя, в пять — пошел в частную школу, а в девять лет поступил в «заморские классы» и вскоре увлекся статьями Лян Цичао, Чжан Тайяня и Ван Говэя²⁶⁶. Когда ему стукнуло десять, мать свозила его в дом бабушки, своей матери, где он познакомился со своей двоюродной сестрой — дочкой дяди, девочкой с крохотными спеленатыми ножками. Встреча с маленькой родственницей и ее бинтованные ножки так глубоко поразили его, что он тут же открыто объявил себя противником бинтования ног. Охваченный благородным порывом, он со слезами на глазах заявил, что этот обычай дикий и глупый. Этими словами он кровно обидел своего дядю и крайне испугал мать, которая увидела в его поступке проявление злой силы. Ей тут же вспомнились жуткие крики, которые она постоянно слышала по ночам в старом доме в Мэнгуаньтуне... Какой же грех совершила семья Ни в прошлом? Какие грехи совершили ее собственные предки, если ей выпало стать одним из членов несчастливого рода?

С этого времени мать Ни Учэна жила во власти постоянного страха, терзавшего ее душу. Преданные слуги чуть ли не каждый день доносили ей новости о выходках сына, которые рождали в ее душе все новые опасения: «Ни Учэн часто беседует с арендаторами, толкует, что всю землю надо разделить так, чтобы «каждому пахарю досталось свое поле», как учил «отец нации» Сунь Ятсен²⁶⁷. Ни Учэн говорит, что помещики живут за счет аренды земли, а это, мол, сущий паразитизм. Словом, наш «маленький барин» несет несусветную чушь и всякую околесицу». Эти краткие «отчетные доклады» то и дело тревожили мать.

Вскоре она обнаружила, что сын страдает бессонницей. Годами молод, а вот на тебе — не спит по ночам, чуть не полночи ворочается в постели. Однажды она спросила его, почему он не спит. Сын ответил, оттого, мол, что он не понимает смысла и цели жизни и не видит в ней ценности. В это время Ни Учэну исполнилось четырнадцать лет. Однажды в канун Нового года вся семья собралась вместе, чтобы идти на молебен, поклониться предкам и установить в их честь поминальные таблицы. На полпути мальчик вдруг исчез. Искали его долго, наконец нашли: оказалось, он убежал в грушевый сад смотреть на звезды. Мать велела ему вернуться, а он ни в какую. Молебен — это, мол, суеверия и сплошной самообман. Наступит время, когда он все эти таблицы предков расколешматит в пух и прах.

Мать чувствовала, что рано или поздно грянет большая беда, что надо с кем-то посоветоваться, но с кем? Тайна о том, что бесовская сила околдовала сына, не должна была выплыть наружу и достичь чужих ушей, потому что в роду Ни сразу же найдется немало прохвостов, которые после кончины Ни Вэй-дэ могли позариться на имущество семьи. Но пока они еще не решаются что-либо предпринять, потому что жив законный наследник — их братец Ни Учэн. А что, если посоветоваться с кем-то из собственной семьи?.. И она решила обратиться к брату, который ничтоже сумняшеся дал два дельных совета: во-первых, племяннику следует курить опиум, а во-вторых, его надо непременно женить. «Учи! — сказал он. — Всякого незаурядного человека да и просто ладного парня может в любой миг окрутить нечистая сила. Поэтому он должен, во-первых, не расставаться с трубкой, а во-вторых, найти себе женщину. И тогда сердце его успокоится, дух усмирится, а жизнь потечет вполне сносно. — Он помолчал минуту и более уверенно добавил: — Пример тому я сам! В молодости, как известно тебе, нрав я имел разбойный, но в конце концов усмирил его. Ведь так? Правда, одна жена мне не помогла, пришлось взять еще двух «крошек!»»

Сестре от таких слов впору было разреваться. Ей сразу же вспомнилось щедрое тело ее покойного мужа, заядлого курильщика, который в последние годы жизни перестал походить на живого человека и был точь-в-точь как черт из преисподней. Но судьба свекра и его брата была куда страшней, чем у мужа. Эта неграмотная женщина, никогда никуда не выезжавшая, напуганная до смерти событиями Синьхайской

²⁶⁶ Лян Цичао (1873—1929) — крупный общественный деятель, философ, литератор, один из зачинателей движения за реформы; Чжан Тайянь (1869—1936) — видный общественный деятель, литератор и ученый, принимавший в начале XX в. активное участие в революционно-демократическом движении; Ван Говэй (1887—1927) — известный теоретик литературы и искусства, стремившийся соединить традиционные понятия китайской культуры с категориями западной эстетики.

²⁶⁷ Сунь Ятсен (1866—1925) — выдающийся политический деятель, революционер-демократ, руководитель революционно-демократического движения в Китае; в 20-х гг. XX в. — глава государства.

революции и всем происходившим после установления республики²⁶⁸, стала подозревать, что и в глубине души ее сына зреет семя «революции», которое в тысячу раз страшней и опасней, чем любой опиум. Ведь смерть от опикурения — это всего лишь гибель одного человека. А вот революция — та грозит гибелью всех устоев, разрушением родовых храмов и молелен. Это кара Небес, жуткая катастрофа! Революция способна все перевернуть вверх дном: опрокинуть небо и вздыбить землю.

Пятнадцатилетний Ни Учэн, как-то вернувшись из школы, застал мать лежащей на кане, в облаках дыма со странным пьянящим запахом. Вдохнув дурманящего зелья, он почувствовал необыкновенное возбуждение. Ему захотелось покурить самому. Желание жгло его, как мучит человека голод. Он затаился раз-другой и сразу же почувствовал опьянение, в голове помутилось, все члены ослабли. Он ощутил странное, но приятное чувство, почти блаженство. Из глаз хлынули слезы.

С этого дня Ни Учэн под руководством своей матушки приобщился к опикурению, а его двоюродный братец вскоре преподавал ему урок «ручного блюда». Юную душу Ни Учэна терзали сомнения, на сердце лежала тяжелая ноша. Став совсем взрослым, он мог с полной уверенностью указать, кто были его главными наставниками в жизни: мать и двоюродный братец. Оба они преследовали одну цель и в результате сделали все, чтобы соединить два звена цепи грехов, стянувшей шею юноши. Правда, предположить, что братец действовал по указке матери, Ни Учэн, конечно, не мог. Юношу терзали страхи, он испытывал мучительный стыд. Едва он начинал об этом думать, как к горлу подкатывала тошнота... О Всевышний! Никто и представить не мог, во власти каких кошмаров жил Ни Учэн.

Дурные наклонности скоро дали о себе знать, шестнадцатилетнего юношу свалил недуг. На первый взгляд вроде и не слишком серьезный, всего-навсего расстройство желудка. Однако поносы стали мучить его непрестанно, что бы он ни съел. Скажем, съел он пиалу супа с лапшой и тонкими ломтиками огурца, а часа через два суп выходил наружу вместе с неперевавленными дольками огурца. В конце концов Ни Учэн совсем перестал есть и ждал своего последнего часа. Это были страшные минуты. Он пролежал больше месяца, но все же поднялся на ноги и вдруг обнаружил, что его ноги изогнулись колесом. Так и передвигался он на слабых кривых ногах всю последующую жизнь. Худые, тонкие, словно плеть конопля, ноги никак не сочетались с его массивной, внушительной фигурой и довольно приятной внешностью. Предметом особого беспокойства были щиколотки, тонкие и хрупкие. Ему казалось, что в любой момент, стоит ему сделать неосторожное движение, он тут же рухнет наземь и сломает ногу.

Спустя лет пятьдесят, а может быть, и больше он действительно сломал лодыжку, после чего перестал ходить. Потом у него стали сохнуть конечности, а затем и все тело. И однажды он насовсем покинул этот мир, после того как получил свою долю радостей и страданий. Он умер, умер с такой же неизбежностью, с какой появился на этот свет. Но прежде того Ни Учэн стал обладателем ног, вид которых пробудил в нем огромную силу воли и решимость. Иногда ему даже казалось, что в нем бродит громадная революционная энергия. Он считал, что сейчас от него исходит некая угроза. Он остро возненавидел свою семью и свой класс. Он испытывал лютую злобу к двоюродному братцу и своему дяде, испытывал приливы ненависти и к своей матери. Он хорошо понимал, что попал в омут и уже успел погрузиться в него с головой... И все же ему удалось встать на свои исковерканные ноги, в этом он увидел счастливое знамение, которое, как он смутно чувствовал, связано с первыми волнами обновления, с революционным порывом, захлестнувшим в те далекие времена Китай. А может быть, он увидел знак бога смерти? В свое время на смертном одре молодой Ни Учэн уже ощутил его дыхание. Но потом смерть его отпустила. Вырвавшись из ее объятий, Ни Учэн словно прозрел... Раскаяние матери тоже сыграло свою роль.

Убитая горем, она обливалась слезами, каялась перед сыном. Это она, злодейка, отравила ядом опиума мужа и сына, можно сказать, погубила два поколения семьи. «Я виновата перед тобою, мой мальчик. Ой, какой грех, какой грех я совершила! Шею мне мало свернуть, окаянной! — рыдала она. — О Небо, о Земля, покарайте меня, пусть на моем поганом языке вскочит чирей... Но я старалась ради семьи!»

Выздоровев, Ни Учэн первым делом сломал трубку для опиума и зажигалку, а потом выставил из дому двоюродного брата, который однажды пожаловал к нему с грязными предложениями. Ни Учэн не жалел, что бросил курить, тем более не испытывал ни малейшего сожаления по поводу разрыва с братом. Ему было жаль только мать. Болезнь подкосила ее, сразу состарив ее лет на десять. Несчастливая вдова, потерявшая мужа в середине жизни и оставшаяся с единственным сыном на руках. Горе, подкосившее мать, разрывало Ни Учэну душу... Но однажды из-за нее он уже пострадал и чуть было не умер. Может быть, и ему

²⁶⁸ До 1911 г китайское летосчисление велось с момента образования каждой новой династии, а с 1911 г. (Синьхайская буржуазная революция) до 1949 г. указывали год существования буржуазной республики. (Ван Мэн. Избранное / Под ред. С. Торопцева. Пер. и комментарии Д. Воскресенского. М.: Радуга, 1988, с. 72—86).

уготована ранняя смерть?

Приведенную здесь почти целиком четвертую главу своего романа «Метаморфозы, или Игра в складные картинки» прочитал на китайском языке председатель Союза китайских писателей Ван Мэн 9.07.1996 в Вене. Для незнакомой с китайским языком публики в исполнении австрийского актера звучал немецкий перевод Ульриха Каутца (Kautz), появившийся под названием «Редкий дар — глупость» (*Rare Gabe Torrheit*, Frauenfeld, 1994). Ван Мэн, родившийся в Пекине в 1934 г., вступил в Коммунистическую партию Китая в 1948 г. В 1956 г. опубликовал рассказы критического содержания («Зимний дождь» и «Новичок в орготделе»), за что в 1957 г. был исключен из партии, а в 1965-м — сослан на «трудовое воспитание». Лишь в 1979 г. Ван Мэн был окончательно реабилитирован и смог вернуться в Пекин, где продолжилась его писательская и началась политическая деятельность. Одно время он был членом ЦК КПК. В 1986 г. он становится министром культуры. В начале сентября 1989 г. он оставляет этот пост «по состоянию здоровья» (см. также 20.12 и 26.13). Его многочисленные произведения переведены на ряд языков. После его читки главы из романа я спросил Ван Мэна, не воспользовалась ли мать в отношении сына стратагемой «вытаскивания хвороста из очага». Ван Мэн согласился, но при этом добавил, что сама стратагема должна служить благородной цели, иначе желанного действия не достичь. Так что матери, в данной ситуации воплощающей собой крайний и порочный консерватизм, в итоге не удалось погасить пылающий внутри Ни Учэна революционный огонь.

Подобно тому, как мать Ни Учэна применила к сыну стратагему 19, похоже, действовали американские власти по отношению к неграм. В своем фильме *Пантера* (1995) Марио Ван Пиплз (Peeples, род. 1957) показывает, как американские власти намеренно не вмешиваются в торговлю наркотиками в негритянских гетто. Они терпят засилье наркотиков ради нейтрализации негров (*Новая цюрихская газета*, 10.08.1995, с. 41). О подозрениях лидера черных мусульман Фаррахана относительно того, что в таких неблагоприятных делах замешано ЦРУ, сообщает печатный орган Коммунистического союза китайской молодежи, газета *Китайская молодежь [Чжунго циннянь бао]* (16.10.1996, с. 3). И когда пишут, что на протяжении двадцати лет израильские агенты якобы снабжали египетскую армию самым дешевым гашишем с целью подрыва боевого духа ее солдат. В рамках операции «Лахав» («Клинок») граждане Израиля с 1967 г. будто бы переправили контрабандным путем по морю из Ливана через Израиль в Египет целые тонны наркотиков. В результате потребление наркотиков в египетской армии возросло на 50 процентов (*Бильд*. Гамбург, 23.12.1996, с. 2). Похоже, и китайцы уверены, что посредством наркотических средств, будь это настоящие обезболивающие лекарства или же — что еще более действенно — предназначенные исключительно для получения «удовольствия» наркотики, можно подорвать здоровье целой нации.

19.33. «Отбросы культуры», разъедающие устои китайской жизненной силы

«Порнография, изображение насилия и прочие «культурные отбросы» представляют собой своего рода духовный опиум. Они разъедают людские души, разрушают силу воли, губят мораль и общественные нравы и тем самым подтачивают опору жизненной силы», — утверждают три автора, выступившие 17.12.1996 со статьей в главной китайской газете *Жэньминь жибао*. Главная идея их статьи состоит в том, что враждебные международные силы хитростью и уловками стремятся использовать радио, телевидение, кино и другие средства массовой информации для внедрения в Китае своей идеологии и культуры со злым умыслом — утвердить здесь свои политические взгляды, ценности и образ жизни и тем самым расшатать устои жизненной силы Китая, изменить политические воззрения, исказить духовную жизнь и, наконец, заменить социалистическую идеологию капиталистической. Если бы рельсы китайского рынка культуры оказались состыкованными с рельсами международного рынка культуры, это означало бы допущение к нам направленного на озападнивание и развал Китая заговора международных враждебных сил. Авторы подтверждают свое мнение ссылкой на Дэн Сяопина, говорившего: «В отношении экономики мы придерживаемся двойной линии. С одной стороны, мы ратуем за открытость, однако с другой — не желаем слепо и беспорядочно допускать к себе все, что угодно, и прежде всего мы не должны допустить у себя тлетворного влияния капитализма и всеми силами бороться с этим».

Дважды авторы статьи предупреждают о «расшатывании устоев жизненной силы» Китая западными «отбросами культуры», и данное предупреждение они выражают в духе стратагемы 19. Зачастую не внушающими подозрения путями, чего и опасаются авторы, вражеские силы пытаются тихо и незаметно сломать духовный стержень китайцев и тем самым переделать Китай на западный манер. Авторы статьи в некоторой степени перекликаются с размышлениями одного из основателей Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши (1891 — 1937). По мнению Грамши, любой смене власти предшествует «революция без революции», когда будущие властители расчищают себе путь, выхолащивая ценности, этические и эстетические начала действующей власти, подвергают их критике и осмеянию, искажают или разрушают. Даже в области языка они незаметно обесценивают или нейтрализуют то, что

хотели бы упразднить в сфере политической. Насколько возможно они выхолащивают смысл слов, лишая их присущего им содержания или вытесняя их нужными им словами. Прежде чем станет возможным «политическая гегемония», необходимо, как считал Грамши, обрести «культурную гегемонию». Разумеется, китайские коммунисты не являются последователями Грамши. Но, согласно китайскому марксизму, так называемая надстройка, иначе говоря, вся культура не только является отражением экономического базиса, но одновременно существенно воздействует на общество и его развитие. Поэтому руководство Китайской Народной Республики всегда уделяло «надстройке» во всех ее проявлениях огромное внимание. КПК неукоснительно следит за тем, чтобы «надстройка» содействовала, а не мешала ее политическим целям, в частности, анализируя иностранное влияние, в том числе со стороны западной кино- и телевизионной индустрии с позиции стратагемы 19.

Основываясь на этом положении, ведет гневную отповедь на страницах *Китайской молодежи* [*Чжунго циннянь бао*], печатного органа Китайского коммунистического союза молодежи (Пекин, 20.02.1997, с. 8), Лун Синьминь. «Сообразуясь с общими интересами нашего народа и нашей страны, необходимо, как гласит решение 6-го пленума ЦК КПК 14-го созыва, препятствовать распространению «культурных отбросов» и пресекать их... — пишет он. — Главный вред вследствие распространения «культурных отбросов» состоит в том, что отравляются людские души и усыпляется наш национальный дух. После окончания холодной войны враждебные западные силы, направленные на «озападнение» нас с вами, добиваются всеми доступными средствами превращения нашего социалистического Китая в придаток капитализма». Суть этих устремлений та же, что и у опиумной войны столетней давности, только изменилось ее внешнее выражение и само время. Речь идет о новой, проводимой уже в XX в. «духовной опиумной войне».

И в *Жэньминь жибао*, печатном органе Центрального комитета Коммунистической партии Китая, в номере за 21.03.1998 два автора пишут: «По окончании холодной войны до некоторой степени оказались стертыми идеологические противоречия. Однако культурные противоречия и споры ни на миг не ослабевают. Можно утверждать, что новая хитрость современного гегемонизма состоит в осуществлении собственных интересов посредством духовно-культурной экспансии. Попросту говоря, он использует духовную жизнь и культуру для проникновения во все уголки земли и достижения таким образом господства в мире. Американские ученые совершенно открыто заявляют, что будущее противоборство переместится главным образом в духовно-культурную плоскость. При духовно-культурном противостоянии прежде всего стремятся психологически обрабатывать людей в духовно-культурной сфере для завоевания их сердец». Чтобы противостоять используемой «гегемонизмом» (под которым в Китае подразумеваются в основном США) стратагемы 19, которая, помимо прочего, претворяется в жизнь утверждением культа денег и распространением американских фильмов и телепрограмм, рекламирующих безудержное сладострастие (*Синь Хуа Вэньчжай*. Пекин, № 3, 1998, с. 203), оба китайских автора считают, что «крайне важно вырабатывать у людей разборчивый вкус и духовную стойкость. Тот, кто не отличается разборчивым вкусом и духовной стойкостью, без единого выстрела будет побежден в этой войне».

Даже в описании исторических событий китайцы усматривают вероломное использование стратагемы 19. Вот как объясняет Юй Дань тот факт, что западные власти в конце XIX — начале XX в. позволили поместить у входа в один шанхайский парк следующую вывеску: «Запрещается входить собакам и китайцам». «Гун Цзычжэнь [1792 — 1841] говорил: «Когда хотят уничтожить государство, сначала лишают его народ истории». Это мудрые слова, не утратившие своего значения и поныне» (*Вэньхуэй бао*. Шанхай, 3.01.1996).

Чтобы обессилить иной народ, враги лишали его своей веры. Так, «важная древняя святыня саксов Ирминсуль²⁶⁹ была в 772 г. полностью разрушена завоевателями-франками под предводительством Карла Великого, как свидетельствуют тогдашние источники²⁷⁰. Такое уничтожение должно было, показав явное

²⁶⁹ Немецкий средневековый историк, саксонский бенедиктинский монах аббатства Корвей в Вестфалии Видукинн Корвейский (ок. 925 — после 973) в «Истории саксов» (в 3-х книгах; доведена Видукинном до 967; продлена неизвестным автором до 973) говорит о культовом столпе саксов (по-видимому, культовом аналоге *Иггдрасиля*, мирового древа скандинавской мифологии): "Когда наступило утро, они поместили у восточных ворот орла, соорудили алтарь победы и, согласно суеверным обычаям своих предков, как это у них принято, стали оказывать почести своей святыне, по имени [эта святыня] была Марс, по виду колонн [она] походила на Геркулеса, по местоположению это был [бог] солнца, которого греки называют Аполлоном. Отсюда представляется правдоподобным мнение тех, которые полагают, что саксы берут начало от греков, так как Термин или Гермес по-гречески обозначает Марс; этим словом, не зная [его значения], мы пользуемся до сего дня для хвалы и для порицания»). *Видукинн Корвейский*, Деяния саксов, кн. 1, гл. 12. Вступительная статья, перевод и комментарии Г. Санчука. М.: Наука, 1975).

²⁷⁰ Саксы, испробовав разнообразные верования франков, о чем нам нет нужды говорить, так как об этом можно найти запись в их деяниях, оставались вплоть до времени Карла Великого в заблуждении отцов. А

превосходство христианского бога, подорвать дух языческого сопротивления. С подобной целью пятьдесятю годами ранее христианский проповедник Бонифаций на глазах язычников срубил секирой схожее с Ирминсулем капище, дуб Донара²⁷¹) (Sabine Lippert. «Irminsul und die Unterwerfung der Sachsen» («Ирминсуль и покорение саксов»): *Kult-urnotizen*. Bettendorf, № 22, июль 1998, с. 30). А в 30-е г. XX в. к злодеяниям английских колониальных властей в Нигерии относится также прилюдное осквернение сакральности [царского рода] нри [народа и(г)бо], верховный жрец которого [он же царь (*игбо* — эзе)] был вызван в суд, дабы перед охваченными ужасом африканцами он предстал как обыкновенный смертный [поскольку подданные прежде не допускались к лицезрению своего властелина]. «Такого рода кощунством стремились разрушить систему ценностей, которая сплывала африканскую общину» (Obi Nwakanma [Нваканма], «Das Alte stürzt» — in mehr als einem Sinn: ein Roman als Markstein afrikanischer Selbstfindung». *Новая цюрихская газета*, 25.06.1998, с. 47).

19.34. Уклонение от суда

Янь Чжи-чжуну, деревенскому богатею, имевшему ученую степень *гунишэна*²⁷², донесли, что уездный начальник принял против него две челобитные: одну за то, что присвоил чужую свинью, а вторую — за то, что неправомочно удерживал у себя вексель. Янь Чжи-чжун пришел в большое волнение: «В обеих жалобах чистейшая правда. Если они будут разбираться, то, кроме ущерба для моей репутации, я ничего не получу. Как говорят, «из тридцати шести планов лучший — бежать». Поразмыслив, он собрал вещи и спешно отправился в провинциальный город.

А тем временем уездный, приняв жалобы, послал служителей ямыня к Яню, но того уже и след простыл. Посланцы застали в доме лишь его младшего брата Янь Чжи-хэ, которого величали Янь Да-юй, что значит Янь «большой эрудиции». Они были единоутробными братьями, но жили в разных домах. Янь Чжи-хэ имел ученую степень *цзяньшэна*²⁷³, и богатство его превышало сотню тысяч лянов серебром. Получив от посланцев ямыня недобрые вести, богач Янь Чжи-хэ, от природы очень трусливый, обошелся с ними весьма учтиво. Он напоил их вином и вынес им две тысячи медных монет, а когда они ушли, срочно послал слугу пригласить родственников на совет.

У него было два шурина сюцай, оба стипендиаты. Один, Ван Дэ, получал содержание от области, а второй, Ван Жэнь, — от уезда. Оба они служили учителями в богатых домах и пользовались известностью. Получив приглашение мужа своей младшей сестры, они не замедлили явиться к нему, и тот рассказал им обо всем. «Что же делать? — спросил Янь Чжи-хэ. — Ведь имеется вызов в ямынь». — «Твой братец все время хвастался своей дружбой с уездным Таном, — засмеялся Ван Жэнь. — Почему же он испугался и убежал?» — «Что об этом говорить. Братца моего и след простыл. А вот нарочные кричат и требуют его. Не могу же я бросить дом, чтоб искать его, да и вряд ли он захочет вернуться». — «Это дело тебя не касается, — сказал Ван Жэнь, — ведь вы живете порознь». — «Ты не понимаешь, — возразил Ван Дэ. — Эти нарочные знают, что он богат, ну и, как говорится, «хватают ту голову, на которой отросли волосы». Если же наш зять откажется отвечать за брата, то будут придирааться еще больше. Сейчас надо действовать по принципу

Карл же Великий, который был самым храбрым из королей, в оказании заботы проявлял не меньшую мудрость. И действительно, поскольку для своего времени он был мудрейшим из всех людей, то считал, что не следует удерживать в ложной вере соседний и благородный народ. Всеми средствами он усиленно трудился над тем, чтобы вывести [народ] на путь истинный, и то ласковым советом, то с помощью военного похода принуждал к этому, и на 30-м году своей имперской власти — ибо из королей он был произведен в императоры — добился, наконец, того, к чему не переставал стремиться много времени. И, как мы видим, те, которые некогда были союзниками и друзьями франков, стали уже [их] братьями и как бы единым [с ними] народом по христианской вере» (*там же*, кн. 1, гл. 14 и 15).

²⁷¹ Дуб Донара, бога-громовника в германской мифологии, находился близ городка Фрицлар, что в Северном Гессене. — *Прим. пер.*

²⁷² Гуншэн — почетное звание, которое давалось особо отличившимся сюцаям, и одной из привилегий обладателей этого звания являлось то, что они могли учиться в Государственном училище, вследствие чего большие возможности для сдачи последующих, уже провинциальных экзаменов; сюцай, доел, «выдающийся талант» — обиходное название низшей ученой степени шэньюань, дававшейся тем, кто выдержал уездно-областной экзамен.

²⁷³ Цзяньшэн — ученик Государственного училища, представлявшего собой учреждение, готовившее учеников к предстоящим провинциальным экзаменам, которые проходили раз в три года в Пекине, Нанькине и в провинциальных центрах. — *Прим. пер.*

«вынимай хворост из-под котла» — попросить кого-нибудь успокоить истцов, добиться от них заявления о прекращении дела, и концы в воду. К тому же мне думается, дело несерьезное». — «Не обязательно просить кого-нибудь, — заметил Ван Жэнь. — Мы сами сходим к Ван Сяо-эру и Хуан Мын-туну и договоримся с ними. Свинью надо вернуть Вану и сунуть немного серебра его брату на лечение ноги, а Хуану отдать вексель. За один день все и уладим». — «Вы правы, уважаемый шурина, но жена моего брата баба глупая, — возразил Янь Чжи-хэ, — а племянники сущие волки: ничьих советов не послушают. Разве они согласятся расстаться со свиньей и векселем?» — «Не говори, зять, об этом. Если невестка и племянники заупрямятся, придется тебе пострадать и выложить еще несколько лянов за свинью, а что касается векселя этого Хуана, то мы как посредники напишем ему бумагу, в которой признаем вексель недействительным. Вот тогда можно считать, что дело улажено». Наконец решение было принято, и все обошлось как нельзя лучше. Младшему Яню пришлось выложить из своего кармана с десятков лянов серебра, включая и расходы в ямыне, и дело было прекращено».

Данный отрывок взят из романа *Жулин вайши (Неофициальная история конфуцианцев)* У Цзин-цзы [1701—1754] (*У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Пер. с кит. Д. Воскресенского. М.: Худ. лит.-ра, 1959, с. 77—79*). Этот роман, как и *Сон в красном тереме* Цао Сюэциня, благодаря правдивому и критическому описанию общественной жизни считается классикой китайской литературы XVIII в.

Само стремление избежать непредсказуемого судебного разбирательства знакомо испокон веку и бытует повсюду. Уже в одном из текстов библиотеки Ашшурбанипала, царя Ассирии в 669 — ок. 633 гг. до н. э., дается близкий словам Ван Дэ, где тот ссылается на стратега 19, совет: «Тяжба сродни скрытой яме... При виде тяжбы убегай, сторонись ее. Но коль сам будешь в нее втянут, старайся загасить пламя раздора!»

19.35. Правопорядок при отсутствии науки логики

Всякий знает, пишет Дай Динцзянь в *Жэньминь жибао* (Пекин, 12.02.1998), что нашей стране недостает здоровой традиции правопорядка, хоть встарь китайское общество и славилось богатой культурой законотворчества и многочисленными уложениями. Но все это было лишь «орудием императорской власти», средством для властей держать в повиновении народ. Оно вовсе не служило народу для обуздания произвола со стороны государства. Поэтому император и был воплощением закона, он даже стоял над законом, а чиновники вертели законом, как хотели. Поэтому закон не пользовался уважением, а тем более признанием. Всего этого удостаивался император, но не закон. «Отсутствию должного влияния закона в старом Китае способствовало то обстоятельство, что все мыслители Среднего государства, за малым исключением, презирали умозрительные занятия, связанные с изучением мышления, иначе говоря, логики», — утверждает специалист по истории китайской правовой мысли, преподаватель университета в Сучжоу Фань Чжунсинь в статье «Чжун-си фа гуаньянь бицзяо» («Сравнение подходов к праву со стороны Китая и Запада»: журнал *Бицзяофа Яньцзю [Сравнительное изучение права]*. Пекин, № 3, 1987, с. 14).

Вот что говорил стоявший на позиции между конфуцианством и легизмом философ Сюнь-цзы об умственных «ухищрениях», которым предавались некоторые древнекитайские мыслители: «Не понимающему в этом все же ничто не мешает быть совершенным человеком (*цзюнь цзы*), а знающему в этом толк ничто не мешает быть ничтожным человеком (*сяо жэнь*)... Совершенный человек, ничего не понимающий в этом, все же может устроить порядок» (Сюнь-цзы, гл. 8 «Конфуцианский образец» [«Жу сяо»]). Эти «ухищрения», по мнению Сюнь-цзы, даже вредны: «Благоволящие этому ваны и гуны приводят в расстройство законы, а благоволящие к этому чины приводят в расстройство дела» Хань Фэй [288—233], крупнейший представитель школы законников (легистов), полагал: «Когда ухищренные рассуждения у всех на устах, теряют свою жизненность законы и установления». Сюнь-цзы и Хань Фэй осознавали, что стоит народу овладеть средствами логики, иначе говоря, «тонкостями мышления», то прикажут долго жить не обоснованные научно и не сформулированные точно законы. Вместо того чтобы внедрить эти средства ради улучшения законотворчества, они попросту отвергли логику. Это привело к тому, что даже в конце существования империи (1911) отсутствовало четкое разграничение между гражданским и уголовным правом и не существовало логически выстроенной системы правовых понятий. Таков, по мнению Фань Чжунсиня, печальный итог использования стратега «вытаскивания хвороста из очага», к которому прибегали китайские правители на протяжении веков.

19.30. Марксизм без классовой борьбы, Китай без марксизма

Незадолго до кончины Мао Цзэдуна, 13.08.1976, партийная пекинская газета *Жэньминь жибао* напечатала статью группы критиков из Пекинского университета и университета Цинхуа (Пекин). Заголовок был многообещающим: «Разоблачение бесчестных уловок [«гуйюй цзилян»] Дэн Сяопина по искажению указаний председателя Мао». В этой статье Дэн Сяопина уличали в использовании стратега 19 по идеологическим соображениям:

«Посредством эклектики и словесных ухищрений Дэн Сяопин пытался выхолостить классовое содержание указаний председателя Мао, выветрить из них революционный дух и лишить их революционной остроты... Для осуществления своей ревизионистской программы Дэн Сяопин состряпал три вредных документа «О всеобщей программе по совместной работе партии и народа», «По поводу научно-технической работы» и «По поводу ускорения промышленного развития». Общее у этих ядовитых сорняков — огромное количество цитат из произведений революционных вождей для подкрепления доводов, которые подводит Дэн Сяопин под свою ревизионистскую линию. Как это бывает, под личиной преданности марксизму на самом деле проповедуется полный отход от него. В первом документе приводится пятьдесят цитат Маркса, Ленина и председателя Мао. Вторая часть отредактированного наброска второго документа, озаглавленная «Решительно и всеобъемлюще проводить революционную линию председателя Мао в области науки и техники», состоит из десяти разделов, где почти исключительно цитируется председатель Мао. Первая часть отредактированного наброска под названием «Всесторонне проводить линию председателя Мао, касающуюся промышленного производства» также напичкана выдержками из председателя Мао... Однако во всех этих текстах нет ни единого слова о необходимости борьбы с партийными руководителями, исповедующими капиталистический путь развития, о необходимости установления полной диктатуры пролетариата над буржуазией и о необходимости усиления критики и ограничения буржуазных привилегий. Замалчивание всех этих указаний председателя Мао равносильно отрицанию самой сути учения Мао, а именно классовой борьбы в период социализма. Отбрасывание классовой борьбы, этого основного звена, опять же равносильно выхолащиванию самого духа теории председателя Мао относительно продолжения революции при диктатуре пролетариата. Сколь омерзительна эта контрреволюционная уловка «вытаскивания хвороста из очага!» (См. также 25.14.)

В эпоху Дэн Сяопина (1978—1997) марксизм отнюдь не был отброшен, но, как и прежде, составлял духовную основу политики Китайской Народной Республики, где и теперь единолично правила КПК, то есть Коммунистическая (а не Конфуцианская или Капиталистическая) партия Китая. Ведущую роль признанного в Китае марксизма, названного мной ввиду его китайской специфики «синомарксизмом», мне уже приходилось показывать (см.: *Харро фон Зенгер*. Введение в китайское право [«Einführung in das chinesische Recht»]. Мюнхен, 1994, с. 207 и след.). Даже от «классовой борьбы» в Китае полностью не отказались, лишь вместо главного противоречия ее перевели на положение второстепенного (см. 18.17). Приверженность марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна и после смерти Дэн Сяопина (1997) относится к четырем основным принципам, закрепленным в китайской Конституции. После «культурной революции» (1966—1976) уже Дэн Сяопин и его приверженцы упрекали в использовании стратагеми 19 критиков государственного строя, например, физика Фан Личжи (род. 1936), порой именуемого «китайским Сахаровым»: «Те, кто упрямо держится позиции буржуазной либерализации, в своих нападках на четыре основных принципа рьяно критикуют марксизм. Когда после исключения Фан Личжи из Коммунистической партии Китая один из журналистов на Западе спросил его о ближайших задачах, тот без обиняков ответил: борьба с марксизмом, — писала о нем *Гуанмин жибао*. — Он полагает, что для осуществления своей реакционной идеи озападничивания Китая недостаточно выступал против марксизма и поэтому должен для вытаскивания хвороста из-под котла все свои силы сосредоточить на борьбе с марксизмом, то есть с теоретической основой социализма. Все это подается под таким соусом: марксизм изжил себя, он закоснел, представляет лишь одну из многих истин, подходящих для политики, но никак не для науки и т. д... Но если откинуть марксизм, где взять теоретическую основу для следования по социалистическому пути, для приверженности демократической диктатуре народа и руководству Коммунистической партии Китая?» (*Гуанмин жибао*. Пекин, 22.07.1989, с. 3).

Сколь чуждыми ни представлялись бы европейцам подобные рассуждения, тем не менее их сердцу, несомненно, близки, хоть и сказанные по иному поводу, слова: «Терпимость — это секира при корне веры» [«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Мф 3:10] (из читательской почты: *Kirchenbote der Urkantone/Zug*. Базель, № 6, июнь 1996, с. 12).

19.37. Сухие факты, готовые новости

Неудобные факты, которые трудно скрыть, можно без труда обезвредить, представив их просто голословными утверждениями и тем самым придав им относительный характер. Вот что пишет Сэмюэль Ф. Хантингтон (Huntington): «Сравнивая решительность Запада в отношении Ирака с его же неспособностью защитить боснийских мусульман от сербов или применить санкции против Израиля за несоблюдение там резолюций ООН, мусульмане упрекают Запад в двойной морали» (*Samuel P. Huntington*. *The Clash of Civilisations*; на рус. яз.: «Столкновение цивилизаций» // журнал «Полис», № 1, 1994). Посредством слова «упрекают» вместо «мусульмане указывают на двойной стандарт Запада» или «на самом деле Запад зачастую пользуется двойным стандартом» Хантингтон лишает представляемые мусульманами факты их убедительности. И то, что сообщают мусульмане, предстает пристрастным взглядом, не заслуживающим особого внимания.

Так называемые «готовые новости» сорвал представитель американского правительства для связи с общественностью Майк Мак-Карри (McCurry), поскольку администрация США известила о сенсационной новости из разряда тех, за которыми столь усердно гоняются, еще до того, как «бомба» должна была разорваться в вечерних новостях одной телевизионной компании (Thomas Rust: «Wie man die Medien zahmt: Besprechung des Buches *Spin Cycle: Inside the Clinton Propaganda Machine*». *Tages-Angezeiger*. Цюрих, 14.03.1998, с. 5).

19.38. Выставить в неприглядном свете благородные помыслы

Своим страгемным разбором западной критики положения с правами человека (см. Введение, § 17) официальные китайские власти «разоблачают» перед своим достаточно восприимчивым к уловкам и посему в этой области легко внушаемым народом «истинные намерения», которые скрываются за столь благозвучной и благообразной с виду западной критикой положения с правами человека. А если за внешне «благообразным» поведением Запада скрываются «худые намерения», западная критика положения с правами человека в Китае для многих китайцев теряет убедительность и действенность, по сути оказываясь стрельбой по воробьям. Примечателен, но ввиду свойственной Западу, пусть не всюду, глухоты к хитрости уже не вызывает удивления тот факт, что именно американцы, похоже, не замечают страгемной составляющей в отношении китайцев к вопросу о правах человека, не вникая в суть происходящего.

Разумеется, подобное использование страгемы 19 не ограничивается только Китаем. На Западе ее зачастую воспринимают иначе, характеризуя словами вроде «умаления» или утверждая, что то-то и то-то вовсе не служит провозглашаемой цели. Для пояснения можно привести две выдержки. «Психологически многоплановый лагерный роман *В первом круге* умалется [Дональдом М. Томасом (Thomas)] до положения политического памфлета [следующими словами]: «В первую голову Солженицын старается доказать, что коммунизм — это изобретение дьявола и его следует выжигать каленым железом», — пишет Ульрих М. Шмид (Schmid) в своем отзыве на биографию Солженицына, написанную Дональдом М. Томасом (*Новая цюрихская газета*, 22—23.08.1998, с. 98). Иначе говоря, солженицынский роман, поскольку это всего лишь антикоммунистический памфлет, не следует воспринимать всерьез как своего рода документ о тех ужасах, что творились в сталинскую и постсталинскую эпоху. И госпожа Сара Вагенкнехт (Wagenknecht), член представленной в немецком бундестаге Партии демократического социализма, в одной из телевизионных бесед на канале *3sat* 6.08.1998 говорила, что совершенные в Советском Союзе преступления «раздуваются» в *Черной книге коммунизма* (изд. Стефаном Куртуа (Courtois) и др. Мюнхен—Цюрих, 1998; [на рус. яз.: Стефан Куртуа, Никола Верт, Жан-Луи Панне, Анджей Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Марголен. *Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии*. Пер. с фр. М.: «Три века истории», 1999]) ради единственной политической цели — пресечения всяких разговоров об альтернативах капиталистическому пути развития» (*Новая цюрихская газета*, 10.08.1998, с. 28). Попросту говоря, *Черная книга* как бы отмечает критическое отношение к капитализму, и поэтому не стоит ее читать.

В подобных случаях лишения убедительности доводов противной стороны достигают отвлечением внимания от действительно преследуемых и, естественно, выдаваемых за благородные помыслы скрывающимся за ними якобы «истинным» и, естественно, предосудительным или смехотворным намерениям. При этом не оспаривают саму высказываемую идею, а просто лишают ее притягательной силы или веса указанием на ее «внеположенную заданность (außertheoretischen Funktionalität)» (Карл Мангейм (Mannheim) [*Das Problem einer Soziologie des Wissens*], 1925]). Иначе говоря, делается намек на скрытую цель, которой якобы служит сама идея, и таким образом идея теряет свою практическую действенность. Совершенно очевидно, что подобный, направленный на лишение силы [доводов оппонента] страгемный анализ может бить в самую точку, но может и промахиваться или выставлять в дурном свете действия, совершаемые из лучших побуждений.

Туда же метит при политических спорах дискредитация оппонента или поведение, при котором доводы противоположной стороны оспариваются не по существу, а навешиванием ярлыков вроде «левопопулистские», «правопопулистские», «сталинские», «фашистские», «расистские», «демагогические» и т. п. Кто захочет вести спор по существу с тем, кого заклеили, скажем, «популистом»? Да к нему и прислушиваться-то не будут! Так что омерзительное клеймение оппонентов оказывается крайне успешным вариантом использования страгемы 19 по лишению силы [доводов оппонента], во всяком случае, действуя на простаков, готовых верить всяким небылицам.

19.39. Высокопарность Астрид Линдгрен и Режи Дебре

В статье по поводу девяностолетия всемирно известной шведской детской писательницы Герда Вурценбергер (Wurzenberger) отдала должное умению писательницы привлекать внимание общественности

к поднимаемым ею недетским вопросам и тому, как она при этом, вполне в духе стратагемы 19, могла заранее обезоружить своих оппонентов: «Астрид Линдгрэн использовала любую подвернувшуюся ей возможность публичного выступления по поводу своей жизни и своего творчества для проповеди собственных взглядов на воспитание детей... Например, при вручении ей Премии мира на немецкой книжной ярмарке 1978 г. она недвусмысленно высказалась за ненасильственную, но отнюдь не за отрицающую авторитеты педагогику. Возможные возражения в конце своей речи она отмела тем, что свои собственные упования на воспитание миролюбивого поколения высмеяла как наивные мечты детской писательницы. Только таким образом, прячась под покровом детской литературы, она могла быть уверена, что к ней прислушаются». С 70-х гг. Астрид Линдгрэн в родной Швеции все больше предстает в роли некоего нравственного арбитра, оказывая влияние даже на принятие политических решений. «То, что вопреки собственному желанию — вынуждаемая неприглядной действительностью — она выступает как актриса, как раз характерно для общественной деятельности Астрид Линдгрэн. Ведь такое поведение не дает повода ее в чем-то заподозрить и тем самым препятствует открытому оспариванию взглядов популярной детской писательницы, известной своим трепетным отношением к природе. Таким способом она неизменно оказывает влияние на налоговую политику и законодательство по охране животных в своей стране» (*Новая цюрихская газета*, 14.11.1997, с. 45).

Бывшего соратника Че Гевары, а затем советника Франсуа Миттерана Режи Дебре (Debray) в одной из рецензий на его книгу *Loués soient nos seigneurs: une éducation politique* (Париж, 1996) упрекают в «подлой» риторике, с помощью которой он заранее ставит препоны всякой дискуссии: «мне возражат...», «злые языки станут утверждать...» (*Новая цюрихская газета*, 9.09.1996, с. 33). Против критики экономистов Пэт Бьюкенен (Buchanan) обезопасил себя в своей книге *The Great Betrayal* (Бостон, 1998) «риторическим приемом, что его здесь не заботит экономический анализ» («Pat Buchanans Tirade gegen den Freihandel: Plattform eines nationalistischen Präsidentschaftskandidaten» [Отповедь Пэта Бьюкенена свободной торговле: платформа националистически настроенного кандидата в президенты]: *Новая цюрихская газета*, 5.06.1998, с. 83). Так называемые закулисные переговоры, которые вел с редакторами телевидения и крупнейших швейцарских газет Даниель Экманн (Eckmann), заведующий отделом печати, с 1997 г. именуемый «представителем по связям с общественностью» президента Швейцарии Каспара Виллигера, служили на первый взгляд простому обмену мнениями. За такой близостью отношений скрывался свой расчет: она должна была «попридержать языки тех, кто формирует общественное мнение» (*Die Weltwoche*. Цюрих, 27.03.1993, с. 2).

Если кого-то застанут за чем-то неподобающим, обескуражить неожиданного свидетеля и разрядить обстановку зачастую помогает полная откровенность, а не судорожная попытка отрицать или приуменьшать свою вину либо обвинять свидетеля в нечестных приемах. Приблизительно такое же поведение оказывается верным и в отношении собственных неудач перед другими. Если самокритика (возможно, даже чрезмерная, см. стратагему 34) в соответствии со стратагемой 19 позволяет разрядить обстановку, то самооправдание вызывает скорее обратную реакцию, оно выступает наподобие подливаемого в огонь масла. Порой лучше всего бывает вообще на некоторое время убраться с глаз долой.

В своих воспоминаниях генерал Фэн Юйсян (1882—1948), которому, кстати, в 1924 г. довелось изгонять свергнутого в 1911 г. последнего китайского императора, рассказывает о предпринятой им в 1926 г. поездке в Москву. Эта поездка дала ему возможность на некоторое время покинуть раздираемый смутой Китай, к разжиганию которой он тоже был причастен. «Благодаря моему уходу, возможно, убавится углей под котлом, так что пламя раздоров немного утихнет», — вспоминает свои размышления перед поездкой в Россию Фэн Юйсян. При более безобидном стечении обстоятельств удачная шутка может разрядить создавшееся напряжение. «Раскусить и обработать всякого гостя можно посредством дружелюбия», — сказал Герман Барайс (Bereiss) на 14-м круглом столе гастрономов и журналистов в [деревушке] Миттельталь, что в земле Баден-Вюртемберг близ курорта Байерсбронн в северной части Шварцвальда (*Badische Zeitung*. Фрейбург, 22.04.1998).

19.40. После встречного предложения карточный домик рухнул

Однажды в скобяную лавку заглянул заезжий коммивояжер и попытался сбыть там очистительный фильтр. Но поскольку это был неходовой товар, то владелец ни в какую не желал его брать. Через пару дней туда заявился оптовик, пожелавший приобрести такой фильтр и даже по более высокой цене. Он желал выплатить всю сумму в 20 000 юаней наличными и по возможности скорее получить товар. Он то и дело повторял: «Я каждый день буду к вам наведываться. Как только товар появится, мы и рассчитаемся». Эти слова насторожили хозяина, и у него закралось подозрение: «А не хитрят ли со мной?» Ведь с недавних пор участились обманы, когда вначале коммивояжер расхваливает какой-то товар, после чего объявляется оптовик, якобы желающий его приобрести. Тем самым хозяина побуждают включить этот товар в свой ассортимент. Чтобы развеять сомнения, лавочник мягко возразил: «По цене, что вы предлагаете, я окажусь внакладе. Сделаем вот что: вы платите мне 400 юаней, а я, так и быть, сообщу вам адрес коммивояжера, у

которого вы можете приобрести фильтр напрямую и по отпускной цене». «Оптовик» поспешно ответил: «У меня нет с собой наличности. Я приду завтра». Естественно, его больше не видели. Эта история рассказана на страницах выходящего в Нань-цзине *Вестника услуг [Фуу даобао]*, выпустившего в 1996 г. серию статей «36 стратагем сегодня». Своим ловким предложением владелец лавки спутал карты мнимому оптовому и не дал себя надуть.

19.41. Письмо, прямиком идущее в печь

Однажды военный министр Стэнтон (1814—1869), прямой, но вспыльчивый человек, пожаловался президенту Линкольну на одного генерала. Стэнтон обвинял его в оскорблении подчиненных и невоздержанности в словах. Линкольн предложил Стэнтону тотчас написать генералу письмо. «Пишите, — сказал президент, — пока все еще кипит внутри вас. Не сдерживайте себя! Не жалейте хлестких выражений в его адрес! Вздуйте его хорошенько!» Стэнтон быстро составил крайне острое послание и передал его президенту. «Отлично, просто замечательно! — восклицал, читая, Линкольн. — Восхитительно! Бесподобно! Я так себе и представлял это письмо. Вы просто изничтожили парня! Написано отменно, Стэнтон!» Обиженный министр сиял. Он взял письмо и положил его в карман. «Ну, а что теперь?» — поинтересовался президент. «Как что, отправлю». И тут Линкольн, улыбаясь, хлопнул его по плечу: «Не торопитесь! Такого рода письмо вы не можете послать. Бросьте-ка его в печь! Так я поступаю со всеми письмами, что приходится писать в гневе. В этом письме вы дали излиться своей желчи. Вы писали его с такой радостью. Вы облегчили душу, и теперь вам значительно лучше. Письмо уже сослужило свою службу. Так что сожгите его и напишите новое!»

Этот случай я нашел в *Собрании шуток, басен, анекдотов (Witze, Fabeln, Anekdoten-handbuch)*, составленном Эберхардом Пунчем (Puntsch, род. 1926) (5-е изд. Мюнхен, 1976), и в разделе о Линкольне в книге Рудольфа Вальтера Ланга (Lang) *Geh mir aus der Sonne, König: Menschen und Zeiten im Spiegel der Anekdote* (Не заслоняй мне солнца, царь: люди и время в зеркале анекдота) (Мюнхен, 1968). Для уяснения стратагемного содержания подобного эпизода мне потребовался и китайский сочинитель. Им оказался Шу Чжи, который отнес его в своей книге *36 стратагем и современный образ жизни* (Гуанчжоу, 1995) к стратагеме 19z Рассерженный человек ищет что-то, на чем можно сорвать свой гнев. Это служит своеобразным громоотводом. Если в качестве громоотвода окажется человек, его это, естественно, расстроит. Поэтому в следующий раз следуйте совету Линкольна и с помощью письма выбросьте угли из-под котла своих чувств. «Тем самым, во-первых, вы никого не обидите, а во-вторых, достигнете желаемого, то есть успокоите свои чувства».

19.42. Дабы не играть с огнем, лучше его совсем не разжигать

После основания Лю Баном (около 256—195 до н. э.) ханьской династии (206 до н. э. — 220 н. э.) при вдовствующей императрице [Люй-хоу, прозванной] Гао-хоу (правила [вместо двух малолетних наследников] в 187—180 гг. до н. э., [а фактически со дня смерти мужа, т. е. с 195 г. до н. э.]) прежние его соратники, которых тот поставил во главе княжеских уделов, были смещены в угоду родственникам основателя династии. Одним из них был Лю Пи (216—154 до н. э.), племянник Лю Бана. Он стал правителем удела У ([который пожаловал ему в 195 до н. э. после подавления мятежа своего бывшего соратника Ин Бу сам Лю Бан] на территории современных провинций Цзянсу, Аньхой и Чжэцзян). Это княжество располагалось на самых удаленных от столицы землях, где в изобилии выплавлялась медь и выпаривалась из морской воды соль, а также чеканилась монета. При императорах (Сяо) Вэнь-ди (правил 179—157 гг. до н. э.) и (Сяо) Цзин-ди (правил 157—141 гг. до н. э.) их советники Цзя И (200—168 до н. э.) и Чао Цо (200—154 до н. э.) предлагали ограничить чрезмерную власть удельных князей. Действительно, уский правитель Лю Пи уже издавна вынашивал замысел восстания против императора. Эта затея не нравилась Мэй Чэну (ум. 140 до н. э.), советнику Лю Пи. В докладной записке, о которой сообщает в своей *Истории [династии] Хань* Бань Гу (32—92), Мэй Чэн писал, среди прочего, следующее:

«Я слышал, что подданному, безукоризненно служащему своему повелителю, обеспечено преуспевание, тогда как тому, кто запятнал имя безукоризненного слуги своего господина, грозит полное крушение... Ежели препятствовать тому, чтобы горькие слова доходили до ушей, лучше всего не произносить таких слов. Ежели препятствовать тому, чтобы ведали о горьких делах, лучше всего не совершать таких дел. Ежели, желая остудить горячую воду, доведенную одним до кипения, призовут сто человек ее помешивать, пользы не будет. Не лучше ли перекрыть доступ хвороста и затушить пламя [цзюэ-синь чжи-хо]...» (*Хань шу*, 51 гл.).

Итак, Мэй Чэн советует ускому правителю держаться подальше от возможной опасности восстания, то есть не затевать его. Ибо стоит сделать шаг к возмущению, и в случае неудачи даже сотня помешивающих кипящую воду не поможет затушить грозящий ускому правителю пожар возмездия. Лю Пи, уский князь,

однако, не внял совету Мэй Чэна. Ведь император замыслил по наущению Чао Цо отобрать у него важнейшие земли. В 154 г. до н. э. разразилось восстание «семи княжеств» [У, Чу, Цзяоси, Цзяодун, Цзычуань, Цзинань, Чжао]. Одним из руководителей мятежников был Лю Пи, уский правитель. Напрасно вновь увещевал его Мэй Чэн. Мятеж был подавлен за три месяца императорским военачальником Чжоу Яфу (ум. 143 г. до н. э.), а Лю Пи погиб.

Совет Мэй Чэна продолжает жить и ныне в виде пословицы «Не хочешь огласки, не делай» («яо сян жэнь бу чжи, чуфэй цзи бу вэй»). Это правило напоминает выражение Лао-Цзы «Принимай меры, пока еще не произошло событие» (*Дао дэ цзин*, гл. 64 [пер. А. Лукьянова: *Лукьянов А. Лао-Цзы и Конфуций: философия Дао*. М.: Восточная литература РАН, 2001, с. 201]), всплывая то и дело в комментариях по поводу внутривластных событий в Китае. Так, современный автор Ху Юн пишет: «Немало продажных чиновников оказываются так называемыми «хитрюгами», в своем самодовольстве мнящими, что могут пускать пыль в глаза общественности. Но ведь в Китае не забыта старая поговорка: «Не хочешь огласки, не делай!» Для этих продажных людей, чьи неблагоприятные дела предаются огласке, верны слова: «Все ваше пронырство выйдет вам боком, даже если вас не уличили в ваших кознях» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 12.10.1993). Сунь Лисянь тоже полагает, что стремление замаять неприглядные дела может существенно затруднить раскрытие случаев коррупции, подстрекая многих преступников к рискованным предприятиям. «Однако в итоге совершаемым скрытно мошенничествам приходит конец. «Не хотите огласки, не делайте». Все в мире оставляет след... Нам следует только добросовестно действовать, и тогда все тайные случаи коррупции откроются и виновные понесут заслуженное наказание» (*Китайская молодежь [Чжунго циньянь бао]*, печатный орган Коммунистического союза молодежи. Пекин, 2.10.1996).

Когда Хиллари Клинтон в конце января 1998 г. стала на защиту своего мужа, президента США, обвинявшегося в сексуальных домогательствах, она сказала: «Не обязательно, где дым, там и огонь». У китайцев есть два противоположных выражения: «Нет волн без ветра» [«у фэн, бу цзи лян»] и «нет дыма без огня» [«у хо, би у янь»]. Коль не хочешь допустить дыма, не разводи огня, большого или малого, а в качестве лучшей меры предосторожности против собственных рискованных действий используй стратегию 19. И если все же где-то появится дым, то знай, что поджигатель воспользовался стратегией 7 и его можно вывести на чистую воду.

19.43. Остывшая было зола разгорелась вновь

В последние годы, негодуя Фэй Инцю в шанхайской *Вэньхуэй бао* 13-02.1997, раздаются голоса, ратующие за то, чтобы конфуцианство и проповедуемые им три устоя [«сань ган»] (власть правителя над его подданными, отца над сыном и мужа над женой [т. е. государь является «устоем» для сановника, отец — для сына, а муж — для жены]) и пять постоянств (добродетелей) [«у чан»] (гуманность [«жэнь»], должная справедливость [«и»], этико-ритуальная благопристойность [«ли»], разумность [«чжи»] и благонадежность [«синь»]) отнесли к тем ценностям духовной культуры, которую ныне надлежит возводить в Китае. Конечно, по мировым меркам, пять постоянств принадлежат к духовному достоянию китайского народа, однако воспитывать подрастающее для модернизации Китая поколение в духе этих добродетелей все же негоже. Именно оттого, что основывающаяся на этих трех устоях и пяти постоянствах мораль еще не до конца выкорчевана в Китае, при благоприятных условиях она может способствовать тому, чтобы «остывшая было зола разгорелась вновь» [«сы хуэй фу жань»]. Как раз потому, что сознание китайского народа слишком уж пронизано духом этих пяти добродетелей, а также вследствие долгой истории феодальных отношений, было бы неверно при создании духовной культуры в условиях нынешней рыночной экономики цепляться за этические нормы традиционной китайской культуры. Глядя на мир, видишь, что Китаю недостает не домостроевских (интравертных) нравственных норм в смысле трех устоев и пяти постоянств, а открытых миру (экстравертных), способствующих научно-техническому прогрессу, общественному развитию и национальному процветанию этических норм, которые по-настоящему еще не взрастали на китайской почве. Речь идет о благоприятствующих деятельности и инициативе этических нормах наподобие готовности рисковать, чувства ответственности, состязательности и равноправия.

Эти размышления примечательны в отношении стратегии 19 тем, что вызывают в памяти идущее из глубины веков от жившего две тысячи лет назад историка Сыма Цяня (145 или 135 — ок. 86 до н. э.) крылатое выражение «остывшая было зола разгорелась вновь». Пройти мимо этой возможности использования стратегии 19 в долгосрочной перспективе нельзя.

Стратегия № 20. Мутить воду, чтобы поймать рыбу

Четыре иероглифа	混	水	摸	魚
------------------	---	---	---	---

Современное китайское чтение	хунь	шуй	мо	юй
Перевод каждого иероглифа	Мутить баламутить	вода	ловить	рыба
Связный перевод	1. Мутить воду, чтобы поймать рыбу. 2. Ловить рыбу в мутной воде.			
Сущность	1. Мутить воду, чтобы затем спокойно ловить лишенную хорошей видимости и жадно хватающую воздух рыбу; искусственно создать неразбериху или запутать обстановку, чтобы незаметно для других/ без лишних хлопот/без большого риска извлечь для себя выгоду (например, чтобы обезопасить себя от неуютно чувствующего себя в такой обстановке противника/чтобы добиться положения и т. д.). Стратегема создания и использования неразберихи. 2. Ловить рыбу в уже взбаламученной воде; использовать для собственной / чужой выгоды возникшее само неясное / путаное положение. Стратегема создания или использования неясности / путаности / неразберихи. Стратегема взбаламучивания; стратегема путаницы; стратегема неразберихи.			

20.1. Форель

В светлом ручейке резвась,

Летала, как стрела, веселая форель.

Я стоял на берегу и с умилением наблюдал

За купанием проворной рыбки в чистом ручейке.

Один рыбак с удочкой стоял на берегу И бесстрастно наблюдал, как вертелась рыбка. Покуда вода достаточно прозрачна, думал я, Рыбаку не поймать на свой крючок форель.

Однако, видать, прохвосту надоело терять время. Он замутил воду ручья, и не успел я опомниться, Как рыбка трепыхалась на его крючке, И я взволнованно смотрел на обманутое создание.

Это стихотворение под названием «Форель» Христиана Фридриха Даниеля Шубарта (1739—1791) прославилось благодаря Францу Шуберту (1797—1828), естественно, не из-за своего стратегемного содержания, а переложением на прекрасную музыку. О замутнении воды, к которому прибег рыбак, повествует и Оноре де Бальзак в своем романе *Баламутка* (1841 — 1842)²⁷⁴, действие которого происходит в 1793 — 1840-х годах. Детский труд был весьма распространен в то время, а работа баламутки, давшей название роману, была самой презренной. Девочка должна была мутить воду в ручьях, вспугивая рыбу и крабов и загоняя их в рыбацкие сети.

Стихотворение «Форель» показывает одну из двух разновидностей стратегемы 20, когда сами мутят воду для ловли рыбы, т. е. совершают два действия, где первое служит предпосылкой второго. Согласно второй разновидности стратегемы 20, воду мутит не сам проводник стратегемы. Это происходит по не зависящим от него причинам, так что проводник стратегемы ограничивается одним действием: он извлекает выгоду из замутнения воды.

В китайском языке встречается много весьма примечательных выражений по поводу замутнения воды:

«хунь сяо ши тин»: доел, «мутить зрение и слух»; вводить в заблуждение общественность/общественное мнение; затруднять правильную оценку положения;

«юй-му хунь-чжу»: доел, «рыбий глаз путать с жемчужиной»; путать фальшивое с настоящим/ложь с

²⁷⁴ В русском переводе сохранилось первоначальное название романа «Жизнь холостяка»; новое заглавие предназначалось для второго издания «Человеческой комедии», не осуществившегося при жизни писателя. — *Прим. пер.*

правдой;

«и цзя луань чжэнь»: выдать ложь за правду; подсунуть фальшивое вместо настоящего;

«юй лун хун цза»: доел, «смешались рыбы и драконы», образно в значении «перемешалось хорошее и плохое».

Особенно мне запомнилось высказывание, которое привел в 1977 г. в Пекинском университете мой тогдашний сосед по комнате Дун Шихуа:

«суй-суй ши-ши»: доел, «пустой и полный», иначе «мнимый и действительный»; снабжать противника то ложными, то верными сведениями, чтобы сбить его с толку.

Под «мутной водой» может подразумеваться целый городской квартал с большим числом проживающих там с семьями незарегистрированных сезонных рабочих, где «рыбой» оказываются становящиеся легкой добычей торговцев людьми дети (*Китайская молодежь [Чжунго циннянь бао]*. Пекин, 11.06.1999, с. 1). Согласно другим современным публикациям китайской прессы, в качестве «мутной воды» выступают:

— крайне запутанные, достаточно внятно не регулируемые законом хозяйственные и управленческие структуры;

— неясности с ценообразованием ввиду временного сосуществования свободных рыночных и жестких государственных цен;

— плохо поставленный учет сырья на предприятиях;

— еще не отрегулированный рынок интимных услуг;

— мошенничество в сфере услуг цигун, где цигун — это традиционная китайская оздоровительная и дыхательная гимнастика;

— предвзятость, а значит, «неясность» оспариваемых политическими противниками оценок состояния дел;

— основные политические понятия и представления, запутываемые политическими противниками;

— а также особо сложные середина и окончание партии в китайских облавных шашках — поэтому неудивительно название монографии *Мутить воду и ловить рыбу* (Изд. «Жэньминь тиюн», [серия «Военное искусство» («Бинфа цуншу»)]²⁷⁵ Чанпин 1994, 150 000 знаков, 213 с.).

«Пойманная рыба» может обозначать многое, в том числе всевозможную материальную выгоду, устранение противника, положение и почет, фальшивомонетничество (в самом широком смысле слова), возможность скрытых действий и выигрыш времени. Порой недвусмысленно дают понять, что скрывается под «пойманной рыбой», а порой заставляют самого читателя домыслить, что подразумевается под рыбой, как, например, в следующей песенке, высмеивающей во время китайской освободительной войны против японских захватчиков прояпонски настроенного генерала Хэ Инциня (1890—1987): «Хэ Инцинь без устали гнет шею. Он ловит рыбку в мутной водиче и припас еще не одну уловку. Он жрет китайский рис, а вот душой льнет к сильной [японской] императорской армии».

Не в последнюю очередь «рыба» может служить для душевной разрядки. «Японские мегаполисы предлагают заядлым рыболовам видимость ужения в «цурибори»²⁷⁶, искусственном, зачастую мутном водоеме, изобилующем карпом». Здесь вполне можно говорить об «удовольствии половить рыбу в мутной воде» (*Новая цюрихская газета*, 13—14.01.1990, с. 82). Но эту забаву, памятуя о заключенном там двояком смысле, можно представить и в метафорически стратагемном ключе (см. 20.5).

Стратагема 20 весьма походит на стратагему 5, но все же отличается от нее. У стратагемы 5 «грабить во время пожара» ее жертве непосредственно грозит смертельная угроза. Здесь на кону стоит жизнь и/или добро ее родных и близких. Такое, угрожающее жизни бедственное положение, если следовать определению стратагемы 5, сам проводник стратагемы не создает, а лишь «использует». Иначе развиваются события при

²⁷⁵ В этой серии по облавным шашкам вышли книги, посвященные еще четырем стратагемам: 13 (1993), 15 (1993), 21 (1993), 5 (1995). — *Прим. пер.*

²⁷⁶ Цурибори — рыбный пруд, где разводимую рыбу можно удить за плату. — *Прим. пер.*

стратагеме 20 — замутнение воды вызывает или сам проводник стратагемы, или какая-то сторонняя сила. И в бедственном положении оказывается не сама жертва, а ее окружение. Непосредственного вмешательства в жизнь жертвы не происходит. Лишь вследствие разлада в окружающей обстановке она оказывается в бедственном положении. Таким образом, стратагемы 20 и 5 различаются прежде всего долей выпадающих на саму жертву невзгод. Разумеется, китайские тексты дают примеры и того, как разлад в душевное состояние жертвы, т. е. непосредственное влияние на нее, вносит и стратагема 20. Но душевный разлад вовсе не является «пожаром». Здесь не достигается силы воздействия стратагемы 5. При разграничении обеих стратагем заслуживает внимания то не бросающееся в глаза обстоятельство, что «пожар» затрагивает конкретного оппонента, а не случайно подвернувшихся, как это порой случается при «замутнении воды», людей (см., например, 20.17).

20.2. Эллинский рыбак в китайских водах?

«В мутной воде легко ловится рыба» — так гласит народная южнокитайская поговорка. Сообщает же о ней Фань Инь в своем изданном в 1882 г. сборнике *Юэские поговорки* [«Юэ янь»] (историческая область Юэ соответствует нынешним провинциям Цзянсу и Чжэцзян). Любители древнегреческой литературы, пожалуй, вспомнят здесь басню, приписываемую легендарному греческому поэту Эзопу (VI в. до н. э.), которую, кстати, я встретил в китайском издании басен Эзопа (Пекин, 1981):

«Рыбак ловил рыбу в реке. Он растянул свой невод, чтобы перегородить течение от берега до берега, а потом привязал к веревке камень и стал им бить по воде, пугая рыбу, чтобы та, спасаясь бегством, неожиданно попала в сети. Кто-то из местных жителей увидел его за таким занятием и стал его бранить за то, что он мутит реку и не дает им пить чистую воду. Ответил рыбак: «Но ведь если бы не мутил я реку, то пришлось бы мне с голоду помереть!» Так и демагогам в государствах тогда живется лучше всего, когда им удастся завести в отечестве смуту» («Басни основного эзоповского сборника», 26. «Рыбак» //

Античная басня. Пер. с греческого и латинского М. Гаспарова. М.: Худ. лит., 1991).

Содержание этой басни отражает выражение «ловить рыбу в мутной воде», засвидетельствованное в немецком языке с XVI в. Вообще это выражение получило широкое распространение по всей Европе. Самое раннее его упоминание мы встречаем в книге Уолтера Мэна (Mar, ок. 1140 — ок. 1209) *Придворные безделушки* (De Nugis Curialium, 1182—1192, на лат. яз.), появившейся в конце XII в. в Англии: «In aqua turbida piscatur uberius» («в мутной воде рыбы ловится больше»). Об этом сообщает Луц Рерих (Röhrich, род. 1922) в *Словаре пословиц* (Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten, т. 5, 4-е изд., Фрейбург, 1999, с. 1646 и след.), добавляя следующее: «Пословица связана со старым приемом рыбаков мутить воду при ловле угрей, который уже встречается в Древней Греции», где, впрочем, каракатица считалась олицетворением хитрого животного. Ведь она «мутила» вокруг себя воду и занималась ужением ничего не подозревающих жертв с помощью своих невидимых щупальцев.

Басни Эзопа относятся к самым первым западным сочинениям, переведенным на китайский язык. После переложения иезуитами — итальянцем Маттео Риччи ([прозванным китайцами Ли Мадоу], 1552—1610) в 1608 г. и [испанцем] Диего де Пантохой (1571—1618) в 1614 г. отдельных басен Эзопа на китайский в 1625 г. в Сиани (на территории современной провинции Шэньси) появилось первое издание собрания 22 басен Эзопа на китайском языке. Иезуит француз Никола Триго (1577—1628) переводил их устно, а сидящий подле него китаец записывал. В 1840 г. в Гуандуне было выпущено собрание 82 басен Эзопа, переведенных англичанином Робертом Томом (Thorn, 1807—1846). О популярности эзоповских басен в Китае говорят появляющиеся с завидной регулярностью новые с цветными иллюстрациями издания. Даже Мао Цзэдун, не часто обращавшийся к древнегреческой литературе, почти дословно привел одну басню Эзопа в написанной 30 декабря 1948 г. для агентства Синьхуа новогодней статье (см. 21.1, 2е).

Я заинтересовался, входил ли в состав изданных в 1625 г. эзоповских басен «Рыбак». Мои изыскания, при проведении которых я опирался на помощь Гэ Баоцюаня (1913—2000), лучшего знатока того, как происходило усвоение на китайской почве басен Эзопа, в ту пору (1999) почетного советника Союза китайских писателей, дали отрицательный ответ. Басня «Рыбак» была переведена на китайский язык недавно. Так что она не могла повлиять на определение стратагемы 20.

Удивительное сходство между стратагемой 20 и соответствующим европейским выражением обусловлено так называемым случайным параллелизмом: в различных культурах нечто одинаковое или по меньшей мере весьма схожее развивается независимо — в данном случае определенное выражение. Это связано с тем, что материальные условия человеческой жизни, как, например, условия рыбной ловли, несмотря на все культурные различия, ведут к одинаковому или весьма схожему (и в языковом отношении тоже) восприятию людьми действительности. Даже стратагемное значение данного выражения на Западе очень близко к китайскому значению, только в Среднем государстве оно оказалось более продуманным и

отточенным, нежели в западных странах: «Извлечь выгоду из неразберихи, нажиться на темных и не совсем благонамеренных занятиях; прежде его часто использовали по отношению к общественной жизни в смысле использовать в своих интересах царящую вокруг нужду или смуту» (Луц Рерих, *там же*). Так что стратагема 20 свидетельствует о всеобщности такого явления, как хитрость.

20.3. Запрудить реку, чтобы поймать рыбу

«Когда вода слишком грязна, рыбы жадно хватают воздух ртом, а при слишком суровой власти народ склонен к беспорядкам», — говорится во «Внешнем комментарии Хань [Ина] к [Книге] Песен" [«Хань ши вай чжуань»], составленном [исследователем канонических конфуцианских сочинений в русле «школы текстов новых имен»] Хань Ином (2 в. до н. э.), а в слегка измененном виде эта идея встречается и в других китайских сочинениях двухтысячелетней давности. Отсюда можно сделать вывод, что китайцам частенько доводилось наблюдать, как рыба в грязной воде выпрыгивает на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Так они и узнали, что рыбу легче ловить в замутненной воде.

В сунскую эпоху (960—1127) Ма Юнцин [о нем известно, что в период 11 Об— 1110 гг. он получил высшую ученую степень *цзиньши*] написал следующие строки: «Когда в озере Поянху и реке Цзюнь уезда Нанькан [ныне на территории провинции Цзянси] в разгар зимы падает уровень воды и вся рыба собирается в глубоких расщелинах, туда приплывают на лодках местные жители и баламутят длинными бамбуковыми шестами там воду и бьют в металлические била, чтобы вспугнуть рыбу. Через некоторое время потревоженная рыба начинает выпрыгивать из воды, попадая прямиком в расставленные сети. Большинство ее так и остается там>>». В этом описании ловли рыбы особую роль играет то, что рыбаки мутят воду. В мутной воде рыба не в состоянии увидеть грозящую ей опасность в виде сети или хватающих рук. Взбаламученная вода вынуждает рыбу, как написано в одной китайской книге, где стратагема 20 рассматривается с научной точки зрения, выпрыгивать на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Ведь водная среда, в которой обитают рыбы, должна содержать определенное количество кислорода и пропускать какое-то количество света.

Когда осенью 1091 г. восточная часть озера Сиху в Инчжоу (ныне Фуян, провинция Аньхой) высохла и рыба застряла в иле, Су Дунпо (1037—1101), находившийся там на службе, повелел собирать рыбу в сети и переносить в западную часть озера, где сохранилась вода. Этим событиям он посвятил два стихотворения. Его современник Чэнь Шидао (1053—1102) ответил на них тремя посланиями. Первая строка второго стихотворного послания звучит так: «Хватать рыбу можно было голыми руками, словно подбираешь комья земли». Речь здесь идет о застрявшей в иле озера Сиху рыбе. Еще раньше появилось выражение «Запрудить реку, чтобы поймать рыбу» [«э шуи цюй юй»]. В закрытом водоеме без протоки рыба оказывается сравнительно легкой добычей человека.

В 225 г. н. э. вэйский правитель Вэнь-ди отправился в поход на царство У. Императрица же осталась во дворце. Для ее охраны был назначен некий Го Бяо, двоюродный брат императрицы [Дэ Го по отцовской линии]. «Ему захотелось устроить запруду, чтобы половить рыбу», — пишет Чэнь Шоу (233—297) в своей исторической хронике *Троецарствие*. Однако императрица возразила: «Водный путь должен быть открыт для перевозок... Разве тебе одной рыбы только недостает?» Здесь выражение «запрудить реку, чтобы поймать рыбу» свидетельствует о политическом честолюбии. Го Бяо замыслил посредством запруды затруднить подвоз продовольствия императору Вэнь-ди и тем самым вызвать беспорядки в его войске. Это вкупе с отсутствием правителя в столице позволило бы Го Бяо прибрать к рукам власть. Стратагема 20 в его расчетах была связана со стратагемой 19. Своими решительными действиями императрица погубила замысел Го Бяо в самом зародыше.

В старинных китайских текстах «мутная вода» прежде всего выражает природное состояние, но вместе с тем служит образом путаницы. В позднейших текстах уже говорилось, что воду мутят для облегчения ловли рыбы. «Запруду» и «рыбу» тоже следует понимать как образное выражение для устройства беспорядков, сулящих неподобающую выгоду.

20.4. Беспрепятственно ловить рыбу

Герой пьесы *Дело о двух звездах* [«Шуан дин ань»] Тан Ина (1682—1756) Цзян Юй живет с матерью в крайней нищете. Его старший брат только что выдержал экзамен в столице и был назначен уездным начальником в Хэнань. Он посылает с нарочным письмо к брату с матерью, в котором приглашает их переехать к нему. Но пока это радостное сообщение к ним не дошло, Цзян Юй, как обычно, отправляется на поиски пропитания.

Вначале он решает порыбачить в озере, но ему на крючок попадает черепаха. Однако мать наказала ему

возвращать черепах обратно в воду, ибо возрастом они превосходят всех прочих водных тварей и обладают недюжинным умом. Поэтому Цзян Юй отпускает животное на волю. Спустя некоторое время он вновь вылавливает черепаху. Присмотревшись, он узнает свою старую гостью и отпускает ее обратно. Но рыба, как назло, не попадается! Похоже, сегодня здесь удачи ему не видать. Поэтому Цзян Юй решает перебраться к находящемуся поодаль каналу.

В следующей сцене появляется еще один персонаж и говорит такие слова: «Я здешний рыбак, звать меня Чжан Маньэр. Нет у меня иного пропитания, кроме рыбалки. Поскольку в этом канале Хуай рыба и крабы не переводятся, да и в лежащем поодаль озере их в изобилии, рыбаков все прибывает. Постоянно возникают стычки, и невозможно спокойно заняться делом. Поэтому все мы, кто промышляет здесь рыбой, держали совет и решили, чтобы у каждого был свой участок. Кто промышляет на озере, там и остается, а кто рыбачит на канале, ограничивается только им. Мне достался канал до его восточной оконечности. Сегодня у меня нет иных дел. Поэтому я собрал леску и удилище и отправляюсь туда, где глубоко и есть омуты. Там я наловлю рыбы, и будет мне пропитание на сегодня. Рыба и крабы еще не перевелись на моем участке, так что я спокоен».

Чжан Маньэр покидает сцену, и появляется Цзян Юй. Вначале он поет: «Оставил я озерные заводи с их чистой водой, раз там нет клева. Скоро я приду к насыпи канала. Я вижу, как бьются о берег и пенятся волны. Вот я и у канала. Осталось только опустить наживку в воду, чтобы получился богатый улов. Тяжко жить. Мать уже стара, а я все в бобылях. Добра мы не скопили. Черт! Опять на крючке черепаха! Только теперь золотая!»

Здесь следует пояснить, что речь идет о волшебной черепахе, при ударе о панцирь которой появляются золотые монеты.

«Ну и диковинка! Дай-ка, я тебя рассмотрю. Вот это да! Сроду не видал такого. Отливает панцирь, словно золотой. Глаза горят и неподвижно смотрят на меня. Что это могло бы значить? (Поет.) Она вовсе не похожа на обычную черепаху. Из любезной воды вынутое золото так чудно сияет. (Говорит.) Теперь ты моя. погоди. Возьму-ка я кусок камня и ударю пару раз по твоему панцирю. Первый раз, чтобы посмотреть, не выйдет ли чего-то необычного, а второй, чтобы не было повадно в следующий раз меня беспокоить. (Он стучит по панцирю.) Ого! Не успел я ударить пару раз, как что-то посыпалось на землю. погоди, дай мне рассмотреть. Да это же куски чистого золота. Передо мной волшебная черепаха. Отныне мне, Цзян Юю, нечего беспокоиться, как прокормить мать. (Поет.) Я кручинился из-за холодного жилища и овдовевшей матери. Скучно наше пропитание, и жалок наш дом. Золото изменит нашу жизнь, больше не будет причин кручиниться. (Говорит.) Да пребудут со мной эти волшебные черепахи. Дай-ка, поймаю еще одну... (Поет.) Сдается мне, что черепаха родом из волшебной горы близ драконьего замка. Там, видать, отворена дверь в сокровищницу, так что я надеюсь умножить богатства».

Тут опять появляется рыбак Чжан Маньэр и поет: «Я так спешил, и вот, наконец, канал. Что же я вижу? Какой-то проныра ловит рыбу! (Говорит.) Сидит на берегу и рыбачит. Не похоже, что он из наших. Но кто же это? Посмотрим! Ба, да это младший сын семейства Цзян! Эй, ты же постоянно ловишь на озере. Как ты посмел прийти нынче на наш канал?»

Цзян Юй (говорит): «Да ведь канал и озеро общее достояние. Какое тебе до меня дело?»

Рыбак (говорит): «Ты что говоришь? В прошлом году все рыбаки решили, что те, кому досталось озеро, рыбачат только там, а кому — канал — на канале. И никто не рыбачит в неполюженном месте. Как же ты посмел нарушить это общее решение?»

Цзян Юй (говорит): «Мне не ведомо никакое решение. Всякий может здесь рыбачить, и баста! Мне плевать, озеро это или канал».

Рыбак (говорит): «Я не позволю тебе здесь рыбачить».

Цзян Юй (говорит): «А мне хочется здесь рыбачить. Ты что, осмелишься со мной тягаться?»

Рыбак (говорит): «Так я попотчую тебя парой тумачков!»

Цзян Юй (говорит): «Только посмей! Ты думаешь, что я тебя испугаюсь?»

Рыбак (поет на мотив ночного мотылька, устремившегося к зажженному светильнику): «Тебе достанется за твою заносчивость. Ради собственной выгоды ты вторгся в мои владения. Озеро и канал разделены, но ты все же взял удочку и рыбачишь здесь! Ты не собираешься отсюда уходить. Снедаемый непомерной жаждой наживы, ты решил половить рыбку в мутной воде. Ты крадешь у нас кусок хлеба, как же я могу смириться с

этим? Мои кулаки препроводят тебя в преисподнюю!»

Начинается недолгая потасовка, но все в конце концов образуется, ибо прибегает человек и говорит, что негоже брату начальника уезда распускать руки. После этого Цзян Юй прекращает драку.

Но нас сейчас интересует не дальнейшее развитие событий, а тот контекст, в котором была упомянута стратагема 20. Рыбак упрекает Цзянь Юя в нарушении достигнутого рыбаками соглашения относительно мест ловли ради собственной выгоды.

20.5. Мутить воду у певички

«Я, Лай Даянь из Цзянси, по природе человек независимый, мне по душе вино и женщины. Батюшка оставил мне небольшое дельце... Кормлюсь я сбытом снадобий».

Эти слова произносит в начале пьесы уже упоминавшегося Тан Ина (1682—1756) *Проделка с мучным жбаном* [«Мянь ган сяо»] одетый торговцем снадобьями парень, после чего он продолжает: «Унаследованное добро я большей частью уже промотал. Доходы мои малы. И вот я прибыл в Хэнань в надежде отыскать покупателей для своего товара. Не очень-то меня беспокоит поимка самой рыбы, просто хочу замутить воду. Целый день просиживать в лавке — занятие прескучнейшее. Но я слышал, что здесь проживает известная певичка по имени Чжоу Ламэй, в ласках и музыке знающая толк...»

Под «замутнением воды» Лай Даянь, похоже, подразумевает желание скрыть за завесой торговли снадобьями свой истинный интерес: страсть к женщинам и вину — стратагема 20 для сокрытия двойной жизни в действии. «Замутнение воды» можно понимать здесь еще как иносказание для «праздной жизни», и желательно в обществе женщин. Единственное, что мы узнаем дальше по ходу пьесы относительно Лай Даяня, — это о неудаче его попытки сблизиться с певичкой Чжоу Ламэй.

В такой же отрицательной форме выступает стратагема 20 в самом известном эротическом романе минской эпохи (1368—1644) *Цветы сливы в золотой вазе*. Зять главного героя романа Симэнь Цина [семнадцатилетний Чэнь Цзинци, т. е. Чэнь «Деляга»], подвыпивши, проклинает не слишком гостеприимный для него дом тестя, говоря напоследок: «Мне хочется не рыбы поймать, а просто ради забавы помутить воду». Выказываемая зловерность здесь может рассматриваться и как пойманная рыба. В данном случае стратагема 20 предстает в сочетании стратагем нанесения вреда и подшучивания, но на достаточно примитивном уровне.

20.6. Поселиться в заведении певичек

Вэй по имени Цзиньчжун (1568—1627), что означает «Продвинутая верность», был мелким служащим приказа церемоний [«либу»]. Начальник обожал его. Благодаря всяким нечестным приемам, используя свое положение, Вэй загребал бешеные деньги. Обильная еда, постоянные возлияния только усиливали его аппетит. Целыми днями он развлекался, забыв дорогу домой. Просиживающие за азартными играми бездельники были его лучшими приятелями.

На улице Десяти императорских зятьев некий Ван Сяоэр содержал увеселительное заведение. Он прознал, что Вэй Цзин-чжун не знает удержу в игре и утехах и не скупится при этом. Посему он созвал к себе нескольких холостых отчаянных парней и сказал: «Некий Вэй из приказа церемоний обещает быть хорошим уловом. Найдите-ка его и заманите сюда, чтобы мы могли вытащить из его карманов пару лянов серебра. Дело должно выгореть!» Среди этой братии был один по имени Чжан Чэн. За багровый цвет лица его прозвали Темным Чжаном. Это был продувной малый, который своего никогда не упустит. Перебивался он исключительно тем, что подстрекал состоятельных юнцов к праздности и азартным играм. Никому невдомек, скольких молодых людей из добропорядочных семей он сгубил и скольких строптивых сыновей вынудил загнать за бесценок свои дома и земли. Вот он и обратился к Ван Сяоэру с такими словами: «Раз ты хочешь, чтобы я привел его сюда, надобно позаботиться о добром вине и изысканных яствах. Ему должно здесь понравиться. Когда я приведу его сюда, все должны рассыпаться перед ним мелким бесом. Затем надобна смазливая баба, которая бы услаждала его и смогла бы завладеть его сердцем. И тогда, считай, он в наших руках. И не выпустим его, пока не обдерем как липку. А называют это: «Мутить воду, дабы выловить всю крупную рыбу». После таких слов Ван Сяоэр был вне себя от радости, воскликнув: «Что за чудная уловка! Я занимаюсь приготовлениями, а вы ступайте и ведите его сюда!»

Данная сцена взята из не относящегося к выдающимся произведениям романа *Сны темный и светлый, мир предостерегающие* [(«Цзин ши инь ян мэнь»), рассказывающего о всеильном евнухе Вэй Чжунсяне] первое печатное издание 1628; [частичный русский пер. Дм. Воскресенского см. в книге: «Книга дворцовых интриг:

Евнухи у кормила власти в Китае». М.: Ната-лис, 2002, с. 54—105]). Вэй Цзинчжун уже при первом своем посещении увеселительного заведения попался в раскинутые там сети обольщения: «Еще не успел он пригубить вина, а сердце его уже захмелело». Столь сильны были чары прекрасной Лань-шэн — Орхидей, прислуживавшей ему. Так что Вэй Цзиньчжун с охотой принял предложение владельца заведения пожить некоторое время у него. У себя в приказе он сказался больным, велел принести из дома деньги и все время предавался любовным утехам и играм. Спустя полмесяца он лишился пятисот лянов серебра. «Воду», то бишь душу Вэй Цзиньчжуна, удалось на славу замутить.

Как нам кажется, высказанные папой Павлом Иоанном II в его «Послании семьям» [*Gratissimam sane* от 2 февраля 1994 г.] мысли в чем-то перекликаются с вышеизложенным. По мнению папы, «семье как ячейке общества грозит еще большая угроза, нежели государствам, где в последние годы наметились существенные признаки распада. При просмотре некоторых телевизионных программ создается впечатление, что они представляют ненормальные, искусительные ситуации правомерными, тогда как на самом деле они неестественны. Тем самым затуманивают нравственное чувство» («Папское «Послание семьям», *Новая цюрихская газета*, 14.02.1994, с. 2).

20.7. «Правая рука» радуется бедственному положению своего хозяина

Герой пьесы «Противень [истинной верности]» [«Даньцин фу»] цинской писательницы Лю Цинъюнь (1841 — 1915) Юань Лаотун, «правая рука» хозяина, ведет разговор о стратагеме 20. Его хозяин У из-за случившегося среди его домашних убийства оказался в весьма щекотливом, т. е. в некотором смысле «замутненном», состоянии. Чтобы выпутаться, ему приходится полностью положиться на Юань Лаотуна, который, естественно, не преминул извлечь из этого положения как можно больше выгоды. Тянь Цилану, приятелю хозяина, невыносимо видеть все это. Но Юань Лаотун полагает, что настал его час: «Я, Юань Лаотун, считаюсь лучшим помощником... Я не гнушаюсь гнуть спину, мои уста источают мед, я всегда под рукой у хозяина... Теперь помогу-ка я ему утрясти неприятности. Мне это уже принесло пять лянов серебра... Куда запропастился Тянь Цилан? Раз он редко появляется из-за неважных дел семейства У, значит, соображает менее моего. Ведь сейчас самое время, чтобы нажиться и вовремя смыться. На виду я выказываю хозяину свою преданность, а исподволь ловлю рыбку в мутной воде. Но, видать, Тянь Цилану это невдомек, он деревенщина. Ему бы мою дальновидность. Но хватит болтать! Пора приниматься за дело! Благодаря бедственному положению семейства У я сорву крупный куш!»

20.8. Барышник меж двух станов

Всякий раз, когда укрепленному поселению Чжанцзя приходилось общаться с орудовавшими вокруг разбойниками, деревенский староста возлагал эту задачу на своего дальнего родственника Чжан Шоуцзина. Это был разорившийся, ходивший в бобылях и питавший слабость к азартным играм помещик. С одной стороны, в подобных сношениях он выступал представителем деревенского старосты, а с другой — он не хотел ссориться с разбойниками, напротив, даже старался завести среди них полезные знакомства. Такого рода людей именуют «двурешниками». Хотя обе стороны не очень-то ему доверяли, но без посредника обойтись было невозможно. Он же пользовался своим положением, чтобы половить рыбку в мутной воде. Смотришь, что-то выгадает или по меньшей мере сытно поест.

Данный отрывок взят из ценимого Мао Цзэдуном исторического романа *Ли Цзычэн* Яо Сюэиня (1910—1999), до самой смерти бывшего одним из двенадцати почетных заместителей председателя Союза китайских писателей. Герой романа Ли Цзычэн (1606—1645) был руководителем крестьянского восстания (1628—1645), приведшего к падению минской династии (1368—1644). Посредством стратагемы 5 (см. 5.4) и используя иные благоприятствовавшие им обстоятельства (см. 30.8), маньчжуры вторглись в Китай и основали династию Цин (1044—1911). Посредник, описанный в приведенном выше отрывке из романа, использовал шаткое положение обеих сторон ради собственной выгоды, пусть даже малой.

20.9. От найденного яйца до курицы-несушки

«Жил некогда один горожанин, и был он столь беден, что не знал, чем придется питаться в следующий раз. Однажды он нашел куриное яйцо и, обрадованный, сказал жене: «Ну вот, теперь и у нас завелось богатство». — «Где же оно», — не терпелось узнать жене. «Смотри! — сказал муж и показал свою находку. — Только понадобится десять лет, прежде чем оно станет достоянием нашей семьи». И он изложил свой замысел жене: «Я отнесу яйцо к соседу, чтобы квочка его высидела. А когда цыплята подрастут, я возьму одну курочку. Она отложит яйца, откуда вылупятся цыплята. Спустя месяц у меня уже будет пятнадцать курочек, а через два года их число перевалит за триста. За них я выручу десять лянов золотом. На эти деньги

я куплю пять коров, которые отелятся, и через три года у меня будет двадцать пять коров, а спустя еще три года целых сто пятьдесят голов. Все это стадо я продам за триста лянов золотом. А ссудив эти деньги, я через три года стану обладателем полтыщи лянов».

Рассказ Цзян Инкэ (1553—1605) [«Богатство» («Цзядан»)] не имеет счастливого конца. Напоследок у мужа вырывается признание, что он возьмет наложницу. Это приводит его жену «в бешенство, и она разбивает яйцо». Вот так и пропало богатство, сулившее семейный достаток.

В появившемся летом 1961 г. очерке (немецкий перевод Ио-хима Глаубица (Glaubitz): *Opposition gegen Mao* («Оппозиция Мао»). Öltzen 1969, с. 66 и след. [доел. «Имущество в одно яйцо», кит. «И гэ цзидань-дэ цзядан»: очерк из сборника «Вечерние беседы у подножия Яньшань» («Яньшань е хуа»)]) Дэн То (1912—1966) подробно исследует описанный у Цзян Инкэ замысел бедного горожанина. «Он собирался подложить найденное яйцо соседской квочке, чтобы вылупился оттуда цыпленок. Целью его была ловля рыбы в мутной воде. После высиживания цыплят он хотел без лишних слов выбрать курочку и отнести домой. Отсюда можно заключить, — пишет Дэн То, — что весь его замысел разбогатеть изначально покоился на краже и обмане».

Дэн То разбирает первый шаг на пути осуществления долгосрочного плана сколачивания капитала с точки зрения стратега 20. Горожанин подсовывает найденное яйцо под высиживаемые соседской квочкой яйца, естественно, с согласия соседа. Вылупится ли из этого яйца курочка или петушок, он пока не знает. Возможно, яйцо окажется и вовсе пустым. Что же касается соседа, то может случиться, что тот не пометит само яйцо и не станет следить за ним. Тем самым яйцо затеряется среди прочих. Бедняк наперед знает, что из вылупившихся цыплят будет требовать себе курочку. Кто ему тогда докажет, что она появилась не из его яйца? Ведь после вылупливания цыплят невозможно точно судить о судьбе одного яйца. Это как раз то неясное положение, которое выгодно замыслившему стратега 20 горожанину.

20.10. Революция — это не вышивание

«Став высшей властью, крестьянские союзы не дают помещикам и рта раскрыть, они развеяли в прах былой престиж помещиков — все равно как если бы они свалили помещика наземь да вдобавок еще придавили его ногой. Крестьяне грозят тухао и лешэнь²⁷⁷: «Мы внесем вас в особый список!» Они штрафуют их, облагают сборами, ломают их паланкины. В дома тухао и лешэнь, выступающих против крестьянских союзов, врываются толпы людей: режут свиней, перетряхивают запасы риса. Подчас крестьяне приходят к тухао и лешэнь и разваливаются на роскошных постелях их дочерей и невесток. Сплошь и рядом они хватают тухао и лешэнь, надевают на них высокие колпаки и водят по деревням, приговаривая: «Вот теперь ты нас узнаешь, лешэнь!» Словом, крестьяне делают все, что хотят. Все теперь перевернулось вверх дном. Так в деревне создается атмосфера террора... Революция — это не званый обед, не литературное творчество, не рисование или вышивание; она не может совершаться так изящно, так спокойно и деликатно, так чинно и учтиво. Революция — это восстание, это насильственный акт одного класса, свергающего власть другого класса. Революция в деревне — это свержение крестьянством феодально-помещичьей власти. Не проявив своей величайшей силы, крестьянство не сможет свергнуть помещичью власть, прочно укрепившуюся на протяжении столетий. Только могучий революционный порыв в деревне в состоянии всколыхнуть миллионные массы крестьян и вызвать к жизни эту величайшую силу... Во второй период все «крайности» имеют революционное значение. Попросту говоря, в каждой деревне необходим кратковременный период террора. В противном случае будет невозможно подавить деятельность контрреволюционных элементов в деревне, свергнуть власть шэньши [т. е. джентри]. Чтобы выпрямить, надо перегнуть; не перегибешь — не выпрямишь» [Мао Цзэдун «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» (март 1927 г.), глава «Так называемые «крайности». Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 1. Пекин, 1967, с. 29—30].

Это слова из «Доклада об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» Мао Цзэдуна 1927 г. Когда я в последний год «культурной революции» (1966—1976) изучал в Пекинском университете китайскую историю, данный доклад служил нам учебным материалом. «Просто замечательно, когда воцаряется беспорядок» и «Благодаря беспорядку мы добиваемся порядка», — говорил во время «культурной революции» председатель Мао, «которому нравилось ловить рыбку в мутной воде» (*Тео Заммер* (Sommer), Великий беспорядок: новые условия для мировой политики. *Цайт*. Гамбург, 27.08.1992, с. 1). В ходе «культурной революции» Мао вынес наверх низшие слои, устроил настоящий хаос и тем самым обезвредил отдельную рыбешку, т. е. сбитых с толку происходящим своих соперников и врагов. Неудивительно, что при сведении счетов с «культурной революцией» в китайской прессе после смерти Мао

²⁷⁷ Тухао лешэнь — мироеды и деревенские эксплуататоры (досл. дурные джентри). — *Прим. пер.*

часто появлялась стратагема 20. Естественно, при посредничестве стратагема 11 по поиску козла отпущения все плохое, случившееся в ходе «культурной революции», сваливали на пресловутую «банду четырех» и ее приспешников. Повсюду «банда четырех» сеяла смуту. В одних местах при ее содействии закрывались предприятия, возникали забастовки, даже произошел длительный раскол страны на два враждебных стана (см. 20.11), пошедших друг на друга войной. Этот беспорядок создала «банда четырех», чтобы предстать в охваченных волнениями районах своего рода «спасителями» и тем самым привести своих пособников к власти.

20.11. Предостережение Дэн Сяопина

«Групповщина ныне серьезно угрожает нашим общим интересам», — говорил Дэн Сяопин за год до своего третьего смещения в выступлении 5 марта 1975 г. на совещании секретарей заводских парткомов провинций, городов центрального подчинения и автономных областей. Эти слова относились к тем группировкам, которые образовались в годы «культурной революции» (1966—1977, см. 20.10) внутри и вне Коммунистической партии Китая и которые нередко вступали в ожесточенную борьбу между собой. «Данный вопрос, — продолжал Дэн Сяопин, — необходимо вынести на суд рабочих и служащих. Они должны понять, насколько он животрепещущий... Бесполезно решать частные вопросы, если главный остается без ответа. Среди руководителей подобных группировок попадаются и подрывные элементы. Их можно встретить в любой рабочей среде и во всех провинциях и городах. Они пользуются групповщиной для замутнения воды, чтобы сподручней было ловить рыбу. Они саботируют социалистическую законность, а также ведущееся в стране экономическое строительство и используют вызываемый таким образом беспорядок ради собственной выгоды для занятий спекуляцией, борьбы за власть и присваивания денег. Такого рода людям нужно решительно противодействовать. Возьмем, к примеру, зачинщика больших беспорядков в Юйчжоу. Он столь «хорош», что на самом деле единолично управляет там. Если мы тотчас не выступим против подобных людей, то чего нам ожидать в дальнейшем?»

20.12. Выслуживаться, удушая культурную жизнь

В начале 1980-х гг. установка Коммунистической партии Китая «Пусть расцветают все цветы»²⁷⁸ (13.11) в области литературы и искусства все больше ставилась под сомнение. В этой «установке» альтернатив «расцветания» и «удушения» отношения стали складываться не в сторону «удушения», к которому склонялся Мао Цзэдун в 1957 г., что видно из его разъяснений этой нормы в ту пору (см., в частности: «Die Polaritätsnormen der Partei» («Установки в партии». Харро фон Зенгер. Введение в китайское право («Einführung in das chinesische Recht»). Мюнхен, 1994, с. 297 и след.). Во время «культурной революции» (1966—1976) преобладала альтернатива «удушения», что привело к серому однообразию культурной жизни в КНР, позже хлестко названному сообразно старинному выражению «всеобщим онемением»²⁷⁹. Дэн Сяопин и его сторонники, пришедшие после «культурной революции» к власти, простодушно приступили к претворению в жизнь данной «установки». Но, как всегда, нашлись те, кому пришлось не по вкусу наступившее после «культурной революции» под знаком этой нормы многообразие. Когда, например, журнал *Популярное кино Щачжун дянь-ин* в мае 1979 г. на задней обложке поместил сцену поцелуя из английского фильма-сказки, это вызвало резкую отповедь (более подробно см.: *Harro von Senger. Partei, Ideologie und Gesetz in der Volksrepublik China* (Партия, идеология и закон в КНР), изд. P. Lang. Берн, 1982, с. 236 и след.). Этому спору о допущении или нет свободы в область культуры известный писатель Ван Мэн (см. введение к стратагеме 19, 1932, 26.13), сам в середине 50-х гг. ставший жертвой политики «удушения», посвятил вышедший в феврале 1980 г. очерк «Об «удушении». Он указывает на то, что политика «цветения всех цветов», естественно, побуждает литературную и художественную критику все чаще высказываться:

«Выражение различных мнений о некоторых литературных и художественных произведениях ведет к спорам. Рецензенты, авторы, даже руководящие товарищи высказывают в ходе обсуждения одобрение либо критику или даже резкое неприятие. Эти мнения быстро расходятся, после чего приходится слышать слова: «Смотрите, а не идет ли возврат к политике удушения?» Одновременно представляют дело так, словно все

²⁷⁸ «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» [«бай хуа ци фан, бай цзя чжэн ма»] — речь идет о выступлении Мао Цзэдуна 27 февраля 1957 г. «О правильном разрешении противоречий внутри народа», гл. 8, «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», длительное сосуществование и взаимный контроль». (*Мао Цзэдун. Избранные произведения*, т. 5. Пекин, 1977, с. 492—499).

²⁷⁹ Досл. «все 10 000 лошадей оцепенели» [«ван ма ци инь»], данное выражение встречается у Су Ши в стихотворении, где необычный конь с головой дракона и хвостом тигра, входя в стойло, своим видом и производимым гривой шумом приводит в оцепенение лошадей. — *Прим. пер.*

указывает на то, что вот-вот обрушится небо и разверзнется земля. Встречаются и такие, кто изо всех сил раздувают эти споры и критические замечания, смущая умы. Их единственно заботит то, чтобы в Поднебесной более не было беспорядков. Некоторые из них уже давно спят и видят удушение литературной и художественной жизни. Стоит подняться ветерку и потревожить траву, они тотчас приступают к охоте на ведьм, нагнетают обстановку, лишь бы половить рыбу в мутной воде и учинить грабеж при раздувании пожара».

Ван Мэн указывает сразу на две стратагемы: 20-ю и 5-ю, в своекорыстном (это может делаться ради удовлетворения амбиций, завоевания положения или устранения противника) использовании которых он упрекает приверженцев политики удушения.

20.13. Шестая из двенадцати военных уловок наставника Суня (Сунь-цзы)

«Луань эр цюй чжи», так звучит шестая из «двенадцати военных хитростей», которые предлагаются в *Военном искусстве Сунь-цзы*. Классический китайский язык весьма краток, и эти четыре знака можно передать примерно так: «Покоряй его [противника], водворяя в его стане разлад». В западных переводах Сунь-цзы данное выражение понимается зачастую следующим образом: «Feign disorder, and crash him» (Лайонел Джайлс (Giles) [переводчик]: *Sun Tzu*, Шанхай/Лондон, 1910, стр. 6); «Feign disorder and strike him» (Сэмюэль Б. Гриффит (Griffith) [переводчик]: *Sun Tzu*, Лондон, 1980, с. 66); «Täusche ihm Auflösungserscheinungen im eigenen Heer vor und schlage ihn dann» (Клаус Лейбниц (Leibnitz) [переводчик]: *Sun Tzu*. Карлсруе, 1989, с. 14) и т. д. Вероятно, эти западные толкования покоятся на разъясненной во введении (см. § 12) узкой трактовке понятия хитрости, которую там все уравнивают с притворством. Рассматриваемая под этим углом зрения шестая уловка оказывается принадлежностью стратагемы 27. Иное разъяснение выражению «луань эр цюй чжи» дается в *Большом словаре «Военного искусства Сунь-цзы»* [«Сунь-цзы бинфа да цыдянь». Шанхай, 1994, составитель Гу Ли], для которого я написал главу о восприятии [идей] Сунь-цзы в немецкоязычном мире, а именно в широком толковании понятия хитрости: «Когда у противника наступает разлад, его одолевают. Разлад этот может быть двоякого рода: вызванным самим противником и вызываемым в его рядах». Что касается разлада первого рода, то шанхайский словарь ссылается на комментарий к Сунь-цзы танского Ду Му (803 — 852): «Можно воспользоваться разладом у противника, чтобы его одолеть». Что же касается второго рода разлада, то здесь шанхайский словарь ссылается на комментатора танской эпохи (618—907) Цзя Линя: «Мы поручаем своим агентам вызывать разлад в стане противника, и когда наступает разлад, мы противника одолеваем». Рассматриваемая под таким углом зрения шестая из двенадцати уловок Сунь-цзы полностью соответствует стратагеме 20.

Что же подразумевали в древнем Китае под «разладом» с позиции военного дела, мы узнаем из военного трактата *Шесть наставлений* [«Лю тао»] времен Сражающихся царств (475— 221): «Войско, пораженное паникой, отряд, не признающий воинского порядка, воины, которые пугают друг друга могуществом неприятеля, блуждающие в войске испуганные взгляды и смущенный шепот, пугающие слухи, которые распространяются в войсках, несмотря на все запреты, сомнения, высказываемые тысячами уст, воины, которые больше не боятся невыполнения приказов и потеряли всякое уважение к командирам» («Лю тао», гл. 29 «Отличительные признаки войска» [«Бин чжэн»]: Тридцать шесть стратагем: китайские секреты успеха. Пер. с кит. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000, с. 109—110). «Таковую вот «рыбу» в случае войны и нужно сцапать», — комментирует автор *36 стратагем* приводимую в разделе 20-й стратагемы выдержку из «Лю тао».

20.14. Быки с подожженными хвостами

В III в. до н. э. владение Янь напало на владение Ци, заняв 70 городов. Тянь Дань удерживал город Цзимо (на юго-западе от уездного города Пинду в нынешней провинции Шаньдун), чтобы оттуда организовать сопротивление яньскому войску. «Тянь Дань тем временем собрал в городе более тысячи быков, на них надели темно-красные шелковые попоны с вышитыми разноцветными узорами в виде драконов, к рогам привязали острые лезвия мечей, к хвостам прикрепили вязанки смазанного салом тростника и подожгли их, в крепостных стенах пробили несколько десятков проходов и ночью выпустили этих быков. Когда быкам стало жечь хвосты, они рассвирепели и бросились на яньское воинство. В результате среди ночи яньские войска были охвачены паникой. Огни, горевшие на бычьих хвостах, отбрасывали ослепляющий свет, и яньским воинам [быки] казались драконами. От их рогов [яньцы] погибали или получали ранения. А 5 тысяч воинов, которые следовали за животными, держа во рту палочки [чтобы не проронить ни звука], тоже ударили по яньцам. В это время оставшееся в городе население стало стучать и греметь, и стар и млад били в медную утварь, создавая страшный шум, сотрясавший небо и землю. Яньских воинов охватила паника, и они бежали... Циские воины стали преследовать яньцев и погнало их на север... 70 с лишним городов,

утраченных ранее Ци, вновь вернулись под власть его правителя» (*Сыма Цянь*. Исторические записки. Пер. с кит. Р. Вяткина, т. 7. М.: Наука, 1996, с. 265: гл. 82 «Жизнеописание Тянь Даян»).

20.15. Первый ход Дремлющего дракона [Волун]

С середины II в. н. э. начинает падать влияние императорского двора восточно-ханьской династии (25—220), который был уже не в состоянии держать в повиновении отдаленные округа. Вместо императора всей полнотой власти там стали пользоваться местные военачальники. Все они начиная с 80-х гг. II столетия стали домогаться верховенства в Поднебесной в междоусобной борьбе. Каждый из военачальников жаждал прибрать к рукам императора, чтобы затем от его имени можно было отстранить соперников. В 184 г. вспыхнуло восстание Желтых повязок, при подавлении которого более всего выдвинулся Цао Цао (155—220). Со временем выявились и его основные соперники в борьбе за власть: Сунь Цюань (182—253) и Лю Бэй (161—223), поначалу самый слабый из них. Ему с трудом удается избежать покушения, и тогда он со всей очевидностью понимает, как ему нужен дельный советник. Тут он узнает о выдающихся способностях «Дремлющего дракона» Чжугэ Ляна (181—234) по имени Кун Мин, и Лю Бэй решает привлечь его к себе.

И вот после третьего посещения соломенной хижины (см. 16.21) он наконец встречается со своим будущим канцлером Чжугэ Ляном. Здесь, в отрогах гор Лунчжун [расположенных в 200 ли западнее уездного центра Сяньян в провинции Хубэй], происходит выработка плана по возвышению Лю Бэя. «Когда Дун Чжо поднял мятеж, сразу же восстали все смутьяны по всей Поднебесной, — начал Чжугэ Лян. — Цао Цао с меньшими силами удалось победить Юань Шао прежде всего благодаря своему уму, а не только благодаря выбору удобного момента. Теперь у Цао Цао бесчисленные полчища, он держит в руках Сына неба и от его имени повелевает всеми князьями. Вступать с ним в борьбу невозможно. На юге род Сунь вот уже в течение трех поколений владеет Цзяндуном [местность к востоку от р. Янцзы]. Владение это неприступно, и народ льнет к своему князю. Добейтесь его помощи, но никоим образом не замышляйте похода против него! А вот Цзинчжоу²⁸⁰ вам следует взять!.. Если вы не овладеете этим округом, вам не удержаться! Думали вы когда-нибудь о том, что вам помогает небо? А Ичжоу [на территории нынешних провинций Юньнань и Сычуань]! Неприступная крепость, бескрайные плодородные поля! Это ведь сокровищница, созданная самой природой! Благодаря ей Гао-цзу [т. е. Лю Бан] создал империю. Нынешний ичжоуский правитель Лю Чжан слаб и невежествен, а народ и страна богаты! К тому же он не знает, как ему удержать свои владения. И наиболее способные и ученые люди мечтают о просвещенном правителе... Вы отпрыск императорского рода, славьтесь своей честностью и справедливостью, призываете к себе мудрецов и героев — вот основание, чтобы взять Цзинчжоу и Ичжоу! Берите эти округа, укрепитесь в них, упрочьте на западе мир с местными племенами, покорите на юге области И и Юэ, вступите в союз с Сунь Цюанем, создайте в своих владениях хорошее управление и потом, выждав момент, когда в Поднебесной произойдут изменения, пошлите своего лучшего полководца с цзинчжоускими войсками к Юаньлю [ныне соответственно области Наньян и Лоян провинции Хэнань], а сами во главе ичжоуских полков выступайте на Циньчуань. И можете быть уверены — народ выйдет встречать вас с корзинами яств и с чашками рисового отвара. Вы совершите великое дело и возродите Ханьскую династию! Если вы поступите именно так, я буду во всем вашим советником!.. Вот карта пятидесяти четырех округов Сычуани... Если вы хотите стать могущественным правителем, делайте уступки Цао Цао на севере — пусть он властвует там, доколе ему предопределило небо; на юге Сунь Цюань пусть берет себе земли и доходы, а вы добивайтесь одного: согласия в своих отношениях с народом. Сделайте Цзинчжоу своей опорой, возьмите Западную Сычуань, заложите основы династии и потом можете думать о всей Срединной равнине» [Троецарствие. Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Худ. лит., 1955, 1-й т., с. 469—470 (гл. 38)]. Как видно из рассуждений Чжугэ Ляна, Лю Бэй обрел, наконец, в его лице недоуменный ум, выдающегося советника и государственного мужа, под мудрым руководством которого он победоносно двинется к заветной цели — званию императора.

Первый шаг на этом пути, завоевание Цзинчжоу, является единственным примером, который приводит для стратагема 20 насчитывающий пятьсот лет трактат *36 стратагем*. Прежде чем приступить к дальнейшему описанию использования Лю Бэем стратагема 20, для большей ясности вкратце изложим имевшие тогда место события.

После жестокого поражения от Цао Цао, случившегося еще до встречи с Чжугэ Ляном, Лю Бэй находит пристанище у своего дальнего родственника, правителя округа Цзинчжоу Лю Бяо [там же, с. 394 (гл. 31)].

²⁸⁰ На территории современных провинций Хубэй, Хунань, Хэнань, Гуйчжоу, Гуандун и Гуанси; когда же под Цзинчжоу подразумевается столица одноименного округа, то ввиду частой смены ее местопребывания это может быть Сяньян (современный Сяньфан на северо-западе провинции Хубэй), Ханьшоу (на севере нынешней провинции Хубэй) или Цзянлин (в центре нынешней провинции Хубэй, соответствует современному городу Цзинчжоу). — *Прим. автора*.

За оказанное гостеприимство Лю Бэй отблагодарил хозяина тем, что вызвался усмирить разбой двух военачальников в Цзянся (в нынешней провинции Хубэй). Взяв у Лю Бяо тридцать тысяч воинов, он выступил в поход и, восстановив порядок во всех уездах Цзянся, возвратился в Цзинчжоу, где в его честь был устроен пир [*там же*, с. 425 (гл. 34)]. Только Цай Мао (род. 155), младший брат жены Лю Бяо и его советник, оказавшийся в тени Лю Бэя, был недоволен. Он сговорился с сестрой посорить Лю Бяо с Лю Бэем. «Смотри, держись поосторожнее с Лю Бэем. У него в Цзинчжоу много доброжелателей. По-моему, неразумно с твоей стороны разрешать ему жить в городе; пошли-ка ты его куда-нибудь с поручением», — заметила как-то ночью госпожа Цай мужу. И тот отправляет Лю Бэя с его войском из ставки наместника в небольшой пограничный уездный городок Синье (нынешняя провинция Хэнань). Тот с готовностью согласился и на следующий день отправился в Синье. Это был 207 г. Воины и народ радовались прибытию Лю Бэя в Синье [*там же*, с. 426—427 (гл. 34)].

Позже Лю Бяо зовет его для совета в Цзинчжоу и в доверительной беседе с глазу на глаз сообщает следующее: «Видите ли, моя первая жена из рода Чэнь родила мне старшего сына — Лю Ци. Но он слаб, и ему великое дело не поднять. Вторая жена, из рода Цай, родила младшего сына — Лю Цзун. Он очень умен, и я хочу сделать наследником его, обойдя старшего сына... а это идет вразрез с законами и обычаями... Если же моим наследником будет старший сын, начнутся интриги со стороны рода Цай, который ведаёт всеми военными делами, и пойдет смута... Вот я и колеблюсь...» — «Да, конечно, назначение наследником младшего с древних времен служит причиной всяких смут, — согласился Лю Бэй. — Но если уж вы так боитесь рода Цай, то можете ослабить его постепенно. Нельзя же из чрезмерной привязанности к сыну нарушать обычаи!» Лю Бяо молча согласился. Но госпожа Цай, подслушивающая за ширмой, — она делала это всякий раз, когда приходил Лю Бэй, — вспылала к нему смертельной ненавистью. Лю Бэй спохватился, что сболтнул лишнее (см. также 28.5) [*там же*, с. 428—429 (гл. 34)]. И в дальнейшем разговоре он неосторожно выказывал свое политическое честолюбие, что, естественно, насторожило Лю Бяо. Вскоре его супруга вступила в сговор со своим братом, и тот без ведома Лю Бяо совершает два покушения на Лю Бэя. Но в обоих случаях ему буквально в последний миг удается избежать смерти. Затем судьбе было угодно свести его с отшельником Сыма Хуэем, даоская кличка которого была Шуй-цзин (Водяное зеркало), а след за этим и с самим Чжугэ Ляном (см. 16.11) [*там же*, с. 435 (гл. 35)].

Тем временем Сунь Цюань, правитель Восточного У, напал на владения Лю Бяо и захватил Цзянся. Однако, видя, что удержать один город, расположенный во владениях врага, невозможно, он оставляет его. И решает дожидаться, когда Лю Бяо, мстя за нападение, измотает свои силы, чтобы потом захватить у него Цзинчжоу и Сяньян [*там же*, с. 480 (гл. 39)]. Находясь в таком положении, Лю Бяо посылает за Лю Бэем, который в ту пору вернулся в Синье. Чжугэ Лян советует ему прибыть в Цзинчжоу, где его вместе с Чжугэ Ляном встречает Лю Бяо. Он хочет посоветоваться с Лю Бэем, как отомстить Сунь Цюаню за потерю Цзянся, но тот желает все силы направить на борьбу с Цао Цао. Благодаря уловкам Чжугэ Ляна он впоследствии неоднократно побеждает Цао Цао.

Тяжелая болезнь сводит в могилу Лю Бяо. В своем завещании он объявляет первенца Лю Ци своим наследником, а Лю Бэя его советником в делах управления округа Цзинчжоу. Посоветовавшись с Цай Мао, госпожа Цай написала подложное завещание, согласно которому правителем округа назначался второй сын Лю Бяо — Лю Цзун, которому шел четырнадцатый год. Тем самым род вдовы Лю Бяо захватывает власть в Цзинчжоу. Старший сын в ту пору находился управителем в Цзянся, и ему и Лю Бэю даже не сообщили о смерти Лю Бяо. Между тем Цао Цао во главе огромной армии уже стоял у ворот Сяньяна [*там же*, с. 494—497 (гл. 40)]. Чтобы спасти свою шкуру и в надежде сыскать чины и награды, новые властители Цзинчжоу решают без борьбы подчиниться Цао Цао, что и происходит. Цай Мао и флотоводец Чжан Юнь (род. 163 н. э.) переходят на службу к Цао Цао (см. 33.11, 34.1). Однако вскоре по распоряжению Цао Цао умерщвляют сына Лю Бяо и его мать, госпожу Цай [*там же*, с. 507—508 (гл. 41)].

В ходе своего военного похода Цао Цао пытался заручиться поддержкой Сунь Цюаня, правителя граничащего с Цзинчжоу владения Восточное У [*там же*, с. 523 (гл. 42)]. Многие советники Сунь Цюаня склонялись к принятию предложения Цао Цао выступить на его стороне. Непосредственно перед получением послания от Цао Цао Сунь Цюань передает Лю Бэю пожелание заключить союз, после чего к его двору отправляется Чжугэ Лян, чтобы посредством провокационной стратагемы 13 побудить Сунь Цюаня и его главнокомандующего Чжоу Юя выступить вместе против Цао Цао (см. 13.13) [*там же*, с. 545—548 (гл. 44)]. Последовавший затем в 208 г. совместный поход привел к жестокому поражению Цао Цао в битве у Красной скалы (Чиби; *Троецарствие*, гл. 49) (см. 9.1, 35.1). Плоды этой победы — а именно власть над Цзинчжоу, — одержанной прежде всего благодаря действиям Чжоу Юя и его воинов, а также не без помощи хитрости Чжугэ Ляна, достались Лю Бэю. Это оказалось возможным по той причине, что после битвы у Красной скалы войско Чжоу Юя оказалось ослабленным из-за бесчисленных стычек с отрядами Цао Цао в борьбе за удерживаемую им стратегически важную область Цзинчжоу. Лю Бэю, подобно тигру, наблюдавшему с горы за происходящей внизу борьбой, эти земли достались даром. Возникшей после смерти Лю Бяо вследствие захвата власти в Цзинчжоу родом супруги покойного неразберихой прекрасно

воспользовался с помощью стратега Чжугэ Ляна Лю Бэй для создания основы своей будущей власти. Первый шаг на пути осуществления стратегического плана, о котором говорил в беседе с ним среди отрогов гор Лунчжун Чжугэ Лян, был сделан.

Вот так представляют Су Жочжоу (род. 1946) и Кэ Ли в своей книге *Военные речения* («Цзюньши чэньюй», 2-е изд., Тай-юань, 1984) стратега 20 в связи с захватом Лю Бэем власти в Цзинчжоу, добавляя при этом: «Позже Лю Бэй воспользовался разногласиями среди сторонников Лю Чжана в Ичжоу и в 214 овладел этой крепостью. Тем самым возникло царство Шу, третье по счету, что дало название «Троецарствие» и всей эпохе (220—285), последовавшей за низложением последнего императора ханьской династии [Сянь-ди]».

20.16. Всякий убивший карается смертью²⁸¹

«Великий хан Хубилай поведал Марко Поло о своем китайском наставнике, мудреце по имени Йо-ши, такую вот историю: «Йо-ши, уже будучи старцем, сопровождал его в решающем походе против Цинь. Войскам удалось прорвать оборонительные порядки противника и разбить его основные силы. Поэтому Хубилай решил на следующий день идти на приступ одной занимавшей важное положение крепости. Сидя у костра со своим старым учителем, он рассказывал, какое устроит завтра пекло. Йо-ши стало жаль своих соплеменников, и тогда он поведал воспитанику о легендарном полковоце, умудрившемся захватить вражеский город, не погубив ни одного воина. Тут в Хубилае разыграло самолюбие, и он решил совершить нечто подобное. Ему на ум пришла следующая хитрость: всю ночь было велено разрисовывать длинные стяги, чтобы утром развернуть перед строем. Надпись же на них гласила: «Всякий убивший карается смертью». И с такими же полотнищами к защитникам крепости были отправлены послы. Прочитав надпись, китайцы были сбиты с толку, но все же не осмелились обнажить мечи. Хубилай только этого и дождался. Размахивая стягами, его орды хлынули через ворота и подавили сопротивление в самом зародыше. Рассказывая об этой победе, Хубилай не мог удержаться от смеха. Он окрестил ее своей «самой дешевой победой». «Но второй раз такая хитрость не прошла бы», — заметил Марко Поло. И тогда Хубилай начал рассказывать о том, как Темучин, его дед, взял столицу тангутов. Дело было так:

20.17. Тысяча кошек и десять тысяч ласточек

«Осада выдалась тяжелой, так что Темучин решил уйти. Он пообещал защитникам города, что не пойдет более на приступ, если те откупятся тысячько кошек и десятью тысячами ласточек. Нин-ся как раз славился изобилием этих животных.

Осажденные немало удивились странной просьбе, однако устроили облаву и преподнесли требуемый выкуп, не отпирая при этом ворот.

Темучин и не полагался на такое. Он просто повелел к хвостам животным привязать по клочку ваты, поджечь его и отпустить всех разом. Легко догадаться, что последовало дальше: растерянные кошки бросились со всех ног в свои убежища, а испуганные ласточки полетели к своим гнездам. В один миг деревянный город занялся пожаром. А когда все было объято пламенем, конница Темучина почти без боя ворвалась в крепость» (*Рихард Эйрингер* (Euringer), Путешествие Марко Поло (*Die Weltreise des Marco Polo*). Штутгарт, 1953, с. 123 и след.).

20.18. Безгласный свирельщик в оркестре

«Циский царь Сюань-ван, желая послушать игру на свирели, непременно требовал, чтобы играли сразу триста музыкантов. Некий отшельник из южного предместья [«Наньго»] тоже вызвался играть для государя. Царь благосклонно внял его просьбе и назначил ему содержание, как и всем прочим. Когда же Сюань-ван скончался, на престол взошел Минь-ван. Тот любил сольные выступления. И отшельник поспешил удрать» («Хань Фэй-цзы», гл. 30 «Собрание советов» [«Нэй чу шо»], ч. 1 «Семь средств» [«Ци шу»]: «Из книг мудрецов». Пер. с кит. В. Сухоруко-ва. М.: Худ. лит., 1987, с. 239).

Оркестр из 300 музыкантов в данном случае — мутная вода. Отшельник из южного предместья воспользовался ею, чтобы поймать рыбку в виде постоянного жалованья. Всем было невдомек, что он не

²⁸¹ У самого Марко Поло данного отрывка нет. Речь идет о тангутском государстве Си Ся и городе Эцзинай, по-китайски Хэшуйчэн (согласно «Сокровенному Сказанию монголов», Урахай), впервые осажденном монголами в 1209 г. (о чем повествует приводимый отрывок) и взятом Чинхисханом в 1226 г. (или же вскоре после его смерти) и переименованном по-китайски в Нин-ся — «Усмирненное Ся». — *Прим. пер.*

умел играть на свирели. Как свидетельствует данный пример, «мутная вода» может возникнуть из-за плохой постановки дела, прорех в законодательстве либо ведущегося спустя рукава присмотра, когда руководствуются антиленинским правилом «контроль — это хорошо, но доверие лучше». Ленин же придерживался взгляда, что «доверие — это хорошо, но контроль лучше».

История о беззвучном игроке на свирели восходит к приписываемому Хань Фэю (около 280—233 до н. э.) сочинению *Хань Фэй-цзы* и известна всякому китайцу сызмальства. Она нашла отражение в поговорке «лань юй чун шу», «не умея играть на флейте, занимать вакантное место [в оркестре]» [т. е. «не соответствовать назначению»]. Это выражение постоянно встречается на страницах китайских газет. Вот что пишет Цзян Юань-мин в печатном органе ЦК Коммунистической партии Китая: «Не все, скрывающиеся за вывеской Коммунистической партии Китая, горят желанием что-то делать, некоторые из них, «не умея играть на флейте, занимают вакантное место [в оркестре]» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 7.03.1997, с. 12). Но и в западных странах встречаются явления, напоминающие о действиях такого свирельщика, что видно, например, из следующих слов: «Мне известно, что среди прибывающих к нам беженцев всегда удастся затесаться и настоящим преступникам» (*Basler Zeitung*²⁸², 24.06.1998, с. 53).

20.19. Готовый ответ на все случаи жизни

Три соискателя на получение должности отправились в Пекин сдавать экзамен. Прибыв туда, они первым делом пришли к гадателю. Тот многозначительно покачал головой, а затем поднял один палец, не проронив при этом ни единого слова. Всем троиц пришлось по вкусу такой гадатель. Ведь данный им ответ подходил на все случаи жизни. Поднятый вверх палец мог означать, что: 1) один из трех соискателей выдержит экзамен, 2) лишь один из них провалится, 3) никому не улыбнется удача, 4) ни один не провалится, всех ожидает успех.

Использование многозначности, пишет обозреватель газеты *Вечерний Пекин [Бэйцзин ваньбао]* по поводу данного случая, является обычным приемом софистов. Они умышленно выражаются туманно и отвлеченно, чтобы можно было вовремя пойти на попятную (см. также 25.25). Нарочно выбранное многозначное высказывание служит своего рода мутной водой, а подлаживающееся под любой случай значение такого высказывания и вследствие этого обеспеченная неуязвимость своей позиции оказываются для софиста попадающей в его невод «рыбой».

20.20. О расплывчатом языке философов и ценников

«То, о чем невозможно составить четкое суждение, оказывается предметом досужих домыслов», — так сказал Петер Рюм-корф (Rühmkorf) по поводу одного известного немецкого философа XX в. То же, что в своем сомнительном докладе другой современный немецкий философ «в действительности утверждает, лишь с трудом угадывается среди бесконечных намеков и расплывчатых сравнений»²⁸³ (Balz Spörrli. «Verstimmtes Klavier des Zeitgeistes». *Sontagszeitung*. Цюрих, 12.09.1999, с. 23).

Похоже, нечеткость выгодна и для продавцов. Во всяком случае, *Жэньминь жибао*, печатный орган ЦК Коммунистической партии Китая, обвиняет некоторых торговцев в путанице в их ценниках: «Они сознательно пользуются обтекаемыми словами при указании веса. Они щеголяют якобы льготными, со скидкой, минимальными и иного рода выдуманными ценами, лишь бы привлечь покупателя» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 27.04.1998, с. 12). На одной карикатуре в газете *Вечерний Пекин (Бэйцзин ваньбао)* от 4.12.1995 изображена вывеска перед платяной лавкой с такой вот надписью: «За каждую покупку вас ожидает подарок». Далее показано, как отоварившаяся в этой лавке супружеская пара презентуется крохотной швейной иглой. Расплывчатое понятие многозначного слова «подарок» служит здесь для поимки покупателя (см. также стратагему 25).

²⁸² Далее именуемая Базельская газета. — *Прим. пер.*

²⁸³ Речь идет о Петере Слотердайке (Sloterdijk, род. 1947), немецком философе, специалисте по культуре Веймарской Германии, в 1983 г. написавшем «Kritik der zynischen Vernunft», считающуюся манифестом постмодернизма (*Петер Слотердаjk*. Критика цинического разума. Пер. с нем. А. Перцова, Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2001), и получившем скандальную известность его июльским докладом в 1999 г. на небольшой конференции для избранных в баварском замке Эльмау «Regeln für den Menschenpark: Ein Antwortschreiben zum Brief über den Humanismus» («Правила для человеческого зоопарка. Ответное письмо на «Письмо о гуманизме» Хайдеггера») о совершенствовании человеческой расы («человеководстве») с помощью генной инженерии. — *Прим. пер.*

20.21. Политика — своего рода постановка дымовых завес

Они хотят, подняв весь ил со дна, взбаламутить реку,

Но все дрожат от страха,

Ведь им хотелось бы, чтоб вода оставалась чистой,

Однако прежде не помешало бы половить рыбку в мутной воде.

Вот так описывает Франц Грильпарцер (1791 — 1872) в стихотворении 1848 г. «Политика» тех, кто промышлял в ту пору этим. Тот жил в далеко не демократическое время, но вот изменилось ли что-нибудь ныне в отношении использования стра-тагемы 20 у нас с вами? Да, собственно говоря, ничего. Недаром Пауль К. Мартин (Martin) озаглавил одну из своих статей «Туманная политика: больше света!», где пишет: «...ничего не разглядеть сквозь... политику, постановщицу дымовых завес. Обыватель безнадежно шарит вокруг. Все сбиты с толку. Мы жаждем ясности!» (*Бильд*. Гамбург, 26.09.1995, с. 2.)

«Первое разъяснение планов правительства, данное Герхардом Шредером, во многом похоже на сотрясение воздуха и полно словесного тумана. Что, скажите, пожалуйста, может означать «организация возможностей»? И что подразумевается под «Республикой середины»?» (Emanuel La Roche. «Schröder; die erste». *Tages-Anzeiger*. Цюрих, 11.11.1998, с. 5). «Приходится предположить, что в каждом министерстве и особенно в ведомстве канцлера находятся высокопоставленные чиновники, чья основная обязанность заключается в снабжении своего начальника... словарем для установления дымовых завес по отдельным политическим вопросам» (Alfons Borgman. «Wie ehedem die Nebelwerfer». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 11.03.1999, с. 12). «Туманом политических шоу» уже десятки лет «заполняют» политическо-законодательные пустоты в немецком трудовом и тарифном праве» (Jan Kleinewefers, «Politnebelwerfer in Betrieb gehalten» («Пускание дымовых завес»). *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 30.07.1999, с. 8). И другая статья бичует «бюрократический жаргон», служащий для «напускания словесного тумана на очевидные вещи» («Ein Brevier gegen die Bürokratsprache» («Заклинание против чиновничьего языка». *Новая цюрихская газета*, 28.12.1993, с. 3). Еще явственнее проступает страатагема 20 в следующих утверждениях:

— «Сеяние неуверенности и растерянности у общественности с помощью непонятных маневров и махинаций относится к долгосрочной стратегии по удержанию власти христианскими демократами, а орудием здесь выступает руководимая и оплачиваемая Министерством внутренних дел [секретная служба] SISDE [Servizio per le informazioni e la sicurezza democratica (Служба информации и военной безопасности)]» (Peter Hartmann. «50 Millionen unterschlagen und eine Bombe in Zug — Italiens Agentchefs spielen verrückt...» (50 присвоенных миллионов и бомба в поезде — итальянские руководители спецслужб разыгрывают сумашедших): *Weltwoche*. Цюрих, 11.11.1993, с. 5). В данном случае есть опасность разрастания хаоса, поскольку у тех, кто баламутит воду, ситуация выходит из-под контроля: «SISDE сама по себе представляет угрозу, ибо как контролирующий орган она становится бесконтрольной. Сами контролеры оказываются марионетками» (Peter Hartmann, *там же*).

— «Ни демонстрации десятков тысяч корсиканцев против насилия, ни задержание вероятных наемных убийц в обозримом будущем не положат конец валу убийств и покушений... Следовательно: «Слишком многие заинтересованы в продолжении царящей неразберихи» («Versickerte Subventionen» («Испарившиеся субсидии»). *Шпигель*. Гамбург, № 8, 1998, с. 127).

— «Правящие круги в Алжире во что бы то ни стало хотят втянуть свою страну в войну или же продолжить ее, поскольку лишь военное положение позволяет сдерживать звучащие с 1988 г. требования демократизации и оставаться у власти... Условия заемов у Международного валютного фонда (распродажа богатств страны, массовые увольнения, урезание финансирования здравоохранения и образования) возможны лишь в условиях войны. Обогащение правящей верхушки приводит к ухудшению положения широких масс, что способствует терроризму...» («Algeriens blutiger Konflikt: Hintergründe des Terrors in der Sicht Louisa Nanoimes» («Кровавый конфликт в Алжире: подоплека террора в понимании Луизы Ханун»). *Новая цюрихская газета*, 19-02.1998, с. 15). «Алжирская армия во многом устроила эту кровавую неразбериху» (*Die Weltwoche*. Цюрих, 2.12.1999, с. 13). Те, кто для возвращения в Европу хотел бы воспользоваться страатагемой 20, могут радостно потирать руки, читая следующие строки: «В Европейском союзе возникло совершенно запутанное для постороннего человека состояние с властью» («Abenteuer ohne Grenzen». *Шпигель*. Гамбург, № 2, 1998).

20.22. Двусмысленность права

В начале мая 1998 г. главы правительств стран Евросоюза назначили голландца Вима Дуйсенберга первым

председателем Европейского центрального банка, постановив при этом, что покинуть свой пост он должен не после восьмилетнего пребывания, как это записано в Маастрихтских соглашениях, а значительно раньше, чтобы уступить место Жану-Клоду Трише, главе Банка Франции. Так пожелал Жак Ширак на том основании, «что любая страна должна оставлять свои права» (*Tages-Anzeiger*. Цюрих, 4.05.1998, с. 1). Самим допущением такого компромисса, который «кажется оправданным юридически», пусть и «противоречит смыслу и духу Маастрихтских соглашений» («Verdorbene Euro-Party» («Подпорченная вечеринка в честь евро»). *Новая цюрихская газета*, 4.05.1998, с. 15), Маастрихтские соглашения с блеском выдержали экзамен на пригодность к стратагеме 20. Для действия стратагемы 20 в Германии, бесспорно, подходит «совершенно непрозрачная налоговая система», на которую жалуется бывший канцлер Гельмут Шмидт в своей книге *Globalisierung* («Глобализация», Штутгарт, 1998) (Peter Hartmann. «Aspirin gegen Zukunftsangst» («Аспирин против страха перед будущим»). *Die Weltwoche*. Цюрих, 23.07.1998, с. 11). Каким образом в совершенно иной части света неопределенность политических высказываний служит для ловли рыбы в мутной воде, говорит сам заголовок «Созидательная многозначность» статьи о роли «израильского ядерного оружия в мирном урегулировании» (*Новая цюрихская газета*, 30.05.1995, с. 9). Излюбленными являются словечки типа «свобода», которые «столь туманны», что всяк «может вкладывать в них угодный для себя смысл». Поэтому «свободу» столь охотно используют для агитации «прежде всего политической. Особенно это касается попыток завоевания общественного мнения апелляцией к «свободе» (Gottfried Seebass. «Was ist politischer Liberalismus? Plädoyer für begriffliche Klarheit» («Что такое политический либерализм? Прения по поводу ясности понятий»). *Новая цюрихская газета*, 8—9.02.1997, с. 69). Именно в западных правовых государствах с их склонностью все и вся регулировать по законам таится опасность одичания правопорядка, превращения его в джунгли законов. Когда кустарники параграфов разрастаются до такой степени, что даже днем царит полумрак, то открывается доступ законной и противозаконной ловле рыбы в мутной воде.

«Трудность состоит в том, что законы редко бывают однозначными» (Elke Bohl. «Richter in Niemandsland: zur Methode der Juristen» («Судья на ничейной земле: о методах юристов», *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 13.02.1999, с. 13). Естественно, неопределенность используемых формулировок в юридических документах может оказаться благодатной почвой для стратагемы 20. «Сам закон находит крайне неточное выражение, что делается сознательно в целях обеспечения пространства для маневра, ибо каждый случай неповторим и трудно поддается описанию в общих словах» (Uwe Wesel: *Juristische Weltkunde: Eine Einführung in das Recht*, 5-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1990, с. 8). Пойманной рыбой в данном случае оказывается обусловленный понятийной неясностью простор для точек зрения и толкований (см. 25.15; советуя прочитать также: «Leben in der Unscharferelation: der Richterstand und sein Denker: Erfahrungen mit Oliver Wendell Holmes» («Жизнь в условиях неопределенности: положение судьи и его осмысление: опыт Оливера Венделла Холмса [младшего]»). *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 7.01.1997, с. 23) или по меньшей мере кажущееся согласие сторон в переговорах с неким общим постановлением («Leerformeln als Konsens» («Бессодержательные формулы в качестве основы достижения согласия»). *Die Zeit*. Гамбург, 9.07.1998, с. 29).

Примером может послужить внутригосударственное право Кении: «Местным властям, кроме того, позволительно запрещать оговоренное [законом]. Сам текст [в наброске к новому «Peaceful Assembly Bill»], устанавливающий, в каких случаях допускается подобный запрет, составлен столь неточно, что по-прежнему остаются лазейки для принятия произвольного решения» («Farce um Verfassungsreform in Kenia» («Фарс с конституционной реформой в Кении»). *Новая цюрихская газета*, 21 — 22.06.1997, с. 3).

В области международного права «минимальные гарантии прав человека включают точно прописанные, прямого действия правила, но зачастую облачаются в крайне общие принципы: запрещено некое «бесчеловечное» обращение, но что понимается под понятием бесчеловечного, предполагается определять в каждом конкретном случае» (Walter Kälin. *Menschenrechte in der kulturellen Vielfalt* (Права человека при культурном многообразии. Stefan Batzli et al. [редактор]: *Menschenbilder, Menschenrechte* (Образ человека, права человека). Цюрих, 1994, с. 21).

При военном столкновении можно нейтрально говорить о «враждующих сторонах» и тем самым уклоняться от разграничения нападающего и жертвы. Расплывчатость выражения «враждующие стороны» может содействовать ловле всякого рода рыбы: сохранить лицо агрессору, сдержать проявление эмоций, оправдать невмешательство и т. д. «Единственный свидетель лицемерия: то, как международное право своими стараниями очеловечить современную войну явочным порядком утверждает ее бесчеловечность» — так озаглавил свою статью Марко Монтани (Montani) в *Франкфуртер альгемайне цайтунг* от 24.05.1995 (с. 5), откуда мы приведем некоторые извлечения. Если прочитать ее под углом зрения стратагемы 20, то вырисовывается весьма точное название: «Единственный свидетель хитрости: как международное право внешне старается очеловечить современную войну, а на самом деле явочным порядком утверждает ее бесчеловечность».

«Два правоведа «гарвардской школы права» разъясняют вопрос относительно соотношения права и войны

(Роджер Норманд (Normand) и Крис аф Йохник (Jochnick), «The Legitimation of Violence: A Critical History of the Laws of War» («Узаконивание насилия: критическая история законов войны». *Harvard International Law Journal*, т. 35, № 1 и 2, Кембридж, Массачусетс, 1994, с. 49 и след. и 387 и след.). Они противостоят распространенному мнению, что правила международного права «очеловечили» войну в ходе исторической выработки компромиссов и кодификации. Сколько ни пытались посредством международного права вместить в рамки закона войну, в итоге это лишь потворствовало разрастанию военных конфликтов, поскольку оправдывало их явочным порядком. Авторы сомневаются в гуманистических намерениях участвовавших в мирных конференциях XIX—XX вв. сторон и в самом очеловечивающем действии международных соглашений на правовые нормы ведения войны. Ни «*jus ad bellum*» (законы объявления войны), ни «*jus in bello*» (законы ведения войны) не ограничивают по-настоящему воюющих. Нечетко определенные договорные условия в международном праве снабжают воюющие стороны лишь показательными средствами, придающими необходимую «законность» проведения военных действий. Авторы приводят сообщение о военном судопроизводстве в ходе войны в Персидском заливе: «Задачей адвокатов в форме было не ставить зряшных препятствий, а изыскивать законные пути и средства для отстаивания интересов своих подзащитных, даже если эти интересы сопряжены с необходимостью подрывов или умерщвления... Но и обе мирные гаагские конференции 1899 и 1907 гг. не оспаривали преимущества военных интересов, так и не достигнув конкретных подвижек в сторону гуманности. Высокое международное признание их решений во многом способствовало тому, что почти любое военное действие по законам воюющего государства можно было считать гуманным. Еще перед началом первой гаагской конференции делегациям крупнейших военных держав было наказано отклонять любые ограничения, касающиеся арсенала оружия и затрат на вооружение. Так что соглашения отличались напыщенной пустотой содержания, открывавшей лазейки любым толкованиям».

20.23. Китайское видение внешней политики с высоты стратагема 20

«Франция и Россия «ловят рыбу в мутной воде», — писал один швейцарский обозреватель во время иракского кризиса (*Новая цюрихская газета* 21—22.02.1998, с. У). Значительно чаще по сравнению с западной прессой стратагема 20 появляется во внешнеполитических отчетах китайских изданий. Своей мишенью подобные отчеты избирали большей частью бывший Советский Союз, который, согласно учению Мао Цзэдуна о трех мирах, являлся главным врагом Китайской Народной Республики, но порой это были и обе сверхдержавы, США и СССР, а иногда и Вьетнам ввиду его позиции в отношении Камбоджи.

После развала Советского Союза под прицел такого рода ответов под углом зрения стратагема вызывания беспорядков попали США, но порой их мишенью оказывается и Великобритания в связи с Гонконгом. Во время войны за Фолклендские острова между Аргентиной и Великобританией Советский Союз обвиняли в «ловле рыбы в мутных водах южной Атлантики». Подобного рода оценки получили действия Советского Союза на Африканском континенте (1978), на Среднем Востоке (1980) и на переговорах по разоружению (1978). Два рыбака, представляющих сверхдержавы США и СССР, на карикатуре Фан Чэ-на забрались в водоем под названием «Третий мир» и запустили туда свои руки.

Великобритании досталось за то, что незадолго до истечения срока своего правления в Гонконге она «поспешно» издала противоречащий статусу Гонконга как особой зоны закон о правах человека. «Ее заботит вовсе не обеспечение прав человека, а то, как бы запутать правовую систему Гонконга после 1997 г.» (отдел печати Госсовета КНР, 1997).

США в связи с событиями в Гаити уличили в использовании стратагема 20: «Известные службы США прибегают к всевозможным уловкам для замутнения воды, только вот чем больше она взбаламучивается, тем зачастую хуже становится самим США» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 19.12.1995). И во внутренней политике Китая в рамках направленной против КНР политики сдерживания США пытаются «мутить воду» (*Жэньминь жибао*, 11.06.1995). В отношении поднятой по поводу прав человека дискуссии *Жэньминь жибао* предостерегает: «Когда одних выдают за «поборников прав человека», а других бесосновательно клеймят, когда «права человека» оказываются своего рода палкой, чтобы мутить воду внутренней политики суверенных государств для извлечения постыдной прибыли, все это способно вызвать лишь негодование и надлежащий отпор» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 17.03.1998).

20.24. Рыбий глаз выдавать за жемчужину

«Доброкачественное сырье подменяют низкокачественным, подделку выдают за подлинное, халтурят, используя недоброкачественный материал, обманывают в ценах».

Так называется статья о «торговле мебелью из сандалового дерева» в шанхайской газете *Литературное*

собрание [Вэньхуэй бао] от 22.03.1996. Вот ее начало: «Мебель из сандалового и чайного дерева среднего и высшего класса стала пользоваться огромным спросом на шанхайском рынке мебели. Изготавливающие такую мебель фабрики растут как грибы, соответственно ширится и сеть сбыта. Соблазненные возможной прибылью, некоторые производители и продавцы забывают всякий стыд. Они выдают подделку за подлинное, подменяют доброкачественное сырье низкосортным и т. д. Зачастую некоторые породы древесины из Юго-Восточной Азии представляют сандаловым деревом. Или именуют изготовленный из обычной древесины предмет мебели «сандаловым» и продают за соответствующую цену. Некоторые фабрики посредством недоброкачественного сырья и плохой работы стараются уменьшить производственные расходы. Или же с помощью ловких рекламных ходов вроде «Большая распродажа по сниженным ценам» либо «Цены низкие, дальше некуда» заманивают покупателя. Все это приводит к невообразимому смешению на рынке сандаловой и чайной мебели добротного и плохого товаров. Жертвой подобной неразберихи оказываются очень многие покупатели. Все больше раздается требований, чтобы соответствующие чины как можно быстрее издали регулирующие производство мебели правовые акты и навели порядок на рынке мебели».

Пекинская газета *Гуанмин жибао* от 15.08.1998 по-прежнему жалуется на то, как «путают рыбий глаз с жемчужиной на рынке мебели». Посредством смешения настоящего и поддельного, качественного и низкопробного удается мутить воду и ловить «рыбу» в виде денег дезориентированных покупателей. Естественно, здесь имеется в виду предосудительное использование стратагемы 20. Продолжая выражаться образным языком, можно сказать, что замутнение воды ухудшает видимость и тем самым мешает отличить настоящее от подделки.

И тогда «[белый] рыбий глаз путают со [светлой] жемчужиной [«юй-му хунь-чжу»]». Это тысячелетнее образное выражение в Китайской Народной Республике используют прежде всего в отношении экономики, которая в такой огромной стране, как Среднее государство, никогда не пребывала в должном состоянии. Частные пиратские издательства «смешивают рыбий глаз с жемчужинами», «клонировав» бестселлер и выбрасывая его в качестве дешевого конкурентного товара к легально отпечатанному тиражу на рынок (*Жэньминь жибао*. Пекин, 28.07.1997, с. 12). Осенью 1994 г. Союз китайских пищевиков и еще две организации с привлечением сорока одного дегустатора произвели пятидневную «государственную экспертизу знаменитого, а значит, и высококачественного сорта водки», шестую по счету с основания КНР (1949). Ее целью было покончить с захлестнувшей рынок спиртным волной «смешения жемчужин с рыбьим глазом». Из 200 проверенных видов водки лишь 17 подтвердили звание «знаменитой китайской водки», а 53 были признаны «высококачественной алкогольной продукцией», что совпало с итогами четвертой экспертизы 1989 г. (*Жэньминь жибао*. Пекин, 9.12.1994, с. 2).

Далее в отношении «смешения жемчужин с рыбьим глазом» китайская пресса жалуется на положение дел с холодильниками, чаем, сигаретами, углем (подмешивание камней) и текстилем. «Незаконные торговцы используют праздник весны [Нового года по лунному календарю] для смешения рыбьего глаза с жемчужиной», — называется статья из шанхайской газеты *Культурное собрание [Вэньхуэй бао]* за 28.11.1995, где сообщается, что в результате проверки шанхайской торговой сети 20 процентов предлагавшегося товара не соответствовало стандартам. Но и международная деловая жизнь представляется китайцам весьма подходящей для ловли рыбки в мутной воде. Поэтому неудивительно появление толстых книг вроде *Пробелы в законодательстве, а с этим обман и обход закона при заключении международных сделок и меры предосторожности* (16,5 млн. знаков. Пекин, 1996).

20.25. Сверхточный счет

Некий китайский предприниматель хотел приобрести у одного американского изготовителя автоматизированную производственную линию. Когда он спросил о цене, американская сторона решила заработать на его неопытности, передав ему крайне «подробный ценник» предлагаемого оборудования. Там была проставлена цена всех отдельных узлов, запчастей, сборки, а также запуска линии, обучения обслуживающего персонала, транспортных расходов, упаковки и так далее. Для увеличения списка умудрились даже разбить цену основного узла на отдельные позиции. Таким образом, китайская сторона получила подробный ценник на нескольких десятках страниц. Чтобы выяснить правильность выставленных цен, пришлось немало потрудиться. Оказалось, что некоторые пункты вообще не поддавались проверке. Выяснилось, что американская сторона воспользовалась способом смешения истинного с подделкой, исподволь завысив по каждой отдельной позиции закупочную цену. Хотя прибавки были малы, чтобы не бросаться в глаза, но в итоге благодаря этому набегала достаточно круглая дополнительная сумма. Кроме того, китайцы выявили наличие в ценнике излишних комплектующих и быстро выходящих из строя деталей. Все это делалось с целью увеличения конечной стоимости. Китайцы тщательно изучили предложенный им список и подготовили подробное заключение, которое было предъявлено американцам при заключении договора. Тем ничего не оставалось, как снизить первоначальную цену на целых сорок процентов.

Американская сторона пыталась воспользоваться стратагемой 20, для чего был подготовлен подробный ценник на предлагаемый товар. Они рассчитывали, что внушительное число позиций и их мелочное описание обескуражит китайцев и отобьет у них всякое желание перепроверять предъявленный счет. Американцы возмнили, что незаметно смогут поднять итоговую цену и, воспользовавшись замешательством со стороны китайцев при виде предъявленного им сверхточного счета, с выгодой для себя повернуть дело. Китайцы же раскусили стратагему, пишет Юй Сюэбинь в своей книге *36 стратагем, заново истолкованных и тщательно разобранных* (Пекин, 1993), «удалив всю муть из реки, так что вода стала совершенно прозрачной».

20.26. Рассуждения о применении и оправдании стратагемы 20

Всякая хитрость исходит из того, что мир, согласно древнегреческим мифам возникший из безобразного, неупорядоченного правешества, хаоса, оказывается неоднозначным и многослойным, а стало быть, в основе своей «замутненным», что подтверждает и современная теория хаоса. «Пожалуй, природа милостиво пошла на хитрость, чтобы мы более не могли обзреть и постичь, узреть и понять этот мир» (Claus Jacobi «Das menschliche Wissen gleicht einem Fettfleck auf Löschpapier») («Человеческое знание сродни жирному пятну на вошеной бумаге»): *Бильд*. Гамбург, 10.01.1998, с. 2). А если что-то вдруг предстает в мире ясным, то хитрость тотчас начинает мутить. Так рядом с «однозначным», прямым неизменно открывается по меньшей мере некий стратагемный, то есть невидимый, неожиданный для других, путь к цели — «хаос как пространство для выживания» (из названия рецензии на книгу «Überleben auf italienisch») («Выживание по-итальянски»): *Новая цюрихская газета*, 5.12.1983), но — внимание — и для карманников с мошенниками! Прибегать к хитрости в таком случае означает единственно «ловить рыбу в мутной воде».

Как пишет тайваньский знаток стратагем Шу Хань, в 36 стратагемах речь идет о необычных приемах и особенных уловках. Это с одной стороны. А с другой, у них есть общее с детской игрой. Хладнокровный, зоркий противник, которого пытаются провести посредством стратагем, легко их раскусит. Поэтому перед тем, как прибегать к ним, нужно замутить разум и душу противника и притупить остроту его ума. Лишь тогда можно рассчитывать на то, что стратагема возымеет действие. Естественно, проводнику стратагемы нужно стараться не пасть самому жертвой «замутнения воды», а для этого сохранять бдительность, как пишет пекинский знаток стратагем Юй Сюэбинь.

Если воду мутят, поднимая со дна грязь, то лучше всего обезопасить себя, постоянно удаляя со дна всю грязь в соответствии с советом Лао Цзы: «Наведение порядка надо начать тогда, когда еще нет смуты» [гл. 64]. Тем самым мы изначально расстраиваем осуществление стратагемы 20.

Однако воду мутят не только тем, что поднимают со дна грязь, так что порой бывает трудно этому помешать. Как же ведут себя после замутнения? К сожалению, не всегда тотчас является *deus ex machina* из 22-го псалма Давида [*Пс 22:1—2*]:

Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях И водит меня к водам тихим.

Прежде всего, не тогда, когда думаешь о неразберихе многочисленных переводов Библии, которые могут привести вас далеко не к «чистым водам». Подобно тому как рыба в взбаламученной воде теряет присущую ей зоркость, так и оказавшемуся в запутанном положении человеку бывает крайне затруднительно определиться с тем, какое поведение здесь верно, а какое притворно, считает пекинский исследователь стратагем Ли Биньнь. Полностью теряется ориентация, и тогда появляется возможность использовать против дезориентированного человека стратагему 20. Оказавшись неожиданно в подобном положении, большинство людей, по мнению тайваньского исследователя Шу Ханя, теряют душевное равновесие. Не владея собой от страха, они просто не знают, что делать. При виде неразберихи или перед лицом непредвиденных обстоятельств надо сохранять благоразумие, чтобы не стать жертвой стратагемы 20. Здесь необходимо хладнокровие, или, как выражаются китайцы, «посреди опасностей не терять присутствия духа» («чу лу-ань бу цзин»), в надежде на то, что «повсюду сыщутся источники» («цзо ю фэн юань»), иначе говоря, так или иначе удастся выпутаться. Как говорится в древней китайской *Книге перемен*: «Когда становишься изнутри хозяином сложившихся обстоятельств, то само собой получится, что и внешние деяния увенчаются успехом»²⁸⁴. С помощью свойственному от природы рыбе хладнокровию следует в

²⁸⁴ Приводится не сам текст «Книги перемен», а толкование переводчиком на немецкий Р. Вильгельмом «Привязанных слов» к 29-й гексаграмме «(Си) кань», («(двойная) бездна», или «(повторная) опасность»): «Обладателю правды — только в сердце свершение. Действия будут одобрены» (пер. на русский Ю. Щуцкого). Вильгельм переводил «И цзин» совместно с Лао Найсюанем, старым начетчиком, бывшим в

решающий момент по меньшей мере сохранять присущее заурядному человеку разумение и не совершать слепо необдуманные действия, на которые, конечно, уповает проводник стратагема 20.

Надо стараться не поддаваться панике. Следует помнить, что в подобной ситуации всегда возможно стать «рыбой» в руках проводника стратагема 20. Чем больше неразбериха, тем больше требуется трезвости и спокойствия. Не делайте опрометчивых шагов и ступайте туда, где можете на время укрыться и перевести дух. По возможности быстрее отыщите выход, ведущий из мутной воды в чистую, спокойную гавань, ибо, находясь во взбаламученной воде, пусть и в укрытии, потенциальная «рыба» пребывает в неблагоприятных, стесненных условиях. Роптать и противиться здесь бесполезно.

«Бегство» (см. стратагему 36) в таком случае единственный выход (Юй Сюэбинь). Порой бывает верна поговорка: «в мутной воде неплохо ловить рыбу, но и удобно скрыться». Если оказывается невозможным бегство, то надо следовать совету древней *Книги перемен* (согласно переводу Рихарда Вильгельма, *I Ging*): «Находясь в опасности, не надо рассчитывать на то, что выпутаешься из любого положения, а нужно просто радоваться тому, что не поддался опасности. Нужно смириться с существующим положением и довольствоваться малым, ибо большого успеха тут не достичь. Источник поначалу тоже скудно течет, и требуется время, пока он пробьет себе путь, вырываясь на простор»²⁸⁵.

20.27. Ловить рыбу, предварительно осушив пруд

Когда не ограничиваются простым замутнением воды, стратагема 20 грозит обернуться глупостью, что уже было подмечено в Китае две тысячи лет назад: «ловить рыбу, предварительно осушив пруд» («цзе цзе эр юй»). Иначе говоря, за счет долговременной пользы стараться получить сиюминутную выгоду. Еще печальней карикатура, представленная в газете *Вечерний Пекин (Бэйцзин ваньбао)* за 25.01.1984: в реке стоит рыбак с пустыми руками, хотя видно, что он пытал счастья не раз. Подпись под рисунком такая: «Замутить воду и оказаться без рыбы». На заднем плане виднеется завод, откуда в реку черным потоком текут сбросы.

20.28. В чересчур чистой воде рыба не водится

«В древности царь на своем венце перед глазами носил подвески жемчуга, дабы заслонять взор и шелковую бахромю перед ушами, дабы закрывать слух. Ведь стоит воде стать слишком чистой, то и рыбы там не будет («шуй чжи цин цзе у юй»), а стоит начать все подвергать проверке, лишишься последователей» [«Записки старшего Дая о правилах благопристойности» («Да Дай ли цзи»), 65 гл.].

Данные рассуждения мы находим в *Записках о благопристойности*, одной из пяти книг конфуцианского канона Древнего Китая. Свой окончательный вид «Ли цзи» приобрели в I в. до н. э., представляя собой перечень правил должного поведения во всех жизненных обстоятельствах. Благодаря Рихарду Вильгельму²⁸⁶ появился немецкий перевод книги (*Li Gi: Das Buch der Riten, Sitten und Gebrauche*. Дюссельдорф, 1981).

родстве с потомками Конфуция. Лао Найсюань «объяснял текст на китайском языке, я делал заметки для себя и переводил текст на немецкий, — писал Р. Вильгельм. — После этого я переводил немецкий текст обратно на китайский без обращения к оригиналу, Лао Найсюань проверял, насколько моя версия отвечает первоисточнику. Затем следовала стилистическая шлифовка и детальное обсуждение немецкого текста. На этой стадии я перерабатывал каждый отрывок по три-четыре раза и добавлял необходимые комментарии» (Р. Вильгельм, Г. Вильгельм. «Понимание «И цзин». Сборник». Пер. с нем., англ. В. Курносковой. М.: Алетея, 2003, с. 6). — *Прим. пер.*

²⁸⁵ Приводится не сам текст «Книги перемен», а толкование переводчиком на немецкий Р. Вильгельмом «Привязанных слов» ко второй позиции 29-й гексаграммы «(Си) кань» («(двойная) бездна» или «(повторная) опасность»): «В бездне есть опасность. — Добываясь, кое-что обретешь» (русский пер. Ю. Щуцкого). — *Прим. пер.*

²⁸⁶ Приведенный отрывок из нем. перевода Р. Вильгельма. «Ли цзи» в действительности относится к не входящему в конфуцианский канон Дай Дэ (II в. до н. э.); именуемому также «старшим Даем» (Да Дай), чтобы отличать от его племянника Дай Шэна — «младшего Дая» (Сяо Шэн). «Записки старшего Дая о правилах благопристойности» в 85 главах («нянь») («Да Дай ли цзи»). Это произведение представляет собой собрание высказываний о «ли», содержавшихся в древних памятниках конфуцианской традиции, и описаний этико-ритуальных установлений, которые после обработки их Дай Шэнем легли в основу известного ныне канонического текста «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности»). Из сочинения Дай Дэ сохранились 39 паней. — *Прим. пер.*

«Мутная вода богаче рыбой» [aqua turbida piscisior], говорил Петр из Блуа, архидиакон Батский в 1200 г. «В чересчур чистой воде рыба не водится» [«шуй чжи цин цзэ у юй»] гласит и ныне популярная китайская поговорка. Мы встречаем ее уже в древности, например, в связи с политическими событиями у Фань Е (398—445) в его династийной хронике «Книга поздней Хань» [«Хоу хань шу»], жизнеописание Бань Чао. Он приводит ее вкупе с таким советом: «проявлять снисходительность к мелким проступкам и удерживать суть» [«куань сяо го, цзун да ган»]. А в Европе Эразм Роттердамский (1467—1536) для скрепления уз меж людьми советовал «закрывать глаза на их недостатки» [«Похвала глупости», гл. 19. «Она же [глупость] — соединительница друзей». Пер. с лат. П. Губера].

Некоторая загрязненность воды может оказаться для рыбы жизненно необходимой. Еще Конфуций говорил: «Рыба питается в мутной воде и плавает в ней». В переносном смысле это верно и для человеческой жизни. Полная прозрачность не всегда возможна и желательна. Под таким углом зрения ловлю рыбы в мутной воде — на глазок, а порой и с закрытыми глазами — можно рассматривать как в полном смысле стратагемное жизненное правило общего пользования.

Стратагема № 21. Цикада сбрасывает золотой кокон (оболочку, чешую)

Четыре иероглифа	金	蟬	脫	壳
Современное китайское чтение	цзинь	чань	то	цяо
Перевод каждого иероглифа	золотая	цикада	сбрасывать	кокон
Связный перевод	Отливающая позолотой цикада сбрасывает отливающую позолотой чешую / оболочку. Цикада старается незаметно сбежать, оставляя кокон, чтобы тем самым отвлечь внимание преследователей.			
Сущность	1. Стратагема выхода из бедственного положения; стратагема избавления от тисков; в связи со ставшей излишней оболочкой / со стесненным положением / с опасностью: стратагема ускользания. 2. а) Стратагема сокрытия отступления или бегства посредством оставления муляжа или приманки; б) Стратагема скрытой временной сдачи позиции/сокрытия временной смены своего местонахождения или частичного отхода. 3. Стратагема изменения облика; стратагема мимикрии; стратагема превращения; стратагема хамелеона. 4. Стратагема намеренного отвлечения/привлечения внимания к чему-то переходящему / иному / не важному / второстепенному; фокусирующая [внимание] стратагема.			

21.1. Обзорение поля значений цикадной стратагемы

Прозрачный как роса, их чистый слитный звук доносится издалека,

Подобно шуршанию под ветром увядших листьев.

Звук льется единой трелью,

Хотя каждая [цикада] сидит особняком на ветке.

Так описывает пение цикад в одноименном стихотворении ганская поэтесса Сюэ Тао (770—832). Подобно майскому жуку, цикады поначалу живут в виде личинок под землей, они присасываются к корням растений в поисках сока, как и тля. Затем большими скопищами они одновременно выползают наружу, вскарабкиваются по стеблям растений и линяют, наподобие стрекоз, личинки которых развиваются в воде, а потом по стеблю водяного растения поднимаются вверх на поверхность воды и тогда линяют.

В ежемесячном журнале *Изобразительное искусство* ([Мэй-шу]. Пекин, № 2, 1982) преподавательница сычуаньской Академии искусств описывает наблюдавшуюся ею в течение трех часов линьку цикады, которую летом принесла домой ее дочь: «Пришлось запастись терпением. Мы увидели, как в коконе что-то

стало то расширяться, то сжиматься, как это бывает при родовых схватках. Через некоторое время разошлась передняя часть оболочки. Появившаяся в прорехе голова все увеличивала прореху, пока наконец полностью не протиснулась наружу. Потом и тело начало изгибаться и поворачиваться, избавляясь от своих пеленок. Тогда и предстала пред нами прекрасная цикада».

Цикады встречаются повсюду, в том числе и у Средиземного моря. Они вылупляются из личинок. В отличие от бабочек, у них отсутствует стадия куколки. На свет появляется сразу полностью сформировавшееся насекомое, живущее на поверхности. Сброшенный кокон бывает белесого или желтоватого цвета, отливая на солнце золотым блеском. Сама оболочка прозрачная. Сразу после линьки Цикада начинает стрекотать. Дребезжащим металлическим звуком выделяется большая певчая цикада. Австралийские энтомологи обнаружили, что у цикад со стороны брюшка имеется своего рода барабан — упругие резонаторы, натянутые на четыре ребра. Имеющаяся там мышца двигается с такой силой, что за три миллисекунды они производят стрекот, звучание которого достигает ста децибел (такой мощности звук издает при взлете самолет) на расстоянии одного метра — длина же самой цикады не превышает шести сантиметров.

Вылупившаяся цикада прекрасно умеет мимикрировать. Она облачена в маскировочное одеяние. Покинув блестящий, броский кокон, цикада становится невидимой. Для собирателей насекомых это сушая напасть: они слышат цикаду, а увидеть не могут. Поэтому, пожалуй, и был принят на вооружение создателями стратагем образ сбрасывающей оболочку цикады, а не выклеывающегося из яйца неуклюжего птенца, которого каждый может увидеть.

Согласно краткому сообщению профессора Пауля Ульриха Уншульда (Мюнхенский университет), очищенная сырая оболочка цикады используется в качестве лекарства при кашле и охриплости горла, при кори, а также испуге и ночном плаче младенцев. Как мне рассказал весной 1998 г. китайский правовед Ху Чжэньцзе, ребенком в родной деревне Хаоцзыган (уезд Чандэ, провинция Хунань) он по утрам собирал чешую цикад после ночной линьки, а затем продавал. Автор книги по стратагемам Чжан Шаосюн вспоминает, что во времена его детства один кокон цикады стоил два фыня (одна сотая юаня, примерно два пфеннига). На юге Китая цикада выползает из земли, где она жила в виде личинки, летом, а в других местах и ранней осенью, взбираясь ночью на дерево. Там она на листе сбрасывает оболочку, после чего, уже имея крылья, улетает. Кокон снабжен шипом и поэтому остается висеть на листе. Мой китайский доверитель Ху Чжэньцзе вспоминал, как в детстве крепил на длинном бамбуковом шесте изготовленную из веток либо проволоки крестовину и совал ее в паутину, которая цеплялась за нее. Если удавалось заметить цикаду, когда она после линьки, еще вся черная, лишь крылышки прозрачные, где-то ползет, он набрасывал на нее свою паутину-ловушку, и она там запутывалась. Затем он извлекал это небольшое насекомое — величиной с палец — и наслаждался его громким стрекотанием, зажав его в кулак либо засунув в банку, где оно вскоре и погибало от голода.

«Золотистый», «золотой» представляет собой образное сравнение прилагательного «желтый». В качестве головного украшения женщины использовали изготовленные из золота фигурки цикад. Поскольку цикада после линьки живет на возвышенных местах, считалось, что она далека от бренного мира и питается исключительно ветром и росой. Цикада представлялась самым чистым существом. Она служила олицетворением тех, кто, «возвысившись, пьет чистую воду», иначе говоря, обладает цельной и правдивой натурой. Неудивительно, что чиновники в Древнем Китае носили шапку, украшенную золотой цикадой. Цикада в этом случае олицетворяла чистоту (правдивость), а золото — твердость. Но с цикадой сравнивали и отшельника, который в одной из пьес Ма Чжиюаня (1250—1321) отклоняет императорское предложение занять высокий пост, обосновывая свой отказ идилическим описанием даосской, отличающейся чистотой и отрешенностью от мирских забот жизнью на природе.

1. Оболочка цикады в выражении стратагемы 21 первым делом предстает как образ некоей стесненности, бедственности положения, из которого пытаются выпутаться. «Slip out of a predicament [выпутаться из затруднительного положения]» — таково первое объяснение выражения стратагемы 21 в *Китайско-английско-немецко-французском фразеологическом словаре* (Пекин, 1995). Соответствующие примеры мы находим уже в драмах юаньской поры (1271 — 1368). Так, Ма Чжиюань в пьесе «Ма Даньян трижды обращает в веру Бешеного Жэня» («Ма Даньян чжи санди Фэнцзы») в кульминационный момент действия после призыва мстителя «Нынче мне надобна твоя жизнь! Прощайся со своей головешкой!» вкладывает в уста своего героя такие слова: «Я в отчаянии оттого, что уходит из меня душа... О небо! Как бы мне выпутаться подобно выбирающейся из своей оболочки цикаде!»

2. Подобием золотой клеточки представляется певичке Се Тяньсян роскошный особняк правителя Кайфэна, куда тот поселил ее насильно. «Не могу найти никакой уловки, дабы ускользнуть подобно выбирающейся из оболочки цикаде», — вздыхает она в пьесе «Правитель Цянь оценивает по достоинству [певичку] Се Тяньсян» («Цянь да-инь чжи чун Се Тяньсян») Гуань Ханьцина (около 1240—1320). Озабочен поиском выхода из угрожающего его жизни положения и Сунь Бинь (см. 4.1 и 4.2), обращаясь к своему спасителю Бу

Шану со следующими словами: «Я как раз готовлю почву для уловки «цикада сбрасывает кокон» в третьем действии юаньской пьесы анонимного автора «Пан Цзюань ночью едет по дороге на Малин» («Пан Цзюань е цзо Малин дао»). В ходе дальнейших событий стратагема 21 приобретает также черты уловки сокрытия бегства. Так, когда, спрятавшись в повозку с чайным листом, Сунь Бинь покидает город через западные ворота, у восточных ворот разыгрывается отвлекающий маневр с переодетым посланником.

2. а) Упование Се Тяньсян на сулящую освобождение уловку и пример с Сунь Бинем отражают второй пласт значений стратагемы 21. Здесь избавление от неприятного положения усугубляется еще сокрытием самого хода такого избавления, будь то, в полном соответствии с коконом цикады, с помощью средств, изысканных самим спасающимся, либо с привлечением иных отвлекающих действий словесного, зрительного, звукового или другого рода. Во всяком случае, противник не должен понять, что за обманном образом скрывается вовсе не то, что обозначает сам образ, ибо служит он лишь для привлечения внимания к себе и, соответственно, для отвлечения внимания от того, кто думает скрыться. Исконный либо какой-то иной облик приковывает взгляд к себе, но за ним скрывается вовсе не исконное содержание. На это и нацелено использование стратагемы 21 с привлечением наглядных средств. Но возможны и иные средства. Арсенал здесь велик: от простых слов, которыми проводник стратагемы убеждает окружающих в безобидности своего ухода, до разыгрыша целого спектакля, за завесой которого пытаются скрыть свое исчезновение.

2. б) В образе скрывающейся «цикады» может выступать как отдельный человек, так и множество людей (например, воинский отряд). Ведь не всегда нужно ввязываться в бой: «если он [противник] силен, уклоняйся от него», провозглашается в восьмом способе военной хитрости *Военного искусства Сунь-цзы* [«Сунь-цзы», 1.7 «Первоначальные расчеты» («Цзи»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 122], где дальше говорится: «ибо маленький отряд, даже стойко сопротивляющийся, неминуемо будет взят в плен превосходящими силами противника» [*там же*, с. 130]. Один китайский комментатор *Военного искусства Сунь-цзы* упоминает в этой связи второго по значимости конфуцианского мыслителя Мэн Кэ (ум. 289 г. до н. э.): «Малый, безусловно, не может противостоять большому; один, безусловно, не может противостоять многим; слабый, безусловно, не может противостоять сильному» [«Мэн-цзы», 1.1.7. Пер. В. Колоколова, с. 25] (см. также 36.13). Малый, один или слабый, посему должен избегать собственного уничтожения. В данной связи впервые обнародованный в минскую эпоху военный трактат [Лю Цзи (1311 — 1375)²⁸⁷] «Сто примеров воинского искусства» в разделе «Слабость в военных действиях» [«Жо чжань»] гласит следующее: «Когда, вступая в противостояние с противником, уступаешь ему в численности и силе войска, нужно выставить побольше знамен и соорудить побольше очагов, создавая видимость присутствия большого войска и мешая неприятелю определить истинную численность и силу твоих войск. Тогда неприятель не решится сразу же завязать бой. Если есть возможность быстро отойти, можно сохранить в целостности свое войско» [«Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 373].

2. с) Стратагема 21 предстает стратагемой крайности, к которой прибегают в безвыходной ситуации, находясь в положении слабой, уступающей в силе стороны, более того, зачастую перед лицом неминуемого поражения, в надежде выпутаться. Чтобы такая стратагема увенчалась успехом, необходимо выбрать верный момент и подходящий случай. Скажем, вы находитесь чуть ли не в руках противника, чье превосходство может быть подавляющим. Но это не значит, что он не выкажет свои слабые места или что те внезапно сами не обнаружатся. С одной стороны, чтобы не упустить возможности победы, нельзя преждевременно идти на попятную, а с другой, нужно сохранять благоразумие и, не мешкая, признать отсутствие всяких видов на успех. Именно тогда следует прибегнуть к стратагеме 21. Сбрасывание оболочки должно происходить внезапно, ибо оно не сможет слишком долго удерживать противника. Поэтому правило гласит: «Раз нет победы, быстро отойди» («бу шэн су цзоу»). Разумеется, это правило идет вразрез с идеалом героического сопротивления до последнего человека.

При выборе благоприятной для применения стратагемы 21 возможности выжидают момента, когда противник уверился в своей победе, утратил бдительность и ослабил натиск. Теперь, пожалуй, обозначатся бреши, через которые можно улизнуть. В решающие минуты необходимо сохранять хладнокровие. Малейшая неосторожность способна привести к гибели. Спешка, тем более — паника, ни в коем случае не должна сопровождать замысел и исполнение стратагемы 21. Спокойствие духа во многом определяет верность оценки положения. Когда выбран подходящий момент осуществления стратагемы 21, нужно действовать быстро и решительно, покидая опасное место. В противном случае без ощутимых потерь провести в жизнь стратагему 21 не удастся. Китайский знаток стратагем Юй Сюэбинь в этой связи

²⁸⁷ Лю Цзи (1311 — 1375), которого называют также Лю Бовзнь, ученый и полководец, именовавшийся друзьями «современным Чжугэ Ля-ном», помог утвердиться династии Мин, в последние годы жизни написал «Сто примеров воинского искусства» («Баньчжань циюэ»). — *Прим. пер.*

упоминает геккона [цепкопалую ящерицу]. Способ бегства его от врага состоит в том, что он жертвует частью своего длинного хвоста. Пока враг смекнет, в чем дело, геккона и след простыл. Сбрасываемая же при бегстве «оболочка» должна являться чем-то незначимым и отнюдь не жизненно важным.

2. г) На войне стратагема 21 служит также и для приковывания противника к определенному месту, когда вы одновременно находитесь в двух местах.

Так, согласно одной пекинской книге о стратагемах, осенью 1943 г. советские войска в ходе битвы за Днепр смогли одурачить немцев. После того как немцам удалось остановить продвижение русских, советское командование решило, не меняя линии фронта, перебросить главную ударную моторизованную группировку на север от Киева, где было сосредоточено меньше немцев. Различными обманными действиями и отвлекающим маневром русским удалось скрытно перебросить целое воинское соединение, которое, по представлениям немцев, еще целую неделю оставалось на своих позициях.

В ходе войны Судного дня (1973) израильтяне — согласно той же книге — разыграли большое наступление, чтобы на самом деле незаметно перебросить основные силы с северного участка фронта на шестьсот километров западней в сторону Сипая.

Соккрытие переброски войск может потребоваться, когда нужно уклониться от противника, однако выясняется, что сюда двигается вражеское подкрепление. Если вы уходите с места боя, чтобы противостоять новой силе, возникает опасность соединения обоих вражеских войск. В таком случае следует заставить первое войско противника оставаться на занимаемых позициях. Этого можно достигнуть, «нарочно раздувая свою славу и могущество» («сюй-чжан шэн-ши»), чтобы противник поостерегся в своих действиях. А вы тем временем тайком вводите свои войска с места боя и беспрепятственно разделяетесь с надвигающимся вражеским подкреплением, после чего возвращаетесь на исходные позиции и даете отпор прежним силам. Стратагема 21 в качестве средства сокращения временного оставления своих позиций подходит и в случае большего числа вражеских сил. Образно выражаясь, здесь имеет место возвращение цикады в свой кокон после того, как она незамеченной его покидала.

2. д) «Бегство» в китайских текстах понимается не только сугубо физически, как переход от одного места к другому, но и в переносном смысле. Так, поведение, при котором пытаются избежать ответственности, можно отнести к случаю использования стратагемы 21. 20.08.1997 г. *Жэньминь жибао* негодовала, что власти некоторых областей прибегают к стратагеме «цикада сбрасывает оболочку», освобождая государственные предприятия от долговых обязательств. Они допускают такие предприятия к конкурсам, регистрируя под другим именем. Взыскание долгов с разорившегося предприятия тем самым затрудняется.

У банкира Ду в романе Мао Дуня (1896—1981) «Перед рассветом» закрадывается подозрение, что биржевой воротила Чжао хочет пустить в ход стратагему «цикада сбрасывает чешую». Только что Чжао, в итоге торжествующий победу антипод главного героя романа, предпринимателя У Суньфу, предложил Ду вступить в тайное товарищество по игре на повышение на бирже государственных займов. «Дело в том, — быстро заговорил Чжао Бо-тао с явным кантонским акцентом, — что мы хотим создать тайное товарищество по игре на повышение, о чем я только что рассказывал тебе. В течение двух дней нужно собрать четыре-пять миллионов, а у меня... сил для этого недостаточно. Если же ты и У Сунь-фу пожелаешь принять участие в деле, успех можно считать обеспеченным. Иначе ничего не выйдет». Характерные глаза биржевика, сверкавшие из глубины глазниц, пристально следили за выражением лица Ду. «Ума не приложу, — удивился тот, — с чего тебе так хочется заниматься скупкой облигаций? Ведь в последние дни цена на них, под влиянием событий на фронте, упала. Правда, она может еще подняться, но едва ли война кончится так скоро. Да и правительственные войска на магистралях Лунхайской и Пин-ханьской железных дорог испытывают серьезные затруднения. Это ни для кого не секрет. Мелкие игроки на повышение выползли из своих клеток, и если сейчас ты купишь хоть все облигации, все равно их курса не поднимешь. Кроме того, до ликвидационного срока осталось только десять дней. Неужели за такое время ты рассчитываешь произвести скупку? Да и твоих четырех-пяти миллионов все равно не хватит». — «Ты высказываешь общеизвестное мнение, но тут есть один секрет», — перебил Чжао Бо-тао рассуждения Ду Чжу-чжай и загадочно улыбнулся. Ду Чжу-чжай запрокинул голову и прикрыл глаза, словно чем-то очень озабоченный. Он знал, что Чжао очень искусен и ловок и может создать любую атмосферу. Кроме того, у Чжао Бо-тао были связи с военными и политическими кругами. Быть может, он располагает какими-нибудь секретными сведениями о военных событиях?.. Нет, что-то непохоже. Чжу-чжай открыл глаза и неожиданно напоролся на пронизывающий и мрачный взгляд биржевика, в упор устремленный ему в лицо. Это сразу изменило ход мыслей Ду Чжу-чжай: «Ведь Чжао Бо-тао всегда играл на повышение, ликвидационный срок сделок приближается и совпадает с дуаньяном (праздник начала лета) по старому стилю, и Чжао, очевидно, обеспокоен и просто-напросто хочет спрятаться за какое-нибудь товарищество игроков на повышение...» [Мао Дунь. Сочинения, т. 2. Перед рассветом. Пер. с кит. Вл. Рудмана. М.: Гослитиздат, с. 53—54].

2. е) Для тех, кто захочет обезопасить себя от стратагемы сокращения бегства, имеется большой выбор

средств. Во-первых, использование стратагемы 22: полное окружение противника, не оставляющее ему ни единой лазейки. Тем самым исключается проведение стратагемы 21. Как только противник окажется полностью взятым в клещи, следует поскорее разделаться с ним. Если это окажется невозможным, нужно с великим тщанием сохранять сплошным кольцо оцепления. Во-вторых, когда противник находится уже в вашем распоряжении и вы не хотите позволить ему уйти, ведите за ним неусыпное наблюдение. При этом не поддавайтесь на создаваемые им обманные образы, а непременно исходите в своих действиях, как советуют китайские книги по стратагемам, из «существа», «природы» противника. «Стоит противнику замыслить какие-то козни, — пишет Юй Сюэбинь, — и обязательно следом проявятся некие необычные или особые свидетельства этого», которые, естественно, замечают лишь при подобающей бдительности. Например, «если речи противника дерзки и его войска спешат вперед, это значит, что он будет отступать» («Сунь-цзы», 9-14 «Использование войск» («Син цзюнь»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 175). В-третьих, нельзя поддаваться на пустые обещания противника и тем самым терять бдительность. Даже проявляя порой к нему великодушные, нужно ни на миг не упускать его из рук. В-четвертых, авторы китайских стратагем предостерегают от мягкосердечия, чему служит следующая басня Эзопа, так пришедшаяся по вкусу Мао Цзэдуну: «Старик-Крестьянин нашел зимою окованную от холода Змею, поднял ее из чувства сострадания и положил себе за пазуху. Отогрелась Змея, пробудились в ней природные инстинкты, и она ужалила своего благодетеля. «Поделом мне, — говорит Крестьянин, борясь со смертью, — я пожалел опасную тварь» [«Довести революцию до конца» (новогодняя статья агентства Синьхуа, написанная товарищем Мао Цзэдуном 30 декабря 1948 года [Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 4. Пекин, 1969, с. 373]²⁸⁸. Затем с целью предотвращения стратагемы 21 — и прочих стратагем — преподносится урок, который попутно Мао извлекает из самой басни: «Заморские и китайские ядовитые змеи хотят, чтобы китайский народ погиб так же, как этот крестьянин, хотят, чтобы Коммунистическая партия и все революционеры-демократы Китая так же, как этот крестьянин, питали добрые чувства к ядовитым змеям. Однако китайский народ, Коммунистическая партия и все подлинные революционеры-демократы Китая слышали и помнят предсмертные слова этого крестьянина» [там же, с. 373].

2. ж) В качестве уловки сокрытия бегства стратагему 21 следует отличать от стратагемы 11. В обоих случаях привлекается замена, позволяющая проводнику уловки спастись. Однако в стратагеме 11, во-первых, как правило, дело касается принуждения, которого нужно избежать, тогда как стратагема 21 ограничивается иными затруднениями. Во-вторых, заменой в стратагеме 21 неизменно является обманный образ или некая жертвуемая проводником уловки его собственная часть, тогда как в стратагеме 11 замена состоит из того, что не принадлежит самому проводнику стратагемы. Обычно в стратагеме 11 в качестве замены выступает нечто вполне реальное.

2. з) Наконец, стратагему 21 можно, весьма обще, представить как средство, позволяющее перенестись из состояния Л в состояние Б. Исходное положение, исходное место покидается и заменяется на лишенное прежнего постылого бытия существование. В этом смысле самая старинная форма выражения стратагемы 21 появилась две тысячи лет назад (см. 21.23).

3. Данный, приводимый последним, вид стратагемы 21 в качестве уловки сокрытия бегства дает нам третий пласт значений стратагемы, связанный с изменением образа или облика, что, естественно, может содействовать сокрытию бегства. Так, одна гонконгская книга по стратагемам в главе, отведенной стратагеме 21, сообщает, как Лун Юнь (1887—1962), бывший одно время при Чан Кайши губернатором провинции Юньнань, но затем впавший в немилость и заключенный под домашний арест, смог, переодевшись старухой, сбежать и перебраться в Гонконг, откуда позднее отправился в Китайскую Народную Республику, где достаточно преуспел. Здесь цикада покидает свою оболочку не ради бегства, а чтобы принять иной вид существования или иной облик. Покидается некая сцена, но не с целью избежать чего-то неприятного, а с намерением приобрести повое пространство для маневра. Так что вполне резонно связать превращение, о котором ведет речь стратагема 21, не только с мотивом бегства, но и с некой целью, достижение которой невозможно, если оставаться в исконном облике. Данная сторона выражения стратагемы 21 ясно определена в *Большом словаре китайского языка* [в 13 тт. («Ханьйой да цидянь»)] (т. 11, Шанхай, 1993, с. 1190): «превращение и изменение». Наилучшее отражение эта сторона стратагемы превращения нашла и устойчивом выражении «менять голову, изменять лицо» («гай-тоу хуань-мянь»),

²⁸⁸ У Эзопа это басня «Путник и гадука»: «Путник шел зимой по дороге и увидел змею, которая погибала от стужи. Пожалел он ее, спрятал за пазуху и стал отогревать. Пока змея была замерзшая, она лежала спокойно, а как только отогрелась — ужалила его в живот. Почувствовав смерть, сказал путник: «Поделом мне: зачем я спас умирающую тварь, когда ее и живую-то надо было убить?» Басня показывает, что злая душа не только не платит благодарностью в ответ на добро, но даже восстает против благодетеля (Античная басня. Пер. с греческого и латинского М. Гаспарова, М.: Худ. лит., 1991, басня 76). — *Прим. пер.*

которое вскользь упоминается в примере 21.19 вкупе с выражением стратагемы 21. В этом отношении к величайшим искусникам уловок наряду с богами античной Греции вроде морского бога Протея принадлежит и герой романа *Путешествие на запад* обезьяний царь Сунь Укун. Обладая тайной 72 превращений [гл. 2], он мог по желанию превращаться в животных и растения, а также в предметы и людей. Конечно, соответствуя подобной роли, стратагема 21 не требует столь диковинных превращений, как у царя обезьян. Зачастую бывает достаточно то, о чем говорится в следующем китайском выражении: «цяочжуан гай бань: переряжаться и выступать в ином образе». Этот пласт значений стратагемы 21 высвечивает многочисленные явления жизни, такие как:

- тайные осведомители, работающие под прикрытием, шпионы, секретные агенты, филеры, провокаторы;
- полицейские в штатском (бяньи цзинча);
- проводимые нижними чинами вроде обычных полицейских «тайные проверки» (сы фан ань ча, или сыфан);
- «личные проверки, проводимые одетыми в обычное платье» высокопоставленными чинами (вэй фу сы фан);
- проводимые журналистами «тайные расследования» (иньсин цайфан);
- смена имени и фамилии (иньсин-маймин — или гэн-мин);
- сокрытие своего положения (и моу шэньфэнь вэй яньху);
- выдавать себя за другого (мао мин дин ти);
- выступать «волком в овечьей шкуре» (пичжэ янпи дэ чай-лан) (здесь европейцу приходит на ум волк из сказок «Красная шапочка» и «Волк и семеро козлят»).

Согласно современному международному праву о войне, как это закреплено в Дополнительном протоколе № 1 от 8 июня 1977 г. к Женевской Конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв международных вооруженных конфликтов, запрещено использование стратагемы превращения, как-то: «с) симулирование обладания статусом гражданского лица или некомбатанта, d) симулирование обладания статусом, предоставляющим защиту, путем использования знаков, эмблем или форменной одежды Организации Объединенных Наций, нейтральных государств или других государств, не являющихся сторонами, находящимися в конфликте» (статья 37 «Запрещение вероломства»).

4. В стратагеме 21 «цикада» оставляет пустую оболочку, на которую тем не менее все устремляют свои взгляды, тогда как сама цикада остается незамеченной. Не только сокрытием бегства, но и сокрытием действий последнее возможное значение стратагемы 21 предстает как отвлечение внимания жертвы стратагемы от чего-то живого — ускользнувшей цикады — в этом смысле важного к чему-то мертвому — чешуе цикады — а значит, второстепенному. Здесь требуется приковать внимание жертвы стратагемы к сброшенной цикадой чешуе с тем, чтобы все свои силы обманутый употребил не на пребывающую в ином месте цикаду, а на ее чешую, то есть на нечто второстепенное, неважное, во всяком случае, не жизненно важное. Стратагему 21 с данным пластом значений следует отличать от стратагемы 6. Ведь стратагема 6 тоже использует отвлечение, хотя исключительно ради сокрытия готовящегося нападения. А вот стратагема 21 прибегает к отвлекающему маневру, служащему значительно более широкому кругу иных задач. Зачем вообще нужно отвлечение? В конечном счете для того, чтобы отвлекающий смог незаметно предпринять то, что оказывается для него недоступным либо сопряжено с существенными издержками или риском наказания. Пока отвлечение служит бегству в самом отвлеченном его смысле, то и само существо стратагемы 21, стратагемы бегства, соответствует четвертому пласту ее значения.

Например, существует опасность, что представляющий весьма относительными, едва ли не безобидными все другие преступления против человечества «тезис об исключительности» совершенного в ходе Второй мировой войны на территории Европы злодеяния отвлекает от «судручающей действительности» [после чего «демоцид»²⁸⁹, схожий с этим европейским злодеянием «оказывается не исключительным»], «оставляя единственно немцам непреходящий вклад в цивилизацию по претворению зла в жизнь, тогда как прочее человечество в бессознательной уверенности в своей невинности может предаваться повседневному

²⁸⁹ Демоцид — термин, охватывающий различные формы массовых убийств, осуществляемых правительством, например, геноцид, резня; такие убийства обычно направлены против невооруженного гражданского населения.

делам» (Манфред Хеннингсен (Henningesen), преподаватель политологии в Гавайском университете, Гонолулу, США: «Das Jahrhundert der Demozide», *Цайт*. Гамбург, 4.06.1998, с. 39). Далее, существует опасность, что это европейское злодеяние «будут использовать в качестве довода для оправдания собственной неправоты», и «превратят в орудие» по отвлечению от других и к тому же более «свежих» преступлений (Моше Цуккерманн (Zuckermann), преподаватель «Института истории и философии науки и идей» Тель-Авивского университета: *Geo*. Гамбург, № 5, май, 1998, с. 66 и след.) (см. также 25.24). Наконец, существует опасность, что участвуют следующие утверждения: «сколь часто после окончания нацистского господства в Германии говорится, что более никогда не совершатся злодеяния, подобные тем, что творились в сороковые годы, — а между тем стали возможными массовые убийства в Камбодже и резня в Руанде» («Appell von Robinson und Dreifuss für Menschenrechte» («Призыв Робинсона и Дрейфуса к соблюдению прав человека». *Новая цюрихская газета*, 29—30.08.1998, с. 14); «Чистки продолжатся... Зверства не ослабевают» (Адольф Мушг (Muschg), «Von der Nationalität zur Bestialität» («От национальности до зверства». *Die Weltwoche*²⁹⁰. Цюрих, 28.09.1995, Приложение, с. 11); «...хотя геноцид заставил весь мир твердо заявить: никогда!.. — в нем находят пример непрекращающиеся «этнические чистки» (Гюнтер Грасс. «Der lernende Lehrer» («Сообразительный учитель». *Цайт*. Гамбург, 20.05.1995, с. 43). «Все хором на земле заявляют: никогда! И вместе с тем у нас развязываются ужасные войны со всеми, столь хорошо знакомыми из истории составляющими; ежедневно умирают от голода тысячи людей. А кого обойдет голодная смерть от голода или от холода, того жестоко убьют. И все это, что никогда не должно более повториться, ежедневно празднует очередную победу!» Если мы всерьез озабочены созданием лучшего мира, необходимо вопросы, касающиеся преступлений на европейском театре военных действий в ходе Второй мировой войны, «заменить в средствах массовой информации тем, что творится в Боснии и Сербии, Сомали, Судане, необходимо с той же страстью говорить о творящихся там вопиющих беззакониях... «Никогда более!» Какое издевательство». Преступлениями на европейском театре военных действий в ходе Второй мировой войны стали «злоупотреблять» в качестве «алиби» сообразно стратега бегства (*Новая цюрихская газета*, 14.05.1998, с. 69).

XX век — опять же по причине совершенных в ходе Второй мировой войны на территории Европы со стороны немцев преступлений против европейцев — «еще именуют немецким» (Рита Кучиньски (Kuczynski), «Die gebrochene Welt» («Сломанный мир»): *Süddeutsche Zeitung*²⁹¹. Мюнхен, 4.12.1998, с. 17). А со стороны 1,2 миллиарда китайцев с еще памятной для всех «культурной революцией» (1966—1976), «разжигавшей звериные инстинкты» (*Вэньхуэй бао*, Шанхай, 16.05.1986, с. 2)? А со стороны алжирцев? Со стороны кампучийцев? Со стороны ангольцев, ставших с 1975 г. жертвой самого продолжительного внутригосударственного вооруженного конфликта в Африке» (Роберт фон Луциус (Lucius), «Der blutigste aller afrikanischen Kriege: Hilflosigkeit der Staatengemeinschaft» («Самая кровавая из африканских войн: беспомощность мирового сообщества». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 2.01.1999, с. 9)? Со стороны Руанда? «В Руанде сотен тысяч трупов недостаточно, чтобы расшевелить мир... Стоит вспомнить, как страстно ратовала Мадлен Олбрайт, бывшая в ту пору американским представителем в ООН, за отвод голубых касок из Руанды... ООН отвела свои войска, и чуть ли не миллион человек оказались убиты...» (Бартоломей Грилл (Grill), «Afrika fragt sich: Schwarzes Leid, halbes Leid» («Африка спрашивает: если страдают чернокожие, стало быть, это не столь важно?»). *Цайт*. Гамбург, 2.06.1999, с. 5). Со стороны вьетнамцев — жертв развязанной западной цивилизацией без видимой причины войны, «которая войдет в историю как наиболее продолжительное вооруженное противостояние» (Александр Троше (Troche), «Vom Traum zum Trauma» («От мечты до шока». *Зюддойче Цайтунг*. Мюнхен, 4.12.1998, с. 12)? Со стороны восточных тиморцев? «С 1975 г. происходит [в Восточном Тиморе] геноцид... и из-за невмешательства [военные индонезийского диктатора Сухарто] могли истреблять незащитный народ... Геноцид [унес] 250 000 жизней» (Антонио Табуки (Tabuchi), «Herr Annam, tun Sie was» («Господин Аннан, сделайте хоть что-нибудь». *Вельтвохе*. Цюрих, 16.09.1999, с. 1). «Мировое сообщество отказалось предотвратить трагедию» («Osttimor: «Das Volk wird vernichtet» («Восточный Тимор: народ отдан на истребление». *Шпигель*. Гамбург, № 37, 1999, с. 200).

Зловещий дух преступлений против человечества неистовствовал, к сожалению, не только в одном месте на земле, продолжая неистовствовать и после 1945 г.: «После окончания Второй мировой войны минуло вот уже пятьдесят три года, но истребление народов не затихает» (Ли Хайбо, *Пекинское обозрение*. Пекин, № 37, 15.09.1999, с. 5). Однако зашоренный взгляд западного человека поглощен, похоже, сугубо оставленной этим зловещим духом на европейском театре военных действий — об азиатском театре военных действий здесь, на Западе, вообще никто не упоминает! — чешуей, запечатленной затем в многочисленных памятниках, монументах, музеях, фильмах и т. п. Единственно здесь «мир не терпит притеснения» (Клаус

²⁹⁰ Далее *Вельтвохе*. — Прим. пер.

²⁹¹ Далее *Зюддойче Цайтунг*. — Прим. пер.

Харппрехт (Harpprecht): *Цайт*. Гамбург, 10.09.1998, с. 38). Почти все западное нравственное негодование изливается сугубо в этом направлении. «Возможно ли, чтобы истинный антифашизм застил взгляд на преступления современности?» (*Новая цюрихская газета*, 9.09.1999, с. 8). Не в этом ли причина того, что случающиеся ныне и, возможно, отвратимые проявления того же самого зловещего духа почти не воспринимаются на Западе или сопровождаются усталым пожиманием плеч, во всяком случае, без единого возгласа возмущения? В этом отношении, похоже, здесь царит «мертвое молчание» (Юдит К. Э. Белифанте (Belifante), «Wir müssen das Schweigen durchbrechen» («Нам следует нарушить молчание»). *Цайт*. Гамбург, 3.12.1998, с. 13)? Не запечатлены ли проявления того самого зловещего духа, о которых в Европе, видать, крепко забыли, в этих строках: «Ежедневная газета *Фигаро* приводит такие возмутительные слова [французского президента Миттерана]: «В странах, подобных этой [Руанда] геноцид не столь уж важен» (Бартоломей Грилл, «Wilderer im neu entdecktem Kolonialreich» («Браконьер во вновь открытом колониальном государстве»). *Вельтвохе*. Цюрих, 26.03.1998, с. 45)?

21.2. Неудавшаяся непристойность

В знаменитом эротическом романе минской поры (1368—1644) *Цветы сливы в золотой вазе* (полный перевод на немецкий язык осуществили братья Отто и Артур Кибат) рассказывается, как «[во время пира у Симэнь Цяня] Инь Боцзюэ предложил сыграть в кости и чтобы проигравший либо спел, либо рассказал что-нибудь занятное, а если не умеет ни того, ни другого, выпил бы штрафную. У стола прислуживал Шутун, нарядившийся барышней. Он знал много песен, обладал красивым голосом и услаждал слух гостей пеньем. Наконец, проиграл Бэнь Дичуань, но петь он не умел, поэтому стал рассказывать: «Разбирал как-то судья дело о прелюбодеянии и спрашивает обвиняемого: «Как же ты ею овладел?» Обвиняемый отвечает: «Очень просто. Обратился лицом к востоку и туда же ноги вытянул». — «Вздор! — грозно сказал судья. — Никакого соития в таком случае быть не могло. Хотел бы я сыскать такого любодей!» Тут к судье подбежал какой-то человек и говорит: «Господин, если вам нужен любодей, я готов хоть сейчас вступить в должность». — «Знаю, дружище Бэнь, человек ты хоть и небескорыстный, а на хозяйское не польстишься, — заметил Боц-зюэ. — Но ведь и хозяин у тебя не старик. Я об этом самом соитии говорю. Или помочь ему не прочь, а?» Бэнь Дичуань сконфузился и густо покраснел, говоря: «Я ведь пошутил, так просто, без всякой задней мысли». — «Нет, не скажи, — ответил Боц-зюэ. — Не бывает дыма без огня». Бэнь Дичуань сидел как на иголках, но удалиться не решался. На его счастье, вошел слуга и доложил: «Там прибыли с гончарен и спрашивают господина Бэня». Бэнь Дичуань, словно цикада, сбросившая кокон, выпорхнул из-за стола [35 гл. «Разгневанный Сымэнь Цянь наказывает Пинъаня. Шутун, нарядившись барышней, ублажает гостей». «Цзин, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Пер. с кит. В. Манухина. Иркутск, Улисс, 1994, т. 2, с. 292—295]. Если бы Бэнь Дичуань удалился под каким-либо предлогом, это выглядело бы неучтиво. Присутствующие восприняли бы его исчезновение превратно, возможно, даже как признание вины. Так что Бэнь Дичуань оказался в весьма щекотливом положении. Статагема 21 описывает здесь безобидный выход из возникшего затруднения.

Также в смысле единственно бегства без всякого оставления бутафории мы находим намек на стратагему 21 в основанной на исторических событиях драме «Песнь, тронувшая сердце» («Цинь синь цзи»), сочиненной Сунь Ю [16 в.]. «Не удастся поставить заслон уловке цикады», — жалуется слуга отца молодой вдовы Чжо Вэньцзунь [150—115 до н. э.]. Он как раз обнаружил, что та ночью сбежала из отцовского дома, чтобы последовать за своим возлюбленным Сыма Сянжу (179—117 до н. э.).

21.3. Скала в образе тигра

По изволению китайского императора для отыскания буддийских священных текстов отправился танский монах со своими спутниками на запад, в Индию. «Не прошли они полдня, как перед ними выросла высокая гора, [которая называлась горой Желтого ветра, протяжением в восемьсот ли]. Выглядела она зловеще... Сюань-цзан ухватился за серебристую гриву своего коня. Сунь У-кун остановил облако и медленно пошел дальше пешком, а Чжу Ба-цзе, с ношей на плечах, плелся сзади. Вдруг поднялся сильный ветер. «Сунь У-кун, начинается буря! — с тревогой промолвил Сюань-цзан. «Ну и что же, — сказал Сунь У-кун. — Здесь постоянно дуют ветры, так что бояться нечего». — «Нет, это какой-то зловещий ветер, он совсем не похож на обычный», — взволнованно произнес Сюань-цзан. «Чем же он необычный?» — спросил Сунь У-кун. «Да ты сам посмотри», — отвечал Сюань-цзан. «Дорогой брат, — взяв Сунь У-куна за руку, сказал Чжу Ба-цзе. — Ветер крепчает. Надо бы укрыться!» — «Ну, куда мы гонимся! — рассмеялся Сунь У-кун. — Если бы ветер действительно был силен, можно было бы подумать о том, чтобы куда-нибудь укрыться. А вдруг мы встретим здесь какого-нибудь волшебника, тогда как быть?» — «Дорогой брат, — промолвил тут Чжу Ба-цзе. — Ты разве не знаешь, что «избежать соблазна все равно, что избежать врага; а спрятаться от ветра, все равно что спрятаться от стрелы». Лучше все же укрыться куда-нибудь: вреда это не принесет». — «Погодите! — сказал Сунь У-кун. — Я сейчас поймаю ветер и узнаю, чем он пахнет». — «Опять ты за свое, дорогой брат, — смеясь, сказал Чжу Ба-цзе. — Как это ты будешь ловить ветер и нюхать его? Если даже

тебе и удастся поймать, он все равно тут же ускользнет». — «Да ты, дорогой, и не знаешь, что я обладаю способностью ловить ветер», — заметил Сунь У-кун. О Великий Мудрец! Он схватил ветер за хвост и, понюхав его, сразу же ощутил смрадный дух. «Да, ветер этот действительно вредный, — сказал он. — Это не ветер, который подымает на ходу тигра, это ветер волшебника. Тут что-то неладно». Не успел он договорить, как у подножия холма, откуда пи возьмись, появился свирепый пятнистый тигр. Сюань-цзан от испуга кубарем скатился с седла и, отскочив в сторону, сел на землю ни жив ни мертв. Тут Чжу Ба-цзе бросил ношу, схватил свои грабли и, отстранив Сунь У-куна, закричал: «Ах ты, грязная скотина! Куда это тебя несет?» Он размахнулся и ударил тигра граблями по голове. Тигр стал на задние лапы, выпустил когти на передней левой лапе и, со страшным шумом разорвав на себе шкуру, встал у края дороги. О, что это было за страшное чудовище!.. «Стойте, обождите! — закричал он. — Я охрана Князя Желтого ветра. По его приказу я обхожу дозором горы и хотел выловить нескольких простых смертных, чтобы приготовить из них закуски к выпивке. Вы что за монахи, откуда взялись и как осмелились ранить меня?» — «Сейчас я тебе покажу, грязная скотина! — орал Чжу Ба-цзе. — Ты что, не узнаешь нас? Мы не обыкновенные прохожие, мы ученики Сюань-цзана — названного брата Танского императора. По высочайшему велению мы следуем на Запад поклониться Будде и попросить у него священные книги. Не пугай нашего учителя и немедленно убирайся с дороги, тогда я пощажу тебя. Если же ты будешь безобразничать, я пущу в ход свои грабли, и тогда пеняй на себя». Однако чудовище, не желая ничего слушать, ринулось на Чжу Ба-цзе, стремясь схватить его за голову. Чжу Ба-цзе успел уклониться и яростно завертел своими граблями, а волшебник, у которого не было оружия, повернул обратно и пустился наутек. Чжу Ба-цзе бросился за ним, но волшебник подбежал к подножию холма и скрылся между скал. Очень скоро он выскочил навстречу противнику, яростно размахивая двумя мечами из красной меди. И вот на склоне холма между ними завязался бой. Они то отступали, то наступали. Тогда Сунь У-кун, поддерживая Танского монаха, сказал: «Вы, учитель, не бойтесь! Посидите здесь, а я пойду помогу Чжу Ба-цзе покончить с этим чудовищем, тогда путь нам будет открыт». Тут только Сюань-цзан поднялся с земли и, весь дрожа, начал читать сутру Великого Просветления. Однако распространяться об этом мы не будем. Между тем Сунь У-кун, схватив свой посох, закричал: «Держи его!» В тот же момент Чжу Ба-цзе напряг все свои силы, и чудовище, потерпев поражение, покинуло поле боя. «Не выпускай его! — закричал Сунь У-кун. — Его надо догнать!» И оба они спустились с горы, размахивая один — граблями, другой — посохом. Оборотень не растерялся и, применив способ «Цикада сбрасывает с себя оболочку», сделал прыжок и сразу же принял свой прежний образ, то есть превратился в свирепого тигра. Это, конечно, не остановило Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, и они продолжали преследовать тигра, желая вырвать зло с корнем. Однако, когда они уже совсем было настигли оборотня, тот схватил себя за грудь, сдернул с себя шкуру и, накинув ее на камень, сам превратился в бешеный вихрь и ринулся назад. Вдруг он заметил Сюань-цзана, который продолжал читать сутру. Оборотень схватил его и унес с собой. О, бедный Сюань-цзан! Его имя Цзян-лю — Принесенный рекой — говорило о том, что на своем веку ему придется претерпеть немало страданий и бедствий, прежде чем он выполнит свою миссию. Между тем оборотень доставил Сюань-цзана ко входу в пещеру. Здесь он приостановил ветер и сказал привратнику, охранявшему вход: «Пойди доложи князю, что Тигр-охранник поймал монаха и ждет у входа дальнейших приказаний». Вскоре привратник вернулся и передал, что властитель пещеры велел привести прибывших к нему. Тигр-охранник, заткнув за пояс оба меча, взял Тайского монаха и, подойдя с ним к властителю пещеры, опустился на колени. «Великий князь! — промолвил он. — Ваш скромный раб, выполняя ваше распоряжение и обходя дозором горы, вдруг увидел монаха. Этот монах — названный брат Танского императора — учитель Сюань-цзан. Он идет на Запад поклониться Будде и испросить у него священные книги. Я поймал его и вот доставил вам, чтобы вы полакомились». Выслушав это, властитель пещеры не на шутку испугался: «Я давно уже слышал, что учитель Сюань-цзан — святой монах, который следует по высочайшему повелению Танского императора за священными книгами. Сопровождает монаха ученик по имени Сунь У-кун, обладающий сверхъестественной силой и великими познаниями. Как же удалось тебе поймать этого монаха?» — «У него два ученика, — сказал Тигр-охранник. — Они шли впереди. Один из них с длинной мордой и огромными ушами вооружен граблями с девятью зубьями. Второй несет железный посох с золотой оправой. У него — огненные глаза. Они гнались за мной, и я едва отбил. Потом, применив способ «Цикада сбрасывает с себя оболочку», я оставил свою телесную оболочку и исчез. И сейчас этого монаха я почтительно преподношу в дар вам, великий князь, отдайте его»... Что же делали в это время Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе? Преследуя тигра, они вдруг увидели, как он подпрыгнул, а затем лег, притаившись у скалы. Сунь У-кун взмахнул своим посохом и изо всех сил ударил тигра. Раздался оглушительный грохот, удар был так тяжел, что у Сунь У-куна даже руки заныли. Чжу Ба-цзе с такой же силой ударил тигра граблями. Но, как выяснилось, они колотили шкуру, надетую на камень, точь-в-точь похожий на спящего тигра. «Дело дрянь! — воскликнул изумленный Сунь У-кун. — Мы попались на удочку!» — «Как же это он нас провел?» — спросил Чжу Ба-цзе. «Штука, которую он выкинул с нами, называется «Цикада сбрасывает с себя оболочку». Он накрыл этот камень шкурой тигра, а сам сбегал. Надо сейчас же возвращаться назад, а то как бы с нашим учителем беды не приключилось?» [Глава двадцатая, в которой рассказывается о том, как Танский монах на горе Желтого ветра встретил преграду и как Чжу Ба-цзе на склоне горы одержал победу]: *У Чэньэнь. Путешествие на запад. Пер. А. Рога-чева. М.: Худ. лит., 1959, т. 1, с. 362—371]. В этом отрывке из романа *Путешествие на Запад* стратагема 21 дословно упоминается три раза — свидетельство ярко выраженного стратагемного образа мыслей китайцев.*

Сочинитель представляет способствующий бегству поступок посредством стратагемы, чудовище разбирает свое поведение перед своим владыкой со ссылкой на стратагему, и, наконец, обезьяний царь вычленяет ту же самую стратагему, жертвой которой стал он вместе со своим спутником. То, что обезьяний царь обозначает стратагемой 21, со всей очевидностью является сокрытием бегства: накинута на камень тигриная шкура приковала к себе внимание преследователей, что позволило преследуемому преспокойно сбежать и вдобавок совершить смелую выходку.

21.4. Дерево в доспехах

Сунь Цзянь (155—191) в единоборстве с Люй Бу (ум. 198 н. э.) потерпел сокрушительное поражение и поэтому бросился бежать. Люй Бу, преследуя его в лесу, выстрелил из лука. И тогда Сунь Цзянь прибег к «уловке цикады, сбрасывающей свою чешую», говорится в «Сказе-пинхуа по «Истории трех царств»²⁹², составленном в 1-й половине XIV в. Он «взял свои доспехи и повесил на дерево, после чего бежал». Вследствие этого Луи Бу слегка замешкался, а Сунь Цзянь выиграл пару драгоценных минут и смог спастись.

1

21.5. Платье Ван Шоужэня на берегу реки

Ван Шоужэнь (1472—1529, [более известный у нас как Ван Янмин]), известный мыслитель, поэт и наставник минской поры (1368—1644), к тому же преуспел на поприще государственной службы. И в критический момент он воспользовался стратагемой 21²⁹³.

Вступивший в 1506 г. на престол пятнадцатилетний У-цзун (1506—1521) оказался целиком во власти личного евнуха Лю Цзиня [ум. 1510]. Один [нанькинский] цензор [Дай Сянь] вместе со своими единомышленниками составил петицию на высочайшее имя с обвинениями в адрес всесильного скопца. Лю Цзинь бросил его в темницу. Но тут за цензора вступился Ван Янмин, не будучи с ним даже знакомым. В итоге он был посажен в тюрьму и по прошествии двух месяцев заключения подвергнут во дворце телесному наказанию — 40 палочным ударами. Затем, после почти годового пребывания в заключении, он был сослан за 5000 км от столицы в Лунчан на северо-западе провинции Гуйчжоу начальником захолустной почтовой станции, [т. е. станционным смотрителем (*и чэн*)]. Летом 1507 г. он отправился на место ссылки. Прибыв к реке Цяньтан, что близ Ханчжоу, он установил, что его преследуют соглядатаи Лю Цзиня. Он стал бояться, как бы они его не убили. Однако внешне своего страха не выказывал. «Я не думаю, что Лю Цзинь что-то замышляет против меня», — уверял он своего слугу.

Но когда тот встал утром, то оказалось, что Ван Янмин исчез. Остался лишь лист бумаги с прощальным стихотворением, где говорилось, что речные волны будут ночами оплакивать верного подданного. Слуга предположил, что Ван Янмин бросился в реку. Действительно, на берегу лежало его платье. Слуга горько заплакал. Все указывало на то, что Ван Янмин мертв. Подосланные убийцы, прослышав об этом, убрались восвояси.

На самом же деле Ван Янмин скрылся, переодевшись в другое платье. Он спрятался в укромном месте, после чего отправился к месту своей новой службы. Там он и трудился до смерти [на плахе] Лю Цзиня (1510). Брошенная Ван Янмином на берегу одежда, побудившая думать о его самоубийстве, олицетворяет оставленную цикадой чешую.

В [любовно-приключенческой] пьесе «Женские покои» («Ю гуй цзи»; [другое название «Беседка поклонения луне» («Бай юэ тин»)]) юаньского драматурга Ши Хуэя (XIII — перв. четв. XIV вв.) военный плащ находящегося в розыске [Томань Синфу] сына умерщвленного недавно по приказу императора знатного вельможи [Томань Хайцзы] лежит рядом с колодецем. Оба его преследователя думают, что сын вельможи бросился в колодець, чтобы лишиться себя жизни. «Одного я вижу, — говорит первый преследователь, заглядывая в колодець, а затем восклицает: — Да тут их двое!» — «Ну что ты такое несешь? — отвечает второй. — Это наши с тобой тени». — «Но почему кто-то подает снизу голос?» — «Да это наше

²⁹² Кит. «Саньго чжи пинхуа»; полное название: «Весь сказ-пинхуа по «Истории трех царств», вновь отпечатанный в годы Чжичжи [1321 — 1323]» («Чжичжи синь кань цюань сян пинхуа саньго чжи»), издатель некий господин Юй из Цзяньбяня. Приводится эпизод из первой части. — *Прим. пер.*

²⁹³ Эпизод с бегством Ван Янмина см.: *А. Кобзев. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Наука, 1983, с. 53—54. — Прим. пер.*

с тобой эхо, дружище. Мы попались на уловку». — «Какую еще уловку?» — «Уловку «цикада сбрасывает свою чешую». Он надул нас, заставив искать его труп. А его тем временем и след простыл...»

21.6. При звуках лютни²⁹⁴

Люй Бу (ум. 198 н. э.), военачальник конца ханьской династии (см. также 35.5), потерпел поражение и бежал к Юань Шао (ум. 202 н. э.). Из-за своего заносчивого нрава он вызвал недовольство Юань Шао, и тот решил разделаться с непрошеным гостем. Люй Бу проведал об этом и, чтобы избежать нависшей над ним угрозы, просит Юань Шао освободить его от службы.

Когда Люй Бу уезжал, Юань Шао приказал тридцати воинам сопровождать его в качестве охраны, на самом же деле повелев им при удобном случае убить того по пути. Но о заговоре донесли Люй Бу. Вечером того же дня пришлось ночевать в поле. 30 стражников расположились вблизи палатки Люй Бу. Тот повелел одному из проверенных людей играть на лютне у себя в палатке. Тот и играл не переставая. Все вокруг думали, что Люй Бу находится там же, слушая музыку. В действительности же он, пока звенели в ночи струны, незаметно ускользнул оттуда. К полуночи лютня смолкла. Охранники ворвались в палатку и стали крошить мечами лежанку. Но что-то было не так. Они зажгли светильники и увидели пустую лежанку. А Люй Бу уже и след простыл.

Другой пример использования стратагемы 21, между прочим, с привлечением звуковых средств, сообщает Ли Биньянь в самой популярной китайской книге по стратагемам *Новое издание тридцати шести стратагем*:

21.7. Овцы в качестве барабанщиков

В начале XIII в. находившийся на службе южно-сунской династии военачальник Би Цзайюй противостоял в одном из походов чжурчжэням (см. также 35.21). Видов на успех не было никаких. Поэтому он решил отступить. Но отводя войска, он приказал не сворачивать стяги. Кроме того, он повелел подвесить овец за задние ноги так, чтобы их передние ноги касались подставленных под них барабанов. Бедным животным ничего не оставалось, как беспрестанно бить по ним. Постоянный грохот барабанов и развевающиеся па ветру стяги заставили чжурчжэней поверить, что китайская армия продолжает пребывать на своих позициях. Целый день они не решались двинуться вперед. А когда им наконец стало все ясно, сунское войско уже находилось в безопасности.

21.8. Ввести в заблуждение простыми бивуачными кострами

Весьма малыми затратами обошелся в ходе Семилетней войны Фридрих Великий (1712—1786) в битве при Лигнице в августе 1760 г. Его армия была обложена с трех сторон, так что противники уже шутили, говоря: «Мешок открыт, осталось только завязать». Ночью Фридрих изменил свое расположение, оставив гореть бивуачные костры на прежнем месте и тем самым обманув противников, уверовавших в свою победу (см. Михаэль Гиммерталь (Gimmerthal), *Kriegslist und Perfiedeverbot...* («Военная хитрость и запрещение вероломства...»), 1990, с. 29).

21.9. Из черниц в жены

«В эру Обширного Благоденствия²⁹⁵ за восточными воротами областного града Хучжоу жила семья, принадлежавшая к кругу ученых. Глава семьи к тому времени, о котором идет речь, уже умер, и в доме оставалась вдова с двумя детьми: мальчиком и юной девушкой. Двенадцатилетняя дочка вдовы была умна и хороша собой — ну прямо чудесный цветок. Одна лишь беда: оттого ли, что в малолетстве она часто недоедала, напала на нее хворь, которая доставляла матери большое беспокойство. Понятно, что вдовица делала все возможное, чтобы оградить дочку от злых напастей. Как-то раз в их доме появилась монахиня-настоятельница ханчжоуского храма Цуйфуань, что значит «Обитель Плывающей Бирюзы». Мать и дочь в это время занимались рукоделием. Вдова обрадовалась гостье, с которой водила знакомство вот уже несколько лет. Надо сказать, что монахиня была редкой мастерицей плести лживые речи, то есть, как

²⁹⁴ Данный эпизод приводит вэйский поэт Ван Цань (177—217) в своих «Записках о героях конца ханьской эпохи» («Хань мо инсюн цзи»). — *Прим. пер.*

²⁹⁵ Эра Обширного Благоденствия (Хун-си) — один год правления императора Жэнь-цзуна: 1125 г.

говорится, имела цветистые уста и лукавый язык. К тому же гораздо она была и поблудить. Не случайно, что вместе с нею в обители проживали две молоденькие ученицы, которые, как и настоятельница, занимались непотребными делишками. Игуменья пришла к вдове с подарками: принесла кулек южных фиников, жбан чаю осеннего, два блюда с каштанами и спелыми фруктами. Женщины обменялись приветствиями, которые обычно говорят при встрече. Внимание гостя привлекла девочка, сидевшая рядом с матерью.

Красавица станом тонка и стройна.

Мила и во всем грациозна она.

Бела, словно грушевый цвет, омытый дождем поутру.

Нежна, как персика лепесток, трепещущий на ветру.

Поступь воздушна, шаги так легки.

Вдруг из-под платья мелькнут

Изящные ножки -- молодого бамбука ростки.

Смущенья полна, только речь поведет.

Губы — спелые вишни.

Влажно алеет прелестный маленький рот.

Дрогнет даже сердце Фэн Шэ²⁹⁶, так она хороша! Луский молодец²⁹⁷ не устоит — вмиг встрепенется душа!

— Сколько годков вашей дочке? — поинтересовалась игуменья.

— Двенадцать! — ответила вдова. — Во многих делах она у меня искусница. Одна беда — очень уж слабенькая, из болезней не вылезает. Тревожусь я за нее и душою болею. Ради нее жизнь свою готова отдать!

— А молились ли вы за нее, почтенная? Высказывали ли свое сокровенное желание?

— Чего только не делала! Молила и духов, и Будду, даже звездам тайну свою поверяла. Ничего не помогло! Сидит в ней проклятая хворь, и все тут! Видно, судьба ее столкнулась с какой-то злою планетой, которая так и крутится вокруг нее!

— Да, все от судьбы зависит! — согласилась игуменья. — Хочу я взглянуть на знаки жизни девицы. Поразмыслить над ними.

— Оказывается, ты и гадать умеешь, матушка! Вот не думала! — воскликнула женщина и показала монахиня знаки жизни дочери. Монахиня, напустив на себя важный вид, принялась что-то подсчитывать.

— Значит, так получается!.. Не следует ей более находиться при вас, почтенная! — проговорила монахиня.

— Старая я! Жалко мне ее от себя отпускать... Но я на все согласна, лишь бы она поправилась!.. Только вот куда ее определить? Разве в какой чужой дом, в приемные дочери? Больше некуда!

— Девица ваша просватана? — Не сподобилась еще!

— Вот в чем дело... Ее судьба столкнулась со звездой одиночества, а потому от замужества ее болезнь только усилится! Ну а так в ее знаках как будто пет ничего дурного. Лета жизни у нее будут долгими, а здоровье — отменное... Понимаю вас, почтенная, трудно вам с нею расставаться, потому даже боюсь что-

²⁹⁶ В одном из рассказов сунской антологии «Обширные записи годов Великого мира» («Тай-пин гуан-ци») говорится об ученом Фэн Шэ, к которому ночью явилась небожительница. Она стала домогаться его любви, однако Фэн Шэ отверг ее четырежды, пока фея от него не отступилась.

²⁹⁷ Существовала притча об одиноком мужчине из Лу, к которому однажды ночью кто-то постучал в дверь. Оказалось, что это красавица-вдова, просившая ночлега. Однако хозяин не пустил ее, подозревая в нечистых помыслах. Луский молодец, или Луский мужчина, стало нарицательным именем для женоненавистника.

либо предлагать...

— Главное, чтобы она была здорова... Пусть тогда идет куда хочет!

— Если вы готовы расстаться с дочкой, лучше всего отправьте ее к Вратам Будды. Стоит ей покинуть сей суетный мир, как все ее беды исчезнут, радости преумножатся! Это лучший для нее выход.

— Верные слова говоришь, мать-игуменя! Потому как добрые поступки непременно отражаются в небесном лике нашего Будды... Конечно, жалко мне расстаться с дочкой, но что поделаешь? Глядишь, еще сильнее заболит, а то, не дай бог, умрет! Тогда все прахом пойдет!.. Да, видно, судьба у нее такая!.. Матушка-настоятельница, прошу тебя как старую знакомую: возьми дочку к себе в учение. Если ты, конечно, не против.

— Ваша девочка отмечена звездой счастья... А если она станет жить у нас в ските, частица счастья коснется и нашей обители, отчего лик Будды засверкает яркими красками. Только вот что, почтенная, ничтожная инокиня вряд ли достойна быть ее наставницей!

— Ну к чему ты так, матушка! — воскликнула вдова. — Окажи ей хоть немного своей милости, я и тем буду довольна!

— Разве могу я проявить небрежение к вашей дочери?.. Скит наш, конечно, не из богатых, но все же, благодаря заботам прихожан-дарителей, мы не испытываем недостатка ни в пище, ни в одежде. Так что об этом не беспокойтесь!

— Коли так, выберем подходящий день, и забирай дочку с собой! — проговорила вдовица и, взглянув на численник, вытерла набежавшие слезы. Монахиня принялась ее утешать.

Гостя прожила в доме два дня. В назначенный день мать и дочь, горько плача, простились друг с другом, и девушка с игуменьей сели в нанятую лодку, которая должна была отвезти их в Обитель Плывающей Бирюзы. Познакомившись с монахинями, девушка совершила перед настоятельницей положенные поклоны и, приняв постриг, получила монашеское имя Цзингу-ань, что значит «Воплощенное Безмолвие». Так девица из семьи Ян стала инокиней в Обители Плывающей Бирюзы. А произошло все из-за оплошности ее матери, о чем лучше всего можно сказать стихами:

Девицу терзает жестокий недуг — телом стала слаба. Но неужели бесовский план уготовила ей судьба?!
Неразумная мать послала ее к порогу Пустотных врат. Сама нашла ей такую обитель, где свил гнездовье разврат.

Вы, конечно, спросите: почему игуменя посоветовала вдовице отдать дочь в монахини? А дело все в том, что нужна ей была приманка, чтобы заполучить для своих непотребных дел молоденьких смазливых учениц, а красивая девушка могла всколыхнуть любое мужское сердце. Вот почему настоятельница с помощью лживого своего гадания коварно уговорила вдову отдать дочь в монахини. Хитрая игуменя знала, что вдова согласится. Какая мать не пожелает видеть дочь здоровой и счастливой?

Как мы знаем, девушке в ту пору исполнилось всего двенадцать лет, и она, понятно, многого еще не понимала. Будь она повзрослее, ни за что бы не согласилась идти за монахиней. Но дело сделано!

После пострижения девушка несколько раз в год посещала мать, иногда одна, а порой вместе с игуменьей. Надо вам сказать, что, когда девушка жила с матерью, вдова, души не чаявшая в дочери, всякую ничтожную хворь принимала за тяжкий недуг, отчего постоянно за нее тревожилась. После того как дочь ушла в монастырь, печали матери намного поубавилось, так как болезнь дочки уже не была у нее перед глазами. К тому же дочь, навещая ее, казалась вполне здоровой и всякий раз успокаивала мать, говоря, что старый недуг как будто ее покинул. Словом, женщина уверила себя, что сделала правильно, отдав дочь в монастырь, и мало-помалу успокоилась.

Здесь наша история разделяется на две части, и мы сейчас расскажем вам об одном сюжете по фамилии Вэньжэнь, а по имени Цзя, который проживал в Желтопесочном переулке города Хучжоу. Вообще говоря, молодой человек был уроженцем Шаосина, а попал сюда потому, что в свое время его дед, получив в Учэне место учителя, перебрался туда вместе со своей семьей. Семнадцатилетний сючай был красив, как Пань Ань, а умен, как Цзыцзянь, однако из-за крайней бедности своей до сих пор не обзавелся семьей и жил с матерью, которой было в ту пору сорок лет. Приятели любили и уважали юношу за утонченные и в то же время свободные манеры, а также за его живость и непосредственность, чем он действительно выделялся среди других. Неудивительно, что многие старались помочь ему деньгами или, что бывало чаще, приглашали его на пирушки. Ни одно застолье, пожалуй, не обходилось без него, а если он по какой-то

причине отсутствовал, все чувствовали, что пиршеству чего-то не хватает.

Как-то в середине января, в ту пору, когда начинает пышно цвести мэйхуа, друг Вэньжэня предложил ему проехаться по местам Ханчжоуских увеселений, а потом посетить Сиси — Западный Ручей и полюбоваться там цветами мэйхуа. Вэньжэнь, как водится, доложил об этом своей матушке, и друзья тронулись в путь. Прошел один день и одна ночь, когда они наконец добрались до Ханчжоу.

— Давай поначалу съездим к Западному Ручью, посмотрим на мэйхуа, а потом уж отправимся в город! — предложил друг.

Он велел лодочнику повернуть к Сиси. Часа через два с небольшим лодка остановилась, и юноши вышли на берег. За ними последовали слуги со жбанами вина и с коробами, в которых находилась снедь. Пройдя не более половины ли, они очутились у соснового бора. Среди огромных, в обхват толщиной, сосен белели стены одинокого скита. Кругом царило безмолвие, которое нарушало лишь журчание ручья. Юноши подошли к воротам, напоминавшим по форме иероглиф «восемь»²⁹⁸. Ворота оказались на запоре. Однако спутники почувствовали, что за ними кто-то наблюдает.

— Какое тихое и приятное место! — проговорил друг. — Давай постучим и попросим у монахов чашку чая! Согласен?

— Нет, сначала полюбуемся цветами, ведь мы же за этим приехали! А сюда мы успеем зайти и потом! — возразил сюцай.

— Пусть будет по-твоему!

И они, удалившись от скита, направились к тому месту, где цвели мэйхуа. Вот что можно сказать по этому поводу:

Словно кипящее серебро, цветочная пена бела.

Словно волшебный нефрит разбросан вокруг без числа.

Чудные запахи мягкий принес ветерок.

Слаще они того аромата, что ученого Ханя увлек²⁹⁹,

Сиянье цветов и солнце затмит.

Блеск украшений самой Сиши³⁰⁰ яркостью посрамит!

Похоже, дракон из пены возник, споря с инеем белизной.

Первые тени на землю легли, призывая ветер с луной.

Праздным гулякам раздолье здесь — пей вино без забот.

Хорошо и поэтам стихи читать ночи и дни напролет.

Друзья взирали на эту картину с восхищением, а потом, велев слугам раскрыть короба, принялись за яства и напитки. Между тем стало темнеть. Захмелевшие от вина приятели поднялись и поспешили к лодке. Скит они обошли стороной, не решившись заходить туда в такое позднее время. Прошла ночь, а утром друзья вновь направились к сосновому бору.

А теперь мы расскажем о том, что происходило в Обители Плывающей Бирюзы, где, как мы знаем, жила

²⁹⁸ Иероглиф «восемь» изображается в виде двух черт, наклоненных друг к другу своими верхними частями.

²⁹⁹ В одной из старых историй говорится о некоей красавице Цзяо, которая украла у своего отца редкие благовония, чтобы приворожить возлюбленного.

³⁰⁰ Сиши — знаменитая красавица древности. В одной из легенд говорится, что она была дочерью дровосека. О ее несравненной красоте прослышал правитель царства Юэ по имени Гоу Цзянь и решил подарить Сиши своему политическому противнику — государю У. Правитель У, увлекшись красавицей, забросил дела и вскоре был разгромлен.

дочка вдовы, которая постриглась в монахини. К тому времени Цзингуань (как нарекли ее в постриге) исполнилось шестнадцать лет. Это была на редкость прелестная девица, нравом застенчивая и замкнутая. В храме часто появлялись богомольцы, а среди них разные грубияны, которые тарасили на красавицу глаза или отпускали по ее адресу рискованные шутки, а порой пытались заигрывать с ней. Другие монахини, ее подруги, обычно увивались вокруг таких богомольцев, принимали ухаживания с большой охотой. Но девушка была с ними холодна, оставляя их заигрывания без внимания. Она также старалась не замечать мерзких делишек, которыми занимались инокини. Запрет, бывало, дверь своей кельи и сидит, погрузившись в молчание, а то читает древние книги или сочиняет стихи. Без причины она старалась не выходить наружу. И надо же так случиться, что в этот самый раз, когда сюцай с приятелем оказались возле ворот, монахиня Цзингуань вышла из кельи прогуляться на воздухе. Ненароком она заглянула в щелку и увидела Вэньжэня, обликом прекрасного, манерами изящного, словом, совершенно непохожего на простых смертных из нашего бренного мира. Девушка не могла оторвать глаз и жадно его разглядывала, пока он не удалился. Ах, броситься бы за ним следом, чтобы еще раз взглянуть на прекрасного незнакомца!.. Растерянная, с растревоженной душой, она вернулась в свою келью.

«Есть же на свете такие красавцы! — подумала она. — Ну прямо небожитель, спустившийся на землю! Какое было бы счастье вверить себя этому юноше и прожить с ним всю жизнь вместе! Только мне этого не дано!» Она вздохнула, и на ее глазах выступили слезы. Как говорят:

Однажды немой задумал вкусить плод незрелый совсем. Другой бы от горечи завопил, а он-то, бедняга, нем.

Любезные слушатели, надо вам знать, что ушедший из мира инок, если он вправду хочет стать учеником Будды, должен отринуть прочь все суетные мысли и ступать по земле, словно пребывая в пустоте, имея в груди застывшее сердце, в котором не трепещет ни одна жилка. Только совершенствуя себя денно и ночью, можно достичь успеха на этом пути. В нашей же жизни происходит обычно не так. С малолетства отрок зависит от неразумной прихоти родителей, которые отправляют его к Вратам Пустоты, проявляя излишнюю волю свою. И то, что вначале кажется легким, потом оборачивается большими печальями. Вырос отрок, раскрылись чувства его, и познал он вкус жизни. И тут неожиданно он понимает, что все произошло вопреки его желанию, по глубокому настоянию других. Вот так и рождаются люди, которые своим непотребным действием оскверняют обитель Будды! Можно ли тогда толковать о достижении святой радости? Не лучше ли подумать о том, как вовремя избежать преступления! Я обращаюсь к вам, ныне живущим: не направляйте своих сынов и дочерей по такому пути! Однако бросим праздные разговоры и вернемся к нашему рассказу.

Прошло более четырех месяцев с тех пор, как сюцай Вэнь-жэнь вернулся из Ханчжоу домой, но, поскольку в этом году проходили Большие испытания, он должен был снова ехать туда, так как ему удалось в родном округе занять первое место. Стояла шестая луна, погода была нежаркой. Юноша принялся складывать свой незамысловатый скарб и готов был тронуться в путь. В Ханчжоу он решил временно остановиться у своей тетки-вдовы, которая после смерти мужа Хуана жила одна в большом доме, а потом при случае он собирался снять удобную и прохладную комнатку, где можно было пожить в полном уединении. Приятели дали ему денег на дорожные расходы, и в один из дней, сказав своей матушке слова утешения, он со слугой Асы, который нес его книги, сел в лодку и отправился по назначению. Суденышко, оставив позади Восточные Ворота, продолжало свой путь, когда вдруг на берегу возникла фигура молоденького монашка.

— Куда плывете? Не в Ханчжоу? — крикнул монашек. Судя по выговору, он был уроженцем Хучжоу.

— Туда едем! — ответил лодочник. — Везу господина сюцай на экзамены.

— А меня не захватите? Я не поспею на расходы!

— А зачем тебе туда, наставник? — поинтересовался лодочник.

— Монашествовую я там — в Линьиньсы — Обители Сокровенного Духа³⁰¹. А сейчас возвращаюсь после побывки у родных...

— Сам я не волен решать, — сказал хозяин суденышка. — Надобно спросить у господина сюцай.

Челядинец Асы, который в это время пробрался на нос лодки, закричал:

— Эй, ты, безволосый! Осел непутевый... Катись подбру-поздорову! Мой хозяин едет на экзамены, удачу свою ищет, а ты, плешивый, только беду накличешь! Проваливай прочь, не то окачу вот из этой бадьи!

³⁰¹ Здесь назван известный мужской монастырь.

Умою тебя, башка твоя смутьянская!

Вы, конечно, полюбопытствуете, отчего Асы обругал монашка такими словами? А все оттого, что в былые времена гуляла такая едкая шутка, которая монашеский люд высмеивала: «У монаха на плечах не спокойная глава, а смутьянская башка!» Заметим, между делом, что слово «смутьянский» по звучанию сходно с другим словом, не слишком пристойным³⁰². Вот отчего слуга обругал монаха, видя к тому же, что его шутка повеселила присутствующих.

— Чего срамишь? Что я, обидел кого?.. Посадите — хорошо, не посадите — не надо!

Сюцай, высунувшись из оконца каюты, с удовольствием рассматривал монашка, такого складного и миловидного. На него было просто приятно смотреть! Услышав название храма, молодой сюцай подумал: «Вокруг обители, как говорят, прекрасные места! Погуляю там, а монашек будет мне провожатым!»

Он быстро вышел из каюты.

— Эй, Асы! Хватит безобразничать! Молодой наставник, как видно, из наших мест. Если ему нужно в Ханчжоу, пускай садится в лодку! Вместе поедем. Что здесь такого?

Лодочник, приняв слова сюцай за приказание, пристал к берегу, и молодой монах забрался на суденышко. Увидев сюцай, он будто остолбенел, а потом, поклонившись, вошел в каюту.

«Никогда не видел такого красивого юноши! — подумал сюцай. — Ликом своим он похож на девицу. Одень его в женское платье, будет писаная красавица! Какая жалость, однако, что он монах!»

Ветер надул паруса, и суденышко стрелой полетело вперед. Сюцай и монашек сидели в каюте. Они спросили друг у друга фамилии и место, откуда родом, но уже по выговору было ясно, что они земляки, и это сразу же их сблизило. Сюцаю понравилась речь молодого монаха, исполненная благородства и изящества.

«Необычный инок!» — подумал он.

Между тем монашек продолжал внимательно рассматривать сидевшего перед ним молодого сюцай.

Надо сказать, что в тот день погода была изрядно жаркая, и ученый предложил спутнику скинуть верхнее платье.

— Ничтожный инок жары не боится! — ответил монашек. — Доставьте сами себе такое удобство, сударь!

Стемнело. Они поужинали, и Вэньжэнь решил совершить вечернее омовение, от чего монашек решительно отказался. Сюцай, умывшись, лег в постель и, утомившись за день, сразу уснул. Асы, как ему было положено, отправился спать на корму. Дождавшись, пока все уснули, монашек загасил лампу и, раздевшись, лег на ложе рядом с сюцаем. Однако ему не спалось. Он ворочался с боку на бок и вздыхал. Видя, что сюцай продолжает сладко спать, монашек тихонько придвинулся к нему и, протянув руку, стал его гладить. И вдруг рука коснулась чего-то твердого и даже будто бы остроконечного. Монах сжал ладонь. В этот момент Вэньжэнь распрямил тело и проснулся. Монашек быстро отдернул руку и, стараясь не делать лишнего шума, отодвинулся в сторону. Но сюцай сразу смекнул, в чем дело.

«Монашек, как видно, не промах! — подумал он. — Наверное, его наставник не обошел красавчика своим вниманием, приучил к подобным проделкам!.. А почему бы мне с ним не порезвиться — шуткой мужской не потешиться? Как говорится: «Коли мясо возле уст, кусай — не зевай!»

Распалившись от подобных мыслей, сюцай повернулся к монашку, так что их головы оказались рядом. Монах, сжавшись в комочек, безмолвствовал и, казалось, спал. Рука сюцай устремилась к нему и вдруг нащупала два мягких полушария. «Вот тебе на! — изумился юноша. — Инок вроде телом совсем не мясист, однако ж, гляди-ка, какие округлости!» Рука продолжала скользить вниз, пока не коснулась выпуклости дальней залы. Монашек вздрогнул всем телом, будто испугался чего-то, а потом, перевернувшись, лег лицом вверх. Рука Вэньжэня продолжала гладить его тело, и вдруг, к своему изумлению, сюцай почувствовал, что гладит мясистую припухлость, вроде пресной пампушки маньтоу.

³⁰² Слуга употребил китайское слово «луаньдайтоу», которое можно понимать двояко: как «голова смутного времени» и как «мешочек с яичками».

— Что за чудеса! — воскликнул сюцай в крайнем изумлении. — Отвечай, кто ты!

— Прошу вас, сударь, не кричите так громко!.. Откроюсь вам, я монахиня. Просто я переделалась мужчиной, так в дороге удобнее!

— Видно, нас свела сама судьба!.. Теперь я тебя не отпущу! — И он, недолго думая, взгромоздился на юную монахиню.

— Пожалейте бедную инокиню, сударь! — взмолилась монашка. — Я еще девушка, телом не оскверненная.

Но сюцай, пылавший от любовного огня, не стал ее слушать.

Но вот, как говорится, дождь кончился, а тучи рассеялись.

— Встретился я с тобою нежданно-негаданно, — промолвил сюцай, — как во сне с небожительницей. Думаю, что с тобою будем видаться и впредь!.. Расскажи о себе поподробнее!

— Я из семьи Ян, что живет за Восточными Воротами в Хучжоу. Моя матушка как-то сгоряча решила сделать из меня монахиню. Вот так я и оказалась у Врат Пустоты — в Обители Плывающей Бирюзы, что возле Западного Ручья. Нарекли меня именем Цзингуань... В храм наш ходит много людей, но все больше люди деревенские, неотесанные и грубые. Смотреть на них тошно! Как-то в первую луну нынешнего года я гуляла за оградой обители и случайно увидела вас — вы как раз стояли возле наших ворот. Ваш благородный облик всколыхнул всю мою душу, и после той встречи я долго думала о вас. И вот сегодня неожиданно встретились вновь и соединились вместе, будто рыба с водою. Только не подумайте, что я какая-то развратница. Просто наш союз, видно, определила судьба! Не смотрите на нашу сегодняшнюю встречу как на случайную или пустячную забаву! Ах, сударь, как мне хочется быть всегда с вами!

— А твои родители, живы ли они?

— Мой отец умер давно, и остались у меня только мать да меньшей братец. Я вчера как раз была у них в гостях! А вы, сударь, женаты?

— Нет, еще не женился! — ответил сюцай. — Какое счастье, что я тебя встретил! Мы схожи и возрастом, и ликом своим... к тому же ты тоже из ученой семьи, а в довершение всего — моя землячка. По всем статьям ты подходишь мне в жены! Нечего тебе больше прозябать в монастырской обители!.. Сейчас мы с тобой подумаем, что делать дальше!

— Я уже все для себя решила... отдала вам и тело, и душу! Но торопиться не следует, надо подождать подходящего случая! Вот что я думаю! Наш скит недалеко от города, а место у нас тихое, прохладное. Устраивайтесь вы у нас, выбирайте келью по вкусу и читайте себе книги с утра до вечера. А о расходах не беспокойтесь. Я всегда смогу собрать денег монашеским подаванием... В ските мы сможем часто встречаться, а при удобном случае уедем в другое место. Что скажете, сударь?

— Скажу, что прекрасно!.. Но как посмотрят на это другие монахини? Они могут воспротивиться...

— Что вы?.. Настоятельница сама гораздо до любовных утех, хотя ей уже под сорок. Под стать ей две другие распутницы-монашки, этим лет по двадцать с небольшим. Все их блудливые проделки у меня перед глазами. Я уверена, что мимо такого красавца, как вы, они просто так не пройдут и будут вас всячески обхаживать. Постарайтесь с ними сойтись, чтобы из этого знакомства извлечь для нас пользу. Боюсь только, что вы не согласитесь!

— Отчего же? Превосходный план! — обрадовался сюцай. — Я без промедления поеду к сосновому бору, а слугу отошлю домой. Какая прелесть, что мы будем вместе!

Они разговаривали, тесно прижавшись друг к другу, а потом снова сыграли в любовную игру. Как говорится:

Проникнуть в сказочный сад цветов ни один из них не мечтал. А когда очутились вдруг в этом саду, от страха их холод обьял.

Никак понять они не могли, что это — явь или сон?

Казалось, путь, по которому шли, в волшебную мглу погружен.

Наступил рассвет. Со всех сторон заголосили звонкие петухи. Цзингуань, боясь, что ее могут увидеть,

поспешно оделась. Лодочник снова поднял паруса, и лодка устремилась вперед.

В каюту вошел Асы. Он помог хозяину умыться и привести себя в порядок, после чего приступили к завтраку.

— Хозяин, где приставать лодке? — спросил Асы. — Ведь надобно заехать к Хуанам, узнать о жилье.

— С этим не торопись, — ответил Вэньжэнь. — Мы пока остановимся возле соснового бора. Наш молодой наставник рассказал, что у них в ските пустуют кельи.

Когда лодка причалила к берегу у соснового бора, сюцай нанял носильщиков, которые снесли его вещи к монастырю Линьиньсы.

— Асы, — наказал он слуге, — ты возвращайся на этой же лодке обратно. Передай поклон родным и скажи, чтобы они обо мне не беспокоились. Я буду это время жить в обители у нашего монаха и готовиться к испытаниям. А когда сдам экзамены, тотчас приеду домой. И не присылайте ко мне никого и не торопите письмами.

Отдав такое распоряжение, сюцай подождал, пока лодка не отплыла от берега, после чего сел с Цзингуань в паланкины, и они направились в Обитель Плывущей Бирюзы. За паланкинами шествовали носильщики с вещами. До назначенного места они добрались довольно быстро. Расплатившись с носильщиками и паланкинщиками, сюцай вслед за Цзингуань вошел в скит. Им навстречу вышли монахини.

— Этот господин хочет снять у нас келью, — объяснила Цзингуань. — Он приехал на экзамены.

Монахини, широко улыбаясь, стали пристально разглядывать гостя и, как видно, остались им очень довольны. Соблюдая почтительность и радушие, они напоили молодого сюцая чаем, а потом проводили в чисто прибранную комнатку, где уже стояли его вещи. После ужина, свершив вечернее омовение, сю-Цай собирался отойти ко сну, но неожиданно пришла игуменья, с которой ему пришлось провести вместе всю ночь. На следующий вечер появилась еще одна монахиня, а за ней вторая, и так каждый день. Цзингуань не мешала им в этих любовных игрищах, за что они были ей очень признательны. Так прошло больше месяца. От могучего натиска любвеобильных монахинь молодой человек скоро почувствовал некоторую усталость и был вынужден прибегнуть к помощи укрепляющих настоев из женьшеня и ароматного гриба сянжу, а также из лотосового семени и экстракта корицы.

Так, в утехах текло его время, пока незаметно не подошел седьмой день седьмой луны, или, как его еще называют, Праздник Продевания Нити в Иглу³⁰³. В середине седьмой луны ожидался торжественный Праздник Чаши Юипань³⁰⁴.

По старым обычаям жители Ханчжоу во время празднества возносят моления и зажигают огни на реке.

В двенадцатый день седьмой луны в ските появился слуга из богатого дома. Его хозяин приглашал инокинь к себе отслужить молебен и прочитать священные сутры. Игуменья дала согласие, а монахиням наказала:

— Мы отправимся служить молебен все вместе и пробудем там три дня: с тринадцатого по пятнадцатое. А наш гость, господин Вэньжэнь, поживет здесь. Причем, конечно, кто-то должен будет остаться для его удобства...

³⁰³ В праздник Продевания Нити в Иглу люди молили богов о том, чтобы те даровали им разные умения и искусства (это называлось «просить умения» — ци цяо). Этот Праздник Двойной Семерки (как его еще называют) связан с известной легендой о небесной фее Ткачихе и Пастухе, которые стали мужем и женой, но были разлучены по воле богини Си-ван-му. Потом, однако, Си-ван-му смилостивилась и разрешила им встречаться раз в год на мосту, перекинутом через Млечный Путь сороками.

³⁰⁴ Праздник Чаши Юйлань (Юйлань хуэй, или Юйлань пэнь-хуэй) — буддийское торжество, происходившее в 15-й день 7-й луны. Этот праздник связан с историей верного последователя будды Шакьяму-ни — праведного отрока Муляня. С чашей для подаяний он отправился в ад искать свою мать, которая за нарушение буддийского запрета не есть мясной пищи попала в один из страшных его отделов — круг Голодных Духов. Мулянь, претерпев суровые испытания, наконец добрался до ада и попросил Будду спасти его мать. Божество дало ему священную сутру «Юйлань пэнь цзин» и повелело 15-го дня 7-й луны совершать торжественный молебен. В этот день (иначе он называется Днем Умилостивления Голодных Духов) богомольцы делают подношения духам, молятся за усопших и особенно за души бесприютные.

Обе молодые монахини стали предлагать свои услуги. Цзин-гуань молчала.

— От молебна отказываться никак нельзя, ехать все равно придется, — сказала игуменья. — Что до вас двоих, то вы предостаточно пользовались расположением нашего гостя, поэтому поедете вместе со мной. С ним же останется Цзингуань, которая привела его в наш скит. Так будет справедливо!

— Верно решила, матушка! — согласились монахини и отправились складывать пожитки, молитвенные принадлежности и сутры. Цзингуань, проводив их за ворота, пошла к сюцаю.

— Вам не следует дольше оставаться здесь и тешить себя одними удовольствиями, — сказала она. — Надо подумать о деле! Близится срок ваших экзаменов. Если вы по-прежнему будете лишь развлекаться, вы их не сдадите. Да и здоровье свое подорвете в этом любовном дурмане!

— Я и сам это чувствую. Только милуюсь я с ними без особой охоты. Мне жалко расставаться с тобой!

— Помните, в день нашей встречи я сказала, что хочу вместе с вами отсюда убежать... Но тогда это было опасно. Исчезни я тогда посреди дороги, игуменья непременно отправилась бы ко мне домой. А вот сейчас — другое дело. Поскольку их здесь нет, мы вполне можем бежать. Уверена, что меня искать не будут, так как знают, что у них рыльце в пушку. Они сами греховодили с вами и, думаю, шум поднимать побоятся!

— Это верно, но... Я все же сюцай, и дома у меня осталась мать. Если мы вместе приедем в наш дом, матушка сильно огорчится, и получится неприятность. К тому ж игуменья начнет свои поиски, поднимет на ноги местные власти, а это повредит моей карьере! Что тогда делать? Куда тебя деду?... Нет, это не выход! Думаю, что прежде мне надобно сдать экзамены. Если я займу первое место, все вопросы разрешатся.

— Вы все равно не сможете жениться на монахине, даже когда станете цзюйжэнем, — промолвила девушка.
— Ну а если не сдадите, что тогда? Нет, это тоже не лучший выход... Вот что я думаю... С тех пор как я постриглась в монахини, я собрала перепиской сутр и заклинаний кое-какие деньги. Сейчас у меня набралось свыше сотни лянов. На эти деньги я вполне могу снять приличное жилье, после того как отсюда убегу. Я буду ждать вас, а когда вы получите ученую степень, мы сможем наладить нашу жизнь. Ну как?

— Вот это другое дело!.. У меня есть тетя — она живет за городской заставой. В свое время ее выдали сюда замуж за некоего Хуана, но он умер, и она осталась одна. Старуха очень чтит буддийскую веру и у себя дома даже устроила молельню, в которой с утра до позднего вечера курятся благовония и горят лампы. Следит за ними старая монашка — моя бывшая кормилица. И вот мне пришла в голову мысль: что, если рассказать о тебе тете и попросить ее оставить тебя в ее доме при молельне, а кормилица могла бы тебе прислуживать. Семья тетки чиновная, так что вряд ли кто тебя станет там тревожить, а когда я добьюсь удачи на экзаменах, ты уже отрастишь волосы, и я смогу взять тебя в жены по всем правилам. И все будет в порядке!.. Если даже мне не повезет, то все равно беды никакой не случится, потому как волосы к тому времени уже отрастут, а значит, не будет для нашей женитьбы помех.

— Прекраснейший план! Не будем откладывать! Надо сейчас же идти к твоей тетке и все обговорить. Может оказаться, что через три дня будет уже поздно!

Вэньжэнь немедленно отправился в дом тетки.

— Почему только сегодня у меня появился? — спросила тетка, после того как они обменялись приветствиями. — Я слышала, что уже давно должен был приехать на экзамены! Или жилье другое нашел?

— Верно, тетушка! Я действительно подыскал другое пристанище. И случилась у меня там одна история... Очень прошу тебя помочь мне!

— Что же с тобой приключилось? Вэньжэнь решил схитрить.

— Был у меня учитель по фамилии Ян. Сам он давно уже помер, но у него осталась дочка, с которой я был знаком с малолетства. И вот однажды ее обманом увела монахиня, и с тех пор не было о девчонке ни слуху ни духу. Вдруг недавно я случайно попал в скит под названием Обитель Плывущей Бирюзы, что у Западного Ручья. Келью решил там снять для занятий. Там неожиданно я увидел мою старую знакомую, которая стала совсем взрослой девушкой. Она мне призналась, что монашество ей опротивело и она готова уйти со мной хоть на край света. Понятно, не мог я ей отказать, ведь мы с нею старые друзья и как бы связаны судьбами. Но сейчас у меня скоро экзамен, и я боюсь, не вышла бы из-за этого неприятность. Конечно, я мог бы отвезти ее к себе домой, да только неудобно. Словом, пустая эта затея. К тому же инокиня может подать жалобу, а у меня, как на грех, для суда нет ни времени, ни денег. И вот тогда я подумал: а что, если ты, тетушка, оставишь на время девицу у себя?

Помнится, есть у тебя в доме молельня, где моя старая кормилица следит за лампадами и благовонными свечами. Девушка могла бы пока пожить в молельне. Коли хватятся ее и узнают, где она, то беды из этого не будет, потому что живет она в доме, где только одни женщины, к тому же следит в домашней молельне за лампадами... А после моих экзаменов, если ее не потребуют обратно в скит, я женюсь на ней. Что ты на это скажешь, тетушка?

— Ты пришел просить старую тетку, как тот герой из истории о красотке Чэнь Мяочан³⁰⁵, — рассмеялась старая женщина. — Но раз она дочка твоего учителя, винить тебя трудно, к тому же ты собираешься на ней жениться. Конечно, в монастыре ей делать больше нечего, однако жив моей молельне оставаться неудобно. Люди вы молодые, горячие, будете то и дело встречаться, а это может осквернить святое место... Есть у меня в доме одна чистая комнатка, куда я и определю твою красавицу, пока у нее волосы не отрастут. А прислуживать ей станет моя служанка. Вот там вы сможете видеться. Только приходишь тебе следует поздно вечером, так, чтобы никто тебя не заметил, а при встрече рядом будет кормилица. Так-то!

— Ах, тетушка! Как я благодарен за твою доброту! Я тотчас приведу ее сюда и велю поклониться тебе в ноги!

Простившись с теткой, он вышел из дома и возле ворот нанял паланкин, который доставил его в скит. Молодой человек рассказал Цзингуань о беседе с теткой, чем очень обрадовал девушку. Она быстро вытащила все свои ценности и принялась складывать пожитки.

— Мои вещи пускай пока будут здесь! — сказал ей сюцай. — Я оставлю тебя у тетки, а сам вернусь в скит. Поживу здесь с монашками какое-то время, чтобы у них не было подозрений. — Видно, запали они нам в душу! — промолвила девушка.

— Вовсе нет! В моем сердце одна только ты, к ним у меня ничего нет. Остаюсь я только для отвода глаз, чтобы не было никаких следов, как в поговорке: золотая цикада одежду свою сменила. Словом, меня никто не сможет заподозрить, даже если монахини пожалуются... Ты же знаешь, скоро экзамены. Если же меня потянут в суд, то до экзаменов уже не допустят, а это не шутка!

— Коли они станут расспрашивать обо мне, говорите, что вы не знаете, куда я делась, потому как, мол, в это время отлучались по своим делам. Словом, наплетите им что-нибудь. Они, конечно, подумают, что я ушла к своей матушке (ведь я часто уходила туда одна), и, по всей вероятности, сразу за мной не погонятся. Потом они, наверное, узнают, что меня нет дома, но к этому времени вы уже сдадите экзамены, и мы придумаем еще что-нибудь! Когда же вы уедете из этих мест и будете жить в другой области, они не посмеют ехать к вам, а если и заявятся, из этого ничего не получится!

Договорившись, они вышли из скита. Сюцай прикрыл ворота, оба сели в паланкины и направились в дом тетки. Старой женщине очень понравилась ладная девушка со светлым ликом, щеки ее напоминали персиковый цвет, а нежная кожа, казалось, могла поврваться от самого легкого прикосновения.

— Теперь мне понятно, почему племянник присмотрел тебя, голубушка! — засмеялась она. — Будешь жить у меня, вряд ли кто из посторонних посмеет тебя потревожить! Ничего не бойся! — Тетка обратилась к племяннику: — Само собой, ты тоже мог бы жить в моем доме. Да только если ты здесь останешься, кто-нибудь непременно появится вслед за тобой, и тогда случится неприятность. Так что, милый племянник, лучше тебе найти другое жилье, где ты будешь спокойно готовиться к экзаменам!

— Верно, тетушка! Если я и буду приходить, то только на короткое время!

Итак, Цзингуань осталась в доме тетки Вэньжэня. Сюцай, пробыв с нею ночь, наутро простился и ушел, чтобы найти себе другое жилище. Но об этом пока говорить не будем.

А теперь мы вернемся к трем монахиням из скита Плывающей Бирюзы. Отслужив трехдневный молебен, они вернулись в обитель. Видят — ворота не заперты, а в храме ни единой души. Все кругом пусто и тихо.

— Куда они запропастились? — воскликнула игуменья. Впрочем, ее мысли, как и других монахинь, вертелись вокруг молодого сюцая, а Цзингуань их особенно не заботила. Они бросились в келью Вэньжэня. Вещи и сундучок с книгами стояли на месте. Монахини сразу успокоились. А где же Цзингуань?

В келье нет ни ее, ни вещей. Что за чудеса? Пока они гадали да рядили, появился Вэньжэнь.

³⁰⁵ Имеется в виду сюжет минской пьесы Гао Ляня под названием «Нефритовая шпилька», в которой рассказывается похожая история о Двух влюбленных.

— Пришел! Пришел! — обрадовались монахини. Их лица озарили счастливые улыбки.

— Целых три дня не виделись! Душа истосковалась! Ну прямо невмоготу! — воскликнула игуменья, вцепившись в сюцаю. О Цзингуань она тут же забыла. — Скорее, скорее в келью!

Настоятельница потащила за собой сюцаю, не обращая внимания на молодых инокинь, которые взирали на нее с завистью, глотая слюнки. Сюцай уступил бурному натиску монахини...

— Куда же запропастилась наша Цзингуань? — наконец вспомнила настоятельница. — Вы же с пей оставались вдвоем.

— Откуда мне знать, куда она девалась! Я вчера ушел в город и задержался там допоздна. Пришлось заночевать у приятеля, только сейчас иду оттуда...

— Наверное, после вашего ухода ей стало скучно одной, и она отправилась к своим в Хучжоу... — заметила молодая монахиня. — Или она решила, что наступил наш черед после ее двухдневного счастья... Пусть ее, ушла — отыщется!

Монахини думали сейчас о тех счастливых мгновениях, которые их ожидают с молодым сюцаем, а Цзингуань их нисколько не интересовала. Они не догадывались, что мысли молодого человека заняты совсем другим.

Прошло два-три дня в бесовских забавах, и сюцай сказал, что ему пора на экзамены и поэтому необходимо сменить жилье. Он нанял слугу, и тот унес его вещи. Монахини, понятно, больше не могли его задерживать, по взяли с него клятвенное обещание возвратиться.

— Будет свободное время, непременно к нам приходите! Сюцай ответил, что обязательно вернется и, поклонившись, ушел.

Прошло несколько дней. От Цишуань по-прежнему не было вестей. Встревоженная игуменья послала человека в Хучжоу, к матушке Ян, но тот, вернувшись, сказал, что девушка домой не приходила. Настоятельница не на шутку перепугалась, однако, хорошенько все обдумав, не стала поднимать лишнего шума, чтобы не всполошить мать, которая, глядишь, сама зайвится в скит. Игуменья решила все разузнать обходными путями.

Поскольку сюцай больше не появлялся, у нее возникли подозрения, поэтому надо было срочно его найти и хорошенько расспросить. Но, как на грех, он не оставил адреса. Делать нечего, пришлось ждать, когда он появится сам. Но вот кончились все три тура экзаменов, за ними прошло еще несколько дней, но сюцай не давал о себе знать.

Между тем Вэньжэнь, добившись на экзаменах большого успеха, вновь появился в доме своей тетки. Встретившись с Цзингуань, он сразу же забыл о ските и о монахинях. А те, так его и не дождавшись, кипели от злости.

— Есть же в Поднебесной такие неблагодарные люди! — возмущались они. — Наверное, этот злодей и украл нашу Цзингуань. Его рук дело! Вот отчего он не появляется!

Игуменья решила подать на сюцаю жалобу в суд, но в последний момент передумала — испугалась, что может навлечь на себя беду. Недаром в поговорке сказано: однажды замарался, очиститься трудно!

И тогда меж монашками вспыхнула ссора. Одна кричала, что надо непременно найти сюцаю, а для этого идти в экзаменационную палату; другая твердила, что следует ехать в Хучжоу на розыски Цзингуань. Словом, поспорили они, но так ни до чего и не договорились.

В самый разгар спора раздался настойчивый стук в ворота.

«Уж не наш ли сюцай?» — обрадовались инокини и со всех ног бросились к выходу. Открыли ворота, а там стоит большой паланкин и рядом четыре малых. Слуга, стучавший в ворота, объяснил, что в скит пожаловала госпожа такая-то. Игуменья, услышав знакомое имя, поспешила к гостье, которая, находясь здесь проездом, почтила скит своим присутствием. Дама вышла из паланкина, четыре ее служанки, уже успевшие выбраться из малых паланкинов, окружили хозяйку, и толпа женщин двинулась в храм. Гостья села, обменялась с настоятельницей церемонными фразами, испила чаю. Дама сказала, что желает провести в обители полуденное время, и послала своего челядинца предупредить лодочника, что задержится. Игуменья повела ее в свою комнату.

— Я у вас не была года три, — сказала дама. — С тех пор, почитай, как скончался мой супруг...

— Однако сейчас ваш траур, как видно, уже кончился... Наверное, вы захотели возжечь благовония, а потому направили свои благородные стопы в наше ничтожное место! Не так ли?

— Именно так! — согласилась гостя.

— Осенью у нас прекрасно! Вольготно!

— Не до развлечения мне! Нет у меня сейчас настроения! — вздохнула дама.

Игуменя прочла в словах гостыи намек.

— Вам сейчас одиноко после кончины супруга? Дама, поднявшись, подошла к двери и прикрыла ее.

— Мать-игуменя, я была всегда с тобой откровенна. Не забудь этого... И сегодня я хочу говорить напрямую. Вот ты сказала, что я одинока. Какое там одинока! Я места себе не нахожу! А ведь прошло после смерти мужа всего только три года. Как же вы, голубушки, всю жизнь одни маетесь?

— Почему же одни?.. Не буду таиться, почтенная. Не забывают нас прихожане-благодетели. Иначе хоть помирай! Разве можно вытерпеть?

— А есть ли кто сейчас у вас, матушка?

— Был один прелестник — сюцай... на экзамены к нам приехал. Да только недавно ушел и все не возвращается. Мы как раз о нем сейчас говорили.

— Забудь пока о нем, матушка!.. Есть у меня к тебе дело. Если ради меня постарайся, то и сама внакладе не останешься!

— Что за дело, почтенная? — заинтересовалась игуменя.

— Заехала я как-то возжечь благовония в храм Осиянного Счастья. Остановилась, как водится, у них на постой. И тут я увидела одного монашка, видом прелестного, но еще не бритоголового. Не скрою от тебя, вспыхнул в моем сердце огонь, потому как истосковалась я за долгое время по ласке! Поднес этот отрок мне чаю, мы разговорились. Он мне рассказал о себе, сколько лет сообщил. И держится, надо сказать, свободно — без всякой боязни, а говорит так складно, красиво! Одно слово — прелестник! И пошла у меня голова кругом! Отослала я своих служанок, а его повлекла в постель. Думаю, испытаю его в делах любовных. И что же ты думаешь? Этот негодник не только сведущ в любовных утехах, но не уступит никакому силачу. В общем, привязалась я к нему всей душой и чувствую, что расстаться с ним мне невмочь! Всю ночь строила разные планы и решила взять его с собой. Но как? Ведь я вдова и должна остерегаться постороннего взгляда, чтобы ненароком не опозориться. Если же прятать в своем доме — значит чувствовать во всем связанность. Какое тогда удовольствие? Вот я и подумала: а что, если посоветоваться с игуменьей? Возьми его, матушка, в свой скит и обрей ему голову. Будет он у тебя словно монахиня, нежный облик его вполне для этого подходит. А когда я вернусь домой, вы оба приедете ко мне как настоятельница и послушница. Он будет жить в молельне, а для всех моих родственников останется твоей ученицей. Понятно, я буду с ним миловаться, но делать так, что никто не узнает: ни люди, ни бесы!.. Вот отчего я пришла к тебе нынче. Очень прошу — помоги! Обещаю, что если ты согласишься, то и тебе перепадет от него удовольствие. И не будешь ты больше вспоминать своего ненаглядного!

— Превосходно придумала, благодетельница! — воскликнула игуменя. — А ревновать-то ко мне не станешь? Ведь и я свою руку к сладкому куску приложу!..

— Какая тут ревность! Я же сама пришла за помощью! А тебе я отведу специальное место, и никто ничего не заподозрит. Ну, не славно ли?

— Коли так, я непременно пойду за ним. К тому же сейчас это будет особенно удобно, так как у нас на днях пропала одна ученица — самая меньшая. Ее-то мы и подменим, и никакой любопытный не догадается!.. Вот только как его сюда заполнить?

— Об этом мы уже договорились! Он обещал бросить своего наставника и прийти ко мне. Я уверена, что он это сделает!

В этот момент раздался стук в дверь, и на пороге появились молодые монахини.

— У ворот стоит какой-то юноша, спрашивает нашу благодетельницу, — сказала одна монахиня.

— Ну вот, кажется, и он! — воскликнула дама. — Живей зовите его сюда!

В комнату вошел красивый юноша. Молодые монашки стрельнули глазами и заулыбались. Дама, кивнув ему головой, велела подойти ближе. Юноша поклонился игуменье, которая с первого же взгляда оценила его достоинства.

— Что я говорила? — проговорила дама, взяв гостя за рукав и подводя к настоятельнице.

— Ни дать ни взять — отрок Шаньцай!³⁰⁶ — воскликнула игу-

1

менья. — У меня даже перед глазами все поплыло, и будто я обмякла сразу!

Дама, довольная, рассмеялась. Игуменья вышла на кухню приготовить закуски и рассказала о разговоре монашкам.

— Ах, как это прекрасно! — воскликнули они и даже прищелкнули пальчиками от удовольствия.

— Только мне придется вместе с ним уехать! — добавила настоятельница.

— Вы нас покидаете? — огорчились молодые монахини. — Одна собираетесь вкушать удовольствие!

— Сие дар небес! — возразила игуменья. — Однако же, думаю я, что и вы в одиночестве не останетесь!

Они рассмеялись. Монахиня, вернувшись в комнату, застала даму в объятиях юноши. При виде настоятельницы она вытащила из дорожной шкатулки брусочек серебра — десять лянов.

— Вот мой залог! Сейчас я возвращаюсь в лодку, а он, — она показала на молодого человека, — пока останется здесь. Через некоторое время вы вместе приедете ко мне. Ничего не перепутайте!

Отдав распоряжение возлюбленному, дама вышла в гостевую залу, где ее уже ждала трапеза. Отведав кушанья, она сразу же направилась к паланкину. Игуменья, проводив гостью, закрыла ворота и вернулась к молодому послушнику. Она внимательно оглядела его со всех сторон. Да, действительно, ей сильно повезло! Ну прямо яркий адамант середь темной ночи! Монахиня притянула юношу к себе, и их уста слились в жарком поцелуе.

— На несколько дней твоя благодетельница уступила тебя мне, а потом мы будем с тобой попеременно, — сказала игуменья, приступая к любовной битве. А когда кончилось удовольствие, она встала и бритвой сняла с головы юноши волосы.

— Теперь тебя не отличишь от Цзингуань! — засмеялась она, оглядев молодого человека. — Под этим именем ты и пойдешь к благодетельнице!

Само собой разумеется, в эту ночь настоятельница не отпустила юношу со своего ложа, и молодым монашкам оставалось лишь жадно глотать слюнки. На следующий день игуменья стала собираться в дорогу и послала человека нанять лодку.

— Вы пока оставайтесь в ските, — сказала она монашкам, — я же поеду туда разужнаю! Если там все в порядке, я обратно уже не приеду, а пошлю вам свое послание. Как получите его, отправляйтесь к себе домой. А если кто появится от Янов, скажите, что Цзингуань уехала с матерью-игуменьей, а куда — вам неизвестно.

Что еще оставалось молодым монахиням? Они лишь кивнули головой: все, мол, поняли. Настоятельница и переодетый юноша сели в лодку. Для других пассажиров они считались наставницей с ученицей, а как наступала ночь, превращались в супругов-любowników. Через несколько дней они приехали в назначенное место. Дама поместила их в свою домашнюю молельню, однако по ночам гости шли в дом, где делили ложе

³⁰⁶ В буддийских храмах подле изваяния богини Гуаньинь нередко можно видеть фигуру ее прислужника — прекрасного отрока Шаньцай. По буддийским легендам, Шаньцай (санскр. Судхана) — знатный индийский юноша, который посетил 53 святых будд, чтобы услышать их проповеди.

втроем. Опытная монахиня научила даму разным любовным секретам, что, понятно, лишь разожгло их взаимное лобостра-стие. Но разве юный отрок в силах был справиться с двумя зрелыми блудницами? Прошло какое-то время, год или два, юноша зачах и умер. Дама, не выдержав этой утраты, сильно затосковала и вскоре тоже скончалась. Что до игуменьи, то родственники дамы, затаив на монахиню лютую злобу, обвинили ее в воровстве. Монахиню заключили в узилище, где она и умерла.

Теперь же вернемся к Цзингуань, которая продолжала жить у тетки Вэньжэня. Ее жизнь не была омрачена беспокойствами, да и кто ее мог потревожить, если игуменья покинула скит. Через какое-то время стало известно, что Вэньжэнь сдал успешно экзамены и даже занял первое место, а затем появился он сам, радостный и веселый. Конечно же, он сразу бросился к возлюбленной, чтобы сообщить ей счастливое известие. В последующие дни он проводил время в городе, где занимался делами, какие обычно бывают у тех, кто недавно сдал экзамены, а вечером приходил в дом тетки и проводил ночь с Цзингуань. Однажды Вэньжэнь послал слугу в Обитель Плывающей Бирюзы и наказал ему узнать, что там происходит. Скит оказался пустым. Слуга сообщил, что настоятельница куда-то уехала, а монахини вернулись в свои семьи. Сючай поделился новостью с возлюбленной. Наконец-то! Словно гора с плеч! Через несколько дней сючай покончил со всеми своими делами. Пора было возвращаться на родину в Хучжоу. Он посоветовался с теткой, как им быть дальше.

— Я не могу пока взять с собой Цзингуань. Ведь у нее еще не отросли волосы. Ей придется пожить какое-то время здесь. Тем временем я, быть может, сдам столичные экзамены!

— И матушке моей пока еще рано говорить! — заметила девушка. — Не могу я вдруг вернуться домой, если была ее воля отдать меня в монахини. Другое дело, когда волосы у меня отрастут, и мы поженимся, вот тогда мы и явимся вместе! Вряд ли она тогда станет противиться!

Вэньжэнь согласился. А потом, простившись, он поехал домой и повидался со своей матерью, но о девушке ничего не сказал. В конце десятой луны ему снова предстояла поездка на экзамены. По пути он заехал к тетке и с удовольствием заметил, что волосы у Цзингуань стали совсем длинными, почти по плечо. Она смогла их уже укладывать в прическу, правда, с накладным пучком. Вэньжэнь предложил ей ехать в столицу. Однако тетка им отсоветовала.

— Цзингуань по своим добродетелям достойна быть тебе законной супругой, а потому неприлично ее возить тайно туда и сюда. Пусть она пока останется у меня и живет как моя приемная дочь, а когда ты вернешься после успешных экзаменов, мы сыграем свадьбу. Вот тогда все будет по правилам!

Предложение было разумно, и юноша с ним согласился. Простившись с возлюбленной, он отправился в столицу. И вскоре, действительно, успешно прошел все испытания, заняв на экзаменах второе место. В Ведомстве Церемоний, как это было заведено в те времена, он записался в Книге одногодков³⁰⁷ и тут же подал «прошение об отпуске для устройства свадебных дел» с девицей из семьи Ян. На свое прошение он получил благоприятный ответ, а в придачу деньги для свадьбы. Довольный, он сразу же отправился домой. Мать, узнав, что он собирается жениться, удивилась:

— Ведь ты не был ни с кем обручен! На ком же ты собираешься жениться?

— Ах, матушка, у нашей тети в Ханчжоу я встретился с одной девицей, ее приемной дочкой. Вот за нее я и сватаюсь!

— А почему же я раньше ее не видала?

— Скоро увидите, матушка!

Выбрав благоприятный день, Вэньжэнь нанял лодку, приказал разукрасить ее цветами и лептами, посадил музыкантов и отправился в Ханчжоу. При встрече с теткой он тут же ей доложил, что приехал жениться, на что имеет высокое дозволение властей.

— Ну, что я тебе говорила? Видишь, как складно все получилось! — обрадовалась тетка.

Потом он увиделся с невестой, которая сейчас уже была не в монашеской рясе, а в обычном мирском платье. Влюбленные, взявшись за руки, поведали о большой доброте госпожи Хуан, взявшей ее в приемные дочери. Тетка помогла девушке украсить волосы цветами, проводила до расписного паланкина, который доставил ее на судно, где уже горели цветные свечи. Как говорится в стихах:

³⁰⁷ Книга одногодков — особый реестр, куда заносились сведения о всех сдавших экзамены в один год.

За красным пологом двое влюбленных повстречались опять.

За парчовым пологом все повторилось, словно время вернулось вспять.

В один прекрасный день они приехали на родину и пришли с поклоном к матери Вэньжэня. Родительнице очень понравилась красивая девица, но ее удивил ее хучжоуский выговор.

— Почему она говорит на нашем хучжоуском наречии, если ты ее взял в Ханчжоу? — спросила она сына.

Сыну пришлось рассказать историю своей молодой жены, которая одно время была монахиней. А на следующий день молодожены направились в дом Ян. Перед тем как войти в ворота, Вэньжэнь передал две визитные карточки. Одна была адресована теще, а вторая младшему брату Цзингуань. Госпожа Ян подумала, что это ошибка, и карточки не приняла. Тогда Цзингуань решила идти сама.

— Матушка! — вскричала она, появившись на пороге. Увидев знатную даму в нарядном одеянии, испуганная мать поспешно встала со своего места. Дочь она сразу и не узнала.

— Матушка, не пугайтесь!.. Я ваша дочь, ваша монашка Цзингуань из Обители Плывающей Бирюзы.

Действительно, облик как будто дочерний и выговор тот же, но почему же она с волосами и в таком необычном наряде?

— Дочка, ты ли это?.. Целый год мы с тобой не виделись. Ни писем не было, ни другой какой весточки! Истосковалась я по тебе! Этим годом послала я в скит одного человека, а там, оказывается, ни души. Думала-гадала: куда дочка девалась, а потом случайно узнала, что вы с матерью-игуменьей будто бы в другие края подались... И вдруг здесь очутилась!.. И почему ты такая нарядная?

Дочь рассказала матери всю свою историю. Счастливая мать даже рот раскрыла от удивления. Потом, немного придя в себя, она велела сыну позвать зятя. Сын (а он в это время уже учился и обладал приличными манерами) вышел к Вэньжэню и, низко поклонившись, проводил его в залу. Тот, встав рядом с женой, поклонился еще. Госпоже Ян казалось, что ей все еще снится сон.

— Если бы только я знала, что наступит такой день, ни за что бы не отдала дочку в монахини!

— Матушка, если бы ты не отослала меня в скит, может, и не было бы сегодняшнего дня! — промолвила дочь.

Потом все вместе они отправились в дом Вэньжэня, где уже был накрыт пиршественный стол и гремела музыка.

Надо вам знать, что впоследствии на чиновном пути Вэньжэня случались и неудачи... Скопив к пятидесяти годам какие-то деньги, он ушел со службы и вернулся домой, где стал жить со своей женой, которая удостоилась звания почтенной дамы. Как-то ему пришлось встретиться с гадателем, обладавшим даром предвидения.

— Скажи: почему моя карьера была не слишком удачна? — спросил он у ворожея.

— Потому, что в молодые годы вы увлекались любодеянием, чем нанесли ущерб своим скрытым достоинствам.

Вэньжэнь посетовал, что в юные годы он вел себя не слишком пристойно в монашеской обители, и потом часто предостерегал других от неосмотрительных действий. Теперь ответствуйте мне: разве любострастие в нашей истории не получило достойного воздаяния? И заметим, что удивительность этого брака, конечно же, объясняется тем, что он был заранее предопределен. Приведем такие стихи в доказательство:

Если ты сомневаешься, что жена

Небом тебе дана,

Ты глух и слеп, и печальная жизнь навеки тебе суждена.

Если твердишь, что женятся люди просто, без всяких чудес,

Значит, ты усомниться посмел в могуществе воли Небес».

1 «Любовные игрища Вэньжэня» — повесть, имеющая полное название «Сюцай Вэньжэнь занимается

любовными битвами в Обители Плывущей Бирюзы; монахиня Цзингуань нежится под парчовым пологом в доме, что в Желтопесочном переулке» («Вэньжэнь-шэн е чжань Цуй-фу-ань, Цзингуань-ни чжоу-цзинь Хуанша-сян»). — Лин Мэнчу. Чу-кэ пайань цзин-ци. Повесть № 34. (Перевод данного рассказа Д. Воскресенским с его примечаниями взят из книги: «Китайский эрос». М.: Квадрат, 1993, с. 284-313).

Стратегема 21 здесь состоит из настоящего разыгранного представления, благодаря которому удастся сокрыть бегство Воплощенного Безмолвия из обители Плывущей Бирюзы.

21.10. Актер в качестве родственника

«Тетя Милла славилась в семье своим пристрастием к украшению рождественской елки... Главным украшением елки были стеклянные гномы, в поднятых руках они держали пробковые молоточки, а у ног их висели наковальни в виде колокольчиков. Под ногами гномов были прикреплены свечи, и, когда гномы нагревались до определенной температуры, приходил в движение скрытый механизм, гномами овладевало лихорадочное беспокойство, и вся дюжина как одержимая колотила по наковальням, производя мелодичный и нежный звон. А на верхушке елки висел румяный ангел в серебряных одеждах, который через равные промежутки времени раскрывал рот и шептал: «Мир, мир»... Висели на елке, конечно же, сахарные крендельки, печенье, марципановые фигурки, золотой дождь и — чтоб не забыть — серебряная мишура. С 1939-го по 1945 год мы находились в состоянии войны. Когда идет война, принято петь, стрелять, произносить речи, сражаться, голодать и умирать, кроме того, на вас падают бомбы — все это вещи сплошь неприятные... Так вот, тетя Милла восприняла войну лишь как некую силу, которая уже с Рождества 1939 года начала расшатывать устои ее рождественской елки. Правда, тетушкина елка отличалась повышенной чувствительностью... бомбы, сыплющиеся неподалеку, в высшей степени вредили этому чувствительному дереву. Происходили ужасные сцены, когда с елки падали гномы, один раз свалился даже сам ангел. Тетка была безутешна. Не жалея сил, она после каждого воздушного налета старалась полностью восстановить украшение елки и сохранить его по крайней мере на время праздника. Но начиная с 1940 года об этом нечего было и думать. Еще раз рискуя вызвать нарекания, я должен бегло упомянуть, что число налетов на наш город было и впрямь очень велико, не говоря уже об их интенсивности. Так или иначе, тетушкина елка пала жертвой современного способа ведения войны... Тетка, славная и приветливая женщина, вызывала у нас искреннее сострадание. Нам было очень больно, когда после жестоких домашних боев, нескончаемых дискуссий, после сцен и слез ей все же пришлось отказаться от своей елки до конца войны. [После войны] моя тетка Милла вновь занялась своей елкой. Само по себе это было вполне безобидно, даже упорство, с которым она настаивала на том, чтобы «все было как раньше», вызывало у нас только усмешку. Да и на самом деле, сначала не было ровно никаких оснований принимать эту историю всерьез. Война, правда, разрушила много такого, что восстановить было несравненно труднее, но зачем — так говорили мы себе — отнимать у симпатичной старушки столь невинную радость? Всем известно, как трудно было достать тогда масло или сало. Но раздобыть марципановые фигурки, шоколадные крендельки и свечи в 1945 году оказалось просто невозможным даже для моего дяди Франца, имевшего обширные связи. Лишь в 1946 году было собрано все, что требовалось. К счастью, сохранился еще целый комплект гномов с наковальнями и один ангел. Я хорошо помню тот день, когда нас пригласили к дяде. Шел январь 1947 года. На дворе стоял мороз. Но у дяди было тепло, а стол ломился от разных угощений. И когда погасли лампы, зажглись свечи, гномы начали колотить молоточками, а ангел шептать: «Мир, мир», мне почудилось, будто меня перенесли в доброе старое время, которое — как я до тех пор думал — миновало безвозвратно... В Сретение Господне — другими словами, когда в наших краях принято снимать с елки украшения и выбрасывать ее на свалку, где уличные ребятишки ее находят, таскают по золе и всякой грязи и используют для всевозможных игр, — итак, в Сретение случилось нечто ужасное. Когда вечером, после того как догорели последние свечи, мой двоюродный брат Иоганн начал снимать гномов, тетя Милла, обычно очень тихая, стала истошно вопить, да так неожиданно и громко, что Иоганн растерялся, выпустил из рук покачивающееся дерево, и тут-то все и произошло: раздался звон и треск, гномы и колокольчики, наковальни и ангел — все полетело на пол, а тетка тем временем кричала да кричала. Она кричала почти целую неделю. Приглашались срочными телеграммами невропатологи, приезжали в такси психиатры, но все, даже знаменитости, покидали дом, пожимая плечами и не без испуга... А тетка кричала. Она кричала до тех пор, пока моему дяде Францу — этому поистине душевнейшему человеку — не пришла в голову мысль украсить новую елку... Во всей семье царила мучительная тревога, пока наконец 12 февраля елку не убрали окончательно. Были зажжены свечи, задернуты занавески, тетку привели из спальни, среди собравшихся послышались рыдания и хихиканье. Как только тетка увидела зажженные свечи, лицо ее смягчилось. Когда же достаточно разогрелись гномы и будто одержимые начали колотить по наковальням, а ангел шепнул: «Мир, мир», чудесная улыбка озарила ее лицо, и вся семья затынула рождественскую песню «О, милая елка!». Для полноты картины пригласили патера, который обычно проводил сочельник у дяди Франца, патер тоже облегченно улыбнулся и начал подпевать... Тетка успокоилась и в общем — как мы тогда надеялись — исцелилась. После того как было пропето несколько песен, съедено несколько вазочек печенья, все устали и разбрелись восвояси. И тетка — представьте себе — уснула без снотворного. Сестер милосердия отпустили, врачи пожалы плечами, и все

казалось в полном порядке. Тетка снова ела, снова пила, снова стала приветливой и кроткой. Но на другой день, когда начало смеркаться и дядя спокойно сидел с газетой в руках под елкой возле жены, она вдруг коснулась его руки и сказала: «Пора звать детей, по-моему, уже время». Позднее дядя признавался нам, что он очень испугался, но тем не менее встал, чтобы срочно созвать детей и внуков и послать за патером. Патер пришел несколько запыхавшийся и недоумевающий, но потом зажгли свечи, гномы начали стучать молоточками, ангел начал шептать, собравшиеся пели, жевали печенье, и казалось, что все в порядке... Век пихты не бесконечен. Уже перед карнавалом выяснилось, что придется доставить тетке новое огорчение: дерево со страшной скоростью роняло иглы, и все видели, как слегка хмурится лоб тетки во время вечерних песнопений. По совету одного действительно выдающегося психиатра была предпринята попытка небрежно, вскользь намекнуть тетке о возможном окончании Рождества, поскольку на деревьях уже начали распускаться почки, что повсеместно рассматривается как признак весны, а в наших широтах с рождественской порой принято связывать всякие зимние представления. Искусный в такого рода делах дядя предложил как-то вечером спеть «Все птички прилетели» и «Приди, весна, скорее», но при первых же звуках первой же песни тетка сделала настолько мрачное лицо, что пришлось немедленно переключиться и затянуть «О, милая елка!». Три дня спустя моему брату Иоганну поручили предпринять легкую попытку разбора елки, но не успел он протянуть руку и снять одного гнома, как тетка испустила такой вопль, что пришлось приладить гнома на старое место, зажечь свечи и с несколько излишней поспешностью, но зато очень громко затянуть песню «Тихая ночь, святая ночь»... И тут все с ужасом констатировали, что моя тетка сошла с ума и воображает, будто у нас до сих пор сочельник. Дядя созвал семейный совет, на котором просил пощадить чувства тети и посчитаться с ее необычайным состоянием, после чего снарядили новую экспедицию, дабы сохранить мир, по крайней мере, на время вечернего торжества. Пока тетка спала, все украшения сняли со старого дерева и перевесили на новое, и состояние тетки продолжало оставаться удовлетворительным... Четыре елки успели уже осыпаться, но ни один из вновь приглашенных врачей не подал ни малейшей надежды на исцеление. Тетка стояла на своем... Несколько очередных, очень нерешительных попыток прекратить торжества или пропустить хотя бы один вечер были встречены такими воплями, что пришлось, наконец, оставить всякую мысль о подобном богохульстве. Ужаснее всего было, что тетка требовала присутствия всех родных и близких. К их числу относились также патер и внуки. Даже ближайших членов семьи с большим трудом заставляли приходить вовремя, а с патером дело обстояло совсем плохо. Несколько недель он еще безропотно терпел из уважения к старой прихожанке, но потом заявил дяде, смущенно покашливая, что дальше так не пойдет. Правда, само торжество длится недолго — каких-нибудь тридцать восемь минут, но даже и эту краткую церемонию невозможно проделывать каждый день, утверждал патер: у него-де есть и другие обязанности — вечерние встречи с коллегами, заботы о спасении души своих прихожан, не говоря уже о субботних исповедях... К счастью, по соседству удалось отыскать старого прелата, вышедшего на пенсию. Этот достойный старик с величайшей любезностью незамедлительно предоставил себя в распоряжение дяди Франца и согласился ежевечерне присутствовать на торжестве... Мой находчивый кузен Иоганн, который поддерживает прекрасные отношения со всеми деловыми кругами, отыскал бюро по сохранению свежих елок при фирме «Зедербаум» — весьма солидном предприятии, которое уже почти два года сберегает нервы моим родственникам. Спустя полгода фирма «Зедербаум» выпустила абонемент на поставку елок по сниженным ценам и предложила всякий раз заранее устанавливать силами специалиста по хвойным иголкам доктора Альфаста срок годности елки, так чтобы уже за три дня до того, как старая елка окончательно выйдет из строя, доставлять новую и без спешки украшать ее... Тем временем вечерние торжества в доме дяди приобрели отпечаток бездушности почти профессиональной.

Все собираются под елкой или вокруг елки. Входит тетка. Зажигают свечи. Гномы начинают стучать молотками, ангел шепчет: «Мир, мир», потом исполняют несколько песен, жуют печенье, немного болтают и, зевая, расходятся с пожеланием «весело провести праздник»... Мой кузен Иоганн и его зять Карл попытались нарушить строгую дисциплину, ссылаясь на различные болезни, деловые встречи или прибегая к другим, столь же прозрачным уловкам. Но здесь дядя оказался крайне неподатлив: с железной твердостью он настоял, что только в самых исключительных случаях члены семьи могут предъявлять справки и получать краткосрочные отпуска. Дело в том, что тетка замечала отсутствие любого человека и принималась плакать, правда, тихо, но без остановки, что наводило всех на страшные мысли... [Дядя Франц] был первым, кому пришла в голову чудовищная мысль посылать вместо себя на ежевечерние торжества какого-нибудь актера. Он отыскал безработного бонвивана, который две недели подряд так хорошо изображал дядю, что даже собственная жена не заметила подмены. Дети тоже ничего не заметили. И только один из внуков вдруг закричал в промежутке между двумя песнями: «А на дедушке дешевые носки!» — и с торжеством задрал штанину бонвивана. Сцена вышла крайне неприятная для злополучного актера, семейство тоже было потрясено, и, чтобы избежать дальнейших осложнений, все — как это уже не раз бывало в подобных обстоятельствах — дружно затянули новую песню. Когда тетка легла спать, личность актера была тотчас же установлена. И это послужило сигналом к полной катастрофе... После разоблачения бонвивана произошел форменный бунт, результатом которого явилось следующее соглашение: дядя Франц выразил готовность нанять за свой счет небольшой ансамбль для подмены его самого, Иоганна, моего зятя Карла и Люси, причем решено, что кто-нибудь из четверых обязательно должен присутствовать на семейных торжествах

собственной персоной, чтобы держать детей в страхе. Прелат, по счастью, до сих пор еще не открыл обмана, который вряд ли можно назвать словом «благочестивый». За исключением тетки и детей, он единственное подлинное лицо в этой игре. Разработан точный план, известный всей родне под названием плана спектакля, а благодаря тому, что один из членов семьи должен каждый вечер присутствовать лично, актерам обеспечен, так сказать, выходной день. Кроме того, замечено, что актеры весьма охотно посещают торжества и не прочь подработать... И все действительно идет очень гладко... Между тем прошло почти два года — долгий срок. Я не мог отказать себе в удовольствии пройти во время вечерней прогулки мимо дядиного дома, где нельзя уже искать естественного гостеприимства, с тех пор как там собираются каждый вечер посторонние актеры, а сами члены семьи предаются сомнительным удовольствиям на стороне. Был прохладный летний вечер, когда я вышел пройтись. Завернув за угол, в каштановую аллею, я услышал песню «Сверкает лес под Рождество». Проехавший мимо грузовик заглушил последние слова, я тихо подкрался к дому и заглянул в окно между неплотно задвинутыми занавесками. Сходство актеров с родственниками было настолько разительным, что я не сразу мог разобраться, кто из них лично осуществляет руководство на этом вечере — это у них так называлось... Тетка, казалось, была счастлива от души: она болтала с прелатом, и лишь позднее я узнал зятя Карла — единственное, если можно так выразиться, реальное лицо. Узнал я его по тому, как он выпячивал губы, задувая спичку... По-прежнему благонадежны моя тетка и прелат. Они весело болтают друг с другом про доброе старое время, хихикают, судя по всему, очень довольны собой и прерывают разговор лишь тогда, когда надо затянуть очередную песню. Короче — праздник продолжается» (*Генрих Бёльль*. Рассказ «Не только под Рождество»: *Генрих Бёльль*. Избранное. М.: Радуга, 1988. Пер. с нем. С. Фридлянд).

«Типичный пример страгегемы 21». Этими словами обратил мое внимание на приведенный здесь в сокращении рассказ немецкого писателя, нобелевского лауреата Генриха Бёльля (1917-1985) «Не только под Рождество» автор детективов родом из Тайваня, живущий ныне в Швейцарии, Чу Вэньхуэй.

21.11. Отпроситься по нужде

Разбойник Бай Чжэн по прозвищу Железное Древко в придорожном кабачке затевает ссору с молодым торговцем Ван Вэньюном. Перепуганный до смерти Ван Вэньюн старается умиловить Бай Чжэна, который теперь набивается ему в приятели и всячески уговаривает того взять его к себе в компаньоны. Ван Вэньюн хочет отвязаться от надоедливого собеседника и поэтому подносит ему чарку за чаркой. Наконец, через некоторое время Бай Чжэн говорит: «Видать, я изрядно выпил и не прочь бы поспать». Ван велит трактирщику принести подушку. Однако недоверчивый и во хмелю Бай Чжэн говорит:

«Положу-ка я голову тебе на колени. Вот немного выплещу, и отправимся вместе торговать». Перепуганному Вану ничего не остается, как согласиться. И вот он сидит, а голова ненавистного Бая покоится у него на коленях. Наконец, Ван обращается к слуге, с которым рассчитывался: «Я хочу тебя кое о чем попросить». — «Вы желаете уйти?» Ван возразил: «Да нет, просто живот схватило. Положи-ка пока его голову к себе на колени, иначе я за себя не отвечаю». Слуга поспешно ответил: «Что вы, что вы. Я подменю вас». Теперь на сцене мы видим, как Ван взваливает себе на плечи корзину и, крадучись, выскальзывает за дверь. И вот он поет: «... Я избежал мести тигра и спас свою жизнь...» Немного погодя просыпается Бай и спрашивает: «Братец, теперь можно и уходить. Но что это! Видать, он воспользовался уловкой «цикада сбрасывает чешую», и только его и видели. Но я доберусь до тебя, скотина. Как ты позволил ему уйти!» Слуга стал оправдываться: «У него прихватило живот, и он поспешил в отхожее место...» Бай тотчас устремляется в погоню, настигает Вана и убивает его. Так страгегема 21 используется героем пьесы конца юаньской эпохи (1271 — 1368) неизвестного автора «Корзина с киноварью» («Чжуша дань») [полное название «Корзина с киноварью и дождевые пузыри» («Чжуша дань ди шуй фу оу цзи»), поскольку перед смертью Ван призывает в свидетели преступления дождевые пузыри перед храмом]. Киноварь, единственное неядовитое соединение ртути, считалась в Древнем Китае ценным снадобьем, служащим для многих целей. Известный случай сокрытия бегства под предлогом приключившейся нужды произошел в 206 г. до н. э. [см. «Ши цзи», гл. 7: *Сьма Цянь*. Исторические записки, т. 2. Пер. с кит. Р. Вят-кина и С. Таскина. М.: Наука, 1975, с. 132 — 135]. Лю Бан (около 250—195 гг. до н. э.), будущий основатель династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), избежал готового свершиться при танце с мечами покушения на свою жизнь на пиршестве в Хунмэне, когда, сославшись на нужду, вышел из шатра и поспешно бежал (см. 8.1). Второго покушения со стороны Дай Мао на пиршестве в Сяньяне (нынешний Сяньфан в провинции Хубэй) Лю Бэй (101—223) избежал благодаря тому, что один из верных ему людей шепнул: «На выход!» Уловка с надобностью справиться нужду помогла унести ноги и Цай Э (1882—1916), военному губернатору Юньнани. В 1913 г. тогдашний диктатор Китая Юань Шикай (1860—1916) вызвал его в Пекин, где поместил под домашним арестом. Бежать ему помогли друзья. С одной из своих знакомых Цай Э отправился гулять в парк. Они сели за столик летнего ресторана. Цай Э демонстративно положил свой бумажник на столик. Затем снял дорожную шляпу и плащ, положив все это на спинку стула. Некоторое время он беседовал со своей спутницей, попивая чай. Вдруг он говорит ей так, чтобы все слышали: «Подожди немного, я схожу в туалет и тотчас вернусь» — и с сигаретой во рту уходит. Оба соглядая видели, как он пошел в одной

рубашке. Плащ со шляпой остались висеть на спинке стула, а бумажник так и лежал на столе. Поэтому полицейские ничего не заподозрили, и тем самым Цай Э удалось незаметно покинуть парк и отправиться к одному из своих приятелей. Оттуда он уже вышел переодетым в знатную даму. Вскоре на поезде он благополучно оставляет Пекин (*Знания* [«Сюэшу юэкань»], Шанхай, декабрь, 1989).

Соккрытие бегства под предлогом посещения укромного места случается не только в Китае, о чем свидетельствует следующая заметка из газеты *Ansiedler-anzeiger* от 29.11.1977: «Покутив хорошенько, один «благопорядочный» посетитель успел скрыться через окно туалета здешнего ресторана, так и не заплатив за обед».

21.12. «Куда вы спрятали барышню Линь?»

«[Баочай] заметила пару бабочек цвета яшмы, каждая величиной с маленький круглый веер, они то взмывали вверх, то прижимались к земле. Это было забавно, и Баочай решила погонять бабочек. Вытащила из рукава веер и стала хлопать им по траве. Бабочки испуганно заметались и улетели за ручеек. Баочай побежала за ними. Она запыхалась, даже вспотела и решила передохнуть. Оглядевшись, поняла, что находится неподалеку от беседки Капель Изумруда. Ей вдруг расхотелось бежать за бабочками, она собралась вернуться обратно, но тут услышала голоса в беседке. Надо сказать, что эта беседка, стоявшая над водой, была обнесена решетками, заклеенными бумагой, и окружена со всех сторон террасами. Услышав голоса, Баочай остановилась и прислушалась... «Ай-я-я! А вдруг кто-нибудь нас подслушивает? Надо поднять решетки, если даже заметят, подумают, что мы здесь играем. Да и нам будет видно, когда кто-нибудь подойдет». При этих словах Баочай заволновалась и подумала: «Недаром говорят, что у прелюбодеев и разбойников редкое чутье. Неужели служанки не испугаются, если, открыв решетки, увидят меня? Одна из них наверняка Сяохун, служанка Баоюя. Уж очень голос похож. Девчонка коварна, высокомерна и честолюбива. Но сегодня она попалась! Недаром пословица гласит: загнанный в тупик человек способен на безрассудство; бешеная собака лезет на стену. Доводить до скандала не стоит. Лучше всего было бы спрятаться, но сейчас уже поздно, так что придется прибегнуть к способу «цикада сбрасывает личину». Не успела она так подумать, как заскрипела отодвигаемая решетка. Нарочно топая ногами, Баочай пошла к павильону. «Чернобровка, — крикнула она. — Я видела, как ты пряталась!» Сяохун и Чжуйэр растерялись. «Куда вы спрятали барышню Линь Дайюй?» — спросила Баочай. «Мы ее не видели», — ответила Чжуйэр. «Как не видели? — с притворным изумлением вскричала Баочай. — Я была на том берегу, когда она здесь плескалась в воде, и даже хотела ее испугать. Увидев меня, барышня бросилась бежать в восточном направлении и исчезла. Где же она могла скрыться, как не здесь?» Баочай вошла в беседку, походила там, делая вид, будто ищет Дайюй, и вышла, что-то бормоча себе под нос. Девушки разобрали всего несколько слов: «Наверное, спряталась в гроте! Пусть ее там укусит змея!» Между тем Баочай шла и посмеивалась: «Как все хорошо получилось! Но не показалось ли им, что это подвох?» Однако Сяохун приняла слова Баочай за чистую монету» [*Цао Сюэцин*. «Сон в красном тереме». Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Худ. лит., 1995, т. 1, с. 381-383].

Один китайский комментатор говорит об этой, страгемно нагруженной сцене из китайского романа *Сон в красном тереме* (см. также 25.4), что Драгоценной Шпильке, т. е. Баочай, удалось не только скрыть, что она тайком подслушивала, но с помощью страгемы превращения 21 достичь еще одной цели, а именно выставить в дурном свете свою тайную соперницу, барышню Линь Дайюй. Цао Сюэцин, сочинитель романа, удачно высвечивает здесь «истинный характер» Драгоценной Шпильки: внешне неизменно спокойная и дружелюбная, порядочная и правдивая, а внутри она коварна.

21.13. Мясник среди вегетарианцев

Мясник Жэнь Фэнцы, т. е. Бешеный Жэнь, устраивает пир в честь своего дня рождения, на который собирается целая толпа его собратьев по цеху. Во время пиршества мясники обращаются к хозяину с просьбой одолжить им денег. «Я и так прошлым летом ссудил вам достаточно средств. Куда же все подевалось?»

Те отвечают: «Все израсходовали. Недавно невесть откуда у нас объявился некий даос по имени Ма Даньян. Он всех в округе отучает от скоромной пищи, так что ныне все питаются овощами». Жэнь тогда сказывает: «А разве не говорится, что «лишить человека средств к существованию — все равно, что убить его отца с матерью?»³⁰⁸ И собравшиеся решают убить даоса. Это дело поручают доказавшему свое превосходство в

³⁰⁸ «Хуай и фан жу ша фу му-> — похожее выражение встречается в 20-й гл. «Речных заводей». — Прим. пер.

силе Жэню. Протрезвев поутру, он решает тотчас отправиться в путь. Жена отговаривает его от задуманного: ведь он даже не знает даосского святого. Поначалу Жэнь, заподозрив, что та как-то связана с даосом, пробует утихомирить жену. Но та остается непреклонной. И тут Бешеный Жэнь, как пишет Ван Чжиу в своем предисловии к пьесе юаньского драматурга Ма Чжиюаня (1250—1321) «Ма Даньян трижды обращает в веру Бешеного Жэня» («Ма Даньян чжи санди Фэнцзы») (*Словарь для профессиональной оценки старинных пьес*. Сиань, 2-е изд., 1989, с. 177), прибегает к уловке. Он говорит своей жене: «Между мной и тем парнем никогда ничего не было. Вражды у нас нет. Зачем бы мне убивать его? В тех местах выращивают чудных свиней. И боюсь, как бы другие мясники меня не упредили. Поэтому я и вызвался убить этого господина. На самом же деле я еду покупать свиней. Наточи-ка нож и вскипяти воду для снятия шкуры, а я вскорости доставлю свиней». Жене и невдомек, «что здесь совершается уловка» (Ван Чжиу), посему, более не прекословя, она принимается за то, что ей велели. «Женская природа сродни воде, — говорит Жэнь, оставшись один. — Достаточно пары слов, и вот моя старуха уже успокоилась».

Оболочкой цикады здесь служит отвлекающий план покупки свиней, и этого оказалось достаточно, чтобы убедить жену («ци и ци фан», см. 16.18)³⁰⁹. Указанный план отвлек все ее внимание, что позволило Бешеному Жэню беспрепятственно взяться за выполнение задуманного. То, на чем Жэнь провел свою жену, было высосано им из пальца, и, значит, перед нами еще одна уловка, стратагема 7. Примечательно, что в этой связи сам Жэнь употребил слово не «обман», а «уловка» (цзи). Это еще раз доказывает, что китайцы включали ложь в разряд стратагем. Выбирая слово «уловка», Жэнь делает упор без всякого усилия на целесообразности предпринимаемых действий. Если бы он прибег к китайскому слову, означающему «обман» вроде «хуаньянь», то тогда использованный прием носил бы оттенок нравственного порицания, поскольку «ложь» и у китайцев исстари пользовалась дурной славой, хотя и не составляя для них никогда, помимо стратагем, главного предмета размышлений.

21.14. Езда на остров кущей

Будда, в качестве бодхисаттвы будучи в одном из воплощений состоятельным купцом, пожелал однажды вместе с пятьюстами торговцами отправиться в «Страну львов» (Цейлон)³¹⁰. Они везли повозки, верблюдов, коров и прочую живность, намереваясь обменять свой товар на тамошние драгоценности и сокровища. Нагрузив все на судно, они отправились в путь. Внезапно разыгралась свирепая буря, вздымая огромные волны. Попав в их круговорот, корабль не выдержал и развалился. Купцы попадали в воду, оказавшись во власти волн, которые вынесли их к неведомому берегу. Так они оказались в стране 500 демониц.

Демоницы в образе юных дев пришли на берег. У каждой из них было в руках мужское платье, которое они вручили купцам. После того, как те отдохнули в тени усыпанного золотыми цветами дерева, демоницы вновь появились перед ними и стали говорить, что у них нет мужей, и предлагать купцам взять их в жены: «У нас в достатке пищи, полны закрома, множество садов, чащ и озер» — таковы были их речи. Затем каждая демоница взяла себе одного из торговцев и удалилась с ним в свое жилище. Вартикара, владычица демониц, увела домой бодхисаттву и принялась угощать его.

Спустя три недели бодхисаттва заметил, что обычно мрачная Вартикара стала улыбаться. И тут в его сердце закрались сомнения, которых прежде не было. Он осведомился у Вартикары относительно ее веселья. Она объяснила ему, что он попал на ту часть Синхалы, где обитают демоницы. Возможно, они посягают и на его

³⁰⁹ Данное выражение «обмануть [добродетельного человека], воспользовавшись его же способом рассуждать» встречается у Мэн-цзы в рассказе о Цзы Чане, раздел 9.2 (пер. В. Колоколова, с. 132), который приведен выше. — *Прим. пер.*

³¹⁰ «Страна львов» («Шицзиго», т. е. Синхала, название острова и страны на нем, отождествляемых с Цейлоном), где первые два иероглифа транскрибируют санскр. слово «синха», означающее «лев», а в данном случае подразумевается царевич Синха, коим был Будда в одном из своих перерождений. В образе же крылатого божественного коня по имени Балахака (так звался один из четырех скакунов бога Вишну (Кришны)) выступает Авалокитешвара (кит. Гуань (ши) инь), который в данной сутре (на санскрите именуемой «Авалокитешвара-карандавьюха-сутра» (сокр. «Карандавьюха», а в переводе на китайский звучащей как «Сутра Великой колесницы о царе, величественно украшенном драгоценностями») («Дачэн чжуаньянь баован цзин»)) предстает создателем всего сущего (перечисляется двадцать обликов, которые он принимает ради спасения людей). После кораблекрушения царевич Синха с купцами попадают на остров Тамрадвипа (Ланка; доел, «медный остров»). Владычицу ракш (кит. «лоча-нью»), злых демониц, похоже, зовут Рати-кара (санскр. «Доставляющая наслаждение», так именовали одну из ап-сар; кит. транскрипция «лодицзялань»). Сам эпизод приводится в третьей главе сутры, в значительной степени перекликаясь со 196-й «Джатакой о [крылатом коне] Балаха» (пали *Валахасса джатака*) палийского канона. — *Прим. пер.*

жизнь. Бодхисаттва спросил Вартикару, есть ли средство спастись и покинуть эту страну. Та ответила, что помочь ему может священный царь-конь ["Шэн ма-ван"]. Бодхисаттва отправился на его поиски, отыскал священную лошадь и открылся ей, что желает оказаться в иных местах. Вернувшись к демонице, он заметил, что та раскаивается в своем содействии его бегству. Теперь она ни за что не хочет его отпускать. Бодхисаттва услаждает ее, после чего та спрашивает: «Отчего твое тело так холодно?» И тогда он прибегает к уловке, отвечая, что ему необходимо было развеяться, и он немного побродил вокруг. Поэтому тело и озябло.

На следующий день бодхисаттва собрал купцов, сообщил о грозящей всем опасности и повелел через три дня быть готовыми к побегу на коне-царе. О дальнейшей судьбе купцов я здесь распространяться не буду [они все погибли, кроме бодхисаттвы].

Когда бодхисаттва вернулся, Вартикара испытующе посмотрела на него. Бодхисаттва поспешил сказать: «Мне еще не приходилось видеть тебя веселой. Есть ли здесь на самом деле сады, рощи и озера?» — «Разумеется», — ответила та. И тогда бодхисаттва открыл Вартикаре, что хотел бы три дня провести среди садов, рощ и озер. Ему также не терпится увидеть знаменитые цветы, чтобы затем вернуться к ней с целым их ворохом. Пусть она побеспокоится о еде и снаряжении. Такое желание пришлось по вкусу демонице. Бодхисаттва теперь опасался, как бы демоница не раскусила его «хитрость» (*фанцзи*, дословно «замысел») — как написано в китайском изводе X—XI вв. этой повести — и не убила его. Тут из его груди вырвался глубокий вздох. Вартикара осведомилась, почему он так тяжело вздыхает. Тот ответил, что вспомнил о родных местах. Демоница поспешила утешить его. Ему следует думать не о родных местах, а о сокровищах и красотах края, где он оказался. После этих слов бодхисаттва замолчал. Так он и покинул демоницу с приготовленной ею котомкой в руках, но не для того, чтобы любоваться окружающими красотами, а чтобы с помощью царя-коня вернуться в родимые края.

Я благодарен своему коллеге профессору Петеру Грайнеру (Greiner) за предоставленный перевод из «Сутры Великой колесницы о царе, величественно украшенном драгоценностями» с китайского извода Тяньсицзя (от инд. Дэвашанти) 960—1027).

Бодхисаттва убаюкал бдительность демоницы словами о желании совершить ознакомительное путешествие, чтобы удостовериться в преимуществах своего нынешнего местопребывания. Такое намерение показалось демонице вполне правдоподобным. И все же бодхисаттва опасался, как бы та чего-нибудь не заподозрила. Поэтому он тяжело вздохнул, тем самым, как показалось демонице, выказывая душевную боль человека, который окончательно смирился с утратой родины. Это должно было развеять оставшиеся у нее подозрения. Демоница была твердо убеждена, что купец вскоре к ней вернется. Тем самым посредством стратагемы 21 бодхисаттве удалось скрыть истинную цель своего ухода и спастись.

21.15. Сколачивать политический капитал без всякой политической ответственности

«Используют пожилых людей для сколачивания политического капитала, ставят при этом одну цель — добыть голоса избирателей, не гнушаясь никакими средствами. Таково поведение политических проходимцев, поведение совершенно бесстыдное», — негодует на страницах правительственной *Центральной газеты* [«Чжунъян жибао»] (Тайбэй, 1.06. 1994) обозреватель внутривнутриполитического положения на Тайване Му Е.

О чем здесь идет речь? Силы тайваньской оппозиции выдвинули требование «поддержки стариков». Однако правительство не было в состоянии осуществить его из-за недостатка средств. Таким образом, оппозиционная партия выпустила вексель, который невозможно было обеспечить. Однако всю ответственность за необеспеченность данного векселя она возложила на правительство, использовав тем самым стратагему «цикада сбрасывает чешую». Такой ход дал ей возможность увильнуть от ответственности. Оппозиция побудила стариков выйти на демонстрацию, где они в тридцатиградусную жару, под палящим солнцем возмущались действиями правительства. А парламентарии оппозиционной партии тем временем отсиживались в прохладных помещениях!

Президент Ли Дэхуэй не пожелал принять представителей пожилых людей, которые хотели вручить ему петицию по поводу требования «поддержки стариков», на том основании, что правящая гоминьдановская партия не брала на себя обязательство, а правительство — задачу по выполнению выдвинутого оппозицией требования. Если бы правительство согласилось с таким требованием, то оппозиция могла бы поставить это себе в заслугу. А раз правительство медлит с его выполнением, значит, его не заботит благополучие стариков. Тем самым оппозиции удалось посеять раздор между пожилыми людьми и правительством. Она воспользовалась ядовитой стратагемой ножа с обоюдоострым лезвием. Так что куда правительство или правящая партия ни двинься, ранений не избежать. А ради победы на приближающихся выборах для

опозиции все средства хороши. Поэтому она и прибегла к стратагеме «цикада сбрасывает чешую», чтобы увильнуть от ответственности. Сколь низко такое поведение со скрывающимися за ним постыдными целями! Хоть позорная стратагема и удалась, все же народ не проведешь. Он поймет, что оппозиция просто хочет «одним камнем [сбить] двух птиц» [«и-ши лян-няо»]. И отклонил встречу с делегацией стариков президент Ли Дэньхуэй не из-за презрительного отношения к бедствующим пожилым людям, а чтобы не попасться на низкую уловку оппозиции и не угодить в вырытую ею яму...

В данном обзоре Му Е подвергает действия оппозиции стратагемному анализу, упоминая при этом два раза стратагему 21. Му Е обвиняет оппозицию, что она выдвинула политическое требование в защиту стариков, которое сама не в состоянии была выполнить. От признания своей собственной беспомощности и того, что она выдвигает невыполнимый план, оппозиция уклоняется тем, что всю ответственность за неудачу она возлагает на правительство, и соответственно правящую партию. Ей удалось приковать внимание всех к правительству, а самой тем временем скрыться.

Политическое использование стратагемы 21, похоже, не ограничено той или иной культурой. В августе 1996 г. в одном из интервью немецкого министра финансов Тео Вайгеля спросили: «Господин министр, этим летом все только и говорят о налогах. Свободная демократическая партия (СвДП) особо суетится, требуя еще в этот срок созыва Законодательного собрания существенного уменьшения подоходного налога. Осуществимо ли это?» Вайгель: «Нет, СвДП только рождает иллюзии. Коалиция в апреле постановила приступить к налоговой реформе с первого января 1999 года. Пока же все остается по-прежнему. Очевидно, у СвДП короткая память. Либералы взяли за старое дело: давать обещания, не неся при этом никакой финансово-политической ответственности. Я сам считаю такие обещания несерьезными. Подобными делами я не занимаюсь» (*Бильд*. Гамбург, 17.08.1996, с. 2).

Примечательно, что Вайгель характеризует предложения СвДП как «несерьезные». «Хитрыми» он их не называет. Однако хитроумие со стороны СвДП ничем не отличается от хитроумия тайваньской оппозиционной партии. СвДП пользуется громогласным обещанием — министр финансов, который не может или не желает его выполнить, попадает впросак. Взоры всех оказываются прикованными к сброшенной СвДП золотистой оболочке — предложению существенного уменьшения подоходного налога, — поначалу исполненные ожидания, затем разочарования и недовольства в отношении министра финансов. Никто не порицает СвДП, которая таким поведением смогла снять с себя всякую политическую ответственность. То, что предметом стратагемного анализа оказалась СвДП, дело случая. Просто ее пример показывает вездесущность самих стратагем.

21.16. Требование «одна страна — два правительства» против формулы «одно государство — две системы»

Тайваньское правительство отвергает предложенную Китайской Народной Республикой формулу «одно государство — две системы» (см. 25.18), в соответствии с которой Тайвань становится особым административным районом под юрисдикцией единого Китая, но имеет право сохранять свой капиталистический строй довольно длительный срок. Такая постановка вопроса вызывает у многих тайваньских политиков раздражение. Среди прочего им не нравится, что вместо действительно независимого государственного образования должен появиться особый административный район в рамках обширного государства. Взамен столь наглого требования властей КНР тайваньское правительство выдвинуло формулу «одна страна — два правительства». Эту формулу подверг жесткой критике пекинский журнал *Фокус* ["Шидянь"]. При этом, согласно тайбейской газете *Единство* (*Ляньхэ бао*; англ. *United Daily News*) от 11.06.1990, сообщающей большими буквами на первой странице о произведенном в Пекине залпе критики, не обошлось без стратагемы 21. Как видится китайской стороне, стоит Тайваню лишь признать самостоятельность своего правительства, как в урочный час «цикада сбросит свою чешую» и из формулы «одна страна — два правительства» вылупится то, чего как раз и добивались: создание независимого государства Тайвань с целью окончательного отделения от Китайской Народной Республики.

21.17. Как избежать критики

Как говорят, Мао не раз давал понять «банде четырех», что ей следует покончить с групповщиной. Но «банда четырех» представила эти указания перед народом в ином свете (см. стратагему 25), чтобы отвести от себя критические стрелы Мао. Здесь напрашивается сравнение с цикадной стратагемой 21 (*Гуанмин жибао*. Пекин, 31.10.1976).

На Западе в случае неудачи порой говорят: мы все-таки люди, а не машины. Поэтому человеку свойственно ошибаться.

Тем самым есть повод избежать критики. В Китае в статье под названием «37-я стратагема: притворство» Хуан Гоцзянь обличает чиновников, не желающих нести наказание за совершаемые ими ошибки, сваливая всю вину на волокиту (в Китае так говорят о «бюрократизме»). Ведь не они лично, а неладная волокита, то есть некий общий, частным образом не уловимый недуг всему виной! (*Рабочая газета (Гунжэнь жибао)*. Пекин, 9.02.1988).

«Бюрократизм, бюрократизм, чудесное средство спасти свою шкуру. Тем самым большое обращают в малое, а малое — в ничто [«даши хуа сяоши, сяоши хуа у ши»]. Можно таким образом избежать ответственности перед высшими и отвертеться от обязательств перед низшими, говорит китайская мудрость» (*Гунжэнь жибао*. Пекин, 9.02.1988, с. 2). Сходным образом строит свои доводы в отношении другого вопроса израильский знаток Ватикана профессор Серджио Ицхак Минерби, когда в обнародованном 16 марта 1998 г. ватиканской комиссией Святейшего Престола по религиозным отношениям с евреями документе под названием «Мы помним: размышления о Шоа³¹¹» (*We Remember: A Reflection on the Shoah*) усматривает стремление Ватикана не «подвергать взыскательной оценке саму Церковь и особенно роль папы Пия XII, а свалить всю вину на «сынов и дочерей» Церкви» («*Einwände Israels zur Denkschrift des Vatikans*») («Возражения Израиля по поводу письма Ватикана». *Новая цюрихская газета*, 18.03.1998, с. 2). Таким образом, не сама остающаяся незапятнанной «Церковь берет на себя вину, а отдельные христиане... ответственность сваливается на отдельных исполнителей» (Роман Арене (Arens), «*Unzureichendes Bekenntnis*») («Недостаточное признание». *Базельская газета*, 17.03.1998, с. 2). Объективное несовершенство одного из общественных институтов ставится в вину отдельным личностям. Тем самым создается видимость улучшения состояния дел. Жертвуют людьми, орудиями, лишь бы отвлечь внимание. А дело, общественный институт остается без изменения.

Другая разновидность подобного рода использования стратагемы 21 состоит в том, чтобы жертву, например, властного звена (*Funktionärsschicht*) или учреждения (*Institution*) изобразить героем и тем самым отвлечь внимание от самого властного звена или учреждения. Например, в провинции Ляонин некий Ли Чжилинь из потребкооперации в течение двух лет боролся против необоснованных поборов санитарно-эпидемической службы, но стал жертвой репрессий. Хотя в итоге он и отстоял свои права, но совершенно разорился, так что его сыну пришлось бросить учебу, а жена и вовсе ушла от него. Пресса поведала о разыгравшейся трагедии, но выставила на передний план Ли Чжилиня, прославляя его несгибаемость таким вот выспренным слогом: «Здесь нашла выражение его вера в партию, вера в государство». А вот вопросы продажности и несовершенства органов правопорядка пресса поднять не удосужилась (*Китайская молодежь (Чжунго циньянь бао)*. Пекин, 5.11.1998, с. 2). Выпутаться из неприятной истории можно показным раскаянием, которое привлечет к себе всеобщее внимание. Так повела себя госсекретарь США Олбрайт, когда на выступлении в университете г. Атланта говорила, что «поддержка Соединенными Штатами Пиночета была «ужасной ошибкой» («*Fall Pinochet bring die USA in Verlegenheit*») («Дело Пиночета ставит США в неловкое положение». *Базельская газета*, 9-12.1998, с. 6). О каких-нибудь мерах в отношении еще здравствующих американских чинов, ответственных некогда за совершенный Пиночетом переворот (см. 27.5), ничего не слышно.

Согласно одной пекинской книге по стратагемам стратагема 21 на самом деле используется часто в целях оправдания, что приносит больше выгоды, нежели переход в наступление или ложь. Некоторые добровольно признаются в чем-то второстепенном, привлекая к этому внимание и выигрывая время, чтобы убрать улики, касающиеся более тяжкого проступка (Юй Сюэбинь).

Данное положение можно распространить и на тот род действий, когда совершенные во имя некоей идеи зверства оправдывают плохим практическим воплощением «неплохой самой по себе теории». «Неплохая теория», по возможности еще облагороженная посредством стратагемы 25, при таком способе аргументации играет роль золотистой чешуи цикады, к которой приковывается взгляд, тем самым неизбежно, поскольку, как известно, взгляд не может раздвоиться, отвлекаясь от ужасающей действительности, связанной с этой самой идеей.

Кроме того, примером здесь может выступить политическая партия, которая сменой названия сбрасывает в данном случае не привлекательную блестящую, а отвратительную старую оболочку, пытаясь тем самым создать впечатление, что перед нами новая политическая сила, не имеющая ничего общего с преступлениями ее предшественницы.

³¹¹ Шоа(х) (иврит, дословно: «буря», «опустошение») — в иврите этим словом обозначается понятие, которому в ряде европейских языков соответствует сегодня слово греческого происхождения «холокост». — *Прим. пер.*

21.18. Хитроумные (стратагемные) карикатуры

Карикатура в *Сатире и юморе* [«Фэнцы юй юмо»], двухнедельном приложении к *Жэньминь жибао*, от 2 0.06.1986 изображает стол в учреждении со звонящим телефоном. Никто не снимает трубку, поскольку в помещении находятся лишь шляпы и пальто работающих там служащих. Само обладателей одежды мы не видим. Надпись под рисунком гласит: «Цикада ускользнула из своей чешуи». Здесь критические стрелы целят в тех чиновников, которые лишь числятся на своем рабочем месте, а на самом деле отлынивают от своих обязанностей, занимаясь совершенно иными делами.

На другой карикатуре в том же приложении от 20.11.1988 изображена желтая змея с черными пятнами. На четырех из этих пятен написано: «Хозяйственные преступления». С древесной ветки свешиваются оставшиеся после линьки змеи два лоскута кожи, а рядом надпись: «Денежный штраф». Здесь подмечено то, что тогда на нарушителей хозяйственной дисциплины зачастую налагались смехотворные штрафы, которые те, будучи благодаря своей преступной хозяйственной деятельности весьма состоятельными, могли заплатить, даже не поморщившись. Тем самым им удавалось выйти сухими из воды. Деньги, которые приходилось им выкладывать, представляют собой чешую цикады. Подпись состоит лишь из одного слова, занимающего третье место в выражении для стратагемы 21: «Выскользнула».

На одной карикатуре против запрещенной 22 июля 1999 г. в Китайской Народной Республике религиозной секты [«Фалунь Дафа» (дословно «Великий закон колеса Дхармы», в обиходе именуемой) «Деяния колеса Дхармы» («Фалунь гун»)] изображенный в виде черной фигуры ее основатель (1992) Ли Хунчжи [род. 1952] с набитым деньгами мешком за плечами тайком смывается, должно быть, в США, где живет с давних пор. Свое дальнейшее пребывание в Китае он разыгрывает с помощью изваяния Будды, чей точный облик, однако, скрыт. Его заслоняет ширма, на которой выведен призыв секты: «Истина, доброта, терпимость». Надписью служат два заключительных слова из выражения для стратагемы 21 : «Сбросил оболочку» (*Вэньхуэй бао*. Шанхай, 29.07.1999, с. 12).

21.19. «Нет» новой литературе со старым письмом

«Примечательно следующее: великому знатоку древней китайской литературы Линь Циньнаню не выпало пройти омоложения. Но омоложением занята старая китайская литература. Она покинула лоно [древности] и облачилась в новый скелет («то тай хуань гу»), поменяла голову и сменила лицо («гай тоу хуань мянь»). И тем самым с успехом воспользовалась замечательной стратагемой «цикада сбрасывает чешую». Так и живет она, словно заново рожденная».

Эти строки написал в 1931 г. Цюй Цюбо (1899—1935) в своей статье «О литературной революции и вопросах языка». С 1920 г. он работал в редакции газеты «Чэньбао» [«Утренняя газета»] и как ее корреспондент прибыл в 1921 г. в Москву. Вернулся же оттуда приверженцем большевистских идей в вопросах культуры. [Еще будучи в России,] в 1922 г. вступает в Коммунистическую партию Китая, затем не раз избирается в ее Центральный Комитет. В январе 1931 г. его выводят из числа руководителей партии. Затем он играет ведущую роль в революционном культурном движении Шанхая, а с 1933 г. вновь включается в работу Коммунистической партии.

Совершенно из другого теста был сделан Линь Циньнань (1852 — 1924), известный под именем Линь Шу. Еще в период империи, в 1882 г. он выдержал провинциальный экзамен, но затем семь раз, с 1883 по 1898 г., проваливался на столичном экзамене. Все это болезненно сказалось на нем, сюда еще добавилась смерть матери (отец умер еще в 1870 г.) и потеря вследствие туберкулеза жены и двоих детей. Чтобы как-то отвлечь Линь Шу от горестных мыслей, один приятель, учившийся во Франции, предложил ему совместный перевод на китайский язык *Дамы с верблюдами* Дюма-сына (1824—1895). Приятель устно переводил текст на разговорный китайский язык, после чего не владевший иностранными языками Линь Шу перекладывал услышанное на классический язык. Позже таким же образом он переложил *Хижину дяди Тома*, *Басни Эзопа*, *Робинзона Крузо*, *Дон Кихота*, *Путешествие Гулливера*, *Персидские письма* [Монтескье], *Оливера Твиста* и даже отрывки из гомеровских *Илиады* и *Одиссеи*. Он познакомил китайцев с Шерлоком Холмсом. Тем самым Линь Шу стал первым крупным китайским переводчиком западной художественной литературы, оказавшись при этом и самым плодовитым китайским переводчиком. На его счету более 170 переведенных произведений авторов Европы и США. В конце жизни Линь Шу обрушился с гневной отповедью на культурные начинания, исходящие из рядов представителей движения 4 мая 1919 г., избрав своей мишенью, главным образом, поборников новой литературы.

Именно это припоминает ему Цюй Цюбо. Цюй Цюбо жалуется, что почти все исходные цели движения 4 мая вроде эмансипации женщин, участия рабочих и крестьян в управлении страной и всеобщего образования осуществляются, и только в одной области отсутствуют всякие подвижки: в сфере китайской литературы. Никто не отваживается сбросить с пьедестала старую китайскую литературу с ее реакционным

содержанием. Прежде всего, шарахаются от реформы письма, не решаясь выбросить за борт китайские знаки, к которым прилипло столько старого хлама, чтобы перейти к буквенной азбуке. Тем самым новая пресловутая разговорная литература остается пустым звуком. В действительности старая китайская литература, и здесь Цюй Цюбо неоднократно прибегает к страгегеме 14, «для возвращения души воспользовалась трупом», а именно мертворожденной, пресловутой новой «разговорной» литературой: в ней продолжает жить «душа» уцелевшей литературы — одним словом, старый китайский, главным образом, конфуцианский духовный скарб.

Страгегему же 21 Цюй Цюбо использует исключительно как страгегему превращения. Старая китайская литература сняла свое исконное одеяние в виде классического письменного языка и вырядилась в легкодоступное новое платье в виде современных обиходных выражений. Но по существу в области китайской литературы все осталось по-прежнему.

21.20. Женщины в мужском платье

Многие китайские женщины древности, упрятанные внутрь своих жилищ, завидовали мужчинам с их неограниченным полем деятельности. Поэтому неудивительно, что китайки постоянно прибегали к страгегеме превращения 21, когда хотели проникнуть в мужской мир. Переметнувшись таким образом в мужской стан китайки то занимались политической деятельностью, то шли служить в армию, то становились мстительницами, то предавались наукам, то отправлялись странствовать и т. д. Здесь мы видим проявление присущего издавна китайкам чувства собственного достоинства. Не только история, но и многочисленные романы, народные предания и пьесы повествуют о подобных женщинах.

Историческим лицом является поэтесса Лю Жуши (1618—1654) родом из Южного Китая. Она, будучи 22 лет от роду, в 1640 году переделалась в мужское платье, чтобы попасть к известному, в ту пору уже шестидесятилетнему поэту Цянь Цяньи (1582—1664). Он влюбился в нее с первого взгляда, сделав своей наложницей.

В одной народной песне из 300 слов времен династии Северная Вэй (386—534) воспевается девушка Мулань [дословно «Магнолия»], которая, переодевшись в мужское платье, вступила вместо престарелого и больного отца в войско и более десяти лет сражалась с племенем сюнну, чтобы защитить честь своей семьи и отстоять свободу своей родины [перевод «Песни о Мулань» см.: Литература Востока в средние века: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1996, с. 335-336].

Но самой знаменитой была Чжу Интай (IV в. и. э.), о которой повествует восходящее к временам династии Восточная Цзинь (317—420) и опирающееся на подлинные события предание. Чжу Интай жила в мире, который по существу сохранялся вплоть до начала XX в. и который характеризует в своей изданной в 1927 г. в Ольденбурге книге *Китайское девичье зеркало* («Chinesischer Frauenspiegel») отец Карл Мария Бослет (Bosslet) следующим образом: «Вплоть до последнего времени в Китае не было принято давать женщинам и девушкам образование, а тем паче посылать их в школу. Наука, как представлялось от-Цам, для девушек совершенно излишня. Их предназначение виделось в усердном труде». Чжу Интай восстала против подобных ограничений, оделась в мужское платье и три года посещала школу для мальчиков. Между прочим, в нынешнем Китае ее прославляют, сняв о ней фильм, поставив оперу и балет, сочинив скрипичную сонату, но главным образом по причине ее несчастной любви к Лян Шаньбо (см. роман китайской писательницы Чжу Цингэ (1914—1999) *Лян Шаньбо и Чжу Интай* в [авторизованном] переводе на немецкий язык Ханнелоры Теодор (Theodor). Кельн, 1984). Учебой в школе Чжу Интай осуществила свое «право на образование», как записано во *Всеобщей декларации прав человека* 1948 г. Здесь наблюдается общность страгегемы и данных от природы прав человека. Жившая почти полтора тысячелетия назад Чжу Интай являет собой не единственный пример того, как в Древнем Китае при отсутствии законных путей для достижения относимых ныне к правам человека личных целей прибегали к страгегемам (см. также 26.11 и кн.: *Харро фон Зенгер*. Хитрость («Die List»). Франкфурт-на-Майне, 1999, с. 29 и след.).

21.21. Иезуиты в облике буддийских монахов

В XVI в. первые миссионеры-иезуиты в Китае принимали имя и облик буддийских монахов. Они надеялись, что так проще будет попасть в Китай и обратить в свою веру китайцев. Однако им пришлось удостовериться, что священнослужители пользуются в тамошних краях меньшим влиянием и весом, нежели в Европе. Поэтому они сменили свои буддийские одеяния на одежду ученых. Первопроходец, миссионер Маттео Ричи [известный в Китае под именем Ли Мадоу (1552—1610, Пекин)] стал изучать классиков конфуцианства и в мае 1595 г., спустя 12 лет после своего прибытия в Китай, впервые появился в платье ученого. Он понял, что следует предстать не священником, а мирянином и «западным ученым» («сити»), если желаешь удостоиться хорошего приема со стороны высших слоев китайского общества. В одном из

писем 1596 г. Риччи сообщает: «Коль мы отказались от имени бонзы — у них оно означает то же, что у нас «брат», но с крайне унижительным и презрительным оттенком, то мы не можем пока открыть ни церкви, ни храма, а лишь молитвенный дом, как поступают их знатные проповедники». То, что Риччи именуется «молитвенным домом», в китайском языке соответствует понятию *шюань*, ныне переводимому как академия [имеются в виду школы на дому в древности типа платоновской]. Итак, Риччи хочет предстать среди китайских философов философом, а не раскрывать, кто он на самом деле: священник, прибывший проповедовать истинного бога язычникам.

Да и саму христианскую весть в Китае нельзя представить, не принарядив. Как пишет Жак Жерне (Gernet) в книге «*Chine et christianisme. La première confrontation*» («Китай и христианство: первое противостояние», 1982; переведена на немецкий («*Christus kam bis nach China: eine erste Begegnung und ihr Scheitern*», 1984), английский, итальянский, испанский, японский, китайский), лучше всего вызвать у китайцев интерес и сочувствие, «представив христианство родственным конфуцианству учением и связав его с занятиями наукой». Первые миссионеры-иезуиты, чтобы не вызвать отчуждения, даже распятие Христа (см. 35.9) по возможности «скрывали за пологом» и открывали только тем китайцам, которые уже решили креститься. Этого вопроса касается Джанни Кривеллер (Criveller) в своей книге *Проповедание Христа в позднеминском Китае* (*Preaching Christ in Late Ming China*) (Тайбэй, 1997).

21.22. Обучение пению без наставника

Сперва запекает учитель, затем ученик подхватывает. Стоит учителю остановиться, останавливается и ученик. Таким способом сметливые быстро схватывают науку. Тугодумы же и после дюжины запевов учителя не делают успехов, а все потому, что меж учителем и учеником нет дополнительного подручного средства. Стоит учителю более не запевать, а начать вести ученика, играя на флейте, как задействуется дополнительное учебное средство и ученик быстрее достигает цели. «Сперва ученик следует за флейтой, а затем флейта следует за учеником», — пишет драматург, поэт, эссеист и музыкальный педагог Лю Юй (1611 — 1679). И добавляет: «Сие именуют способом «позволить цикаде сбросить свою чешую». Вначале своей игрой на флейте учитель опекает ученика подобно защитной чешуе цикады. Позже ученик поет уже сам, а игра на флейте лишь сопровождает его пение. Как только ученик достигает требуемого уровня, он больше не нуждается в опеке учителя и отбрасывает ее.

21.23. Оседлать облако без узды

«Естественный и непринужденный, прямодушный, не мелочный, молчаливый, но, когда говорит, речи его необычны, современники считали его человеком крайностей». Таково краткое описание Чжунчан Туна (179—220), умершего в возрасте 41 года в 220 г., данное Фань Е (398—445) в его династийной хронике «Книга поздней Хань» [«Хоу Хань шу»]. Первую предложенную ему должность Чжунчан Тун отклонил, сославшись на болезнь (см. стратегию 27; см. также 16.21). Но в конце концов он поступает на государственную службу и занимает высокий пост. Но когда бы ни заходил разговор о современности либо минувшем и о мирских делах, он тяжело вздыхал. Похоже, что он ощущал себя на этой земле стесненным и связанным. Чайньем свободы и независимости проникнуто следующее стихотворение Чжунчан Туна, где, насколько известно, он создает самое старое выражение для стратегии 21. Здесь «оболочка» цикады означает повседневное бытие человека в понимании даосской философии. Возможно, вдохновленный китайским мыслителем Чжуан Чжоу (около 369 — около 286), который сравнивал тень застывшего в покое человека с заключенной в свою оболочку цикадой, что замерла в ожидании крылышек (а также того, когда придет в движение сам человек) [гл. 2 «Как вещи друг друга уравнивают»], Чжунчан Тун берет выходящую из чешуи цикаду как пример поднимающегося в высшие сферы человека.

Летящая птица оставляет след,

Линяющая цикада теряет оболочку,

Прыгающая змея (Тэниэ) сбрасывает чешую,

Священный дракон (Шэньлун) лишается рога.

Так достигший совершенства человек может измениться,

А просвещенный человек выделиться из массы.

Он седлает облако без узды,

Подгоняет ветер без шпор.

Собравшаяся роса служит ему пологом,
 Плывающие облака служат шатром.
 Туман служит пищей,
 Солнце заменяет свечу.
 Звезды предстают искрящимся жемчугом,
 Утренний рассвет — блестящей яшмой.
 На юге, севере, востоке, западе, вверху и внизу
 Он может следовать велениям сердца.
 Оставившего все мирские дела,
 Что его может стеснять?

Стратегема № 22. Запереть ворота, чтобы схватить вора

Четыре иероглифа	关	門	捉	賊
Современное чтение	китайское Гуань	мэнь	чжо	цзэй
Перевод каждого иероглифа	запирать	ворота	схватить	вор
Связный перевод	Запереть ворота и поймать вора. Отрезать все отходы, чтобы окружить противника			
Сущность	Стратегема окружения; стратегема взятия в кольцо; стратегема блокирования			

22.1. Не все так просто, как кажется

Стратегема 22, подобно стратегеме 3 или 28, относится к тем уловкам из китайского списка хитростей, чей смысл непосредственно и незатейливо заключен в самом названии, в отсутствие всякого поэтического образа, без связи с какой-либо историей. Оба действия, на которых строится стратегема, изображаются крайне скудными средствами: вначале запирают ворота, затем разделяются с непрошеным гостем, как показывает следующая заметка, впрочем, из западной газеты: «Завидное хладнокровие выказал житель Эглизау³¹², которому в пятницу ночью удалось запереть грабителя, проникшего в подвал его дома. Полиция, слегка повозившись, задержала этого человека» (*Новая цюрихская газета*, 31.10.1987, с. 11). Действия в стратегеме 22 совершенно противоположны тому, что представляет собой стратегема 16. Однако вполне возможно сочетание стратегемы 22 и ложного проведения стратегемы 16.

Под «вором» в выражении стратегемы 22 зачастую подразумевается настоящий преступник, а вот «запирание ворот» нередко употребляется в переносном смысле для осуществляемого на открытой местности окружения.

Стратегема 22 следует сразу за стратегемой 21, где на первый план выдвигается бегство и его сокрытие. В противоположность стратегеме 21 стратегема 22 не помогает бегству, а пресекает его. Если стратегема 21 предстает стратегемой крайности, используемой тем, кто оказался в положении слабой стороны, когда он почти попал в руки противника, стратегема 22 служит тому, кто находится в удобном положении сильной стороны.

Стратегема 22 относится к категории стратегем выгоды, когда используют слабости, недостаток численности и обособленность противника, то обстоятельство, что он добровольно вторгся в сферу вашего влияния, и собственный потенциал, позволяющий отрезать противнику все пути к отступлению и нанести

³¹² Eglisau, швейцарский городок (3150 жителей) на р. Рейн в округе Бюлах, кантон Цюрих. — *Прим. пер.*

ему поражение.

В отсутствие этих трех условий блокада противника может только навредить. По этой причине Чжугэ Лян (181—234), канцлер царства Шу, потерпел неудачу, когда вдали от родных мест при затрудненном снабжении на протяжении ста дней осаждал полководца вражеской армии Сыма И (179—251). Действие происходило у реки Хуай¹. Длительная осада в итоге измотала силы не Сыма И, а Чжугэ Ляна [«Троецарствие», гл. 103 и 104] (см. 14.6).

В военном отношении «ворами» согласно трактату *36 стратагем (Сокровенная книга о военном искусстве)* XVI—XVII вв. «являются, например, особые войска неприятеля или лазутчики, которым поручено действовать в нашем тылу» [«Тридцать шесть стратагем: китайские секреты успеха». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000, с. 117]. Их отличает сравнительно малая численность, высокая подвижность и быстрота, особый упор на уловки и, как следствие, большая разрушительная сила. Такого неприятеля необходимо как можно быстрее обезопасить, помня совет из *Воинского искусства Сунь-цзы*: «Если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон» [«Сунь-цзы», 3.4 «Стратегия нападения» («Моу гун»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 129]. Он уподобится «рыбе в неводе» («ван чжун чжи юй»). И его можно ловить, как «ловят черепаху в глиняном бочонке» («вэн чжун чжо бе»).

«Десятикратное превосходство», согласно Цао Цао (155— 220), который, несмотря на свою занятость полководца и политика, нашел время написать комментарий к *Сунь-цзы*, не следует понимать сугубо в численном выражении, а оценивать со стороны военачальника, учитывая такие обстоятельства, как полководческий талант своих и вражеских командиров, вооружение, боевой дух, временной фактор, вид местности и т. д. При наличии соответствующего превосходства и владении обстановкой стратагему 22 можно применить и против главных вражеских сил.

В «Троецарствии» говорится о реке Вэйшуй — современная Вэйхэ (правый приток Хуанхэ) в провинции Шэньси. — *Прим. пер.*

Следует избегать положения, когда «бешеная собака прыгает на стену» («гоу цзи тяо цян») либо «загнанная в угол кошка превращается в тигра» (генерал Александр Лебедь: *Вельтвохе*. Цюрих, 24.10.1996, с. 2), когда запертый «вор», доведенный до крайности, оказывается сродни вооруженному мечом безумцу из трактата по военному искусству IV в. до н. э. *Вэй Ляо-цзы*: «Когда на рыночную площадь нападает вооруженный мечом разбойник, все [находящиеся там] 10 000 человек сторонятся его. Почему? Не оттого, что он храбр, а 10 000 человек не такие [храбрецы]. Тогда почему? Оттого, что готовый умереть не сравнится с теми, кто дорожит жизнью» [«Вэй Ляо-цзы», гл. 3 «О приказаниях» («Чжи тань»)].

Итак, окружение должно быть непреодолимым, «запертые ворота» — неприступными, а закрытое помещение — без прорех и лазеек. Неприятель должен быть настолько подавлен, чтобы у него и мысли не возникло решиться на отчаянную борьбу и произвести большие разрушения.

Противника примерно одинаковой с вами силы не следует окружать, иначе возникает опасность «пустить к себе в дом волка» («инь лан жу ши»), который все там сокрушит. Равному по силе противнику нужно скорее противопоставить стратагему 16. Конечно, можно также создать благоприятные условия для взятия в кольцо противника, расчленив его силы. Тогда собственные силы сосредотачивают для создания превосходства на отдельном участке, благодаря чему такого противника «разбивают поодиночке» («гэ гэ цзи по»).

Окруженного противника нужно лишить возможности прибегнуть к стратагемам. Он должен быть на виду. Самим же следует держаться в тени, совсем как поется в заключительных строках «Трехгрошовой оперы» Брехта: «Тех, кто на свету, видят, а тех, кто в тени, — нет»³¹³.

Даже предоставляя противнику определенную свободу действий, вы должны ограничивать ее в соответствии со словами Лао-цзы: «Сеть природы редка, но ничего не пропускает» («Дао дэ цзин», гл. 73. Пер. Ян Хиншуна). Сообразно данным словам в некоторых обстоятельствах можно руководствоваться указанием Сунь-цзы: «Если ты окружен, выходи из положения с помощью хитрости» [«Сунь-цзы», 8.2 «Девять изменений» («Цзю бянь»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 167], открыть противнику мнимый путь к отступлению и тем самым привести в действие стратагему лишения силы 19. Противник подумает, что может спастись, и потому не будет «сопротивляться до последней крайности» (Ду Му (803—850): [«Сунь-цзы. У-цзы: Трактаты о военном искусстве». Пер. с кит.

³¹³ В рус. пер. С. Анта подытоживающие пьесу куплеты уличного певца опущены: *Брехт Б. Избранное. Пьесы, рассказы*. М.: Радуга, 1987. — *Прим. пер.*

Н. Конрада. М. — СПб.: АСТ, 2001, с. 219)]. Следует, конечно, остерегаться, как бы противник на самом деле не ускользнул и не оказался в положении, представленном в военном трактате *У-цзы*, который приписывают вэйскому полководцу У Ци (ум. 381 до н. э.): «Предположите, что Вы спрятали на обширной равнине всего одного разбойника, но готового умереть. Тысяча человек станут ловить его, и все будут озирается во все стороны, как совы, оглядываться по сторонам, как волки. Ибо каждый из них будет бояться, что тот внезапно выскочит и убьет его. Поэтому достаточно одного человека, решившегося расстаться с жизнью, чтобы нагнать страх на тысячу человек» [*«У-цзы»*, 6.9 «О поощрении воинов» («Ли ши»): *там же*, с. 254].

Окружение противника может происходить напрямую, но также и окольными путями, когда полностью контролируют те условия, в которых пребывает противник. Исключается любое убежище, отрезается сношение с внешним миром, отсекаются пути снабжения. Далее, предусматривается, чтобы противник не мог воспользоваться хоть каким-то подвернувшимся случаем. Тем самым ему не оставляют ни времени, ни пространства предпринять что-либо.

Запирание ворот, в зависимости от обстоятельств, происходит сразу — так, чтобы заподозривший неладное «вор» не мог тотчас покинуть дом, — либо чуть позже, когда вор уже захватил добычу и налицо сам состав преступления. Далее, запирание может происходить молниеносно, чтобы вор не мог просунуть ногу в дверную щель; но также может происходить и достаточно медленно.

На глазах закрываемая «дверь», да еще с хлопаньем, может особо нагнать страх на запертого «вора», так что тот, смотришь, и сдастся безропотно. Закрывая же дверь тихо, мы избегаем опасности столкновения с немедленным отпором с его стороны. Пока противник все еще считает дверь открытой, он уверен, что выберется, и мы тем самым не даем укрепиться в нем решимости бороться до конца.

Цель стратагемы 22 состоит в поимке вора. «Если у тебя сил в пять раз больше, чем у противника, нападай на него», говорится в *Воинском искусстве Сунь-цзы* [*«Сунь-цзы»*, 3-4 «Стратегия нападения» («Моу гун»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 129]. При достаточной собственной силе можно задержать противника, пока тот не пришел в себя при виде запертых ворот и не предпринял ответных действий. Но можно позволить вору некоторое время бросаться на стену, и, когда он выбьется из сил, напасть на него. При военных столкновениях для проведения затяжного окружения руководствуются другими соображениями: выжидание, пока в стане отрезанного от внешнего мира противника не воцарится *разлад*, и тогда будет легче его одолеть. Если же окруженный противник оказывает ожесточенное сопротивление, можно посоветовать заманить его еще в ловушку, чтобы уже без особого труда обезвредить. Впрочем, за разъяснениями обращайтесь к 21.1 (раздел 2е).

«Не забравшись в логово тигра, не добудешь тигренка» [*«Бужу ху-сюэ бу-дэ-ху-цзы»*]. Эти слова, произнесенные военачальником Бань Чао [32—102; см. гл. 47 династийной хроники «Хоу Хань шу»] в 73 году перед ночной вылазкой и ставшие пословицей, указывают на то, что порой, особенно в военных стычках, приходится проникать в чужую «комнату». Но чтобы это не представляло собой просто отчаянную выходку, необходимо руководствоваться вторым из «Десяти секретов игры в облавные шашки» [*«(Вэйци) ши цзюэ»*]³¹⁴: «Осторожно переходи чужие рубежи» [*«Жу цзе и хуань»*].

При случае с помощью разведывательной стратагемы (см., например, стратагему 13) вражеская территория исследуется на предмет ее опасности. Обязательно нужно предусмотреть возможное бегство. Если в случае окружения противник неожиданно откроет путь отхода, необходимо, будучи командиром окруженного войска, отрезать эту возможность бегства и тем самым заручиться, что войско будет продолжать биться, не щадя живота своего. Это советует Ду Му (803—853) в своем комментарии к *Сунь-цзы* [*«Сунь-цзы. У-цзы: Трактаты о военном искусстве»*. Пер. с кит. Н. Конрада. М.-СПб.: АСТ, 2001, с. 301-302].

И стратагема 22, и стратагема 28 нацелены на отрезание противнику пути отступления. Но в отличие от стратагемы 28 стратагема 22 перекрывает противнику все входы в то место, где он находится, и выходы из него. При применении стратагемы 22 противник сам засовывает голову в «пасть тигру», а при использовании стратагемы 28 он туда заманивается. Стратагема 22 направлена на захват и обезвреживание противника, тогда как посредством стратагемы 28 противника побуждают к действиям, необязательно связанным со сдачей в плен. К стратагеме 22 прибегают при наличии превосходства, тогда как стратагему 28 можно использовать и при обычных условиях.

В ходе военных столкновений согласно китайским книгам по стратагемам такое бывает и в случае

³¹⁴ Автор Ван Цзисинь, живший в период правления танского императора Сюань-цзуна (685—761, правил 712—755). — *Прим. пер.*

стратагемы 22, когда противника заманивают в заранее подготовленную западню (Sack). Но тогда, если быть точными, речь идет о сочетании стратагем 22 и 28. И здесь я советую обратиться к введению посвященного стратагеме 28 раздела.

22.2. Отец Конфуция подпирает ворота³¹⁵

Отец Конфуция Шулян Хэ (ум. 548 до н. э.) был храбрым воином царства Лу (в нынешней провинции Шаньду) [и являлся стражником (*у ши*)³¹⁶]. В 563 г. до н. э. он совершил запечатленный в конфуцианском классическом сочинении *Цзо чжуань* ратный подвиг, до сих пор вызывающий восхищение в Китае. В ту пору цзиньский государь Дао-гун (правил 572—558) боролся за господство в Поднебесной. Он призвал войска девяти зависимых государств, среди них Лу, и с их помощью хотел напасть сначала на Чжэн, а затем на Чу. Во главе луского войска стоял сановник Чжунсунь Ми, в подчинении которого находился среди прочих командиров и отец Конфуция. Во время похода луское войско должно было атаковать с севера находившийся под властью Чу город Биян. И тогда прославленный чжэнский полководец Юнь Бань — и здесь я следую рассказу в газете *Освобождение* [«Цзефан жибао»], печатном органе шанхайского городского комитета КПК, от 15.01.1982, — приготовил стратагему. Она состояла в том, чтобы «завлечь неприятеля внутрь [собственных владений]» («инь ди шэнь жу»), а затем «запереть ворота, чтобы побить собаку» («гуань-мэнь да-гоу»). Юнь Бань открыл северные навесные ворота и выпустил несколько мелких отрядов, которые вели себя так, словно хотели завязать бой с напавшим неприятелем. Луское войско, по словам газеты, «тотчас клюнуло на уловку». Под предводительством двух командиров луские воины устремились к северным воротам Бия-на. За ними следовал и отец Конфуция. Оказавшись под воротами, он заметил, как они стали опускаться. Тут он догадался, что лусцы угодили в ловушку. Он тотчас бросает оба меча, что держал в руках, подставляет плечи под навесные ворота и кричит, как пишет газета, луским воинам: «Уловка! Уловка! Быстрее покидайте крепость!»

Благодаря отваге и силе Шулян Хэ лускому отряду в последний миг удалось избежать печальной участи. Позже Биян все-таки пал. Отцу Конфуция Дао-гун преподнес в дар колесницу и кольчугу.

22.3. Запереть ворота и побить собаку

Пожалуй, даже чаще самого выражения «запереть ворота, чтобы схватить вора» в том же значении используется выражение «запереть ворота, чтобы побить собаку» («гуань мэнь да гоу»). «Собака» здесь олицетворяет «неприятеля», что отражает присущую не только Европе, но и Китаю и идущую с давних времен привычку изображать врага зверем. Как передают, Мао Цзэдун 13-09-1929 г. на военном совещании в Чжучжоу (провинция Хунань) сказал, что негоже «яйцами бить по камням» («и луань цзи ши») и с ограниченными силами идти на приступ города Наньчан, а следовало бы в своих советских районах «запереть ворота, чтобы побить собаку» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 12.06.1981, с. 3).

22.4. Бить упавшую в воду собаку

Это известное выражение Лу Синя (1881 — 1936), самого знаменитого в Китайской Народной Республике писателя XX в. В связи со стратагемой 22 данное выражение касается расправы с запертым «вором» и означает: «полностью уничтожить загнанного в угол врага», «разделаться с ним».

В написанном в 1925 г. очерке «Для «игры благородной» (fair-play) еще не настало время» [«Лунь «фэйе полай» ингай хуань син» (нем. пер. см.: *Вольфганг Кубин* (Kubin). *Lu Xuns Werke in sechs Bänden*, т. 5. Цюрих, 1994, с. 357 и след. [на рус. яз. см.: *Лу Синь*. Собрание сочинений в 4 тт. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955, т. 2. Пер. Л. Позднеевой, с. 26—38]) Лу Синь высказывается по поводу слов Линь Юйтана (1895—1976, см. *Стратагемы*, 1 т. Заключительная глава «Каталог 36 стратагем»), что нужно употребить все усилия для утверждения духа «благородной игры» в Китае. «Не бейте упавшую в воду собаку», — призывает Линь Юитан своих соотечественников.

³¹⁵ Упомянутый эпизод с отцом Конфуция помимо «Цзо чжуань», десятый год правления Сян-гуна (563 до н. э.), где он представлен как цзо-усец Хэ, более подробно изложен в первой главе современного «Жизнеописания Конфуция» («Кун-цзы чжуань», 1988), один из авторов которого Цао Яодэ (род. 1936). На рус. яз. см.: *Переломов Л. С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993, с. 44—45. — *Прим. пер.*

³¹⁶ У ши — низкая командная должность, занимаемая человеком аристократического происхождения (*там же*, с. 413). — *Прим. пер.*

«Вопрос об «упавшей в воду собаке» не так прост, он требует изучения — что это за собака и как она попала в воду? Здесь возможны три случая: во-первых, когда собака сама свалилась, во-вторых, когда ее кто-нибудь столкнул, и, в-третьих, когда ты сбил ее сам. Вмешаться в дело в двух первых случаях будет, конечно, глупостью, а может быть, даже трусостью. Но если ты сам боролся с собакой и сбил ее в воду, продолжай бить ее и там бамбуковым шестом. Это случай особый, и смешивать его с двумя первыми не следует. Говорят, что смелый боец не бьет поверженного врага. Не бить лежачего — пример, достойный подражания, но лишь при условии, что противник тоже отважный боец, что после поражения он одумается, раскается и больше не явится, а если придет мстить, то явно и открыто. Но к собаке это не относится, ее нельзя считать равным себе противником. Как бы бешено она ни лаяла, справедливость не доступна ее пониманию. Притом собака умеет плавать и, конечно, выплывет на берег. Не успеешь оглянуться, как она отряхнется, обрызгает тебя всего и, поджав хвост, убежит. Но это ее ничему не научит, она останется такой, как и прежде. Честные люди совершенно напрасно думают, что в воде собака получит крещение, раскается и больше не станет кусаться. Я считаю, что собаку, которая кусает людей, следует бить всегда и всюду — и в воде и на суше... Стоит ли жалеть упавшую в воду собаку? Ведь таких жалких, но вредных для человека существ найдется много. Холерные микробы, например, быстро размножаются. И хотя они кристально честны, доктора ни за что не хотят оставлять их в живых... «Честность — та же никчемность», — гласит народная поговорка. Сказано как будто чересчур зло, но когда вдуматься, то поймешь, что это не подстрекательство к жестоким поступкам, а предостережение, в котором воплотился тяжелый многолетний опыт... Не добьешь упавшую в воду собаку — она тебя искушает. Так порядочные люди сами навлекают на себя беду».

22.5. Смертоносная теснина

Местный тиран из гомиьндановских властей, сопровождая со стражей верхом одного заключенного, въехал в теснину. Неожиданно с горного склона на них посыпались камни и воздух разрезали ружейные залпы с обеих сторон ущелья. Впереди путь преградила огромная каменная глыба, а двигаться назад было уже поздно. Тирана убили, его вооруженных стражей взяли в плен, а заключенный вновь обрел свободу. Обязан же своему освобождению он был Фан Чжиминю (1900—1935), одному из глубоко чтимых в КНР коммунистов-революционеров, чье столетие там отмечали в 1999 г. (*Литературное собрание [Вэнь-хуэй бао]*. Шанхай, 21.08.1999, с. 1). Эту историю под названием «Запереть ворота, чтобы побить собаку» поведал на своих страницах журнал *Былое* («Гу ши хуэй»). Шанхай, № 2, 1982).

Подобное использование стратегемы 22 знакомо и швейцарской истории, о чем свидетельствует следующий пример.

22.6. Рыцари под градом камней и бревен

Австрийский герцог Леопольд Габсбургский, которому едва исполнилось 25 лет, решил укрепить и расширить свои исконные владения, для чего замыслил нанести мощный удар по Внутренней Швейцарии [союзу «лесных земель»]: одна часть войска должна была, переправившись через [Цугское] озеро, высадиться в Нидвальдене, другая, конная — через [горный перевал] Брюниг ударить в Обвальдене, а он сам с основными силами рыцарей и пехоты — проникнуть через теснину у горы *Моргартен* в [долину] Швиц. Когда на рассвете 15 ноября 1315г. блистающая доспехами конница победоносно шествовала по узкому проходу между топами Эгерийского озера и крутым скатам отрога горы Моргартен, на них неожиданно сверху полетели камни и бревна, приведя в расстройство их ряды. К тому же перед рыцарским войском возникла засека из деревьев. Рыцари оказались в западне, после чего началось их жестокое избиение, так что герцогу Леопольду едва удалось унести ноги.

22.7. Бумажный вояка

«Чжаоский Хуэй Вэнь-ван даровал Чжао Шэ титул Мафу-цзюнь, а Сюй Ли был назначен говеем [начальник военного приказа княжества]. Положение Чжао Шэ стало равным положению Лянь По и Линь Сянжу Линь (см. 33.17). Через четыре года чжаоский Хуэй Вэнь-ван скончался, княжеский престол занял его сын Сяо Чэн-ван (266 г. до н. э.). На седьмом году его правления (259 г. до н. э.) циньские и чжаоские войска сошлись под Чанпином. К этому времени Чжао Шэ уже не было в живых, а Линь Сянжу тяжело болел. Чжаоский правитель послал Лянь По командовать армией и ударить по циньцам. Циньская армия нанесла несколько поражений чжаоским войскам. Чжаосцы стали укреплять свои позиции, уклоняясь от боев. Циньцы не раз вызывали их на бой, но воины Лянь По не принимали вызова. Ко [двору] чжаоского вана прибыл циньский лазутчик, который сказал вану: «Циньский ван опасается только того, что вы поставите во главе армии Чжао Ко, сына Мафу-цзюня Чжао Шэ». Чжаоский ван, поверив этому, поставил [Чжао] Ко военачальником вместо Лянь По. Линь Сянжу, узнав об этом, сказал вану: «Вы, ван, знаете Ко лишь понаслышке, поставить его военачальником — все равно что играть на цине с приклеенными колками. Ко в

состоянии только читать записи и книги, оставленные ему отцом, но он совсем не разбирается в смене жизненных обстоятельств». Чжаоский ван не прислушался [к его советам] и назначил [Чжао Ко] командующим войсками. С детских лет Чжао Ко, как никто другой во всей Поднебесной, любил читать книги о военном искусстве, рассуждать на военные темы. [Чжао Ко] нередко толковал об этом со своим отцом Чжао Шэ. Отец не отвергал его соображений, но и не хвалил его. Мать [Чжао] Ко спросила Шэ о причинах такого отношения, на что Шэ сказал: «Война — дело жизни и смерти, а Ко легко говорит о ней. Надо сделать так, чтобы Ко не поставили во главе войск Чжао; если же его назначат военачальником, он непременно доведет чжаоскую армию до разгрома». Как только мать узнала о назначении сына, она написала вану письмо, в котором говорилось: «Ко нельзя ставить военачальником». Ван спросил: «Почему?» Мать ответила: «Вначале я прислуживала его отцу. Когда он был военачальником, то своей едой и питьем обычно делился с десятками людей; у него были сотни друзей, и все то, чем вы, Великий ван, и ваши родичи одаривали его, он полностью раздавал своим войнам. Получив приказ о выступлении, он переставал интересоваться семейными делами. А ныне вы вдруг назначаете военачальником [Чжао Ко]. Он будет сидеть во время дворцовых приемов лицом к востоку, и военные и гражданские чиновники не посмеют глаз на него поднять. Все то золото и шелка, которые вы, ван, ему пожалуете, он будет складывать и прятать в своих кладовых, а ради постоянного дохода будет скупать поля и дома. Разве можно сравнить Чжао Ко с его отцом? Ведь отец и сын — люди разных устремлений. Прошу вас, ван, не назначать моего сына военачальником». Ван ответил: «Оставьте это, я уже принял решение». Мать Чжао Ко продолжала: «Если ван все равно решил назначить его, я надеюсь, что, если он окажется негодным, меня не привлекут к ответственности за соучастие в преступлении». Ван дал на это согласие. Чжао Ко, встав на место Лянь По, начал менять в армии все порядки, смещать и заменять командиров. Военачальник циньцев Бай Ци, узнав про это, перегруппировал свои силы, прикинулся потерпевшим поражение и отошел, а затем неожиданным ударом перерезал пути подвоза продовольствия к чжао-осцам и разрезал армию Чжао надвое, так что ее воины оказались в тяжелом положении. Они голодали более 40 дней, и тогда Чжао Ко ввел свои отборные части и лично принял участие в рукопашной схватке. Во время боя стрелой, выпущенной циньским воином, Чжао Ко был убит, армия его была разбита, несколько сотен тысяч солдат сдались циньцам, и их всех закопали живыми в землю. Таким образом, общие потери чжаосцев составили 450 тысяч человек» [«Ши цзи», гл. 81 «Жизнеописание Лянь По и Линь Сянжу»: *Сыта Цянь*. Исторические записки, т. 7. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Наука, 1996, с. 255—256].

Битва под Чанпином, согласно китайским книгам по стратагемам, ясно показывает удачное использование стратагемы 22. Сам же Чжао Ко с его «умением» служит наглядным примером глупого поведения, характеризуемого китайским выражением «вести войну на бумаге» («чжи шан тань бин»), иначе говоря, «каждый мнит себя стратегом, видя бой издали».

Схожим с битвой под Чанпином образом протекало случившееся несколько сот лет ранее сражение при Чэнпу (в нынешней провинции Шаньдун). Оно являет собой знаменитый пример из китайской истории победы слабейшей стороны. В 633 г. до н. э. чуский государь Чэн-ван (правил 671—626 гг.) с войсками союзных царств осадил [столицу] царства Сун. Сунский правитель призвал на помощь цзиньское государство. На следующий год цзиньские и чуские войска сошлись при Чэнпу. Цзиньское войско первым делом разведало слабые места чусцев, после чего смяло их левое крыло, состоявшее из войск царств Чэнь и Ци. Одновременно главные цзиньские силы изобразили отход, побудив левую часть чуских войск их преследовать. Вскоре совершавшая ложное отступление цзиньская армия развернулась, взяла вместе с подкреплением в клещи чуское войско и уничтожила его. Средняя, основная часть чуского войска вынуждена была отступить. Таким образом цзиньский государь Вэнь-гун (правил 697—628) победил превосходящего противника. Здесь «неприятеля выманили, открыли западню, захлопнули дверцу и побили собаку», подытоживает китайский комментатор описываемых событий (*Лао-Цзы*. Пекин, 1976, с. 101).

22.8. Пять городов взять одним ударом

Когда требуется прибегнуть к стратагеме 22, то, согласно пекинскому автору книги по стратагемам Ли Биньяню, необходимо исходить из общей оценки положения и верного выбора времени и места запирающих ворот. Свое мнение он подкрепляет событиями конца гражданской войны в Китае (1945—1949). С 12.09 по 2.11.1948 г. в ходе Ляоси-Шэньянской (Ляошэньской) операции велись ожесточенные бои на севере Китая (Южная Маньчжурия). Сосредоточенная там гоминьдановская армия численностью 550 тыс. человек располагалась в трех местах: в Чанчуне (ныне столица провинции Цзилинь), Шэньяне (или прежний Мукден, ныне расположенная на востоке столицы провинции Ляонин) и Цзиньчжоу (на юго-западе провинции Ляонин). По указанию Мао Народно-освободительная армия вначале овладела Цзиньчжоу (см. 18.17). Тем самым было прервано сношение между находившимися на северо-востоке и в центральной части Китая гоминьдановскими войсками. Согласно Ли Биньяню, для противника на северо-востоке сложилась ситуация, когда «заперли ворота для битвы собаки». Одновременно с взятием Цзиньчжоу коммунисты захватили стратегическую инициативу в дальнейшей войне. Вражеское подкрепление, спешившее на

помощь Цзиньчжоу из Шэньяна и Чанчуня, было уничтожено. Вследствие этого в гоминьдановских войсках, расположенных в Чанчуне, начались волнения, и это помогло Народно-освободительной армии занять Чанчунь (см. 9.3). Расположенные в Шэньяне гоминьдановские войска пытались было бежать на запад, но близ Большой Тигровой горы [Даху-шань] и Черной горы [Хэйшань] (на юго-западе провинции Ляонин) они были полностью уничтожены, после чего Шэньян сдался Народно-освободительной армии, которая тем самым ликвидировала данный участок фронта.

Накануне последовавшей затем операции на таньцзянском направлении, начатой Народно-освободительной армией 5 декабря 1948 г., прикрывающие этот участок гоминьдановские войска, численностью более 60 тыс. человек, потрясенные поражением на ляоси-шэньянском направлении, намеревались бежать морем на юг или в сторону Внутренней Монголии. Для срыва этого плана северо-восточная полевая армия провела широкомасштабные действия по отрезанию путей отхода. Вражеские войска в пяти местах: Бэйпине (ныне Пекин в северной центральной части провинции Хэбэй), Тяньцзине (юго-восточнее Пекина, близ моря), Чжанцзякоу (иначе Калган, на юго-западе провинции Хэбэй), Тангу (восточнее Тяньцзиня) и Синь-баоане (на северо-востоке провинции Хэбэй) были отрезаны друг от друга и взяты в кольцо. Затем по образцу стратагемы 22 эти места были взяты. Первым 24 декабря 1948 г. пал Синьбао-ань. 14 января 1949 г. гоминьдановское командование окруженного города Тяньцзинь на предложение сложить оружие ответило отказом. Однако после двадцатидесятичасовой обороны пало 130 тыс. оборонявших Тяньцзинь воинов, а командование было взято в плен. После падения Тяньцзиня находившиеся в Бэйцине гоминьдановские войска численностью свыше 200 тыс. человек оказались в безвыходном положении. 31 января 1949 г. они сдались без боя. Так победой Народно-освободительной армии закончилась Бэйпин-Тяньцзинь-Калганская операция. Только находившимся в Тангу 50 тыс. гоминьдановским воинам удалось бежать морем на юг. Война на севере Китая завершилась победой коммунистов, в том числе благодаря умелому использованию стратагемы 22.

22.9. Огромный флот в узком проливе

Когда в 480 до н. э. началось решающее вооруженное противоборство между Афинами и наступавшими персами, ввиду подавляющего превосходства последних грекам пришлось считаться с угрозой, что персы могут окружить греческий флот в открытом море и затем уничтожить. Поэтому греки в соответствии с замыслом афинского военачальника Фемистокла (ок. 525—460 гг.) делали все, чтобы сражение состоялось в узком проливе между островом Саламин и побережьем Аттики, где могущественный персидский флот не мог развернуться. Но вопрос состоял в том, как побудить персов принять сражение именно там.

«74. Воины на Истме трудились между тем с таким рвением, как будто спасение Эллады зависело только от них. Ведь одержать победу на море они вовсе не надеялись. Пелопоннесцами же у Саламина, несмотря на известие об этих работах, овладел страх. Они опасались не так за самих себя, как за Пелопоннес. Сначала люди тайно переговаривались друг с другом, дивясь безрассудству Еврибиада (начальник флота из спартанцев). Наконец недовольство прорвалось открыто. Созвали сходку и опять много толковали о том же: одни говорили, что нужно плыть к Пелопоннесу и там дать решительный бой за него, а не сражаться здесь за землю, уже захваченную врагом. Напротив, афиняне, эгинцы и мегарцы советовали остаться у Саламина и дать отпор врагу. 75. Когда Фемистокл увидел, что мнение пелопоннесцев стало одерживать верх, он незаметно покинул собрание. Выйдя из совета, он отправил на лодке одного человека с поручением в мидийский стан. Звали этого человека Сикинн, и был он слугой и учителем детей Фемистокла. Его-то Фемистокл после войны сделал феспийским гражданином (когда феспийцы принимали новых граждан) и богачом. Прибыв на лодке к военачальникам варваров (царю Ксерксу (около 519—465), Сикинн сказал вот что: «Послал меня военачальник афинян тайно от прочих эллинов (он на стороне царя и желает победы скорее вам, чем эллинам) сказать вам, что эллины объаты страхом и думают бежать. Ныне у вас прекрасная возможность совершить величайший подвиг, если вы не допустите их бегства. Ведь у эллинов нет единства, и они не окажут сопротивления: вы увидите, как ваши друзья и враги [в их стане] станут сражаться друг с другом». После этого Сикинн тотчас же возвратился назад. 76. Варвары поверили этому сообщению» [*Геродот*. История. Книга восьмая. Пер. Г. Стратановского].

«Эта хитрость, — пишет ординарный профессор Мюнхенского университета Христиан Майер (Meier) в своей книге *Athen: Ein Neubeginn der Weltgeschichte* («Афины: новое начало мировой истории». Берлин, 1993, с. 28), — вполне достоверно засвидетельствована». Не получившая название у Майера хитрость представляет собой сочетание созидательной стратагемы 7 и провокационной стратагемы 13. Ксеркс посчитал сообщение достоверным. Главное, оно соответствовало его замыслам, поскольку тот крайне рассчитывал на быструю, по возможности блистательную победу. Он не сомневался в своем успехе.

Ксеркс не был склонен проявлять особую осторожность. Что могли греки противопоставить его силе? Они были предупреждены о готовящемся нападении персов. Утром персы двинули в бой свой флот. Греки же «спокойно ждали утомленного противника» (стратагема 4), поскольку персам всю ночь пришлось сидеть на

веслах, чтобы выстроиться в боевой порядок.

Однако, когда появился оглашаемый боевыми криками персидский флот, среди греков возникло замешательство. «84. Прочие эллины хотели было уже грести назад и причалить к берегу, а Аминий из Паллены, афинянин, выйдя из строя, напал на вражеский корабль. Корабли сцепились и не могли разойтись. Поэтому другие корабли подошли на помощь Аминию и вступили в бой. Так, по афинскому преданию, началась битва» [*Геродот. История. Книга восьмая.*]. Возможно, грекам помогла тяжесть их судов, возможно, они действовали расторопней. «Очевидно, — считает Христиан Майер, — персидские корабли расположились слишком тесно, тем самым мешая друг другу». Греки, воспользовавшись возникшей во вражеском стане неразберихой, ворвались в расположение персов и, тараня, беря на бордаж их суда, высаживались на палубу. Персы потеряли огромное число кораблей (200 из 800) и большую часть находившихся там воинов. «89. ...У эллинов же было немного потерь: они умели плавать, и поэтому люди с разбитых кораблей, уцелевшие в рукопашной схватке, смогли переплыть на Саламин. Напротив, большинство варваров из-за неумения плавать нашло свою гибель в морской пучине» [*Геродот. История. Книга восьмая.*]. К вечеру 27 (или 28) сентября греки одержали победу при Саламине. Расчет Фемистокла оказался верным

Христиан Майер по поводу замысла Фемистокла сойтись с персами в Саламинском проливе говорит о «дальновидном плане», о «невиданной по глубине стратегии», которая «в целом требовала от противостоящих сторон предвидеть слишком многое из того, что казалось очевидным» (Майер, с. 25 и след.). Давая достаточно верную характеристику хитрости, он все же не употребляет это слово в отношении задуманного Фемистоклом необычного плана сражения. Он лишь дважды прибегает к нему, называя так тайное послание, которое Фемистокл через посредника передает персидскому царю. При этом речь идет о непредсказуемой, даже «грубой» хитрости. Но хитрость, пожалуй, и должна быть настолько простой, чтобы европеец мог ее воспринять. С точки зрения списка 36 стратагем удачный выбор Фемистоклом узкого Саламинского пролива как места морского сражения однозначно подпадает под действие стратагемы 22, которая, стало быть, сыграла решающую роль и в истории Запада (см. также: *Эгон Флайг (Flaig). «Europa begann bei Salamis» («Европа берет начало у Саламина»). Rechtshistorisches Journal. Франкфурт-на-Майне, № 13, 1994, с. 411 и след.*).

22.10. В Большом каньоне с инопланетянами!

36 тарелок, каждая поперечником 15 метров, запустил скрывшийся за Луной огромный космический корабль. Все они направились к важнейшим городам Земли и безжалостно уничтожили их. По приказу президента США против одной из этих тарелок из округа Ориндж [в южной Калифорнии] было поднято на высоту 11 тыс. футов 30 боевых самолетов. Однако космический монстр изрыгнул из себя 40 серебристых спутников-истребителей, походивших на скатов-рогочей и стрелявших сгустками энергии. За несколько секунд с американскими боевыми машинами было покончено, за исключением самолета Стива Хиллера, который совершает головокружительный маневр. В течение пары секунд он разгоняется до двойной скорости звука, оказываясь вскоре над Большим каньоном, представлявшим его тайное оружие. Вплотную за ним следовал один из вражеских спутников. Стив заглушил двигатель, так что все остальные спутники пролетели над ним и скрылись. Затем он направил свой самолет к красным скалам, едва не касаясь крылом протекающей внизу реки Колорадо. Враг неотступно следовал за ним. Тогда Стив вновь включил двигатель и стал петлять между скал. Враг несколько раз открывал стрельбу. Стив шмыгнул в узкий боковой каньон. Перед ним выросла огромная каменная стена. Затем он открыл баки, выпустил с обеих сторон керосин, окутав тем самым врага облаком горючего. Затем включил зажигание, образовав позади себя огненный хвост. Но преследователь вынырнул из пламени как ни в чем не бывало. Стив направил машину на каменную стену, выпустив тормозной парашют, который обмотался вокруг носа ската, лишив того на какое-то мгновение обзора. Стив тем временем катапультировался, а вражеский спутник разбился о стену.

«Пилот-инопланетянин заметил скалу лишь в последний миг. Он устремил свой скат вверх, но было поздно. Машина ударилась о нависшую над ней скалу и рухнула вниз с обломками скалы. Стив, опускаясь на парашюте, презрительно усмехнулся: «Мы, люди, все же лучше соображаем, нежели вы, вражье отродье».

В чем же человек оказался более сообразительным в этой решающей сцене из фильма Ролана Эммериха (Emmerich) *День независимости* (Independence Day), сценарий которого печатала с продолжениями гамбургская газета *Бильд* в августе 1996 г., откуда я взял описание 2-й и 6-й частей? То, благодаря чему Стив Хиллер превзошел пришельца из космоса, заключалось не в технике, а в старой военной хитрости, в китайском списке 36 стратагем значащейся под номером 22. Стив Хиллер заманил врага в «комнату», о стену которой тот и разбился. Благодаря использованию стратагемы американцем теперь человечество располагало образцом вражеского космического корабля, без чего оказалась бы невозможной дальнейшая — тоже стратагемно подготовленная — победа над вторгнувшимися инопланетянами.

22.11. Арест «банды четырех»

В Сишане, западном пригороде китайской столицы, в запретной военной зоне, созданной Военным советом ЦК КПК, обосновался тайный командный пункт, где был задуман и осуществлен осенью 1976 г. арест пресловутой «банды четырех» [«сы жэнь бан»]. Главным действующим лицом здесь выступал маршал Е Цзяньин (1897—1986), один из трех заместителей председателя Коммунистической партии Китая (КПК). Ввиду своего возраста и положения он располагал по всей стране широкой сетью осведомителей, особенно в армии. Однажды его навестил Ли Дэшэн [род. 1916], командующий расположенного северо-восточнее Пекина Шэньянского военного округа. Е Цзяньин спросил его: «В стране создается крайне критическое положение. Что для тебя важнее: решение организационных задач или занятие делом?» Такая трактовка вопроса поставила в тупик Ли Дэшэна. Понял ли он смысл сказанного? Чтобы лучше слышать Е Цзяньина, он протянул руку к радиоприемнику, намереваясь его выключить.

В то пришедшее на 1976 год тревожное время Е Цзяньин взял за обыкновение включать радио или магнитофон либо пускать воду из крана, чтобы создаваемый шум мог заглушить его собственный голос и голос собеседника. Таким образом он пытался бороться с прослушиванием. Стоило Ли Дэшэну выключить радио, как Е Цзяньин включил его снова, да еще прибавив звук. Оттуда доносилась ария одной из играемых тогда немногих революционных образцовых опер. Понизив голос, он сказал: «Борьба, которая ныне разгорается, крайне опасна. Лучше пусть радио играет». И он вновь повторил свой вопрос, и не успел Ли Дэшэн открыть рот, как сам и ответил: «Я считаю более важным решение организационных задач».

Теперь Ли Дэшэн все понял. Под «организационными задачами» Е Цзяньин подразумевал вовсе не обычные организационные вопросы. Нет, речь в действительности шла о реорганизации партийного руководства, иначе говоря, о составе центральной власти. Е Цзяньин хотел подобранными им словами намекнуть, что важнейшей задачей ныне является «утрясение» властных полномочий некоторых высокопоставленных лиц. Ли Дэшэн тотчас заявил о своей согласии, осторожно подбирая слова: «Решение организационных задач требует обстоятельности. Здесь нужна крайняя осторожность! Если от меня что-то требуется, я, конечно, исполню!»

После многочисленных тайных встреч и разговоров со старыми соратниками Е Цзяньин уверовал в осуществимость своих «организационных» мероприятий. Он ощущал огромную ответственность, которую возлагал на себя.

Победить «банду четырех» было не под силу одному. Речь шла о борьбе в высших эшелонах Коммунистической партии Китая.

Е Цзяньин понимал, что в первую очередь нужно заручиться поддержкой премьер-министра Хуа Гофэна [род. 1921]. Это, по его мнению, послужило бы основой для законных действий. В разговоре с Хуа Гофэном он убедился, что «банда четырех» тоже беспокоит его. «Товарищ Гофэн, — начал Е Цзяньин, — кое-кто только и знает, что доставляет всем хлопоты. Заседания Политбюро порой нельзя бывает закончить. Так не может продолжаться. Надо искать выход».

«Да, верно! — согласился Хуа Гофэн. — Однако только что скончался председатель Мао, и траурные мероприятия еще не завершены». — «И тем не менее откладывать далее нельзя. Они все больше нагლეют!» — сказал прямо Е Цзяньин. Он поведал о происках вдовы Мао Цзян Цин [1914—1991], шанхайского рабочего вожака Ван Хунвэня [1932 — 1992], главного идеолога Чжан Чуньцяо [род. 1917] и пропагандиста Яо Вэньюаня [род. 1932]. Упомянул о прежних спорах внутри КПК и указал на то, что следует извлечь уроки из случившегося в СССР после смерти Сталина. «Они всеми силами рвутся к власти. Председателя Мао больше нет. Так что теперь ты должен возглавить борьбу с ними!»

Хуа Гофэн ответил не сразу. Он погрузился в раздумья. А Е Цзяньин продолжал говорить, напомнив ему о неоднократной критике со стороны Мао «шанхайской клики» и сумел, наконец, уломать Хуа Гофэна. Тот сказал: «Ты знаешь, что стоит за мной. В представлении старших товарищей я юнец. И все же это не значит, что я не осмелился бы бороться с парой людей. Только вот я не уверен, поддержат ли меня ветераны». Е Цзяньин развеял сомнения Хуа Гофэна: «Стоит тебе начать борьбу, и все тебя поддержат!» Таким образом, Хуа Гофэн примкнул к Е Цзяньину, но в конце разговора сказал: «Положение крайне запутанное. Мне нужно хорошенько обдумать дальнейшие шаги».

Следующего союзника Е Цзяньин нашел в лице Ван Дунсина [род. 1916], члена ЦК КПК, который отвечал за безопасность Мао Цзэдуна, когда тот был жив. Он по-прежнему имел большой вес благодаря своему влиянию среди расквартированного в Пекине специального подразделения, охранявшего правительственные учреждения и высших лидеров страны. Ван Дунсин с готовностью откликнулся на призыв.

В последующие дни Цзян Цин, вдова Мао, пыталась завладеть всеми бумагами, оставшимися после Мао

Цзэдуна. По этому поводу она вела многочасовые споры с Хуа Гофэном. Тот увидел, что Цзян Цин пытается представить в свою пользу раздобытые ею тем временем два документа. Между тем Ван Хунвэнь пытался настроить Шанхай против Хуа Гофэна, упрекая того в непочтительном отношении к телу покойного. Очевидно, что Хуа Гофэн должен был предстать в глазах общественности противником Мао, что в ту пору считалось тяжким преступлением. Тем самым и для Хуа Гофэна решение «организационного» вопроса становилось все более насущным. Но как следовало действовать?

Так нервно и проходили для обеих сторон дни, когда Е Цзяньин собирал вокруг себя прежде всего старых партийных товарищей, особенно в армейских кругах, а «банда четырех» обрабатывала народную милицию в Шанхае и Пекине и наращивала мощь своей пропаганды в средствах массовой информации. 4 октября 1976 г. на первой странице пекинской газеты *Гуанмин жибао* появилась написанная рупором «банды четырех», группой пекинских писателей, выступавших под общим псевдонимом Лян Сяо, статья «Неизменно следовать начертанным председателем Мао курсом». Хуа Гофэн крайне встревожился, прочитав ее. Там, например, были нападки на «ревизионистского босса», под которым мог подразумеваться только он. Обеспокоенный, он пришел к Е Цзяньину, и тот сказал: «Чего военный человек чаще всего остерегается, так это не упустить верного момента для наступления. Мы должны ударить первыми и тем самым одолеть других («сянь фа чжи жэнь»), а также собственной расторопностью наказать их за медлительность («и куай да мань»). Иначе упустим удобный случай и лишимся инициативы». Хуа Гофэн весь напрягся, помолчал, а затем сказал: «Маршал Е, когда нужно выступать? Ваше решение!» — «Не позднее послезавтра», — прозвучал ответ. Хуа Гофэн согласился.

Хуа Гофэн уже заранее продумал, что можно предпринять. Созвать заседание Политбюро? Нет, отпадает. Открыто задействовать вооруженные силы и арестовать «банду четырех»? Е Цзяньин был против таких мер. Он уже тогда решил созвать не вызывающее подозрение небольшое заседание и там взять под стражу «банду четырех». И вот на вечер среды 6 октября 1976 г. было назначено заседание сократившегося из-за смерти Мао до четырех человек высшего партийного органа, а именно Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В повестке дня значилось два безобидных вопроса: 1. Просмотр и обсуждение последней корректуры пятого тома *Избранных произведений Мао Цзэдуна*; 2. Обсуждение плана возведения мавзолея для Мао и приведение в надлежащий вид бывшей резиденции Мао в [китайском «Кремле»] Чжуннаньхай [партийно-правительственной резиденции, расположенной в пределах Запретного пурпурного города — бывшего императорского дворцового комплекса]. Из «банды четырех» в высший партийный орган входили только Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэнь. Яо Вэньюаня пригласили особо: в некоторые сочинения Мао планируется внести изменения, и его присутствие просто необходимо. На всякий случай, во избежание непредвиденного, о происходящем были извещены пекинские военные части. Заседание должно было состояться во Дворце Возращения Человеколюбия (Хуайжэньтан) в Чжуннаньхае, резиденции ЦК КПК и правительства КНР. Здание находится в непосредственной близости от площади перед воротами Небесного Спокойствия (Тяньаньмэнь). Дворец Возращения Человеколюбия был построен вдовствующей императрицей Цыси (1835—1908).

Вечером 6 октября 1976 г. из главного зала Дворца Возращения Человеколюбия были вынесены все столы и стулья, так что выглядел он пустынно. Лишь посередине стояли два кресла с высокой спинкой. Там и расположились Хуа Гофэн с Е Цзяньином. Глава охраны, Ван Дунсин, и стражники спрятались за ширмой. Ровно в 20.00 появился, с картой под мышкой и довольно улыбаясь, Чжан Чуньцяо. Едва переступив порог, он почуял что-то неладное. «В чем дело?» — спросил он. Поднялся Хуа Гофэн и от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Китая объявил: «Чжан Чуньцяо, ты повинен в преступлениях, которым нет прощения». Затем он зачитал готовое постановление о немедленном его «взятии под стражу в целях следствия» («гэли шэньча»). Чжан Чуньцяо весь затрясся и беспомощно стал поправлять очки. Не сопротивляясь, он дал увести себя.

Следующим был Ван Хунвэнь, с надменным видом шествовавший по дворцу. С изумлением он увидел спешащего к нему стражника, а следом еще несколько человек. Он тотчас вошел в роль заместителя председателя КПК и резким тоном спросил: «Я явился на заседание. Чего вам надо?» И тут он показал свои навыки вожака «культурной революции» и, отбиваясь руками и ногами, оказал ожесточенное сопротивление. Но довольно быстро его скрутили, после чего доставили в зал заседаний. Там он увидел Хуа Гофэна и Е Цзяньина. Его глаза горели ненавистью. Он хотел было броситься на них, но стража уложила его на пол. Поднялся уже совершенно другой, словно очнувшийся от сна человек. Все его барские замашки исчезли. На него было жалко смотреть. Хуа Гофэн зачитал постановление о вменяемых ему преступлениях и немедленном взятии под стражу для дальнейшего следствия. Когда его уводили из зала, конвойные слышали его озабоченный голос: «Я и не думал, что они так быстро возьмутся за дела!»

На часах было уже 20.15, а Яо Вэньюань не показывался. Не арестован ли он пекинским гарнизоном? Решили позвонить ему и еще раз настоятельно пригласить на «заседание». Яо Вэньюань был дома и как раз писал статью, которая должна была появиться 9 октября 1976 г. на первой странице *Жэньминь жибао*,

печатного органа Коммунистической партии Китая. Он ждал кого-то, с кем хотел о чем-то переговорить насчет готовящейся статьи. Поэтому Яо Вэньюань и опаздывал. После звонка он спешно уходит, забыв даже надеть привычную для себя кепку. Он даже оставил своего охранника. С одной папкой в руках он сел в машину и отправился в город.

Он даже не добрался до зала заседаний. Его участь была решена уже в фойе Восточной галереи (Дунлан). Не Хуа Гофэн, а заместитель местного отделения центральной охраны зачитал ему постановление о взятии под стражу для проведения следственных действий. У Яо Вэньюаня подкосились ноги, и он рухнул на пол. Пришлось его поднимать. Немного погодя арестованного увели.

Почти в то же время оперативная группа с двумя охранницами появилась в резиденции 201 галереи Десяти тысяч писем (Ваньцзылан), где проживала Цзян Цин, супруга Мао. Она как раз лежала на диване и просматривала толстую кипу поступивших за этот день бумаг. То, что там сообщалось, ее весьма радовало.

Внезапно в роскошные покои нагрянули незваные гости. Цзян Цин искоса взглянула на дверь, изучая вошедших. «Чем обязана?» — вскинулась она. Заместитель заведующего бюро ЦК зачитал постановление о ее немедленном задержании для проведения следственных действий. Не выслушав до конца, она вскочила и крикнула: «А ну-ка, убирайтесь вон!» и принялась звать прислугу. Но никто не поспешил ей на помощь. Лицо Цзян Цин стало серым, она легла на пол и срывающимся от рыданий голосом запричитала: «Еще не остыло тело председателя Мао, а уже...» Так ее и увели. К 21 часу были произведены все аресты. Затем военными были взяты под контроль подчинявшиеся «банде четырех» такие ведущие средства массовой информации, как Центральное китайское радиовещание и агентство Новый Китай (Синьхуа).

В тот же вечер в здании под номером 9 у горы Яшмовый источник (Юйцюаньнань) было создано чрезвычайное заседание Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. В этом помещении с недавних пор жил Е Цзяньин, который почувствовал себя неуютно в Сишане, когда там — очевидно, с целью наблюдения — поселился Ван Хунвэнь, чья квартира находилась всего лишь в нескольких метрах от его жилья. На внеочередное заседание Политбюро явилось 11 членов из 16, поскольку четверо уже были арестованы. Хуа Гофэн председательствовал. Е Цзяньин сообщил о проведенных арестах, что встретило единодушное одобрение. Это означало окончание «культурной революции», отход от «классовой борьбы», последующее возвращение в политику Дэн Сяопина и осуществление им затем программы модернизации Китая.

Все четыре ареста происходили в комнате. В трех случаях «вор» заманивался в чужую комнату под предлогом заседания. В четвертом случае «воровку» задержали в ее собственной комнате (см. также 18.2). Даже если бы Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань одновременно явились в зал заседаний, это ничего бы не изменило, поскольку глава охраны Ван Дунсин в соответствии с указанием *Сунь-цзы* (см. 22.1) позаботился о подавляющем перевесе со своей стороны даже на тот случай, если бы пришлось иметь дело одновременно с тремя «ворами».

На состоявшемся судебном процессе (ноябрь 1980 — январь 1981) Цзян Цин с Чжан Чуньцяо были приговорены к смертной казни (в 1983 г. замененной пожизненным заключением), Ван Хунвэнь получил пожизненное заключение, а Яо Вэньюаню дали 20 лет тюрьмы. Цзян Цин покончила с собой 14 мая 1991 г., Ван Хунвэнь умер от болезни 3 августа 1992 г., Яо Вэньюаня тем временем освободили, тогда как Чжан Чуньцяо до сих пор находится в заключении.

При описании вышеизложенных событий я опирался на купленную мной в августе 1997 г. в Лхасе книгу Ли Цзяня *Хроника [событий за] Красной Стеной* [«Хунцянь цзиши»]. Пекин, 1996, т. 2, с. 1118—1174. Это описание я показал одному китайскому правоведа родом из Ухани, который заметил: «Можно полагать, что все так и было».

В период ареста «банды четырех» я находился в Пекинском университете по линии обмена учащимися. Естественно, об описанных выше драматических событиях ничего не подозревал. Но в пятницу, 8 октября 1976 г. мне, тщательно изучавшему скудную тогда китайскую прессу, бросилась в глаза резкая перемена тональности статей и выбора самих слов. На следующий день (9-10.1976) я по Би-би-си услышал о задержании «банды четырех». Неделю спустя ночью я слышал, как перед моим окном в общежитии студенческого городка Пекинского университета то и дело проезжали грузовики. На следующий день я узнал, что были арестованы жившие на севере студенческого городка члены пекинской группы писателей, печатавшихся под псевдонимом Лян Сяо, рупора идей «банды четырех». 14 января 1977 г. в газете *Франкфуртер альгемайне цайтунг* появилась моя первая статья о 36 стратагемах и стратагемном разборе деяний «банды четырех» в китайской прессе.

Е Цзяньин и Хуа Гофэн помимо стратагемы 22 применили еще одну стратагему (не упомянутую в списке 36 стратагем): «Сперва обезглавить, затем сообщить» («Сянь чжань хоу цзоу»). Так, на свой лад, китайцы

именуют *fait accompli* (совершившийся факт). Истоки этого выражения восходят к практике высокопоставленных сановников императорского Китая, которые вопреки обычаю, согласно которому смертный приговор должен быть вначале утвержден императором, взяли на себя право казнить преступника по собственному изволению и лишь затем сообщать об этом императору.

«Правильными» ли были действия Е Цзяньина и Хуа Гофэ-на? На основе собственного жизненного опыта могу только сказать, что демонстрации «культурной революции», проводившиеся еще при жизни Мао после отставки Дэн Сяопина в апреле 1976 года с его осуждением, произвели на меня тягостное впечатление. Туда нехотя стягивались усталые люди. Совершенно иначе воспринималось искреннее выплескивание чувств на произвольно возникающих демонстрациях после известия о падении «банды четырех».

22.12. Сопровождение в потайную комнату

«Описание того, как избавился герцог Валентине от Витель-лоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини». Под таким названием Никколо Макиавелли описывает применение стратагемы 22, схожее с тем, что было использовано против «банды четырех».

Цезарь Борджа (1475—1507), герцог Валентине, был сыном римского папы Александра VI. Он «только что вернулся из Ломбардии, куда ездил, чтобы оправдаться перед Людовиком, королем Франции, от клевет, взведенных на него флорентийцами из-за мятежа в Ареццо и в других местностях Вальдикьяны; он находился в Имоле, оттуда намеревался выступить со своими отрядами против Джованни Бентивольо, тирана Болоньи, так как хотел подчинить себе этот город и сделать его столицей своего герцогства Романьи. Когда весть об этом дошла до Вителли, Орсини и других их сторонников, они решили, что герцог становится слишком могуч и теперь надо бояться за себя, ибо, завладев Болоньей, он, конечно, постарается их истребить, дабы вооруженным в Италии остался один только он. Они собрались в Маджоне около Перуджи и пригласили туда кардинала, Паоло и герцога Гравина Орсини, Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джанпаоло Бальони, тирана Перуджи, и мессера Антонио да Венафро, посланного Пандольфо Петруччи, властителем Сиены; на собрании речь шла о мощи герцога, о его замыслах, о том, что его необходимо обуздать, иначе всем им грозит гибель. Кроме того, решили не покидать Бентивольо, постараться привлечь на свою сторону флорентийцев и в оба города послать своих людей, обещая помощь первому и убеждая второй объединиться против общего врага. Об этом съезде стало тотчас же известно во всей Италии, и у всех недовольных властью герцога, между прочим, у жителей Урбино, появилась надежда на перемены. Умы волновались, и несколько жителей Урбино решили захватить дружественный герцогу замок Сан-Лео. Владелец замка в это время его укреплял, и туда свозили лес для построек; заговорщики дождались, пока бревна, доставлявшиеся в замок, были уже на мосту, и загромождали его настолько, что защитники замка не могли на него взойти, вскочили на мост и оттуда ворвались в замок. Как только об этом захвате стало известно, взбунтовалось все государство и потребовало обратно своего старого герцога, понадеявшись не столько даже на захват крепости, сколько на съезд в Маджоне и на его поддержку. Участники съезда, узнав о бунте в Урбино, решили, что упускать этот случай нельзя, собрали своих людей и двинулись на завоевание всех земель, которые в этом государстве оставались еще в руках герцога, причем снова отправили во Флоренцию послов, поручив им убедить республику соединиться с ними, чтобы потушить страшный для всех пожар, указывая, что враг разбит и другого такого случая уже не дожидаться. Однако флорентийцы, ненавидевшие по разным причинам Вителли и Орсини, не только к ним не присоединились, но послали к герцогу своего секретаря, Никколо Макиавелли, предлагая ему убежище и помощь против его новых врагов; герцог же находился в Имоле в великом страхе, потому что солдаты его совсем для него неожиданно стали его врагами, война была близка, а он оказывался безоружным. Однако, получив предложения флорентийцев, он воспрянул духом и решил тянуть войну с небольшими отрядами, какие у него оставались, заключать с кем можно соглашения и искать помощи, которую готовил двояко: он просил помощи у короля Франции, а со своей стороны нанимал где мог солдат и всяких конных людей, всем раздавая деньги. Враги его все же, продвигаясь вперед, подошли к Фоссомбронне, где стояли некоторые отряды герцога, которые и были разбиты Вителли и Орсини. После этого герцог все свои помыслы сосредоточил на одном: попробовать, нельзя ли остановить беду, заключив с врагами сделку; будучи величайшим мастером в притворстве, он не упустил ничего, чтобы втолковать им, что они подняли оружие против человека, который хотел все свои приобретения отдать им, что с него довольно одного титула князя, а самое княжество он хотел им уступить. Герцог так их в этом убедил, что они отправили к нему синьора Паоло для переговоров и прекратили войну. Герцог же своих приготовлений не прекратил и всячески старался набрать как можно больше всадников и пехотинцев; а чтобы приготовления его не обнаружались, он рассылал своих людей отдельными отрядами по всей Романье. Тем временем к нему прибыли пятьсот французских копейщиков, и, хотя он был уже настолько силен, что мог ответить врагам оружием, он все же решил, что вернее и полезнее их обмануть и не прекращать переговоров. Он так усердно вел дело, что заключил с ними мир, которым подтвердил свои прежние договоры с ними о командовании, подарил им четыре тысячи дукатов, обещал не притеснять Бентивольо, даже породнился с Джованни; все это было тем

труднее, что он не мог заставить врагов лично к себе явиться. С другой стороны, Орсини и Вителли обязались вернуть ему герцогство Урбино и другие занятые владения, служить ему во всех его походах, без разрешения его ни с кем не вести войны и не заключать союза. После этой сделки Гвидо Убальдо, герцог Урбино, снова бежал в Венецию, разрушив сперва все крепости государства, ибо, доверяя народу и не веря, что он сможет эти крепости защитить, он не хотел отдать их врагу, который, владея замками, держал бы в руках его друзей. Сам герцог Валентино, заключив этот мир и разослав своих людей по всей Романье вместе с французскими солдатами, уехал в конце ноября из Имолы и направился в Чезену, где провел немало времени в переговорах с Вителли и Орсини, находившимися со своими людьми в герцогстве Урбино, завоевание которого приходилось вести с начала; так как дело не двигалось, они послали к герцогу Оливеротто да Фермо, чтобы предложить ему свои услуги, если герцог захочет идти на Тоскану. В противном случае они двинутся на Синигалию. Герцог ответил, что не желает поднимать войну в Тоскане, так как флорентийцы — его друзья, но будет очень рад, если Орсини и Вителли отправятся в Синигалию. Вскоре пришло известие, что город им покорился, но замок сдаться не хочет, так как владелец хотел передать его только самому герцогу и никому иному, а потому герцога просят прибыть скорее. Случай показался герцогу удобным и не возбуждающим подозрения, так как не он собирался ехать в Синигалию, а сами Орсини его туда вызвали. Чтобы вернее усыпить противников, герцог отпустил всех французских солдат, которые вернулись в Ломбардию, и оставил при себе только сто копейщиков под командой своего родственника монсеньора ди Кандалеса; в середине декабря он выехал из Чезены и отправился в Фано; там он со всем коварством и ловкостью, на какую только был способен, убедил Вителли и Орсини подождать его в Синигалии, доказав им, что при такой грубости владельца замка мир их не может быть ни прочным, ни продолжительным, а он такой человек, который хочет опереться на оружие и совет своих друзей. Правда, Вителлоццо держался очень осторожно, так как смерть брата научила его, что нельзя сперва оскорбить князя, а потом ему доверяться, но, поддавшись убеждениям Паоло Орсини, соблазненного подарками и обещаниями герцога, он согласился его подождать. Перед отъездом из Фано (это было 30 декабря 1502 года) герцог сообщил свои замыслы восьми самым верным своим приближенным, между прочими дону Микеле и монсеньору д'Эуна, который впоследствии был кардиналом, и приказал им, как только они встретят Вителлоццо, Паоло Орсини, герцога Гранина и Оливеротто, сейчас же поставить около каждого из них двух своих, поручить каждого точно известным людям и двигаться в таком порядке до Синигалии, никого не отпуская, пока не доведут их до дома герцога и не схватят. Затем герцог распорядился, чтобы все его воины, конные и пешие (а их было больше двух тысяч всадников и десять тысяч пехотинцев), находились с раннего утра на берегу реки Метавра, в пяти милях от Фано, и там его дожидались. Когда все это войско в последний день декабря собралось на берегу Метавра, он выслал вперед около двухсот всадников, затем послал пехоту и, наконец, выступил сам с остальными солдатами. Фано и Синигалия — это два города в Анконской Марке, лежащие на берегу Адриатического моря и в пятнадцати милях друг от друга; если идти по направлению к Синигалии, то с правой стороны будут горы, подножие которых иногда так приближается к морю, что между горами и водой остается только очень узкое пространство, и даже там, где горы расступаются, оно не достигает двух миль. Расстояние от подножия этих гор до Синигалии немного больше выстрела из лука, а от Синигалии до моря оно меньше мили. Недалеко протекает небольшая речка, омывающая часть стен, которые выходят на дорогу и обращены к городу Фано. Таким образом, если направляться в Синигалию из окрестностей, то большую часть пути надо идти вдоль гор, у самой реки, пересекающей Синигалию, дорога отклоняется влево и, на расстоянии выстрела из лука, идет берегом, а затем поворачивает на мост, перекинутый через реку, и почти подходит к воротам Синигалии, но не прямо, а сбоку. Перед воротами лежит предместье из нескольких домов и площади, которая одной стороной выходит на речную плотину. Вителли и Орсини, приказав дожидаться герцога и желая сами торжественно его встретить, разместили своих людей в замке в шести милях от Синигалии и оставили в Синигалии только Оливеротто с его отрядом в тысячу пехотинцев и сто пятьдесят всадников, расположившихся в предместье, о котором сказано выше. Отдав необходимые распоряжения, герцог Валентино направился к Синигалии, но, когда головной отряд всадников подъехал к мосту, он не перешел его, а остановился и затем повернул частью к реке, частью в поле, оставив в середине проход, через который, не останавливаясь, прошли пехотинцы. Навстречу герцогу выехали на мулах Вителлоццо, Паоло Орсини и герцог Гранина, сопровождаемые всего несколькими всадниками. Вителлоццо, безоружный, в зеленой шапочке, был в глубокой печали, точно сознавая свою близкую смерть (храбрость этого человека и его прошлое были хорошо известны), и на него смотрели с любопытством. Говорили, что, уезжая от своих солдат, чтобы отправиться навстречу герцогу в Синигалию, он прощался с ними как бы в последний раз. Дом и имущество он поручил начальникам отряда, а племянников своих увещевал помнить не о богатстве их дома, а о доблести отцов. Когда все трое подъехали к герцогу и сердечно его приветствовали, он их принял любезно, и они тотчас же были окружены людьми герцога, которым приказано было за ними следить. Увидав, что не хватает Оливеротто, который остался со своим отрядом в Синигалии и, дожидаясь у места своей стоянки, выше реки, держал своих людей в строю и обучал их, герцог показал глазами дону Микеле, которому поручен был Оливеротто, чтобы тот не допустил Оливеротто ускользнуть. Тогда дон Микеле поскакал вперед и, подъехав к Оливеротто, сказал ему, что нельзя уводить солдат из помещений, так как люди герцога их отнимут; поэтому он предложил ему их разместить и вместе ехать навстречу герцогу. Оливеротто исполнил это распоряжение, и в это время неожиданно подъехал герцог, который, увидев Оливеротто, позвал его, а Оливеротто, поклонившись,

присоединился к остальным. Они въехали в Синигалию, спешили у дома герцога и, как только вошли с ним в потайную комнату, были схвачены людьми герцога, который сейчас же вскочил на коня и велел окружить солдат Оливеротто и Орсини. Люди Оливеротто были истреблены, так как были ближе, но отряды Орсини и Вителли, которые стояли дальше и почуяли гибель своих господ, успели соединиться и, вспомнив доблесть и дисциплину Орсини и Вителли, пробились вместе и спаслись, несмотря на усилия местных жителей и врагов. Однако солдаты герцога, не довольствуясь тем, что ограбили людей Оливеротто, начали грабить Синигалию, и, если бы герцог не обуздал их, приказав перебить многих, они разграбили бы весь город. Когда подошла ночь и кончилось волнение, герцог решил, что настало удобное время убить Вителлоццо и Оливеротто, приказал отвести их обоих в указанное место и велел их удавить. При этом не обратили никакого внимания на их слова, достойные их прежней жизни: Вителлоццо просил позволить ему вымолить у папы полное отпущение грехов, а Оливеротто, с плачем, сваливал на Вителлоццо вину за все козни против герцога. Пао-ло и герцог Гравина Орсини были оставлены в живых, пока герцог не узнал, что папа в Риме захватил кардинала Орсини, архиепископа Флорентийского, и мессера Джакомо ди Сайта Кроче. Когда известие об этом пришло, они были таким же образом удушены в Кастель-дель-Пизеве восемнадцатого января 1502 года» [*Никколо Макиавелли*. Государь. Пер. под ред. А. Дживелегова. М.: Эксмо-Пресс, 2001, с. 11 — 18]. Пожалуй, этим своим деянием он послужил Макиавелли образцом для его «Государя».

22.13. Неохраняемая крепостная стена в Нюрнберге

«Эпеляйн фон Гайлинген [Epplein von Geilingen (Egkelein Geyling), 1311 — 1381] сидел, закованный в кандалы, в башне. Дневной свет едва пробивался в его темницу. А в ратуше господа решали его судьбу, хотя надеяться, считай, было не на что. Единогласно заклятый враг нюрнбергцев был приговорен к повешению. Однако бедняге не отказали в той милости, что даруется всем грешникам: он мог выразить свое последнее желание.

Когда у него осведомились, чего он желает напоследок, Эпеляйн сперва задумчиво почесал свою бороду, а затем молвил: «Как вам ведомо, досточтимые, на земле для меня не было большего счастья, нежели гарцевать на своей лошадке. Посему позвольте, прежде чем взойти на лобное место, еще раз проехать верхом, дабы легче затем было отыскать дорогу к вечному покою!»

А ведь самые сообразительные господа из ратуши предчувствовали, что запросит он проехать верхом, да и постарается сбежать на своем добром коне. Но такое казалось совершенно невозможным: само место было приказано оцепить плотным кольцом воинов, дабы и помышлять о бегстве охоты не было.

И вот хмурым утром следующего дня зазвенел колокольчик осужденного: это Эпеляйн на своем скакуне медленно объезжал площадь. Непроступной стеной обступали его с трех сторон нюрнбергские стражники с железными пиками и алебардами наперевес. Эпеляйн и не думал там бежать: продираться сквозь такой железный частокол — все равно что искать верной гибели. Но вон там стена была свободной; предводитель отряда не выставил здесь ни одного воина, ибо в том месте был крутой обрыв. Но стоило Эпеляйну увидеть открывающийся за стеной простор и голубой небосвод, он подумал: «Не все ли равно, где расстанешься с жизнью. А я ведь порой ездил там, что, казалось, не сносить головы». И он натянул удила, дабы конь ускорил ход; вдавил колени ему в бока, переводя вскачь, а когда достаточно отдалился, прищпорил скакуна. И животное, словно прочитав мысли седока, взвилось на дыбы и перемахнуло через стену, полетев вниз с кручи.

Место, куда они упали, оказалось болотистым. На удивление, никто не пострадал. Лошадь тотчас вскочила, и Эпеляйн запрыгнул в седло.

С высокой городской стены на все это в ужасе глядели, сбившись в кучу, сообразительные нюрнбергские господа из ратуши и славные воины. Эпеляйн со смехом крикнул: «Эй, нюрнбергцы, ведь дважды не вешают!» Тут градом полетели вниз копыта и пики, вонзаясь одно за другим в землю. Но ни одно из них не угодило в Эпа, ибо тем временем он ускакал оттуда, скрывшись вскоре в лесу. До сих пор бывающим в Нюрнберге чужестранцам показывают след от копыта в песчанике той самой крепостной стены».

Эта легенда, взятая из книги Франца Бауэра (Bauer) «Alt-Nürnberg. Sagen, Legenden und Geschichten erzählt und bebildert» (Мюнхен, 3-е изд., 1955), показывает, на что способен запертый «вор».

22.14. Окружение с брешью

«Если окружаешь войско противника, оставь в окружении брешь», — говорится в *Военном искусстве Сунь-цзы* [«Сунь-цзы», 7.17 «Военное противоборство» («Цзюнь чжэн»): «Китайская военная стратегия». Пер. В.

Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 163]. В составленном в конце XII — начале XIII в. Произведении «11 мужей комментируют Сунь-цзы»³¹⁷ этот совет разъясняется, среди прочего, на основе случая, имевшего место во время восстания Желтых повязок на исходе II в. Один город [Юань], удерживаемый повстанцами, не сдавался, сколь жесточно ни шли на его приступ. «Мне ведома причина, — сказал предводитель императорского войска Чжу Цзюнь (ум. 195 н. э.), с возвышения изучив город. — Ведь разбойники обложены со всех сторон. В городе наблюдается невиданное напряжение сил. Сдаваться не хотят. Вырваться невозможно. Поэтому и стоят насмерть. Даже если 10 тыс. стали одним целым, их невозможно одолеть. Ну, а если таких 100 тысяч? Для нас это сущая беда. Было бы лучше разжать тиски. Когда вожак повстанцев это увидит, он наверняка попытается прорваться. Но тогда ослабнет их стойкость, а это и есть путь к легкой победе». Сказано, сделано. Вождь повстанцев действительно покинул находящийся в безнадежном положении город, желая вырваться на свободу. Тут и одолел его Чжу Цзюнь.

22.15. При лунном свете наблюдать за бегством далай-ламы

Как сумел далай-лама в марте 1959 г. сбежать из Тибета в Индию без всяких помех со стороны китайцев? «Завесу над этой тайной теперь можно приоткрыть», — сообщает выходящая в Пекине газета *Китайская молодежь* (*Чжунго циннянь бао*), печатный орган Коммунистического союза китайской молодежи, 10 июля 1995 г. Народно-освободительная армия Китая была подготовлена наилучшим образом к бегству далай-ламы. Лхаса находилась на осадном положении. Если бы пекинские власти отдали приказ, группировке далай-ламы и шагу не позволили бы ступить. Ли Цзюэ [род. 1914], тогдашний начальник штаба Тибетского военного округа, пишет в своих воспоминаниях: «Ночью 17 марта 1959 г. далай-лама и его окружение готовились на северном берегу реки Лхасы к переправе. Наши орудия уже давно были направлены в ту сторону. Достаточно было одного залпа, и никто из них не уцелел бы. Однако пекинское командование не отдало нам приказ задержать беглецов. Так мы и сидели тихо в лесу и при лунном свете наблюдали, как те на кожаных лодках боязливо переплывались на южный берег».

Со слов далай-ламы (*Mein Leben und mein Volk: die Tragödie Tibets* (*Моя земля и мой народ: трагедия Тибета*) [пер. с англ. Марии Штайнингер (Steininger)]. Мюнхен, 1962, с. 266 и след, [ориг. назв.: «My Land and My People. Memoirs of the Dalai Lama of Tibet», 1962 — книга писалась в содружестве с английским писателем Дэвидом Хауартом (Howarth), представляя собой переложение с тибетского; на рус. яз. см.: «Моя страна и мой народ. Воспоминания Его Святейшества далай-ламы XIV». Пер. с англ. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2000], его бегство из Лхасы предстает следующим образом: «Для меня приготовили военное обмундирование и меховую шапку; около половины шестого я снял свое монашеское одеяние, переодевшись в униформу [стратагема 21]... Мне... дали автомат, который я повесил на плечо, чтобы окончательно принять вид военного. Меня сопровождали солдаты. Мы углубились в темный сад... На пути к реке мы миновали большое скопление народа. Мой казначей остановился, чтобы переговорить с предводителями ополчения. Некоторые были осведомлены о том, что я этой ночью покидаю Лхасу. Но народ, разумеется, ничего не знал. Во время разговора я спокойно ждал, стараясь походить на солдата. Еще не до конца стемнело, но без очков я плохо видел и поэтому не знал, разглядывают меня или нет. Я обрадовался, когда разговор подошел к концу. На пути к берегу мы должны были пересечь песчаную местность с зарослями кустарника. Казначей-монах был крепким высокорослым парнем; в руках он держал меч, и я уверен, что в случае необходимости он бросился бы на эти заросли с мечом наперевес. Возле каждого кустарника он принимал угрожающий вид. Но врага нигде не было видно. Мы переплыли реку в кожаных лодках. На противоположном берегу меня встречали родственники. Пришли также министры и духовные лица. Они выбрались из Норбулинки³¹⁸, спрятавшись в грузовике под брезентом. Нас ожидали около тридцати бойцов из Кхама...»³¹⁹.

Открыть невод и дать уйти Далай-ламе с его спутниками, даже предполагая их бегство в Индию, все это явилось уловкой Мао Цзэдуна, заключает *Китайская молодежь* [*Чжунго циннянь бао*], не утруждая себя разъяснением подоплеки события. Почему же отпустили далай-ламу, спросил я в ходе одной из поездок в Тибетский автономный район, будучи членом посланной туда в августе 1997 г. швейцарским

³¹⁷ Упомянется книга «11 мужей комментируют Сунь-цзы» («Ши и цзя чжу Сунь-цзы»), в число коих входят вэйский Цао Цао (155—220), лян-ский господин Мэн (т. е. Мэн-ши, первая пол. VI в.), танские: Ли Цюань (сер. VIII в.), Ду Му (803—852), Ду Ю (ум. 812), Чэнь Хао, Цзя Линь; сун-ские Мэй Яочэнь (1002—1060), Ван Чжэ, Хэ Яньси (еще именуемый просто господин Хэ), Чжао Юй. — *Прим. пер.*

³¹⁸ Норбулинка — построенный далай-ламой VIII (Джамбал Джамц-хо (др. чтение — Джампал Гьятцо, 1758—1804) в Лхасе дворец, ставший летней резиденцией далай-лам.

³¹⁹ Кхам — Восточный Тибет. — *Прим. пер.*

Министерством иностранных дел инспекционной группы по правам человека, одного местного чиновника. Ответ был таким: «Если бы по вине китайской стороны с головы далай-ламы упал хотя бы один волос, столь нужное Китаю укрепление власти в Тибете надолго затормозилось бы». Если эти утверждения верны, они показывают, что и один оказавшийся в окружении человек может обладать такой духовной силой, которая делает беспомощной располагающую значительным материальным перевесом противную сторону, вынуждая ее отказаться от стратагемы 22.

22.16. Одиннадцать присяжных идут на поводу у одного

В одном местечке на западе США присяжному жюри, состоящему из двенадцати крестьян, предстояло вынести решение о виновности в уголовном деле. Согласно закону, их решение должно быть единогласным. И пока они не примут такого решения, им нельзя расходиться. В данном случае одиннадцать присяжных считали, что обвиняемый виновен, и лишь один был противоположного мнения. И сколько одиннадцать членов жюри ни пытались переубедить своего коллегу, тот настаивал на своем. Дело шло к полудню. Неожиданно небо затянуло черными тучами, задул порывистый ветер. Вот-вот должен был хлынуть ливень. Одиннадцать присяжных сидели как на иголках, ибо у них на подворье под открытым небом сохло зерно. Если не поторопиться, весь урожай очутится в воде. Однако, не приняв единогласного решения, жюри не могло разойтись.

В этом положении еще настойчивее повел себя двенадцатый присяжный. Он сказал остальным: «Скоро пойдет дождь. Если вы не согласитесь со мной, даже и не мечтайте попасть нынче домой». Тут не выдержал один. «Раз ты не хочешь менять свое мнение, это сделаю я», — бросил он в сердцах. А так как и прочим не терпелось скорее попасть домой, они тоже уступили противному мнению. Таким образом обвиняемый был оправдан.

Иной западный читатель, пожав плечами и заметив: «Грубое вымогательство!», махнул бы рукой на эту историю. А вот автор книг по стратагемам Юй Сюэбинь умело разобрал эту историю со стратагемной точки зрения: один присяжный при виде желания его одиннадцати коллег как можно раньше уйти, чтобы укрыть зерно, использовал так быстро тающее для них время в качестве «комнаты», куда он и запер их своей несговорчивостью. Разумеется, он оставил им выход, но открыть его могла только их сговорчивость. Таким образом, один присяжный благодаря стратагеме 22 взял верх над подавляющим большинством.

22.17. Прижатый к стенке

В другом приведенном Юй Сюэбинем юридическом случае речь идет о заведующем одним из отделений Государственного банка Китая, по чьему указанию в Гонконг было переведено 5,7 млн. долларов. Вскоре выяснилось, что судьба этих денег неясна. Отсутствовало долговое обязательство, договор купли-продажи или другой какой-либо документ, обосновывающий перевод этой суммы. Обратились за разъяснениями к заведующему. Но тот стал путаться, то говоря о каком-то займе, то вообще от всего отнекиваясь.

У начальства создалось впечатление, что здесь не все в порядке, и решено было взять заведующего под стражу для выяснения случившегося, что того крайне возмутило. По его мнению, еще ничего не было доказано, так что само его задержание противозаконно. Он послал одну жалобу за другой. Наконец, соответствующая судебная инстанция вынесла следующее постановление: «Если вы присвоили эти деньги, дело идет о хищении. Если вы самолично одолжили их кому-то, вы виновны в использовании денег не по назначению. Если деньги исчезли в результате обманных действий третьей стороны, вам вменяется халатное отношение к служебным обязанностям». Заведующий понял, что загнан в угол, и признался во всем. Оказывается, он собирался бежать за границу и с этой целью хотел обеспечить себя.

22.18. Взять в кольцо своими вопросами

В связи с делом об изнасиловании свидетельница обвинения на слушании утверждала, что той ночью, когда изнасиловали ее подругу, затем она вместе с насильником ходила на пляж искать туфли своей подруги. На перекрестном допросе, состоявшемся в начале декабря 1991 г. в Палм-Бич, Флорида (США), в зале суда 123, отвечала свидетельница обвинения:

«Вы просите насильника пойти с вами на пляж ночью?» — «Да». — «Вы идете с мужчиной по темному проходу?» — «Да». — «Вы идете с мужчиной, который, по словам вашей подруги, её изнасиловал, одна через сад глубокой ночью?» — «Да». — «Вы идете некоторое время с насильником по пляжу?» — «Да». — «В темноте?» - «Да» (*Бильд*. Гамбург, 5.15.1991, с. 8).

Каждый вопрос поставлен так, что свидетельница может отвечать либо да, либо нет. И как бы она ни

отвечала, она оказывается в ловушке. Отрицательно отвечая на какой-либо вопрос, она тем самым отмежевывается от своих звучавших до начала процесса слов и подрывает веру в них. А с каждым «да» она опять же подрывает веру в слова своей подруги, утверждавшей, что ее в ту ночь изнасиловали. Использованию пропитанного духом стратагема 22 способа опроса можно противопоставить лишь согласующиеся, дающие цельную картину показания всех участников событий, чьи утверждения не расходились бы друг с другом.

22.19. Иисус не дает запутать себя

«23. И когда пришел Он в храм и учил, приступили к Нему первосвященники и старейшины народа и сказали: какой властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть? 24. Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью это делаю; 25. крещение Иоанново откуда было: с небес, или от человеков? Они же рассуждали между собою: если, скажем, с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему? 26. а если сказать: от человеков, — боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка. 27. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал им и Он: и Я вам не скажу, какою властью это делаю» [Мф 21:23—27].

Иисус входит на территорию своих противников, пытающихся не физически, а посредством провокационных вопросов загнать Его в угол. Подстерегающей Его опасности Иисус избегает, обращая оружие противника против него же самого, когда Сам задает провокационный вопрос. Теперь противники Иисуса неожиданно для себя попадают в ту же ловушку. Вопрос ставит перед ними неразрешимую задачу: любой ответ Иисус может обернуть против них. Но ловушка еще не захлопнулась. Она захлопнется лишь после того, как они ответят. Поэтому противники Иисуса предпочитают не отвечать и покинуть опасное положение, в котором очутились из-за вопроса Иисуса, но лишь ценой отказа от «комнаты», где они хотели поймать «вора», т. е. от адресованного Иисусу провокационного вопроса.

22.20. Пусть говорят, что человека создал Бог!

«Даже идеалистов и тех мы можем побудить воздержаться от выступлений против нас, хотя они и утверждают, что Бог создал человека, а мы говорим, что человек произошел от обезьяны... Одним словом, нам не следует наносить удары по всем направлениям. Нанесение ударов по всем направлениям создаст напряженность во всей стране, что будет очень плохо. Мы ни в коем случае не должны восстанавливать против себя всех и вся, необходимо идти на некоторые уступки, некоторую разрядку в одном направлении и сосредотачивать силы для наступления в другом направлении. Мы обязаны хорошо поставить свою работу, чтобы рабочие, крестьяне и мелкие ремесленники нас поддерживали, чтобы подавляющее большинство национальной буржуазии и интеллигенции не шло против нас. Таким образом можно будет изолировать остатки гоминьда-новских сил, шпионов и бандитов, изолировать класс помещиков, изолировать тайваньских и тибетских реакционеров, изолировать империализм перед лицом нашего народа. Такова наша политика, таков наш стратегический и тактический курс, такова линия третьего пленума ЦК» [«Не наносить удары по всем направлениям» («Бу яо сы мянь цзи») (часть выступления Мао Цзэдуна, где даются пояснения к письменному докладу «За коренное улучшение финансово-экономического положения страны»): «Доклад на третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая седьмого созыва» (6 июня 1950 года). *Избранные произведения*, т. 4, с. 34—35].

Эти слова произнес Мао Цзэдун шестого июня 1950 г. на пленарном заседании ЦК КПК. Мао предостерегает от войны на всех фронтах, которая приведет к тому, что ты попадешь под круговой обстрел и тем самым окажешься на положении «вора», из-за собственной неосторожности и себе на погибель очутившегося в запертой «комнате». Так что негоже обращать стратагему 22 против себя, действуя безрассудно. Осторожному обращению со стратагемой 22, но под другим углом зрения, учит живший две тысячи лет до Мао даосский философ Чжуан-цзы (ок. 369 — ок. 286 гг.): «Если кого-то слишком притесняют, он вынужден ответить неприязнью».

Стратагема № 23. Дружить с дальним и воевать с ближним

Четыре
иероглифа

遠

交

近

攻

Современное
китайское

Юань

цзяо

цзинь

гун

чение

Перевод каждого иероглифа	дальний	дружить	ближний	воевать
Связный перевод	Дружить с дальним и воевать с ближним; временно подружиться / вступить в союз с отдаленным врагом, чтобы вначале напасть на ближнего врага; дружить с дальними странами и воевать с соседними			
Сущность	Окружение / обособление ближнего противника с тем, чтобы, обезвредив его, затем уничтожить отдаленного неприятеля. Разрыв / заключение мнимого союза с временным попутчиком. Стратегема дальней дружбы / стратегема дальнего союза, союза на уничтожение. Стратегема главенства			

Выражение для стратегемы 23 уходит истоками в III век до н. э. В ту пору на китайской земле по сути было семь государств, среди которых выделялись три крупные державы: Цинь на западе, Чу на юге и Ци на востоке. Цинь «с мощной крепостью своей родной державы в качестве основы власти, с ... воротами для лаза на восток и юг, с крепким централизованным управлением внутри и с храбрым, закаленным в боях войском значительно превосходило все прочие» (Отто Франке (Franke), *Geschichte des chinesischen Reiches* («История Китайского государства»), т. 1. Лейпциг, 1930, с. 192).

Но лишь благодаря своему стратегемному умению государство Цинь сумело разыграть все имевшиеся у него материальные козыри. Этот непреходящий умственный капитал властители Цинь сумели скопить, привечая у себя способных советников со всего Китая.

Политика Цинь состояла в том, чтобы помешать объединению своих противников, прежде всего Чу и Ци. И проводилась она довольно успешно. В ту пору невероятно быстро союзы сменялись ожесточенной борьбой. На политической арене преобладали союзы, названные китайцами «продольно-вертикальными и поперечно-горизонтальными [политическими связями]» («цзун-хэн»), т. е. союзы, заключавшиеся либо вдоль оси юг — север и охватывавшие Чу, Чжао, Вэй, Хань, Ци и Янь), либо поперек ее, по оси запад — восток и объединявшие государства Цинь, Чжао, Вэй, Хань и Ци³²⁰. В эту расстановку сил вмешался Фань Суй (ум. 225 до н. э.), сторонник поперечно-горизонтального союза.

23.1. Пятидесятилетний план по объединению Китая

После того, как Фань Суй, выходец из Вэй, по ложному навету попал под подозрение в княжестве Ци и чуть было не лишился жизни (см. 27.10), в 271 г. до н. э. он прибыл в царство Цинь (средняя часть нынешней провинции Шаньси и юго-восток нынешней провинции Ганьсу). «К этому времени циньский Чжао-сян-ван (306—251 гг. до н. э.) правил уже 36 лет, на юге циньцы захватили чуские Янь и Ин, и чуский Хуай-ван (правил 328—299 до н. э.) умер в неизвестности в Цинь (см. 14.2), на востоке циньская армия нанесла поражение Ци. Циский Минь-ван (правил 323—284 гг. до н. э.) какое-то время именовался императором, затем отказался от этого титула. [Чжао Сян-ван] несколько раз ставил в тяжелое положение войска трех цинь-ских княжеств. Он всячески препятствовал деятельности различных риториков и софистов, ни в чем не доверяя им.

Жан-хоу был младшим братом вдовствующей княгини Сю-ань-тайхоу, матери Чжао-вана... Когда Жан-хоу стал военачальником в Цинь, [он] решил, перейдя границы Хань и Вэй, напасть на циские Ган (на северо-востоке округа Ниньян в нынешней провинции Шаньдун) и Шоу (на юго-западе округа Дуннин в нынешней провинции Шаньдун), желая таким образом расширить свое владение в Тао (на северо-западе округа Фэйчэн в нынешней провинции Шаньдун).

³²⁰ Еще в 334 г. до н. э. политический деятель Су Цинь (IV в. до н. э.), видя растущую силу княжества Цинь и постепенное поглощение им других княжеств, выдвинул идею о создании союза княжеств — противников Цинь, расположенных по вертикали с севера на юг. Союз этот получил название *хэцзун* — «объединение по вертикали». Образовалась сильная коалиция княжеств Янь, Чжао, Хань, Вэй, Ци и Чу. Дипломатия Цинь усилиями Чжан И (ум. 309 до н. э.) противопоставила «вертикальному объединению» своих противников «союз по горизонтали» — *лян-хэн*, выражая готовность заключить соглашение с любым из восточных княжеств и тем самым разрушить единый фронт врагов (*СымаЦянъ. Исторические записки*, т. 1. Пер. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 2001, с. 341). — *Прим. пер.*

Тогда Фань Суй направил вану послание, в котором говорилось: «Я слышал, что когда мудрый ван устанавливает принципы управления, то всех, кто имеет перед ним заслуги, он не может не наградить; проявивших способности он не может не назначить на должность; тем, кто проявляет рвение, [ван] определяет хорошее содержание; тем, у кого множество заслуг, — присваивает звания и оказывает почет; тех, кто в состоянии управлять большими массами людей, назначает на высокие должности. Поэтому тем, кто мало на что способен, не поручаются важные дела, способные же люди не должны скрываться и прятаться. Если вы, ван, считаете, что сказанное мною можно исполнить, [то я] хочу действовать, чтобы приносить пользу вашим делам; а если вы найдете, что сказанное мною вам не подходит, то оставлять меня здесь не имеет смысла. Недаром говорится: «Заурядный правитель награждает тех, кто ему нравится, и называет тех, кто ему нелюб; мудрый же правитель поступает не так. Его благоволение непременно распространяется на тех, кто имеет заслуги, а наказание обязательно падает на тех, кто имеет провинности»... Может быть, я глуп, и [мои слова] не доходят до сердца вана. Или же говоривший обо мне человек низок и не может быть использован. Если же [дело обстоит] не так, то я прошу вана предоставить мне возможность в свободную минуту ненадолго увидеться с вами. Если от моих слов не будет никакого толку, я готов подставить свою голову под топор [палача]». Циньский Чжао-ван был сильно обрадован этим посланием. Он призвал к себе Ван Цзи и послал специальный гостевой экипаж за Фань Суем.

Так Фань Суй был принят во дворце... Когда Чжао-ван вошел... он пригласил того подойти и извиняющимся голосом сказал: «Я давно уже хотел лично послушать ваши наставления, но столкнулся с неотложными делами... Я, к сожалению, не очень понятлив, но готов старательно принять наставления дорогого гостя». Фань Суй стал скромничать и отказываться...

Циньский Чжао-ван удалил всех приближенных, и в дворцовом зале никого не осталось. Опустившись на колени, он спросил гостя: «Каким образом вы, учитель, думаете наставлять меня?» Фань Суй в ответ: «Гм... гм...» Через некоторое время ван вновь спросил, опять же преклонив колени: «Как же вы, учитель, соблаговолите поучать меня?» Фань Суй [снова] ответил бормотанием. Так повторилось трижды (см. стратагему 16). Почтительно склонившись, циньский ван продолжал спрашивать: «Неужели вы, учитель, так и не удостоите меня своими наставлениями?» Фань Суй ответил: «[Я] не осмелюсь так поступить. Я слышал, что в прошлом, когда Люй Шан встретился с чжоуским Вэнь-ваном [иначе Цзи Чаном], он был простым рыбаком, промышлявшим на берегах Вэйхэ. Таким образом, они [сначала] были далеки друг от друга (см. 17.10). Потолковав с ваном, Люй Шан стал его наставником, и, когда они вместе вернулись [в столицу], их общение стало глубже. Так Вэнь-ван благодаря заслугам Люй Шана стал в конечном счете управлять всей Поднебесной. А ведь если бы Вэнь-ван отдалился от Люй Шана и не имел с ним глубоких бесед, то [правители] Чжоу не приобрели бы статуса Сынов Неба, Вэнь-ван и У-ван не смогли бы успешно завершить свои великие дела. Сейчас я здесь чужеземец и странник, далек от вана. Общаюсь с близкими вам людьми и, желая сделать полезной свою преданность, хочу представить вашему вниманию то, что имеет непосредственное отношение к вашим делам. [Но] я все еще не знаю истинных намерений вана. Вот почему я трижды не посмел ответить на вопросы вана. Сделал я это отнюдь не из страха. Я знаю, что тот, кто сегодня прямо выходит и говорит перед вами, завтра может быть казнен. Но я не смею прятаться. Если вы, Великий ван, поверите мне и будете действовать согласно моим советам, то [даже] смерть меня не напугает, даже изгнание меня не опечалит. Пусть я покроюсь коростой, как прокаженный, распушу волосы, как сумасшедший, — все равно мне не будет стыдно за свои советы. Даже пять мудрых императоров древности оказались смертны; три славных вана, хотя и были милосердными, тоже умерли; эта же судьба была у пяти гегемонов, несмотря на их достоинства... Ведь смерти человеку никак не избежать. И вот перед лицом неизбежности самое большое мое желание — постараться хоть немного помочь царству Цинь. Чего же мне бояться?.. Единственное мое опасение — это то, что после моей смерти в Поднебесной увидят, что, будучи до конца преданным своему делу, я умер, так и не открыв рот и не сделав ни шагу вперед; так и не смог ничем помочь Цинь. Для вас, ваше величество, наверху опасность представляет тайхоу (вдовствующая императрица), а внизу — коварство придворных. Вы живете в глубине дворцовых покоев, не вышли из-под опеки наставников, вас постоянно вводят в заблуждение, и нет никого, кто бы раскрыл эти козни. Самое страшное, что вам грозит, — это крушение храмов предков, самое малое — это то, что вы, правитель, окажетесь в одиночестве. Вот чего я опасаясь. А о своем личном позоре или даже гибели я ничуть не беспокоюсь. Если я погибну, но Цинь будет успешно управляться, это будет означать, что моя смерть оказалась нужнее моей жизни».

Циньский ван, склонившись [перед Фань Суем], сказал: «Что вы говорите, учитель! Ведь Цинь — отдаленное и захолустное государство, и сам я неразумен и бесталанен. К счастью, вы снизошли прибыть сюда. Это Небо послало мне вас, учитель, чтобы сохранить храмы наших прежних правителей. [И] то, что я удостоился ваших, учитель, поучений, означает, что Небо, благоволя нашим прежним ванам, не оставляет меня своим попечением. Почему же вы, учитель, произносите подобные речи? В любых делах, и малых и больших, все — от тайхоу до моих сановников — желают того, чтобы вы, учитель, наставляли меня и не сомневались бы во мне». [И тогда] Фань Суй и циньский ван поклонились друг другу.

Фань Суй продолжал: «Государство Великого вана с четырех сторон имеет крепости и оборонительные рубежи: на севере это Ганьцюань (гора; уезд Чуньхуа, пров. Шэньси) и Гукоу (долина; уезд Цзиньян, пров. Шэньси); на юге — [реки] Цзиншуй и Вэйшуй; справа находятся Лун (пров. Шэньси) и Шу (пров. Сычуань); слева располагается застава [Ханьгу (на юго-востоке уезда Линьбяо нынешней провинции Хэнань, а тогда на восточной границе владения Цинь)] и Фань (то же, что гора Сяо-фань; уезд Шансянь, пров. Шэньси). Вы можете противостоять войскам числом 100 раз по 10 тысяч и тысяче боевых колесниц. При благоприятных условиях вы можете наступать, при неблагоприятных — обороняться. Вот какие у вас земли. Ваши люди, не выказывая храбрости в обычной жизни, отважны в сражениях. Вот какие у вас люди. Ван соединяет оба эти элемента (территорию и народ) и использует их. Поэтому Цинь, опираясь на отвагу своих воинов и используя множество боевых колесниц и конников, может главенствовать над чжухоу. Это похоже на то, как свирепая [собака] *ханьлу* травит хромого зайца. Для вас вполне достижима цель стать ваном-гегемоном. Но никто из ваших чиновников не служит подобающим образом. К сегодняшнему дню ваши заставы закрыты уже 15 лет, и вы не решаетесь применить свои войска к востоку от гор. Это происходит потому, что Жан-хоу в своих решениях циньских дел не предан вам, и планы Великого вана терпят провал».

Циньский ван, поклонившись, спросил: «Я хотел бы узнать причины провала моих планов». Поскольку все приближенные вана внимательно прислушивались к их беседе, Фань Суй поостерегся толковать о внутренних делах и стал прежде всего вести разговор о внешних делах, чтобы посмотреть, как поведет себя циньский ван.

Поэтому он продолжал: «Намерение Жан-хоу использовать войска Хань и Вэй для нападения на циские Ган и Шоу — ошибочный замысел. Ведь если послать малые силы, то их явно недостаточно для причинения вреда Ци, а если направить значительные силы, то это может навредить Цинь. Я полагаю, что намерение вана послать поменьше своих войск, но использовать в полной мере войска Хань и Вэй — не то, что следует делать. Сейчас эти союзные с вами княжества и так уже не очень близки к нам, [поэтому] разве можно переходить их границы и посылать их [войска] в поход? Все это далеко от правильных расчетов. Кроме того, в прошлом, когда циский Минь-ван отправился на юг и напал на царство Чу (в области нынешних провинций Хубэй, Аньхуй, Гуанси и т. д.), разбил чускую армию и убил ее командующего, эти действия охватили тысячи ли, но цисцы в результате наступления не получили ни клочка земли. Неужели они не стремились к приобретению земель? Обстоятельства не позволили им это сделать. Когда чжухоу поняли, что цисцы утомлены, что между правителем и подданными согласия нет, они подняли свои армии и напали на Ци и нанесли ему тяжелое поражение. [Циские] солдаты и командиры, испытав горечь поражения, порицали своего вана, говоря [ему]: «Кто составлял вам план ваших действий?» Ван отвечал, что это сделал Вэнь-цзы (т. е. Мэнчан-цзюнь). Тогда сановники взбунтовались, и Вэнь-цзы бежал. Таким образом, пойдя в наступление на Чу и действуя в пользу Хань и Вэй, Ци [в конце концов] потерпело сильное поражение. Эту [стратегию] можно назвать «заимствованием чужеземных войск и снабжением их провиантом». Не лучше ли вану установить дружеские отношения с дальними государствами и напасть на ближайших соседей? Ведь если вы завоюете один цунь территории, это будет ваш цунь, если займете один чи земель, это будет ваш чи. А сейчас вы, правитель, не следуете этому принципу и нападаете на дальних, разве это не ошибка? В прошлом княжество Чжун-шань обладало землями, равными квадрату со стороной в 500 ли, но Чжао в одиночку сумело поглотить его. Победив в сражении, Чжао не только утвердило свое имя, но и добилось выгод, и никто из князей Поднебесной не смог помешать ему. Хань и Вэй входят в число срединных княжеств и расположены в центре Поднебесной. Если вы, ван, стремитесь стать гегемоном, то вам необходимо сблизиться с срединными государствами, чтобы самому стать центром Поднебесной, угрожая своей мощью Чу и Чжао. Если Чу усилится, то оно примкнет к Чжао, а если Чжао усилится, то оно пойдет на сближение с Чу, а когда это произойдет, Ци обязательно встревожится. Если Ци будет обеспокоено, то оно непременно обратится [к Цинь] с подобострастным посланием, пришлет обильные подарки с целью послужить Цинь. А когда Ци сблизится с вами, то и Хань и Вэй будут в ваших руках».

Чжао-ван на это сказал: «Я уже давно намерен сблизиться с Вэй, но это княжество очень изменчиво, и поэтому я не смог этого сделать. Посоветуйте, как мне с ними сблизиться?» Фань Суй ответил: «Вы можете отправить вэйскому правителю ценные подарки и скромное послание с изъявлением готовности служить ему. Если это не даст результата, то уступите правителю Вэй какие-то земли, чтобы этим расположить его. Если и это не поможет, то поднимите войска и ударьте по нему». Ван сказал: «Я старательно последую вашим советам». После чего пожаловал Фань Сую звание кэцина (старший сановник из числа пришлых ученых мужей (бинькэ)) и назначил его советником по военным делам» [*Сыма Цянь*. «Ши цзи», гл. 79: Исторические записки, т. 7. 1996, с. 217—223]. В дальнейшем правитель Цинь оставил походы на отдаленные места. Вместо этого он использовал, как пишет Хо Юйцзя в своей книге *Чья рука уложит оленя?* (Пекин, 1994), «разногласия между шестью враждебными государствами и их страх перед Цинь». Цинь неизменно удавалось подкупать высокопоставленных сановников во враждебных княжествах, которые затем умудрялись либо внести раздор между правителями и способными военачальниками (см. стратегию 33), что вело к опале последних, либо усыпить бдительность властей. Нападая всякий раз на близлежащее государство, Цинь своей дипломатией добивалось того, чтобы возможные союзники подвергшегося

нападению княжества сохраняли нейтралитет. Особенно это касалось наиболее удаленного от Цинь, расположенного близ моря государства Ци, которое при правителе Цзянь-ване (264—221 гг. до н. э.) сорок лет жило в мире, полагая, что сможет, беспечно «сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров» («цзо-шань гуань ху-доу»). Ци просмотрело, как в итоге один тигр вышел победителем. И Ци неожиданно осталось в одиночестве, в 221 г. до н. э. безропотно подчинившись Цинь.

После беседы с Фань Суем циньский властитель в первую очередь обособил непосредственно прилегавшие к его княжеству государства Хань и Вэй, которые постоянно нападали на него с единственной целью — присоединять к себе все больше земель. За первые десять лет претворения стратагема соседнему с Цинь государству Хань пришлось понести большие потери (Фу Лэчэн, *Полное изложение китайской истории*, т. 1. Тайбэй, 1973, с. 10).

Затем Цинь обратилось против государства Чжао, нанеся ему поражение в битве при Чанпине (см. 22.7), от которого Чжао уже не смогло оправиться. Своей продуманной с «крайней стратагемной прозорливостью» (как пишет Су Чжэшэн в шанхайской газете *Литературное собрание [Вэньхуэй бао]* от 22.06.1984) стратегией Фань Суй указал путь ко все большим территориальным приобретениям циньского государства. Последующий создатель единой державы император Цинь Шихуан-ди (259—210 гг. до н. э.) «с учетом новых условий продолжал следовать стратегическому курсу «дружбы с дальним врагом и борьбы с ближним врагом», благодаря чему за время с 230 по 221 г. до н. э. сумел присоединить к себе все оставшиеся государства» (*Прогрессивная роль Ши Хуана в [китайской] истории*. Нинся, 1974, с. 101). «Цинь воспользовалось стратагемой Фань Суя и разбило союз шести лежавших к востоку государств», — пишет пекинский исследователь стратагем Ли Бинъянь и продолжает: «Вначале завоевывается Хань (230 г. до н. э.), потом Чжао (228 г. до н. э.), затем Вэй (225 г. до н. э.), потом Чу (223 г. до н. э.) и затем Янь (222 г. до н. э.). А в 221 г. до н. э. наконец присоединятся и Ци, тем самым происходит объединение Китая».

По своему содержанию стратагема 23 вовсе не является изобретением Фань Суя. Еще в период Весен и Осеней (770—476 гг. до н. э.) к ней прибегал первый китайский гегемон (*баван*), циский государь Хуань-гун (правил 685—643 гг. до н. э.) и его первый советник Гуань Чжун (ум. 649 г. до н. э.), а еще в конце второго тысячелетия до н. э. — Цзян Тай-гун (см. 17.10). Однако следует признать, что именно Фань Суй дал чеканное выражение для стратагема 23 (Хэ Маочунь, Ши Сяося. *Дипломаты сменяющихся китайских династий*. Пекин, 1993, с. 118). Посредством облеченной им в слова стратагема Фань Суя «сыграл громадную роль в объединении страны циньским государством», — пишет Лу Тайвэй в *Китайской молодежи* (Пекин, 22.08.1998, с. 8). Но данная стратагема «не только оказала огромное влияние на отношения между семью китайскими государствами того времени, но и оставила глубокий след в истории китайской дипломатической мысли», замечает Пэй Монун в пекинском иллюстрированном журнале *Всемирное знание [«Шицзе чжиши хуабao»]* (№ 22, 16.11.1989, с. 29). Похоже, стратагема 23 продолжает действовать и в наши дни. Когда на первом году обучения в Пекинском университете (1975—1976) я попросил одного китайского сокурсника разъяснить мне смысл стратагема 23, он почему-то замялся. Наконец, он сказал, что его разъяснение мне не понравится, «поскольку оно касается внешней политики вашей страны».

23.2. Три мира Мао и четыре модернизации Дэна

Непосредственно после окончания Второй мировой войны Китайская Народная Республика проводила политику первоочередного сотрудничества с Советским Союзом и следования советскому образцу. Мао для такой политики нашел выражение «держаться одной стороны» («ибяньдао»). Однако в начале 60-х годов произошел разрыв, а в конце 60-х дело дошло даже до вооруженного конфликта [на острове Даманский (Чжэньбао-дао)] у реки Уссури. Между США и Китаем к тому времени уже почти двадцать лет царило полное молчание. Китай осознал, что оказался в опасном окружении.

В этом затруднительном положении Мао выдвигает теорию трех миров. «Третий мир» составляли некогда бывшие европейскими колониями страны Азии, Африки и Латинской Америки. «Второй мир» составляли входящие в сферу американского или советского влияния страны Западной и Восточной Европы, а также Канада, Австралия и Япония. «Первый мир» состоял из сверхдержав, США и СССР, которые, с китайской точки зрения, рассматривали весь земной шар как свое прикрытие в борьбе за мировое господство. Основное глобальное противоречие китайцы видели тогда в противостоянии третьего и первого мира. Посредством диалектического анализа (см.: Харро фон Зенгер, *Введение в китайское право* («Einführung in das chinesische Recht»). Мюнхен, 1994, с. 230 и след.) Мао Цзэдун установил противоречия между третьим миром, с одной стороны, и вторым наряду с первым, с другой, и, естественно, внутри первого мира, то есть между США и Советским Союзом. На этих противоречиях и следовало сыграть.

Пользуясь всеми этими противоречиями, Китай собрал вокруг себя многие страны третьего мира, что способствовало принятию в 1971 г. Китая в ООН с одновременным исключением оттуда Тайваня. Затем

Китай решил использовать противоречия между вторым и первым миром, например, между Францией и США, и по возможности привлечь на свою сторону также страны второго мира. Что же до первого мира, то граничащий непосредственно с Китаем Советский Союз представлялся более существенной угрозой, чем США. Теперь речь шла об «использовании имеющихся между оспаривающими друг у друга мировое господство сверхдержавами разногласий, выборе подходящего момента, улучшения отношений с одной из сверхдержав и изоляции более всего угрожающей безопасности Китая сверхдержавы в лице Советского Союза», как писал Цзян Линфэй в статье о «находчивости и приемах Мао во внешнеполитических делах» (*Всемирное знание (Шицзе чжжиши хуабao)*). Пекин, № 24, 1993, с. 8). Для Мао, в соответствии с глобальным основным противоречием «третий мир против первого мира», первый мир являлся главным врагом. Но первый мир представлял ныне не некое единство, а состоял из двух сверхдержав: США и Советского Союза, чьи отношения, несмотря на некую общность интересов, были отмечены острыми противоречиями. Мао различал обе сверхдержавы по угрозе, которую они представляли для Китая, и соответственно по разному отношению к ним, причем на первый план выдвигалась борьба с «главной силой противоречия» (Цзян Линфэй), которой в рамках противостояния «США — Советский Союз» являлся СССР.

Тем самым дело дошло до челночной дипломатии, до поездки Никсона в Китай и установления дипломатических отношений между Китаем и США. Советский Союз, таким образом, оказался между двух огней: Китаем и США. «Благодаря улучшению отношений с США», иначе говоря, союзу с дальним врагом, Китай сумел приструнить ближнего врага, Советский Союз, а кроме того, как пишет Цзян Линфэй, «создать условия для проведения Дэн Сяопином после смерти Мао (1976) курса четырех модернизаций».

Стратегема 23 прослеживается до сих пор в осуществляемой с 1978 г. программе модернизации социализма. В ходе осуществления этой программы, утвержденной на третьем пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 г., Китай переживает самый продолжительный отрезок мирной, созидательной жизни со времен первой опиумной войны (1840—1842). На этом этапе, который продлится и в XXI в., главным противоречием считается «модернизация в противостоянии с отсталостью» (см. 18.7). Для преодоления этого важнейшего и сдерживающего противоречия Китай вновь стремится завоевать расположение дальних соперников вроде США и европейских стран, чтобы с помощью технической и финансовой поддержки этих дальних союзников преодолеть нынешнего ближайшего врага, а именно отсталость у себя дома.

23.3. Изоляция великого хана [кагана; кит. «кэхань»]

На севере Китая в середине первого тысячелетия племенной союз тюрков (кит. *туцзюэ*) создал мощное государство [тюркский каганат (*Тюрк эль*)], во главе с великим ханом — каганом [на ту пору Шэту (правил 581—687), прозывавшийся Ышбара-хан (кит. искаж. Шаболуэ вместо Шаболо)], который вынужден был также дать имя хана еще четверым выходцам из родовой знати. Младшего же брата, с которым каган не ладил и который не обладал большим весом, звания хана он не удостоил. Хотя эти представители родовой знати имели собственные дружины и вотчины, однако подчинялись кагану, располагавшему существенно большей военной мощью.

В период раздробленности Китая (420—589) северные китайские династии подносили правителю тюрков богатые дары, чтобы тот помогал им в их междоусобных войнах. Когда же объединитель страны (589) под властью суйской династии (581—618) император Вэнь-ди (541—604) перестал подносить дары тюркам, те, возмущившись, напали на Китай. Здесь и сказал свое слово Чансунь Шэн [551—609].

Чансунь Шэн был послан в 579 г. династией Северная Чжоу (557—581) к тюркам. Благодаря его умению стрельбы из лука многие тюрки подружились с ним, желая овладеть этим искусством. Более чем годовое пребывание у тюрков позволило ему выведать все разногласия, существовавшие среди местной знати. Он знал, что там «можно легко внести раздор» [«ки кэ ли-цзянь»], как пишет Вэй Чжэн (580—643), составитель официальной хроники династии Суй («Суй шу»). И Чансунь Шэн посылает на высочайшее имя докладную записку, где говорит, что, по его мнению, время для военного противостояния тюркам еще не пришло. Однако не оказывать им никакого сопротивления — это значит потворствовать врагу. Затем он описывает внутренние трения в верхушке тюрков и предлагает — согласно все той же династийной хронике *Истории Суй*: «Нынче выгодней дружить с дальним и нападать на ближнего», т. е. нужно изолировать кагана, заключив союз с более слабыми претендентами на власть. Ханы стали бы подозревать друг друга, и тем самым удалось бы нейтрализовать их. А за десять лет суйская династия сумеет при благоприятных обстоятельствах напасть на тюрков с большими видами на успех.

Император внял советам Чансунь Шэна и весьма преуспел впоследствии (см. также 17.37)³²¹.

³²¹ Подробнее см.: Л. Гумилев. Древние тюрки. М.: Изд-во «Клышников-Комаров и Ко», 1993, с. 103—119

23.4. Диалектическая дружба

а. Обходной путь делать прямым

В выражении стратагема 23 бросается в глаза диалектическое, то есть заключающее противоположности, соединение понятий «ближний» и «дальний», а также «вступать в союз» и «нападать». Неудивительно, что данное стратагемное выражение в Народной Китайской Республике с главенствующей там марксистской идеологией нередко обозначают как «установку»³²² («фанчжэнь») (о такого рода нормах см.: Харро фон Зенгер. Введение в китайское право («Einführung in das chinesische Recht»). Мюнхен, 1994, с. 297 и след.). Формулировка стратагема 23 дает понять, на какое старинное наследие из достояния самобытной китайской диалектической мысли в начале XX в. натолкнулся марксизм и почему именно марксизм из всего многообразия плодов западной мысли оказал на китайцев наибольшее влияние. Между прочим, нельзя упускать из виду, что как раз присущая китайским стратагемам двусмысленность (Doppeldenken) способствовала смычке Китая с марксизмом.

Стратагему 23 Цзинь Вэнь в ряде статей о «внешнеполитической находчивости» (часть шестая: *Всемирное знание* (Шицзе чжиши хуабao). Пекин, № 18, 1990, с. 27) сопоставляет с понятием обходного пути («юйхуэй»). Уже в *Военном искусстве Сунь-цзы* встречается диалектическая мысль «превратить обходной путь в прямой» [«Сунь-цзы», 7.2 «Военное противоборство» («Цзюнь чжэн»): «Китайская военная стратегия». Пер. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 159]. В приложении к внешней политике это означает: зачастую значительно более длинный и извилистый обходной путь оказывается кратчайшей дорогой к цели. Внешнеполитические обходные пути имеют одно общее свойство: если к чему-то стремятся, то не ради непосредственно этого, а затем, что наметили себе как раз противоположное желаемому. Или, выражаясь языком стратагема 23: нынешний союз служит для завтрашней аннексии.

В трактате *36 стратагем (Сокровенная книга о военном искусстве)* данная уловка растолковывается с помощью 38-й гексаграммы «разлад» [куй] *Книги перемен*. Вверху — триграмма «огонь», внизу — триграмма «озеро», иначе говоря, данный знак объединяет огонь и воду. В соответствии с таким расположением благородный муж при всей имеющейся общности не упускает из виду различий, даже если при расхождении в мнениях он на время примирился с противником. Слова «деля ложе, видеть разные сны» («тун-чуан и-мэн») прекрасно выражают подобные обстоятельства: внешне, а не внутренне быть союзниками; делать то же, что и противник, но преследуя иные цели. Находясь стратегически в противостоянии с дальним противником, все же можно на время тактически сотрудничать с ним.

Вообще-то соседние государства должны ладить друг с другом, ибо только тогда они смогут противостоять внешней угрозе. В действительности же отношения между соседними странами зачастую бывают плохими, что вызвано крайне частым общением и возникающими в связи с этим трениями. И тогда простая мелочь может привести к столкновению, даже побудить одну из противоборствующих сторон заключить союз с отдаленным государством, являющимся их общим врагом, чтобы с его помощью напасть на своего соседа, — пишет тайбэй-ский исследователь стратагем Шу Хань.

б. И друг, и враг

При одном-единственном противнике использование стратагема 23 отпадает. Ведь она предполагает по меньшей мере двух противников, с которыми нет возможности бороться одновременно. Тактическое разделение на первостепенных и второстепенных противников с последующим различным обхождением с ними с китайской диалектической точки зрения вполне уживается со стратегической их оценкой, согласно которой все противники в итоге суть два сапога пара и с ними обойдутся одинаково. Столь же легко уживаются в отношении одного и того же противника тактическая дружба и стратегическая вражда (см.: «Die Methode der dialektischen Synthese» («Метод диалектического синтеза» в кн. Харро фон Зенгер, *Введение в китайское право* («Einführung in das chinesische Recht»). Мюнхен, 1994, с. 232 и след.). Но в конкретных обстоятельствах или в конкретный отрезок времени из тактических соображений все же лучше иметь как можно меньше явных врагов. Это, разумеется, верно и в отношении множества непосредственно граничащих с собственной страной, а стало быть, «ближних» врагов. Здесь тоже расставляются соответствующие приоритеты.

в. Снаружи круглый, внутри угловатый

(гл. 9 «Великая распря (581 — 593). — Прим. пер.

³²² У Зенгера «Polaritätsnorm». — Прим. пер.

При применении стратагемы 23 следует обратить внимание на следующие свои действия: анализ противников с точки зрения их экономической мощи, силы, влияния, внутренней стабильности, идеологии и т. д., но в первую очередь с точки зрения их «близости» и «отдаленности». «Близость» и «отдаленность» раньше учитывались прежде всего, но, пожалуй, в нынешнее время при наличии межконтинентальных ракет оказывается не столь существенным. Близость и дальность обычно понимались в географическом смысле, хотя их вполне можно трактовать и в переносном смысле. В первую очередь понятия «близкий» и «отдаленный» относятся к государствам. Однако «близким» может выступать и человек и вещь, на которые можно воздействовать непосредственно, тогда как «отдаленный» человек или вещь плохо или вовсе не поддаются вашему воздействию. Для «близости» или «отдаленности» в переносном понимании неважно, находится ли данный человек или данная вещь вблизи или на отдалении в пространственном отношении.

Если стратагема 23 имеет дело с организацией, то понятие «близкий» означает принадлежащих к организации людей, а «отдаленный» — сторонних для нее людей. В этой связи стратагема сводится к тому роду поведения, который в китайском языке описывается выражением «снаружи круглый, внутри угловатый» («вай-юань нэй-фан»). Иначе говоря, внутри организации устанавливают строгие порядки, тогда как вне ее выказывают терпимость и снисходительность. Цель такого поведения заключается в создании благоприятных для организации условий и наилучших «связей с общественностью». «Юань» (круглый), впрочем, часто выступает противоположностью «фан» («угловатый», но также «прямодушный, честный, порядочный»). В сочинении под названием «Порицание круглого» [«Е юань»] писатель и чиновник Юань Цзе (723—772) писал: «Лучше быть угловатым (фан) и [простым] служащим, нежели круглым (юань) и министром».

«Близкой» может, наконец, быть непосредственно угадываемая, напрямую доступная, а «отдаленной» — лишь получаемая со временем и косвенным образом выгода. Поскольку такого рода долгосрочный интерес оказывается не столь насущным, его поначалу откладывают в сторону, рассчитывая вернуться к нему в дальнейших планах, чтобы в первую очередь обратиться к непосредственно сулимой, «близкой» выгоде.

г. Тактика задержки начала войны

Основываясь на первоначальном анализе, для различных противников выстраивают соответствующее обхождение (наподобие открыто проявляемой вражды, политики кнута и пряника, сближения и т. д.). Основная цель стратагемы 23 состоит в снятии напряжения и налаживании дружеских связей в отношениях с надлежащим «дальним» противником. В противном случае это означает, что стратагема 23 использована неудачно.

«Дружба» с «дальним» противником устраивается по-разному. Это может быть настоящая, долговременная дружба, хотя изначально известно, что когда-то с ней будет покончено. В рамках такого рода дружбы деятельно помогают друг другу. Но дружбу могут и разыгрывать, то есть создавать ее видимость: на самом деле никто и не думает прийти на выручку другому. Либо хотят ввести в заблуждение противника или посторонних. Как только достигается взятая на мушку с помощью такого обманного маневра цель, отпадает сама необходимость соблюдать видимость недолговечной дружбы.

Дружба может охватывать многие сферы, но может ограничиваться отдельными частностями, причем ни одна из сторон не расположена углублять ее. Подобная поверхностная дружба все же способна связать противнику руки и удержать его от открытой враждебности.

Дружеские отношения с отдаленным врагом в стратегическом плане так или иначе оказываются лишь «стратагемой задержки начала войны» («хуань бин чжи цзи»), то есть вспомогательным, сдерживающим маневром. Позже дальний враг становится ближним, а значит, объектом нападения. В большинстве случаев об этом знает и сам дальний враг. И то, что он соглашается на такую игру, связано с преследуемыми им самим определенными целями. Возможно, он рассчитывает, «сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров» или же хочет отвлечь от чего-то внимание и т. д. Как только пробьет урочный час, он не замедлит вслед упавшему в колодец союзнику бросить камень («ся цзин тоу ши»). Ни в коем случае союз с дальним врагом нельзя считать перестраховкой, на которую можно всецело положиться. Напротив, к дружественному дальнему врагу нужно неизменно относиться с изрядной долей осторожности и недоверия. Иначе в самый неподходящий момент вас может ожидать горькое разочарование.

Если удастся наладить хорошие отношения с дальним врагом, тем самым раскалываются ряды неприятеля и затрудняется создание вражеской коалиции или же она распадается. В любом случае вы изолируете ближнего врага, одновременно убаюкивая отдаленного врага, чья бдительность усыпляется. А это неплохая предпосылка для дальнейшего обращения с ним, как с «ближним» неприятелем.

д. Разбить всех поодиночке

Теперь пришло время всеми силами наброситься на «ближнего» врага и одолеть его, чтобы в соответствии с этим образцом по очереди разделаться и с остальными противниками. Так «каждый разбивается поодиночке» («гэ гэ цзи по»).

Побудить основательно взяться за «ближнего» врага могут следующие обстоятельства: с военной точки зрения устранение ближнего, то есть граничащего с собственным государством неприятеля, согласно исследователю стратагем Юй Сюэбиня, означает естественное (organische) расширение собственной территории или собственной сферы влияния. Вновь приобретенную область без труда удается включить в состав собственного государства. Ее сравнительно легко защитить и использовать. Установление власти имеет под собой сравнительно твердую почву и происходит быстро. Военные действия проще и дешевле вести поблизости, нежели вдалеке.

Если вопреки стратагеме 23 вступают в союз с ближним врагом, существует опасность, что он может внезапно пойти против вас. Вследствие имеющегося союза можно оказаться совершенно неподготовленным к непосредственному нападению еще союзного с вами ближнего врага. Помимо такого неблагоприятного развития событий, союзный ближний враг связывает вас, подобно кокону шелкопряда, по рукам и ногам, препятствуя переходу границы.

Нападение на дальнего врага чаще всего оказывается невыгодным, поскольку сопряжено с большим риском. Уже в *Военном искусстве Сунь-цзы* говорится: «Когда для того, чтобы занять выгодную позицию, приказывают войску снять доспехи и идти днем и ночью, удваивая переходы и не останавливаясь на отдых, на расстояние в сто ли, командующие всеми тремя армиями будут взяты в плен; сильные вырвутся вперед, слабые отстанут, и из всего войска до цели дойдет одна пятая часть. Когда приказывают идти на выгодную позицию за пятьдесят ли, поражение ожидает командующего передовой армией, и из всего войска доходит половина. Когда отправляются на выгодную позицию за тридцать ли, до цели доходят две части из трех» [«Сунь-цзы», 7.4 «Военное противоборство» («Цзюнь чжэнь»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 160]. Война вдалеке не только изнуряет собственные войска, но стоит больших денег. Еще Сунь-цзы предупреждал: «Если войско долго находится в полевых условиях, в государстве возникает нехватка средств» («Сунь-цзы», 2.3 «Ведение войны» («Цзо чжань»): *там же*, с. 125). Даже в случае победы территориальные приобретения из-за удаленности от собственной страны бывает трудно удержать.

е. Покорять чужую армию, не сражаясь

«Нападение на ближнего врага» согласно китайской литературе по стратагемам лишь во вторую очередь означает развертывание собственно военных действий. «Нападение», если принимать во внимание *Военное искусство Сунь-цзы*, понимается значительно тоньше. В главе «Стратегия нападения» [3.2] говорится: «Наилучший вид военных действий — разрушить замыслы противника; на следующем месте — разрушить его связи с союзниками; а на следующем месте — разгромить его войска» [*там же*, с. 128]. Расстройство вражеских замыслов неизбежно ведет к использованию стратагем. А для Сунь-цзы самой желанной победой над неприятелем является та, что достигнута благодаря стратагемному ведению войны: «Тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая их; сокрушает чужое государство, не применяя долго свое войско. Он обязательно будет спорить за власть над Поднебесным миром, сохраняя все в целостности. Поэтому можно вести войну, не притупляя оружия, и иметь выгоду из того, что все сохраняется в целостности. Это и есть правило нападения средствами стратегии (моу)» [«Сунь-цзы», 3.3 «Стратегия нападения» («Моу гун»): *там же*, с. 129]. Итак, прямого сражения следует по возможности избегать. Без военного противоборства удается достичь победы посредством стратегически и тактически продуманных стратагем.

Согласно стратагеме 23 власть свою расширяют, начиная с ближних рубежей, постепенно перенося ее дальше. Подобно тому, как гусеница шелкопряда обгрызает шаг за шагом лист шелковицы, пока не поглотит его целиком. Ведь мы не находимся в удобном положении зайца, которому не приходится обедать траву вокруг своей норы, имея возможность сыскать где-то на лужайке место посытнее.

Подыскивать объект для ближнего нападения следует тщательно, чтобы в случае завоевания его можно было удержать. Если не представляется возможным его завоевать или сохранить при завоевании, то лучше вообще не нападать. Иначе получится, что вы «готовите свадебные наряды для других» («вэй жэнь цзо цзя»), то есть играете своим врагам на руку.

ж. Обезопасить себя от стратагемы

Как уклониться от воздействия стратагемы 23? Заметив, что противник облюбовал вас в качестве «дальнего друга», можно, если это не затрагивает непосредственных интересов ваших союзников, в зависимости от конкретных обстоятельств отнестись к этому вполне терпимо. Такое отношение сулит вам по меньшей мере

две выгоды. Выигрывается время, чтобы основательно подготовиться к отодвигаемому таким образом столкновению с дальним врагом. Затем, можно обратить оружие противника против него самого, приведя в действие стратегию 23. Из посулов противника в соответствии со стратегией 12 также извлекается всемерная для себя выгода.

Когда же становится «ближним врагом» государство, которое одновременно вступает в союз с «дальним врагом» для подготовки нападения, разумеется, безучастно наблюдать за происходящим не следует. Лучше постараться изолировать противника завязыванием многосторонних отношений с другими странами, благосклонность и поддержка которых не вызывает сомнения. В любом случае нельзя допускать, что вы останетесь в полном одиночестве. Для срыва стратегии 23 нужно во всеулышание заявить о ней, представив коварной интригой. Необходимо указать, какие страны должны стать очередной жертвой этих происков. Тем самым нужно попытаться создать свою коалицию, давая понять, что она полезна не вам одним, а защищает и оберегает от несчастья всех.

Государству-агрессору нужно противостоять прежде всего военными средствами. В зависимости от собственной военной мощи и поддержки извне возможен не только превентивный военный удар для предотвращения вражеского вторжения на вашу территорию, но и заманивание противника в глубь своей страны (см. 28.), насколько позволяют ее просторы, либо проведение стратегии 2 удара по слабому месту.

з. Стратегия, требующая выдержки

Подобно стратегии 16, стратегия 23 тоже временно дает волю противнику. Однако стратегия 16 ограничивается исключительно одним противником, тогда как стратегия 23 имеет дело с несколькими. Стратегия 23 по природе своей стратегическая, то есть требует от своего проводника большой выдержки, тогда как стратегия 16 большей частью носит тактический характер. Стратегия 23 дает волю одному или малому числу из имеющихся врагов, причем одновременно подвергается нападению или захватывается ближний враг. Иначе обстоит дело со стратегией 16, где подобного разграничения не наблюдается, действия ведутся по всему фронту, естественно, при подспудном владении ситуацией и с возможностью тщательно просчитанного нападения в заданное время.

23.5. Приветливость Ханоя по отношению к АСЕАН

В декабре 1979 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН; англ. Association of South East Asian Nations — ASEAN) на совещании министров иностранных дел в Куала-Лумпур решила послать в Ханой представителем АСЕАН малайского министра иностранных дел Тенгку Ахмад Ритауддина (род. 1932). Он должен был переговорить с властями Ханоя о решении кампучийского вопроса в связи с принятием Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о выводе всех иностранных войск из Камбоджи. Ведь сама резолюция принималась с прицелом на Вьетнам, чьи войска в ту пору размещались в Камбодже. Ханой медлил с приемом Тенгку как представителя АСЕАН, изъясняя, однако, готовность принять его в Ханое просто как министра иностранных дел Малайзии.

Об этом в статье под названием «От «дружбы с дальним врагом ради нападения на ближнего врага», чтобы «разбить каждого поодиночке» писал Се Вэньцин в *Жэньминь жибао* (Пекин, 10.01.1980). Он напоминал, как осенью 1978 г. вьетнамский премьер-министр Фам Ван Донг (1906—2000) при посещении Юго-Восточной Азии посылал приветливые улыбки в сторону АСЕАН. Теперь же выясняется, что за ними скрывалась стратегия «дружбы с дальним врагом для нападения на ближнего врага». Ведь именно тогда Вьетнам и точил нож для нападения на Камбоджу, что и произошло в начале 1979 г. Вот почему Вьетнам искал расположения лежащих поодаль стран Юго-Восточной Азии, чтобы усыпить их бдительность.

Однако после ввода вьетнамских войск в пределы Камбоджи страны Юго-Восточной Азии сплотились в противостоянии возрастающей угрозе со стороны Вьетнама. И теперь Ханой внезапно начинает линию на ведение переговоров с каждой страной в отдельности, стремясь тем самым расколоть единый фронт АСЕАН. Теперь понятна и волокита Ханоя с приемом малайского министра иностранных дел в качестве представителя АСЕАН. В рассмотренной статье Се Вэньцина стратегия 23 привлекается для внешнеполитического анализа.

23.6. Две стороны треугольника в противостоянии с третьей

Док Коулун [Цзюлун], крупнейший причал Гонконга, стоит примерно 1,8 млрд. долларов. Кто владеет этим доком, у того в руках находится большая часть товарооборота. Так что для судовладельца Бао Юйгана (1918—1991) данный причал имел первостепенное значение. Однако, к сожалению, он не принадлежал ему. Собственником дока был основанный [британцами в 1832 г.] в Кантоне [Гуанчжоу] консорциум Ихэянхан.

На порт Коулун жадно поглядывал и торговец недвижимостью Ли Цзя-чэн (род. 1928), возглавлявший один из десяти крупнейших гонконгских консорциумов. Но прежде всего он хотел прибрать к рукам концерн Хэцзи [(транскр. от Hutchison), основанный британцами в 1860 г.]. Однако, не имея возможности одновременно преследовать обе цели, он решил сосредоточить усилия на Хэцзи, а причал Коулун пока оставить без внимания.

Бао Юйган изучил обоих противником и образовавшийся треугольник, где третьей заинтересованной стороной выступал он сам. Он понимал, что, если все накинутся друг на друга, никто не победит. Но если две любые стороны объединятся, то третьей стороне тогда не устоять. С"; кем же ему следует вступить в союз? Бао Юйган разузнал, что Ли Цзячэн в отношении дока Коулун проявляет сдержанность.

Выходило, что столкновение их интересов отодвигалось на задний план, и, таким образом, торговец недвижимостью оказывался дальним врагом. А вот консорциум Ихэянхан не желал уступать и пяди своей собственности в доке. Значит, это и есть самая настоящая заноза, его ближний враг. Получалось, что искать союза следует с Ли Цзячэном.

По собственному почину Бао Юйган продает Ли Цзячэну 90 млн. акций концерна Хэцзи и тем самым помогает ему в борьбе за обладание концерном. В свою очередь Ли Цзячэн передает судовладельцу 20 млн. акций дока Коулун. Позже тот, опережая Ихэянхан, прикупает еще 20 млн. акций причала. В итоге Бао Юйган становится акционером столь желанного дока с правом решающего голоса.

Все три стороны были соперниками в борьбе за обладание причалом Коулун. по в преследовании цели проявляли разную настойчивость. В этом отношении они находились друг от друга на разном расстоянии. Бао Юйган вышел победителем из этой карточной игры, объединившись с той стороной, чьи интересы в меньшей степени мешали его собственным, и направив основной свой удар на того, чьи интересы напрямую угрожали его собственным. Вот вам случай использования стратагемы 23, пишет автор книги по стратагемам Юй Сюэбинь. Бао Юйган наряду с Ли Цзячэном, между прочим, входил в комиссию по выработке конституции особого района Гонконга, которая была отменена Всекитайским Советом Народных Представителей (ВСНП) КНР 4 апреля 1990 г. Владелец причала Коулун Бао Юйган стал в середине 80-х годов.

23.7. Просить находящегося далеко тигра съесть соседнего волка

Во внешних сношениях для династии Северная Сун (960—1127) весь XI век был веком постоянного дипломатического лавирования с целью избежать войны. К 1110 г. положение, похоже, улучшилось, поскольку позади граничащего с Китаем с севера, основанного чужеземным народом киданей [кит. транскр. «цидань»] государства Ляо (916—1125) возникла новая держава: чжурчжэней [(кит. транскр. «нюйчжэнь») народности] тунгусского происхождения. Прежде чжурчжэни находились в зависимости у киданей. Теперь они обрели самостоятельность, создали государство Цзинь (1115—1234) и превратились в политическую силу. Расположенная между Китаем и новым, простирающимся к северу государством Цзинь держава Ляо оказалась под прессом.

В это время и разыгрывается одна из сцен [гл. 7] являющегося продолжением «Речных заводов» романа «Позднее повествование о речных заводах» [«Шуи ху хоу чжуань», 1664] Чэнь Чэня (1590—1670). При дворе [Хуэй-цзуна (родовое имя Чжао Цзи, 1082 — 1135, правил 1100—1125)] императора династии Северная Сун сановники обсуждают, как следует вести себя с обеими северными державами. Люй Дафан говорит о смягчении отношений с Ляо: «Династия Ляо и наша династия тесно связаны друг с другом. Мы уже сто лет живем в мире. Стоит нам снести этот защитный вал, и мы тотчас окажемся в непосредственной близости от хищной державы Цзинь. Тогда трудно будет избежать набегов со стороны Цзинь». Иначе настроен Чжао Лянцы: «Ляо — бесполезный для нас союзник. Лучше будет предоставить его державе Цзинь. Тогда мы, обезопасив себя от Цзинь, сможем вернуть свои прежние владения в Яньюнь. Такие действия согласуются с уловкой «дружбы с дальним врагом для нападения на ближнего врага». Император последовал совету Чжао Лянцы. Обратимся к историческим событиям той поры. В 1125 г. Цзинь уничтожает государство Ляо. Однако теперь чжурчжэни добиваются и до китайцев. В 1226 г. они захватывают сунскую столицу [Кайфэн]. Император [Син-цзун, родовое имя Чжао Хуань, 1100—1160, правил 1126)] вместе с недавно передавшим ему престол отцом были взяты в плен [и увезены на север в Угочэн, ныне в уезде Илань провинции Хэйлуцзян, где со временем и скончались]. Династии Северная Сун не стало. Ее гибели способствовало ошибочное применение стратагемы 23.

В то время, как династия Цинь распространяла свою власть в Северном Китае, на юге страны утвердилась династия Южная Сун (1127—1279). [Один из братьев бывшего императора — Чжао Гоу (1107—1187), находившийся вне Кайфэна, отошел на юг и был провозглашен императором (династийное имя Гао-цзун

(правил 1127—1162). Столицей новой империи стал город Линьань (ныне Ханчжоу)]. Страх перед державой чжурчжэней побудил даже знаменитого конфуцианского мыслителя Чжу Си (1130—1200) заняться стратагемным анализом. Напоминая о стратагеме 23, в одном из своих писем он предупреждает о грозном, направленном против Китая союзе между империей Цзинь и расположенной вдали от нее тангутской державой Си Ся (на территории нынешних провинций Нинся, Шэньси, Ганьсу, Цинхай и т. д.). Правители династии Южная Сун совершают ту же ошибку, что и императоры Северной Сун. «Они объединились с дальним врагом, монголами, и набросились на ближнего врага, династию Цинь» (Хэ Маочунь, Ши Сяося, *Дипломаты сменяющихся китайских династий*. Пекин, 1993). «После падения династии Цинь между династией Южная Сун и монголами более не было буферного государства. Тем самым южно-сунская империя стала для монголов второй циньской державой, и весь китайский народ оказался под властью монголов». Они основали династию Юань и правили в Китае почти сто лет (1271 — 1368).

«Отсюда можно заключить, — пишут Хэ Маочунь и Ши Сяося, — что дипломатические приемы, как и законы военного искусства, нельзя применять механически».

23.8. Господствовать над варварами, используя их самих

«Господствовать над варварами, используя их самих» («и чжи и»), — писал военачальник Бань Чао (32—102) в своем докладе восточноханьскому императору Мин-ди (58—75). Бань Чао весьма удачно использовал обозначенную им уловку, во многом перекликающуюся со стратагемой 23, на западных рубежах Китая. За 31 год службы ему посредством данной им уловки удалось подчинить ханьской династии более 50 народностей, страдавших от притеснений сюнну. Созданием такого защитного вала он сумел воспрепятствовать продвижению сюнну на юг. Династия Северная Сун (960—1127) использовала цинь-скую державу, чтобы покончить с государством Ляо, но с гибельными для себя последствиями. Это утверждает Цзинь Вэнь в посвященной стратагеме Бань Чао третьей статье серии очерков о «внешнеполитической находчивости» (*Всемирное знание (Щицзе чжиши хуабао)*. Пекин, № 13, 1990).

Стратагема «Господствовать над варварами, используя их самих», однако, оказывается обоюдоострым оружием. Лишь при определенных условиях она сулит успех. Согласно Цзинь Вэню, эти условия таковы: 1) наличие собственной определенной мощи; 2) подлинное желание быть самостоятельными и самим держаться на плаву и, соответственно, перестать уповать на стороннюю помощь; 3) благоприятные объективные условия; 4) сохранение собственной независимости, позволяющей использовать варваров, одновременно не давая им спуска; 5) наличие знающих, способных провести в жизнь саму стратагему дипломатов.

Особо указывая на удачное использование стратагемы 23, историк, географ и сановник Вэй Юань (1794—1856) в своем «Описании заморских стран» [«Хай го ту чжи»] хвалит проявившего в отношении России стратагемное чутье императора Канси (1662—1722). Благодаря его хорошим отношениям с русским царем в далеком Петербурге Китай мог держать в страхе находившихся рядом, на севере, строптивых монголов. Здесь Вэй Юань мог иметь в виду заключенный 17 августа 1689 г. Российско-китайский Нерчинский договор, благодаря которому русские в последующие 170 лет приостановили свое продвижение на Дальнем Востоке и тем самым более или менее развязали руки Китаю. «Русской стратагеме» императора Канси посвящена целая глава книги Владимира Мясникова «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» [М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980; 2-е доп. изд. Хабаровск, 1987] (Miasnikov V.S. «The Ching Empire and the Russian State in the 17-th Century». Progress Publishers. M., 1985, с. 183 и след.). В этой книге о китайской дипломатии говорится как о «дипломатии стратагем» (с. 6). Даже если это определение не объемлет собой всю китайскую дипломатию, выделяя лишь одну из ее сторон, все же оно достаточно метко.

23.9. Искать реку, не стоя у истока

Лишь в военное время следует использовать стратагему 23, полагают Хэ Маочунь и Ши Сяося в своей книге *Дипломаты сменяющихся китайских династий* (Пекин, 1993 г.). В мирное время необходимо придерживаться правила «ближний сосед лучше находящегося далеко родственника» («юань цинь бу жу цзиньлинь»). Более конкретный совет дает Конфуций: «Если же... нет... в делах... искренности... то такое поведение окажется непригодным даже в своей [родной] деревне» [«Лунь юй», 15.6]. Это верно для сношений как с государствами, так и с людьми: когда они находятся поблизости, делами завоевывается у них личное доверие. Если они пребывают вдали, то не надо упускать возможности выказать им свою искренность соответствующими посланиями.

23.10. Далекая вода не может потушить близкий огонь³²³

В эпоху Сражающихся царств (475—221) «луский царь Мугун (правил 407—377 до н. э.) задумал послать своих сыновей на выучку в Цзинь и Чу. Ли Чу сказал ему: «Это то же самое, что послать за помощью в Юэ, чтобы спасти упавшего в воду ребенка: хотя юэсцы отличные пловцы, ребенку этому — не жить. Или же, в случае пожара, послать за водой к морю: воды в море много, да только огонь ею не потушишь — ибо дальняя вода не спасет от близкого огня. Цзинь и Чу сильны — зато Ци находится рядом. И случись беда, боюсь, они нас не спасут!» [«Хань Фэй-цзы», гл. 22 «Множество рассказов» («Шо линь»): «Из книг мудрецов». Пер. с кит. В. Сухорукова. М.: Худ. лит., 1987, с. 231].

Этот рассказ из насчитывающего свыше двух тысячелетий сочинения *Хань Фэй-цзы* показывает, что стратагема 23 не является панацеей, особенно в том случае, когда применяющее стратагему государство мало и слабо и ее использование носит сугубо оборонительный характер. Естественно, при нынешнем вооружении стратагема 23 может с успехом применяться и в понимании ее Му-гуном — «дружба с дальним врагом для защиты от ближнего врага», о чем свидетельствует пример союза Израиля с Соединенными Штатами.

23.11. Враг в качестве друга

«Всякий умеет лишь ненавидеть своего врага, но только не ценить, — пеняет писатель и мыслитель Лю Цзуньюань (773—819). — Всякий зрит доставляемый врагом вред, но только не приносимую им пользу. Имея перед собой шесть вражеских держав, Цинь возилась с ними и оставалась крепкой; стоило уничтожить их, и Цинь одрябла, погибнув вскоре». И действительно, циньская империя, впервые объединившая Китай в единое государство, просуществовала недолго, с 221 по 207 г. до н. э., уступив место династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

Возможно, поэтому следует предупредить от частого прибе-гания к стратагеме 23. Недаром говорит китайская пословица: враг для того, чтобы отвести беду; [отсутствие же врага навлекает ее] («ди-цунь ме-хо, [ди-цую чжао го]»). Уничтожения всех врагов нужно по возможности избегать, как и исключения всякой критики. Ведь еще Бенджамин Франклин (1706—1790), американский писатель, политик и естествоиспытатель, говаривал: «Наши критики — это наши друзья, ибо указывают нам на наши ошибки». А в «Комментариях господина Цзо на *Весны и Осени*» [сокр. «Цзо-чжуань»] сказано: «(только совершенному мудрецу свойственно не иметь забот и вне и внутри себя) если же человек не мудрец и вне его все спокойно, то внутри у него обязательно окажутся причины для сетования» [(«цзи фэй шэн жэнь, вай нин би ю нэй ю»), («Цзо-чжуань», 16-й год правления Чэн-гуна (575 до н. э.), лето, шестая луна)].

Стратагема № 24. Потребовать прохода, чтобы напасть на Го

Четыре иероглифа	假	途	伐	號
Современное китайское чтение	Цзя	ту	фа	Го
Перевод каждого иероглифа	Заемствовать	путь	напасть	Го
Связный перевод	Потребовать прохода, чтобы напасть на Го			
Сущность	1. а) Просить удел Юй предоставить проход для нападения на граничащий с ним удел Го, однако затем использовать предоставленный проход не только для нападения на Го, но и последующего завоевания самого удела Юй. Стратагема захвата предоставившего проход; б) вынудить кого-то исподволь вырыть себе яму/создать условия для собственной гибели/для осуществления того, что идет вразрез с исходными побуждениями/ для чего-то,			

³²³ «Юань-шуй бу цю цзинь-хо» в значении «помощь далека, а беда близка». — *Прим. пер.*

совершенно отличного от рассчитываемого; протянуть палец, а в итоге лишиться всей руки; в) соблазнить противника некоей целью, чтобы затем привести к совершенно другой, утаиваемой от него цели, о которой он не предполагал; двухступенчатая стратагема; стратагема двух целей. 2. а) Якобы желать только прохода через территорию государства, на самом деле замышляя его захват; б) коварными доводами под благовидным предлогом подбивать вражеское государство допустить на свои земли, чтобы затем его захватить; стратагема сокрытия нападения/захвата

Краткое выражение для стратагемы 24 восходит к военному походу VII в. до н. э. К шести событиям во второй год правления (658 до н. э.) луского государя Си-гуна, о которых сообщает скудая [погодная] летопись *Весны и Осени*, чьим редактором считается Конфуций (551—479), относится следующая запись: «2-й год [Си-гуна]... Юйское [удел (княжество) Юй находился в южной части нынешней провинции Шаньси, около р. Хуанхэ, в уезде Пинлу, к востоку от города Пучжоу] войско и цзинское [удел (царство) Цзинь находился в юго-западной части нынешней пров. Шаньси] войско окончательно покорили Ся-ян» [эта местность и город принадлежали уделу (царству) Го и находились на территории нынешней пров. Шаньси на севере уезда Пинлу]» [«Конфуциева летопись *Чуньцю* — Весны и Осени». Пер. с кит. Н. Монастырева. М.: Наука, 1999, с. 28 (переиздание книги 1876 года)]. Здесь впервые в летописи *Весны и Осени*, начинающейся с 722 до н. э., упоминается удел Цзинь. Приведенная запись относится к первому походу задуманной Цзинь в рамках стратагемного плана войны. Тремя годами позже последовал второй успешный поход. Своими двумя военными походами удел Цзинь заложил основу своему дальнейшему могуществу. Подробности разыгравшейся двухактной военной драмы сообщает *Цзо-чжуань*, комментарий к *Веснам и Осеням*, который приписывают Цзо Цюмину, историографу владения Лу, современнику Конфуция, но который, по всей видимости, составлен в начале эпохи Сражающихся царств (475—221) и содержит описание 492 войн на временном отрезке в 260 лет.

24.1. [Если] губы погибнут, [то и] зубы замерзнут

В 658 г. до н. э. сановник Сюнь Си [ум. 650 до н. э.] обратился к своему повелителю, цзиньскому государю Сянь-гуну (правил 676—651) со следующими словами: «Прошу вашего разрешения преподнести юйскому правителю яшму из Чуйцзи и упряжку лошадей из Цюй [цзиньский город и удел на границе с инородным племенем ди], дабы испросить у него позволения пройти через его владения». Гун возразил: «Но ведь яшма из Чуйцзи — достояние моего рода, а цюйские лошади — самые быстрые мои скакуны. Что делать, коли он примет мои дары, а прохода не даст?» Сюнь Си ответил: «Раз он не даст нам прохода, то и не осмелится принять наших даров. А коли возьмет наши дары и даст проход через свои владения, будет то же самое, как если бы мы взяли яшму из внутренней своей сокровищницы да поместили ее во внешнюю, а лошадей перевели бы из внутренних конюшен во внешние. Посему не беспокойтесь, мой государь». — «Но ведь у юйского правителя есть советник Гун Чжици!» — «Гун Чжици робок, ему не убедить своего правителя. Тем паче они выросли вместе при дворе, так что из-за близости у юйского правителя нет должного почтения к Гун Чжици. Как бы ни увещевал тот его, юйский правитель не станет слушать».

Засим цзиньский Сянь-гун поручает своему сановнику просить у Юй прохода для нападения на Го. Сюнь Си передает юйскому правителю дары, сопровождая следующим посланием: «Некогда царство Цзи уклонилось от праведного пути (дао). Оно вторглось в вашу область Дяньлин [в 50 км к северо-востоку от Пинлу] и пошло на приступ трех врат города Мин [на территории нынешней ирон. Шаньси]. Тогда ваше княжество доблестно сопротивлялось, нанеся поражение Цзи. Сие произошло благодаря сугубо вашей решимости. И вот ныне уклонилось от праведного пути царство Го (в пределах нынешнего уезда Шань провинции Хэнань). Оно возводит пограничные укрепления для нападения на южные области нашей державы. Осмелюсь посему просить вас дать нам проход, дабы покарать Го». Юйский правитель принял дары, предоставил проход и даже вызвался первым ударить по Го. Его советник Гун Чжици стал было того отговаривать, но правитель не послушался. Засим юйский правитель собрал свое войско. Летом цзиньские сановники Ли Кэ и Сюнь Си объединили свою армию с юйским войском, совместно напали на царство Го и захватили Ся-ян, бывшую столицу Го, стратегически важный пункт на южной границе княжества Юй.

Тремя годами позже, в 655 г. до н. э., цзиньский государь Сянь-гун вновь попросил юйского правителя предоставить ему проход для нападения на Го. Гун Чжици, увещевая своего правителя, сказал: «Их нельзя пропускать. Царство Го представляет собой внешний защитный вал для Юй. За гибелью Го придет черед и Юй. Нельзя открывать двери настежь для Цзинь. Нельзя заигрывать с разбойниками. Одного раза вполне достаточно. Пословица гласит: повозка и колеса столь же нужны друг другу, как губы и зубы. Стоит погибнуть губам, и зубы замерзнут. Эта пословица о Юй с Го. Сила Юй и Го — во взаимной поддержке. Если дать цзиньцам дорогу, Го погибнет утром, а Юй вечером. Надеюсь, что вы отклоните просьбу». Юйский правитель возразил: «У правителей Цзинь и Юй — общие предки. Как Цзинь может навредить нам? Вдобавок я постоянно устраиваю богатые жертвоприношения, боги меня поддержат». Гун Чжици показал несостоятельность всех отговорок, но юйский правитель не внял его увещеваниям, дав проход

царству Цзинь для нападения на Го. Тогда Гун Чжици пророчески заметил: «Юй падет еще до зимнего жертвоприношения. И случится это при нынешнем походе Цзинь. Цзинь даже не понадобится братья второй раз за оружие». В восьмой месяц осадил цзиньский правитель Шанъян столицу Го, а в первый день двенадцатого месяца завоевал удел Го. На обратном пути цзинское войско стало лагерем в Юй, внезапно напало на Юй и захватило его одним махом. Сюнь Си забрал скакунов с яшмой и, возвращая их Сянь-гуну, довольно заметил: «Яшма все та же, только вот у коней зубы стали больше»³²⁴.

В истории замысла и исполнения стратагема Сюнь Си, советником цзиньского государя, бросаются в глаза два последовательно совершенных шага. Сначала Сюнь Си дорогими подношениями и ладно скроенной речью сумел вбить клин между княжеством Юй и граничащим с ним царством Го (стратагема 33). Жадный и беспечный юйский правитель не только дал проход войску Цзинь для нападения на Го, но и поддержал его собственным войском. Последовавший затем первый поход Сюнь Си направил исключительно на борьбу с Го. На данном этапе проведения стратагема княжество Юй оставили в покое. Та часть стратагема, которую Сюнь Си припас для Юй, еще не проявлена. Напротив, на данной стадии Сюнь Си прилагает все усилия, чтобы завоевать и укрепить доверие юйского правителя.

То, что уже тогда Сюнь Си заглядывал в будущее, а его использование стратагема носило не только тактический, но и стратегический характер, подтверждает то обстоятельство, что в разговоре, который он вел с цзиньским государем Сянь-гуну до начала первого похода, он дал понять тому, что вернет подносимые юйскому правителю дары. Через три года за первым шагом последовал второй. Почему пришлось повременить со вторым походом, если первый был столь успешен? Потому, что на этот раз Сюнь Си раскрывает свои карты. Оказавшееся беззащитным из-за доверчивости своего правителя княжество Юй дается легко завоевать.

Проводник *A* стратагема 24 преследует две цели. Первая — промежуточная, вторая — конечная. Промежуточная цель служит мостками для конечной цели. Конечной цели проводник *A* может достигнуть лишь посредством промежуточной цели, а ее в свою очередь — с помощью своего противника *B*. Первая цель предстает для противника *B* важной и понятной, отчего тот и не подозревает, что *A* может преследовать совсем иную цель. Таким образом, усилиями *A*, обращаясь к нему за помощью, *B* вовлекается в дело. На первом этапе, когда достигают промежуточной цели, *B* выходит сухим из воды. И лишь на второй стадии проведения в жизнь стратагема *B* оказывается ее жертвой.

История об испрошенном проходе для завоевания Го донныне имеет в Китае большое хождение. Издающийся в Пекине журнал *Чжунго цзяньшэ* (*Китай на стройке*, октябрь, 1981 г. [с 1990 г. переименованный в *Китай сегодня* (Цзиньжи Чжунго)]) приводит ее с рисунками, как и выпускаемый государственным отделом печати Тайваня иллюстрированный ежемесячный [двуязычный] журнал *Sinorama* (кит. *Гуанхуа*). Тайбэй, октябрь 1996). В обоих случаях выделена одна из частей выражения: «[если] губы погибнут, [то и] зубы замерзнут» («чунь-ван чи-хань»). Этот фразеологизм подчеркивает тесную связь между двумя соседними странами и служит в китайской литературе по стратагемам предостережением от льстивых речей проводников стратагема 24.

Свой устоявшийся вид выражение для стратагема 24 приобретает примерно 800 лет назад. "Он одолжил у Юй проход для уничтожения Го», — так начинается стихотворение, в котором Ван Юаньлян (1241 — после 1317) воспеваает двух старых игроков в облавные шашки и осведомленность в уловках победителя. В связи с военным искусством ее использует чиновник и писатель Ян Шэнь (1488—1559), прошедший последние годы в изгнании в Юньнани (на юго-западе Китая), в своем «Описании гор и рек Юньнани». Ян Шэнь рассказывает, как правителя Дали (на территории нынешнего Далийского автономного округа народа бай, провинция Юньнань) один из враждебных властителей, подвергшийся нападению, просил о подмоге. В ответном послании правитель Дали уличает своего адресата в том, что он попросту замыслил «заимствовать проход для нападения на Го», иначе говоря, посредством далийских войск сначала отбить нападение, чтобы затем, усилившись, захватить оставшийся в одиночестве Дали.

В связи с политическими событиями ученик [дословно «приживала» («мзнькэ»)] Ван Шичжэня (1526—1590) приводит выражение стратагема 24 в своей пьесе «Поющий феникс» [«Мин фэн ши»]. Строго придерживаясь исторической правды, он описывает борьбу восьми верноподданных сановников с канцлером [дасюэши] Янь Супом (1480—1567) (см. 31.16). На протяжении 20 лет Янь Сун управлял по своему усмотрению государственными делами, которые забросил неспособный, ударившийся в даосизм император [Цзяцзин (правил 1521 — 1566 гг.)]. Среди прочего, Янь Сун не дал решительного отпора ни набегам татар на севере, ни японским пиратам [воку] на юге. После того, как Янь Сун предал казни якобы

³²⁴ См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 5, гл. 31 и 39. — *Прим. пер.*

за издевательство цензора Ся Яня (1482 — 1548), который взялся вернуть отданные татарам земли Хэао (в нынешнем автономном районе Внутренняя Монголия), первым дал выход своему недовольству управляющий императорских конюшен [цзюй-цзя-сы] военного приказа [бинбу] Ян Цзишэн (1516—1555). С прошением, направленным не против самого Янь Суна, а против его сообщника Цю Луаня (ум. 1552), он отправился ко двору. Свое прошение Ян Цзишэн должен передать лично Янь Суну, чтобы тот вручил его императору, поскольку он единственный из сановников допущен к нему. По пути к Янь Суну Ян Цзишэн рассказывает о причине, побудившей его написать направленное против сообщника Янь Суна прошение: «Тем самым я поставлю в известность Янь Суна о своей стратагеме «дать проход для нападения на Го» и поубавлю ему властолюбия».

Согласно расчетам Ян Цзишэна Янь Сун, прежде чем передать прошение императору, должен прочитать его, испугаться ожидающей его в будущем участи и образумиться. Он скажет себе, что после того, как переданное с помощью Янь Суна прошение возымеет действие, Ян Цзишэн направит императору второе такое же прошение, но уже против него, Янь Суна, если он, Янь Сун, не отступится от старого. Подобные рассуждения, перекликающиеся в некоторой степени со стратагемой 13, оказываются наивными. Янь Сун повелевает убить Ян Цзишэна. Затем остальные четыре министра составляют направленные против Янь Суна прошения на высочайшее имя. Однако за свое мужество и они расплачиваются жизнью. И лишь цензору Цзоу Инлуну и другим удается в дальнейшем лишиться Янь Суна должности и звания. Об одном, особо запоминающемся использовании стратагемы 24 в литературном произведении минской эпохи (1368—1644) пойдет речь в разделе 24.9.

24.2. Бисмарк воюет в союзе с Австрией [датская война 1864 года] и против нее [австро-прусская война 1866 года]

Использование стратагемы 24 Сунь Си, советником цзинь-ского государя, Цзинь Вэнь сравнивает с поведением «прусского железного канцлера Бисмарка» («Прием дипломатии — обходной путь», шестая статья серии очерков «Стратегия в дипломатии». *Всемирное знание* (Шицзе чжиши хуабао). Пекин, № 18, 1990, с. 27). Бисмарку вначале удалось побудить Австрию, соперника Пруссии в Германском союзе, участвовать в 1864 г. в оказавшейся успешной и принесшей значительные приобретения Пруссии военной кампании против Дании. Герцогства Шлезвиг и Гольштейн отходили от Дании, переходя под совместное управление Австрии и Пруссии. Согласно Гаштейнской конвенции от 14 августа 1865 г. Шлезвиг оказался под властью Пруссии, а Гольштейн под властью Австрии. Едва Пруссия добилась благодаря Австрии совместной победы, «как Бисмарк вновь двигает войска и изгоняет Австрию из Гольштейна», пишет Цзинь Вэнь. В итоге прусско-австрийской войны 1866 г. к Пруссии отошло не только герцогство Гольштейн, но и исчез Германский союз, из-за чего Австрия, как член этого союза представлявшая ведущую силу в Германии, оказалась вытесненной за ее пределы, а Пруссия заняла там господствующее положение.

24.3. Прыгнуть тигром, а приземлиться подстилкой

Крупнейшие европейские страны вступали на сцену XX века могущественными державами. В 1900 г. они заняли Пекин — войска раскинувшейся на четверти земного шара Британской империи, «величайшей из всех мировых держав» (*Штигель*. Гамбург, № 47, 1998, с. 159), где не заходило солнце, «пятой части планеты с четвертью ее населения», состоящей из «шестисот земель, совокупно в сотню раз превосходящих метрополию» (*Штигель*. Гамбург, № 47, 1998, с. 161), войска раскинувшейся на 11 млн. кв. км мировой французской державы, войска Австро-Венгерской и Германской империи, а также итальянской монархии, совместно с союзниками из США, России и Японии для подавления Боксерского [иначе Ихэтуаньского] восстания. В 1900 г. победоносно завершили европейские державы войну в Китае под верховным командованием немцев.

В «Заключительном протоколе» от 7 сентября 1901 г. победители обязали Китай уплатить контрибуцию в сумме 450 млн. таэлей [а с процентами до 1940 г. — 982 млн. таэлей (1,5 млрд. золотых рублей), запретить в течение 2—4 лет ввоз оружия и боеприпасов, срыть форты в Дагу близ Тяньцзиня и предоставить державам право оккупации 12 пунктов от побережья к Пекину, допустить постоянную военную охрану в посольский квартал], а еще направить в Германию посла для заключения мира [принца Чуня (1883—1951), имя Цзайфэн].

Ну, а как обстоят дела в конце XX века? «Безучастное взирание на геноцид в Руанде и резню [мусульман] в [боснийской] Сребренице стало каиновой печатью для Евросоюза» (*Цайт*. Гамбург, 19-11.1998, с. 12). «Европейцы не в состоянии в вопросах безопасности и внешней политики своевременно выработать общие подходы» («НАТО вне контроля». *Tages-anzeiger*. Цюрих, 31.10.1998, с. 5). «Стоило Европе попытаться собственными силами остановить кровопролитие на Балканах, как все кончилось крахом» (Чарльз Э. Купчая (Kurchan), «От примирения к сотрудничеству: Америка, Европа и североатлантическая безопасность»,

Internationale Politik. Бонн, № 7, июль, 1998, с. 23). «Власти и жители сожалеют о беспомощности Европы на Балканах» (Клаус Хенш (Hänsch), заместитель председателя фракции Конгресса социал-демократических партий Европы /СПЕ/ в Европарламенте: *Focus*. Мюнхен, № 36, 1998, с. 80). «Европа взирает, как сербы отрезают себе лучший кусок Косова, производя этническую чистку» (*Вельтвохе*. Цюрих, 20.08.1998, с. 9) и с нетерпением ожидает, чтобы США вновь показали «свою ведущую роль в Европе» («Молодец на Балканах: воспоминания Ричарда Холбрука о том, как были достигнуты мирные соглашения в Боснии». *Шпигель*. Гамбург, № 23, 1998, с. 162). «В Косове состоялось совместное выступление. При этом Америке пришлось взвалить на себя бремя лидерства» («Ричард Холбрук, американский посредник на Балканах». *Цайт*. Гамбург, 5.11.1998, с. 13). Иначе говоря, для Европы справедливы слова: «Все пути ведут в Вашингтон» (Михаэль Вольфсон (Wolffsohn): *Бильд*. Гамбург, 30.07.1996, с. 2). Особенно это касается поблекшей сверхдержавы Англии, которой на исходе тысячелетия приходится мириться с прозвищем «европейской собачки Америки» (Тео Зоммер (Sommer). «Вьстрелы в никуда». *Цайт*. Гамбург, 22.12.1998, с. 1; «Британское одобрение курса Блэра в Косове; решительный моральный лидер или «собачонка Клинтона»: *Новая цюрихская газета*, 24.04.1999, с. 3). Кто слушал главу Либерально-демократической партии Великобритании Падди Ашдауна (Ashdown), «страстного сторонника Евросоюза и евро», который в своей заключительной речи на ежегодном съезде своей партии 24 сентября 1998 г. в Брайтоне, речи, исполненной «страсти и искренности», призывал Евросоюз «стать, наконец, дееспособным на внешнеполитической арене». «Евросоюз наводнил страны-участницы нелепыми указаниями, касающимися мелочных забот зеленщиков и производителей консервов, но стоило заняться пожару в Европе, как некогда в Боснии, а ныне в Косове, Евросоюз оказывается не в состоянии его потушить; он равнодушно выжидает, пока не прибудет Вашингтон с пожарной командой» («Прения по поводу военного вмешательства в Косово»: *Новая цюрихская газета*, 25.09.1998, с. 5).

И действительно: за 79 дней косовской войны (24.03— 10.06.1999) «Соединенным Штатам, как и прежде в Боснии, пришлось взять на себя основную военную нагрузку. Их бомбардировщики совершили наибольшее число вылетов; в брюссельской штаб-квартире НАТО все нити руководства сходились к одному из американских генералов» (Матиас Насс (Nass), «Шоковая терапия»: *Цайт*. Гамбург, 10.06.1999, с. 1). «Кто бомбил Милошевича, пока не вынудил его сдать? Америка. Кто собрал тайные сведения, позволившие представить Милошевича перед судом в Гааге... Америка» (Торстен Крауэль (Krauel). «Кельнский мир»: *Вельт. Берлин*, 11.06.1999, с. 1). «Экономический гигант Евросоюз, превосходящий США по численности населения и совокупному общественному продукту, довольствуется во внешней политике и в деле обеспечения международной безопасности ролью карлика. «Косово показывает, что европейцы не располагают ни вооруженными силами, ни военной техникой для решения входящих в круг их интересов задач», заявляет один немецкий эксперт по вооружениям. Без Америки европейцы не смогли бы «при необходимости помешать государственному перевороту в Андорре или гражданской войне в Монако» (Вольфганг Пройсль (Proissl). «Без плана и без оружия»: *Цайт*. Гамбург, 27.05.1999, с. 6). «Прыгнуть тигром в двадцатый век, чтобы на его исходе приземлиться подстилкой»: не слишком ли сгущаем мы краски, изображая так достижения Европы последних ста лет?

«Вскоре каждое седьмое государство мира станет членом [со временем разросшегося] Евросоюза. На эти страны приходится почти половина мировой торговли и около четверти производства мировой экономики. Европейский внутренний рынок охватывает чуть ли не полмиллиарда жителей» (Вернер Вайден-фельд (Weidenfeld). «Евро и расширение — будущее Евросоюза». *Новая цюрихская газета*, 10.07.1998, с. 5). Однако из-за обозначенных ниже причин организационного порядка «экономического гиганта [можно считать] политическим карликом» (*Цайт*. Гамбург, 19.11.1998, с. 12), «не задающим тона ни в каких международных мирных переговорах и остающимся в тени» (уполномоченная Евросоюза по региональной политике Моника Вульф-Матис (Wulf-Mathies): *Шпигель*. Гамбург, № 34, 1998, с. 128). Всякий раз, когда в Европе назревают какие-то трудности — война в Боснии, конфликт в Македонии, кризис в Северной Ирландии, — европейцы сидят сложа руки и ждут, пока «ведущая держава» (*Новая цюрихская газета*, 12—13.12.1998, с. 1) США утрясет все трудности, не говоря уже о жизненно важной для Европы ближневосточной проблеме. «Европы не существует». Как дошло до подобного упадка, которого не смогло остановить создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евросоюза с его «безуспешными попытками вести общую внешнюю и связанную с обеспечением международной безопасности политику» («Преодоление кризиса — зачем?» *Новая цюрихская газета*, 17—18.10.1998, с. 1)? Возможно, предлагаемый ниже ироничный, нисколько не претендующий на серьезность взгляд на судьбу Европы в XX веке с точки зрения стратега 24 мог бы прояснить положение. Тогда при всех условностях США отводится роль владения Цзинь, Англии с Францией — удела Юй, а Германии — удела Го.

В 1819 г. США — по словам американского президента Эндрю Джэксона (1767—1845), «страна с дарованной Всевышним судьбой, которой позавидовали бы Греция и Рим времен своей славы» (*Новая цюрихская газета*, 21.09.1998, с. 7), — отвоевали у Испании Флориду. Присоединение Техаса в 1845 г. вызвало мексиканскую войну, завершившуюся передачей США земель севернее Рио-Гранде — трети всей территории Мексики. Экспансия США определялась национальным самосознанием, нашедшим свое

выражение в направленной против европейских притязаний на Западное полушарие доктрине Монро и в убеждении в «предназначении» США утвердить свое государственное устройство на всем северном континенте. Расширение США — к 1850 г. в их состав были включены 18 новых штатов, и лишь за промежутков с 1845 по 1849 гг. территория страны увеличилась на треть — сопровождалось этнической чисткой в виде насильственного изгнания индейцев с земель, лежащих к востоку от Миссисипи. Подчинив себе апачей (1886) и сиу (1890), США положили конец сопротивлению индейцев.

С 1880-х гг. внешняя политика США проходила под знаком усиленной экономической экспансии, подкрепляемой находящим все больший отклик имперским мышлением. Свое выражение она нашла в захвате Гавайев (1887—1898) и Самоа (1899), на которые распространялась доктрина Монро. Своей победой в испано-американской войне 1898 г., утвердившей господство США в Карибском бассейне и приведшей к образованию американской колониальной державы (Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам), США заложили основу своего мирового господства. В 1902—1903 гг. США вторглись в Венесуэлу, в 1904 г. захватили — вопреки международному праву — зону Панамского канала.

Когда началась Первая мировая война, США придерживались нейтралитета. Однако затем европейские противники Германии и Австро-Венгрии обратились за помощью к США. Впервые в мировой истории американские войска вторглись в Европу с разрешения или даже по просьбе Англии и Франции. «Ведь в 1918 г., за исключением значительно позже появившихся американцев, новоявленные победители были столь же измотаны, как и побежденные немцы» (Христиан Мюллер (Müller). «Франция в память о «Grande Guerre». *Новая цюрихская газета*, 24.09.1998, с. 5). «Летом 1918 г. американский экспедиционный корпус почти из двух миллионов человек под началом Джона Джозефа Першинга (1860—1948) существенно повлиял на исход войны во Франции» (*Энциклопедия Брокгауз* (Brockhaus). В 24 тт. 23-й том. Мангейм, 1994, с. 179). «Уже в 1915 г. финансовое влияние США было ощутимым, а в переломный 1918 г. ее армии покончили с неопределенностью на Западном фронте» (*Шпигель*. Гамбург, № 46, 1998, с. 171). Без американской помощи Первая мировая война вряд ли завершилась бы столь очевидной победой Англии и Франции и таким унижительным для Германии миром, «в действительности самым настоящим диктатом» (Мартин Вальзер (Waiser): *Шпигель*. Гамбург, 345, 1998, с. 48), который «унижал Германию... Мирный договор уже содержал в себе ростки второй, еще более ужасной катастрофы» («1914—1918 — первая часть великой бойни». *Tages-Anzeiger*. Цюрих, 11.11.1988, с. 2). Все это отдаленно напоминает первый поход Цзинь (США) с Юй (Англия и Франция) против Го (Германия и Австро-Венгрия). Опять же, по китайскому образцу США после окончания Первой мировой войны вывели свои войска из Европы. Они не вступили в Лигу наций, следуя своей изоляционистской политике.

Во Второй мировой войне Великобритания (Юй) после военных успехов Германии (Го) согласилась на американскую помощь. США (Цзинь), как показали дальнейшие события, предстали «решающей силой в войне» (*Брокгауз*, с. 180) и взяли на себя ведущую роль в создании противостоящего державам «оси» союза. Первоочередная цель США состояла в разгроме Германии (Го). С осени 1942 г. США начали вести сухопутные военные действия в Северной Африке и Италии, а после вторжения в Нормандии 6 июня 1944 г. — и на французской земле (Юй). При всем восхвалении заслуг США во Второй мировой войне нельзя обойти молчанием несомненно столь же ведущую роль союзника США Иосифа Сталина, «величайшего палача в истории человечества» (*Новая цюрихская газета*, 26.06.1998, с. 45). Благодаря его помощи США удалось применить против Германии стратегию 22. «США — единственная держава, которая вышла из Второй мировой войны еще более окрепшей экономически» (*Брокгауз*, стр. 180). На этот раз США — подобно Цзинь после второго военного похода 665 г. до н. э. — не вывела из Европы свои части. «Среди крайне истощенных и измученных стран только США оказались достаточно крепкими для денежных вливаний в послевоенное строительство» (*Шпигель*. Гамбург, № 46 1998, с. 172).

Для защиты от Советского Союза был создан блок НАТО, так как европейские «страны-победительницы» оказались столь ослабленными, что в одиночку не могли противостоять новому врагу на Востоке. Тем самым, в том числе и вследствие дважды оказанной Соединенными Штатами по просьбе влиятельнейших европейских стран военной помощи, в Первой мировой войне, а затем и Второй мировой войне не стало самостоятельных, самолично справляющихся со своими трудностями европейских государств. Не только Го (Германия), но в итоге и Юй (Франция с Англией и другие страны Западной Европы) оказались под крылышком «заправляющей делами НАТО Америкой» (*Шпигель*. Гамбург, № 43, 1998, с. 198). В ходе расширения НАТО на восток США размахистым шагом двигаются теперь в сторону Центральной и Восточной Европы, не говоря уже о планах НАТО утвердить свое присутствие повсюду в мире, «чего и желает мировой жандарм США» (*Шпигель*. Гамбург, № 49, 1998, с. 88). Очевидно, что НАТО стремится «утвердить единоличное право распоряжаться в мире вместо ООН» («Мы стоим перед выбором»: заместитель министра иностранных дел Германии от партии «зеленых» Людгер Фольмер (Volmer) о косовском кризисе и немецком согласии на вмешательство США». *Шпигель*. Гамбург, № 43, 1998, с. 31; беседа с немецким министром иностранных дел Йойшкой Фишером: «НАТО непременно следует проявлять самостоятельность в своих действиях». *Зюддойче Цайтунг*. Мюнхен, 27.11.1998, с. 1). «Европа, пожалуй,

низводится до положения тактического подручного средства, передаточного звена американских интересов, которые тяжелой поступью заявляют о себе в Евро-Азиатском регионе... Наблюдается не столько взаимопроникновение внутри трансатлантического союза, сколько полонение американцами Европы» (Христиан Хаке (Häcke), профессор по международным отношениям в Гамбургском университете бундесвера: *Tages-Angezeiger*. Цюрих, 31.10.1998, с. 2). Стоило бывшему советнику президента США по национальной безопасности Збигневу Бжезинскому на встрече в Вене ведущих политиков и известных интеллектуалов из Западной и Восточной Европы, а также США заговорить о мировом «американском могуществе» и о «протекторате Европы по милости Америки», на него обрушились с критикой. «Однако по существу возразить на его слова было нечем» («Сила Европы и власть Америки». *Новая цюрихская газета*. 29-06.1999, с. 5).

Я совсем не утверждаю, что США с начала XX в. преследовали в отношении Европы, «которая столь долго по-ребячески обагряла кровью руки» (Эрнст Мориц Арндт (Arndt, 1769—1860): *Цайт*. Гамбург, 26.11.1998, с. 44) стратегию по типу стратагемы 24. Но все же поразительны — возможно, внешние — совпадения между связанной со стратагемой 24 китайской историей и американско-европейскими событиями спустя 25 столетий. В весьма обобщенном смысле США с присущим им представлением о своем особом предназначении, пожалуй, были предрасположены к утверждению своей власти в Европе. Это не скрывал американский президент Ф.Д. Рузвельт (у власти в 1933—1945), «ратуя за деятельное отстаивание распространяемых на весь мир американских интересов» (*Брокгауз*, с. 180). С другой стороны, европейские политики, позволившие американцам дважды высадиться в Европе, едва ли думали о том, что случится в итоге, и вряд ли этого желали. Они оказались «обмануты» ходом истории или по меньшей мере застигнуты им врасплох.

В знаменитой речи в стенах Цюрихского университета 19 сентября 1946 г. Уинстон Черчилль (1874—1965) дал свое видение будущего Европы, оказавшееся далеким от наступившей затем действительности. Черчилль в этой речи исходил из того, что сохранится Британская империя, которой вместе с объединенной континентальной Европой предстоит сотрудничать, с одной стороны, с США, а с другой — с Советским Союзом (см. 25.3). О том, что через несколько лет после произнесенной им речи Англия вместе с другими европейскими странами окажется в подчинении США, Уинстон Черчилль и не предполагал. А ведь Черчилль, несомненно, был одним из умнейших и даль-новиднейших политиков Европы! С одной небольшой оговоркой: он был сугубо европейцем, а ведь известно, что европейцы «не привыкли думать в понятиях мировой политики» (Вернер Вайденфельд (Weidenfeld). *Новая цюрихская газета*, 10.07.1998, с. 5). С точки зрения Вашингтона Черчилль во Второй мировой войне проводил «классическую британскую политику поддержания равновесия, которую согласно представлениям Рузвельта следовало, наконец, преодолеть. Мировая держава Америка должна была поправить подобные, служащие нежелательному для нее сохранению британской колониальной империи соображения... В победоносной войне против гитлеровской Германии Англия поразительным образом лишилась того положения, которое требовалось для создания силы, способной противостоять рвущемуся к мировому господству диктатору XX века [Сталину]» («День Страшного суда и «холодная война»: Потсдамская конференция «большой тройки» пятьдесят лет назад». *Новая цюрихская газета*, 15—16.07.1995, с. 9). Итак, «ведущая держава Америка» (*Вельтвохе*. Цюрих, 26.06.1997, с. 15) была вынуждена заполнить западноевропейский вакуум власти, возникший после распада европейских империй. Ведь не только до, но и после 1945 года оставался верен риторический вопрос: «Как сложился бы ход европейской истории в XX столетии, если бы не деятельное вмешательство США?» (*Цайт*. Гамбург, 29.04.1998, с. 36).

Чем больше признательности Америке слышится в этих строках, тем более разяще звучит содержащийся в них подспудно приговор нравственности, интеллектуализму и политической мудрости Европы. Их слабость привела к тому, что Европа, сходным, если не худшим образом, не смогла сплотиться, как некогда случилось с Юй и Го, и, разумеется, на свой лад Европа пережила то же, что и эти два древних государства. И так, «Америка дважды спасала Европу от ее собственной недееспособности» (*Новая цюрихская газета*, 9.10.1998, с. 73). Почти во всех отношениях в Европе после окончания Второй мировой войны главенствовали США, которых негоже упрекать, что они, в отличие от европейцев, сравнительно разумно и взвешенно и к тому же успешно отстаивали свои национальные интересы, которые, естественно, являлись для американцев первоочередными интересами всего человечества. «Уже не в первый раз США пренебрегают международным правом и «в национальных интересах» прибегают к карательным мерам» (*Tages-Angezeiger*. Цюрих, 31.10.1998, с. 5); «Америка защищает себя и свои интересы еще и активными действиями вроде ракетных ударов в прошедшие недели [против оплотов террористов в Судане и Афганистане]. Мы, как всегда, стараемся по возможности сотрудничать с нашими друзьями в мире. Но в случае необходимости мы будем действовать и самостоятельно» (Уильям С. Коэн, министр обороны США. «Мы сумеем постоять за себя». *Цайт*. Гамбург, 27.08.1998, с. 13). «При необходимости единственно верным [!] оказывается придерживаться американского взгляда и принятого у нас [в Америке] подхода, сколь бы непопулярным он ни был» («Продолжение американских воздушных налетов на Ирак». *Новая цюрихская газета*, 18.12.1998, с. 1). Не заметили ли европейцы, бахвалящиеся «концом национальных государств»,

такой мелочи, что все они скопом лежат под капельницей подмявшего под себя даже ООН, возвышающегося над всем миром безраздельного суверенитета национального государства США?

«Европейцы все еще муссируют вопрос о том, каковы их отношения друг с другом» (Джон Корнблум, посол США в Бонне: *Цайт*. Гамбург, 19.11.1998, с. 12), и «вступают в спор, стоит им только коснуться чего-то конкретного» (министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер: *Цайт*. Гамбург, 12.11.1998, с. 4). Извечным, глубоко укоренившимся соперничеством европейцев между собой (см. 33.15), которое продолжается и в Евросоюзе и которое можно легко разжечь посредством страгемы раздора 33, а не какими-то темными происками американцев объясняется господство США в Европе, через которое они осуществляют военное верховное командование — в рамках НАТО, являющегося стыдливым эвфемизмом слова «США». «Присутствие Северной Америки в Европе помогает европейцам... ладить друг с другом», — поясняет Михаэль Рюле (Rühle), руководитель сектора разработки политики и составления речей (Policy Planning and Speech Writing Section) в отделе политического планирования (Political Affairs Division) НАТО, Брюссель (*Новая цюрихская газета*, 25—26.07.1998, с. 11). Иначе говоря, если выражаться совсем просто, без руководства США в Европе некоторые властолюбивые государства подобно диким волкам вцепились бы друг другу в горло. «Особенно Великобритания придерживается мнения, что уравнивания Германии не добиться одним Евросоюзом и поэтому Вашингтон остается неременным рычагом такого уравнивания» (Вернер Линк (Link). «Равновесие и господство». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 19.09.1997, с. 13). Хотя многих храбрых забияк могла избрать в вожди Европа, но личностей уровня Линь Сянжу (см. 33.17) ей встречать не приходилось, по крайней мере в XX веке.

С населением более чем в два раза превышающим численность Евросоюза даже после задуманного его сверхрасширения Китай сумел самостоятельно преодолеть собственные внутренние противоречия и обошелся без постоянного уравнивающего вмешательства сторонней ведущей силы. «Китай не дал связать себя в отношении обеспечения своей безопасности... он выступает как настаивающий на своей независимости актер» (Курт Гастайгер (Gasteuiger), «В поисках безопасности: взгляд Восточно-Центральной Европы на НАТО — самостоятельная поступь Китая», *Новая цюрихская газета*, 28.08.1998, с. 39). В противоположность этому в вопросах обеспечения безопасности и проведения внешней политики даже, как свидетельствуют вышеприведенные высказывания, во внутриевропейских делах для любого современного европейца палочкой-выручалочкой служит понятие «руководство». Европейцы нуждаются в «руководстве», а именно со стороны США. Любого рода вопросы, касающиеся будущности Европы, для подавляющего числа европейских политиков не видятся без «ведущей западной державы» (Михаэль Штюмер (Stürmer): *Новая цюрихская газета*, 28.08.1998, с. 5) США. «Руководство» США, похоже, является присно и во веки веков краеугольным камнем европейского политического мышления, причем «понимание европейской безопасности и обороноспособности» и в XXI в. «будет определяться тем, прилагает ли НАТО — а стало быть, США — для этого усилия» («Сохранение некоторой неуверенности»: беседа с председателем военного комитета НАТО. *Новая цюрихская газета*, 27.04.1999, с. 9). Ну, а если порой из «руководства» США выходит «диктат мировой державы» (Заголовок передовицы в [швейцарском еженедельнике] *Facts*. Цюрих, 20.08.1998), то Европа как примерная дочь терпеливо, хоть и ворча втайне, все это сносит. Только вот Франция, «средней руки великая держава вроде Великобритании и Германии» (Рудольф Аугштайн (Augstein): *Шпигель*. Гамбург, № 41, 1998, с. 24), со своей «неизбывной потребностью выказывать и испытывать национальное величие» (*Tages-Anzeiger*. Цюрих, 5.05.1998, с. 5) то и дело дует, однако благодаря осознанию того, насколько потребно руководство США в Европе, «вызванные уязвленным самолюбием трения [между Францией и США] никогда не приводили к непоправимому разрыву» (Гельмут Шмидт. «Не обойтись без Парижа». *Цайт*. Гамбург, 20.12.1996, с. 1). «Даже боснийская война могла еще долгие годы тлеть у собственного порога, если бы под руководством Вашингтона не перешли к решительным мерам» (Стефан Бирлинг (Bierling), «Америка направляет: Европа плетется следом?» *Internationale Politik*. Бонн, № 2, февраль 1998, с. 16).

Любой благоразумный европеец поспешно поддакнет американцам относительно того, «сколь важно сохраняющееся американское влияние для поддержания на приемлемом уровне международной безопасности и общего благосостояния» (Роберт Каган (Kagan), «Благо для мира: лишь господство Америки обеспечит минимум стабильности». *Цайт*. Гамбург, 9.07.1998, с. 11). Кто не кивнет, соглашаясь, что, мол, «хоть и укоряют беспрестанно Америку в заносчивости, однако кто еще, помимо единственно оставшейся сверхдержавы, обеспечит в мире стабильность и благополучие?» (Роберт Д. Каплан (Kaplan): *Вельтвохе*. Цюрих, 6.08.1998, с. 11) или «Америка и в дальнейшем будет необходима для благополучия Европы» (*Новая цюрихская газета*, 16—17.05.1998, с. 3). И так каждый раз, содрогаясь при одной только мысли о возможном уходе США из Европы и дальнейшем сиротстве Европы, европейцы всякий раз с облегчением и радостью вздыхают, убеждаясь, что находящейся «под защитным козырьком США Европе» (заголовок статьи в *Новой цюрихской газете*, 25.05.1998, с. 5) «нет причин жаловаться, что США откажутся ею управлять» (Эрнст-Отто Чемпель (Czempiel), «Возвращение к господству». *Aus Politik und Zeitgeschichte*

[приложение к еженедельнику «Das Parlament»³²⁵]. Бонн, 1996, т. 43, с. 25).

Возвращаясь к стратеминому анализу: европейцы, будучи слепы к хитрости, крайне мало занимались разбором своих эскапад в XX в. на предмет того, какую пользу могли из них извлечь с точки зрения уловок другие страны, вроде США. Так, европейская история XX в. протекала точно по сценарию стратеми 24. И вот на пороге XXI века напрашивается вопрос: «Зачем и почему Европа объединяется?» («В преддверии европейского *Возрождения?*» *Новая цюрихская газета*, 2—3.05.1998, передовица). Чтобы США могли еще более сподручно ею руководить, поскольку, естественно, удобнее отдавать распоряжения брусельской штаб-квартире, нежели сотрудничать с многими отдельными правительствами? Насчет «роли Европы как мировой державы» по причине «собственного несовершенности» («Мировая держава Европа». *Цайт. Гамбург*, 19.11. 1998, с. 1) все же «лучше помолчать» (*Новая цюрихская газета*, там же). «После падения Советского Союза западноевропейские страны судорожно пытаются проявлять большую самостоятельность в мировой политике. После своего фиаско в Боснии, сказывающегося до сих пор, они еще острее ощутили свое политическое и физическое бессилие и зависимость от Америки. Попытки обозначить свою самостоятельность зачастую оканчиваются ничем» («Европа в охваченном глобализацией мире». *Новая цюрихская газета*, 12 — 13.12.1998, передовица).

Что же касается «Америки как ведущей державы и гаранта мирового порядка» (*Новая цюрихская газета*, 13.09.1999, с. 3), то покоится ее «исключительное господствующее положение в мире вовсе не на военной мощи, а в первую очередь на продуманном и искусном использовании политических средств» (*Новая цюрихская газета*, 18—19.07.1998, с. 1). Именно этому умению европейцы покуда не научились у своего государства-управителя, «американского наставника» (*Tages-Anzeiger*. Цюрих, 31.10.1998, с. 2); более того — европейцы за «полвека привыкли в главных вопросах полагаться на американцев» (генерал НАТО в отставке Герд Шмюкле (Schnückle): *Вельтвохе*. Цюрих, 14.09.1995, с. 4).

24.4. Устранить приближенных императора и умертвить Чао Цо

Родственники основателя ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), к началу II в. до н. э. поставленные удельными князьями, с течением времени становились все более независимыми. В дарованных им уделах они повышали налоги, вводили в обращение собственную монету, назначали и смещали чиновников, все более выходя из подчинения императорского двора. И уже близился час их полного отделения и образования независимых от правящего дома владений. Когда император Цзин-ди (правил 157—141) одобрил предложение главного цензора [*Юйшидафу*] Чао Цо (около 200—154 до н. э.) урезать уделы и тем самым ослабить влияние и мощь владетельных князей, то уский правитель стал проводить в жизнь давно вынашиваемый замысел восстания против императора. И вот теперь ему представилась возможность оправдать вооруженное выступление. Он потребовал «чистки императорского окружения и казни Чао Цо». Начался мятеж «семи княжеств».

Когда восставшие двинулись к столице, придворных обуял ужас. Соперники обвинили Чао Цо в том, что он причина этих несчастий. И тогда император повелел его казнить. Мятежников же обещал простить, если те сложат оружие. Но для тех важно было вовсе не устранение Чао Цо. Хотя это и была цель восставших, но цель промежуточная, а не конечная. После гибели Чао Цо восставшие открыто пошли против императора, но через три месяца были разбиты (см. 19.42). Юй Сюэбинь в своей книге *36 стратегем, заново истолкованных и тщательно разобранных* (Пекин, 1993) сравнивает Чао Цо с владением Го, а императорский двор — с владением Юй.

24.5. С воров идти против вора

Господин Ван ехал на автобусе домой. В тот день он получил причитающиеся после нового перерасчета зарплаты деньги, почти 1000 юаней (около 240 марок). Вот жена обрадуется, думал он. Выходя из автобуса, он почувствовал, как кто-то лезет к нему карман. Он поспешно проверил карман, но кошелек улетучился. И тут господин Ван заметил двух взволнованных парней, которые поспешно удалялись.

³²⁵ Федеральное ведомство политического образования (Bundeszentrale für politische Bildung, создано в 1952 г. и является центральным федеральным учреждением в структуре Министерства внутренних дел) издает еженедельную газету «Das Parlament», информирующую на своих страницах о деятельности бундестага и бундесрата, рассказывающую о парламентской жизни Германии, о политических событиях в других странах. — *Прим. пер.*

Господин Вану удалось схватить одного из юнцов, назовем его *A*, тогда как второму, назовем его *B*, удалось скрыться. Господин Ван обратился к парню: «Ты вор. Твой напарник сбежал вместе с кошельком. Но ты попался, и тебе несдобровать. Если же ты приведешь меня к своему напарнику, чтобы я его наказал, то обещаю, что тебе тогда ничего не будет». Молодой воришка стал говорить, что совершает подобное впервые и готов отвести господина к дому *B*, где тот вернет себе кошелек. Так все и произошло. Господин Ван обратился в полицию, которая задержала вора *B*, однако и воришка *A* не избежал заслуженного наказания. Данный пример приводится в наньцинской газете *Вестник услуг [Фуу даобао]* за 6 июля 1996 года в серии очерков «36 стратагем сегодня».

Господин Ван вначале воспользовался помощью вора *A* для поимки вора *B* и возвращения своего кошелька. Затем он вверяет вора *A* им же самим уготованной участи.

24.6. Способ приобрести жилье подешевле

Господин Ван дал объявление в газету о продаже жилья. Его устраивала цена в 50 тыс. долларов. Однако те, кто заинтересовался его предложением, предлагали 30 тыс., 35 тыс. и 40 тыс. долларов. И только хотел было господин Ван повнимательней приглядеться к тем, кто предлагал 40 тыс. долларов, объявился новый покупатель, дающий 45 тыс. долларов, предлагая сразу заплатить 5 тыс. долларов. Такая цена, естественно, устроила господина Вана. Поэтому он отказал остальным и стал ждать окончательного расчета. Однако устроивший его покупатель больше не показывался. Выждав несколько дней, господин Ван не выдержал и позвонил. Ответ его огорошил: оказывается, жена того, с кем он столкнулся, находит цену в 45 тыс. долларов, чрезмерной и уже сыскала жилье подешевле. Нельзя ли еще раз переговорить о цене?

Господин Ван, естественно, был вне себя, но приходилось сдерживаться. Ведь теперь у него был единственный покупатель, а жилье господин Ван хотел побыстрее продать. Ничего не оставалось, как вновь начать торговаться. В конце концов сошлись на цене в 30 тыс. долларов.

Своим привлекательным, но им самим всерьез не принимаемым предложением покупатель вначале обольстил господина Вана, так что тот отказал всем его конкурентам. Итак, под действием покупателя-обольстителя государство Юй (господин Ван) уничтожило государство Го (покупателей-соперников). И теперь покупатель оказывается в выигрыше, поскольку у продавца руки связаны. Покупатель диктует условия продавцу, добываясь нужной для себя цены, — по мнению китайского исследователя стратагем Юй Сюэбиня, это типичный пример использования стратагемы 24.

24.7. Поток западных ценностей погрузит Китай в пучину хаоса

Американская политика в области прав человека и стратегия «дружественного развития» первым делом хотят внушить китайцам, что модель США для Китая значительно лучше режима Коммунистической партии Китая (КПК). Переняв политическую и экономическую модель США, Среднее государство станет, наконец, счастливой, преуспевающей, демократической, свободной страной без продажных чиновников. С верой в такое светлое будущее нападают на коммунистический режим в Китае его критики. Враждебные нынешнему государственному строю китайцы помогают США устранить общего врага, а именно Коммунистическую партию Китая (первый этап стратагемы 24). Но ведь тогда Китай утратит единственную политическую силу, которой мало-мальски удавалось удерживать миллиардный народ. Китай развалится. Воцарится хаос, который сметет и противников нынешнего строя (второй этап стратагемы 24). Прекрасное время, которое сулили после падения КПК, не наступит. У США нет ни экономических возможностей, ни особой заинтересованности в подъеме Китая, так и бросят его посреди дороги. Ведь цели-то своей политики США достигли: на десятки лет устранен серьезный соперник.

Примерно так видится официальным китайским наблюдателям американская политика по поводу прав человека в Китае — как раз в разрезе стратагемы 24. Иного прочтения следующие строки тросто не допускают: «США заботят не права китайцев, а... то, как бы расшатать стабильность Китая и помешать его развитию» (*Пекинское обозрение*. Пекин, № 16, 16.04.1996, с. 13; см. также Введение, § 17 и 19.38).

24.8. Как юная Линьлинь обвела вокруг пальца отца

Шестнадцатилетняя Линьлинь любила полакомиться в «Макдоналдсе». Было воскресенье. За эту неделю она уже дважды посетила западную закусочную, а это стоило изрядной суммы. Так что если она попросит сейчас денег у отца, тот ей откажет. После завтрака дочь говорит ему: «Нынче 16 июня, отцовский день. Я желаю тебе чудесного праздника». И когда отец радостно прищурился, она тихо спросила: «Папа, а ты не

хотел бы сегодня сходить в «Макдоналдс»?» Отец кивнул, после чего Линьлинь, поймав его на слове, сказала: «Тогда я приглашаю тебя. Только вот у меня нет денег. Пойдем к маме и попросим у нее». Отец, будучи под каблуком у жены, замылся. Но Линьлинь все наседали: «Папа, я знаю, ты не располагаешь деньгами. В обычный день ты не можешь позволить себе купить чего-то вкусенького. Так отчего же не воспользоваться нынешним праздником и не ввести в расходы маму?» Эти слова, наконец, расшевелили отца, и они вдвоем решительно направились к маме просить денег. Мать дорожила каждой копейкой в семье. Но и она смягчилась, увидев, что в дочери заговорила детская любовь и ей хочется устроить отцу праздник. И они втроем отправились в «Макдоналдс».

Вечером мать отправилась в гости к соседям. Линьлинь не преминула воспользоваться благоприятным случаем для осуществления «второй части своей стратеми», как пишет нань-цинская газета *Вестник услуг [Фуу даобао]* в очерке, посвященном стратеми 24. Она сказала отцу: «На улице Шаньси только что открылась куриная закусовая, и там будто бы неплохо готовят. Нынче я устроила тебе званый обед. А через пару дней ты пригласишь меня отведать блюда из курицы, не так ли?» От таких слов у отца глаза на лоб полезли: «Так, теперь тебе курочки захотелось! Но ты ведь знаешь, что у меня нет денег». — «Папа, три дня назад ты получил премию в 300 юаней [около 70 марок] и ее «зачнул». Но от меня ничего не укрылось. Если узнает мама, она все отберет». Огорошенный, отец вынужден был уступить.

Успех проведенной уловки «предоставления прохода для нападения на Го» весьма обрадовал Линьлинь, но про себя она сказала: «Дорогие папа с мамой, сегодня я ем за ваш счет. Но как только начну зарабатывать деньги, каждый день буду приглашать вас!»

Линьлинь своим первым шагом устраивает за счет растроганной матери званый обед для отца, чтобы вторым шагом вынудить отца устроить ответное угощение. Вначале подвигнуть своего напарника на то, чего нельзя достичь без его помощи, и тем самым создать условия для второго шага: обязать его к чему-то еще — таково возможное действие стратеми 24.

24.9. Предложение помощи от царства У

После битвы у Красной скалы ([Чиби; *Троецарствие*, гл. 49.] см. 9.1, 35.1) Лю Бэй вначале овладел Цзинчжоу, Наньцзюнь [область в южной части провинции Хубэй] и Сяньяном [*Троецарствие*, гл. 51], а затем [гл. 52] вскоре с помощью своих военачальников Чжао Юня [158—229] и Чжан Фэя [167—221] занял Линлин [нынешний уездный центр Линлин в провинции Ху-нань], Гуйян [нынешний уездный центр Гуйян в провинции Ху-нань], Улин [округ в провинции Хэнань; ныне уезд Улин] и Чанша [округ, занимавший всю территорию нынешней провинции Хунань; ныне уезд Чанша]. Тем самым он овладел большей частью Цзинчжоу (см. также 20.15). Одновременно Сунь Цюань, правитель Восточного У, потерпел сокрушительное поражение от войск Цао Цао, лишившись двух своих самых лучших военачальников. Неожиданно от болезни умирает Лю Ци, старший сын Лю Бао, прежнего правителя округа Цзянчжоу (см. 28.5). Когда после битвы у Красной скалы Лю Бэй завладел Цзинчжоу, то свое право на данный округ перед Лу Су [172—217], посланником царства Восточное У, он обосновывал тем, что является доверенным лицом Лю Ци. Вместе с тем Лю Бэй пообещал, что вернет Цзинчжоу Восточному У после смерти Лю Ци [гл. 53]. И вот теперь Лу Су прибывает на похороны наследника [гл. 54]. И следовало ожидать, что он вернется к данному Лю Бэем обещанию отдать Цзинчжоу.

Однако Чжугэ Ляну искусными словами удастся умерять пыл Лу Су. Но при этом приходится вручить Лу Су письмо, составленное самим Лю Бэем, заверенное Чжугэ Ляном как свидетелем и подписанное самим Лу Су в качестве поручителя, где Лю Бэй оговаривает за собой право лишь временного владения Цзинчжоу и обещает уступить его Сунь Цюаню, как только возьмет другие земли [*там же*, с. 664—665]. Имелась в виду область Ичжоу (нынешняя провинция Сычуань), находившаяся во владении Лю Чжана [ум. 219 н. э.].

Вернувшись, Лу Су показал письмо главнокомандующему уской армии Чжоу Юю, и тот приходит в ярость. «Они только говорят, что временно заняли город, а на самом деле это обман!.. Подождем, пока вернутся разведчики с северного берега, а пока ничего не будем решать». Разведчики вскоре донесли, что Лю Бэй сооружает высокий могильный курган для своей скончавшейся супруги. Теперь Чжоу Юй уверен, что отыскал способ вернуть Цзинчжоу. Он устраивает приглашение Лю Бэя в Восточное У якобы для женитьбы на младшей сестре правителя Сунь Цюаня. В действительности это была уловка. Сестра выступала в роли подсадной утки (см. стратеми 31). Сразу по прибытии Лю Бэя в Восточное У следовало его обезвредить, после чего овладеть Цзинчжоу. Но замысел Юя не удался (см. 13.6). Со своей новой супругой Лю Бэй невредимым возвращается в Цзинчжоу [гл. 55].

Вскоре Лу Су вновь обращается к Лю Бэю с требованием вернуть Цзинчжоу [гл. 56]. На этот раз Лю Бэй, чтобы растрогать Лу Су, начинает рыдать. Появившийся Чжугэ Лян объясняет причину горьких слез тяжелым положением Лю Бэя. Оказывается, что «ичжоуский правитель Лю Чжан доводится младшим

братом его господину. Может ли брат отобрать владения у брата? Вся Поднебесная проклянет Лю Бэя! А если ему не удастся взять Сичуань [западная часть нынешней провинции Сычуань], куда Лю Бэй денется, отдав вам Цзинчжоу? Тогда и вам тоже будет очень неловко перед людьми! Положение, как видите, безвыходное. В этом причина слез моего господина...». Вновь удается разжалобить сердечного Лу Су, и он покидает Цзинчжоу, напутствуемый словами Чжугэ Ляна: «Прошу вас вернуться к Сунь Цюаню и рассказать о горе моего господина. Пусть он разрешит нам временно остаться в этом городе».

Чжоу Юй, выслушав рассказ Лу Су, был крайне раздосадован, поскольку считал, что Чжугэ Лян вновь обвел того вокруг пальца, однако у него появился план, который сулил успех. С этой целью Лу Су должен опять отправиться в Цзинчжоу и предложить Лю Бэю от имени Сунь Цюаня следующее: «Если он не уверен, удастся ли ему взять Сичуань, то мы, как родственники, готовы помочь ему своим войском. Но лишь при том условии, что, как только мы возьмем Сичуань, он отдает нам Цзинчжоу». В действительности же, «выступив в поход по сичуань-ской дороге и проходя через округ Цзинчжоу, мы попросим у Лю Бэя денег и провианта на содержание войск. Он выйдет из города, чтобы наградить наших воинов, а мы его убьем и займем Цзинчжоу» [гл. 56, с. 698].

С этим предложением помощи от Восточного У отправился Лу Су к Лю Бэю. Тот по совету Чжугэ Ляна принял его, пообещав снабдить uskoe войско при прохождении через Цзинчжоу провиантом и лично поприветствовать. Довольный Лу Су возвращается обратно.

«Что они замышляют?» — спросил Лю Бэй, когда Лу Су ушел. «Близится смертный час Чжоу Юя! — воскликнул Чжугэ Лян. — Такой хитростью не обманешь даже ребенка!» — «А что делать нам?» — «Их план называется «Пропустите нас, и мы уничтожим Го». Они хотят под видом похода на Сичуань захватить Цзинчжоу» [там же, с. 697].

Чжугэ Лян со своей стороны заготовил ловушку, в которую и попался Чжоу Юй. Когда он появился у Цзинчжоу, город «точно вымер. Чжоу Юй придержал своего коня и приказал военачальникам окликнуть стражу у ворот. «А вы кто такие? — спросили их со стены. «Полководец Чжоу Юй!» На стене ударили в колотушку, забегали воины, замелькали копья. На сторожевую башню поднялся Чжао Юнь. «Зачем пожаловали, господин дуду?» — спросил он. «Иду брать Сичуань для вашего правителя Лю Бэя! — ответил Чжоу Юй. — Разве вы об этом не знаете?» — «Бросьте притворяться! — крикнул в ответ Чжао Юнь. — Чжугэ Лян давно разгадал ваш план — он называется «Пропустите нас, и мы уничтожим Го». Поэтому он и приказал мне охранять город...» [там же, с. 699]. Чжоу Юй понял, что сам стал жертвой уловки. У него открылась старая рана, и в 36 лет Чжоу Юя не стало. Последние его слова были: «О небо! Зачем ты в одно время со мной послало на землю и Чжугэ Ляна?» [гл. 56, с. 701].

24.10. Танец с мечами в Белокаменной крепости

«Неподалеку от Марбурга по дороге в Ветгер лежит деревушка Вере (ныне Верда (Wehrda), а рядом островерхая гора, где издревле стоял Разбойничий замок, именуемый Белокаменной крепостью, чьи развалины сохранились донныне. Ее обитатели бесчинствовали в окрестностях, но добраться до разбойных рыцарей не было возможности из-за толщины стен и высоты горы. И вот крестьяне из Вере додумались до хитрости. Запасшись тайком различным оружием, они поднялись к замку и сказали разбойникам, что хотят посмотреть их танец с мечами. Крестьян впустили; но тут они вынули припрятанное оружие и храбро набросились на разбойников, пока те не запросили пощады, после чего вместе с замком были переданы местному князю» (*Немецкие предания братьев Гримм. Вторая часть: Исторические предания* [предание № 166]).

24.11. Прага, 20 августа 1968 г.

20 августа 1968 г. около 23 часов командир советского транспортного самолета в небе над Прагой подал сигнал бедствия. Он сообщал о нехватке горючего и запрашивал разрешение на вынужденную посадку. Пражская диспетчерская служба дала «добро». После приземления из самолета стали выпрыгивать десантники, которые заняли аэродром. Вслед за этим началось массовое приземление советских самолетов.

Эти события (представленные несколько иначе Гансвиль-гельмом Хафсом: *Die Ereignisse in der Tschechodlowakei vom 27.06.1967 bis 18.10.1968* («События в Чехословакии с 27.06.1967 по 18.10.1968»). Бонн, 1969, с. 157 и след.) являются тоже примером применения стратагема 24, пишет Ли Биньянь, автор самой популярной китайской книги о стратагемах. «Заимствование прохода» под каким бы то ни было предлогом выступает здесь на передний план, так что выражение «заимствование прохода для нападения на Го» здесь приобретает вид «заимствование прохода для нападения на Прагу». Таково второе понимание стратагема 24. Здесь речь уже не идет о двойном действии, то есть устранении двух противников, а лишь об

одном действии и устранении одного противника. Умение использовать стратегию таким образом состоит в том, чтобы заполнить проход к противнику от него самого.

Китайцы не раз обвиняли прозванные имперскими Советский Союз и США в частом использовании трактуемой в таком ключе стратегии 24. США в 1958 г. под предлогом оказания помощи ливанскому правительству по его же просьбе высадили свои войска в Ливане, причем главной мишенью выступает Советский Союз, читаем мы в статье из *Жэньминь жибао* от 13.05.1978. Свое вторжение в чужие страны Москва всегда обосновывала тем, что делала это по просьбе тогдашнего правительства или «для оказания помощи в отражении агрессии».

24.12. Тактика «тихой сапы»

Боннская стратегия «выдвинутых вперед рубежей» началась в 1991 г. безобидно, — пишет гамбургский *Шпигель* (№ 50, 1996), — сперва с «гуманитарного» ввода немецких войск для поиска мин в Персидском заливе, с помощи беженцам из иракских курдов в пограничной области между Турцией и Ираном и с самолетов для отправки инспекторов ООН в Ирак. В 1992—1993 гг. последовала отправка в Камбоджу 130 санитаров, когда первым из немецких солдат погиб на территории, не входящей в зону ответственности НАТО, фельдфебель медико-санитарной службы бундесвера Александр Арндт (Arndt, 1967 — 1993).

Затем последовала отправка немецкой тыловой службы в Сомали (май 1993 г. — март 1994 г.). В 1995 г. «отвлекающим маневром [в Боснии самолетов-разведчиков] «Торнадо» удалось на конституционно-правовом уровне закрепить положение о применении войск вне зоны ответственности НАТО, как пишет еженедельник *Цайт* в статье под заголовком «Тактика тихой сапы» (Гамбург, 17.01.1996, с. 15) и продолжает: «В первой двадцатке политических лозунгов последних лет мы находим лозунг постоянной забывчивости — тактику тихой сапы». Пальма первенства в ее использовании принадлежит министру обороны Фолькеру Рюэ (Ruhe, род. 1942) и его вдохновителю, бывшему генеральному инспектору бундесвера Клаусу Науманну (Naumann, род. 1939). Оба с 1991 г. целеустремленно и водят за нос общественность добивались превращения бундесвера в военную организацию с правом действия по всему миру. И преуспели, о чем свидетельствует постановление бундестага от 13 декабря 1995 г. В соответствии с задачей [многонациональных] сил стабилизации SFOR [(Stabilization Force), созданных на основе сил IFOR (Implementation Force), призванных обеспечить выполнение дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине] бундесвер стал равноправным партнером с соответствующими наземными силами и боевой задачей в рядах натовских сил, размещенных в Боснии и Герцеговине.

«Тактика тихой сапы» (по-китайски: «получив цунь, подбираться к чи» («дэ-цунь цзинь-чи») [в значении «ненасытный, алчный, руки загребушие» (см.: аппетит приходит во время еды; протяни палец — всю руку откусят)] означает подкоп, выкапываемый при наступлении на открытой местности для постепенного приближения к укрепленной позиции противника. Превращению немецкого бундесвера из оборонительной в наступательную силу (см.: Юрген Грэсслин (Grässlin, род. 1957). *Lizenz zum Töten?* («Лицензия на убийство?»). Мюнхен, 1997) способствовали постепенные уступки со стороны немецких социал-демократов и «зеленых». Тактика тихой сапы может, как свидетельствует данный пример, лежать в основе долгосрочного плана, отчего слово «тактика» здесь не вполне уместно. Тактика тихой сапы переключается со стратегией 24 в том отношении, что направленные на конечную цель действия разбиваются на промежуточные шаги с достаточно неприметными промежуточными целями, а сама конечная цель не афишируется. Стратегия 24 в своем исконном значении более ограничена по сравнению с тактикой тихой сапы: жертва стратегии вначале привлекается для устранения сторонней силы, после чего устраняют и ее саму.

24.13. Когда заяц убит, из собаки [теперь уже ненужной] варят похлебку

После смерти правителя Цзинчжоу Лю Бяо его вдова со своим родом захватила власть в Цзинчжоу (см. 20.15, 24.9). Тем временем с севера приближался могущественный Цао Цао со своим огромным войском, намереваясь захватить Цзинчжоу. Узурпаторы осознавали свою слабость, да и пользовались малой поддержкой, чтобы оказать сопротивление Цао Цао. Тогда они решили сдаться, надеясь в ответ сохранить власть в Цзинчжоу уже как подданные Цао Цао.

«Цай Мао и Чжан Юнь отправились в Фань-чэн на поклон к Цао Цао. Цай Мао старался угодить ему и потому охотно отвечал на все его вопросы. Цао Цао спросил, сколько войск и провианта в Цзинчжоу. «Всего двести восемьдесят тысяч воинов, из коих сто пятьдесят тысяч пеших, пятьдесят тысяч конных да на судах восемьдесят тысяч. Большая часть запасов провианта и казны — в Цзянлине, а все прочее в разных местах. Запасов на всю армию хватит на год». — «А сколько у вас кораблей?» — «Больших и малых судов

более семи тысяч...» — «Кто командует вашим флотом?» — «Я и мой брат», — ответил Цай Мао. Цао Цао пожаловал Цай Мао и Чжан Юню титулы и звания (Цай Мао — хоу «Охранителя юга» и да ду-ду (т. е. главнокомандующего) флота, Чжань Юню — хоу «Выказывающего послушание» и помощника ду-ду), чему они были очень рады. На прощание Цао Цао сказал им: «Сын Лю Бяо после смерти отца покорился мне, и я представлю императору доклад, чтобы его назначили правителем Цзинчжоу навечно». Чжан Юнь и Цай Мао удалились, исполненные самых радужных надежд. «Цай Мао и Чжан Юнь — льстецы», — сказал советник Сюнь Ю [157—214], когда те удалились. «Зачем вы пожаловали им такие высокие звания и оставили в их руках флот?» — «А разве я этого не знаю?» — улыбнулся Цао Цао. «Я их оставил только потому, что в северных землях никто не умеет воевать на воде. Когда война окончится, тогда мы и решим, что с ними делать» (см. также 33.11) [«Троецарствие», гл. 41: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М., 1954, т. 1, с. 507]. Схожие, протекавшие точно в соответствии со стратагемой 24 события (сперва использовать, затем выбросить за ненадобностью) еще Сыма Цянь обозначил словами «Когда заяц убит, из собаки [теперь уже ненужной] варят похлебку» [«ту-сы гоу-пэн»].

24.14. Гегелевская хитрость разума

«Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель. В этом смысле можно сказать, что божественное Провидение ведет себя по отношению к миру и его процессу как Абсолютная Хитрость. Бог дает людям действовать, как им угодно, не стесняет игру их страстей и интересов, а получается из этого осуществление Его целей, которые всецело отличны от целей, руководивших теми, которыми он пользуется» [Гегель. Сочинения (в 14-ти тт. 1929—1958), т. I. М.-Л.: 1929, с. 318—319; или: *Гегель*. Энциклопедия философских наук, в 3-х тт. Том 1 «Логика». М.: Мысль, 1974, с. 397—398 (§ 209)].

«Не всеобщая Идея противопоставляется чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остается недостижимой и невредимой на заднем плане. Можно назвать *хитростью разума* то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идет о явлении, часть которого ничтожна, а часть положительна. Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов». [Гегель, *Философия истории* // Сочинения (в 14-ти тт., 1929-1958), т. VIII, М.-Л.: 1935, с. 32].

Это слова немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831). Можно ли сделать более понятным действие «абсолютной хитрости» бога и, соответственно, «хитрости разума» через понятия стратагемы 24? Если и можно, то, пожалуй, таким вот ходом мыслей: каждый человек, влекомый своими страстями и убеждениями, преследует свои собственные цели. Но то, что выходит в итоге, совершенно отличается от того, что изначально задумывалось. «Хитрость разума» ведет человека, подобно тому, как держава Цзинь направляла державу Юй к сообразующемуся с его намерениями первоначальному успеху. Но в конце «хитрость разума» жертвует своим орудием, человеком, достигая совершенно иной цели, чем та, которая ему грезилась (см. гибель державы Юй). Человек, «неким образом орудие иной силы» (Петер фон Матт (Matt): *Tages-Anzeiger*. Цюрих, 15.09.1998), согласно гегельскому *Фаусту*, «часть силы той, что без числа/творит добро, всему желая зла» [часть 1, сцена 3 «Рабочая комната Фауста». Пер. Б. Пастернака], иначе говоря, стремясь к одному, вызывает иное.

Чтобы наглядно показать таким образом понимаемое действие «хитрости разума», я воспользуюсь статьей Ральфа Дарендорфа (Dahrendorf, род. 1929) «Правами обладают только люди: право на самоопределение народов — орудие варваров» (*Дайт*. Гамбург, 28.04.1988, с. 43). Когда американский президент Вильсон в конце Первой мировой войны (1914—1918) в соответствии со своими «14 пунктами» выступил за глобализацию восходящего своими корнями к американской Декларации о независимости 1776 г. и к Французской революции 1789 г. «права народов на самоопределение», он добился нужного для дела союзников широкого пропагандистского воздействия, достигшего даже Китая. Вот что писал основатель Китайской Республики Сунь Ятсен (1866—1925): «Еще в период войны появилась идея, предложенная президентом США Вильсоном, о «самоопределении наций», которая была горячо одобрена всеми народами. Так как Германия стремилась военной силой покорить страны Антанты, то лозунг Вильсона, призывавший к уничтожению германского могущества, нашел отклик у слабых и малых наций, которые считали, что настал благоприятный момент для определения их самостоятельности. Весь мир приветствовал этот призыв. Хотя в Индии, которая была порабощена Англией, простой народ ненавидел англичан, но многие другие малые народы стали с радостью помогать Англии в войне, узнав, что эта война, как заявил Вильсон, есть борьба за свободу слабых и малых народов. Хотя Аннам и был порабощен Францией и его народ ненавидел французское владычество, но во время европейской войны он помогал Франции — тоже потому, что он услышал о призыве Вильсона и считал его справедливым. Слабые и малые нации Европы — Польша,

Чехословакия, Румыния — выступили на стороне Антанты против союзных держав — тоже потому, что они услышали провозглашенный Вильсоном лозунг национального самоопределения. Наш Китай тоже под влиянием США вступил в эту войну на стороне Антанты. Хотя мы не посылали на фронт войска, но все же отправили несколько сотен тысяч рабочих для рытья окопов и на другие тыловые работы» ([на рус. яз.: «Три народных принципа», гл. «Национализм», лекция 4: *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. М.: Восточная литература, 1985, изд. 2-е, испр. и доп., с. 418;] Сунь Ятсен [«Три начала народовправства» («Сань минь чжуи», 1924)]: Готтфрид-Карл Киндерманн (Kindermann) [Изд.], *Konfuzianismus, Sunyatsenismus und chinesischer Kommunismus* («Конфуцианство, суньятсенизм и китайский коммунизм»), Фрейбург(-на-Брейсгау) 1963, с. 101). В действительности союзников занимало вовсе не претворение в жизнь права народов на самоопределение. Вильсон искал, как пишет Дарендорф, «основание для того, чтобы вызвать распад Австро-Венгрии». Именно народы Австро-Венгрии единственно наделались правом на самоопределение. Тем самым устранился грозный соперник в лице Австро-Венгерской империи. Такова была истинная цель президента Вильсона, а средством ее достижения должно было послужить право народов на самоопределение. «В то время Вильсон опубликовал «14 пунктов» как условие сохранения в дальнейшем мира во всем мире. Самым важным из них был пункт о предоставлении всем нациям права на самоопределение. Когда еще не был решен исход войны, Англия и Франция поддержали эти условия, но после войны, во время мирной [Версальской] конференции, Англия, Франция и Италия почувствовали, что принцип Вильсона о свободном развитии наций в большой степени противоречит их империалистическим интересам. Поэтому на мирной конференции они всеми способами старались обойти выдвинутый Вильсоном принцип. В результате все пункты мирного договора, заключенного на этой конференции, оказались чрезвычайно несправедливыми. Все слабые и малые народы мира не только не получили права на самоопределение, не смогли стать свободными, но угнетение, которому они подверглись, после войны оказалось еще сильнее прежнего» ([на рус. яз. *там же*, с. 418;] Сунь Ятсен, *там же*, с. 101 и след.). Президент Вильсон и его союзники, однако, просчитались, упустив одно важное обстоятельство, в данном случае «хитрость разума». Да, Вильсон на основе права народов на самоопределение достиг своей цели — распада Австро-Венгрии на более мелкие государства. Однако само понятие «права народов на самоопределение» под действием «хитрости разума» обрело самостоятельность и со временем распространилось не только на врагов западных союзников в Первой мировой войне. «Поэтому народы Аннама, Бирмы, Явы, Индии, Малайского архипелага, Турции, Персии, Афганистана, Египта, а также нескольких десятков малых народностей Европы глубоко осознали, что лозунг о самоопределении наций, выставленный в дни войны державами, был простым обманом. Поэтому эти страны без всякого предварительного сговора между собой стали самостоятельно проводить в жизнь принцип самоопределения наций» ([на рус. яз. *там же*, с. 418;] Сунь Ятсен, *там же*, с. 102). «Право народов на самоопределение» обратилось, наконец, после Второй мировой войны в орудие разрушения английской, французской, голландской и бельгийской колониальных империй. Все эти мировые державы, вместе занимавшие 50 млн. кв. км — треть всей земной суши, рухнули подобно карточному домику, среди прочего и вследствие той взрывной силы, что была заложена некогда поддержанной этими странами идеей о «праве народов на самоопределение».

Что касается предложенного стратагемного анализа, то «хитрость разума» избрала президента Вильсона и его союзников для того, чтобы сделать «право народов на самоопределение», которое должно было служить сугубо корыстным целям, известным всему миру. Затем «хитрость разума» осуществила свои собственные цели, которые, следуя Гегелю, «всецело отличны от целей, руководивших теми, которыми она пользуется». Хитрость разума в итоге уничтожила по меньшей мере несколько государств-поборников самоопределения в Первую мировую войну, приведя к распаду их державы во имя «права на самоопределение».

Поскольку разрушительная сила оружия, которое изначально — как пишет Дарендорф — было введено в обиход для разрушения Австро-Венгрии, все больше затрагивает исконные западные земли, то и причитают жители Запада, мол, дескать, право народов на самоопределение является «варварским оружием», «оружием одичания, которое должно быть изъято из словарного запаса международной политики» (Ральф Дарендорф), а еще право народов на самоопределение оказывается «опиумом для народов» (Йорг Фиш: *Новая цюрихская газета*, 9—10.1995, с. 17). Могли бы политики вместо того, чтобы в итоге оказаться слепыми жертвами «хитрости разума», целенаправленно служить «хитрости разума» или по меньшей мере проникнуть в ее замыслы?

Похоже, так думает Михаэль Штюмер в своем уповании на «хитрость разума» (см.: *Новая цюрихская газета*, 20.02.1998, с. 5), которая, согласно его расчетам, на пути к введению евро вынуждает «европейцев проявлять большую политическую дееспособность и сплоченность по сравнению с политиками в период между Маастрихтской (1992) и Амстердамской (1997) встречами». Рассуждения Михаэля Штюмера могли бы прояснить следующие строки: «За Европейским валютным союзом скрывается политическая уловка, которой Евросоюз обязан многими своими прежними успехами и даже своим рождением: заинтересованность экономики в большей либерализации послужила движущей силой политического объединения Европы. Сработает ли данная уловка и в отношении денег, неясно: валютный союз

представляется предприятием с непредсказуемым исходом» (*Der Bund*. Берн, 4.05. 1998, с. 5). В переводе на язык стратега 24 это означает следующее: чтобы исключить обособленность стран в экономическом отношении, были задействованы экономические силы. Это было очевидно для всех, отсюда и такая слаженность совместных усилий. Но в конечном итоге европейские страны тоже будут политически вытеснены, а этого желает не каждый из тех, кто приветствовал экономическое объединение. Однако политическое объединение последует неизбежно и неотвратно под давлением обстоятельств, вызванных экономическим объединением, а через евро «распадется единство экономического пространства, социального пространства и государства», и у государств изымутся «орудия прежней национальной денежной политики — ссудный процент и обмен» (Вернер Вайденфельд (Weidenfeld). *Новая цюрихская газета*, 10.07.1998, с. 5). Так вот и служит всякая мера, вполне открыто принимаемая ради экономического объединения, достаточно скрытно преследуемой конечной цели политического объединения Европы.

24.15. Притча Будды о горящем доме

«Так я слышал. Однажды Будда пребывал на горе Гридхракута у Города Царской Обители (санскрит, Раджагриха, совр. Раджгир, штат Бахар — один из шести главных городов Древней Индии, древнейшая столица царства Магадха во времена «исторического» Будды Шакьямуни)... В это время Почитаемый В Мирах, окруженный четырьмя группами (это бхикшу, бхик-шуни, упасаки, упасики, боги, драконы, якши, гандхарвы, асу-ры, гаруды, киннары, махораги, люди и не-люди, а также малые цари и святые цари, вращающие Колесо), которые делали ему подношения, оказывали почтение и восхваляли [его], проповедовал бодхисаттвам Сутру Великой Колесницы» [«Лотосовая сутра», гл. 1 «Вступление»: «Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы». Пер. с кит. А. Игнатовича. М.: Янус-К, 1998, с. 64—65].

Так начинается Лотосовая сутра, которую называют «восточно-азиатской Библией». Это самое значительное произведение распространенного на всем Дальнем Востоке буддизма ма-хаяны. Появившись в Индии в период II в. до н. э. — II в. н. э., она заняла исключительное место благодаря своей несравненной притягательной силе, под чары которой на протяжении сотен лет подпадают буддисты. В своем дальнейшем повествовании я опираюсь на полный немецкий перевод китайского текста сутры под названием *Мяофа ляньюа цзин*, сделанный Маргаритой фон Борсиг (*Sutra von der Lotosblüte des wunderbaren Gesetzes*. Дармштадт, 1993)³²⁶.

Проповеди Лотосовой сутры вложены в уста достигшего высшего просветления Будды. В 28 главах перед нами разворачиваются величественные картины. Притчи делают нагляднее содержание учения, среди которых и притча о горящем доме (гл. 3).

«Шарипутра, в одном государстве — в городе или селении — жил старец. [Он] был очень преклонных лет, и богатства [его] были несметны: множество полей, домов, а также рабов и слуг. Его собственный дом был огромным и просторным, но имел только одни двери. Людей в нем жило много — сто, двести или даже пятьсот человек. [Однако] залы и комнаты пришли в упадок, стены-перегородки рушились, опоры прогнили, стропила и балки угрожающе перекошились. И вот с каждой стороны внезапно вспыхнул огонь, и пламя охватило весь дом. Дети старца — десять, двадцать или тридцать человек — находились в этом доме. Старец, увидев, что со всех четырех сторон запылал большой огонь, очень испугался и подумал: «Хотя сам я могу спокойно выйти из этих охваченных пламенем дверей, но дети радостно играют и не чувствуют опасности, не знают [о ней], не подозревают и не испытывают страха. Огонь приближается, [он] охватит их и принесет мучения и боль, но беспокойства в [их] мыслях нет, и [они] не собираются выходить из дома!»

Шарипутра! Этот старец подумал так: «У меня есть сила в теле и руках, но выведу ли я их из дома с помощью монашеских одеяний или стола?»

И еще подумал: «В этом доме только одни двери, к тому же [они] узки и невелики. Дети малы, еще ничего не осознают и очень любят место, где играют. Воистину, [они] все попадают и сгорят в огне! Воистину, я должен сказать [им] об опасности: «Дом уже горит! Быстрее выходите, и огонь не принесет [вам] вреда!»

Подумав так, [старец], как и собирался, сказал детям: «Быстрее выходите [из дома]!»

Хотя отец, жалея детей, взывал к ним добрыми словами, дети радостно играли, не верили [ему], не подозревали об опасности, не чувствовали страха и, конечно, не думали выходить. [Они] не знали, что такое огонь, что такое дом и что значит «потерять». Играя, [они] бегали и взад и вперед, поглядывая на отца. В это

³²⁶ В нашей книге использовано русское издание: Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. / Пер. с кит. А. Игнатовича (1947—2001). М.: Янус-К, 1998. — *Прим. пер.*

время старец подумал: «Этот дом охвачен великим огнем. Если я и дети сейчас не выйдем, непременно сгорим. Сейчас я придумаю уловку и [с ее помощью] смогу избавить детей от опасности».

Отец, зная, о чем раньше думали дети, какие редкие игрушки каждый [из них] любит, к каким диковинным вещам [они] привязаны и что [их] радует, сказал им: «То, что вы любите, редкостные [вещи], которые очень трудно достать. Если вы [сейчас] не возьмете [их], то потом непременно пожалеете. За дверями стоят повозка, запряженная бараном, повозка, запряженная оленем, и повозка, запряженная быком, и [вы] будете [с ними] играть. Быстрее выходите из этого горящего дома, и [я], выполняя ваши желания, воистину все [их] вам вручу!»

В это время дети, услышав, о каких редкостных игрушках говорит отец, и захотев получить [их], изо всех сил, обгоняя друг друга, наперегонки выбежали из горящего дома.

В это время старец увидел, что дети смогли выйти из дома и все сидят в безопасности на росистой земле посреди четырех дорог, ни о чем не беспокоясь, а их сердца полны радостью и восторгом. И вот дети, обратившись к отцу, сказали: «Отец, дай [нам] обещанные ранее игрушки. Хотим, чтобы [ты] вручил [нам] сейчас повозку, запряженную бараном, повозку, запряженную оленем, и повозку, запряженную быком».

Шарипутра! В это время старец подарил каждому ребенку по одинаковой большой повозке. Эти повозки были высоки и обширны, украшены всеми возможными драгоценностями, с перилами, с колокольчиками по четырем сторонам и занавесями, которые также были украшены различными редкостными драгоценностями, с нитями драгоценных камней, с гирляндами из цветов, выстланные прекрасными коврами, с красными подушками и запряженные белыми быками. Шкура [у них] была белая, формы красивые, сила огромная. Шли [они] ровным шагом, но скорость была как у ветра. Сопровождало [их] множество слуг. Почему? Старец обладал неисчислимыми богатствами, все амбары и сокровищницы [его] были заполнены и переполнены. Думал [он] так: «Моим богатствам нет предела. Воистину, [я] всех их люблю одинаково. У меня есть эти большие повозки, сделанные из семи драгоценностей, число их неизмеримо. Воистину, [я] должен каждому сделать подарок без различий. Почему? Если даже я раздам эти вещи всем в этой стране, то недостатка не будет. А что уж говорить о [моих] детях!» В это время дети сели в большие повозки. [Они] обрели то, чего никогда не имели и что, конечно, не надеялись получить» [там же, с.121-122].

Данную притчу Будда разъясняет в другом месте Лотосовой сутры:

«[Люди с тупыми «корнями»] мучаются, [испытывают]

Множество страданий.

Ради них я проповедую о нирване.

Я придумал «уловки»,

Чтобы [такие люди]

Смогли вступить в мудрость Будды.

Я еще никогда не говорил:

«Вы пройдете Путь Будды».

[Я] никогда не говорил [этого] потому,

Что время для проповеди еще не пришло.

Но сейчас время [для этого] воистину [наступило],

И [я] решил проповедовать Великую Колесницу!»

[«Лотосовая сутра», гл. 2 «Уловки», там же, с. 105].

Сначала Будда, которому в притче соответствует отец, обещает людям, со своими земными чувствами и желаниями уподобляемым детям в горящем доме, «повозку, запряженную бараном, повозку, запряженную оленем, и повозку, запряженную быком». Это образ сулимой нирваны. Обещанием полного избавления от Я Будда прельщает людей, или по меньшей мере некоторых из них, освободиться от собственных иллюзий и земных химер (см. 19. 4), то есть покинуть горящий дом и заняться поисками того состояния отрешенности

от мира, которое позволит им обрести нирвану. Но в этот миг прельстившиеся посулами люди получают не повозку, запряженную бараном, не повозку, запряженную оленем, и не повозку, запряженную быком, как было обещано, а каждый по одинаковой большой повозке, высокой и обширной, украшенной всеми возможными драгоценностями, под которой подразумевается качество бодхисаттвы. Бодхисаттва находится на последней ступени просветления, но сознательно отказывается от ухода в нирвану ради того, чтобы посвятить себя освобождению существ этого мира и благодаря своему высокому духовному состоянию помочь существам, не способным самостоятельно спастись из земного «горящего дома». Тем самым бодхисаттва на целые тысячелетия или миллионы лет отказывается от своей исконно преследуемой цели — вступления в нирвану, дабы своими накапливаемыми в дальнейшем заслугами [санскрит. — *пунья*; пали — *пунья*; кит. — *гундэ*, яп. — *кудоку*], для него самого более не нужными, поддерживать слабых на их пути к нирване.

Притча о горящем доме показывает Будду, вначале говорящим лишь половину правды. Сперва он ставит перед человеком лишь цель достижения нирваны. Это истинная, не обманная цель. И только подведя людей непосредственно к этой цели, он открывает им скрываемую до сих пор собственную цель, а именно побудить их в качестве бодхисаттв к спасению живых существ и людей. В определенной степени Будда ведет себя подобно тому, как в стратагеме 24 вел себя цинский государь по отношению к юйскому правителю. Лишь для одной из двух своих целей он раскрывает карты. Подобно юйскому правителю те, кто польстился на «уловку» (фанбянь, [пали, санскрит. — *упая*]) Будды, лишь позднее узнают, что их собеседник преследует еще одну цель. Но в отличие от цзиньского государя Будда никому не причиняет зла. Поэтому использование Буддой стратагемы двойной цели можно рассматривать только как стратагему услужения. В данном случае цель оправдывает средства. Это видно из дальнейшего разговора Будды со своим учеником Шарипутрой, где описанные в притче события разбираются не с позиции применения хитрости, а сугубо с точки зрения лжи: «Шарипутра, что ты думаешь об этом? Не поступил ли этот старец неосмотрительно или неправильно³²⁷, подарив всем детям одинаковые большие повозки из драгоценностей?» Шарипутра сказал: «Нет, Почитаемый В Мирах! Старец только спас [этим] детей от огненной беды и сохранил им жизнь. Это не было неосмотрительным или неправильным. Почему? Так как [дети] сохранили жизнь и получили игрушки. И не спас ли [он их] из того горящего дома с помощью «уловки»? Почитаемый В Мирах! Если бы этот старец не подарил [им] даже самой маленькой повозки, и тогда бы [он] не был неосмотрительным или неправым. Почему? Этот старец вначале подумал: «С помощью «уловки» я смогу заставить детей выйти из дома». Рассуждая так, [он] не был неосмотрительным или неправым. И почему бы этому старцу, который знал, что его богатства несметны, и желал облагодетельствовать детей, не подарить [им] по одинаковой большой повозке?» [«Лотосовая сутра», гл. 3 «Сравнение», там же, с. 123].

Стратагема № 25. «Выкрасть балки и подменить колонны, не передвигая дома»

Четыре иероглифа	偷	梁	換	柱
Современное китайское чтение	<i>Тоу</i>	<i>лян</i>	<i>хуань</i>	<i>чжу</i>
Перевод каждого иероглифа	Выкрасть	балка	подменить	колонна
Связный перевод	Выкрасть балку и подменить колонны (заменить гнилыми подпорками)			
Сущность	1. а) Не меняя фасада здания, <i>удалить</i> внутри несущие опоры строения; лишить дело его сути, оставив одну видимость (фасад); выжать все соки из тела и лишить его духа, оставив само тело невредимым; б) не меняя фасада здания, <i>поменять</i> внутри несущие опоры; не изменяя внешнего вида вещи/понятия/идеи, тайком изменить их содержание/суть; сокрытие переименования, переделки, искажения идеи, идеологии, представления; внешне все оставить по-старому, полностью переделав внутри; что-то ухудшить, подделать так,			

³²⁷ «Сюй ван», досл.: ложь, фальшь. — *Прим. пер.*

что внешне ничего не будет заметно. Стратагема перелицовки. 2. Поменять «балки» и «колонны», удалив все строение и заменив его внешне похожим зданием с иным исходным чертежом. 3. С помощью размера и внешнего вида упаковки вводить в заблуждение относительно того, что там находится; упаковка, не соответствующая содержимому. Стратагема обманной упаковки

«[Он мог] голыми руками бороться с дикими зверями», — пишет Сыма Цянь в своих *Исторических записках* [гл. 3: *Сыма Цянь. Исторические записки*, т. 1, 2-е изд., 2001, с. 175] о телесной мощи Чжоу(-синя) (1174—1112 гг. до н. э.), последнего правителя династии Инь (ок. XIV—XII вв. до н. э.). «Записи о правителях из поколения в поколение»³²⁸ цзиньской эпохи (265—420) добавляют: «Чжоу мог перетянуть одной рукой девять быков; пока он поддерживал крышу дома плечом, можно было сменить опорные балки» [«чжоу дао е цзю ню, фу лян и чжу»] [там же, с. 295]. Пожалуй, это древнейшее упоминание выражения стратагемы 25. На самом ли деле последний правитель династии Инь мог обеспечить смену опорных балок или этот образ служил авторам приведенных отрывков для подтверждения физической мощи Чжоу, нам не особенно важно. Однако Шэнь Юэ (441—513) использует в одном из распоряжений, составленных для лянского императора У-ди (464—549, правил с 502 г.), образ «укрепления опорных балок для смены столбов без привлечения плотников» для описания тогдашнего беззакония. Со ссылкой на династийную хронику «Книга южной Ци» [«Нань Ци шу»], составленную Сяо Цзысяном (489—537), сочинитель Пин Буцин (1832—1896) сообщает в своих «Россыпях, собранных за [пологом] заката» [«Ся вай цзюнь се»]: «Дом покосился из-за прогнивших опор, но возводить новый накладно. И тогда рядом с прогнившими столбами под крышу для ее подпорки подводят новые столбы. Они должны быть длиннее старых опор, иначе те не удалить. Затем меняют прогнившие опоры. В народе это называют «выкрасить балки и подменить столбы».

Выражение для стратагемы 25 имеет, таким образом, исходно строительную подоплеку. Она характеризует процесс, который на Западе в новейшее время именуют «перелицовкой», «перепланировкой» (*Auskernung*) (не путать со «сносом», «расчисткой» в смысле разгрузки густо застроенного городского квартала).

25.1. Здания без души

«Раз за разом убирали новые жильцы все то, что прежде отличало здание: замечательный овальный читальный зал, бывший общедоступным центром и символическим сердцем библиотеки, «расчистили» и тем самым разрушили; от совершенно-функциональной и вместе с тем эстетически выверенной внутренней архитектуры остались лишь противопожарные стены и дубовые панели окон фасада. Все встроенные элементы (лестницы, шкафы, полки вдоль стен, ряды откидных сиденьев, каталожные ящики), как и примыкавшая к залу галерея, были выкорчеваны; даже знаменитый световой проем в потолке лишили его тонкой внутренней отделки...» — так описывается перепланировка здания Научно-культурной библиотеки Варбурга, впервые открывшей свои двери для посетителей 1 мая 1926 г. (Михаэль Дирс (Diers). «Доброму европейцу посвящается: отвоеванный дом Варбурга в Гамбурге». *Новая цюрихская газета*, 16—17.09.1995, с. 65).

«Переделка», или — используя более новое слово — «перепланировка», домов случалась в Центральной Европе и в XIX веке, а после Второй мировой войны в ходе восстановления разрушенных городов и зданий стала повсеместной.

Жить в старом доме теперь опять стало модным. Однако при этом никто не хочет отказываться и от современных удобств. «Туалет не должен находиться на лестничной площадке, а здесь надо расположить ванную». Печное отопление, для которого нужно таскать из подвала уголь, уже не отвечает духу времени. Подобные требования вынуждают к обширной перестройке, к изменению исходного плана здания. Желание жить в старом доме на современный лад зачастую влечет за собой единственно приемлемое решение — перепланировку. О «перепланировке» говорят, когда удаляют внутреннюю отделку помещения и по-новому перегораживают помещения, то есть целиком расчищают здание изнутри, оставляя лишь стены дома и крышу. Так что перепланировка означает перестройку или новостройку при сохранении фасада здания. Поэтому, если смотреть снаружи, можно подумать, что перед нами старинный дом, но стоит переступить его порог, как мы увидим полностью принявшее современный облик внутреннее убранство с лифтом, звукоизоляцией, кондиционерами, электрическими плитами, тройным остеклением, гаражом внизу и т. д.

³²⁸ *Кит.* «Ди ван ши цзи», дошли до нас лишь во фрагментах и составлены при династии Западная Цзинь Хуанфу Ми (215—282), историографом, известным врачом (написал руководство по иглоукалыванию). Художественную биографию см.: *Энь Вэньнай. Дремлющий дракон. Пер. с кит. Цзян Шилуня. М: Триада, 2000. — Прим. пер.*

Опасность перепланировки не оспаривают и специалисты. Так, после перепланировки строений в старой части Цюриха появились такие словечки, как «Цюрих — Диснейленд» и «Цюрих — только с виду Цюрих» (Дитер Нифергельт (Nievergelt) [Ред.], *Sanierung von Bauten in der Altstadt: Pinselrenovation kontra Auskemmung* («Оздоровление построек в Старом городе: ретушевка против перепланировки»). Нидертойфен, 1986, с. 5). За этим скрывается тревога за здания, после перепланировки «лишившиеся своего духа», и понимание того, что Старый город лишь тогда имеет право так называться, когда и за фасадом сохраняются следы истории. Перепланировка ведет к «прискорбной утрате содержания, к чему-то ненастоящему», иногда даже поговаривают о «потемкинских деревнях» [см. стратегию 29], как сказал Томас Вагнер, мэр Цюриха (*tam же*, с. 11), или о «ряженном сооружении» (Георг Мёрш, *Aufgeklärter Widerstand: das Denkmal als Frage und Aufgabe* («Объявленное сопротивление: памятник как требующая решения задача»). Базель, 1989, с. 63).

Против перепланировки говорит тот факт, что здание всегда образует определенное единство, и сохранение только внешнего облика не может нас удовлетворять. Удивительно, но вместе с перепланировкой исчезает своеобразное очарование умиротворенности, ощущение особого уюта старого дома со всеми его закоулками. Старый дом имеет свою историю, которую может нам поведать. И какой контраст являют зачастую безликие и своими строгими геометрическими очертаниями наводящие тоску новостройки. Для Георга Мёрша, профессора архитектуры Федеративной политехнической школы Цюриха, перепланировка — это воплощение псевдонаучного тезиса «наружная краса вся на виду и являет собой историко-культурную ценность, а поэтому достойна сохранения, внутреннее же убранство сокрыто и трудно воспринимается эстетически, а поэтому вполне может быть удалено». Что до восприятия людей, то они «зачастую чувствуют себя обманутыми, ограбленными» (Нифергельт, с. 21), тем более что «при виде любого здания, старинного на вид, приходится опасаться подделки» (Мёрш, 1989, с. 66). Люди нуждаются в зримых, вещественных свидетельствах прошлого, несущих в себе дух былого. Эти следы прошлого придают нашим мыслям и чувствам широту и глубину, духовно обогащая нас. А что же происходит при перепланировке?

«Всякого, наблюдавшего подобную внутреннюю ломку, охватывает оторопь при виде того, как сносят добротные стропила, крепкие балочные перекрытия, надежные лестничные клетки с витыми перилами, паркет, обшивку из цельного дерева, резные двери, лепные потолки и старую фурнитуру. [Стираются] черты дома и следы его обитателей, следы, накапливавшиеся десятилетиями и связующие прошлое и настоящее, следы, запечатленные во всем облике дома и лишь совокупно придающие значимость величественному фасаду. Почти всегда вместе с этими следами... наряду со значимостью для нашей памяти всего внутреннего содержания старого дома исчезает и технически безупречное и полезное внутреннее содержимое дома вроде добротности, удобства починки даже для людей несведущих, технической понятности даже для детей, возможности изменений, но неспешных, идущих в ногу с нашей собственной жизнью» (Нифергельт, с. 21 и след.; Мёрш, с. 62). Пока перепланировка будет уничтожать сам принцип строительства старинных зданий, столь не похожий на современный, она «будет представлять собой лишь особо разительный пример полной своей несостоятельности» (Нифергельт, с. 26).

25.2. Отошедшая на задний план охрана памятников

Многие старые постройки, особенно в немецких городах, отличаются обширностью смежных с соседними зданиями площадей, то есть превышением установленных современным законом линий застроек, избытком защитных лесонасаждений. Однако после сноса такое же использование земельного участка для новостройки уже невозможно. Поэтому сохранение внешнего вида, подправленный фасад, заново воссозданный внешний облик — все это зачастую служит тому, чтобы продемонстрировать «сохранение памятника», хотя в действительности перед нами новостройка. Злоупотребления под видом охраны памятников все чаще вызывают общественное негодование: вместо того, чтобы по меньшей мере получаемую отдачу от земельного участка, где расположен памятник, сделать залогом его полного сохранения, пренебрегают целостностью самого памятника, просто прикрываясь им «для незаконного строительства». Тем самым обесценивается само понятие памятника. (Георг Мёрш, *Объявленное сопротивление*. Базель, 1989, с. 60). Так, истинным основанием для «сохранения» подвергшейся перепланировке гостиницы в Цюрихе стало то обстоятельство, что при полном сносе здания пришлось бы придерживаться существующих ныне строительных норм. Сохранение внешней стены позволило их обойти (Мёрш, с. 63, 65).

Таким образом происходит двойное выхолащивание: как самого сооружения, так и понятия «памятник».

25.3. Иные лики стратегии перелицовки

Как устоявшаяся архитектурная мера перепланировка, разумеется, представляет собой не стратегию, а вполне обыденное дело. «Слово «перелицовка», давно вошедшее в обиход, некогда вызывавшее споры,

ныне стало приевшимся понятием». Эти строки написал мне 2.09.1998 г. один профессор истории зодчества и искусства Федеративной политехнической школы Цюриха. И все же строительная перепланировка, как она представляется своим критикам, выказывает заметное сходство со стратагемой 25, с той существенной оговоркой, что сама стратагема приложима ко многим случаям жизни, будь то разборка автомашины на запчасти или перепрофилирование фирмы. Даже манипулирование информацией продажными журналистами китайцы обозначают посредством стратагемы 25 (*Газета особого района Шэньчжэнь [Шэньчжэнь тэцзюй бао]*, 29.10.1994).

«Балки» и «колонны» в выражении для стратагемы 25 выступают образами немногих, но важнейших составных частей того или иного предмета. Например, под ними могут подразумеваться «существо», «содержание» или «сущность» некой вещи. «Сущность — это свойство, отличающее одну вещь от другой. Стоит тайком изменить сущность (суть) вещи или подменить ее, и первоначальной вещи уже нет. Даже при всем ее сходстве с подлинником в действительности перед нами нечто совершенное иное. «Тайная, подспудная подмена сущности и представляет собой наиболее полное выражение стратагемы 25, — пишет исследователь стратагем Юй Сюэбинь. — Форма — это то, что бросается в глаза, тогда как содержание не столь явно выступает наружу, — развивает он далее свою мысль. — Такое положение и позволяет тайком подменить содержание вещи. Ведь изменение содержания при сохранении внешней формы обычно распознать бывает нелегко, хотя подмена внутренних определяющих составных частей той или иной вещи со временем сказывается на ней решительным образом».

В военном отношении «балки» и «колонны» означают главные силы противника. Стоит удалить из дома балки и столбы, и он рухнет. Стоит убрать из войска его костяк, и оно развалится. Военное применение стратагемы 25 нацелено на то, чтобы, к примеру, постоянной сменой дислокации собственных сил или обманным маневром вынудить противника так отодвинуть свой костяк, чтобы все войско утратило устойчивость, рассыпавшись на несколько обособленных более слабых частей. Это соответствует правилу «расколоть ряды противника». Самим же тем временем собрать свои силы в кулак и обрушиться на раздробленные вражеские части. Таким способом при удобном случае можно невыгоду общего положения обратить в многочисленные отдельные выгоды, а в итоге выиграть и в стратегическом отношении.

Стратагема 25 привлекается и для проникновения в чужую страну. В Афганистане, как пишет исследователь стратагем Ли Бинъянь, с середины 50-х гг., используя любые лазейки, стал утверждать свое присутствие Советский Союз. После захвата власти Мухаммадом Тараки (апрель 1978 г.) Советский Союз направил туда свыше 6000 советников и специалистов, обеспечивая шаг за шагом управление армией, партийными и правительственными органами. Наряду с этим Советский Союз разворачивает бурную разведывательную деятельность, удаляя с ключевых постов враждебные элементы и заменяя их просоветски настроенными. После того как удалось сменить балки и опоры афганской армии, Советский Союз 27 декабря 1979 г. открыто вторгся в Афганистан, захватив его единым махом.

Далее. Стратагема 25 может найти применение и внутри военных или гражданских союзов или блоков, а также после [экономического, политического] слияния, в том смысле, что нерешительного союзника ловко, не дав ему опомниться, лишают главной силы (например, в виде основных воинских соединений, кадров и т. д.) и препровождают в свои ряды. Наглядные свидетельства этому, вероятно, мог бы дать предпринятый с позиции стратагемы 25 анализ поведения НАТО и, соответственно, США в отношении к своим союзникам. США умело проводят в жизнь стратагему 25, ловкой иммиграционной политикой приманивая специалистов со всего света. Посредством «такого повсеместного изымания талантов» (Мартин Килиан (Kilian). «Честолюбивые и бессердечные». *Вельтвохе*. Цюрих, 26.03.1998, с. 7) США усиливаются, тогда как другие страны ослабляются.

Уступая противнику на поле боя, можно незаметно от него укрепить собственные силы пополнением союзных войск, так что преимущество уже окажется на вашей стороне. В этом случае происходит замена у себя балок и столбов.

Одна из разновидностей стратагемы 25 состоит в том, что незаметно подменяется не только содержимое вещи, но вся она целиком, то есть настоящее меняется на поддельное, добротное на некачественное, важное на незначительное и т. д. Подмена должна так походить на подлинник, чтобы жертва стратагемы приняла подделку за настоящее, плохое за добротное или второстепенное за первостепенное. Когда же обман раскрывается, бывает уже поздно. Крайне грубым выражением использования стратагемы 25 в этом отношении может служить подделка упаковки или ярлыка, и часто в таких случаях китайцы говорят: «торговать собачатиной, прицепив [на тушку] овечью голову» («гуа янтоу, май гоужоу»). Вот пример, который приводит исследователь стратагем Юй Сюэбинь. Одна местная фабрика в провинции Цзилинь расфасовывала низкосортное удобрение в мешки с надписью уважаемого государственного химического предприятия. Внешний вид мешков и надпись говорили о высококачественной продукции, хотя в действительности там скрывался второсортный товар.

В идейных спорах стратагема 25 преимущественно используется для того, чтобы из всякой идеи (понятия, высказывания, меры, действия и т. д.) безотносительно к истинному содержанию выхватить ту ее часть, которую можно использовать в рамках обоснования собственного взгляда, например, оспаривая доводы противника, вкладывать в них собственное содержание. Такой образ действий зачастую сводится к скрытой подмене сути разбираемой идеи. Например, «банда четырех» хотела придать иной ход развернувшейся осенью 1975 г. критике романа *Речные заводы*. Без смены названия этого направления критики она попыталась вместо капитулянтства — по мнению Мао, предосудительной основной направленности романа — главной мишенью самой критики сделать ведущее исподволь отстранение одного из руководителей повстанцев его же сподвижником. В данном случае брался под прицел Чжоу Эньлай. Подобное поведение *Жэньминь жибао* отнесла к стратагеме 25 (12.12.1976).

Было бы предусмотрительно готовиться к отпору данной стратагемы со стороны союзников и тех, кто занял позицию невмешательства. Нельзя легкомысленно предоставлять другим свои основные ресурсы, чтобы затем не ужасаться, как другие их поглотили, а вы сами лишились их поддержки. Напротив, необходимо постоянно держать в поле зрения свои «балки» и «столбы», точно знать их состояние и заботиться о них, чтобы не потерять ни при каких обстоятельствах своей дееспособности. Собственные «балки» и «столбы» не должны быть легкодоступными ни для кого. На случай их повреждения или необходимости их заменить надо предусмотреть своевременные меры.

Высказывания должны быть ясными и сопровождаться разъяснениями. Кто выражается неопределенно, расплывчато или двусмысленно, подталкивает к тому, что его мысли будут превратно истолкованы, извращены, подправлены или как-то иначе использованы к чужой выгоде. Если ваши слова извратили, то или иное высказывание превратно истолковали, например, вырвав отдельные слова из контекста, нужно постараться тотчас исправить положение и воспрепятствовать дальнейшему распространению ошибочного истолкования. Даже ясность высказываний не всегда уберезет от проводника стратагемы 25, как показывает, например, судопроизводство, когда адвокаты порой ничтоже сумняшеся «вырывают слова и лишают их стоящего за ними смысла» [«дуань чжан цюй и»], даже предъявляя противной стороне вещи, которые та не говорила. Такого рода использование стратагемы 25 более подробно разбирает Эдвард Э. Отт (Ott) в своей книге *Juristische Dialektik* («Юридическая диалектика», 2-е изд. Базель, 1995, с. 66—77, 79—84).

20 сентября 1996 г. на площади Мюнстерхоф в Цюрихе по случаю праздника Европы, в проведении которого принимал участие Цюрих и кантон Женева, отмечали пятидесятилетие речи Уинстона Черчилля (1874—1965) в стенах Цюрихского университета («The Tragedy of Europe», September 19, 1946 («Трагедия Европы», сентябрь 19, 1946): Роберт Роудз Рид (Rede) [Ред.]: *Winston Churchill: His Complete Speeches 1897—1963* («Уинстон С. Черчилль: полное собрание его выступлений 1897—1963 гг.»), т. VII (1943-1949), Нью-Йорк / Лондон 1974, с. 7379 и след.). При этом собравшимся внушали мысль, что видение будущего Черчиллем в его речи воплотилось в Евросоюзе. Но то, что в рамках подобного истолкования из его речи были удалены «балки» и «опоры», вряд ли было замечено — кто возьмет на себя труд прочитать оригинал (см. также 24.3 и особенно 25.11)?

Как только сообщается о вещах, которые невозможно или трудно перепроверить, следует особо опасаться, не пущена ли здесь в ход стратагема 25. Иначе говоря, к сообщениям, к источнику которых у вас нет доступа, нужно относиться настороженно и никогда не верить им на слово. Ведь в наше время при наличии свыше 800 миллионов свободных интернетовских сайтов (*Шпигель*. Гамбург, № 28, 1999, с. 152) и при вызванном «огромным потоком информации невообразимом хаосе» (*Gdi impuis*³²⁹. Цюрих, № 1, 1998, с. 27; см. также стратагему 20) стало крайне легко вводить в заблуждение.

Подобно стратагеме 11 при стратагеме 25 тоже происходит замена. Но если в стратагеме 11 речь идет о сохранении и защите человека, над которым нависла беда, то в стратагеме 25 — об изменении на первый взгляд непонятно какой личности, какой вещи или какого понятия с целым рядом связанных с этим шагом целей. В этом отношении стратагема 25 отличается и от стратагемы лишения силы 19, озабоченной исключительно ослаблением противника.

25.4. Свадьба без брачной ночи

Драгоценная Яшма (Баоюй) [из рода Цзя] был единственным сыном [если не считать умершего старшего, оставившего внука] Цзя Чжэна, дяди, женатого на Ван Сифэн (иначе «сестрица Фэн (Фэнцзе)») племянника Цзя Ляня. «Появился он на свет с яшмой во рту. Яшма эта излучала радужное сияние, а на поверхности

³²⁹ Ежеквартальный журнал швейцарского Института Готтлиба Дутвайлера по прогнозированию (GDI — Gottlieb Duttweiler Institut). — *Прим. пер.*

виднелись следы иероглифов... Все говорили, что у этого мальчика необыкновенная судьба и потому бабушка [матушка Цзя] холит его и лелеет» [гл. 2: «Сон в красном тереме». Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Худ. лит., 1995, с. 39]. Пурпурная Жемчужина (Дайюй) [из рода Линь] была дочерью [Цзя Минь,] сестры Цзя Чжэна. Так как мать девочки умерла, когда той было шесть лет, то матушка Цзя взяла внучку в [Жунго, столичный] дворец рода Цзя. В ту пору ей исполнилось девять, и она была на год младше Баоюя. Вскоре после переезда умер и ее отец. Драгоценная Шпилька (Баочай) [из рода Сюэ], на год старше Баоюя, приходившаяся племянницей [госпоже Ван] супруге Цзя Чжэна, тоже въехала в дом Цзя. Баоюй весьма благоволил к женщинам, в том числе и к Баочай. Но сердце его целиком принадлежало Дайюй. Это было крайне чувствительное и мечтательное создание. Люди вокруг представлялись ей очень легкомысленными. Чем больше им нравилось общество, тем неудобнее они ощущали себя при виде ее отчужденности. Поэтому они сторонились ее, и она предавалась своим думам. Она размышляла о цветах, чье увядание видеть тем тягостней, чем больше радуешься их благоуханию, так что лучше бы те вообще не цвели. Поэтому неудивительно печальное выражение у нее на лице, когда у других оно озаряется улыбкой. Ее доброе сердце проявилось осенним днем, когда она сгребла метелкой опавшие лепестки персика в шелковый мешочек и вместе с Баоюем зарыла в могилку [гл. 23: *там же*, т. 1, с. 332]. Они легко ссорились, но и быстро мирились. Однажды Баоюй пришел к ней в расположенный в саду павильон [Реки Сяосян]. Та только что проснулась и поправляла волосы. «Глаза у нее были совсем еще сонные, на щеках играл румянец. Что-то дрогнуло в душе Баоюя» [гл. 26: *там же*, т. 1, с. 373]. Однажды он признался ей [но эти слова довелось услышать не ей, а его служанке Сижэнь]: «Даже во сне мысли о тебе не покидают меня!» [гл. 32: *там же*, т. 1, с. 463]. Свою привязанность к Дайюй он не скрывал от других. Многие намеками или вовсе без обиняков говорили ей о предстоящей свадьбе с Баоюем. Для них обоих не было никакого сомнения, что самой судьбой они предназначены друг другу. Его привязанность была столь сильной, что он даже занемог, когда Багряная Кукушка (Цзыцзюань), любимая служанка Дайюй, в шутку сказала о намерении своей барышни на следующий год вернуться домой [гл. 57: *там же*, т. 2, с. 253]. Телесно Дайюй была слаба. Ее часто лихорадило, изводил кашель, так что приходилось ложиться в постель. Для горничных и служанок она, круглая сирота, казалась чужой, и те с неохотой возились с ней. Так что чувствовала себя Дайюй брошенной и совершенно одинокой. Между тем пришла пора Баоюю жениться. Поэтому, когда его мать, госпожа Ван, завела с матушкой Цянь разговор о Дайюй, та сказала: «Она не пара Баоюю. Да и здоровьем слаба, долго не проживет. Баочай — вот невеста для Баоюя!» И добавила: «Женим Баоюя, а потом и ее выдадим замуж. Главное, чтобы Дайюй до времени ничего не знала» [гл. 90: *там же*, т. 3, с. 138—139]. Все решилось без ведома Баоюя, как и было заведено в ту пору. Баоюй неосторожно теряет свой драгоценный оберег-яшму, который обыкновенно носил на шее, закрепленным на пятицветной тесьме, вследствие чего лишается рассудка [гл. 94: *там же*, т. 3, с. 192 и далее]. Тем временем его отца отправляют начальником по сборам хлебного налога в провинцию Цзянси. Перед отъездом его зовет к себе восьмидесятилетняя мать, чтобы известить о тревоге за внука Баоюя. «Вчера я велела... пойти погадать о его дальнейшей судьбе. Гадатель сказал, что Баоюя надо женить на девушке, чья судьба связана со стихией металла; только это может его спасти. Иначе ни за что ручаться нельзя» [гл. 96: *там же*, т. 3, с. 216—217]. Отец юноши дал свое согласие. Сижэнь («Привлекающая людей»), служанка Баоюя, прознавшая о выборе невесты, понимала, что надвигается беда, поскольку ей было ведомо о глубоких чувствах ее господина к Дайюй: «Конечно, если он совсем потерял разум, то отнесется к этой новости безразлично. А если хоть что-то соображает, это может его просто убить. Придется поговорить с госпожой. Это мой долг. Иначе могут оказаться несчастными сразу три человека!» [гл. 96: *там же*, т. 3, с. 220]. Поэтому она отправилась к матери Баоюя и трогательно описала те отношения, что с годами завязались между Баоюем и Дайюй. Она также упомянула о признании Баоюя в любви к Дайюй, невольной свидетельницей чего она стала. Стоило служанке Дайюй заикнуться о мнимом отъезде, как Баоюй смертельно занемог. «Воспользовавшись случаем, госпожа Ван не преминула рассказать матушке Цзя все, что ей было известно о чувствах Баоюя к Дайюй. Матушка Цзя выслушала ее, подумала и сказала: «Бог с ней, с Дайюй, а вот если у Баоюя к ней серьезные чувства, могут возникнуть осложнения». — «Какие еще осложнения? — промолвила Фэнцзе. — Я уже кое-что придумала, не знаю только, согласится ли тетушка». — «Если придумала, расскажи старой госпоже, — вмешалась госпожа Ван, — а потом вместе обсудим!» — «Сейчас надо, как говорится, забросить удочку!» — сказала Фэнцзе. «Что это значит?» — удивилась матушка Цзя. «А то, что нужно распустить слух, будто отец решил женить Баоюя на барышне Линь Дайюй. Посмотрим, как Баоюй к этому отнесется. Если останется равнодушным, беспокоиться нечего. А обрадуется — тогда хлопот не миновать!» — «Допустим, он обрадуется, — произнесла госпожа Ван. — Что тогда?» Фэнцзе наклонилась к госпоже Ван и что-то прошептала на ухо. «Да, да, — закивала госпожа Ван. — Неплохо!»... Сначала матушка Цзя ничего не поняла, но, когда Фэнцзе ей все разъяснила, расплылась в улыбке» [гл. 96: *там же*, т. 3, с. 222—223]. Хотя и было запрещено говорить о готовящейся женитьбе Баоюя с Баочай, об этом случайно стало известно Дайюй от одной ничего не подозревающей молодой служанки [гл. 96: *там же*, т. 3, с. 225]. У Дайюй пошла кровь горлом, и она слегла. Между тем «на следующий день после завтрака Фэнцзе пошла к Баоюю и без обиняков заявила: «Второй господин, тебя ждет большая радость! Отец решил тебя женить и уже выбрал счастливый день для свадьбы!» Баоюй ничего не говорил, только глядел на Фэнцзе широко раскрытыми глазами, улыбался и еле заметно кивал головой. «Он решил женить тебя на сестрице Линь Дайюй, — продолжала Фэнцзе. — Ну, как, доволен?» Баоюй расхохотался, и, глядя на него, Фэнцзе не могла понять, в здравом ли он уме. Поэтому она

повторила: «Батюшка сказал, что женит тебя на сестрице Линь Дайюй, но лишь в том случае, если ты поправишься. А если и дальше будешь таким же глупым, тебя вообще не женят». — «Не я глуп, а ты! — с серьезным видом заявил Баоюй и, поднявшись, добавил: — Пойду навещу сестрицу Дайюй, надо ее успокоить!» — «Сестрица Дайюй уже все знает, — поспешила сказать Фэнцзе, удерживая его за руку. — Она скоро станет твоей женой, и не надо к ней ходить, смущать ее». — «А когда меня женят, мы с нею хоть раз увидимся?» — спросил Баоюй. Фэнцзе стало смешно, но она тут же подумала: «Сижэнь не ошиблась. Стоит упомянуть имя сестрицы Линь — и у него наступает просветление. Но если он в здравом уме и увидит, что его женили не на барышне Линь Дайюй, то взбесится, как затравленный тигр. Тогда его не унять!» И, поборов волнение, Фэнцзе сказала: «Если будешь благоразумным, увидите! А не будешь — она не пустит тебя к себе». — «Сердце у меня всего одно, и я давно отдал его сестрице Линь Дайюй, — сказал юноша. — Если она придет, то принесет его и снова вложит в мою грудь». Слова Баоюя показали Фэнцзе бессмысленными, она вышла из комнаты и отправилась к матушке Цзя. Там она слово в слово повторила все, что говорил Баоюй. Матушке Цзя было и смешно и больно» [гл. 97: *там же*, т. 3, с. 231—232]. Пока улаживались все формальности в связи со свадьбой с Баочай, Баоюя уверяли, что он сочетается браком с Дайюй. «Здоровье юноши теперь с каждым днем улучшалось. Блаженство наполнило душу, когда он узнал, что его женят на Дайюй... Хоть временами его речь и казалась бессвязной, в общем он производил впечатление здорового человека» [гл. 97: *там же*, т. 3, с. 243]. В день свадьбы состояние Дайюй крайне ухудшилось. Никто из большого семейства Цзя не находил времени для нее. Цзыцзюань, служанка Дайюй, отчаявшись, велела позвать няньку Дайюй — тетку Ван. Та глянула на свою воспитанницу и в отчаянии заплакала. А Цзыцзюань так на нее надеялась! Но тетка Ван оказалась совершенно беспомощной и стояла в полной растерянности. Тут Цзыцзюань осенило: «Вот за кем надо послать!» Как бы вы думали, за кем? Ну конечно же, за Ли Вань (вдовой старшего брата Баоюя). Цзыцзюань знала, что Ли Вань живет затворницей и на свадьбу вряд ли пойдет. Веселье и шум ее не прельщали. К тому же она была главной распорядительницей в саду. Когда пришла служанка, Ли Вань выправляла стихи, недавно написанные [сыном] Цзя Ланем. «Старшая госпожа, барышня Линь совсем плоха!» — доложила служанка. — Там все плачут». Ли Вань, ни о чем не спрашивая, поспешила к Дайюй... Обливаясь слезами, Ли Вань думала: «Дайюй была самой красивой среди сестер и самой талантливой... А Фэнцзе, будто нарочно, вздумала, как говорится, «украсть балку и подменить колонну». Как же ей после этого являться в павильон Реки Сяосян и утешать девочку! Бедняжка Дайюй, жаль мне ее!»... [Когда Дайюй находилась при смерти,] на пороге появилась жена [управляющего] Линь Чжисяо. «Хочешь что-то сказать?» — спросила Ли Вань. Женщина замаялась, а после произнесла: «Вторая госпожа Фэнцзе только что разговаривала со старой госпожой, им на некоторое время нужна барышня Цзыцзюань. «Тетушка Линь! — вскричала Цзыцзюань, не дожидаясь, пока Ли Вань ответит. — Прошу вас, оставьте нас в покое!.. Когда умрет барышня, мы, разумеется, перейдем в ваше распоряжение, и тогда все, что нужно...» Цзыцзюань смутилась, умолкла, а потом, как бы извиняясь, договорила: «А сейчас мы не отходим от барышни. Она все время меня зовет». — «В самом деле? Видимо, в прежней жизни барышня Линь самой судьбой была связана с этой девочкой. Она ее ни на минуту не отпускает, — подтвердила Ли Вань. — А вот к Белоснежной Гусыне (Сюэянь) барышня равнодушна, хотя и привезла ее с собой»... «В таком случае пусть немедля идет со мной», — сказала жена Линь Чжисяо... Надо сказать, что в последнее время Дайюй почти не пользовалась услугами Сюэянь, считая ее нерасторопной и глупой, и Сюэянь охладела к барышне. Поэтому она не возразила ни слова и стала собираться. Девочке велели надеть новое платье и следовать за женой Линь Чжисяо... Когда Сюэянь увидела приготовления к свадьбе, она вспомнила о своей барышне, и сердце сжалось от боли, но при матушке Цзя и Фэнцзе она не решалась показывать свое горе. «И зачем только я им понадобилась?» — думала Сюэянь... [гл. 97: *там же*, т. 3, с. 235—242]. Дыхание Дайюй оборвалось в тот момент, когда Баочай в паланкине принесли в дом Баоюя» [гл. 98: *там же*, т. 3, с. 253], и находилась с ней рядом одна верная служанка Цзыцзюань.

Между тем Баоюй облачился во все новое и пошел в комнату госпожи Ван. Глядя на хлопочущих госпожу Ю и Фэнцзе, он с нетерпением дожидался счастливого часа... Вскоре в ворота под нежные звуки музыки внесли большой паланкин. Впереди шли люди, держа в руках двенадцать пар фонарей. Все выглядело необычайно торжественно и красиво. Распорядитель брачной церемонии попросил невесту выйти из паланкина. Лица ее Баоюй не видел, оно было скрыто покрывалом, и сваха, одетая во все красное, поддерживала ее под руку. С другой стороны ее держала под руку... Сюэянь!.. «Почему не Цзыцзюань? — мелькнуло в голове Баоюя, но он тут же подумал: — Да ведь Сюэянь сестрица привезла из дома, и потому она должна быть на свадьбе». В общем, появление Сюэянь обрадовало его не меньше, чем если бы он увидел саму Дайюй. Началась брачная церемония. Новобрачные поклонились Небу и Земле, затем отвесили четыре поклона матушке Цзя, потом Цзя Чжэну и госпоже Ван. После церемонии новобрачных проводили в отведенные для них покои. О том, как молодых усадили под полог, осыпали зерном, и об остальных обрядах, которые свято чтит в семье Цзя из поколения в поколение, мы рассказывать подробно не будем. Свадьба была устроена по желанию матушки Цзя, и Цзя Чжэн ни во что не вмешивался — он верил, что женитьба поможет Баоюю выздороветь, и сегодня убедился в том, что надежды его оправдались. Баоюй выглядел совершенно нормальным. Но вот настал момент, когда жених должен был снять покрывало с невесты. Фэнцзе приняла все меры предосторожности, даже пригласила матушку Цзя и госпожу Ван, чтобы лично наблюдали за церемонией. Баоюй подошел к невесте, спросил: «Сестрица, ты выздоровела? Как давно

мы с тобой не виделись! Зачем тебя так закутали?» И он протянул руку, собираясь поднять покрывало. От волнения у матушки Цзя выступил холодный пот.... Постояв в нерешительности, он все же собрался с духом и приподнял покрывало. Сваха взяла покрывало и удалилась, а на месте Сюэянь появилась Птенчик Иволги (Инъэр), [служанка Баочай]. Баоюй был ошеломлен — перед ним сидела Баочай. Он протер глаза, поднял фонарь, пригляделся. Сомнений нет — это Баочай! В роскошном одеянии, стройная и изящная, с пышной прической, она сидела, потупив глаза и затаив дыхание. Она была хороша, как лотос, поникший под тяжестью росы, прелестна, словно цветок абрикоса в легкой дымке. Больше всего поразило Баоюя то, что на месте Сюэянь рядом с невестой стояла Инъэр. Все происходящее казалось юноше кошмарным сном. К нему подбежали служанки, усадили, взяли из рук у него фонарь. Баоюй тупо смотрел в одну точку, не произнося ни слова. Матушка Цзя опасалась, как бы юноше не стало хуже, и окликнула его, стараясь отвлечь от мрачных мыслей. Фэнцзе и госпожа Ю поспешили увести Баоюя во внутренние покои. Баочай, тоже подавленная, все время молчала. Баоюй, словно очнувшись, тихонько подозвал Сижэнь и спросил: «Где я? Не сон ли все это?» — «У тебя нынче счастливый день, — отвечала девушка. — Какой же это сон? Не болтай глупостей! Отец услышит!» — «А что за красавица сидит там в комнате?» — с опаской осведомился Баоюй, указывая пальцем на дверь. Сижэнь зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться, и после длительной паузы ответила: «Это — твоя жена, теперь ее надо называть второй госпожой». Служанки отвернулись, стараясь скрыть улыбки. «Ну и дура же ты! — вспылил Баоюй. — Ты мне скажи, кто она, эта «вторая госпожа»?» — «Барышня Баочай». — «А барышня Дайюй?» — «Отец решил женить тебя на барышне Баочай, — проговорила Сижэнь, — а ты болтаешь о барышне Дайюй». — «Но ведь здесь только что была барышня Дайюй, а с нею — Сюэянь, я видел ее собственными глазами, — не унимался Баоюй. — А ты говоришь, барышни Дайюй здесь нет... Вы что, шутить со мной вздумали?!» — «Хватит болтать! Услышит барышня Баочай, обидится, — шепнула на ухо юноше Сижэнь. — И бабушка на тебя будет сердиться!» В голове Баоюя снова все перепуталось, события нынешней ночи повергли его в смятение, и он стал громко требовать, чтобы тотчас же привели Линь Дайюй. Никакие уговоры не помогали. Баоюй ничего не соображал, тем более что говорили все тихо, опасаясь, как бы не услышала Баочай. Поняв, что у Баоюя новый приступ болезни, матушка Цзя приказала воскурить благовония для успокоения его души, а самого отвести спать... С этих пор Баоюй окончательно лишился рассудка и перестал есть...» [гл. 97: *там же*, т. 3, с. 243—247]. «Баочай была уверена, что Баоюй болеет из-за Дайюй, а не из-за утерянной яшмы, и, несмотря на все запреты, рассказала юноше о ее кончине. Пусть сразу переживет все несчастья, думала девушка, может быть, тогда к нему возвратится рассудок и легче будет его лечить... И вот настал день, когда Баоюй проснулся совершенно здоровым. Только воспоминания о Дайюй выводили его из состояния равновесия. Сижэнь как могла утешала его: «Барышня Баочай ласкова и добра, потому отец и выбрал ее, а не барышню Линь. К тому же барышня Линь тяжело болела и в любой момент могла умереть. Но, зная твой беспокойный характер, бабушка не стала тебе ничего говорить и позвала Сюэянь, чтобы ввести тебя в заблуждение». Баоюй опять расстроился, даже заплакал. Ему снова захотелось умереть, но он... подумал: «Все равно, Дайюй нет в живых, а из остальных мне больше всех нравилась Баочай». Баоюй тешил себя мыслью, что брак с Баочай предопределен самой судьбой: у него — яшма, у Баочай — золото. Баочай была добра и ласкова с ним, и постепенно горячую любовь к Дайюй он перенес на молодую жену» [гл. 98: *там же*, т. 3, с. 251—252]. Позже Баоюй вновь заболел и день ото дня ему становилось все хуже. Но тут появляется монах с потерянной яшмой. И мгновенно Баоюй выздоравливает [гл. 115, 116: *там же*, т. 3, с. 477—490]. Он меняет свою жизнь и отправляется держать государственный экзамен, чтобы получить чиновничью должность. Его жена ожидает ребенка. Однако судьба не судила ему быть супругом и отцом. Неожиданно [после сдачи экзамена] он бесследно исчезает, увлекаемый буддийским и даосским монахами.

«Чтобы обмануть Баоюя, Фэнцзе предлагает хитроумный план», так называется 96-я глава романа «Сон в красном тереме», где повествуется, как Ван Сифэн предлагает двум господам хитрость, чтобы провести Баоюя [*там же*, т. 3, с. 214—228]. В 97-й главе эта хитрость обозначается выражением страгегемы 25. Женильба Баоюя на Баочай — дело решенное и пересмотру не подлежит. Но тут оказывается, что самому Баоюю сообщать об этом нельзя. Лишь упоминание имени Дайюй поможет ему оправиться от болезни. И напротив, известия о том, кто его настоящая невеста, могут отразиться на Баоюе самым печальным образом. Эти два обстоятельства составляют основу привлекаемых госпожой Ван Сифэн слов страгегемы 25 и в день свадьбы выступают «балками» и «колоннами» для обмана Баоюя, вызывая ничего не значащими словами «невеста» и «свадьба» соответствующие его упованиям грезы о предстоящем торжестве, а именно женильбу на Дайюй. И действительно, эти навеянные поддельными «балками» и «колоннами» грезы благотворно сказываются на состоянии здоровья Баоюя. Но главное, что Баоюй соглашается на свадьбу, даже радуется ей и не противится. Однако в конце свадебной церемонии после снятия покрывала с невесты все эти грезы улетучиваются, но задуманное свершилось. Теперь Баоюй и Баочай супруги. И неудивительно, что после описания обмана Баоюя и его последующего выздоровления в конце 97-й главы *Сна в красном тереме* Ван Сифэн удостоивается похвалы: «Что же касается ее тонких уловок, они неизменно увенчивались успехом». Этими словами заканчивает Чуань Синь главу о страгегеме 25 своей книги *Ван Сифэн и 36 страгегем* ([«Ван Сифэн юй Сань ши лю цзи»], Пекин, 1993).

25.5. Наследного принца заменить кошкой

[Государыня Лю], супруга императора Чжэнь-цзуна (986—1022 гг., правил с 998), оставалась бездетной, тогда как ее служанка [Ли], которую император почтил высочайшим вниманием, забеременела. Государыня боялась, как бы та не родила императору сына и тот не сделал бы его своим наследником. Тогда бы она оказалась оттесненной служанкой на задний план. И тут, как пишет одна гонконгская книга по стратагемам, императрице приходит на ум стратагема 25. Она подкладывает себе под платье подушку, притворяясь беременной. Затем подкупает ряд дворцовых служанок, чтобы те стерегли ее соперницу. Родившегося у той малыша она незаметно подменяет окровавленным трупом только что появившегося на свет детеныша дикой кошки, с которого содрали шкуру, и выдает его императору за дитя служанки. Ее уловка удалась. Она предстала матерью ребенка, который в дальнейшем стал императором Жэнь-цзуном (1010—1063, правил с 1023). Но это только лишь пересказ одной пьесы³³⁰. Иной оборот принимает подмена новорожденного кошачьим трупом в изданном впервые в 1879 г. [и приписываемом Ши Юйкуню (1810—1871)] романе «Трое храбрых, пятеро справедливых» [(«Сань-цзя у-и»), гл. 1]³³¹, 4 460 000 экземпляров которого было раскуплено в Китае за год, с июня 1980 по июнь 1981 (нем. пер. Петер Хюнсберг (Hüingsberg), *Richter und Retter. Roman aus der Sungzeit* («Судья и спаситель. Роман сунской поры»). Вена, 1967, см. с. 7 и след.; англ. пер. Сюзан Блейдер (Blader), *Tales of Magistrate Bao and His Valiant Lieutenants* («Судья Бао и его храбрые помощники»). Гонконг, 1998, с. 1 и след.). Здесь ребенок выступает в качестве украденной балки. В двух следующих примерах подмена «балок и столбов» происходит в завещании.

25.6. Втирать очки

В Средние века вместо U писали букву V. И случалось, особенно при записи долга, что римскую цифру V, означавшую «пять», исправляли на цифру X, т. е. «десять», увеличивая тем самым чей-то долг. Сегодня выражение «втирать очки» означает «грубое надувательство», на которое по-прежнему попадают люди.

Сходным со средневековым приемом приписки удалось прийти к власти и императору Юнчжэну (родовое имя Инь-чжэнь, 1678—1735, правил с 1723)³³². Смерть Канси (1654—1722, правил с 1662), отца Иньчжэня, как пишут Герберт Франке и Рольф Трауцеттель, «покрыта мраком» (*Das chinesische Kaiserreich* («Китайская империя»). Франкфурт-на-Майне, 1968, с. 286). Юнчжэн «добился императорского трона кознями», сообщается в [энциклопедическом словаре] *Цихай* 1978 года издания (Шанхай, 1979, с. 2192). Подробности заговора неизвестны. Ниже дается версия, сообщаемая одной гонконгской книгой о стратагемах в главе, посвященной стратагеме 25.

После Канси осталось пятнадцать взрослых сыновей. Инь-чжэнь был четвертым. В юности он слыл бездельником, предававшимся вину и плотским утехам. Отец не мог переносить его присутствия, поэтому тот пропадал вне дома, собрав вокруг себя шайку удалцов. Достигнув преклонных лет, Канси все еще не определился с престолонаследием. И лишь находясь на смертном одре, он начертил на бумаге три иероглифа: [«ши сань цзы»,] «четырнадцатый сын». Тем временем Юнчжэн вернулся в Пекин, где он жил со своими приспешниками во Дворце Вечного Спокойствия (Юнхэгун, ныне ламаистский храм [это сделал в 1744 г. император Цяньлун]). Он проник в тайное хранилище и, выкрыв императорский указ, превратил первую цифру «10» в знак порядкового числительного «ди». И теперь на бумаге красовалось: [«ди сы цзы»,] «четвертый сын». Затем он повелел своим воинам закрыть доступ в дворец, где лежал умирающий

³³⁰ Имеется в виду пьеса жанра бэйцзюй (Пекинская опера) «Подмена наследника престола кошкой» («Лимао хуань тайцзы», 1923), автор Ли Гуйчунь (1885—1962). Есть еще анонимная пьеса эпохи Юань (1271—1368). «Чэнь Линь с коробом помады и белил» («Чэнь Линь бао чжуан хэ»), полное название «Красавица Ли находит шарик в императорском саду, сановник Чэнь Линь несет короб к мосту Цзиньшуйцяо» («Ли мэй-жэнь юй-юань ши дань-вань, Цзиньшуйцяо Чэнь Линь бао чжуан хэ»), где новорожденного коварная наложница Лю велела утопить. Но служанка, которой было поручено избавиться от младенца, пожалела его и, встретив верного сановника Чэнь Линя, рассказала ему о хитром замысле коварной наложницы Лю. Чэнь Линь взялся вынести младенца из дворца в коробе с помадой и белилами. Так был спасен наследник. Исторической основой всех повествований является «Жизнеописание государевой наложницы Ли» из официальной «Истории династии Сун» (гл. 242 «Жизнеописание императриц и наложниц» («Хоу фэй чжуань»)).

³³¹ В 2000 году московское изд-во «Гудьял-Пресс» переиздало этот роман, выходивший в переводе Вл. Панасюка в 1984 г. — *Прим. пер.*

³³² Эпизод с узурпированием власти Иньчжэнем см. в кн.: *Бокшанин А., Непомнин О.* Лики Среднего царства. М.: Восточная литература РАН, 2002, с. 285-295. - *Прим. пер.*

император, а сам отправился к больному отцу. Тот, чуя приближение смерти, стал звать к себе придворных, но никто не пришел. Открыв глаза, император увидел лишь сына Иньчжэня, одиноко стоящего у его постели. Тут император понял, что этот бездельник отрезал его от внешнего мира. Вне себя от гнева он запустил в него буддийскими четками и испустил дух. Тотчас Иньчжэнь призвал всех министров и зачитал указ о наследнике. Придворные, не подозревая о подделке, признали его новым императором.

Значительно большие последствия имело использование стратагемы 25 при подмене завещания, случившегося двумя тысячами лет раньше³³³. В своей последней поездке по стране Цинь Ши Хуан-ди, первый китайский император (см. 23.1), тяжело заболел и умер в 210 г. до н. э. вдали от столицы в Шацю (чжао-ский город на левом берегу Хуанхэ, ныне провинция Хэбэй). Как передает тайванский историк Фу Лэчэн (*Полное описание китайской истории*, т. 1. Тайбэй, 1979, с. 117), видя приближение смерти, император повелел евнуху Чжао Гао (ум. 207 до н. э.) написать письмо своему старшему сыну Фу Су (умер 210 до н. э.), где тот объявляется наследником. Но Цинь Ши Хуан-ди умирает прежде, чем удается отправить письмо. Фу Су был дружен с военачальником Мэн Тянем (ум. 210 до н. э.), с чьим братом Чжао Гао не ладил. Поэтому воцарение Фу Су представлялось для Чжао Гао невыгодным. В путешествии императора сопровождал его младший сын Ху Хай (231—207), с которым Чжао Гао быстро сговорился. Вместе с [чэнсяном,] первым советником государя, Ли Сы (ум. 208 до н. э.) он подменил императорский указ, где наследником престола объявлялся Ху Хай,

1

а Фу Су повелевалось покончить с собой. 21-летний Ху Хай стал преемником Цинь Ши Хуан-ди, а не Фу Су, «способный военачальник, который, возможно, смог бы укрепить династию». Ху Хай же на это не был способен. «Многим представлялся сомнительным его приход к власти, так что он не мог подтвердить ее законность и рассчитывать на поддержку» (Герберт Франке, Рольф Трауцеттель. *Китайская империя*, с. 77 и след.).

25.7. Европа без европейских ценностей

«Даже приняв сравнительно умеренный характер, иммиграция изменит этнический состав населения Европы» (Томас Кес-сельринг (Kesselring). «Демографическое будущее Европы» — запретная зона». *Новая цюрихская газета*, 25—26.07.1998, с. 70). «...если бы гораздо больше иностранцев через получение гражданства становились немцами, Германия тогда бы существовала как «многокультурная» Германия. Однако здесь, как дает понять [демограф из Билефельда, земля Северный Рейн-Вестфалия, Хервиг] Бирг (Birg), Хервиг (род. 1939), немецкий демограф, возникает вопрос о сохранении Германии как «культурной нации». Насколько сильной окажется в будущем ее способность к ассимиляции? При существующей демографической ситуации поставленными на карту не только в Германии, но и во всей Европы оказываются некоторые ценности, укорененные в западнохристианской гуманистической традиции: уважение к личности в силовом поле свободы, терпимости, справедливости и товарищества» (Изольда Пич (Pietsch). «Демографы бьют тревогу». *Новая цюрихская газета*, 25—26.07.1998, с. 70). «...Страх перед вымиранием европейцев имеет под собой не только биологическую, но и культурную подоплеку» («Игра с нулевой суммой?» *Новая цюрихская газета*, 25—26.07.1998, с. 69).

Согласно данным утверждениям, если они, конечно, верны, для того, чтобы из Европы исчезли некоторые ценности и были заменены другими, например, исламскими или восточноазиатскими, требуется лишь исподволь и настойчиво проводить в жизнь демографическую политику в духе стратагемы 25.

25.8. Кукуруза вместо риса

Как пишет одна тайбэйская книга по стратагемам, однажды китайские центральные власти послали в район бедствия очищенный рис, однако по дороге из центра в провинцию, оттуда в округ, а затем в уезд происходила каждый раз «кража балок и подмена столбов», и содержимое груза менялось на глазах. Когда мешки прибыли к месту назначения, там оказалась кукуруза плохого качества. Но как бы пострадавшие ни возмущались, погребшие на этом руки чиновники могли бы ответить двумя строчками из стихотворения Ли Бо (701—762) о плавании в 1000 ли [1 ли примерно равно 0,5 км] по Янцзы мимо Трех ущелий: «Не успел отзвучать еще/Крик обезьян с берегов — /А уж челн миновал/ Сотни гор, что темнели вдали» [«Рано утром выезжаю из города Води» («Цзао фа Бодичэн», 725 г.). Пер. А. Гито-вича].

Когда после окончания Второй мировой войны продажные правительственные чиновники занимались

³³³ См.: *Сыма Цянь. Исторические записки*, гл. 6 и гл. 87 (на рус. яз. соответственно т. 2 и т. 8). — *Прим. пер.*

возвращением в собственность государства фабрик и предприятий поверженных японцев, по свидетельству той же книги о стратагемах, все мало-мальски добротное оборудование они продали, положив вырученные деньги себе в карман, а проданное ими оборудование заменили старьем. Захваченное японцами современное оружие они растащили, сдав вместо него в арсеналы старое, негодное оружие.

25.9. Просить официанта бросить заказанную рыбу на пол

«Однажды, обедая в ресторане, я стал свидетелем примечательного события. Кто-то из посетителей попросил приготовить живую рыбу. Официант выловил рыбу из бассейна и показал ее посетителю. Тот попросил его бросить рыбу на пол. Официант исполнил, что от него требовали. Он бросил рыбу на пол. Затем поднял ее и исчез вместе с ней на кухне. Как я потом выяснил, в некоторых заведениях посетителям предлагают живую рыбу лишь для того, чтобы, удалившись с ней на кухню, бросить ее обратно в воду. А вместо предъявленной посетителю рыбы готовят блюдо из задохнувшейся, несвежей рыбы. Зная об этом, посетитель своей просьбой бросить рыбу на пол предохраняет себя от обмана. Раз рыба ударилась об пол и доведена до полусмерти, ничего не остается, как незамедлительно препроводить ее на сковороду. «Выкрасть балки и заменить колонны становится невозможным, — отмечает, приводя стратагему 25, Ли Цзиньян на литературной страничке газеты *Жэньминь жибао*, печатного органа Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (Пекин, 26.05.1998, с. 12), и продолжает: — Не знаю, стало ли подобное поведение посетителей общепринятым, но, похоже, это не была пришедшая на ум посетителю выдумка. В этой связи мне давно известен другой способ выяснить, свежая или нет рыба подана на стол: проверка состояния ее глаз в соответствии с народной мудростью: «У живой рыбы — глаза выпучены, у мертвой — впалые». Изобретение упомянутым посетителем «приема против обмана» на основе собственного опыта», как выражается обозреватель *Жэньминь жибао*, «со всей очевидностью показывает, что живую рыбу тайком меняют на снулую. Невольно я подумал о тех жареных утках, что мне довелось отведать в ресторанах. Всякий раз перед посетителями появляется важный повар в высоком колпаке, показывая тому утку, которую сейчас приготовит. Затем он удаляется на кухню и занимается разделкой и готовкой. Спустя некоторое время он появляется снова с возлежащей на ослепительно белом блюде грудой мяса. Но вот чье оно, той ли самой утки? Этого нам не узнать! В театре или в опере легко видно, что всякий, выходящий на сцену, передевался за сценой. Но при виде разделанной рыбы и утки установить подмену невозможно».

В этом ироническом замечании описано, похоже, имеющее место использование стратагемы 25 в китайском ресторане конца XX в. для обмана посетителей. Такого рода использованию стратагемы посетитель препятствует, прибегая к помощи другой уловки, а именно стратагемы 19. Дурное обращение с рыбой по просьбе самого посетителя с большой долей вероятности обеспечит попадание этой рыбы к нему на стол.

25.10. Превращение письменных знаков

Выражением стратагемы 25 [«чоу-лянь хуань-чжу» («убрать балки и заменить столбы»)] названа застольная игра, которую описывает Ли Жучжэнь (около 1763—1830) в своем романе *Цветы в зеркале* [гл. 91, в рус. пер. отсутствует]. Чтобы блеснуть образованностью и умом, одна из играющих [Циндянь] говорит удивленным слушателям: «Вот я убираю из знака [«цзюнь» — войско] поперечную черту |, сворачиваю ее в крохотный кружок ·, который затем помещаю сверху знака. И вот, смотрите, перед вами совершенно другой знак, — собеседница обводит взглядом окружающих, убеждаясь, все ли следят за ней, — это знак [«сюань» — возвещать!]

25.11. У женщины есть... ну, так что же?

«Каждый человек рожден небом. Будь то мужчина либо женщина, все они наделены данным небом телом. Соответственно, все имеют право на самостоятельность. Между людьми существует равенство... Оно не признает никаких телесных различий. При общении друг с другом все люди занимают одинаковое положение... Женщины и мужчины вместе составляют народ неба, вместе находятся в ведении неба. Когда они пестуют родственные связи меж собой либо находятся в согласном браке, все это схоже с равноправными отношениями друзей. Даже когда меж женщиной и женщиной происходит любовное соединение, каждый из них все же остается самим собой. Каждый из них имеет равное право на самостоятельность, независимость и свободу... Женщина постоянно старается ввернуть себя семье мужа и тем самым теряет свое человеческое право на самостоятельность... Нынешняя Америка прославилась равенством. Но обычай, что жена должна следовать за мужем, держится по-прежнему и там. Стоит женщине выйти замуж, и она навечно принадлежит семье мужа. Ее место неизменно при муже. Если муж богат, то и жена богата. Если муж беден, то и жена бедна... Как говорит пословица: курица всегда следует за петухом, сука — за кобелем [«цзя-цзи суй-цзи, цзя-гоу суй-гоу»]... Лишь из-за малого телесного различия повсюду мужчину возносят, а женщину притесняют. Какое преступление, какую вину вменяют женщине? Из-за

крохотного телесного различия приходится женщине всю свою жизнь быть в подчинении и следовать за мужчиной, так до глубокой старости и не насладившись хоть одним днем свободы. Чем она заслужила такое к себе отношение? Ничего нет горше подобного лишения человека его права на самостоятельность. «Записки о правилах благопристойности» [«Ли цзи», глава 9 «Действенность ритуала»] представляют провозглашенные Конфуцием установления Великого Единения. Там говорится: «свое *куй* — у женщины». *Куй* ныне означает не что иное, как самостоятельность. Поэтому имеется право женщины на самостоятельность».

Этот сильно сокращенный, исходно состоящий из 1088 знаков текст взят из шестой главы пятой части *Книги Великого Единения* [«Датун шу»]. Написал *Книгу Великого Единения* китайский мыслитель и сочинитель Кан Ювэй (1858—1927). Это была одна из замечательнейших и влиятельнейших личностей на рубеже старого и нового Китая. Уже в 1898 г. он предпринял попытку посредством «реформы ста дней» преобразовать Китай в современное государство. Его труд *Книга Великого Единения* (частичный нем. пер. под названием *Ta Tung Shu*. Дюссельдорф / Кельн, 1974), написанный в 1902 г., но полностью опубликованный только в 1935 г., представляет всеохватный план построения идеального общественного строя, когда-либо созданный в Китае. Хоть там видны следы западных идей, в своей основе это отражение китайского восприятия действительности. В утопии Кан Ювэя переплелись буддийские и конфуцианские, а также христианские и естественнонаучные представления. Видны там и стратагемные вкрапления.

Приведенный выше отрывок заканчивается цитатой, посредством которой Кан Ювэй хочет громогласно подкрепить свои слова в защиту женского равноправия: «свое *куй* — у женщины». А что же стоит за словом со звучанием *куй*, Кан Ювэй сам и разъясняет: *куй* означает не что иное, как «самостоятельность». А затем следует подкрепленное авторитетом конфуцианских слов заключительное предложение: «Поэтому имеется право женщины на самостоятельность».

Это заключительное место шестой главы пятого раздела завершается словом «куй», которое якобы взято из конфуцианского описания «Великого Единения». Но если прочитать звучание исконного слова в «Записках о правилах благопристойности» (см. выше Введение, с. 19), то мы увидим там следующее: «свое *гуй* — у женщины» [«нью ю гуй»]. Выдающиеся немецкие синологи Рихард Вильгельм (1873—1930) и Вольфганг Бауэр (1930—1996) переводят данное предложение так: «свое прибежище — у женщин» и «свое надежное пристанище — у всех женщин». Иначе говоря, Кан Ювэй подменил знак «гуй» (прибежище) в исходном тексте на знак «куй» (самостоятельность) в приведенной им у себя цитате, очевидно, с целью обоснования собственного утверждения ссылкой на место в классическом конфуцианском сочинении.

Теперь самое главное: подставленного Кан Ювэем вместо «прибежища» знака для «самостоятельности» вообще не существует. Ясно, что Кан Ювэй создал его лишь для данной цели, как сообщил мне в своем январском письме 1996 г. профессор Лю Цзесю из Лингвистического института Китайской Академии общественных наук в Пекине. Знак в исходном тексте и придуманный Кан Ювэем «разнятся друг от друга как день и ночь. Здесь можно говорить об употреблении уловки «выкрасть балки и заменить колонны», считает Лю Цзесю, один из выдающихся среди здравствующих китайских языковедов, который просветил меня также относительно возможного произношения «куй» упомянутого знака.

Естественно, древняя конфуцианская утопия о «Великом Единении», подлогом ссылки откуда пользуется Кан Ювэй, широко известна. И все же многие читатели попались на уловку Кан Ювэя, ибо кто дотошно будет вчитываться в старинный текст, да еще справляться насчет подлинности отдельных знаков? Я даже встречал китайцев, считавших, что читатели, заметившие уловку Кан Ювэя, и не думали возмущаться. Ведь подлог-то служил благой цели!

Уже средневековые миссионеры-иезуиты толковали конфуцианские сочинения таким образом, что находили там подтверждение сугубо христианских истин вроде воплощения Сына Божия, непорочного зачатия, Троицы и первородного греха.

Используемый при этом способ, названный «фигурализмом»³³⁴, был испробован не только на Китае. В

³³⁴ В конце XVII в. на фоне нападков на иезуитов со стороны Ватикана и охлаждения к их деятельности со стороны императорского двора в Китае среди иезуитских миссионеров зародилось крайне примечательное интеллектуальное течение. Его представителями были несколько французских иезуитов, пытавшихся найти в китайских классических текстах прообразы или «фигуры» библейских патриархов и событий, дабы в итоге доказать изначальное знакомство китайцев с божественным Откровением.

Основателем этого течения стал патер Жоакен Буве (1656—1730), к научно-религиозным поискам которого присоединились Жозеф де Премар (Prémare, 1666—1736), Жан Франсуа Фуке (Fouquet, 1665—1741) и

Ветхом Завете, даже в сочинениях из языческой европейской древности находили в «фигуральной», иначе говоря, символической форме прообразы учения Нового Завета (см. Харро фон Зенгер, «Научная академия в Китае. Письма миссионера Ж. Бувэ...» *Neue Zeitschrift für Religionswissenschaft*. Иммензее, № 15, январь, 1995, с. 69 и след.). Связь со страгемой 25 здесь очевидна.

Что касается Кан Юэвэя, то он известен своим способом пропаганды политических реформ переистолкования во имя прогресса классических произведений. В старых конфуцианских сочинениях данным способом он ископал институт западного парламентаризма и прообразы западной демократии. Его метод «с опорой на древность менять систему (строй)» («то-гу гай-чжи») и поныне вдохновляет многих, в том числе и на Западе. Они усердно пользуются страгемой 25, так перетолковывая конфуцианские высказывания, что те целиком оправдывают современное западное индивидуалистическое понимание прав человека: Конфуций — главный свидетель Запада в борьбе с отсталостью Китая!

25.12. Сокращение божеств апостолом Павлом

Крайне схожим с Кан Ювэем образом согласно «Деяниям апостолов» (Деян., 17:22—24) повел себя апостол Павел. «И, став Павел среди ареопага, сказал: «Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам». И тут Павел представил афинянам Бога христиан как Бога, которому те, не ведая сами, поклоняются. Однако надпись на жертвеннике гласила: «Богам Азии, Европы и Африки, неведомым и странствующим повсюду богам». Павел же убрал все прочие упоминания и из множественного числа сделал единственное, получив «неведомого бога». После этой проповеди «некоторые мужи, пристав к нему, уверовали». Весьма одобрил употребление Павлом страгемы 25, названной им «лукавством» [позднелат. «*vafrities*»] с надписью, Эразм Роттердамский (1469—1536; см.: *Петер Вальтер*. Хитрость в необычном одеянии: «*vafrities*». Харро фон Зенгер [Ред.]. *Die List* («Хитрость»). Франкфурт-на-Майне, 1999, с. 179 и след.), усмотревший здесь следование требованию Нового Завета о том, что надо быть «мудрыми как змии» [Мф., 10:16].

25.13. От царя-повелителя до царя-жертвоприносителя

«Кто хочет преобразовать старый строй в свободное государство, пусть сохранит в нем хотя бы тень давних обычаев». Таково название двадцать пятой, по совпадению, главы первой книги «Рассуждение о первой декаде Ливия» Никколо Макиавелли. Для наглядности страгемы 25 извлечения оттуда приводит тайбэйский исследователь страгем Шу Хань. Я привожу эти места из книги: Niccolo Machiavelli, *Politische Schriften* / Ред. Херфрид Мюнклер (Münkler). Франкфурт-на-Майне, 1990, с. 177):

«Тому, кто стремится или хочет преобразовать государственный строй какого-нибудь города и желает, чтобы строй этот был принят и поддерживался всеми с удовольствием, необходимо сохранить хотя бы тень давних обычаев, дабы народ не заметил перемены порядка, несмотря на то что в действительности новые

Жан-Алексис де Голле (Collet, 1664—1741). Это движение динамично развивалось с конца XVII по середину XVIII в., однако в то время идеи его представителей из-за действовавших запретов были почти неизвестны за пределами ордена иезуитов. Попытки поиска в древнекитайской культуре следов христианского Откровения были высмеяны французскими светскими и церковными учеными в 20—30-е гг. XVIII в., после чего о работах Буве, Премара и Фуке надолго забыли.

Сторонников этого направления называли по-разному. Внутри миссии их зачастую именовали «ицинистами» из-за особо пристального внимания к изучению текста *И цзин* («Книги перемен»). Немецкий иезуит Бернард-Килиан Штумпф (Stumpf, кит. Цзи Лиань Юньфэн, 1655—1720) дал своим увлеченным древними китайскими канонами (цзин) французским коллегам имя «цинистов» (*kinistae*); современники называли их также «символистами». Применительно к ним в Европе закрепилось понятие «фигурализм» (*figurism*), так как теоретическим основанием изысканий служила «фигуральная или типологическая интерпретация следов христианской традиции, по утверждению его представителей, найденных в древних китайских книгах». Примерно в 1730 г. французский историк Николя Фрере (Fréret, 1688—1749) при определении этой группы французских иезуитов использовал термин «фигуралисты», изначально носивший уничижительный оттенок. Некоторые исследователи считают, что понятие «фигурализм» вводит в заблуждение и его лучше было бы оставить в стороне, не будь оно уже так прочно вошедшим в употребление. Руле упоминает и другие употреблявшиеся современниками названия учения Буве и его сторонников — «буветизм», «иероглифическая наука», «Фуси-енохистские патеры», «ицинисты» (более подробно см.: *Л. Ломанов*. Христианство и китайская культура. М.: Восточная лит-ра, 2002, с. 209—246). — *Прим. пер.*

порядки будут совершенно не похожи на прежние. Ибо люди вообще тешат себя видимым, а не тем, что существует на самом деле. Вот почему римляне, познав необходимость этого в самом начале своей свободной жизни, заменив одного царя двумя выборными консулами, не захотели, чтобы у консулов было более двенадцати ликторов, дабы число этих последних не превышало числа прислуживавших царям. Кроме того, так как в Риме совершалось ежегодное жертвоприношение, которое могло совершаться только лично самим царем, римляне, не желая, чтобы из-за отсутствия царя народ пожалел бы о старом времени, избрали главу указанного жертвоприношения, назвав его «царь-жертвоприношитель», и подчинили его верховному жрецу. Таким образом, народ получил для себя вышеупомянутое жертвоприношение и не имел никакой причины из-за отсутствия его желать возвращения царя. Этому должны придерживаться все те, кто хочет уничтожить в городе старый строй и установить в нем новую, свободную жизнь. Поэтому, хотя новые порядки и изменяют сознание людей, надлежит стараться, чтобы в своих изменениях порядки сохраняли как можно больше от старого. Если меняется число, полномочия и сроки магистратур, надо, чтобы у них сохранялось от старых их наименование. Всему этому, как я уже сказал, должен следовать тот, кто желает установить политическую жизнь посредством создания республики или монархии» [Макиавелли. «Государь». Пер. с ит. К. Тананушко. М.].

Ввиду представления, что древние правители отыскивали наилучшее решение возникающих затруднений, история китайских установлений отмечена своим равенством на древность. Конечно, этой приверженности древности в ходе истории приходилось сталкиваться с подверженными постоянным изменениям внешними условиями и задачами, требовавшими от властей должного ответа. Иначе говоря, посредством стратагеми перелицовки сохранялась старая оболочка, наполняемая, однако, новым содержанием. Тем самым новая правящая династия могла, «утверждая свою легитимность, одновременно не отставать от велений времени», пишет Кармен Пауль (Paul) в своей докторской диссертации во Фрейбургском университете *Das Kommunikationsamt der Ming-Dynastie* («Ведомство сношений минской династии») (Висбаден, 1996, с. 36).

25.14. Перепевы марксизма

В трех своих программных работах, изданных в 1974—1975 гг., Дэн Сяопин пытался выхолостить из указаний председателя Мао их классовое содержание, тем самым лишив их революционного духа и революционной остроты. Хотя там содержатся многочисленные выдержки из Маркса, Ленина и Мао, но нет ни единого слова об указаниях Мао насчет борьбы против поползновений Коммунистической партии Китая в сторону капиталистического пути, насчет полной диктатуры пролетариата над буржуазией и насчет критики относительно буржуазных привилегий и их ограничений. Отбрасывание этих важных указаний Мао группа критиков из Пекинского университета и университета Цинхуа характеризует в опубликованной 13.08.1976 г. в газете *Жэньминь жибао* статье как использование стратагеми 25. С ее помощью Дэн Сяопин, по их мнению, убивает сразу двух зайцев. Во-первых, сохраняет видимость приверженности марксизму, хотя на деле отошел от него. И, во-вторых, лишает «революционную линию председателя Мао» ее величия и силы (стратагема 19, см. 19-36).

В свою очередь, несколько месяцев спустя после ее падения в октябре 1976 г. (см. 22.11) «банду четырех» обвинили в использовании уловки с кражей балок и подменной столбов, поскольку те изъяли из марксизма-ленинизма и маоцзедуновских идей сами их основы и заменили собственным ошибочным учением либо потому, что те, переняв революционные призывы, выхолостили их, подсунув вместо них «собственный товар» (*Жэньминь жибао*, 31.10.1976; 30.11.1976; 11.01.1977; 8.04.1978). Если говорить конкретно, то «банда четырех», как пишется в *Жэньминь жибао* 7.01.1979 г., использовала стратагему 25 против Хэ Луна (1896—1969), одного из создателей китайской Красной армии, после 1949 г. занимавшего пост вице-премьера [т. е. заместителя председателя Госсовета] Китайской Народной Республики и крупного руководителя по делам спорта (см. 16.17). Его безжалостно травила «банда четырех». Премьер-министр Чжоу Эньлай (1898—1976) спрятал его в надежное и спокойное место. Однако Линь Бяо (см. 16.16) и Цзян Цин (см. 22.11) не успокоились. Они создали особую следственную группу, передав туда все касающиеся его сведения. А затем они использовали способ «кражи балок и замены столбов», выдав некую медсестру за врача пекинского гарнизона и заменив ею постоянно лечащего Хэ Луна врача. Что в точности произошло после такого использования упомянутой стратагеми 25, *Жэньминь жибао* не сообщает. Она лишь сетует на «бездвременную кончину» Хэ Луна.

25.15. Бил Клинтон и его сомнительная «половая связь» с Моникой Левински

Знаток риторической подмены балок и колонн был Сократ (около 470—399). Он вводил некое слово или фразу с определенным значением, чтобы затем, получив требуемое высказывание, незаметно подменить словоупотребление таким образом, чтобы данное высказывание предстало противоречивым или

бессмысленным либо обрело совершенно иной смысл. Поэтому не все были друзьями Сократа, ведь перелицовка слов не всегда приветствуется. Даже западная пресса в этой связи порой вспоминает о Конфуции, предупреждавшем, что упадок порядка начинается со смешения понятий. Здесь идет речь о «подмене понятий», «смешении понятий», «фальсификации терминологии» и о «злостном передергивании» («Сказка о «неолиберализме». *Новая цюрихская газета*, 11 — 12.1998, с. 21), об «отравлении языка» (Бильд. Гамбург, 6.07.1990, с. 2) или о «злоупотреблении языком» (Эрнст Цинцера (Cincera), *Deutsch nach Marx: ein kleines Handbuch über die missbrauchte Sprache* («Немецкий по Марксу: небольшое пособие по злоупотреблению языком»). Лугано, 1983).

«Юридическое истолкование зачастую предстает попыткой перехитрить законодателя», — сказал в разговоре со мной 23.02.1995 г. Клаудио Солива (Soliva), экстраординарный профессор истории права и частного права Цюрихского университета. Хотя сам текст остается неизменным, меняют его содержание новым истолкованием буквы закона. Замена балок и столбов в таком случае обсуждается открыто, взвешиваются все «за» и «против». Новые условия делают неизбежной такую замену прежде всего в тех случаях, когда затруднительно или не позволяет время пересмотреть нужные статьи закона. Вовсе не обязательно, что старые добротные балки и столбы подменяют трухлявыми. Это могут быть новые, даже, пожалуй, еще лучшие балки и столбы. Тем самым сохраняется действующий закон и вместе с тем с соблюдением закона удается совладать с возникшей новой ситуацией. В стратагемном отношении подобное приспособление закона через его истолкование с этической точки зрения предстает стратагемой услужения, а с исполнительской, как правило, не стратагемой обмана, а стратагемой извлечения выгоды. Используется «иллюзорный мир слов» (Людвиг Амманн (Ammann): *Tages-Anzeiger*. Цюрих, 15.09.1998, с. 63), т. е. их многозначность.

«В редчайших случаях законодатель изъявляет желание точных формулировок», — поведал мне 11.05.1998 Эдвард Э. Отт (Ott), автор книги *Juristische Dialektik* («Юридическая диалектика») (2-е изд. Базель, 1995). Значительно чаще законодатель сознательно выбирает многозначные слова из-за страха, как бы точные формулировки не разбудили спящую собаку. А впрочем, у всякого слова весьма неопределенная область употребления. Лишь немногие выражения обеспечивают такую твердую основу, как «излюбленные слова римских первосвященников: «ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь» [Мф., 16:18]» (*Шпигель*. Гамбург, № 2, 1998, с. 132).

Разгоревшийся в США в 1998 г. на глазах всей общественности связанный с истолкованием и перелицовкой спор вращался вокруг вопроса, равносильны ли секс без прямого проникновения, например, оральный секс, «половой связи» [согласно одному из юридических определений «сексуальными отношениями» называются такие отношения, которые ведут к зачатию]. Билл Клинтон отрицал «неподобающую связь» со стажеркой Белого дома Моникой Левински. С его точки зрения, собственно половое сношение являлось несущей балкой затронутого выражения, но не по мнению его критиков, обвинявших Клинтона в «казуистике» (*Новая цюрихская газета*, 16.09.1998, с. 3). Обхождение Клинтона с выражением «половая связь» рассматривалось его противниками как использование стратагемы 25 в качестве уловки бегства. И, очевидно, чтобы пресечь уловку Клинтона, палата представителей США 11 сентября 1998 г. постановила выложить в Интернете [455-страничный] отчет [государственного обвинителя по делу Моника Левински Кенетта] Старра со всеми интимными подробностями.

25.16. Удержатъ социалистические реформы и открытость от скатывания на буржуазные рельсы

От превратного истолкования «курса реформ и открытости» предупреждает *Жэньминь жибао* за 24.04.1991; «Реформа и открытость — наш неизменный курс. Мы не свернем с намеченного пути, мы даже должны углубить саму реформу и расширить нашу открытость. Вопрос состоит в том, чтобы не упустить из виду сторонников буржуазной либерализации. Они хотят в самом курсе на реформы и открытость выкрасть балки и подменить столбы с тем расчетом, чтобы, прикрываясь нашим курсом на реформы и открытость, добиваться своих политических целей. Очевидно, что проведение нашего курса на реформы и открытость будет тем успешней, чем решительней и настойчивей мы выступим против буржуазной либерализации».

Жэньминь жибао берет здесь под прицел те потуги, что направлены на перелицовку курса на «реформы и открытость» в понимании Коммунистической партии Китая, а именно в качестве средства по усилению Китая под руководством КПК, наполнение самого курса антикоммунистическим содержанием, чтобы вынудить его в действительности работать против КПК (см. также 33.5). В частности, авторам дважды показанного по китайскому телевидению фильма «Плач по реке [Хуанхэ]»³³⁵ вменялось в вину превратное

³³⁵ Кит. «Хэшан» — показанный в 1988 г. шестисерийный документальный фильм, один из авторов сценария

истолкование курса на «реформы и открытость».

Подобного рода пояснения, где «разоблачаются» с позиции стратагемы 25 махинации с изложением существа дела, идей, представлений и программ, особенно участились в период «культурной революции» (1966—1976) (см. 25-14). Авторы таких пояснений равнялись на Мао, который еще в 1940 г. подобным образом заклеил направленную против коммунистов «уловку с кражей балок и заменой столбов» [«О новой демократии» (январь 1940): *Мао Цзэдун. Избранные произведения*, т. 2. Пекин, 1969]. Но и вне связи с политикой в китайской прессе встречается выражение для стратагемы 25. Например, пекинская *Рабочая газета [Гунжэнь жибао]*, печатный орган Всекитайской федерации профсоюзов, 15.08.1995 г. подвергла резкой критике один из методов лечения, предлагавший использовать так называемую «жизненную силу (ци)». «Здесь выкрадывают балки и подменяют столбы, — негодует обозреватель. — Достойный уважения «цигун» лишается поборниками данного способа лечения своего важного содержания, и те набивают его ненаучными суевериями. Затем они начинают навязывать под вывеской «цигун» его суррогат».

25.17. Демократия в Китайской Народной Республике

«Без демократии невозможен ни социализм, ни модернизация», — заявляет Цзян Цзэминь, глава китайской державы и Генеральный секретарь КПК³³⁶, говоря о будущем Среднего государства. Является ли это признанием высшим китайским руководителем одной из основополагающих западных ценностей? Разумеется, Цзян Цзэминь использовал слово «демократия» не в том смысле, как это понятие воспринимают на Западе (*Вельтвохе*. Цюрих, 18.09.1997). Подобно упомянутому уже юридическому толкованию, здесь тоже имеет место использование стратагемы 25, однако не ради обмана, а в качестве уловки. Слово западного происхождения переносится на иную культурную или идеологическую почву и наполняется там отчасти иным содержанием. Китайское слово «миньчжу», выступающее переводом понятия «демократия», имеет древнее происхождение. Исконно оно означало «правитель народа». Уже это традиционное китайское слово посредством стратагемы 25, перенимая западное понятие «демократия», обновило свой смысл и стало означать «народоправство». «Народ» в сино-марксистском смысле охватывает не всех китайских граждан, а лишь верноподданных. «Демократия» в приведенной выше цитате, таким образом, употреблена в достаточно ограниченном смысле. Из равнозначности слов в словаре нельзя выводить равнозначность понятий, где под «словом» понимается внешняя языковая оболочка, например, «демократия» или «миньчжу», а под «понятием» — невидимое, скрытое за этой оболочкой духовное содержимое.

«Демократия», между прочим, и на Западе употребляется в стратагемном ключе. Была ли, например, в Швейцарии «демократия» без права женщин на голосование, которое было им дано лишь в 1971 г.? Затем, была ли Англия 30-х гг. XX столетия «демократической», как нам твердят об этом? К выборам допускались лишь 45 млн. британцев метрополии, тогда как полмиллиарда жителей Британской империи в них не участвовали. Вплоть до возвращения Гонконга Китаю (1 июля 1997) население Гонконга не допускалось к выборам в нижнюю палату британского парламента, а поэтому было лишено права голоса при утверждении британского премьер-министра, который тем не менее на вполне законной, «демократической» основе решал с китайцами судьбу Гонконга.

25.18. «Китай» и три «нет» американского президента Клинтона

«Балки» и «колонны» внутри здания порой удаляются вовсе не обдуманно, а исчезают по причинам, не зависящим от нас. Так, в 1949 г. гоминьдановское правительство было вытеснено на Тайвань, где оно продолжало править не как правительство Тайваня, а в качестве правительства «Китайской Республики».

Китайская Республика была основана в 1911 г. Сунь Ятсеном, придя на смену 2000-летней империи. На материковом Китае Мао Цзэдун (1893—1976) 1 октября 1949 г. провозгласил создание Китайской Народной Республики, Однако ограниченная одним Тайванем «Китайская Республика» вплоть до 1971 г. представляла в ООН весь Китай в качестве постоянного члена Совета Безопасности. Иначе говоря, все делалось так, словно за вывеской «Китайская Республика», по меньшей мере с правовой точки зрения, возвышались

которого Су Сяокан (род. 1949) после событий на площади Тяньаньмэнь вынужден был тайно покинуть страну и ныне живет в США. — *Прим. пер.*

³³⁶ На состоявшемся в ноябре 2002 г. XVI съезде КПК ее генеральным секретарем был избран Ху Цзиньтао (род. 1942), а на 5-м пленарном заседании 1-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2003 он стал председателем КНР. — *Прим. пер.*

«балки» и «колонны» всего Китая. Лишь в 1991 г. Тайвань отказался от притязания быть единственным представителем Китая. Но уже с 1971 г. Китайская Народная Республика становится представителем Китая в ООН вместо Тайваня.

Подобно случаю с Тайванем, Слободану Милошевичу тоже было выгодно называть свое государственное образование не «Сербией», а по-прежнему «Югославией». Сохранив старую вывеску, он смог притязать на определенные «балки» и «колонны», иначе говоря, имущество в виде вооружения своего предшественника Югославии, которое иначе досталось бы другим странам-наследницам; кроме того, он приобрел благосклонность стран третьего мира, помнящих о роли Югославии Броз Тито в движении неприсоединения. Для Китайской Народной Республики Сербия не в последнюю очередь благодаря сохранению прежнего названия представлялась наследницей бывшей Югославии. В отличие от стратега 14 при подобном использовании стратегии 25 оживает не что-то отжившее вселением новой души, а продолжает существовать, пусть и частично изменившись изнутри, внешняя оболочка, убеждая нас в существовании прежнего внутреннего содержания.

Возвращаясь к сказанному, в китайской прессе Тайвань то и дело упрекают в «краже балок и замене столбов» (*Жэньминь жибао*, зарубежное издание. Пекин, 30.06.1994, с. 5). Здесь, среди прочего, речь идет о формулировке, выработанной в ходе визита Никсона в Китай и обнародованной 28 февраля 1972 г. в совместном «шанхайском коммюнике», согласно которой «существует только один Китай, Тайвань является частью Китая». Сама формулировка обдуманно делалась расплывчатой («pragmatically obscure»; см. Антони Дамато (Damato). «Proposed Ambiguity as International Legal Strategy: The Two China Problem» («Преднамеренная неопределенность как международная правовая стратегия: проблема двух Китаев». Ежи Макарчик (Makarczyk) [Ред.]. *Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century* («Теория международного права на пороге XXI века»). Гаага, 1996, с. 109 и след.).

Из-за этой неопределенности между Тайванем и Китайской Народной Республикой не прекращается спор. Последняя убеждена, что «Китай» представляет исключительно Китайская Народная Республика, а Тайвань является ее частью. «Пекинские власти приравнивают «Китай» к Китайской Народной Республике, при любом случае не уставая повторять об этом на международной арене. Вода камень точит: все большее число людей в мире... под «Китаем» подразумевают КНР. Подобное смешение понятий таит в себе угрозу словесного присоединения (verbal Annexion) Тайваня Китайской Народной Республикой» (Тильман Арец (Aretz). «Нет словесному присоединению»: *Freies China (Свободный Кумай)* [кит. «Цзыю чжунго пинлунь», на рус. яз. выходящий с 1994 г.], с 2000 г. именуемый *Тайвань сегодня* (кит. «Тайбэй пинлунь», на рус. яз. *Тайбэйская панорама*]. Тайбэй, май / июнь 1997, с. 3). На Западе то и дело попадают в расставленную Китаем словесную ловушку, привыкая к неверной мысли, что «Китай» исключительно относится к КНР (Бернард Т. К. Джозей (Joei). «Western Press Falls Victim to Pekings Semantic Trap» («Западная пресса становится жертвой пекинской словесной ловушки»): *The Free China Journal* [выходящее с 1964 г. еженедельно на восьми страницах англоязычное издание газеты *Свободный Кумай* (кит. «Цзыю чжунго цзиши бао»)]. Тайбэй, 9.05.1997, с. 6). С точки зрения Тайваня, в «одном Китае» существуют два политических образования: Китайская Народная Республика на материковой части Китая и Китайская Республика на Тайване. Поэтому «один Китай» следует понимать в культурно-географическом смысле. Тем самым из понятия «один Китай» удаляются политические «балки» и «столбы» или же заменяются приемлемыми для Тайваня «балками» и «столбами». С истолкованной таким образом формулировкой «один Китай» тогда соглашаются и тайваньские политики, например, вице-президент Лянь Чжань [род. 1934] (см.: *Ces Échos de la République de Chine* [выходящее с 1968 г. каждые десять дней на четырех страницах франкоязычное издание газеты *Свободный Кумай* (кит. «Цзыю чжунго цзиши бао»)]. Тайбэй, 21.07.1998, с. 1; см. также: *The Free China Journal*. Тайбэй, 10.09-1999, с. 6). Совершенно иного взгляда придерживались тайваньцы, собравшиеся 25 июня 1998 г. перед неофициальным представительством США на Тайване с плакатом: «Мы не китайцы. Мы не принадлежим Китаю. Тайвань будет независимым государством» (*Taiwan aktuell* [выходящий с 1992 г. примерно два раза в месяц на немецком языке журнал представительства Тайваня в Германии]. Мюнхен, 30.06.1998, с. 1).

В ходе своего визита в КНР (25.06—3.07.1998 г.) американский президент Билл Клинтон 30 июня в Шанхае сказал следующее: «Мы не поддерживаем независимости Тайваня. Мы не поддерживаем лозунга «двух Китаев»; иначе говоря, один Тайвань, один Китай. И мы не считаем, что Тайвань должен быть членом организации, для которой обязательна собственная государственность». Тем самым Билл Клинтон «вызвал ликование у хозяев» (Матиас Насс (Nass): *Цайт*. Гамбург, 9.07.1998, с. 6), поскольку «в соответствии с желанием китайских властей согласился на формулу трех решительных «нет» («Шанхайское коммюнике — клинтоновский вариант». *Новая цюрихская газета*, 4—5.07.1998, с. 3). Китайские власти выбирают удобный момент для расстройств «стратегии» Тайваня касательно формулы «одного Китая».

25.19. «Малый Тибет» и «большой Тибет»

Подобно тому, как формулировка «один Китай» укрепляется то одними, то другими балками и столбами, слово «Тибет» тоже оказывается предметом стратагемы 25. КНР упрекают в «административной уловке», к которой там прибегли при создании Тибетского автономного района 9 сентября 1965 г., вследствие чего «Тибет» ужался до размеров исконных земель [Центрального Тибета: вытянутые по долине реки Цангпо области] Уй и Цзан, а его население сократилось с шести миллионов до 1, 65 млн. человек (Александр Силлаба (Syllaba). *Tibet — sein stilles Sterben* («Тибет — его тихая кончина»). Цюрих, 1992, с. 23, 96). Расположенный внутри КНР Тибетский автономный район со столицей Лхасой занимает примерно 1,2 млн. кв. км, что равно площади Франции, Испании и Германии, вместе взятых. Однако, когда далай-лама и его приверженцы говорят о «Тибете», они обычно подразумевают под этим не «малый Тибет» (Силлаба, с. 23), а притязают на земли, занимаемые некогда Тибетской империей VII—IX вв. (Андреас Грушке (Gruschke). «Демография и этнография в горном Тибете». *Geographische Rundschau*. Бра-уншвейг, май, 1997, с. 282). К «Тибетскому автономному району» находящиеся в изгнании тибетцы, таким образом, причисляют нынешние китайские провинции Ганьсу, Юньнань, Цин-хай и Сычуань или их части, так что после отмены вменяемой китайцам в вину перелицовки понятия «Тибет» возник «большой Тибет» (Грушке, там же), занимающий площадь свыше 2,4 млн. кв. км³³⁷.

25.20. Обычный пограничный контроль или ограничение свободы передвижения?

Китайские внешнеполитические обозреватели используют стратагему 25 чаще всего для описания того, как обходятся с текстами или понятиями, порой даже назойливо вмешиваясь в дела иных государств.

Некоторые неправительственные организации использовали уловку с кражей балок и подменой столбов, истолковывая обычный пограничный контроль как ограничение свободы передвижения, сетовал 9.08.1995 г. Ли Баодун, китайский представитель на совещании, созванном в Женеве в рамках Комиссии ООН по правам человека, имея в виду тибетский вопрос (*Жэньминь жибао*, 11.08.1995).

Во времена китайско-советского противостояния в использовании стратагемы 25 главным образом обвинялся как раз Советский Союз. Из документов Конференции неприсоединившихся стран в Коломбо, как пишет пекинская *Жэньминь жибао* от 6.09.1976, советское телеграфное агентство ТАСС, как и советские печатные издания, выбросило большие куски текста, противоречащие взглядам СССР. Так, в Советском Союзе не был обнародован текст, где говорилось, что движение неприсоединения выступает «против империализма во всех его проявлениях и против иноземного господства любого рода», а также «против политического, экономического и идеологического давления со стороны крупных держав». Там лишь в общих словах упоминалось об антиимпериалистической, антиколониальной, антирасистской и антиссионистской направленности документов конференции. Приводя место, где неприсоединившиеся страны выступают за «мир и международную безопасность и разрядку напряженности», опускают при этом места, в которых неприсоединившиеся страны называют основные причины угрожающей делу мира и безопасности напряженности. Таким вот образом советское телеграфное агентство, подытоживает *Жэньминь жибао*, «выкрадывает балки и подменяет столбы», выхолащивает сам дух конференции в Коломбо, одновременно подбором цитат из заключительных документов конференции неприсоединившихся стран бессовестно втискивая туда свои собственные ревизионистские штучки.

В другой статье *Жэньминь жибао* упрекает Советский Союз в нежелании открыто выступить на сессии ООН по морскому праву против создания особых экономических зон. Вместо этого СССР попытался «выкрасть балки и заменить столбы» и таким постыдным способом лишить самой сути институт особых зон с целью, чтобы и дальше грабить морские ресурсы других стран и осуществлять морскую экспансию (*Жэньминь жибао*. Пекин, 29.08.1976).

Не избежали нападок по поводу предполагаемого использования стратагемы 25 и японцы. Ссылаясь на японского кинорежиссера Ямамото Сацуо³³⁸, *Жэньминь жибао* от 8.08.1982 упрекает японский фильм «Дай Нихон тэйкоку» («Великая Японская империя») в коварной краже балок и подмене столбов. Ведь тот

³³⁷ Подробнее см.: А. Цендина. ...и страна зовется Тибетом. М.: Восточная литература, 2002, с. 11—21. — Прим. пер.

³³⁸ Ямамото Сацуо (1910—1983) — японский кинорежиссер, снявший фильм «Август без императора» («Котэй-но инай хатигацу», 1978), но упоминаемый фильм «Великая Японская империя» («Дай Нихон тэйкоку») в 1982 г. снял Тосио Масуда. — Прим. пер.

представляет захватническую войну Японии против Кореи, Китая и Юго-Восточной Азии как вынужденную меру, на которую должна была пойти Япония ради самосохранения.

25.21. Американская ворожба над числами

Уже в самом названии, а затем и в тексте своего комментария Гу Пин упрекает американский еженедельник *Ньюсуик* (Newsweek) в «краже балок и замене столбов», проделанных в статье «The Neighbors are Restless» («Беспокойные соседи», 17.07.1995, с. 20 и след.). При вычислении доли затрат китайцев на вооружение во всеобщем валовом продукте *Ньюсуик* исходил из крайне завышенной оценки в 5,4%. Согласно китайским данным, эта доля в 1994 г. составляла 1,3% (отдел печати при Госсовете КНР: «Контроль за вооружением и разоружение в Китае». *Пекинское обозрение*. Пекин, № 48, 28.11.1995, с. 18). Для соседних стран *Ньюсуик* устанавливает эту же величину в пределах от 1,6% до 3,6% (см.: *The Balance of Power, там же*, с. 22). Но затем *Ньюсуик*, сообщая китайские данные, меняет методику расчета. Величина валового китайского продукта дается согласно обменному курсу, а величина затрат на вооружение — согласно реальной покупательной способности китайской денежной единицы. Тем самым *Ньюсуик* умудрился четырехкратно увеличить китайские затраты на вооружение. Пойти на такую подтасовку *Ньюсуик* побудило желание подкрепить утверждение о «китайской угрозе» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 28.07.1995, с. 7).

25.22. Осел в львиной шкуре

«Вряд ли кто-то в мире сомневается в ведущей роли Америки», — утверждают на Западе («Европа под крылом США: за и против мира по-американски». *Новая цюрихская газета*, 25.05.1998, с. 25). Когда с середины 60-х гг. на Генеральной Ассамблее ООН провалили ряд предложений США в области прав человека, а также по урегулированию ближневосточной проблемы, слова «в мире» из вышеприведенной цитаты, безусловно, грешат против истины. Обзор китайской прессы показывает, что, например, Китай не признает «ведущей роли Америки». «Хотя в мире и осталась единственная мировая держава, она все же не в состоянии управлять всем миром». Эти слова индийского президента Кочерила Рамана Нараянана (род. 1921) (*Цайт*. Гамбург, 10.09.1998, с. 12), похоже, свидетельствуют, что и Индия считает себя неподвластной США с населением, «составляющим лишь 4% жителей Земли» (*Пекинское обозрение*. Пекин, № 48, 1.12.1998, с. 8), при этом президент добавил: «В различных частях мира имеются иные значительные властные центры... В предстоящем перед нами мировом порядке... народы мирно живут бок о бок, не нуждаясь в заправляющей всем единственной силе, для чего сам мир слишком уж велик».

Вместе с тем приходится видеть, как западные круги не устают говорить о «мире», подразумевая под ним исключительно Запад или отдельные западные страны. Этим кругам необходимо напомнить, что «весь мир никак не сводится к западному миру» (Бернар Гетта (Guetta): *Le Temps*. Женева, 4.09.1998, с. 15). Когда американец Дэвид Биндер (Binder) заявляет, что немцы «дважды принесли несчастье миру» (*Шнигел*. Гамбург, № 2, 1998, с. 40), то следует напомнить, что во Второй мировой войне не Германия напала на Китай, а Япония, и это произошло еще в 1937, если не в 1931 г. Или же Китай не относится к «миру»?

Со стратегической точки зрения в такого рода цитатах и иных заверениях «мировой общественности» у слова «мир» выкрадывают балки и меняют *столбы*. *Juristische Weltkunde* («Юридический мировой вестник») — название вышедшего в 1990 г. пятым изданием во Франкфурте-на-Майне справочника, где среди статей вы не найдете ни одного китайца, индийца или японца и ни одного упоминания о каких-либо азиатских правовых институтах. Слово «мир», которое все же охватывает собой весь земной шар и все человечество, здесь подчищено и сведено к одной-единственной части света. Такое использование стратегии 25 можно охарактеризовать понятием «totum pro parte», что означает «целое вместо части» (подробнее см. 25.24). В западной, как и китайской художественной литературе это довольно известный и законный прием: «Порой держава олицетворяет столицу или династия — императора» (Гюнтер Дебон (Debon), *Chinesische Dichtung: Geschichte, Struktur, Theorie* («Китайская художественная литература: история, устройство, теория»). Лейден, 1989, с. 174). Но в качестве языковой уловки в политическом рассуждении за обозначением целого его частью скрывается определенный расчет в целях

запугивания: например, когда утверждают, что некий «всемирный конгресс» осуждает Швейцарию за ее поведение во время Второй мировой войны; в действительности большинство государств-членов ООН никогда ни на одной ассамблее не осуждало Швейцарию по какому-либо поводу, так что «мир» никогда не выступал против этой страны;

упрощения: лишая слова вроде «мира» полного содержания и сводя его к одному Западу, делают земной шар как бы прозрачным, пребывая тем самым в наивном заблуждении, что управляются с ним;

умаления: например, чтобы не называть прямо вещи своими именами, т. е. вместо слов «нерожденный

ребенок» или «нерожденный человек» говорят «неродившаяся жизнь», обозначая тем самым все неродившиеся существа, включая неродившихся головастиков и жирафов; ради терминологического равноправия следовало бы вместо «женщины» говорить «урожденная жизнь»;

драматизации: например, когда после всенародного голосования Швейцария отказалась вступить в Европейское экономическое сообщество, раздалась голоса: «Юридически — так решил швейцарский народ — мы не принадлежим Европе» (*Unireport der Universität Zürich: Wissensmarketing* («Университетский отчет Цюрихского университета: сбыт знаний»). Цюрих, 1995, с. 12). «Нет» плану Евросоюза здесь предстает как решение о непринадлежности Швейцарии к Европе (около 10,5 млн. кв.км, *Энциклопедия Брокгауза*, т. 6. Мангейм, 1988, с. 628), которая посредством стратагемы 25 переиначивается и сводится к Евросоюзу (3,2 млн. кв.км, *Der Fischer Weltatlas 2000. Frankfurt-na-Maïne*, 1999, с. 1043). Вот так, хотя «как раз нынешняя Европа не сводима к странам Евросоюза» (Передовица: *Новая цюрихская газета*, 3—4.10.1998, с. 1);

приукрашивания: например, насколько известно, ни один из посвященных «европейской» правовой истории труд не занимался подробно карательными правовыми порядками, которые насаждали в своих колониях европейские державы и которые отчасти сохраняются и доныне, так что вряд ли кому-либо в Европе известно, что, например, наказание палками в Сингапуре идет от англичан, а в Гонконге те отказались от него лишь в 1991 г.; естественно, посредством такой перелицовки очистившаяся от своих колоний «малая Европа» являет нам величественную европейскую правовую историю;

причесывания под свою гребенку взглядов глубинки (provinziell): когда, например, Сибилла Теннис (Tönnies) пишет, что «международное правосознание» собирается отказаться от принципа «равного суверенитета народов (Nation)» и «заменить его универсалистским принципом, ставящим права человека [см. 25.23] выше суверенитета» («Не взирая на народ» (Nation). *Франкфуртер альгемайне цаитунг*, 4.07.1996, с. 33), то, как показывают неустанно повторяющиеся высказывания Генеральной Ассамблеи ООН в пользу суверенного равноправия народов, выражение «международное правосознание» явно подразумевает в своем перелицованном значении исключительно правосознание западных государств, представляющих лишь пятую часть мирового населения; наивного читателя вводят в заблуждение, будто весь мир думает подобно Западу;

уклонения от ответственности за «вымаранное» (Wegretuschierte): например, когда отстаивают человеческие права, за исключением тех, что не относятся к так называемому «ядру» (см. 25.23); когда, например, слово «Запад» употребляют как синоним добра, правды и красоты, а марксизм-ленинизм — господствующую в КНР идеологию — не признают как нечто сугубо «западное» и поэтому хотят «озападнить» Китай.

Порой мы имеем дело с обычным чванством. «Чудесные лучи идей Мао Цзэдуна освещают весь Китай и весь мир», — упоенно славословил Яо Вэньюань (см. 22.11) во время «культурной революции» (*Яо Вэньюань*. Комментарий к двум книгам Тао Чжу [«Пин Тао Чжу дэ лян бэнь игу»]. Пекин, 1967, с. 84). Но и европейцы не прочь польстить своему самолюбию, величая Наполеона «властителем мира» (*Шпигель*. Гамбург, № 2, 1998, с. 28). Наполеон же никогда не видел ни Китая, ни Индии, ни Америки. «Немцев не причислишь к наиболее любимому народу этой земли» (*Новая цюрихская газета*, 4.04.1998, с. 52): если «земля» означает западные страны, то сказанное верно, однако четверем пятым человечества в Азии, Африке и Латинской Америке немцы совершенно безразличны. Данное замечание с соответствующими изменениями применимо и к следующему хвастливому заявлению: «Как важно, чтобы мир избавился от своего недоверчивого отношения к Швейцарии» (*Новая цюрихская газета*, 25—26.07.1998, с. 70). Ко всякому, кто заговорит о «мире», нужно внимательно прислушаться, чтобы понять, ведет ли он речь обо всем мире или же подразумевает только Запад. В последнем случае следует различать простую необдуманность или стремление скрыть за величественным словом узость взгляда, а затем поразмыслить, с какой стати здесь прибегают к стратагеме 25.

Вообще-то, пожалуй, не мешало бы западным странам с большей осмотрительностью выбирать слова и не вести себя, руководствуясь девизом «Озападнивание (Westernismus): мы повсюду» (название статьи Рюдигера Тернера (Göfner): *Новая цюрихская газета*, 30.04.1998, с. 45). Иначе постоянно говорящий за всех, а на деле думающий только в пределах Северной Атлантики, Европы или даже своего государства западный человек уподобится эзоповскому ослу. «Осел натянул львиную шкуру и стал расхаживать, путая неразумных животных. Завидев лисицу, он и ее хотел напугать; но та услышала, как он ревет, и сказала ему: «Будь уверен, и я бы тебя испугалась, кабы не слышно было твоего крику!» Так иные неучи напускной спесью придают себе важность, но выдают себя своими же разговорами»³³⁹. [«Басни основного эзоповского

³³⁹ У Зенгера речь почему-то идет об ослиных ушах. Выражение же «уши выдают осла» встречается в мифе о Мидасе: «Так был украшен Ми-дас ушами осла-тихохода. / Все же пытается он скрыть стыд свой: голову с

сборника». «Осел в лвиной шкуре». «Античная басня». Пер. с греческого и латинского М. Гаспарова. М.: Худ. лит., 1991].

25.23. Под лозунгом о всеобщем отстаивать свои особенности

На Западе только и слышишь о правах человека. Но стоит повнимательней присмотреться к тому, что понимают различные западные теории под «правами человека», выясняется, что всеобъемлющая концепция ООН по «правам человека» (см. Харро фон Зенгер. Концепция ООН прав человека... Грегор Пауль (Paul). *Die Menschenrechtsfrage: Diskussion über China...* («Вопрос о правах человека, разговор о Китае...»). Геттинген, 1998, с. 62 и след.), как бы на Западе на нее ни ссылались для видимости (pro forma), на деле (de facto) ее перелицевали посредством уловки «целое вместо части»: под выражением «права человека», которое собственно должно включать в себя всю совокупность прав человека, подразумевается лишь малая толика всей совокупности прав человека, а именно так называемое «ядро» человеческих прав, иначе «основополагающие» права человека. Это дает повод китайцам упрекать Запад в использовании стратагеми 25 (см., например, *Пекинское обозрение*. Пекин, № 1, 1992, с. 8). При этом китайцы прибегают и к положениям марксизма. «Буржуазная идеология и культура... выступает от имени всего общества, придавая себе всеобщий характер» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 9.07.1989, с. 4).

Когда белые с их ограниченным из-за «просветительской спеси... миром белых» взглядом (*Роберт Шнебели* (Schneebeli). Сияющий в сумерках: Томас Джефферсон в новом свете. *Новая цюрихская газета*, 26—27.09.1998, с. 70) в американской Декларации независимости 1776 г. провозгласили, что «все люди созданы равными и наделены... неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью», под «людьми» они понимали только себя, но не черных рабов, не индейцев, не белых женщин. То, что позже эти слои населения, ссылаясь как раз на всеобщность в стратагемном ключе использованного слова «человек», завоевали и для себя права человека, скорее является плодом «хитрости разума» (см. 24.14), нежели продуманного замысла самих отцов-основателей США. Даже в конце XX столетия США упрекали, что для них «человек еще вовсе не человек» (Рудольф Аугштайн (Augstein): *Шпигель*. Гамбург, № 48, 1998, с. 34).

Провозглашая во время французской революции (1789) «Декларацию прав человека и гражданина», буржуазия хотя и говорила о «человеке» — целое вместо части, однако имела в виду лишь себя, да и то мужскую часть. Ведь женщины (как, впрочем, и негры) «согласно представлению эпохи Просвещения о человеке, будучи «недочеловеками», не входили в круг людей или граждан» (Карл Хайнц Бурмайстер (Burmeister). *Olympe de Gouges: Die Rechte der Frau 1791* («Олимпия де Гуж: права женщины в 1791 г.»), Берн / Вена, 1999, с. 7). Упомянутая Олимпия де Гуж (1748-1793), в 1791 г. обнародовавшая дополняющую «Декларацию прав женщин и гражданок» (см. Пауль Ноак (Noack). *Olympe de Gouges. 1748—1793: Kurtisane und Kämpferin für die Rechte der Frau* («Олимпия де Гуж. 1748—1793: Куртизанка и поборница прав женщин»). Мюнхен, 1992, с. 161 и след.; Ханнелора Шредер. *Olympe de Gouges: Mensch und Bürgerin* («Олимпия де Гуж: человек и гражданка»). Ахен, 1995), в 1793 г. кончила жизнь на эшафоте. В том числе это была расплата и «за ее заступничество за права женщин... Лишь в 1945 г. во Франции за женщинами были признаны гражданские права» (Карл Хайнц Бурмайстер), указ, соч., с. 8). Вплоть до XX в. на Западе, при упоминании о правах «человека», не имели в виду цветных, которым сполна довелось вкушать «плодов» колониализма белых. Поскольку «человеком» признавался лишь белый, Запад под руководством США на Парижской мирной конференции весной 1919 г. отклонил предложение японцев о закреплении в уставе Лиги наций положения о расовом равенстве (см. Харро фон Зенгер. «From the Limited to the Universal Concept of Human Rights» («От ограниченной до всеобщей концепции прав человека»). Вольфганг Шмале (Schmale) [Ред.]. *Human Rights and Cultural Diversity* («Права человека и культурное многообразие»). Гольдбах, 1993, с. 47 и след.).

Когда люди на Западе сегодня говорят о правах человека, они, как правило, подразумевают под ними «ядро прав человека» (подробнее см.: Харро фон Зенгер. Соображения о правах человека в свете китайских ценностей. Вальтер Швайдлер (Schweidler) [Ред.]. *Menschenrechte und Gemeinsinn — westlicher und östlicher*

тяжким / Знаком позора прикрыть пурпурного цвета повязкой. / Только один его раб, который обычно железом/Волосы царские стриг, все видел. Не смея позора/Выдать, но всем разгласить его страстно желая, не в силах / Более тайну хранить, убежал он и выкопал ямку. / И о господских ушах, которые видел случайно, / Повесть тихонько ведет и в самую ямочку шепчет. / Свой потаенный донос он опять зарывает землю / Той же и молча назад от закопанной ямки уходит. / Вскоре там начал расти тростник трепещущий, целой / Рошей. А только созрел, — лишь год исполнился — тайну / Выдал он жителям сел; колеблемый ласковым ветром, / Молвит зарытую речь, обличая Мидасовы уши» (Овидий, «Метаморфозы», кн. XI, с. 179—193). — *Прим. пер.*

Weg? («Права человека и здравый смысл — западный и восточный путь?»). Санкт-Августин [Германия], 1998, с. 267 и след). Относительно так называемого «ядра» прав человека на Западе отсутствует некое «общее представление». Например, бывший немецкий президент Роман Герцог (Herzog) сюда относит лишь «три основополагающих права», а именно: право на жизнь [Всеобщая декларация прав человека, ст. 3], право на свободу от пыток [там же, ст. 5] и рабства [там же, ст. 4], а также право на защиту от произвольного лишения свободы [там же, ст. 9] (Роман Герцог. «Права человека». *Цайтм.* Гамбург, 6.09.1997), с. 3) и, несмотря на подобное ограничение, имеет смелость утверждать, что выступает за «права человека» как таковые (см. также Фолькмар Дайле (Deile), «Начать с себя»: *Ai Info: das Magazin für die Menschenrechte*³⁴⁰. Бонн, май, 1993, с. 12 и след.). Международная организация Amnesty International ратует еще за некоторые дополнительные права (см. Йорг Фиш (Fisch). «Многозначные права человека; обобщение словами». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 6.09.1995, с. 5). Несколько больше прав человека к «ядру» причисляют в США.

Сводя права человека к некоему «ядру» и выделяя немногие, по-настоящему всеобщие права из огромного числа не принадлежащих к «ядру» и поэтому носящих относительный характер прав человека, на Западе многие права человека из тех, что провозглашены ООН, пытаются исключить из обсуждения касающихся [соблюдения] прав человека вопросов. Это, например, право на труд (Всеобщая декларация прав человека, ст. 23), право на выбор себе местожительства (указ, соч., ст. 13.1; см. 35.18), право на пищу (указ, соч., ст. 25.1), право на развитие (принято резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 г. 146 голосами «за», 1 [США] — «против» при 8 воздержавшихся, среди которых была и Германия), а также многочисленные общие права вроде права народов на мир (принято резолюцией 39/11 Генеральной Ассамблеи от 12 ноября 1984 г. 92 голосами «за», 0 — «против» при 34 воздержавшихся, среди которых Германия. На Западе, считающем себя, как мы видели, всем миром (см. 25.22), эти провозглашенные ООН права человека посредством уловки с «ядром» прав человека попросту улетучиваются. И все это несмотря на то, что ООН при всяком удобном случае подчеркивает неотъемлемость *всех* прав человека, то есть гражданских, социальных, экономических, культурных, личных и совместных (Харро фон Зенгер. «Концепция ООН прав человека» (указ. соч., с. 83 и след.). То, что Запад использует против прав человека стратегию перелицовки, можно, между прочим, заключить из того, что осуществление некоторых из перелицованных прав человека, вроде права на развитие, выльется Западу в копеечку.

Поскольку на самом Западе нет единства по поводу «ядра» прав человека, ни одно из прав не застраховано от вылета из этого пресловутого «ядра». Так, право на свободное выражение своих убеждений [Всеобщая декларация прав человека, ст. 19] не относится к очерченному бывшим немецким президентом Романом Герцогом «ядру» прав человека. Важнейшие личные права человека, если они не подпадают ни под одну теорию «ядра», выпадают вовсе, как, например, закрепленное в ст. 11.1 Всеобщей декларации прав человека право любого, даже подозреваемого в терроризме, человека считаться невиновным [до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты]. Также и право человека на защиту от вмешательства в личную жизнь (указ, соч., ст. 12), о котором не устают твердить на Западе, постоянно нарушается вопиющим образом западными средствами массовой информации. Стоит западному политику с его «сведением неотъемлемых прав человека к признанному на Западе наиболее существенным «ядру» (Фолькмар Дайле, «Создадим всемирное гражданское общество». *Цайтм.* Гамбург, 3.01.1997, с. 6) столкнуться с представителем страны третьего мира, не разделяющим западную теорию «ядра» прав человека, по поводу не входящего в это ядро права человека, он просто теряется, не зная, что делать» (см. 35.18). Тем самым при ближайшем рассмотрении западное использование стратегии 25 в отношении прав человека оказывается вовсе не блистательным приемом, а сущим головоутипством. Поскольку западное подчеркивание отдельных прав человека побуждает представителей иных культур со своей стороны ставить превыше всего устраивающие их права, то подлаживание Западом под себя прав человека может обернуться в итоге против него самого.

25.24. ТОТО [ЦЕЦЕ — целое вместо целого], ТОра [ЦЕча — целое вместо части], раТО [чаЦЕ — часть вместо целого], рара [чача — часть вместо части]

Когда означающее нечто целое слово относится ко всему целому, то такое словоупотребление именуют «totum pro toto» (целое вместо целого). Например, говоря «человек», подразумевают людей всех рас, обоих

³⁴⁰ «AI-Info (das Magazin für die Menschenrechte)», выходящий с мая 1981 г. ежемесячный журнал германского отдела международной организации Amnesty International (AI, основана в 1961 г.); с июля 1995 г. издается под названием «AI Journal». — *Прим. пер.*

полов, рожденных и еще вынашиваемых и т. д.

Когда же обозначающее нечто целое слово используют для обозначения лишь какой-то его части, подобное словоупотребление, как уже говорилось, можно назвать «totum pro parte» (целое вместо части). Говоря, например, «человек», мы подразумеваем только мужчин, или исключительно белых людей, или же только родившихся и т. д.

Когда слово, означающее часть целого, используют для обозначения целого, такое словоупотребление называют «pars pro toto» (часть вместо целого). Скажем, «Адам» и «Ева» в западной культуре часто употребляют вместо слов «мужчина» и «женщина».

Когда же обозначающее часть слово используют для обозначения именно этой части, такое словоупотребление именуют «pars pro parte» («часть вместо части»). Например, такие слова, как женщина, мужчина, ребенок, старик, басконка и т. д.

Эти четыре латинских выражения можно кратко обозначить следующим образом: ТОТО — вместо totum pro toto [ЦЕЦЕ — целое вместо целого], ТОра — вместо totum pro parte [ЦЕча — целое вместо части], раТО — вместо pars pro toto [чаЦЕ — часть вместо целого], pars pro parte — пара [чача — часть вместо части]. Исходя из этих сокращений, можно затем, если не претит вам игра слов, для особо частого употребления стратагемы 2 5 образовать глагол «ТОpalisieren» [уЦЕчашать]: когда используют общие понятия или огульно о чем-то выражаются, однако подразумевают, исподволь перелицевав сами эти понятия или высказывания, совершенно определенные, строго очерченные вещи. Говорят «мы», а подразумевают «я».

Уже в Древней Греции противоборствующие стороны редко высказывали и защищали свои интересы, «не узаконивая их именем «целого», не ссылаясь на «целое» (Эгон Флайг (Flaig)). «Европа берет начало в Саламине». *Rechtshistorisches Journal. Франкфурт-на-Майне*, № 13, 1994, с. 416). Томас Джефферсон (1743—1826), третий президент США, утверждал, что «Америка представляет интересы человечества, если преследует свои исконные интересы» (Эберхард Штрауб (Sträub). «Ради человечества и самих себя: решительное вхождение Америки в мир столетие назад». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 19-12.1998, с. 1).

Как раз в эпоху глобализации, особенно в западных кругах, нередко можно наблюдать уЦЕчашение. Прежде всего политики слишком часто взывают к общим идеалам или якобы общепризнанным принципам, преследуя в действительности сугубо собственные цели. Они ведут разговор о всеобщем, а их думы и действия носят местечковый или партийный характер. Так, например, говоря о правах человека, исключают оттуда социальные права. Выступают за право народов на самоопределение, но только если это не затрагивает их интересов. Когда был Советский Союз, советские политики выступали против колониализма вообще, но только не против советского.

В Атлантической хартии от 14 августа 1941 г. Черчилль, а затем присоединившийся к ней 24 сентября того же года Советский Союз отказывались от территориальных приобретений [ст. 1], признавали суверенные права и самоуправление тех народов, которые были лишены этого насильственным путем [ст. 3], право народов избирать себе форму правления [ст. 3] и т. д., но вскоре Черчилль объявил, что эти положения не относятся к Британской империи (см. Пол Гордон Лорен (Lauren). «First principles of racial equality» («Основы расового равенства»). *Human Rights Quarterly*. Балтимор, т. 5, № 1, февраль 1983, с. 11). Позднее Сталин тоже не стал относить основное положение Атлантической хартии к советской державе. Во Второй мировой войне Запад боролся с «диктатурой», но не со Сталиным и за «свободу», но только за свободу Европы и Китая, а не Африки, Индии или Вьетнама от колониального гнета. На Западе выступают за «демократию», например, в Китайской Народной Республике, но не в Алжире или Саудовской Аравии и не во всемирном масштабе. «Демократия на Аравийском полуострове расстроила бы планы Америки... Для Запада идеалом на Ближнем Востоке служит не демократия, а стабильность» (Хейко Флоттау. «Черный день для арабов». *Базельская газета*, 28.09.1999, с. 4). США ратуют за «точное выполнение резолюций ООН, когда они направлены против Ирака, но не против Израиля (Чжан Чжуцзи. «Рассмотрение двойного американского стандарта». *Жэньминь жибао*. Пекин, 16.03.1999, с. 6).

Во время войны в Косове (24.03-10.06.1999) на Западе ссылались на доктрину защиты прав человека «повсюду, где они нарушаются», в случае необходимости даже без мандата ООН и в нарушение действующих норм международного права об уважении государственного суверенитета и запрете на вооруженное вмешательство. Ведь дело шло о защите в качестве членов входящих в «мировое сообщество граждан» «граждан отдельного государства против своеволия собственного правительства» (Юрген Хабермас (Habermas). «Зверство и человечность». *Цайт*. Гамбург, 19.04.1999, с. 1). Британский премьер-министр Тони Блэр назвал «военное вмешательство для пресечения вопиющих нарушений прав человека и геноцида законным» («Британское одобрение косовского курса Блэра». *Новая цюрихская газета*, 27.04.1999, с. 3). После войны в Косове американский президент Билл Клинтон пообещал «народам мира»: «Где бы вы

ни жили, в Африке или в Центральной Европе, если кто-то будет преследовать ваших невиновных граждан и станет в массовом порядке убивать их из-за расовой принадлежности или вероисповедания и в наших силах будет остановить его, мы это сделаем» (Матиас Насс (Nass). «Стряпчие варварства». *Цайт*. Гамбург, 16.09.1999, с. 3). Этой «риторики универсализма, свойственной Западу», согласно которой «законы должны распространяться без исключения на всех» (Ханс Магнус Энценбергер. «Поворот». *Цайт*. Гамбург, 22.04.1999, с. 49), в отношении напоминающего Косово «кровавого хаоса» в Восточном Тиморе («Восточный Тимор: азиатское Косово». *Бильд*. Гамбург, 11.09.1999, с. 12), «земного ада» (*Новая цюрихская газета*, 13.09.1999, с. 1 и след.), после состоявшегося там 30 августа 1999 г. референдума в пользу независимости, уже не слышать (см.: «Стабильность в Индонезии для США важнее независимости Восточного Тимора: пределы гуманитарного вмешательства Вашингтона». *Новая цюрихская газета*, 10.09.1999, с. 1). «Главные блюстители нравственности войны в Косове Билл Клинтон и Тони Блэр сразу же поубавили прыти» («Восточный Тимор: кидет уничтожение народа». *Шпигель*. Гамбург, № 37, 1999, с. 201), так что вмешательство в Восточный Тимор согласно существующему международному праву лишь с «разрешения Джакарты» («Опоздавшая помощь в Восточном Тиморе». *Новая цюрихская газета*, 13.09.1999, с. 3) могло произойти («Совет Безопасности одобряет вмешательство в Восточный Тимор». *Новая цюрихская газета*, 16.09.1999, с. 1). Когда же, наконец, войска ООН вмешались, Восточный Тимор лежал «в руинах» (Ричард Ллойд Пэрри (Parry). «Пожар». *Цайт*. Гамбург, 23.09.1999, с. 8).

«Косово и Восточный Тимор: подход с двойной меркой?» (Матиас Насс, *там же*). Не наивен ли сам вопрос, поскольку предполагает сначала снятие мерки различными метрами, а затем действие сообразно полученной мерке? А не происходит ли все так в первую очередь потому, что «внешняя политика определяется шкурными интересами» (Оливер Фарни (Fahni). «Бойня в Восточном Тиморе: они ведали, чего им не делать». *Вельтвохе*. Цюрих, 16.09.1999, с. 7)? А нельзя ли истолковать различное отношение Запада к Косову и Восточному Тимору с точки зрения ущемления? Иначе говоря, вначале то или иное возникшее затруднение разбирают с позиции собственных интересов и определяют объект действия. Лишь затем, если это уместно, подходят с общей меркой к конкретным обстоятельствам. Ведь привлечение общей мерки и последующее оглашение по всему миру итогов снятия мерки сослужат службу при обосновании дальнейших действий и сокрытии истинных побудительных причин (см. 29.32). В другом случае ту же общую мерку засовывают в дальний ящик, если неподходящие результаты снятия мерки могут связывать руки, или же, сняв мерку, ее оказавшиеся невыгодными результаты поспешно кладут под сукно, либо меняют саму мерку. «Смотря по обстоятельствам США либо сильно выпячивают гуманитарный фактор», либо «просто не замечают его» («Бессилие ООН», читательская почта. *Новая цюрихская газета*, 21.09.1999, с. 73).

Даже в Европе европейцы не соблюдали свой псевдоуниверсальный призыв «Нет геноциду!». Ведь «другая драма», приключившаяся с курдами в Европе, а именно «в Турции, ключевой державе НАТО, не была определена как гуманитарная... никто и не подумал ущемить там государственный суверенитет», тогда как свое вмешательство в Югославию НАТО оправдывала тем, что оно носит «гуманитарный» характер («Другая драма: итальянская газета *La Repubblica* (Рим) проводит сравнение». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 27.03.1999, с. 2). «Курдам [в Турции] США постоянно отказывали в любой помощи, тогда как они молча терпели или даже поощряли сепаратистские действия албанцев в Косове» (Чжан Чжуцзи, *там же*).

Основанием неблагоприятного употребления нестратагемно-го чача-языка служит то, что ЦЕча-язык оказывает несравненно большее пропагандистское воздействие, обращаясь к значительно большей аудитории, нежели ограниченный чача-язык с присущей ему явной привязанностью к «узкому» кругу интересов. В противоположность этому всякий, па деле преследующий некий отдельный интерес, но делающий это якобы во имя величественных всеобщих идеалов и принципов, обеспечивает себе непререкаемое положение. Ведь многие, все еще верящие напыщенному красноречию, назовут немногих сомневающийся «циниками» или «пошляками» и не станут к ним прислушиваться. К тому же они поспешат защитить «борцов за общие благородные цели», когда их всеобщие требования разойдутся с их избирательными действиями, и объяснят это тем, что хоть их поведение и не соответствует их высоким устремлениям, но, во всяком случае, диктуется возвышенными идеалами.

А стоит заговорить с уЦЕчашителями о расхождении между их велеречивыми словами и соответственно проистекающими из них всеобщими притязаниями их высказываний и убого узким кругом их действий, они пытаются выгородить себя напоминающими стратагему бегства доводами вроде того, что необходимо, наконец, хоть раз начать конкретно действовать, что необходим взвешенный подход, что никто не застрахован от лицемерия или что нельзя «переусердствовать» с тем или иным положением. Когда же сами уЦЕчашители затем станут жертвами подловившей их на слове «хитрости разума» (см. 24.14), бежать им будет уже некуда.

Столь же важную роль порой играет в паре со стратагемой 25 чаЦЕ-язык, когда в западных рассуждениях о правах человека запрет на попытки представляется как представительное право человека, посредством

которого обосновывается всеобщая, независимая от культуры понятливость относительно прав человека. Выставление запрета на пытки в качестве права человека как такового может в понимании прав человека у неосведомленных людей обернуться выхолощенным представлением о правах человека. Ведь запрет на пытки хоть и может представлять собой образец личного, направленного против притеснения государства права, однако не в состоянии, например, охарактеризовать социальные, либо культурные, либо коллективные права человека. Упрек в коллективной вине зачастую основывается на хитроумном чацевании.

Вот еще пример: вызванные сенатором Маккартни в период так называемой «охоты на ведьм» (1950—1954) «чудовищные оскорбления и клевету берут как «часть вместо целого» ради развенчивания любой формы антикоммунизма» (Ганс Э. Тюч (Tütsch). «Маккартизм — мифотворчество в Америке». *Новая цюрихская газета*, 5.08.1999, с. 5).

ЦЕЦЕ-язык можно употреблять в стратагемном и нестратагемном ключе. В первом случае отдельные части целого лишают балок и столбов до такой степени, что сами части растворяются в отвлеченном ЦЕЦЕ-слове. Перелицовка отдельных частей может пойти так далеко, что сами части полностью исчезнут. Понятие «советский человек» поглотило в себя русских, украинцев, грузин, чеченцев, узбеков, киргизов, калмыков, крымских татар, ингушей, турок-месхетинцев и всех прочих представителей находившихся под советской властью народов и языковым образом убрало их. Нередко такое случается в ходе перелицовки понятий, которая может закончиться даже попытками перелицовки самой действительности в соответствие с принципом ЦЕЦЕ, т. е. отдельные части лишаются собственного своеобразия до такой степени, что полностью растворяются в некоем большем целом. Так, в соответствии с якобинской традицией во Франции с правовой точки зрения есть только французы и француженки и отсутствуют всякие меньшинства (см. ст. 2 Французской конституции [1958 г. с изменениями от] 25 июня 1792 г.³⁴¹). Примеру французов следует Турция, где официально живут только турки и нет никаких курдов. Если бы Китайская Народная Республика переняла ЦЕЦЕ-понимание гражданства, то в Китае оказались бы одни китайцы и не стало бы, например, тибетцев и не были бы официально признаны языки национальных меньшинств. Да и само понимание человека, о котором ведет речь Всеобщая декларация прав человека, основывается во многом на устранивании (Auskehrung) отдельно существующих слоев населения: берется под защиту некий лишенный половой, расовой, национальной, религиозной и всякой иной принадлежности человек (Всеобщая декларация прав человека, ст. 1). Правда, ООН отвергает официально единственно превозносимое на Западе сугубо индивидуалистически-абстрактное ЦЕЦЕ-представление о человеке, согласно которому нам «как индивидам нужно равняться на «мировую культуру в «мировом сообществе» (Базой Брок (Brock), профессор ненормативной эстетики. *Бильд*. Гамбург, 28.08.1999, с. 2) (см. также 35.18, 35.19), и ограничивает его признанием коллективных и культурных прав человека.

Использование нестратагемного ЦЕЦЕ-языка и мышление в его понятиях с соответствующим действием, хоть и ограничено, практиковалось лишь ООН. Поэтому, пожалуй, ее и опасаются на Западе, а главный представитель в лице США в нарушение договора отказывается платить взносы (см. 19.25)!

25.25. Ясность посредством многозначности

Одной из отличительных особенностей языка, используемого предсказателями, является употребление неясных, расплывчатых, растяжимых, многозначных слов (см. также 20.19), пишут Эдна Афек (Aphék) и Ишай Тобин (Tobin) в своей книге *The Semiotics of Fortune-Telling* («Семиотика предсказания») (Амстердам/Филадельфия, 1989, с. 46). Предполагаемые обстоятельства изображаются открытыми всем и при этом всеобъемлющим образом. Здесь привлекают общие слова и фразы вроде «нечто», «кто-то» или «некий вопрос», оставляющие лазейку выражения, вроде «возможно», «пожалуй», прописные истины типа «критика должна быть конструктивной» и всегда верные советы наподобие: «кто рано встает, тому бог подает».

Сказанное должно быть столь трудным для восприятия, чтобы клиент невольно из возможных значений выбрал те, которые делают сказанное осмысленным для него. Предсказатель, таким образом, сообщает любой наполняемый, пригодный каждому набор слов, куда всякий клиент, сам того не сознавая, собственноручно вставляет смыслообразующие для него «балки» и «столбы». Он убежден, что предсказатель сообщает их ему в словесной оболочке, удивляясь его сверхчувственным способностям. Нечто подобное может происходить и при графологическом (на основании почерка) заключении, которое из-за своего приблизительного языка допускает различные толкования.

³⁴¹ Статья 2. Язык Республики — французский (Конституции государств Европейского Союза./Под общей ред. Л. Окунькова. М.: Издательская группа ИНФРАМ-НОРМА, 1997, с. 665-682). — *Прим. пер.*

25.26. «Печка, печка, тебе одной могу открыться!»

«Не всем пришлось по душе, что город Люцерн в 1332 г. вступал в Швейцарский союз. Некоторые лучше бы остались с австрийцами. Видя, что в открытом голосовании окажутся в меньшинстве, они решились на вооруженный заговор. Родовитые семьи столковались убить ночью сторонников лесных земель, а когда польется кровь, воцарится ужас и смятение, передать Люцерн австрийскому князю. Заговорщики, вооружившись, собрались, как было условлено, в ночь праздника ап. Петра и Павла в укромном месте у озера в кабачке портных. И так случилось, что один паренек, услышав бряцание оружия, подслушал их разговор. Он страшно перепугался, когда те схватили его. Однако убивать мальчишку не стали, взяв с него клятву, что он ничего не расскажет их противникам. Парень, когда его отпустили, прибежал в кабачок мясников, где шло веселье, и поведал печке, где и зачем собралась вооруженная толпа и почему он не может ничего рассказать людям. «Печка, печка, тебе одной могу открыться, раз из-за данной клятвы ни с кем мне нельзя поговорить» — так повел он свою речь. Участники пирушки тотчас протрезвели и сообщили услышанное властям и горожанам, и зачинщики мятежа, счастливые, что добрались домой, были застигнуты при оружии или же узаны по красным повязкам на рукавах и взяты под стражу. Ночью в лесные земли отправились послы, приведя с собой подмогу из 300 человек. Заговорщики же потеряли всяческое уважение».

Эту историю, известную в Швейцарии под названием «Лю-цернова ночь убийства», я заимствовал из книги *Sagen, Bräuche, Legenden aus den fünf Orten Lucern, Uri, Schwiz, Unterwalden und Zug* («Предания, обычаи, сказания пяти земель: Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальден и Цуг») (Люцерн, 1862). Явно или подспудно печка присутствует и в преданиях о ночи убийства швейцарских округов Грюер [кантон Фрейбург], Цофинген [кантон Ааргау] и области Брейсгау [немецкой земли Баден-Вюртемберг]. Описанный выше заговор на самом деле был раскрыт 24 июля 1343 г. в Люцерне. Мальчишка поклялся заговорщикам «не проболтаться их врагам». Доверяя свою тайну исключительно печке, юноша внешне не нарушает данного им слова, но лишает его внутреннего смысла.

Схожим образом удастся перехитрить в европейских сказках и преданиях своих мучителей принужденным к молчанию женщинам, поверяющим свои беды не людям, а предметам: Хе-лидона жалуется кувшину³⁴²,

³⁴² Антонин Либерал (вторая пол. II в.), «Метаморфозы», гл. XI «Аэдон»; см. пер. с др.-гр. В. Ярхо в журнале «Вестник древней истории», 1997, № 3, с. 230—231), где выступают сестры Аэдон (жена колофонского плотника Политехна) и Хелидона. Супруги состязались в мастерстве; проигравший Политехи в отместку жене обесчестил ее сестру Хелидону):

«(1) Пандарей жил в Эфесской земле, где сейчас у города находится выступающая скала. Деметра дала ему в дар никогда не испытывать от еды тяжести в желудке, сколь много он бы ее не проглотил. (2) У Пандарей была дочь Аэдон; на ней женился плотник Политехи, который жил в Колофоне, в Лидии, и долгое время они наслаждались совместной жизнью. Родился у них единственный сын Итис. (3) Итак, пока они почитали богов, они были счастливы. Когда же с уст у них сорвалась нечестивая речь, что они любят друг друга больше, чем Гера и Зевс, Гера, разгневавшись на такие слова, нагнала на них Вражду, а та внесла раздор в их дела. Политехну надо было в короткое время кончить сиденье для возницы в колеснице, Аэдон — соткать ткань, и они договорились, что кто быстрее выполнит свою работу, тот подарит другому рабыню. (4) И когда Аэдон быстрее соткала ткань (ибо ей помогала Гера), Политехи, огорченный ее победой, пришел к Пандарей и сделал вид, будто он послан Аэдон, чтобы отвести к ней ее сестру Хелидонида (уменьшит, имя от «Хелидон»). Пандарей, не заподозрив ничего плохого, дал (ему) увести ее. (5) Политехи же, заполучив девушку, надругался над ней в лесной чаще, передел в другое платье, остриг волосы на голове и пригрозил смертью, если она скажет что-нибудь об этом Аэдон. (6) Вернувшись домой, он по уговору отдал Аэдон девушку в качестве служанки, и та стала мучить ее работой, пока Хелидонида, держа в руках кувшин, не стала горько жаловаться у колодца, и Аэдон услышала ее слова. Когда же они узнали друг друга и обнялись, они стали замышлять беду для Политехна. (7) Они убили сына (Политехна), сложили его мясо в кастрюлю и сварили; Аэдон, попросив своего соседа сказать Политехну, чтобы отведал мяса, ушла с сестрой к отцу Пандарей и открыла ему, какое она испытала несчастье. А Политехи, узнав, что угощался мясом своего сына, бросился преследовать женщин до самого их отцовского дома, где слуги Пандарей схватили его и связали неразрывными узами за то, что он хотел нанести оскорбление дому Пандарей, и, намазав его тело медом, бросили в стадо. (8) Облепившие Политехна мухи стали его мучить, Аэдон же, жалея его ради прежней любви, отгоняла мух от Политехна. Когда ее увидели родители и брат, они, возненавидев, пытались ее убить.

(9) Но Зевс вместо того, чтобы дом Пандарей постигло большее зло, сжалившись, превратил всех в птиц. И одни из них, вылетев, устремились к морю, другие — в небо. Сам Пандарей стал морским орлом, мать Аэдон — алкионой, и они тотчас захотели броситься в море, но Зевс им в этом помешал. (10) Морякам эти

героиня из собрания сказок Базиле (1575—1632) *Пентамерон* — своей кукле, а Филомела в *Метаморфозах* Овидия (43 до н. э. — около 17 н. э.) сообщает о своем бесчестии вышитым узором³⁴³.

25.27. Женщины из Вейнсберга

«Женской верностью» именуют развалины крепости близ Вейнсберга, города недалеко от Хайльбронна в земле Баден-Вюртемберг. И поныне там многие справляют свадьбу. «Император Конрад III [1093—1153], осадив Вельфа, герцога Баварского [1108—1139], не пожелал ни в чем пойти на уступки, хотя осажденные готовы были смириться с самыми позорными и унижительными условиями, и согласился только на то, чтобы дамам благородного звания, запертым в городе вместе с герцогом, позволено было выйти оттуда пешком, сохранив в неприкосновенности свою честь и унося на себе все, что они смогут взять. Они же, руководясь великодушным порывом, решили водрузить на свои плечи мужей, детей и самого герцога. Императора до такой степени восхитил их благородный и смелый поступок, что он заплакал от умиления; в нем погасло пламя непримиримой и смертельной вражды к побежденному герцогу, и с этой поры он стал человечнее относиться и к нему, и к его подданным» [Монтень. «Опыты», т. 1]. Об этом же сообщается в одном из преданий, собранных Людвигом Бехштайном (1801 — 1860). Происшедшее воспел в одноименном стихотворении и Готфрид Август Бюргер (1747—1794):

Вейнсбергские женщины

Где Вейнсберг? Где, скажите, он,

Где этот городочек,

В котором столько верных жен

И миленьких их дочек?

Когда придет жениться блажь,

О, девы Вейнсберга, я — ваш!

Однажды царственный Конрад

На город рассердился

И с целым табором солдат

У стен его явился,

Распорядился, как умел,

И лезть всем на стену велел.

Когда ж граждане — стар и мал —

Все приступы отбили,

птицы служат доброй приметой. Политехи после превращения стал зеленым дятлом, потому что Гефест дал ему топор, когда он плотничал. И появление этой птицы — благо для плотника. Брат Аэдон стал удоном; появление его благоприятно и для мореплавателей, и для находящихся на суше, а еще лучше — вместе с морским орлом и алкионой. (11) Что касается Аэдон и Хелидониды, то первая из них у рек и в лесной чаще оплакивает своего сына Итиса, вторая же по воле Артемиды стала жить рядом с людьми, потому что, по принуждению расставаясь с девичеством, громче всего взывала к Артемиде».

³⁴³ Филомела (которой отрезал язык обесчестивший ее фракийский царь Терей, женатый на ее сестре Прокне), чтобы связаться с Прокней, вплетает тайное послание в узоры брачного одеяния: «Вот по-дикарски она повесила ткани основу / И в белоснежную нить пурпурные нити воткала, — / О преступленья донос» (Овидий. «Метаморфозы», кн. VI. Пер. С. Шервинского, с. 576—578). — *Прим. пер.*

Конрад сказать им приказал
(Причем в литавры били):
«Когда я город ваш возьму —
С мужчин всех головы сниму!»

Едва в обложенных стенах
Узнали суть воззвания —
На шумных стогнах и в домах
Послышались рыдания;
На рынке хлеб подорожал,
А ум того дороже стал.

Чуть смерклось, женщины гурьбой
Явились на ограде,
Спустились в лагерь боевой
И молят о пощаде;
Но им — на нежный их привет —
Был дан неласковый ответ:

«Что унесете на плечах,
С тем можете убраться,
А что останется в стенах,
Уж с тем вам не видаться!»
С капитуляцией такой
Оне вернулись домой.

Но лишь зарделся небосклон,
Ворота растворились
И вереницы верных жен
Пред кесарем явились,
Кряхтя под тяжестью мужей,
В мешках зашитых до ушей.

Против уловки хор льстецов

Напрасно возражает:

«Не поясняют царских слов!»

Конрад им отвечает:

«Отлично! Браво! Вот те на!

Когда б так думала жена?»

Простив мужей, их женам бал

Он задал с угощением,

Где каждый сердцем ликовал

И с тем же наслаждением

Плясал с кухаркой и швеей,

Как с бургомистровой женой.

Где Вейнсберг? Где, скажите, он,

Где этот городочек,

В котором столько верных жен

И миленьких их дочек?

Когда придет жениться блажь,

О, девы Вейнсберга, я — ваш!

[«Готфрид Бюргер и Рихард Фосс». Пер. Н. Гербеля. М., 1901, с. 31-32]

Хитрые женщины спасли своих мужей, «выкрав балки и заменив столбы» в обещании императора, согласно которому каждой женщине разрешалось «унести на плечах столько, сколько она могла осилить» (*Немецкие предания братьев Гримм. Вторая часть: Исторические предания*. Берлин / Лейпциг, 1914, с. 127 [предание № 493 «Die Weiber zu Weinsberg»]), т. е. придав им отличный от того, что вкладывал сам император, смысл. Император, естественно, имел в виду домашний скорб. Вольно или невольно, но ему пришлось, как пишет Адельберт фон Шамиссо (1781 — 1838), делать хорошую мину при плохой игре: «А Конрад усмехнулся: «Не то я обещал./Но этот бабий фортель превыше всех похвал! / Мы верность обещанью обязаны хранить — /Ни канцлеру, ни войску его не отменить!» [стихотворение «Винспергские жены». Пер. Ю. Петрова. «Поэзия немецких романтиков». М.: Худ. лит, 1985, с. 123-124].

Стратегема № 26. Грозить софоре (акации), указывая на тут (шелковицу)

Четыре
иероглифа

指

桑

罵

槐

Современное
китайское
чтение

Чжи

сан

ма

хуай

Перевод
каждого

указывать

шелковица

грозить

акация

иероглифа

Связный перевод Грозить софоре (акации), указывая на тут (шелковицу)

Сущность Внешне поносить тут, а на самом деле — софору; бранить *A*, метя при этом в *B*; критика окольным путем; кошку бьют, а невестке наветки дают; косвенное оскорбление/обвинение/нападение; сделать грубый намек; стратагема косвенной критики. Стрелять по «картонным приятелям» (человеческим манекенам); косвенно нападать; стратагема боя с тенью; стратагема громоотвода

26.1. Иерархия двух деревьев

С воцарения династии Чжоу (11 в. — 256 до н. э.) во дворце Сына Неба, т. е. высшего правителя, [напротив места трех гунов и девяти чинов на аудиенциях³⁴⁴] высаживались три софоры и девять кустов терновника [«сань-хуай цю-цзи»]. Там усаживались три высших советника и девять сановников. Последующие династии в подражание чжоуской династии рядом с важными учреждениями высаживали софоры. Поэтому с древности софоры окружены ореолом высшей власти государства. И не только, «софора со своими раскидистыми ветвями и чудными цветками служит олицетворением древней китайской цивилизации» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 19.06.1998, с. 11). На этом фоне хозяйственное значение софоры как бы отступает на задний план. Из цветов софоры изготавливают желтую краску, а семя используют в качестве снадобья.

Большое хозяйственное значение придается туту, различные части которого идут на приготовление снадобий, изготовление различной утвари и бумаги. Но прежде всего ценятся тутовые листья, непревзойденная еда для гусениц шелкопряда. В природе тут может достигать высоты более десяти метров. Но чтобы удобней было обрывать листья, в Китае дерево многократно подрезают, так что он не вырастает выше одного метра. Тут всегда был тесно связан с хозяйственной жизнью простого народа. И получается, что софора с тутом олицетворяют различные общественные слои, высших сановников и простолюдинов.

Однако в Древнем Китае повелось так, что именно тот слой общества, олицетворением которого выступала софора, чаще всего навлекал на себя неудовольствие. Но открыто нападать и прямо указывать на его представителей было нельзя. Поэтому ругали не растущую в императорском дворце софору, а стоящий в поле неродовитый и безвестный тут. Если история возникновения выражения для стратагема 26 указывает на подобную связь, как заметил мне в письме от 6 мая 1996 г. исследователь стратагем Чжан Шаосюн, то выражение «грозить софоре, указывая на тут» является своего рода проявлением недовольства, когда демонстративно ругают низших, метя при этом в высших. Однако это не значит, что выражение стратагема 26 непременно употребляется для косвенной критики кого-то более высокопоставленного.

Выражение для стратагема 26 напоминает немецкий фразеологизм «бить собаку в назидание льву», иначе говоря, наказывать более слабого в присутствии более сильного, чтобы тот извлек для себя урок. Сам фразеологизм, похоже, восходит к св. Амвросию Медиоланскому (339—397). Значительно дальше выражения для стратагема 26 простирается значение нацеленного не только на критику немецкого выражения «говорить о чем-то посредством цветов»: давать понять о чем-то намеками или иносказаниями. Данное выражение возникло из языка цветов, где каждый цветок наделялся неким символическим значением, чтобы можно было передать плохую весть через соответствующий цветок. В китайском языке есть похожее выражение «стучать сбоку и бить со стороны» («пан-цяо цэ-цзи»). Смысл стратагема 26, соотносящейся с высказыванием «on peut tout dire, mais pas à tout le monde» («можно сказать все, но не всему свету»), передается также и другими выражениями: 1) «указывая на свинью, бранить собаку» («чжи-чжу ма-гоу»); 2) «указывая на петуха, бранить собаку» («чжи-цзи ма-гоу»); 3) «указывая на восток, бранить запад» («чжи-дун ма-си»); 4) «указывая на [бритоголового] буддийского монаха, поносить плешивого» («чжичжэ хэ-шан ма туцзы»); 5) «ссылаясь на [бритоголового] буддийского монаха, бранить облезлого осла/плешивого раба» («дуйчжэ хэ-шан ма ту люй/ну»); 6) «указывая на облезлого осла, бранить [бритоголового] буддийского монаха» («чжичжэ ту люй ма хэ-шан»).

³⁴⁴ См.: «Чжоу ли», т. е. «Чжоуские ритуалы», раздел «Осенние чиновники» («Цю гуань»), абзац «Придворные чины» («Чоа ши»). — *Прим. пер.*

26.2. Искусство злословия

Стратегема 26 является информационной стратегемой, главная задача которой — передача назидания, но косвенным образом. При этом в зависимости от получателя послания различают две разновидности использования стратегемы.

В первом случае проводник стратегемы хочет добраться как раз до того, кто заслуживает критики. При высказывании критики хоть и указывают на «тут», но лишь для того, чтобы ее услышала «софора». Прибегают к порицанию окольными путями по разным причинам, например:

положение либо должность адресата делает прямые выпады небезопасными, и все же есть необходимость высказать критические замечания;

адресату присуще чувство собственного достоинства, и он исправляет допущенные ошибки, услышав о них; но прямая критика уязвила бы самолюбие такого человека и не достигла бы своей цели;

оппонент не выносит критики в свой адрес, воспринимает ее негодующе, так что заставить прислушаться его может лишь облеченная в мягкую форму критика, иначе говоря, выраженная посредством стратегемы 26;

внешние условия и обстоятельства не позволяют критиковать открыто.

Одна гонконгская книга по стратегемам различает «грубую» и «облагороженную» форму порицания. При грубом порицании метают гром и молнии, бьют по столу, а при облагороженном порицании губы становятся стрелами, а язык — лезвием. К особо изысканному виду «облагороженного порицания» относится стратегема 26 — в только что представленной ее первой разновидности, как раз и ведущая в область «искусства злословия».

26.3. Искусство неуязвимого инакомыслия

При второй разновидности проводник стратегемы своим посланием хочет по возможности достучаться не столько до критикуемого оппонента, сколько до более широкой аудитории. Критикуемый как раз и не должен ведать о критике, для чего и привлекается стратегема 26. С ее помощью стараются обезопасить себя от грозящего наказания. Возможно, поэтому Бертольт Брехт в подобной связи пользовался выражением «рабский язык». В данном случае стратегема 26 оказывается средством осуществления права человека на свободное выражение своих убеждений. Если «софора» ощутит себя затронутой критикой, проводник стратегемы, естественно, будет заверять, что это притянута, поскольку он метил исключительно в «тут». Разгорится спор, кто же здесь прав. Посторонний человек, как правило, не в состоянии будет рассудить, поскольку непрозрачность составляет само существо всякой стратегемы. В случае проницательной «софоры» проводнику стратегемы, пожалуй, не избежать печальной участи: преследования, наказания, клеветы, изгнания и т. д. Значит, стратегема не удалась. Нельзя исключить и случаи, когда на самом деле целят именно в «тут», но «софоре» мнится, что подразумевают именно ее. Тогда мы имеем дело с совершенно несправедливым обвинением в использовании стратегемы 26. Возможно и такое, что «софора» принимает на свой счет явно нацеленную на «тут» критику ради его защиты, чтобы тем самым заставить замолчать критиков (которым и в голову бы не пришло нападать на «софору»).

Что касается литературного использования стратегемы 26, в Китае это повелось издавна. В 221 г. до н. э. Цинь Ши Хуан-ди (259—221 до н. э.) привел Китай к объединению (см. 23.1). Императоры ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) заимствовали под знаком конфуцианского учения созданный при циньской династии (221—207 до н. э.) центральный аппарат власти, а также институт верховного правителя как неограниченного духовно-политического главы государства при наделенных ничтожными правами подданных. Это представление, просуществовавшее до 1911 г., оставило заметный след и в художественной литературе. Сокрытие, необходимость читать между строк и осуждение, а значит, обозначение того, что написано, как глупое и ограниченное (см. стратегему 27), а также указующий на тесную связь со стратегемой 26 политический намек своими истоками восходят к условиям, порожденным такими установлениями.

Подобно китайской философии, являвшейся во многом политической, и в художественной литературе часто скрывался политический потаенный смысл. Саму эту скрытость породил феодальный строй чжоуской династии (1100—256), на смену которой вместе с циньской династией пришла империя с ее централизованной властью. Поэтому правовые гарантии личности получили крайне слабое развитие. Вместо отсутствующего механизма правовой защиты возникли стратегемные механизмы защиты. С ханьской эпохи (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) в художественной литературе проявляются или прочитываются сокрытые

политические намеки, начиная с якобы отобранной самим Конфуцием *Книги песен*. Так, песни, говорившие о слишком свободных отношениях между полами, истолковывали как признак испорченности нравов в скверно управляемой стране. Такой взгляд на Западе уже давно пересмотрен, но в Китае он все еще жив. Китайские (как и западные) критики не всегда единогласны в том, присутствует ли в том или ином стихотворении политический намек или нет. Во всяком случае, не представляло труда обвинить неугодного человека на основе совершенно безобидного стихотворения. Подобное происходило во времена так называемой «литературной инквизиции» («вэньцзы юй» [досл. «письменные судилища»]), получившей особое распространение в цинскую эпоху (1644—1911)³⁴⁵. Стихотворные строчки вроде «свежий ветерок не знает письмен, но зачем он тогда без разбора роется в книге» («цинфэн бу ши цзы, хэ гу луань фань шу?»)³⁴⁶ могли в ту пору стоить головы, поскольку из-за знака со звучанием «цин», означающим «свежий», но, помимо того, обозначающим династию Цин, здесь вполне возможно заподозрить скрытый выпад против маньчжурской династии Цин: несведущий в грамоте ветер при таком прочтении олицетворял собой культурное невежество маньчжур. «Основная трудность в толковании китайской художественной литературы заключается в ответе на вопрос, есть ли там политический намек или нет» (Гюнтер Дебон (Debon). *Chinesische Dichtung: Geschichte, Struktur, Theorie* («Китайская художественная литература: история, устройство, теория»). Лейден, 1989, с. 137). Слова Дебона о художественной литературе верны и для любой формы выражения мнений в старом Китае, так что относительно некоторых текстов можно говорить о своего рода тайном языке. Вычитывание критики или порицания между строк, впрочем, не чуждо и демократическому Западу. Так, в США при переводе сказки Андерсена про русалку из описания ее нежных рук убрали слово «белые» из-за содержащегося намека на цвет кожи, что может быть расценено как расистский выпад (Вольф Шнейдер. «Полиция языка начеку»: [выходящий с 1991 г. ежемесячный журнал] *NZZ-Folio*. Цюрих, декабрь, 1994, с. 91). А французское военное руководство посчитало себя осрамленным в фильме Стэнли Кубрика «Пути славы», где, собственно, обвинялась только война с ее военной машиной³⁴⁷. Французское правительство добивалось у многих стран запрета на показ самого фильма, который, с его точки зрения, подрывал престиж французской армии. В Швейцарии эта картина была запрещена с 1958 по 1970 г. (см.: *Новая цюрихская газета*, 7.04.1995, с. 47). Далее, утверждается: «Процесс над Сталиным — это процесс над всем нынешним левым движением» (Михаэль Шаранг (Scharang). «Запутанный спор: является ли Сталин воплощением Абсолютного Духа? Одно замечание». *Цайт*. Гамбург, 18.06.1998, с. 40). Следует порой остерегаться, чтобы слишком впечатлительные ближние не приняли нечто совершенно безобидное за скрытые нападки или обличения в свой адрес.

26.4. Осторожно открыть горькую правду

Стратегема 26 дает возможность осторожно сообщить неприятные известия. Это совершается в виде непосредственного послания, которое, однако, вроде русской матрешки кое-что скрывает в себе, а именно — второе послание. Непосредственное сообщение ведет речь о «туте», а скрытое касается «софоры». Здесь возможны самые различные приемы, но нам придется ограничиться лишь некоторыми из них.

В случае превентивного использования стратегемы 26 целят не в конкретную «софору». И «тут», и «софора» могут быть вымышленными; кто нужно поймет, что говорится в послании. Однако чаще всего проводник стратегемы 26 целит в конкретную «софору», будь то отдельный человек, группа людей или какое-то упущение. Между «тутом» и «софорой» в таком случае возможно наличие непосредственно осязаемой или понятной посвященным связи. Сама связь может искусственно создаваться соответственной подстрижкой «тута», как было в ходе «культурной революции» (1966—1976), когда, например, нападали на немецкого «железного канцлера» князя фон Бисмарка (1815— 1898), но подразумевали премьер-министра Чжоу Эньлая (1898— 1976) (см. *Гуанмин жибао*. Пекин, 27.02.1977, с. 2).

«Тутом» может быть историческое событие вроде того, что представлено в пьесе Артура Миллера (род. 1915) «Тяжкое испытание» [*The Crucible*, 1953], где описывается процесс над ведьмами 1692 г. в Салеме (штат Массачусетс), унесший жизни девятнадцати человек, и тем самым бичуется царившая в эпоху маккартизма в Америке 1953 г. удушливая атмосфера [подозрительности]. «Тутом» может быть

³⁴⁵ Со времен цинского императора Сюань (1654—1722: правил с 1662). Эти судилища должны были пресекать антиманьчжурские настроения китайской интеллигенции.

³⁴⁶ Принадлежали некоему Сюй Цзюню (пер. пол. XVIII в.), чиновнику знаменитой Ханьлинской академии, за которые тот поплатился жизнью в правление императора Иньчжэня. — *Прим. пер.*

³⁴⁷ Антивоенная драма «Пути славы» (1957) из-за остроты и сарказма, с какими воссоздавался суд над солдатами, обвиненными в срыве французского наступления в годы Первой мировой войны, была фактически запрещена в Европе. — *Прим. пер.*

вымышленная личность наподобие Рамана Филдинга в романе Салмана Рушди «Прощальный вздох мавра» [«The Moors Last Sigh», 1995; на рус. яз.: Салман Рушди, «Прощальный вздох мавра». Пер. с англ. Л. Мотылева. СПб.: Лимбус-Пресс, 1999], в котором легко можно узнать Баль Кешав Теккерей (Thackeray, род. 1927), главу индийской националистической партии «Шив Сена» [«Воинство Шивы»]. «Тутом» может служить чужой народ, как явствует из появившегося в 1721 г. романа Монтескье (1689—1755) *Персидские письма*, где под видом восточной деспотии подвергается критике абсолютная монархия Людовика XIV. Даже инопланетянам довелось выступить воплощением земного зла, как в трижды переносимом на экран³⁴⁸ романе Джека Финни (Finney, 1911 — 1995) «Похитители тел» (*The Body Snatchers*, 1955), предостерегавшем от проникновения коммунизма. И в сказочном мире могут появляться «туты», как в *Путешествиях Гулливера* Джонатана Свифта, где оказались взятыми на прицел британская государственность и извечные слабости и пороки рода человеческого. Разумеется, и зверей следует рассматривать как «тутов», прежде всего в баснях, чьи образы в литературе исстари использовали представители низких сословий вроде Архилоха и Эзопа. В политической борьбе «тутом» может предстать соратник или приверженец взятого на мушку политика или его дело, а то и целый слой населения («Впрочем, само собой разумеется, что хотя и бью по мешку, но имею в виду осла, то есть немецкую буржуазию» [письмо Энгельса Марксу от 19 ноября 1844 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, 2-е изд., т. 27, с. 10—11], — писал Энгельс о своем социологическом исследовании *Положение рабочего класса в Англии*, припоминая английским промышленникам их прегрешения), даже целая страна. Вот пример из китайской прессы:

«Для нападков на данное положение вы пользуетесь уловкой «указывая на тут, грозить софоре», — упрекает Синь Цин советское информационное агентство ТАСС (*Жэньминь жибао*. Пекин, 12.09.1973). В одном из своих сообщений от 29.08.1973 г. ТАСС попрекал Китай тем, что он делит мир на бедные и богатые страны, причем богатые страны эксплуатируют бедные. Очевидно, Советский Союз, бывший в ту пору богатой страной, посчитал себя задетым. Разделение мира на бедные и богатые страны идет вовсе не из Китая, возражает Синь Цин, а содержится в официальных документах движения неприсоединившихся стран, и данное положение признано среди политиков стран третьего мира. Москва не решается из-за такого неприятного ей положения вступать в спор со всем третьим миром, поэтому и выбрала мишенью для своих критических стрел Китай.

Действие стратагемы 26 может ощутить на себе не только «софора», но и «тут». Написанная в 1741 г. пьеса Вольтера «Фанатизм, или Магомет-пророк» [рус. пер. 1798] была запрещена после трех представлений. Католическая церковь быстро распознала там направленную против нее сатиру. Когда спустя 250 лет в ознаменование 300-летия великого просветителя пьеса должна была быть показана в Женеве, уже возмутились влиятельные мусульмане, тогда как протеста со стороны католической церкви уже не последовало.

Как бы ни была задействована стратагема 26, там неизменно выступают три действующие силы: «тут», «софора» и критическая мишень. Вот почему стратагема имеет повсеместное хождение.

Современные китайские книги по стратагемам, кроме старейшего трактата о 36 стратагемах, в главе о стратагеме 26 разбирают представленные мной в первом томе *Стратагем* в гл. 13 («бить по траве, чтобы вспугнуть змею») под разделами 13-2 [«Казнить одного, чтобы предостеречь сотню» («чэн-и цзин-бай»)] и 13-3 [«Убить курицу, чтобы запугать обезьяну» («ша-цзи хай-хоу»)] примеры. Ввиду связанной со стратагемой 13 истории (см. 13.1) предложенное мной разделение представляется верным. К тому же само слово «цзин» («пугать», доел, «устрашать») в выражении для стратагемы 13 отражает цель стратагемы 13 — вызвать определенное чувство у противника, и прежде всего, согласно значению слова, испуг, а затем уже другие чувства. Через эмоции подталкивают к тому, что без эмоций достичь просто невозможно. Рассмотренная под таким углом зрения стратагема 13 относится к стратагемам извлечения выгоды. Вызываются и используются для какой-либо выгоды человеческие эмоции. Возможная цель может состоять в выуживании у противника сведений, которые тот в спокойном состоянии не разгласил бы. Тем самым стратагема 13 может выступать и как информационная стратагема, но, естественно, касаться не передачи, а добывания труднодоступных сведений.

20.5. Бранить служанок

Самый знаменитый эротический роман Китая *Цветы сливы в золотой вазе*, старейшее из известных изданий

³⁴⁸ 1956 г. — «Вторжение похитителей тел» - реж. Дон Сигел (Siegel, 1912—1991); 1978 г. — «Вторжение похитителей тел» — реж. Филипп Кауфман (Kaufman, род. 1936); 1993 г. — «Похитители тел» — реж. Эйбел Феррара (Ferrara, род. 1951). — *Прим. пер.*

которого относится к 1616 г., содержит, как считается, наиболее раннее литературное упоминание выражения для стратагемы 26. Симэнь Цин, герой романа, забрасывает учебу и полностью предается мирским удовольствиям. Богатство приносит ему торговля снадобьями и шелком. После того, как он сделал Цзиньянь (Золотой Лотос) пятой, а Ли Пиньэр — шестой женой, между шестью ревнующими женами начались всевозможные козни ради расположения состоятельного кутилы. «Держала Цзиньянь у себя кота. Был он весь белый, только на лбу выделялось черное пятнышко вроде малюсенькой черепашки. За это она прозвала его Угольком В Снегу или Львенком-Снежком... С появлением [у Пиньэр сына] Гуаньгэ хозяин стал во всем потакать Пиньэр. Она попросит одно, он готов ей сделать десять. Видя все это, Цзиньянь завидовала Пиньэр и злилась. Из ревности зародился у нее коварный план: обучить кота, чтобы тот до смерти напугал ребенка... Зная, как боится кошек Гуаньгэ, она, оставаясь в комнате одна, завертывала в красный шелк кусок мяса и приучала кота бросаться на лакомое. И надо же было такому случиться — занемог Гуаньгэ. Несколько дней подряд поили его снадобьями... а когда ему стало немного полегче, Пиньэр нарядила его в красную атласную рубашечку и положила в передней на кан (отапливаемая лежанка)... Вдруг нежданно-негаданно из комнаты Цзиньянь выскочил кот Снежок. Завидев на Гуаньгэ колыхавшийся красный шелк, обученный кот с яростью бросился на кан и стал рвать когтями рубашонку. Ребенок залился плачем, но тут же умолк. Только тельце его корчилося в судорогах... Из рта шла белая пена... Прожил он год и два месяца» [гл. 59: «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Пер. с кит. В. Манухина. Иркутск: Улисс, 1994, т. 3, с. 352—354, 359].

Использованием только стратагемы 3 — с помощью кота погубить сына своей соперницы — Цзиньянь не удовлетворилась. После того как не стало ребенка, она «прямо-таки воспрянула духом. «А, потаскуха проклятая, — со злорадством кричала она ежедневно в присутствии служанок. — Что я говорила? Зайдет и твое солнце! Отойдет и твое время! Сбили горлицу, и самострел теперь ни к чему. Сломалась скамейка — о спинку не обопрешься. Продала старуха Ван мельницу — куда молотье пойдет? Умерла красавица — хозяйке хоть все заведение закрывай. Что ж! Равны мы теперь — что я, что ты!» Пиньэр отчетливо слышала ее злопыхательскую брань, но и голоса подать не смела. Только проливали втихомолку слезы. Перенесенное горе и затаенная обида сломали Пиньэр. Нервы ее не выдержали, и она лишилась покоя даже во сне, не пила и не ела... От горя и попреков у Пиньэр открылся старый недуг — истечения. Симэнь пригласил лекаря Жэня. Как вода точит камень, так и лекарство, им прописанное, — чем больше пила его Пиньэр, тем ей становилось все хуже. За какие-нибудь полмесяца она побледнела, осунулась и сделалась неузнаваемой... «Но что может расстраивать матушку? — недоумевала монахиня [мать Ван]. — Ведь ее так любит хозяин. О ней заботится хозяйка. Ее окружают остальные хозяйки. Не представляю, кто ее расстраивает?» — «Вы, мать наставница, ничего не знаете», — заговорила [кормилица] Жуй (Желанная) и велела... поглядеть, закрыта ли дверь, а то, как водится, путники душу изливают, а притаившийся в траве на ус наматывает. Кормилица продолжала: «Госпожа Пятая матушку со свету сживает. Это она напустила своего кота и перепутала Гуаньгэ. А батюшка, как ни допытывался, матушка ни слова не проронила. Потом уж Старшая госпожа все рассказала. Кота батюшка прикончил, а Пятая так и не призналась. Теперь на нас зло срывает. После кончины Гуаньгэ в восьмой луне она сама не своя от радости. Язвит, ехидствует направо-налево (грозит софоре, указывая на тут), а все чтобы наша матушка услышала. Ну, как же тут не расстраиваться, как не терзаться. Матушка все глаза выплакала. Вот и слегла» [там же, гл. 60, с. 369—370; гл. 62, с. 429]. Через некоторое время Ли Пиньэр умирает с горя.

26.6. Знающая толк в уловках

В описываемых ниже событиях романа «Сон в красном тереме» Ван Сифэн (см. 25.4) на месяц берет все дела дворца Нин-го семейства Цзя в свои руки. В ее распоряжение поступает более ста человек. «Она приказала... вызвать по очереди всех слуг и служанок, значившихся в списке, а затем распорядилась: «Двадцать слуг следует разделить на две смены, по десять человек в каждой; они будут встречать гостей и родственников и подавать чай, прочие дела их не касаются. Еще двадцать слуг тоже надо разделить на две смены, чтобы подавали чай и кушанья только своим господам. Сорок человек опять-таки в две смены пусть ставят перед гробом жертвенный рис и чай, возжигают благовония, подливают масло в светильники, развешивают занавеси и охраняют гроб, если же понадобится — пусть выполняют роль плакальчиков. Четверо должны отвечать за посуду в комнатах для чаепития, еще четверо — за кубки, чарки и обеденную посуду. В случае даже самой незначительной пропажи из их жалованья будет сделан соответствующий вычет. Восемь слуг будут следить за приемом даров и подношений. Восемь — ведать фонарями, свечами, жертвенной утварью и бумажными деньгами — что необходимо, я выдам сразу, а затем распределю всех по местам. Двадцать человек будут поочередно нести ночное дежурство, присматривать за входами во дворец, следить, чтобы не гасли светильники, мести полы. Остальных я разошлю по разным помещениям, за каждым закреплю определенное место, чтобы было с кого спросить, если пропадет какая-нибудь вещь, начиная от столов, стульев и старинных украшений и кончая плевательницами и метелками для пыли. Жена Лай Шэна будет ежедневно всех проверять. Кто будет замечен в пристрастии к азартным играм, пьянстве, дебошах или сквернословии — тех немедленно отправлять ко мне. Если жена Лай Шэна попробует что-

нибудь скрыть, а я дознаюсь — пусть пеняет на себя. Я не посмотрю ни на ее доброе имя, ни на заслуги. Теперь каждый знает свои обязанности, за упущения буду строго взыскивать. У служанки, которая находится неотлучно при мне, есть часы, и все дела, начиная от мелких и кончая серьезными, должны исполняться в точно установленное время. У вас в господском доме тоже есть башенные часы. Так вот: в половине шестого — переключка, в девять — завтрак. Если что понадобится, обращайтесь ко мне, но только в полдень. В семь часов вечера должны гореть фонари, затем я произвожу проверку, и назначенные на ночное дежурство сдают мне ключи. Что и говорить, придется как следует потрудиться. Зато после похорон господин щедро вас наградит». Сказав так, Фэнцзе распорядилась выдать чай, масло для светильников, метелки из куриных перьев для сметания пыли, метелки для подметания полов и еще многое другое; она велела принести скатерти, чехлы для стульев, матрацы для сидения, циновки, плевательницы, подставки для ног и тщательно записала, что кому выдано. Получив указания, каждый шел заниматься своим делом, не выпрашивая работу полегче. А ведь раньше, случись дело потруднее, никого не дозовешься. Теперь знали: пропадет что-нибудь — будешь отвечать, на суматоху не сошлешься, все равно накажут. Приемы гостей проходили спокойно, без всякой путаницы. Никто не отлынивал от работы, кражи прекратились. Фэнцзе держалась достойно, с удовольствием распорядилась и отдавала приказания» [гл. 13, *там же*, т. 1, с. 190—191].

Вернувшись и «расспросив обо всем, что произошло после его отъезда, [ее муж] Цзя Лянь еще раз поблагодарил Фэнцзе за хлопоты. «Уж и не знаю, как справляться со всеми делами! — принялась жаловаться Фэнцзе. — Опыта никакого, хитрости тоже. Как говорится, ударят палкой, а мне кажется, укололи иголкой! Слово ласковое скажут — я и растаяла, нрав слишком мягкий. Прежде мне не поручали таких важных дел, вот и боюсь ошибиться, робею. Ночами не сплю, если старая госпожа чем-нибудь недовольна. А начну отказываться от дел — она и слушать не хочет, говорит, будто я ленюсь, не желаю учиться. Ей и в голову не приходит, что я совсем с ног сбилась! Шага не ступлю, не подумав, слова не вымолвлю. Вам-то известно, каких трудов стоит держать в руках наших управительниц! Чуть ошибешься, злословят, насмеются; что-нибудь не понравится, как говорится, тычут пальцем в шелковицу, а ругают акацию. Никогда не помогут в беде! Наоборот. Столкнув людей лбами и смотря, как те дерутся, им бы только чужими руками жар загребать да подливать масла в огонь, а самим сухими из воды выйти, как говорится, сделать вид, будто не замечают, что сейчас упадет бутылка с маслом! Со мной они не считаются, но обижаться не приходится — я слишком молода и невзыскательна» [гл. 16, *там же*, т. 1, с. 215].

Естественно, старые служанки не осмеливаются высказать недовольство в лицо Ван Сифэн, отчего они нарочно прибегают к страгеге боя с тенью.

Позже уже Ван Сифэн извлекает выгоду из страгегемы 26 во вред своей сопернице, прекрасной Ю Эрцзе, которую муж взял в наложницы. Посредством страгегемы 3 она избавляется от нее (см. 3-12). Чтобы этого добиться, она запускает целую цепь страгегем (см. страгегему 35). «Всячески показывая доброту к Эрцзе, Фэнцзе, когда поблизости никого не было, старалась ее уколоть, [что та] будто бы совсем еще маленькой потеряла невинность, завела шаши с мужем своей старшей сестры... При Пиньэр и других служанках всячески поносила сплетников, хотя сама же их и подстрекала (доел, «грозя софоре, указывала на тут»)» [*там же*, гл. 69, т. 2, с. 436—438].

26.7. Пятидесятилетняя госпожа, не имеющая собольей накидки

Женщины в роли проводников страгегемы 26 встречаются и в стихотворном романе *Капли небесного дождя*³⁴⁹, который читался в сопровождении музыкальных инструментов и чье самое старое сохранившееся печатное издание помечено 1804 г.

Время возникновения — примерно середина XVII века. В романе последовательно излагаются события, связанные с борьбой Цзо Вэймина из академии Дунлинь³⁵⁰ с главным придворным евнухом Вэй Чжунсянем

³⁴⁹ Кит. «Тяньюй хуа» (1651), роман в форме южных сказов под струнный аккомпанемент — танцы, автор — женщина Тао Чжэньхуай.

³⁵⁰ Частная академия Дунлинь («Дунлинь шуюань» — Книжная палата Восточного леса), создана в 1604 г. в восточном лесном предместье г. Уси (провинция Цзянсу) на месте школы, основанной в начале XII в. Ян Ши (1053—1135) и закрытой в XIII в. Дунлинь шуюань имела тысячи последователей, образовывавших дочерние академии. Объединение наиболее активных ее сторонников именовалось Дунлинской «партией» (Дунлинь дан). Ее ядро составляли государственные деятели, репрессированные в начале 1590-х гг. В основе их оппозиционных настроений лежало стремление к восстановлению исконных норм и ценностей

(1568—1627), с 1621 по 1627 г. фактически единовластно управлявшим всем Китаем. Но в интересующем нас месте романа речь идет не о политике, а о семейных передрягах.

Выросшая в семье Цзо Вэймина добрая и милая Сяочжэнь в городе Сяньян (ныне Сяньфань на северо-западе провинции Ху-бэй) вышла замуж за работающего, добродетельного человека. Зато его брат был ленив, низок душой и охоч до азартных игр. Отец умер от хвори. Мать, госпожа Юань, любящая развлечения, после смерти супруга за три года не без помощи младшего сына пустила на ветер все состояние семьи. Сяочжэнь снабжала ее своей одеждой, покуда у самой не осталось половины гардероба. Даже деньги, что посылала ей семья Цзо, зная о бедственном положении Сяочжэнь, приходилось «одалживать» свекрови, которые та, естественно, не возвращала. Супруга же Сяочжэнь свалил недуг. В последующие два года у них родились сын с дочкой. Вся работа по хозяйству была взвалена на плечи Сяочжэнь. Свекровь постоянно принимала у себя трех приятельниц, пятидесятилетних дам, с которыми судачила и играла на деньги. Естественно, свекрови с ее гостями требовалось сытное и обильное угощение, ибо расходились те лишь к полуночи.

Как раз был праздник Нового года. На второй день нового года отправилась Сяочжэнь поздравить своих приемных родителей. Мать, увидев ее бедное платье, одолжила Сяочжэнь соболью накидку. Хотела было ссудить ее деньгами, но та отказалась. Ведь свекровь все приберет к своим рукам, и поэтому без денег живется гораздо спокойней. Все равно их не утаить от свекрови. Прощаясь, ее все же уговорили взять в дорогу четыре свертка с новогодними лакомствами.

Перед обедом третьего, еще праздничного дня нового года к госпоже Юань пожаловали ее три подруги, госпожа Чан, госпожа Бянь и госпожа Фан. Естественно, Сяочжэнь нужно было что-то подать к столу. Но что? И тогда она разложила по четырем тарелкам принесенное из дома угощение и отнесла в комнату, где развлекались дамы. Те, взглянув на блюда, увидели перед собой тарелку с рисовым печеньем, тарелку с паровыми пирожками, тарелку со сладостями и тарелку с финиками. Все блюда являли взору четыре скупые краски. Три гостя были не в восторге от увиденного зрелища, язвительно заметив, что столь роскошной трапезы не сыскать во всем Сяньяне. Разумеется, госпожа Юань попеняла на сноху, что та, дескать, запустила хозяйство.

Но голод не тетка, и дамам пришлось довольствоваться скудным угощением, что не доставило им особой радости. Неожиданно госпожа Бянь осведомилась у госпожи Чан: «Как обстояли дела в эту пору у тебя в прошлом году? Скольких цветов угощениями ты нас потчевала? А то я позабыла». Госпожа Чан сказала, что на ее столе было целых шестнадцать цветов. Госпожа Бянь засмеялась. Теперь уже госпожа Фан стала говорить госпоже Бянь, что вот у нее в прошлый Новый год было на столе такое многоцветие, аж в глазах рябило. Улыбаясь, та заметила, что это преувеличение, она выставила на стол лишь двадцать четыре блюда, принявшись хвалить свою сноху, которая не даст ударить лицом в грязь.

Слушая, как судачат и смеются три дамы, госпожа Юань сидела молча, готовая сквозь землю провалиться от стыда. Не исправил положения и обед, состоявший всего лишь из шести блюд, представлявших собой повседневную пищу, вовсе не подходящую для праздника. Три дамы заметили, что сноха ясно дает понять хозяйке, сколь пренебрежительно ее отношение к гостям, всю нахваливая своих снох, которым известны приличия. И все же они съели скудный обед, выпили вино и с рас-красневшими лицами продолжили игру. Госпожа Фан проиграла последние деньги. Зная, что Сяочжэнь родом из богатой семьи, она встала из-за стола и пошла к ней занять денег. Однако у Сяочжэнь денег не было. А не могла бы она в таком случае на время одолжить ей соболью накидку, чтобы оставить в качестве залога, спросила госпожа Фан. Но Сяочжэнь отказала, поскольку накидку дали ей на время и завтра ее следовало вернуть.

Возмущенная, госпожа Фан вернулась назад и стала говорить собравшимся о недостойном поведении снохи госпожи Юань. Мол, та осмеливается непочтительно отзываться об их пристрастии к игре, заявила госпожа Фан, без зазрения совести прибегнув к стратагеме 7. Взбешенная вскочила госпожа Юань, говоря, что отчитает сейчас эту негодницу. Но приятельницы удержали ее. Негоже при гостях устраивать семейные сцены. Но ей следует строже обращаться со своей снохой, и тогда уж у той пропадет охота вести себя столь вызывающе. Госпожа Юань возразила, сказав, что дядья у Сяочжэнь влиятельные чиновники и ей не хотелось бы дурным обращением со снохой наживать среди них врагов. Госпожа Фан, смеясь, заметила:

конфуцианской этики в качестве главных регуляторов жизни общества в условиях политического кризиса династии Мин (1368—1644). В 1620 г. в результате восшествия на престол нового императора дунлиньцы пришли к власти, но уже в середине 20-х гг. потерпели поражение и подверглись репрессиям. В 1625 г. академия была запрещена и разрушена, а в 1628—1629 гг. восстановлена... В 1680-е гг. она стала государственным учреждением, а в XX в. — обычной школой («Китайская философия. Энциклопедический справочник». М.: Мысль, 1994, с. 115). См. также *Бокшанин А., Непомнин О.* Лики Среднего царства. М.: Восточная литература РАН, 2002, с. 131—152. — *Прим. пер.*

«Она ведет себя неподобающе. Но кто говорит об издевательствах над снохой? Кто требует, чтобы ты по утрам и вечерам колотила ее? Достаточно будет весь год хранить угрюмость, с утра до вечера проявлять холодность, грозить софоре, указывая на тут, бить курицу в назидание собаке... Ну, а стоит ей пожаловаться, так скажи, что ты имела в виду совсем других, а вовсе не ее...»

Когда поздно ночью дамы, наконец, разошлись, госпожа Юань, сидя в гостиной, распалилась еще больше. Вошла Сяочжэнь и приветливо обратилась к ней. Но свекровь даже бровью не повела и лишь презрительно усмехнулась. Сяочжэнь быстро сообразила, что та гневается на поданное ею скудное угощение. Затем госпожа Юань повернулась к младшему сыну и молвила: «Что это за дом, где так мало участия! Видать, зря я родила и вырастила двух сыновей. Никто не зарабатывает. Вот и разозлили вашу мать сегодня, как никогда!» Она перечислила пережитые за день обиды, добавив: «Тут еще холодно. А мне уже пятьдесят. Оба шерстяных платья совсем тонкие. Даже не могу себе позволить собольей накидки. Видать, зря я вырастила двух сыновей. Могли бы заработать денег и купить мне соболью накидку!»

Младший сын понял, куда метит мать, и затянул ту же песню. Дескать, старший брат нынче болен, но когда он пойдет на службу, то вызволит мать из нужды. Тогда она и соболью накидку получит.

Сяочжэнь пришлось все это слушать, вполне осознавая, против кого обращена вся эта злоба. Она вышла и отправилась к себе в спальню. Разбирая постель, она тихо всхлипывала...

Данный пример показывает, что китайки при обсуждении семейных неурядиц смело привлекали уловки и советовали прибегать к ним. Предлагается стратагема 26, поскольку Сяочжэнь находится под защитой влиятельных родственников и открытого издевательства над ней не потерпят. Стоило свекрови получить стратагемный совет, она тотчас воспользовалась им, воротя нос от снохи и понося своих сыновей.

26.8. Манера письма [в духе] «Весен и Осеней»

Во времена династии Чжоу (ок. XI в. — 256 г. до н. э.) князья уделов У и Чу именовали себя царями, хотя зваться «царями» имели право лишь правители чжоуской династии, несмотря на все большую утрату ими реальной власти. В 632 до н. э. цзинь-ский государь [Вэнь-гун] созвал князей всех уделов и царя чжоуской династии на сейм в Цзяньту (на юго-западе нынешнего уезда Юаньян провинции Хэнань), где был провозглашен гегемоном.

В произведении *Весны и Осени*, касающемся и остального Китая и охватывающем время с 722 по 481 г. до н. э. по годовой хронике родного удела Лу, Конфуций именует самозванных [чуских и усских] «царей» не «царями» [«ван»], а лишь «князьями» [«цзы»], пользуясь надлежащим их положению званием. И он не сообщает, следуя канве реальных событий, что чжоуский царь в 632 г. до н. э. явился на созванный его удельными князьями съезд в Цзяньту, а пишет: «Император охотился в Хэян [местность, принадлежавшая уделу Цзинь и находившаяся в округе Мэн провинции Хэнань] [«Чуньцю», 28-й год правления Си-гуна (632 г. до н. э.), зима: «Конфуциева летопись Чуньцю». Пер. с кит. Н. Монастырева. М.: Восточная литература РАН, 1999, с. 38]³⁵¹. Некоторые события Конфуций рисует таким же вот образом, другие же просто опускает³⁵². Своим выбором «прямых речей, великих намерений» («вэй янь да и») ³⁵³ и утаиванием неугодных обстоятельств он выражает собственную, равняющуюся на традиционные ценности оценку. Он хотел не только порицать отдельные события и личности прошлого, но и, поступая в соответствии с духом стратагемы 26, призывать к порядку не выполняющих своего долга современников. Такое критическое

³⁵¹ Конфуций «составил, следуя историческим записям, летопись Чунь-цю, начиная от луского Инь-гуна (722—712 до н. э.) и вплоть до четырнадцатого года [правления] луского Ай-гуна (481 до н. э.), охватив правление двенадцати гунов. Он опирался на сведения о княжестве Лу, был близок к делам Чжоу, охватил свершения дома Инь и смену трех династий (Ся, Инь, Чжоу). Он был сдержан в своих выражениях, глубок и широк в своих пояснениях. Поэтому, хотя правители царств У и Чу сами себя называли ванами, в Чунь-цю они были понижены в ранге и именовались только цзы. «Чунь-цю» умалчивает о том, что цзиньский князь призвал Сына Неба на съезд князей в Цзяньту, отметив лишь, что «Небесный ван объезжал земли в Хэяне». Выдвигая различного рода примеры, [Чунь-цю] связывала их воедино, представляла как основу упущений и утрат своего времени, чтобы будущие правители-ваны [учли] это в своих действиях» («Ши цзи», гл. 47: *Сьма Цянь*. Исторические записки. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Наука, 1992, т. 6, с. 148).

³⁵² «Составляя Чунь-цю, [он все решал сам]: если решал писать, то писал; если намеревался сократить, то сам сокращал» (*там же*, с. 148).

³⁵³ Зенгер переводит как «меткие слова, наделенные великим смыслом». — *Прим. пер.*

отношение *Весен и Осеней* видно из следующих строк второго по значимости конфуцианца Мэн Кэ (ок. 372—289 до н. э.):

«Однако по мере того как поколения стали хиреть и путь к истине начал сходиться на нет, вновь поднялись превратные учения и начали совершаться жестокие злодеяния. Среди слуг правителей появлялись такие, которые умерщвляли своих господ, а среди сыновей оказывались такие, которые убивали своих отцов. Испуганный этим Кун-цзы написал летопись «Весны и Осени» [«Мэн-цзы». Пер. В. Колоколова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999, с. 98 (гл. 6.9)]. Вот так, своими оценками примеров прошлого он хотел воздействовать на будущее и, обращаясь к *Историческим запискам* Сыма Цяня (145 или 135 — ок. 86 до н. э.), сделать так, чтобы будущие «мятежные сановники и разбойники стали испытывать страх» [«Ши цзи», гл. 47: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Наука, 1992, т. 6, с. 148]. Избранное Конфуцием и служащее воспитательным целям изображение прошедших событий именуют «манерой письма [в духе летописи] «Весен и Осеней» («Чунь цю бифа», [иначе «чунь цю би сюэ», в значении «записывать или отвергать [в духе летописи] «Весен и Осеней»]). Поэтому и расхваливает пекинская газета *Жэньминь жибао* Чэнь Тэаня за присущую его книге «Духовное путешествие по европейской культуре» «манеру письма в духе *Весен и Осеней*»: описывая свой разговор с одной датчанкой, он разоблачает непрекращаемую сверхдержавами гонку ядерного вооружения.

20.9. Описывая древность, осуждать современность

При первом, созданном на китайской земле централизованном государстве циньской династии (221—207 до н. э.) жизнь всей империи строилась на началах школы законников («Фа цзя»), иначе легистов. Прежде всего это означало воспитание подданных в послушании и дисциплине, чтобы те стали послушным орудием в руках императора и сановников. Для этого более всего подходил состоящий по возможности из одних крестьян народ, невежественный и исправно платящий подати. Нежелательно было иметь людей образованных и философов, если те не трудились напрямую по изволению государства. Но особо непримиримая борьба велась с конфуцианскими сочинениями, ибо они хранили память о древних, феодальных порядках и провозглашали нравственные начала старого феодального сословия, которые и следовало в первую очередь искоренить без остатка, чтобы избежать развала государства и ослабления верховной власти. Согласно императорскому указу 213 г. до н. э. все ученые, которые «восхваляли древность с целью опорочить современность» («дао гу и хай цзинь»)³⁵⁴, подлежали уничтожению вместе с семьями. И действительно, в 212 г. до н. э. император повелел закопать живьем свыше 460 ученых в столице Сяньян (в 20 милях к северо-востоку от нынешнего города Сяньян, провинция Шэньси), а затем в 213 г. до н. э. были сожжены все конфуцианские труды, за исключением книг по медицине, земледелию и разведению деревьев, а также по гаданиям на черепашьем панцире и тысячелистнике.

Само выражение «восхвалять древность с целью опорочить современность» восходит к сообщению об императорском указе в «Исторических записках» Сыма Цяня (145 или 135 — ок. 86 до н. э.). Поступавшие подобным образом ученые действовали без всякой утайки, не прибегая к стратагемам. В 213 г. до н. э. Шуньюй Юэ во время пира, устроенного императором, совершенно открыто призывал чтить феодальные установления прошлого и прислушиваться к историческим примерам.

Что касается Китайской Народной Республики, то в официальной литературе нередко встречаются такие выражения, как:

«Посредством древности осуждать современность» («и гу фэй цзинь»);

«Посредством древности порицать современность» («и гу фэн цзинь»);

«Используя (заимствуя) древность, поучать (толковать) современность» («и (цзе) гу юй (лунь) цзинь».

Эти выражения могут обозначать тот случай употребления стратагемы 26, когда «тут» представляет историческую личность или былое событие. Выражение «используя древнее, поучать современность» шире формулировки стратагемы 26 в той мере, в какой она охватывает и косвенное восхваление современного прославлением былого. Здесь приходит на ум возвеличивание Хай Жуя в пекинской опере У Ханя (см. 26.12). Разумеется, критика может преподноситься и под видом восхваления: восхваление *A* (Хай Жуй) умаляло значимость *B* (императора).

³⁵⁴ Более подробно см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки, гл. 6 и 87 (на рус. яз. соответственно т. 2 (с. 76—78) и т. 8 (с. 52)). — *Прим. пер.*

Сам прием описания якобы прошлого, а в действительности выражения своего отношения к настоящему восходит к Конфуцию (551—479 до н. э.), а возможно, к еще к более древним временам (Фрэнсис Вуд (Wood). «Thirteen Hundred Years of Quiet Rebellion». *Index of Censorship* («Показатель цензуры»). Лондон, № 8, 1989, с. 10). Конфуций оглядывался на золотой век благородных правителей древности, чтобы показать, сколь низко пали его современники. Для него критика современности высвечиванием прошлого носила, однако, значительно более широкий характер по сравнению с примерами из недавнего прошлого Китайской Народной Республики.

26.10. От мифической рогатой жабы Юй к китайской литературе, занятой «стрельбой по тени» [иначе говоря, намеками]³⁵⁵

До сих пор образ мифического существа Юй, именуемого также «шэин»³⁵⁶, то и дело появляется в литературе и истории КНР. По старым поверьям оно, затаившись в реке, выжидает прохожих и бросает песок в появившуюся над водой их тень, после чего те неминуемо заболевают или даже умирают. «Видом черепаха с напоминающей самострел пастью», такой портрет рисует Чэнь Шуюй в статье «Дьявольские козни» в пекинской *Жэньминь жибао* за 5.12.1977. Описание сказочного существа приводит [13-томный] *Большой китайско-японский словарь* [«Дай канва дзитэн»] Морохаси [Тэцудзи (1883—1982)] (Токио, 1955): голова без зрачков с щупальцами, острый слух, трехногая, на спине панцырь с крыльями.

Уже древнейший стихотворный сборник Китая, якобы составленная самим Конфуцием *Книга песен* [«Шицзин»], упоминает о сказочном существе Юй [раздел «Малые оды»]. «Коль мертвый дух иль оборотень (юй) ты — твое лицо для нас непостижимо» («вэй гуй вэй юй, цзэ бу кэ дэ»), — говорится в первом стихе «Что ты за человек» («Хэнь жэнь сы») «Оды о вероломном друге» [«Шицзин: Книга песен и гимнов». Пер. с кит. А. Штукина. М.: Худ. лит., 1987, с. 176], автор которой согласно принятому китайскому истолкованию стихотворения обвиняет старого друга в клевете. Почти тысячу лет спустя возникли рисующие Юй строчки: «Меча в человеческую тень набранным в рот песком, вызывает у того хворь, причина которой неведома». Так начинается третья из «Пяти стихотворений на чтение истории» [«Ду ши у шоу»]. Написано оно Бай Цзюйи (772—846), со своими 2800 стихотворениями плодовитейшим из более чем 2200 поэтов танской поры (618—907). В этом стихотворении он размышляет о судьбах четырех известных из китайской истории жертв коварной мести, среди которых и наложница чуского государя Хуай-вана [правил 328—299 до н. э.] (см. 35.7).

Если прежде литературные творения обвиняли порой скрытых злодеев стрельбы по тени, то с середины 60-х гг. XX в. в Китайской Народной Республике некоторые литературные произведения сами внезапно клеймятся как орудия стрельбы по теням. «Преступление стрельбы по теням» («иншэцзуй») даже отнесли к самым отягчающим пунктам обвинения в ходе обычных для времен «культурной революции» (1966—1976) «письменных судилищ» («вэньцзы юй»). «Попавших под перекрестный огонь критики писателей произвольно упрекали в стрельбе по теням то одних, то других», — пишет Хао Бин в статье «Некоторые размышления относительно «стрельбы по теням» в выходящем каждые два месяца журнале *Литературное обозрение* [«Вэньсюэ пинлунь»] (Пекин, № 1, 1979). По мнению Хао Бина, литературе непременно приходится обобщать, что каждый раз предоставляет наловчившейся критике удобный случай даже в безобидных сравнениях подозревать предполагаемую стрельбу по теням.

Юй стреляет по тени прохожего незаметно. Так и литературная стрельба по тени старается не бросаться в глаза. Должен ли намек быть направлен исподтишка или же, напротив, литературное высказывание должно быть разоблачено как стрельба по тени — в обоих случаях к цели ведет лишь извилистая логика: напрямую и открыто берется под обстрел некая «ясная цель» («мин бацзы»), но в виде некоего отрицательного образа. Он отождествляется с самой тенью, которую оплевывает сказочное существо Юй. Человеку у реки в литературе стрельбы по тени соответствует «потаенная цель» («ань бацзы»). Метанием песка губится не тень, т. е. «ясная цель», а человек у реки, т. е. «потаенная цель», да так, чтобы он не узнал о скрытом нападении и не смог остеречься. Выходит, что литература стрельбы по теням стремится в итоге скрытно

³⁵⁵ Выражение «стрельба по тени» («иншэ») употребляется у китайцев в значении «прикрываться чужим именем», «намекать». — *Прим. пер.*

³⁵⁶ Фантастическое существо (рогатую трехногую черепаху (рогатую жабу) Юй полностью зовут «ханьша шэин» (дословно: «мечущая [ядовитый] песок на тень [человека, насылая тем самым на него хворобу]) или же используют для ее обозначения первую или вторую половину вышеупомянутого словосочетания. Передается обычно как «оборотень, призрак». — *Прим. пер.*

угодить не в «ясную», а в «потаенную цель».

«Ясная» и «потаенная» цели должны походить друг на друга, но не совпадать полностью. Ведь автор должен иметь возможность к отступлению ввиду тех общественных условий, которые и составляют питательную среду для литературы стрельбы по теням: «отсутствие демократии, свободы слова, гарантии личной безопасности». Так во всяком случае характеризует Хао Бин тот мир, в котором и возникла прежде китайская литература стрельбы по теням. Сочинитель сдается надеждой и страхом: ему хочется, чтобы читатель понял его намек, но, с другой стороны, он опасается быть пойманным. Поэтому в его распоряжении есть еще более изощренная разновидность стрельбы по тени: нападение на «потаенную цель» не в виде критики некоего литературного отрицательного образа, а, напротив, под личиной похвалы, одобрения. «Ясной целью» положительного в этом случае поэтического высказывания выступает зачастую безобидный образ противоположности тому, что подвергается нападкам, т. е. «потаенной цели».

«В бесконечной вселенной нет ничего однозначного, — признает Юй Тиньин на литературной страничке *Жэньминь жибао* от 11.07.1979- — Поэтому нельзя исключать возможности, когда для преднамеренного извращения достаточной окажется самая малая зацепка».

В период «культурной революции» «про описание природы говорили, что это стрельба по тени злободневных общественных явлений; стоило завести разговор вообще о жизни в обществе, то обвиняли в стрельбе по тени КПК и социализма». Подобные жалобы исходят из уст Ян Шу (*Гуанмин жибао*, Пекин, 22.12.1978), который испытал все это на себе. В 1962 г. он опубликовал в газете *Вечерний Пекин* [*Бэйцзин ваньбао*] заметку под названием «Весенняя беседа». Его же первой статьёй оказался очерк под названием «Тоскуя по весне». Уже в самом этом заглавии сводящая счеты с заметкой Ян Шу статья в *Гуанмин жибао* от 7.06.1966 г. усмотрела целящую в социалистическую революцию стрельбу по тени. Ибо в социалистическом Китае уже не нужно ждать весны. Поэтому «тоска по весне» могла означать лишь упование на реставрацию капитализма.

В том же 1962 г. Тао Чжу (1908—1969; реабилитирован в 1978 г.) публикует сборник очерков, за короткий срок выдержавший 26 изданий общим тиражом 1 500 000. Обрушившуюся на эту книгу в 1967 г. критику бичует Ма Ци в пространной статье (*Гуанмин жибао*, 15.12.1978). Например, один из очерков был посвящен «елке», где говорилось, что ее ветки «уберегают летом от раскаленного солнца, тем самым даруя отдых людям под своей зеленой сенью». За этим высказыванием приверженный идеям «культурной революции» критик усмотрел стрельбу по тени Мао: ведь «исходящему от мыслей Мао Цзэдуна солнечному свету ничто не в силах противостоять».

Критика представленной в 1974 г. на северно-китайском театральном фестивале оперы из Шаньси [жанра цзиньцзюй] «Трижды взбираться на персиковую гору» [«Сань шан тао фэн»] появилась 18.02.1974 г. на страницах *Жэньминь жибао*. Сюжет оперы состоит в том, что члены бригады с абрикосовой горы продают бригаде с персиковой горы хворую лошадь, выдав ее за здоровую. Позже глава партиячейки бригады с абрикосовой горы обнаруживает обман. Он самолично трижды подымается на персиковую гору, чтобы вернуть деньги и извиниться. Критик из *Жэньминь жибао* обвинил создателей пьесы в том, что они «прибегли к низкому средству — метанию песка в тень». Ведь больная лошадь из-за быстрой езды «вся покрылась потом, стала дергаться, упала на землю и околела». Действие оперы разыгрывается весной 1959 г. Критик возмущается: «Это была как раз пора, когда наш народ, следуя начертанным председателем Мао революционным курсом, высоко держа три революционных стяга общего курса на социалистическое строительство, великий скачок и народные комунны, победоносно продвигался вперед. И в эти временные рамки авторы вводят «притчу» о «хворой лошади»! Разве не ясно, против кого направлено ее острие?»

Такого рода выискивание стрельбы по тени в упомянутой опере высмеивает Цзян Юаньмин (*Гуанмин жибао*, 29-10.1978). Равно клеймили после «культурной революции» и то обстоятельство, что те самые круги, в период «культурной революции» упрекавшие других в стрельбе по тени, со своей стороны изрядно поднаторели в стрельбе по тени, а именно с помощью ими же собственноручно созданного приема «историография стрельбы по тени» («иншэ шисюэ»). В середине 70-х годов XX в. это вылилось в кампанию по критике Конфуция. Однако сам Конфуций согласно нынешнему китайскому толкованию в многочисленных фельетонах служил лишь ширмой, выступая в качестве «ясной цели» для сокрытия нападения на «потаенную цель» в виде Чжоу Эньлая и других тогда неугодных политиков.

«История китайской литературы действительно свидетельствует о существовании такого явления, как стрельба по тени», — полагает уже упоминавшийся нами Хао Бин и в качестве примера приводит танского поэта Ли Шаньиня (813—858). Литература стрельбы по тени и впредь будет жить в Китайской Народной Республике. Ведь, как заключает Хао Бин свои «Размышления относительно «стрельбы по тени»: «В случае возможной стрельбы по тени в литературном произведении следует прежде всего задать вопрос: а против кого она направлена?» Если она бьет по истинным упущениям или злодеям, «разве тогда она не крайне желательна?»

20.11. Постоялый двор для недужных слив

«В Лунпане из Цзяннина [у подножия взгорья Цинлян в нынешнем городе Наньцзин, провинция Цзянсу], в отрогах Дэн-вэй [на юго-западе нынешней провинции Сучжоу] и в Сиси [близ нынешнего города Ханчжоу, провинция Чжэцзян], повсюду растут сливы. Кто-то сказал, что сливы красивы искривленностью своей, будь они прямые, пропала бы прелесть их; красивы, потому что прихотливо склоняются их ветви, будь они симметричны, пропала бы живописность их; красивы скудостью своей, будь они густы, пропала бы выразительность их. Так и повелось. Писатели и художники усвоили это, однако не смогли ясно заявить, что с подобной меркой следует подходить ко всем сливам Поднебесной. И не смогли побудить народ Поднебесной валить прямые [стволы], прореживать густую [крону], обрезать симметричные [ветки] и таким образом сделать своим ремеслом и средством заработка преждевременную гибель [не подобающих] и уродование [оставленных жить] слив. Нужно добавить, что даже безрассудный и падкий до денег народ с ограниченным умом не был бы в состоянии сделать искривленной, скудной и склоненной сливу. Но кто-то открыл тайно вынашиваемую писателями и художниками страсть продавцу сливовых деревьев. И тот стал обрезать прямые ветви, пестуя изогнутые, удалять густо разросшиеся ветви, умертвлять побеги и выбрасывать прямые, как свечки, деревья. Так он подавил жизненную силу сливы. Изуродованные же растения стал продавать по высокой цене. Вскоре в Цзянсу и Чжэцзяне все сливы были искривлены подобным образом. Вот какую большую беду сотворили писатели и художники!

Я купил 300 плошек [с карликовыми сливами], и все изуродованы, ни одной здоровой. Я проплакал три дня и поклялся вылечить их. Пусть растут, сообразуясь с собственной природой. Разбив плошки, я высадил деревья в землю и освободил их от [пут] пальмового лыка. Дал [им] сроку пять лет, за который они должны будут оправиться и вернуть свой прежний облик. Я отнюдь не принадлежу к писателям и художникам и снесу попреки, когда устрою постоялый двор для недужных слив. Ах! Было бы у меня больше досуга и земли для приюта как можно большего числа больных слив из Цзяннина, Ханчжоу и Сучжоу! Но вот хватит ли моей жизни для выхаживания всех искалеченных деревьев?»

Это «Повествование о постоялом дворе для недужных слив» [«Бин мэи гуань цзи»] в 1839 г. написал выходец из Ханчжоу мыслитель, литератор и чиновник Гун Цзычжэнь (1792—1841) после своей отставки. В Китайской Народной Республике его считают предтечей и зачинателем позднейшего, возникшего в Китае на исходе империи движения за буржуазные реформы и даже представляют провозвестником прав человека (Сяо Цзябао; Лю Инци. *Столетие истории прав человека в Китае*. Шэньян, 1994, с. 20 и след.). Гун Цзычжэнь теперь славен тем, что говорил об упадке власти цинской династии (1644—1911), например, в приведенном сочинении о покалеченных сливах, одном из наиболее известных произведений Гун Цзычжэня. «Покалеченные сливы служат для него образом разоренного правящей кликой общества и загубленных талантов», — пишут Гао Циво и Цзан Вэйси в своем *Собрании притч сменяющихся династий* (Хэфэй, 1983, с. 590). «Под писателями и художниками автор подразумевает весь вкупе правящий цинский двор», — считают комментаторы *Избранных сочинений сменяющихся династий* (2-й т. Пекин, 1-е изд. 1963, 2-е изд. 1978, с. 327). «Они оказывали разрушительное воздействие на мысли и поступки людей, но не прямыми приказами, а потаканием определенным склонностям». Без обиняков высказываются оба составителя *Большого словаря китайских нравов и обычаев* (Пекин, 1991, с. 579) в разделе «Жажда свободы» о «стрельбе по тени цинской династии, калечившей таланты и лишавшей свободы человеческую личность». Однако полагать, что Гун Цзычжэнь стремится критиковать цинскую династию, представляется безосновательным истолкованием: ведь он испытывал верноподданнические чувства к империи.

«Слива у южной горы [водораздел Центрального и Южного Китая] расцветает зимой, не дожидаясь прихода весны. Поэтому и говорят о сливовом цвете, что это зимний цветок, противостоящий инею и снегу... Мужественно переносит он иней и снег». Из этих слов писателя и государственного мужа Ли Гуан-ди (1642—1718) видно, что то, что переведено словом «слива», отличается от своего европейского сородича, являясь кислой сливой, или японским абрикосом (*Armeniaca mume* Sieb.).

Данная разновидность сливы — единственное дерево, помимо сосны и бамбука, цветущее зимой. Оно радует людей своими яркими цветами. Благодаря своей устойчивости к холоду слива считается воплощением стойкости и выдержки. Может быть, поэтому сливовый цветок одно время был символом Китая. Теперь же, когда сливу изогнули и сделали склоненной, она утратила свою природную жизнестойкость, представ изнеженной. Но ведь не такова исконная натура сливы. Теперь же в представленном Гун Цзычжэнем изменении естества дерева угадывается вызванное определенными обстоятельствами искажение характера китайцев, делающее их подобострастными и покладистыми (Чжан Цэмо. *Неистовство и праздность: две личностные черты интеллектуала в китайской древности* («Куан юй и...»). Пекин, 1995, с. 138 и след.). Такое несколько выпященное объяснение, возможно, более созвучно истинному смыслу сочинения Гун Цзычжэня. Во всяком случае, сам этот пример показывает трудность стратагемного истолкования литературного произведения.

Впрочем, Фан Цзиньши, судя по его статье «Новое повествование о постоялом дворе для недужных слив», сама переделка растений видится не только в черном цвете (*Жэньминь жибао*. Пекин, 17.11.1995, с. 7). Ведь и садоводство не обходится без подрезания сучьев и подравнивания стволов. Лишь благодаря такому сердобольному обращению растут и плодоносят даже большие деревья. Так же посредством воспитания необходимо переделать лентяя в труженика, повесу в благоразумного мужа. «И подобно тому, как выращивают карликовые деревья, нужно исправлять и пресекать нездоровые явления в обществе», — пишет он.

26.12. Историческая пекинская опера против современного «Большого скачка»

Среди первых видных жертв «культурной революции» (1966-1976) числился У Хань (1909-1969). В 1931-1934 гг. он был студентом, а в 1934-1937 гг. — преподавателем исторического факультета пекинского университета Цинхуа. Уже в ту пору он стал известен своими исследованиями эпохи Мин (1368-1644). После начала войны с Японией он уезжает на юг Китая, где с 1937 по 1946 г. преподает историю в Юньнаньском университете Куньмина (ныне столица провинции Юньнань).

В конце 1946 г. он возвращается в университет Цинхуа как профессор истории. Когда участились аресты со стороны го-миньдановского правительства, он бежал из Пекина в занятые коммунистами районы, где после сдержанного поначалу отношения к коммунизму воспринял его идеи, хотя политически оставался верным либеральному курсу Демократической лиги.

В Китайской Народной Республике У Хань занимал ряд важных постов. Так, с 1952 по 1966 г. он являлся заместителем мэра Пекина. Несмотря на все занимаемые им в дальнейшем посты, он не оставлял своих исторических изысканий. С конца 1950-х гг. он занимается вопросом значимости китайского прошлого для современности, причем его особенно интересовала оценка исторических личностей. Он поставил себе задачу популяризации видных деятелей китайской истории. В этой связи он пишет пьесу в жанре пекинской оперы *Разжалование Хай Жуя* [«Хай Жуй ба гуань», 1961], премьера которой состоялась в 1961 г.

Хай Жуй (1514-1587) был сановником минской эпохи, прославившийся своим бесстрашием в высказывании правды императору, отстаиванием справедливости и заступничеством за простой народ. До «культурной революции» китайские историки причисляли его к когорте так называемых «честных служащих» («цингуань»), относительно которой в связи с переоценкой исторических личностей с 50-х годов велись жаркие споры. Большинство историков разделяли взгляд У Ханя относительно того, что неподкупные чиновники вроде Хай Жуя, несмотря на их принадлежность к классу феодалов, играли положительную роль в истории, поскольку выступали за справедливость, ослабляя тем самым гнет и эксплуатацию народа. У Хань стремился своей пьесой напомнить о честном чиновнике Хай Жуе, чье поведение следовало принять за образец.

«Вместе с тем У Хань совершенно явно преследовал еще одну цель: в соответствии с традиционной установкой китайской историографии на критику современного политического положения посредством исторических уподоблений он историческим сопоставлением с Хай Жуюм хотел косвенно подвергнуть критике отставку министра обороны Пэн Дэхуая [1901 — 1974]» (Брунхильда Штайгер (Staiger): [издаваемый с 1972 г. Гамбургским Азиатским институтом (Institut für Asienkunde) ежемесячный журнал] *China aktuell*. Гамбург, январь, 1979, с. 44). Основанием для увольнения маршала послужила его неприкрытая критика связанного с «большим скачком» политического курса Мао Цзэдуна.

Если пекинская опера о Хай Жуе пользовалась у зрителей большой любовью, то в споре историков по поводу оценки исторической личности Хай Жуя высказывались самые различные точки зрения. Однако с появлением 10.11.1965 г. в шанхайской газете *Вэньхуэй бао* «Критики новой исторической пьесы *Разжалование Хай Жуя*» Яо Вэньюаня (статья 30.11.1965 перепечатала *Жэньминь жибао*) привычному обмену мнениями был положен конец. Литературного критика и чиновника от культуры Яо Вэньюаня, позже арестованного как члена «банды четырех» (см. 22.11), в его нападках на пьесу и ее автора занимала вовсе не историческая правда; он просто решил перевести спор из научной плоскости в политическую. Он обвинил У Ханя в неверном отображении классовых отношений в минскую эпоху и упущении того, что главное тогдашнее противоречие состояло между феодальным классом земельных собственников, куда относился сам Хай Жуй, и крестьянством, а не между представителями правящего класса. Представленную в пьесе политику Хай Жуя противодействия укрупнению земельных угодий и «возвращения наделов» («туй тянь») крестьянам Яо Вэньюань истолковывал так, будто У Хань ратовал за упразднение народных коммун и возвращение земель помещикам и зажиточным крестьянам. В итоге У Хань объявлялся врагом партии и социализма. В отношении же используемых им приемов У Ханю ставилось в вину, что он «привлекает древность для порицания современности» и, «указывая на тут, на самом деле грозит софоре» (см.: Джеймс

Рив Паси (Pusey). «Wu Han: Attacking the Present Through the Past» («У Хань: посредством древности нападать на современность»). Кембридж, Массачусетс, 1969, с. X).

У Ханю представилась возможность напечатать опровержение в *Пекинской газете (Бэйцзин жибао)*, так как пекинская пресса была в ведении его друзей, а пекинский горком партии возглавлял Пэн Чжэнь [1902—1997]. Он признавал, что не уделил должного внимания анализу классово-борьбы, но отрицал наличие каких-либо контрреволюционных идей. Однако его голос вряд ли был услышан, поскольку нападки на пьесу и ее автора вскоре переросли в настоящую травлю по всей стране и длились до мая, став непосредственно одним из звеньев разворачивавшейся «культурной революции». Был смещен пекинский мэр Пэн Чжэнь и затем арестован радикалами вместе со своим ближайшим окружением. Среди первых задержанных оказались У Хань и оба его друга Дэн То и Ляо Моша [1907—1990]. Они втроем еще в 1961 - 1962 гг. привлекли внимание (в том числе и рьяных приверженцев Мао) своими сатирическими очерками, публиковавшимися под заглавием «Заметки из деревни в три двора» («Саньцзяцунь чжацзи») ³⁵⁷ в издававшемся Дэн То журнале Пекинского горкома «На передовой» («Цяньсянь»). В этих статьях они посредством исторических намеков, *облаченных* в басни и занятные рассказы, критиковали политику Мао Цзэдуна (см. 36.1).

После «культурной революции» У Ханя реабилитировали, а его пекинская опера получила положительную оценку. 29.12.1978 г. пекинская газета *Гуанмин жибао* поместила заметку, где говорилось, что публикация критики Яо Вэньюаня пьесы У Ханя о Хай Жуе взбудоражила всю страну, ознаменовав собой начало «культурной революции». Автор пьесы У Хань подвергся «жесточкой травле». Уничтожались целые семьи, исчезали люди, и даже игравшие в пьесе актеры не избежали печальной участи. Был приведен целый список подвергшихся гонениям в этой связи интеллектуалов, в том числе и режиссер Чжоу Синьфан [1895—1975], в ознаменование десятилетия КНР поставивший в 1959 г. на сцене другую пьесу о Хай Жуе (*Доклад Хай Жуя на высочайшее имя* («Хай Жуй шан шу»)), из-за чего в дальнейшем и погиб.

Другие публикации касались подоплеки развернувшейся против У Ханя критики. Согласно этим сообщениям все началось в 1959 г. Тогда У Хань опубликовал две статьи о Хай Жуе, тем самым выполняя наказ Мао подражать поведению честного и чуждого лести Хай Жуя, который осмеливался говорить все начистоту и делать замечания самому императору. Вскоре труппа Пекинского театра музыкальной драмы попросила его написать для театра пьесу о Хай Жуе. К концу 1960 г. после многочисленных переделок пьеса была готова. Первоначально она именовалась *Хай Жуй*, но поскольку пьесы с таким названием уже были, У Хань дал иное заглавие своему творению: *Разжалование Хай Жуя*.

Художественными средствами в пьесе были показаны исторические события, а именно классовые противоречия в конце минской эпохи, на примере жизни Хай Жуя, который в 1569—1570 гг. боролся с несправедливостью и угнетением в Цзянна-ни, пытался вернуть крестьянам их земли, питал сочувствие к народу и ограждал его от притеснений, покуда сам неподкупный чиновник не был смещен. Пьеса в ту пору нашла горячий отклик в сердцах зрителей. К осуждению самой пьесы приложил руку не Мао, а его супруга Цзян Цин, усмотревшая в ней «стрельбу по тени» Мао (Е Юнле. *Биография Цзян Цин*. Чанчунь, 1993, с. 283). Хай Жуем на самом деле был Пэн Дэхуай.

Что до самого содержания критики Яо Вэньюаня, то его после «культурной революции» обвинили в искажении представленного У Ханем образа Хай Жуя (см. стратагему 25), утверждая, что У Хань хотел представить Хай Жуя героем, озабоченным судьбой крестьян. В действительности же У Хань ставил своей задачей описание борьбы внутри правящего класса феодалов. В предисловии к пьесе и в самой пьесе он ясно показывает, что Хай Жуй — это представитель своего класса, однако не лишенный дальновидности и потому не чуждый жизни народа. Но ни в коем случае Хай Жуй не является выразителем интересов крестьянства. Обвинение Яо Вэньюанем У Ханя в искажении истории несостоятельно, поскольку исторические свидетельства о борьбе Хай Жуя с притеснениями, за возвращение наделов, с наводнениями на реке Усун [ныне Сучжоу, протекает через Шанхай] приводятся во всех источниках минской поры.

Совершенно нелепо выдвинутое Яо Вэньюанем обвинение в том, что У Хань, повествуя о «возвращении наделов», якобы ратовал за роспуск народных коммун и возвращение земных угодий «реакционным элементам» и поэтому выступал как враг партии и социализма.

В ходе реабилитации У Ханя как бы то ни было связь между пьесой *Разжалование У Ханя* и делом Пэн Дэхуая отрицалась. Теперь все было перевернуто наоборот: критиков оперы упрекали в том, что они произвольно перенесли с помощью «историографии стрельбы по тени» [«иншэ шисюэ»] критику

³⁵⁷ Намек на одного из чиновников династии Сун, который, будучи несогласным с самодурством правителя и уйдя в отставку, поселился в деревне с таким названием. — *Прим. пер.*

современности на пьесу (*Гуанмин жибао*. Пекин, 15.11.1978). В августе 1997 г. я спросил в у одного пекинского таксиста, почему в Китае вдруг возобладали мнение, что пекинская опера *Разжалование Хай Жуя* не имеет ничего общего со страгемой 26. «На мой взгляд, автор пьесы говорил о древности, но подразумевал современность («шо гу юй цзинь»), — объяснил мне таксист свое понимание. — Однако после «культурной революции» это оспаривается, поскольку хотят реабилитировать У Ханя. Стоит признать, что У Хань посредством страгемы 26 косвенно порицал Мао Цзэдуна, и пришлось бы признать правоту критиков У Ханя, а тогда и сама реабилитация У Ханя оказалась бы невозможной. Поэтому и приходится представлять его пьесе как совершенно безобидную. В Китае, — заключает таксист, — история пишется не в соответствии с историческими событиями, а в соответствии с потребой дня». Замечание, верное, пожалуй, не только для Китая.

За рубежом в этой пьесе видят исключительно отклик на отставку Пэн Дэхуая. После «культурной революции» с У Ханя было снято подозрение в том, что, затрагивая тему «возвращения наделов», он ратовал за роспуск народных коммун. Вот мнение известной китаистки Брунхильды Штайгер: «Но именно это и входило в намерения У Ханя, и когда Яо Вэньюань обвинил в этом автора пьесы, он открыто высказал то, что было понятно всем. И когда сегодня обвинение Яо представляют как грязную подтасовку радикалов, это несправедливо в отношении У Ханя. Отрицание отражения злободневных политических событий в исторической пьесе вряд ли способствует должной оценке личности У Ханя. Соответствие пьесы исторической правде оказывается единственным, что приписывают теперь реабилитированному автору. Однако тем самым упускается из виду как многоплановость пьесы, так и мужество, сознание политической ответственности и причастность крупного историка к происходящему и к судьбе своего народа, историка, владевшего искусством скрытого исторического намека, к которому в Китае неизменно прибегали многие выдающиеся деятели» (*указ. соч.*, с. 48).

Действительно, уже в 1940 г. профессор У Хань покинул академическую «башню из слоновой кости и стал интересоваться политикой» (Сюй Цзилинь: [ежемесячный журнал] *Книжное чтение [Душу]*. Пекин, № 1, 1997, с. 122). Его оружием было перо. С отходом его научных изысканий на второй план возрастало число публикующих на злобу дня. Он руководствовался правилом «привлечения истории для стрельбы по тени настоящего» (Сюй Цзилинь, *указ. соч.*, с. 123). Впрочем, в некоторых произведениях У Хань признавался в использовании страгемы 26, приводя ее дословно (см.: Джеймс Рив Паси, *указ. соч.*, с. 1, 71). Так, У Хань говорил, что биографию Чжу Юаньчжана (1328— 1398)³⁵⁸, основателя минской династии (1368—1644), взялся писать в 1948 г. с целью критики фигуры китайского императора Чан Кайши (Цзян Цзеша, 1887—1975), боровшегося тогда в гражданской войне против коммунистов.

У Хань вмешивался в происходящее не прямыми высказываниями, а своей стрельбой по тени через описание исторических событий бил по недостаткам современности. Если ради этой цели У Хань порой даже «искажал исторические свидетельства, а стрелок по тени в нем заслонял историка, когда этого требует политическая борьба, то нет ничего зазорного в использовании тактики стрельбы по тени при толковании текущих событий, привлекающей древность на службу современности» (Сюй Цзилинь, *указ. соч.*, с. 123; противоположного мнения придерживается Вэй Шу: *Жэньминь жибао*. Пекин, 19.03.1999, с. 11).

26.13. Препирательства по поводу непокорной каши-размазни

Четыре поколения жили под одной крышей. Семейная жизнь катилась по накатанной колее. Все подчинялись 88-летнему дедушке. Никто ему не перечил. Каждое утро подавался один и тот же завтрак, состоявший из обжаренных пампушек, соленой редьки и рисовой каши-размазни. Каждый день в пять часов пополудни дедушка и 84-летняя бабушка обсуждали с 59-летней тетей Сюй, уже сорок лет ведущей домашнее хозяйство, предстоящий ужин. И каждый вечер она появлялась из кухни, чтобы справиться у стариков, что добавлять в овощи — тонко нарезанное или рубленое мясо, — выбор, считавшийся крайне важным. И старики выносили решение. Вся семья под началом дедушки с бабушкой умела ценить скромность, являющуюся залогом благополучия, и сохранять верность установившимся порядкам. Однако за последние годы в доме произошли перемены. Семья приобрела цветной телевизор, холодильник и стиральную машину. Дедушка отличался общительным характером. Ежедневно после полуденного сна он читал газету, а поужинав, усаживался у телевизора. Ему приходилось усваивать все больше новых слов и понятий, и он постоянно спрашивал семейство: «А можно ли что-то преобразовать или усовершенствовать у нас с вами?» И всякий раз все хором отвечали: «Нет». Старшая сестра Сюй даже пошла дальше, пожелав, чтобы все оставалось так и впредь. И лишь младший сын однажды обратился с просьбой. Ему захотелось иметь магнитофон. Семья пошла навстречу. Однако радость от нового приобретения вскоре улетучилась, и

³⁵⁸ На рус. яз.: У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. Пер. с кит. А. Желоховцева, Л. Боровковой, Н. Мункуева. М: Прогресс, 1980. — *Прим. пер.*

магнитофон был заброшен. Все это свидетельствовало об ограниченной пользе новой техники! Старый уклад, оказывается, обладает значительно большей притягательной силой. И все ж под натиском новых веяний однажды дедушка предложил изменить сложившееся главенство в семье. После совместного обсуждения этого предложения решили избирать главу семьи. Первому эту должность доверили отцу, постановив, что он займется преобразованием семейного питания.

Прежде он был исключительно завхозом. А тут вдруг стал отвечать за покупку еды, так что теперь всякий раз советовался с дедушкой. По любому поводу он неизменно ссылался на дедушку: «Дедушка сказал, что нынче на ужин супа не будет», «Дедушка говорит...», «Дедушка считает...». И так без конца.

Тем самым усложнилась наша жизнь. Когда у сестры Сюй возникали затруднения, она обращалась за советом к папе, а тот не хотел определяться с решением, пока не посоветуется с дедушкой, чтобы потом по заведенному порядку произнести: «Дедушка сказал...» Естественно, было бы проще напрямую обращаться к дедушке. Ему тоже не нравился новый порядок, и он не раз призывал папу решать такие вещи самому и не обращаться к нему. После этого папа всякий раз говорил сестре Сюй, что вот дедушка ему сказал, чтобы он сам решал, а еще дедушка сказал, чтобы он больше его не спрашивал. Дядя и тетя, похоже, тоже были недовольны. Во-первых, им не нравилась явная неосведомленность папы, во-вторых, их злило, что дедушка сохранил свое ведущее положение.

Но тут папа выказал умение делиться предоставленными полномочиями. Решение, быть супу или нет, тонко резать или рубить мясо, впредь должно приниматься сестрой Сюй. Та поначалу решительно отказывалась, даже плакала, но не устояла под натиском, соблазнившись оказанным ей доверием. В итоге она с благодарностью и радостно взяла на себя эту ношу. И трапезы стали протекать как прежде.

Но так как каждый знал, что теперь за все отвечала одна сестра Сюй без чьей-либо влиятельной поддержки, постепенно, поначалу неосознанно, стало накапливаться недовольство, которое в итоге не замедлило вырваться наружу. 40 лет одна и та же еда! Это достойно скорее кунсткамеры! Всегда по старинке, по заведенным когда-то правилам! Косность! Пережиток! Никаких новшеств! Наша семья — образцовый пример отсталости.

В ответ на эти жалобы сестра Сюй стала вносить в еду некоторые перемены. Из двух блюд соленой редьки осталось одно. Соленые овощи она перестала сдабривать кунжутным маслом. Подливку для лапши она стала готовить не с мясными кубиками, а на одной воде и т. д.

Эти преобразования еще больше раздосадовали семью. Тут выступил новатором сын, заявив следующее: «Вот уже 41 год мы едим одно и то же. К тому же с нашей пищей не все в порядке: слишком много углеводов и совсем мало белка! Разве это еда для современного человека в большом китайском городе конца двадцатого века? Стыд и срам! Кабы наши политики после 1949 г. вовремя отменили рисовую кашу и все перешли бы на масло, хлеб, сало, колбасу, яйца, йогурт, сыр, мармелад, мед и шоколад, то мы, китайцы, давно бы вышли во всем на мировой уровень. Иначе говоря, рисовая каша-размазня — причина всех наших бед. Покуда не упразднят эту кашу, Китаю не на что надеяться!»

Итак, привычный китайский завтрак был вытеснен западным. Через три дня все семейство оказалось выведенным из строя по причине разыгравшегося гастрита. Кроме того, за три дня на еду ушло столько денег, сколько обычно расходовали за месяц.

Отцу и дяде пришлось идти к дедушке, а тот захотел посоветоваться с сестрой Сюй. Но та лежала в больнице и заявила, что после выздоровления больше не станет стряпать. Отец созвал семейный совет и провозгласил полную свободу: каждый теперь волен питаться сам.

Вскоре образовались маленькие ячейки, готовящие сами себе еду, так что приходилось ждать своей очереди. Затею о покупке четырех плит пришлось отбросить из-за малости кухни.

Очередной переполох вызвал просто чудовищный рост потребляемого газа. Все старались выказать свое недовольство. Одни полагали, что преобразования только плодят неразбериху. Прежде, под началом дедушки, жилось значительно лучше. Было предложено ввести семейную демократию, когда глава семьи определяется семейными выборами. Изготовили и раздали 11 бюллетеней, пятеро из которых оказались пустыми, два было подано за сестру Сюй, три — за папу, а один — за сына. Итак, выбрали папу. Но тот считал, что стряпня — это дело человека знающего. Поэтому следует заниматься не выбором главы, а поиском для семьи лучшего повара.

Для выяснения, кто же лучше всех готовит, в течение тридцати дней проводили изыскания. В итоге появился список лучших.

Но тут умирает сестра Сюй. Сын поступает на работу в одно совместное предприятие, где, похоже, питается по западному образцу. Но, приезжая на праздники домой, он говорит, что при всем многообразии отведенной им пищи нынче он мечтает лишь о рисовой каше-размазне с соленой редькой да похлебке и лапше с подливкой. Дядя с тетей получили новое жилье. Они порой едят свиную ножку и яичницу-болтунью, но чаще, как и прежде, это рисовая каша-размазня, поджаренные ломтики пампушек, соленая редька, похлебка и лапша с подливкой.

Очутившийся за границей, где он учился и одновременно работал, муж двоюродной сестры отца, после того, как она переехала к нему, писал в одном из писем: «Здесь на чужбине мы чаще всего едим рисовую кашу-размазню и соленые овощи и всякий раз будто бы возвращаемся в свой родимый, отличающийся простотой дом».

Отец, дедушка и поредевшее семейство живут счастливо; курица, утка, рыба, яйца, молоко, сахар, растительное масло, — все это подается к столу. Блюда становятся все более изысканными. Но рисовая каша-размазня и соленые овощи неизменно присутствуют. И когда один англичанин, отцовский приятель с сороковых годов, посетил Китай, то попросил: «Позвольте мне отведать вашей старой и богатой традициями пищи». Ему предложили рисовую кашу-размазню, попробовав которую он воскликнул: «Какая простая, какая приятная, какая изысканная... Только старинной дальневосточной кухне ведомо столь загадочное блюдо!»

Из-за этого, опубликованного в феврале 1989 г. и отмеченного наградой рассказа всемирно известного китайского писателя Ван Мэна (см. 19.32, 20.12) обвинили в стрельбе по тени. С нападка на рассказ обрушился читатель в своем письме в еженедельник Союза китайских писателей *Литература и искусство* [«Вэнь бао»], где оно было напечатано 14.09.1991. Читатель усмотрел, что рассказ в скрытой форме высмеивает сложившуюся при Дэн Сяопине структуру КПК. Ван Мэн, бывший министр культуры Китая, тогда еще являлся членом ЦК Коммунистической партии Китая.

Выступая в свою защиту 15.09.1991, Ван Мэн был довольно резок, упрекнув читателя в использовании стратагемы 7 «извлечь нечто из ничего». Впервые в истории Китайской Народной Республики из-за нападок на литературное сочинение дело дошло до судебного разбирательства. Ван Мэн подал в Пекинский народный суд средней инстанции жалобу на главного редактора еженедельника за клевету.

В жалобе было отказано на том основании, что обвинения читателя не выходят за рамки обычной литературной критики. Тогда Ван Мэн обратился в Пекинский народный суд высшей инстанции. Но тут вмешались высокопоставленные чины, распорядившись, чтобы суд не рассматривал дело. Стороны пошли на мировую, где ответчик обязался более не критиковать рассказ писателя. 7 июля 1997 г. в Вене я поинтересовался у Ван Мэна относительно данного дела. Он подчеркнул, что хотел взять под прицел в образной форме некоторые недостатки, а также скоропалительность действий в ходе проводимых с 1978 г. реформ. Но об использовании стратагемы 26, как и приема стрельбы по тени в отношении определенных лиц, не может быть и речи.

Итак, данный рассказ написан в духе других произведений Ван Мэна вроде сатиры «Упразднение отдела придинок», посвященной никчемности китайского бюрократического аппарата, или вышедшего в 1992 г. исследования романа *Сон в красном тереме* («Хунлоу цинга лу», 1982; «Хушюумэн циши лу», 1990] (см. 25.4, 26.6). Приведенные в этих работах высказывания, по мнению немецкого сиолога Мартина Вёзлера (Wösler), можно «рассматривать просто как злободневную критику: 1) общественная система имеет чрезмерно командно-административный характер; 2) непомерно раздуты штаты; 3) люди руководствуются не конституцией, а волей отдельного человека... 4) инте-

ресы лишь внешне подчинены коллективу... а на деле каждый преследует собственные цели!» («От министра культуры к увещателю: встреча с писателем Ван Мэном». *Новая цюрихская газета*, 4—5.11.1995, с. 68; см. также: М. Везлер. *Politische Literatur in China 1991—1992: Wang Mengs Frühstücksreform. Eine Übersetzung der Erzählung «Zäher Brei» und die Dokumentation einer absurden Debatte* («Политическая литература в Китае 1991—1992: реформа завтрака у Ван Мэна. Перевод рассказа «Неподатливая каша-размазня» и свидетельства нелепого спора»). Бохум, 1992). Вокруг «Неподатливой каши-размазни» разворачивается другая стратагемная история, относительно которой известно по некоторым изысканиям из Тайваня и Гонконга. Здесь определенную роль играют некоторые даты. Рассказ Ван Мэна был напечатан в феврале 1989 г. Вскоре в Пекине и других городах Китая начались известные студенческие выступления и волнения, вылившиеся в итоге в кровавые события 4 июня 1989 года. Считавшийся либералом премьер-министр Чжао Цзяян [род. 1919] бесследно исчезает с политической арены. При нем Ван Мэн стал министром культуры. После трехлетней работы на этом посту, «где он придерживался осторожного либерального курса на открытость и новаторство в литературе и искусстве» (*Новая цюрихская газета*, 5.09.1989, с. 3), в сентябре 1989 г Ван Мэн подает в отставку. Официальная причина ухода — «переутомление». Преемником Ван Мэна становится Хэ Цзинчжи [род. 1924], «поборник

верного установкам партии искусства» (*там же*). В июне 1991 г. рассказ «Неподатливая каша-размазня» получает присуждаемую в четвертый раз «Премии ста цветов» ежемесячного [тяньцзиньского] журнала прозы [«Сяошо юэбао»], притом как раз после того, как тайваньский ежемесячный журнал *Материковый Китай* [«Чжунго далу (юэкань)»] напечатал полностью рассказ в конце апреля 1991 г., представив его как критику руководимой Дэн Сяопином Коммунистической партии Китая. 14 сентября 1991 г. появляется критический читательский отзыв, подписанный псевдонимом «Шэнь Пин», под которым угадывался «сторонник жесткого политического курса из Министерства культуры» (см.: *China aktuell*. Гамбург, октябрь 1991, с. 632). В «читательском отклике» согласно даваемому в духе стратагемы 26 объяснению нападение велось не только против Ван Мэна, а бралась под прицел вся группа либералов, представителем которой он являлся.

26.14. Рассказ о подаче жалобы

Один рабочий отправился к вышестоящему начальству с жалобой на своего директора.

И вот он приходит в нужное учреждение.

Однако в тот день вышестоящее начальство было слишком занято и не смогло его принять.

Оно выпроваживает посетителя, говоря, что тому надо обратиться к секретарю парткома!

Но секретарь парткома выказывает недовольство:

— Вашего директора я хорошо знаю. Это толковый товарищ.

Так в чем же ваша жалоба?

— Много хотелось бы спросить у того, кто, не стесняясь, занимается растратами, берет взятки, содержит некую сладкую пчелку.

Пользуется услугами массажного салона, пьет изысканные вина,

Да еще путешествует, летает на самолете и все за счет государства. Как же так?

Чем больше слушает секретарь, тем сильнее беспокоится.

— Указывая на лысого монаха, здесь, как я вижу, поносят облезлого осла.

Он встает, хлопает дверью и уходит, злобно теребя обшлага пиджака.

И вот он сидит в машине, везущей его к общественному пруду, где он сможет половить рыбу в свое удовольствие.

На карикатуре к стихотворению, напечатанному в ежемесячном журнале *Китайская карикатура* [«Чжунго маньхуа»] (Тянь-цзинь, сентябрь, 1998), изображен мужчина, который левой рукой держит за гриву маленького льва, а правой указывает на него, обращаясь к недовольно вззирающему на все это большому льву со словами: «Соизволю сообщить следующее: вот он тайком таскает моих кур».

26.15. Уж очень трясок конь

«...Как-то не очень давно... жила в нашем городе именитая дама, добрых нравов и находчивой речи, достоинства которой заслуживают, чтобы ее имя не было умолчено: звали ее мадонна Оретта, она была женою мессера Джери Спина. Раз случилось ей быть, как и нам, в деревне, и она гуляла, переходя с одного места на другое, с дамами и мужчинами, обедавшими у нее в тот день; путь от места, откуда они вышли, к тому, куда намеревались идти пешком, был, может быть, несколько долог; один из мужчин, бывший в обществе, и говорит: «Мадонна Оретта, если вам угодно, я повезу вас большую часть предстоящего нам пути на коне, рассказав вам прелестнейшую в свете новеллу». На это дама ответила: «Мессере, я попрошу вас о том, и даже очень, мне будет чрезвычайно приятно». Господин рыцарь, которому меч сбоку, быть может, так же мало пристал, как речь устам, лишь только услышал это, стал сказывать новеллу, которая сама по себе была в самом деле прекраснейшая, но он страшно портил ее, три, четыре раза или и шесть раз повторяя те же слова, то возвращаясь к рассказанному, то говоря: это я сказал не ладно; часто ошибаясь в именах, ставя одно вместо другого; не говоря уже о том, что он выражался отвратительно, если взять в расчет качество действующих лиц и события, какие приключались. Пока мадонна Оретта его слушала, у нее

часто являлся такой пот и так падало сердце, как будто она больна или кончается. Не будучи в состоянии выдержать более и понимая, что рыцарь забрел в чашу и оттуда не выберется, она сказала шутливо: «Мессере, ваш конь очень уж трясок; поэтому, будьте добры, спустите меня!» Рыцарь, кстати, более чуткий к намекам, чем хороший рассказчик, понял остроту, обратил ее в смех и шутку и, перейдя к другим рассказам, оставил без конца начатую и дурно рассказанную новеллу» (*Боккаччо*. Декамерон. День шестой, новелла первая. Пер. с ит. Н. Любимова).

26.16. «Софора» спешит на помощь «туту»

«Малышка Цзюань только что приехала в город в поисках работы. Временно она поселилась у старшего брата своей матери. Однако тетку не радовало присутствие деревенской гостьи.

Однажды малышка Цзюань вышла из своей комнаты набрать питьевой воды в стакан. Тетка ткнула пальцем в своего шестилетнего племянника и воскликнула: «Вот паршивец, пришел в мой дом и ешь, пьешь из моей посуды». Малышку Цзянь поразили эти слова. Ведь тетка не чаяла души в своем племяннике! Постоянно баловала его, и вдруг такие слова! Она мельком взглянула на тетку, которая холодно смотрела на нее. Цзюань словно резануло по сердцу. У нее так задрожали руки, что вода стала выплескиваться. Взгляд тетки был столь злым, что Цзюань стало не по себе. Она поставила стакан.

«Крошка Лянлян, иди сюда, я отвезу тебя домой к маме», — сказала Цзюань и направилась к племяннику тетки. «Я хочу к маме», — произнес малыш, испуганный злобными словами тетки. Он вцепился в руку Цзюань и пошел с ней к двери.

«Ты... вы все... возвращайтесь!» — выпалила, вся покраснев, тетка. После этого она долго молчала.

Тетка использовала против малышки Цзюань стратагему 26. Однако поведение Цзюань в *Вестнике услуг [Фуу даобао]* (Нань-цзин, 24.08.1996), напечатавшем эту историю в своей серии «36 стратагем сегодня», представлено в стратагемном ключе, т. е. она «ответила хитростью на хитрость» («цзян-цзи цзю-цзи»), иначе говоря, «использовала замысел противника к своей выгоде».

26.17. Цикада, богомол, воробей и самострел

«Уский ван [Фу Ча] решил идти походом на владение Чу и объявил своим приближенным: «Кто осмелится возражать, того ждет смерть». Среди придворных был некий Шао Жуцзы, который и хотел бы выступить с возражениями, но не решался. Тогда он запасся пулями, взял самострел и стал бродить по дворцовому саду. Роса промочила его платье, поскольку он всю ночь провел в саду. Так продолжалось три дня, пока уский ван не спросил: «Где ты так сильно промочил свое платье?» Шао Жуцзы ответил: «В саду было дерево. На нем сидела цикада. Цикада сидела высоко, жалобно пела, пила росу и не знала, что сзади притаился богомол. Тот уже изогнулся всем телом, собираясь схватить цикаду, не ведая, что рядом с ним притаился воробей. Воробей вытянул шею, намереваясь проглотить богомола, не подозревая, что его поджидала пуля моего самострела. Все трое желали выгоды для себя, не обращая внимания на угрожающую им опасность». Уский ван сказал: «Хорошо», после чего отменил свой поход».

В этом рассказе из *Весен и Осеней [владений] У и Юэ* [«У Юэ чуньцю»] Сюй Тянью (XIII в.)³⁵⁹ неразумно ведущие себя животные выступают в роли «тута». Об этой истории напоминает порожденное ею выражение «богомол хватает (подстерегает) цикаду, не замечая позади себя воробья (танлан бу (куй) чань, хуань-цяо цзай-хоу»).

20.18. С чего начать расчленение?

«Во владении Ци один человек оскорбил правителя Цзин-гуна (ум. 490 до н. э.). Тот страшно разгневался и повелел прямо в зале связать его. Вызвал своих приближенных, которые должны были его расчленить.

³⁵⁹ На самом деле здесь приводится извлечение из труда Лю Сяна (77— 6 до н. э.) «Хранилище учений» («Шо юань»), гл. 9 «Открыто увещавать» («Чжэн цзянь»). В «Веснах и Осенях [владений] У и Юэ» (гл. 5 «Жизнеописание Фу Ча» («Фу Ча нэй чжуань»), 14-й год правления (482 до н. э.) противится плану уского вана Фу Ча (правил 495—473 до н. э.) наследник престола Ю, однако ван все же идет походом на Ци. См. также: «Планы Сражающихся царств», раздел «Планы Чу», IV, 4.4: «Чжуан Синь сказал чускому [Цин]сянвану» (на рус. яз.: «Планы Сражающихся царств» (исслед. и переводы Васильева К.). М.: Наука, 1968, с. 219—220). — *Прим. пер.*

Всякого, кто откажется, ждала смерть. Янь-цзы [см. 3.4, 16.11] схватил левой рукой голову приговоренного, а правой стал править лезвие своего меча. Тут он поднял голову и спросил: «Вот только мне не ясно, с какой части тела просвещенные государи и мудрые правители древности начинали расчленять человека». Тогда поднялся со своего места гун и сказал: «Развяжите его. Моя вина, [погорячился]».

Этот случай из [девятой главы] «Внешнего комментария Хань [Ина] к [Книге] Песен» («Хань ши вай чжуань»), составленного исследователем канонических конфуцианских сочинений в русле «школы текстов новых имен» Хань Ином (II в. до н. э.), я взял из *Истории китайской литературы* («Geschichte der chinesischen Literatur») Хельвига Шмидт-Глинцера (Schmidt-Glitzner) (2-е изд. Мюнхен, 1999, с. 82). Своим обращением к образцовым правителям древности Янь-цзы показал Цзин-гуну сомнительность его действий и тем самым образумил гуна.

20.19. Наивная самокритика

Особенно искусно использование стратагемы 26, когда «акация» бранит «шелковицу», а сама того не замечая, бранит себя. Пример подобного рода я взял из второго по значимости конфуцианского классика — Мэн-цзы:

«Имея в виду Сюань-вана, правителя владения Ци, Мэн-цзы обратился к нему с такими словами: «Допустим, что кто-либо из ваших слуг поручит свою жену и детей на попечение другу, а сам отправится путешествовать во владение Чу. Ко времени возвращения обратно окажется, что его жена и дети изнурены от голода и холода. Как ему следует поступить с другом?» Ван ответил: «Отвергнуть его». Мэн-цзы спросил: «А как следует поступить с наставником служилых людей, главным судьей, если он не сможет справиться с ними?» Ван ответил: «Отстранить его». Мэн-цзы спросил: «Ну, а как быть, если в пределах всех четырех границ страны нет порядка в управлении?» Ван посмотрел по сторонам, направо и налево, и стал говорить о другом» [«Мэн-цзы», 2.6. Пер. В. Колоколова, с. 36].

Схожим образом повел себя пророк Нафан с Давидом, царем израильским. Последний посредством стратагемы 3 устранил Урию, мужа Вирсавии, после чего взял его супругу Вирсавию себе в жены (см. 3.2). Вот что сообщает Библия (Ветхий Завет, 2-я Царств, гл. 12):

«11:27... И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах господа. 12:1... И послал господь Нафана к Давиду, и тот пришел к нему и сказал ему: в одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный; 12:2... у богатого было очень много мелкого и крупного скота, 12:3... а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба она ела, и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него, как Дочь; 12:4... и пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] Для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему. 12:5... Сильно разгневался Давид на этого человека и сказал Нафану: Жив Господь! достоин смерти человек, сделавший это; 12:6... и за овечку он должен заплатить четверо, за то, что он сделал это, и за то, что не имел сострадания. 12:7... И сказал Нафан Давиду: ты — тот человек, [который сделал это]».

26.20. Синклит политических червей

С 1959 по 1966 г. в репертуаре пражского Национального театра неизменно шла одна пьеса, а именно трагедия Шекспира *Гамлет*. Каждый вечер театр заполнялся до отказа, узнаем мы из книги *Власть слова* («Die Macht des Wortes») (составители Тило Шаберт (Schabert) и Реми Браге (Brague). Мюнхен, 1996, с. 14, 43). И когда игралось третье явление из четвертого действия и один из актеров выражал словами то, что обозначено как «синклит червей со всей земли» [слова Гамлета. Пер. Б. Пастернака], казалось, под аплодисменты и смех должен обрушиться весь мир социалистической деспотии. Кстати, в исходном тексте немецкого перевода *Гамлета* стоит «собрание рыцарей в образе падких до лакомств червей» (перевод Августа Вильгельма фон Шлегеля. Штутгарт, Reclam, 1964, с. 85; [у Шекспира «a certain convocation of politic worms»]). Это расхождение ясно тем, кто читал замечания о стратагеме 25.

26.21. Глаз, превращенный в зад

«Одной из наиболее знаменитых классических опечаток считается опечатка в изданном в 1648 г. трактате профессора Флавины, выступившего против одного теологического сочинения. В запале полемики профессор прибегнул к известному речению из Евангелия от Матфея: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф., 7: 3). Цитата приводилась, естественно, на латыни: Quid autem vides festucam in oculo fratris tui et trabem in oculo tuo non vides? Дьявол опечатки

похитил начальное «о» в обоих osulo. Роль глаза оказалась в результате отведенной той части тела, которая предназначена отнюдь не для зрения и не для обозрения; последнее, правда, возможно с целью нанесения непристойной обиды (Culus — груб, лат.: зад). Разразился страшный скандал, несчастному профессору пришлось публично, перед всем факультетом, поклясться, что такой перефразировки у него и в мыслях не было. И тридцать лет спустя, на смертном одре своем, он проклинал печатника, который столь непоправимо его подвел» [*Иштван Рат-Вег*. Комедия Книги. М.: Книга, 1987, раздел «Украшение книги», глава «Дьявол опечатки»]³⁶⁰.

Случись подобное в Китае цинской поры (1644—1911) во времена «письменных судилищ» (вэньцзы юй), профессор наверняка не отделался бы так просто. Однако кому сейчас известна вся подоплека случившегося? Возможно, печатник без ведома профессора захотел вызвать в связи с Библией образ задницы, чтобы посмеяться над церковью и христианством.

26.22. Притча о худых виноградарях

«1... некоторый человек насадил виноградник и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился. 2. И послал в свое время к виноградарям слугу — принять от виноградарей плодов из виноградника. 3. Они же, схватив его, били, и отослали ни с чем. 4. Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем. 5. И опять иного послал: и того убили; и многих других то били, то убивали. 6. Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего. 7. Но виноградары сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство будет наше. 8. И, схватив его, убили и выбросили вон из виноградника. 9- Что же сделает хозяин виноградника? — Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим... 12. И старались [недрузи Иисуса] схватить Его, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал притчу; и, оставив Его, отошли» (Мк., 12 1:12).

Стратагема № 27. «Притворяться глупцом, не теряя головы»

Четыре иероглифа	假	癡	不	癡
Современное китайское чтение	Цзя	чи	бу	дянь
Перевод каждого иероглифа	1. Поддельный / ненастоящий / искусственный / видимость 2. Тупой/глупый / ребяческий / нелепый / безрассудный / дурацкий 3. Не 4. Сумасшедший / безумный / помешанный			
Связный перевод	Показная глупость без [действительного] сумасшествия / прикидываться глупым / тупым / и т. д., не будучи сумасшедшим; изображать сумасшествие, не теряя душевного равновесия; разыгрывать глупца, не теряя головы / рассудка			
Сущность	1..Притворная бестолковость, непонятливость, глупость, неведение, болезнь, неумение, немощь и т. д.; с волками жить — по-волчьи выть. Стратагема дурачка; стратагема плута. 2. Скрывать свой талант; сознательно принижать себя; скромничать; стратагема умаления; стратагема девушки, подпирающей на танцах стену.			

В китайских текстах сравнительно редко встречается выражение для стратагемы 27, хотя описываемый ею образ поведения издревле многократно описывался, причем во всевозможных разновидностях. Более распространены выражающие ту же суть такие выражения, как «прикидываться безумным, представляться дураком» («чжуан-фэн май-ша»), «прикидываться глупцом и разыгрывать болвана» («цзя-чи ян-дай») или «прикидываться глухим и немым» («чжуан-лун цзо-я»). Уже в сборнике повестей минской поры *Камень кивает головой*³⁶¹ встречается похожее на выражение стратагемы 27 словосочетание — «изображать глупца,

³⁶⁰ Зенгер приводит следующий источник: Петер Хайш (Heisch). «Опечатки в истории и литературе». *Sprachspiegel*. Базель, тетрадь, февраль, 1997, с. 51. - *Прим. пер.*

³⁶¹ Кит. «Ши дянь тоу», составитель Тяньжань Чисоу по прозвищу Лансянь, близкий приятель Фэн

чтобы не опрокинуться» («ча-чи бу-дьянь»). Оно описывает необычное поведение старика, который, промышляя продажей спиртным, спует на своей лодке по реке от одного судна к другому. Стоит какому-нибудь пассажиру выкрикнуть ему пожелание, старик отвечает стихотворной нелепицей. И непонятно, трезвый он или пьяный. На самом деле это совсем не торговец, а сыщик, разыскивающий по поручению одного чиновника его супругу. Уехав для подготовки к экзаменам далеко от дома, этот чиновник несколько лет не получал никаких известий от своей семьи и потерял из вида свою жену. Старик, плавающий по реке под видом торговца спиртным, постоянно распекает стихи, известные лишь разыскиваемой им женщине. И вот однажды отворяется окно каюты очередного судна, и женский голос спрашивает, откуда старик знает это стихотворение. Тот все объясняет, и вскоре супруги оказываются вместе.

27.1. Пусть боги борются с глупостью

Стратегема 27 охватывает «хитрость, состоящую в том, что умный надевает на себя личину глупца».

Что касается применения стратегемы 27 против врага, то созвучные ей мысли мы находим уже у Сунь-цзы. Первая из «двенадцати военных уловок» гласит: «Если можешь, показывай противнику, будто не можешь» [«Сунь-цзы», гл. 1.7: «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 122]. Сообразно данному пути трактат *36 стратегем (Сокровенная книга о военном искусстве)* советует: «Лучше сделать вид, что ничего не знаешь и не хочешь ничего делать, чем делать вид, что владеешь знанием, и действовать безрассудно» [«Тридцать шесть стратегем: китайские секреты успеха». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Белые альфы, 2000, с. 142]. Тем самым хитрец руководствуется шиллеровскими словами: «Безумство, ты превозмогло... и сами боги против тебя не в силах устоять» [«Орлеанская дева», III, 6: Шиллер, «Вильгельм Телль. Орлеанская дева». Л.: Лениздат, 1983, с. 241].

Пока не пришла пора действовать, нужно вести себя подобно увальню. В постоянных думах, не выказывая их никому, вынашивать тайком свои планы и делать приготовления к их воплощению, чтобы затем «как гром среди ясного неба внезапно сотрясти окрестности». В случае задействования стратегемы против недруга здесь могут преследоваться различные цели: защитить себя, безболезненно выпутаться из щекотливого положения, выиграть время, незаметно воспользоваться передышкой накануне выступления или — как на состязаниях, притворяясь выдохшимся, — усыпить бдительность соперника. Притворяясь глухим и немым, несведущим, изображая немощь, неосведомленность или разыгрывая безразличие, добиваешься того, что тебя перестают брать в расчет. Скрываешь все, что могло бы привлечь внимание ничего не подозревающего противника, одновременно являя себя словно на ладони с тем, чтобы он уверовал, будто ему нечего опасаться. Сгибаешься, чтобы затем вновь выпрямиться («и цюй цю шэнь»). Царит — у тебя в душе (в стане твоих войск) порядок, ты изображаешь разлад; находишься в полной готовности, а разыгрываешь беспечность; сыт, а притворяешься голодным; велик числом, а выказываешь покинутость; смел, а создаешь впечатление трусливого; здоров, а разыгрываешь хворого; пробудился ото сна, а выказываешь сонливость; знаешь кого-то, а делаешь вид, будто не знаешь (см.: Хань Банцин [1856—1894] «Жизнеописание шанхайских певичек» [доел. «Жизнеописание цветов на воде»: «Хай шан хуа лечжуань»], гл. 48. Тайбэй, 1974, с. 10); ведешь себя так, будто и мухи не обидишь, хотя на самом деле все далеко не так; что-то знаешь, а притворяешься несведущим (см.: *Das Leben des Lazarillo von Tormes*. Франкфурт-на-Майне, 1973, с. 28; [«Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения». Пер. К. Державина. Рассказ третий: *Плутовской роман: XVI—XVII вв.* Москва, «Фирма АРТ», 1992, с. 40]; жив, а притворяешься мертвым — и т. д. Притворства самого разного рода должны убаюкать противника, чтобы у него сложилось соответствующее впечатление и он действовал нужным вам образом.

Согласно пекинскому исследователю стратегем Ли Бинъяню, стратегему 27 можно использовать для подготовки нового нападения «и-туй цю-цзинь» («отойти, чтобы перейти в наступление»; см. французское выражение «tesuler pour mieux sauter» в значении «взять разгон, чтобы лучше прыгнуть», и стратегему 36) или для передачи противнику права первого выстрела, чтобы затем перехватить инициативу («хоу фа чжи жэнь»).

Бестолковость можно разыгрывать весьма естественно, а также довольно сдержанно, например, в случае угрозы быть втянутыми в спор между различными сторонами, когда поддержка одной из сторон пойдет вам только во вред. Тогда представляешься глуповатым, незнающим, ничего не смыслящим для того, чтобы стороны потеряли всякий интерес к такому Дурню. И если придется лгать, это сойдет вам с рук. Тем самым можно рассчитывать, что вас оставят в покое.

Другая разновидность разыгрывания бестолковости связана с тем, что стоящее на пути к основной цели

затруднение не замечают и обходят его каким-то образом, дабы не возиться с ним. Тем самым выигрывается драгоценное время для сосредоточения усилий на основной цели. Разыгрываемая бестолковость может также состоять в том, что ведешь себя, словно не понимаешь сути происходящего, например, когда от вас ожидают или требуют определенных шагов, которые вы сами хотели бы предотвратить. Прикидываясь несведущим, вы противодействуете происходящему без угрозы быть призванными к ответу.

«У армии две возможности избавиться от военачальника: неповиновение приказу или бестолковое его исполнение. Оба способа пускают в ход», — говорил вице-премьер российского правительства Шахрай (*Бильд*. Гамбург, 6.01.1995, с. 2), ссылаясь в этой связи на *Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны* Ярослава Гашека (1883—1923). К этой стратагеме прибегают также в случае выходящего за нормы общественных приличий поведения, когда нарушитель разыгрывает из себя дурака («чжуан хань») и заверяет всех, что «не знал» и «понятия не имел». Участвовавшее использование такого поведения в попытке избежать ответственности с прискорбием отмечает *Китайская молодежь [Чжунго циннянь бао]* (Пекин, 19.09.1998, с. 2). В таких случаях стратагема 27 выступает как стратагема бегства.

Своим необычным поведением можно вполне сознательно способствовать разладу, который лил бы воду на вашу мельницу (см. стратагему 20). Можно также иметь выгоду подобно той, которую получает владелец мелочной лавки, обсчитывающий покупателей при сдаче — естественно, не всегда, а изредка, причем непременно в их пользу. Получая 10 юаней, он дает сдачу со 100 юаней. Когда же ему указывают на ошибку, он убежденно говорит: «Ну, что вы! Как я мог напутать с такими простыми цифрами?» Торговец начинает слыть простаком, чего и добивался: зато дела у него идут лучше, нежели у конкурентов. «Своей притворной невнимательностью он обращает к собственной выгоде человеческую жадность до малого барыша», — отмечает наньцинский *Вестник услуг (Фуу даобао)* в 27-м очерке своей рубрики «36 стратагем сегодня».

Когда перед вами разыгрывают болвана во всех возможных ипостасях, постарайтесь не «терять головы»:

— не действуйте безрассудно. Еще *Сунь-цзы* предупреждал: «кто... легкомысленно относится к противнику, непременно сам станет его добычей» [«Сунь-цзы», 9-18 («Использование войск») («Син цзюнь»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 177]. А немецкий писатель Эрих Кестнер (1899—1974) советует: «Будь глупым, но с умом. Чем глупее, тем умнее»;

— нельзя, убаюкивая противную сторону мнимой бестолковостью, вдруг выказать спесь или властность. «Самодовольное войско наверняка будет разбито», — предупреждает Бань Гу (32—92) в своей «Книге [о династии] Хань» (*Хань шу*):

— также не пристало проявлять легкомыслие и неосторожность. «Для полководца существует пять опасностей», — говорится в *Сунь-цзы* (гл. 8), в том числе «если он будет искать смерти, он легко может погибнуть... если он чересчур вспылыв, его легко можно рассердить» [«Сунь-цзы», 8.7 «Девять изменений» («Цзю бьянь»): *там же*, с. 170];

— сама «бестолковость» должна быть выверена до мельчайших подробностей, ибо нередко при такой игре чаще выдают себя не большие, а весьма незначительные «подвохи».

Если вместо бестолковости хотят показать себя человеком высокого интеллекта, это можно сделать без всяких опасений: «Стоит тебе просто ничего не говорить, все посчитают это признаком высокого коэффициента умственного развития — IQ» (Берт Рейнольдс (Reynolds), американский киноактер: *Шпигель*. Гамбург, № 18, 1998, с. 219). Однако часто разыгрывание ума может обернуться глупостью. Все же не следует забывать слова Конфуция: «То, что ты знаешь, считай тем, что ты знаешь, а то, чего ты не знаешь, считай тем, что ты не знаешь. Вот это и есть [подлинное] знание» [«Лунь юй», 2.17].

Мнимую бестолковость посредством различных приемов можно представить поразительно достоверной, например:

— когда ведете себя в соответствии с ожиданиями или чаяниями противной стороны, для чего вам, естественно, необходимо знать, что ей надобно. Всякий рассчитывает на исполнение своих желаний. И когда такое случается, от радости обычно бывает недосуг удостовериться, все ли здесь чисто. Точно сообразуя свое поведение с тем, на что рассчитывает противник, его можно легко одурачить. Например, кто-то хочет что-либо сделать, не встречая возражения или сопротивления, вы просто сохраняете равнодушное спокойствие, и он этим довольствуется. Ни в чем не заподозренные, вы осуществляете свои замыслы, расстраивающие то, к чему приступил ваш противник;

— когда поступаете в точном соответствии с чаяниями противника, но с иным от противника расчетом, в результате чего тот неожиданно попадает впросак. В Китае подобный образ действий именуют «идти

навстречу пожеланиям противника, но в действительности противодействовать его намерениям» («шунь ци и эр ни ци чжи»)³⁶²;

— когда в определенных обстоятельствах приходится действовать вопреки рассудку, дабы вас сочли за глупца. В этом случае стратагема 27 разыгрывается самым что ни на есть естественным образом. Когда соперник Пан Цюань (IV в. до н. э.) решил погубить его, Сунь Бинь притворился безумцем, съев на глазах Пан Цюаня дерьмо, которое тот поднес ему за столом. Это убедило Пань Цюаня в сумасшествии Сунь Биня и позволило тому выжить. Позже ему удалось бежать в удел Ци и отомстить Пан Цюаню (см. 2.1, 4.1, 4.2).

Опасности стать жертвой стратагема 27 можно избежать неустанным наблюдением за противником. Нужно уметь распознавать еле заметные признаки проведения неприятелем стратагема 27. В отношении военных действий *Сунь-цзы* дает некоторые указания по этому поводу: «Если речи противника смиренны, а боевые приготовления он наращивает, это значит, что он готовит наступление» [«Сунь-цзы», 9-14 «Использование войск» («Син цзюнь»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 175]; «если противник, не понеся урона («у юэ»)³⁶³, просит мира, это значит, что у него есть тайные замыслы» [там же, с. 176] и т. д. Если удастся разгадать проведение противником стратагема 27, ее можно расстроить внезапным разоблачением ведущейся им игры, не дав тем самым ему опомниться. Естественно, надо располагать достаточными уликами, чтобы противник не смог отвести обвинение в использовании им стратагема 27. Самый утонченный способ расстройств стратагема состоит в обращении разгаданной хитрости против того, кто ее и замыслил. Тогда действия противника усиливают принимаемые вами контрмеры и тем самым терпят крах.

27.2. Дать исчезнуть странному

«Он [полководец] должен уметь вводить в заблуждение глаза и уши своих офицеров и солдат, чтобы они не догадывались о его планах» [«Сунь-цзы», 11.17 «Девять видов обстановки» («Цзю ди»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 193]. Эти слова из *Сунь-цзы* (гл. 11) составляют основу понимаемой как руководство к действию стратагема 27. Таким образом Христофор Колумб (1451 — 1506) для усмирения готовых взбунтоваться матросов держал их в неведении относительно пройденного расстояния («Алчность и страх: Сабина Этцольд о «бортовом журнале» Христофора Колумба». *Цайт. Гамбург*, 10.06.1999, с. 65). Совершенно иначе используют стратагема 28 в качестве руководства к действию (см. 28.1—4), когда опасаются, что открытие всей правды может привести к плачевному итогу.

Согласно утверждению Макиавелли, «иногда бывает полезно прикинуться глупцом» [«Рассуждение о первой декаде Ливия», кн. 3, глава II: Макиавелли. «Государь». Пер. с ит. К. Тананушко. М.: АСТ, с. 497]. При случае неведение разыгрывают не только в военном деле, но и в иных областях жизни, даже в воспитании детей, когда прощают своему отпрыску некоторые промахи, делая вид, будто их не было.

В *Похвале Глупости* [гл. XXXI] Эразм Роттердамский (1469— 1536) писал: «Только благодаря Глупости жизнь бывает сносной». «Не будешь глупым и глухим, не станешь тещей или тестем» [«бу чи бу лун, бу чэн гу гун»]. Пожалуй, не из-за своей занятости подробно разъясняется данная, намекающая на отношение к снохе пословица в *Большом словаре брака и семьи* (Шанхай, 1988, с. 23). Еще Конфуций советовал проявлять терпимость («жэнь»), разумеется, исключительно в «мелочах» [«Лунь юй», 15.27]. Умение «терпеть унижение и нести тяготы (ответственность)» («жэнь-жу фу-чжун») советует молодежи развивать у себя книга «Первое соприкосновение с миром» (Пекин, 1985). Несколько иную трактовку стратагема 27 дает следующая китайская народная мудрость: «не удивляться при виде странного, и оно само собой исчезнет» («цзянь-гуай бу-гуай, ци гуай цзы бай»). Таким образом, нависшие в отношениях с кем-то грозные тучи следует переждать и позволить возникшим затруднениям самим рассосаться. Но данное изречение может также означать попустительство по отношению к скандальным или незаконным действиям и в таком случае несет в себе отрицательный оттенок.

«Если китайский юноша, навестив своего старого дедушку Чудесным сентябрьским утром, захочет оторвать

³⁶² См. «Планы Сражающихся царств», раздел «Планы Чжао» (II, 5.5): «[Улин-]ван делает Чжоу Шао наставником [своего сына Хэ]» («Ван ли Чжоу Шао вэй фу»). — *Прим. пер.*

³⁶³ У Зенгера стоит «просит незаявленного мира». Комментарий Конрада: «слово «юэ», употребленное здесь Сунь-цзы, мало понятно, что открывает простор различным догадкам. Из всех предложенных комментаторами толкований выбираю толкование Чэнь Хао, объясняющее это слово через выражение «цой жо» — «быть надломленным», «быть обессиленным». — *Прим. пер.*

его от теплой печки, чтобы сходить вместе к морю искупаться, это ему не удастся. Юноша, пожалуй, будет раздосадован, не поняв причины отказа. А довольный старик только улыбнется про себя» (Линь Юйтан. «Моя жизнь и мой народ» [ориг. назв. «My Country and My People» (1935), написана книга автором на англ. яз.]. Штутгарт / Берлин, 1936, с. 77). И в этой улыбке ощущается присутствие стратагемы 27. Разве от лукаво улыбающегося старика не ведет путь к западному *homo ridens*, смеющемуся человеку, который осаждает все западные и прочие притязания на абсолютность и тотальность и из имущества несостоятельного должника *homo faber* извлекает комическую выгоду (см. Питер Л. Бергер (Berger). «Искупающий смех». Берлин / Нью-Йорк, 1998 [ориг. назв. *Redeeming Laughter: The Comic Dimension of Human Experience* («Искупающий смех: комическая составляющая человеческого опыта», 1997)]?

27.3. Поначалу невинная девушка, а затем неудержимый заяц

Если хотят сохранить тайну от противника, следует как можно меньше распространяться о ней среди своих. Посодействовать в этом может стратагема 27. Во многих китайских книгах о стратагемах в главе, отведенной стратагеме 27, приводится следующее изречение: «Первоосновой всякой стратагемы является хитрость, залогом ее успеха — соблюдение тайны, а пагубой — преждевременное ее раскрытие». Раз соблюдение тайны обязательно для успеха стратагемы, то стратагема 27 лежит в основе проведения всякой стратагемы. Ведь совсем не обязательно, идя на хитрость, открывать каждому, что он задействован в осуществлении стратагемы. «Можно привлекать людей к осуществлению хитрости³⁶⁴, не ставя об этом их в известность», — советует Ли Вэй-гун (571—640), автор классического военного трактата танской поры (618—907), императору Тай-цзуну (правил 627—649).

Но прежде всего проводник стратагемы обыкновенно предстает перед намеченной им жертвой честным человеком и, притворяясь глупцом, не оставляет места для подозрений в собственном коварстве. Наметки такого образа действий мы находим в *Сунь-цзы*: «Поначалу будь робок, как невинная девушка, а когда противник откроет тебе дверь, тотчас стань подобным вырвавшемуся на свободу зайцу — и противник не успеет организовать отпор» [«Сунь-цзы»: 11.31 «Девять видов обстановки» («Цзю ди»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 197].

Из этих слов Сунь-цзы Ма Сэньлян и Чжан Лайпин в своей книге «36 стратагем с примерами из древности и современности» [«Сань ши лю цзи гу цзинь инь ли»] (Гонконг, 1969) составляют выражение из 16 знаков. Поскольку даже Иисус Христос советовал «быть мудрыми, как змии» (см. 1-й том *Стратагем*, заключительная глава «Каталог 36 стратагем»), можно, присовокупив слова «и просты, как голуби», в этом выражении, обязанном своему появлению на свет стратагеме 27, разглядеть основу для осуществления всякой иной стратагемы: «[поначалу] невинная девушка, [а затем] неудержимый заяц, внешне полное простодушие, внутри мудрость змеи».

27.4. Самый страшный дух

«Один человек хотел купить изображение духа дверей³⁶⁵. По ошибке он приобрел изображение добродушного даосского монаха и наклеил его с наружной стороны входных дверей. Жена сказала: «Но ведь духи ворот непременно должны держать в одной руке меч, а в другой секиру, тем и отпугивая злых духов. И какой прок вывешивать такое добродушное лицо?» Муж возразил: «Брось гордиться чепуху. Никто в нашем мире не сравнится с жестокостью и низостью тех, кто напускает на себя добродушие и милосердие. Поэтому эта картина как раз и нагонит страху на злых духов» (*Литературная газета [Вэньсюэ бао]*. Шанхай, 19.10.1989).

27.5. Волосы растрепаны, сам туг на ухо и весь облит похлебкой

«Внутри черствый, а внешне выказывает великодушие; недоверчив, но способен приладиться ко всяким обстоятельствам». Так представляют Фан Сюаньлин (579—648) и его соавторы в составленной ими «Книге [династии] Цзинь» [«Цзинь шу»] Сыма И (179—251). До конца своих дней последний служил четверем

³⁶⁴ «Гуй дао», досл. «неправильный путь». — *Прим. пер.*

³⁶⁵ Кит. Мэньшэнь[е] — духи-хранители входа; изображения двух божеств в виде грозных полководцев с алебардами было принято вешать по одному на каждой створке ворот; считается, что они охраняют дом от нечистой силы и всякого зла. — *Прим. пер.*

правителям, в том числе трем императорам династии Вэй (220—265) (см. 32.1). Напоследок он стал канцлером (чэн-сян). После смерти императора Мин-ди (правил 227—239) на престол вступил его восьмилетний приемный сын Фан ([дин. имя Ци-ван,] правил 239—254). На смертном одре Мин-ди препоручил его заботам Сыма И и полководца Цао Шуана (ум. 249 н. э.). Военачальник Цао Шуан по возрасту годился Сыма И в сыновья. Вдвоем они взяли на себя все государственные дела. Цао Шуан, родом из семьи, имевшей большие заслуги перед династией Вэй, крайне почтительно относился к Сыма И и во всяком значительном деле прежде всего советовался с ним. Но со временем он стал все больше заноситься. Да к тому же льстивые приближенные говорили ему о честолюбии Сыма И, якобы покушающегося на его власть. Цао Шуан, который недолюбливал Сыма И, начал изводить его, так что тот избегал появляться при дворе, ссылаясь на болезнь.

«По просьбе Цао Шуана [зимой 248 года] молодой государь назначил [его приверженца] Ли Шэна на должность цы-ши округа Цинчжоу. Перед его отъездом Цао Шуан велел ему пойти попрощаться с Сыма И и заодно разузнать, чем тот занят. Ли Шэн пришел к Сыма И, и привратник доложил о нем. «Его прислал Цао Шуан узнать, что я делаю!» — сказал Сыма И своим сыновьям. Он распустил волосы, лег в постель, укрылся до самого подбородка одеялом и приказал привести Ли Шэна. Тот вошел. «Давно не видно вас при дворе, — кланяясь, сказал Ли Шэн. — Подумать только — никто не знает, что вы так больны! Сын неба назначил меня на должность цы-ши округа Цинчжоу, и я зашел к вам попрощаться». — «Бинчжоу? Это на севере? — переспросил Сыма И, притворяясь глухим. — Да, места там опасные! Что ни день, жди нападения!» — «Меня назначили в Цинчжоу, а не в Бинчжоу!» — громко, с расстановкой повторил Ли Шэн. «Ах, так вы приехали из Бинчжоу?» — «Нет! Я еду в Цинчжоу!» Сыма И глупо заулыбался: «А... понимаю, понимаю. Вы приехали из Цинчжоу». — «Чем тай-фу³⁶⁶ болен?» — спросил Ли Шэн. «Тай-фу оглох», — отвечали ему слуги. «Тогда дайте мне бумагу и кисть», — попросил Ли Шэн. Ему подали письменные принадлежности. Он написал несколько слов и протянул бумагу Сыма И. «Простите меня, я совсем оглох, — сказал Сыма И, пробежав глазами написанное. — Берегите себя в пути». Он замолчал и пальцем указал на рот. Служанка подала чашку целебного настоя. Сыма И с усилием сделал глоток, остальная жидкость пролилась ему на грудь. «Одряхлел я, одолели меня старческие недуги — едва дышу, — хриплым голосом проговорил Сыма И. — Сыновья у меня непутевые, во всем приходится их поучать. Если увидите с полководцем Цао Шуаном, замолвите за них словечко». Сыма И бессильно опустил на подушки, дышал он тяжело и прерывисто. Ли Шэн поклонился и бесшумно вышел. Вернувшись к Цао Шуану, он подробно описал ему свою встречу с Сыма И. «Если старик умрет, мне заботы меньше!» — воскликнул Цао Шуан, не скрывая своей радости. А между тем не успела еще дверь закрыться за Ли Шэном, как Сыма И вскочил с ложа и сказал сыновьям: «Все в порядке! Ли Шэн доложит Цао Шуану, что я умираю, и тот перестанет обо мне думать! Готовьтесь, дети! Как только Цао Шуан уедет на охоту, начнем действовать!» Через несколько дней (в первый месяц 249 года) вэй-ский государь Цао Фан, по совету Цао Шуана, решил поехать в Гаопинлин совершить жертвоприношение на могиле отца. Цао Шуан и его братья тоже собрались в дорогу. Они возглавляли личную охрану императора. Сыма И только и ждал, когда Цао Шуан уедет. Собрав старых воинов, с которыми когда-то ходил на врага, и вооружив своих слуг, Сыма И вскочил на коня и помчался во дворец, чтобы раз и навсегда положить конец власти Цао Шуана. Он занял столицу Лоян, затем «вывел войско из города и расположился у плавучих мостов через реку Лошуй». Цао Шуану было передано требование сложить с себя полномочия полководца взамен на полное прощение узурпации власти. Ради спасения собственной жизни тот соглашается. Однако по возвращении в столицу «Цао Шуан находился дома под стражей. У ворот день и ночь стояло восемьсот вооруженных горожан... Но Сыма И на этом не успокоился. Он бросил в темницу дворцового евнуха (который, стараясь угодить могущественному царедворцу, выбрал красивейших наложниц покойного императора и отправил их Цао Шуану)... На основании показаний евнуха были арестованы другие сановники. Под пыткой они признались в подготовке дворцового переворота, который, по их замыслу, должен был совершиться в ближайшие три месяца... Затем очередь дошла до Цао Шуана и его братьев. Все они были схвачены и казнены на базарной площади. Вместе с ними были уничтожены три ветви их рода, а все принадлежавшее им имущество отошло в казну» [«Троецарствие», гл. 106—107: Ло Гуаньчжун, «Троецарствие». Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 2, с. 594—603].

После смерти Сыма И в 251 г. его сыновья Сыма Ши (208—255) и Сыма Чжао (211—265) заняли место отца. Внук Сыма И Сыма Янь (236—290) в 265 г. провозгласил себя императором, основав на месте династии Вэй династию Западная Цзинь (265—316). В 280 г. император У-ди (так стал называться Сыма Янь) уничтожил царство У на юго-востоке, объединив тем самым Китай (см. 14.7).

Притворство Сыма И больным приводится первым в старейшем трактате по 36 стратагемам для

³⁶⁶ Тай-фу — высший придворный сановник, советник и наставник Императора по вопросам долга и морали. — *Прим. пер.*

иллюстрации стратагемы 27. Напоминает Сыма И чилийский генерал Аугусто Пиночет (род. 1916), который в марте 1998 г. снял с себя полномочия главнокомандующего, получив статус пожизненного сенатора. Перед своими соратниками он всегда разыгрывал аполитичного вояку, лояльного и скромного службиста. Таким знал его и Сальвадор Альенде (1908—1973), старый социалист, в 1970 г. неожиданно ставший при поддержке разношерстного блока Народное Единство, куда входили коммунисты, социалисты, буржуазные радикалы и левые католики, президентом Чили. В августе 1973 г. Сальвадор Альенде сам назначил Пиночета главнокомандующим сухопутными войсками. Почти три года генерал выдавал себя за верного слугу избранного левого режима, демонстративно отклоняя всякие переговоры со всеми, кто метил в заговорщики. Когда в 1971 г. Фидель Кастро посетил с официальным визитом Чили, рядом с ним в почетном карауле мирно стоял будущий палач коммунистов. Альенде доверял своему генералу. «Он, похоже, считал его простаком» («Чили: заслуженный убийца». *Шпигель*. Гамбург, № 2, 1998, с. 121). Как с удовольствием замечает будущий диктатор в своих воспоминаниях, незадолго до переворота ему передали слова Альенде: «Этот Пиночет даже своей жены не обманет». Но затем не только президента, но и самих заговорщиков поразила хитрость Пиночета. Когда 11 сентября 1973 г. начался воздушный обстрел президентского дворца, Альенде в отчаянии искал поддержки у сухопутных войск и Пиночета, еще пару недель назад клявшегося ему в верности. Осознав, наконец, свою ошибку, Альенде застрелился в охваченном пламенем президентском дворце из пистолета, подаренного ему другом Фиделем Кастро. А мнимый простак Пиночет, став диктатором Чили, 17 лет удерживал кормило власти в своих руках.

Политика Чили в 70-е годы определялась не только изнутри. После того как Альенде национализировал международные предприятия и предприятия связи, США ответили «кредитным и торговым саботажем и планами ЦРУ по свержению [существующей власти]» (*Вельтвохе*. Цюрих, 17.09.1998, с. 21). Согласно британской газете *Гардиан*, Пиночету в ходе кровавого выступления против Альенде «помогало около 400 советников из США. Вашингтон опасался в ту пору, как бы Латинскую Америку не обуяла лихорадка коммунизма» (*Базельская газета*, 21.10.1998, с. 5). Поговаривают, что Генри Киссинджер участвовал в пино-четовском перевороте (*Новая цюрихская газета*, 27.11.1998, с. 3). «Генри Киссинджер утверждал: «Не понимаю, почему мы должны безучастно взирать на то, как страна из-за безответственности собственного народа загоняет себя в коммунизм» (*Цайт*. Гамбург, 26.10.1998, с. 6). Очевидно, Пиночет был лишь марионеткой в руках США (см.: «Pinochet, un comparse» («Пиночет, простой статист»: *Le Temps*. Женева, 28.10.1998, с. 6), выполнявшей за Вашингтон грязную работу и по поручению Вашингтона взявшей на себя роль презираемого всем миром диктатора, а затем экс-диктатора, тогда как истинные заправилы остались в тени и вне критики. Если это верно, то в своей оценке Пиночета как настоящего простака Альенде все же оказался прав.

27.6. Расстройство желудка у Киссинджера

В ходе своей двухнедельной «ознакомительной поездки» по Азии в начале лета 1971 г. советник президента США по безопасности Генри Киссинджер сказался в Пакистане большим расстройством желудка, исчезнув из поля зрения на три дня якобы для поправки здоровья. На самом деле он в это время тайком от всего мира посетил Пекин (9.11.1971), в результате чего удалось растопить лед в отношениях между США и Китаем. В своих воспоминаниях Генри Киссинджер подготовку тайного визита характеризует словами «газетная утка», «обман» и «отвлекающий маневр». Чжун Синчжи в своей книге *Обман: уловка в человеческой жизни* (Шаньси, 1992) хвалит Генри Киссинджера за его умелый обман при сокрытии своей поездки в Китай.

27.7. Вэй Цзиншэн поехал отдохнуть

Пожалуй, самый известный китайский диссидент Вэй Цзиншэн [род. 1950] в сентябре 1993 г. после долголетнего пребывания в тюрьме был условно освобожден. В одном пекинском ресторане вечером 1 марта 1994 г. у него состоялась встреча с прибывшим накануне в китайскую столицу Джоном Шаттуком (Shattuck), помощником госсекретаря по вопросам демократии, прав человека и труда при президенте Клинтоне. Шаттук подготавливал намеченный на апрель 1994 г. визит в Пекин госсекретаря Уоррена Кристофера. Тогда между Китаем и США были напряженные отношения. США намеревались продлить срок действия режима наибольшего благоприятствования по отношению к Китаю, рассчитывая взамен на уступки китайского правительства в области прав человека. Вэй Цзиншэн настоятельно просил Джона Шаттука усилить давление на китайские власти, сообщив ему имена нескольких политзаключенных. На следующий день была запланирована беседа Джона Шаттука с министром иностранных дел Цянь Цзиншэном [род. 1928]. То, что Шаттук встретился с Вэй Цзиншэном как раз накануне этой беседы, возмутило китайские власти. Вэй Цзиншэна арестовали, как значилось официально, за вступление в «переговоры». Китайские власти больше всего опасались во время посещения Китая Уорреном Кристофером его встречи с Вэй Цзиншэном, но при этом не хотели создать впечатление, что Китай запрещает госсекретарю побеседовать по его выбору с кем-то из китайских граждан. Это угрожало обострением и без того напряженных китайско-американских отношений и ослаблением экономических связей между обеими

странами.

«Как же вы выпутались из такого щекотливого положения?» — спросила Мари Хольцман (Holzman) у Вэй Цзиншэна в опубликованном на страницах французского журнала *Politique internationale* (Париж, № 79, 1998, с. 201 и след.) интервью. Тот ответил: «Я предложил стратегию, позволяющую не уронить своего достоинства! Нужно было просто сказать, что я устал и уехал отдохнуть в деревню. Представитель Цзян Цзэминя [главы КПК и государства], посетивший меня, не удержавшись, захлопал в ладоши. Мне пообещали освободить нескольких диссидентов (что и было сделано) и разрешить вернуться в Пекин после отъезда Кристофера из Китая».

Что произошло затем с Вэй Цзиншэном, описано в другом месте (см. с. 203). В этой связи уместно лишь заметить, что стратегическое решение возникающих затруднений вовсе не чуждо даже оппозиционерам вроде Вэй Цзиншэна и что в стратегической области он прекрасно поладил, пусть и на время, со своим злейшим врагом.

27.8. Слепой водитель и говорящий глухонемой

В 1934 г. Кларк Гейбл (1901 — 1960) снимался с актрисой Лореттой Янг [1913—2000]. Он обольстил ее, и они предавались любви каждую свободную минуту. Лоретта забеременела, однако не захотела из-за внебрачного ребенка ставить на кон свою карьеру в чопорной тогда Америке. Она была глубоко верующей католичкой, так что об аборте не могло быть и речи. И тогда она воспользовалась стратегией 27: киностудия объявила, что Лоретта занемогла и ей потребуется год на восстановление. Журналистов допустили к кровати больной, где та то и дело стонала, а лицо благодаря гриму имело крайне бледный вид. Через девять месяцев она в укромном месте родила дочь. И через пару недель было объявлено о выздоровлении Лоретты, которая в знак благодарности удочерила сироту (*Бильд*. Гамбург, 28.06.1993, с. 4). И в Библии встречается случай употребления стратегии 27 на любовном фронте: Амнон, сын Давида, с помощью притворной болезни заманил к себе свою сводную сестру Фамарь и овладел ею (2-я Царств, гл. 13).

Дипломатические болезни в политике и пресловутые увечья в спорте можно отнести к стратегии 27, как и отлынивание от работы с помощью бюллетеня. Даже китайская печать сообщала о получающих пенсию по причине неполноценного здоровья слепых водителей и говорящих глухонемых в Италии (*Гуанмин жибао*. Пекин, 20.08.1996, с. 3). Двое судей окружного суда Мангейма, вынесших политически спорное решение, с согласия Союза немецких судей были смещены по причине «длительного отсутствия на работе ввиду болезни» (*Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 17.08.1994, с. 1 ; *Зюддойче Цайтунг*. Мюнхен, 2.09.1994, с. 10). До мая 1945 приходилось вести борьбу за выживание, разыгрывая порой обмороки с горловым кровотечением, рассказывает поэт и эссеист Петер Рюмкорф [Rühm-korf, род. 1929], лауреат бюхнеровской премии 1993 года. Рюмкорф из-за витаминной недостаточности мог вызвать у себя кровотечение десен и тем самым прикинуться больным, что позволило получить следующее врачебное заключение: «постельный режим до окончания войны» (Беатрис фон Матт, «Поэт и прозаик». *Новая цюрихская газета*, 16—17.10.1993, с. 67). Памятка об уклонении от отправки на фронт с осени 1942 г. попадает к представителям вермахта по всей Европе. Там разъяснялось, как можно симулировать радикулит, желтуху, расстройство желудка, частичный паралич, расстройство памяти и туберкулез (Эллик Хоу [Howe, 1910—1991]. «Темная игра: британские диверсии против Германии в ходе Второй мировой войны» [*The Black Game: British Subversive Operations Against the Germans During the Second World War*], 1982], на нем. яз. Мюнхен, 1983, с. 246 и след.). Под предлогом перенесенной ранее болезни британский историк, культуролог и философ истории Арнольд Дж. Тойнби (1889—1975) во время Первой мировой войны избежал отправки в действующую армию (*Новая цюрихская газета*, 17—18.2.1990, с. 93). Благодаря выдуманной болезни австрийскому художнику Паулю Флора [Flora, род. 1922] удалось во Второй мировой войне избежать военной службы (*Новая цюрихская газета*, 10.01.1997, с. 48), и тот же трюк умудрился проделать американский певец Фрэнк Синат-ра (1915—1998), сославшись на свою «неуравновешенную психику» (*Базельская газета*, 10.12.1998, с. 16). Писательница Моника Марон (род. 1941 в Берлине) смогла однажды под предлогом диареи отложить на неделю возвращение из Цюриха в ГДР, где она жила писательским трудом (*Новая цюрихская газета*, 22.04.1996, с. 30). А кубинскому поэту Армандо Вальядаресу [Valladares, род. 1937], проведенному 22 года в кастровских застенках, для сношения с внешним миром пришлось изображать паралич, однако при выполнении гимнастических упражнений надзиратели присматривали за ним через глазок (*Новая цюрихская газета*, 22.04.1998).

Будучи больным, притворяться здоровым — подобная разновидность стратегии 27 тоже неоднократно встречается, например, среди политиков: «Болезни крупных политиков замалчиваются, умаляются, отрицаются» (*Бильд*. Гамбург, 20.01.1992). Вудро Вильсон (1856—1924) перенес по меньшей мере два сердечных приступа и был не в состоянии выполнять свои служебные обязанности. Однако его жена и врач скрывали состояние президента в последние годы его нахождения у власти так ловко, что он оставался на

своем посту до самой передачи власти преемнику 4 марта 1921 г. Под чужим именем в 1941 — 1945 гг. ложился в военно-морской госпиталь в Вифезде³⁶⁷, северном пригороде Вашингтона, Франклин Д. Рузвельт (1882 — 1945), в первую очередь из-за сердечной недостаточности. Джон Ф. Кеннеди (1917—1963) и его врачи скрывали, что он страдал адди-соновой болезнью и уже дважды мог умереть. Также скрывали от общественности смертельную болезнь Жоржа Помпиду (1911 — 1974) (*Вельтвохе*. Цюрих, 1.04.1993, с. 3), а позже раку Франсуа Миттерана (1916—1996).

27.9. Ранен в грудь, а хватается за ногу

В ходе военных столкновений после падения циньской династии (221—207 до н. э.) в 203 г. до н. э. у Гуанью ([название горы] на северо-востоке от нынешнего уездного города Инъян в провинции Хэнань) состоялось выяснение отношений между обоими претендентами на императорский престол — Сян Юем (232—202 до н. э.) и Лю Баном (256 или 247—195 до н. э.). «Чуская и ханьская армии долго стояли друг против друга, не прибегая к решающим действиям. Взрослые здоровые мужчины страдали от тягот военной жизни, а старые и юные надрывались на перевозках военного провианта. Поэтому Хань-ван и Сян Юй встретились на противоположных склонах горного ручья у Гуанью и начали разговор. Сян Юй хотел вызвать Хань-ва-на на поединок и сразиться с ним один на один; Хань-ван же, порицая Сян Юя, сказал: «... Будучи слугой правителя, вы убили своего господина; вы убили уже сдавшихся вам воинов; вы правили несправедливо, вероломно нарушили условие [определенное] правителем. Поднебесная этого простить не может. Это огромное предательство и безнравственность... Я во главе своих воинов, поднявшихся за справедливость, последовал за владетельными князьями, чтобы уничтожить жестоких разбойников; я пошлю осужденных на тяжелые наказания напасть и убить вас, Сян Юй. Для чего же мне мучиться и встречаться с вами в поединке!» Сян Юй пришел в ярость и выстрелил в него из припрятанного арбалета. Хань-ван был ранен в грудь, но, потрогав свою ногу, сказал: «Этот варвар попал мне в палец». Страдая от раны, Хань-ван слег, но Чжан Лян настойчиво просил его подняться, пройти [по лагерю] и ободрить войска, чтобы успокоить солдат и не дать армии Чу воспользоваться этим и взять верх над Хань. Хань-ван вышел [из палатки] и прошел по лагерю...» [«Ши цзи», гл. 8: *Сыма Цянь*. Исторические записки, т. 2. Пер. с кит. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 1975, с. 183—184].

После выздоровления Лю Бана прошел еще год, прежде чем Сян Юя настигла смерть, и Лю Бан смог праздновать победу (см. также 6.3, 7.6, 8.1, 12.1, 15.2, 15.11).

Отражение реакции Лю Бана на выстрел Сян Юя ему в грудь мы находим в следующих словах: «Кто дает понять, что в него попали, получает еще. Поэтому и стараются не показывать виду» (Грегор Гизи (Gysi), представитель от Партии демократического социализма в Бундестаге: *Zeitmagazin*. Гамбург, № 15, 8.04.1994, с. 15).

27.10. Притвориться мертвым и очутиться в отхожем месте

«Фань Суй был вэйцем, его второе имя Шу; путешествуя, он наставлял *чжухоу*. Он хотел служить вэйскому вану, но из-за бедности семьи не мог себя содержать и был вынужден сначала служить вэйскому *чжундафу*³⁶⁸ Сюй Цзя. [Однажды] Сюй Цзя был послан вэйским Чжао-ваном в Ци (на севере нынешней провинции Шаньдун), а Фань Суй сопровождал его. [Они] пробыли [там] несколько месяцев, но безрезультатно. Циский Сян-ван, прослышав об умении Фань Суя рассуждать, послал людей поднести Сюю 10 цзиней золота, а также говядину и вино. Суй поблагодарил за присланное, но не решился принять [дары]. Сюй Цзя, узнав об этом, сильно рассердился, решив, что Суй получил эти дары за секретные сведения о княжестве Вэй (охватывало север нынешней провинции Хэнань и южные области нынешней провинции Шаньси), выданные [правителю] Ци. [Он] приказал Сюю принять говядину и вино, но золото вернуть. Возвратившись [на родину, Цзя], разгневанный на Суя, рассказал об этом [случае] вэйскому *сяню*³⁶⁹, которым был один из княжичей по имени Вэй Ци. Вэй Ци сильно разгневался и велел своему секретарю наказать Суя палками. [В результате ему] сломали ребра и выбили зубы. Полумертвого от побоев, Суя посадили в бамбуковую корзину и бросили в отхожее место. Бинькэ, напившись допьяна, оправлялись на

³⁶⁷ Иначе Бетесда (англ. Bethesda) — северно-западный пригород Вашингтона, относящийся к штату Мэриленд. Назван по имени купальни Вифезда (арам., (бэйт ха-сда), *дом милосердия*) в Иерусалиме, где Иисус исцелил неходячего (Ин., 5:2—15). —Прим. пер.

³⁶⁸ Чжундафу — придворный советник, церемониймейстер.

³⁶⁹ Сян — высший сановник, первый советник государя.

Фань Суя, всячески обзывая и срамя его, в назидание всем служилым, чтобы они не смели болтать языком. Суй, лежа в корзине, обратился с мольбой к стражнику: «Если вы, господин, сможете вызволить меня, я непременно хорошо отблагодарю вас за это». Стражник попросил выпустить из корзины этого едва живого человека³⁷⁰. Еще пьяный Вэй Ци разрешил его освободить. Позднее Вэй Ци пожалел о случившемся и намеревался вновь призвать Фань Суя, но к этому времени один взец — Чжэн Ань-пин, узнав все обстоятельства, помог Фань Сую скрыться, и тот затаился, сменив фамилию и имя на Чжан Лу. В то время циньский Чжао-ван послал Ван Цзи, чиновника по особым поручениям, в Вэй. Чжэн Ань-пин, прикинувшись мелким слугой, встретился с Ван Цзи. Тот спросил: «Есть ли в Вэй мудрецы, с которыми можно было бы совершить поездку на запад?» Чжэн Ань-пин ответил: «В моем селении есть господин Чжан Лу, он бы хотел увидеться с вами и потолковать о делах Поднебесной, [но] у него есть враги, и он не осмелится прийти днем». Ван Цзи сказал: «Приходите с ним ночью». Чжэн Ань-пин вместе с Чжан Лу пришел ночью на встречу с Ван Цзи. Их беседа еще не завершилась, как Ван Цзи понял, что Фань Суй действительно мудр, и сказал ему: «Вы, учитель, ждите меня к югу от холма Саньтин». [Там они] тайно встретились и отправились [в Цинь]» [«Ши цзи», гл. 79: *Сьма Цянь*. Исторические записки. М., 1996, т. 7, с. 216—217].

27.11. Доискиваться правды посредством мнимой смерти

В мольеровской комедии *Мнимый больной*, премьера которой состоялась 10 февраля 1673 г. в Париже, Белина, вторая жена мнимого больного Аргана, изображая любовь к супругу, ждет его смерти. Аргану хотелось бы заставить свою дочь Анжелику, влюбленную в Клеанта, выйти замуж за врача, который бы постоянно о нем заботился. Арган будто ослеп. Он не замечает ни мнимости своей болезни, ни притворства Белины. По совету служанки Туанеты, выступившей в обличье врача, Арган прикинулся мертвым, вначале перед своей женой Белиной, а затем и перед дочерью Анжеликой. Белина не скрывает своей радости, тогда как Анжелика горько оплакивает отца. Растроганный Арган благословляет влюбленных.

В данном случае стратагема 27 выступает в качестве информационной стратагеми. Арган благодаря стратагеме узнает истинные чувства своей жены и дочери и на основе добытых сведений извлекает сообразующиеся с действительностью выводы. Однако в шекспировской исторической хронике *Генрих IV* речь идет уже не о добывании сведений, а о спасении жизни, когда в бою [с Арчибалдом, графом Дугласом (1369—1424), главнокомандующим шотландской армией, присоединившейся к мятежникам] Фальстаф падает, притворившись мертвым [«Генрих IV», часть первая, действие 5, явление 4].

27.12. Лежащая на земле каска

«Вражеский снайпер мешал Гончарову³⁷¹ вести наблюдение и стрельбу. Когда же обоюдное, не дающее никакого толку слежение изрядно надоело, Гончаров прибег к хитрости. Он положил каску на бруствер, и тотчас раздался выстрел фашистского снайпера. Гончаров поднял руки и вместе с каской рухнул на землю. Это случилось рано утром. До самого вечера Гончаров не давал о себе знать. Вражеский снайпер частенько через бинокль поглядывал туда, где окопался русский боец, желая убедиться, действительно ли там все тихо. Но советский снайпер не шевелился, и лишь когда противник потерял бдительность, принявшись выискивать другую цель, Гончаров улучил подходящий момент и с первого выстрела уложил врага. Победили хитрость и выдержка» (книга изд-ва Министерства национальной обороны ГДР «Военная хитрость и находчивость» («Kriegslist und Findigkeit»). ГДР, 1956, с. 35).

27.13. Хитростью завоевываемые человеческие права

На 24-дневном фестивале, состоявшемся в начале 1991 г. в Пекине по случаю празднования 200-летия пекинской оперы, была показана опера «Небесный меч» [«Юйчжоу фэн»]. Небесный меч выкрадывают у владельца и подкладывают в опочивальню императора [Эр-ши Хуан-ди (231—207, правил с 209)]. Затем владельца меча обвиняют в покушении на государя. Но на передний план в опере выходит другое, связанное со стратагемой действие. Поэтому в англоязычной специальной литературе эта опера называется не *Небесный меч*, а *Красавица бросает вызов тирании* («Beauty defies Tyranny»).

³⁷⁰ В пересказе Зенгера стражник просит унести и выбросить труп Фань Суя. — *Прим. пер.*

³⁷¹ Рабочий сталинградского завода «Красный Октябрь» Петр Алексеевич Гончаров, вступивший 29 августа 1942 г. в ряды народного ополчения и ставший знаменитым снайпером. Он уничтожил 445 фашистов, за что был удостоен в 1944 г. звания Героя Советского Союза. — *Прим. пер.*

Действие пьесы разворачивается в 208 г. до н. э. Злодей император хочет с согласия отца, но вопреки ее воле заполучить в жены [Чжао Яньжун] дочь одного сановника [по имени Чжао Гао]. Отчаявшись, девушка изображает сумасшествие.

В седьмом действии пьесы Яньжун разыгрывает перед отцом умопомешательство.

Она бросается на землю и кричит: «Я хочу на небо, я хочу на небо!»

Отец отвечает: «Небо слишком высоко, тебе туда не добраться».

Тогда она кричит: «Я хочу в землю, я хочу в землю!»

«Земля слишком толстая, и там нет ворот».

Она кричит: «Ты мой...»

«Батюшка», — перебивает ее отец...

«Сын», — выдавливает та.

«Что за вздор!» — возмущается отец.

В восьмом действии пьесы дочь размышляет о том, как вести себя дальше. Венценосный жених желает ее видеть. Играя безумную, она пеняет тому за все его греховные деяния. Разгневанный император уходит, решив не брать ее в жены.

Разыгрываемые на сцене события показывают, как, не имея защищавших личность правовых норм, китайцы и китаянки привлекали стратагемы для отстаивания вечных и не знающих границ человеческих прав — в данном случае право на заключение брака только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон («Всеобщая декларация прав человека», ст. 10.2), даже когда все это происходит лишь на подмостках под бурные аплодисменты зрителей (см. также 26.11).

Содержание пекинской оперы *Небесный меч* — чистая выдумка. Имевший место случай притворного безумства использован в современной опере жанра банцзы³⁷² хэбэйского театра. Банцзы — традиционный китайский ударный инструмент из двух деревянных колотушек разной длины. Представленная тяньцзиньской труппой на празднике весны 1994 г. в Пекине опера называлась «Юань Кай прикидывается сумасшедшим» [«Юань Кай чжуан фэн»]. В ней шла речь о ревизоре Юань Кае, который, попав в немилость при дворе первого императора минской династии Тай-цзу (правил 1368—1398), разыграл сумасшествие и тем самым спас себе жизнь.

О притворном безумии современная китайская пресса пишет и в положительном и в отрицательном смысле. С одной стороны, речь идет о высокопоставленном приверженце «банды четырех», которому благодаря разыгранному помешательству удалось выйти сухим из воды в ходе развернувшейся против этой четверки кампании (*Жэньминь жибао*. Пекин, 8.09.1979, с. 3), и о преступнике, который, притворяясь сумасшедшим, десять лет умудрялся избежать наказания (*Рабочая газета [Гунжэнь жибао]*. Пекин, 26.04.1998, с. 1), а с другой — о солдате Чжан Дайдуне, не захотевшем участвовать в нечистоплотных делах своей роты, прикинувшись для этого дурачком (*Китайская молодежь [Чжунго циньянь бао]*. Пекин, 11.06.1988, с. 3), и о коммунисте-подпольщике Хань Цзыдуне, в 1943 г. притворившемся сумасшедшим в сооруженном США и гоминьдановцами концлагере в Чунцине (провинция Сычуань), что позволило ему незаметно вести там работу в интересах Коммунистической партии Китая (ежемесячный журнал *Истории в картинках [Ляньхуань хуабао]*. Пекин, № 10, 1985, с. 2 и след.).

Мнимое безумие издавна использовалось в Китае в целях самозащиты. При дворе сына неба Чжоу (см. введение к стратагеме 25), последнего правителя династии Инь (1174—1112 до н. э.), жил Ци-цзы. «Чжоу[-синь] распутствовал и безобразничал, не зная удержу. Вэй-цзы (старший брат или родной дядя Чжоу-синя

³⁷² Банцзы — одна из форм традиционного музыкально-драматического театра в Китае. Получила название от банцзы — рода кастаньет, являющихся одним из основных инструментов оркестра, сопровождающего эти представления. Другое наименование банцзы, бытующее главным образом в Северном Китае, — *цинцянь* (цинские напевы), от древнего названия Северо-Западного Китая — Цинь. Банцзы делится на ряд местных разновидностей (по названиям провинций): шэньсий-ские, шаньсийские, хэбэйские, хэнаньские. — *Прим. пер.*

по отцу) много раз увещевал [его], но [Чжоу] не слушал, тогда он сговорился с *тайши* и *шаоши*³⁷³ покинуть Инь. Би-гань (брат или родной дядя Чжоу-синя по отцу) сказал: «Тот, кто является слугой правителя, должен [бороться], не боясь смерти», и стал настойчиво увещевать Чжоу. Разгневавшись, Чжоу[-синь] сказал: «Я слышал, что сердце мудреца имеет семь отверстий». [Он] разрезал [грудь] Би-ганя, чтобы посмотреть его сердце. Ци-цзы напугался, прикинулся сумасшедшим и стал изображать раба, но Чжоу все же посадил его [в тюрьму]. Тогда иньские *тайши* и *шаоши*, захватив с собой музыкальные инструменты, [употребляемые при] жертвоприношениях, бежали в Чжоу. Вот тогда чжоуский У-ван встал во главе князей, чтобы покарать Чжоу[-синя]. Чжоу[-синь] также двинул войска, чтобы дать отпор У-вану... Армия Чжоу[-синя] была разбита. Чжоу бежал и, вступив [в столицу], поднялся на террасу Лутай, оделся в украшенные драгоценной яшмой одежды, бросился в огонь и погиб. Чжоуский У-ван после этого отрубил голову Чжоу[-синю] и подвесил ее к [большому] белому знамени; убил [его наложницу] Да-ци; освободил из заключения Ци-цзы; насыпал холм над могилой Би-ганя...» [«Ши цзи», глава 3: *Сыма Цянь*. Исторические записки, т. 1. Пер. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 2001, с. 177—178]. Увековечен был Ци-цзы в *Книге перемен* [«И цзин», 36-я гексаграмма «Поражение света» («Мин и»)], где говорится: «Слабая черта на пятом [месте]. Поражение света Ци-цзы. Благоприятна стойкость» [Пер. Ю. Шуцкого].

27.14. Слюна на бороде Давида

«И встал Давид, и убежал в тот же день от Саула, и пришел к Анхусу, царю Гефскому. И сказали Анхусу слуги его: не это ли Давид, царь той страны? не ему ли пели в хороводах и говорили: «Саул поразил тысячи, а Давид — десятки тысяч»? Давид положил слова эти в сердце своем и сильно боялся Анхуса, царя Гефского. И изменил лице свое пред ними, и притворился безумным в их глазах, и чертил на дверях, и пускал слюну по бороде своей. И сказал Анхус рабам своим: видите, он человек сумасшедший; для чего вы привели его ко мне? разве мало у меня сумасшедших, что вы привели его, чтобы он юродствовал предо мною? неужели он войдет в дом мой?» (1 Царств 21:10—15).

Как показывает история с Давидом, не только в Китае люди тоже истари изображали сумасшествие. Особенно известен Одиссей, который, понуждаемый к участию в войне с Троей, прикинулся безумцем, поскольку оракул предсказал, что вернется он домой только через двадцать лет. Паламед посредством информационной страгаемы 13 разоблачил его³⁷⁴. Искусно изображает сумасшествие Гамлет у Шекспира. Среди исторических личностей французский король Людовик XIII (1601 — 1643), утвердивший французский абсолютизм, господство Франции в Европе и отец Короля-Солнца, говорил, якобы в юности при регентстве своей матушки ради сохранения жизни ему приходилось притворяться тупицей.

Мальком Икс (Malcom X, 1925 — 1965), активный участник «Нации ислама», организации антисемитского толка, избежал участия во Второй мировой войне, а потом и в войне в Корее, удачно разыгрывая параноика. Когда красные кхмеры в 1975 г. заняли Пномпень, столицу Камбоджи, начались расстрелы интеллигенции. Врач-гинеколог Хэнг Нгор (Haing Ngor, 1925 — 1996) притворился умственно отсталым таксистом. Тем самым ему удалось выжить. В 1979 г. он через Таиланд бежал в США. За роль второго плана в голливудском фильме *Поля смерти* он в 1984 г. получил Оскара.

³⁷³ Согласно классификации *Чжоу ли*, *тайши* и *сяоши* (вероятно, сходно с *шаоши*) руководили музыкой при жертвоприношениях (*Сыма Цянь*. Исторические записки, т. 1. Пер. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 2001, с. 298). — *Прим. пер.*

³⁷⁴ «Но Одиссей не хотел принимать участия в походе и притворился безумным. Тогда Паламед, сын Навнлия, изблечил его в притворстве: он последовал за Одиссеем, притворившимся безумным, и, оторвав Телемаха от груди Пенелопы, стал вытаскивать меч, будто бы с целью его убить. Боясь за своего сына, Одиссей признался, что безумие его было притворным, и принял участие в походе» (Аполлодор. «Мифологическая библиотека», Эпитома III.7. Пер. с др.-гр. В. Бороховича. М.-Л.: Наука, 1972, серия «Литературные памятники»). По рассказам других мифо-графов, в частности Гигина, когда Паламед прибыл в Итаку за Одиссеем, последний прикинулся сумасшедшим: его нашли пашущим поле и сеющим соль. Чтобы испытать, действительно ли Одиссей безумен, Паламед велел положить под плуг сына его Телемаха; увидев сына в опасности, Одиссей бросил плуг в сторону и тем выдал себя. За это в дальнейшем Одиссей отомстил Паламеду, оклеветав его, вследствие чего Паламед поплатился жизнью (Гигин. «Мифы». Пер. с лат. Д. Торшилова. СПб: Алетей, 2000, с. 115—116). См. также *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. Пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992, с. 476. Софокл даже написал не сохранившуюся до наших дней трагедию «Безумный Одиссей». — *Прим. пер.*

27.15. Канцлер под видом возникшего

«Фань Суй служил сяном в Цинь, где его звали Чжан Лу, но в Вэй [об этом] не знали, считая, что Фань Суй уже давно умер. Вэйский правитель, узнав, что циньцы намереваются пойти на восток и напасть на Хань и Вэй, послал Сюй Цзя в Цинь. Узнав об этом, Фань Суй, одевшись похуже, скрытно отправился в резиденцию посла, чтобы встретиться с Сюй Цзя. Тот, увидев Фань Суя, удивленно спросил: «С вами, дядюшка Фань, наверное, не все благополучно?» Фань Суй ответил: «Это верно». Сюй Цзя, улыбаясь, спросил: «Вы, дядюшка Фань, имеете влияние на циньского вана?» Тот ответил: «Нет, ведь в прошлом я, Суй, провинился перед вэйским *сяном* и поэтому бежал сюда — как могу осмелиться поучать вана». Сюй Цзя спросил: «А чем же вы, дядюшка, занимаетесь?» Фань Суй ответил: «Я прислуживаю людям». Сюй Цзя отнесся к Фань Сую с сочувствием, посадил рядом с собой откушать и выпить вина, спросил: «Как же ты, дядюшка Фань, дошел до такого бедственного положения?» И взяв атласный халат, он преподнес его Фань Сую, а затем вновь спросил: «Циньским *сяном* является господин Чжан, знаешь ли ты его? Я слышал, что ван ему очень доверяет и что все дела в Поднебесной решаются *сяном*. Решение моего дела [и, следовательно], уезжать мне или задержаться, зависит от Чжана. Нет ли у тебя друга, который вхож к господину *сяну*?» Фань Суй ответил: «Мой хозяин хорошо знает его, и я попробую ему доложить и попросить, чтобы он представил вас господину Чжану». Сюй Цзя продолжал: «[Но] у меня заболел конь, и [к тому же] сломалась ось у повозки. А без большого экипажа и четверки лошадей мне нельзя выезжать». Фань Суй сказал: «Я постараюсь попросить у своего хозяина для вас большой экипаж и четверку лошадей». Вернувшись к себе, Фань Суй взял большой экипаж с четверкой лошадей и [сам] повел его к Сюй Цзя. Когда они въехали в подворье *сяна*, находившиеся там люди, издали узнавшие советника, поспешили скрыться. Сюй Цзя этому удивился. Когда они подъехали ко входу во дворец *сяна*, тот сказал Сюй Цзя: «Обождите меня, я прежде войду, чтобы доложить господину *сяну*». Сюй Цзя стал ожидать его у ворот, прождал в экипаже очень долго и потом спросил у привратника: «Дядюшка Фань все не выходит, в чем дело?» Привратник ответил: «Здесь нет никакого дядюшки Фаня». Сюй Цзя сказал: «Это же мой земляк, который привез меня и вошел [в дом]». Привратник ответил: «Это же и есть наш первый советник господин Чжан». Сюй Цзя был ошеломлен и испуган, он понял, что был разыгран Фань Суем. Тогда, обнажив [в знак покорности] плечо, он вслед за привратником вполз на коленях в зал, чтобы повиниться. В это время Фань Суй сидел за занавесями, вокруг него суеилось множество людей, [но он] принял Сюй Цзя. Сюй Цзя склонил голову и повинился в своей грубой оплошности, сказав: «Я, Цзя, не мог и предполагать, что вы, господин, можете занять столь высокий пост. Я не посмею больше читать каноны Поднебесной, мне явно не под силу заниматься далее делами Поднебесной. Я совершил преступление, за которое бросают в котел с кипящей водой. Я прошу сослать меня туда, где живут северные варварские племена ху и мо, моя жизнь и смерть в ваших руках». Тогда Фань Суй спросил: «А сколько у вас провинностей и преступлений?» Цзя ответил: «Если даже вы выдернете все волосы на моей голове, их будет меньше, чем моих преступлений перед вами». Фань Суй сказал: «Ваших прегрешений три. В прошлом, во времена чуского Чжао-вана, Шэнь Бао-суй (?), сражаясь за царство Чу, отбросил уские войска. Чуский ван пожаловал ему 5 тысяч семей в цзинских землях, [но] Бао-суй отказался от пожалования, так как в Цзин располагались могилы его предков. Могилы моих предков находятся в Вэй, вы же сочли, что мое, Суя, сердце принадлежит княжеству Ци, и опозорили меня перед Вэй Ци. Это ваше первое прегрешение. Когда Вэй Ци, опозорив меня, бросил в отхожее место, то вы не остановили его. Это ваше второе прегрешение. И наконец, как могли вы допустить, чтобы пьяные опраивались на меня? Это ваше третье прегрешение. Но вы останетесь в живых, потому что поднесли мне халат из атласа и тем выразили свою симпатию ко мне. Поэтому отпускаю вас». Он простил Цзя и на этом кончил дело. Войдя к Чжао-вану, он [все] доложил ему, и тот разрешил Сюй Цзя вернуться» [«Ши цзи», гл. 79: *Сыма Цянь. Исторические записки*, т. 7. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Восточная литература РАН, 1996, с. 226-227].

В этом сообщаемом Сыма Цянем на страницах *Исторических записок* случае Фань Суй прибегает к стратагеме 27, чтобы вначале испытать Сюй Цзя, а затем известием о своем истинном положении при дворе вызвать у него смятение. Само описание исторически достоверной и стратагемно замысленной повторной встречи Фань Суя и Сюй Цзя своим сюжетом напоминает пьесу. Не удивительно, что это привлекало драматургов и сама примечательная двойная встреча оказалась запечатлена в пекинской опере «Дарование атласного халата» [«Цзэн типао»].

27.16. Смиранный гость

Однажды в начале XX в. иностранцы в Китае устроили театральное представление. Среди гостей находился один-единственный китаец. Поначалу иностранцы внимательно следили за происходящим на сцене, но затем постепенно все их внимание приковал к себе единственный в зале китаец. Жалкий вид худого как щепка, изможденного старика крайне забавлял их.

Поначалу они тихо шушукались между собой, а вскоре, уже не обращая никакого внимания на сцену,

сосредоточились на китайце, которого стали громко обсуждать. Они посчитали, что могут отпустить любые замечания, поскольку этому старикашке невдомек, о чем они судачат. К тому же его вид был таким, что ни одна из хлестких оценок не казалась им чрезмерной или неприличной. Сам виновник растянулся во всю длину на своем сиденье и выглядел безжизненным, словно душа уже давно рассталась с его телом, позволяя окружающим судачить о себе.

Когда же иностранцы и вовсе разошлись, уже не задумываясь о том, что говорили, китаец вдруг поднялся с места и отправился на сцену. Как только он ступил туда, от его жалкого вида не осталось и следа, а из его уст посыпался град английских слов, резко бичевавших издевки и насмешки, которые отпустили по его поводу сидевшие в зале иностранцы. Затем с расстановкой он произнес: «Послушайте: мы находимся с вами на китайской земле. Вы всего лишь наши гости, однако решили занять место хозяина [стратагема 30] и ведете себя по отношению к хозяевам крайне непочтительно. Если бы мы, китайцы, прибыли к вам как гости, то не вели бы себя столь неуважительно. Я нахожу, что нынешнее происшествие служит еще одним доказательством того, что наше древняя восточная культура и духовная цивилизация далеко, ах как далеко превосходит вашу западную». Затем китаец добавил еще несколько замечаний по-немецки и по-французски, после чего с гордо поднятой головой удалился.

У иностранцев же глаза на лоб полезли от удивления. Лишь теперь до них дошло, что неприметным зрителем оказался знаменитый в ту пору Гу Хунмин (1856—1928). Родившись на Пинанге [кит. Биньланьюй], острове у побережья Малакки (ныне Малайзии) [в одноименном городе (кит. Биньчэн)], он учился в Германии, Франции и Англии. В Эдинбургском университете он в 1877 г. получил ученую степень магистра гуманитарных наук. Он овладел несколькими европейскими языками. После своего возвращения из Европы он долгие годы был личным секретарем и доверенным лицом Чжан Чжидуна (1837—1909), в бытность того губернатором в Кантоне и Учане. После революции 1911 г. он, приверженец Конфуция и противник новой культуры, преподавал в Пекинском университете. На немецком языке, среди прочих творений, были изданы его заметки «История китайского [по образцу] оксфордского движения» («Story of a Chinese Oxford Movement», 1911), переведенные Р. Вильгельмом на немецкий язык под названием «Защита Китая от европейских идей» («Chinas Verteidigung gegen westliche Ideen». Йена, 1911).

Данный случай, взятый из изданной в 1996 г. в Хайнане его биографии, был перепечатан в июньском номере за 1998 г. пекинского ежемесячника *Жэнью* («Персоны») под названием «Гу Хунмин, великий мудрец, прикинувшийся глупцом». Возможно, распространение подобных историй связано с усилившейся в КНР с 1996 г. со стороны государства пропагандой патриотизма, кампанией, заметим попутно, со стратагемным подходом (см. Мария Ся Чжан (Hsia Chang). «Китайский ирредентистский национализм: последний трюк фокусника» («Chinese Irredentist Nationalism: The Magicians Last Trick»: *Comparative Strategy*. Вашингтон, округ Колумбия, т. 17, № 1, 1998, с. 83 и след.).

Гу Хунмин поначалу прикидывается глупым и рассеянным, чтобы затем преподавать неучтивым чужеземцам запоминающийся урок. Его образ действий отмечен не только духом стратагемы 27, но в нем присутствует и стратагема 30, о которой он упоминает в своей гневной отповеди.

Схожие примеры использования стратагемы можно отыскать и на Западе: «Только ему удавалось наигранным простодушием разоблачать своих противников». За такой образ действий Пьер Б. Дюкре, бывший ректор Лозаннского университета, в своей надгробной речи назвал швейцарского историка и публициста Жана-Рудольфа фон Салиса «хитрецом» («Всегда старался оставаться человеком»: Прощание с Жаном-Рудольфом фон Салисом [1901 — 1996] в Брунеге³⁷⁵). *Tages-Angezeiger*. Цюрих, 18.07.1996, с. 9). Литературный критик Марсель Райх-Ра-ницкий (род. 1920) восхищается своей постоянной готовностью «выглядеть посмешищем, чтобы затем с позиции здравого смысла все внезапно расставить по своим местам», или прикинуться простаком и неожиданно сбить других, в том числе читателей, с толку («Властелин книг». *Шпигель*. Гамбург, № 40, 1993, с. 272, 279). И возвращаясь к Китаю: «Я не понимаю, что вы имеете в виду». Так при посещении Швейцарии китайский вице-премьер Чжу Жунцзи [род. 1928] ответил на вопрос, почему Китаю все еще нужно арестовывать диссидентов, и добавил, «удивляясь вопросу, поскольку в Китае существует свобода слова»: «Я действительно не понимаю, что вы имеете в виду» («Чжу Жунцзи дает радужную картину Китая». *Новая цюрихская газета*, 26.01.1995, с. 13).

27.17. Битва при Аустерлице

Подготовка к битве при Аустерлице «явилась прежде всего творением весьма сильного шахматного игрока», пишет Роже Грожан (Grosjean), имея в виду Наполеона, в своей книге *Аустерлиц, 2 декабря 1805 (Austerlitz,*

³⁷⁵ Брунегг (Brunegg) — местечко в округе Ленцбург, кантон Ааргау, Швейцария. — Прим. пер.

2 décembre 1805). Париж, 1960, с. 140). В решающий момент Наполеону нужно было побудить противника к сражению, «выказывая одновременно безрассудство и трусость», утверждает Роже Грожан, добавляя: «Высочайшее искусство крупного тактика заключается в превращении целых стран в арену для своих трюков» (*там же*; см. также Кристофер Даффи (Duffy). *Аустерлиц — 1805*. Лондон, 1977, с. 76 и след.).

Неудивительно, что Ли Бинъянь в своей книге о стратагемах приводит битву при Аустерлице как блестящий пример применения стратагема 27. В ходе войны третьей коалиции, особенно Австрии и России, против Наполеона тот после взятия Вены преследовал русскую армию до Ольмюца. Русский царь Александр I (1777 - 1825), «юный самодержец, лишенный всякого опыта, устал от постоянного уклонения своего генерала Кутузова от встречи с Наполеоном. Славные традиции русского воинства... убеждали Александра и его окружение в неминуемой победе. Они хотели решить исход войны одним разом...» (Вальтер Штокласка (Stocklaska). *Битва при Аустерлице* («Schlacht von Austerlitz»). Брюнн, 1905, с. 11). Кутузов, напротив, считал, что генеральное сражение угрожало русской армии полным уничтожением. Ей следовало отступить, выжидая, пока Пруссия, наконец, не вступит в войну против Франции.

Наполеон знал о противоположных мнениях в руководстве русской армии. Он опасался, как бы Кутузов не настоял на своем. В этом случае Наполеон опасался упустить благоприятный случай добиться быстрой победы и оказаться втянутым в затяжную войну. Поэтому он неожиданно, как следует из описания Ли Бинъяня, приказывает ослабить натиск на русскую армию и начинает прощупывать почву относительно заключения мира.

«Подобно шахматному игроку, — пишет Ли Бинъянь, — Наполеон притворился, что растерян, ни на что не способен и более всего опасается сражения. Все это утвердило царя Александра I в мнении, что настал благоприятный миг разбить французское войско. Столь заносчивый император, как Наполеон, полагал Александр I, лишь тогда просит о мире, когда у него действительно нет выхода. Поэтому Александр I, исходя из своей неверной оценки, пренебрег предупреждениями Кутузова и повел армию в бой против французов. И тут он наткнулся на припрятанный нож, потерпев сокрушительное поражение».

27.18. Богобоязненный полководец

В 1053 г., получив от императора приказ усмирить варварские племена на южных рубежах империи, Ди Цин (1008— 1057; см. 8.4, 11.3) двинулся в поход против Нун Чжигао (1025 — около 1055), племенного вождя чжуанов. Он создал собственное государство и в 1052 г. стал захватывать сунские владения. «Жители Юга в те времена были очень суеверны и не предпринимали ни одного дела без молебна богам. [Подойдя к Гуйлинь (в нынешнем Гуанси-Чжуанском автономном районе)], чтобы поднять дух своих воинов, Ди Усян тоже устроил молебен и обратился к ним с такой молитвой: «Я не знаю, одержу ли я победу или потерплю поражение. Вот сотня монет. Я подброшу их в воздух, и если судьба милостива к нам, они все упадут лицевой стороной вверх». Приближенные Ди Усяна бросились его отговаривать от этой затеи: «Вы не должны так рисковать! — говорили они. — Ведь на кон поставлен боевой дух всего войска».

Однако Ди Усян, не обращая внимания на эти уговоры, подбросил монетки, и... они все упали лицевой стороной кверху! Все войско издало громкий крик радости, эхом прокатившийся по долине. Ди Усян велел прибить каждую монетку гвоздиком и накрыть монеты шелковой вуалью. «Когда мы вернемся с победой, — сказал он, — я поднесу эти монеты в дар богам».

Засим Ди Усян повел своих воинов на юг и одержал блистательную победу над мятежными племенами. Вернувшись в свой лагерь, он велел собрать монеты, и тогда все увидели, что у них обе стороны были лицевые!» [«Тридцать шесть стратагем: китайские секреты успеха». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000, с. 144-145].

27.19. Немой садовник в обители монахинь

Мазетто прикидывается немой, чтобы поступить садовником в обитель монахинь. Черницы, полагая, что немой садовник их не выдаст, сходятся с ним от послушниц до настоятельницы. Но это оказывается непосильным бременем даже для Мазетто. И когда настоятельница хочет затащить того к себе в Постель, он вдруг заговаривает, жалуясь на ненасытность монахинь. Тогда «она решила уладиться со своими монахинями относительно этих дел, дабы монастырь не был опозорен Мазетто. Так как в ту пору умер их управляющий, они, открывшись друг другу в том, что все они перед тем совершали, с общего согласия и с согласия Мазетто устроили так, что соседи поверили, будто ихними молитвами и по милости святого, которому посвящен был монастырь, возвращена была речь долго немотствовавшему Мазетто, которого они сделали своим управляющим и так распределили его работу, что он мог ее переносить» [Бок-каччо. «Декамерон», день третий, новелла первая, «Мазетто из Лампореккио, прикинувшись немой, поступает

садовником в обитель монахинь, которые все соревнуют сойтись с ним». Пер. с ит. Н. Любимова].

27.20. Петр отрекается от Иисуса

«А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец. Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и, хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм божий и в три дня создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: [что же] ничего не отвечаешь? Что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти. Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя? Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько» (Мф 26: 59—75).

Те на Западе, кто привык порой привирать, ссылаются на использование Петром стратагемы 27. Так, баварский политик Франц Йозеф Штраус (1915—1988) говаривал: «Святой Петр три раза солгал и все же стал первосвященником» (*Шпигель*. Гамбург, № 20, 1999, с. 163).

27.21. Дипломатическое неведение по поводу Катюни

Британская разведка еще во время Второй мировой войны узнала, что Сталин после оккупации Восточной Польши Советским Союзом уничтожил в Катюни 15 тысяч польских офицеров. Ныне обнародованные британские документы показывают, что эти сведения тем не менее скрывались. Согласно бумагам отдел британской разведки по особым операциям считал, что обнаружение катюньских захоронений в 1943 г. следует представить как пропагандистский ход немцев. В противном случае мог быть подорван союз с СССР и создаться впечатление, «что мы объединились со страной, совершающей преступления подобно немцам». Москва лишь в 1990 г. призналась, что советские карательные органы расстреляли поляков (см. *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 13.06.1995, с. 8).

27.22. Философия для несовершеннолетних

По мнению ратовавшего за тайное регентство философов немецкого мыслителя Лео Штрауса (1899—1973), задачей философии является постижение природы. Но это постижение сулит нынче простым смертным, которые ему видятся несовершеннолетними, «величайшие страдания». «Он отыскивает вовсе не нравственные императивы, а факты, безжалостные, будоражащие наблюдения в отношении *condition humana*: «экзотерическая [предназначенная широким массам] литература исходит из того, что существуют основополагающие истины, которые открыто не выскажет ни один порядочный человек, поскольку они причинят страдания многим людям, которые затем со своей стороны, разумеется, причинят страдания тем, кто ранил их своей неприятной истиной». Политическая философия — своего рода стратегия притворства» (Зоран Андрич (Andric). «Величайшие страдания при постижении природы». *Зюддойче Цайтунг*, *Еженедельное литературное приложение*. Мюнхен, 16—17.11.1996).

В философских сочинениях, «создаваемых в условиях цензуры и под угрозой преследований» (Генрих Майер (Meier). *Ход мысли у Лео Штрауса: История философии и устремление философа* («Die Denkbewegung von Leo Strauss: Die Geschichte der Philosophie und die Intention des Philosophen»). Штутгарт, 1996, с. 32), уместно или даже необходимо «двуликое, экзотерически-эзотерическое» представление учения. Но для Лео Штрауса, похоже, дело не только в обмане цензуры. Так, он убежден, что для благополучия общества необходима религия; но если объяснять массам, что религия всего лишь необходимая выдумка, это свело бы на нет всякое благотворное действие религии. Поэтому о подобного рода «опасных истинах» философу не следует распространяться и в своих экзотерических сочинениях, а если делать это, то скрытым образом, чтобы лишь посвященный читатель, способный эзотерически истолковать экзотерический текст,

мог приобщиться к содержащимся в тексте тайным, по-настоящему истинным знаниям. «Экзотерически-эзотерическая двойственность — это попытка... защитить нефилософов от философии» (Генрих Майер, *указ. соч.*, с. 32).

В таком понимании философии несомненно угадываются следы стратагемы 27: философ представляется широкой публике глупцом, льстит ей и скрывает «в роковых обстоятельствах существо мыслей» (Джорджес Тамер (Tamer). «Религия как орудие: второй том *Полного собрания сочинений* Лео Штрауса». *Новая цюрихская газета*, 10—11.01.1998, с. 68), чтобы своими истинными взглядами делиться с себе равными.

27.23. «Черные» писатели под красным стягом

Картина Китая времен культурной революции (1966—1976): «В разгар лета, когда нещадно палило солнце, на состоявшемся под открытым небом собрании бичевали некоторых старых писателей. Они чувствовали себя как муравьи на раскаленной сковородке [«жэ го шан ма-и»]. Жара становилась невыносимой. Тут председатель собрания, заваривший бучу, рявкнул: «Черные [черными тогда окрестили классовых врагов] должны покинуть собрание!» Покидая площадь, старые писатели слышали несущиеся в их сторону оскорбления председателя: «У вас вообще нет никакого права стоять под красным солнцем, убирайтесь в темный закоулок!» Все писатели направились в тень раскидистого дерева. Лишь потом до них дошло, что темный закоулок имеет и иной смысл».

Эту помещенную в собрании шуток времен «культурной революции» историю под названием «Темный закоулок» можно истолковывать в прямом смысле, без стратагемного подтекста. Тогда красное солнце служило олицетворением Китайской Коммунистической партии, социализма и не в последнюю очередь самого Мао Цзэдуна. Возможно, председатель собрания на самом деле был фанатиком, для которого непозволительно было видеть под подобным образом толкуемым солнцем распекаемых писателей. Но в последних словах поведенной истории можно углядеть и стратагему. «Заварившему бучу» стало жалко распекаемых писателей. Однако проснувшуюся в нем человечность следовало скрыть, поскольку в «классовой борьбе» сострадание к «классовому врагу» считалось непозволительным. И тогда он прибег к хитрости, сказав: «У вас вообще нет никакого права стоять под красным солнцем, убирайтесь в темный закоулок!». Подобную хитрость можно рассматривать как разновидность стратагемы 27 («изображать жестокость, не будучи жестоким»).

27.24. Надмирная и мирская глупость

«Учитель сказал: «Когда государство следовало [должным Путем], то Нин У-цзы [пользовался в нем известностью как] Мудрый человек. Когда же государство не имело [должного] Пути, он превращался в тупицу. Если с его мудростью могли сравниться и другие, то глупости его не было равных»³⁷⁶ [Лунь юй, 5.21].

«Учителем», хвалящим сановника Нин У-цзы, является Конфуций. Согласно *Культурологической энциклопедии «Конфуций». В честь 2545-летия Конфуция* [«Кун-цзы вэньхуа дадянь. Кун-цзы даньчэнь 2345 нянь» (2545). / Под ред. Кун Фаньцзинь, Сан Сыфэнь, Кун Сянлинь]. (Пекин, 1994, с. 327) речь здесь идет о покоящейся на «мудрости/хитрости (чжи) притворной глупости».

Сановник Нин Юй, получивший посмертное имя У, служил поочередно двум вэйским правителям, Вэнь-гуну (правил 659—635 гг. до н. э.) и Чэн-гуну (правил 635—600 гг. до н. э.). При правлении каждого из князей положение во владении Вэй было различным. При Вэнь-гуне владение Вэй находилось на должном пути, так что Нин Юй мог выказать все свои знания и способности. При Чэн-гуне царил полный беспорядок. Нин Юй хоть и оставался на службе, но теперь он изображал из себя глупца. Однако тайком он пытался спасти то, что можно было спасти. Так видится происходящее Нань Хуайцзиню (род. 1918) в его книге «Иной взгляд на Лунь юй» [«Лунь юй бецай»] (т. 1. Тайбэй, 19-е изд. 1991, с. 224). Это толкование ставит под сомнение автор биографии Конфуция Ян Шуань (*Чанцзян жибао*, Ухань, 17.04-1996), чью точку зрения я разделяю. Здесь он единодушен с толкованием «тупости» Нин Юя, предложенным Джеймсом Леггом (1814—1897) в его образцовом для англоязычного мира переводе *Лунь юй*:

³⁷⁶ Зенгер приводит перевод Р. Вильгельма (*Kungfutse: Gespräche — Lun Yü*, Дюссельдорф — Кельн, 1979, с. 70), который от себя добавляет следующие слова: «Ведь ему удавалось своей мнимой глупостью спасать собственных князей». Когда вэйский правитель Чэн-гун стал нарушать нормы морали («сошел с должного пути»), Нин У-цзы прикинулся глупцом, дабы не отвечать за поступки царя (см. *Л. Переломов. «Конфуций: «Лунь Юй»*. М.: Восточная литература РАН, 2000, с. 338). — *Прим. пер.*

«В первой половине его гражданского поприща владение Вэй³⁷⁷ было спокойным и преуспевающим, и Нин Вэй «мудро» отстранился от своих обязанностей. Однако затем начались беспорядки. Князь был изгнан [632 до н. э.]³⁷⁸. Нин Юй мог бы теперь, как прочие благоразумные люди, держаться подальше от опасности. Но он, как казалось, «безрассудно» выбрал иной путь, став на сторону князя и разделив его участь. В конце концов ему удалось так устроить, что князь вернет себе власть и восстановит в своих владениях порядок» [см.: «Цзо-чжуань», 28-й год правления Си-гуна (632 до н. э.)]. К «умелым» действиям Нин Юя относится среди прочего подкуп врача³⁷⁹, благодаря чему он спас жизнь своему владыке [там же, 30-й год правления Си-гуна (630 до н. э.)].

Похоже, толкование Ян Шуаня и Джеймса Легга верно, на что указывает один раздел в *Лунь юй* [18.5], важнейшем конфуцианском сочинении. В переводе Р. Вильгельма (*указ, соч.*, с. 179) данный раздел называется «Сумасшедший из Чу». Проходя мимо повозки Конфуция, он поет песню, которую я привожу в толковании Ян Шуаня:

«Ах, феникс, феникс, зачем явился ты в это время упадка добродетели? Прошлому и так уже не воспрепятствуешь. А вот к будущему можно подготовиться. Оставь свои тщетные старания! Кто ныне хочет служить государству, лишь подвергает себя опасности!»³⁸⁰.

Чуский безумец притворяется сумасшедшим, чтобы уклониться от государственной службы, замечает Джеймс Легг в сноске к этому месту. Феникс — сулящая счастье птица, показывающаяся лишь тогда, когда в Поднебесной царит порядок. Здесь она появляется как образец для Конфуция, который полжизни странствовал по Китаю проповедником добродетели ради того, чтобы кто-то из правителей взял его к себе на службу. Он жаждал активным вмешательством в политическую жизнь улучшить тогдашнее скверное состояние общества. Чуский безумец своей песней дает понять Конфуцию, что лучше удалиться от

³⁷⁷ Под началом Вэнь-гуна, который согласно Сыма Цяню (*Шицзи*, гл. 37) облегчил подати, был справедлив, трудился вместе с народом (см. *Л. Васильев. «Древний Китай. Период Чюньцю»*. М.: Восточная литература РАН, 2000, с. 47).

³⁷⁸ В свое время (643 до н. э.) его отец Вэнь-гун испортил отношения с могущественным цзиньским Вэнь-гуном (не приняв того должным образом, когда тот еще не был правителем, вынужден был странствовать и был известен под именем Чжун-эр), за что Чэн-гун был изгнан из царства (632 до н. э.). К тому же, согласно *Цзо-чжуань*, цзиньский правитель просил владение Вэй пропустить его войска, направлявшиеся на помощь владению Сун, на которое напали чусцы. Чэн-гун, опираясь на поддержку владения Чу, ответил отказом. Тогда Вэнь-гун переправился Другой дорогой через Хуанхэ и разбил чуские войска при Чэнпу. Узнав о поражении своего союзника, Чэн-гун бежал в Чу. На съезде *чжухоу* в Вэнь (название местности во владении Цзинь к юго-западу от современного уездного города Вэньсянь в пров. Хэнань) Вэнь-гун задержал Чэн-гуна и отправил его на суд к чжоускому правителю Сян-вану (правил 651—619 до н. э.). Вмешавшийся в конфликт чжоуский ван заступился за изгнанника и осудил Цзинь за его преследование (*Го юй*. Пер. с кит. С. Таскина. М.: Наука, 1987, с. 45; 320). Благодаря этому заступничеству Чэн-гун возвратился в Вэй, расквитался с теми, кто способствовал его изгнанию, и благополучно пережил своего могущественного противника (см. *Л. Васильев. «Древний Китай. Период Чюньцю»*. М.: Восточная литература РАН, 2000, с. 140).

³⁷⁹ Которому цзиньцы велели отравить Чэн-гуна вином, настоящим на ядовитых перьях птицы *чжэнь* (?), но тот приготовил слишком слабый настой. — *Прим. пер.*

³⁸⁰ «Чуский безумец по имени Цзе Юй, проходя [мимо дома, где остановился] Конфуций, пропел: «О, фениксы! О, фениксы! В какой же упадок пришла благая сила дэ! Бессмысленно критиковать прошлое, но еще можно догнать будущее. Однако все кончено, все кончено! Всех, кто нынче занимается политикой, ожидает гибель!» («Лунь юй», 18.5).

Прим. переводчика А. Мартынова:

1. Возможно, под названием «чуского безумца» фигурирует житель княжества Чу по имени Лу Тун, который притворился безумным, чтобы уклониться от общественных работ. Встреча Лу Туна с Конфуцием могла иметь место во время странствий Конфуция примерно в 489 г. до н. э.

2. Феникс — благовещая птица. Ее появление знаменует собой нахождение на троне совершенного мудреца и, как следствие, устройство Поднебесной. Согласно легендам того времени, в царствование Шуня фениксы слетались в дворцовые залы, а когда правил Вэнь-ван, духовный основатель Чжоу, слышалось пение фениксов.

пришедшего в упадок мира и довольствоваться безмятежной, спокойной жизнью отшельника. Но как раз бегство от мира было не по вкусу Конфуцию. Он предпочел разыгрывать глупца иначе, нежели отречением от мира, а именно без всякого учета грозящих опасностей, даже отмахиваясь от них, стать верным слугой государства. При этом имеется в виду правильно понятая верность, как ее однажды выразил дослужившийся до советника императора даоский монах Вэй Чжэн (580—643), т. е. верность обществу, а не личности властителя.

«Умным легче быть трусами», — считает немецкий богослов Карл Ранер (1904—1984) (см. Рудольф Вальтер (Walter) [Ред.]. *Поощрение гражданского мужества* («Anstiftung zur Zivilcourage»). Фрейбург, 1983, с. 77). Ведь интеллигент, прежде чем решиться отстаивать прилюдно что-либо непопулярное, но, по его убеждению, правильное, чтобы затем из-за трусости или жалости к себе не каяться прилюдно, сперва тщательно взвесит все «за» и «против» той или иной общественной позиции и по возможности критически со всех сторон изучит свое собственное мнение. После всего этого обдумывания и взвешивания обычно его оставляет всякое мужество прекословить общественному мнению. А вот так называемому «глупцу» гражданское мужество как «добродетель сугубо субъективная» (Изо Камар-тен (Camartin). «О гражданском мужестве». *Новая цюрихская газета*, 20.02.1984, с. 21) дается зачастую легче. Его не мучают те многочисленные соображения, которые терзают «умного». О существовании иной, отличной от той, что дает Карл Ранер, связи между знанием и мужеством, свидетельствуют Нин Юй и Конфуций с их мудрой глупостью.

27.25. Сообразительность оберегать простодушием

«Небесный закон делает полное пустым и заполняет порожнее. Раз солнце в зените, то согласно небесному закону оно идет к закату, а находясь в самом низу земли, оно направляется к восходу»³⁸¹. Так говорится в *Книге перемен* под гексаграммой [15] «Смирение [«Цянь»] — благородному человеку предстоит завершение» [пер. Ю. Щуцкого].

«...хороший торговец прячет подальше [свои товары], как будто [у него] ничего нет, а совершенномудрый, обладающий многими добродетелями, внешне стремится выглядеть глуповатым» [«Ши цзи», гл. 63 «Жизнеописание Лао-цзы и Хань Фэя». *Сыма Цянь. Исторические записки*, т. 7. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Наука, 1996, с. 38], говорил согласно *Историческим запискам* Сыма Цяня Лао-Цзы (ок. 604 — ок. 531 до н. э.) (см. введение к стратагеме 7). В другом месте, а именно в 45-й главе приписываемой Лао-Цзы книге *Дао дэ цзин*, говорится:

«Великое совершенство похоже на несовершенное, его действие бесконечно, великая полнота похожа на пустоту, ее действие неисчерпаемо. Великая прямота похожа на кривое; великое остроумие похоже на глупость; великий оратор похож на заику» (пер. Ян Хиншуна).

Эти слова Лао-цзы и приведенный выше отрывок из *Книги перемен* разъясняют следующую, связанную с Конфуцием историю.

«Осматривая храм Хуань-гуна, Конфуций заинтересовался сосудом, который назывался ючжи. «Как хорошо, что мне довелось увидеть этот сосуд! — воскликнул Конфуций. И, обернувшись к ученикам, добавил: — Принесите воды. Когда сосуд наполнили до половины — он стоял прямо, когда же налили доверху — перевернулся. «Прекрасно! Да ведь он держит полноту!» — изумленно воскликнул Конфуций. Стоявший рядом Цзы-гун спросил его: «Позвольте узнать — что значит «держит полноту»?» — «Прибавь — и нанесешь ущерб». — «Что значит — «прибавь — и нанесешь ущерб»?» — «Упадок начинается с расцвета, высшее наслаждение переходит в скорбь, солнце в зените — значит, начинает садиться, полнолуние ведет к ущербу. Поэтому мудрость сохраняется глупостью, образование и красноречие — невежеством, сила и мужество — страхом, богатство и преуспевание — экономией, благодеяния и раздачи — воздержанием от них. Благодаря этим пяти вещам прежние ваны хранили Поднебесную и не утрачивали ее; пренебрежение же ими ведет к краху. Поэтому Лао-цзы говорит: «Верные этому пути избегают полноты; ведь изнашивать, не превращаясь в нечто новое, может только неполный» [«Хуайнань-цзы», 12-я глава «Отзвуки Дао» («Дао ин»). Пер. Л. Померанцевой: *Дао де цзин. Книга пути и благодати*. М.: Эксмо, 2001, с. 286—287]³⁸².

³⁸¹ Приводится не сам текст «Книги перемен», а толкование переводчиком на немецкий Р. Вильгельмом «Привязанных слов» к 15-й гексаграмме. — *Прим. пер.*

³⁸² Сосуд *ючжи*, иначе *юцзо* («стоящий справа», так он именуется в схожем эпизоде одноименной 28-й главы «Сюнъ-цзы»; и речь там идет о памятном храме луского государя Хуань-гуна, правившего в 711—694

Первой из пяти вещей, как мы видим, Конфуций называет «сохранение мудрости глупостью». Эта мысль в последующие времена, несомненно, оказывала ощутимое влияние на умы китайцев, как в случае с Сюнь Ю (157—214), помогшим Цао Цао в его усилиях по объединению Китая двенадцатью стратагемными предложениями. В своем историческом труде «Троецарствие» Чэнь Шоу (233—297) так его описывает:

«Внешне [он походил на] глупца, внутри же был мудрым, внешне [он походил на] труса, внутри же был храбр, внешне [он походил на] слабого, внутри же был силен... Мудростью могли бы сравниться с ним и другие, а вот в [притворной] глупости ему не было равных!» [«Сань го чжи», ч. 1 «Царство Вэй», кн. 10].

Наиболее сжато выразил связанные с размышлениями Конфуция мысли известный также под именем Су Дунпо литератор и каллиграф Су Ши (1036—1101): «большая храбрость уподобляется трусости, большая мудрость уподобляется глупости» («да юн жо це, да чжи жо юй») [из послания «Хэ Оуян шаоши чжи ши ци»].

27.26. Карл Маркс против «Книги преданий» («Шу цзин»)

Уже конфуцианский канон *Книга преданий* дает понимание того, что «самодовольство наносит ущерб, скромность приносит выгоду» [(«мань чжао сунь, цянь шоу и»), *Шу цзин*, «Книга Юя» («Юй шу»), гл. «Замыслы великого Юя» («Да Юй мо»)]. Такое представление оспаривает Юй Уцзинь [род. 1946] в книге *«Расшифровка культурного кода»* (Шанхай, 1995): если способный человек обдуманно изъясляет покорность, он просто лукавит. Иначе говоря, он делает это не из любви к истине, а рассчитывая на некую выгоду. Выходит, что он в своих действиях руководствуется сугубо меркантильными соображениями. В решающую минуту подобный человек вряд ли предложит свою помощь и положит все свои силы ради других или коллектива. Берущее свое начало в *Книге преданий* корыстолюбивое представление настолько въелось в китайцев, жалуется Юй Уцзинь, что они просто лукавят, выказывая чрезмерную уступчивость и скромность. Такому стратагемному поведению Юй Уцзинь противопоставляет слова Карла Маркса: «...скромность... скорее признак боязни истины... Скромность — это средство, сковывающее каждый мой шаг вперед... Только нищий скромн, говорит Гете» (К. Маркс. «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», декабрь, 1841 // К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.* 2-е изд., т. 1, с. 6.).

27.27. Скромная фиалка

После победы над Люй Бу в союзе с Лю Бэем «войска Цао Цао возвратились в (новую столицу) Суйчан (находилась юго-западной нынешнего одноименного города, провинция Хэ-нань). Лю Бэя поместили на отдых в доме, расположенном рядом с дворцом Цао Цао. На другой день император Сянь-ди принял победителей. Цао Цао подал доклад о военных подвигах Лю Бэя и представил его самого императору... Сличив родословные *записи*, император установил, что Лю Бэй приходится ему дядей. Тогда он попросил Лю Бэя войти в один из боковых залов, чтобы совершить церемонии, предписанные при встрече дяди с племянником. Император про себя думал: «Цао Цао правит всеми государственными делами, и мы не властны решать что-либо. Теперь же новообретенный дядюшка будет нашим помощником». Он пожаловал Лю Бэю чин полковника левой руки и титул Ичэнтинского ху. После окончания торжественного пира Лю Бэй поблагодарил императора и покинул дворец. С тех пор люди стали величать его Лю Хуан-шу — императорский дядюшка Лю. Когда Цао Цао вернулся домой, к нему пришли советники во главе с Сюнь Юйем: «Сын неба признал Лю Бэя своим дядей. Пожалуй, это нам невыгодно». — «Да, он признал его дядей, — спокойно сказал Цао Цао, — но я буду повелевать им посредством императорских указов. Он не посмеет не повиноваться. К тому же я оставлю его в Суйчане. Хотя он и близок к государю, но я буду держать его в своих руках. Чего мне бояться?..» Приказав выбрать лучших коней, ястребов и гончих собак, приготовив лук и стрелы и собрав за городом воинов, Цао Цао явился просить императора принять участие в охоте. Император не решился возражать. Он прицепил к поясу драгоценный резной лук, наполнил колчан стрелами с золотыми наконечниками, сел на коня и в сопровождении свиты покинул город... Обогнув склон горы, они заметили, как из зарослей терновника выбежал большой олень. Император выстрелил три раза, но промахнулся. «Стреляйте вы!» — обратился он к Цао Цао. Цао Цао взял у императора лук и стрелу с золотым наконечником и выстрелил. Стрела вонзилась оленю в спину, и тот упал. «Вапъ суй! (Ура!)» — раздались крики. Окружающие, увидев стрелу с золотым наконечником, решили, что стрелял император, и бросились его поздравлять. Цао Цао выехал вперед и стал принимать поздравления. Все побледили. Гуань Юй, стоявший за спиной у Лю Бэя, нахмурил свои шелковистые брови и, сверкая налитыми кровью глазами, выхватил меч и бросился было к Цао Цао. Но Лю Бэй метнул на брата такой грозный взгляд, что у того руки опустились. Лю Бэй поклонился Цао Цао и произнес: «Вы бесподобно стреляете, господин чэн-сян! В целом

до н. э.), *цици*, указывал правителю о необходимости быть в меру снисходительным: пустой стоял он наклонно, наполненный наполовину — стоял прямо, полный доверху — опрокидывался. — *Прим. пер.*

мире не найти другого такого стрелка!» — «Это счастливая удача Сына неба!» — улыбнулся Цао Цао и, повернувшись к императору, стал поздравлять его. Однако лук он императору не возвратил, а повесил себе на пояс. Император был крайне возмущен поведением Цао Цао. Один из придворных предложил для наказания злодея привлечь дядюшку императора Дун Чэна: «Я думаю так: император тайно подарит Дун Чэну халат и яшмовый пояс, а в поясе будет зашит секретный указ. Обнаружив императорское повеление, Дун Чэн будет у себя дома днем и ночью обдумывать план, и ни духи, ни демоны не проведают об этом...» Сын неба прокусил себе палец, кровью написал на шелке указ и попросил императрицу Фу зашить его под шелковую подкладку пояса. Затем он надел парчовый халат, подпоясался яшмовым поясом и повелел позвать Дун Чэна... Император снял с себя халат и пояс и отдал Дун Чэну, добавив вполголоса: «Вернетесь домой — тщательно осмотрите наш дар и выполните нашу волю...» Дун Чэн дал прочесть указ Лю Бэю. Тот не мог скрыть глубокого волнения. Затем гость извлек бумагу, где под торжественной клятвой стояло шесть подписей. «Ведь вы получили указ самого императора, могу ли я остаться в стороне?» — воскликнул Лю Бэй, подписывая свое имя и возвращая бумагу Дун Чэну... Чтобы отвести подозрения Цао Цао, Лю Бэй занялся разведением овощей у себя в саду... Однажды Лю Бэй в саду поливал овощи... Неожиданно появились Сюй Чу и Чжан Ляо в сопровождении нескольких десятков воинов. «Чэн-сян просит вас явиться немедленно». — «Есть какое-нибудь важное дело?» — встревожился Лю Бэй. «Не знаем. Он приказал позвать вас», — отвечал Сюй Чу. Лю Бэй последовал за ними во дворец Цао Цао. «Вы, кажется, у себя дома занимаетесь великими делами?» — улыбаясь, спросил его Цао Цао. Лицо Лю Бэя стало серым от испуга. Цао Цао взял его под руку и повел в сад. «Нелегкое это дело — выращивание овощей!» У Лю Бэя немного отлегло от сердца. «Какое же это дело! Пустое времяпровождение...» Цао Цао продолжал: «Вот взглянул я на спелые сливы, и мне припомнился прошлогодний поход против Чжан Сю (см. 17.19). В пути не хватало воды; люди страдали от жажды. И вдруг у меня родилась мысль; указывая плетью в пространство, я воскликнул: «Глядите, перед нами сливовая роща!» Эти слова у всех вызвали слюну, и люди избавились от жажды. И теперь я не могу не отдать должное этим плодам! Я велел подогреть вино и прошу вас в беседку». Лю Бэй успокоился и последовал за Цао Цао в беседку, где уже были расставлены кубки, блюда с черными сливами и сосуд для подогревания вина. Хозяин и гость уселись друг против друга и с наслаждением пили вино. На небе сгустились тучи. Собирался дождь. Опершись на ограду, Цао Цао и Лю Бэй смотрели на темное небо, где словно повис дракон. «Вам знакомы превращения дракона?» — неожиданно спросил Цао Цао. «Не знаю подробностей». — «Дракон может увеличиваться и уменьшаться, может взлетать в сиянии и скрываться в поднебесье, — принялся объяснять Цао Цао. — Увеличиваясь, дракон раздвигает облака и изрыгает туман, уменьшаясь — теряет форму и становится невидимым. Подымаясь, он носится во вселенной, опускаясь — прячется в глубинах вод. Сейчас весна в разгаре и дракон в поре превращений. Подобно человеку, стремящемуся к цели, он пересекает Поднебесную вдоль и поперек. В мире животных дракона можно сравнить с героем в мире людей. Вы долго странствовали по свету и должны знать героев нашего века. Я хотел бы, чтоб вы их назвали». — «Откуда мне знать героев?» — «Перестаньте скромничать». — «Я добился должности при дворе благодаря вашей милости и покровительству, — уверял Лю Бэй. — Но героев Поднебесной я, право, не знаю». — «Если не знаете лично, то, наверно, слышали их имена», — настаивал Цао Цао. Здесь Лю Бэй перечисляет имена восьми мужей. Цао Цао лишь всплеснул руками и расхохотался: «Да ведь это жалкие людишки! Стоит ли о них упоминать?» — «Кроме этих, я поистине никого не знаю». — «Герои — это люди, преисполненные великих устремлений и прекрасных планов. Они обладают секретом, как объять всю вселенную, и ненасытной волей, способной поглотить и небо и землю». — «А где найти таких героев?» — «Герои Поднебесной — только вы да я!» — Цао Цао рукой указал на Лю Бэя и потом на себя. Лю Бэй был так поражен, что выронил палочки для еды. Как раз в этот момент хлынул дождь, грянул гром. «Ударило где-то совсем рядом!» — сказал Лю Бэй, наклоняясь, чтобы поднять палочки. «Великий муж боится грома?» — насмешливо спросил Цао Цао. «Как же не бояться? Даже мудрые люди бледнели от неожиданного раската грома и свирепого порыва ветра». Лю Бэю легко удалось скрыть истинную причину своего волнения, и Цао Цао ничего не заподозрил» [«Троецарствие», гл. 20 и 21: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М., 1954, т. 1, с. 260-265, 272-275].

Способ, каким Лю Бэй вновь скрыл свои, метко подмеченные Цао Цао честолюбивые замыслы, а именно стараясь успокоить своего недоверчивого соперника, расположив его к себе, можно отнести к стратагеме 27. Вынашивая большие замыслы, разыгрывать простака. В Китае в этой связи говорят о стратагеме пребывания в тени (досл. «уловка затенения собственного света и сокрытия собственного взглядов») («таохуэй чжи цзи»), именуемой еще стратагемой скромной фиалки). «В то время, когда всякое выставление себя опасно, надлежит затвориться, будь то в одиночестве или в сутолоке мира, ибо и там можно столь хорошо затаиться, что никто и не признает» (*Книга перемен*)³⁸³. А поэт Ли Бо (701—762) дает такой общий совет: «Подобно человеку блистательному надлежит скрывать свой блеск». Ведь не узнаваемые за сном

³⁸³ Дается толкование Р. Вильгельма к слабой черте четвертой позиции 2-й гексаграммы «Кунь» («Исполнение»): «Завяжи мешок. Хулы не будет, хвалы не будет» (Пер. Ю. Щуцкого). — *Прим. пер.*

грязи жемчужины не украдут.

Линь Бяо (1906—1971; см. 16.16), официально считавшемуся преемником Мао Цзэдуна, после предполагаемой попытки переворота и последовавшей затем смерти ставили в вину использование данной стратегаемы. Таким способом он хотел выжить и осуществить свои «великие замыслы». Когда в марте 1970 г. он вынашивал план захвата руководства в партии и власти в стране, то своим сообщникам он советовал занести в записные книжки слова «таохуэй» («держаться в тени»). Сам он выписал стихи из романа *Троецарствие*, прославляющие Лю Бэя за то, как ему с помощью стратегаемы пребывания в тени удалось провести Цао Цао: «Вынужденный на время оказаться в логове тигра, герой пугается, когда раскрывают его замысел. И он пользуется громом для сокрытия собственного ужаса, быстро приравливаясь к меняющейся обстановке» [*Троецарствие*, 21 гл.: в рус. пер. эти стихи почему-то опущены] (*Избранные статьи: Критика Линь Бяо и Конфуция*. Пекин, 1975, с. 74 и след.).

27.28. Мир наподобие таза для [омовения] ног

Одно из стихотворений сборника I—II вв. *Чуские строфы* называется «Отец-рыбак» и повествует о сановнике Цюй Юане (около 340—278 до н. э.), из-за происков недругов потерявшем расположение своего царя и в кручине бродящем вдоль берега реки. «Когда Цюй Юань был в изгнание своем, он блуждал по затонам Реки и бродил, сочиняя стихи, у вод великих озер. Мертвенно бледен был лик его, и тело — сухой скелет. Отец-рыбак, увидя его, спросил: «Вы, государь, не тот ли самый сановник дворцовых родов? Как же вы дошли до этого?» Цюй Юань сказал: «Весь мир, все люди грязны, а чистый один лишь я. Все люди везде пьяны, а трезвый один лишь я... Вот почему я и подвергся изгнанию». Отец-рыбак ему: «Мудрец не терпит стеснения от вещей. Нет, он умело идет вместе с миром вперед или вслед миру меняет путь. И если все люди в мире грязны, почему ж не забраться в ту самую грязь и зачем не вздыматься с той самой волной? А если все люди везде пьяны, почему б не дожрать барду и не выпить осадок до дна? К чему предаваться глубоким раздумьям, высоко вздыматься над всеми людьми? Ты сам накликал на себя свое изгнание». Сказал Цюй Юань: «Я вот что слышал: тот, кто только что умылся, непременно выколотит пыль из своей шапки; тот, кто только что искупался, непременно пыль стряхнет с одежды. Как же можно своим телом чисто-чистым принять всю грязную грязь вещей? Лучше уж тогда пойти мне к реке Сян, к ее струям, чтобы похоронить себя во чреве рыб речных. Да и можно ли тому, кто сам белейше-бел, принять прах-мерзость окружающих людей?» Отец-рыбак лишь еле-еле улыбнулся, ударил по воде веслом, отплыл. Отъехал и запел:

Когда чиста Цанланская вода-вода, В ней я могу мыть кисти моей шапки, Когда ж грязна Цанланская вода-вода, В ней я могу и ноги свои мыть...

И удалился, не стал с ним больше разговаривать» [*Чуские строфы*, «Отец-рыбак»: «Китайская классическая проза». Пер. академика В. Алексеева. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 42—43]. Песню рыбака передает уже второй по значимости конфуцианец Мэн Кэ (около 372-289 до н.э.). У него она именуется детской песенкой («Мэн-цзы», 7.8. Пер. В. Колоколова, с. 107] см. Р. Вильгельм. *Мэн-цзы (Mong Dsi)*. Кельн, 1982, с. 116). Согласно преданию Цюй Юань, положив большой камень за пазуху, бросился в воды реки [Мило]³⁸⁴. Чусцы на лодках отправились на его поиски, откуда возник обычай устраивать гонки на лодках в Праздник дракона, справляемый 5 мая. Сегодня напоминает о Цюй Юане бронзовое изваяние в его родном уезде Цыгуэй (пров. Хубэй).

Кисти шапки, о которых говорит рыбак в своей песне, указывают на сановника. Своими речами рыбак хочет поведать, что в благоприятное время подвизаются на государственной службе, а в беспокойное время уходят в частную жизнь. С точки зрения рыбака, Цюй Юань слишком серьезно воспринимает мир и слишком уж носит со своими возвышенными принципами. Таково толкование Дэвида Хокса (Hawkes) («Chu Tzu: The Song of the South». Оксфорд, 1959, с. 91). Известные мне китайские комментарии дают совершенно иное понимание. Для рыбака мир не всегда бывает чистым и ясным, порой он походит на замутненную воду (см. стратегаему 20). И тогда чрезмерная чистота и ясность могут ввести в заблуждение. Необходимо соотноситься со временем и воспринимать мир таким, каков он есть. Ведь он всегда оказывается хорош для чего-то. Сколь бы грязен он ни был, следует не сторониться мира, а жить по правилу: ступать туда, хоть и с грязными ногами. Вместо того чтобы, подобно Цюй Юаню, уповать на содержание в чистоте не только собственного тела, но и одежды, т. е. всего социального окружения, «остерегайтесь в отношениях с людьми чрезмерной незапятнанности» (Ли Бо). Для собственного выживания сподручней, сообразуясь с духом стратегаемы 27, делать хорошую мину при плохой игре и извлекать выгоду из неопрятного мира на

³⁸⁴ Мило протекает в северо-восточной части провинции Хунань. На реке построена кумирня в честь Цюй Юаня, где ежегодно 5 мая (праздник Священного Дракона) отмечается день его памяти. В воду бросают рис, завернутый в листья лотоса. — *Прим. пер.*

низменном уровне, т. е. по меньшей мере употребить его для мытья ног.

27.29. Ценное благо — бестолковость

«Сельское предприятие нуждалось в бухгалтере. Объявилось два соискателя. Руководитель предприятия провел с каждым из них собеседование. Один оказался человеком знающим, толковым и опытным. Другой отличался бестолковостью и нес всякий вздор. Так что и невооруженным глазом было видно, кто из них лучше. Однако управляющий остановил свой выбор на путанике. Когда приятели поинтересовались причиной, тот ответил: «Весь дебет и кредит я держу в голове. Бухгалтер же служит лишь для отвода глаз вышестоящего начальства. Разве вам не доводилось слышать поговорку: «Ценное благо — бестолковость»? Путаник всю отчетность запутает. И когда явятся из налоговой службы, они там ничего не разберут. А на неумеху и пенять нечего. Нам же тем временем будет значительно проще распоряжаться своими деньгами и улаживать свои дела».

Данный случай я взял из газеты *Жэньминь жибао* (Пекин, 30.03.1989, с. 5), печатного органа Центрального комитета КПК. Известную поговорку «Ценное благо — бестолковость» [«наньдэ хэту»; доел, «редко встречающаяся бестолковость»] создал поэт, художник и каллиграф Чжэн Баньцяо (1693—1765), поместив под такой надписью следующие строки: «Умным быть тяжело, бестолковым быть тяжело. Еще тяжелее перейти от ума к бестолковости. Отказаться от хода, отступить назад ради обретения душевного покоя, а не с расчетом на будущую выгоду». Об устроенной бестолковости ради обмана начальства Чжэн Баньцяо, как показывает весь текст его знаменитой каллиграфической надписи, пожалуй, не помышлял. И все же показательно, что руководитель предприятия ссылается на слова Чжэн Баньцяо «Ценное благо — бестолковость», пусть и с толкованием, идущим от страгеммы 27.

«Ценное благо — бестолковость» действительно зачастую истолковывается в страгемном ключе. Под словами «осуществлять что-либо посредством бестолковости» Ван Хунцинь со ссылкой на выражение Чжэн Баньцяо подразумевает следующее: «Бестолковость, проявленная в нужную минуту, может оказать значительно большее по сравнению с умом действие» (*Бить криво, а попасть прямо* [«вай-да чжэнь-чжао»]: *нестандартное мышление в человеческой жизни*, Пекин, 1994, с. 179). Он иллюстрирует данное положение двумя историческими примерами.

Крайне неловко повели себя на одном пиру два сановника в присутствии императора Тайцзуна (598—649, правил с 626). И они заслуживали сурового наказания. Когда же возмущенные прочие сановники захотели схватить оплошавших придворных, император, притворившись пьяным, отмахнулся от них. На другой день оба сановника, трепеща от страха, пришли извиняться. Но император удивился и сказал, что был навеселе и ничего не помнит. «Однажды чуский князь [Цзин] Сян-ван (правил 298—263 до н. э.) устроил пир для своих сановников. Во время пира неожиданно погасли свечи и один из гостей, воспользовавшись темнотой, начал заигрывать с любимой наложницей Сян-вана. Наложница оторвала кисть с его шапки и пожаловалась Чжуан-вану, представив в доказательство оторванную кисть. Однако Сян-ван, понимавший, что гость был пьян, приказал слугам не зажигать огня, а всем гостям — оторвать кисти от своих шапок. Пир продолжался. Впоследствии, когда между княжествами Цзинь и Чу началась война, Цзян Сюн, который был виновником происшествия на пиру, спас Сян-вана, когда тот оказался в опасности»³⁸⁵.

Вообще, как заключает Ван Хунцинь, ничто не запрещает на что-то несущественное закрывать порой глаза и выказывать в этом случае бестолковость. Косвенно с ним соглашается Хоу Лэй: «В принципиальных вопросах следует проявлять ясность и однозначность, здесь нельзя разыгрывать «ценное благо — бестолковость» и избегать столкновений...» («Самовоспитание членов партии и ответственных работников». *Жэньминь жибао*. Пекин, 3.01.1995, с. 9). Им вторит Чэнь Луминь в статье «Коммунист не должен проявлять бестолковость» (*Жэньминь жибао*, 24.10.1997, с. 11): «Настоящий коммунист в принципиальных вопросах не должен путать правильное и поддельное, в отношении линии, установок и политических норм партии, в отношении истинных устремлений нашего народа и чести и бесчестия нашей родины он должен четко различать, что следует любить и ненавидеть. Здесь неприемлема никакая двусмысленность или расплывчатость». А в *Жэньминь жибао* от 12.10.1998. Ши Юнсун поясняет: «Всегда будут моменты, когда «проявляешь бестолковость», но в ключевых вопросах «бестолковость» недопустима. Немного «бестолковости» не помешает, но лишь в том случае, когда она заканчивается обычным делом».

³⁸⁵ Данные сведения приводит в примечаниях к своему переводу «Троецарствия» (т. 1, с. 761) В. Панасюк. Сам эпизод описан в книге «Шо юань» (гл. 6), и там есть расхождение с описанным в «Троецарствии». В частности, упоминается не чуский [Цзин] Сян-ван (правил 298—263 гг. до н. э.), а Чжуан-ван (правил 613—591 гг. до н. э.), и сам виновник происшествия не называется. — *Прим. пер.*

27.30. Похвала скромности

XXI век будет веком Китая. К 2030 г. Китай станет самым могущественным государством на планете. На кинофестивале в Каннах китайская картина *Конфуций* завоюет главный приз. Китайский поэт Бэй Дао получит Нобелевскую премию по литературе. Четыре китайские певицы войдут в десятку самых популярных европейских див и т. д.

«Явная измена родине», — ругается Чэнь Сяочуань в заметке на страницах *Китайской молодежи (Чжунго Циннянь бао)*, печатном органе Китайского коммунистического союза молодежи, летом 1998 г. по поводу такого рода прогноза из недавно вышедшей в Китае книги. Подобная болтовня играет на руку иностранным враждебным силам с их лозунгом китайской угрозы и поползновениями изолировать Китай. Все же лучше следовать за Мао Цзэдун, который в своей речи 27 января 1957 г. по поводу китайско-американских и китайско-советских отношений заявил следующее: «Мы должны быть всегда скромными и осмотрительными, никогда не задирать носа» [«Выступление на совещании секретарей парткомов провинций, городов и автономных районов», 27.01.1957: Мао Цзэдун. *Избранные произведения*, т. 5. Пекин, 1977, с. 439].

Так, противопоставляя Китай Западу, признавая, что США непоколебимо веруют в свою миссию ведущей мировой державы (порой с хитрыми оговорками вроде «мировой державы поневоле» или «жандарма поневоле»), китайский премьер-министр Чжоу Эньлай (1898—1976) говорил 9 июля 1971 г. Генри Киссинджеру при его первом посещении Китая (см. 27.1), что Китай не является сверхдержавой, подобно США и России, и не желает этого. С той поры Китай настойчиво отменяет всякую мысль о своих притязаниях на роль сверхдержавы. Согласно принятой 4 декабря 1982 г. конституции КНР «Китай последовательно борется против гегемонизма» (Предисловие, 12-й абзац) [Конституция Китайской Народной Республики // Китайская Народная Республика: Конституция и законодательные акты. Пер. с кит. под ред. Л. Гудошникова. М.: Прогресс, 1984]. В 1989 г. Дэн Сяопин обозначил следующий внешнеполитический лозунг: «Не горячиться и выждать удобного случая — ни в коем случае не быть на первых ролях»³⁸⁶, а в начале 1990-х годов он выдвинул требование, чтобы «Китай проявлял сдержанность и никогда не стремился главенствовать в международных делах».

Невольно приходит на ум живший пару тысячелетий назад Лао-цзы с приписываемой ему книгой *Дао дэ цзин*, где мы находим созвучные со стратагемой 27 мысли:

«39. ...Незнатные являются основой для знатных, а низкое — основанием для высокого... 66. Реки и моря потому могут властвовать над равнинами, что они способны стекать вниз. Поэтому они властвуют над равнинами. Когда [мудрый человек] желает возвыситься над народом, он должен ставить себя ниже других. Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других» (пер. Ян Хиншуна).

27.31. Возвышаться самоуничижением

«Случилось Ему [Иисусу] в субботу прийти в дом одного из начальников фарисейских вкусить хлеба, и они наблюдали за Ним... Замечая же, как званые выбирали первые места, сказал им притчу: когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но, когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк 14:1, 14:7-11).

Стратегема № 28. Заманить на крышу и убрать лестницу

Четыре иероглифа	上	屋	抽	梯
Современное китайское чтение	Шан	у	чоу	ти

³⁸⁶ В беседе 4 сентября 1989 г. с руководством ЦК КПК Дэн Сяопин свои позиции в международных делах обозначил тремя пунктами: «хладнокровная оценка складывающегося положения, отстаивание собственных позиций и сдержанность ответных действий». — *Прим. пер.*

Перевод иероглифа	каждого Завести крыша убрать лестница
Связный перевод	Завести на крышу и убрать лестницу; заманить противника на крышу и убрать лестницу
Сущность	Выкручиваться в безнадежном положении; стратагема тупика; избавление от соратников; стратагема отстранения от дел; стратагема срыва выхода из дела

28.1. Добиваться наилучших результатов благодаря безнадежности положения

Само выражение для стратагема восходит к *Военному искусству Сунь-цзы*, древнейшему в мире военному трактату, датируемому серединой первого тысячелетия до н. э. В нем дается совет военачальнику о том, что «час битвы надо устанавливать так, словно, взобравшись на высоту, внезапно отталкиваешь лестницу»³⁸⁷ [«Сунь-цзы», 11.18 «Девять видов обстановки» («Цзю ди»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 193]. «Можно двигаться лишь вперед, путь к отступлению отрезан», — добавляет комментатор Мэй Яочэнь (1002—1060). В *Сунь-цзы* подобный образ действий описывается так: «Приступая к решительным действиям, он [полководец] сжигает свои лодки и разбивает котлы» (*там же*, с. 193). Затем, «когда у воинов нет выхода, они стоят до последнего» [«Сунь-цзы», 11.9 «Девять видов обстановки» («Цзю ди»): *там же*, с. 191]. Дополнительные разъяснения мы находим в приписываемом У Ци (ум. 381 г. до н. э.) военном трактате *Воинское искусство У-цзы*: «1. Поле битвы — место, где оставляют трупы. Когда считают смерть в бою неизбежной, остаются в живых; когда считают за счастье жизнь — умирают. 2. Хороший полководец как будто бы находится на тонущем корабле, в горящем здании. Этим он делает безрезультатными все хитросплетения мудрецов противника, делает бесплодной всю пылкость его храбрецов. Он может принять противника» [«У-цзы», 3.4 «Об управлении армией» («Чжи бин»): «Сунь-цзы. У-цзы: Трактаты о военном искусстве». Пер. с кит. Н. Конрада. М.-СПб: Изд-во АСТ, 2001, с. 473].

Таким образом, стратагема 28 в ее древнейшем виде выступает как способ ведения военных действий, перекликаясь с выражением: «одолжить лестницу и помочь тем самым человеку подняться наверх» («цзе ти шу жэнь»). Но в случае стратагема 28 события, естественно, развиваются значительно драматичней. В основе ее лежит опыт: в представляющемся безнадежном положении, т. е. оказавшись припертым к стенке, человек ощущает в себе неведомые ему прежде силы. Это верно и в отношении врага, как указывает в своем комментарии к *Сунь-цзы* живший в танскую эпоху (618—907) Цзя Линь: «когда на противника можно напасть, но известно, что он будет сражаться насмерть, [на него не нападают]» [«Сунь-цзы», 8.4 «Девять изменений» («Цзю бянь»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 168].

Стратагема 28 как крайнее средство руководства в чем-то смыкается с провокационной стратагемой 13, только там речь идет о хитроумном возбуждении чувств и вызываемых этим действиях. Стратагема же 28 указывает на вполне определенное эмоциональное состояние, позволяющее преодолением страха смерти или даже подстегиванием страхом смерти делать сверхчеловеческие усилия.

В китайской военной истории имеются многочисленные примеры успешного использования в качестве руководства к действию стратагема 28. Но часто она дает и осечки. Условия ее успешного завершения таковы:

— только победа над врагом оказывается единственным способом выживания. Лишь это позволяет мобилизовать и направить дремлющие внутри человека силы на достижение данной цели;

— внезапное создание острого положения, когда промедление смерти подобно. Чем больше стеснение обстоятельств, тем сильнее противодействие. Если же положение постепенно приобретает угрожающий вид, у воинов окажется достаточно времени, чтобы бежать или приноровиться к стесненным обстоятельствам, вследствие чего вряд ли тогда стоит ожидать внезапной решимости выстоять, преисполнившись небывалой отваги;

— если овцу загнать в стаю голодных волков, пишет автор книги о стратагемах, какова бы ни была ее решимость драться, гибели ей не избежать, ибо силы слишком неравны. Так что стратагема 28 годится лишь

³⁸⁷ У Н. Конрада перевод такой: «Ведя войско, следует ставить его в такие условия, как если бы, забравшись на высоту, убрали лестницы». — *Прим. пер.*

в отношении примерно равного по силе противника. Ведь силы, которые способна мобилизовать стратагема 28, ограничены. Итак, не следует пускать свое войско подобно овце в волчью стаю.

Предпосылкой использования стратагема 28 в качестве руководства к действию является определенное властное положение, иначе говоря, авторитет, опираясь на который явочным порядком ставят людей — иначе говоря, воинов — в пробуждающее в их сердцах бесстрашие критическое положение, где все ставится на карту. С этой точки зрения стратагема 28 предстает рискованной стратагемой («сянь цзи»), требующей осторожного обращения. К ней нужно прибегать, имея виды на успех или когда уже нет иного выхода. «Крышу», куда ведут войско, следует выбирать с особым тщанием. Предпочтение нужно оказывать «крыше», которая хоть и вызывает требуемый боевой дух, но вместе с тем не являет собой крайнюю опасность. Негоже карабкаться на первую попавшуюся «крышу».

Более всего будоражит войско удаление лестницы у всех на виду. Здесь тотчас приходит осознание создавшегося критического положения, и воины без промедления устремляются к единственному, еще доступному для них выходу. Конечно, для оказания желательного действия можно просто поставить войско в известность, что у него больше нет «лестницы». На самом же деле «лестница» припрятана и ее местонахождение известно полководцу, так что в случае возникновения непредвиденных затруднений «спасительная лестница» может прийти на помощь при проведении в жизнь стратагема 21 или 36.

Стратагему 28 советуют еще в качестве воспитательной меры. Непродуманную идею доводят до абсурда, позволяя ученикам карабкаться на «конек крыши» и заставляя тем самым убедиться, как доведенная до логического конца их идея оборачивается тупиком (Чэн Фанпин. «Учитель и «всевозможные книги». Гуанмин жибао. Пекин, 17.02.1994, с. 3).

28.2. Разбить котелки, потопить лодки

Под знаменами погибшего чуского царства (см. 14.2) поднялся Сян Лян (ум. 208 до н. э.) на борьбу против циньской династии (221—207 до н. э.), которой тоже была уготована гибель. Первые успехи вскружили голову Сян Ляну, который неожиданно потерпел поражение в 208 г. до н. э. от циньской армии при Динтао (на юго-западе нынешней провинции Шаньси) и сам погиб. Его племянник Сян Юй (232 — 202 до н. э.) поднял мятеж в чуском войске, [обезглавив старшего военачальника Сун И (ум. 207 до н. э.)]. «Разбив армию Сян Ляна, Чжан Хань, считая, что войска из земель Чу уже не могут причинить ему беспокойства, переправился через Хуанхэ, напал на княжество Чжао и нанес его войскам сильное поражение. В это время в Чжао был Се, командующим войсками — Чэнь Юй, а первым советником — Чжан Эр. Они бежали и укрылись за стенами Цзюйлу (Чжан Хань приказал Ван Ли и Шэ Цзяню окружить Цзюйлу, а сам с войском стал лагерем к югу от города, построив обнесенную валами дорогу, по которой перевозили зерно для снабжения воинов. Чэнь Юй был командующим и расположился во главе нескольких десятков тысяч воинов лагерем к северу от Цзюйлу. Это была так называемая северобережная армия... Сян-ван... послал Даньян-цзюня и военачальника Пу во главе двадцати тысяч воинов переправиться через реку и оказать помощь [гарнизону] Цзюйлу. Но в ходе боев посланные добились незначительных успехов, а Чэнь Юй вновь запросил военную помощь. Тогда Сян Юй во главе всех своих войск переправился через реку, потопил все лодки и суда, разбил котлы и горшки для пищи, сжег шалаши и хижины, разрешил воинам взять с собой продовольствия лишь на три дня, чтобы показать им, что они должны быть готовы умереть, но не иметь и мысли о возвращении назад. Затем [Сян Юй] подошел [к Цзюйлу] и окружил армию Ван Ли. После девяти сражений с вышедшими навстречу циньскими войсками он перерезал дороги, окруженные валами, нанес сильное поражение циньцам... К этому времени чуские войска стали сильнейшими среди войск *чжухоу*. Армии владетельных князей, выступившие на помощь Цзюйлу, соорудили более десяти укрепленных лагерей, но ни один из *чжухоу* не посмел ввести войска в бой (см. стратагему 9). Когда чусцы ударили по циньцам, то военачальники [других княжеств] наблюдали за боем с валов своих лагерей. Каждый чуский воин дрался за десятерых, от боевых криков чуских солдат содрогалось небо, и не было среди войск владетельных князей ни одного солдата, который не задрожал бы от страха. После того как циньская армия была разбита, Сян Юй вызвал военачальников всех *чжухоу* к себе. Войдя в ворота его лагеря, образованные из составленных вместе колесниц, все военачальники опускались на колени и ползли вперед, не смея поднять глаз от земли. Таким образом, Сян Юй впервые стал старшим военачальником над всеми войсками владетельных князей и все *чжухоу* подчинились ему» [Сыма Цянь. Исторические записки, т. 2. Пер. с кит. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 1975, с. 123—127] благодаря предпринятому согласно стратагеме 28 походу.

Весьма расхожее в современном Китае выражение «разбить котелки, потопить лодки» («по-фу чэнь-чжоу») означает «перейти Рубикон», «сражаться не на жизнь, а на смерть», «поставить все на карту», «отрезать путь к отступлению». «С решимостью «разбить котелки, потопить лодки» отправился [в 1936], рискуя своей жизнью, в китайские советские районы на севере провинции Шэньси американский журналист Эдгар Сноу (Snow, 1905 — 1972)», — пишет Сяо Хун в пекинской газете *Жэньминь жибао* (17.07.1990, с. 8).

В невоенной связи использовал данное выражение еще в конце минской поры (1368—1644) Чэнь Цзитай (1563—1637), знаток *Книги перемен* и со своими более чем 10 тысячами стихов весьма плодовитый, но не снискавший от этого известности поэт. В 1630 г. он сообщает одному знакомому о своей решимости участвовать в проводимых каждые три года в провинциальном центре экзаменах на соискание ученой степени: «Осенью я разобью горшки, потоплю лодки и запасусь продовольствием всего на три дня. Это уловка, благодаря которой я изловлю главаря разбойников [намек на стратагему 18, где подразумевается успешная сдача экзаменов] и собью солнце [(«шэ жи»)=осуше-ствлю, казалось, невозможное]». Посредством направленной против себя же стратагемы Чэнь Цзитай добился успеха. Он выдержал не только провинциальный экзамен, но через год и высший экзамен в столице. И это, как замечает династийная хроника *История Мин* [гл. 280], в возрасте 68 лет!

28.3. Биться, став спиной к реке

«На втором году правления [дома Хань] (205 до н. э.) [хань-ские войска] вышли за пределы застав и овладели землями вэй-ского [вана Вэй Бао], хэнаньского [вана Шэнь Яна], а ханьский [ван Чжэн Чан] и иньский [ван Сыма ан] сдались. Объединившись с силами [княжеств] Ци и Чжао, [ханьцы] напали на Чу. В четвертой луне ханьские войска достигли Пэнчэна, но, потерпев поражение, отступили и рассеялись. [Хань] Синь вновь собрал войска и встретился с Хань-ваном в Инъяне. [Они] вновь атаковали чусцев и разбили их между Цзин и Со. Из-за этого чусские войска так и не сумели продвинуться на запад. Когда ханьцы потерпели поражение и отступили под Пэнчэном, Сай-ван [Сыма] Синь и Ди-ван [Дун] И покинули Хань и сдались Чу, [правители княжеств] Ци и Чжао тоже выступили против Хань и замирились с Чу. В шестой луне вэйский ван Бао под предлогом посещения больших родственников уехал в свое владение. [После этого он] перекрыл сообщение между Хуанхэ и [заставой] Хэгуань, изменил Хань и заключил мирное соглашение с Чу. Ханьский ван послал господина Ли [И-цзи] уговорить [вэй-ского] Бао [остаться верным Хань], но безрезультатно. Тогда в восьмой луне, назначив [Хань] Синя *цзочэньсяном*, [Хань-ван] ударил по Вэй. Вэйский ван стянул значительные силы в Пуфань, перекрыл путь через заставу Линьцининь. Тогда Хань Синь демонстративно выстроил войска на берегу, развернул суда, как бы намереваясь перейти реку у [заставы] Линьцининь, а сам скрытно сосредоточил войска у Сяяна и стал переправляться через Хуанхэ на плотках с привязанными к ним [для устойчивости] глиняными кувшинами и неожиданно напал на Аньи. Вэйский ван Бао был захвачен врасплох, он повел войска навстречу [отрядам] Синя, но тот захватил Бао в плен, завоевал Вэй и учредил [там] область Хэдун. Затем ханьский ван объединил силы Чжан Эра и [Хань] Синя и направил их на восток. Они с севера напали на Чжао и Дай. В високосной девятой луне дайские войска были разбиты. Под Юйюем был взят в плен Ся Юэ. [Так] Синь покорила Вэй, разбил Дай. В это время [Хань-ван] прислал гонца с приказом собрать отборные части и выступить к Инъя-ну для отражения нападения со стороны Чу. [Хань] Синь и Чжан Эр с несколькими десятками тысяч воинов намеревались двинуться на восток, пройти Цзинсин и ударить по [княжеству] Чжао. Чжаоский ван и Чэньань-цзюнь Чэнь Юй, узнав о том, что ханьские войска намереваются напасть на них, стянули свои силы к заставе Цзинсин (находится в одноименном современном уезде провинции Хэбэй), распустив слух, что будто бы они располагают двухсоттысячным войском. Правитель Гуаньгу [по имени] Ли Цзо говорил Чэньань-цзюню: «Я слышал, что ханьский военачальник Хань Синь переправился через Сихэ, взял в плен вэйского вана, схватил Ся Юэ, потопил в крови Юй-юй. Сейчас ему помогает и Чжан Эр, их цель — захватить Чжао. Это войско, увлеченное победами, покинуло свои пределы и ведет дальние бои, они не смогут сражаться стойко. К тому же говорят: «Когда армия снабжается провиантом за тысячи ли, у воинов всегда голодный вид, им приходится собирать хворост и солому, чтобы приготовить себе пищу; у войска нет ни нормальной еды, ни ночлега». Кроме того, дороги через Цзинсин такие, что там не разминутся две повозки, не пройдет строй конников. [Когда войска] идут по таким дорогам несколько сотен ли, запасы продовольствия оказываются далеко позади. Прошу вас дать мне на время тридцать тысяч лучших воинов, я пойду окольными путями [и] прерву их снабжение, а вы тем временем насыплете высокие валы, выкопаете рвы, построите прочные укрепления, но не будете вступать с ними в бой. Так противник, двигаясь вперед, не сможет вступить в сражение, а двигаясь назад, не сможет вернуться [домой]. Мои воины отрежут его тылы, мы запрем его в местах, где нечем будет поживиться. Не пройдет и десяти дней, как головы обоих ханьских военачальников будут лежать под вашими знаменами. Прошу вас, правитель, внимательно обдумать мое предложение, иначе мы станем пленниками этих двух военачальников». Чэньань-цзюнь [Чэнь Юй] был истым конфуцианцем, он всегда считал, что войска, сражающиеся за правое дело, не прибегают к коварным замыслам и хитрым планам (отклонив предложенные вкупе стратагемы 19 и 22). [Поэтому он] ответил: «Я слышал, что законы войны гласят: «Если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон, если у тебя сил больше вдвое, то сражайся» (см. 22.1). Сейчас Хань Синь утверждает, что у него в войсках насчитывается несколько десятков тысяч человек, но фактически их не более нескольких тысяч. Чтобы напасть на нас, ему пришлось преодолеть тысячу ли, его войско уже на пределе своих сил. Если сейчас укрыться и не вступать в сражение, то, когда в будущем появится более мощный противник, как мы будем ему противостоять?! Ведь в этом случае *чжу-хоу* сочтут нас трусливыми и захотят напасть на нас». Он не прислушался к соображениям Гуаньгу-цзюня. Планы Гуаньгу-цзюня не были использованы. А Хань Синь

послал своих лазутчиков узнать, как идут дела в стане противника. Они узнали, что советы Гуанью [-цзюня] не приняты. Когда его люди, вернувшись, доложили ему [об этом], он очень обрадовался и осмелился спустить свои войска с перевала вниз. Не дойдя тридцати ли до заставы Цзинсин, он остановил войска на ночевку. В полночь он отдал приказ действовать. Было отобрано две тысячи легковооруженных конников, каждый из них держал в руках красный [ханьский] флаг. Им было приказано пробраться глухими горными тропами и наблюдать за чжаоской армией.

В [отданном] распоряжении говорилось: «Когда чжаосцы увидят, что мы отходим, они непременно бросят свои укрепления и станут преследовать нас; тогда вы стремительно ворветесь в чжаоские бастионы, сорвете знамена Чжао и водрузите наши ханьские красные стяги». Одновременно [он] приказал своим помощникам — младшим военачальникам выдать воинам очень немного пищи для укрепления сил, сказав при этом: «Сегодня же разобьем чжаосцев и устроим пир!» Никто из военачальников не верил в успех, но с притворной решительностью [они] ответили: «Так оно и будет!» Другим командирам [Хань Синь] сказал: «Чжаосцы уже заняли выгодные позиции на местности и построили свои укрепления, кроме того, не обнаружив на нашей стороне флага и барабана старшего военачальника, они не станут нападать на наши головные части, они будут бояться, что мы, достигнув неприступных гор, повернем обратно». После этого [Хань] Синь послал десять тысяч воинов в качестве передового отряда, и они, выйдя из горного прохода, заняли свои позиции, став спиной к реке. Чжаоские воины, издали наблюдая [за этими построениями], громко смеялись. На рассвете Синь водрузил знамя и барабаны старшего военачальника и под барабанный бой вышел из горловины горного прохода Цзинсин. Чжаосцы распахнули ворота крепости и бросились в атаку. Ожесточенный бой продолжался долго. Тогда Синь и Чжан Эр, делая вид, что бросают знамена и барабаны, стали отходить к войскам, стоявшим у реки. Строй разомкнулся, и их пропустили внутрь лагеря, а битва возобновилась с прежним ожесточением. В результате чжаосцы бросили свои укрепления, стали сражаться за ханьские знамена и барабаны, преследовать Хань Синя и Чжан Эра. Но Хань Синь и Чжан Эр уже успели скрыться в порядках армии, стоящей на берегу реки, и ханьские войска продолжали борьбу не на жизнь, а на смерть. Сокрушить их было невозможно. В это время две тысячи отборных конников, посланные [Хань] Синем в обход, в надежде развить успех, дождались момента, когда чжаосцы покинули свои позиции, и бросились на чжаоские укрепления. Они сорвали чжаоские знамена, [вместо них] водрузили ханьские красные стяги числом до двух тысяч. Чжаоские войска, не добившись победы и не сумев захватить [Хань] Синя и других, решили возвратиться в свои укрепления, но там уже развевались красные ханьские знамена. Среди чжаосцев наступило замешательство, они решили, что ханьцы уже захватили в плен вана Чжао и их военачальников. Они стали в беспорядке разбегаться. Чжаоские военачальники попытались рубить головы отступающим, но остановить бегства не смогли. Тогда ханьские войска взяли противника в клещи, армия Чжао была разбита и частично взята в плен. Чэньань-цзюня [Чэнь Юя] убили на реке Чжишуй, а чжаоский ван Се был взят в плен. Затем Хань Синь издал приказ по армии о том, чтобы ни в коем случае никто не убивал Гу-анью-цзюня [Ли Цзо], а тому, кто доставит его живым, была обещана награда в тысячу золотых. Нашелся в армии человек, который, захватив и связав Гуанью-цзюня, доставил его к командующему. Синь развязал веревки у пленного, усадил его лицом к востоку, сам сел напротив, лицом к западу, и стал обращаться к нему как к наставнику. Военачальники приносили головы казненных и приводили пленных, поздравляли с победой. Они говорили Хань Синю: «В «Законах войны» сказано: «Располагай войска так, чтобы горы и возвышенности оставались справа и позади, а реки и водоемы находились спереди и слева». Ныне же вы, командующий, приказали нам развернуться спиной к реке и заявили: «Разобьем Чжао и устроим пир». Нам все это было не по душе. Однако в конце концов все окончилось победой. Почему так?» Синь отвечал им: «Все это есть в «Законах войны», только вы не осмыслили их как следует. Разве в них не сказано: «Бросай своих солдат в безвыходное место, и они будут жить, размести их в гиблом месте, и они уцелеют»? Кроме того, я, Синь, не располагал подготовленными и достойными мужами, и пришлось, как говорится, «посылать в бой людей с базарной площади». При таких условиях останется только поставить солдат в смертельно опасное место, там они будут биться за свою жизнь. Если же поставить их в безопасное место, они все разбегутся. Разве можно было распорядиться ими иначе!» [Сьма Цянь. Исторические записки. Пер. Р. Вяткина, т. 8, гл. 92, с. 112-116].

Хотя Хань Синь представляет свой головоломный план всего лишь как привлечение уже имеющейся китайской военной теории, Лу Утун превозносит его в пекинской газете для интеллигенции *Гуанмин жибао* от 28 августа 1998 г. в статье «Важнейшие достижения военной мысли при Западной Хань» [206 До н. э. — 24 н. э.]: «В битве у заставы Цзинсин Хань Синь глубоко продвинулся по опасной местности и, расположившись спиной к реке, одолел чжаоское войско. Это был настоящий прорыв в военном искусстве китайской древности».

От победы Хань Синя у Цзинсин пошла поговорка «Сражаться с водной преградой за спиной» («бэй шуй и чжань») в значении «отступать некуда, победа или смерть». «Ухань: прочь иллюзии, будем биться спиной к реке!» Такой вот заголовок носило сообщение о борьбе с наводнением, к которому в столице провинции Хубэй не отнеслись с должным вниманием (*Китайская молодежь [Чжунго циньянь бао]*. Пекин, 19.08.1998, с. 1). Раз данный фразеологизм в образной форме служит призывом к проявлению крайней

решимости перед лицом грозящей опасности, то согласно исследователю стратагем Юй Сюэбиню он выступает иным выражением стратагемы 28. Под заголовком «Пекинский восточный квартал отправляет высокопоставленных чиновников в «битву спиной к реке» для улучшения методов работы полиции» пекинская *Рабочая газета (Гунжэнь жибао)* от 21 мая 1998 г. сообщает, что в данном городском районе отделение городской службы общественной безопасности отправило на места 33 высокопоставленных чиновников. Чиновники были распределены по одиннадцати полицейским участкам, занятым регистрацией жильцов и подобного рода работой. Сохраняя свои должности, они должны были в качестве «помощников начальника полицейского участка» устранить так называемые «четыре трудности». Местное население жаловалось на то, что трудно: 1. обратиться с просьбой; 2. встретить приветливые лица, 3. услышать приветливое слово и 4. добиться исполнения просьбы. Спущенным в низы чиновникам пригрозили, что если по прошествии некоторого времени люди все еще будут проявлять недовольство, они потеряют свои прежние должности и останутся работать простыми полицейскими.

28.4. Как возвести в императоры несговорчивого отца³⁸⁸

Деспотичным, жестоким, воинствующим и порочным предстает император Ян-ди (правил 605—618). При нем закончила свое правление недолговечная династия Суй (581—618). Разразились крестьянские восстания. Императорские войска стали выказывать непослушание. Видя все большую неразбериху в стране, двадцатилетний Ли Ши-минь (598—649) решил, что дни суйской династии сочтены. Он вынашивал далеко идущие планы: завоевание империи. Втайне он стал расставлять свои сети. Одному ему было не справиться. Требовалась поддержка отца Ли Юаня (565—635).

«Область Тайюань, куда Ли Юань был назначен наместником, занимала выгодное стратегическое положение. От Центрального Китая она была защищена горными цепями Тайхан-шань и Утайшань. Через областной центр Тайюань, лежавший на берегах притока Хуанхэ р. Фэньшуй (Фэньхэ), пролегли важнейшие пути из Центрального Китая на запад. Основным местом пребывания Ли Юаня стал уездный город Цзиньян. Именно здесь осуществлялась подготовка выступления против Суй. *Анналы (бэньцзи)* династийных историй полностью приписывают инициативу Цзиньянского восстания Ли Ши-миню, который всегда мечтал о воцарении клана Ли в Поднебесной, но долго не мог убедить нерешительного отца начать действовать. Согласно «Синь Тан шу» [Оуяна Сю (1007—1072)], Ли Ши-минь разработал план восстания совместно с бывшим уездным начальником Цзиньяна Лю Вэнь-цзином. План заключался в том, чтобы из нескольких десятков тысяч человек, спасавшихся от «разбойников» в Тайюане, создать повстанческую армию. С этим планом к Ли Юаню был направлен помощник управляющего (*фуцзянь*) императорским дворцом в Цзиньяне Пэй Цзи (560—619), подкупленный Ли Ши-минем. Ли Юань решительно пресек разговоры о восстании (возможно, не пожелав посвящать Пэй Цзи в свои сокровенные замыслы). Тогда Пэй Цзи выкрал из цзиньянского дворца императора Ян-ди красавиц (или красавицу) и направил их (ее) в подарок от своего имени Ли Юаню. Через некоторое время Ли Ши-минь и Пэй Цзи явились, чтобы сообщить о серьезном преступлении — осквернении императорских наложниц — и о неизбежности восстания как спасения от кары. Ли Юань вначале упорствовал и даже пригрозил сыну арестом, но все же был вынужден согласиться поднять войска [«Синь Тан шу» (Новая история династии Тан). Пекин, 1986, цз. 1, с. 2-3]» [Попова И. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература РАН, 1999, с. 15-16].

Подтолкнуть на такие действия своего отца Ли Ши-миню Удалось благодаря использованию стратагемы 28, считает исследователь стратагем Юй Сюэбинь. Воспользовавшись услугами императорских наложниц, Ли Юань тем самым совершил карающееся смертью преступление. Он оказался на «крыше». Совершенное им оскорбление царственной особы могло в любую минуту дойти до слуха императора, и тогда гибель очутившегося на «крыше» Ли Юаня была бы неминуемой. Он не мог обратить события вспять, так что «лестницы» спуститься с «крыши» у него попросту не было. Путь назад был отрезан, оставалось идти вперед.

Ли Юань восстал в 617 г., соединился с тюркскими племенами и двинулся к тогдашней столице Чанъань, где и провозгласил создание новой династии Тан (618—907), а сам стал императором Гао-цзу (618—626). Ли Ши-минь наследовал ему под именем Тай-цзуна (626—649).

³⁸⁸ О восшествии на престол Ли Юаня с привлечением множества исторических китайских документов см. кн.: Попова И. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература РАН, 1999. —Прим. пер.

28.5. Беседа, состоявшаяся между небом и землей

Лю Бяо, правитель Цзинчжоу (на территории нынешней провинции Хубэй), пригласил к себе своего дальнего родственника Лю Бэя. Он хотел посоветоваться с ним относительно будущего своего владения. Лю Бэй сопровождал его новый советник Чжугэ Лян (см. также 20.15). «В скором времени Лю Бэй откланялся и возвратился на подворье... [Вскоре] слуга доложил, что пришел сын Лю Бяо — Лю Ци. Лю Бэй велел просить его. Лю Ци поклонился и со слезами на глазах обратился к Лю Бэю: «Пожалейте и спасите меня, дядюшка! Моя мачеха ненавидит меня, и я утром не знаю, доживу ли до вечера!» — «Зачем ты обращаешься ко мне, дорогой племянник? — насторожился Лю Бэй. — Ведь это дело семейное». Чжугэ Лян, присутствовавший при этом, улыбнулся. Лю Бэй обратился к нему за советом. «В семейные дела я вмешиваться не могу», — сказал тот. Лю Бэй проводил Лю Ци. «Завтра я пришло к тебе Чжугэ Ляна с ответным визитом, дорогой племянник, — шепнул ему Лю Бэй. — Поговори с ним, он что-нибудь тебе посоветует». Лю Ци поблагодарил. На следующий день Лю Бэй, сославшись на то, что у него колики в животе, послал Чжугэ Ляна навестить Лю Ци. Тот отправился. Лю Ци пригласил гостя во внутренние покои. Подали чай. После чая хозяин сказал: «Будьте так добры, посоветуйте, как мне спастись от мачехи, которая терпеть меня не может!» — «Я здесь всего лишь гость и в семейные дела других вмешиваться не могу, — возразил Чжугэ Лян. — Если об этом станет известно, пойдут неприятности». С этими словами Чжугэ Лян встал и начал прощаться. «Нет, нет, не уходите! — заторопился Лю Ци. — Раз уж вы пришли, я вас не отпущу без угощения!» Он увел Чжугэ Ляна в потайную комнату и стал угощать вином. «Умоляю вас, спасите меня от моей мачехи! — снова начал Лю Ци. — Она так ненавидит меня!» — «В таких делах я советовать не могу!» — отрезал Чжугэ Лян и хотел уйти. «Хорошо! Пусть будет так, — остановил его Лю Ци. — Но почему вы так торопитесь?» Чжугэ Лян сел. «У меня есть древняя рукопись. Не хотите ли вы ее посмотреть?» — предложил Лю Ци и повел Чжугэ Ляна на небольшую башню. «Где же рукопись?» — удивленно спросил Чжугэ Лян. «О учитель! Неужели вы ни слова не скажете, чтобы спасти меня?» — Лю Ци поклонился, и слезы навернулись у него на глаза. Чжугэ Лян вспыхнул и хотел спуститься с башни, но лестницы не оказалось. «Дайте мне совет, — не унимался Лю Ци. — Может быть, вы боитесь, что нас кто-либо подслушивает? Здесь можно говорить смело. Ваши слова не дойдут до неба и не достигнут земли! То, что сойдет с уст ваших, войдет в мои уши...» — «Ну что я могу вам посоветовать? — перебил его Чжугэ Лян. — Не могу же я сеять вражду между родными!» — «Что же мне делать? Если и вы отказываетесь дать совет, то судьба моя решена! Я умру тут, перед вами!» — Лю Ци выхватил меч и хотел покончить с собой. «Постойте! У меня есть предложение!» — остановил его Чжугэ Лян. «О, говорите, говорите!» — вскричал Лю Ци. «Вы что-нибудь слышали о деле Шэнь Шэна и Чжун Эра? — спросил Чжугэ Лян. — Помните, как Шэнь Шэн остался дома и погиб, а Чжун Эр уехал и жил спокойно? Почему бы вам не уехать в Цзянся, подальше от опасности. Ведь после гибели Хуан Цзу (152—208) там некому нести охрану». Обрадованный Лю Ци трижды поблагодарил Чжугэ Ляна за совет. Затем он приказал поставить лестницу и свести Чжугэ Ляна с башни. Гость попрощался и покинул дом. Вернувшись на подворье, он обо всем подробно рассказал Лю Бэю. Тот был очень доволен. На другой день Лю Ци заявил отцу, что хочет ехать охранять Цзянся. Лю Бяо решил посоветоваться с Лю Бэем. «Я думаю, что ваш сын как раз подходит для этого, — сказал ему Лю Бэй. — Цзянся очень важное место, и нельзя, чтобы его охраняли люди посторонние. Пусть ваш сын займется делами юго-востока, а я займусь делами северо-запада». Лю Бэй распрощался с Лю Бяо и вернулся в Синье. Вскоре по приказу отца Лю Ци с тремя тысячами воинов выехал в Цзянся» [«Троецарствие», гл. 39: *Ло Гуанъчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М., 1954, т. 1, с. 481—484].

28.0. Одним приемом побороть застенчивость

«Сокурсник Ли с факультета китайского языка был блистателен во всех отношениях, только был слишком замкнутым. Ничто его так не пугало, как выступление перед аудиторией. За это над ним частенько подтрунивали.

Однажды его хороший приятель Чжан попросил о помощи. Ему хотелось поучаствовать в университетском диспуте, однако составить дельный доклад сам он не мог. Не сделал бы это за него Ли, которому подобное ничего не стоит? Ли с готовностью согласился и тотчас принялся за дело. Он обзавелся нужной литературой и целиком отдался работе. Через три дня все в его голове выстроилось, так что, сев за стол, он одним махом написал статью в несколько тысяч знаков. Вот теперь у приятеля будет неплохой доклад, думал он, довольный собой.

Спустя несколько дней приятель опять пришел к нему, он был расстроенный и сказал: «На поданной в комитет рукописи стояло твое имя, и там мне сказали, что с чужим докладом я не имею права выступить на диспуте. Поэтому придется идти тебе самому». Ли был крайне удивлен, поскольку не знал о подобных правилах, да, по правде говоря, не мог припомнить, что подписывал свою рукопись. Но раз дело обернулось таким образом и его внесли в число участников диспута, придется выступать. И он с утра до вечера стал готовиться к предстоящей речи.

Спустя месяц состоялся диспут. Товарищ Ли поднялся на трибуну. Он был горд за свое сочинение, да к тому же изрядно натаскался, готовясь к выступлению. И когда он заговорил, в его голосе была страсть и сила, так что даже излишнее волнение не портило общего впечатления. Речь плавно лилась с трибуны, а после объявления результатов диспута оказалось, что он вошел в десятку лучших ораторов университета. Лишь позднее Ли узнал, что его подпись под докладом поставил сам приятель, подстроив тем самым его участие в диспуте».

В качестве примера по использованию стратагемы 28 нань-цинская газета *Вестник услуг (Фуу даобао)* в номере за 28 сентября 1996 г. поместила в ряду очерков «36 стратагем» этот присланный читателем случай. Предмет стратагемы товарища Ли поместили в обстоятельства, перед которыми он оказался бессилён. Отступить было столь же мучительно, как и соглашаться. Раз уж его затащили на «крышу» участия в диспуте, пришлось из нужды делать добродетель. Вот так и помогло Ли дружеское использование стратагемы 28 в преодолении досаждавшей ему застенчивости.

28.7. Семья наподобие братской могилы

«...И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени Каин принес от плодов земли дар господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. И сказал господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Бытие 4:2—8). Таким образом, небрежение бога к Каину и благоволение к брату его Авелю — данное поведение бога прямо указывает на стратагему сеяния раздора 33 — озлобило Каина и подтолкнуло к замыслению убийства.

Другие два брата принадлежали к древнеегипетским богам: Осирис и Сет [у греков Тифон]. Осирис получил от своего отца Геба [у греков Крон] плодородные земли, а Сету достались прочие, пустынные земли. «13. Рассказывают, что, воцарившись, Осирис тотчас отвратил египтян от скудного и звероподобного образа жизни, показал им плоды земли и научил чтить богов; а потом он странствовал, подчиняя себе всю землю и совсем не нуждаясь для этого в оружии, ибо большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Поэтому греки отождествили его с Дионисом. И говорят, что Тифон в его отсутствие ничего не предпринимал, потому что Исида, обладая всей полнотой власти, очень старательно стерегла его и наблюдала за ним, по возвращении же Осириса стал готовить ему западню, втянув в заговор семьдесят два человека и имея сообщницей эфиопскую царицу по имени Асо. Он измерил тайно тело Осириса, соорудил по мерке саркофаг, прекрасный и чудесно украшенный, и принес его на пир. В то время как это зрелище вызвало восторг и удивление, Тифон как бы в шутку предложил преподнести саркофаг в дар тому, кто уляжется в него по размеру. После того как попробовали все по очереди и ни одному гостю он не пришелся впору, Осирис вступил в гроб и лег. И будто заговорщики подбежали, захлопнули крышку и, заколов ее снаружи гвоздями, залили горячим свинцом, затащили гроб в реку и пустили в море у Таниса, через устье, которое поэтому и теперь еще египтяне зовут ненавистным и мерзким» [Плутарх «Об Исиде и Осирисе». Пер. с др.-гр. Н. Трухиной. ВДИ, 1977, № 3, с. 254-258]³⁸⁹.

И у мифического китайского императора Шуня (2317—2208 до н. э.) оказались скверные ближайшие родственники. «Отец Шуня Гу-соу был слепым. Когда умерла мать Шуня, Гу-соу снова женился, и у него родился сын Сян (см. 16.18). Сян [отличался] заносчивостью. Гу-соу любил сына от второй жены и поэтому много раз хотел убить Шуня, [но] Шунь убежал и скрывался. Когда [Шунь] совершал небольшой проступок, он [послушно] принимал наказание. [Шунь] покорно служил отцу, мачехе и младшему брату, каждодневно проявлял искренность и почтительность, ни в чем не допуская нерадивости. Отец Шуня Гу-соу был склонен к порокам, мачеха — сварлива, а младший брат Сян — заносчив, и все они хотели убить Шуня. Но Шунь покорно следовал [их воле], не нарушая сыновнего долга, дружески относился к младшему брату и почтительно к мачехе. Когда хотели убить Шуня, то не находили его, когда же [от него] что-то требовали, он всегда оказывался рядом» [«Ши цзи», гл 1: *Сьма Цянь*. Исторические записки, т. 1. Пер. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 2001, с. 141 — 142]. В Древнем Китае благодаря такому своему поведению он стал одним из 24 образцов проявления сыновнего долга.

Однажды, как пишет второй по значимости конфуцианский мыслитель Мэн Кэ, «...отец и мать Шуня

³⁸⁹ Зенгер приводит изложение мифа из книги: Вальтер Бельц (Beltz). *Лодки богов* («Die Schiffe der Götter»). Берлин, 1987, с. 68 и след.

послали его покрыть крышей житницу. Оттащив лестницу, Гу Соу поджег эту житницу» [«Мэн-цзы», 9.2: в пер. Колоколова с. 131].

Покушения на убийство, замысленное Каином и Сетом, указывают на использование стратагемы 28. Совершенно открыто ей следовал отец Шуня. Данный пример показывает, что стратагема 28 может быть направлена и на уничтожение жертвы стратагемы. В таком случае она смыкается со стратагемой 22, разумеется, при расширенном толковании с добавлением одного шага: «заманить в комнату, запереть дверь, схватить вора».

28.8. Разменянный в игре как пешка

В 316 г. рухнула недолговечная династия Цзинь [«Западная Цзинь»], в 280 г. покончившая с Троецарствием и объединившая под своей властью Китай (см. 27.5). Часть правящего рода Сыма цзиньской династии бежала на юг и в районе нынешнего Нанкина создала новое государство, получившее название «Восточная Цзинь» [317—420]³⁹⁰. Это было одно из 20 государств, на которые распался в IV и начале V вв. единый Китай. В Восточной Цзинь своего наивысшего расцвета достигла восточно-азиатская культура IV—V вв. «Но сопутствующие явления подобной чрезмерной утонченности оказались ужасными... Весь досуг посвящали козням, более отвратительным, чем когда-либо прежде» (Вольфрам Эберхард (Eberhard). *История Китая* («Geschichte Chinas»). Штутгарт, 1971, с. 192). На первом месте был двор и его окружение. Ни один из правителей восточно-цзиньской династии не обладал ни личным, ни политическим весом. Власть династии была крайне ограничена. В этих условиях полководец Хуань Вэнь (312—373) родом из влиятельной семьи, происходившей из одного с императорским домом города, попытался укрепить свою власть. Благодаря удачным походам он стал приобретать все большее влияние. Для его острастки император [Му-ди (343—361, правил 344—361)] вызвал ко двору хоть и блистательного, но неспособного [к военному делу] сановника Инь Хао (ум. 356 н. э.). В 351 и 352 Инь Хао потерпел два поражения [в походе на север], чем не преминул воспользоваться Хуань Вэнь, направивший императору доклад с резкими нападками на Инь Хао. Слабовольный [которому на ту пору было девять лет] император разжаловал Инь Хао в разряд простолюдинов [«шу жэнь»]. Раздосадованный Инь Хао сказал: «Император возвел меня на стоярусную башню, а ныне, забрав лестницу, удаляется» [«Шан жэнь чжо бай чи лоу шан дань ти цзян цюй»]. Его слова сохранила танская энциклопедия «Записи для приступающих к учебе» («Чусюэ цзи», 30 тт., 749 г.)

Вообще государственная организация в Южном Китае с самого начала была слабой. Аристократия, захватившая значительные территории, была очень могущественна и оказывала большое влияние на ход политических дел. При дворе постоянно плелись тайные заговоры; время от времени власть узурпировали влиятельные сановники, принадлежавшие к тому или иному могущественному клану. При Юань-ди все высшие должности занимали представители рода Ван. Глава этого клана Ван Дао (276—339) был главным советником императора. При Чэн-ди (правил 325—342) управление перешло к Юй Ляну (289—340), родственнику императора по женской линии. Затем в царствование Му-ди (правил 344—361) произошло быстрое возвышение клана Хуань, который подчинил себе Цзинчжоу и сделался значительно сильнее дома Ван. Дело дошло до того, что в 361 г., после смерти Му-ди, глава Хуаней, Хуань Вэнь, попытался завладеть престолом. Другие аристократические роды поддержали тогда династию Цзинь, и замыслы Хуань Вэня не осуществились (*там же*, с. 453). —Прим. пер.

[24-й том], составленная Сюй Цзянем (659—729) по поручению императора Сюань-цзуна (правил 847—859) для обучения императорских сыновей, а до этого они появились в сборнике «Ходячие толки в новом

³⁹⁰ Родоначальником династии Восточная Цзинь был близкий родственник западноцзиньского императора Хуай-ди, Сыма Жуй (276—323), князь Ланье. В 307 г. он был назначен на должность военного губернатора Янчжоу и Цзяннаня. Прибыв в Южный Китай, Сыма Жуй избрал своей ставкой город Цзянье (Нанкин). Вскоре на севере Китая начались смуты, сделавшие правителя Янчжоу практически независимым. В 316 г. хунну взяли северную столицу Чанъань и пленили императора Минь-Ди. При таких обстоятельствах Сыма Жуй принял в 317 г. титул князя Цзинь. Его власть признали все южные районы Китая, расположенные в бассейне Янцзы и к югу от нее. В том же году пришла весть о смерти императора Минь-ди. Тогда Сыма Жуй провозгласил себя императором под именем Юань-ди. Своей столицей он объявил Цзянье (переименованный в связи с этим в Цзянькан). Основанная им династия вошла в историю под именем Восточная Цзинь. В эти годы весь Северный Китай был завоеван кочевыми племенами, хлынувшими в него со всех сторон и образовавшими на его территории свои «варварские» царства. Южному Китаю удалось избежать этого нашествия, так как река Янцзы представляла в то время фактически непреодолимую преграду для кочевников. Под ее защитой цзиньцы смогли собраться с силами и в последующие годы перейти в наступление против северян (К. Рыжов. «Все монархи мира. Древний Восток». М.: Вече, 2001, с. 451—452).

пересказе» («ши шо синь юй») восточ-но-цзиньского царевича Лю Ицина (403—444) в 28-й главе «Разжалование» [«Чу мянь»: «шан жэнь чжо бай чи лоу шан, дань ти цзян цюй»]. Выражение для стратагема 28 здесь дано в общих чертах и рисует вероломное поведение: человека, когда в нем нуждаются, ставят на высокое место, а затем при возникновении непредвиденных обстоятельств бросают на произвол судьбы вместо того, чтобы помочь сохранить положение и лицо.

28.9. Персик бессмертия на обычном блюде

Наставник чань Цзаоцань из монастыря Духовный источник [«Линъюаньсы»] проводил занятия в одном из залов в Хуан-лун. Его слава честного мужа была широко известна в буддийских кругах. В 1094 г. буддист-мирянин господин Чжан [Шаньин (1043—1122)] по прозвищу Неистошимый [Уцзин] был поставлен надзирать за сбором риса в Цзянси. В ту пору монастырь Духовный источник оказался в подведомственной господину Чжану области Синхуа. Господин Чжан распределял свои доходы равномерно по различным областям, обходясь со всеми сословиями учтиво. Так, он уговаривал Цзаоцаня оставить свой монашеский сап и поступить на службу в Юйчжане. Однако Цзаоцаню в этом препятствовал обет, данный им бодхисаттве Гуаньинь (см. 19.13). Обет был достаточно строг, что и не позволяло наставнику чань принять приглашение и перейти на мирское поприще. Он лично составил письмо, где сообщает о своем отказе: «У меня нет ни кола ни двора. Я обрек себя на жизнь в бедности и служение живым существам. Прискорбно, что иных досточтимых качеств мне не отпущено. Вы удостоили меня лестным предложением. Но двери в мир открыты мне тяжко. Я живу подавляем среди поросших зеленью холмов и врачую свое больное от вьевшейся мирской пыли тело». Придворный астролог (речь идет о поэте и каллиграфе Хуан Тинцзяне (1045—1105)), остановившийся в Синхуа, беспокоился о делах в тех местах. Он отправил письмо господину Чжану, где говорилось: «Да будет благословенна Гуаньинь! Вы удостоиваете высочайшего внимания честного мужа, наставника чань Цзаоца-ня. Но ведь он не поступит на службу, даже если бы и хотел. Да это и неплохо. Персик бессмертия [сяньтао] созревает лишь раз в 3000 лет. Его нельзя срывать сразу после опадания цвета, подобно абрикосу. Мы оба должны ободрить его, поддержав наставника чань на его буддийской стезе и ради этого протянув ему руку помощи. Нельзя, усадив человека на дерево, убрать затем лестницу».

Данный случай описан в «Неофициальных записках с озера Ло» [«Ло ху елу», 1155] Сяоин Чжунвэня (XII в.). Крайне схожее с выражением для стратагема 28 используемое придворным астрологом словосочетание можно истолковать так: наставник чань Цзаоцань слишком выдающийся человек, чтобы покинуть свое духовное поприще и стать чиновником. Предлагая ему важное место, его как бы поднимают на дерево против собственной воли, где на него будут устремлены взоры тех, кто ожидает его согласия. Нельзя его просто предоставить самому себе и убрать из-под дерева лестницу, оставив его наедине со своим «нет» и вынуждая к резкости со своими почитателями. Напротив, Цзаоцаню необходимо срочно помочь спуститься с дерева связанных с ним ожиданий и выразить понимание по поводу отказа и более его не беспокоить.

28.10. Собрался было сорвать магнолию

В своем известном рассказе «Красная магнолия под высокой стеной» («Да цян ся дэ хун юйлань», 1979) Цун Вэйси (род. 1933) повествует о честном сотруднике уголовного розыска, который на исходе «культурной революции» (1966—1976) был брошен в тюрьму бандой четырех. В день поминовения 1976 г. он поднимается по лестнице, умышленно в качестве ловушки оставленной у высокой стены исправительно-трудового лагеря, чтобы сорвать воткнутую в стену магнолию — любимый цветок скончавшегося в январе 1976 г. китайского премьер-министра Чжоу Эньлая — и положить рядом с его портретом. Заговор удался. Заключенный был застрелен часовым с вышки за «попытку к бегству». Окрашенная его кровью магнолия осталась лежать у стены.

28.11. Заманить противника в глубь своей территории

Но в каком бы значении ни выступала стратагема 28, само выражение стратагема употребляется крайне редко. За двадцатилетний временной отрезок я отыскал его в китайской прессе — исключая статей о 36 стратагемах — один-единственный раз, а именно в заглавии статьи о ходах, принесших победу некоему шотландцу в бридже (*Литературное собрание [Вэньхуэй бао].* Шанхай, 22.01.1989). Для словесного выражения стратагема 28 привлекают иные речевые обороты, и в рассматриваемом здесь ракурсе чаще всего это выражение «заманить противника в глубь своей территории» («ю ди шэнь жу»). Его использует Мао Цзэдун в статье 1938 г. *О затяжной войне* [«Лунь чицзючжань»; § 94]. В связке со стратагемой 22 стратагема 28 служит для подготовки целевой стратагема 22. Конкретные примеры такой связки приводятся в главе о стратагеме 22. Здесь же мы даем некоторые теоретические разъяснения проявляемой прежде всего в отношении военного противника второй ипостаси стратагема 28.

Для подъема противника, у которого, возможно, поначалу и в мыслях такого не было, на крышу, для его заманивания туда, в собственных оборонительных порядках нарочно оставляют для него брешь или совершают некий малый просчет. Таким образом, взору противника являют легко доступную «лестницу», вследствие чего у него возбуждают желание воспользоваться мнимой оплошностью соперника. Естественно, открываемая противнику брешь или совершаемый просчет не должен ослаблять собственных позиций. Брешь или просчет не должны быть велики, иначе возникнет угроза прорыва со стороны противника и утрата господства над ним. После того как противник воспользовался сулящей якобы урон сопернику возможностью и взобрался на «крышу», убирают «лестницу» и действуют согласно стратагеме 22.

«Уметь заставить противника самого подойти — значит заманить его выгодой» [«Сунь-цзы», 6.2 («Пустота и наполненность») («Цюй ши»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 149], — говорится в *Сунь-цзы*. Итак, противника можно заманить на «крышу» приманкой. Это может быть некая материальная ценность, но и предмет борьбы воюющих сторон, который нарочно оставляют в небрежении, чтобы противник бросился к нему. Размещение вожеленного предмета крайне важно. В случае близости противника предмет можно поместить непосредственно на «крышу» и разом заманить туда противника. В случае отдаленности противника он может не заметить находящийся на «крыше» вожеленный предмет, но даже заметив, он, пожалуй, крепко подумает, стоит ли вообще отправляться за ним. Здесь требуется разложить ряд приманок, которые в итоге и заведут противника на «крышу». Жертвование вожеленным для противника предметом не должно обратиться против вас, а сам предмет не должен привести к его усилению. Иначе вы совершите глупость, характеризуемую в китайском языке словами «выходить тигра и навлечь на себя несчастье» («ян-ху (цзы) и-хуань»), а в немецком — «не рой яму другому, сам в нее попадешь».

Противника можно завлечь на «крышу» и притворной слабостью, согласно 10-й из двенадцати военных уловок *Сунь-цзы*: «приняв смиренный вид, разожги в нем гордыню» [«Сунь-цзы», 1.7 «Первоначальные расчеты») («Цзи»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 122]. Тогда противнику нет смысла воздерживаться от нападения. Мнимая слабость должна сочетаться с действительно имеющейся, но скрываемой силой и готовностью встретить врага, чтобы тот для совершения удара вскарабкался на «крышу».

Не всякий противник дает заманить себя на «крышу». При проведении подобного маневра приходится иметь дело с пятью разновидностями неприятеля:

— жаждущий быстрого успеха противник, который не станет ожидать, пока созреют для этого условия; при виде близкой цели он пойдет напролом, не задумываясь о возможных последствиях;

— алчный противник, теряющий голову при виде близкой выгоды; он безрассудно бросается вперед, стоит замаячить перед ним хоть малейшей выгоде-,

— надменный неприятель, пренебрежительно относящийся к своему противнику;

— упрямый противник, подобно роботу следующий заранее заданной программе, отличающийся твердолобостью, косностью и схематизмом; достаточно устроить все согласно его программе, а у него и мысли не возникнет, что им просто манипулируют, и вскорости такой враг оказывается на «крыше»;

— легко возбудимый противник, быстро теряющий самообладание.

После завлечения противника обманным путем на «крышу» целесообразно убрать «лестницу», как только он ступит на крышу. Тем самым он не успеет ею воспользоваться, когда поймет, а это, пожалуй, произойдет довольно скоро, что его одурачили. Медленно и незаметно «лестницу» удаляют в том случае, когда хотят, чтобы противник не только влез на крышу, но и прошел в глубь нее. У общего противника убирают все «лестницы» лишь тогда, когда убеждаются, что настал черед для приведения в действие стратагемы 22.

Часто речь идет не о заманивании вражеского войска целиком на «крышу», а о расчленении отвлекающим маневром его на части и заманивании каждой из частей в отдельно устроенную засаду. Туда стягивают превосходящие собственные силы и по порядку уничтожают оказавшиеся в стесненном положении раздробленные вражеские силы.

Как заманить противника на «крышу»? Существует много способов, но два самых основных такие:

— заманивание отвлекающим маневром; данный способ возможен, если противник не знаком с особенностями местности или слабостями в расстановке ваших сил; здесь требуется строжайшее соблюдение тайны;

— вынуждение; угрожая противнику или иным образом оказывая на него давление, поставить его в положение, вынуждающее подняться на «крышу». Проведение стратагема 28 данным способом возможно при собственном превосходстве и наличии инициативы. Направление, куда вынуждают двигаться противника, необходимо контролировать, чтобы неприятель поднялся на требуемую «крышу», а не очутился совсем в ином месте. Здесь стратагема не держится в тайне от жертвы, а напротив, открыто предьявляется ей.

Рассматривая себя в качестве возможной жертвы стратагема 28, следует насторожиться при виде обещаемой выгоды и не хвататься за нее без нужды. Следует выяснить, стоит ли овчинка выделки. Прежде всего нужна осторожность в случае, когда противник тоже располагает возможностью схватить вожаделенный предмет, но почему-то не торопится это делать. Если при тщательном рассмотрении остается все же неясным исход сулимой выгоды, лучше от нее отказаться. Особенно это касается малых выгод, не дающих ощутимой прибыли, если ими воспользоваться, и не причиняющих большого вреда, если от них отказаться. Ведь многие по горькому опыту знают, как, прельстившись малой выгодой, оказывались в большом убытке.

В военных столкновениях стратагеме 28 можно противостоять приспособлением к обстановке. Вместо того чтобы уповать на шаблонные и устоявшиеся действия, нужно постоянно быть начеку и изучать сложившуюся обстановку. Необходимо учитывать даже малейшие, представляющиеся сомнительными данные. Следует выяснить, что скрывается за ними, будь то с помощью информационной стратагема либо посредством лазутчиков. Двигаться дальше можно, лишь разрешив все сомнения относительно окружающей местности. Желательно располагать несколькими вариантами действий и менять их так часто, чтобы противник не знал, как поступать. В любом случае следует сохранять хладнокровие. Оказавшись внезапно на «крыше» и без «лестницы», нельзя поддаваться панике. Лучше оглядеться вокруг и, возможно, в ином, отличном от того, где вы поднялись на «крышу», месте окажется подходящий спуск.

Подобно стратагеме 15 в стратагеме 28 противника тоже побуждают сменить место, но здесь есть некоторые отличия. Сами задачи обеих стратагем различны: лишение противника благоприятной для него позиции (стратагема 15) и заманивание противника в крайне невыгодную для него позицию (стратагема 28). Посредством стратагема 15 противника лишают известной ему местности, где он силен, и перемещают в новые условия, неблагоприятные для проявления его сил. Посредством стратагема 28 противника заманивают в крайне тяжелое, безнадежное положение, откуда нет выхода. В случае стратагема 28 сам противник мог явиться откуда угодно. Место же, куда его препровождают, четко очерчено. А вот в случае стратагема 15 противника спроваживают со вполне определенного места, и он может идти куда угодно в отличие от стратагема 28.

28.12. Как привлекают авиапассажиров

Некоторые авиакомпании предлагают своим клиентам после того, как они пролетали достаточно много километров, подарки. Если при этом меняют еще экономический (туристский) класс на бизнес-класс, получаются дополнительные выгоды вроде особых цен на услуги в гостиницах и т. д. Чем больше вы налетали расстояния, тем значительней сами подарки и привилегии.

Подобная политика компаний, с одной стороны, приманивает новых клиентов, а с другой — удерживает старых, которым тоже не хочется терять выгоды, получаемые от возрастающего километража. Они порой летают на этих линиях даже чаще, чем требуется. Вначале показывают выгоду, побуждающую клиентов выбирать такую авиакомпанию. А стоит сделать первый шаг, как новобранец переходит в ряды постоянных клиентов, которые не хотят терять имеющиеся за спиной километры и поэтому неизменно выбирают ту же самую компанию. И другие предприятия практикуют у себя подобного рода программы поощрений, которые можно рассматривать как приведение в действие стратагема 28.

28.13. Сделка о проведении свадебного торжества, заключенная одним махом

Жених с согласия невесты захотел устроить свадебное торжество в небольшой гостинице. С этой целью они решили обойти несколько заведений и разузнать о ценах и прочих условиях, чтобы затем сравнить предлагаемые условия и выбрать наиболее приемлемое для них место.

И вот они оказались в ресторане. Стоило им изложить свою ситуацию хозяйину, как тот учтиво осведомился: «Сколько гостей приглашено на свадебное торжество?» — и услышал в ответ: «Примерно шестьдесят человек». — «А сколько желаете столиков, семь или восемь?» — «Нас устроило бы восемь». — «А когда состоится торжество, в субботу или воскресенье?» — «В воскресенье в десять утра». После чего хозяин

немедля ответил: «Отлично, все будет сделано, как вы сказали. Заверяю вас, что останетесь довольны!» Юноша хотел было что-то добавить, но, взглянув на невесту, понял, что лучше ему помолчать. Вот так, не успели они оглянуться, как заказ получил хозяин первого попавшегося ресторана.

Согласно исследователю стратагем Юй Сюэбиню, хозяин использовал двойственный способ опроса. Все свои вопросы он строил на исходной посылке, что при любом вопросе ответ будет утвердительным. Тем самым хозяин препроводил своего собеседника в расставленную им ловушку. В рассматриваемом случае хозяин изначально предполагает, что посетители уже выбрали его заведение. Своими ответами лишь укрепляя это предположение, новобрачные в конце расспроса оказываются заведенными на «крышу», откуда еще не давшему своего согласия жениху, видя довольное лицо невесты, не хватает духу спуститься.

Чтобы не попасться в ловушку при таком использовании стратагемы 28, не следует спешить с ответом на заданный вопрос, а отбросить содержащееся в самом вопросе молчаливое предположение о своем изначальном согласии и уточнить существо дела, о котором идет речь. Это значит, что, прежде чем ответить, нужно сперва уяснить, задают ли вам простой вопрос, без умысла, или же с подвохом, где ответ содержит оценку скрываемого за вопросом изначального допущения.

28.14. Втащить наверх в корзине и оставить там

«Провал» в немецком языке означает среди прочего «отказ», «неудачу на экзамене», «неуспех у публики». Данное употребление слова восходит к средневековой побасенке (Schwank) «Писарь в корзине». Девушка с окна своей комнаты спускает на веревке неприглянувшемуся жениху корзину с худым дном. Когда она начинает поднимать его, тот, естественно, «проваливается». «Провалиться сквозь корзину» — вышедшее из употребления выражение, замененное нынче фразеологизмом «остаться с корзиной», т. е. «получить от ворот поворот при сватовстве или ухаживании» (Лутц Рерих (Röhrich). *Словарь пословиц и поговорок* («Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten»), т. 3. Фрейбург, 1999, с. 872). Девушка из побасенки, сохранившейся в разных вариантах, прибегает к стратагеме 28. О невзгодах, которые пришлось ему претерпеть, повествует влюбленный в появившейся в 1896 г. народной песне (см. Лутц Рерих; Рольф В. Бредних (Brednich). *Немецкие народные песни* («Deutsche Volkslieder»). Дюссельдорф, 1965, с. 276 и след.)³⁹¹.

Одна беда с девицами:

Слишком уж лихо они зачастую обходятся с мужчинами!

Они знают свое дело, а я не дам себя провести.

Девицы горазды разозлить и сбить с толку.

Однажды такую вот штучку повел я к «Королю мадьяр».

Едва ступив за порог, она говорит: «Я голодна».

Приказываю принести вина и пива,

Танцюю с ней до самой полуночи.

Рассчитываюсь и веду ее домой.

И когда мы отошли от трактира,

Я вспомнил про ключ.

³⁹¹ Песню под названием «Писарь в корзине [по имени] Генрих Конрад» («Heinriche Konrade der Schreiber im Korb») поместили в первый том состоящего как из фольклорных, так и литературных по происхождению песен трехтомника «Волшебный рог мальчика» («Des Knaben Wunderhorn», издан 1806—1808) немецкие романтики Ахим фон Арним (1781 — 1831) и Клеменс Брентано (1778—1842). — *Прим. пер.*

Я забыл его и не могу попасть к себе.

Она говорит: «Мой дорогой, не убивайтесь так,
Можете переночевать у меня, если пожелаете.
Нужно лишь дать чаевые привратнику,
И тогда без хлопот переночуете.

Здесь внизу в беседке нашего сада
Вам придется немного подождать:
Я подымусь наверх
И тихонько открою окошко.

Спущу сверху веревку.
Там будет петля, вы знаете, для чего.
Вам останется прикрепить снизу деревяшку,
И я втащу вас наверх.

Я доверился девице,
Оказавшейся на поверку плутовкой:
Дотащив меня до второго этажа,
Она оставила меня болтаться в воздухе как дурня.

Я тряс веревку, я звал: «Мой ангел,
Мы лишь на втором этаже, тащи меня выше!
У меня голова кружится, вот-вот лишусь чувств.
Подумай, ведь я не воздушный акробат».

Так я и висел до самого утра,
Пока не появился привратник и не стал потешаться надо мной.
Он сказал: «Любезный, что с вами такое?
За всю свою жизнь не видывал такого гуляки!»

Я стал умолять: «Любезный, спустите меня,
Я вам заплачу, сколько попросите!

Меня вчера обманула одна девица

В благодарность за то, что водил ее на танцы».

28.15. Бабушка волчица³⁹²

«Давным-давно жила мать с тремя дочерьми Шэн, Доу и Боцзи. В день рождения бабушки мать собралась ее навестить, а детям наказала: «Я сегодня не вернусь, поэтому после захода солнца закройте дверь на засов».

Обитавшая в горах старая волчица узнала об отсутствии матери и вечером, переодевшись старухой, пробралась к дому и постучалась в дверь.

Старшая дочь Шэн стала расспрашивать прикинувшуюся бабушкой и желающую проникнуть внутрь волчицу, интересуясь, например, почему у той изменился голос. Она охрипла, был ответ. «Милые детки, на дворе темно и поднимается ветер. Откройте дверь и впустите поскорее свою бабушку!»

Но Шэн все не верила и хотела расспрашивать гостью дальше, но обе младшие сестры не утерпели и отодвинули засов: «Входи, бабушка, поскорее!» Едва переступив порог, волчица тотчас задула светильник. Это не понравилось маленькой Шэн, и она сердито сказала: «Бабушка, нам нужен свет. Зачем ты его погасила?»

«Глаза у вашей бабушки воспалились и боятся света», — ответила старая волчица. Тогда Шэн попросила бабушку сесть на скамейку. Усаживаясь, та прищемила себе хвост, так что вскрикнула от боли.

«Что с тобой, бабушка?» — спросила с удивлением Шэн.

«У вашей бабушки шишка на заднице. Я лучше присяду в другом месте». И старая волчица взгромоздилась на корзину, а ее хвост, очутившийся внутри, стал бить по стенам корзины.

Тут маленькая Шэн опять спросила: «Бабушка, что там шевелится в корзине?»

«Бабушка принесла вам чудную курочку», — ответила волчица.

Шэн протянула руки, пытаясь схватить курицу, но старая волчица удержала ее, сказав: «Не хватай ее, а то улетит курочка через речку».

Вскоре волчица стала зевать, говоря: «Все курицы уже спать легли. Пойдем и мы в кровать, мои детки».

Волчица взяла с собой Боцзи, а Шэн захватила малышку Доу. Старая волчица улеглась с Боцзи на одном конце кровати, а Шэн с Доу — на другом.

Вытянув ноги, Шэн коснулась покрытого шерстью хвоста волчицы.

«Бабушка, почему ты такая волосатая?» — спросила Шэн.

«Ваша бабушка сучит пряжу, вот и взяла с собой моток», — ответила старая волчица.

Вытянув руки, Шэн коснулась когтистых лап «бабушки».

«Бабушка, почему у тебя такие колючие ноги?»

«Бабушка тачает башмаки и носит с собой шило».

Шэн зажгла свет и увидела покрытые шерстью голову и лицо «бабушки». Волчица поспешно его потушила. Шэн решила бежать. Она обхватила Боцзи руками и говорит:

«Боцзи хочет справить нужду».

«Пусть оправляется под кроватью», — отвечает волчица.

³⁹² Кит. «Лан попо». — *Прим. пер.*

«Нельзя, там живет дух кровати», — возражает Шэн.

«Тогда ступайте к окну», — говорит волчица.

«Там обитает дух окна», — отвечает Шэн.

«Ступайте к двери!» — кричит волчица.

«Там обитает дух дверей», — отвечает Шэн.

«Тогда ступайте на кухню», — говорит волчица.

«Там живет дух кухни», — отвечает Шэн.

«В таком случае ступайте на двор», — говорит волчица.

«Доу, малышка, — зовет Шэн, — отведи-ка быстро Боцзи на двор...»

Итак, Доу вывела малышку Боцзи на двор.

Затем Шэн спрашивает: «Бабушка, а ты ела когда-нибудь плоды гинкго [«иньсин»]?»

«А какие они на вкус?»

«Просто замечательные. Они мягкие и нежные. Стоит съесть один плод и станешь бессмертным подобно духам».

«Они вкуснее человеческого мяса?» — спросила старая волчица.

«Разумеется!» — отвечает Шэн.

«А не знаешь, где их взять?» — любопытствует волчица.

«На деревьях», — отвечает Шэн.

Тут старая волчица вздыхает и говорит: «Ваша бабушка стара, тело не гнется. Ей уже не взобраться на дерево».

«Любимая моя бабушка, — отвечает Шэн, — я сорву тебе несколько плодов».

«Как это мило с твоей стороны, — говорит волчица, — походи и сорви их».

Шэн тотчас спрыгнула с постели, выбежала за дверь и отыскала Доу с Боцзи. Она растолковала им свой план, и втроем они взобрались на большое дерево.

Старая волчица осталась ждать в постели, но Боцзи не возвращалась, а Шэн с Доу тоже не показывались, и никто не нес ей плодов гинкго. Наконец, волчица потеряла терпение, вскочила с постели и выбежала во двор.

«Шэн, Доу, Боцзи, куда вы запропастились?»

«Бабушка, мы сидим на дереве и едим плоды гинкго», — отвечает Шэн.

«Дитя мое, сорви и мне несколько штук», — попросила волчица.

Однако Шэн сказала: «Гинкго — плоды фей. Они меняются, покидая дерево. Тебе придется забраться наверх, иначе так и не попробуешь их».

«Бабушка, плоды гинкго так вкусны!» — крикнула сверху Доу.

Старая волчица заметалась вокруг дерева, исходя слюной.

Наконец Шэн сказала: «Я придумала. Перед дверью лежит плетеная корзина, а за ней веревка. Привяжи веревку к корзине, принеси ее сюда и сядь в нее. Веревку же брось нам. Тогда мы втащим тебя, и ты сможешь поесть плодов гинкго».

«Чудная мысль», — сказала волчица и тотчас принесла корзину с веревкой. Дружно принялись тянуть за веревку втроем, выкрикивая: «Раз, два — взяли», и корзина стала подниматься все выше и выше, пока не стала раскачиваться на высоте десяти метров. Тут Шэн кашлянула, подав условный знак, и все разом бросили веревку. Корзина рухнула на землю, череп старой волчицы раскололся, а живот лопнул.

«Бабушка!» — крикнула Шэн, но ответа не последовало.

«Бабушка!» — крикнула Доу, но никто не отозвался.

«Бабушка!» — крикнула Боцзи, но все было тихо. Тогда они стали рассматривать волчицу, но та не подавала признаков жизни.

Радостные дети спустились с дерева, вошли в дом и заперли дверь. Теперь они могли спокойно спать.

На следующий день вернулась мать. Она принесла детям много сладостей от бабушки. И уплетая их за обе щеки, те поведали ей о ночном происшествии».

В китайской сказке (*Кровать ста птиц* [«Бай няо чуан»]. Пекин, 1996), старейшее издание которой относится к эпохе Канси (1654—1722), Шэн, говоря, что Боцзи нужно справиться с нуждой, прибегает к стратагеме 21 и тем самым прячет обеих маленьких сестренок в безопасное место. Затем ей с помощью стратагемы 28 удается обезвредить волчицу.

28.16. Знать, что ничего не получится, и все-таки действовать

Поставить в безвыходное положение, преодолеть которое можно лишь приложив сверхусилия, — важная составляющая стратагемы 28. В духе, выходящем далеко за рамки стратагемного расчета и все же созвучном со стратагемой 28, действовал самый влиятельный китайский мыслитель Конфуций (551 — 479 до н. э.).

Несмотря на всю безнадежность попыток претворить в жизнь свои идеалы (см. 19.11, 27.24), он не сворачивает с избранного пути, оставаясь верным себе и своим убеждениям. В *Лунь юй*, важнейшем сочинении конфуцианства, приводится такой случай:

«[Однажды] Цзы Лу ночевал в местечке Ши-мэнь. Страж ворот спросил его: «Ты откуда?» Цзы Лу ответил: «Я — из [учеников] Конфуция». [Страж ворот] спросил: «Не тот ли это, который знает, что ничего не получится, но все-таки действует?» (*Лунь юй*, 14.38). Иначе говоря, он находится на «крыше», лестницу убрали, и все же он не теряет присутствия духа.

Выдвигая трудную задачу с освященными авторитетом Конфуция словами: «Я знаю, что ничего не получится, но все-таки буду действовать/пробовать», вы можете просто обезоружить противника, так что — провокационная стратагема 13! — вопреки ожиданию отыщете понимание и поддержку, сумеете спуститься с «крыши» и добиться своей цели.

Стратагема № 29. Украсить сухое дерево искусственными цветами

Четыре иероглифа	樹	上	開	花
Современное китайское чтение	Шу	шан	кай	хуа
Перевод каждого иероглифа	Дерево на распускаться/распускать цветы			
Связный перевод	На дереве появляются цветы; распустить на дереве цветы			
Сущность	1. Украсить засохшее дерево искусственными цветами; стратагема призрачного расцвета;			

возвести показательные сооружения; установка муляжей военных укреплений, авиабаз, огневых точек, радарных станций; стратагема приукрашивания 2. На засохшем / увядшем дереве распустить чуждые ему цветы; стратагема приемных родителей 3. На здоровом дереве заменить отсутствующие / поврежденные цветы поддельными цветами; стратагема протезирования 4. На раскидистом / здоровом дереве выставить на обозрение неприметный сам по себе цветок; впрячь кого-либо/что-либо в свою колесницу; рядиться в чужие перья; воспользоваться чужой славой; стратагема выпендрежа

«Кончалась последняя луна старого года, и наступала ранняя весна; приближался праздник фонарей («юань сяо цзе»), доел, «праздник новолуния») — Нового года. Сейчас мы расскажем вам о том, как население города Цинфын готовилось к этому празднику. Каждый пожертвовал в пользу Храма бога неба и земли деньги или вещи, а в кумирне этого бога соорудили большую рыбу для иллюминации. Сверху протянули гирлянду с разнообразными цветами, к которой подвесили около семисот разноцветных фонарей. В городе устраивались различного рода увеселения. Внутри кумирни шли игры. Перед каждым домом сооружались разукрашенные арки и на них развешивались фонари. На улицах затевались всевозможные развлечения и потехи. И хотя все это нельзя было, конечно, сравнить с празднествами в столице, все же это было большим, веселым торжеством для жителей Цинфына» [«Речные заводы», гл. 32: *Ши Найань*. Речные заводы, т. 1. Пер. с кит. А. Рогачева. М.: Гослитиздат, 1959].

Праздник, описанный в романе XIV в. *Речные заводы*, отмечается на севере Китая в области, находящейся ныне в провинции Шаньдун. Как видим, кумирню украшали искусственными цветами. Для создания радостного настроения в Китае — да, пожалуй, не только там — и сегодня используют искусственные цветы. Эрвин Вилкерт в своей книге *Китай, увиденный изнутри* («China von innen gesehen») (Штутгарт, 1982) так описывает свои впечатления от Пекина первого мая 1977 г.: «Повсюду в парках царило праздничное настроение... На кустарниках и деревьях висели цветы и фрукты, хотя время для них еще не пришло, и лишь присмотревшись, замечаешь, что все они сделаны из бумаги и пластмассы». Можно предположить, что выражение для стратагемы 29 связано с идущими издавна и сохраняемыми доныне народными китайскими обычаями.

В связи со стратагемой 29 неизменно упоминают тысячелетней давности присловье «тешу кай хуа»: «на железном дереве

распустятся цветы». Железным деревом «тешу» называют «саговник поникающий» (*Cycas revoluta*), род голосемянных из класса цикадовых, произрастающий на юге Китая и редко цветущий. Когда в шанхайском парке зацвел саговник, об этом 25 июля 1981 г. не преминула сообщить местная газета *Освобождение [Цзефан жибао]*, поместив фотографию ботанического чуда. На севере саговник цветет еще реже. Данное присловье означает нечто невиданное, едва ли возможное. Так ведь и то, что может совершить стратагема, граничит зачастую с чудом.

29.1. Цветение дерева спустя 28 лет

Один человек хотел отыскать путь [к долголетию], но не знал, как напасть на его след. И тогда он с утра до вечера стал отбивать поклоны перед засохшим деревом с просьбой прожить столько же, сколько лет этому дереву. И делал он это без устали целых двадцать восемь лет. И в один прекрасный день на засохшем дереве вдруг распустились цветы [«ку шу... шэн хуа»...], источавшие сок, сладкий, как мед. Он сорвал их и вкусил сока. Вкусив сока, он примкнул к сонму небожителей [*сянь*].

Данная история из *Описания всех вещей* («Бо у чжи») ³⁹³, исходный текст которого восходит к политику и сочинителю Чжан Хуа (232—300), изображает не стратагему, а чудо, перекликающееся с названием стратагемы 29. Именно в этой истории появляется, пусть и не в связи с уловкой, выражение «засохшее дерево покрылось цветами» [«ку шу... шэн хуа»...].

29.2. Возродившееся дерево

Почти то же самое выражение встречается в пьесе «Люй Дунбинь уводит из мира Ли Юэ с железным посохом» [«Люй Дунбинь ду тегуай Ли Юэ»] ³⁹⁴ юаньского (1271 — 1368) драматурга Юэ Бочуаня (см. 14.1).

³⁹³ Точнее, «Продолжения описания всех вещей» («Сюй боу чжи») в 10 т., автор некий южносунский Ли Ши (XII в.). — *Прим. пер.*

³⁹⁴ Нижеследующее краткое изложение содержания пьесы взято из книги: *Сорокин В.* Китайская

Продажный судейский [кунму] Юэ Шоу из-за грозящей ему смертной казни умирает со страху. Владыка ада [Янь-ван] ждет Юэ Шоу, для которого готовят котел с кипящим маслом. Появляется даосский святой [сянь] Люй Дунбинь и спасает его — Юэ отмечен при рождении как будущий праведник. Но поскольку тело его жена уже сожгла, ему предстоит воплотиться в теле только что умершего мясника Ли. Юэ воскресает. Теперь у него другая семья, сам он хром и ходит с железным посохом. Разобравшись в том, что произошло, он решает тайком вернуться к прежней семье. Своей супруге он говорит: «Дорогая жена, ты поступила дурно. Ничего ведь не стоило подождать пару дней», после чего поет:

Из-за того, что ты предала огню мой труп, Возникло великое замешательство. Хотел бы я знать, о чем думала Моя жена, когда вершила все это.

Представить, что я на мгновение вернусь домой, все равно что ожидать появления цветов на засохшем дереве.

Ввиду стихотворного немецкого перевода сами слова Юэ Шоу немного изменены. В оригинале стоит «ку шу шан цзай кай хуа», что без учета контекста означает: «на засохшем дереве вновь распускаются цветы». Убрав два слова — «ку» (засохший) и «цзай» (вновь), — мы получаем точное выражение для стратагема 29 «шу шан кай хуа».

Как видим, выражение для стратагема 29 восходит к историям о необычном, не связанным с уловками. Стратагемой становится невинное словосочетание «на дереве распускаются цветы», которое согласно четырем различным толкованиям (см. сущность стратагема в таблице) может означать «распустить на дереве цветы».

Прежде всего стратагема 29 служит для изображения мнимого цветения, при этом наряду с визуальным муляжом здесь может подразумеваться и голая риторика, и в первую очередь обманчивая статистика. В таком случае стратагема 29 имеет сходство со стратагемой 7: «из ничего сотворить что-то». Разумеется, исходным пунктом стратагема 29 выступает не «ничто», а вполне определенное — пусть и крайне скудное — нечто. И создаваемое всегда положительно. Далее, если стратагема 14 «позаимствовать труп, чтобы вернуть душу» применяется после «смерти», т. е. после того, как что-то погибло или обрекается на гибель, в случае стратагема 29 речь идет о скрытии слабости или изъяна и разыгрывании силы и процветания.

29.3. Зимний сад утопает в цветах

Стояла середина зимы. Чудный запах с лугов и лесов давно исчез. Безотрадно выглядели увядшие деревья. Однажды император Ян-ди (правил 605—617) трапезничал с супругой Сяо-хоу и своими наложницами в одном из парков. И он сказал: «Из четырех времен года прекрасней всего весна. Мириады растений стараются превзойти друг друга в своем очаровании, сотни цветов являют все свое великолепие. Красные навевают на людей любовь, зеленые пробуждают жалость. Летом над землей простирается чистый небосвод, цветы лотоса заполняют пруды, а над просторами веет душистый ветерок. Осенью прямо над тунговым деревом [утун] висит ясная луна, а от коричневого лавра [даньгуй] исходит дивный аромат, струющийся над чашами и деревянными блюдами. И осень полна чудных картин. Лишь этот зимний пейзаж сиротлив и пустынен, лишенный всякого очарования. Единственное, что остается, забраться под одеяло и проводить в постели дни напролет. Покидать ее нет никакого удовольствия».

Императрица Сяо-хоу молвила: «Я слышала, что у монахов есть ложе для созерцаний, где помещается несколько человек. Отчего бы и вашей светлости не приказать изготовить такое ложе с удлиненными подушками и большими покрывалами? Все красавицы могли бы там расположиться и вместе бы там пили, трапезничали и развлекались. Замечательно, не так ли?» Наложница Сюэ из павильона Осенних Голосов [Цюшэн] сказала: «Для такой кровати понадобится огромный полóg». Император Ян-ди со смехом ответил: «Хоть и мило ваше предложение, все же с его помощью не воскресить лучезарные весенние пейзажи с раскидистыми ивами и яркими цветами, когда на террасах или во дворце нет ни одного места, которое бы не пленяло вас и где бы вы чувствовали себя одинокими и покинутыми». Наложница Цинь из павильона Чистоты и Совершенства [Цин-сю] сказала: «Коли ваша светлость не желает чувствовать себя одиноким, этому нетрудно подсобить. Я и другие наложницы нынче вечером попросим [нефритового государя, владыку] небесных чертогов сделать так, чтобы завтра поутру распустились цветы». Император Ян-ди воспринял эти слова как шутку и насмешливо заметил: «Ну что ж, нынче вечером я не стану вас беспокоить». Они еще немного поразвлеклись, пригубили вина, после чего император со своей супругой в экипаже вернулся во дворец.

Следующим утром, когда император завтракал, явились шестнадцать наложниц и попросили его прогуляться вместе с ними. Тот поначалу осерчал, но супруга стала его уговаривать, и в конце концов император согласился покинуть дворец в сопровождении жены, чтобы отправиться в парк. Стоило ему войти в ворота парка, как его взору предстала ослепительная игра красок всевозможных цветов. Персиковый и абрикосовый цвет соперничали в грации, являя своим блеском усладу для глаз. Император с императрицей были крайне поражены и недоуменно спрашивали: «Как за одну ночь в такую погоду могли столь пышно распуснуться цветы? Это что-то невероятное!»

Не успели они замолчать, как появились 16 наложниц с множеством дворцовых служанок. Под звуки флейты они закружились в хороводе, приветствуя императора с императрицей. Приблизившись к императору, они спросили его: «Ну как, распустились цветы и вербы в императорском дворце?» Радостный и одновременно растерянный император воскликнул: «К какому искусному приему вы прибегли, заставив за ночь распуснуться все цветы?» Женщины засмеялись: «К какому искусному приему мы прибегли? Этот чудный вид потребовал от нас целой ночи работы. Вашей светлости не надо ничего выпрашивать, просто сорвите пару цветков и рассмотрите их, после чего все прояснится».

Император подошел к декоративной яблоне с раскидистыми ветвями, наклонил одну ветку и стал внимательно рассматривать. И тут он увидел, что все цветы не настоящие, а изготовлены из разноцветного шелка, собраны в форму и прикреплены к веткам. Пораженный Ян-ди молвил: «Кому пришла в голову столь блестящая мысль? Все такие красные и чудные, такие зеленые и нежные, выглядят впрямь как настоящие. Хоть это и искусственные цветы, но они даже прекрасней природных». Наложницы ответили: «Замысел исходит от госпожи Цинь, она призвала нас поработать всю ночь, чтобы ваша светлость ныне могли порадоваться!» Император Ян-ди обратил свой взор на госпожу Цинь и молвил: «Вчера я полагал, что вы шутите! Просто не верилось, что подобное возможно!» Затем он с императрицей тронулся в глубь сада, где перед ним расстиралось целое море переливающегося зелеными и красными красками бескрайнего ковра из мириад цветов.

Эта сцена, взятая из исторического романа [гл. 28] цинской поры (1644—1911) [некоего Чу Жэньхо] «Повествование о [династиях] Суй и Тан» [«Суй Тан яньи», 1686], имеет историческую основу. Соответствующее свидетельство находится в историческом труде «Всеотражающее зеркало, управлению помогающее» [«Цзычжи тунцзянь»] Сыма Гуана (1019—1086) в описании 605 г. [5-й месяц, гл. 180]. Находчивость наложницы позволила развеселить императора Ян-ди. Весенний пейзаж развеял его тягостные думы. Устройство такого красочного представления помогло госпоже Цинь завоевать благосклонность императора. Даже узнав, каким образом удалось создать искусственную весну, сын неба не переставал восхищаться чудным зрелищем.

С военной точки зрения стратагему 29 рассматривает пекинский исследователь стратагем Ли Биньянь. Итак, перед нами дерево, на котором нет цветов. Тогда из разноцветного шелка можно изготовить цветы, прикрепить их к веткам и создать пейзаж, выглядящий как настоящий. Если не присматриваться, невозможно понять, что это за цветы. А поскольку военные явления труднее поддаются пониманию по сравнению с прочими общественными явлениями, а еще меньше поддается проверке их достоверность, то различными призрачными образами можно исказить субъективную оценку вражеским военачальником положения дел. Созданием ложных обстоятельств и сознательным введением в заблуждение можно изобразить отсутствующую в действительности силу, даже превосходство и тем самым запугать противника. В качестве примера Ли Биньянь приводит 13-ю бригаду, зимой 1947 г. во время гражданской войны входившую в состав армии под командованием Чэнь Гэна (1903—1961) и на протяжении месяца заставлявшую думать Ли Те, командующего пятой армией гоминьдановских войск, что перед ним основные силы противника. 13-й бригаде удавалось водить за нос противника числом оставляемых костров, разведением как можно большего количества бивачных огней и поднимаемой при ходьбе пылью. Тем самым и перед вражеской воздушной разведкой удавалось разыгрывать скопление больших сил.

29.4. Потемкинские деревни³⁹⁵

«В 1783 г., по инициативе виднейшего государственного деятеля времен Екатерины II кн. Г.А. Потемкина (1739—1791), к России был присоединен Крым, включенный в состав Новорос-сии. Своеобразная фигура Потемкина породила огромную литературу, уделившую немалое внимание и поездке Екатерины II совместно с ним в 1787 г. на юг. Современники рассказывали, что Потемкин, с целью показать Екатерине процветание новой территории, возвел на пути императрицы селения, бывшие лишь декорациями,

³⁹⁵ Рассказ о «потемкинских деревнях» излагается мной по книге Н. Ашукин, М. Ашукина. «Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения». М.: Худож. лит., 1987, с. 276—277. — *Прим. пер.*

выставлял для встречи ее празднично одетых людей, пригнанных издалека, но выдававшихся за местных жителей, показывал склады хлеба, в которых мешки вместо муки были набиты песком, перегонял ночью из одного места в другое одно и то же стадо скота, насадил в Кременчуге и других городах парки, причем посадка производилась на несколько дней, так что насаждения гибли после проезда Екатерины, построил в Херсоне крепость, не выдержавшую первой грозы, соорудил корабль, который нельзя было спустить на воду, и т. д. Источником всех этих рассказов были описания иностранцев, из которых одни участвовали в поездке Екатерины, другие писали с чужого голоса (см. письма австрийского императора Иосифа II, участвовавшего в поездке Екатерины под именем графа Фалькенштейна, в книге: A. v. Arneth. Joseph II und Katharina von Russland. Wien, 1869, S. 359; J. Castéra. Histoire de Catherine II. Paris, 1799, v. III, p. 17; Taurische Reise der Kaiserin Katharina II. Koblenz, 1799, S. 35, 102-103, 123, 178, 184 [автор этой анонимной книги лейб-медик Вейкард]; August v. Kotzebue. Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. 1802, B. II, Anhang «Über die Mémoires secrets sur la Russie», S. 221; Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharines der Zweiten. Leipzig, 1804, 3. 115, 116, 123 [автор этой книги Гельбиг (Heibig), саксонский резидент при дворе Екатерины. (Он печатал в 1797—1800 гг. в гамбургском журнале «Minerva» биографию Потемкина: «Potemkin der Taurier. Anekdoten zur Geschichte seines Lebens und seiner Zeit». — Прим. пер.]). В ряде писем с дороги Екатерина опровергала дошедшие до нее слухи о мерах, принятых Потемкиным в целях маскировки беспорядков в Новороссии. Однако показания французского посла при дворе Екатерины графа Сегюра разоблачают приемы Потемкина: «Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижинки были так разукрашены и замаскированы триумфальными арками, гирляндами цветов и нарядными архитектурными декорациями, что вид их обманывал, превращая их у нас на глазах в великолепные города, внезапно воздвигнутые дворцы, в сады, роскошно созданные» (Comte de Ségur. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. Paris, 1827, v. III, p. 112, 121-123, 130—132, 182, 213 [на рус. яз.: «Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789)». Пер. с франц. СПб, 1865, с. 11—208 // *Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л.: Лениздат, 1989, с. 438—440. — Прим. пер.]). См. также: Г.В. Есипов. Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 г. // «Киевская старина», 1890, № 11 и 12; 1891, № 1—5, 7-9, 11-12; 1892, № 2, 3, 5). Широкое распространение мемуарной литературы о путешествии Екатерины на юг привело к тому, что уже с 20-х годов XIX в. в литературной речи стали пользоваться образом «потемкинские деревни», но давали его первоначально описательно. Например, в «Комете» (1822) немецкого романтика Жан Поля (И.-П. Рихтера, 1763—1825) читаем: «Сколь иной облик представляет такой новый Николополь... я разумею, сколь иной облик сравнительно с теми расписанными голыми деревенскими фасадами Потемкина, на которых все было слепо, не только окна, но и стены, но которые все же (согласно Коцебу) полководец издалека, со столбовой дороги, показывал великой Екатерине... У Екатерины все было — видимость, здесь все — истина» (Jean-Paul. Sämtliche Werke. Berlin, 1842, S. 29, S. 40). В русской литературе А. И. Герцен прибегает к такому же развернутому образу: «Юбилей в Вольном экономическом обществе дал случай отличиться нашим неокрепостникам. Что такое это *вольное* общество, знает всякий, а кто не знает, пусть прочтет отчет В. Безобразова. Это — одна из тех неискренних декораций, которыми Екатерина II обманывала Европу, вроде картонных деревень, которыми Потемкин обманывал ее» («Крепостники». 1866, Собр. соч., изд. Акад. наук СССР, т. XIX. М., 1960, с. 8). С течением времени подобные многословные сравнения сократились в лаконичную формулу «потемкинские деревни», под которой разумеют: очковитательство, показной блеск, скрывающий неблагоприятное состояние чего-либо».

В китайском языке словосочетание «потемкинские деревни» можно передать выражением «делать пустое, заниматься подлогами» («нун-суй цзо-цзя»), что означает также «пускать пыль в глаза» (*Фразеологический китайско-немецкий словарь*. Пекин, 1981, с. 172). Другое китайское выражение для фразеологизма «возводить потемкинские деревни» дословно означает «украшать / отделять фасад» («чжуан-хуан мэн-мянь»).

29.5. Игра в карты при трех градусах ниже нуля

В ходе визита американского президента Ричарда Никсона в Китай 21—28 февраля 1972 г. несколько раз устраивались «потемкинские деревни». Когда Никсон со своими спутниками посетил Великую китайскую стену, местные власти согнали туда людей. Некоторые играли в карты при трех градусах ниже нуля, что должно было свидетельствовать о хорошем их настроении. Позже госпоже Никсон показали детскую больницу, весь персонал которой и дети щеголяли в новехонькой одежде. Детей напудрили и подкрасили, а игрушки, которыми они обычно пользовались, заменили новыми. Однажды американские гости решили посетить овощной рынок. Служащих и рабочих быстро отрядили на роль покупателей. Все это выглядело крайне неестественно, делает заключение 25 лет спустя Тан Лунбинь на страницах пекинской газеты *Гуанмин жибао* от 1 декабря 1996 г. в занимающей целую полосу статье об историческом визите.

29.6. Захватывающий восьмичасовой доклад

На одном пятитысячном собрании принимали участие работавшие в августе 1974 г. в пекинском Издательстве иностранных языков два европейца. Их рассказ об этом мероприятии (в книге Клоди и Жака Бройель (Broyelle) «Deuxième retour de Chine» (1977)) передает впечатление о внешне внушительном, в действительности же совершенно пустом политическом обрядовом действе, где в соответствии со стратагемой 29 на передний план выдвигается сугубо показное представление. То подобострастие, с которым представляется собравшимся докладчик, прежде всего наводит на мысль о стратагеме 27:

«Несколько тысяч сотрудников издательства и типографии на заказных автобусах были доставлены в конференц-зал. Атмосфера походила на театральную перед подъемом занавеса; люди здоровались друг с другом, удобно усаживаясь в кресла и кучкуясь вокруг своего дорогого начальника. Наконец занавес поднялся, и на сцену из-за кулис вышел партийный работник, подошел к длинному столу, где уже сидел десяток официальных лиц, и занял место в центре. Он сообщил, что сейчас мы прослушаем доклад, в связи с нынешним этапом критики Линь Бяо представляющий для всех большой интерес. Ввиду злободневности темы изложить ее попросили товарища X, вплотную занимающегося этим вопросом. На сцену поднялся прямой, как жердь, товарищ X, подошел к трибуне, щелкнул в микрофон и начал:

«Товарищи, меня попросили поговорить с вами о походе на северо-восток. К сожалению, я недостаточно изучил этот вопрос, а мои познания в марксизме-ленинизме, в общем-то, весьма скудны; к тому же я недостаточно изучил идеи Мао Цзэ-дуна. Мое мировоззрение далеко не безупречно. Поэтому задача, которую доверила мне партия, мне не по плечу».

Можно было подумать, что доклад срывается, однако наш переводчик поспешил заметить: «Так всегда говорят перед началом выступления. Это своего рода... формальность». И действительно, докладчик продолжил:

«Поэтому я предлагаю провести сегодня совместно свободный и непринужденный обмен мнениями. Мы могли бы сделать это подобно членам большой семьи [весьма простое занятие для 5000 человек в зале. — *Прим. ред.*]. Я был бы благодарен услышать критические замечания и пожелания. Побеседуем непринужденно».

И он вынул из папки объемистую пачку в 200—300 листов и начал читать. Прошло восемь часов, а он все еще читал... Из соображений человечности его доклад был разбит на две части по четыре часа, между которыми был предусмотрен небольшой перерыв. Мы были единственные, кто конспектировал, но через час и мы сдались. Восьмичасовой доклад без всякой возможности задать хоть один вопрос выступающему. Сзади слышался шорох вязальных спиц. Одна сотрудница, повстречавшаяся мне после многочасовых мучений, доверительно шепнула: «Я связала почти два рукава». Но преимущественно люди спали. Нам пришлось лишь сожалеть, что не догадались, подобно своим коллегам, опершись локтями на спинки впереди стоящих кресел, сделать вид, что мы сосредоточенно слушаем докладчика, а на самом деле, скрыв лица ладонями, спать, чем и занималась то одна половина зала, то другая».

29.7. Прибор для измерения чистоты поверхности без электрической вилки

Один шанхайский учебный институт хотел наладить совместную работу с техническим вузом в Германии. При посещении шанхайского института немецкой делегации показали прибор, позволяющий с высокой точностью измерять степень шероховатости поверхности изделий. Речь шла о дорогостоящем, импортном приборе. На стене машинного отделения и рядом с прибором висели снимки поверхностей, полученных с его помощью. «Посредством данного прибора были произведены измерения и сфотографированы в увеличенном масштабе», — сказал сопровождающий немцев китаец, добавив, что прибор находится постоянно в работе. Перед прибором сидела китайка, разъясняющая полученные снимки. Один представитель немецкой делегации просит женщину показать работу прибора. Та умоляюще смотрит на своего начальника. Тогда немцы начинают внимательно рассматривать прибор и видят висящую на нем нетронутую надпись с техническими данными, как будто им и не пользовались. И главное, в помещении отсутствовала электрическая розетка для подключения самого прибора.

Этот случай поведал мне в марте 1999 г. в Бонне руководитель немецко-китайского совместного предприятия в Шанхае по выпуску автомобилей. Он входил в состав той немецкой делегации и был свидетелем происшедшего. Он исходит из того, что китайский вуз приобрел и поставил прибор ради того, чтобы произвести впечатление на гостей: мол, смотрите, какой у нас высокий научно-технический уровень.

Сам этот случай не отразился на дальнейших событиях. Было достигнуто соглашение о взаимном

сотрудничестве. Совместное предприятие в Шанхае должно было производить в Китае новую модель автомобиля. Однако, когда министерству машиностроения в Пекине предстояло утверждать соглашение относительно разработки новой модели с головным предприятием в Германии, а также возведения дополнительных производственных площадей в рамках существующего соглашения с совместным предприятием, из Пекина запросили у шанхайского автомобильного концерна SAIC, нельзя ли ввиду высказываний шанхайцев относительно собственных высоких возможностей по созданию новой автомашины вообще обойтись без помощи немецкой стороны. Ведь из Шанхая в связи с действующим с середины 80-х годов в Китае совместным немецко-китайским автомобильным предприятием прозвучали весьма амбициозные намеки на имеющиеся внутри Китая весьма значительные китайские, иначе говоря, не зависящие от иностранной помощи собственные возможности в отношении создания новой модели автомобиля. Увы! На вопрос руководства концерна SAIC пришлось смиренно признать, что сотрудничество с немецким партнером по-прежнему необходимо. Очевидно, шанхайская сторона подобно шанхайскому вузу с его дорогим показным прибором развесила «искусственные цветы на засохшем дереве».

29.8. Необустроенная аудитория

В феврале 1998 г. в одном крупном китайском городе торжественно открывали новый учебный курс. В официальной церемонии открытия принимало участие около пятисот гостей, среди которых были китайский и немецкий министры. Для преподавания данного учебного курса отремонтировали старое здание, оборудовав четыре небольшие аудитории столами и стульями.

После торжественного открытия начались лекции. Две недели обучение шло гладко, а затем случилось непредвиденное. Когда немецкий преподаватель экономики читал лекцию своим пятнадцати студентам, в помещении неожиданно вошли грузчики, которым, как оказалось, было поручено унести мебель. Столы и стулья вытаскивали буквально из-под учащихся. Немецкий преподаватель тотчас обратился к ректору университета, который объяснил, что мебель одолжили только на время проведения торжеств и настал срок ее возвращать. Данный случай поведал мне со слов того самого преподавателя немецкий коллега при встрече в Бонне 7 апреля 1998 г.

29.9. Как удержать гостиницу на плаву

В городе А на улице В открылось два ресторана, один под названием «Золотая столица», другой — «Серебряная столица». Поначалу и там, и там наблюдалось полное затишье.

И вдруг однажды прошел слух, что «Серебряная столица» кишит посетителями. На следующий день было то же самое. Обеспокоенный хозяин «Золотой столицы» послал туда соглядатаев. Те установили, что собрались там родственники, приятели и знакомые пригласившего их хозяина. Ели и пили они бесплатно. Хозяин «Золотой столицы» облегченно вздохнул, подумав: коль и дальше так пойдет с дармовым угощением, «Серебряная столица» скоро окажется «Разоренной столицей». Но не тут-то было! После подобных действий дела у «Серебряной столицы» пошли в гору. Даже завсегдагаи других заведений стали заворачивать туда. А вот оборот у «Золотой столицы» заметно поубавился.

Позже на вопрос о тайне своего успеха хозяин «Серебряной столицы» усмехаясь заметил: «Бесплатно потчевал гостей я для того, чтобы сделать привлекательным свое заведение и создать впечатление о его благополучии. Стоило разойтись таким слухам, как стал наблюдаться наплыв посетителей. Ну а тогда пошли в гору и мои дела».

Такое использование стратагемы 29 приводит наньцин-ская газета *Вестник услуг [Фуу даобао]* от 26.10.1996 г. в серии очерков под названием «36 стратагем сегодня».

29.10. Овцы с водой

Во времена Конфуция (551—479 до н. э.) в уделе Лу жил некий Шэнь Ю³⁹⁶. Каждое утро он давал своим

³⁹⁶ Случай с Шэнь Ю вскользь упоминается в "Сюнь-цзы", гл. 8, «Конфуцианский образец» («Жу сяо»), дается в первой главе «Семейных преданий о Конфуции» («Кун-цзы цзяюй»), представляющих собой подделку Ван Су (195—256) утерянного к тому времени одноименного произведения раннеханьской эпохи (там даны его разъяснения к этому якобы аутентичному тексту), а наиболее подробно излагается в 19-й главе современного «Жизнеописания Конфуция» («Кун-цзы чжуань»), один из авторов которого Цао Яодэ (род. 1936). — *Прим. пер.*

овцам пить как можно больше воды, чтобы затем продать потяжелевших животных. Связано ли это со способом прибавки веса у Шэнь Ю или нет, во всяком случае, в китайском языке выражение «содержание воды» («шуйфэнь») одновременно означает «перебарщивание». В китайской печати, говоря о статистике, официальных сообщениях, нередко употребляют выражение — они «содержат воду». Также по поводу пустых по содержанию, но объемистых, что выгодно издателям, книг, при этом страшно дорогих, говорят, что они «разбавлены водой («чань шуй»)» (*Жэньминь жибао*, 10.11.1996, с. 4).

Даже в сообщениях об ущербе от паводка добавляют «воду», раздувая его последствия. Ведь чем больше ущерб, тем щедрее помощь сверху, а кроме того, затронутым наводнениям областям дают налоговые и иные послабления. Ведь вышестоящее начальство большей частью ограничивается сообщениями о паводке с мест, не утруждая себя проверкой их достоверности (*Жэньминь жибао*. Пекин, 20.08.1995, с. 10). Добросовестные чиновники, конечно, стараются «отжать воду» («цзидяо шуйфэнь») из раздутых сообщений о наводнениях. Так, руководитель одного уезда в провинции Ляонин в августе 1995 г. выяснил, что в его уезде от паводка пострадало лишь 98 000 вместо указанных в сводке 125 000 домов и уничтожено только 40 000 га посевных площадей, а не 46 000 га. Благодаря его проверке общую сумму ущерба удалось уменьшить на один миллиард юаней (*Жэньминь жибао*. Пекин, 23-08.1995, с. 4).

А теперь вернемся к упомянутому вначале использованию воды во времена Конфуция: два читательских письма в пекинскую газету *Жэньминь жибао* за август и ноябрь 1996 г. показывают, что этот способ не устарел. Согласно этим письмам в одном автономном округе провинции Гуйчжоу в 1995 и 1996 гг. в тысячи килограммов свинины и говядины для увеличения отпускного веса впрыскивалась вода.

29.11. Собачонка из Бреттена

У церкви в Бреттене изваяна из камня бесхвостая собачонка. О происхождении каменной собачки из «Немецких сказаний, обычаев и нравов Швабии» («*Deutsche Sagen, Sitten und Gebräuche aus Schwaben*»), собранных Эрнстом Майером (Meier). Штутгарт, 1852 [сказание № 395, переиздана книга в 1983], известно следующее: «Некогда враг долго осаждал городок Брет-тен, желая взять его измором. Испытывавшие крайнюю нужду жители собрали чуть ли не последние запасы и принялись откармливать одну собачку. Когда та поправилась и ее бока округлились, те выпустили собачонку во вражеский стан. Увидев упитанную животину, там решили: «Раз у них такие откормленные собачонки, то уж для себя запасов у них еще предостаточно», и огорченные сняли осаду и ушли восвояси. Но вначале отрубили собачонке хвост и отправили с обрубок обратно. В благодарность за верную службу жители Бреттена изваяли ту собаку в камне, сперва поместив на городские ворота, а затем возле церкви св. Лаврентия.

29.12. Ненадежность зрения

«Как говорил мудрец: сомневаюсь даже в том, что вижу своими глазами, как же поверю тому, что говорят за спиной» [«Цветы сливы в золотой вазе», гл. 9: «Цзин, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Пер. с кит. В. Манухина. Иркутск: Улисс, 1994, т. 1, с. 217]³⁹⁷. К особо излюбленным в Китае выражениям принадлежит и такое: «бай вэнь бу жу и цзянь» («лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»). В конце августа 1997 г. я, будучи членом инспекционной группы по правам человека, направленной в Китай по приглашению Народного политического консультативного совета Китая швейцарским министерством иностранных дел, неделю провел в Тибетском автономном районе. Почти в каждой беседе официальные представители власти использовали это выражение. Китайский переводчик обычно передавал его английской фразой «seeing is believing» [«увидеть — значит убедиться»]. При таком переводе получается, что нужно верить всему, что видишь.

Но как раз *Жэньминь жибао*, печатный орган Коммунистической партии Китая, в своем номере от 13 января 1998 г. предостерегает от чрезмерного доверия зрительным впечатлениям. Автор статьи ао Тэн, журналист с 20-летним стажем, пишет: «Часто говорят: увиденное истинно, а услышанное — ложно [«янь цзянь вэй ши, эр тин вэй сюй»]... Но верна ли эта «житейская мудрость»? С некоторых пор я все больше в этом сомневаюсь. Корреспондентом мне часто доводилось сопровождать руководителей в их инспекционных поездках. Куда бы они ни приезжали, все выглядело с иголочки. Однажды высокопоставленный чиновник посетил с проверкой рынок одного города. Если накануне фунт постной

³⁹⁷ Данное выражение встречается прежде в «Речных заводах», гл. 25, поскольку оба эпизода переключаются: «Недаром древние мудрецы говорили: «Даже то, что видишь своими глазами, не всегда истина, так можно ли верить тем, кто нашептывает за спиной» («Речные заводы», т. 1. Пер. с кит. Рогачева). — *Прим. пер.*

свинины стоил девять юаней, то в день проверки его цена упала до шести юаней. Другой город зимой постоянно был окутан смогом. Все жалобы горожан были напрасны. Неожиданно на несколько дней над городом раскинулось чудесное, безоблачное небо, а воздух стал значительно чище. Позже выяснилось, что в те дни там гостила служба санэпиднадзора, вот и почистили город. Университетам и институтам запретили топить печи. Студентам и рабочим выдали хлеб и колбасу для пропитания. На несколько дней письменным распоряжением была приостановлена работа заводов. В другом городе, куда с проверкой прибыла комиссия по охране окружающей среды, запущенные тротуары вдруг стали утопать в зелени. За ночь их обсадили вечнозеленым ландышем японским (*Ophiopogon japonicus*)³⁹⁸. Все перечислять мне никакого времени не хватит. А теперь внимание! Дешевое мясо, прозрачное небо, зелень по обе стороны улиц — все это я, корреспондент, видел воочию, однако здесь и речи не могло быть о «действительности» тех мест. Вот почему я не могу не сомневаться в истинности утверждения «увидеть — значит убедиться». Журналист Ао Тэн свои рассуждения заключает так: «Существует ли способ при посещении того или иного места доискаться до истины? Я полагаю, что здесь нужно следовать правилу «услышать — значит убедиться». То, что мы слышим, конечно, во-первых, не должно страдать однобокостью, во-вторых, не иметь ничего общего с муссируемыми в подворотнях слухами, и, в-третьих, не должно ограничиваться тем, что стоит в гладко составленных руководителями инспектируемых мест отчетах. Самый верный способ — стоять обеими ногами на земле, спуститься в низы, доверительно, как с друзьями, пообщаться с народом. Ведь глас народа — незримое свидетельство, а сердце — весы. В народной массе можно постоянно узнавать истинное положение дел. Этот опыт я вынес из своих репортажей последних лет». Между прочим, сама статья ао Тэна называлась «В том, что видишь, немало лжи. Только если еще прислушиваться, можно обнаружить действительность».

29.13. Чиновники сами украшают себя цветами

В некоторых местах захламляется по обыкновению окружающая среда, царит повсюду беспорядок, во всем испытывается недостаток. И сама работа налажена скверно. Но едва высокопоставленные чины объявляют о намечаемой проверке, все приходит в движение и все силы бросаются на наведение внешнего лоска. Происходит примерно следующее: временно выгоняют куда-нибудь на задворки розничных торговцев, а на главных улицах вывешивают разноцветные флаги и транспаранты, тем самым создавая красивые и опрятные декорации (см. также 29-12). А если высокопоставленные чины пожалуют проверить состояние сельского хозяйства, созывают крестьян соорудить овощные прилавки вдоль главных улиц и т. д. (*Рабочая газета [Гунжэнь жибао]*. Пекин, 15.04.1998, с. 5). Сами деревни получают наименование «деревень, где достигнута средняя зажиточность [сяокан]», хотя они и не удовлетворяют связанным с данным понятием критериям, где, например, большая часть населения безграмотна, крайне большая рождаемость и 20—30% крестьян бедняки. Если у деревенских жителей имеются лишь черно-белые телевизоры, рапортуют о цветных телевизорах с дистанционным управлением (*Жэньминь жибао*, 2.04.1998, с. 9). Или же, невзирая на время года, устраивают показуху с механизированной уборкой пшеницы, приглашая многочисленное руководство. После торжественных речей и перерезывания ленточки дюжина огромных комбайнов с грохотом въезжают на поле и начинают уборку, чтобы получасом спустя остановиться. Ведь к тому времени все важные чины уйдут. К тому же пшеница еще не поспела (*Жэньминь жибао*, 10.04.1998, с. 12).

Устраивается посадка деревьев и докладывается о числе высаженного молодняка, чтобы затем оставить всякую заботу о нем, обрекая на гибель. Тем не менее сама посадка в отчетах предстает как вполне удавшаяся (*Жэньминь жибао*. Пекин, 21.05.1998, с. 9). Если классы оказываются переполнены, то на время проверки школы «лишних» учеников отправляют на несколько дней в другую школу либо умело подчищают список учащихся (*Рабочая газета [Гунжэнь жибао]*. Пекин, 15.04.1998, с. 5). Лица, коллективы или организации, всячески изображаемые средствами массовой информации и преподносимые в качестве примера и образца, порой оказываются целиком или частично химерами (*Жэньминь жибао*. Пекин, 17.01.1995, с. 11; 15.11.1996, с. 4; 2.04.1998, с. 12 и т. д.). Предприятия обзаводятся дорогостоящими

³⁹⁸ Офиопогон японский (Ландыш японский) — *Ophiopogon japonicus* (L. f.) Ker-Gawl. = *Convallaria japonica* L. f. (от греч. *Ophis*, «змея», и *rogon*, «борода» — греческая калька японского названия «дзянохигэ», «змеиная борода»; *convallaria* от лат. *convallis* — долина). Кит. название «май(мэнь)дуи» — многолетнее, почти без стебля травянистое растение высотой 3—5 см из семейства ландышевых — *Convallariaceae*. Корни ве-ретенovidные, мясистые, многочисленные. Листья прикорневые, линейные, темно-зеленые, до 30 см длиной; соцветие — пазушная кисть из светло-зеленых, мелких, с простым околоцветником цветков. Плод — фиолетово-черная ягода. Произрастает в Индии, Южном Китае, Японии, Вьетнаме, на Филиппинах. Культивируется в Японии. Используются клубневидные корни, высушенные при температуре 50—60°C. Они содержат стероидные сапонины, слизь. Применяют в качестве отхаркивающего, мочегонного, жаропонижающего, тонизирующего и седативного средства в Юго-Восточной Азии и Великобритании. — *Прим. пер.*

новейшими компьютерами, за которые усаживают своих работников лишь при посещении высокого начальства. В иное время компьютеры простаивают (*Жэньминь жибао*. Пекин, 11.07.1998, с. 7). Наверх отправляют лишь хорошие, а не плохие новости (*Жэньминь жибао*, 24.10.1998, с. 4). Стараясь замазать собственные ошибки и выпятить только достижения, чиновник тем самым «налепляет на себя цветы» (*Жэньминь жибао*, 10.11.1995, с. 9).

Всевозможные статистические данные обрабатываются нужным образом. «Злоупотребление статистическими приписками («факуа») приобрело ужасающий характер», — жалуется *Рабочая газета [Гунжэнь жибао]*, печатный орган Всекитайской федерации профсоюзов (Пекин, 29.09.1998), и приводит ходящие в народе стихи: «деревня дурачит волость, волость дурачит уезд, и так дурачат вплоть до Госсовета», и «чинуши стряпают статистику, статистика стряпает чинуш». Тем самым отмечается распространенная в Китае склонность рассматривать статистику основным мерилom в оценке достижений, а значит, в поощрении чиновников. Отчасти сами чиновники склоняют сотрудников статистических служб к подтасовке цифр. Неудивительно, что завершившееся в 1997 г. расследование об исполнении закона о статистике от 8.12.1983 в измененной редакции от 15.05.1996 г. выявило 60 тысяч случаев подтасовки статистических данных.

Когда председатель Госсовета Чжу Жунци [род. 1928] совершал в мае 1998 г. инспекционную поездку по юго-восточной китайской провинции Аньхой, ему на радость в уезде Наньлин показали ломящиеся от риса закрома. Посетившие несколько позже Наньлин китайские журналисты увидели эти закрома пустыми. Дальнейшее расследование выявило, что уездные власти закупили в соответствии с установленными для них квотами лишь 50% риса. Будучи оповещены за пять дней о приезде высокопоставленного гостя, они одолжили у других закупочных пунктов и зерноперерабатывающих предприятий свыше 1000 тонн риса. Затем это зерно было отправлено обратно, причем перевозка в оба конца обошлась в 100 тыс. юаней (примерно 20 тыс. марок) («Учитесь у Гарун аль-Рашида, товарищи!»). *Новая цюрихская газета*, 17.11.1998, с. 23). Чтобы дать ход этому делу, 12 ноября 1998 г. о нем поведало центральное китайское телевидение. «Причесанная статистика, подложные оперативные сводки, показуха в ходе посещения тех или иных мест — все это просто невозможно вскрыть и пресечь. Большинство руководящих работников с готовностью пускаются на такие ухищрения», — открыто сетует Лю Цзянь на первой странице *Китайской молодежи [Чжунго циньянь бао]* в статье под названием «Как можно набраться такой наглости, чтобы водить за нос самого председателя Госсовета?».

Махинации, на которые пускаются чиновники, чтобы приукрасить состояние дел во вверенных им областях, вызваны желанием не ударить лицом в грязь, прославиться, но главное — преуспеть по службе. Ведь «тому, кто несет хорошие вести, живется припеваючи, а кто несет плохие вести, приходится несладко» ([выходящий два раза в месяц журнал] *Двухнедельная беседа* [«Баньюэтань»]. Пекин, № 20, 1994, с. 55).

«Формализм» («синшичжу») — официальное слово для обозначения действий по образцу стратагемы 29-Под «формализмом» подразумевается стиль работы, при котором содержание отрывается от формы и, оставляя в небрежении содержание, чересчур выпячивают внешнюю форму предмета. Чиновников председатель КПК Цзян Цзэминь обвинял в «бюрократическом формализме» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 13.04.1998, с. 1). В этой связи употребляются различные образные выражения. Так, мы читаем о формалистской «подставке для цветов» («хуа цзяцзы») (*Жэньминь жибао*, 5.02.1990, с. 6). Исходно «цветочная подставка» означает выглядящую эффектно, но в действительности бесполезную стойку, демонстрируемую при показательных выступлениях по китайским единоборствам. «Выходить на сцену» («цзоу гочан»), «писать поверхностные очерки» («цзо бяомянь вэньчжан»), «писать пустые очерки» («цзо кундун вэньчжан»), «добавлять масла и уксуса» («цзя-ю тьянь-цу»), «прославлять успехи» («чан гун»), «золотить» («те цзинь») — вот еще некоторые, метящие в бюрократический формализм и, соответственно, в стратагему 29 выражения.

На то, как из-за наигранного величия вредят самим себе, намекает и выражение «бить себя по щекам до опухолы, чтобы казаться полнее (солиднее)» («дачжун лян чун панцзы») (см. подробнее 34.19). Упрекают в «формализме» чиновников не только низового уровня, но и руководящего звена, например при проведении проверок, протекающих следующим образом: «Разъезжают, сидя в машинах и глядя на все из окна автомобиля, вынося суждение о положении дел из бумажных сводок и принимая решение на основе субъективных мнений» (*Гуанмин жибао*. Пекин, 20.05.1993, с. 2).

Уже не один десяток лет в Китае ведется война против «формализма». «Негативные явления, связанные с продажностью, по-прежнему удручают. Бюрократизм, формализм и склонность раздувать собственные достижения приходится отмечать у некоторых представителей органов власти», — сетовал председатель Госсовета Ли Пэн (род. 1928) в докладе правительства Всекитайскому Совету Народных Представителей (ВСНП) 1 марта 1997 г. Насколько часто в Китае прибегают к стратагемному приукрашиванию (вкупе с сокрытием всего отрицательного), можно заключить из постоянных заверений Дэн Сяопина в том, что

провозглашенный Мао Цзэдуном призыв «раскрывать в реальных фактах их подлинную сущность» [(«ши ши цю ши»): Мао Цзэдун. *Избранные произведения*, т. 3. Пекин, 1969, с. 22] составляет суть марксизма. Неудивительно, что Дэн Сяопин в своем последнем большом выступлении, произошедшем в ходе его поездки на юг в начале 1992 г., особо настаивал на борьбе с «формализмом», как подчеркивает пекинская газета *Жэньминь жибао* в статье «Решительно покончить с формализмом» (1.04.1999, с. 9).

29.14. 3000 кур вместо 1500

«Накануне нового 1997 г. года во время зимних каникул я приехал в родную деревню, небольшое местечко на западе провинции Гуандун, — пишет Мо Вансюн из Института пищевой промышленности в Ухани (провинция Хубэй) в *Жэньминь жибао* (Пекин, 16.04.1997, с. 9). — В ту пору как раз по всей стране изучалось состояние сельского хозяйства. Для уяснения положения в деревнях после начала политики реформ и открытости я взял на себя роль «добровольного уполномоченного по проведению опроса».

Вместе с одним из таких же добровольцев я отправился домой к старосте восточноречной деревни. Услышав о цели нашего визита, деревенский глава радушно нас встретил и передал уже готовые бумаги. Там приводились следующие данные: восточноречная деревня состоит из 517 жителей, насчитывает 608 свиней, 210 быков и свыше 3000 курей. Деревню покинуло 100 работников. Средний ежегодный доход на человека составляет 2115 юаней [примерно 400 марок]. Затем мы посетили пять крестьянских дворов. И везде нам говорили, что эти цифры не соответствуют действительности. Один старый крестьянин сказал: «По моим расчетам, в нашей деревне более 550 жителей. Там насчитывается самое большее 200 свиней, около 100 быков и не более 1500 кур. Деревню покинуло свыше 150 человек, уйдя на заработки. Годовой подушный доход не превышает 1000 юаней [примерно 200 марок]». Не зная, верить ли услышанному, мы посетили другие крестьянские дворы. И везде нам говорили, что приведенные деревенским старостой сведения неверны, называя другие показатели. Подготовив реальные цифры и собираясь отправлять их наверх, мы получаем от руководства «Памятку»: сообщаемое наверх число жителей восточноречной деревни не должно превышать 510 человек, количество свиней, кур и быков должно составлять соответственно 1000, 5000 и 300 голов и более. Число отправившихся на заработки не должно превышать 1/10 от числа жителей деревни. Ежегодный подушный доход должен составить

2500—3000 юаней... Если итоги опроса не совпадут с данными «требованиями», необходимо проводить «опрос и подсчет» до тех пор, пока результаты не будут соответствовать указанным требованиям. Мы были крайне поражены. Как при такой постановке дела можно получить истинную картину о положении сельского хозяйства? Завышенные «показатели» не только не смогут верно отразить положение в деревне, но еще будут способствовать принятию неверных решений. Надеюсь, что обратят внимание на действия упомянутых органов», — заключает Мо Вансюн свое письмо в *Жэньминь жибао*, печатный орган Центрального комитета Коммунистической партии Китая.

29.15. Изменения в определении «безработный»

Ирландцу Джорджу Бернарду Шоу (1856—1950) принадлежит выражение «существует пять разновидностей лжи: обычная ложь, прогноз погоды, дипломатическая нота, официальное сообщение и статистика». *Так обманывают посредством статистики* («So lügt man mit Statistik») — название интересной книги дортмундского профессора экономической и социальной статистики Вальтера Кремера (Krämer) (6-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1995). Об «искажении цифр» («шу-цзы фу-бай») в связи с приукрашенной статистикой одного из городов провинции Хубэй идет речь в *Баньюэтань (Двухнедельная беседа)*. Пекин, № 12, 1999, с. 14.)

«Ведь эти цифры рисуют картину более радужной, чем она есть на самом деле», — пишет Йохен Витман в очерке под названием «Чудо деловой активности в Британии — скорее арифметический трюк» (*Kölnische Rundschau*, 21.11.1997). Он продолжает: «Есть и другая статистика, согласно которой в Британии четверть населения живет за чертой бедности. Каждая пятая британская семья лишена кормильца — в 1975 г. таких семей было 6,5%. Среди 15 стран Евросоюза Соединенное Королевство стоит на одиннадцатом месте как самая бедная страна. Каждый третий ребенок живет в нищете, и уже 111 лет не разделяла такая пропасть самых высоко и малооплачиваемых рабочих. Союз более чем 140 благотворительных организации обвиняет ныне свою страну перед комиссией ООН по экономическим, социальным и культурным правам в недостаточных мерах против дальнейшего обнищания народа».

Как же тут согласуется одно с другим? За 18 лет правления консерваторов определение «безработный» пересматривалось 32 раза и оказалось столь суженным, что ныне под него попадает все меньшее число людей. Да и новоявленное лейбористское правительство придерживается такого же подсчета, способствуя приукрашиванию положения с занятостью. По расчетам экспертов, реальная безработица в Британии

составляет 14,2%.

29.16. Трюкачества с выполнением требований Маастрихтских соглашений

«Я сторонник евро, — заявил Фриц Болькестейн (Bolke-stein), с 1990 г. председатель Народной партии за свободу и демократию (Нидерланды) и с 1996 г. [по 1999] президент Европейского объединения либеральных и реформистских партий [так называемого Либерального Интернационала, основанного в 1947 г.]. — Для Голландии как торгового государства он дает большие выгоды, уменьшая затраты по сделкам и непредсказуемость валютного курса. Однако все это предполагает выполнение требований Маастрихтских соглашений. Евро выгоден нам, лишь будучи таким же твердым, как гульден. В Голландии у нас привыкли к стабильной валюте и терять этого не желают, — продолжает Болькестейн. — Он выказывает доверие к немцам, но во французах и итальянцах он не столь уверен. Маастрихтские требования должны быть нерушимы и исполняться без всяких бухгалтерских трюков, — подчеркивает Болькестейн. — Мы считаем евро экономической, а не политической денежной единицей» (*Новая цюрихская газета*, 4.05.1998, с. 7).

Бросается в глаза то, как часто в немецкоязычной прессе на пространстве Валютного союза употребляется слово «трюк» (Trick) (согласно Большому словарю немецкого языка *Дуден*, т. 6. Манхейм, 1981, с. 2627 это «хитро задуманный, ловкий ход»): «Больше никаких трюков в Валютном союзе» (название статьи в газете *Tages-Anzeiger*. Цюрих, 4.02.1997, с. 27); «Вот это изобретательность — Европу веселят и тревожат бухгалтерские трюки немцев с золотом» (название статьи в *Цайт*. Гамбург, 30.05.1997, с. 13); «Заядлые игроки в боннском правительстве: ловкость рук — тоже трюк?» (название статьи в *Новой цюрихской газете*, 30.05.1997, с. 23); «Карманы, игроки, трюки» (название статьи на первой полосе *Цайт*. Гамбург, 11.07.1997); «Евросоюз не согласен с трюками итальянцев по отношению к золоту» (название статьи в *Новой цюрихской газете*, 28.01.1998, с. 21). «Нынешний канцлер освоился с трюками и ложью в европейском сообществе... Даже поднаторевшие в этом деле противники не посмеют тягаться с ним» (Рудольф Аугштайн: *Шпигель*. Гамбург, № 20, 1998, с. 36).

Какие цели связывают с этими «трюками», указывают слова «украшать фасад» в названии статьи из *Новой цюрихской газеты* (3.06.1997, с. 21) и подзаголовок «Потемкинские деревни» (в статье «Махинации с бюджетом Бельгии». *Новая цюрихская газета*, 17.01.1997, с. 23). При этом откровенно, по имени названа стратегема 29 (см. также 19-26). Конечно, она используется столь неуклюже, что легко угадывается:

«Глубокие структурные огрехи французской экономики он (французский премьер-министр Ален Жупен) лишь тащит за собой, по-настоящему не принимаясь за них... Соблюсти внешние приличия, искусственно создавая трехпроцентный барьер (определенная Маастрихтскими соглашениями величина дефицита бюджета, которая не должна превышать 3% от валового национального продукта)... Жупен умудрился с помощью финансово-технического «пируэта», как полагает один парижский обозреватель: французское государство в 1996 г. просит компанию France-Telecom авансировать пенсионные выплаты в размере 37,5 млрд. франков для того, чтобы внести эти чрезвычайные поступления в свой бюджет» (Стефан Брендле (Brandie). «Спасительный трюк». *Tages-Anzeiger*. Цюрих, 19.09.1996, с. 33). «Не только принятое во Франции решение рассматривать пенсионные обязательства France-Telecom как статью государственного дохода показало участникам рынка границы ожидаемого, но и указание статистического ведомства Евросоюза Eurostat учитывать при расчете экономических показателей, которые будут ложиться в основу оценки происходящего сближения с требованиями Маастрихтских соглашений, в национальном валовом продукте помимо официального сектора экономики и «теневую экономику» (*Новая цюрихская газета*, 16.09.1996, с. 9).

«Хотя большинство стран Евросоюза в своих проектах бюджета на 1997 год указывают 3%, возможно, что в некоторых странах подобные величины были достигнуты с помощью бухгалтерских трюков» («Оптимизм по поводу евро [в частном цюрихском банке Julius] Bär: банк ожидает расширение исконного союза». *Новая цюрихская газета*, 11.10.1996, с. 23). В «бездумном приукрашивании и умалении экономического и политического риска» упрекает Рената Ор (Ohr), профессор Гогенгеймского университета [некогда земледельческой академии, Штутгарт] в области внешнеэкономической деятельности (*Цайт*. Гамбург, 6.12.1996, с. 30). В деле изобретательного ведения хозяйства страны «вроде Франции или Италии уже заражены плохим примером, а Германия вот-вот готова» опуститься до уровня этих стран («Неприятности, свалившиеся на Валютный союз». *Новая цюрихская газета* 7.08.1997, с. 21). «Если даже Бонн прибегает к трюкачествам ради точного соблюдения Маастрихтских требований, Европе остается только ежиться» (из передовой статьи *Новой цюрихской газеты*, 7—8.06.1997, с. 1). О предостережениях президента Бундесбанка [в 1993—1999] Ганса Титмайера (Tietmeyer) «касательно причисления и подтасовки статистических данных» в отношении Италии и других стран и касательно того, что «сегодня на такого рода подтасовках поймали [немецкого министра финансов] Вайгеля (Waigel)», сообщает бывший канцлер

Германии Гельмут Шмидт на первой странице *Цайт* (Гамбург 13.06.1997).

О введении евро «при сомнительных условиях» и притягивании за уши «посредством бухгалтерских трюков» собственных показателей к требованиям Маастрихтских соглашений предупреждал Ролан Вобель (Vaubel), профессор политэкономии Мангеймского университета и член научного совета при министерстве экономики Германии, в статье «Деньгам нужно время» (*Цайт*. Гамбург, 27.06.1997, с. 26). Прочного сплочения нельзя достичь разовыми мероприятиями и «особыми бухгалтерскими приемами», предостерегал Александр Ламфалушши (Lamfalussy), некогда директор Европейского валютного института [1994—1996] («Прочен ли порядок?». *Новая цюрихская газета*, 15.10.1997, с. 23). Большая часть так называемых успехов в приближении к Маастрихтским требованиям покоится «на манипуляциях» наподобие одноразовых действий, новых статистических подсчетов и приписок («Вред для Германии». *Штигель*. Гамбург, № 42, 1997, с. 34). «...Несмотря на многочисленные примеры изобретательной бухгалтерии, именно «составляющим костяк [Евросоюза], странам» не удается надолго удержать согласованный уровень дефицита», — заявили в начале 1998 г. 150 ученых-экономистов, главным образом из немецкоязычных регионов («Противники преждевременного валютного союза». *Новая цюрихская газета*, 10.02.1998, с. 17).

Во многих странах «столь усердно заняты наведением лоска в собственном хозяйстве, что закрадываются сомнения насчет прочности достигаемого сплочения. Что, например, делать с головоломками в цифрах, которые возникают при измерении дефицита бюджета в единицах Евросоюза?» (Стефан Поль (Pohl). «Политически уместно». *Westfalenpost*. Хаген, 28.02.1998, с. 2). «Сообщаемые ныне приемлемые величины дефицита нередко получаются благодаря «изобретательной бухгалтерии», как пишет Альбрехт Бек (Beck) в *Badische Zeitung* (Фрейбург на Брейсгау, 28.02.1998, с. 1). Показатели евро «подгоняются», полагает Карл Хайнц Деке (Däke), с 1994 г. председатель Союза немецких налогоплательщиков. Германия и другие страны с евро такой важнейший показатель, как дефицит бюджета, подогнали «лишь посредством трюков и одноразовых мероприятий» (*Бильд*. Гамбург, 13.03.1998, с. 1).

Установленная Маастрихтскими соглашениями предельная величина дефицита государственного бюджета в 3% от совокупного общественного продукта оказалась необходимой лишь на вступительном экзамене, но не в дальнейшем. Хотя по требованию немецкой стороны дополнительно был заключен договор о стабильности, который требовал неукоснительно придерживаться установленных показателей, однако санкции, которые следовали бы автоматически, предусмотрены не были, и превышение [дефицита] без труда оправдывали «разглагольствованиями» перед советом министров Евросоюза (Ганс Мартин Кёлле (Kölle). «Факты и мифы о евро». *Finanz und Wirtschaft*. Цюрих, 25.04.1998, с. 1). Как раз здесь и кроется угроза инфляции. Дыры в бюджете многих стран с евро при всех заверениях будут расти из-за необходимости наверстать упущенное, что было «обусловлено бухгалтерскими ухищрениями 1997 г., когда многие расходы были просто отсрочены» (*там же*). «Необходимо честно признать, что при всех усилиях, предпринимаемых такими странами, достичь стойкого упрочения казны в данной валютной зоне еще не удавалось. Добивались лишь краткосрочного, благоприятного для показателя дефицита бюджета положения многочисленными разовыми, сообразующимися с текущим моментом мероприятиями. Для Италии это налог на евро, для Германии — привлечение поступлений от приватизации или выведение сферы больничного лечения из ведения государственного финансирования» (Эрнст Бальтеншпергер (Baltensperger), профессор политэкономии Бернского университета. «Грядет евро». *Der Monat in Finanz und Wirtschaft*. Базель, май, 1998, с. 6).

Ответственные политики сами опровергали использование стратагема 29 или избегали занять четкую позицию в этом вопросе. Например, тогдашний немецкий министр финансов Тео Вайгель на вопрос: «А на трюки по увязке итоговых показателей вы просто закрываете глаза?» — ответил: «С этим пусть разбирается брюссельская комиссия. Я уже говорил, что у меня нет никакого мнения на этот счет» (*Штигель*. Гамбург, № 47, 1996, с. 22). В начале 1998 г. Вайгель «в доверительной беседе» заверял: «При 3,0% дефицита (максимально допустимый уровень дефицита бюджета), которого мы добиваемся, уже не словчишь» (*Бильд*. Гамбург, 18.02.1998, с. 2). Премьер-министр Нидерландов [в 1994—2002] Вим Кок (Кок) на вопрос: «А не пользуется ли изобретательная бухгалтерия по соблюдению требуемого уровня дефицита огромным спросом в министерствах финансов многих европейских стран?» — ответил следующее: «Я как за изобретательность, так и за бухгалтерию. Но их содружество бывает и чревато. С введением евро мы приняли бесповоротное решение. Как можно большее число стран должны сотрудничать, но имея здоровый бюджет, а не только соответствующие цифры на 1997 год. Необходимо покопаться и проверить, на чем эти цифры держатся» (*Штигель*. Гамбург, № 50, 1997, с. 119).

Таким образом, невозможно отделаться от впечатления, что, несмотря на все опровержения, стратагема фасада 29 играла существенную роль в столь значительном событии, как введение евро. Но в каком качестве? Как стратагема услужения, очевидная для всех заинтересованных сторон, которые, однако, ради высшей цели, за некоторым исключением, приняли в ней участие? Или как вредящая стратагема, к которой отнеслись с полной доверчивостью и беззаботностью, чтобы в один прекрасный день оказаться у разбитого

корыта? Поживем — увидим. Во всяком случае, похоже, что рождение евро доказывает, сколь неотъемлемы от пашей жизни стратагемы. С опорой только на одну, требуемую Иммануилом Кантом правдивость в общении³⁹⁹, как и под страхом потерь, вряд ли могло появиться на свет это вождеденное евро.

29.17. Желаемое выдавать за действительное

Американец Майкл Мозер (Moser) в своей работе на звание доктора наук «Право и общественные перемены в китайском обществе» («Law and Social Change in a Chinese Community») (Лондон, 1982, с. 60), частично основанной на полевых исследованиях в Тайване, описывает следующий случай:

«Вскоре по прибытии в Бэйюань [на Тайване] я посетил дом члена местного согласительного совета. Мы сидели в гостиной и пили чай. Я спросил, как улаживаются споры в данной общине и доводят ли люди дело до суда. Похоже, это был любимый конек моего собеседника, так как его рассказ занял целых три часа. Он говорил о вреде судебного разбирательства и о том, что жители Бэйюаня обычно свои разногласия утрясают по-приятельски, без привлечения властей. «Мы, китайцы, неохотно обращаемся в суд, — сказал он мне твердо и с выражением некоторого нравственного превосходства. — В отличие от вас, иностранцев, — продолжал он, — у нас за плечами пятитысячелетняя цивилизация. А наши великие традиции учат, что верный путь к разрешению спора лежит во взаимных уступках, на которые идут живущие в одном доме братья. Доводят дело до суда те, кому не стыдно ронять свое достоинство. Но это неразумные люди, которых, к счастью, крайне мало».

Спустя несколько дней после нашей беседы я встретил своего приятеля при посещении суда в Синьчжу, в коридоре отдела по гражданским делам. Он поклонился мне, и мы пожали друг другу руки.

Его явно озадачила встреча со мной, вызвав замешательство. После того как мы попрощались, я зашел в отдел по гражданским делам и выяснил, что мой приятель как раз подал жалобу на своего соседа за неуплату суду».

Американский обозреватель Майкл Мозер комментирует это событие следующим образом: «Рассказывая о спорах, жители Бэйюани исходят из идеального образца [в английском первоисточнике стоит «normative model»], дающий картину того, как следует утрясать разногласия. Неважно, является ли собеседником не умеющий ни читать, ни писать крестьянин, деревенский староста или чиновник местной управы, сами очертания данного образца неизменны. Но действительность зачастую оказывается иной. Различие между обеими сферами отражается в очевидном расхождении того, как видится улаживание споров в идеале и как они утрясаются на самом деле».

Анализ Майкла Мозера не мешало бы дополнить стратагемным видением происходящего. Описывая иностранцам Китай, китайцы часто стараются дать по возможности приукрашенный образ своей отчизны. Вместо сущего они изображают согласующееся с их представлениями должное, естественно, зачастую таким образом, что иностранцы полагают, будто его китайский собеседник говорит о действительности.

29.18. По одежке встречают

«Ненастным ноябрьским днем шел бедный портной в Гольдах, маленький, но богатый город, до которого от Зельдвилы было всего несколько часов ходу. Денег в кармане у него не было, один только наперсток, который он то и дело крутил пальцами; руки у него замерзли, пальцы болели от игры с наперстком; он потерял сразу и работу, и все заработанные деньги из-за банкротства одного зельдвильского мастера и вынужден был пуститься в странствия. Он еще не завтракал, лишь проглотил несколько снежинок, случайно залетевших в рот, а надежды на обед у него тоже не было никакой. Просить милостыню ему было очень тяжело, да и вряд ли такое было бы возможно, поскольку поверх черного воскресного костюма, который был у него единственным, развевался широкий темно-серый дорожный плащ, подбитый черным бархатом; плащ придавал юноше благородный и романтический вид, борода и длинные черные волосы были заботливо ухожены, а лицо отличалось бледностью и правильностью черт. Носить подобную богатую одежду стало его

³⁹⁹ «Правдивость во внутреннем признании перед самим собой, а также в отношениях с каждым другим»: Кант И. О характере как образе мыслей // Психология личности. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982, с. 234. «Правдивость в высказываниях, которых нельзя избежать, есть формальный долг человека в отношении к каждому человеку, хотя бы и могли возникнуть от нее вредные последствия для него и для других»: Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980, с. 292—297. —Прим. пер.

потребностью, хотя у него и в мыслях не было пускать пыль в глаза или выдавать себя не за того, кем он был на самом деле; наоборот, он бывал доволен, когда ему не мешали и давали спокойно работать; но он скорее умер бы с голоду, чем расстался со своим дорожным плащом или польской меховой шапкой, которую также носил с большим достоинством... Печальный и усталый, добрел он до вершины холма и увидел там новую и удобную карету, которую кучер перегонял из Базеля своему господину, чужеземному графу, жившему где-то в Восточной Швейцарии в купленном или арендованном старом замке. В карете было много приспособлений для крепления багажа, и поэтому она казалась тяжело нагруженной, хотя на самом деле была пуста. Кучер шел по крутому склону рядом с лошадьми, а когда снова взобрался на облучок, то пригласил портного сесть в пустую карету. Ведь начинался дождь, и кучер сразу заметил, что путник устал и с трудом бредет по белу свету. Портной принял предложение с благодарностью и с приличествующей скромностью, и карета, быстро рванув с места, через час с грохотом величественно въехала в ворота Гольдаха. У первого трактира «У весов» богатый экипаж внезапно остановился, и слуга тотчас так сильно дернул колокольчик, что чуть было не оборвал веревку. Хозяин и прислуга тут же выскочили, откинули подножку; дети и соседи окружили великолепную карету, с нетерпением ожидая, что за орешек выскользнет из такой невиданной скорлупы, и когда смущенный портной наконец появился в своем плаще, бледный и красивый, с потупленным взором, он казался по меньшей мере таинственным принцем или сыном графа. Проход от кареты к воротам гостиницы, и без того узкий, был почти до отказа забит зеваками. Быть может, портному не хватило присутствия духа или мужества, чтобы, растолкав толпу, пойти дальше своей дорогой — он этого не сделал и безвольно дал ввести себя в дом, поднялся по лестнице и заметил свое новое странное положение только тогда, когда оказался в уютной зале и с него с услужливой готовностью сняли внушавший почтение плащ. «Господин желает отобедать? — спросили его. — Сейчас же накроем стол, у нас уже все готово»... Все время, пока шли обстоятельные приготовления, портной переживал мучительный страх, так как на столе уже сверкала белизной скатерть, и хотя еще совсем недавно изголодавшийся путник мечтал о любой пище, теперь, испуганный, он желал бы незаметно ускользнуть от грозившего ему обеда. Наконец он собрался с духом, схватил свой плащ, натянул шапку и направился к выходу. Но в смятении своем он не сразу нашел в обширном доме лестницу, и кельнер, которого, несомненно, сам дьявол заставил оказаться рядом, подумал, что господин ищет известные удобства, и крикнул: «Позвольте, сударь, если угодно, я покажу вам, куда надо идти!» — и повел его длинным коридором, который заканчивался отлично отлакированной дверью с аккуратной табличкой. Носитель плаща, не сопротивляясь, кротко, как ягненок, вошел в эту дверь и закрыл ее за собой. Там прислонился он к стене, горестно вздыхая о золотой свободе проселочной дороги, которая казалась ему теперь, пусть и при плохой погоде, наивысшим счастьем. И все-таки он сам запутался в своей собственной лжи и, пробыв немного в закрытой комнатке, вступил тем самым на крутую дорогу зла. А между тем хозяин, который увидел его расхаживающим в плаще, закричал: «Господин мерзнет! Натопите лучше в зале!.. Быстро корзину дров в печь и горсть лучинок, пусть разгорится как следует! Черт возьми, что же, людям в плаще садиться за стол, что ли?» Когда портной разговорился снова из длинного коридора, меланхолично, как прогуливающийся в родовом замке призрак прародителя, хозяин с тысячами извинений снова ввел его в проклятый зал. Там без промедления его подвели к столу, придвинули кресло, и так как аромат крепкого бульона, которым он уже давно не наслаждался, лишил его последних остатков воли, то он положился на волю божью и тотчас зачерпнул тяжелой ложкой золотисто-коричневую жидкость. В глубоком молчании подкреплял он свой усталый дух, а ему прислуживали в почтительной тишине... Вот так и тянулся обед — очень медленно, так как бедный портной ел и пил жеманно и нерешительно, а хозяин, чтобы не торопить его, подолгу оставлял кушанье на столе. Пока, правда, он съел очень мало, но голод, который столь опасно раздражили, заглушил страх, и, когда на столе появился паштет, настроение портного резко изменилось и появились новые мысли: «Теперь уж все равно, — сказал он себе, согретый и возбужденный новым глотком вина, — я буду дураком, если мне придется выносить неизбежный позор и преследование, оставшись голодным! Так что — вперед, пока есть время! Может быть, то кушанье, которое они мне принесли, будет последним; приналягу на него хорошенько, а там — будь что будет! Что у меня в желудке окажется, никакой король не отнимет!»... Кучер между тем накормил лошадей и сам сытно пообедал в зальце для простого народа, и так как он спешил, то попросил снова запрягать. Родственники хозяина не смогли удержаться и решили разузнать у господского кучера, пока тот еще не уехал, кто же его хозяин и как его зовут. Кучер, плутоватый и сметливый малый, спросил: «А он сам этого еще не сказал?» — «Нет», — ответили ему. «Оно и понятно, — сказал кучер, — он ведь не очень разговорчив; так вот — это граф Страпинский! Он пробудет здесь несколько дней, а мне приказал уже сегодня отправляться дальше». Он сыграл эту весьма злую шутку, чтобы отомстить портняжке, который, вместо того чтобы поблагодарить его за помощь и попрощаться, сразу направился в трактир, да еще изображал из себя важного господина. Решив довести свою шутку до конца, кучер сел в коляску, не заплатив по счету ни за себя, ни за лошадей, щелкнул кнутом и уехал из города; и все это было принято как должное и занесено на счет портного. И ведь должно было так случиться, что портной, родом из Шлезии, действительно звался Страпинским, Венцелем Страпинским; может, это был просто случай, а может быть, оставил портной свои бумаги в коляске и кучер взял их себе. Короче, хозяин, радостно потирая руки, подошел к нему и спросил, не желает ли господин граф Страпинский на десерт стакан токайского или шампанского, и сообщил ему, что комнаты сейчас будут готовы, а бедняга Страпинский лишь побледнел, смутился и снова ничего не сказал. Между тем пришли

городской писец и нотариус, чтобы, как обычно, выпить кофе и сыграть свою ежедневную партию в карты; скоро появился также старший сын из дома «Геберлин и К°», младший из дома «Пючли-Нивергельт», бухгалтер большой прядильни, господин Мельхиор Бёни; но вместо того чтобы сесть за игру, господа ходили широкими кругами вокруг польского графа, заложив руки в карманы, прищутив глаза и кривя рты. Это были те самые господа из хороших семей, которые всю жизнь провели дома, но так как их родные и знакомые ездили по всему миру, то им казалось, что они тоже знают свет. И это — польский граф? Карету-то они видели из своих контор; к тому же им было не понять, кто кого угощает обедом — хозяин графа или граф хозяина; правда, до сих пор хозяин никаких глупостей не делал; он слыл хитроумным малым, и поэтому круги, которые любопытные господа совершали вокруг незнакомца, все уменьшались, пока наконец они не уселись за тот же стол и ловко навязали себя в компанию, начав играть в кости на бутылку вина... Кто-то предложил насладиться благоприятной погодой, ведь вряд ли этот год подарит много таких дней; было решено навестить веселого советника, у которого совсем недавно давили виноград, и попробовать новое красное вино... Графа настоятельно пригласили присоединиться и немножко познакомиться с окрестностями. Через полчаса добрались они до имения советника. Страпинский подкатил по великолепной дуге и резко остановил разгоряченных лошадей. Все высыпали из экипажа, и советник повел общество в дом, где тотчас был накрыт стол, на котором красовалась дюжина графинов с молодым вином. Горячий шипучий напиток сначала лишь попробовали, похвалили и только потом начали пить, а хозяин дома оповестил всех в доме, что пожаловал знатный граф, поляк и следует приготовить изысканное угощение. Общество разделилось, и стали играть в карты, чтобы наверстать упущенное время, поскольку в нашей стране мужчины не могут сойтись вместе и не играть — быть может, это врожденная тяга к деятельности. Страпинский, который под различными предлогами от игры уклонился, был приглашен посмотреть, так как господа хотели показать, сколь умно и с каким присутствием духа они обычно играют. Ему пришлось сесть между противниками, и они очень старались играть остроумно и ловко, да еще развлекать гостя. Так он и восседал, как больной князь, которого придворные развлекают приятным зрелищем и изображают ход событий в мире. Они ему объясняли все важные повороты игры, удары и события, и в то время как одни на какое-то мгновение должны были заняться исключительно игрой, другие еще более старательно поддерживали беседу с портным. Лучшим предметом разговора показались им лошади, охота и тому подобное; Страпинский в этом тоже неплохо разбирался; ему нужно было только вспомнить выражения, которые он когда-то слышал от офицеров и помещиков и которые и тогда ему особенно нравились. И поскольку он стал употреблять эти выражения понемножечку, с известной скромностью и грустной улыбкой, то достиг тем еще большего впечатления; если двое или трое из господ вставали и отходили в сторону, то они согласно восклицали: «Он настоящий юнкер!» Только Мельхиор Бёни, бухгалтер, как прирожденный скептик, потирал удовлетворенно руки и говорил самому себе: «Я уж предвижу, как снова разразится скандалчик в Гольдахе, он, пожалуй, уже начался! Да и пора, с последнего раза прошло больше двух лет. У этого господина странно исколоты пальцы, наверное, он из Праги или Остроленки! Но я не стану вмешиваться». Обе игры закончились, были выпиты горячительные напитки, и все захотели охладиться старыми винами советника, которые как раз были принесены; но охлаждение получилось несколько бурным, так как, чтобы не впасть в порок праздности, была предложена общая азартная игра. Карты смешали, все бросили на стол по талеру; очередь дошла до Страпинского, но ведь не мог он бросить туда свой наперсток. «У меня нет таких монет», — сказал он, покраснев; но Мельхиор Бёни, наблюдавший за ним, поставил вместо него, и никто этого не заметил; всем было так хорошо, что никто и подумать бы не мог, что у кого-то в этом мире совсем нет денег. В следующее мгновение портному пододвинули его выигрыш; в смятении он не притронулся к деньгам, и Бёни поставил за него и во второй раз; второй тур, да и третий, портной проиграл. А в четвертый и пятый раз снова выиграл поляк, который понемногу пришел в себя и начал играть сам. Он играл спокойно и тихо и с переменным успехом; однажды у него остался последний талер; он вынужден был его поставить, снова выиграл, и под конец, когда игра всем надоела, у него оказалось несколько луидоров, больше, чем было когда-либо в жизни; увидев, что все забирают свои деньги, взял и он свои, опасаясь, не сон ли это. Бёни, который не переставал за ним наблюдать, почти уверился в своих догадках и думал: «Да, этот малый пустился во все тяжкие!» Но поскольку он заметил, что загадочный чужеземец не выказал никакой алчности и вообще вел себя скромно и прилично, то не стал на него сердиться и решил пустить все дело на самотек. Тем временем граф Страпинский, когда все перед ужином вышли прогуляться, собрался с мыслями и решил, что пришла пора незаметно исчезнуть. Теперь у него была солидная сумма на дорогу, и он мог из ближайшего города отослать хозяину трактира плату за навязанный ему обед. Он живописно закутался в свой плащ, пониже надвинул меховую шапку на глаза и стал медленно прогуливаться по аллее акаций, освещенной вечерним солнцем, любясь прекрасными окрестностями или, лучше сказать, разыскивая дорогу, по которой можно было бы уйти.

Он выглядел великолепно — нахмуренный лоб, приятные, хоть и тоскливые, усики, блестящие черные локоны, темные глаза, развевающийся плащ; закат и шелест листьев над ним усиливали это впечатление, и общество рассматривало его издали внимательно и благосклонно. Потихоньку он уходил все дальше от дома, прошел через кустарник, за которым начиналась тропинка, и когда ему показалось, что он уже скрылся от взглядов общества и сможет быстро удалиться, из-за угла навстречу ему неожиданно вышел

советник со своей дочерью Неттхен. Неттхен была красивой барышней, весьма роскошно, даже щегольски одетой, с богатыми украшениями. «Мы ищем вас, господин граф! — воскликнул советник. — Во-первых, чтобы познакомить с моей дочерью, и, во-вторых, чтобы просить вас оказать нам честь и отужинать с нами; остальные господа уже в доме». Путник быстро сорвал с головы меховую шапку и, густо покраснев, почтительно, даже боязливо поклонился. Все снова вдруг переменялось — на сцену событий вступила барышня. Но его стеснительность и преувеличенная почтительность отнюдь не повредили ему во мнении дамы; напротив, скромность, робость и почтительность такого благородного и интересного юного дворянина показались ей воистину трогательными, даже обворожительными... Поэтому она приветствовала рыцаря самым любезным образом, тоже мило покраснела и тотчас заговорила с ним быстро и сразу обо всем на свете, как это было в обычае у состоятельных девушек из маленьких городков, когда они хотели понравиться чужеземцам. Страпинский в ответ почти сразу преобразился; и если раньше он ничего не делал, чтобы вжиться в навязанную ему роль, то теперь он невольно стал говорить изысканнее, вставлял в речь польские словечки, короче, чувства портного вблизи девицы разыграли и понесли. За столом его посадили на почетное место рядом с дочерью хозяина; барышня была хозяйкой стола, поскольку мать ее умерла. Он, правда, снова впал в задумчивость, вспомнив, что он теперь вместе с остальными должен будет вернуться в город или же, вырвавшись, бежать в ночь, вспомнил он также, что счастье, которым он сейчас наслаждается, преходяще. Но все-таки он ощущал это счастье и утешал себя: «Ах, хоть раз в жизни ты что-то из себя представляешь и сидишь рядом с таким возвышенным существом»... И что бы он ни делал, все казалось присутствующим необыкновенным и благородным, и даже неловкость была любезно истолкована как очаровательная непринужденность той самой дамой, которая обычно могла часами болтать о нарушении общественных приличий. Все были в хорошем настроении, несколько гостей спели песни, которые были модными в тридцатые годы. Графа попросили спеть какую-нибудь польскую песню. Вино победило наконец его сдержанность, хотя и не прогнало прочь его заботы; однажды он несколько недель работал у поляков, знал несколько польских слов и даже затвердил наизусть, как попугай, одну народную песенку, не понимая ее смысла. И вот он запел по-польски, в благородной манере, скорее робко, чем громко, а голос его слегка трепетал от скрытой печали... Страпинский [в своем увлечении] окончательно потерял рассудок и нашел счастье, которое всегда благоволил безрассудным. В ту же самую ночь (признания в любви) Неттхен по пути домой открыла своему отцу, что только граф и никто иной будет ее избранником; граф явился ранним утром, как всегда робко и меланхолично, просить руки ее дочери...» Состоялась помолвка. Но тут вмешался Мельхиор Бёни, сам добивавшийся руки дочери советника, но получивший отказ. Он устроил так, чтобы обман раскрылся. Но Неттхен, которой бедный портной, из-за своей одежды принятый за графа, искренне повинился, прощает возлюбленного и вся история счастливо заканчивается их браком (Готфрид Келлер. Новелла «Платья делают людей» (1866) из сборника «Люди из Зельдвиль» // Готфрид Келлер. Избранное. Пер. с нем. А. Березиной и Г. Снежинской. М.: Худ. лит., 1988, с. 173—210).

29.19. «Все — одна вывеска»

Это выражение, указывающее на использование страгемы 29, согласно Луцу Рериху (*Словарь пословиц и поговорок*. Т. 2. Фрайбург, 1999, с. 420), означает нечто показное. «Внешне все изображается благополучным и прекрасным, страхи и упущения ловко прячутся подобно изъянам дома, скрываемым за привлекательным, [по возможности] подновленным фасадом».

В отношении людей это выражение, вызывающее в памяти представление о «двойной жизни», означает, что приятная внешность обманчива, что за ней ничего нет, т. е. грим скрывает морщины, а учтивое поведение, якобы хорошее воспитание — отрицательные качества. Иначе говоря, эти люди действуют согласно восходящему к Конфуцию выражению «внешне казаться сильным, но быть слабым внутри»⁴⁰⁰, что примерно означает «колосс на глиняных ногах». Так, «образ твердого, целеустремленного руководителя часто оказывается дутым, маскарадным» («Миф руководителя: он охотно выдает себя за провидца и знатока. Но за вывеской сильной мужественной личности скрывается совершенно другой человек». *Вельтвохе*. Цюрих, 16.06.1994, с. 17).

Несоответствие привлекательной внешности и на первый взгляд не заметной убогости или неблагонадежности китайцы научились различать еще тысячи лет назад, что мы видим, например, в приписываемом Лао-цзы труде *Дао дэ цзин*, где в 53-й главе есть такие строки:

«Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты. [Знать] одевается в роскошные ткани, носит острые мечи, не удовлетворяется [обычной] пищей и накапливает излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством. Оно является нарушением Дао» [пер. Ян

⁴⁰⁰ «Вай-цян\цзянь чжун-гань» в значении «колосс на глиняных ногах» восходит к «Цзо чжуань» (15-й год [луского] Си-гуна (645 до н. э., лето, пятая луна). — *Прим. пер.*

Хиншуна].

Таким образом, китайцы с древних времен приучили себя к мысли, что за прекрасной внешностью может скрываться неприглядная суть. Благодаря выработанному у них, не в последнюю очередь посредством стратагема 29, зрению они видят мир по обыкновению не столь плоским и однозначным, как многие европейцы. Если на Западе неизменно поражаются, когда в романе, фильме или еще где-то за благообразной вывеской обнаруживается нечто отвратительное, то китайцев скорее обескуражит и насторожит, если благообразная вывеска и то, что за ней скрывается, совпадут между собой.

29.20. Заглянуть за золоченый занавес

Многочисленные западные сочинения разоблачают внешнее благообразие земного бытия. «Мир, в котором мы живем, одна лишь вывеска, за которой скрываются страх и чувство вины, судорожное самоутверждение и эгоизм», — говорится в одной из рецензий на книгу Хорста Э. Рихтера (Richter) *Комплекс бога* («Gotterkomplex») (*Новая цюрихская газета*, 19.02.1980, с. 35).

Европейцам прежде всего хочется разоблачить видимость западного буржуазного мира. Среди них встречались и такие «писатели, политологи, политики и теологи, борцы за лучший мир» («Жило-было Никарагуа», передовица *Новой цюрихской газеты*, 21—22.08.1993), которые считали, что лишь в странах вроде сталинского Советского Союза или кастровской Кубы можно было увидеть величественную реальность. Пылливо-стратагемным марксистским взглядом они всматриваются лишь в свое собственное общество. А тех, кто, глядя на социалистические страны, «указывают на скрывающуюся за видимостью торжеств и народного благополучия действительность, причисляют к приспешникам ЦРУ или финансовых воротил...» (*там же*).

Что же касается Запада, то даже «церковь представляет взору непрочную вывеску, скрывающую притеснение и лицемерие», — утверждает Анна Дёрдельман-Люг (Dördelmann-Lueg) в своей книге «Когда женщины любят священников: целибат и его последствия» («Wenn Frauen Priester lieben. Der Zölibat und seine Folgen». Мюнхен, 1994) («Церковь: слезы на глазах». *Шпигель*. Гамбург, № 2, 1994, с. 98). В романе американского адвоката, представляющего интересы детей, Эндрю Вакса (Vachss) герой срывает со среды зажавшихся снобов привилегированного предместья «величественную вывеску, обнаруживая за ней преступный клубок из изнасилования детей, садомазохистской порнографии, вымогательств, крайне опасных опытов с лекарствами и бездну личных зависимостей, темных делишек и ранящих детскую психику переживаний» (Стефан Крассе (Krass). «Голый, холодный, израненный». *Новая цюрихская газета*, 28.03.1996, с. 77). Немецкий драматург Рольф Хоххут (Hochhuth) занят «разоблачением видимости «благообразия» в «Наместнике» («Stellvertreter», 1963)⁴⁰¹ и пьесе о Черчилле «Солдаты» («Soldaten», 1907)» (Эрнст Неф (Nef). «Разрушение видимости». *Новая цюрихская газета*, 10.04.1995, с. 20). А мать швейцарского писателя Томаса Хюрлиманна (Hürliemann) «познала показной мир политики, настрадалась там и не упрекает своих детей, пытающихся сорвать эту видимость» (Петер М. Хетцель (Hetzl): *Schweizer Illustrierte*. Цюрих, 10.08.1998, с. 68). Прежде всего, художественная литература считает своим долгом высветить, что скрывается «за благообразной вывеской» (Пия Райнахер: *Tages-Anzeiger*. Цюрих, 12.06.1997, с. 85).

Фильмы также разоблачают встречающуюся на Западе на каждом шагу стратагему пристойной видимости. Например, снятый Романом Полански в 1974 г. американский детектив «Китайский квартал» («Chinatown») [премия «Золотой глобус» за режиссуру, присуждаемая аккредитованными в Голливуде журналистами] показывает, что «за пленительным фасадом Лос-Анджелеса... разрослась непроходимая чащоба продажности, наживы, властолюбия, алчности и убийства» (*Zürcher Studentin*, 3.06.1993, с. 12). Безнравственная действительность зачастую прячется за «внешне благопристойной семейной жизнью», как явствует из книги *Позови меня!* («Call me!»), [где повествование идет от имени актрис Голливуда] Робин, / Лайзы, / Линды, / Тиффани, занявшей через несколько дней после выхода первое место среди бестселлеров в США (*Бильд*. Гамбург, 16.06.1997), а американский писатель Норман Мейлер (Mailer) считает: «Мы живем на искусственно созданной почве, где не прекращаются наркотические войны и бедствия» (*Вельтвохе*. Цюрих, 9.03.1989, с. 63).

«За приятной внешностью своего спутника» скрывалась со своим бешеным честолюбием Нэнси, супруга бывшего американского президента Рональда Рейгана. По мнению ее биографа Китти Келли (Kelley), Нэнси

⁴⁰¹ Пьеса о папе римском Пие XII (1876—1958, на панском престоле с 1939). В 2001 г. французский режиссер греческого происхождения Кос-та-Гаврас (род. 1933) снял по пьесе фильм «Аминь» («Amen»). — *Прим, пер.*

была одержима «внешним видом». Всю жизнь она стремилась «ради внешнего вида подправлять, подменять, приукрашать, выдумывать, переписывать прошлое и настоящее... отражать любые натиски действительности и все подчинить, всем жертвовать ради сохранения этого воображаемого мира». Она изменила день и место своего рождения, придумала для своей матери знатное происхождение. Но дело здесь не ограничивается лишь одной, поставившей себя на службу стратагеме 29, личности: «жизнь Нэнси Рейган представляет собой притчу о современной Америке, притчу о сущем и видимом, о форме и содержании, о власти и манипулировании, о лжи, действительности и выдумке, об обмане и достоверности» (Рето Пит (Pieth). «Бестселлер о первой леди Америки Нэнси Рейган: женщина, выдумавшая саму себя». *Вельтвохе*. Цюрих, 18.04.1991, с. 83).

А вот еще одно утверждение: «Под прекрасным обличем американского образа жизни повсюду, где бы и когда бы ни свела судьба белых и черных, все еще жжет рана рабства» («Чернее «черной серии»⁴⁰²». *Новая цюрихская газета*, 14—15.11.1998, с. 48).

«Запоздалый обвал викторианского фасада» — название статьи о «праздной жизни при английском дворе» (*Вельтвохе*. Цюрих, 25.01.1996, с. 61). «Фасад еще белый, хотя сзади начинает крошиться» — подпись под фотографией принца Чарльза, принцессы Дианы и их сыновей (*Бильд*. Гамбург, 1.03.1996, с. 5). В своей злой политической сатире «Переметнувшись в другой стан» («Crossing the floor»), снятой на Би-би-си, автор сценария и режиссер Гай Дженкин (Jenkin) проявляет «поразительную чуткость к духовному убожеству, что скрывается за блеском передовой «Хладной Британии» («Cool Britannia»)⁴⁰³ нового кабинета Тони Блэра: «new, exciting, young, bright, fresh» («новая, будоражающая, молодая, блестящая, свежая»)» («Rule Britannia», или гряда мертвых ослов...). *Новая цюрихская газета*, 30.04.1998, с. 52).

«Ведет игру с буржуазными бесплодными мечтателями, не обремененными нравственностью и полагающими, что могут под защитой буржуазного фасада вести свои грязные игры, французский кинорежиссер Клод Шаброль» (Вольфрам Кнопп (Knopp). «Ничего уже не происходит за фасадом». *Вельтвохе*. Цюрих, 30.10.1997, с. 56). С вкрадчивым цинизмом проникает «он за фасад погрязшего в удовольствиях буржуазного мира, чтобы заглянуть в бездну ненависти, алчности и смертоубийства» (*Вельтвохе*. Цюрих, 9.11.1995, с. 65).

«Буржуазная добропорядочность — всего лишь вывеска, за которой зияет бездна», — учит нас роман Моника Кёлер (Köhler) «Уродица-подмышш» («Kielkopf») (Марион Лёндорф (Löhndorf). «Зачатая в проклятиях». *Новая цюрихская газета*, 5.11.1996).

При виде того, как разрушают весь этот западный фасад, не удивительно, что в шанхайской ежедневной газете *Вэньхуэй бао* (9.05.1979) рецензент появившегося на китайском языке *Сборника современного американского рассказа* приходит к выводу, что различные американские писатели, в том числе Артур Миллер, в своих рассказах разрывают «золоченый занавес так называемого общества всеобщего благоденствия». Что же открывается за этим «золоченым занавесом»? По мнению автора рецензии, «крайняя духовная убогость и пустота», «нравственный упадок», «расовая дискриминация», «наркомания», «убийства», «похищения детей»...

⁴⁰² «Черная серия» — основанная в 1946 г. французскими интеллектуалами (Марсель Дюамель, Жак Превер, Борис Виан и др.) коллекция книг, сначала познакомивших Европу с произведениями классиков американского «жесткого» (hard-boiled) детектива (Чандлер, Хэммет, Кейн, Вулрич), а потом вызвавшей самый широкий культурный резонанс и широчайшую волну стилистических подражаний. Статья в *Новой цюрихской газете* представляет собой рецензию на криминальный роман чернокожего писателя Честера Хаймса (Himes, 1909—1984) «Беги, парень, беги» («Run, Man, Run», 1966), где повествуется об облаве на негра в Гарлеме. — *Прим. пер.*

⁴⁰³ Лозунг «Cool Britannia», на сленге означающий «Клевая Британия», взяли на вооружение лейбористы после прихода к власти в 1997 г. Он должен был олицетворять новую, динамично развивающуюся Британию в противовес старой Британской империи и словам «Rule Britannia» («Правь, Британия») — известной патриотической песни Томаса Арна (Arne, 1710—1778), оспаривавшей в свое время право стать гимном Великобритании, но в этом качестве утвердилась песня «Боже, храни короля», одним из возможных авторов которой считается Генри Кэри (Carey, ок.1687—1743). Имя «Хладная Британия» получило в апреле 1996 г. мороженое фирмы «Ben and Jerry», но еще в 1967 г. так назывался один из хитов английской группы *Vonzo Dog (Doo Dah) Band*, а само слово пошло гулять по стране с легкой руки американского журнала «Ньюсуик», назвавшего в конце 1996 г. Лондон самой холодной столицей. — *Прим. пер.*

29.21. Нежданное отцовство⁴⁰⁴

«У чуского Као Ле-вана не было сыновей. Чуньшэнь-цзюнь (ум. 238 до н. э.) был озабочен этим и хотел найти для него женщину, которая могла бы родить ему сына. Хотя женщин у него было очень много, но сын так и не родился. Чжаосец Ли Юань решил предложить чускому вану свою младшую сестру, но боялся, что дело затянется и сестра не сможет добиться расположения вана. [Поэтому] он постарался попасть в число приближенных Чуньшэнь-цзюня. Вскоре после этого он попросил разрешения съездить на родину и намеренно задержался с возвращением. Вернувшись, он попросил аудиенции. Чуньшэнь-цзюнь спросил его о причинах [опоздания]. Ли Юань сказал: «Циский ван послал сватов к моей младшей сестре, я пировал с ними и потому задержался». Чуньшэнь-цзюнь спросил его: «Что же, о свадьбе договорились?» Ответ гласил: «Нет еще». Чуньшэнь-цзюнь спросил: «А я могу повидать ее?» Ответ был: «Можете». После этого Ли Юань представил свою младшую сестру Чуньшэнь-цзюню; она ему понравилась, [и он взял ее в наложницы]. Узнав, что она забеременела, Ли Юань стал с ней строить план действий. Младшая сестра Ли Юаня, используя удобный момент, сказала Чуньшэнь-цзюню: «Чуский ван ценит и любит вас даже больше, чем своих братьев. Ныне вы, господин, служите *сяном* (первый советник государя) в Чу уже более 20 лет. У вана нет сыновей, и когда он завершит свою жизнь, его сменят у власти братья. Но когда в Чу сменится правитель, разве те, кто был близок к прежнему вану, останутся в почете, разве вам удастся сохранить свое прежнее положение? Более того, вы, господин, долго были в должности *сяна* и много раз не соблюдали этикет с братьями вана, и когда они станут у власти, то беда коснется и вас лично. Каким же образом вы сохраните печать *сяна* и свое владение к востоку от Янцзы? Сейчас я чувствую, что беременна, но никто не знает об этом. Я близка с вами недавно, и если вы, используя свое положение при дворе, представите меня чускому вану, я ему наверняка понравлюсь. Тогда если Небо будет ко мне благосклонно и я рожу мальчика, то ваш сын станет ваном. Так можно будет заполучить царство Чу, а это намного лучше [грозящих вам] неисчислимых бедствий!» Чуньшэнь-цзюнь счел такие суждения в высшей степени правильными. [Он] поселил сестру Ли Юаня в прекрасный дом и рассказал о ней чускому вану. Ван вызвал ее к себе, и она ему понравилась. Вскоре [она] родила мальчика, который и был объявлен наследником, а младшая сестра Ли Юаня стала княгиней. Чуский ван стал высоко ценить Ли Юаня, которого приобщил к делам управления. Когда Ли Юань уже ввел свою младшую сестру во дворец и она стала княгиней, а ее сын — наследником, он начал опасаться, что Чуньшэнь-цзюнь проговорится и еще больше возгордится. Втайне он стал готовить смертников, чтобы убить Чуньшэнь-цзюня и так заставить его замолчать навсегда, но об этом замысле стало многим известно. Когда Чуньшэнь-цзюнь прослужил *сяном* 25 лет, заболел чуский Као Ле-ван. Чжу Ин (уроженец Гуаньцзиня) сказал Чуньшэнь-цзюню: «В мире бывает как нежданное счастье, так и нежданная беда. Вы сейчас находитесь среди неожиданных людей, служите неожиданному правителю, почему бы не появиться на вашем пути неожиданному человеку?» Чуньшэнь-цзюнь спросил его: «Что вы имеете в виду, говоря о нежданном счастье?» Тот ответил: «Вы служите *сяном*, но фактически вы являетесь чуским ваном. В настоящее время чуский ван тяжело болен, со дня на день он может скончаться, и вы останетесь советником малолетнего правителя и со сменой нынешнего правителя станете [на деле] во главе царства... И лишь когда ван вырастет, он приступит к управлению. Не означает ли это возможность, обратившись лицом к югу и назвав себя единственным, править чуским царством? Это я и назвал нежданным счастьем». Чуньшэнь-цзюнь далее спросил: «А что вы называете нежданной бедой?» Чжу Ин ответил: «Ли Юань, не участвуя в управлении государством, является вашим врагом, не занимаясь военными делами, давно готовит наемных убийц. Как только чуский ван скончается, Ли Юань тут же попытается захватить власть и убить вас, чтобы закрыть вам рот. Это я и назвал нежданной бедой». Чуньшэнь-цзюнь опять спросил: «А кого вы называете нежданным человеком?» Чжу Ин ответил: «Сделайте меня *ланчжуном* (т. е. телохранителем), а когда чуский ван умрет и Ли Юань первым нанесет удар, я убью Ли Юаня. Вот я и есть тот нежданный человек». На это Чуньшэнь-цзюнь сказал: «Прошу вас оставить эти [замыслы]. Ли Юань — слабый человек, у меня с ним хорошие отношения, разве он может дойти до такого?!» Чжу Ин, поняв, что его советы не будут использованы, испугался, что беды обрушатся на него самого, и бежал из Чу. По прошествии 17 дней чуский Као Ле-ван умер. Ли Юань действительно нанес удар первым; он посадил в засаду убийц у ворот Цзимэнь, и, когда Чуньшэнь-цзюнь проходил через эти ворота, убийцы, окружив его, зарезали и, отрубив ему голову, выбросили ее за ворота. После этого были посланы люди, чтобы истребить всю семью Чуньшэнь-цзюня. А сын младшей сестры Ли Юаня, которая вначале полюбила Чуньшэнь-цзюню и от него забеременела, а потом перешла к вану и родила ему сына, этот сын взшел на княжеский престол и стал Юваном. Тот год был 9-м годом правления Цинь Ши-хуана (238 до н. э.)» [«Ши цзи», гл. 78: *Сыма Цянь*. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, с. 213-215].

Вначале сестра Ли Юаня дала завязаться на дереве *сяна* цветку, забеременев от него. Но затем она перешла

⁴⁰⁴ Вместо «Планов сражающихся царств» (раздел «Замыслы Чу», гл. 4, рассказ 12, «Бездетный чуский ван Као Ле») Лю Сяна, на которого ссылается Зенгер, ниже приводится рассказ в изложении Сыма Цяня («Ши цзи», гл. 78). — *Прим. пер.*

к засохшему дереву, т. е. к Као Ле-вану, чтобы там дать вызреть ее цветку. Благодаря тайной пересадке «завязи» от одного родословного древа к другому все чуское государство попало в руки Ли Юаня.

29.22. Недостающие 500 лян серебром

В конце сунской эпохи (960—1279) [начальник уезда Юньчэн Гэ] Тяньси со своим подчиненным [тюремным надзирателем Би] Иньюанем сопровождали обоз с заключенными в провинциальный центр. Среди заключенных были Цянь Цзи и несколько осужденных вместе с ним повстанцев. Прибыв в провинциальный центр, Тяньси отыскал Хэ Тайпина, инспектора при судебном надзирателе [*тисун*]. Тот спросил у Тяньси, почему он самолично решил доставить заключенных в город, а не доверил это поручение кому-то из своих людей. Тяньси сказал, что из-за боязни, как бы заключенные не стали отпираться от своих показаний. Чтобы обезопасить себя от такой напасти, он хотел бы прежде навестить генерал-губернатора [*аньфаши*] Лю Биня и убедить в своей правоте. Хэ Тайпин поинтересовался, сколько денег он прихватил с собой. «500 лянов серебром». По мнению Хэ Тайпина, это было слишком мало. Требуется самое малое 2000 лянов серебром. 1000 он мог бы достать, а вот о недостающих 500 лянах должен позаботиться Тяньси. Тот стал советоваться со своим помощником Иньюанем. Оказалось, что возвращаться домой за 500 лянами нет времени. Как же поступить? И Иньюань предлагает «развесить на дереве цветы». Он хороший приятель младшего архивариуса (*кунму*) управы Вана и попросит того письменно подтвердить получение 500 лянов серебром. А эту сумму ему затем доставят.

Замысел удался. Вместе с удостоверяющей получение указанной суммы распиской Тяньси смог передать генерал-губернатору Лю Биню 2000 лянов серебром. Все прошло, как и хотели.

«Деревом» выступили имеющиеся 1500 лянов серебром. Развешенными на дереве цветами явилась любезно предоставленная расписка о якобы внесенных в казну генерал-губернатора 500 лянов серебром. Данный эпизод взят из [24 (94) главы] «Полного заключительного повествования о Речных заводах» [«Цзе шуйху цюань чжуань»] Юй Ваньчуня [1794—1849]⁴⁰⁵.

29.23. Дракон в облаках

«Шэнь-цзы сказал: «Летающий дракон (Фэйлун) летает в облаках, а прыгающая змея (Тэншэ) плавает в тумане. Уйдут облака, рассеется туман, и дракон и змея станут похожи на цикаду и муравья; они потеряют почву. Если добродетельный в подчинении у негодного, власть становится слабой, а положение низким, тогда как при обратном условии вышесказанному (негодный может быть подчинен добродетельному) достигается соответствующий результат (власть значительна, положение почетно). Когда император Яо был простым смертным, он не мог управиться с троими, а Цзе, занимая императорский престол, был в состоянии привести в смятение весь Китай. Из этого я заключаю: власть и положение достаточная опора сами по себе, а добродетель и мудрость не заслуживают сами по себе того, чтобы к ним стремиться. Лук слаб, стрела же заносится высоко — ей помогает ветер. Человек сам по себе никуда не годится, а [оказывается, что] его распоряжения исполняются, он получает поддержку в людях. Поэтому, когда Яо приказывал подчиненным, народ не слушал его указаний, когда же он сел на престол, лицом обратился к югу, и стал императором, его распоряжения исполнялись и запрещения имели силу. Из этого следует, что способности и мудрость недостаточны для покорения толпы, а власть может подчинить способных (добродетельных)» [«Хань Фэй-цзы», 40-я глава «Положение» («Нань ши»): Иванов А. И. «Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы». СПб, 1912, с. 227-228].

В этих размышлениях Шэнь Дао (ок. 395 — ок. 315 гг. до н. э.) нашли отражение духовные начала стратагемы 29, выступающей в обликах стратагемы внушения уважения. В приведенных строках Шэнь Дао подчеркивает значимость «положения», особенно дающего власть. В китайском языке для этого употребляется слово «ши», появляющееся уже в первом предложении разъяснений к стратагеме 29 трактата пятисотлетней давности *Тридцать шесть стратагем*: «Воспользовавшись обстановкой, утвердить свое положение (ши) и даже небольшими силами обрести большую власть (ши)» [«цзе-цзюй бу-ши, ли-сяо ши-да»]. Тем самым незначительное войско может поднять свою значимость и нагнать страху на врага, представ для него, например, в составе военного союза, союзником по-настоящему устрашающей военной державы. Воспользоваться можно именем человека или дела, о которых идет добрая слава, величием чего-либо, иначе

⁴⁰⁵ Такой подзаголовок он преподнес своей «Истории усмирения бандитов» («Дан коу чжи», изд. 1851), поскольку роман выступает продолжением «Речных заводов» из 70 глав в редакции известного ученого Цзинь Жэньжюя (1608—1661), иначе Цзинь Шэнтаня. Юй Ваньчюнь перенес туда героев Ляншаньбо из «Речных заводов» Ши Найяня. — *Прим. пер.*

говоря, всем тем, что способно придать важность.

«Рузвельт с исторического далека представляется выдающейся личностью, но вблизи часто разочаровывает». Разумеется, эти слова журналиста Уолтера Липмана (Lippmann) (*Цайм*. Гамбург, 8.10.1998, с. 110) о Франклине Д. Рузвельте, президенте США в 1933—1945 гг., говорились без всякого стратагемного подтекста. Однако они дают почувствовать, какие возможности способны предложить проводнику стратагемы 29 всего лишь временные обстоятельства, которые ему только надобно распознать и использовать.

29.24. Устрашающее облако пыли

При нападении Цао Цао на Цзинчжоу после кончины Лю Бяо (см. 20.15) Лю Бэй оказался в отчаянном положении. С тремя тысячами конных воинов, за которым следовало несколько десятков тысяч жителей Цзинчжоу, Лю Бэй уходил от наседавшего на него Цао Цао. «С тридцатью всадниками помчался Чжан Фэй к Чанфаньскому мосту [находится в северо-восточной части уезда Данъян провинции Хубэй]. К востоку от этого моста виднелся небольшой лесок. Чжан Фэй решил пуститься на хитрость: он приказал своим воинам привязать ветки к хвостам коней и разъезжать по лесу во всех направлениях, вздымая пыль, чтобы создать впечатление, будто в лесу находится большой отряд, а сам в это время остановился на мосту и стал смотреть на запад... [Передовой отряд Цао Цао во главе с Вэнь Пинном (род. 178 н. э.)] достиг Чанфаньского моста. Там с копьём стоял Чжан Фэй. Глаза его пылали гневом, усы ошетинились, как у тигра. К тому же за рошей, к востоку от моста, Вэнь Пин заметил облако пыли. Боясь попасть в засаду, он остановился... Грозный вид Чжан Фэя испугал [подоспевших остальных военачальников]. Опасаясь какой-либо хитрости со стороны Чжугэ Ляна, они тоже остановились в нерешительности. Построившись в линию к западу от моста, они отправили гонца к Цао Цао. Тот лично приехал посмотреть, что здесь происходит. Чжан Фэй, все еще неподвижно стоявший на мосту, заметил в задних рядах войск противника темный шелковый зонтик, бунчуки и секиры, знамена и флаги и, решив, что это явился сам Цао Цао, зычным голосом крикнул: «Эй! Кто там хочет насмерть драться со мной? Я — Чжан Фэй из удела Янь!» Голос Чжан Фэя напоминал раскаты грома, и у воинов Цао Цао от страха задрожали поджилки. Цао Цао поспешно велел убрать зонтик. «Я слышал от Гуань Юя, — сказал Цао Цао своим приближенным, — что Чжан Фэй может на глазах многотысячной армии противника снять голову полководцу так же легко, как вынуть что-нибудь из своего кармана! Надо с ним быть поосторожнее!» — «Чжан Фэй из удела Янь здесь! — снова донесся голос Чжан Фэя. — Кто посмеет сразиться со мной?» Цао Цао совсем пал духом, и у него появилось желание поскорее убраться восвояси. От зоркого взгляда Чжан Фэя не укрылось движение в задних рядах противника. «Ну, что вы там возитесь? — крикнул он, потрясая копьём. — Драться не деретесь, уходить не уходите!» Голос Чжан Фэя был так грозен, что стоявший рядом с Цао Цао Сяхоу Цзе от страха замертво свалился с коня. Цао Цао бросился без оглядки, а вслед за ним бежало и все его войско. Поистине, как желторотый птенец, испугавшийся удара грома, или как беззащитный дровосек, услышавший вблизи рев тигра, неслись воины Цао Цао неудержимым потоком, топча и сминая друг Друга. Многие из них побросали копья и шлемы... Устрашенный грозной силой Чжан Фэя, Цао Цао мчался на запад. Шапку он потерял, волосы его растрепались... [Затем] Цао Цао немного пришел в себя и приказал вернуться к Чанфаньскому мосту на разведку» [«Троецарствие», гл. 41 и 42: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М., 1954, с. 511, 518—520]. Но тем временем, воспользовавшись передышкой, Лю Бэй сумел добраться до спасительного Сякоу [ныне город Ухань, столица провинции Хубэй].

Согласно китайскому исследователю стратагем Юй Сюэбиню здесь Чжан Фэй воспользовался стратагемой 29, когда своим устрашающим видом, могучим голосом, а главное, облаком поднятой пыли изображал силу и мощь.

29.25. Жаргонное пугало

«Раз этот человек ценит себя так дорого, он должен, конечно, обладать большой ученостью», — говорит в романе *Речные заводи* [богач] Лу Цзюньи и тотчас попадает на удочку мнимого гадателя, навлекая тем самым в дальнейшем на себя беду [«Речные заводи», гл. 60: *Ши Найань*. Речные заводи, т. 2. Пер. с кит. А. Рогачева. М.: Гослитиздат, 1959, с. 455]. Обыкновением принимать высокие слова за большую ученость пользуются и интеллектуалы, и не только в Среднем государстве.

На высокопарный слог в научных экономических статьях последнего времени сетует Гу Хайбин в *Рабочей газете* [*Гунжэнь жибао*], печатном органе Всекитайской федерации профсоюзов (Пекин, 11.05.1990, с. 3). Авторы этих статей обеспокоены тем, чтобы величавыми фразами поведать людям о чем-то маловажном. Подобные претензии то и дело раздаются и на Западе. Так, Карл Поппер (1902 — 1994) взял выражение одного известного современного немецкого светила [Юргена Хабермаса] — «теории доказывают свою полезность в определенной области лишь тогда, когда под них подпадает все действительное многообразие»

— и перевел на простой язык: «теории применимы в некоей области тогда, когда они применимы». «Здесь нельзя не заметить скудости выражения; то, что данное светило могло бы и не пичкать книги подобными высказываниями, вполне очевидно, ведь разрушение жаргонной вывески создает угрозу самому их существованию; и кто решается на это, должен быть готов к тому, что навлечет на себя ненависть», — пишет Вольф Шнайдер (Schneider), размышляя о «научном оперении» (*NZZ-Folio*. Цюрих, июнь 1992, с. 69).

29.20. Спасительная стройка

На китайском рынке минеральной воды в 1992 г. по счастливому стечению обстоятельств удалось утвердиться марке «Сто драконов». Тем самым пришлось потесниться марке «Крез». Производитель обратился в пекинский Институт конъюнктуры рынка. Там пришли к заключению, что «Крез» при имеющихся денежных и людских ресурсах не может организовать рекламную кампанию, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. В то время как раз строилась вторая окружная дорога в Пекине, и это событие занимало внимание прессы столицы и всего Китая. И помочь вновь встать на ноги марке «Крез» предстояло этой стройке.

По совету пекинского института однажды под оглушительный бой барабанов на стройку пожаловали представители компании «Крез» и стали бесплатно раздавать потеющим рабочим бутылки с минеральной водой. Для находящихся на стройке журналистов это было сухой находкой. В Китайской Народной Республике нет «желтой прессы» в западном понимании, так что реакция китайских журналистов понятна. По телевизору, радио и в печати, везде только и говорили про бесплатную раздачу минеральной воды. Тем самым «Крез» неожиданно оказался в центре внимания. Компании ловко удалось привлечь крупный строительный объект Пекина — дерево — для повсеместного рекламирования себя — цветение почти увядшего собственного цветка.

29.27. Вместо имени Мао название косметического средства

После смерти Мао Цзэдуна (1893—1976) по всему Китаю зазвучала песня [Ван Сижэня (род. 1929)] с припевом «Самое красное — солнце, самый любимый — председатель Мао». Добрых двадцать лет спустя один завод в Уси (провинция Цзянсу) использовал эти строки для рекламирования своего косметического средства, только «председателя Мао» заменили на название этого самого средства. Такого рода рекламу, окружающую преподносимый товар ореолом известной личности, *Рабочая газета [Гунжэнь жибао]* (Пекин, 1.03.1995, с. 3) отнесла к стратагеме 29.

29.28. Как одна японская фирма завоевала американский рынок

Японская фирма Кано, как сообщает Юй Сюэбинь в 29-й главе своей книги по стратагемам, разработала фотокамеру и хотела продвинуть ее на американский рынок. Но пробиться туда оказалось непросто: борьба там велась за каждую пядь земли. Японцы увидели, что собственных сил для этого не хватит. Тогда они создали в США дочернюю фирму, которой удалось добиться сотрудничества с одной уважаемой американской компанией. Они использовали совместно одну марку, состоявшую из начальных букв американской фирмы, В.Н. и японского названия Кано — «В.Н.-Кано». Теперь японцы могли воспользоваться весом и рыночным опытом американского партнера, чтобы пробиться на американский рынок. Когда через несколько лет Кано со своими фотокамерами удалось утвердиться на американском рынке, она совершила следующий шаг. Японцы отделились от американского партнера и стали использовать для продукции лишь свою марку «Кано». Таким образом японская фирма обрела самостоятельность на американском рынке, а затем и на международном.

В данном примере собственная, слабая завязь пересаживается на сильное дерево. Когда же «завязь» благодаря этому набирает силу, она более не нуждается в «дереве» в образе американской фирмы и уже в состоянии цвести далее самостоятельно.

29.29. Пряный порошок карри на горе Фудзияма

«Фудзияма меняет свой прежний облик!» Под таким лозунгом вела свою рекламную кампанию в средствах массовой информации несколько лет назад японская фирма [по производству специй и приправ] S&B [(Spice&herb) Foods Inc., основана в 1923 г. Ямадзаки Минэзиро (1903—1974)]. В рекламе говорилось: «Наша компания нанимает несколько вертолетов, откуда на белоснежную вершину Фудзиямы посыплется производимый нами желтый порошок карри. В тот час перед зрителями Фудзияма предстанет с золоченой вершиной». Подобного рода заявлениями компания хотела увеличить сбыт плохо раскупаемого порошка карри.

«Один камень способен вызвать волны высотой в тысячекратный дом» [«и ши цзици цян цэн дан»], — пишет Чжан Чици в газете *Освобождение* [Цзефан жибао], печатном органе шанхайского городского комитета КПК (7.03.1994). Стоило развернуться указанной рекламной кампании, как поднялась волна возмущения. Компания S&B в мгновение ока стала мишенью атак. Все крупные средства массовой информации задали ей головоломку: Фудзияма является символом Японии, и кто позволил компании S&B менять ее макушку и перелицовывать ее облик?

На самом же деле подобная реакция и входила в планы компании: ведь она оказалась у всех на устах. Возникший на пустом месте шум привлек к ней внимание людей. Немного спустя компания объявила: «Видя, какое неприятие вызвал ее план в японском обществе, S&B решила отступить от своего замысла посыпания порошком карри макушки Фудзиямы и извиниться перед общественностью».

Теперь народ стал прибегать к выражениям вроде «кто богат, тому свойственно великодушие», «вот это поступок», «указанную ошибку незамедлительно исправили» и т. д., всюду хваля компанию S&B. Ее имя было у всех на слуху, а ее порошок карри стал пользоваться бешеным спросом.

Фудзияма послужила компании S&B «деревом», на котором им удалось устроить, пусть и виртуально, свои «цветы», порошок карри.

29.30. Лиса пользуется могуществом тигра⁴⁰⁶

Цзинский⁴⁰⁷ Сюань-ван (правил 369—340 до н. э.) спросил собравшихся придворных: «Я слышал, что по ту сторону наших северных рубежей боятся нашего военачальника Чжао Сисюя. Так ли это?» Никто из собравшихся придворных не ответил, лишь один Цзян И взял слово:

«Тигр охотился на разных зверей и пожирал их. И вот как-то раз поймал лису. «Только не вздумай меня съесть! — сказала лиса. — Небесный Владыка прислал меня сюда начальницей над всеми зверями. Сожрешь меня — нарушишь его волю. А если не веришь — давай я пойду впереди, а ты ступай следом. Сам увидишь — посмеют ли звери, при виде меня, не разбежаться!» Тигр ей поверил — и пошел следом. Все звери, завидев их, разбежались кто куда. Невдомек было тигру, что звери разбегаются из страха перед ним, и он решил, что они и вправду боятся лисы!» [«Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая». Пер. В. Сухорукова. М.: Худ. лит., 1987, с. 316]. Ныне ваши владения составляют 5000 ли, латников свыше миллиона, которых вы поставили сугубо под начало Чжао Сисюя. То, что Чжао Сисюя страшатся на севере, означает, что на самом деле страшатся латников вана, подобно тому, как звери на самом деле страшались тигра, а не лисы».

Поведанная Цзян И притча живет в выражении «лиса пользуется могуществом тигра» («ху цзя ху вэй») и характеризует стратегию заимствования чужого авторитета. Тигр играет здесь роль дерева, придающего жалкому цветку — лисе — ореол могущества. Как особая разновидность стратегии придания веса 29 стратегия заимствования чужого авторитета находит применение по всему свету при стечении самых различных обстоятельств.

29.31. Власть над солнцем

От китайских императоров, именовавших себя «сынами Неба», и от римских пап, выступавших «наместниками бога», длинная череда проводников стратегии заимствования авторитета ведет к герою комиксов [молодому репортеру] Тантану [фр. Tintin] (на нем. яз. «Tim und Struppi» [«Тантан и [его пес] Мелок (фр. Milou)»], см. Эрже (Hergé). «Храм солнца» («Der Sonnentempel», фр. «Temple du Soleil» (1946)). Гамбург, 1998). Тантан, капитан Хэддок [досл. Треска] и профессор Лакмус [фр. Tournesol] в [уцелевшей] стране инков были приговорены к сожжению на костре, который должен был заняться от солнечных лучей. Поскольку Тантан до своего пленения защитил одного мальчика-индейца [от грубого обращения двух белых], ему была дарована милость выбора дня казни из ближайших тридцати дней. Тантан определяет сожжение на 18-й день, зная, что на него выпадает день затмения. Когда троим осужденным принесли увеличительное стекло, посредством которого им предстояло поджечь костер, Тантан перед собравшимися

⁴⁰⁶ Источником идиоматического выражения «лиса пользуется могуществом тифа» («ху цзя ху вэй») и приводимого отрывка являются «Планы сражающихся царств», рассказ 16 из раздела «Замыслы Чу», гл. 1, под названием «Чуский [Оюань-]ван спрашивает придворных». — *Прим. пер.*

⁴⁰⁷ Цзинский, т. е. чуский, государь. Название Цзин появилось в середине I тысячелетия до н. э. в применении к землям княжеств Чу, У, Юэ. — *Прим. пер.*

индейцами, [верховным] Инкой и своими друзьями по несчастью стал взывать к солнцу: «О, могущественный Пачакамак⁴⁰⁸! Я молю тебя, яви свою власть! Если ты не желаешь принять этой жертвы, сокрой свой огненный лик!» И действительно, солнце стало темнеть, пока не исчезло вовсе. Тогда Инка бросился умолять Тантана: «Сжался, чужестранец! Пусть солнце вновь засияет! Я сделаю все, что ты пожелаешь!» И Тантан воззвал к солнцу, чтобы светило вернулось. «Клянусь Пачакамой! — воскликнул Инка. — Солнце повинуется ему. Быстро развяжите пленников!»

29.32. Коль точно слово, то и дело сладится

«Если имена не выправлены, то слова не согласуются [с истинным положением дел]. Если же слова не согласуются [с истинным положением дел], то дела не завершаются» [«Лунь юй», 13-3]. Отсюда устойчивое выражение «при правильных формулировках и речь льется плавно» («мин чжэн янь шунь»). Ли Жу (ум. 194), советник диктатора Дун Чжо (ум. 190), как сообщает роман *Троецарствие*, использовал это выражение, когда советовал Дун Чжо прикрыть истинные намерения задуманного похода на столицу каким-нибудь благовидным предлогом (см. 19.9). Естественно, стороннему наблюдателю зачастую нелегко уяснить, является ли ладно скроенное обоснование совершаемого действия лишь предлогом или же истинной побудительной причиной либо сочетанием того и другого.

Верное, ясное, убедительное название своего намерения на этапе замысла, как и в ходе и после его осуществления подобно величественному, раскидистому дереву, на фоне которого более не воспринимается убогость пристроенного на нем «цветка». Измышление неуязвимого наименования для задуманного подвоха в Китае именуют «хитроумно придумывать название (предлог)» («цяо ли минму»). Основным поставщиком всякого рода оправданий служит право, а в отношениях между странами международное право, мораль, этика, религия и идеология (см. 25.24). В Китайской Народной Республике, например, во время «культурной революции» (1966—1976) целый арсенал высокопарных наименований из сокровищницы синомарксизма служил для оправдания вторжения — порой самого бесцеремонного — в личную жизнь граждан.

«Государство всегда именуют отечеством, когда готовятся к убийству людей», — отмечает со стратегической прозорливостью швейцарский писатель Фридрих Дюрренматт [в пьесе «Ромул Великий» (1949) о последнем императоре Римской империи Ромуле Августуле (460 — сер.530-х; правил 475—476)]. Когда на Западе готовятся к подрывной деятельности и собираются куда-то вмешаться, там начинают говорить о правах человека. Так иногда переинтерпретируют слова Дюрренматта в Китае (*Жэньминь жибао*. Пекин, 11.07.1990, с. 4). В Европе промышлявшие работоторговлей государи говорили римским папам, «что вырученные от продажи негров средства они могли бы направить на борьбу с мусульманами. Так политики и духовенство покрывали рабство, а этика Католической церкви допускала его вплоть до девятнадцатого века» («Рабство: преступление тысячелетия». *Шпигель*. Гамбург, № 8, 1998, с. 149 и след.). Но еще раньше, во время Пелопоннесских войн (431—404), свою высадку на Сицилии в 415—413 гг. афиняне представили как помощь тамошним жителям и своим союзникам. В действительности же они с самого начала намеревались прибрать к своим рукам весь остров. «Подобно тому, как двумя с половиной тысячелетиями спустя сербы и хорваты маскировали свои боевые действия в Балканской войне; подобно тому, как США оправдывали свое вторжение в Корею или Вьетнам» (Райнер Луйкен (Luucken). «Присмотритесь сперва к миру! Разыскания касательно Фукидида». *Цайт*. Гамбург, 1.08.1997, с. 36).

29.33. «Белая яшма» вместо «соевого сыра»

«Драконовые «усы» [«лунцзы»] вместо «побегов маша» [фасоли золотистой]; «белая яшма» [«бай юй»] вместо «соевого сыра» [яп. *тофу*, кит. «доуфу»]; «золотые крючочки на яшмовом подносе» [«цзиньгоу гуа юйпай»] вместо «ростков пророщенных бобов на соевом сыре»; «когти феникса» [«фэн чжуа»] вместо «куриных коготков» [«цзи чжуа»] — все это лишь некоторые употребительные в Китае наименования блюд. Несомненно, они порывают с действительностью, давая разыграться фантазии. Подобного рода украшения психологически способствуют более обостренному восприятию прославленной китайской пищи. Красивый цветок здесь лишь усиливает очарование чего-то изначально добротного.

Но некоторые китайские рестораны в своем рвении заходят слишком далеко, создавая крайне причудливые названия, вводящие посетителей в заблуждение. Поэтому в данной сфере необходимо больше «раскрывать в реальных фактах их подлинную сущность» [см. 29.13] и, поменьше «витийствуя в толпе, приобретать ее любовь» («хуа-чжун цюй-чун), — призывает Лю Шаоин в шанхайской газете *Литературное собрание* [*Вэньхуэй бао*] (27.02.1997, с. 4).

⁴⁰⁸ Пачакамак («держатель вселенной») — бог-создатель у индейцев побережья Перу. — *Прим. пер.*

Стратегема № 30. Пересадить гостя на место хозяина

Четыре иероглифа	反	客	為	主	
Современное чтение	китайское <i>Фань</i>	<i>кэ</i>	<i>вэй</i>	<i>чжу</i>	
Перевод иероглифа	каждого	Обратить	гость	в	хозяин
Связный перевод	Пересадить гостя на место хозяина; обратить гостя в хозяина. Похищение престола/власти				
Сущность	1. Стратегема кукушки 2. Стратегема господина/госпожи				

«У знатоков военного дела есть такое суждение: «Я не смею быть хозяином, а лучше буду гостем...» [«Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 36.] Так начинается глава 69 трактата *Дао дэ цзин*, приписываемого Лао-Цзы (см. п. 7 Введения, а также 17.31). «Хозяин» здесь представляет того, кто начинает военные действия, «гость» — того, кто на них отвечает. Главная задача Лао-Цзы — «невмешательство» («у вэй»), откуда вытекает его воздержание от всякого нападения. Противоположным образом употребляются слова «хозяин» и «гость» в *Военных законах Сунь Вина*. Сунь Бинь (см. 2.1, 4.2, 11.13, 11.14), живший примерно в 380—300 гг. до н. э., предположительно приходился правнуком Сунь-цзы (VI—V вв. до н. э.). В главе 19 «Положение гостя и хозяина» [«Кэ чжу жэнь фэнь»] *Военных законов Сунь Вина* говорится: «Гость — это тот, кто занимает позицию позже. Хозяин располагается на местности и создает потенциал своей позиции, чтобы встретить гостя» [«Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 338]. Таким образом «хозяин» выступает обороняющейся стороной, большей частью сражающейся на собственной территории, тогда как «гость» оказывается вторгшейся в чужие владения нападающей стороной.

Нападающей стороной «гость» выступает уже в *Военном искусстве Сунь-цзы* (гл. 11.7). Как и в *Военных законах Сунь Вина*, слова «хозяин» и «гость» также используются в военном классическом трактате поздней танской поры *Беседы Ли Вэй-гуна [571—649] [с императором Тай-цзуном (правил 626—649)]* («Ли Вэй-гун вэньдуй»). Нижеследующее извлечение из данного сочинения важно тем, что там впервые встречается выражение для стратегемы 30 [ч. II (всего в трактате три части: верхняя («шан»), средняя («чжун») и нижняя («ся»)]:

«Тай-цзун сказал: «Война любит положение хозяина и не любит продолжительности. Что это значит?» Ли Вэй-гун ответил: «К войне обращаются тогда, когда это неизбежно. Как же она может любить положение гостя и продолжительность?» Сунь-цзы сказал: «Если провиант возить далеко, крестьяне обеднеют. Это — бедствие, вызываемое положением гостя». Кроме того, он сказал: «Набор во второй раз не производят, провиант в третий раз не собирают». Это свидетельство того, что война не должна быть продолжительной. Однако, сопоставляя положение хозяина и гостя, я вижу, что есть способ превратить гостя в хозяина и хозяина в гостя». Тай-цзун спросил: «Как же это?» Ли Вэй-гун ответил: «Если снабжаться за счет противника, это и будет превращение гостя в хозяина. Если самому быть сытым, а противника заставлять голодать, самому быть свежим, а противника утомлять, это будет превращение хозяина в гостя. Поэтому война не зависит от положения хозяина и гостя, от быстроты и медленности. Нужно только одно: начав что-либо, попасть в самую точку. Это и есть способ действовать как нужно» [«Сунь-цзы. У-цзы: Трактаты о военном искусстве». Пер. с кит. Н. Конрада. М. — СПб: Издательство АСТ, 2001, с. 293].

30.1. Кукушка в качестве образца

Дословно стратегема 30 означает выживание хозяина и полное распоряжение его домом. Подобное поведение схоже с действиями кукушки, представляющей примерно 50 из 128 видов, которые промышляют так называемым гнездовым паразитизмом [т. е. гнезд не строят и яиц не насиживают, а подкладывают их в гнезда птиц других видов]. Каждый такой вид кукушки использует различных хозяев, в качестве приемных родителей предпочитая певчих птиц. Удивительно, как умудряются кукушки, чтобы их яйца походили на яйца хозяев. Так, кукушечьи яйца могут быть исключительно белыми, голубыми или цвета глины либо иметь поразительно схожее с чужим яйцом облачение. Даже вес кукушечьего яйца совпадает с весом хозяйского, колеблясь от 2 до 25 грамм. Самка кукушки наблюдает за выбранной ею птицей-хозяйкой, начиная со строительства ею гнезда. Стоит той отложить яйца, кукушка в укрытии выжидает, пока родители не отлучатся. Она тотчас садится в гнездо, берет в клюв одно из яиц, подсовывает свое и быстро улетает. Все действие занимает не более десяти секунд. Затем кукушка съедает украденное яйцо, получая таким

образом еще и сытный обед.

Чтобы оказаться в выигрышном положении, птенец кукушки должен вылупиться первым. Вылупившийся на 12-й день птенец кукушки первым делом выбрасывает из гнезда яйца или птенцов птицы-хозяина. Затем он разевает свою внушительных размеров пасть, и обманутые родители начинают кормить чужака, хотя тот совершенно не похож на их сородичей — широко открытый ярко-красный рот служит знаком к кормлению, которому родители неукоснительно следуют. Спустя три недели кукушонок тяжелее своего исходного веса в пятьдесят раз. «И какими бы певчими птицами ни были приемные родители, им теперь для кормления великана приходится зависать над ним в воздухе либо усаживаться ему на спину, глубоко засовывая голову в разинутый рот прихлебателя» (Герберт Черутти (Cerutti). «О кукушке». *NZZ-Folio*. Цюрих, апрель — 1997, с. 64 и след.).

30.2. Пять шагов от гостя к хозяину

Если кукушка и ее птенец обосновываются в хозяйском гнезде приемных родителей в два приема, то для проводника стратагемы 30 Юй Сюэбинь советует осуществлять ее в пять приемов, которые сингапурский исследователь стратагем Ван Сюаньмин представляет следующим образом: « 1. стань гостем; 2. воспользуйся удобным случаем; 3. сыщи себе оправдание; 4. упрочь свою власть; 5. заверши переход власти». Пять шагов по захвату власти делаются постепенно, а не наскаком, причем конечную цель — пятый шаг, — естественно, не следует открывать хозяину. В продолжение по меньшей мере первых трех шагов необходимо «гнуть спину» перед хозяином и изъяслять покорность. Пекинский исследователь стратагем Ли Биньянь в этой связи вспоминает покорность Лю Бана по отношению к Сян Юю (см. 8.1).

Вначале речь идет о завоевании положения гостя. Вкрадываются в доверие будущего хозяина, добиваясь делами или иным образом его расположения. В военном отношении первый шаг может заключаться в отправке военной помощи и подкрепления какому-нибудь государству. Чтобы не попасться на удочку данной стратагемы уже на этом этапе, Юй Сюэбинь предостерегает от «незваных гостей» и поспешного гостеприимства.

«Рыба и гости начинают смердеть на третий день». Поэтому гостю на втором этапе нужно, выждав случай, незамедлительно им воспользоваться (см. стратагему 12), чтобы обезопасить свое еще весьма шаткое положение. Возможность для этого ему может предоставить та или иная слабость хозяина или некий изъян в его окружении. Если же хозяин не даст обнаружить у себя слабые места, например благодаря неукоснительному соблюдению тайны, то стратагема 30 пресекается уже на этом этапе.

На третьем этапе предстоит положение все еще временного гостя обратить в положение постоянного гостя. Хозяин уже не в состоянии выпроводить гостя за дверь. Тот втихомолку расширяет свою власть, собирая вокруг себя союзников либо зависимых от него людей и/или средства.

На четвертом этапе гостю удастся занять ключевые места в расположении хозяина, вследствие чего тот вынужден привлекать его к решению всех важнейших вопросов. Как полагает Юй Сюэбинь, этому, раз гость уже обосновался, следует всячески препятствовать.

На пятом, и последнем, этапе гость отыскивает подходящий предлог (29.32), чтобы открыто и беспрепятственно занять место прежнего хозяина. Отныне он может «вести дела без хозяина». Или же создает видимость сложившегося после четвертого этапа положения, довольствуясь местом стоящего в тени кукловода, тогда как находящийся на виду хозяин является всего лишь послушной игрушкой в его руках. По мнению Юй Сюэбиня, для хозяина еще не все потеряно. Ему нужно не терять присутствия духа и попытаться со своей стороны воспользоваться стратагемой 30.

30.3. Кто спрашивает, тот и задает тон

«Хозяин» и «гость» обозначают противоположные стороны или обстоятельства вроде властителя и подвластного, как и — в переносном смысле — верховенства и подчинения, деятельного и косного начала, запевалы и подголоска, водителя и ведомого, защитника и нападающего, значимого и незначимого и т. д.

Все эти обстоятельства с точки зрения стратагемы представляются отнюдь не статичными и не неизменными. Напротив, противоположности могут поменяться местами. При подобной перемене участи в пределах всех обозначенных противоположностей стратагема 30 содействует тому, кто поначалу занимает место «гостя». Длительная череда из пяти приемов требуется для стратагемы 30 лишь тогда, когда речь идет о буквальном вытеснении настоящего хозяина настоящим гостем. Используемая в переносном смысле стратагема 30 при определенных условиях может весьма скоро привести к успеху, например если задавать в

разговоре собеседнику неожиданный или обескураживающий встречный вопрос (см. 35.18). Ведь не раз оказывается верным утверждение: «Кто спрашивает, тот и задает тон».

30.4. Надувательство со стоимостью проезда

Два примера, приведенные наньцзинской газетой *Вестник услуг [Фуу даобао]* 9.11.1996 г. в одном из очерков серии «36 стратагем сегодня» для иллюстрации стратагемы 30, показывают, как ее незамедлительно пустить в дело:

— один известный китайский певец, который в свободное от работы со своим ансамблем время на свой страх и риск организовывал выступления, появился на одном вечернем представлении. Организатор концерта позаботился о рекламе, так что зал ломился от публики. Но незадолго до выступления этот певец — напомним, что в Китае не придают такого значения контрактам и договорам, как в Европе, — заявляет, что его гонорар мал, и требует прибавки. Приглашенный на концерт гость вдруг начинает диктовать свои условия. Устроителю не с руки отправлять многочисленных зрителей домой. Лишь получив прибавку, певец вышел на сцену;

— кондукторы в автобусах на одной из линий были известны тем, что часто не давали полностью сдачу за проданные билеты. Этому научился избегать воспользовавшийся стратагемой 30 пассажир, когда стал отдавать кондуктору свою банкноту в 10 юаней лишь после получения от него причитавшейся сдачи в 9 юаней.

30.5. Шумный гость заглушает хозяина

Иной раз выражение для стратагемы 30 употребляется сугубо для красного словца, как, например, в репортаже о футбольном матче, когда гости побеждают хозяев (*Литературное собрание [Вэньхуэй бао]*. Шанхай, 25.07.1997, с. 4), в выступлениях, направленных против перенимания приемов западной культуры и западной компьютерной технологии (*Жэньминь жибао*. Пекин, 15.05.1990, с. 8; *Литературная газета [Вэньсюэ бао]*. Шанхай, 21.10.1993, с. 4; *Гуанмин жибао*. Пекин, 20.12.1994, с. 5; *Книжное чтение [Душу]*. Пекин, 1995, № 2, с. 148) или за укоренение западной науки в Китае (*Книжное чтение [Душу]*. Пекин, 1995, № 6, с. 55) и для характеристики положения, когда в стране переселения иммигранты берут верх над местными жителями (Хао Цзайцзинь. «Переселенцы запленили мир». Пекин, 1994, с. 246).

В схожем с выражением стратагемы 30 значении выступает немного грубоватое выражение «шумный гость заглушает хозяина» («сюань-бинь до-чжу») [в значении «узурпировать права хозяина»; «второстепенное заслоняет главное»]. Это выражение красуется на обложке журнала *Всемирное знание [Шицзе чжиши хуабao]* (Пекин, 1980, № 4) как пояснение к шаржу, изображавшему тогдашнего главу советского государства Брежнева. Довольно улыбаясь и заложив руки за голову, тот лежит, развалившись на кровати с надписью: «Афганистан». На одеяле, под которым съежился оттесненный к самому краю с головой, выглядывающей из-под мышки Брежнева, испуганный афганец, начертано: «Дружеское сотрудничество».

30.6. Сценическая бутафория отодвигает содержание пьесы на задний план

Выражение для стратагемы 30 может обернуться ее противоположностью, став обозначением головопятия. Подобный пример дает нам китайский драматург и кинорежиссер Хун Шэнь (1894—1955). В своем труде «Азы театральной режиссуры» [«Сюэцзюй даоянь-дэ чубу чжиши»] 1941 г. он пишет: «Режиссер обязан постоянно быть начеку. Прежде всего, он не должен поддаться своекорыстному желанию произвести впечатление и щегольнуть своим умением и не должен увлечься целиком «бутафорией» (иначе говоря, устраивая парад декораций, чье воздействие доводят до крайности без учета требований пьесы; выпячивая технические навыки, вследствие чего хозяин меняется местом с гостем в расчете на повышение зрительского интереса, однако вынужденно жертвуя при этом воспитательным действием пьесы)...»

В качестве обозначения «головопятия» «пересаживание гостя на место хозяина» характеризует подмену малозначительным (зрелищные сценические эффекты) значимого (содержание пьесы), второстепенным — первостепенного, вещью — человека (см. также: *Жэньминь жибао*. Пекин, 16.04.1998). Положение в одном из парков Даляня (провинция Ляонин), где рев постоянно включенных громкоговорителей заглушает щебетание птиц, в одной из своих статей *Рабочая газета [Гунжэнь жибао]* (Пекин, 11.09.1997, с. 3) наряду с поездками китайских чиновников на совещания в излюбленные места для загородных прогулок, где осмотр достопримечательностей отодвигает на задний план саму работу, обозначается — в данном случае для характеристики головопятия — выражением для стратагемы 30.

30.7. Выманить обороняющегося из укрепления

В 219 г. н. э. Чжугэ Лян (181 — 234), канцлер царства Шу, согласился по его просьбе отправить старого военачальника Хуан Чжуна (ум. 220) в поход против находящегося в услужении у Цао Цао (155—220) военачальника Сяхоу Юаня (150—219). Сяхоу Юань со своим войском окопался на горе Динцзюнь. Хуан Чжун, которому пришлось вести войско издалека, по условиям местности и состоянию воинов и лошадей находился в невыгодном положении. Различные вылазки Хуан Чжуна против Сяхоу Юаня терпели неудачу. Хуан Чжун сопровождал Фа Чжэн (176—220), советник Лю Бэя (161—223). «Хуан Чжун позвал на совет Фа Чжэна, и тот сказал: «Сейчас прежде всего надо поднять боевой дух воинов и смело идти вперед. Будем строить временные лагеря и стараться завлечь Сяхоу Юаня в ловушку. Это называется «превратиться из гостя в хозяина». В тот же день Хуан Чжун по совету Фа Чжэна наградил воинов, и ликующие возгласы заполнили ущелье. Воины рвались в бой. Хуан Чжун снялся с лагеря и двинулся вперед, по пути сооружая временные укрепления и задерживаясь в каждом по несколько дней. Сяхоу Юань хотел вступить в бой, но Чжан Хэ (ум. 231) сказал: «Будьте осторожны! Если теперь напасть на врага — не миновать поражения. Хуан Чжун рассчитывает «превратиться из гостя в хозяина». Однако Сяхоу Юань не послушался его и приказал идти в наступление» [«Троецарствие», гл. 71: *Ло Гуань-чжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М., 1954, т. 2, с. 148].

При описании данного случая в романе *Троецарствие* стратагема 30 упоминается дважды: предлагающим воспользоваться ею советником Хуан Чжуна и разгадавшим ее военачальником противной стороны Чжан Хэ. Пришедший издалека Хуан Чжун выступает «гостем», а противостоящий ему Сяхоу Юань — «хозяином». Хуан Чжун находит средство, чтобы изменить расстановку сил в свою пользу. Выманивание Сяхоу Юаня из укреплений соответствует стратагеме 15. Но произошедшее в силу этого изменение общего положения покоится на стратагеме 30, для которой стратагема 15 служит вспомогательным средством.

30.8. Пришли оказать помощь, а остались в качестве правящей династии⁴⁰⁹

На исходе минской эпохи (1368—1644) предводитель крестьянского восстания Ли Цзычэн (1606—1645) захватил Пекин (см. 12.12). Последний минский император [Сы-цзун, (1611 — 1644, 1628—1644)] покончил с собой. В то время военачальник У Саньгуй (1612—1678) на северных рубежах сдерживал наседавших маньчжур. Уверенный, что при сложившихся в столице условиях сам может стать императором, будь у него достаточно сил, У Саньгуй вступает в переговоры с маньчжурским князем-регентом Доргоном ([кит. До Эргунь] 1612—1651), заключает союз с маньчжурами и вместе с ними 6 июня 1644 г. вступает в Пекин. Но маньчжуры и не думают уступать власть У Саньгую. Они обосновываются в Пекине и утверждают цинскую династию (1644—1911). У Саньгуй же становится ее военачальником. Маньчжуры, отчасти с помощью У Саньгуя, захватили весь Китай и оставались там властвовать до падения империи в 1911 г. Неудивительно, что позже Е Эн так представил произошедшее: «Великая цинская династия вторглась в Китай ханьцев, чтобы надолго из гостя превратиться в хозяина».

30.9. Сколь опасной бывает готовность помочь

В 1906—1907 гг. вышел в свет роман *Трезвый взгляд* [«Лэнъянь гуань»], приписываемый Ван Цзюньцину, годы жизни которого неизвестны. Этот автор врался в низах общества, о чем и поведал в своем романе.

В 12-й главе ведущий повествование от первого лица герой беседует со своим наставником Су Ланем. Тот рассказывает о некоем Сюй Баошане, не поладившем с законом в провинции Хубэй и бежавшем отсюда в Янчжэнь к торговцу солью Цай Цзиньбяо. Речь здесь идет о частном солевом промысле, запрещенном в тогдешнем Китае, где существовала государственная монополия на торговлю солью. Друзья советовали Цай Цзиньбяо не связываться с Сюй Баошанем, опасаясь, как бы тот — согласно тексту романа — из гостя не стал хозяином. Но Цай Цзиньбяо, как порою случается в преступной среде, отличался великодушием. Он предоставил Сюй Баошаню половину своих занятых перевозкой лодок для ведения торговли, в чем тот и преуспел.

Позже Сюй Баошань основал и возглавил своего рода тайное общество под названием «Красный союз». Это братство имело собственный устав и собственную казну. Когда в 1900 г. разразилось «боксерское восстание», власти стали опасаться, как бы Сюй Баошань со своим «Красным союзом» не учинил

⁴⁰⁹ Описанные события см. в кн.: *Бокцианин А., Непомнин О.* Лики Среднего царства. М.: Восточная литература, 2002, с. 171 — 190. — *Прим. пер.*

беспорядков. Они снеслись с Цай Цзиньбяо, уговаривая того убить Сюй Баошаня. В награду ему обещали дать чин. Однако Цай Цзиньбяо медлил с ответом. Тогда уполномоченный чиновник воспользовался — опять же согласно тексту романа — стратагемой сеяния раздора. Он устроил, что Цай Цзиньбяо получил в подарок дорогого коня, и распустил слух, что Цай Цзиньбяо пообещал властям убить Сюй Баошаня. Естественно, слух дошел и до ушей Сюй Баошаня. Тот от рождения отличался недоверчивостью. К тому же он давно потерял расположение к своему добродетелю, обретя место, где уже не мог терпеть рядом Цай Цзиньбяо. Кроме того, его поддерживал «Красный союз», куда не входил Цай Цзиньбяо. Прослышав, что Цай Цзиньбяо по поручению властей собирается спровадить его на тот свет, Сюй Баошань действует незамедлительно и устраняет Цай Цзиньбяо. Тем самым сбылось опасение друзей Цай Цзиньбяо, что Сюй Баошань прибежит к стратагеме 30.

30.10. Девушка попадает в комнату юноши, потому что ей удается передвинуть камень

Молодой ученый Ань Цзи во время правления императора Юнчжэна (правил 1723—1735) отправился из Пекина в далекое, за 3000 ли от столицы, путешествие в [провинцию] Цзянсу. Там его отец [Ань Сюэхай] якобы за халатность был посажен под домашний арест в сырое, необжитое помещение храма. Ань Цзи удалось занять 2400 лянов, которые он взял с собой в дорогу. С их помощью он хотел вызволить отца из заточения. По пути он растерял всю свою челядь. Его ближайший слуга Хуа Чжун вскоре свалился от холеры и вынужден был остаться на постоялом дворе. Неподалеку от ближайшего уездного города Чипина (провинция Шаньдун) проживал Чу Игуань, муж младшей сестры Хуа Чжуна, водивший купеческие караваны. Хуа Чжун предложил Ань Цзи написать письмо зятю, чтобы тот по прибытии молодого господина в Чипин сопровождал его вместо заболевшего Хуа Чжуна дальше в Цзянсу.

Прибыв в Чипин, Ань Цзи отправил двух своих погонщиков мулов с письмом к живущему примерно в 20 ли оттуда зятю своего захворавшего слуги. По пути у склона холма погонщики устроились на отдых. Они решили не ехать к проводнику караванов Чу Игуаню и не передавать тому письма. Вместо этого они решили сказать своему господину, что якобы Чу Игуань распорядился, чтобы тот сам навестил его. На одном из холмов они задумали попросить Ань Цзи под каким-либо предлогом слезть с седла, оглушить его и сбросить в бурный поток. Затем завладеть поклажей и деньгами, а с такой суммой на руках они, считай, на всю жизнь будут обеспечены.

Этот разговор нечаянно подслушала девушка [по имени Хэ Юйфэн, которая взялась за оружие и поклялась отомстить за отца, в гибели которого был повинен один влиятельный сановник (отец Ань Цзи тоже оказался жертвой его козней и произвола). Под именем Тринадцатой сестры (Ши Сань Мэй) она пускается в путь, чтобы найти и покарать злодея, а дорогой вступает за обиженных, подобно «рыцарям зеленых лесов»]. Она тотчас поскакала на постоянный двор в Чипине и поселилась там. В своей комнате перед входом она повесила занавеску, придвинула к двери круглое ивовое кресло, уселась в него и стала наблюдать за противоположной восточной комнатой, где жил Ань Цзи, чем крайне обеспокоила неопытного, далекого от жизни юношу. Возможно, это разбойница, которой велено следить за ним? Разумеется, нет. Девушка-рыцарь просто хотела убедиться, достоин ли юноша ее защиты. Но знать этого Ань Цзи, естественно, не мог. Поэтому он стал думать, как защитить себя. Дверь запереть он не мог, так как отсутствовал засов. И тут он вспомнил о большом каменном вальке для обрушивания зерна, который видел у входа в гостиницу. Вот им я и подопру дверь, решил он. За две связки (*дяо*) медных грошей по 1000 штук он договорился с тремя дюжими парнями перенести валеk весом в 300 *цзиней* [1 *цзинь* равняется примерно 0,6 кг] к себе. Но те не смогли сдвинуть камень с места. Слуги уже хотели идти за веревкой, чтобы использовать ее в качестве волокуши, но тут появилась незнакомка. «Что здесь происходит?» — спросила она. Слуги объяснили, что хотят затащить камень в комнату молодого господина. «Из-за такого пустяшного камня столько хлопот», — презрительно заметила девушка. Она внимательно осмотрела валеk, затем сказала слугам, чтобы те посторонились. Засучив рукава, девушка ловкими движениями покатила тяжелый камень. Юноше происходящее было не по душе. Теперь она с камнем зайвится ко мне в комнату, а этому как раз надо помешать. Тут ему еще вспомнились слова «пустить волка к себе в дом» [«инь-лан жу-ши»]⁴¹⁰ и «открывать ворота и с поклоном встречать разбойников» [«кай-мэнь и-дао»]. И действительно, девушка обратилась к молодому Ань Цзи с вопросом: «Куда прикажете ставить, досточтимый гость?» «В мою комнату, если вас не затруднит», — замылся тот, залившись краской. Ловко покатила она валеk через двор, а затем по плоским ступеням террасы, пока не доставила его в восточную комнату. Юноша следовал за незнакомкой до самой двери. Он откинул занавеску у входа, прижался рядом смущенно к стене, всем своим видом говоря: не

⁴¹⁰ В романе стоит другое, имеющее то же значение выражение: «впустить воду через стену» («инь-туй жу-цян»). — *Прим. пер.*

оставит ли она его теперь?

Но та не собиралась уходить. Она отряхнула с себя пыль и спокойно уселась в кресло рядом со столом. Ну и дела, подумалось ему. Не удалось от нее отвязаться, да еще устроилась как у себя дома! «Входите и присаживайтесь, досточтимый гость», — сказала та. Вот так так, из гостьи она заделалась хозяйкой! Ань Цзи лихорадочно соображал, что делать. Оставить ее наедине с драгоценным грузом боязно. А послушаться ее и остаться — значит, придется вступать в разговор, во время которого она попытается все у него выведать. Тут его осенило. «Буду ходить вокруг да около, глядишь, она и отстанет». И он вошел в комнату. В ходе дальнейшего, ведущегося сообразно стратагеме 27 разговора он дознался о добрых намерениях незнакомки, а позже благодаря ее помощи избежал покушения.

Во времена, когда женщине не позволялось приближаться к незнакомому мужчине и вступать с ним в общение, храброй девушке удалось на виду у всех попасть в комнату юноши и, несмотря на его осторожность и недоверие, устроить так, чтобы с помощью стратагемы 30 добиться своей цели — предупредить того о нависшей над ним угрозе. Сама стратагема приводится черным по белому при описании первой встречи девушки с юношей в романе Вэнь Кана (конец XVIII — начало XIX в. — 1860-е гг.) «Повесть о героях и героинях» [«Эрнью инсюн чжуань», 1850; выше приводится содержание 3-й и 4-й глав романа] (немецкий перевод Франца Куна под названием «Черная девушка-рыцарь» («Die Schwarze Reiterin»). Франкфурт-на-Майне, 1980). Здесь повествуется об одной «из знаменитых сцен романа», пишет, подчеркивая лишь комизм происходящего и совершенно не упоминая о ее стратагемном содержании, Джон Кристофер Хэм (Hamm) («Читая повесть о героине: Шисаньмэй и Эрнью инсюн чжуань» («Reading the Swordswomans Tale: Shisanmei and *Ernu Yingxiong Zhuan*»: *Toung Pao*, том LXXXIV, выпуски 4-5. Лейден, 1998, с. 345).

30.11. Цвет камушка в кармане⁴¹¹

Некогда один китайский купец одолжил у ростовщика большую сумму денег. Но затем разорился, лишившись всего своего добра, и поэтому не мог вернуть долг.

⁴¹¹ Данный исторический анекдот приводит английский психолог Эдвард Де Боно (род. 1933) в своей книге «New Think: The Use of Lateral Thinking in the Generation of New Ideas», 1967; на рус. яз.: «Рождение новой идеи: Книга о нешаблонном мышлении». Пер. с англ. под общей ред. О. Тихомирова. М.: Прогресс, 1976, гл. 1 «Шаблонное и нешаблонное мышление»:

«Много лет назад, когда человека, задолжавшего кому-либо деньги, могли бросить в долговую тюрьму, жил в Лондоне один купец, имевший несчастье задолжать большую сумму денег некоему ростовщику. Последний — старый и уродливый — влюбился в юную дочь купца и предложил такого рода сделку: он простит долг, если купец отдаст за него свою дочь. Несчастный отец пришел в ужас от подобного предложения. Тогда коварный ростовщик предложил бросить жребий: положить в пустую сумку два камешка, черный и белый, и пусть девушка вытащит один из них. Если она вытащит черный камень, то станет его женой, если же белый, то останется с отцом. В обоих случаях долг будет считаться погашенным. Если же девушка откажется тянуть жребий, то ее отца бросят в долговую тюрьму, а сама она станет нищей и умрет с голоду.

Неохотно, очень неохотно согласились купец и его дочь на это предложение. Этот разговор происходил в саду, на усыпанной гравием дорожке. Когда ростовщик наклонился, чтобы найти камешки для жребия, дочь купца заметила, что тот положил в сумку два черных камня. Затем он попросил девушку вытащить один из них, чтобы решить таким образом ее участь и участь ее отца...

Итак, девушка... опустила руку в сумку, вытащила камешек и, не взглянув на него, выронила прямо на дорожку, усыпанную гравием, где камешек мгновенно затерялся.

«Экая досада! — воскликнула она. — Ну да дело поправимое. Ведь по цвету оставшегося мы тотчас узнаем, какого цвета камешек достался мне».

А поскольку камешек, оставшийся в сумке, был, как известно, черный, стало быть, она могла вытащить только белый камешек. Ведь ростовщик не станет признаваться в собственном мошенничестве! Вот каким образом, применив нешаблонное мышление, девушка не только вышла из, казалось бы, безвыходного положения, но, более того, оказалась даже в лучшем положении, чем прежде. Ибо, если бы ростовщик вел честную игру, положив в сумку черный и белый камешки, девушка имела бы равные шансы как на спасение, так и на гибель. Сейчас же она избежала нежелательного замужества и погасила долг отца». — *Прим. пер.*

Когда ростовщик пришел к разорившемуся купцу требовать своих денег, он заметил прекрасную дочь должника и тотчас воспылал желанием заполучить ее. Однако открыться напрямую он не мог и поэтому обратился к купцу со следующими словами: «Либо ты немедленно возвращаешь деньги, либо я жалуюсь на тебя в управу. А там тебя быстро упекут в тюрьму». Купец упал перед ростовщиком на колени, прося о пощаде. Тот стал разыгрывать сочувствие и, притворно улыбаясь, сказал: «Я помилую тебя, но ты взамен долга отдашь мне свою дочь. Но вначале следует узнать, что думает на этот счет небо. У меня в сумке лежат два камешка, черный и белый. Вытянешь белый, долг тебе прощается. Но вытянешь черный, отдашь мне дочь».

Затем он быстро сунул в сумку два черных камешка. Дочь разглядела уловку и поспешила сказать: «Хорошо. Как сказано, так тому и быть». Вслед за этим она полезла в сумку и вытащила камешек. Но, прежде чем успели разглядеть его цвет, камешек выскользнул из руки у девушки. Он упал на землю, сплошь усеянную гравием, так что нельзя было установить, что за камешек она держала в руке. Несмотря на волнение, купеческая дочь с изысканной вежливостью обратилась к ростовщику: «Мне жаль, что я уронила камешек. Его теперь не отыскать. Остается одно. Посмотрим, какого цвета камешек у вас в сумке. Если белый, значит, мой был черным, и наоборот». Ростовщику ничего не оставалось, как вытащить из сумки камешек, который, естественно, был черным. Тем самым ростовщику пришлось признать, что купеческой дочери достался белый камешек. Итак, дочь с отцом были спасены.

Смышсленная дочь знала, что оба камешка в сумке ростовщика были черными и, значит, участь ее была предрешена. Она оказалась безучастным зрителем происходящего и ничего не могла поделать. Она была «гостьей». Но благодаря уловке ей удалось перехватить инициативу и стать хозяйкой положения.

30.12. Как «Кока-кола» завоевала китайский рынок

Компания «Кока-кола» давно хотела завоевать китайский рынок. Стоило начать Китаю политику открытости (с декабря 1978 г.) и тем самым создать условия для проникновения туда иностранного предпринимательства, американская компания заключила с четырьмя производителями прохладительных напитков в Пекине, Гуанчжоу [Кантон], Шэньчжэне [до 1979 г. Баоань] и Сямыне [иначе Амой] десятигодичный контракт. Согласно контракту американская сторона поставляла китайским партнерам необходимые производственные установки и требуемую технологию производства. Китайская сторона обязалась покупать за валюту концентрат «кока-колы», разбавлять его, разливать по банкам и продавать у себя в Китае. Получаемую от продажи выручку китайская сторона оставляла себе. Американская компания ничего отсюда не требовала. Для стимулирования сбыта предусматривалась рекламная кампания по всему Китаю, расходы по проведению которой брали на себя поровну обе стороны, причем американцы платили долларами. В итоге «кока-кола» быстро утвердилась по всему Китаю. В некоторых областях она даже вытеснила местные напитки, став монополистом. К 1999 г. американская компания создала в Китае 23 разливающих завода с общим годовым оборотом в 400 миллионов стандартных ящиков. Тем самым Китай стал вторым по величине после Японии рынком сбыта продукции «Кока-колы» в Азии («Кока-кола» в Китае), «China im Bild» [издающийся на англ., русском («Китай»), яп., фр., нем., ит., исп., араб., хинди языках китайский иллюстрированный ежемесячный журнал «Жэньминь хуабao» (основан 1950)]. Пекин, 1999, № 9, с. 54).

На первый взгляд, как пишет Юй Сюэбинь, вся эта торговля приносит выгоду китайцам. Однако все предоставленные китайцам выгоды в действительности оказываются простой приманкой. Гораздо большую пользу из торговли извлекли американцы. С одной стороны, китайцам пришлось взять на себя лишь половину расходов на рекламу кока-колы. Но все это перевешивается тем, что кока-кола на китайском рынке прохладительных напитков заняла господствующее положение. Посредством стратагемы 30 и с опорой на стратагему 17 компании «Кока-кола» удалось, во-первых, быстро внедриться в Китай и, во-вторых, захватить там — или по меньшей мере в некоторых областях — главенство на рынке.

«То, что Юй Сюэбинь признал сделку более выгодной для «Кока-колы», чем для Китая, меня не удивило», — написал мне один швейцарский предприниматель, прочитав описанный выше пример. Он убедился на собственном опыте, что деловым партнерам в Китае выгоды их западного партнера зачастую кажутся очень большими, тогда как свои выгоды они едва замечают.

30.13. Императорская корона из рук первосвященника

«Папа Лев III (750—816, первосвященник с 795) с самого начала видел в Карле Великом (747—814) большого друга и защитника гроба апостола Петра, но также и могущественнейшего западного властителя и доблестного распространителя христианства. Уже вскоре ему понадобилась его помощь. Во время

проводимой издревле процессии св. Марка [т.н. крестного хода на поля]⁴¹² в 799 г. настроенные против франков заговорщики сорвали с него одеяние иерарха, стащили самого с осла [и заключили в монастырь]. Льву удалось [обманув бдительность стражей, спуститься по веревочной лестнице и] бежать [сначала в Сполето, а оттуда] через Альпы к своему покровителю — Карлу в Падерборн [Вестфалия]. Под охраной королевских войск папа вернулся в Рим и обрел былые полномочия. Накануне Рождества в Вечный город пожаловал и сам Карл. Лев III решил явить миру заслуги и могущество Карла. Когда тот присутствовал на рождественском богослужении в Соборе св. Петра, погруженный в молитву, в присутствии собравшегося народа к нему неожиданно подошел Лев III и под торжествующие возгласы собравшихся (*Laudes!*) водрузил на голову Карла императорский венец. Затем по византийскому образцу помазал коленопреклоненного Карла на царствие. Карла удивили не столько новые почести, поскольку он был готов к ним, а сколько почин папы, благодаря которому тот вновь обретал силу, раз ему дано право даровать высший титул Древнего Рима. Карл к тому же опасался, что в Византии, куда после падения Западно-Римской империи (476 н. э.) перешли знаки царской власти, воспротивятся его коронации. Поэтому он больше не бывал в Риме, хотя ценил свой титул».

Так описано создание западной империи как Священной Римской империи немецкого народа в канун Рождества 800 г. в книге богослова [монаха-бенедиктинца] Иза Мюллера (Müller) *История Запада* («Geschichte des Abendlandes»), т. 1. Айнзидельн, 1951). Эта книга служила учебным материалом в воскресной школе при монастыре бенедиктинцев Айнзидельн (Einsiedeln), которую он посещал в 1955—1963 гг. В более современных трудах, например монографии о Карле Великом Петера Классена (Classen) («Karl der Große, das Papsttum und Byzanz. Die Begründung des karolingischen Kaisertums». 2-е изд., Зигмаринген (Sigmaringen), 1988) и французского историка Ро-бера Фольца («Коронование Карла императором 25 декабря 800» («Le couronnement impérial de Charlemagne, 25 décembre 800», 1964). Париж, 1989) высказывается мнение, что папа короновал Карла с его согласия. Но и Классен полагает, что благодаря коронованию и при всеобщем одобрении провозглашения Карла императором «папа выдвинулся на авансцену» (*указ. соч.*, с. 66, прим. 238). Если верить описанию Иза Мюллера, Карл в ту рождественскую ночь 800 г. стал жертвой стратагема 30. Он утвердил Льва III в его правах, показав, за кем в Риме последнее слово. Карл к тому времени был «хозяином», а папа «гостем». Льву III удалось пересесть на место «хозяина» и одновременно укрепить будущее положение папства по отношению к империи помазанием Карла на царствие (см. 34.20).

Стратагема № 31. Красавица

Три иероглифа

空

人

計

Современное
китайское чтение

Мэй

жэнь

цзи

Перевод каждого иероглифа Красивый человек (мужчина/женщина) стратагема

Связный перевод

Стратагема красавца/красавицы; стратагема привлечения красавца/красавицы; строящаяся на плотском прельщении стратагема

Сущность

1. Ловушка Адониса, Венеры; стратагема сирен; стратагема манка; стратагема плотского прельщения 2. Стратагема подкупа

31.1. Используя также и мальчиков для утех

Китайский знак с чтением «жэнь» большей частью переводится словом «человек». Поэтому дословный перевод выражения для стратагема 31 таков: «стратагема красивого человека», где под человеком может подразумеваться и мужчина и женщина. «[Когда] красавец сокрушает старейшину [государя], красавица

⁴¹² 25 апреля обычно проводится с древнехристианских времен крестный ход на поля (процессия св. Марка в связи с литанией Всех Святых, называемой ввиду большой торжественности *Litaniae majores* — Великая Литания). Этот молебственный крестный ход первоначально не имел с евангелистом Марком ничего общего, восходя к языческому — римскому празднику с обходом полей 25 апреля, так называемых Робигаллий. При этом просили защиты у Робига (*Robigus*) — предохраняющего злаки от хлебной головни римского божества. Праздник был принят в христианский обиход еще до Григория Великого, был сохранен даже маршрут процессии, которая кончалась теперь у Собора св. Петра. — *Прим. пер.*

сокрушает увещателя [государя], ([это] есть подрыв мощи)», говорится с привлечением обеих разновидностей стратагемы 31 в «Утраченной Книге Чжоу»⁴¹³ [«И Чжоу шу», гл. 6 «Мощь» («У чэнь»)], созданной до 221 до н. э., но ныне известной в редакции времени цзиньской династии (265—420). Так что уже в далекой древности Китая мы встречаем примеры обольщения правителя с помощью мужской красоты. Так, цзиньский государь [Сянь-гуну (правил 676—651 до н. э.)] перед своим вторым походом на Го посредством мальчика для утех вызвал приведшее к поражению отчуждение между юйским правителем и его сановником [дафу] Гун Чжици (VI в. до н. э.), но уже согласно не связанному со стратагемой 24 сообщению из *Цзо-чжуани* (см. 14.1), а созданному позднее трактату *Планы сражающихся царств* [«Чжаньго цэ», раздел «Замыслы Цинь», гл. 1, рассказ 11] Лю Сяня (77—6 до н. э.).

31.2. Руки прочь от стратагемы «красавец»

«В последнее время появилось очень много фильмов и пьес, где показывается подпольная борьба Коммунистической партии Китая и Красной армии во время гражданской войны, т. е. до создания в 1949 г. Китайской Народной Республики. Такого рода произведения привлекают зрителя своим захватывающим и полным опасностей действием и потрясающей актерской игрой, и среди них достаточно много талантливых. Но есть и немало произведений низкого уровня, создаваемых по одному образцу: представитель нашей стороны вступает в связь с какой-нибудь женщиной из неприятельского лагеря — любовницей или дочерью одного из вражеских предводителей, прибегает затем к уловке, одурачивает врага и в итоге блестяще выполняет свое боевое задание.

В одной пьесе показывается, как Народно-освободительная армия освобождает древний город в Центральном Китае. Одному из наших разведчиков удается внедриться в состав высшего вражеского командования, после чего он начинает заигрывать с любовницей вражеского командира. В итоге ему удается раздобыть нужные сведения. Склонив любовницу к бегству, он с ее помощью покидает расположение врага и выполняет порученное партией задание. Разумеется, автор пьесы наделил разведчика твердостью убеждений, его не прельстят ни почести, ни богатство. Но зрителя мучает вопрос: благодаря чему этому доблестному разведчику удастся завоевать «доверие» и любовь женщины? Один фильм показывает борьбу лазутчика нашей армии с реакционными гоминьдановскими силами в расположенном в горах городе. Благодаря своей красивой наружности он вызывает расположение у второй жены командующего вражеской армией, чья старшая дочь просто без ума от него. Нашему лазутчику остается лишь направлять ход событий в нужную сторону, в результате чего ему удастся беспрепятственно появляться у противника и исчезать.

Подобного рода действия разыгрываются в фильмах, пьесах и телевизионных постановках. Создается впечатление, будто наши разведчики после внедрения к врагу не могут выполнить задание без того, чтобы не понравиться одной или нескольким женщинам вражеской стороны, воспользовавшись вытекающим из труднообъяснимых отношений мужчины и женщины «позиционным преимуществом». Здесь есть над чем поломать голову. Действительно ли это было важнейшим средством в нашей подпольной борьбе с врагом? Таковы ли были героические, умные и храбрые представители Коммунистической партии? В традиционной китайской пьесе «Дракон с фениксом являют доброе знамение [для брака]» [«Лунфэн чэнсян»] есть такая сцена: мать усюго правителя [вдовствующая княгиня У] узнает, что ее сын Сунь Цюань [182—253] хочет использовать в качестве приманки для завлечения Лю Бэя свою младшую сестру [Сунь Шансян], чтобы, породнившись с ним, завладеть Цзин-чжоу (см. 13.6). Престарелая госпожа от возмущения даже лишается чувств. Отсюда можно заключить, что в древности прибегать к «стратагеме красавицы» считалось зазорным. Раз уж нельзя было хвататься за «стратагему красавицы», заключает свою статью в столичной газете *Бэйцзин жибао* за 9.04.1981 Чжао Сяодун, «то прибегать к «стратагеме красавца», как это делают в некоторых фильмах и пьесах, тем более негоже».

31.3. Женские уловки

В подавляющем числе случаев в китайских текстах под стратагемой 31 подразумевается «стратагема красавицы». При этом речь идет не об уловке, на которую красавица или иная женщина в своем

⁴¹³ Древняя книга «Утраченное Чжоу шу» («И Чжоу шу»), иначе «Чжоу шу», была известна в эпоху Хань в объеме 61 главы, о чем свидетельствует династийная хроника «Книга [династии ранняя] Хань» («Хань шу»). «И Чжоу шу», записанная на бамбуковых дощечках, была найдена в III в. в могиле вэйского государя Ань Ли-вана (правил 276—243 до н. э.), отсюда другое название «Письмена из могильника [в области] Цзи» («Цзи чжун шу»), и известна ныне в фрагментах с комментариями цзиньского (265—420) Кун Чао. — *Прим. пер.*

пресловутом основном занятии — завоевании мужчины — «пускается чаще всего: слезы, ложь, выражение отчаяния» (Сюй Гоцзин. «Женские уловки»: [выходящий раз в два месяца журнал] *Женский вопрос* [Фунюй *яньцзю луньцунь*] и которую советует женщинам римский поэт Овидий (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.) в третьей книге «Науки любви» [Ars amatoria]:

Первое время любовник пусть наслаждается мыслью,

Что для него одного спальня открыта твоя.

Но, подождав, ты дай ему знать, что есть и соперник:

Если не сделаешь так — быстро увянет любовь...

Там, где опасности нет, всегда наслажденье ленивей:

Будь ты Лаисы⁴¹⁴ (Thaide) вольней, а притворись, что в плену.

Дверь запри на замок, а любовник пусть лезет в окошко;

Встреть его, трепетный страх изобразив на лице;

Умной служанке вели вбежать и вскричать: «Мы погибли!»,

Чтобы любовник, дрожа, прятался где ни пришлось...

Стоном своим обмани, мнимую вырази сласть...

Но и в обмане своем себя постарайся не выдать —

Пусть об отраде твердят и содроганье, и взор,

И вылетающий вздох, и лепет, свидетель о счастье...

[Пер. М. Гаспарова; строки 591 — 594, 603 - 608, 801 - 804].

Подобное конкретное выражение искусства любви (см. также: René Khawam. «Les ruses des femmes». Париж, 1994)⁴¹⁵ согласно китайским представлениям в стратагеме красавицы не выдвигается на передний план. Скорее там речь идет о достижении (чаще всего преследуемой мужчиной) цели ловким использованием опытной в искусстве любви женщины или — в более широком смысле — чего-то еще, что могло бы прельстить жертву стратагемы.

31.4. За 31 год кинопроизводства ни одной сцены с поцелуем

Военный трактат «Шесть наставлений» [«Лю тао»]⁴¹⁶ времен Сражающихся царств в разделе о «гражданском наступлении» («вэнь фа») советует потворствовать вражескому предводителю в безудержном стремлении к наслаждению, для чего среди прочего дарить ему красивых женщин. О том, что эта стратагема издревле пускается в ход — косвенно даже Конфуций пал ее жертвой (см. 19.11), — свидетельствует вышедшая в Пекине в 1994 г. книга Тянь Мо *5000 лет под знаком пленительной стратагемы красавицы*. Даже в Китайской Народной Республике стратагема 31 не вышла вовсе из

⁴¹⁴ Лаиса (IV в. до н. э.) — знаменитая коринфская гетера родом из Сицилии. — *Прим. пер.*

⁴¹⁵ «Женские уловки» представляют собой перевод на французский Рене Кавамом обнаруженной им в Национальной библиотеке арабской рукописи XIV в. Абдарахима аль-Хурани (Abd al-Rahim al-Hawrâni) из Дамаска; в 1996 и 2000 гг. он издал следующие его творения: «Женские желания» («Désirs de femmes») и «Женщины и властители» («Les femmes et les rois»). — *Прим. пер.*

⁴¹⁶ Состоящий из 6 глав военный трактат «Шесть наставлений» входит в «Семикнижие» военных канонных, представляя собой беседу родоначальников древнего Чжоуского царства Вэнь-вана и У-вана с их советником Люй Шаном (он же Цзян Цзя, XI в. до н. э.), носившим титул тайгуна. Фрагменты из трактата были обнаружены в 1972 г. в захоронении II в. до н. э. «Гражданское наступление» («Вэй фа») составляет третий параграф второй главы «Секреты военной политики» («У тао»). На рус. яз. см.: «У-цзин: семь военных канонных Древнего Китая». Пер. с англ. Р. Котенко. СПб: Евразия, 2001, с. 35—142. — *Прим. пер.*

употребления. Иначе «в решении Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, касающегося многих важных вопросов относительно ускоренного строительства социалистической духовной цивилизации» от 10.10.1996 не пришлось бы ведущим работникам заверять, что их не обольстит женской красотой. Здесь ниточка тянется к конфуцианским «Запискам о правилах благопристойности», предостерегающих удельных правителей: «Тот, кто любит охоту и женщин, погубит свое государство» [«Ли цзи», гл. 11 «Единичное жертвоприношение небу и земле в кумирне южного предместья» («цзяо тэ шэн»)]. Насколько лихорадочно в КНР пытаются наверстать упущенное в сфере интимных отношений, а значит, создают простор для использования стратагемы 31, можно заключить из того, что за период с 1949 по 1980 г. ни в одном китайском фильме не было сцены с поцелуем (*Китайская молодежь* [Чжунго циннянь бао]. Пекин, 28.07.1994, с. 2; см. также: Харро фон Зенгер, «Партия, идеология и право в КНР» («Partei, Ideologie und Gesetz in der Volksrepublik China». Берн, изд. P. Lang, 1982, с. 236 и след.).

31.5. Покоряя города и царства

Великую власть, что может обрести красивая женщина, выразил странствующий певец Сыма Сянжу (179—117 до н. э.) в следующих строках: «Раз взглянет — сокрушит человеку город, два взглянет — свергнет человеку царство!»⁴¹⁷ [пер. В. Алексеева]. Отсюда возникло употребляемое и доньше [в значении «всесокрушающая (женская) красота»] выражение «покорять города и государства» («цин-чэн цин-го») ⁴¹⁸ о женщине, своей красотой способной погубить город или целое государство.

Старейшим источником выражения для стратагемы 31 является роман *Троецарствие* (подробнее см. 13.6), где оно в этой связи упоминается дважды. Вначале о стратагеме красавицы говорит мать Сунь Цюаня, упрекающая сына в том, что тот воспользовался ею против Лю Бэя. Стратагема не удалась благодаря вмешательству матери, вдовствующей княгини У. Хитроумный обман для проводника стратагемы Сунь Цюаня обернулся неудачей: Лю Бэй женится на его сестре, которая как верная супруга последовала за мужем в его владение Цзинчжоу. После того как супружеская чета ускользнула от своих преследователей и была переправлена Чжугэ Ляном на лодке в безопасное место, тот крикнул прибывшим к реке воинам Сунь Цюаня: «Эй, вы, возвращайтесь-ка к своему Чжоу Юю (первому советнику Сунь Цюаня) и передайте ему от меня, чтобы он больше не расставлял ловушек с красавицами («мэйжэнь цзюй»)!» [«Троецарствие», гл. 55: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 1, с. 686]. Неудавшаяся попытка Сунь Цюаня применить стратагему 31 изображена в одной пекинской опере, исполняемой пекинской труппой под названием *Стратагема красавицы*. На ее основе появился детский комикс с фотографиями, вышедший в Пекине в 1982 г. под тем же названием.

Выражение «ловушка с красавицей» (мэйжэнь цзюй) с «цзюй» (ловушка, западня, силок) вместо «цзи» (стратагема) еще раньше сочинителя *Троецарствия* использовал поэт Чжоу Ми (1232—1298). В своей книге «Улиньская старина» [«Улинь цзю ши»], где Улинь — не что иное, как Ханчжоу (столица нынешней провинции Чжэцзян), он сообщает о бездельниках, которые в оживленных местах города расставляют «ловушки с красавицами», стараясь с помощью непотребных девиц прельстить молодежь азартными играми. В этой же связи о «ловушках с красавицами» говорится даже в своде законов, а именно в датируемом 1318 г. тексте о «запрете на обман посредством сговора» в «Уложениях династии Юань» [«Юань дянъчжан»; полное название «Да Юань чжэн гочао дянъчжань»].

31.6. Мягкостью одолевать жесткость

«Когда в далекие времена уведенная при набеge женщина впервые улыбнулась умыкнувшему ее мужчине, чтобы тем самым улучшить свою невольничью долю, она и стала зачинательницей стратагемы красавицы», — полагает Ли Говэнь ([ежемесячный литературный журнал] *Дятел* (*Чжомуняо*). Пекин, № 3, 1995, с. 133). В основе стратагемы 31 лежит мысль о том, чтобы «мягкостью одолеть жесткость» («и-жоу кэ-ган»). Эта мысль восходит к *Дао дэ цзин* Лао-Цзы, где так говорится о воде: «Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного» [гл. 78. Пер. Ян Хиншуна].

Стратагема 31 часто проводится с позиции силы, однако по своей сути является оружием более слабой, терпящей стороны. Противная сторона оказывается более слабой, когда соперник превосходит ее в

⁴¹⁷ Приводимые строки принадлежат не Сыма Сянжу, а его близкому приятелю, прославленному ханьскому музыканту Ли Яньнаню (ум. ок. 90 до н. э.).

⁴¹⁸ Само же словосочетание «цин-чэн» стало обозначением куртизанки высшего ранга. — *Прим. пер.*

физическом и умственном отношении, так что с технической и интеллектуальной стороны его нельзя одолеть. Стратегема 31 избирает своей мишенью нечто третье, а именно чувства противника. Чего нельзя достичь в жестком противоборстве, благодаря стратегеме 31 удастся сделать в сфере страстей: противника подчиняют себе с помощью стратегемы плотского прельщения.

Ниже речь пойдет о политико-военном использовании стратегемы 31, где красавица выступает своеобразным оружием в руках проводника самой стратегемы. Китайский исследователь стратегем Юй Сюэбинь полагает, что при таком использовании стратегема 31 почти безопасна для ее проводника. Посредством стратегемы 31 можно извлечь наибольшую выгоду при крайне малых издержках, утверждает Ли Говэнь (*указ. соч.*, с. 132). С помощью стратегемы противник ослабляется опосредованно, через подсылаемую к нему женщину. Эта женщина предстает для него чем-то положительным, возможно, даже подарком судьбы, но втайне она преследует цель ослабить, завоевать, обезвредить или даже уничтожить противника. Стратегема 31 не принуждает, напротив, противник по собственному почину становится жертвой стратегемы. Даже если он потом понимает, что скрывается за этой красавицей, обычно никакой злости не испытывает.

31.7. Нелегко героям преодолевать «женские рифы»

Благодаря своей притягательной силе женщины могут скрутить в бараний рог героев, против которых бессильно всякое иное оружие, полагает Юй Сюэбинь. Поэтому и говорят, что «тяжко героям преодолевать «женские рифы». Разумеется, тогда это уже не герои. «Ввод» женщин может осуществляться наряду с гражданским и на военном поприще. На гражданском поприще стратегема 31 связана с плотским обольщением противника, а на военном заключается в непосредственном выдвижении женщин на передний край, чем достигается особое психологическое воздействие на врага.

Красавицу можно задействовать на виду у всех или тайком. Так, противную сторону можно свести с очаровательной женщиной в качестве участника переговоров, вследствие чего противная сторона, возможно, станет более сговорчивой. При скрытом использовании красавицы она появляется на сцене неожиданно, чтобы никто не знал, откуда она сама и что у нее на уме. Если при проведении стратегемы 31 открытое привлечение красавицы направлено на смягчение и запутывание противной стороны или расположение ее к себе, в скрытом случае выступающие без очевидного поручителя красавицы действуют прежде всего в качестве манка, лазутчиц и согладатаев.

При осуществлении стратегемы 31 красавица действует по собственному почину, на свой страх и риск или же по заданию находящегося в тени проводника стратегемы. В последнем случае есть опасность, что красавица выйдет из повиновения и станет действовать не так, как задумывал проводник стратегемы (см. 13.6). В известных китайских историях, где задействована стратегема 31, красавица обычно поет с чужого голоса.

31.8. Увлекаясь до беспамятства предметом вожделения

Согласно китайской литературе по стратегемам выражение для стратегемы 31 выступает еще и в переносном смысле. «Красавица» в таком случае олицетворяет то, что способно преодолеть «духовный редут» (Юй Сюэбинь) противника. В расширительном толковании стратегема 31 тогда оказывается «стратегемой подкупа». О разлагающем действии людей и вещей говорит уже конфуцианский классический труд *Книга преданий*: «Пристрастие к человеку губит добродетель, пристрастие к вещам губит замыслы» [«Шу цзин», раздел «Чжоу шу», гл. «Люйские псы» («Люй ао»)].

Падкие до наслаждений и развлечений люди наряду с восхитительными, притягивающими к себе внимание вещами подходят для преследуемой стратегемой 31 цели, то есть ослабления противника мирным путем, без выстрелов. Противник обнимает облаченную в восхитительную одежду и украшенную очаровательной маской пагубу. Вместо «красавицы» может равно выступать красивый дорогой предмет или просто солидная денежная сумма. Естественно, перед проведением стратегемы 31 следует установить, что более всего нравится противнику и чем легче всего привлечь его внимание. «Красавицу» нужно преподнести как можно убедительней, чтобы противник ничего не заподозрил. Но в конце концов стратегема 31 обычно не является решающей. По крайней мере, в военном противостоянии зачастую оказывается неизбежным столкновение, однако посредством стратегемы 31 оно смягчается.

31.9. Взятка в обличье игры в китайское домино (мацзян)⁴¹⁹

Есть люди, которые не прочь занять «красавицу», но их отпугивает возможность стать жертвой стратагемы в случае принятия «красавицы». В таком случае требуется крайне искусная подача «красавицы», чтобы у противника создалось впечатление, будто, принимая «красавицу», он не попадается на крючок стратагемы. Так, можно дать взятку в виде приза за победу в партии в маджонг, проигрывая ее намеренно. Если дело сорвется, грозит всего лишь смехотворный штраф за участие в запрещенной азартной игре. Либо не разрешенные законом огромные комиссионные выплачивают в виде выигрыша в вещевой лотерее, чтобы нельзя было затем придураться. Те, кто равнодушен к всевозможным «красавицам» или не осмеливается вести себя недостойно, благодаря подобным фокусам незаметно для самих себя могут оказаться пленниками «красавиц».

Однако и стратагемно сокрытая стратагема красавицы в конечном итоге обнаруживается. Немало заключенных в китайских тюрьмах оказались жертвами стратагемы красавицы, будь то с привлечением действительно красавицы или просто предметов культуры, с использованием денег и материальных ценностей или приманиванием видным положением. Одним словом, всякий, принявший «красавицу», становится жертвой стратагемы. И это верно почти всегда. Все же лучше придерживаться позиции, заключающейся в том, чтобы держаться от этой стратагемы подальше, чем уповать на возможность отыскать средство, позволяющее не только ускользнуть от задуманной стратагемы, но еще и насладиться красавицей, полагает газета *Народно-освободительная армия* [«Цзефанцзунь бао»] (Пекин, 5.01.1995), где в статье под названием «Можно ли в случае «стратагемы красавицы» завладеть «красавицей», но при этом сделать так, что до самой «стратагемы» не доищутся?» речь идет о расширительном толковании «стратагемы красавицы», причем получается, что стратагема красавицы во всех ее разновидностях не останавливается даже перед военными кругами.

31.10. Все дело в крепости «внутренних редутов»

Подобно стратагеме 17 стратагема 31, прежде всего в ее расширительном толковании, имеет дело с подношением. В обоих случаях проводник стратагемы получает больше, чем дает. Различаются обе стратагемы тем, что при стратагеме 17 стремятся непосредственно выменять малое на большое, тогда как при стратагеме 31 цель состоит в расхолаживании (*Erschlaffung*) противника. С этой точки зрения «снаряды в сахарной оболочке» [«танъи паодань»] (см. 17.52) следует отнести к стратагеме 31, а не 17.

Предохраняться от обеих стратагем следует осторожным отношением к подношениям, делаемым без видимой причины. При малейших сомнениях нужно проявлять бдительность.

В случае необходимости надо отклонять подношения, избегая тем самым кроющейся за ними стратагемы. Впрочем, ввиду возможного искушения посредством стратагемы 31 следует закалять свою волю, чтобы не стать заложником плотской похоти. Ведь стратагема 31 бывает действенной лишь при отсутствии крепких внутренних редутов у намечаемой жертвы стратагемы. Решающим фактором успеха стратагемы является не внешняя сила обольщения, а внутренняя слабость. Защитой здесь выступает внутреннее самовоспитание. Если в разгаданной вами стратагеме 31 задействована красавица, можно с помощью красавца обратиться к ее двойного агента, работающего уже на вас (см. стратагему 33), и с ее помощью расстроить вражескую стратагему.

31.11. Три года обучения для последующей засылки с целью обольщения

В древнейшем трактате о 36 стратагемах в главе, отведенной стратагеме 31, говорится: «Нельзя противостоять открыто могучему войску и мудрому военачальнику. Нужно принимать обстоятельства и следовать им. Отдать противнику свои земли означает лишь увеличить его могущество... Заплатить противнику золотыми слитками или кусками шелка означает лишь увеличить его богатства... Единственное подношение, которым следует задабривать противника, — это красивые девы, ибо такой дар ослабит его волю, навредит его здоровью и породит ропот среди его подчиненных. Таков был подарок, который [правитель царства Юэ (на территории нынешней провинции Чжэцзян) Гоу Цзянь (ум. 465 до н. э.) преподнес Фу Ча (ум. 473 до н. э.). Так Гоу Цзянь сумел поражение превратить в победу] [«Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000, с. 159—160] (см.

⁴¹⁹ Мацзян, часто пишется у нас через англ. транслитерацию как «маджонг». Другое название «мацзюэ», «воробей». — *Прим. пер.*

также 10.3).

Во главу угла своей направленной против усюкого правителя Фу Ча стратагемы Гоу Цзянь поставил Си Ши, «Елену китайской древности» (Вольфганг Бауэр (Bauer) /Герберт Франке (Franke)), которую можно также сравнить с ветхозаветной Эсфирь, согласно замечанию крупнейшей европейской газеты отдавшей персидскому царю Артаксерксу [I Долгорукому (правил 465—424 до н. э.)] «ради своего народа» (*Бильд*. Гамбург, 26.03.1994, с. 5). Дословно «Си Ши» означает «западная Ши», где «Ши» — ее родовое имя, а «западная» указывает на расположение ее места рождения. Си Ши причисляют к четырем великим красавицам Китая, которым посвящена вышедшая в 1991 г. в Пекине книга. Кроме того, «Си Ши» служит в Китае синонимом красавицы и, соответственно, женской красоты и высочайшей похвалой, которой может удостоиться женщина. Естественно, образ Си Ши запечатлен во многих произведениях литературы и искусства, прежде всего во всевозможных онерах.

В хронике «Весны и Осени [владений] У и Юэ» («У Юэ чуньцо», гл. «Гоу Цянь», 20-й год) Чжао Е (вторая пол. I в.), опираясь на исторические источники и присовокупляя к ним народные предания, описывает, как Гоу Цзянь задействовал прекрасную Си Ши в своей цепи стратагем против Фу Ча.

Четвертая из следующих друг за другом девяти уловок, которые посоветовал юэскому правителю его сановник Вэнь Чжун, обговаривая долгосрочный замысел уничтожения царства У, звучала так: «Мы посылаем усюкому правителю красивых дев. Тем самым мы затуманим его рассудок и приведем в расстройство его дела».

Затем Гоу Цзянь разослал по всей стране соглядатаев на поиски красивых дев. Наконец, у подножия горы Чжуло (в районе нынешнего города Чжуцзи, провинция Чжэцзян) отыскали двух прелестниц. Их отцы были дровосеками. Звались красавицы Си Ши и Чжэн Дань. Девиц доставили в столицу, нарядили в роскошные платья, обучили надлежащему обхождению, пляскам и пению и познакомили с городской жизнью. По окончании их трехлетнего обучения Гоу Цзянь поручил своему старшему первому советнику [*сянго*] Фань Ли преподнести обеих красавиц усюкому правителю. Тот крайне обрадовался, сказав: «Подношение юэским правителем мне двух красавиц в качестве дани доказывает его безграничную верность». Его советник У Цзысюй стал предостерегать от приема такого дара, указывая на прежних правителей, которые из-за своей плотской похоти лишились престола и царства: «Если вы примете этих дев, будет несчастье. Я слышал, что юэский правитель денно и ночью изучал книги и бумаги. Он набрал несколько десятков тысяч готовых умереть воинов. Этот человек, оставшись в живых, воплотит свои замыслы. Он прислушивается к советам и окружает себя способными людьми. Закаляя волю, он носит летом шерстяное платье, а зимой — дерюгу (см. также 34.13). Я слышал, что мудрые мужи — сокровище для страны, а вот красивые девы — бедствие для страны». Уский правитель не вял увещаниям своего советника и принял обеих красавиц. Следы одной из дев, Чжэн Дань, после этого теряются.

Известие о том, что Фу Ча принял дар и тем самым стал жертвой его стратагемы, крайне обрадовало Гоу Цзяня. Отныне помыслы Фу Ча были больше заняты прекрасной Си Ши, нежели делами его державы. Чтобы развлечь Си Ши, он повелел возвести роскошный дворец, что легло тяжким грузом на его подданных, и развлекался там со своей возлюбленной. На горе Линъянь близ Сучжоу (в нынешней провинции Цзянсу) еще сегодня видны развалины строений Фу Ча, сообщаю Ван Кэфэнь и его соавторы в *Истории танцовщиков Древнего Китая* («Чжунго гудай удаоцзя-дэ гуши») Пекин, 1983, с. 38). Дела в У шли все хуже. В 475 г. до н. э. все кончилось. Юэский правитель Гоу Цзянь напал на усюкое царство, рухнувшее как карточный домик. Фу Ча покончил с собой.

Си Ши вернулась обратно в Юэ, откуда бежала вместе с Фань Ли, советником Гоу Цзяня, после победы своего повелителя более не чувствующим себя в безопасности, и ее следы теряются. Впрочем, была ли вообще Си Ши и не является ли она просто историческим вымыслом, об этом спорят до сих пор. Однако надпись на обнаруженном недавно бронзовом сосуде, отлитом по приказу Фу Ча, служит свидетельством существования Си Ши (*Литературное собрание [Вэньхуэй бао]*. Шанхай, 13.10.1996, с. 3).

31.12. Стратагемная игра на тайваньской бирже

«Подумай, ведь, выходя замуж тридцатилетней за мужчину старше ее на двадцать с лишним лет, она уже не была простодушной девчонкой. Я хочу сказать, что она издавна вынашивала свой план, чтобы однажды, когда благодаря замужеству она сумеет весьма высоко забраться по служебной лестнице, погубить Гоминьдан [правящая на Тайване с 1949 г. политическая партия]. Если говорить выпенненным слогом: подобно Си Ши, она воспользовалась стратагемой красавицы».

Этот стратагемный анализ деятельности министра финансов Го Ваньжун (род. 1930, именуемой также Ширли Ко (Shirley Kuo) тайваньская писательница ЧжуТяньсинь (род. 1958) вкладывает в уста госпожи Цзя,

беседующей с героиней рассказа «Девятнадцать дней новой партии» [«Синь дан ши цзю жи»], тайбейской домохозяйкой, которая по наущению своей двоюродной сестры втихомолку от семьи стала играть на бирже. Лишь игра на бирже позволяла ей освободиться от участи домохозяйки и обрести новую, избранную ею самую судьбу. Ежедневно, когда все ее домочадцы уходили, она встречалась в закусочной с госпожой Цзя, которую знала всего две недели, и обменивалась с ней биржевыми новостями. Как раз в эту пору министр финансов Го Ваньжун высказалась за введение налога с выручаемой биржевой игрой прибыли, вызвав тем самым биржевой кризис. Как и многих биржевых спекулянтов, это весьма обеспокоило и обеих женщин, поскольку на кон ставилась их прибыль. Госпожа Цзя предположила, что за планами Го Ваньжун скрывается политический расчет. Она, дескать, кузина Пэн Минминя [род. 1923], одного из ярких противников го-миньдановских порядков. Долгие годы он провел в заключении, а затем был отправлен в изгнание. В 90-е годы это был один из последних тайваньских диссидентов, которым разрешили вернуться на Тайвань; в оппозиции он начал политическую карьеру. Го Ваньжун была замужем за Ни Вэнья (род. 1906), который был значительно старше ее. Он был видным гоминьдановским деятелем, занимавшим высокие посты. Так, с 1972 по 1989 г. он был главой [Лифаюань,] законодательного собрания Тайваня.

Госпожа Цзя досадовала, что Го Ваньжун в свое время сочеталась браком с влиятельным человеком ради обретения политического веса. Своим налогом с выручаемой биржевой игрой прибыли, известие о котором в сентябре 1988 г. за последующие 19 дней привело к падению курса акций и вызвало многодневные антиправительственные уличные демонстрации возмущенных вкладчиков (который, однако, в последний момент не был введен), Го Ваньжэнь хотела навредить гоминьдановским властям и сыграть тем самым на руку Пэн Минминю. По мнению госпожи Цзя, подобно тому, как Си Ши, героиня стратагемы красавицы Гоу Цзяня, способствовала гибели усского царства, так и Го Ваньжун воспользовалась той же самой стратагемой для поддержания плана переворота в стране, который готовил ее двоюродный брат Пэн Минминь.

В мае 1998 г. я обсуждал с одним тайбейским страховым агентом заявление госпожи Цзя. Он считает, что обвинение Го Ваньжун в устроении стратагемы высосано из пальца, обвинив в свою очередь в стратагемном поведении Чжу Тяньсинь. Своей литературной напраслиной в адрес Го Ваньжун писательница, кстати в 1991 г. вступившая в борющуюся с Гоминьданом Социал-демократическую партию, пытается вызвать раскол в гоминьдановских рядах (см. стратагему 33).

31.13. Капли небесного дождя

Борьбу двух дворцовых партий описывает сопровождаемый песенными вставками роман в стихах *Капли небесного дождя*, созданный, по всей видимости, во второй половине XVII в. (см. 26.7). Главным действующим лицом является Цзо Вэймин, а его противником евнух Вэй Чжунсянь (1568—1627), занимавший высшие посты и одно время фактически правивший Китаем. Действие романа относится к концу правления минской династии (1368—1644), ознаменовавшемся развалом империи и обострением общественных противоречий, проявившихся с особой силой в высших кругах.

В девятой главе описывается, как могущественный Фан Цунчжэ, чтобы свалить своего противника Цзо Вэймина, заставляет певичку Цзя Сюин выдать себя за его, Фан Цунчжэ, дочь. На пиршестве, куда был приглашен и Цзо Вэймин, он приказывает своему слуге умертвить певичку, чтобы обвинить Цзо Вэймина в том, что тот якобы убил ее при попытке овладеть ею. В 22-й главе евнух Вэй Чжунсянь склоняет четырех придворных дам к убийству Цзо Вэймина, но в итоге погибают сами женщины. В 26-й главе, где не раз упоминается выражение стратагемы 31, один из соглядатаев евнуха подсылает двух наложниц, чтобы те заманили в ловушку сыновей и зятьев Цзо Вэймина. Но Цзо Вэймин вновь разгадывает их замысел и повелевает удушить обеих красавиц.

Неудивительно, что в предисловии изданного в 1984 г. в Пекине романа мы находим такие строки: «Надувательство своих врагов с помощью стратагемы красавицы для китайских политиков феодальной эпохи было обыденным делом. В период Сражающихся царств (475-221 до н. э.) Си Ши по поручению Гоу Цзяня отправилась ко двору усского правителя Фу Ча в целях его оболыщения (см. 31.11). Это древнейший пример использования стратагемы 31. Но в романе *Капли небесного дождя* подобного рода истории повторяются снова, всякий раз оканчиваясь смертью самих женщин. Так всегда и бывает, что стоящие в тени кукловоды благодаря своему высокому положению избегают наказания, а козлами отпущения становятся слабые, подневольные женщины». Лишь однажды в романе праздновали победу три красавицы. Заманив в западню плотских утех трех разбойников, им удалось тех напоить, а затем убить. В этом единственном случае, где красавицы покидали поле сражения не жертвами, а победительницами, собственно женщин-то и не было, под их обличьем искусно скрывались мужчины (гл. 22 и 23).

Если на Западе хитрость нередко представляется сугубо женским делом, то в связанных с хитростью китайских историях очень часто жертвами мужской хитрости, и не в последнюю очередь стратагемы

красавицы, оказываются сами женщины. Недаром жалуется самый прославленный китайский писатель XX в. Лу Синь (1881 — 1936): «На протяжении тысячелетий притесняли китайок, вовлекая их в различные козни».

31.14. Представлять такую же ценность, как и Великая Китайская стена

«Браки между представителями Вьетнама и Камбоджи связаны с политикой ассимиляции, проводимой Вьетнамом в Камбодже после ее оккупации в 1979 г.», — утверждает Ли Чжи в пекинском журнале *Всемирное знание* [«Шицзе чжиши хуабао»] (№ 17, 1985, с. 29), употребляя в этой связи выражение стратега 31. Он пишет: «Вьетнам действует двояко. Во-первых, вынуждает простых камбоджийцев выходить замуж за вьетнамцев... Во-вторых, подбивает высокопоставленных камбоджийских чиновников жениться на вьетнамках... Тем самым посредством «стратега красавицы» Вьетнам намеревается обеспечить политико-идеологическое руководство камбоджийским марионеточным режимом...»

На примеры использования стратега 31 китайскими правителями прошлого при заключении браков с чужеземцами указывает Юй Сюэбинь, особенно выделяя придворную даму Ван Чжао-цзюнь (см. 17.26). В 33 г. до н. э. она согласилась выйти замуж за Хуханье (ум. 31 до н. э.), могущественного вождя (*шаньюй*) в 58—31 гг. до н. э. племени сюнну [иначе хунну].

Этот брак даровал китайцам и хунну 70 лет мирной жизни⁴²⁰. Вот так можно было бы с помощью красавиц улаживать противоречия, мечтательно вздыхает Юй Сюэбинь и замечает: «Востребованная в нужный момент красавица по своей значимости оказывалась равноценной Великой стене в циньскую эпоху (221—207) или 140-тысячному войску в ханьскую эпоху (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

31.15. Исподволь извести своего соперника в облавных шашках

Уже в шестнадцать лет Хуан Лунши (1651 — 1690-е) стал лучшим китайским игроком в «го». *Го* — японское наименование *вэйци* [«облавных шашек»], зародившейся в Китае древней настольной игры, где белые и черные камни стремятся захватить наибольшее пространство на доске. Через Японию эта игра приобрела международную известность, чем и объясняется закрепившееся за ней название «го». В середине правления императора Канси (у власти 1662—1722) Хуан безраздельно господствовал в облавных шашках. Исследователь конфуцианских сочинений Янь Жоцзюй (1636—1704) причислял Хуан Лунши к «четырнадцати мудрецам» циньской династии, где остальных представляли высокочтимые ученые и литераторы. Все это указывает на то, сколь высоким уважением пользовались тогда облавные шашки, весьма приспособленные к тому же к выработке стратегического мышления.

Время и обстоятельства смерти Хуан Лунши неясны. На основании некоторых свидетельств можно заключить, что он ушел из жизни достаточно молодым. Газета *Вечерний Пекин* [Бэйцзин ваньбао] от 30.01.1994 г. поместила два старинных текста, согласно которым Хуан Лунши пал жертвой стратега 31. В

⁴²⁰ Предание гласит следующее. В императорских так называемых дальних покоях скопилось столько гаремных женщин, что повелитель [император Юань-ди (75—33 гг. до н. э.; правил с 49 г. до н. э.)] не мог найти времени для их обхода. Тогда он велел придворным художникам сделать портрет каждой из них и, судя по изображениям, призывал к себе ту или другую. Одалиски, поняв секрет, старались подкупить мастера, чтобы он изобразил их более красивыми, чем они на самом деле были. Но Ван Чжао-цзюнь, гордясь своей красотой, не пожелала унижаться до подкупа и мастеру не дала ничего. Тот изобразил ее за это уродом, а император, взглянув на портрет, не удостоил ее приглашением. В 33 г. до н. э. хуннуский хан захотел породниться с императорским домом культурной страны, которую он притеснял, продолжая дело своих предков. Тогда для него, как для варвара, выбрали, судя по портретам придворных живописцев, самую уродливую из гаремных затворниц. Таковой оказалась Ван Чжао-цзюнь. Перед тем как отправиться к месту своего назначения, она явилась откланяться своему повелителю. И вот тогда разыгралась драма. Красота ее ослепила и императора, и всех придворных с такой силой, что они тряслись от невиданного зрелища. Император, который уже неоднократно нарушал свое слово, данное варвару-союзннику, был в отчаянии, но поделать ничего не мог. Разобравшись, в чем дело, он тут же приказал четвертовать и разбросать по кускам придворных мастеров, конфисковав все их имущество. Но было уже поздно — Ван поехала к хуннускому хану. Судьба несчастной девушки тронула современников, и они сложили в ее честь песнь, вызвавшую впоследствии много подражаний (см. В. Алексеев. Труды по китайской литературе, кн. 1. М.: Наука, 2002, с. 271). См. также пьесу юаньского драматурга Ма Чжюаня (1250—1321) «Осень в Ханьском дворце». — *Прим. пер.*

соответствии с одним текстом три соперника Хуан Лунши, терзаемые завистью, «прельстили его непристойной музыкой и плотскими утехами, отчего у него помутился рассудок, он заболел и умер». Если верить другому источнику, то некий Сюй Синью [род. 1644], пробившийся в ряды сильнейших китайских игроков, не мог смириться с тем, что Хуан Лунши затмевал его своей славой. Сюй Синью был очень богат, он пригласил Хуан Лунши жить к себе. Там он устраивал для своего гостя обильные угощения с выпивкой, окружал его красавицами. Спустя три года силы Хуан Лунши были подорваны, и он вскоре умер. Отсюда можно заключить, пишет *Пекинская вечерняя газета*, что Хуан Лунши погиб от вина и плотских излишеств.

31.10. Месть посредством эротического романа

Успех самого знаменитого эротического китайского романа *Цветы сливы в золотой вазе*, которому на протяжении многих сотен страниц удается приковывать внимание читателя, с самого начала породил слух о его создателе, на место которого, впрочем, претендует ныне около пятидесяти человек (*Каталог новых книг*. Шанхай, 30.07.1993). Согласно этому слуху сочинителем романа является ученый муж Ван Шичжэнь (1526—1590)⁴²¹.

«О том, как была написана эта книга, существует много легенд... Рассказывают, например, что в середине XVI в. в Китае жил крупный сановник Янь Шифань (ум. 1665), любитель древностей и коллекционер старинных картин. Он прослышал, что у военачальника Ван Шу хранится знаменитая картина художника XII века Чжан Цзэдуаня «Праздник Поминовения на реке Бянь», и решил во что бы то ни стало заполучить свиток, на котором была изображена целая панорама жизни восточной столицы при Великой Сунской династии. Но Ван Шу, не желая расставаться с редчайшей картиной, нашел искусного живописца, заказал с нее копию и поднес могущественному сановнику. Однако в этот момент в доме Янь Шифаня оказался Тан [Шуньчжи (1507—1560)], он взглянул на свиток и сказал: «Это не подлинник, я видел картину собственными глазами. Взгляните — вот воробей, как неуклюже стоят его лапки — сразу на двух черепицах, ясно, что это подделка». Янь Шифань разгневался и на Ван Шу, и на Тана. Впоследствии при первой же возможности он добился того, что Ван Шу обвинили в государственном преступлении и казнили. Сын Ван Шу — известный поэт и эссеист Ван Шичжэнь — задался целью отомстить за отца, но не мог найти подходящего случая. Однажды Янь Шифань спросил у Ван Шичжэня, нет ли сейчас в книжных лавках какой-нибудь увлекательной книги. «Есть!» — ответил Ван Шичжэнь. «Какая же?» — спросил сановник. Ван Шичжэнь оглянулся, случайно бросил взгляд на золотую вазу с цветущей веткой дикой сливы и ответил: «Она называется «Цзинь, Пин, Мэй» — «Цветы сливы в золотой вазе», присовокупив, что напечатана книга плохо, но он готов переписать ее и прислать почтенному сановнику. Вернувшись домой, поэт несколько дней раздумывал, потом взял эпопею XIV века «Речные заводы» и, дочитав до того места, где была кратко рассказана история торговца Симэнь Цина, стал сочинять ее дальше. Дело было в том, что Янь Шифань жил подле Западных Ворот — Симэнь, а детское имя его было Цин. Теперь оставалось лишь изобразить своего героя разнузданным распутником и таким образом высмеять заклятого врага, сгубившего отца. Дальнейшие события старинные источники описывают по-разному. Одни утверждают, будто Ван Шичжэнь, зная о привычке своего недруга слюнить пальцы, листая книгу, пропитал углы страниц романа ядом, и Янь Шифань якобы отравился и умер. Другие говорят, что Ван Шичжэнь подкупил цирюльника, холившего ногти на ногах Янь Шифаня, тот воспользовался моментом, когда сановный клиент зачитался увлекательным романом, и незаметно втер в маленькую царапину зелье. С тех пор нога сановника стала болеть, он не мог более являться ко двору, и карьере его пришел конец. Третьи рассказывают, что вовсе не Янь Шифань был виновником гибели отца Ван Шичжэня, а совсем другой сановник, известный сочинитель XVI века Тан Шуньчжи. По этой версии Ван Шичжэнь поднес свой роман именно Тан Шуньчжи, который на склоне лет, выйдя в отставку, пристрастился к чтению всяких увлекательных повествований. Тан Шуньчжи будто бы имел привычку, перелистывая страницы, слюнить пальцы, и именно поэтому Ван Шичжэнь пропитал бумагу мышьяком. Получив книгу, старый сановник с увлечением принялся читать ее и не заметил, как наступила ночь. К утру он дочитал роман до конца и тут почувствовал, что его язык одеревенел. Глянул в зеркало — язык уже весь черен. Он велел позвать сына и с трудом сказал: «Кто-то замыслил против меня зло. Я умру. Кроме близких родственников, никого не пускайте в мои покои». Тан Шуньчжи скончался. Вскоре явился человек в белом траурном одеянии и белой шапке, причитая так, что казалось, рухнет небо и разверзнется земля. Незнакомец распростерся ниц перед сыном покойного и сказал, что некогда был обласкан Тан Шуньчжи и хотел бы взглянуть на лик покойного. Когда же его допустили к телу, он упал на труп и зарыдал. Рыдал долго, потом поклонился и ушел. И вдруг при положении покойника в гроб обнаружилось, что у него исчезла одна рука. Тут всем стало ясно, что приходил не кто иной, как сочинитель той самой злосчастной книги: ему показалось мало отравить Тань Шуньчжи, он решил еще

⁴²¹ Далее мной приводится отрывок из статьи Б. Рифтина «Ланьлинский насмешник и его роман «Цзин, Пин, Мэй», помещенной в 1 т. русского перевода романа: «Цзин, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Пер. с кит. В. Манухина. Иркутск, Улисс, 1994, т. 1, с. 7—8. — *Прим. пер.*

надругаться над трупом».

Стратагема красавицы в данном примере выступает в образе изобилующего соблазнительными сценами эротического романа, благодаря которому намеченная жертва попадает в силки данной стратагемы.

О слухе, что при написании романа Ван Шичжэнь пропитал ядом его страницы в целях умерщвления своего врага Янь Шифаня, упоминает в книге «Очерк истории китайской повествовательной прозы» («Чжунго сяошо ши дай», 1924) Лу Синь. Перевод этой книги на английский *A Brief History of Chinese Fiction* был издан в Пекине в 1976 г. Вполне возможно, что Умберто Эко читал это сочинение Лу Синя, поведала мне на европейском съезде синологов в Веймаре (5—9.09.1988) одна туринская ки-таеведка, знавшая автора мирового бестселлера *Имя розы* («*N nome délia rosa*». Милан, 1980). «Изобретательность Умберто Эко состоит в том, чтобы убийство поручить отравленной книге... Читатель, слюнявя пальцы, чтобы лучше было перелистывать страницы, тем самым отравлял себя», поскольку убийца «пропитал страницы ядом» (Буркхарт Крёбер [Ред.]. «Знаки в романе Умберто Эко «Имя розы». Мюнхен—Вена, 1987, с. 265, 93). «Новаторство Эко в криминологии» (указ. соч., с. 93). Но, как свидетельствует ходящий уже несколько столетий в Среднем государстве слух о возникновении романа *Цветы сливы в золотой вазе*, пресловутая находка Умберто Эко была известна китайцам уже давно.

31.17. Приманивать покупателей красавицами

Потребители чуть ли не на каждом шагу сталкиваются со стратагемой 31. С листов календарей и обложек журналов, равно как и с рекламных щитов, на них призывно смотрят статные девицы. Большие тиражи бульварных газет держатся во многом благодаря двум стратагемам. Опираясь на стратагему стервятника 5, там во всех подробностях описывают чудовищные преступления и человеческие заблуждения, зачастую в сопровождении фотографий с кровавыми сценами, а руководствуясь стратагемой сладострастия 31, украшают страницы изображениями красавиц и печатают сведения похотливого свойства. И на телевидении полагают, что с помощью стратагемы 31 можно повысить свой рейтинг: «Показы мод, телевизионные шоу, реклама: ныне они уже нуждаются в «кварталах красных фонарей» в качестве декораций» (заголовок фоторепортажа в газете *Бильд*. Гамбург, 21.11.1998, с. 2). В центре при этом стоят вовсе не красавицы. Они всего лишь помогают заманить покупателя и тем самым заработать денег. Красавица выступает средством в достижении цели, каковой она выступает и в самой стратагеме. Здесь речь идет не об устранении жертвы стратагемы, а о выманивании через нее денег.

31.18. Веснушчатая китаянка

Один китайский юноша уже год как был влюблен, только вот веснушки на лице его пассии ему не нравились. Поэтому, прочитав в газете объявление о высылаемом почтой средстве для отбеливания кожи, действующем в течение десяти дней, он тотчас отправил требуемые тридцать юаней и стал ждать. Получив уведомление о подорожании почтовых услуг, молодой человек хоть и с зубовным скрежетом, но внес дополнительную сумму. Наконец средство было получено. Однако после трех дней применения состояние кожи на лице его подружки заметно ухудшилось. Пришлось обратиться в больницу, где выяснилось, что пресловутое средство по уходу за кожей является самой настоящей липой. Юноша, будучи сотрудником газеты, написал письма в общество защиты потребителей и в журнал, где было напечатано объявление. Позже он узнал, что за распространение негодного косметического средства был задержан один шестидесятилетний мужчина, прежде судимый. Обо всем этом сообщает *Китайская молодежь* [*Чжунго циннянь бао*], печатный орган Коммунистического союза китайской молодежи, в статье под названием «Ставшие из-за доверчивости жертвой стратагемы красавицы» (Пекин, 20.02.1992, с. 3). Пожалуй, правильной здесь было бы говорить о «стратагеме [обещанной] женской красоты».

31.19. Любовник спасает человечество⁴²²

«Не думал бедный Думузи, что долгожданный брак с прекрасной Инанной принесет ему столько бед и приведет его к гибели.

Властной и гордой оказалась Инанна [богиня плотской любви и утренней звезды Венеры]. Мало ей было владычества на небесах и на земле, она захотела господствовать и в подземном мире, где царствовала ее

⁴²² Ниже изложение ведется по шумерскому мифу «Сошествие богини Инанны в подземный мир и возвращение ее на землю», взятому из кн.: Г. Абдурагимов, Д. Абдурагимова. Лезги и древнейшие цивилизации Передней Азии: история, были, мифы, сказания. М.: Экономика, 1998. — *Прим. пер.*

старшая сестра Эрешкигаль. Хорошо знала Инанна, что никого из небесных богов не пускает ее сестра в свое царство, и решила хитростью проникнуть под землю и разведать о порядках страны, откуда нет возврата. Она узнала о том, что муж ее сестры, великий властитель Гугальанна, погиб, и Эрешкигаль совершает погребальные обряды. Задумала Инанна спуститься в гости к старшей сестре, чтобы выразить ей свое сочувствие. Неужели та откажется принять ее в такой день и не разделит свою скорбь с нею?

Но все-таки опасалась Инанна, что ее свирепая сестра, безжалостная богиня смерти, не поверит ей и захочет ее погубить. И надумала она предупредить на всякий случай своего верного везира Ниншубура:

— Если я не вернусь через три дня и три ночи, будь готов выручить меня. Обратись за помощью к владыке богов Энлилю, к моему отцу Наннару и к премудрому Энки.

Распорядившись так, Инанна покинула небо и землю, где она была владычицей, и направилась к входу в мрачный подземный мир. Семь волшебных амулетов, заключающих в себе божественные законы, взяла она с собой». На вопрос [Нети] главного стража подземного царства, зачем та пришла к «Стране без возврата» [шумер. «кур-ну-ги»], Инанна ответила: «К великой владычице Эрешкигаль, ибо мертв Гугальанна, ее супруг. Погребальные травы ему воскурить, погребальное пиво ему излить». Этот явно основанный на стратагеме 7 ответ ввел в заблуждение главного стража, и тот ее впустил.

Оказавшись перед владычицей подземного царства Эрешкигаль, Инанна сталкивается с ней с трона и усаживается туда сама. Но семеро судей-ануннаков бросают на нее взгляд смерти, и она умирает. Ее труп вешают на крюк. Проходит семь лет, семь месяцев и семь дней. Отсутствие богини плотской любви тяжело сказывается на рождаемости зверей и людей на земле. И тогда Ниншубур предпринимает меры к спасению Инанны. Помощь Инанне согласился оказать лишь «хитроумный» Энки, как пишет Адам Фалькенштайн (Falkenstein) в статье «Шумерский и аккадский мифы о нисхождении Инанны в подземный мир» (в кн. Эрвина Грефа (Graff) [Ред.] *Юбилейный сборник в честь Вернера Каскеля* [1896—1970, известный немецкий семитолог и арабист] («Festschrift Werner Caschel»). Лейден, 1968, с. 103). Он «прибегает к уловке, добываясь у Эрешкигаль разрешения достать воду жизни, что было равносильно возвращению к жизни Инанны» ([издаваемая Фрайбургским университетом, Швейцария, с 1973 г. научная серия (до 10 выпусков в год, на 2003 вышло 193 номера)] *Orbis Biblicus et Orientalis* 63. Фрайбург, 1985, с. 125). «Энки достает грязь из-под ногтей, выкрашенных красной краской, и лепит два загадочных существа — «кургар» и «калатура» (по-видимому, евнухов или уродцев), снабжает их «травой жизни» и «водой жизни» и, научив магическому заклинанию, отправляет в подземное царство. Появившиеся в подземном царстве посланцы Энки застают Эрешкигаль в родовых муках. «Кургар» и «калатур», смягчив заклинательной формулой муки царицы, добиваются у нее обещания выполнить их желание. Они просят труп Инанны, а затем оживляют его травой и водой жизни. Но ее останавливают судьи подземного царства ануннаки: Инанна не может покинуть подземный мир, не оставив там замены, таков закон «страны без возврата», одинаковый для богов и для людей. После трехкратных поисков выбора (Ниншубур, бог Лулаль и сын возлюбленный Шара) Инанна приходит в Кулаб — пригород Урука, где застаёт своего супруга Думузи сидящим на троне в царских одеждах. На него она и устремляет «взгляд смерти». Думузи обращается к своему родичу богу Уту с мольбой о помощи, бежит, сообщив место своего убежища только сестре Гештинанне и неизвестному «другу»... Но друг, подкупленный гала (демонами, преследующими Думузи), открывает им место убежища Думузи, тот бежит дальше, Уту превращает его в газель (или ящерицу), но в конце концов демоны все же настигают его и разрывают на части, [унося остатки в царство своей повелительницы]» [«Мифологический словарь». Под ред. Е. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1991, с. 244-245]⁴²³.

⁴²³ «Он вонзил свои ногти в почву и оторвал кусок мягкой глины. Из нее он создал двух вестников — Кургарру и Калатурру. Это были покорные и бесполье существа, они не были ни мужчинами, ни женщинами и бесстрастно выполняли волю божественного гончара, слепившего их. И дал премудрый Энки одному из них пищу жизни, а другому воду жизни и послал их в мрачный подземный мир.

Спустившись в преисподнюю, вестники бога мудрости были внимательными и осторожными. Бесшумно продвигались они по подземным тропам, остерегались смачивать свои уста водой подземной реки и не проглотили ни одного зернышка, выросшего на ее берегах, чтобы не позабыть землю и не остаться навеки внизу. Добравшись до трона Эрешкигаль, потребовали вестники божественного мудреца Энки именем своего владыки освобождения Инанны.

Спокойно и насмешливо отвечала им повелительница преисподней, указывая на безжизненное тело, висящее на гвозде:

— Вот она, ваша царица, забирайте ее, мне она не нужна!

Тогда оба вестника сняли труп богини с гвоздя, и Кургарру осыпал ее зернами жизни, а Калатурру опрыскал ее водой жизни. И поднялась Инанна на свои прекрасные ноги и бодро двинулась к воротам подземного мира. Но семеро ануннаков, судей мертвецов, тут же бросились к ней:

— Если Инанна покинет «Страну без возврата», за голову голову пусть оставит!

— Прочь с дороги! Пустите меня наверх, я пришлю себе замену! — гордо воскликнула Инанна и величественным шагом прошла через семь ворот, облачаясь в свои наряды и оставленные у входа драгоценные амулеты, таящие в себе волшебную силу верховной власти.

Но хитроумные ануннаки не успокоились. Они послали следом за богиней целую толпу свирепых демонов. Самые маленькие из них были ростом с пылинки, а самые большие напоминали гигантские тростники, растущие по краю болот. Это были страшные, бессердечные слуги свирепой Эрешкигаль. Нет у них плотских желаний, и чужды они сострадания. Никогда не вкушают они пищи и не пьют воды, но силы их остаются прежними и не чувствуют они усталости. Эти демоны похищают жену с ложа ее супруга и отрывают беспомощного младенца от груди кормилицы.

Под охраной чудовищ пришла Инанна в город Умму к богу Шаре и сказала ему:

— О, мой верный брат, спустись вместо меня в преисподнюю! Увидев уродливых и злобных демонов, окружающих богиню, испугался Шара, упал к ногам Инанны и жалобно молил о пощаде:

— Другого, другого пошли, сестра моя, в страшный подземный мир! И двинулась Инанна в Бад-Тибиру, к богу Латараку. Но и тот с плачем умолял освободить его от ужасной участи и искать другую замену.

И решила Инанна, что только Думузи, которого она одарила всеми чарами своей страсти, сможет заменить ее в подземном мире. Он не посмеет отказаться от своего долга. За небывалые наслаждения на ложе прекраснейшей из богинь заплатит он жизнью.

И пришла Инанна в Куллаб, где сидел на троне ее супруг. Безжалостным взором взглянула она на него, и в ее ледяных глазах таилась смерть.

Думузи в одежде власти, в царском покое сидит на троне.

Демоны-«гола» его схватили.

Семеро их — его грудь разодрали, его кровь излили.

Семеро их — словно в горячке на него напали.

Пастушью флейту, свирель его на глазах его разбили!

Все понял несчастный Думузи, мгновенно побледнел он и поднял руки к небу, залитому яркими солнечными лучами, моля о помощи Уту, брата своей беспощадной супруги.

...О Уту, ты брат моей жены!

Я супруг твоей сестры!

Преврати мои руки в ноги газели,

Преврати мои ноги в ноги газели,

И я от демонов убегу...

Уту внял мольбе, и превращенный в газель Думузи бежит в Шубирил-лу. Демоны вновь настигают его, бьют и истязают. Опять обращается Думузи с мольбой к Уту. Тот второй раз превращает его в газель, и Думузи бежит в храм богини Белили. Он просит у нее немного пищи и воды. Пока Думузи ест и пьет, снова появляются «гала» и третий раз хватают Думузи. Уту превращает его в газель и в третий раз, и тот скрывается в загоне для овец. Но «гала» врываются туда и рвут Думузи на части, и свирепые стражи Эрешкигаль повлекли его остатки в царство своей повелительницы» (Г. Абдурагимов, Д. Абдурагимова. Лезги и древнейшие цивилизации Передней Азии: история, были, мифы, сказания. М.: Экономика, 1998). — *Прим. пер.*

Согласно более позднему, аккадскому изводу этого восходящего к XIX—XVIII вв. до н. э. шумерского мифа, на который обратил мое внимание профессор Хорст Штайбле (Steible) и который разъяснили мне профессор Буркхарт Кинаст (Kienast) и госпожа д-р Ева Домради (Domradi) (востоковедческое отделение Фрайбургского университета, Швейцария), Эа [аккад.] (= Энки [шумер, «владыка земли», «владыка низа»]) сотворил «любовника» (*ассину*, порой переводится как «мальчик для утех») из «света». «Ему надлежало спуститься в преисподнюю и обольстить Эрешкигаль» (Фолькер Мауль (Maul). «*Кургару и ассину и их положение в вавилонском обществе*»: Фолькер Хаас (Haas, род. 1936) [Ред.]. *Изгой и маргинальные группы* («Aussenseiter und Randgruppen»), 32-й [выпуск издаваемой с 1982 г. университетом немецкого г. Констанц исторической серии (всего появилось 45 выпусков)] *Kenia*, Констанц, 1992, с. 161). «Владычица подземного царства крайне обрадуется тебе!» (взято из статьи Герфрида Г.В. Мюллера (Müller) «Аккадские мифы о преисподней»: О. Кайзер (Kaiser) [Ред.]. *Тексты, соприкасающиеся с Ветхим Заветом* («Texte von Umfeld des Alten Testaments»), т. III, 4. Гютерсло [земля Северный Рейн-Вестфалия], 1994, с. 764). Однако этот любовник не походил ни на мужчину, ни на женщину (Стефан М. Мауль, *там же*). Его невозможно определить как личность, он выступает как бесполое существо и не подчиняется подобно злым духам законам преисподней, которую он может беспрепятственно посещать и покидать (Стефан М. Мауль, *там же*; Жан Боттеро (Bottero, род. 1914), С. Н. Крамер (Kramer, 1897—1990), *Когда боги сотворили человека: мифология Месопотамии* («Lorsque les dieux faisaient l'homme: mythologie mésopotamienne»). Париж, 1989, с. 292 и след.; У. Дж. Ламберт (Lambert), «Проституция»: Фолькер Хаас (Haas) [Ред.], *указ. соч.*, с. 151). В ином месте и тоже в связи с [сакральной] проституцией или женской проституцией упоминается *ассину* (Стефан М. Мауль, *указ. соч.*, с. 162). Пленив владычицу подземного царства, любовник берет с нее клятву исполнить его желание. Засим он требует сосуд с живой водой. Владычица негодует, но вынуждена подчиниться. Везир богини окропляет Инанну водой, делая возможным ее возвращение на землю при условии, что та оставит себе замену (см. также Анн Драффкорн Килмер (Draffkorn Kilmer). «Как удалось провести владычицу Эрешкигаль»: *Ugarit-Forschungen № 3*, Нойкирхен-Флорин [земля Северный Рейн-Вестфалия], 1971, с. 299 и след.).

Этот насчитывающий около четырех тысяч лет древний миф Передней Азии, пожалуй, является одним из старейших письменных источников, где по меньшей мере есть зачатки стратагемы сладострастия 31. Благодаря удавшейся стратагеме человечество смогло продолжать плодиться, и это длится по сей день.

31.20. Будда и женские перси

Шесть лет, на протяжении которых Гаутама, исторический Будда, упражнялся в аскетизме [санскрит *tapas*, пали *tapā*], злой бог смерти Мара пытался тщетно прельстить его радостями жизни. И вот когда Будда, обретя просветление, сидел в окружении света, собрал Мара свое воинство и напал на одиноко сидящего под деревом Бодхи и погруженного в себя Будду. Вначале Мара напустил страшную бурю, пытаясь шквалами ветра, камней, стрел, горящих углей, пепла, песка, грязи и тьмы прогнать Будду, но безуспешно. Как к последнему средству он прибег тогда к помощи своих дочерей, повелев им сломить сопротивление Будды. Красавицы отправились к сидящему в окружении света Будде, приблизились к нему и стали тридцатью двумя способами обольщать его [*Лалитавистара*, гл. 21]:

«Те наполовину открыли свое лицо. Те показывали свои высокие тугие перси. Те, сдержанно улыбаясь, показывали два ряда зубов. Те вздымали вверх руки, представляя взору свои подмышки, иные свои губы, алые, подобно плодам бимбы⁴²⁴. Те с полужакрытыми глазами бросали взоры на бодхисаттву [имеется в виду исторический Будда], после чего тотчас смыкали веки. Те выставляли напоказ наполовину прикрытые перси, иные свои бедра, едва опоясанные. Те обвязали прозрачной тканью свои *бедра*, те звенели своими кольцами на ногах. Те показывали ему, что меж их полными персями едва поместится нитка жемчуга. Те являли наполовину голые бедра. Те держали на голове или плечах [птицу] паттагутту⁴²⁵, попугая или священную ворону. Те бросали искоса взгляд на бодхисаттву. Те, опрятно одетые, поправляли будто бы платье. Те понуждали трястись опоясывающий чресла пояс. Те, словно в испуге, сновали туда-сюда. Те танцевали. Те пели. Те играли. Те изображали стыдливость. Те трясли чреслами подобно раскачиваемым ветром трубчатым листьям банана. Те со сбившимся платьем прыгали вокруг и ударяли по поясу с бубенцами. Те роняли платье и украшения на землю. Те увешались украшениями, являвшими стыд их во всей красе. Те натерлись благовониями, иные носили надушенные серьги. Те то прятали, то открывали свой лик. Те рассказывали друг другу, как недавно смеялись, веселились и играли, затем стыдились и останавливались. Те являлись в виде девушек, иные — в виде женщин, еще не родившихся, третьи — в виде

⁴²⁴ Бимба, растение *Momordica Monodelpha*, с ярко-красным плодом которого сравнивают обычно губы красавиц.

⁴²⁵ Пали паттагутта, дословно «защищенный крылом». — *Прим. пер.*

более зрелых женщин. Те приглашали бодхисаттву испытать радости любви. Те осыпали его свежесорванными цветами, становились подле него и пытались прочесть его мысли» (Эрнст Вальдшмидт (Waldschmidt) [переводчик с санскрита, пали и китайского]. *Предания о жизни Будды в извлечениях из священных писаний* («Die Legende vom Leben des Buddha: in Auszügen aus den heiligen Texten», 1929). Грац, 1982, с. 159 и след.).

Но лик Будды оставался чистым, подобно диску луны, и неподвижным, подобно горе Меру. Обольстительными речами пытались теперь дочери Мары распалить Будду. Они говорили: «Друг, предадимся любви! Мы рождены даровать блаженство. Скорей вставай! Насладись своей чудесной младостью! Взгляни на этих пригожих небесных дев! Взгляни, наш господин, сколь они обольстительны! Взгляни на их высокие, тугие и полные перси, взгляни на любвеобильные широкие чресла! Они рождены для наслаждения!»

Но Будда не шелохнулся. Его чувства остались безмятежными. Он был лишен двуличия, страсти, низости, сумасбродства. Он улыбался. Из своего укрепившегося знания он обратился к дочерям Мары: «Желания — скопища многочисленных страданий и корни несчастья. Они ведут неразумных к уходу от погружения в себя, от совершенства и подвижничества. Все мудрецы говорят, что нельзя утолить жажду женской любви... кто предается желаниям плоти, лишь усиливает свою жажду... Ваша плоть подобна пене, водяным пузырям, сродни наваждению обманчивых чувств... Она подобна игре в забвенье, мимолетной и эфемерной... Я вижу лишь, сколь нечисто, грязно и полно червей тело. Оно хрупко, жалко, подвержено тлену и преследуемо несчастьями... Желания непостоянны, подобно утренней росе на кончике былинки... Они схожи с быстро рассеиваемыми осенними облаками...»

Когда же Мара услышал слова Будды, недовольно сказал своим дочерям: «Как же вам не удалось заставить Будду покинуть круг света? Ведь он не глупец, он мудр, так отчего же пренебрег вашей обольстительной красотой?» Дочери Мары отвечали: «Он прозревает глубоко сокровенное... ему неведома глупость... Его чувства свободны от желаний, а страсть не волнует его... Отец, те способы обольщения, к которым мы прибегли, должны были бы распалить его сердце и вселить в него страсть. Однако их вид ни разу не смог взволновать его чувства. Непреклонный, подобно горе, он остался сидеть».

В данной истории Будду отличает прозорливость в отношении стратагеми красавицы, к которой прибежал Мара. Тем самым в глазах своего врага, Мары, он предстал мудрецом, а не глупцом. Мудрость в данной связи со всей очевидностью включает способность различать хитрость, т. е. содержит стратагемную составляющую. Поскольку с буддийской точки зрения являемый чувствами мир необходимо разоблачать как некое наваждение, то и отвергающий хитрость как образец поведения буддизм (его разновидность Хинаяна) предстает религией с четко выраженным, обширным стратагемным мировосприятием (см. также 19.4).

31.21. Женщина как наказание Зевса

В древнегреческой мифологии Зевс отнял у людей огонь. Прометей перехитрил Зевса, спрятав тлеющий уголек внутри стебля огромного фенхеля и передав его затем людям. Зевс поклялся отомстить. Он приказал Гефесту вылепить из глины подобие девы стыдливой, названной Пандорой. Афина украсила ее как можно пышнее. Гермес снабдил ее знанием уловок ([французский толковый словарь] *Le Petit Robert 2*. Париж, 1990, с. 1362). «После того как создал Зевс прекрасное зло вместо блага, Деву привел он, где боги другие с людьми находились... Диву бессмертные боги далися и смертные люди [состоящие в ту пору сугубо из мужчин], как увидели приманку искусную, гибель для смертных» [Гесиод. *Теогония*, с. 585-589. Пер. с др.-гр. В. Вересаева]. Затем в *Теогонии* Гесиода (VIII—VII вв. до н. э.) следуют 22 строки поношения женщин, где мы читаем: «...высокогремящим Кронидом на горе мужчинам посланы женщины в мир, участницы дел нехороших» ([там же, с. 600—601]. Пер. на нем. Альберт фон Ширдинг (Schirnding)).

Если серьезно отнестись к описанию Гесиода, то для греков женщины являли собой гибельную для смертных «искусную приманку», созданную для наказания мужчин. При этом «женская сила вкрадчивой хитрости, обмана, притворства, лести» (Клаудиа Хонеггер (Honegger). «Положение полов. Наука о мужчине и женщине» («Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaften vom Menschen und das Weib»). Франкфурт-на-Майне, 1991, с. 34) выходит, пожалуй, на передний план, способная лишить разума и благоразумного мужчину. Итак, Зевс отплатил Прометею за его хитрость, позволившую дать людям огонь, той же монетой, сотворив женщину. Сведя тем самым до окончания века мужчин с женским полом, Зевс осудил их на то, чтобы постоянно оказываться жертвами стратагеми красавицы.

Стратагема № 32. Открытые городские ворота

Три иероглифа	空	城	計
Современное китайское чтение	Кун	чэн	цзи
Перевод иероглифа	каждого Пустой, открытый город(ские ворота) стратагема		
Связный перевод	Стратагема пустого города; стратагема открытых городских ворот		
Сущность	1. Скрыть показной уверенностью обескураженность появлением противника или слабость перед ним; стратагема разыгрываемой засады 2. Стратагема показной безопасности; стратагема отбоя тревоги		

32.1. Десяток опер о самой стратагеме

События с участием стратагемы 32 известны с давних времен. Но выражение для самой стратагемы, похоже, устоялось за последние 500 лет. Во многом ее известности способствовала пекинская опера *Стратагема пустого города* [полное название которой «Потеря ущелья Цзэтин, уловка «пустой град», обезглавливание Ма Су» («Ши Цзэтин кунчэн цзи чжан Ма Су»)], появившаяся в цинскую эпоху (1644—1911). И в Китайской Народной Республике эта традиционная опера по-прежнему ставится целиком или выборочно, как это происходило перед высокопоставленными китайскими руководителями 22.02.1990 г. в рамках вечернего представления в честь праздника весны во «Дворце возвращения человеколюбия» [«Хуайжэньтан»] в пекинской партийно-правительственной резиденции Чжуннаньхай [(?), расположенной в пределах Запретного Пурпурного города — бывшего императорского дворцового комплекса]. Наряду с пекинской оперой девять опер других разновидностей китайского театра тоже называются *Стратагема пустого города* и обыгрывают тот же сюжет, что говорит о популярности лежащей в их основе истории.

Речь идет о событии 228 г., описанном Ло Гунчжуном (около 1330—1400) в его романе *Троецарствие*, причем он, помимо исторических источников, опирался и на народные предания (см. *Стратагемы*, т. 1, Пролог). Чжугэ Лян (181—234) был канцлером и военным предводителем царства Шу, считавшегося преемником ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Шу воевало с северным царством Вэй. Из-за неумелых действий военачальника Ма Су (190—228) вэйской армии удалось захватить ущелье близ селения Цзэтин (нынешняя провинция Ганьсу) и теперь она под руководством военачальника Сыма И (179—251) беспрепятственно двигалась к городу Сичэн (нынешняя провинция Шаньси).

«Но в Сичэн примчался гонец с неожиданной вестью, что Сыма И ведет к городу сто пятьдесят тысяч войска. У Чжугэ Ляна в то время почти не было войск, если не считать пяти тысяч воинов, из которых половина были больны, а остальные заняты на перевозке провианта.

При таком известии все чиновники побледнели от страха. Поднявшись на городскую стену, Чжугэ Лян увидел вдали столбы пыли: вэйские войска приближались к Сичэну по двум дорогам.

Чжугэ Лян немедленно отдал приказ убрать все знамена и флаги, а воинам укрыться и соблюдать полную тишину. Нарушивших приказ — предавать смерти на месте. Затем по распоряжению Чжугэ Ляна широко распахнули ворота города, и у каждых ворот появилось по два десятка воинов, переодетых в простых жителей. Им было приказано подметать улицы и никуда не уходить при появлении вэйских войск.

Сам Чжугэ Лян надел свою одежду из пуха анста, голову повязал белым шелком, взял цинь и в сопровождении двух мальчиков-слуг поднялся на сторожевую башню.

Там он уселся возле перил, воскурил благовония и заиграл на цине...

Дозорные из армии Сыма И добрались до города и, увидев на башне Чжугэ Ляна, остановились. Они не посмели войти в город и возвратились к Сыма И. Выслушав дозорных, Сыма И рассмеялся — слишком уж невероятным показался их рассказ. Остановив войско, Сыма И сам поехал к городу и действительно на башне увидел Чжугэ Ляна, который, воскуривая благовония, беззаботно смеялся, поигрывая на цине. Слева от Чжугэ Ляна стоял мальчик, державший в руках драгоценный меч, а справа — мальчик с мухогонкой из оленьего хвоста; у ворот десятка два жителей поливали и подметали улицы. Поблизости больше не было ни души» [«Троецарствие», гл. 95: Ло Гуаньчжун, «Троецарствие». Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 2, с. 448-449].

В пекинской опере Сыма И слышит, как Чжугэ Лян поет: «Лишь два мальчика стоят подле меня. Я не устроил никакой западни, и у меня нет воинов. Так что тебе не о чем беспокоиться. Прошу тебя, подымайся, подымайся сюда на крепостную стену и внемли звукам моей цитры».

Однако эти слова вызвали у недоверчивого от природы Сыма И подозрение. В пекинской опере он поет: «Этот Чжугэ Лян — сама осторожность. Еще ни разу он не шел на риск. Негоже мне становиться жертвой его стратагемы».

«Сыма И задумался и, возвратившись к войску, приказал отступить в направлении северных гор. «Почему вы, батюшка, решили отступить? — спросил Сыма Чжао. — Я думаю, что Чжугэ Лян пошел на хитрость, потому что у него нет войск!» «Чжугэ Лян осторожен и не станет играть с опасностью! — возразил Сыма И. — Раз он открыл ворота, значит, в городе засада. Неужели ты этого не понимаешь? Отступить надо немедленно!..» [там же, с. 448].

Чжугэ Лян выиграл столь нужное время для отступления в [область] Ханьчжун [провинция Шэньси]. Лишь с большим опозданием Сыма И узнал, что его провели.

Данная история, естественно с иными декорациями, впервые приводится в сборнике «Пять утраченных деяний Чжугэ Ляна» [«Чжугэ Лян иньмо у ши»] жившего в период [западно]цзиньской династии (265—316) Го Чуна. Но уже Пэй Сунчжи (372—451) [южносунский историк] в своих «Комментариях к *Троецарствию* [«Саньго чжи чжу»] оспаривает правдивость сообщаемых Го Чуном сведений. Ведь к тому времени Сыма И занимался иными делами и не возглавлял посланное против Чжугэ Ляна войско. Кроме того, непонятно, почему Сыма И должен был отступить. Больше напрашивается осада Сичэна и наблюдение за городом, полагает Пэй Сунчжи. Так что впечатляющее использование Чжугэ Ляном стратагемы пустого города можно считать вымыслом. Нынешние знагоки здесь единодушны. И все же во времена, на которые приходится действие романа *Троецарствие*, были случаи использования стратагемы 32.

В 219 г. подобно Чжугэ Ляну находившийся на услужении шуского царства Чжао Юнь (158—229) успешно воспользовался стратагемой 32 против войска северного царства Вэй⁴²⁶ [«Троецарствие», гл. 7]: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Па-насюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 2, с. 154]. Чжао Юнь с немногочисленным войском, преследуемый Цао Цао, отошел обратно в лагерь, оставив открытыми ворота. Вэйская армия, подозревая засаду, ушла восвояси. В 226 г. Сунь Цюань (182 — 253), правитель юго-восточного царства У, напал на удерживаемый вэйским военачальником Вэнь Пинем [род. 178] город Шиян [на северо-востоке нынешнего уезда Сяогань, провинция Ху-бэй]. Из-за сильного дождя рухнул окружающий город частокол. Вэнь Пинь знал, что уступает неприятелю. И тогда он попытал счастья с помощью стратагемы 32, повелев всем жителям города спрятаться. При виде обезлюдевшего города Сунь Цюань заподозрил западню и ретировался⁴²⁷.

Так что во времена Чжугэ Ляна исторически засвидетельствовано по меньшей мере два случая использования стратагемы 32. Очевидно, они и послужили основой для придуманной истории о стратагеме 32, связанной с именем Чжугэ Ляна. В романе *Троецарствие* она описана столь ярко, что запечатлелась в памяти китайцев, став, пожалуй, самой известной историей о стратагемах.

32.2. Неудачный повтор

В брошюре *Избранное для домашнего чтения четырехклассников начальной школы* (Пекин, 1983) под заголовком «Стратагема пустого города» помещена следующая история: «Один человек был просто помешан на романе *Троецарствие*. Однажды в его деревню приехала оперная труппа. Она должна была исполнять *Стратагему пустого города*. Страстный поклонник *Троецарствия* хотел во что бы то ни стало попасть на представление. Но кто будет охранять его дом? Не дай бог заявится вор — и пиши пропало все его добро. Он ходил по дому и думал. Вдруг он хлопнул себя по лбу: «Вот это мысль. Почему бы мне просто не воспользоваться уловкой Чжугэ Ляна!» Он открыл настежь входные двери, сверху повесил светильник с зажженной свечой, после чего отправился на представление. Итак, он решил воспользоваться стратагемой пустого города.

⁴²⁶ Данный эпизод приводится в «Неофициальном жизнеописании [Чжао] Юня» («Юнь бэ чжуань»).

⁴²⁷ Данный эпизод приводит вэйский историк Юй Хуань (III в.) в составленном им примерно в 239—265 гг. «Кратком описании [царства] Вэй» («Вэйлюэ») и сохранившемся лишь в извлечениях у других авторов. — *Прим. пер.*

Вернувшись домой, он придирчиво осмотрел дом. Все было на месте, даже иголка не пропала. Тогда он стал нахваливать Чжугэ Ляна: «Что за чудо человек!», а его уважение к нему возросло еще больше.

Через некоторое время в деревне состоялось очередное оперное представление. Страстный поклонник *Троецарствия* вновь зажег светильник, укрепив его над открытыми настежь дверьми. Он опять решил прибегнуть к стратагеме пустого города, отправляясь на спектакль.

Однако, возвратившись домой на этот раз, он обнаружил, что в нем побывал вор. Были унесены даже входные двери. Тут селянин зарыдал, весь свой гнев обратив на Чжугэ Ляна. Он взял со стола *Троецарствие* и вычеркнул все упоминания о Чжугэ Ляне; не успокоившись на этом, он стал вырезать их ножом. Как раз в ту пору, когда он, ругая на чем свет стоит Чжугэ Ляна, выскабливал его имя со страниц книги, за этим занятием застал его проходивший мимо начитанный в *Троецарствии* уличный рассказчик. На вопрос, что случилось, поклонник *Троецарствия* поведал, как его обокрали. Рассказчик чуть не упал со смеху: «И откуда ты взял, что Чжугэ Лян глупец? Глупец как раз ты!» — «Почему?» — «Просмотри-ка еще раз *Троецарствие*. Ежели отыщешь место, где Чжугэ Лян дважды прибежал к стратагеме пустого города, я возьму тебе все убытки от кражи».

Поклоннику *Троецарствия* нечего было возразить».

32.3. Статистические выкладки одного пекинского библиотекаря

В китайской истории к стратагеме 32 прибегали 38 раз, утверждает Чэнь Сянхуа из пекинской библиотеки к статье под названием «Стратагема пустого города прежде и ныне», помещенной в печатном органе Шанхайского городского комитета партии (*Освобождение* [«Цзефан жибао»], 31.05.1990, с. 7). Возможно, самый древний пример использования стратагемы восходит к 666 г. до н. э.⁴²⁸ Об этом сообщает газета *Китайская молодежь* [*Чжунго циньянь бао*], печатный орган Коммунистического союза китайской молодежи, в номере от 20.10.1982 г. Нежданно-негаданно чуское царство напало на владение Чжэн. Правитель Чжэн во все стороны отправил послов искать помощи у союзников. Но пока подкрепления не было. Если же запереться в столице, можно не выдержать натиска подходившего чуского войска. Поэтому решили прибегнуть к обратной мере, открыв настежь крепостные ворота, через которые жители, как и прежде, входили и выходили. Когда предводитель чуского войска [Цзы-юань (ум. 665 до н. э.)] увидел столь мирную картину, он заподозрил неладное и приказал своему войску не идти на город, а выждать и понаблюдать за городом. А тут как раз подоспела подмога из союзных владений, и чускому войску пришлось убираться восвояси».

Данный пример использования стратагемы 32 можно отыскать в пятитомной серии комиксов *Истории о 36 стратагемах с цветными рисунками* (Шанхай: Детско-юношеское издательство, 1993). Но в этой связи речь о «стратагеме пустого города» идет и в научных трудах, например в книге Ян Боцзюня [1909—1992] *Замечания к [летописи] Чунью и к [комментарии к ней] Цзо-чжуань* ([«Чунью Цзочжуань чжу»] Пекин, 1981, с. 242).

32.4. Пир на крепостной стене

Будучи военачальником на севере Китая, Ли Гуан (ум. 116 до н. э.) участвовал более чем в 70 сражениях с инородным племенем сюнну. «Когда полчища сюнну вторглись в Шанцзюнь (обширная область на правом берегу среднего течения Хуанхэ), император [Сяо Вэнь] послал приближенного внука, чтобы тот под началом Гуана участвовал в подготовке войск для [нанесения] ударов по неприятелю. Однажды этот внук с несколькими десятками всадников встретились с тремя сюннус-цами и вступили с ними в бой. Те начали

⁴²⁸ «Осенью [чуский *линъинь* (первый или старший советник правителя в Чу. по чину равный *чэнсяну* или просто *сяну* в других княжествах чжоуского Китая)] Цзы-юань (ум. 665 г. до н. э.) напал на владение Чжэн во главе шестисот колесниц и вступил на территорию столицы через ворота Цзечжи... Войска и колесницы, войдя на территорию столицы через ворота Шуньмынь, подошли к расположенному на высоком месте рынку. Ворота, ведущие в столицу, были открыты, и из них вышли люди, говорившие на чуском диалекте. Цзыюань воскликнул: «В столице Чжэн есть люди!» — [и не посмел войти в столицу]. [Вскоре] на помощь Чжэн явились *чжухау*, поэтому ночью чуские войска бежали. Чжэнцы также собирались бежать в Тунцю, но разведчики доложили, что на чуские палатки опустились вороны, после чего они остались на месте» («Цзо-чжуань», 28-й год правления Чжуан-гуна (666 до н. э.), осень). См.: *Го юй*. Пер. с кит. с.: Таскина. М.: Наука, 1987, с. 419. — *Прим.. пер.*

отстреливаться, ранили евнуха и убили почти всех его сопровождающих. Евнух прибежал к Гуану, который сказал: «Это были, несомненно, отличные стрелки». И [Ли] Гуан с отрядом из ста всадников поскакал догонять их. Эта троица, лишившись коней, пешком прошагала уже несколько десятков ли. Ли Гуан приказал всадникам зайти справа и слева от идущих, а сам стал стрелять по ним из лука. Двое были убиты, а один захвачен в плен. Они оказались стрелками по орлам и беркутам. Когда пленного уже связали и посадили на лошадь, вдали показались несколько тысяч всадников сюнну. Увидев [отряд] Гуана, они посчитали его отрядом-приманкой, испугались и заняли позиции на верху холма. Конники [Ли] Гуана тоже испугались и хотели повернуть обратно. [Но] Гуан сказал: «Мы отошли от наших основных сил на несколько десятков ли, и если мы, вся сотня всадников, сейчас побежим, то сюннусцы догонят нас и перестреляют всех до единого. Если же мы останемся на месте, сюннусцы обязательно подумают, что мы посланы заманить их [под удар] главных сил, и не посмеют напасть на нас». Гуан скомандовал своим конникам: «Вперед!» Когда до позиций сюнну оставалось не более двух ли, [Гуан] остановил [отряд] и приказал: «Всем сойти с коней и снять седла!» Конники спросили его: «Варваров много, и они близко; это же опасно, как нам быть?» Гуан отвечал: «Эти варвары полагали, что мы побежим. Сняв седла с коней, мы покажем, что уезжать не собираемся, и этим укрепим их подозрения». После всего этого хуские воины не решились напасть [на ханьцев]. Когда же один из командиров сюнну выехал вперед на белой лошади, чтобы подбодрить своих солдат, Ли Гуан, вскочив на коня, помчался с десятком всадников [в сторону неприятеля] и стрелой из лука убил этого командира. Вернувшись к своим, [он приказал] снять седла, стреножить коней и ложиться спать. Наступал вечер. Хуские воины по-прежнему удивлялись [поведению отряда], но нападать не осмеливались. В полночь хуские воины, считая, что основные силы ханьской армии находятся неподалеку в укрытии на флангах и намерены ночью напасть на них, оставили свои позиции и отошли. На рассвете Ли Гуан [с отрядом] вернулся к основным силам» [«Ши цзи», гл. 109: *Сыма Цянь. Исторические записки*, т. 8. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Наука, 2002, с. 313-314].

Действиями Ли Гуана, о которых повествует в своих «Исторических записках» Сыма Цянь (145 или 135 — ок. 86 до н. э.), наряду с предпринятой Чжан Шоугуем (ум. 739) обороной Гу-ачжоу (в уезде Аньси нынешней провинции Ганьсу) в китайской литературе о стратагемах восхищаются как примером удачного использования стратагемы 32. «В эпоху правления династии Тан западные племена *тубо* [иначе *туфань*, т. е. тибетцы] подняли мятеж и захватили город Гуачжоу, убив его правителя. На должность правителя Гуачжоу назначили военачальника Чжан Шоугуя. Чжан Шоугуй занялся ремонтом городской стены, но, когда работы были еще далеки от завершения, на город внезапно вновь напали мятежные варвары. Защитники города были совершенно беззащитны перед нападавшими. В городе уже было началась паника, но Чжан Шоугуй придумал такую хитрость: он устроил в городе веселый праздник с шумными пирами и концертами, в которых участвовали все его воины. Варвары, опасаясь ловушки, не посмели войти в город» [«Тридцать шесть стратагем: китайские секреты успеха». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000, с. 166—167].

32.5. Японское искусство уловок

В период сёгуната в начале эпохи Эдо (1603—1867) Токугава Иэясу (1542—1616) отвоевал у Имагавы Удзидзанэ (1537—1614) провинцию Тотоми (на территории нынешней префектуры Сидзуока в центральной части Японии). Затем он расширил свои владения от [города] Окадзаки в [провинции] Микава (нынешняя префектура Айти) до [приамковского города] Хамамацу в Тотоми, из-за чего стал на пути военного правителя [сюго] Такэды Сингэна (1521 — 1573), тоже желавшего расширить сферу своего влияния.

В 1571 г. Такэда Сингэн выступил против своих соперников. На следующий год он был близок к завоеванию Хамамацу. Такэда Сингэн считался выдающимся знатоком военного дела. Он хорошо знал *Военное искусство Сунь-цзы* и брал эту книгу с собой постоянно в походы. Его воины были закалены в битвах и имели богатый боевой опыт. В распоряжении же Токугавы Иэясу было всего 8 тысяч человек. Три тысячи всадников, призванных им из тыла, еще не подошли. Поэтому он не мог противостоять противнику, и ему пришлось отступить в крепость Хамамацу. Такэда Сингэн следовал за ним по пятам, полагая, что без труда возьмет Хамамацу.

Однако, приблизившись к крепости, он увидел распахнутые настежь ворота. В крепости горели во множестве светильники, но людей не было видно. Такэде тотчас подумалось, что противник прибег к стратагеме пустого города, и он решил немедленно войти в город. Но тут ему, человеку сведущему в военном деле, пришло в голову, что Токугава Иэясу наверняка предвидел: он, Такэда Сингэн, разгадает уловку с пустым городом. Откуда тогда у Токугавы Иэясу взялась смелость прибегнуть к стратагеме пустого города? Подобные мысли побудили Такэду к осторожности. Он приказал войску расположиться вокруг крепости. А между тем к Токугаве Иэясу подоспели три тысячи всадников. Такэда Сингэн посчитал, что попал в засаду. И тогда он вообще отказался идти на Хамамацу. Землю уже сковал мороз, наступили холода. Такэда Сингэн простудился и умер.

В статье под названием «Стратагема пустого города в японской истории» об этом случае поведали весной 1990 г. некоторые китайские газеты.

32.6. Что кажется полным, считать пустым

После поражения в битве у Красной скалы (см. 9.1, 35.1) Цао Цао с небольшим отрядом всадников бежал. «Цао Цао мчался без оглядки. Многие военачальники были ранены. Преследователи постепенно отстали. «Господин чэн-сян, — окликнули его воины, — куда нам ехать? Перед нами две дороги...» «Какая ближайшая?» — спросил Цао Цао. «Большая дорога ровная, но длиннее на пятьдесят ли, а малая, ведущая через Хуаюн, короче, но труднопроходима, на ней много ям и рытвин». Цао Цао послал людей обзреть окрестность. Те вскоре вернулись и доложили ему, что со стороны малой горной дороги в нескольких местах виднеется дым, а на большой дороге незаметно никаких признаков движения. «Мы поедем по малой дороге, ведущей в Хуаюн», — заключил Цао Цао. «Господин чэн-сян, но ведь там дым! — возразили военачальники. — А значит, и войска врага!» «Разве вы забыли, в «Законах войны» сказано: «Там, где кажется пусто, пусть будет полно, а там, где кажется полно, пусть будет пусто («суй цзэ ши чжи, ши цзэ суй чжи»), — произнес Цао Цао. — Чжугэ Лян хитер! Он не хочет, чтобы наши войска пошли по горной дороге, и приказал зажечь там огонь. Засада на большой дороге! Я в этом уверен и на его уловку не пойду!» «О, господин чэн-сян, вы так проникательны, что никто не может с вами равняться!» — хором воскликнули восхищенные военачальники. Войско двинулось по дороге в Хуаюн. Люди и кони падали от голода и истощения. Раненые и обожженные воины шли с трудом, опираясь на палки. Все промокли до нитки под дождем. Самочувствие у всех было прескверное. Знамена и оружие находились в полнейшем беспорядке. Много было брошено на Илинской дороге, где их в первый раз настигли преследователи. Воинам приходилось ехать на неоседланных конях. Кроме того, стояли жестокие зимние холода, увеличивавшие страдания людей... Дорога проходила по краям пропасти над нависшими скалами. Многие воины срывались и падали в бездну. На дороге слышались непрерывные стоны и крики... Наконец ущелье осталось позади. Дорога стала ровнее. Цао Цао оглянулся — за ним следовало всего лишь сотни три всадников. Вид у них был жалкий. Среди них не нашлось бы ни одного, у кого оружие и одежда были в полном порядке. Проехали еще несколько ли. Вдруг Цао Цао поднял плетень и опять рассмеялся. «Чему вы смеетесь, господин чэн-сян?» — спросили военачальники. «Все толкуют об уме и хитрости Чжоу Юя и Чжугэ Ляна, а я думаю, что они все-таки бездарны! — ответил Цао Цао. — Что стоило здесь устроить засаду: человек пятьсот — и мы очутились бы в плену!» Не успел он это произнести, как раздался треск хлопушек, пятьсот воинов с мечами преградили путь беглецам. Во главе их был Гуань Юй на коне... *Цао Цао* от испуга едва удержался в седле» [«Троецарствие», гл. 50: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ.'лит., 1954, т. 1, с. 618-622].

Исследователь стратагем Юй Сюэбинь пишет об этом представленном в *Троецарствии* событии, что Чжугэ Лян на горной дороге «представил полное полным», иначе говоря, указал на устроенную засаду клубами дыма, а на большой дороге «пред- _ ставил пустое пустым», иначе говоря, дал понять, что там не таится никакой засады. Это как раз и сбило с толку Цао Цао, приведя его к обратным выводам, и в итоге он не отважился выбрать действительно безопасную дорогу, а решил идти по той, которую посчитал надежной. Несомненно, Чжугэ Лян блеснул здесь изощренностью в проведении стратагемы пустого города, т. е. пустой большой дороги.

32.7. Пустая резиденция

В последние годы китайской империи, полные революционной смуты, прозванный «мясником» Чжао Эрфэн [1845 — 1911], бывший в 1908—1911 гг. верховным комиссаром Тибета, 25 ноября 1911 г. добровольно сложил с себя полномочия генерал-губернатора Сычуани с одновременным объявлением ее независимости. Это неизбежно вызвало столкновение с вновь назначенным заместителем Инь Чанхэном [1884—1952]. Из-за приближающегося праздника весны 1912 г. Чжао Эрфэн не покидал своей резиденции в Чэнду. В городе поползли слухи, что резиденция полна солдат, а в центральном помещении наготове стоят пулеметы. Там якобы только дожидаются удобного случая для вооруженного выступления. Инь Чанхэну хотелось как можно скорее избавиться от Чжао Эрфэна, но из-за слухов он все медлил. Наконец он приказал трем батальонам окружить резиденцию. Убедившись, что там тихо, солдаты ворвались внутрь. Они не нашли там ни воинов, ни оружия. «Там было пустынной, чем когда Чжугэ Лян прибежал к «стратагеме пустого города», — пишет «китайский Гете» Го Можо (1892—1978) в своих воспоминаниях о юношеских годах (перевод на немецкий Инго Шэфера (Schäfer) под заглавием *Юность*. Франкфурт-на-Майне, 1981). Солдат не было и в помине. Один лейтенант пошел внутрь здания на разведку. Чжао Эрфэн лежал больной в постели, а рядом с ним находилась всего одна сиделка. Ее тотчас расстреляли, самого Чжао Эрфэна стащили с постели и вскоре обезглавили.

Примечательно здесь то, что слухи об охраняемой вооруженными до зубов солдатами резиденции

распространялись в полном соответствии с духом стратагеми пустого города. Окружающие полагали, как и Сыма И в свое время, что внешне выглядевшее беззащитным здание представляло собой лишь видимость, за которой скрывалась опасность. Даже новый наместник поддался общему подозрению, что его противник прибежит к стратагеме 32. Но оказалось, что все пали жертвой мнительности, которая была обусловлена плохим стратагемным анализом сложившегося положения. Данный пример показателен для китайцев, со стратагемным недоверием относящихся к затруднительным положениям. Они уже невольно, будь то к месту или нет, стараются защититься от неприятных неожиданностей посредством стратагемного анализа.

32.8. Одинокий всадник

Го Можо в своих воспоминаниях о временах пишет: «Уже полгода, как новый губернатор обосновался в Чэнду, а ничего существенного так и не добился. На исходе весны первого года Республики (1912) его стали допекать революционеры из Чун-цина, столицы провинции Сычуань. Чтобы избежать столкновения, он двинулся с войском в соседний Тибет, оставив заместителем Ху Цзиньши [1878—1950]. Однако генерал Ху оказался расторопным малым. После отбытия Инь Чанхэна в Тибет Ху вступил в сговор с Юань Шикаем [1860—1916], новой важной пекинской шишкой, и вскоре был назначен новым наместником Сычуани. Инь Чанхэна же Юань Шикай определил на малозначимый пост «ответственного по вооруженной охране границ Сычуани». Инь Чанхэн был вне себя от ярости. Он тотчас со своими войсками поспешил из Тибета назад, чтобы затем оказаться в роли Сыма И из оперы *Стратагема пустого города*, остановившегося перед воротами пустого города Чжугэ Ляна. На дворе стояла уже глухая осень, а в самом Чэнду не было никаких войск. Нам, жителям Чэнду, положение генерала Ху представлялось незавидным. Не было возможности завязать уличные бои, и ему, казалось, ничего не оставалось, как убраться подобру-поздорову. Но кто же мог подумать, что генерал Ху окажется хитрее самого Чжугэ Ляна! Не дожидаясь, пока воины Инь Чанхэна войдут в город, он в одиночку и без оружия выехал через южные ворота навстречу Инь Чанхэну. Не знаю, какого рода массажем он воспользовался, во всяком случае весь гнев, бурливший в животе Инь Чанхэна, превратился в газы, преспокойно отошедшие через черный ход. Инь Чанхэн приказал трем армиям расположиться лагерем в десяти ли от города, а сам тем временем также безоружным отправился с генералом Ху в город. На следующий день в газетах и официальных сводках мы читали, что генерал Инь прибыл в город навестить матушку. Десять дней он оставался в Чэнду, а затем с тремя армиями отбыл обратно в Тибет».

32.9. Торговец скотом спасает свою страну⁴²⁹

В период Весен и Осеней во владении Чжэн (на территории нынешней провинции Шэньси) жил торговец скотом по имени Сянь Гао [VII в. до н. э.]. Однажды в 627 г. до н. э. он гнал стадо быков в отдаленное место для продажи. По пути он заметил движущееся из (расположенного к западу от Чжэн) владения Цинь огромное войско. Торговец скотом тайком выведал, что это войско намеревалось напасть на Чжэн. Вначале он был крайне напуган. Затем, придя в себя, отправил гонца для уведомления в родные края, а сам, захватив четыре коровьи шкуры и двенадцать упитанных быков, отправился в стан циньско-го войска, где предстал перед военачальником со следующими словами: «Правитель моей державы прослышал, что ваше войско намеревается идти через наши владения. Он выслал меня навстречу, чтобы вас поприветствовать и передать в качестве угощения вашему войску скромные дары. В случае если ваше войско пожелает остановиться у нас ненадолго, там уже заготовили еды на целый день. Если же вы торопитесь, то моя держава незамедлительно отправит государево войско для вашей охраны».

Циньский военачальник заключил из этих слов, что чжэн-ский государь готов дать отпор, и повелел своему войску возвращаться в Цинь.

«Сянь Гао хоть и был простым купцом, — говорится в сноске к его «Поступку по велению долга» в учебнике по китайской литературе для третьего класса тайваньской начальной школы (10-е издание. Тайбэй, 1980), — однако в опасном для своей родины положении не побоялся расстаться со своим добром и посредством уловки вынудил войско циньской державы повернуть назад. Своим патриотическим поступком он может служить для нас примером».

Хитрость Сянь Гао, о которой с похвалой упоминает тайваньский учебник, связана с использованием стратагеми 32. Подобно Чжугэ Ляну на городской стене Сянь Гао тоже заставил врага усомниться в успехе собственной военной затеи, и та провалилась, еще не начавшись.

⁴²⁹ Данный эпизод приводится в «Цзо чжуань» (Си-гун, 33-й год (627 г. до н. э.), весна) и вскользь упоминается в трактате «Хуайнань-цзы» (12-я гл. «Отзвуки дао»). — *Прим. пер.*

32.10. Стояние на Угре

На реке Угре, уже скованной льдом, в 200 км юго-западной Москвы России предстояло выдержать испытание на терпение.

После нескольких месяцев тягостного ожидания московские войска готовы были вот-вот напасть на находившихся по ту сторону реки золотоордымских татар. И тут великий князь московский Иван III (1440—1505) повелел отступать. Противник, решив, что это военная хитрость, не выдержал и бежал.

Монгольско-татарское иго пало без единого выстрела, после чего началось возвышение Москвы.

«Стояние на Угре» в 1480 г. вошло на Руси в поговорку, означающую победу без боя — хоть и сопряженную с большим риском, но достигнутую благодаря более крепкой выдержке.

Сама поговорка, как сообщила мне лозаннская славистка Муза Шубарт (Schubarth), используется у русских в преподавании военного дела, однако, вопреки утверждениям гамбургского журнала *Штигель* (№ 18, 1998, с. 146), в повседневном быту не нашла распространения. Однако возможно, что отраженное в данной поговорке решение возникающих вопросов живет «в характере русских? Этого я утверждать не могу. Но и исключать этого нельзя» (Муза Шубарт).

32.11. Выпроводить дюжиной пар обуви

В отдаленной горной местности жила молодая супружеская чета с пятилетней дочкой. У них было более гектара земли, где они разводили цветы и выращивали фрукты. Однажды муж отправился за 30 верст в одно село для продажи земляники. Уезжая, он сказал, что вернется пополудни часа в три-четыре. Но солнце клонилось уже к закату, а его все не было.

Обеспокоенная жена с дочкой на руках отправилась к перевалу посмотреть на дорогу. И тут она увидела быстро поднимающегося в гору мужчину. Едва заметив ее, тот уже не отрывал от нее взгляда. Женщина поняла, что добра от него ждать не стоит, прижала девочку к себе и побежала к дому. Но не успела она ступить за порог, как незнакомец догнал их. Девочка, увидав пузырящиеся штаны, заросшее щетиной лицо и длинные волосы незнакомца, принялась плакать. «Мне страшно, хочу к папе», — заголосила она.

Тут незнакомец смекнул, что хозяина дома нет. Он бесцеремонно уселся в плетеное кресло в гостиной первого этажа, затем попросил у женщины разрешения заночевать. Рано утром он отправится дальше. Эти слова лишь добавили страха хозяйке. Однако она быстро взяла себя в руки, рассудив, что сперва нужно успокоить этого парня, а уже потом думать, как поступить дальше.

Она приветливо улыбнулась и подала незнакомцу чаю со словами: «Сначала выпейте, успокойтесь, а затем поговорим». Поведение и слова женщины придали незнакомцу уверенности, что здесь у него хлопот не будет. Он обвел взглядом комнату и убедился, что попал в ухоженный, оборудованный по-современному дом. Здесь будет чем поживиться, довольно улыбнулся он.

Когда он бросил взгляд в сторону спальни, хозяйке вдруг на ум пришла одна уловка. Она достала из чулана 10 пар отчасти новых, отчасти изрядно поношенных башмаков и выставила их в гостиной. Удивленный незнакомец поспешно сказал: «Мне хватит и одной пары», на что женщина с улыбкой ответила: «Здесь есть пара новых башмаков, и вы можете их надеть после того, как вымоете ноги. Мы тут занялись корчевкой леса и наняли восемь работников. Они скоро заканчивают работу и должны подойти. Мне нужно успеть приготовить им ужин». Затем она достала десять скамеек для ног, поставила их в круг, поместив рядом по паре обуви. В середину круга она внесла большой таз для мытья ног и, обращаясь к незнакомцу, сказала: «Посидите немного, пока я займусь ужином».

Незнакомец, опасаясь, что каждую минуту может объявиться хозяин с восемью работниками, решил, что лучше убираться подобру-поздорову. Он взял две свои пустые котомки и спешно направился к выходу. Женщина сделала вид, что хочет удержать его: «Подождите, вот придет муж с работниками, и тогда мы вдесятером поужинаем». Эти слова еще больше обеспокоили незнакомца. «Нет, у меня срочные дела», — и его как ветром сдуло.

Благодаря стратагеме с десятью парами башмаков, пишет пекинский ежемесячный журнал *Истории в картинках [Ляньхуань хуабao]* (№ 11, 1985), женщине удалось спровадить незваного гостя. «Но как быть, — спрашивает себя женщина, — если хозяин не вернется вовремя, а парень раскусит мою уловку с пустым городом?» Здесь мы остановимся, добавив лишь, что незнакомец действительно, понаблюдав издали за домом, вернулся. Но женщина устроила ему западню, в которую тот попался, а вернувшийся вскоре муж

схватил его и на следующий день доставил в полицейский участок.

Стратегема пустого города состоит в том, что женщина убеждает незнакомца, что ее беззащитность обманчива, а в действительности она полностью защищена от любых посягательств.

32.12. Саксонское войско исключительно на словах

«24. Король (Конрад I, ум. 918 г.), собрав все доблестные [силы] франков, отправился на поиски Генриха (герцога саксов, 876—936). Последний был обнаружен в крепости города под названием Грон (1), и [король] попытался взять приступом эту крепость. После того как [к Генриху] были отправлены послы с предложением сдаться добровольно, [король] дал обещание, что [в случае сдачи Генрих] станет [для короля] другом и не будет рассматриваться как враг. Во время пребывания этих послов появился Титмар с Востока (2), человек очень искусный в военном деле, весьма многоопытный в различных делах и врожденной своей хитростью превосходивший многих смертных. Придя [к Генриху], когда у него находились послы короля, он спросил, где тот хочет, чтобы войско разбило лагерь. [Генрих], уже было полагавший, что придется сдаться франкам, почувствовал вновь уверенность, услышав о войске, [и] поверил, что оно есть. На самом деле, однако, Титмар говорил это лишь для вида, ибо [в действительности] пришел всего лишь с пятью людьми. А когда герцог [Генрих] спросил, сколько же [у него] отрядов, тот ответил, что может вывести их до 30; послы были обмануты и вернулись к королю. Титмар таким образом одолел своей хитростью тех, кого герцог Генрих не мог победить оружием. Ибо франки еще до рассвета покинули лагерь, и каждый вернулся к себе [домой]» [Видукинд. «Деяния саксов», кн. 1. Примечания переводчика Видукинда: (1) «Grone» — очевидно, имеется в виду селение близ Геттингена; (2) Под «Востоком» хронист имеет в виду Саксонию. Очевидно, речь идет о графе Титмаре, о котором «Житие Матильды» («Vita Mathildis...», р. 3) говорит как о воспитателе Генриха].

В приведенном примере, за который я благодарен своему фрайбургскому коллеге [профессору средневековой истории] Томасу Цотцу [Zotz, род. 1944], стратегема 32 выступает сугубо в словесном облике, обходясь без всякого внешнего оформления. Видукинд в своей летописи X в. *Деяния саксов* удостоивает похвалы Титмара, который «одолел своей хитростью тех, кого герцог Генрих не мог победить оружием».

32.13. 450 газетных слов срывают наступление

В октябре 1948 г., на исходе гражданской войны в Китае, генерал Фу Цзои (1895—1974), назначенный гоминьдановским правительством главнокомандующим на севере Китая, задумал вернуть захваченный коммунистами город Шицзячжуан (на западе нынешней провинции Хэбэй). К тому времени из Шицзячжуана войска коммунистов были почти полностью выведены. В этом положении командование вооруженных сил коммунистов воспользовалось стратегемой пустого города, используя исключительно слова. Оно распространило в печати состоявшее всего из 450 знаков сообщение, в котором разоблачался план нападения гоминьдановцев и подчеркивалась готовность армии и народной милиции в Шицзячжуане дать отпор, так что штурм Фу Цзои обречен на неудачу. Это сообщение обескуражило Фу Цзоиня. Оказалось, что его планы известны неприятелю, готовому отразить его удар. И он отменяет наступление, даже не начав его. Заимствованное из газеты *Народно-освободительная армия* [«Цзефанцзунь бао»] за 11.11.1948 г. описание победы коммунистов без оружия [выходящая четыре раза в неделю] пекинская газета *Литературная сводка* [«Вэньчжай бао»] от 25.11.1948 поместила под названием «Ловко использованная председателем Мао стратегема пустого города».

32.14. Приступ смеха срывает поджог

«Солнце поднялось уже высоко над горизонтом, когда шестьдесят рабочих спичечной фабрики «Гуанда» приблизились к дому ее владельца. Хозяин жил в маленьком переулке; вход в дом охраняли полицейские. Рабочим ничего не оставалось, как избрать для переговоров делегацию. Она состояла из восьми человек. Остальные решили ждать. Усевшись на цемент, они стали вытирать потные лица подолом рубах и обмахиваться ими, словно веерами. Когда делегаты от рабочих... достигли дома Чжоу Чжун-вэя, они обнаружили, что ворота крепко заперты. Рабочие долго стучали и шумели, но никто не открывал, словно в доме все вымерло. Сяо Сань-цзы вышел из себя. Он изо всех сил забарабанил кулаком в лакированные ворота и нарочно закричал: «Думаешь, если спрятался, то избавишься от нас? Вот мы сейчас подпалим твой чертов дом, тогда сразу выскочишь!» «Верно! — подхватили остальные. — Давайте поджигать!» И кто-то даже вытащил из кармана спички. Тогда со второго этажа послышался громкий хохот. Рабочие сразу узнали его. Задрав головы, они увидели на балконе Спичку с красной головкой (прозвище Чжун-вэя), одетого в короткую куртку из индийского шелка, босиком. Он смотрел вниз на делегацию и хохотал. Он еще

издевается? Рабочие взволнованно топтались у дома, готовые снова напустить на хозяина с бранью. Но тот только смеялся. Вдруг толстяк качнул головой и, перегнув свое жирное тело через перила балкона, громко крикнул: «Вы собираетесь поджечь дом? Превосходно! Я скажу вам только спасибо, так как этот дом застрахован и я получу на руки сразу тридцать тысяч долларов! Можете подпалить: дом все равно не мой! Только вот что: здесь лежит моя жена. Она тяжело больна. Вам придется сначала помочь вынести ее!» Чжоу Чжун-вэй был весь красный от смеха. Рабочие видели, что хозяина ничем не прошибешь. Возмущенные, они выразительно ругались. Но Спичка с красной головкой не настроен был сердиться. Наоборот, чем громче бранились рабочие, тем сильнее он хохотал. Внезапно он крикнул уже другим голосом: «Эй, друзья! Я дам вам совет. Подожгите лучше мою фабрику. Только поторопитесь, так как она застрахована на восемьдесят тысяч долларов серебра и через две недели срок страховки истекает. Страховая компания принадлежит иностранцам, а обладать иностранными долларами куда приятнее, чем нашими. Если вы сможете мне получить эту страховую сумму, обещаю угостить всех вас на славу в ресторане «Хунъюньлоу». Рабочие чувствовали, что у них иссякает терпение. Но сколько они ни кричали и ни возмущались, ничего поделать с этим наглым фабрикантом не могли. Их было всего восемь человек, и они не знали, что предпринять. Посовещавшись, они решили возвратиться к ожидавшим их товарищам. Толстяк, продолжая хохотать, следил за рабочими до тех пор, пока они не исчезли из виду, и только тогда ушел с балкона. Чжоу Чжун-вэй занимал всего девять комнат в трехэтажном доме. После того как его фабрика стала терпеть убытки, он освободил половину бокового флигеля, чтобы сдать его в аренду, и даже уволил повара и двух служанок. Фортуна давно повернулась спиной к фабриканту. Да тут еще у жены его оказалась третья стадия туберкулеза, и за все лето она не смогла ни разу подняться с постели. Но Спичка с красной головкой по-прежнему не терял присутствия духа. Когда-то Чжоу был гол как сокол. Занимаясь компрадорской деятельностью, он сколотил себе некоторое состояние, но сейчас от него не осталось и следа. Взлеты у Чжоу Чжун-вэя чередовались с падениями, но даже в самые трудные минуты он не унывал и всегда смеялся. Вот и сейчас, заставив делегацию рабочих уйти ни с чем, он выглядел точно герой древности Чжугэ Лян во время обороны пустого города, сразивший противника силой своего смеха» [*Мао Дунь*. Перед рассветом. Пер. Л. Урицкой. Соч. т. 2. М.: Гослитиздат, с. 469—471 (гл. 16)].

Примечательно, что Мао Дунь (1896—1981) в своем романе «Перед рассветом» прямо указывает на стратагему 32. К сожалению, Франц Кун в своем переводе (Франкфурт-на-Майне, 1983, с. 312) упускает этот стратагемный намек. Владелец спичечного завода обезоруживает разъяренную делегацию рабочих своим смехом и словами, давая понять, что удерживать их не собирается. Подобно Сыма И, которому Чжугэ Лян не чинил никаких препятствий, а напротив, открыл город, восемь представителей рабочих тоже в итоге решили, что своими действиями — поджогом дома — сыграют на руку противнику, а вовсе не навредят ему, и поэтому отказались от своих намерений.

32.15. Проверка хранящихся бревен

В статье под названием «Стратагема пустого города в новом обличье» шанхайская газета *Литературное собрание* [*Вэньхуэй бао*] в апреле 1982 г. рассказала о принадлежащей шанхайскому судоходству пристани Чжуцзябинь в расположенном на восточном берегу р. Хуанпу городском квартале Пудун. Ведущие к набережной железные ворота из-за поломки перестали закрываться. Днем еще можно было как-то за всем уследить, а вот что делать ночью? И тогда оба охранника прибегли к стратагеме. Они зажигали над входом светильники, а сами отправлялись в караульное помещение, где засыпали сном праведников, уверенные, что никто не осмелится воровать.

Поначалу стратагема пустого города себя оправдывала. Но однажды около полуночи на пристань Чжуцзябинь пожаловал гражданский патруль квартала Пудун. Дотошные патрульные увидели открытыми ворота пристани, освещаемые светильниками, размещенными над караульным помещением. Однако самих охранников видно не было. Патрульные прождали около часа, но никто из охраны так и не появился. Посоветовавшись, патрульные решили потревожить сон вахтеров. Они вошли на пристань и отправились к складам. Там взяли два длинных и толстых бревна и, производя большой шум, выволокли их за проходную. На другой день начальник патруля прибыл на пристань и осведомился, не было ли ночью каких-либо происшествий, на что получил уклончивый ответ: «Во всяком случае, нам ничего не известно». Когда же начальник патруля предложил охранникам забрать бревна, те сказали: «Мы не знаем, кто выгрузил древесину на пристани».

Месяц спустя бревна, хоть и были возвращены на пристань, продолжали числиться бесхозными. Разумеется, те, кому принадлежала древесина, из-за своей халатности вряд ли заметили пропажу двух бревен при дальнейшей транспортировке груза. Их небрежность — не удосужились заметить пропажу двух бревен — лишь теперь всплыла наружу, но они не захотели нести за это ответственность. Поэтому повели себя так, словно это их и не касается, и не дали о себе знать. «Возможно, — заключает заметка в шанхайской газете, — владелец бревен тоже решил лучше довериться стратагеме пустого города [т. е. решил блистать отсутствием, см. 32.19]? Патруль, во всяком случае, продолжает свое расследование».

32.16. Светильники вместо охраны

О схожем использовании стратагема 32 сообщила шанхайская газета *Литературное собрание [Вэньхуэй бао]* за 1.04.1983 г. в статье с названием «Подобная «стратагема пустого города» недопустима». Два охранника универсального магазина, всякий раз заступая на дежурство, включали свет на первом этаже и отправлялись спать этажом выше. Освещенные окна должны были свидетельствовать об охране магазина. Двое сбежавших заключенных, последив за магазином, раскрыли стратагему и украли товара на сумму свыше 1100 юаней. «Вы скажете — мелочь? — пишет Чэнь Чжао в этой связи в своем очерке «Стратагема пустого города» прежде и сейчас» (*Освобождение [«Цзефан жибао»]*. Шанхай, 31.05-1990). — Однако подобные происшествия показывают, что многие по-прежнему прославляют «стратагему пустого города». Как они только додумались сравнить себя с Чжугэ Ляном, а преступников с Сыма И? Разве не заслужили такие недотепы, — заключает свои размышления Чэнь Чжао, — хорошего пинка, чтобы наконец очнулись?»

32.17. Истинная и ложная пустота

Стратагема пустого города может быть истолкована двояко: либо как «стратагема сокрытия пустоты на самом деле пустого, иначе говоря, беззащитного города», либо как «стратагема разыгранной пустоты в действительности не пустого, а защищенного города».

Согласно первой разновидности город на самом деле «пуст», т. е. не готов обороняться от приближающегося противника (см. также 2.2). Демонстративное или какое-то иное, необычное выставление на глаза своей пустоты может вызвать у противника подозрение, что это лишь видимость, за которой таится некая угроза, страх перед которой и заставляет его воздержаться от нападения на пустой город. Стратагема 32 в этом случае служит для защиты от нападения.

Согласно второй разновидности стратагема 32 никакой пустоты нет, она показная и служит для заманивания противника, который полагает, что вторгается на незащищенную территорию, где на самом деле его ожидает засада. Стратагема 32 в этом случае направлена на то, чтобы заставить противника начать наступление, а затем его уничтожить (см. 22.2). Истолкованная таким образом стратагема 32 стремится к противоположной от той, что ставит перед собой первая, считающаяся исходной. Если ограничить стратагему 32 ее исходным содержанием, тогда ее вторая разновидность скорее подпадает под стратагему 22 и 28.

Рассмотрим подробнее стратагему 32 в ее исходном значении.

32.18. Не скрывать пустоту, а показывать

«Они напускают на себя откровенность лишь в целях ведения войны», — писал Мао Цзэдун 28.08.1949 г. [в статье для агентства Синьхуа «Почему нужна дискуссия о Белой книге?» (Мао Цзэдун. *Избранные произведения*. Т. 4. Пекин, 1969, с. 545)]. При проведении стратагема 32 откровенность не напускают, но откровенность хитро используют.

Бывает «пустота» сама по себе (см. 2.2), т. е. отсутствие силы или обороноспособности, намеренно показывающая еще большую беспомощность. Например, имея скудные оборонительные ресурсы, их скрывают, а располагая крайне малыми силами, их тоже прячут от противника либо, будучи плохо подготовленными к вражескому нападению, делают вид, что вовсе к нему не готовы. Цель подобных мер — вселить в неприятеля неуверенность до полной потери ориентации. Действительно ли беззащитен противник, как об этом свидетельствует его состояние? Или же он затаился?

На войне противнику сообщается такое обилие сведений о собственном положении, что у того зарождается недоверие. Даже бесхитрое положение вынуждает его все тщательно взвешивать, ничего не принимая на веру. А когда возникает необычное, как в случае со стратагемой 32, положение, то уже закравшееся подозрение возрастает многократно и противник перестает верить собственным глазам. Такое психологическое состояние и призвана вызвать у противника стратагема 32, на что указывал еще [составленный неизвестным автором минской эпохи] военный трактат [из 12 глав] «Замыслы соломенной хижины» [«Цаолу цзинлюэ»]: «если пуст, выставляешь свою пустоту так, что враг сомневается в ней, подозревая полноту» [«сюй эр сюй чжи, ши ди чжуань и во вэй ши», гл. 6 «Пустота и Полнота» («Сюй ши»)]. В случае удачи стратагема ее жертва утвердится в мнении, противоположном тому, что он видит (т. е. пустоту), посчитает город пустым лишь внешне и оставит своего противника в покое.

Поскольку стратагема 32 из ничего — реально отсутствующей военной силы — создает нечто — страх неприятеля перед предполагаемой засадой, она предстает еще и разновидностью стратагема 7. Но в отличие

от нее к стратагеме 32 прибегают лишь в случае крайней опасности, при такой слабости, когда просто нет иного выхода. В первую голову это оборонительная стратагема, предназначенная сугубо для самозащиты, и представляет собой простую затяжку времени. Пока стратагема 32 вводит противника в заблуждение, нужно незамедлительно заняться укреплением собственного положения или бежать.

Нельзя уповать исключительно на эту стратагему. Напротив, нужно предусмотреть и иное развитие событий, например вступление противника в город. Стратагема 32 сопряжена с риском, это своего рода игра ва-банк. Проводник стратагемы, как бы бьющий яйцом по камню, надеется на благополучный исход, а не рассчитывает оказаться на месте «черепahi в глиняном бочонке» («вэн чжун чжо бе») в качестве жертвы стратагемы 32. Крайнее хладнокровие и отвага у себя столь же необходимы, как чрезмерная мнительность и малодушие у противника. Если противник сорвиголова, его вряд ли поймашь на стратагему 32. Показная пустота должна быть убедительной, но ни в коем случае не чрезмерной. Далее, следует помнить, что действие стратагемы 32 кратковременно, так что необходимо учитывать те шаги, которые предпримет противник по истечении срока ее действия.

«Пустым» при использовании стратагемы 32 город оказывается лишь в отношении наличия и мощи военной силы, а не в отношении гражданского населения, строений и т. д. «Город» может пониматься как в буквальном его значении, так и в переносном — типа некой, большей частью недоступной взору противника сферы влияния. Без «города» у стратагемы 32 нет никаких видов на успех. Там, где все видно как на ладони, стратагеме 32 просто нет места, чтобы развернуться.

Чтобы не пасть жертвой стратагемы 32, нужно показываемую вам «пустоту» изучить со всех сторон, не ограничиваясь наглядно предъявляемыми сведениями. Всестороннее изучение позволит оценить имеющуюся у противника «пустоту» с точки зрения известного ранее соотношения вражеских сил, с позиции особенностей местности и т. д. В частности, посредством информационной стратагемы 13 всегда можно добыть дополнительные сведения касательно якобы пустого города. Если к противнику не подобраться с помощью стратагемы 13, можно попытаться заставить его врасплох посредством стратагемы 7. Если, несмотря на все попытки, не удастся выявить, что скрывается за показной «пустотой», соответственно предполагаемой «полнотой», остается одно: окружить город и терпеливо наблюдать за ним. Рано или поздно стратагема пустого города, если она пущена в ход, выдаст себя. Возможно, разоблачить стратагему 32 удастся посредством стратагемы 15.

32.19. Мой желудок поет стратагему «пустой город»

«Чжугэ Лян решил опять прибегнуть к стратагеме пустого города» — под таким заголовком газета *Вечерний Пекин* [Бэйцзин ваньбао] от 16.12.1989 г. напечатала рассказ Сюй Чуньюя. Когда на этот раз Чжугэ Лян собрал своих военачальников и предложил им атаковать приближающегося Сыма И, те стали отнекиваться. Один потребовал чрезмерную награду, другой выказал недовольство своим жалованьем и предоставленным ему жильем, третий сослался на нехватку боевого опыта, поскольку последние восемь лет лишь пил чай да играл в маджонг, а четвертый должен был уладить последние формальности, связанные с предстоящей инспекционной поездкой за границу. Из-за этих лодырей с их отговорками и невыполнимыми требованиями Чжугэ Ляну ничего другого не оставалось, как открыть городские ворота и самому на крепостной стене разыграть стратагему пустого города.

Здесь неподобающим образом говорится о прошлом, но на самом деле подразумевается современность, обрушивается с позиции стратагемы 26 на этот рассказ Хэ Ло (*Жэньминь жибао*. Пекин, 12.06.1990). Когда подобные литературные обработки стратагемы 32 были в диковинку, часто в переносном смысле использовались выражения вроде «петь стратагему пустого города» или «разыгрывать стратагему пустого города». Таким вот забавным образом указывали на присутствие некой пустоты. Если выпускной курс высшего учебного заведения «не поет стратагемы пустого города», значит, большинство учащихся по-прежнему посещают занятия, а не проводят время в поисках места для своего трудоустройства после окончания учебы (*Гуанмин жибао*. Пекин, 29.04.1998). Если же говорят о своем желудке, что он «поет стратагему пустого города», шуточно намекают на голод.

Когда же «затягивают стратагему пустого города» служащие и чиновники, это означает, что все ответственные работники отсутствуют на местах (*Жэньминь жибао*. Пекин, 31.07.1980; 21.12.1990; 13.01.1998). Даже зарубежные, например итальянские, правительственные чины являются признанными виртуозами «стратагемы пустого города» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 14.03.1980, с. 7).

Если «стратагему пустого города» поет отдел технического контроля завода по производству прохладительных напитков, значит, он существует только бумаге (*Литературное собрание [Вэньхуэй бао]*. Шанхай, 8.07.1998, с. 6). Ряды «певцов стратагемы пустого города» может пополнить и наблюдательный пост регулировщика на оживленном перекрестке, что указывает на отсутствие этого самого регулировщика

(*Тяньцзинь жибао*. Тяньцзинь, 3.09.1980). Если книга содержит много серых или даже никчемных страниц, из-за чего становится не в меру толстой и, главное — чего, естественно, добиваются издатели, — более дорогой, она тоже «поет стратагему пустого города» (*Литературная газета [Вэньсюэ бао]*. Шанхай, 31.03-1983). Если китайцы создают с участием иностранных инвесторов предприятие ради сулимых налоговых льгот, а позже выясняется, что так называемый зарубежный партнер стоит лишь на бумаге, тоже могут сказать, что здесь «разыграна стратагема пустого города» (*Китайская молодежь [Чжунго циньянь бао]*. Пекин, 14.05.1993, с. 2).

Вполне возможно, что еще в доимперском Китае среди ста философских школ существовала школа пустословия, полагает Ли Шэн в пекинской газете *Гуанмин жибао* (19.08.1979). Во всяком случае, красноречие в Китае повелось исстари. Известному китайскому писателю Лу Синю (1898 — 1936) принадлежит высказывание, что, когда засилье пустословия начинает влиять на политику, возникает «стратагема пустого города» и вперед выдвигается несуществующее [из лекции, прочитанной в университете Сунь Ятсена, Гуанчжоу, в сентябре 1927]. Во время «культурной революции» (1966—1976), согласно тому же Ли Шэну, возродилось пустое бахвальство, что привело на грань развала экономику. Твердили одни высокопарные политико-идеологические лозунги, а на неприглядную действительность просто закрывали глаза. Собственному народу, как и за границей, внушали, что дела в Китае обстоят самым лучшим образом. Симон Лейс (Leys) пишет о тогдашнем премьер-министре Чжоу Эньлае как об отличном исполнителе пекинской оперы, распевавшем в пору «культурной революции» на все лады «стратагему пустого города» и в качестве современного Чжугэ Ляна показывающем взорам озадаченной международной публики чудо сильной и крепкой державы, где на самом деле царили запустение и беспорядок (*Китайские тени* («Chinese Shadows»). Нью-Йорк, 1982, с. 17). Еще дальше идет Ли Шэн, заявляя на страницах *Гуанмин жибао* в отношении «культурной революции» следующее: «вся страна принялась распевать «стратагему пустого города».

Западный читатель, возможно, здесь усмехнется, но повода у него, пожалуй, для этого нет. Если уж говорить о США, то они едва ли в состоянии одновременно атаковать несколько мест на земле («Сомнение в западном военном могуществе: Международный институт стратегических исследований критикует гонку вооружения стран — участниц НАТО». *Новая цюрихская газета*, 6.11.1998, с. 5). На Генеральной Ассамблее ООН США постоянно оказываются в полной изоляции, находя поддержку в затруднительных вопросах лишь у малых государств. В кризисных ситуациях США не всегда удается настоять на своем и в Совете Безопасности ООН, и порой они вынуждены избирать особый путь, дипломатично названный «односторонним». И тогда сам вопрос, полагает ли мировая держава США, что сможет воспользоваться [поддержкой] Европы, далеко не надуман и встает со всей своей остротой, и не поют ли в некотором отношении американцы, а заодно с ними и европейцы, «стратагему пустого города». Если же, отрицательно ответив на этот вопрос, настаивать на мировом господстве американцев, то ценой того, чтобы отвечающая собственно за положение дел в мире ООН была вдруг низведена до уровня бедной и беспомощной статистики, в состоянии отныне лишь распевать «стратагему пустого города»; и за это положение помимо США ответственны будут и остальные постоянные члены Совета Безопасности из-за их «национального эгоизма» («Беспомощные». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 19.01.1999, с. 14).

32.20. Любимая стратагема китайских карикатуристов

Никакая иная стратагема не окрыляет фантазию китайских карикатуристов так, как стратагема 32, выступающая излюбленным сюжетом китайского Нового года, которой в 1998 году была даже посвящена красочная почтовая марка. 20 рисунков с подписью «стратагема пустого города», причем порой вместо слова «цзи» (стратагема) встречалось созвучное слово «цзи» (сообщение), попались мне на глаза за годы чтения китайских газет и журналов. Каково бы ни было содержание самих рисунков, они в любом случае говорили о популярности стратагемы 32 и стратагем вообще.

Там изображались то Чжугэ Лян с Сыма И в их оперных одеяниях, то совершенно иные сцены с иными героями. Но неизменно под прицел карикатуристов попадали неурядицы современного китайского общества. Порой высмеиваемые недостатки оказываются связаны с самой стратагемой 32, но иногда разыгранное Чжугэ Ляном представление — или некая его разновидность — выступает лишь средством для критики совершенно нестратагемных событий. Так, например, Сыма И обращается к Чжугэ Ляну, в одиночку прогуливающемуся перед городскими воротами: «Канцлер, не показываете ли вы тем самым, что у вас на самом деле никого в городе нет?» «Там, на крепостной стене, захотели сами сыграть главную роль, ну а мне досталась роль подметальщика», — отвечает со вздохом Чжугэ Лян (*Освобождение [Цзефан жибао]*. Шанхай, 2.02.1980, с. 2). Карикатура явно высмеивает соперничество внутри китайских театральных трупп.

На другой карикатуре метущий улицу перед открытыми городскими воротами старик спрашивает своего изумленного напарника: «Где же Чжугэ Лян с его двумя ребятами?» При этом он показывает на пустую

крепостную стену, где резвятся лишь две птички. Тот отвечает: «Они дают где-то собственное представление». На стене видна вывеска: «Ансамбль песни и пляски такой-то». Этот шарж в пекинской *Гуанмин жибао* от 21.01.1990 нацелен на актеров, выступающих с собственными номерами без учета репертуара своего ансамбля и набивающих собственные карманы.

«Где же канцлер Чжугэ Лян?» — спрашивает на одной из карикатур [двухнедельного приложения к *Жэньминь жибао*] *Сатира и юмор* [«Фэнцы юй юмо»] от 20.03.1998 г. Сыма И подметающих улицу перед городскими воротами двух людей, указывая на безлюдную крепостную стену. «Он в зарубежной поездке», — отвечают те. Здесь берется под прицел охота к путешествиям, удовлетворяемая некоторыми китайскими чиновниками не за собственный, а за казенный счет.

На другом рисунке в том же приложении от 20.02.1989 посильный сообщает сидящему на крепостной стене озадаченному Чжугэ Ляну: «Смею доложить, что Сыма И воспользовался общественным транспортом и застрял в пробке». Очевидно, что здесь издевка карикатуриста направлена на заторы и неразбериху на дорогах. «Я отправил мести улицу лишь двоих», — говорит Чжугэ Лян. А между тем перед открытыми городскими воротами столпилось 14 человек, из которых только четверо держат метлу, двое сидя дремлют, двое играют в облавные шашки, двое рядом глазеют, один читает газету, а еще двое подпирают стену. Карикатура в приложении [к *Жэньминь жибао*] *Сатира и юмор* от 20.01.1982 высмеивает раздутость штатов многих китайских учреждений.

И не только перегибы общего плана, но и стратагемные поползновения становятся предметом карикатур, сюжетом которых часто выступает стратагема 32. На одном рисунке из [выходящего два раза в месяц] пекинского журнала *Китайская молодежь* («Чжунго циннянь») № 4, 1982, с. 62) изображен облаченный в оперное одеяние Сыма И, осторожно приближающийся к прилавку. В витрине он видит восемь бутылок с изысканными винами. Однако рядом помещена вывеска с надписью: «Не продается: выставочные экземпляры». Прочитав это, Сыма И восклицает: «Наверняка здесь разыгрывается стратагема пустого города». Либо соблазнительные бутылки пусты, либо служащие магазина давным-давно распродали себе и своим знакомым все вино, что часто случалось в Китае, когда там еще господствовало плановое, порождающее дефицит хозяйство. Во всяком случае, бутылки служат простым украшением (см. стратагему 29). На другой карикатуре той поры с надписью выражения стратагемы 32 в магазине не видно ни одного покупателя. На прилавке и почти пустых полках лежит пара крохотных, явно несвежих фруктов. Продавщица с сожалением разводит руками, показывая пустые ладони. Однако расположенное сзади нее зеркало предательски выдает полные фруктов многочисленные пакеты под прилавком. Они приготовлены для друзей и знакомых самой продавщицы либо других служащих магазина, закупивших весь хороший товар и поэтому припрятанный (*Сатира и юмор* [«Фэнцы юй юмо»]. Пекин, 5.02.1982, с. 4). Связь этих рисунков со стратагемой 32 состоит в действительной или показной пустоте прилавков. На первой карикатуре Сыма И досадует, что в магазине не продают никаких изысканных вин, иначе говоря, в этом отношении он оказывается пустым, и поэтому Сыма И он не прельщает. На второй карикатуре покупателям показывают, что в продаже ничего нет, отчего те и не заглядывают внутрь.

На одной появившейся в *Жэньминь жибао* (27.09.1992, с. 8) карикатуре с надписью «Сообщение о пустом городе» человек в левом углу смотрит на семь идущих кряду городских ворот, которые сделаны из чуть ли не прозрачного материала. На первых воротах написано: «Крупная вещевая лотерея, главный приз 100 000 юаней». На последующих воротах величина приза соответственно падает. За последней дверью на земле лежит коробка с надписью: «Памятный приз: швейная игла». Единственное, что в лучшем случае получают участники лотереи, это швейная игла, а все другие призы оказываются пустым обещанием.

Взобравшись на огромную бочку с зерном, стоит крестьянин и держит в руках веер с надписью: «Передовой опыт». На груди у него висят еще несколько памятных значков, которыми его, очевидно, наградили. На самой бочке красуется надпись: «Самый богатый урожай». Перед бочкой толпятся люди. Один наводит свой фотоаппарат на образцового крестьянина, другой что-то записывает, третий в знак одобрения поднимает вверх большой палец, а одна женщина радостно протягивает руку. Читатели журнала *Изобразительное искусство* [*Мэйшю*] (Пекин, № 2, 1991), всмотревшись в бочку на карикатуре, видят, что крестьянин стоит не на гряде зерна, а на скамейке. Сама же бочка, как можно судить по открывающемуся виду, пуста. Это подтверждает и мышь, прогрызшая сзади бочки дыру и жалующаяся другой мыши: «Вот так повезло, оказывается, тут пусто». Надпись, как ни странно, гласит: «Стратагема пустого города».

И последний пример из пекинской газеты *Гуанмин жибао* за 19.04.1997 г. На стене вывеска с величественной надписью: «Центр вселенной». Слева на рисунке изображен человек на цыпочках. Рядом стоит его портфель. С помощью подзорной трубы он хочет удостовериться, что скрывается за стеной: помимо облаков там нет ничего! Крайне испуганно взирает на все это сидящий на стене мужчина с зажатым под мышкой портфелем. Похоже, он надеялся с помощью обмана повернуть хорошее дельце. Теперь он видит, что чуткий противник раскусил его замысел, и хочет унести ноги подобру-поздорову. Рисунку

предпослано стихотворение под названием «Иронические замечания относительно «стратагемы пустого города»:

Представление стратагемы пустого города снискало много похвал.

Но если хорошо поразмыслить,

Весьма сомнительна эта игра.

Большой знаток военного дела Сыма И

Не сумел избежать упрека в недалновидности.

Зачем ему нужно было бездумно убежать?

Ведь он мог бы послать соглядатаев

Или окружить город и наблюдать за дальнейшим развитием событий!

И тогда кислое лицо было бы у Чжугэ Ляна,

И было бы ему не до окрестных красот.

Сцена — небольшое общество.

А общество — большая сцена.

Право же, сколько «стратагем пустого города» здесь было разыграно!

Так неужто нельзя поостеречься от чрезмерной легковёрности!

Стратагема № 33. Стратагема секретного агента (возвращенного шпиона)/«сеяние раздора»

Три иероглифа

反

間

計

Современное
китайское чтение

Фань

цзянь

цзи

Перевод каждого иероглифа 1. Переворачивать/обращать стратагема 2. Тайный агент стратагема 3. Вызывать раскол / сеять раздор стратагема

Связный перевод 1. Стратагема обращения вражеского лазутчика/шпиона в собственного лазутчика/шпиона 2. Стратагема привлечения одного/нескольких лазутчиков/шпионов 3. Стратагема раскола/раздора / натравливания противников друг на друга / подрыва вражеского союза / сеяния смуты во вражеском стане

Сущность 1. Стратагема двойного агента 2. Стратагема лазутчика (тайного агента) 3. Стратагема сеяния раздора; стратагема заражения; подрывная стратагема

33.1. Заставить противника самого себя высечь

«Уже четыре тысячи лет назад в Китае пользовались услугами секретных агентов. Неудивительно, что в Среднем государстве издавна существовало развернутое теоретическое обоснование использования подобных средств», — пишет Инь Цзин в *Очерке китайской культуры* (2-е изд., Пекин, 1992, с. 129). Оба основных знака в выражении для стратагемы 33, по системе *пиньинь* пишущиеся как «фаньцзянь», впервые появились на страницах написанного около 2500 лет назад трактата *Военное искусство Сунь-цзы* в [13-й] главе «Использование шпионов» [«Юн цзянь»]. Там говорится: «При использовании шпионов различают пять их видов: бывают местные шпионы, бывают внутренние шпионы, бывают шпионы обратные, бывают шпионы, которые должны умереть, бывают шпионы, которые должны жить... Местных шпионов вербуют из жителей страны противника... Внутренних шпионов вербуют из чиновных людей противника...» [«Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 207—208]. [Согласно

комментарии Ду Му], «внутренние шпионы» вербуются из семи разновидностей чиновников противника: «Среди чиновников есть (1) люди умные, но потерявшие должность; (2) есть люди, провинившиеся в чем-либо и подвергшиеся за это наказаниям; (3) есть любимцы, жадные до богатства; (4) есть люди, поставленные на низшие должности; (5) есть люди, не выполнившие возложенных на них поручений; (6) есть люди, стремящиеся приобрести более широкое поле для приложения своих способностей, пользуясь несчастьем других; (7) есть люди, склонные к хитрости и обману, двоедушные» [«Сунь-цзы. У-цзы: Трактаты о военном искусстве». Пер. с кит. Н. Конрада. М.-СПб: АСТ, 2001, с. 329]. «Обратных шпионов вербуют из шпионов, засланных противником... Шпионы, которые должны умереть, таковы: чтобы распространить ложные сведения, их сообщают этим шпионам, а они передают их противнику. Шпионы, которые должны жить, таковы: это те, которые возвращаются с донесением» [«Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 207-208].

Приобретенные подкупом или как-то иначе (например, посредством угроз) вражеские лазутчики (прямые двойные агенты) особенно важны, так как, согласно *Сунь-цзы*, через них «можно будет заполучить себе на службу и местных шпионов, и внутренних шпионов» [там же, с. 209]. При использовании и шпионов, которые должны умереть, и шпионов, которые должны жить, доставленные двойными агентами с той стороны сведения играют решающую роль. Завербованный двойной агент может к тому же в отличие от прочих четырех видов шпионов сразу же принести пользу, дав нужные сведения. Более того, завербованный двойной агент пользуется большим доверием у противника, так что неприятель легко поверит в полученные от него ложные сообщения. Поэтому подрывное действие двойного агента особенно велико.

Использование стратагемы обратного шпиона похоже на то, будто вы рукой самого неприятеля отпускаете ему пощечину, пишет исследователь стратагем Юй Сюэбинь. Поэтому *Сунь-цзы* указывает: «с обратным шпионом надлежит обращаться с особым вниманием» [там же, с. 209]. Разумеется, с двойными агентами связан большой риск, и потому за ними нужен глаз да глаз. В общении с обратными шпионами нужно соблюдать строжайшую тайну. Чтобы показать их пользу для врага, двойным агентам дают возможность оказывать противнику незначительные услуги.

33.2. Божественное дерганье нитей

Первые два знака из трех в выражении стратагемы 33 могут означать также «секретный агент». Тогда перевод будет звучать как «стратагема секретного агента». Секретные агенты и лазутчики незаменимы при получении сведений заранее. Сведений заранее, знаний наперед можно требовать лишь от тех, кто хорошо знает расположение врага. Поэтому, когда все пять видов шпионов действуют одновременно и остаются нераскрытыми, такое положение *Сунь-цзы* назвал «божественным дерганьем нитей» [«Сунь-цзы», 13.6]⁴³⁰. Это ценнейшее качество правителя, когда благодаря соответствующим сведениям о противнике он способен основательно сэкономить на денежных выплатах и издержках.

33.3. Расколоть ряды противника

Третье значение первых двух знаков (фаньцзянь) в выражении стратагемы 33 — «сеять раздор». Если «фаньцзянь» в этом значении используется главным образом в военных действиях, то в политической и гражданской областях более употребительно выражение «подстрекать к разрыву» («тяобо лицзянь»). То, что второй знак в выражении стратагемы 33, читаемый «цзянь», может означать одновременно «секретный агент» и «поссорить», связано с той ролью, которую секретные агенты издавна играли в Китае. Они занимались не только сбором сведений, но и использовали любую подвернувшуюся возможность для раскола рядов противника. Это значение «фаньцзянь» явственно видно в пьесе «Девушка, моющая шелк» [«Хуань ша цзи», 1566] минского драматурга Лян Чэньюя (1521 — 1594), когда приближенный усского правителя замечает по поводу прекрасной Си Ши (см. 31.11): «Кто знает, не пребывала ли она здесь последние годы в качестве вражеской лазутчицы («цзо фаньцзянь»)?»

«Если он (противник) сплочен, посеяй в его стане раздор [«Сунь-цзы», 1.7 «Первоначальные расчеты» («Цзи»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 122]. Такова одна из «двенадцати хитроумных уловок», предлагаемых *Сунь-цзы* в первой главе, название которой британский китаевед Лайонел Джайлс [1875—1958] перевел на английский так: «Attack by Stratagem». Основная цель сберегающего собственные силы, экономического, столкновения с противником состоит в том, чтобы

⁴³⁰ Трудное для перевода выражение «шэнь цзи» толкуется различно. См. примечание Н. Конрада в кн.: «Сунь-цзы. У-цзы: Трактаты о военном искусстве». Пер. с кит. Н. Конрада. М.-СПб: АСТ, 2001, с. 441; сам он передает его словосочетанием «непостижимая тайна». — *Прим. пер.*

расстроить вражеские ряды, вбить клин между участниками вражеского союза, натравить друг на друга представителей вражеского стана, одним словом, внести раздор. Ведь выступающему единым фронтом противнику крайне трудно противостоять. «Единство делает сильным», — говорится в одном старом китайском военном трактате.

Вражеское войско можно пространственно расчленить и затем собранными в кулак собственными военными силами уничтожить его по частям. Однако враг, раздробленный лишь пространственно, по-прежнему может оставаться сплоченным внутренним единством; отдельные части войска при всей их пространственной раздробленности способны изо всех сил поддерживать друг друга. Для противодействия этому стратагема сеяния смуты осуществляет психологический надлом врага, приводящий к разброду и шатаниям в его стане.

Посредством смуты раскалывать ряды врага можно как по вертикали, так и по горизонтали. Раскол по вертикали направлен на противостояние государя и подданных, правительства и народа, полководца и воинов, что приводит к их недоверию друг к другу, взаимному обескровливанию и даже уничтожению. Горизонтальный раскол ослабляет сплоченность равных по положению лиц, объединений или государств во вражеском стане.

Далее, в Китае различают однонаправленный и разветвленный раскол врага. При однонаправленном расколе врага усилия сосредоточивают на одной из двух или нескольких сторон противника. Чтобы во вражеском стане исподволь пролегла невидимая полоса отчуждения, достаточно бывает заронить там зерно недоверия. Однако однонаправленный раскол может быть легко разгадан не поддавшейся действию стратагема 33 вражеской стороной при ее достаточной прозорливости и предотвращен. Поэтому более действенным оказывается двух- или многосторонний раскол врага, когда друг против друга настраивают две или несколько сторон в стане неприятеля.

33.4. Опасайтесь синих мух!

Из многочисленной череды способов сеяния смуты, представленной в популярной китайской стратагемной литературе, мы выбрали четыре показательных примера.

1) Распространение слухов (см., например, 3.9, 3.10, 3.11, 7.19 и 7.20). Слухи, как считают китайские знатоки стратагем, представляют собой сообщения, не имеющие действительных оснований. Раз здесь не требуется связи с фактами, их можно стряпать и распространять как заблагорассудится (но см. 7.21), без особых затрат и без большого риска. К распространению слухов не предъявляют высоких требований. Чем придельней слух, тем он действенней и достоверней (Юй Сюэбинь). Исстари раздор сеют с помощью слухов. Уже составленная якобы самим Конфуцием *Книга песен* предостерегает от клеветы, сравнивая ее с мухами, засиживающими все белое:

Синяя муха жужжит и жужжит,

Села она на плетень.

Знай, о любезнейший наш государь, —

Лжет клеветник что ни день.

Синяя муха жужжит и жужжит,

Вот на колючках она.

Всякий предел клеветник потерял —

В розни и смуте страна.

Синяя муха жужжит и жужжит

Там, где орех у плетня.

Всякий предел клеветник потерял —

Ссорит с тобою меня.

[*Ши цзин (Малые оды, II. VII.5: «Синяя муха»*):

«Ши цзин: Книга песен и гимнов».

Пер. с кит. А. Штукина. М.: Худ. лит., 1987, с. 202].

2) Вызывание недоразумений, например нацеленной дезинформацией, распространением двусмысленных сообщений, раздуванием или сокрытием отдельных фактов и т. д.

3) Различное отношение к противникам: выделяют одного, а другим пренебрегают, вследствие чего между ними возникают соперничество и разлад.

4) Усугубление уже имеющихся противоречий во вражеском стане. С синомарксистской точки зрения противоречия наличествуют всегда и по не зависящим от нас причинам (см. Харро фон Зенгер. «Диалектический метод». Харро фон Зенгер. *Введение в китайское право* («Einführung in das chinesische Recht»). Мюнхен, 1994, с. 226 и след.). Всегда есть возможность выявить противоречия во вражеском стане и их использовать, подлить масла в огонь, обострить внутренние противоречия, из неантагонистических сделать их антагонистическими и тем самым способствовать распаду вражеского союза, тому, чтобы «собаки стали кусать друг друга» («гоу цзяо гоу»), т. е. чтобы противники вцепились друг в друга. Использование уже имеющихся у противника противоречий представляется более выгодным, нежели искусственное вызывание противоречий в стане врага.

33.5. «Разделяй и властвуй» — повсюду

В этой связи уместен прием «разделяй и властвуй» («фэнь эр чжи чжи»): искусственный раскол противника, приводящий к возникновению двух или нескольких вражеских группировок, постоянно угрожающих друг другу. Либо придание вражеской стороне дополнительной, соперничающей силы, чтобы вызвать трения между ними. Не следует забывать и о вводе отвлекающего кандидата на выборах. Можно так построить отношения между соперничающими сторонами, что ни одна из них так и не сумеет побороть другую. Одним словом, они будут уравнивать друг друга.

Великобритания столетиями использовала против держав континентальной Европы стратегию 33 в виде политики уравнивания сил: «издавна она занималась сталкиванием лбами народов с материка, извлекая выгоду из их разлада, заставляя их расплачиваться за ее интересы» (Томас Манн. *Размышления аполитичного* («Betrachtungen eines Unpolitischen», 1918). Франкфурт-на-Майне, 1956, с. 423). Однако Великобритания прибегала к «стратегии заражения» и в иных частях света. «Своим доведенным до совершенства орудием «разделяй и властвуй» и «разжиганием религиозной вражды» («Мирут [Мератх] — воспоминания о предательстве и героизме: по следам [Синайского] восстания 1857 года». *Новая цюрихская газета*, 21 — 22.10.1980, с. 6) «жоварный Альбион» способствовал кровавому разделению [индийского] субконтинента» (Урс Шёттли (Schöttli). «We dont want to fight, yet by jingo, if we do... («Мы не хотим драться, но если, не дай боже, ввяжемся...»): размышления о национализме в Англии». *Новая цюрихская газета*, 22—23.05.1993, с. 66). В Шри-Ланке «британцы поощряли противоборство между сингалезцами, тамилами и мусульманами», чтобы «воспрепятствовать становлению единого националистского движения» («Конфликт в Шри-Ланке — гражданская война в раю: полвека независимости, полвека раскола». *Новая цюрихская газета*, 4.02.1998, с. 7). Так, Британия «своей политикой «разделяй и властвуй» создала и в других странах [помимо Шри-Ланки] благодатную почву для позднейшего раскола» (Урс Шёттли. «Братоубийство в раю: трагедия Шри-Ланки». *Новая цюрихская газета*, 27.09. 1995, с. 89).

Противостояние в Палестине является «следствием британской политики управления мандатной территорией, когда сперва иудеев и арабов натравливали друг на друга, а затем умыли руки». Начало зачатой вражды между Индией и Пакистаном, с 1998 г. угрожающими друг другу ядерным оружием, «было положено британскими колонизаторами при их уходе» (Зигфрид Когельфранц (Kogelfranz). «Распад колониальной империи». *Шпигель*. Гамбург, № 47, 16.11.1998, с. 160).

Голландцы использовали миссионерскую деятельность на Суматре для «раскола с помощью Библии единого фронта туземцев и разрыва тесных антиколониальных уз между горными племенами и исламским приморским городом Банда Ачех [Катараджа]» («Посещение северной Суматры: крупнейшая христианская община в Индонезии». *Новая цюрихская газета*, 22.04.1987, с. 5).

«Разделяй и властвуй» — известный способ колониального правления, и он прекрасно зарекомендовал себя в Руанде. До прибытия туда европейских поселенцев никто не мог предложить объективных оценок различия так называемых этнических групп... Руандийское общество с 20-х годов XX столетия было искусственно расколото по расовому признаку преимущественно стараниями чужеземных миссионеров... К сожалению, после обретения независимости те, кому была доверена судьба Руанды, использовали [этнические] различия для укрепления своей власти. С 1959 г. в Руанде господствует политика этнической обособленности (этницизма)... приведшая к бойне 1959, 1961, 1963, 1967, 1973 и, наконец, 1994 г....» (Джон Э. Бэрри (Berry), Кэрол Потт Бэрри. *Геноцид в Руанде: общая память* («Genocide in Rwanda: A Collective Memoir»), [столица Руанды] Кигали, 1995, с. 109 и след., 124.)

«Камбоджийцев и вьетнамцев французские колониалисты натравливали друг на друга, так что ненависть между двумя соседними народами определила дальнейший ход событий» (*Вельтвохе*. Цюрих, 19.10.1995, с. 21). «К политике «разделяй и властвуй» прибегал Париж и у себя на родине: Республика постоянно пользовалась сталкиванием различных политических интересов в обоих эльзасских департаментах Верхний и Нижний Рейн» («Ухудшение языковой ситуации в Эльзасе». *Новая цюрихская газета*, 2.03.1993, с. 7). «Для ослабления правых [Миттеран] устроил в 1986 г. пропорциональные выборы, что помогло крайне правому Национальному фронту попасть в Национальное собрание» («Франция прощается с Франсуа Миттераном: политика как высшее искусство лавирования между непреклонностью и реформой». *Новая цюрихская газета*, 17.05.1995, с. 3). Некогда кардинал Ришелье (1585—1642) старался «обезвредить «коLOSSа по ту стороны Рейна» посредством раскола и раздела» (Тео Зоммер (Sommer). «Париж в тумане». *Цайт*. Гамбург, 27.10.1995, с. 1).

Впрочем, выражение «Divide et impera!» («Разделяй и властвуй!») восходит не к римской древности, а к Франции. Это просто латинский перевод девиза французского короля Людовика XI (1423—1483) «deviser pour régner» (*Дуден: цитаты и высказывания* («Duden: Zitate und Aussprüche»). Мангейм, 1993, с. 114).

На юго-западе США «до прихода белых жили мирно рядом [хопи и навахо]. Нынешние раздоры между ними — следствие экономических и политических шагов американского правительства. Ведь хопи и навахо живут на земле, полной полезных ископаемых, подобраться к которым лучше всего помогает издревле пускаемый в ход принцип «разделяй и властвуй» («Индейцы — разменная карта в игре, где сошлось столь много интересов»: *Новая цюрихская газета*, 19.10.1992).

В Советском Союзе «Иосиф Сталин, руководствуясь девизом «разделяй и властвуй», перекроил границы. Пока существовала советская власть, все этнические и религиозные распри были заморожены в холодильнике пролетарского интернационализма. Теперь, когда лед на севере стал таять, растаяли и они... Народы, подогнанные друг к другу клиньями и прикованные друг к другу цепями [см. стратагему 35], стали распадаться, располагая идеологией XIX, а оружием XX века» (Ахмад Тахери (Taheri). «Комсомольцы Пророка...»: *Цайт*. Гамбург, 24.04.1992, с. 16). Одно из важнейших средств, пущенных в ход Советским Союзом против моджахедов после вторжения в Афганистан 29 декабря 1979 г., заключалось в «использовании соперничества и противоречий, пронизывающих все афганское общество, для раскола рядов сопротивления...» («Борьба за афганский народ: стратегия секретной службы по расколу [общества]». *Новая цюрихская газета*, 19.09.1985, с. 5). Посредством дезинформации советский КГБ сеял «недоверие между оппозицией и ее зарубежными покровителями, содействовал соперничеству отрядов сопротивления между собой и подстрекал их к вооруженным столкновениям...» (Альберт А. Штахель (Stahel), Дитер Клей (Kläu). «Афганская война и шаги Советского Союза». *Новая цюрихская газета*, 25.07.1996, с. 13).

«Сознательно, с целью раскола страны, подогревали этнические страсти военные [в Нигерии], чтобы затем выступить в качестве примирителя» («Нобелевский лауреат по литературе Воле Шойинка о сопротивлении военному режиму Абачи и о будущем своей страны». *Вельтвохе*. Цюрих, 24.10.1996, с. 4).

Что касается Ближнего Востока, то, по утверждению палестинских обозревателей, исламское движение Хамаз «в начале 80-х годов удаивалось со стороны израильских властей терпимого отношения к себе вполне осознанно, чтобы подорвать влияние составляющих ООП фракций» (*Новая цюрихская газета*, 8—9.02.1992, с. 5). «Разжигание вражды между братьями являлось очевидной целью израильских оккупационных властей. В начале 80-х годов они потворствовали фундаменталистам своим доброжелательным молчанием» («Благословенное восстание». *Штигель*. Гамбург, № 9, 1993, с. 170). «Заповедь «разделяй и властвуй» звучала еще во времена нахождения у власти правительства Ликуд во главе с Ицхаком Шамиром. Что вредит ООП, выгодно Иерусалиму, полагали ответственные лица» (Фреди Гештайгер (Gesteiger). «Герои или преступники: во имя чего сражались изгнанные в Южный Ливан приверженцы Ха-маза?». *Цайт*. Гамбург, 15.01.1993, с. 5).

В 80-е годы Пекин обвинял Советский Союз в стремлении «расколоть страны третьего мира» (*Пекинское обозрение*. Пекин, 1981, № 15, с. 13), а европейские круги опасались, что Кремль хочет «расколоть Запад» (*Brugger Tagblatt*. Бругг [главный город округа того же имени в швейцарском кантоне Ааргау]. 5.10.1985, с.

2). Эти опасения разделяли и в КНР. «Миттеран требует быть бдительными в отношении [советской] стратегаемы ссоры Америки с Европой» — такой заголовок появился на страницах *Жэньминь жибао* (Пекин, 22.01.1983). Тогда Китай главным образом опасался угрозы со стороны Советского Союза и хотел видеть сильный американо-европейский единый фронт против своего северного соседа. После распада Советского Союза обостренный стратегемой 33 взгляд китайских официальных лиц в значительной степени устремлен на Запад. Похоже, что именно Запад подозревают в усилиях по «деморализации» («фэньхуа») Китая, в частности руководящих кадров Коммунистической партии Китая (*Жэньминь жибао*. Пекин, 18.02.1997, с. 9). С китайской точки зрения это предпринимается посредством стратегии так называемой мирной эволюции, когда с опорой на военную силу используют экономическую помощь в качестве приманки, привлекая также методы идеологически-культурного внедрения (см. 19.33). «Международные враждебные силы пытаются взрастить внутри рабочего класса и его партии «диссидентов», которые стали бы их пособниками. Далее, эти силы поддерживают определенные меры нашей политики на «реформы и открытость», приобретая тем самым влияние и возможность гнуть свою линию, чтобы в итоге перевести политику реформ и открытости в капиталистическое русло. И наконец, они используют наши просчеты в экономической, политической и идеологически-культурной областях наряду с экономическими трудностями, чтобы сеять смуту среди населения Китая, стремясь в итоге, опираясь на внутренние китайские подрывные силы, произвести смену общественного строя» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 27.05.1991, с. 5).

Своим утверждением о «китайской угрозе» США хотят «вбить клин между Китаем и соседними государствами» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 3.03.1995, с. 6). Китайцы обвиняют западные круги в намерении вбить клин между отдельными народностями Китая, с одной стороны, и Коммунистической партией и правительством Китайской Народной Республики, с другой (*Гуанмин жибао*. Пекин, 29.05.1997, с. 8). Поддержка Западом Далай-ламы служит цели «раскола Китая» (*Пекинское обозрение*. Пекин, 1997, № 22, с. 26), а чрезмерный интерес Запада к судьбе Тайваня разоблачается как использование уловки «разделяй и властвуй» (*Жэньминь жибао*. Зарубежное издание. Пекин, 14.06, а также 17.06.1994, с. 5).

Сравнение немецкоязычной и китайской прессы показывает, что и там и там часто упоминается метод «разделяй и властвуй». Китайским статьям присуще распространять основанный на стратегаеме 33 принцип власти прежде всего на анализ внешней политики в отношении к самому Китаю. А вот в немецкоязычных изданиях этот подход почти всегда встречается в сообщениях исторически-описательного плана о третьих странах. Когда существовал Советский Союз, его политика в отношении Запада порой распространялась с позиции «разделяй и властвуй».

Результирующая сцепленных между собой правилом «разделяй и властвуй» сил может оказаться могущественной, однако из-за расщепления общей силы на отдельные, грызущиеся между собой части, из которых ни одна не представляет собой серьезную угрозу, позволяет легко управлять всей этой машиной.

Вред, наносимый целому раздираемыми склоками его частями, может ограничиться некоторыми трениями и взаимными обидами, когда мешают друг другу или даже сковывают действия друг друга, или же достигнуть открытой враждебности и даже военного противостояния. Существование кризисных районов может оказаться полезным для укрепления собственной власти: «Создание уродливых государственных образований (например, Югославии или Чехословакии) и насильственное возведение границ всегда были испытанным средством нагнетания напряженности, которая в дальнейшем служила оправданием собственному вмешательству» (*Новая цюрихская газета*, 8.09.1992, с. 67).

33.6. Уловка дьявола

Религия только и делает, что сталкивает бога и человека (Рудольф Аугштейн: «Человек по имени Иисус». *Шпигель*. Гамбург, № 21, 24.05.1999, с. 218). Иного мнения придерживался Джакомо Акончио из Тренто (1492 — ок. 1566). В своем трактате [в восьми книгах] «*Satanae Stratagemata*» (Базель, 1565) Акончио относил возникновение многочисленных противоречащих друг другу мелких религиозных догм к козням дьявола. Тем самым дьявол пытался разрушить единство христианства и расколоть его на противоборствующие вероучения и секты. Акончио, можно сказать, считал дьявола выдающимся проводником стратегаемы 33. Недаром греческое слово «*διάβολος*» означает и «черт», и «клеветник» (см. Герхард Вариг. *Немецкий словарь* («*Deutsches Wörterbuch*»). Мюнхен, 1980, с. 894). Чтобы противостоять стратегаеме дьявола, Акончио предлагал свести христианские догматы к минимуму, ограничившись упоминаемыми в Священном Писании основами веры, и проявлять терпимость ко всем другим, не затрагивающим основы христианства догматам.

33.7. Предупредить саму уловку

«В представителях собственного лагеря, с которыми возникают разногласия, не следует видеть заклятых врагов. Напротив, необходимо оценить те вызовы, которые сделаны и вам, и им. Необходимо помнить об общих интересах и сознавать, что перед лицом сильного противника никто в собственном стане не сумеет выстоять в одиночку и что лишь всем сообща можно совладать с вызовами. Вот Сян Цянь и советует: «Добропорядочные граждане, не будьте слишком наивными! Не следует думать, что если у вас не поднимается на что-то рука, то и другие на это не решатся. Ныне встречаются люди ядовитее самих змей, не знающие удержу в своем бесчинстве. Они способны на то, о чем добропорядочный человек даже и не догадывается. За такими людьми нужен глаз да глаз. Любое утверждение требует подтверждения. Высказываниям, лишенным хоть какого-то обоснования, доверять не следует, и, разумеется, им не следует давать хода. Ради всего святого, не становитесь жертвами стратега заражения!» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 6.07.1992, с. 4).

33.8. Духи отклонили жалобу

Между *A* и *B* существовала старая вражда. Дни и ночи напролет ломал голову *B*, как ему погубить *A*. Об этом проведал *A*. Тогда он тайком поручил своему родичу *C* изыскать путь, дабы поступить в дом к *B*. Это родичу удалось. Все советы, которые *C* давал *B*, оказывались дельными. Все, что ни затевал *B*, *C* устраивал на деньги *A*. Расходы были малы, тем больше казались получаемые барыши.

Через два года *C* завоевал полное доверие *B*. Тот уже не прислушивался к своим старым приятелям. В одном из разговоров с *B* *C* сказал, что *A* некогда состоял в тайной связи с супругой *C*. Он не смел перечить, поскольку боялся *A*, не будучи в силах справиться с ним. Теперь же он знает, что *B* тоже питает ненависть к *A*. Поэтому и служит *B* как верный раб. Преданность свою *B* он объясняет двумя причинами. Во-первых, он хочет доказать тому свое расположение, во-вторых, им движет желание поквитаться с *A*. Теперь выдался случай сообща выступить против *A*. *B* был вне себя от радости. Он дал *C* много денег, прося того устроить что-либо против *A*. Затем *C* на деньги *B* дал много взяток в пользу *L*. Вслед за этим *C* распустил грязные слухи об *A*, составив список с именами свидетелей. О пущенных им самим слухах и именах свидетелей *C* сообщил *B*. Тогда *B* пожаловался на *A* судье. Когда тот стал рассматривать поданные жалобы, выяснилось, что все они необоснованны. Никто из свидетелей не выступил против *A*. Таким образом, *B* проиграл тяжбу и был наказан за возведенную им напраслину. Он был вне себя от ярости.

Поскольку *C* знал слишком много щекотливого о личной жизни *B* и располагал нужными свидетельствами, *B* не осмелился преследовать *C*. В конце концов *B* умер с горя. На смертном одре он поклялся обратиться с жалобой в преисподней. Но прошло несколько десятков лет, а никто так и не слышал о жалобе. Люди, обсуждавшие происшедшее, говорили, что свару затеял *B*. Что же касается *A*, дело шло о его жизни и смерти. Хотя сам он и затеял рискованную игру, все же ему удалось спастись. Поэтому упрекать *A* не в чем. *C* же ради *A* выступил в качестве лазутчика (*фаньцзянь*). Он исполнял свой долг. В отношении *B* его себя не в чем упрекнуть. Так что и за *C* нет никакой вины. Поэтому духи, должно быть, и не вняли просьбе *B*.

Поведанная Цзи Юнем (1724—1805) история⁴³¹ показывает нам действие стратегии 33 в сфере личной жизни. По схожему образцу можно представить себе разгром враждебной организации силами секретной службы, засылающей туда шпионов, которые от имени этой организации распространяют листовки с подрывным, уголовно наказуемым содержанием. Затем, с одной стороны, организация будет вынуждена выступить против них, что приведет к внутреннему раздору, а с другой — эти листовки дадут повод государству произвести обыски и аресты. Далее, секретная служба может сфабриковать подметные письма, где члены организации нападают на своих единомышленников. Возникшая затем фракционная борьба, куда постепенно втянутся многие члены организации, приводит к ее роспуску. Или же секретная служба финансирует или даже создает в чужой стране политическую, например шовинистически настроенную, группировку, которая там будет вызывать беспорядки или даже толкать страну к столкновению с другими государствами.

33.9. Два оставшихся не завоеванными города становятся

⁴³¹ Цзи Юнь. «Записки из хижины «Великое в Малом», сборник 2 «Так я слышал» («Жу ши во вэнь»), часть 4 (в сплошной нумерации кн. 10), рассказ «Вражда *A* и *B*» («Цзя И сян чоу»). В русском издании (*Заметки из Хижины «Великое в Малом»*. Пер. с кит. О. Фишман. М.: Наука, 1974, серия «Памятники письменности Востока»), где опубликован перевод Около 300 рассказов и заметок из пяти сборников (содержащих 1193 произведения), этого рассказа нет. — *Прим. пер.*

камнем преткновения

«В то время циский Минь-ван... сильно возгордился... Вот тут яньский Чжао-ван и начал спрашивать Юэ И о возможности нападения на Ци. В ответ Юэ И сказал: «Ци бывало гегемоном, его земли обширны, население многочисленно, наступать на него в одиночку будет нелегко. Если ван непременно намерен напасть на него, лучше будет сделать это совместно с Чжао, Чу и Вэй». После этого Юэ И был послан в Чжао, чтобы договориться с чжаоским Хуэй Вэнь-ваном. Других послов отправили заключить соглашение с правителями Чу и Вэй, а с помощью чжаосцев решили привлечь циньского правителя выгодами нападения на Ци. Все чжухоу, боясь заносчивости и жестокости циского Минь-вана, объединились в союз, чтобы совместно с Янь напасть на Ци. Юэ И вернулся доложить [о выполненном поручении]. Яньский Чжао-ван поднял все свои войска, поставив Юэ И старшим военачальником, а чжаоский Хуэй Вэнь-ван вручил ему печать сяна. Тогда Юэ И встал во главе объединенных войск Чжао, Чу, Хань, Вэй и Янь и напал на Ци. Он нанес поражение циской армии... Юэ И оставался в Ци целых пять лет. Он занял более 70 циских городов; из всех этих мест были образованы области и уезды, подчиненные Янь. Не покорились только Цзюй и Цзимо. В это время умер яньский Чжао-ван, у власти встал его сын Хуэй-ван (278—272). Еще будучи наследником, Хуэй-ван недолго любил Юэ И, поэтому, как только он занял княжеский престол, циский военачальник Тянь Дань, узнав про это, послал своего *фанъцзяня* в Янь, и тот сказал вану: «В Ци до сих пор не взяты два города; я слышал, это потому, что у Юэ И с вновь пришедшим к власти яньским ваном возникли разногласия. Он стремится, собрав вокруг себя войска, остаться в Ци, сесть там лицом к югу и править этим княжеством. Там, в Ци, опасаются лишь того, что к ним из Янь придет другой военачальник». После этих слов яньский Хуэй-ван, конечно, стал серьезно сомневаться в намерениях Юэ И и, поверив цис-кому лазутчику, послал Ци Цзе заменить Юэ И на посту военачальника, а самого Юэ И призвал ко двору. Тот понял, что яньский Хуэй-ван недоволен им и смещает его. Боясь казни, он бежал на запад и перешел в Чжао. В это время циский Тянь Дань сражался с Ци Цзе. С помощью хитрого плана он обманул яньскую армию и разгромил войска Ци Цзе под Цзимо, перевел военные действия на территорию Янь, двинулся на север, достиг низовьев Хуанхэ, отвоевал потерянные ранее циские города...» (см. 20.14) [«Ши цзи», гл. 80: *Сьма Цянь*. Исторические записки. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, с. 240-242].

33.10. Гибельная ревность жены

В конце ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) после устранения Дун Чжо в 192 г. (см. 35.5) два его бывших подчиненных, Ли Цзюэ [ум. 196] и Го Сы [ум. 197], захватили столицу, подчинив себе императора Сянь-ди (правил 189—220). Они творили бесчинства, но при дворе никто не смел даже заикнуться об этом. Повсюду зрело недовольство, но было тяжело совладать с ними, поскольку они крепко держались друг за друга. Тогда начальник военного приказа⁴³² Ян Бяо [142—225] и начальник земледельческого приказа⁴³³ Чжу Цзюнь (ум. 195) прибегли к стратагеме 33. Каждый раз после тайной встречи с Ли Цзюэ Го Сы поздно возвращался домой. И Ян Бяо распускает слух (стратагема 7), что Го Сы завел шуры-муры с женой Ли Цзюэ. Супруга Го Сы воспылила ревностью, и это стало началом конца боевого братства Ли Цзюэ и Го Сы. Здесь нет места вдаваться в подробности, как распалась их дружба. Во всяком случае, закончилось полное бесчинств правление погубивших в итоге друг друга Ли Цзюэ и Го Сы [см. 13-ю гл. *Троецарствия*].

33.11. Деля ложе, видеть разные сны

«На другой день Чжоу Юй [военачальник царства У (см. 34.1)] решил сам отправиться в разведку [к Цао Цао по реке Янцзы] на многопалубном корабле, захватив с собой музыкантов и самых сильных воинов с тугими луками и самострелами. Все быстро заняли свои места, и корабль поплыл вверх по течению реки. Неподалеку от вражеского лагеря Чжоу Юй приказал бросить якорь. На корабле заиграла музыка; тем временем Чжоу Юй занялся наблюдениями за врагом. «Здорово устроено! — проговорил он наконец тревожным голосом. — Кто у них командует флотом?» «Цай Мао и Чжан Юнь», — ответил кто-то из приближенных. «Да, дело тут будет не такое легкое, как мне показалось вначале, — подумал про себя Чжоу Юй. — Цай Мао и Чжан Юнь давно уже живут в Цзяндуне и войну на воде хорошо изучили. Придется еще поломать голову над тем, как их убрать... Иначе мне Цао Цао не разбить». В это время из неприятельского лагеря заметили Чжоу Юя и доложили Цао Цао. Тот выслал отряд судов, чтобы захватить Чжоу Юя в плен.

⁴³² Тай-вэй, высший военный сановник в Древнем Китае, старший из трех гунов. По своему положению приравнялся к *чэн-сяну*, канцлеру.

⁴³³ Да-сы-нун, один из девяти высших сановников империи, ведавший императорской казной и хлебом. — *Прим. пер.*

Но Чжоу Юй, обратив внимание на то, что в лагере противника задвигались знамена и штандарты, приказал быстро поднять якорь и налечь на все весла. Корабль словно ветер понесся по реке. Когда суда противника двинулись за ним, Чжоу Юй был уже далеко, и они не смогли его догнать. Пришлось вернуться ни с чем. Цао Цао рвал и метал от гнева. «Вчера нас разбили в бою, а сегодня враг высмотрел наше расположение! Это всё вы виноваты! — напустился он на своих военачальников. — Что вы молчите? Говорите, как нам одолеть врага!» «Разрешите мне попытаться уговорить Чжоу Юя сдать, — неожиданно произнес один из присутствующих. — Я был другом Чжоу Юя по школе, и я уверен, что мне удастся его убедить». Это сказал Цзян Гань, родом из Цзюцзяна. Цао Цао обрадовался его предложению. «Так, значит, вы были друзьями с Чжоу Юем?» — спросил он. «Не беспокойтесь, господин чэн-сян, — сказал Цзян Гань, — если я поеду на тот берег — успех обеспечен». «Что вам нужно для поездки?» — «Дайте мне мальчика-слугу да двух гребцов, чтобы управлять лодкой. Больше ничего не нужно». Цао Цао велел подать вино и устроил Цзян Ганю проводы. Потом Цзян Гань оделся попроще, сел в лодку и направился к лагерю Чжоу Юя. Там он велел страже передать Чжоу Юю, что приехал его старый друг и хочет с ним повидаться. «Вот и примирителя прислали! — улыбнулся Чжоу Юй, когда воины доложили ему о прибытии Цзян Ганя. — Выслушайте меня внимательно и выполните то, что я вам прикажу!» — обратился он к своим военачальникам и шепотом каждому из них дал указания. Военачальники разошлись. Чжоу Юй привел в порядок свою одежду и головной убор и в окружении нескольких сот воинов, важно выступавших впереди и позади с пучками стрел в руках, вышел из лагеря встречать гостя. Цзян Гань с гордым видом шел ему навстречу в сопровождении одного лишь мальчика-слуги, одетого в черную одежду. Чжоу Юй первый поклонился гостю. «Надеюсь, что вы пребываете в добром здравии с тех пор, как мы с вами расстались?» — спросил Цзян Гань. «Зато вы, наверно, как советник Цао Цао, трудитесь изрядно, предпринимая далекие путешествия по рекам и озерам!» — улыбнулся Чжоу Юй. «Как вам не совестно говорить так! — растерянно произнес Цзян Гань. — Мы давно не виделись с вами, я приехал вспомнить о былом, а вы...» «Да, конечно, — продолжал Чжоу Юй, не обращая внимания на обиженный вид Цзян Ганя, — я не так умен, как Ши Гуан (знаменитый музыкант, живший в княжестве Цзинь в период Чуньцю (VIII—V в. до н. э.)), но все же чувствую, что выражают музыка и песни!» «Что ж, — вздохнул Цзян Гань, — если вы так встречаете старого друга, мне здесь нечего делать. Разрешите откланяться». «Извините, — с улыбкой сказал Чжоу Юй, беря Цзян Ганя за руку. — Я думал, что Цао Цао подослал вас уговорить меня помириться. Но если вы приехали с иной целью, я так быстро вас не отпущу». Они вместе направились в шатер. После приветственных церемоний старые друзья уселись, как положено хозяину и гостю. Чжоу Юй приказал созвать своих храбрейших людей. Вскоре в шатер вошли старшие и младшие военачальники и гражданские чины, все они выстроились двумя рядами. На всех были шелковые одежды и серебряные латы. Чжоу Юй каждого в отдельности представил Цзян Ганю. Потом они расселись по сторонам, и начался пир. Музыканты исполняли боевые песни, чаши ходили по кругу. «Это мой друг по школе, — сказал Чжоу Юй своим военачальникам. — Можете в нем не сомневаться. Хоть он и приехал с северного берега реки, но к Цао Цао никакого отношения не имеет». Чжоу Юй снял висевший у пояса меч и протянул его Таити Цы: «Возьмите этот меч и наблюдайте за пиром. Сегодня дозволяется говорить только о дружбе. Если кто-либо заведет разговор о войне — рубите тому голову!» Тайши Цы с мечом в руке уселся на хозяйском месте. Перепуганный Цзян Гань молчал. «С тех пор как я команду войсками, я не выпил ни одной капли вина, — сказал Чжоу Юй. — Но сегодня, по случаю встречи с моим старым другом, я буду пить допьяна. Опасаться мне нечего!» Он рассмеялся и принялся осушать кубок за кубком. Пир шел горой, все развлекались как могли... Веселье затянулось до позднего часа. Когда стемнело, зажгли светильники. Опьяневший Чжоу Юй встал со своего места и затянул песню... Время уже было за полночь, и Цзян Гань сказал: «Простите, но я совсем опьянел...» Чжоу Юй разрешил гостям разойтись. Они поблагодарили его и покинули шатер. «Мы уже давно не отдыхали вместе! — воскликнул Чжоу Юй, обращаясь к Цзян Ганю. — Сегодня мы будем спать на одном ложе!» Притворяясь совершенно пьяным, Чжоу Юй потащил Цзян Ганя к себе. Добравшись до постели, он так и повалился не раздеваясь, ему стало дурно. А Цзян Ганю никак не удавалось заснуть. Он лежал на подушке с открытыми глазами и размышлял. В лагере барабан пробил вторую стражу. Цзян Гань привстал и огляделся. Светильники еще горели. Чжоу Юй спал мертвым сном, храп его напоминал раскаты грома. На столе, стоявшем в шатре, Цзян Гань заметил связку писем. Он поднялся с ложа и принялся украдкой их просматривать. Это была обычная переписка, но на одном из конвертов стояли имена Цай Мао и Чжан Юнь. Это письмо привлекло особое внимание Цзян Ганя, он лихорадочно развернул его и стал читать: «Мы не своей волею служим Цао Цао — нас к этому вынудили обстоятельства. Мы стараемся причинять ему вред, как умеем. Беспорядки, возникшие в лагере Цао Цао, — дело наших рук. Мы ищем удобного случая добыть голову самого Цао Цао, дабы положить ее у вашего знамени. Не сомневайтесь в нас. Вот наш почтительный ответ на ваше предыдущее письмо». — «Оказывается, Цай Мао и Чжан Юнь давно связаны с Восточным У», — подумал Цзян Гань, прочитав письмо. Он торопливо спрятал его к себе за пазуху и хотел посмотреть остальную переписку, но Чжоу Юй в этот момент заворочался на своем ложе. Цзян Гань поспешно задул светильник и лег. «Друг мой, — проговорил сквозь сон Чжоу Юй, — через несколько дней я покажу тебе голову злодея Цао Цао». Цзян Гань что-то пробормотал ему в ответ. «Поживи у меня несколько деньков и увидишь голову злодея Цао Цао...» — повторил Чжоу Юй. Цзян Гань не ответил. Прошло некоторое время. Он окликнул Чжоу Юя, но тот уже спал. Цзян Гань прилег рядом. Приближалось время четвертой стражи. «Господин ду-ду! — В шатер просунулась чья-то голова. —

Господин ду-ду! Вы спите?» Кто-то осторожно вошел в шатер. Чжоу Юй поднялся с ложа. «Кто это здесь лежит?» — удивился он. «Разве вы забыли, что пригласили своего друга Цзян Ганя переночевать в вашем шатре?» — был ответ. «Я никогда не пил много, а вчера переписался и ничего не помню, — произнес Чжоу Юй тоном раскаяния. — Может быть, я и сболтнул такое, чего не следовало говорить...» — «С северного берега приехал человек», — сказал вошедший. «Говорите тише! — замахал руками Чжоу Юй и, обернувшись, позвал: — Цзян Гань! Цзян Гань!» Тот не отвечал, притворившись спящим. Тогда Чжоу Юй потихоньку вышел из шатра. Цзян Гань напряженно прислушивался. Снаружи слышались голоса. «Цай Мао и Чжан Юнь сообщают, что в ближайшее время им не удастся выполнить свой план и они этим крайне встревожены», — произнес кто-то. Потом там заговорили так тихо, что больше ничего не удалось разобрать. Вскоре Чжоу Юй возвратился в шатер. «Цзян Гань! Цзян Гань!» — окликнул он. Но Цзян Гань делал вид, что спит. Чжоу Юй скинул одежды и тоже лег. А Цзян Гань лежал и думал: «Чжоу Юй человек очень осторожный. Утром он хватится, что исчезло письмо, и убьет меня...» Прележав до часа пятой стражи, Цзян Гань неслышно приподнялся и позвал Чжоу Юя. Тот спал. Цзян Гань повязал голову и тайком выскользнул из шатра. Разбудив своего слугу, он направился к воротам лагеря. На вопрос стражи, куда он так рано уходит, Цзян Гань ответил: «Я боюсь, что своим присутствием отвлеку господина ду-ду от важных дел, и потому решил уехать...» Стража не стала его задерживать. Цзян беспрепятственно сел в свою лодку и поспешил вернуться к Цао Цао. «Ну, как дела?» — спросил чэн-сян, едва завидев его. «Чжоу Юй непоколебим, никакими уговорами...» — «Вы ничего не добились, и над вами еще посмеялись!» — гневно оборвал его Цао Цао. «Не гневайтесь, господин чэн-сян, — ответил Цзян Гань. — Хотя я и не сделал того, что обещал, но узнал одно важное дело! Прикажите всем удалиться». Цзян Гань вынул письмо и прочитал его Цао Цао. «Неблагодарные разбойники! — яростно закричал Цао Цао. — Ведите их сюда!» Цай Мао и Чжан Юнь явились. «Я хочу, чтобы вы вели корабли в бой!» — заявил им Цао Цао. «Воины наши еще недостаточно обучены, господин чэн-сян, — возразил Цай Мао. — Нельзя же так легкомысленно выступать!» — «А если бы они были обучены, моя голова была бы уже у Чжоу Юя, да?» Цай Мао и Чжан Юнь не поняли, что Цао Цао хочет сказать этими словами, и растерянно молчали. Цао Цао приказал страже вывести их и обезглавить. Вскоре головы несчастных положили у шатра. И тут только Цао Цао уразумел, какую ошибку он совершил. «И я попался на хитрость («цзи»!)» — с горечью произнес он» [*Троецарствие*], гл. 45: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 1, с. 562-567].

33.12. Из китайской Книги рекордов Гиннеса касательно стратагем

«Первой в ряду ста стратагем» величает Лэн Чэнцзинь стратагему 33 (*Китайские стратагемы* [*Чжунго цюаньчжи*]), т. 2. Пекин, 1995, с. 273). Ни одна другая стратагема не появлялась столь часто в китайской политической и военной истории. Так, в романе *Троецарствие* к ней прибегают чаще всего. Ее действенность потрясающа. В легких случаях она может привести к поражению в битве, в случаях средней тяжести — к потере войска, в тяжелых — даже к гибели целого государства. Стратагема 33 относится к тем немногим стратагемам, применение которых способно решить исход войны, даже судьбу всей страны.

Роман *Троецарствие* в качестве стратагемной энциклопедии, по мнению Лэн Чэнцзиня, представляет поистине неисчерпаемый источник применения стратагем в политической, военной, дипломатической и личной сферах жизни. Но лишь одно из представленных там многочисленных использований стратагем сказало на одном из переломных моментов китайской истории. Имеется в виду то, как Чжоу Юй посредством стратагемы 33 обезвредил Цай Мао и Чжан Юня (см. 33.11).

Маньчжуры, захватившие в 1644 г. Пекин и основавшие последнюю китайскую династию Цин (1644—1911), поначалу были невежественными и отсталыми. Классические китайские сочинения им были недоступны. Но вот китайские романы читать они могли. Особое внимание по причине своих военных занятий маньчжуры уделяли роману *Троецарствие*. Крупнейшие маньчжурские военачальники должны были постоянно возить с собой эту книгу. В ходе их наступления на Среднее государство наиболее упорное сопротивление на северных его рубежах оказал китайский генерал Юань Чунхуань (1584—1630). Казалось, ничто его не возьмет. И тут на помощь маньчжурским военачальникам пришел роман *Троецарствие* с описанием того, как Чжоу Юй использовал стратагему раздора против Цай Мао и Чжан Юня. По этому образцу, как сообщает в

«Записках о священной войне» [*Шэн у цзи*, 1842] Вэй Юань (1794—1856), упоминающий дословно стратагему 33, маньчжуры устроили так, что один плененный китайский евнух узнал о том, что Юань Чунхуань якобы вступил в тайный сговор с маньчжурами. Затем евнуху создали благоприятные условия для побега, и, бежав, он обо всем доложил китайскому императору Чунчжэню (1611 — 1644, правил с 1628). Это донесение разгневало императора, который и так с некоторых пор не доверял своему военачальнику. Он даже не засомневался, что тот вступил в сговор с маньчжурами, и повелел казнить Юань Чунхуаня. «Тем

самым минская династия собственноручно разрушила защищавшую ее «великую стену» (Лэн Чэнцзинь, *указ, соч.*, с. 203). Теперь север Китая был по существу открыт для маньчжур. Несколько лет спустя они уже были в Китае.

Автор романа *Троецарствие* вряд ли мог предполагать, что рассказанная им история с использованием стратагемы раздора окажется той разводной стрелкой, которая направит Китай на длившийся несколько столетий перегон [засилья маньчжур]. Отсюда видно, насколько «велика бывает значимость стратагем» (Лэн Чэнцзюнь, *там же*). Совершенно другим образом, чем китайский император, реагирует Доргонь (1612 — 1651), маньчжурский военачальник и регент, прочитав бумаги, из которых явствует, что двое высокопоставленных чиновников новоиспеченной цинской династии тайно сотрудничают с мятежниками. «Здесь определенно чувствуется уловка раздора», — говорит он и отменяет их казнь (пьеса Го Можо (1892—1978) «Наньгуаньцао») ⁴³⁴.

Наивысшую оценку у Лэн Чэнцзиня получает использование стратагемы 33 владением Цинь, когда оно устраняет чжао-ского военачальника Лянь По (см. 3.9 и 22.7). После победной для Цинь битвы под Чанпином (259 до н. э.) владение Чжао уже не смогло оправиться. А Цинь благодаря этой победе заложило основу для последующего объединения страны под своим началом. Данному использованию стратагемы 33 как ввиду его удачного исполнения, так и благодаря выпавшему на его долю успеху и огромному воздействию на дальнейший ход китайской истории, отдана пальма первенства. Лэн Чэнцзинь считает его «самым удачным использованием стратагемы заражения за истекшие тысячелетия» (Лэн Чэнцзинь, *там же*).

33.13. Хаос, устроенный Хоу Цзином

Когда Гао Хуань [496—547], военный диктатор [с 534] Восточной Вэй умер в начале 547 г., его полководец Хоу Цзин [503—552] восстал против его сына и наследника Гао Чэна [521 — 549], но был им разбит. Тогда Хоу Цзин бежал и перекинулся к Западной Вэй, [диктатору Юйвэнь Таю (502—556)]. Однако Гао Чэну удалось с помощью стратагемы раздора восстановить правителя Западной Вэй против Хоу Цзина. Тому ничего не оставалось, как бежать на юг, в империю Лян. Тамшний государь [ее основатель (502 н. э.)] У-ди (464—549) взял Хоу Цзина на службу, надеясь с его помощью покорить Северный Китай и объединить страну, и сделал его наместником [*дасин-тай*] Хэнани. У-ди отправил Хоу Цзина в поход на Восточную Вэй, но тот потерпел поражение. Поэтому У-ди вступил в переговоры с Восточной Вэй. Как раз тогда он и получил от сановника Вэй Шоу составленное по поручению нового властителя Восточной Вэй Гао Чэна послание (см. 19.10), которое должно было восстановить У-ди против Хоу Цзина.

Поначалу У-ди не поддавался попыткам Восточной Вэй втереться к нему в доверие. Однако упомянутое послание и иные поступающие из Восточной Вэй слухи побудили его обсуждать при дворе мирные заигрывания со стороны Восточной Вэй. Только один сановник, опираясь на стратагемный разбор посолов Восточной Вэй, выступил против мирных переговоров. Он предположил, что Гао Чэн с его мирными предложениями преследует одну лишь цель — вселить смятение в Хоу Цзина, чтобы тот, почувствовав угрозу, стал совершать действия с непредвиденными для Лян последствиями. Поэтому мирные переговоры с Восточной Вэй, по мнению сановника — любителя стратагем, будут означать одно — то, что в Лян попались на стратагему раздора. Но, несмотря на это предупреждение, большинство придворных высказались за переговоры с Восточной Вэй. Даже сам император был против военного вмешательства. Все шло к сближению Лян и Восточной Вэй за счет Хоу Цзина.

Хоу Цзин действительно опасался, как бы У-ди не выдал его Восточной Вэй. Он вошел в сговор с [Сяо Чжэндэ], приемным сыном лянского императора, и в 548 г. напал на лянскую столицу Цзянькан (ныне Наньцин, провинция Цзянсу). Начались четыре года, получившие в истории название «хаоса Хоу Цзина». Хоу Цзин возвел на престол императорского приемного сына [получившего имя Линь Хэ-ван]. Тот сделал его канцлером и женил на своей дочери. Но вскоре после захвата столицы Хоу Цзин низложил нового императора, а потом убил его. Некоторое время Хоу Цзин использовал У-ди, выступая от его имени. После того как Хоу Цзин уморил захваченного в плен императора голодом, он возводит очередного императора [Цзянь Вэнь-ди, родовое имя Сяо Ган (503—551)], которого смещает в 551 г. и ставит третьего [Юй Чжанвана, родовое имя Сяо Дун]. Однако месяц спустя он низлагает и его, чтобы самому занять престол под предлогом того, что предшественник якобы сам уступил ему власть. Но тут против узурпатора восстали

⁴³⁴ Пьеса Го Можо о китайском поэте-патриоте, боровшемся с маньчжурским игом, за что он был брошен в тюрьму и казнен, Ся Ваньчуне (1631 — 1647) под названием «Наньгуаньцао» (можно перевести как «Набросок пленника-южанина»; так именовался сборник стихов, написанный поэтом в заточении). — *Прим. пер.*

преданные династии Лян придворные, и в 552 г. Хоу Цзин был убит.

Можно ли было предотвратить «хаос Хоу Цзина», если бы император У-ди проявил большую твердость в отношении Восточной Вэй, неизвестно. Однако нас здесь в основном интересует тот факт, что хотя бы один из приближенных У-ди недоверчиво отнесся к мирным заигрываниям Восточной Вэй, взглянув на них с позиции стратега 33.

33.14. Вавилонское столпотворение

«На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они (племена сынов Ноевых) нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню высоту до небес и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли. И сошел господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал господь язык всей земли, и оттуда рассеял их господь по всей земле» (Быт. 11:1—9).

Бог использовал против людей стратега 33, ибо знал: не имея возможности разговаривать друг с другом, они бросят свою работу. «Бог не пожелал... единства без различия и разграничений...» (Фридрих Невёнер (Niewöhner), «Рассеяние как претворение: новое толкование: история вавилонского столпотворения». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 30.09.1998, с. 6). Башня осталась незавершенной.

33.15. Три яблока Европы

В Китайской Народной Республике можно услышать, что склад ума европейцев воплощают три яблока. Первое яблоко росло в раю и было сорвано Евой, и олицетворяет оно собой христианство как краеугольный камень западной цивилизации. Второе яблоко упало перед Исааком Ньютоном (1642—1727), позволив тому открыть земное тяготение, и олицетворяет собой современную западную науку. Третье, золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» подбросила на свадебном пиру смертного Пелея и богини Фетиды Эрида, богиня раздора, вызвав тем самым спор между богинями Герой, Афиной и Афродитой. «Всемогущий Зевс отказался решить спор, возникший между Герой, Афиной и Афродитой, но разрешил Гермесу отвести богинь на гору Ида, где их должен был рассудить сын Приама Парис, выросший вне родительского дома... Парис пас коров у скалы Гаргар, венчавшей гору Ида, когда Гермес в сопровождении Геры, Афины и Афродиты принес ему золотое яблоко и слова Зевса: «Парис, поскольку ты так же красив, как и умен в делах сердечных, Зевс повелел тебе стать судьей в споре этих богинь. Отдай яблоко самой прекрасной из них». Парис в нерешительности принял яблоко и воскликнул: «Как может простой пастух вроде меня судить о божественной красоте? Вот разделю сейчас яблоко на три части!» «Нет, нет, ты не можешь послушаться всемогущего Зевса! — поспешно вмешался Гермес. — Я же не могу давать тебе советов, поэтому воспользуйся своим природным умом!» «Делать нечего, — вздохнул Парис. — Но сначала пусть проигравшие обещают мне не таить на меня обиды. Я всего лишь человек и способен совершить самую глупую ошибку». Все богини согласились подчиниться его решению. «Должен ли я судить богинь по их одежаниям, — спросил Парис Гермеса, — или они должны предстать предо мной обнаженными?» «Правила таковы, что ты должен все решать сам», — сказал Гермес, улыбаясь. «В таком случае не могли бы они разоблачиться?» Гермес передал просьбу богиням, а сам вежливо повернулся к ним спиной. Первой была готова Афродита, но Афина настояла на том, чтобы та сняла свой знаменитый волшебный пояс, благодаря которому всякий влюблялся в его обладательницу. «Хорошо, — не без злорадства произнесла Афродита, — но только после того, как ты снимешь свой шлем, без которого на тебя просто страшно смотреть». «Теперь, если вы не возражаете, предстаньте предо мной по одной, чтобы избежать ненужных споров. Подойди сюда, божественная Гера! Пусть остальные покинут нас на некоторое время». — «Смотри на меня внимательно, — Гера не спеша поворачивалась к нему то одним, то другим боком, стремясь показать все достоинства своего великолепного тела, — и помни, что, если ты признаешь меня прекраснейшей, я сделаю тебя повелителем всей Азии и самым могущественным из живущих ныне людей». — «Меня не должно подкупать, моя госпожа... Я уже видел все, что должен был видеть. Войди теперь, божественная Афина!» — «Я здесь, — и Афина поспешила приблизиться к Парису. — Послушай, Парис, если у тебя хватит здравого смысла, чтобы присудить мне награду, я сделаю так, что ты выйдешь победителем во всех своих битвах, а также будешь самым красивым и мудрым человеком в мире». «Я ничтожный пастух, а не воин, — произнес Парис. — Можешь сама убедиться, что во всей Лидии и Фригии царит мир и никто не угрожает царю Приаму. Но я все равно обещаю честно решить, кому отдать яблоко. А теперь надень все одежды и шлем. Готова ли Афродита?» Афродита робко подошла к нему, и Парис залился краской от близости оказавшейся с ним рядом богини. «Смотри внимательно, ничего не упusti... Между прочим, как только я увидела тебя,

то сказала себе: «Честное слово, это самый красивый юноша во всей Фригии! Почему он должен прозябать в этой глуши и пасти этот дурацкий скот?» Почему бы тебе, Парис, не перебраться в город и не зажить более пристойной жизнью? Что ты потеряешь, если женишься, скажем, на Елене Спартанской, которая красива, как я, и такая же страстная? Я уверена, что стоит только вам встретиться, как она бросит все — и дом, и семью, чтобы стать твоей любовницей. Ты хоть что-нибудь слышал о Елене?» — «Никогда, моя госпожа. Я буду премного благодарен, если ты опишешь мне ее». — «Елена красива и хрупка; она появилась на свет из лебединого яйца. Она может считать Зевса своим отцом, любит охоту и борьбу, а в младенческом возрасте уже стала причиной войны. Когда она достигла брачного возраста, все царевичи Греции добивались ее руки. Сейчас она замужем за Менелаем, братом верховного царя Агамемнона, но это ничего не значит — если захочешь, она будет твоей». — «Как же она может стать моей, если она замужем?» — «О небеса! Какая наивность! Неужели ты никогда не слыхивал, что в мои обязанности как богини как раз и входит устраивать такие дела? Предлагаю тебе взять моего сына Эроса в проводники и отправиться в странствие по Греции. Когда ты достигнешь Спарты, мы с ним сделаем так, что Елена без памяти влюбится в тебя». — «Поклянись в этом!» — Парис сгорал от нетерпения. Афродита произнесла торжественную клятву, и Парис, не раздумывая, присудил ей золотое яблоко. Узнав о его решении, Гера и Афина, затаив гнев, удалились, взявшись за руки и строя планы разрушения Трои, а Афродита, победно улыбаясь, осталась на месте, раздумывая, как ей лучше сдержать свое обещание» [Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992, с. 469—472]. Третье яблоко олицетворяет собой греческое культурное наследие Европы, но как «яблоко раздора» еще и ее издревле укоренившуюся привычку к ссорам и размолвкам. Эта эристическая, т. е. склонная к спорам (*Энциклопедия Майера* («Mayers Enzyklopädisches Lexikon»), т. 8. Мангейм, 1974, с. 199) направленность сильна и сегодня, являясь, к сожалению, самой сутью европейского склада ума: «Как заведено: Европа бранится» (*Цайт*. Гамбург, 7.05.1998, с. 11); «при всем уважении к нашим европейским друзьям все же Евросоюз так и не смог ни разу по-военному избавиться от ненужного хлама» (Джесси Хэлмс (Helms), председатель внешнеполитического комитета сената США: *Вельтвохе*. Цюрих, 7.05.1998, с. 13; см. также 24.3).

33.10. Разобщенность немцев и китайцев

«Да будем мы народом граждан-братьев», — восклицал Фридрих Шиллер (1759—1805) в драме *Вильгельм Телль* [2.2: Шиллер. «Вильгельм Телль. Орлеанская дева». Л.: Лениздат, 1983, с. 64], наверняка имея в виду и своих соотечественников. Его призыв к единству не изменил часто свирепствующей среди немцев внутренней разобщенности, которую современник Шиллера Наполеон (1769—1821) определил следующим образом: «нет ни одного более добродушного, но и легковверного народа, нежели немцы. Мне не надо было даже сеять раздор между ними.

Мне требовалось лишь раскинуть свои сети, и они сами, подобно пугливой дичи, бросались туда. Они давили друг друга, полагая, что выполняют свой долг. Нет глупее народа на земле. Сколь груба ни была б ложь, немцы ей верят. Всего за одно слово, брошенное им, они преследуют своих соплеменников с большим ожесточением, нежели их истинные враги».

На недостаток внутренней сплоченности сетуют и китайцы⁴³⁵: «значительно проще управиться с кучкой

⁴³⁵ «В своей превосходной книге «Безобразные китайцы» известный тайваньский ученый Бо Ян отмечал, что китайцы от рождения инфицированы страшным вирусом разобщенности и фракционной борьбы. Он приводит популярную в народе поговорку, в которой как в зеркале отразились многие парадоксы бытовой психологии и образа действий государственных мужей: «Один монах тащит воду на коромысле, двое монахов несут воду в ведрах, а трое монахов сидят без воды». «Каждый китаец в отдельности — это настоящий дракон, — пишет Бо Ян. — Но из трех китайцев, т. е. трех драконов, взятых вместе, получается одна свинья, один червяк, а иногда не выходит и червяка». «Там, где есть китайцы, возникает «мышинная возня»... В любой китайской колонии различных группировок по крайней мере столько, сколько дней в году, и все они мечтают покончить друг с другом... Похоже, что в организме китайцев недостает объединительных клеток», — заключает автор (1). В народе эту привычную ситуацию образно называют «три деревни за одним плетнем». Подтверждение сказанному выше мы находим в воспоминаниях видного деятеля КПК Ли Лисаня: «История КПК знает многочисленные случаи ожесточенной внутрипартийной групповой борьбы, особенно борьбы беспринципной (нередко просто склочной)... Вследствие беспринципного характера групповой борьбы в КПК все участвовавшие в ней группировки носили бесформенный характер, иногда организуясь, а иногда выступая совсем неорганизованно» (2). Эту же неприглядную черту отмечал и Лю Шаоци, один из отцов-основателей КНР: «Руководящие партийные работники постоянно прикидывают, что для них выгодно, а что нет, ревностно оберегая свои личные интересы. Прикрываясь громкими фразами об отстаивании принципов партии, всеми правдами и неправдами пытаются добиться своего... Они любят кляузничать, поносить товарищей, за спиной плести

китайцев, нежели японцев». Если японцы крепко держатся друг за друга, «то китайцы сцепятся между собой, пока не вымотают друг друга во внутренних склоках. А их противник может ограничиться ролью наблюдателя, оказываясь в выигрыше» (Шао Яньсян [род. 1933]. *Сто печальных и радостных глав* [«Ю юэ ши пьнь»]. Пекин, 1986, с. 251; Ду Вэйдун. «Призыв в пользу Бо Лэ». *Рабочая газета* [Гунжэнь жибао]. Пекин, 27.07.1986, с. 2).

33.17. Единодушие между военачальником и канцлером

«Лянь По был одним из выдающихся военачальников княжества Чжао. На 16-м году правления чжаоского Хуэй Вэнь-вана (283 до н. э.) Лянь По командовал армией Чжао во время похода на Ци, нанес цисцам крупное поражение и захватил Янцзинь. Ему было даровано звание *шанцина*, храбрость его стала известна среди *чжухоу*. Линь Сянжу был уроженцем Чжао, служил дворовым при старшем евнухе Мяо Сяне.

Во время [правления] чжаоского Хуэй Вэнь-вана нашли [драгоценную] яшму мастера Хэ из царства Чу. Циньский Чжао-ван, прослышав об этом, послал гонца к чжаоскому вану, предложив 15 городов в обмен на эту яшму. Чжаоский ван стал советоваться со старшим командующим Лянь По и со всеми высшими сановниками. Они рассуждали так: можно и отдать драгоценную яшму циньскому правителю, но вряд ли удастся получить циньские города; если же не отдавать, то есть опасность нападения циньской армии. Не решив вопроса, стали искать человека, которого можно было бы послать в Цинь. Но такого не нашли. Тогда старший евнух Мяо Сянь сказал: «Можно послать моего приближенного Линь Сянжу». Ван спросил: «А откуда вы знаете его [способности]?» Тот ответил: «Ранее я провинился перед вами и намеревался бежать в княжество Янь, но мой приближенный Сянжу удержал меня, сказав: «Разве вам известно, что за человек яньский ван?» Я ответил ему: «В свое время я сопровождал нашего Великого вана в поездке на границу, где он встретился с яньским ваном. Яньский правитель тайком пожал мою руку, сказав: «Давайте будем друзьями». Потому я и знаю его и решил отправиться туда». Сянжу на это мне сказал: «Чжао могущественно, а Янь слабое, вы в милости у чжао-ского вана, поэтому яньский ван и домогался вашей дружбы. Ныне если вы покинете Чжао и уедете в Янь, то яньский правитель, боясь сильного чжаоского [вана], не осмелится оставить вас у себя и связанным вернет обратно в Чжао. Лучше вам, почтенный, обнажив плечо, склониться и признать свою вину, покаяться в своем прегрешении, и тогда, возможно, вы заслужите прощение». Я последовал его совету, и вы, [ван], милостиво простили меня. Смеею полагать, что Сянжу — отважный муж, обладает мудростью; его несомненно можно отправить послом».

Тогда Хуэй Вэнь-ван велел призвать Сянжу к себе и спросил его: «Циньский ван предлагает мне 15 городов в обмен на мой яшмовый талисман; как мне поступить?» Сянжу ответил: «Царство Цинь могущественно, Чжао — слабое. Нельзя не согласиться». Ван дальше спросил: «А если яшму заберут, а обещанные города не отдадут, тогда что делать?» Сянжу сказал: «Циньский ван предлагает города за яшму, но если Чжао не согласится, то вина ляжет на Чжао; если же Чжао отдаст драгоценную яшму, а циньцы не отдадут городов, то вина ляжет на Цинь. В любом случае лучше, чтобы ответственность легла на Цинь». Ван спросил: «А кого же можно послать?» Сянжу в ответ сказал: «Если у вана нет подходящего человека, я готов принять драгоценную яшму и отправиться вашим послом. Если города перейдут к Чжао, яшма останется в Цинь, если же города нам не отдадут, я постараюсь сохранить яшму в целости и вернуться в Чжао». После этого чжаоский ван послал Сянжу на запад, в Цинь, поднести [его правителю] драгоценную яшму.

Циньский ван принял Сянжу, сидя на террасе Чжантай. Сянжу поднес циньскому вану драгоценную яшму. Ван очень обрадовался, тут же передал драгоценность своим красавицам и свите, чтобы они на нее полюбовались. Все приближенные дружно воскликнули: «Ваньсуй!» [досл. «десять тысяч лет» —

интриги, вбивать клин в отношения друзей» (3). Признанный классик китайской литературы и патриарх национального самоанализа Линь Юйтан еще в 1934 г. в своей нестареющей работе «Китайцы» называл этот феномен «отсутствием общественных мозгов». В частности, он обращал внимание на то, что среди настольных игр его соотечественники предпочитают некомандные, т. е. такие, в которых каждый играет за себя, как, например, мацзян. «В этой «мацзяновой философии», вероятно, можно разглядеть особенности китайского индивидуализма» (4)).

(1) Бо Ян. «Чоулоудэ чжунгожэнь» (Безобразные китайцы). Чанша, 1986, с. 11; (2) Ли Лисань (1899—1967). «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». Цит. по: Бурлацкий Ф. Мао Цзэдун. М., 1976, с. 41—42; (3) Лю Шаоци (1898—1969). «О работе коммуниста над собой». Пекин, 1965, с. 19; (4) Линь Юйтан. «Чжунгожэнь» (1934) (Китайцы). Шанхай, 1995, с. 178.

Взято из статьи: К. Барский. «Особенности политической борьбы в КНР и на Тайване // Политическая интрига на Востоке. М.: Восточная литература, 2000, с. 366—367. — *Прим. пер.*

восклицание, выражающее безоговорочное одобрение, восторг]. Тут Сянжу стало ясно, что циньский ван вовсе не намерен отдавать чжаосцам города; [он] вышел вперед и сказал: «Но в яшме есть изъян, разрешите, я покажу его вам». Ван передал яшму послу. Тогда Сянжу схватил ее, отошел назад, прислонился к колонне, разгневанный, так что поднявшиеся от возмущения волосы сбили его головной убор, и сказал циньскому вану: «Вы, великий ван, желая заполучить драгоценную яшму, отправили своего гонца с посланием к чжаоскому вану. Тот созвал на совет всех сановников, и они ему говорили: «Циньский правитель жаден, он, пользуясь своим могуществом, с помощью пустых посулов требует себе эту яшму, обещанных же городов мы все равно не получим». Все советовали вану не отдавать Цинь эту драгоценную яшму. Но я полагал, что обман недопустим даже в отношениях между простыми людьми, что же говорить об отношениях между великими государствами! Кроме того, [чжаоский ван] решил, что нельзя из-за одной маленькой яшмы лишать удовольствия правителя мощной циньской державы. После чего он постился пять дней, а затем отправил меня вручить вам драгоценную яшму и доверил мне свое послание к вам. Почему он так поступил? Этим он пожелал выразить свое почтение вашему могущественному государству. Ныне, когда я прибыл сюда, вы, великий ван, приняли меня не во дворце, встретили весьма надменно. Получив драгоценную яшму, вы тут же передали ее своим красавицам, чтобы посмеяться надо мной. Я вижу, что вы, великий ван, не имеете намерений отдавать чжаоскому вану обещанные города, поэтому я забираю обратно эту яшму. Но если вы вздумаете отобрать у меня ее силой, я и драгоценную яшму и свою голову разобью об эту колонну!»

Сянжу крепко сжал руками яшму и взглянул на колонну, словно намеревался ударить по ней. Циньский ван, опасаясь, что посол разобьет сокровище, извинился перед ним. Он призвал к себе управляющих делами с картами и отметил на них 15 городов, которые отныне должны быть переданы Чжао. Но Сянжу счел, что все это — обман циньского вана, лишь делающего вид, что он отдает города чжаосцам, и поэтому сказал ему: «Драгоценность рода Хэ — это сокровище Поднебесной, которое передается из поколения в поколение. Чжаоский ван опасался вас и не посмел не передать его вам; когда он посылал вам эту драгоценность, он постился пять дней. Сейчас вы, великий ван, тоже должны поститься пять дней, собрать во дворце знать всех девяти рангов, и только тогда я вручу вам эту яшму». Циньский ван задумался. Отнять драгоценность силой он не мог и потому в конце концов согласился поститься пять дней. Он поселил Сянжу в подворье Гуанчэн. Сянжу, поразмыслив, пришел к выводу, что циньский ван хотя и согласился поститься, но обещанные города наверняка не отдаст, поэтому он повелел своему слуге переодеться в грубую одежду и, спрятав понадежнее драгоценную яшму, короткой дорогой вернуть ее в Чжао.

После пятидневного поста циньский ван собрал в дворцовом зале всю знать девяти рангов и велел ввести чжаоского посланца Линь Сянжу. Сянжу вошел и сказал циньскому вану: «Со времени Му-гуна в Цинь сменилось более 20 правителей, но ни один из них твердо не соблюдал принятых на себя обязательств. Я решил, что буду обманут ваном и таким образом провинюсь перед Чжао, поэтому повелел своему слуге вернуться обратно с драгоценной яшмой. За это время он уже добрался до Чжао. Вместе с тем известно, что Цинь — сильное государство, [а] Чжао — слабое; если вы, великий ван, пошлете человека в Чжао, то чжаоский правитель [может] тут же передать вам драгоценный талисман. Если могущественное Цинь первым уступит чжаосцам 15 городов, разве чжаоский правитель осмелится удерживать драгоценность у себя и совершать преступление против великого вана! Я прекрасно понимаю, что за обман великого вана я должен быть казнен, и согласен даже на то, чтобы вы сварили меня в кипятке заживо, но прошу вас, великий ван, сначала обсудить вместе с вашими сановниками все ваши действия».

Циньский ван и его сановники переглядывались в растерянности, а некоторые из приближенных намеревались вытолкать Сянжу из зала, но циньский ван сказал: «Если мы сейчас уьем Сянжу, то никогда не сумеем заполучить драгоценную яшму и прервем добрые отношения между Цинь и Чжао. Не лучше ли поступить с ним великодушно и отпустить его обратно в Чжао? Разве чжаоский ван из-за какой-то яшмы пойдет на обман Цинь?!» Затем он принял Сянжу во дворец и, исполнив соответствующие церемонии, отправил его обратно в Чжао. По возвращении Сянжу чжаоский ван понял, что его мудрый посол не опозорил его перед чжухоу, и пожаловал ему звание шандафу. В конце концов Цинь не отдало своих городов Чжао, но и Чжао не отдало циньцам драгоценной яшмы.

После этого Цинь напало на Чжао и заняло Шичэн. На следующий год (280 до н. э.) циньцы вновь напали на Чжао и убили 20 тысяч воинов.

Циньский ван направил своих послов сказать чжаоскому вану, что он хотел бы встретиться с ним для установления дружеских отношений за пределами Сихэ, в Мянччи. Чжаоский правитель боялся Цинь и не хотел ехать на встречу, но Лянь По и Линь Сянжу посоветовали ему: «Если вы, ван, не поедете, то этим покажете, что Чжао не только слабо, но и трусливо». Тогда чжаоский ван поехал. Его сопровождал Сянжу. Лянь По проводил [своего правителя] до границы и на прощание сказал: «Вся ваша поездка — дорога туда, церемония встречи и возвращение — должна занять не более 30 дней. Если же по прошествии этого срока вы не вернетесь, то разрешите мне поставить на княжеском престоле вашего Наследника, чтобы пресечь всякие поползновения Цинь». Чжаоский правитель свое согласие дал; после этого встретился с циньским

ваном в Мянъчи (279 до н. э.).

Циньский ван устроил пир и сказал: «Я слышал, что вы, чжаоский ван, любите музыку, прошу вас сыграть на цине». Чжаоский ван заиграл. Тогда вышел вперед циньский юйши и записал: «В такой-то день такого-то месяца и года циньский ван пировал с чжаоским ваном и повелел чжаоскому вану играть на цине». Тут выступил вперед Линь Сянжу и сказал: «Наш чжаоский правитель слышал, что циньский правитель прекрасно исполняет циньские напевы, он просил бы его сыграть на пэнфоу, чтобы доставить всем радость и удовольствие». Циньский ван разгневался и отверг просьбу. Но Линь Сянжу вынес пэнфоу и, став на колени, стал просить циньского вана сыграть. Циньский ван, однако, не умел на нем играть. Сянжу произнес: «Я сделаю еще пять шагов вперед, и кровь из [моего] перерезанного горла прольется на вас, великий ван». Приближенные вана готовы были разорвать Сянжу на куски за такую дерзость, но он так сверкнул глазами и прикрикнул на них, что они отпрянули. Тогда циньский ван с явным неудовольствием ударил пальцами по поверхности пэнфоу, а Сянжу тут же подозвал чжаоского летописца и велел ему сделать следующую запись: «В такой-то день, такой-то луны и года циньский ван играл чжаоскому правителю на пэнфоу». После этого циньские сановники воскликнули: «Пусть 15 городов княжества Чжао пьют за здоровье циньского вана!» В ответ Линь Сянжу тоже провозгласил: «Пусть циньская столица Сянъян пьет за здоровье чжаоского вана».

Циньский ван на этом кончил пир, так и не сумев одержать верх над Чжао.

Между тем Чжао собрало достаточное войско, чтобы встретить нападение циньцев, и Цинь не решилось действовать.

Заслуги Сянжу были [столь] значительными, что после прекращения военных действий и возвращения на родину ему пожаловали звание шанцина и посадили справа от Лянь По. Лянь По негодовал: «Я являюсь военачальником Чжао, у меня большие заслуги в осаде городов и в сражениях в открытом поле, а Сянжу трудился только своим языком, положение же занимает выше моего. Кроме того, он человек низкого происхождения, мне стыдно быть ниже него». И он открыто заявил: «Как только встречу Сянжу — обязательно его опозорю». Когда об этом узнал Сянжу, он стал уклоняться от встреч с Лянь По. Во время дворцовых приемов он нередко сказывался больным, не желая спорить с Лянь По о том, где кому сидеть.

Как-то Сянжу, выехав из дома, издали увидел Лянь По; Сянжу направил свой экипаж в объезд, чтобы избежать встречи. Тогда его приближенные стали укорять его: «Мы ушли от родных и стали служить вам, почтенный, только ради вашего высокого духа и справедливости. Ныне вы занимаете с Лянь По равное положение, но он распускает грязные слухи о вас, а вы прячетесь от него. Неужели вы так боитесь, что он вас убьет? Ведь этого даже заурядный человек стыдился бы — что же говорить о военачальнике и советнике! Мы, недостойные, просим разрешения покинуть вас». Линь Сянжу никак не хотел их отпускать и спросил: «Кто страшнее — военачальник Лянь По или цинь-ский ван?» — «Разве их можно сравнить!» — был ответ. Сянжу сказал: «Так вот, несмотря на все могущество циньского вана, я, Сянжу, во дворце прикрикнул на него и сановников его сумел пристыдить. Хотя я, Сянжу, и невеликая фигура, но чего уж мне бояться военачальника Лянь По? Мне думается, что сильное Цинь не осмеливается поднять свои армии против Чжао только потому, что живы мы оба. Если же сейчас два тигра начнут драться друг с другом — и тот и другой погибнет. Именно по этой причине я на первое место ставлю насущные заботы о государстве и в последнюю очередь думаю о личной неприязни».

Лянь По узнал про этот разговор и однажды, обнажив плечо и неся терновую палку в знак покаяния, сопровождаемый своими бинькэ, пришел к воротам дома Линь Сянжу, чтобы просить прощения за свои слова. Он сказал: «Я недостойный человек, я не представлял себе, как вы безгранично великодушны». В конце концов они с радостью помирились, став близкими друзьями» [«Ши цзи», гл. 89: *Сыма Цянь. Исторические записки. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, с. 247— 252*].

О возвышении Линь Сянжу сообщает Сыма Цянь в своих *Исторических записках*. Этот рассказ Сыма Цяня пользуется широкой известностью в Китае. Он мне повстречался не только во время двухлетней учебы на Тайване (1971 — 1973) на страницах пятого тома учебника китайского языка для высших учебных заведений, но и в 1997 г. в поездке по Китаю в 11-м выпуске учебника китайского языка для начальной школы. Линь Сянжу выделяется своей удивительной стратегаемной чуткостью, тотчас угадывая любую замышляемую циньцами стратегию. Своим возвышением Линь Сянжу обязан собственной стратегаемной проницательности, благодаря которой он сумел удержать от безрассудного поступка своего покровителя, старшего внука Мяо Сяня. Линь Сянжу не только разгадывал вражеские стратегии, но и умел успешно противодействовать им, если требовалось, то посредством тех же стратегем. Перед лицом угрозы со стороны стратегемы 33 Линь Сянжу своим мягким поведением сумел переубедить Лянь По. Линь Сянжу проявил себя знатоком стратегаемного самоанализа. Он понимал, какие стратегемные возможности открываются перед враждебным царством Цинь, стоит им повздорить с Лянь По. Его сообразующееся со стратегемным самоанализом стратегаемно-уклончивое и одновременно соответствующее стратегеме 19

поведение, превратно истолкованное его подчиненными как трусость, заставляет Лянь По образумиться. Зависть исчезает, и из соперника тот становится другом. Тем самым у Цинь пропадает всякая возможность нажиться на соперничестве между Лянь По и Линь Сянжу.

Вспомним совет Гете по противодействию стратагеме 33:

«Разделяй и властвуй!» — совет дельный;

«Объединяй и направляй!» — покрепче оплот.

Стратагема № 34. Нанесение себе увечья

Три иероглифа	苦	肉	計
Современное китайское чтение	Ку	жоу	цзи
Перевод каждого иероглифа	Страдание, страдать / плоть; (часть вместо целого) тело / стратагема		
Связный перевод	Стратагема страдающей плоти		
Сущность	1. Нанесение самому себе раны / поранить себя, дать наказать, унижить, чтобы войти в доверие к врагу; устроить мнимые козни в отношении представителя собственного стана, чтобы позволить ему якобы «переметнуться» к неприятелю, где, втеревшись в доверие, он работает на своих согласно стратагеме 33. Стратагема нанесения себе вреда, членовредительства, самострела; стратагема мнимого перебежчика 2. Поранить себя и тем самым выманить затаившегося на безопасном расстоянии противника, чтобы затем внезапно на него напасть 3. Разыграть преследуемого с целью вызвать поддержку 4. Прикинуться подавленным, чтобы вызвать сочувствие и развеять недоверие. Стратагема самооговора, самобичевания, стратагема хождения в Каноссу		

Древнейшее выражение для стратагемы 34, насколько известно, встречается в пьесе «Великий государь Гуань с одним мечом [идет] на пир» («Гуань да-ван дань-дао хуэй») Гуань Ханьцина (ок. 1240—1320). В первом действии вскользь упоминается «Хуан Гай, проделавший стратагему нанесения себе увечья». А что она собой представляет, мы узнаем из романа *Троецарствие*.

34.1. Один изъявляет готовность бить, другой — быть избитым

Чжугэ Ляну благодаря стратагеме удалось склонить правителя и военачальника царства У заключить союз против надвигавшегося с восьмисоттысячным войском Цао Цао, владыки севера Китая (см. 13.13). Еще молодой Чжоу Юй, главнокомандующий усскими войсками, располагал лишь 50—60-ю тысячами воинов. Согласно оценке Чжугэ Ляна, несмотря на все превосходство Цао Цао, его можно разбить, если удастся его, несведущего в войне на воде уроженца севера, вынудить к сражению на кораблях. Однако вскоре на службу к Цао Цао перешли два знающих толк в водных баталиях человека, Цай Мао и Чжан Юнь (см. 20.15). Они принялись шаг за шагом готовить войско Цао Цао к предстоящей битве на реке Янцзы. Обоих опасных военных советников Цао Цао с помощью стратагемы Чжоу Юю удалось убрать (см. 33.11). Вскоре Цао Цао был одурочен и Чжугэ Ляном. Под прикрытием тумана тот приблизился на кораблях к водному лагерю Цао Цао, приказав стать судам носом на запад и ударить во все гонги и барабаны... «Немедленно выставить лучников! — распорядился Цао Цао. — Всех, кто есть во флоте! Пусть они отбивают врага стрелами! Самим в сражение не вступать: за туманом ничего не видно. Если враг появился так внезапно, значит, у него там ловушка! Держитесь осторожней!» Цао Цао послал людей в сухопутные лагеря передать... чтобы... немедленно отправили на берег по три тысячи лучников. Военачальники, опасаясь, что враг ворвется на их корабли, приказали лучникам осыпать стрелами пространство перед водным лагерем. Десять тысяч человек стреляли не переставая. Стрелы сыпались дождем. Чжугэ Лян повелел развернуть суда в линию с востока на запад и подставить их под стрелы. До самого восхода солнца на его судах гремели барабаны и раздавались воинственные крики воинов. А когда рассеялся туман, Чжугэ Лян приказал идти в обратный путь. Снопы

соломы, привязанные по обоим бортам судов, были сплошь утыканы стрелами. «Благодарим за стрелы, господин чэн-сян!» — разом крикнули воины, как их научил Чжугэ Лян.

Пока о случившемся доложили Цао Цао, легкие суда, быстро скользя по реке, *были* уже далеко; преследовать их было бесполезно. Цао Цао впал в бешенство, сожалея о допущенной ошибке...

Израсходовав понапрасну сто пятьдесят или сто шестьдесят тысяч стрел, Цао Цао в душе был крайне раздражен.

«Чжоу Юй и Чжугэ Лян большие хитрецы, — сказал ему советник Сюнь Ю, — их так просто не возьмешь! Может быть, лучше сперва заслать в Цзяндун лазутчиков? Они притворно перейдут на сторону Чжоу Юя, а на самом деле будут передавать нам сведения. Тогда, зная обстановку, мы сможем принимать правильные решения».

«Так думаю и я, — поддержал его Цао Цао. — Но кто за это возьмется?»

«Дело это можно поручить Цай Чжуну [род. 182] и Цай Хэ [род. 180] — младшим братьям Цай Мао, они сейчас служат в нашем войске, — сказал Сюнь Ю. — Окажите им большие милости, пообещайте награду и отправьте в Восточный У. Переход их на сторону врага не вызовет никаких подозрений...»

Цао Цао щедро одарил Цай Хэ и Цай Чжуна. На следующее утро они в сопровождении пятисот воинов на нескольких судах при попутном ветре отплыли в Восточный У.

Чжоу Юй держал совет со своими военачальниками о предстоящем походе, когда ему доложили, что в устье реки остановилось несколько судов, прибывших с северного берега; на судах находятся братья Цай Мао и заявляют, что они хотят покориться.

Чжоу Юй велел привести их в шатер. Цай Хэ и Цай Чжун предстали перед ним и, поклонившись до земли, сказали:

«Мы решили сдаться вам, чтобы отомстить за старшего брата, безвинно убитого злодеем Цао Цао. Если вы примете нас, мы готовы сражаться против Цао Цао, не щадя своей жизни!»

Чжоу Юй обрадовался и разрешил им остаться, щедро наградив их. Он назначил братьев Цай в отряд к Гань Нину. Они поблагодарили его и решили, что им легко удалось перехитрить Чжоу Юя.

Но, как только они вышли из шатра, Чжоу Юй призвал Гань Нина и предупредил его: «Будьте осторожны! Эти двое — лазутчики, которых к нам подослал Цао Цао. Заметили вы, что они приехали без своих семей? Это доказывает, что они вовсе и не помышляют о том, чтобы верно служить нам. Что ж, пусть посылают свои донесения! А я постараюсь их хитрости противопоставить свою (стратагема 33). Обращайтесь с ними вежливо, но не спускайте с них глаз. В день выступления в поход мы их казним и принесем в жертву знамени»...

В полночь, когда Чжоу Юй сидел у себя в шатре, к нему незаметно вошел Хуан Гай.

«Вы, должно быть, по важному делу? — спросил у него Чжоу Юй. — Хотите что-нибудь сообщить?»

«Я хотел вас спросить, почему мы медлим? Враг многочисленнее нас, и медлить нельзя. Мы могли бы предпринять нападение огнем...»

«Кто научил вас дать мне такой совет?» — заинтересовался Чжоу Юй.

«Никто. Я сам додумался», — ответил Хуан Гай.

«А я так и хочу поступить, — признался Чжоу Юй. — Потому-то я и держу у себя Цай Хэ и Цай Чжуна, хотя и знаю, что они лазутчики. Пусть себе посылают свои донесения! Жаль только, что для меня никто не может сделать того же!»

«Я сделаю!»

«Цао Цао вам не поверит. Ведь я никогда вас не обижал, и у вас нет повода перейти на его сторону».

«Я готов, чтобы меня растерли в порошок, лишь бы отблагодарить за милости, полученные мною от рода Сунь!» — решительно заявил Хуан Гай.

«Благодарю вас! — Чжоу Юй поклонился ему. — Если вы готовы ради этого претерпеть телесные страдания, мы все будем бесконечно гордиться вами».

«Если нужно, я готов даже смерть принять безропотно!» — подтвердил свою решимость Хуан Гай, прощаясь с Чжоу Юем.

На другой день Чжоу Юй барабанным боем созвал военачальников к своему шатру. Среди присутствующих был и Чжугэ Лян.

«Слушайте внимательно! — начал Чжоу Юй. — У Цао Цао огромнейшая армия, линия укрепленных лагерей его растянулась на целых триста ли. Разбить такого врага в один день, разумеется, невозможно, и я повелеваю всем военачальникам заготовить запасы провианта и фуража не менее чем на три месяца и быть готовым к обороне».

«Что? На три месяца? Да запасайтесь хоть на тридцать месяцев, все равно вы ничего не добьетесь! — дерзко вскричал Хуан Гай. — Если мы не разобьем врага в нынешнем месяце, значит, не разобьем никогда! Тогда только и останется последовать совету Чжан Чжао: сложить оружие и сдаться».

«Я получил повеление разбить врага! — выкрикнул Чжоу Юй, от гнева меняясь в лице. — Как ты смеешь подрывать боевой дух воинов в такое время, когда мы стоим лицом к лицу с врагом! Или ты не знаешь, что мне велено казнить всех, кто заведет разговоры о том, чтобы покориться Цао Цао? Эй, стража, отрубить ему голову!»

Стража схватила Хуан Гая, собираясь исполнить приказание.

«Я служил трем поколениям рода Сунь! Я весь юго-восток исколесил! — кричал в ответ Хуан Гай, задыхаясь от злости. — А ты откуда взялся?»

Чжоу Юй еще больше рассвирепел.

«Стража! Чего там замешкались? Рубите голову этому разбойнику!»

«Пощадите его, господин ду-ду! — вступился Гань Нин за Хуан Гая. — Ведь он старый слуга нашего господина!»

«Как ты смеешь мне перечить? — вскричал Чжоу Юй. — Ты что, тоже не подчиняешься моим приказам?»

И он велел охране прогнать Гань Нина палками.

Военачальники упали на колени перед Чжоу Юем:

«Простите Хуан Гая, господин ду-ду! Мы не спорим, он виноват, но не казните его сейчас: он нужен нашему войску! Запишите его вину и, когда мы разобьем Цао Цао, накажите!»

Но Чжоу Юй продолжал неистовствовать. Тогда к мольбе военачальников присоединились и гражданские чины. Наконец Чжоу Юй сказал Хуан Гаю:

«Ладно, прощаю тебя! Но помни, что, если бы не просьбы чиновников, я бы тебе отрубил голову!»

Чжоу Юй велел слугам увести Хуан Гая и дать ему пятьдесят ударов палкой по спине. Присутствующие пытались было уговорить его смягчить и это наказание, но Чжоу Юй в ярости опрокинул столик и закричал, чтобы они убирались с его глаз долой.

С Хуан Гая сорвали халат, повалили на землю и стали избивать палкой. Чиновники с горькими слезами просили Чжоу Юя пощадить провинившегося.

«Ну, пока хватит! — распорядился Чжоу Юй и крикнул Хуан Гаю: — Если ты еще посмеешь мне перечить, получишь все пятьдесят ударов! И помни, что за непочтительность я накажу тебя вдвойне!»

Чжоу Юй стремительно встал и ушел в шатер. Чиновники подняли Хуан Гая. Он был так избит, что кожа на спине висела клочьями и кровь текла ручьями. Поддерживая под руки, его повели в лагерь. Дорогой Хуан Гай несколько раз падал без сознания.

Обеспокоенный состоянием Хуан Гая, Лу Су (см. 13.13) зашел навестить его, а потом отправился к Чжугэ Ляпу.

«Как же это вы сегодня не вступились за Хуан Гая? — упрекнул он Чжугэ Ляна. — Нам нельзя было протестовать: Чжоу Юй наш начальник, и мы должны ему подчиняться. Но вы-то как гости могли за него заступиться! Почему вы предпочли стоять сложа руки и наблюдать со стороны?»

«А зачем вы говорите мне неправду?» — прервал его Чжугэ Лян.

«Неправду? С тех пор как вы сюда приехали, я ни разу вас не обманул!» — запротестовал Лу Су.

«Значит, вы действительно не поняли, что Чжоу Юй нарочно приказал избить Хуан Гая? — спросил Чжугэ Лян. — Ведь все это было заранее обдуманно».

Теперь намерения Чжоу Юя дошли до сознания Лу Су. Чжугэ Лян продолжал объяснять:

«Ведь Хуан Гаю не удалось бы обмануть Цао Цао, если бы Чжоу Юй не избил его. Вы увидите, как только Цай Хэ и Цай Чжун донесут о случившемся Цао Цао, Хуан Гай уедет к нему! Но вы ни в коем случае не говорите Чжоу Юю, что я разгадал его хитрость. Скажите, что я тоже присоединюсь к общему недовольству».

Лу Су попрощался и направился к Чжоу Юю. Тот пригласил его к себе в шатер.

«За что вы так жестоко наказали Хуан Гая?» — спросил он.

«Разве военачальники недовольны?» — поинтересовался Чжоу Юй.

«Да, многие в душе сильно обеспокоены».

«А что говорит Чжугэ Лян?»

«Он тоже недоволен вашей чрезмерной жестокостью».

«Сегодня в первый раз я обманул его!» — радостно воскликнул Чжоу Юй.

«Что вы этим хотите сказать?» — с удивлением спросил Лу Су.

«Я хочу сказать, что избивание Хуан Гая было задумано ради большого дела! Я решил перебросить его на сторону врага, и нам пришлось разыграть ссору, чтобы обмануть Цао Цао».

Лу Су подивился проницательности Чжугэ Ляна, но Чжоу Юю ничего не сказал.

Избитый Хуан Гай лежал в своем шатре. Военачальники навещали его и выражали свое сочувствие. Хуан Гай ничего не отвечал и только тяжело вздыхал. Как-то к нему пришел советник Кань Цзэ. Хуан Гай велел пригласить его к своему ложу и отпустил слуг.

«Вы, наверно, обижены на Чжоу Юя?» — осведомился Кань Цзэ.

«Нисколько!» — ответил Хуан Гай.

«Значит, ваше наказание — хитрость?»

«С чего вы это взяли?»

«Я все время наблюдал за Чжоу Юем и на девять десятых разгадал его замысел», — сказал Кань Цзэ.

«Да, я подвергся этому наказанию добровольно и не сожалею! На своем веку я пользовался большими милостями рода Сунь и решил за все отблагодарить. Я сам предложил такой план, чтобы помочь разбить Цао Цао. Я рассказал вам все откровенно как честному человеку и преданному другу».

«И, разумеется, хотите просить меня отвезти Цао Цао ваше письмо, где вы изъявите желание перейти на его сторону. Верно?» — спросил Кань Цзэ.

«У меня действительно было такое намерение, — сказал Хуан Гай. — Но только я не знаю, согласитесь ли вы?»

Кань Цзэ охотно согласился...

Кань Цзэ был родом из Шаньиня, что в Хуэйцзи. Происходил он из бедной семьи и очень любил учиться.

Памятью он обладал поразительной; стоило ему один раз прочитать какую-нибудь книгу, и он ее не забывал. Слава о нем как о блестящем ораторе и храбром воине распространилась далеко вокруг, и Сунь Цюань пригласил его к себе на должность военного советника. Здесь Кань Цзэ подружился с Хуан Гаем, и тот, зная о его необыкновенных способностях, был уверен, что Кань Цзэ сумеет доставить письмо. Кань Цзэ охотно согласился исполнить просьбу друга.

«Раз вы рискуете своей жизнью, то могу ли я жалеть свою! — воскликнул он. — Так должен поступать доблестный муж, — иначе чем он будет отличаться от гнилого дерева?»

Хуан Гай вскочил с постели и с благодарностью поклонился другу.

«С этим делом медлить нельзя», — сказал Кань Цзэ.

«Письмо уже готово! Вот оно», — ответил Хуан Гай.

Кань Цзэ взял письмо и, переодевшись рыбаком, в ту же ночь в небольшой лодке отправился на северный берег Янцзы. Ко времени третьей стражи он был уже неподалеку от лагеря Цао Цао. Ночь была звездная; стража, наблюдавшая за рекой, заметила приближавшуюся лодку и задержала ее. Об этом немедленно доложили Цао Цао.

«Это не рыбак, а лазутчик!» — воскликнул тот.

«Он называет себя военным советником из Восточного У и заявляет, что привез вам секретное письмо, господин чэн-сян», — сказали воины.

«Хорошо, посмотрим! Приведите-ка его сюда!» — распорядился Цао Цао.

Шатер был ярко освещен светильниками. Цао Цао сидел, облокотившись на столик, когда ввели Кань Цзэ.

«Зачем пожаловали, господин советник Восточного У?» — спросил Цао Цао.

«О Хуан Гай, Хуан Гай! — вздохнул Кань Цзэ. — Ошибся ты в своих расчетах! Теперь-то я воочию убедился, что чэн-сян не нуждается в мудрецах! Оказывается, люди пустое болтают! Разве такие вопросы задают гостям?»

«А почему бы мне и не спросить об этом? — промолвил Цао Цао. — Я воюю с Восточным У, вы приехали оттуда».

«Хуан Гай много лет служил роду Сунь, — сказал Кань Цзэ, — но недавно Чжоу Юй без всякой на то причины жестоко избил его. Оскорбленный Хуан Гай решил перейти к вам, чтобы отомстить своему обидчику. Но он не знает, пожелаете ли вы принять его, и упросил меня, как друга, отвезти вам секретное письмо».

«Где же оно?» — спросил Цао Цао.

Кань Цзэ достал письмо. Цао Цао вскрыл его и стал читать, наклонившись к светильнику.

«Удостоенный великих милостей рода Сунь, я никогда не помышлял об измене. Но ныне случилось нечто, заставившее меня заговорить об этом! Как известно, один в поле не воин, и я твердо убежден, что с малочисленным войском невозможно противостоять могучей армии Срединного царства. Это знают все военачальники Восточного У, и умные и глупые, только один Чжоу Юй, неразумный и запальчивый юнец, слепо верит в свои способности. Он хочет яйцом разбить камень! Мало того, он чинит произвол, наказывает невинных и не награждает заслуженных. Я ненавижу его за то унижение, которое мне пришлось претерпеть от него!

Слышал я, что вы, господин чэн-сян, с распростертыми объятиями принимаете людей ученых, и потому решил вместе с моими воинами перейти к вам, чтобы восстановить свою честь и смыть со своего имени позор.

Запас провианта, оружие и суда я передам вам.

Слезно умоляю вас не сомневаться во мне».

Цао Цао несколько раз внимательно перечитал письмо. Вдруг он вскочил и, в ярости стукнув кулаком по столу, обрушился на Кань Цзэ:

«Как ты смеешь играть со мной? Хуан Гай лазутчиком хочет пробраться ко мне! Он сам устроил так, чтобы его опозорили, а тебя подослал с письмом!»

И он крикнул страже, чтобы Кань Цзэ отрубили голову.

Воины схватили его и поволокли из шатра. Но Кань Цзэ это нисколько не смутило. Он даже засмеялся.

«Чему ты смеешься? — спросил изумленный Цао Цао, делая знак, чтобы Кань Цзэ отпустили. — Или я не разгадал ваш коварный замысел?»

«Я не над вами смеюсь, а над Хуан Гаем. Это он не разбирается в людях!» — ответил Кань Цзэ.

«Что это значит?» — заинтересовался Цао Цао.

«А вам зачем знать? Хотите убить меня — так убивайте!»

«Ты мне пыль в глаза не пускай! Я с детства читаю книги по военному искусству и прекрасно знаю все способы обмана!»

«Значит, вы считаете, что это письмо ложь?» — спросил Кань Цзэ.

«Я хочу сказать, что один небольшой недосмотр выдал тебя! — сказал Цао Цао. — Если Хуан Гай действительно хочет перейти ко мне, почему он не указал время? Ну, что ты на это скажешь?»

Кань Цзэ безудержно рассмеялся:

«Ха-ха-ха! И ты еще хвалишься, что с детства читаешь книги по военному искусству! Уходи-ка ты поскорее восвояси, а не то Чжоу Юй тебя схватит! Невежда! Жаль, что приходится погибать от твоей руки!»

«Невежда? — возмутился Цао Цао, не понимая, к чему клонит Кань Цзэ. — Что ты хочешь этим сказать?»

«А то, что ты ничего не смыслишь в стратегии и не понимаешь самых простых истин!»

«В чем же я допустил ошибку?» — спросил Цао Цао.

«Нет, я умру, вот и все! Не стоит тебе объяснять, раз ты так груб с учеными людьми!»

«Но если ты приведешь убедительные доказательства, я отнесусь к тебе с уважением!» — пообещал Цао Цао.

«В таком случае скажи, кто станет указывать срок, собираясь покинуть своего господина и перейти к другому? — спросил Кань Цзэ. — Предположим, Хуан Гай написал бы, что перейдет к тебе тогда-то, но по тем или иным причинам не смог бы этого сделать. Ты бы, конечно, его ждал, замысел был бы раскрыт, и делу конец! Разве не ясно, что в таких делах сроки не устанавливаются? Тут приходится ловить удобный момент. А ты, не понимая простой истины, хочешь убить ни в чем не повинного человека! Ну, разве ты после этого не невежда?»

«Простите меня! — сказал Цао Цао, изменив тон и вставая со своей циновки. — Я сразу не разобрался и незаслуженно обидел вас».

«Признаться, я тоже хотел перейти на вашу сторону, — произнес Кань Цзэ. — Неужели вы и в этом увидите только притворство?»

«О нет! Наоборот, я буду очень счастлив! — воскликнул обрадованный Цао Цао. — Если вы с Хуан Гаем совершите великие подвиги, вас ждут такие награды, каких еще никто у меня не получал!»

«Мы будем служить вам не ради титулов и наград, а потому, что этого требует небо!» — заявил Кань Цзэ.

Цао Цао угостил Кань Цзэ вином. Через некоторое время в шатер вошел какой-то человек и что-то шепнул на ухо Цао Цао.

«Дайте письмо», — сказал Цао Цао.

Человек передал ему письмо, Цао Цао прочел, и лицо его засияло. Наблюдая за ним, Кань Цзэ подумал: «Наверно, это донесение от Цай Хэ и Цай Чжуна о том, что Хуан Гай был жестоко избит, и теперь Цао Цао поверил, что мы решили ему сдать».

«Я хочу попросить вас, — неожиданно обратился к нему Цао Цао, — вернуться в Цзяндун и договориться с Хуан Гаем, чтобы он известил меня, когда его можно ждать. Тогда у меня была бы возможность его встретить».

«Я навсегда покинул Цзяндун, и мне не хотелось бы туда возвращаться, — сказал Кань Цзэ. — Может быть, вы пошлете кого-нибудь другого?»

«Я опасаясь, как бы не расстроилось все дело, если поедет кто-либо другой, — возразил Цао Цао. — Лучше всего, чтобы поехали вы».

Кань Цзэ трижды отказывался, но в конце концов уступил.

«Хорошо, я исполню вашу просьбу, — сказал он. — Но в таком случае надо ехать немедленно, не задерживаясь ни на один час».

Цао Цао на прощание одарил Кань Цзэ золотом и шелками, но тот подарков не принял. Поспешно откланявшись, он сел в свою лодочку и уехал в Цзяндун. Встретившись с Хуан Гаем, Кань Цзэ подробно рассказал ему обо всем.

«Если бы не ваше красноречие, я бы напрасно пострадал!» — воскликнул Хуан Гай.

«Я еще сегодня хочу съездить в лагерь Гань Нина и разузнать, что подельывают Цай Хэ и Цай Чжун», — сказал Кань Цзэ, прощаясь с Хуан Гаем.

«Прекрасно! Поезжайте».

Кань Цзэ отправился к Гань Нину.

«Мне очень жаль, что вчера вам пришлось безвинно пострадать из-за Хуан Гая», — начал свою речь Кань Цзэ.

Гань Нин ничего не ответил. В этот момент в шатер вошли Цай Хэ и Цай Чжун. Кань Цзэ подмигнул Гань Нину. Тот его понял и сказал:

«Да! Чжоу Юй только на себя надеется, а нас не ставит ни в грош! Он меня так опозорил, что мне стыдно людям в глаза смотреть!»

Гань Нин заскрежетал зубами, ударил кулаком по столу и стал браниться. Кань Цзэ наклонился к нему и зашептал что-то на ухо. Гань Нин опустил голову и тяжело вздохнул.

«Что заставляет вас гневаться, полководец? — спросили Цай

Хэ и Цай Чжун, заметив, что Гань Нин и Кань Цзэ оборвали при их появлении какой-то разговор. — Что вас тревожит?»

«Тяжко мне! — ответил Гань Нин. — Но вам не понять мое горе!»

«Может быть, вы хотите перейти к Цао Цао?» — высказал предположение Цай Хэ. Кань Цзэ изменился в лице. Гань Нин вскочил и выхватил меч.

«Нас выследили! Если мы не уйдем их, они выдадут нас!» — вскричал он.

«Не гневайтесь, господин, мы вам откроемся!» — взмолились Цай Хэ и Цай Чжун, не на шутку перепуганные грозным видом Гань Нина.

«Говорите скорей!» — приказал Гань Нин.

«Нас сюда подослал чэн-сян Цао Цао, — сказал Цай Хэ, — и если вы хотите перейти к нему, мы вам поможем».

«А вы не лжете?»

«Да как мы посмеем лгать вам?» — в один голос воскликнули Цай Хэ и Цай Чжун.

«Небо послало нам счастливый случай!» — промолвил Гань Нин, делая вид, что он очень рад.

«Об избиении Хуан Гая мы уже донесли чэн-сяну, — сказали братья Цай, — и о вас тоже».

«А я только что отвез письмо Хуан Гая и вернулся, чтобы договориться с Гань Нинем о его переходе к Цао Цао!» — добавил Кань Цзэ.

«Разумеется, — сказал Гань Нин. — Когда доблестный муж встречает просвещенного господина, сердце его склоняется к нему».

По этому поводу все четверо выпили вина и стали делиться самыми сокровенными замыслами. Братья Цай написали Цао Цао донесение о том, что Гань Нин стал их сообщником. А Кань Цзэ с верным человеком отправил Цао Цао письмо, в котором сообщал, что Хуан Гай перейдет к нему при первом удобном случае; на носу его судна будет черное знамя» [«Троецарствие», гл. 46—47: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 1, с. 574—587].

Тем самым Чжоу Юй осуществил первый шаг на пути к уничтожению флота Цао Цао посредством поджога, пишет Сяо Юйфэн в книге для детей Рассказы из «Троецарствия» (Пекин, 1994, с. 85).

В переданном здесь в сокращении отрывке из *Троецарствия* выражение для стратагема 34 встречается пять раз. Дважды к нему прибегает военачальник Чжоу Юй и по одному разу Чжугэ Лян, Кань Цзэ и затем Цао Цао. В разговоре с Хуан Гаем в начале описываемых событий Чжоу Юй использует выражение стратагема для обозначения хитрости, которая, по его мнению, создаст предпосылку для победы над Цао Цао. Здесь отчетливо видно, как китайцы обсуждают стратагему, которую хотят употребить в дело, называя ее по имени. У Чжоу Юя стратагема 34 входит в излагаемый им замысел. На вопрос Лу Су о наказании Хуан Гая тот подтверждает заранее задуманное использование стратагема 34. Иначе дело обстоит с Чжугэ Ляном. В разговоре с Лу Су он упоминает о стратагеме 34, не будучи посвящен в замысел Чжоу Юя, на основании стратагемного изучения всего того, чему он стал свидетелем; то же самое можно сказать и о беседе Кань Цзэ с Хуан Гаем.

Цао Цао поначалу тоже разгадал стратагему 34 и точно ее определил. Здесь видна высокая проницательность китайцев в отношении стратагем. Своим смелым поведением Кань Цзэ сумел отвлечь внимание Цао Цао от уже обнаруженной тем стратагема, затруднив ему видимость напущенным туманом своих речей. Что же касается Хуан Гая, то его стратагема принесла свои плоды в решающий момент сражения у Красной скалы (см. 35.1).

Сам поджог Хуан Гаем, когда он якобы шел сдаваться, скованных цепями судов Цао Цао исторически подтвержден в отличие от использования им стратагема нанесения себе увечья. Но как раз благодаря этому приписываемому ему деянию и славен до сих пор Хуан Гай в Китае. Подобно тому, как старый вояка Хуан Гай своей стратагемой самопожертвования проложил путь к успеху молодому Чжоу Юю, ныне старые руководящие кадры должны поддерживать идущее им на смену молодое поколение, призывает в статье «Похвала уму Хуан Гая» Дуань Ихай (*Жэньминь жибао*. Пекин, 8.03.1993). А в возведенном более 200 лет назад храме Цзуши⁴³⁶ в Санься (на юго-западе Тайбэя) на противоположной главному входу стене до сих пор можно видеть каменный барельеф, на котором изображен Хуан Гай, стойко переносящий тяготы стратагема нанесения себе увечья. В центре композиции стоит Чжоу Юй в роскошном одеянии. Справа мы видим знакомые лица из *Троецарствия*. Военачальник Хуан Гай лежит лицом к земле. Слева от него стоят военачальники, наблюдающие за экзекуцией, а также стражники, наносящие палочные удары.

34.2. Второе задание Ян Ху

В «Сказании о Юэ Фэе» [«Шо Юэ цюань чжуань»] Цянь Цая (XVIII век) описывается героическая борьба полководца Юэ Фэя (1103—1142) (см. 7.18) против чжурчжэней. 31-я глава называется «Перебрасываясь боевым топором, открыто победить храброго военачальника. Прибегнув к уловке нанесения увечья, тайно овладеть горой Канлан»⁴³⁷. Затем выражение для стратагема 34 встречается в романе трижды.

Перешедший на сторону Юэ Фэя разбойник Ян Ху по его заданию отправляется к Ло Хуэю и Вань Жувэю,

⁴³⁶ Речь идет о храме, возведенном в 1769 г. в честь буддийского монаха Чэнь Пуцзу, прозванного патриархом Циншумем (Циншуй-цзуши, 1047—1101). — *Прим. пер.*

⁴³⁷ В русском пер. гл. 30: «Юэ Фэй вступает в поединок и привлекает на свою сторону храброго военачальника. Ян Ху получает двадцать палок и помогает брату овладеть логовом разбойников» (*Цянь Цай*. Сказание о Юэ Фэе. 2 тт. Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Худ. лит., 1963 (серия «Библиотека исторического романа»), т.1, с. 348). — *Прим. пер.*

главарям разбойничьего стана, чтобы склонить их сдаться. Но это ему не удается, и он вынужден несолоно хлебавши вернуться назад. Юэ Фэй, заподозрив, что Ян Ху тайком переметнулся к разбойникам, повелевает дать ему сто палок. Однако, когда Ян Ху всыпали двадцать палок, за него заступается Ню Гао, старый боевой соратник Юэ Фэя, и его прощают. Вскоре после этого Юэ Фэй отправляет к нему посланца с тайной бумагой, в которой просит его опять отправиться к разбойникам. Следы ударов на теле Ян Ху должны убедить их в том, что он — не лазутчик Юэ Фэя. Поначалу главари подозревают, что Ян Ху прибег к стратагеме 34, но, когда тот выхватил меч, делая вид, будто собирается покончить с собой, они перестают сомневаться и с распростертыми объятиями принимают его. Через некоторое время Юэ Фэй начинает сражение с разбойниками, в ходе которого Ян Ху с [Юй Хуалуном,] вторым лазутчиком Юэ Фэя, нападают из-за спины на обоих главарей и убивают их. Разгромив разбойников, Юэ Фэй теперь может целиком сосредоточиться на борьбе с чжурчжэнями.

В отличие от согласованных с Хуан Гаем действий Чжоу Юя здесь Ян Ху наказывают взаправду. Лишь после этого Юэ Фэй решает использовать избитого Ян Ху для уловки.

34.3. Неприятель — сам военный глава города

Об использовании стратагемы 34 на Западе известно издавна. Как сообщают Геродот (ок. 490—430) [Книга III, Талия, 153—160]⁴³⁸ и в ином изложении Фронтин (ок. 40—103), «персидский царь Кир умышленно изувечил лицо приближенного своего Зомира, в верности которого он был убежден, и отослал его к неприятелю. Зомира сочли злейшим врагом Кира, что подтверждалось нанесенным ему увечьем, и это убеждение он еще подкреплял тем, что в боях выбегал поближе вперед и направлял свои дротики против Кира; в результате он сдал Киру порученный ему город Вавилон (538 г. до н. э.)» [Фронтин. «Военные хитрости» (Strategemata). III. 3, 4: «Как вызвать предательство». Пер. А. Рановича] (см. также: *Фронтин: военные хитрости* («Frontinus: Kriegslisten»). Пер. на нем. Герхарда Бендца (Bendz). 2-е изд. Берлин — ГДР, 1978, с. 135 и след. М.А. Дандамаев, *Политическая история державы Ахеменидов* («A Political History of the Achaemenid Empire»). Лейден, 1989, с. 124).

34.4. Избежавший покушения отца

Тарквиний Гордый, согласно преданию седьмой царь Рима, правил в 533—509 гг. до н. э. «53. ...После безуспешной попытки взять [близлежащий] город [Габии] приступом, после того как он был отброшен от стен и даже на осаду не мог более возлагать никаких надежд, Тарквиний, совсем не по-римски, принял действовать хитростью и обманом. Он притворился, будто, оставив мысль о войне, занялся лишь закладкою храма и другими работами в городе, и тут младший из его сыновей, Секст, перебежал, как было условлено, в Габии, жалуюсь на непереносимую жестокость отца. Уже, говорил он, с чужих на своих обратилось самоуправство гордеца, уже многочисленность детей тяготит этого человека, который обезлюдил курию и хочет обезлюдить собственный дом, чтобы не оставлять никакого потомка, никакого наследника. Он, Секст, ускользнул из-под отцовских мечей и копий и нигде не почувствует себя в безопасности, кроме как у врагов Луция Тарквиния. Пусть не обольщаются в Габиях, война не кончена — Тарквиний оставил ее лишь притворно, чтобы при случае напасть врасплох. Если же нет у них места для тех, кто молит о защите, то ему, Сексту, придется пройти по всему Лацию, а потом и у вольсков искать прибежища, и у эквов, и у герников, покуда он наконец не доберется до племени, умеющего оборонить детей от жестоких и нечестивых отцов. А может быть, где-нибудь встретит он и желание поднять оружие на самого высокомерного из царей и самый свирепый из народов. Казалось, что Секст, если его не уважить, уйдет, разгневанный, дальше, и габийцы приняли его благосклонно. Нечего удивляться, сказали они, если царь наконец и с детьми обошелся так же, как с гражданами, как с союзниками. На себя самого обратит он в конце концов свою ярость, если вокруг никого не останется. Что же до них, габийцев, то они рады приходу Секста и верят, что вскоре с его помощью война будет перенесена от габийских ворот к римским. С этого времени Секста стали приглашать в совет. Там, во всем остальном соглашаясь со старыми габийцами, которые-де лучше знают свои дела, он беспрестанно предлагает открыть военные действия — в этом он, по его мнению, разбирается как раз хорошо, поскольку знает силы того и другого народа и понимает, что гордыня царя наверняка ненавистна и гражданам, если даже собственные дети не смогли ее вынести. Так Секст исподволь подбивал габийских старейшин возобновить войну, а сам с наиболее горячими юношами ходил за добычею и в набеги; всеми своими обманными словами и делами он возбуждал все большее — и пагубное — к себе доверие, покуда наконец не был избран военачальником. Народ не подозревал обмана, и когда стали происходить незначительные стычки между Римом и Габиями, в которых габийцы обычно одерживали верх, то и знать и

⁴³⁸ Согласно Геродоту (Книга III, Талия, 153—160), Зомир — сатрап Да-рия, согласно Ктесию (V—IV вв. до н. э.) - Ксеркса (Ctesias Persica, fr. 29). — *Прим. пер.*

чернь наперерыв стали изъявлять уверенность, что богами в дар послан им такой вождь. Да и у воинов он, деля с ними опасности и труды, щедро раздавая добычу, пользовался такой любовью, что Тарквиний-отец был в Риме не могущественнее, чем сын в Габиях. И вот, лишь только сочли, что собрано уже достаточно сил для любого начинания, Секст посылает одного из своих людей в Рим, к отцу, — разузнать, каких тот от него хотел бы действий, раз уже боги дали ему неограниченную власть в Габиях. Не вполне доверяя, думается мне, этому вестнику, царь на словах никакого ответа не дал, но, как будто прикидывая в уме, прошел, сопровождаемый вестником, в садик при доме и там, как передают, расхаживал в молчании, сшибая палкой головки самых высоких маков. Вестник, устав спрашивать и ожидать ответа, воротился в Габии, бросив, как ему казалось, дело на половине, и доложил обо всем, что говорил сам и что увидел: из-за гнева ли, из-за ненависти или из-за природной гордыни не сказал ему царь ни слова. Тогда Секст, которому в молчаливом намеке открылось, чего хочет и что приказывает ему отец, истребил старейшин государства. Одних он погубил, обвинив перед народом, других — воспользовавшись уже окружавшей их ненавистью. Многие убиты были открыто, иные — те, против кого он не мог выдвинуть правдоподобных обвинений, — тайно. Некоторым открыта была возможность к добровольному бегству, некоторые были изгнаны, а имущество покинувших город, равно как и убитых, сразу назначалось к разделу. Следуют щедрые подачки, богатая пожива, и вот уже сладкая возможность урвать для себя отнимает способность чувствовать общие беды, так что в конце концов осиротевшее, лишившееся совета и поддержки габийское государство было без всякого сопротивления предано в руки римского царя» [Тит Ливий. «История Рима от основания города», кн. I, 53—54. Пер. с лат. В. Смиринина].

34.5. Отрезанный нос Касыра

«С умыслом отрезал себе нос Касыр» («ли макрин ма чжадаа касыру анфахи») — так звучит арабская поговорка, советующая не доверять членовредительству (Джозеф Н. Хаджар (Hajjar). *Французско-арабский и арабско-французский толковый словарь пословиц, поговорок и фразеологизмов* («Mounged des proverbes, sentences et expressions idiomatiques») [араб.: «al-Munjid fi al-amthal wa-al-hikam wa-al-faraidal-lughawiyah»]. Бейрут, 1986, с. 53). Само выражение связано со следующей историей: в III в. царь Джазиры Амр бен Зариб был умерщвлен правителем Хиры Джадзимой аль-Абрашем, захватившим престол. Дочь царя Аз-Заба бежала в Византию, где, собрав своих придворных, дала им денег, чтобы те помогли ей вернуть царство. Позже она сама стала царицей и предложила аль-Абрашу объединить их владения. Тот, несмотря на увещевания своего придворного Касыра, согласился и отправился во дворец к царице, где его окружили стражники и убили.

Тогда Касыр, отрезав себе нос и ухо, явился к царице и сказал, что пострадал от рук аль-Абраша. Тем самым ему удалось завоевать доверие царицы. Будучи купцом, он постоянно покидал столицу. Однажды он сумел провести в город на верблюдах под видом торгового каравана вооруженных мужчин. Те окружили дворец и убили царицу (см. Дар аль-Машрик [Ред.]⁴³⁹. *Аль Мунджид [Словарь арабского языка]*. Бейрут, 1986, с. 971; Хайрадин аль-Зирикли. *Аль-Алам (Жизнеописание)*, т. 5. Бейрут, 1986, с. 199)⁴⁴⁰.

34.6. Смертный приговор в качестве пропуска

Целых двадцать лет работал Олег Туманов в русском отделе находившейся в Мюнхене американской радиовещательной станции «Свобода». На самом деле он был агентом КГБ. Его заочно приговорили к смертной казни якобы за измену Родине.

В ночь с 18 на 19 ноября 1965 г., когда корабль стоял на якоре в территориальных водах Объединенной Арабской Республики в заливе Салум в 1,5 км от берега, Олег Туманов исчез. Оказалось, Туманов вплавь покинул корабль и оказался у ливийцев. Ливийцы передали его англичанам, англичане — американцам, американцы после проверки устроили Туманова на радиостанцию «Свобода», которая вещала на СССР из Мюнхена и финансировалась спецслужбами. За 20 лет Туманов дорос до должности главного редактора

⁴³⁹ Дар Аль-Машрик — издательский дом Dar Al-Mashriq, автором же упоминаемого словаря «Аль-Мунджид» («Справочник языковой и биографический») является сириец Левис Малуф (1876—1946).

⁴⁴⁰ Зирикли, Хайрадин (Khayr-ad-Din Az-Zarkali; 1893—1976), сирийский поэт и писатель, составитель известного биографического словаря «Знаменитости: словарь жизнеописаний наиболее видных мужей и жен из арабов, арабистов и востоковедов» (1954—1959; *al-Alam: Qamus Taragim li-Ashbar al-Rigal wa-al-Nisa min al-Arab wa-al-Mustaribin wa-al-Mustashriqin*. 1-е изд. 1927 г. в трех частях; 2-е, исправленное и дополненное, появилось спустя 30 лет, а 4-е, полное, десятичастное, увидело свет уже после смерти автора в 1976 г.). — *Прим. пер.*

всей русской службы. Здесь действие стратагемы 34 было не прямым, а заочным. Благодаря устроенной КГБ инсценировке Туманова радушно приняли на «Радио «Свобода», доверив ему ответственный пост. Станция была интересна советской стороне тем, что ее передачи пользовались большим доверием у населения «обрабатываемых стран» и поэтому она могла оказаться действенным орудием коммунистического влияния, если бы туда удалось внедрить своих агентов. И действительно, в архивах Вильнюсского КГБ были найдены сообщения о распространении через «Радио «Свобода» дезинформации (*Новая цюрихская газета*, 20—21.08.1999, с. 53).

Заочно к смертной казни за «предательство» был приговорен и Здислав Найдер (Najder), сотрудник польского министерства внутренних дел. Пять лет он работал на мюнхенской радиостанции руководителем польской службы, стараясь в своих выступлениях обелить генерала Ярузельского (*Новая цюрихская газета*, 20—21.08.1994, с. 81).

34.7. Азы членовредительства

Действие стратагемы 34 основано на повседневном опыте людей, полагающих, что никто просто так не станет наносить себе увечья. И когда кто-то, исходя из этого, показывает свои раны, ему верят, что пострадал он от чужих рук. Слишком глубоко сидит в нас убеждение, что если у человека телесные повреждения, значит, он пострадал. Так что проводник стратагемы 34 в своих действиях исходит из того, что никому и в голову не придет сомневаться в его словах (см. также 16.18). Все убеждены: виновником увечий является какой-то другой человек.

Стратагема 34 может быть использована в различных целях:

1. Для проникновения лазутчика во вражеский стан, разумеется, ввиду высокой ставки и большого риска, прибегая к ней лишь в крайнем случае, когда другие стратагемы, например 31 и 33, уже не в силах помочь. Наносят увечья либо побои сами себе или, что то же самое, это делают сообщники, а затем, явившись к неприятелю, утверждают, что претерпели от своих и поэтому решили переметнуться, и это позволяет надеяться, что противник отнесется к ним с доверием и они смогут затем работать на своих, занимаясь шпионажем, сеянием смуты, подрывной деятельностью, сбором сведений и т. д.;

2. Чтобы вызвать сочувствие или оказать мобилизующее действие, пользуясь тем обстоятельством, что «слабый», «гонимый», «преследуемый», «испытывающий превратности судьбы», иначе говоря, «несчастливая жертва» — вызывает к себе сочувствие и доверие. Ибо «люди неосознанно начинают верить жертве, предьявляющей свои увечья. Такое поведение является важным фактором в регулировании межчеловеческих отношений: оно позволяет вернуться в общество исторгнутой из него жертве. Однако мы не должны забывать, что она может оказаться орудием в чьих-то руках» (Мариус Нойком (Neukom). «Риторика увечья: как обезоруживает растерянность в случае с Вилькомирским». *Новая цюрихская газета*, 22—23.05.1999, с. 84). Жертва так обескураживает или настолько вызывает сочувствие, что существенно ослабевает способность рассуждать, даже надолго утрачивается критическое восприятие происходящего.

Не будет ли кощунством в этой связи упоминание имени Махатмы Ганди (1809—1948)? Но ведь он посредством «им самим столь часто и успешно применявшейся в качестве политического орудия своей философии непротivления» (Бернхард Имхасли (Imhasly). «Махатма Ганди — забытый святой». *Новая цюрихская газета*, 30.01.1998, с. 9) голодовки протеста вмешивался «... наиболее действенно в происходившее на субконтиненте... — неподвижно лежа на носилках — теми немногими словами, силу которым, по сути, придавал вид его измученного тела...» (Петер Гаувайлер (Gauweiler). «Рубцы везде в цене». *Бильд*. Гамбург, 11.08.1998, с. 2). «Бикта йаду ва бишхад алайхи» [«беру в свидетели отрубленную руку»] — арабская поговорка, означающая «просить милостыню по нужде». Здесь речь идет о руке, которую отрубил себе нищий ради средств к существованию, и это явное использование стратагемы 34;

3. Для использования против своего войска. «Когда войска сошлись для жестокой битвы, кто скорбит, тот победит», говорится в *Дао де цзин* Лао-Цзы (гл. 69) [«Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 37]. А в «Ста примерах воинского искусства» [Лю Цзи (1311 — 1375)] минской поры (1368—1644) в разделе «Ярость на войне» [«Ну чжань», пример 73] дается такой совет: «Ведя боевые действия, нужно воодушевлять своих воинов, чтобы они шли в битву полные ярости» [*там же*, с. 387]. Охваченное праведным гневом войско жертвует всем, чтобы победить. Для вызывания у войска ярости можно сознательно подвергнуть его унижению со стороны врага, намеренно подставляясь под удар врага и позволяя врагу одерживать частичную или временную победу. Естественно, собственное войско должно оставаться в неведении относительно подстроенной временной неудачи. Здесь приходится идти на определенные материальные и нематериальные потери, которые, однако, в случае удачного использования стратагемы благодаря решимости собственного войска одержать победу окупятся сторицей;

4. Чтобы выкарабкаться из тяжелого положения или уйти от нависшей угрозы. Во французских североафриканских военных тюрьмах с нечеловеческими условиями содержания, как пишет Альбер Лондр (Londres, 1884—1932), военнопленные, чтобы попасть в лазарет, сознательно заражались либо калечили себя («Журналистика — новое понимание». *Новая цюрихская газета*, 26—27.10.1991, с. 70). Посредством членовредительства многие ищущие убежища в Швейцарии стараются избежать высылки в Алжир (*Новая цюрихская газета*, 21.01.1998, с. 52). Естественно, сюда входят и те, кто нанесением себе увечья хочет уклониться от военной службы (см. Мишель Эрлих (Erlich). *Калечение* («La mutilation»). Париж, 1990, с. 178 и след.). С точки зрения проводника стратагемы 34 все это — случаи предупреждения вреда членовредительством. Членовредительство предпочтительнее нанесения вреда другими, «ведь человек от причиненных самому себе, по собственному желанию и выбору, ран и других бедствий мучается намного меньше, чем от нанесенных другими» (Николо Макиавелли [«Рассуждение о первой декаде Ливия», кн. 1, глава XXXIV: Макиавелли. «Государь». Пер. с ит. К. Тананушко]);

5. Использование стратагемы 34 в качестве эффективного рекламного трюка, когда некий продукт на виду у всех подвергают суровому испытанию, а затем показывают, что ему все нипочем. Например, сбрасывают на большой высоте с вертолета ручные часы и передают их всем, кто их нашел, а они подтверждают, что часы, несмотря на падение, ходят безупречно. Как видим, и в этом случае стратагема 34 служит завоеванию доверия — доверия к качеству товара;

6. Есть случаи нездорового использования стратагемы 34 (см. Мишель Эрлих, *указ. соч.*, с. 12, 180 и след., а также Армандо Р. Фавацца (Favazza). *Осада плоти: членовредительство и калечение плоти в культуре и психиатрии* («Bodies under Siege: Self-mutilation and body modification in culture and psychiatry», 1987). Балтимор, 1996, с. 144, 233, 240—244). Калечат себя ради того, чтобы насладиться лечением (синдром Мюнхгаузена), или женщина тайком что-то делает со своим ребенком, чтобы затем со своей жертвенной заботой предстать любящей матерью (заместительный синдром Мюнхгаузена);

7. Преступное использование стратагемы 34, например пожарными, устраивающими поджог, чтобы затем прославиться при его тушении, или людьми, калечащими себя, изображая потом несчастный случай, чтобы обвинить в нем политического или личного врага или ради присвоения якобы похищенных денег. В комиксе *Золотой Будда* (Цзянсу, 1982) помощник антиквара крадет ценную вещь, после чего по сговору избивает до потери чувств и связывает дежурившую ночью в лавке сотрудницу. Данная инсценировка со всей очевидностью относится к стратагеме 34.

О двух примерах данного рода сообщает Юй Сюэбинь.

«У брата князя Чжуан-вана в уделе Чу [по имени] Чуньшэнь-цзюнь была любимая наложница по имени Юй; сына же его главной жены звали Цзя. Первая хотела, чтобы ее повелитель устранил свою жену. Поэтому она нанесла себе раны и, показав их государю, стала плакать: «Я счастлива быть вашей наложницей. Однако вашей жене нравится не то, чем служат вам, а угождают вам не тем, чем служат жене: я непригодна ни к чему и не в силах нравиться двум господам: положение несовместимое. Вместо того чтобы умереть у жены вашей, я предпочту умереть перед вами. Если же вы меня не казните и мне будет дано счастье вновь быть при вас, я прошу непременно расследовать это [дело], чтобы не стать предметом насмешки для людей». Князь, поверив коварству наложницы, устранил свою жену. Затем у Юй возникло желание убить Цзя, а своего сына сделать наследником престола. Она поэтому разорвала нижнее платье и, показав государю, сказала с плачем: «Я пользуюсь давно вашими милостями. Цзя (сын ваш), зная это, сегодня хотел изнасиловать меня. Я сопротивлялась, и он разорвал мне платье. Настолько он непочтителен к отцу (большей непочтительности нет, чем у него)». Государь, разгневавшись, убил Цзя. Он устранил жену благодаря коварству наложницы Юй, и сын из-за нее же умер» [«Хань Фэй-цзы», гл. 14 «Сановники — коварные, грабители и насильники» («Цзянь цзе ши чэнь»): Иванов А. И. «Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы». СПб, 1912, с. 76-77].

У Цзэтянь (624—705), последние пятнадцать лет своей жизни императрица Китая, в молодости, будучи младшей наложницей императора [Гао-цзуна], удушила собственную дочь, чтобы обвинить в этом злодеянии свою соперницу, императрицу [Ван], которую затем и убили. Проступок У Цзэтянь по тем временам был крайне тяжким, поскольку она в лице своей дочери погубила члена императорской семьи.

Повреждения, предъявляемые проводником стратагемы 34, могут наноситься по-разному:

1. Собственноручно. В этом случае причину увечья легко скрыть. Но, с другой стороны, для нанесения себе увечья нужна решимость, отсутствующая при обычных обстоятельствах. Непросто нанести себе правдоподобные увечья;

2. Сообщником;

3. Врагом, нарочно поддавшись ему;

4. Передачей врагу заложника или залога с целью убаюкивания его внимания. При последующем столкновении с врагом заложником жертвуют. В данном случае при проведении стратагема 34 не задействовано собственное тело, что, однако, доставляет не меньшие мучения;

5. Разыгрыванием телесных страданий или болезни. В данном случае стратагема 34 связана с притворством. Такой вариант выгоден тем, что за провал не приходится напрасно расплачиваться [собственным здоровьем]. Естественно, такого рода стратагема удастся лишь у хорошего лицедея.

«Нанесение себе вреда» не ограничивается повреждением только тела или психики и может заключаться в причинении вреда близкому или потере ценного имущества.

Используя стратагему 34, прежде всего приходится самому платить определенную цену, когда предваряющая проведение стратагема собственная жертва бывает весьма существенной. В случае удачи столь высокие издержки оправдываются, иначе все предпринятое оказывается лишь приносящей вред глупостью. Но удачу приходится покупать кровью и страданием. Поэтому сопряженной с опасностью стратагема 34 по возможности следует избегать. Используя эту стратагему для мнимого перехода к врагу, необходимо вначале удостовериться, легковверен ли он и присущи ли ему такие движения души, как сострадание. Для свирепого врага стратагема 34 не подходит. При использовании стратагема 34 в целях внедрения лазутчика в стан врага все должно выглядеть убедительно и требует неукоснительного соблюдения тайны, даже среди своих.

В центре стратагема 34 стоит собственная жертва, успех которой зависит от решительности. Величина самой жертвы должна быть точно рассчитана: она не может быть ни слишком малой, ни чересчур большой. Малая жертва вызовет подозрение, а у большой цена может оказаться слишком высокой, так что непонятно, почему такой ущерб нельзя было потерпеть от самого врага. Что до увечья, то его следует наносить осмотрительно. В случае Хуан Гая досталось только его спине, а мышцы, кости и связки не пострадали (см. 34.1).

Чтобы уберечься от стратагема 34, необходимо, согласно Юй Сюэбиню, даже увечья, нанесенные врагом, рассматривать как показательные и тем самым избежать опасности принятия притворных ран за истинные и не поддаваться ложному состраданию. Ведь еще в Ветхом завете [неканоническая «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова»] говорится: «Есть лукавый, который ходит согнувшись, в унынии, но внутри он полон коварства» (Сир 19:23). Всех перебежчиков следует считать врагами и зорко следить за ними. При сдаче в плен раненого неприятеля данный случай необходимо подвергнуть всесторонней оценке, куда входит и оценка общего положения во вражеском стане, и оценка места, степени и особенностей ранения и т. д. Пока сдавшийся в плен не заподозрен в использовании стратагема 34, можно, если, конечно, он «работоспособен», употребить его в дело, но не на важном участке. Тем самым он не нанесет вреда, если даже и окажется проводником стратагема 34.

На первый взгляд стратагема 34 похожа на стратагему 11. В обоих случаях приносится жертва. Отличие же состоит в том, что при стратагема 34 страдания чаще всего претерпевает сам ее проводник, тогда как при стратагема 11 жертвуют другими. Стратагема 27 с ее выглядящей крайне достоверно болезнью может оказаться стратагемой 34.

34.8. Бегство в тюрьму

Накануне морского сражения перед флотом Чжэн Хэ ([1371 — 1434,] см. 12.7, 35.2) в романе XVII в. Ло Маодэна [жил в эпоху Ваньли, 1573—1620] «Записки о путешествии евнуха по прозвищу Три Драгоценности по Западному океану» [«Саньбао тайцзянь сиян цзи тунсу яньи» (сокр. «Сиян цзи»), 1597] (см. Ро-дерих Птак (Ptak). «Приключения Чжэн Хэ в пьесе и романе минской поры. «[Фэн тяньмин Саньбао] ся сиян»: перевод и исследование; «Сиян цзи»: попытка истолкования» («Cheng Hos Abenteuer im Drama und Roman der Mingzeit. «Hsia Hsi-yang»: Eine Übersetzung und Untersuchung; «Hsi-yang chi»: Ein Deutungsversuch»). Штутгарт, 1986) появилось судно с двенадцатью воинами вражеского государства Лаво⁴⁴¹. Воины сказали, что хотят сдаться по причине тяжкого наказания, которому подверг их собственный

⁴⁴¹ Кит. Лоху — древнее монское государство Дваравати в Юго-Восточной Азии, существовавшее до X в. Первоначально занимало область близ устья р. Меконг и было вассалом империи Фунань. Как независимое государство впервые упоминается в китайских летописях VII в. К этому времени территория Дваравати охватывала южную часть территории Таиланда и Бирмы. Дваравати поддерживало дипломатические и культурные связи с Индией и Китаем. В VIII—IX вв. столицей Дваравати стало Лонбури (Лаво), и все

военачальник за нерадение: им дали по сто палок и отрезали уши. Китайский военачальник возразил: «Мне с трудом в это верится». Тогда перебежчики показали свои раны, но и это не убедило китаец: «Раны связаны со страгемой членовредительства». «В таком случае временно заприте нас, а после сражения выпустите», - предложили беглецы. «Хорошо», — согласился китаец и повелел заключить в темницу всех двенадцать.

Этот эпизод романа показывает крайнее внимание китайского военачальника к страгемам. Из самого романа не ясно, оказались ли прибывшие настоящими или мнимыми перебежчиками. В любом случае китаец не поверил сказанному, повелев ради безопасности запереть их. Тем самым, помогая прибывшим скрыться от своих, он при этом ничем не рискует. Это пример оказания помощи беглецам, но в соединении с взвешенной, основанной на страгемном анализе самозащитой.

34.9. Черт бы побрал срамную щель твоей матери!

В романе [Юй Ваньчуня (1794—1849) «История усмирения бандитов» (гл. 9 (79)) с подзаголовком] «Полное заключительное повествование о Речных заводах» [«Цзе шуйху цюань чжуань»] повстанцы похищают дочь и зятя канцлера Цай Цзина (1047—1126). За освобождение пленников разбойники требуют смерти военачальника Ян Тэнцзяо, нанесшего им чувствительное поражение и убившего двоих повстанцев. Цай Цзин сулит Ян Тэнцзяо повышение в восточной столице Кайфэне, куда сопровождать его будет удалец Лю Шижан, которому и поручено убить в пути генерала. По дороге в Кайфэн однажды вечером они останавливаются на постоялом дворе, где, сидя за трапезой, приглашают к себе певичку А Си, спевшую несколько песен. Лю Шижан не преминул потискать ее. Стоило ей удалиться со сводней Бо Эр, как она возвращается обратно вся разъяренная, потому что пропала ее зеленая шпилька, которую ей одолжила сводница. Лю Шижан говорит ей, что, когда она уходила, шпилька была в ее прическе. А Си не верит ему: она все обыскала, но безуспешно. Остается одно — развлекаясь с ней, постояльцы улучили момент и спрятали украшение. Вот почему она вернулась. Простодушный Ян Тэнцзяо недоумевает: «Кто мог сыграть с тобой столь злую шутку? Но если и так, тебе вернут твоё украшение. Только успокойся». Ян Тэнцзяо отодвигает стул и принимается за поиски. Его примеру следует и половой. Однако шпильки нигде нет. И тут Ян Тэнцзяо видит, как сводня, тыча пальцем в девицу, начинает поносить ее: «Ты, сучье отродье, выковырянный из грязной срамной щели недоносок! Черт побери срамную щель твоей матери! Как тебя угораздило потерять голову! Следовало бы ободрать срамную щель твоей матери и пустить на иное дело!»

Лицо А Си зеленеет от ужаса, ее охватывает дрожь. Бо Эр подходит к ней и отвешивает ей оплеуху, да такую, что А Си покачнулась. Она начинает плакать. Ян Тэнцзяо жалко девицу, и он спрашивает о стоимости украшения. Но тут его спутник Лю Шижан наступает ему на ногу, давая знак не вмешиваться. Бо Эр, продолжая ругаться: «Поплачь мне, поплачь!», вновь приближается к А Си с намерением ударить ее. Но половой удерживает руки сводницы. Вскоре вся троица покидает комнату. Тогда Лю Шижан обращается к Ян Тэнцзяо: «Это обычная для публичных заведений уловка с членовредительством. Не принимай происходящее всерьез!» Тем временем снаружи слышатся звуки, напоминающие удары палкой или кулаками, а затем крики сводни и душераздирающие рыдания певички.

Лю Шижан истолковывает поведение сводницы и певички с точки зрения страгемы 34. Он обвиняет женщин в том, что сводница устроила болезненное для А Си представление, чтобы вызвать у мужчин сочувствие и заставить их раскошелиться. На следующий день Лю Шижан признается Ян Тэнцзяо, что украл заколку, когда тискал А Си. Страгемный разбор шумной ссоры между сводней и девицей он провел только с целью успокоить Ян Тэнцзяо и отвлечь его внимание от девицы, с которой столь дурно обошлись. Для этого Лю Шижан и воспользовался страгемой 19 (см. 19.38).

34.10. Изобразить больного при смерти

«Дабы иметь возможность жениться на барышне Цяо, я воспользовался уловкой тетушки Инь и изобразил больного. Собственно, это была уловка нанесения себе увечья... С тех пор как я стал изображать больного, меня непрестанно мучает голод, я вынужден испытывать печаль и терпеть неудобства. Так недолго и ноги протянуть. Если ничего не сладится, стало быть, я напрасно затеял уловку с собственным увечьем...»

Так говорит молодой господин Люй в 29-м явлении пьесы *Самка феникса ищет самца* [«Хуан цю фэн»] Ли Юя (1611 — 1679).

Уже женатому на двух красавицах [Сюй Сяньчоу и Цао Ваньшу] господину Люй [Шэну] приглянулась прелестная госпожа Цяо [Мэнлань], тоже благоволившая к нему. Его обе супруги ни за что не хотели иметь

рядом еще одну женщину. И тогда молодой Люй обратился к тетушке Инь. Она сказала ему, что жены его достаточно богаты и никакими подарками их не растрогаешь. А ведь, только завоевав их сердце, можно на что-то рассчитывать. Без Люя они не смогут жить. Если он умрет, жизнь для них утратит всякий смысл. Лишь одна его готовность умереть позволит достичь возжеленной цели. Молодой человек воспротивился. Дескать, ради женщины он не собирается топиться или вешаться. «Этого и не надо, — возразила тетушка. — Смерть должна лишь наметиться, но до печального конца дело не дойдет. Слушай, что я тебе скажу». И тетушка Инь поет:

«Я не требую, чтобы ты бросился в пучину вод и расстался с жизнью.

Я не требую, чтобы ты испил чашу с ядом... Тебе нужно лишь изобразить тяжкий недуг...»

Предложенную тетушкой стратагему 27 молодой господин Люй использует столь усердно, что в итоге она обращается в стратагему 34. Об этом он и упоминает дважды в своей приведенной выше жалобной песне. Стратагема завершается счастливым концом. Опасающиеся за жизнь своего господина обе женщины соглашаются, прислушавшись к словам заранее подговоренного гадателя, на брак господина Лю с госпожой Цяо.

34.11. Дать отколотить себя, чтобы добиться любви

своей возлюбленной Риты. Том договорился с двумя своими сокурсниками, крепкими парнями, после чего позвонил Рите и назначил ей встречу в парке. К ее приходу приятели были уже там. «Эй ты, козел», — обратился первый к Тому и ударил его в лицо. Второй ударил по почкам, так что Том упал, после чего оба стали топтать его ногами. Рита закричала: «Том, что происходит?» Увидев ее, ребята бросили Тома и убежали.

Том, лежа весь в крови, улыбался ей. Улыбался он и когда она, поддерживая, привела его к себе в комнату, когда уложила в свою постель, когда останавливала кровь из носа и обрабатывала разбитые губы. Он перестал улыбаться, лишь когда обхватил ее голову руками и поцеловал. Через два месяца он решил представить ей обоих своих приятелей. Глядя на него влюбленными глазами, она засмеялась и сказала, что мысль дать избить себя — самое чудесное, до чего он додумался в своей жизни. Ведь иначе он никогда не заполучил бы ее» (Константин Зайбт (Seibt). «Три правдивые истории из Цюриха». *Multisexuell*. Цюрих, ноябрь, 1994.)

34.12. Беспомощный мальчик

«Господин К., рассуждая о том, дурна ли привычка молча проглатывать нанесенную обиду, рассказал следующую историю. «Прохожий спросил тихо всхлипывавшего мальчика, почему он плачет. «Я скопил две монетки на кино, — ответил мальчик, — а потом пришел вон тот парень и одну вырвал у меня из рук». — И он указал на видневшуюся в отдалении фигуру. «Что ж ты не позвал на помощь?» — спросил прохожий. «Я звал», — ответил мальчик и заплакал громче. «И никто тебя не услышал?» — допытывался прохожий, ласково погладив его по голове. «Нет», — прорыдал мальчик. «Значит, громче кричать ты не можешь?» — спросил мужчина. «Нет», — сказал мальчик и посмотрел на вопрошающего с надеждой, ибо тот улыбался. «Тогда давай сюда и вторую!» — сказал человек и, отобрав у мальчика последнюю монету, беззаботно зашагал дальше» [Бер-тольд Брехт. «Рассказы господина Койнера», рассказ «Беспомощный мальчик»: Брехт. «Избранное. Пьесы, рассказы». Пер. с нем. Э. Львовой. М.: Радуга, 1987, с. 330].

Мальчик хотел добиться сострадания и сочувствия, плача и выказывая свою беспомощность. Но это не сработало, даже напротив: он потерял еще больше. Данный случай может служить предостережением от ненужного использования стратагемы 34. Бертольд Брехт (1898—1956) своим рассказом о господине Койнере предостерегает от желания разжалобить других ради получения помощи. Даже в трудное время необходимо оставаться хозяином своей судьбы.

34.13. Ежедневно вкушая горечь желчи

«Когда уский ван (Фу Ча) узнал о выступлении (юэского вана Гоу Цзяня), он собрал все свои отборные войска, ударил по Юэ и нанес поражение армии Юэ у Фуцзяо (горы Фуцзяошань, находятся в современном уезде Усянь провинции Цзянсу).

Юэский ван с оставшимися пятью тысячами воинов укрылся на высоте у Гуйцзи (другое возможное чтение — Куайцзы, гора в современной провинции Чжэцзян к востоку от уездного города Шаосин). Уский ван, преследуя его, окружил юэсцев там... Как только уский правитель помиловал юэского вана (благодаря

уговорам подкупленного тем главного управителя делами в царстве У *тайцзя* (главный управитель делами княжества) Бо Пи), Гоу Цзянь вернулся в свое царство. Страдая душой и телом, он повесил над собой [мешок] с желчью, чтобы всегда — сидя и лежа — видеть его и помнить [о своем позоре]. Даже в еду и питье он добавлял желчь, твердя при этом: «Ты не забыл о своем позоре под Гуйцзи?» [«Ши цзи», гл. 41: *Сьма Цянь*. Исторические записки, т. 6. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Восточная литература РАН, 1992, с. 17—18]. Позже ему удалось уничтожить царство У (см. также 10.3).

Гоу Цзянь обратил стратагему 34 против самого себя, чтобы постоянно будоражить свое чувство мести. «Лежать на хворосте и пробовать на вкус желчь» («во синь чан дань») — известное китайское выражение, означающее «постоянно напоминая себе об испытанном унижении, черпать тем самым силы».

34.14. Причесываться ветром и мыться под дождем

Совершенно иными по сравнению с Гоу Цзянем были тяготы Великого Юя (ум. якобы 2177 до н. э.). Уже через четыре дня после женитьбы Юй покинул свою молодую жену [Нюй-цзяо], чтобы согласно повелению Шуня бороться с наводнением, постоянно обрушивающимся на страну. «Юй прочистил русла девяти рек, прорыл стоки из рек Цзи и Та (или Лэй) и спустил излишки вод в море. Он пробил путь рекам Жу и Хань, сделал стоки для рек Хуай и Сы и спустил их воды в длинную реку Цзян (именуемую европейцами Янцзы). Только после этого удалось обрести Срединное владение и кормиться в нем. В те годы Юй восемь лет находился на чужбине. Он трижды проходил мимо ворот своего дома, но не входил в них» [«Мэн-цзы», гл. 5.4: пер. В. Колоколова, с. 82]. «Молодой дракон (Юй) сам брал в руки мешки и лопату... Умывал [его] проливной дождь, причесывал быстрый ветер («цзе шэнь фэн, му цзи юй»)» [«Чжуан-цзы», гл. 33 «Поднебесный мир» («Тянь ся»). Пер. Л. Позднеевой // «Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы». СПб: «Петербург — XXI век», 1994, с. 357]. Сообразуясь с его образом, философ Чжуан-цзы сказал: «Не отдыхать ни днем ни ночью и считать высшим [благом] тяжкий труд» [(«жи-е бу сю, и цзы ку вэй цзи»), речь идет о последователях Мо-цзы; *там же*, с. 357]. В самоистязании выдающихся правителей вроде Великого Юя видны отзвуки стратагемы 34, ибо оно должно было постегивать подданных и подвигать на большие свершения.

34.15. Мучения обратить в боевой дух

Ни убийство, ни пожар, ни узилище,

Ни вдобавок крайность положения;

Тут надобно нечто более сильное,

Что возымело бы действие.

Вы должны стать нищими,

Умирать все с голоду;

Быть проклятыми и обреченными

На мучения и страдания.

Жизнь вам должна

Опостылеть настолько,

Что будете готовы с ней расстаться

Как с мукой и тяготой.

И, возможно, тогда пробудится

В вас иной дух,

Дух, который через мрак ночи

Все же подвигнет вас к свободе.

Это стихотворение Гофмана фон Фаллерслебена (1798— 1874) напоминает стратегию 34. У людей, прижатых крайними обстоятельствами, могут пробудиться силы, с помощью которых они сумеют преодолеть эти обстоятельства. Обрушившееся на людей несчастье может оказаться полезным в смысле стратегии 34, поскольку отчаянное положение становится средством мобилизации сил. В данном случае стратегия 34 выступает не стратегией обмана, а стратегией извлечения выгоды.

34.10. Освободиться, сдавшись

«В стане разбойников в горах Шаохуашань три предводителя держали между собой совет. Главный из них, Чжу У, родом из уезда Динъюань, умел сражаться двумя мечами сразу и, хотя особыми талантами не обладал, отлично разбирался в военном деле. Кроме того, в голове у него всегда роилось множество планов. Второй удалец, по имени Чэнь Да, родом из уезда Ечэн провинции Хэнань, был искусен в метании стального дротика. Третий, по имени Ян Чунь, был уроженцем уезда Цзелян области Пучжоу. Этот в совершенстве владел мечом с длинной рукоятью. В тот день Чжу У, беседуя с Чэнь Да и Ян Чунем, сказал: «Сегодня я узнал, что в уезде Хуаинь власти обещают три тысячи связок монет в награду тому, кто нас изловит, и уж тогда нам придется обороняться. Но деньги и провиант у нас на исходе. Почему бы нам не отправиться на добычу, чтобы пополнить запасы на случай, если придут войска и осадят нашу крепость?» Чэнь Да согласился с ним: «Ты рассудил правильно! Отправимся в уезд Хуаинь и для начала попросим тамошних жителей одолжить нам продовольствия, посмотрим, что они скажут». «Нет, — возразил Ян Чунь, — идти следует не в Хуаинь, а в Пучэн. Там нас ждет верная удача». На это Чэнь Да заметил: «В Пучэне жителей мало! Ни денег, ни продовольствия мы там не добудем. Лучше уж отправиться в Хуаинь. Население там богатое, а деньги и зерно у них всегда в изобилии». Тогда Ян Чунь сказал: «Разве ты, дорогой брат, не знаешь, что в уезд Хуаинь можно попасть, пройдя через поместье, которым владеет Ши Цзинь. А ведь он храбр как тигр. Не стоит раздражать его! Все равно он нас не пропустит!» «Брат мой, — промолвил Чэнь Да, — ну и труслив же ты! Если ты не решаешься пройти через какую-то деревушку, то как же ты будешь отбиваться от настоящего войска?» «Друг мой, — стоял на своем Ян Чунь, — не следует свысока относиться к этому человеку, еще неизвестно, на что он способен!» Чжу У поддержал Ян Чуня: «Я тоже слышал, что Ши Цзинь настоящий герой и обладает большими талантами. Лучше нам туда не ходить». Возмущенный Чэнь Да вскочил с места и закричал: «Заткните свои глотки! Преувеличивая силу других, всегда преуменьшаешь свою! Он только человек — и у него не три головы и не шесть рук! Я не верю никаким рассказам. — И, обернувшись к другим членам шайки, приказал: — Подать коня, да побыстрее. Я сегодня же разгромлю деревню Шицзяцунь (?) и потом захвачу весь уезд Хуаинь». Как ни отговаривали его Чжу У и Ян Чунь, он не изменил своего решения. Быстро собравшись, Чэнь Да вскочил на коня и во главе своего отряда, в котором было около полтора десятка человек, под грохот барабанов и удары гонга двинулся с гор прямо к поместью Ши Цзиня. А Ши Цзинь в это время находился в своей усадьбе, готовясь к нападению разбойников, проверял оружие и коней. Вдруг прибежал слуга и сообщил, что разбойники приближаются к усадьбе. Ши Цзинь тотчас же приказал ударить в бамбуковые колотушки. Деревенские жители, услышав этот сигнал, сбегались в усадьбу кто с пикой, кто с палицей и увидели Ши Цзиня в боевом одеянии. Волосы его были повязаны косынкой, концы которой ниспадали ему на плечи. На нем был халат из синей парчи, одетый поверх ярко-красной кольчуги, подпоясан он был кожаным ремнем, на ногах — расшитые зеленые сапоги, грудь и спину покрывали железные латы. При нем был лук и колчан со стрелами, а в руках он держал меч с тремя гранеными зубцами, каждое острие которого имело два лезвия и желоба для стока крови. Слуга подвел огненно-рыжего коня, и Ши Цзинь вскочил в седло, потрясая трехгранным мечом. Впереди построились тридцать-сорок дюжих крестьян, а за ними еще человек восемьдесят-девять. С воинственными криками они двинулись к северной окраине деревни.

Чэнь Да во главе своего отряда быстро помчался с горы и расставил своих людей в боевом порядке. Взглянув на врага, Ши Цзинь заметил, что голову Чэнь Да украшает высокая ярко-красная повязка, примятая посередине, на нем были золоченые латы и красный халат, сапоги на толстой подошве и пояс не менее семи футов длиною. Чэнь Да гарцевал на горделивом белом коне и держал наперевес пику с восемью насечками. Тут разбойники издали боевой клич, и начальники отрядов выехали друг другу навстречу. Приподнявшись в стременах, Чэнь Да приветствовал Ши Цзиня учтивым поклоном. Но Ши Цзинь в ответ закричал: «Эй, вы, поджигатели и убийцы! Грабители и разорители честных людей! Ваши преступления оскорбляют само небо, всех вас надо уничтожить. Чего вы молчите? Или оглохли? Не слышали обо мне? Как же вы обнаглели, что решили заявиться сюда?!» Придерживая коня, Чэнь Да отвечал ему: «В нашем стане не хватает провизии, мы хотим пройти в Хуаинь, чтобы одолжить там продовольствие. Но путь наш лежит через ваши владения, и я прошу разрешить нам проехать. Мы не тронем ни травинки в вашем

поместье. А на обратном пути, разумеется, отблагодарим вас». «Что за вздор! — отвечал Ши Цзинь. — В нашей семье испокон века все были старейшинами этих мест, и я решил переловить вас, разбойников, и установить порядок! Но вы сами сюда пожаловали. Если б я даже позволил вам беспрепятственно пройти через мои владения, начальник уезда, узнав об этом, впутал бы и меня в ваши грязные делишки». Чэнь Да ответил на это: «Среди четырех морей все люди братья. Я прошу вас пропустить нас». «К чему эти глупые разговоры? — крикнул Ши Цзинь. — Если даже я пойду на это, найдется другой, кто откажет. Вот спроси хотя бы его. Если он разрешит, ты сможешь пройти по землям моего поместья». «Почтенный господин, но у кого же я должен спрашивать?» — удивился Чэнь Да. «Спроси мой меч. Если он пожелает, я разрешу тебе пройти». Тут Чэнь Да рассвирепел и закричал: «Когда преследуешь человека, не доводи его до того, чтобы он показал все, на что способен». Ши Цзинь тоже вскипел. Взмахнув мечом, он пришпорил коня и ринулся в бой. Чэнь Да вытянул свою лошадь плетью и с пикой наперевес бросился навстречу Ши Цзиню. Завязался бой. Долго противники безрезультатно бились друг с другом, пока Ши Цзинь не сделал вид, что промахнулся. Когда же противник направил ему пику прямо в сердце, он с быстротой молнии отстранился, и копьё Чэнь Да зацепилось за его одежду. Сам Чэнь Да, не удержавшись, повалился прямо на Ши Цзиня. Тогда Ши Цзинь мгновенно протянул проворные, как у обезьяны, руки, выгнув спину, подобно волку, и, схватившись за копьё врага, стянул его с расшитого узорами седла. Ухватив Чэнь Да за тканый пояс, Ши Цзинь швырнул его на землю. Лошадь Чэнь Да умчалась как ветер. Ши Цзинь приказал связать пленника. Поселяне накинулись на разбойников и обратили их в бегство. Возвратившись в усадьбу, Ши Цзинь взял веревку и привязал Чэнь Да к столбу на площадке перед домом. Он принял решение поймать двух других главарей, передать всех их властям и получить обещанное вознаграждение. Затем Ши Цзинь, прежде чем отпустить по домам своих соратников, приказал подать вина и в знак благодарности всех угостил. Все пили и ликовали: «Поистине правы те, кто называет тебя храбрцом, господин!»

Не будем рассказывать, сколько на радостях было выпито вина. Вернемся к двум другим главарям — Чжу У и Ян Чуню, которые оставались в лагере. В тревоге гадали они, что могло случиться с теми, кто ушел. Наконец они послали несколько своих молодцов на разведку. Но те, издали увидев отступающих и лошадь Чэнь Да, которую вели под уздцы, кинулись назад в горы с громкими криками: «Беда! Беда! Почтенный господин Чэнь не послушался советов других наших предводителей и поплатился жизнью!..» Чжу У стал расспрашивать очевидцев, а те кратко рассказали о схватке, закончив свой рассказ словами: «Кто же может устоять перед отважным Ши Цзинем!» «Чэнь Да не послушался моих слов, — произнес Чжу У, — потому-то и произошло несчастье». Тогда заговорил Ян Чунь: «Нам нужно собрать все наши силы и двинуть на Ши Цзиня. Как ты думаешь?» «Нет, это тоже не годится, — отозвался Чжу У. — Если уж он победил Чэнь Да, то лучше нам не тягаться с Ши Цзинем. У меня есть план разжалобить («куцзи») его. Если и это не поможет нам выручить Чэнь Да, то мы погибли». «Что же это за план?» — спросил заинтересованный Ян Чунь. Чжу У наклонился к нему в что-то прошептал на ухо, потом громко закончил: «Иначе поступить нельзя!» «Отлично! — воскликнул Ян Чунь. — Я отправлюсь с тобой немедленно. Не будем терять времени!»

Теперь возвратимся к Ши Цзиню. Он находился в своем поместье, и гнев его еще далеко не утих, когда внезапно он увидел своего слугу, стремительно вбежавшего к нему с криком: «Чжу У и Ян Чунь спустились с горы и идут сюда!» «Ну что ж, я покончу и с ними! — заявил Ши Цзинь. — Сразу всех трех сдать властям. Скорее подайте мне коня!» Он приказал бить в бамбуковые колотушки, и народ снова сбежался к нему. Ши Цзинь вскочил на коня и едва успел выехать из поместья, как увидел обоих главарей Чжу У и Ян Чуня, которые подходили к поместью. Приблизившись, они смиренно стали на колени. По их лицам ручьем струились слезы. Ши Цзинь спешился и грозно закричал: «Что хотите сказать вы, валяющиеся у моих ног?» Тогда Чжу У, рыдая, воскликнул: «Мы трое, ничтожнейшие из людей, всегда подвергались преследованию властей, и нам ничего не оставалось, как только скрываться в горах и заниматься разбоем. Когда-то мы поклялись, что умрем в один и тот же день. Может быть, мы и не обладаем мужеством и доблестью нареченных братьев Гуань Юя, Чжан Фэя и Лю Бэя, о которых повествует «Троецарствие», но сердца наши так же слиты воедино, как у этих прославленных героев. Сегодня наш младший брат Чэнь Да не послушался нашего совета. Он оскорбил ваше достоинство, вы взяли его в плен и держите в своем поместье. Мы не можем рассчитывать на вашу милость и поэтому просим позволить нам умереть вместе с ним. Мы умоляем вас, достойный герой, передать всех нас в руки властей и получить за это положенное вознаграждение. Мы не затаим против вас обиды, что бы ни случилось! Убейте нас, и мы умрем без ропота!..»

Выслушав это и поразмыслив, Ши Цзинь сказал себе: «Если они действительно так благородны, а я сдать их властям и потребую за это награду, то все достойные люди будут надо мною насмехаться. Что станут они думать обо мне? Недаром с древнейших времен говорится: «Тигр не ест падали». Вслух же он произнес: «Следуйте за мной». Чжу У и Ян Чунь несколько не испугались и вошли с Ши Цзинем во внутренние покои его дома. Там они снова опустились на колени и настойчиво просили связать их. Ши Цзинь несколько раз приказывал им встать, но они отказывались сделать это. Издревле существует поговорка: «Умный поддерживает умного, храбрец распознает храбреца». Поэтому Ши Цзинь сказал им: «Я считаю ниже своего достоинства сдать властям людей такого душевного благородства. Что вы скажете, если я освобожу Чэнь Да и верну его вам?» «Не навлекайте на себя беды столь опрометчивым поступком, — ответил Чжу У, —

лучше уж передайте всех нас в руки властей и получите награду». Но Ши Цзинь с негодованием отверг это предложение: «Я не могу совершить такой низкий поступок! Спрашиваю вас, согласны ли вы сесть за мой стол и откусать со мной?» «Если мы не страшимся самой смерти, — промолвил Чжу У, — то станем ли мы опасаться вашего угощения?» Ши Цзинь, обрадованный их ответом, развязал Чань Да и приказал слугам принести вина и мяса. Когда угощение было готово, он пригласил трех главарей к столу. Чжу У, Ян Чунь и Чэнь Да от души поблагодарили Ши Цзиня за его великодушие. По мере того как они пили вино, их лица все более и более прояснились. Когда все вино было выпито, они еще раз поблагодарили Ши Цзиня и ушли в горы. Проводив их до ворот, Ши Цзинь возвратился в усадьбу.

Теперь расскажем о том, как, добравшись до своего лагеря, Чжу У, Чэнь Да и Ян Чунь стали держать совет. Чжу У сказал: «Если бы мы не пошли на хитрость, мы бы больше здесь уже не встретились. Спасти Чэнь Да удалось только потому, что Ши Цзинь оказался человеком редкого благородства и отпустил нас. Нам надо скорей послать ему подарки, чтобы отблагодарить за великодушие и спасение нашей жизни» [«Речные заводы», гл. 1: *Ши Найань*. Речные заводы, т. 1. Пер. с кит. А. Рогачева. М.: Гослитиздат, 1959].

Рассказ об удачном применении стратагема страдания взят из романа *Речные заводы*, написанного около 1330 г., как считается, Ши Найанем [1296—1370]. Приведенный пример показывает, как в данной стратагеме свою жизнь вверяют противнику, чтобы тем самым обезоружить его психологически и склонить на свою сторону. По-китайски речь здесь идет о «куцзи», дословно «стратагеме страдания». Имеется в виду страдание в крайнем его проявлении, т. е. связанное с лишением жизни. «Куцзи» и выражение для стратагема 34 отличаются лишь отсутствием или соответственно наличием слова «плоть/тело». Выражение для стратагема 34 ясно ограничивает страдание плотью, тогда как при стратагеме страдания на чашу весов бросают высшее достояние — собственную жизнь. Как близнеца стратагема 34 ее используют «в безвыходном положении» (*Большой словарь китайского языка* [в 13 тт. («Ханьюй да цидянь»)], т. 9. Шанхай, 1992, с. 321).

34.17. Переход от времен Весен и Осеней к современной хозяйственной жизни

Во времена Весен и Осеней (770—476 гг. до н. э.) «уский царь⁴⁴² стремился убить царевича Цин Цзи, но никак не мог этого достичь. От этого уский царь пребывал в печали. Тогда Яо Ли сказал: «Я, ваш слуга, могу это сделать». Уский царь сказал: «Куда уж тебе! Я шестеркой лошадей не сумел настичь его на берегу реки Цзян, я стрелял в него из лука, и стрелы вонзались справа и слева, но ни одна не попала в цель. А ты, если обнажишь меч, не достанешь ему до плеча, а бросишься на его колесницу, не сумеешь даже достать до переднего бруса. Нет уж, где тебе!» Яо Ли сказал: «Когда речь идет о муже, печалиться можно лишь о недостатке в нем храбрости, но не умения. Если царь искренне хочет мне помочь, мне это удастся». Уский царь согласился. На Другое утро царь обвинил Яо Ли в тяжком преступлении, велел схватить его жену и детей, сжечь их и пепел развеять. Яо Ли бежал. Он направился в Вэй и предстал там перед царевичем Цин Цзи. Царевич Цин Цзи был ему рад и сказал: «Уский царь утратил Дао. Вы сами это видели, и все чужоу об этом знают. То, что вам удалось бежать от его руки, прекрасно». Яо Ли поселился вместе с царевичем и через некоторое время обратился к нему: «В царстве У нет Дао, и этому не видно конца. Прошу вас взять меня с собой в поход на эту страну». Царевич Цин Цзи сказал: «Прекрасно!» Когда же они вместе переправлялись через реку Цзян и уже достигли середины, Яо Ли выхватил меч, чтобы заколоть царевича Цин Цзи, но тот отразил удар и сбросил Яо Ли в воду. Когда тот выплыл, он схватил его и вновь бросил в воду. Так он делал трижды и наконец сказал: «Ты поистине настоящий муж в Поднебесной! Дарю тебе жизнь, да прославишься своими заслугами!» Так Яо Ли избежал смерти и вернулся в У. Уский царь был очень рад и хотел разделить с Яо Ли страну. Но Яо Ли сказал: «Это невозможно, ибо я должен умереть». Уский царь стал удерживать его, но тот сказал: «То, что ради вашего дела были убиты мои жена и дети и пепел их развеян по ветру, я считаю, было бесчеловечностью с моей стороны. То, что ради старого господина я хотел убить нового, я считаю, с моей стороны было изменой долгу. То, что я трижды был сброшен в реку Цзян, а потом помилован царевичем Цин Цзи, я считаю, было для меня позором. Бесчеловечному, изменившему долгу, да еще опозоренному, я считаю, незачем жить». Уский царь не сумел его удержать, и он закололся своим мечом. Яо Ли, можно сказать, старался не ради награды. Поэтому даже при виде великой выгоды не изменил своему долгу. Это можно назвать неподкупностью. Неподкупность — это когда ни богатство, ни знатность не дают забыть о позоре» [«Люй ши чуньцю», кн. 11, гл. 3 «О неподкупности» («Чжун Лянь»): *Весны и осени господина Люя*. Пер. с кит. Г. Ткаченко. М.: Мысль, 2000, с. 166—167].

⁴⁴² Узурпатор Хэ Лу (правил в У в 514—496 гг. до н. э.), отец Фу Ча. — *Прим. пер.*

Эту историю мы находим в сочинении двухтысячелетней давности *Весны и осени господина Люя* (см. перевод на нем. Рихарда Вильгельма. Дюссельдорф, 1979, с. 135 и след.), а чуть иначе оно изложено в китайской энциклопедии *Цы хай* (т. 3. Шанхай, 1979, с. 4212), где говорится, что Яо Ляо еще отсекли правую руку.

Стратагема 34 еще в древности получала крайнее выражение, полагает Ин Хань, ссылаясь на поведение Яо Ли в своей книге *36 стратагем и торговая смекалка* («Сань ши лю цзи юй цзиншан моулюэ»). Пекин, 1997, с. 219). Ин Хань рассказывает также о японце, попавшем в Данию под машину некоего пивовара. Ему пришлось отрезать ногу. Когда посетивший его в больнице пивовар осведомился, чем он может загладить свою вину, японец пожелал лишь после выписки работать на пивоварне вахтером и тем самым как-то зарабатывать себе на жизнь. Пивовар был счастлив, что так легко отделался, и легкомысленно согласился. Японец работал добросовестно, был весьма любезен со всеми. Многие служащие в свободное время приходили к нему поболтать. Спустя три года, прилично заработав, он вернулся к себе домой. Лишь тогда выяснилось, что это был владелец японского предприятия, разыгравший несчастный случай ради того, чтобы выведать тщательно охраняемую тайну приготовления всемирно известного датского пива. За три года службы вахтером он собрал все нужные сведения об используемом сырье, технике его обработки и тонкостях пивоварения. После возвращения в Японию он стал одним из процветающих там пивоваров. Ин Хань сообщает эту историю отнюдь не в качестве образца для подражания. Однако случаи, когда руководители испытывают вначале на себе придуманное суровое средство (см. также 34.14) или когда продукция подвергается испытанию на прочность на виду у всех (см. 34.7, п. 5), которое она, естественно, выдерживает, Ин Хань считает примерами успешного использования стратагемы 34.

34.18. Заключение торговой сделки с помощью таблеток и шерстяного одеяла

Некие покупатели из страны третьего мира хотели приобрести у японской фирмы техническое устройство. Японский торговец посчитал, что перед ним неопытные клиенты, с которых можно запросить большую цену. Но он просчитался, и ему пришлось существенно снизить цену. Когда же противная сторона потребовала во второй раз сбавить цену, японец пригласил покупателей на обсуждение готовящейся сделки в свой гостиничный номер. Придя туда, покупатели увидели японца с обвязанной полотенцем головой и прикрытыми шерстяным одеялом ногами. Лицо было небрито, волосы растрепаны. Сам он бессильно сидел на краю кровати, держа в руке горсть таблеток.

Жалобным голосом он сказал вошедшим: «Вы довели меня до могилы. Если вы сейчас не согласитесь, мой начальник из-за срыва сделки меня уволит. Из-за оказываемого вами давления я всю ночь не спал. Я в полной прострации, к тому же меня мучат боли в животе и спине. Надеюсь, вы войдете в мое положение».

Сердца у людей не каменные, и покупатели сжалились. Японец имел столь жалкий вид, а его слова были столь убедительны, что он невольно вызвал у них сочувствие. И они пошли на существенные уступки. Стоило японскому торговцу достичь своей цели, как от его жалкого вида не осталось и следа.

Японец сознательно пошел на унижение, полагает Юй Сюэбинь, а само происшествие предположительно имело место в Китае. Здесь дело не доходит до телесного увечья, ограничиваясь унижительным поведением, но оно-то и вызывает сочувствие и доверие к японцу. Подобное душевное или связанное с имиджем калечение себя, по мнению Юй Сюэбиня, является творческим преломлением стратагемы 34.

Сюда же Юй Сюэбинь относит и действия китайской домохозяйки, сбившей цену на фунт помидоров на рынке с 40 до 35 фыней. Но и это показалось ей дорого, однако крестьянин больше не уступал. Наконец женщина набрала себе в корзину два фунта помидоров. Когда же надо было заплатить 70 фыней, она сделала вид, будто забыла кошелек дома. С трудом она наскребла 65 фыней и, рассыпаясь в извинениях, отдала их крестьянину. «Это все, что у меня есть. Но я сейчас сбегаю домой и принесу остальное», — с жаром сказала она. «Ну что вы, хватит и этой суммы», — возразил довольный крестьянин, который затем видел, как она у других прилавков делала большие покупки.

34.19. Тонкий как жердь, а хочет казаться толстым

Выражение «бить себя по щекам до опухания, чтобы казаться полнее (солиднее)» («дачжун лян чун панцзы») описывает поведение, когда прибегают к стратагеме 34 при осуществлении стратагемы 29, но в итоге все оборачивается глупостью. Данный фразеологизм означает: «ради представительного внешнего вида навредить себе», или «выглядеть не столь [больным, жалким и т. д.], как на самом деле, а изображать цветущий вид, но для этого приходится чем-то расплачиваться».

«Полный» означает здесь не красоту, а достаток. Ведь богатые чаще всего бывают дороднее бедных!

Когда Китайская Народная Республика предложила Пекин для проведения в 1990 г. одиннадцатых Азиатских игр, что требовало больших затрат, в Китае стали поговаривать: «Проведение Азиатских игр означает растрачивание сил и средств. За всем этим скрывается не что иное, как стремление бить себя по щекам до опухоли, чтобы казаться полнее» (*Спорт: перепечатка материалов периодических изданий* [«Фуинь баокань цзыляо — тиюй»). Пекин, № 1, 1990, с. 8).

Когда я недавно спросил одного из жителей Китайской Народной Республики, достаточно ли его страна в области внешней политики била себя по щекам до опухоли, чтобы казаться полнее, он не задумываясь указал на бесплатную поставку продовольствия в страны третьего мира во времена Мао Цзэдуна, когда самим китайцам приходилось голодать.

Статья, затрагивающая сугубо внутрикитайские процессы в *Рабочей газете* ([Гунжэнь жибао]. Пекин, 8.04.1994, с. 5), называется «Кто бьет себя по щекам до опухоли, чтобы казаться полнее, а затем корчится от боли, должен винить самого себя». Автор Фэн Ляньян клеймит различные связанные с деньгами дурные привычки в межчеловеческих отношениях. К ним он относит стремление перещеголять друг друга в подношениях или великодушии. Скажем, женится сын знакомого, и приятель преподносит ему дорогой подарок, а затем, не желая отставать, этот знакомый берет вперед жалованье за три месяца и покупает тому еще более дорогостоящий подарок, чтобы затем до конца года жить впроголодь. Или же ради того, чтобы покрасоваться, разыгрывают из себя большую шишку, хотя не могут лишней раз купить себе домой одеяла. Некоторые люди при всяком удобном случае приглашают к себе гостей, принимая от них подарки, за которые они должны будут выказать затем свою признательность, т. е., чтобы не уронить своего достоинства, отплатить им еще более дорогими подарками. А когда эти обязательства ответных подарков накапливаются, зачастую ничего не остается, как затянуть потуже ремень. Встречаются также люди, которые используют в качестве трамплина для карьеры деньги и подарки, идущие на приобретение благосклонности влиятельных лиц. Собирая средства для взятки, они жертвуют тем малым, что имеют, «разбирают восточную стену дома для починки немного прохудившейся западной стены» [«чай дун цян, бу си цян»], ссужают налево шальные деньги и справа делают краткосрочный заем [«цзо-цзе юй-дай»], а сами живут бедно, как церковная мышь». Не забывает Фэн Ляньян и про нуворишей, старающихся показаться богаче, нежели на самом деле, и до такой степени швыряющихся деньгами, что в итоге остаются без всяких средств, как и прежде.

«Тонкий как жердь, а хочет непременно меряться с толстыми; если же не толстый, то бьет себя по щекам, чтобы казаться полным. И подобных примеров предостаточно». А вот к какому заключению приходит Фэн Ляньян: «Худоба, однако, не позорна. К чему все это глупое подражание! Чувства ведь за деньги не купишь. И если душевная теплота истинна, то и внимание людей приобретешь. Однако помните правило: действовать надо сообразно своим силам!»

34.20. Хождение в Каноссу

Гильдебранд, сын итальянского крестьянина, взшел в Риме на папский престол [1073 г.]. Став первосвященником, он получил имя Григория VII [между 1015 и 1020—1085 гг.]. Новоиспеченный папа решил довести до победного конца борьбу с императором; духовная власть должна превышать власть светскую. Для этого в первую очередь требовались хорошие священники, которых от их основной обязанности не отвлекали бы ни семья, ни дети. Поэтому священникам запрещается вступать в брак, ибо Церковь — вот семья и дом священнослужителя. Затем папа выступил против немецкого короля Генриха IV (1050—1106 гг., германский король с 1056 г., император с 1084 г.).

В Германии многие представители знати видели в Генрихе IV тирана. Князья и местные правители не желали, чтобы в дела их владений вмешивался король или император. Генриху предстояло немало трудов, чтобы подчинить себе непокорных. И тут папа запрещает королю назначать епископов и настоятелей, требуя, чтобы он передал Церкви взимаемые им у этих иерархов [от пожалованных вместе с должностью ленов] подати. Король отверг подобное вмешательство в дела империи и церкви к северу от Альп. Одни поддержали короля, поскольку епископы и настоятели владели землей с ее населением и поэтому подобно прочим удельным князьям подчинялись королю. Другие посчитали, что священники и монахи являются духовными лицами, которые должны находиться в ведении папы. По мнению этих противников королевской власти, короли за деньги назначали неспособных и нерадивых епископов, а потому назначение достойных людей следует препоручить папскому престолу.

Генрих IV созывает [24 января 1076] имперский собор духовенства в Вормсе, где с возмущением сообщает собравшимся о повелении папы. Духовенство принимает сторону короля, требуя от Генриха IV отказаться от подчинения папскому престолу [не приносить присягу на верность папе]. Генрих обращается к папе с

резким посланием, где пишет: «Генрих, король не по захвату, а по божьей милости, — Гильдебранду, уже не папе, а лжемонаху... Оставь захваченное тобою место, чтобы воссел на престол святого Петра другой, который не скрывал бы насилия под покровом веры. Я, Генрих, король божьей милостью, купно со всеми епископами нашими говорю тебе: изыди, изыди!»⁴⁴³

Папа Григорий собирает свой клир [14—15 февраля на Великопостном синоде] и зачитывает послание Генриха. В негодовании он шлет королю такой ответ: «Святой Петр, князь апостолов, преклонись ко мне ухом своим, молю выслушать твоего слугу... я запрещаю королю Генриху, сыну императора Генриха, который с неслыханным высокомерием напал на Церковь твою, править Германией и всей Италией, и полученной властью от бога освобождаю всех христиан от клятвы верности, которую они дали или дадут ему, и запрещаю всем служить ему как королю... я же, твой наместник, предаю его анафеме!»⁴⁴⁴ [После такого послания на Пасху 1076 г. епископ Утрехта Вильгельм отлучил папу Григория от церкви.]

Обширно было действие анафемы. Все, преданные папой анафеме, отлучались от Церкви. Никто из них не мог посещать дом господень; все христиане должны были сторониться отлученных. После смерти такой человек не мог быть похоронен на церковном погосте; заруют его, подобно зверю. Большинство немецких князей порывают с Генрихом, поскольку не хотят иметь преданного анафеме короля. Они [на собравшемся в октябре того же года общем княжеском съезде в Трибуре] пишут ему с угрозой: «Если ты до 2 февраля следующего года не избавишься от отлучения, мы откажемся от тебя и изберем себе другого короля».

В ту пору Григорий пребывал в неприступной горной крепости Каноссе [принадлежавшей тосканской маркграфине Матильде]. Каносса находится в 20 км юго-западной Реджо-нель-Эмилия на северном склоне Апеннин, на скале высотой 689 м. Григорий расхаживал в своих покоях, радостно потирая руки. Вот и конец власти короля! Никогда гордец Генрих не предстанет перед папой кающимся грешником, как этого требовало отпущение грехов. И тут в покои явился священник: «Перед крепостью в снегу босиком стоит человек, желающий войти». Григорий спешит к окну и видит внизу короля. С супругой, двухгодовалым сыном и несколькими приближенными Генрих преодолел заснеженные Альпы. Нет, папа не примет отлученного; пусть анафема изведет его. Но Генрих не сдастся: три дня и три ночи, с 25 по 27 января 1077 г., пребывает он у ворот крепости, не прекращая просить прощения у папы. И тут не выдерживают спутники папы: «Ведь он христианин и раздавленный и полный раскаяния стоит перед тобой. Слово господа повелевает тебе не отталкивать его!» На четвертый день папа открывает крепостные ворота. Король Генрих падает перед папой на колени, и Григорий вынужден отпустить ему грехи, снять с него отлучение.

Хождением в Каноссу Генрих спас свой царский венец. Григорию хотелось бы другого исхода. Но произошло нечто неслыханное: король смиренно склонил колени перед папой.

Данное описание в несколько сокращенном виде я позаимствовал из первого тома учебника *Мировая и швейцарская история* (Welt- und Schweizergeschichte), 1901 Эрнста Буркхарда (Burkhard) (Берн, 1938). Отдельные детали, например трехдневное стояние короля на холоде, в снегу у крепостных ворот, сегодня оспариваются (см. Вильфред Гартман (Hartmann), *Спор об инвеституре* («Investiturstreit»). Мюнхен, 1993, с. 88 и след.). Как бы то ни было, своим самоунижением Генрих IV перечеркнул планы папы. «Для национализма тот миг, когда немецкий король Генрих IV исполнил перед римским папой Григорием VII предписанную форму церковного покаяния, стал олицетворением незабываемого и предостерегающего во веки вечные поражения немецкой власти и немецкого естества от наднационального начала», — пишет Антон Майер-Пфангольц (Maier-Pfannholz) в статье «Каносский рубеж» (Хельмут Кэмпф (Kämpf), *Каносса как рубеж: избранные статьи для новых изысканий* («Canossa als Wende: Ausgewählte Aufsätze zur neuen Forschung»), Дармштадт, 1976, с. 1).

Как бы тяжело ни сказался на престиже средневековой имперской власти покаянный ход Генриха IV, особенно в отношениях с папством (согласно *Энциклопедии Брокгауза*, т. 4. Ман-гейм, 1987, с. 313; см. также *Словарь средневековья II* («Lexikon des Mittelalters II»). Мюнхен—Цюрих, 1983, столбец 1442), однако новейшие изыскания говорят по меньшей мере о тактической победе короля (см. Вильфред Гартман, *указ. соч.*, с. 89). И все же в значительно большем числе исторических сочинений, учебников и обобщающих

⁴⁴³ «Heinricus non usurpative, sed pia dei ordinatione rex Hildebrando iam non apostolico, sed falso monacho... Alius in solium beati Pétri ascendat, qui nulla violentiam religione palliet, sed beati Pétri sanam doctrinam doceat. Ego, Heinricus dei gratia rex cum omnibus episcopis nostris tibi dicimus; descende, descende!». — *Прим. пер.*

⁴⁴⁴ «Beate Petre, apostolorum princeps, inclina, quaesumus, pias aures tuas nobis et audi me, servus tuum... Heinrico régi, filio Heinrici imperatoris, qui contra tuam ecclesiam inaudita supcrbia insurrexit, totius regni Teutonico-rum et Italiae gubernacula contradico et omnes christianos a vinculo iura-menti, quod sibi fecerunt vel facient, absolve et, ut nullus ei sicut régi serviat, interdico... vinculo eum anathema tis vice tua alligo». — *Прим. пер.*

трудов утверждается, что день Каноссы знаменовал собой не поражение короля и королевской власти, а «успех Генриха и политическое поражение папства» (Антон Майер-Пфангольц, *указ. соч.*, с. 1 и след.). Покаянный ход в Каноссу в глазах Генриха представлялся лишь «дипломатической уловкой», считает Густав Шнюрер (Schnürer) (*Церковь и культура средневековья, Н* («Kirche und Kultur im Mittelalter» (т. 1, 1924; т. 2, 1926; т. 3, 1929)). Падерборн, 1926, с. 235), и имел целью разрушить планы врагов, разорвать союз Григория с немецкими князьями, избавлением от анафемы утвердить свою власть и спасти престол. Этой цели, пусть частично и на время, Генрих добился. «Тем не менее в политическом отношении выиграл здесь король» (Йозеф Лортц (Lortz), «История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей» [в 2 томах. М.: Христианская Россия, 1999, т. 1 «Древность и средние века»] («Geschichte der Kirche für die Oberstufe Höherer Schulen II») 1930, с. 46), который «нанес папе большой политический урон»: (Алоиз Демпф (Dempf). *Священная империя. Историография и философия государства в средневековье и эпоху политического Возрождения* («Sacrum Imperium. Geschichtsschreibung und Staatsphilosophie des Mittelalters und der politischen Renaissance»). Мюнхен, 1929, с. 186). «Церковное покаяние хоть и означало тяжкое личное унижение короля, но в соответствии с духом того времени не несло в себе ничего зазорного. С точки зрения того, какое действие оно оказало, здесь можно скорее говорить о победе короля, нежели папы» (Функ-Бильмайер (Funk-Bihlmeier). *История церкви II* («Kirchengeschichte II»). Падерборн, 1930, с. 105 и след.). То, что король в Каноссе «своим личным преклонением, которое, однако, в тогдашнем восприятии никоим образом не задевало чести, отвоевал свободу действий» (Бернхард Шмайдлер (Schmeidler). *Генрих Четвертый и его помощники в споре об инвеституре. Критические изыскания стиля и существования дела* («Kaiser Heinrich der Vierte und seine Helfer im Investiturstreit. Stilkritische und sachkritische Untersuchungen»). Лейпциг, 1927, с. 375), похоже, при таком рассмотрении оказывается важным, если не единственно важным обстоятельством.

Такому пониманию соответствует и пояснительный текст к слову «Каносса» в [толковом словаре немецкого языка] *Дуден* (Мангейм, 1983, с. 664): «Тяжело дающееся, но оправданное обстоятельствами крайнее самоуничижение». Но взвесим еще раз, какие последствия имел бы для Генриха IV отказ от покаяния. Возможно, это стоило бы ему престола, а папство еще более укрепило бы свою власть. Генрих IV оказался в положении более слабой стороны, и лучшим для него выходом был покаянный ход. Поэтому кажется несправедливым рассматривать «хождение в Каноссу» только как синоним «крайнего уничтожения» (*Энциклопедический словарь Мейера*, т. 5. Мангейм, 1980, с. 303), не учитывая стратегию обмена второстепенной по значимости потери уважения, т. е. самоуничижения, на существование более важное политическое или иное приобретение. Очевидно, лишь третьестепенный, не требующий самоуничижения вопрос затрагивался при отклонении Прием IX кандидатуры [скомпрометировавшего себя выступлением на Ватиканском соборе и связями со старокатоликами] кардинала Гогенлоэ на пост немецкого посланника, когда 14 мая 1872 г. Бисмарк перед немецким рейхстагом произнес ставшие знаменитыми слова: «Мы в Каноссу не пойдем!» [и повел борьбу с католичеством].

34.21. Корявое дерево

«Все существа и растения при своем рождении нежны и слабы, а при гибели тверды и крепки», — заключает Лао-Цзы в *Даодэцзин* [гл. 76] и продолжает: «Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое есть то, что начинает жить» [пер. Ян Хиншуа]. Эту мысль развивает китайский философ Чжуан-цзы (ок. 369 — ок. 286):

«Когда Цзы-Ци (доел. «Владеющий своими чувствами») из Наньбо (доел. «Южное предместье») гулял на горе Шан, он увидел огромное дерево, которое уже издали выделялось среди всех прочих. Под его роскошной кроной могла бы найти укрытие целая тысяча колесниц. «Что это за дерево? — сказал Цзы-Ци. — По всему видно, оно не такое, как другие». Посмотрел он вверх и увидел, что ветви дерева такие кривые, что из них нельзя сделать ни столбов, ни стропил. Взглянул вниз на его могучий корень и увидел, что он так извилист, что из него не выдолбишь гроб. Лизнешь его листок — и рот сводит от горечи! Вдохнешь источаемый им запах — и три дня ходишь одурманенный. Цзы-Ци сказал: «Вот ни на что не годное дерево, потому-то оно и выросло таким огромным. Теперь я понимаю, почему самые светлые люди в мире сделаны из материала, в котором никто не нуждается!» [Чжуан-цзы], глава 4 «Среди людей» («Жэнь цзянь ши»): «Чжуан-цзы. Ле-цзы». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Мысль, 1995] (на нем. яз.: Richard Wilhelm. *Dschuang Dsi*. Вена, 1951, с. 35).

Если эти мысли истолковывать в стратегическом ключе, то получим следующее: тот, кто чересчур «потребен», очень быстро изнашивается или же его буквально сминают обступающие задачи. Сильный, значительный и выдающийся человек вызывает зависть и неудовольствие, а потому зачастую подвергается опасности испортиться. Почему бы тогда, если стратегы 27 оказывается недостаточно, не стать отчасти «непотребным», но при этом жить относительно спокойно и припеваючи — благодаря стратегии 34 (см. также 17.42)?

Стратагема № 35. Цепи уловок

Три иероглифа	連	環	計
Современное китайское чтение	Хань	хуань	цзи
Перевод каждого иероглифа	Связывать/сцеплять звено цепи стратагема		
Связный перевод	1. Стратагема сочленения звеньев цепи 2. Сочлененная подобно звеньям цепи стратагема		
Сущность	1. Стратагема парализующих противника следующих друг за другом сочленений; стратагема стреноживающего противника сочленения принадлежащих ему элементов; стратагема препятствия симбиозу; стратагема связи; стратагема цепи 2. а) Соединение нескольких, связанных подобно звеньям цепи стратагем в пределах целенаправленного действия; последовательность цепляющихся друг за друга или не зависящих друг от друга, направленных на одну и ту же цель стратагем; несколько связанных общей целью действий, осуществляемых каждое с помощью отдельной стратагемы; цепочка стратагем; цепная стратагема б) Осуществление нескольких стратагем одним действием; осуществляющее одновременно несколько стратагем действие; действие со смешением стратагем; наборная стратагема		

35.1. Губительное сковывание цепью кораблей

Чжоу Юй, полководец царства У, перед битвой у Красной скалы (208) распорядился, чтобы Хуан Гай применил стратагему № 34. Испытав поначалу некоторое недоверие, Цао Цао все же принял предложение Хуан Гая, который захотел перейти на его сторону. Оба лазутчика Цао Цао в лагере Чжоу Юя сообщили ему о том, что и генерал Гань Нин собирается сдаться ему в плен (см. 34.1). Но у Цао Цао все еще оставались сомнения. Когда он спросил своих советчиков, готов ли кто-нибудь из них отправиться в лагерь Чжоу Юя, чтобы разведать, что же там происходит, вызвался Цзян Гань. Его последний визит в лагерь Чжоу Юя был неудачным (с. 33.11), и он до сих пор чувствовал себя посрамленным. «Цао Цао созвал своих советников и сказал им так: «...Кто из вас может пробраться в лагерь Чжоу Юя и разузнать правду?» «Разрешите мне поехать, господин чэн-сян, — вызвался Цзян Гань. — В прошлый раз меня обманули в Восточном У, и я до сих пор не могу забыть своего стыда. Но на этот раз я все разузнаю и сообщу вам. Прошу вас не сомневаться». Цао Цао дал свое согласие и приказал Цзян Ганю отправляться немедленно. Цзян Гань сел в свою лодку и вскоре прибыл в лагерь Чжоу Юя. Узнав о его приезде, Чжоу Юй радостно воскликнул: «Мой успех всецело зависит от этого человека!» Он тут же велел Лу Су пригласить Пан Туна, чтобы обсудить с ним план действий» [«Троецарствие», гл. 47: *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ., лит. 1954, т. 1, с. 587].

Пан Тун (178—213) по прозвищу Птенец Феникса [«Фэн-чу»] был подобно Чжугэ Ляну незаурядной личностью. Он бежал с охваченного смутой севера Китая, найдя убежище в царстве У. «Лу Су как-то рассказал о нем Чжоу Юю, тот пригласил его к себе на службу, но Пан Тун не торопился с приездом. Тогда Чжоу Юй послал Лу Су к Пан Туну посоветоваться, каким способом легче всего разгромить Цао Цао» [«Троецарствие», гл. 47: *там же*, с. 587]. Согласно источникам Цао Цао располагал 250-тысячным войском против 50 000 солдат союзных войск усюкого царства и Лю Бэя (Фу Лэчэн. *Полное изложение китайской истории*, 2-е изд. Тайбэй, 1979, с. 238). «Передайте господину Чжоу Юю, — сказал тогда Пан Тун, — что если он хочет разбить Цао Цао, пусть устроит огневое нападение. Но так как на великой реке Янцзы достаточно простора для того, чтобы суда могли разойтись в случае пожара на одном из них, единственно, что я могу посоветовать, — это план «цепи». Победы можно добиться лишь в том случае, если суда противника будут скованы между собой цепью». Лу Су передал этот разговор Чжоу Юю. Тот задумался, а потом сказал: «Этот план может выполнить для меня только сам Пан Тун». «Ему, пожалуй, ехать туда опасно, — усомнился Лу Су. — Уж слишком коварен и жесток Цао Цао».

Чжоу Юй погрузился в размышления. Он не знал, что предпринять. Но в этот момент ему доложили о приезде Цзян Ганя. Чжоу Юй послал людей встречать Цзян Ганя. Но тот уже сам направлялся в лагерь, не дождавшись ответа от Чжоу Юя.

«Почему ты меня в прошлый раз обманул?» — спросил Чжоу Юй, делая сердитое лицо. Цзян Гань с улыбкой отвечал: «Разве я вас обманул? Ведь я тогда приехал излить вам свою душу как другу детства».

«Хорошо, но предупреждаю: если ты ныне надеешься уговорить меня сдаться, так этому не бывать! Скорей высохнут моря и сгниют камни, чем я на это пойду! В тот раз ты поступил нехорошо. Я тебя угостил, уложил спать вместе с собой, а ты выкрал у меня письмо и уехал не попрощавшись. Мало того, ты донес Цао Цао, и тот убил моих верных союзников Цай Мао и Чжан Юня и расстроил мой план! Теперь ты опять явился! Ясно, что намерения у тебя недобрые. Я не посмотрю на нашу старую дружбу! Я одним ударом разрублю ее! Не знаю, что мне с тобой делать? Отправить обратно? Но через несколько дней злодей Цао Цао будет разбит... Оставить у себя в лагере? Ты начнешь выдавать мои секреты... Эй, слуги! Проводите Цзян Ганя в хижину в Западных горах! Пусть там отдыхает. А разобью Цао Цао — спроважу тебя обратно!»

Цзян Гань хотел что-то возразить, но Чжоу Юй уже удалился во внутреннее помещение шатра. Слуги подвели коня, усадили Цзян Ганя в седло и увезли его в горы. Только двое воинов остались при нем для услуг. Оказавшись в одиночестве, Цзян Гань не мог ни спать, ни есть. Ночью он потихоньку вышел из хижины, чтобы полюбоваться звездами, которые точно роса усыпали все небо. Цзян Гань остановился. Вокруг было тихо. Вдруг до него донесся размеренный голос человека, читающего книгу. Цзян Гань сделал несколько шагов в ту сторону и увидел небольшую соломенную хижину у самого склона горы. Внутри мерцал светильник. Цзян Гань подошел поближе и заглянул в щель. В хижине сидел человек и нараспев читал трактат Сунь-цзы о военном искусстве. Рядом со светильником лежал обнаженный меч. «Это необыкновенный человек!» — подумал Цзян Гань и постучался.

Дверь открылась, и человек вышел. Он действительно чем-то отличался от других людей. Цзян Гань извинился и спросил его имя. «Меня зовут Пан Тун», — ответил тот. «Вы, наверно, тот, кого еще называют Фын-чу — Птенец Феникса!» — воскликнул Цзян Гань. «Он самый...» «Я давно слышал о вас! — обрадовался Цзян Гань. — Но позвольте спросить, почему вы уединились здесь?» «Потому что Чжоу Юй упоен своими талантами и терпеть не может других способных людей, — сказал Пан Тун. — А вы кто такой?» «Я — Цзян Гань...» Пан Тун пригласил его в хижину. Завязалась откровенная беседа. «С вашими талантами вы можете уйти куда угодно — успех повсюду будет сопутствовать вам! — сказал Цзян Гань. — Не желаете ли вы перейти на службу к чэн-сяну Цао Цао? Я с радостью представлю вас...» «Охотно! Особенно если вы поговорите с ним, — согласился Пан Тун. — Признаться, мне самому уже давно хочется уехать из Цзяндуна. Но не будем медлить, иначе Чжоу Юй узнает и убьет меня».

Они тут же спустились к реке, сели в лодку Цзян Ганя и направились к северному берегу. Вскоре они прибыли в лагерь. Цзян Гань первым вошел к Цао Цао и рассказал обо всем, что с ним случилось. Узнав о приезде Пан Туна, Цао Цао сам вышел встретить его, ввел в шатер и усадил на почетное место. «Прошу ваших наставлений, — обратился к нему Цао Цао. — Я давно слышал о вас и счастлив, что наконец-то могу вас лицезреть! К вашим советам я отнесусь с должным вниманием. Ведь я не Чжоу Юй, который не внемлет мудрым словам и оскорбляет умных людей, возгордившись своими собственными талантами!»

«Прежде всего, господин чэн-сян, — начал Пан Тун, — мне хотелось бы взглянуть на расположение ваших войск, дабы убедиться, правильно ли говорят, что вы прекрасный стратег». Цао Цао велел подать коней и повез Пан Туна осматривать свои лагери. Они бок о бок поднялись на высокий холм. «Так, так, — бормотал Пан Тун, оглядываясь вокруг, — сбоку горы, к ним примыкает лес, есть проходы для наступления. Врагу пути отхода неудобны... Да! — заключил он. — Великолепно! Даже Сунь У и Сыма Жан-цзюй ничего лучшего не смогли бы придумать!» «Вы слишком меня не хвалите, а дайте мне ваши указания!» — попросил Цао Цао.

Стоя на берегу реки и разглядывая двадцать четыре шлюза, обращенных на юг, и большие корабли, за которыми, как за стеной, укрывались легкие суда, готовые в любой момент появиться оттуда, Пан Тун, улыбаясь, заметил: «Да, недаром идет о вас слава, господин чэн-сян! Вы великолепно используете свои силы! Ну, Чжоу Юй, тебе скоро конец!»

Цао Цао был очень польщен. Они возвратились в лагерь. Цао Цао пригласил Пан Туна к себе в шатер и угостил вином. Зашла беседа о военном искусстве. Пан Тун расхваливал храбрость и прозорливость Цао Цао, а тот в свою очередь оказывал ему всяческие знаки внимания и уважения. «Осмелюсь спросить, — продолжал Пан Тун, притворяясь пьяным, — есть у вас в войске хорошие лекари?» «А зачем они?» — спросил Цао Цао. «Во флоте люди часто болеют, и хорошие лекари необходимы», — пояснил Пан Тун. В эти дни Цао Цао был крайне обеспокоен тем, что в непривычном климате среди его войска распространилась какая-то болезнь, сопровождаемая рвотой. Многие от нее даже умирали. Как же ему было удержаться и не расспросить Пан Туна? «Система обучения на флоте у вас превосходна, — сказал ему Пан Тун, — но, к сожалению, в ней не все совершенно». «Так скажите же, что нужно исправить?» — «Хорошо. Я могу вам посоветовать, как добиться, чтобы ваши воины не болели и чтобы все они были готовы к совершению подвигов». Цао Цао чрезвычайно этим заинтересовался. «На великой реке Янцзы вода все

время то прибывает, то убывает, волны и ветер не утихают, — продолжал Пан Тун. — Воины, рожденные на севере и никогда не плававшие на судах, болеют от непривычной качки. А вот если бы железными цепями соединить все суда по тридцать-пятьдесят в ряд, да наложить от одного к другому мостки, то не только люди, но даже кони свободно могли бы передвигаться по ним! Тогда никакие приливы и отливы, никакие волны и ветер не страшны!»

«Благодарю вас за прекрасный совет! — радостно воскликнул Цао Цао, вставая с циновки. — Если бы не вы, как бы я разгромил Сунь Цюаня?» «Не стоит благодарности, господин чэн-сян, — ответил Пан Тун. — Это всего лишь мое ничтожное мнение. Решать вы должны сами». Цао Цао, не теряя времени, вызвал войсковых кузнецов и приказал ковать цепи и скреплять ими суда. Воины, узнав об этом, радовались и ликовали. Потомки об этом событии сложили такие стихи: «Огонь применили они в сражение у Красной скалы. Расчет Чжоу Юя совпал с расчетами Чжугэ Ляна. Без хитрого плана «цепи», который Пан Тун предложил, наверно, герой Чжоу Юй не выполнил бы подвиг свой бранный».

Затем Пан Тун сказал Цао Цао: «На том берегу многие герои недовольны Чжоу Юем. Я мог бы уговорить их покориться вам, господин чэн-сян. Если Чжоу Юй останется в одиночестве, вы сможете взять его в плен. А тогда и Лю Бэя нечего будет опасаться!» «Если вы действительно окажете мне такую великую услугу, я представлю доклад Сыну неба и вам пожалуют должность одного из трех гунов!» — воскликнул обрадованный Цао Цао. «Сделаю я это не ради титула, а ради спасения народа, — сурово ответил Пан Тун. — Но если вы, господин чэн-сян, перейдете реку, будьте осторожны и не чините насилий!» «Я действую от имени неба! — сказал Цао Цао. — Неужели вы думаете, что я допущу насилие над народом?» Пан Тун поклонился ему и попросил охранную грамоту для своей семьи. «А где живет ваша семья?» — спросил Цао Цао. «На том берегу. Я могу быть уверенным в безопасности семьи лишь в том случае, если получу такую грамоту», — заявил Пан Тун. Цао Цао повелел написать охранную грамоту, скрепил ее печатью и передал Пан Туна. Тот с поклоном поблагодарил его и сказал: «Я уеду, и вскоре вы можете выступать. Не ждите, пока об этом узнает Чжоу Юй».

Когда Пан Тун сел в лодку, он увидел какого-то человека в одеянии даоса, с плетеной бамбуковой шляпой на голове. Человек этот удержал Пан Туна за руку и молвил: «А вы и в самом деле храбры! Хуан Гай хитро придумал свое избиение и послал сюда Кань Цзэ с письмом, а теперь явились и вы со своим планом «цепи»! Но боюсь, что суда не сгорят и все ваши расчеты пойдут прахом! Правда, вам удалось ослепить Цао Цао, но меня-то вам не обмануть». У Пан Туна от таких слов душа ушла в пятки. Пан Тун испуганно обернулся. Перед ним стоял его старый друг Сюй Шу (род. 173). Это немного успокоило Пан Туна, он огляделся по сторонам — поблизости никого не было — и сказал: «Жаль, если вы расстроите мой план! Ведь от этого зависит судьба населения восьмидесяти одного округа Цзяннани». «А какова судьба восьмисот тридцати тысяч воинов, находящихся здесь?» — улыбаясь, спросил Сюй Шу. «Значит, вы действительно хотите расстроить мой план?» «Нет, я пошутил! — ответил Сюй Шу. — Лю Бэй в свое время осыпал меня милостями, и я не забыл, что должен его отблагодарить. Но я поклялся никогда не давать советов Цао Цао за то, что он обрек на смерть мою матушку. Не тревожьтесь, я план ваш не стану расстраивать» [*«Троецарствие»*, гл. 47, 48: *там же*, с. 587—593].

Здесь я прерву описание происходящих событий и замечу, что согласно изложенному в романе *Троецарствие* сторонний человек разгадывает задействованную стратегию и точно ее определяет. В западной литературе за ее многовековую историю подобных эпизодов мы не отыщем. Ни в одном западном произведении не найдется отрывков, где так вот разбираются и характеризуются стратегии.

В декабре 207 г. все суда, большие и малые, были скованы цепью. «Цао Цао прибыл на свой корабль, созвал туда всех военачальников и приказал им выйти в учебный поход... Дул северо-западный ветер. Суда шли на всех парусах, разрезая волны и дробя налетавшие валы. Не чувствовалось ни малейшей качки — воинам казалось, что они находятся на твердой земле. Все были охвачены невиданным воодушевлением, упражнялись на копьях и мечах. По реке туда и сюда сновали легкие суда, наблюдая за порядком. Сам Цао Цао стоял на мостках, любуясь четким строем своих кораблей. Уж с таким-то флотом он победит! Он приказал убирать паруса, и все суда в том же строгом порядке возвратились в лагерь. В шатре Цао Цао сказал своим советникам: «Теперь вы убедились, что мне помогает небо? Иначе как бы я получил бесценный совет Пан Туна? На судах, скованных цепью, переправиться через реку — все равно что пройти по суше!» [*«Троецарствие»*, гл. 48: *там же*, с. 598—599]. Хотя советник Чэн Юй и предостерегал об опасности огневого нападения, но Цао Цао не прислушался.

Разумеется, Цао Цао хотел по возможности избежать битвы на Янцзы. Но для того, чтобы победить противника, ему в любом случае нужно было переправиться через реку и завладеть территорией на той стороне южного берега. Чжоу Юй, конечно, не позволил бы ему спокойно переправиться через реку, а всеми силами и средствами постарался бы помешать его высадке на южном берегу. Поэтому Цао Цао считал, что его солдаты, бывшие родом с севера и не привыкшие к пребыванию на воде, должны будут сначала в

течение долгого времени выдерживать жестокую битву, находясь на раскачивающихся кораблях, пока они — в случае удачного исхода — не обретут под ногами твердую землю. Таким образом, Цао Цао должна была показаться блестящей сама мысль заранее обеспечить войско прочной почвой под ногами, чтобы качки не чувствовалось уже в ходе этой нелегкой переправы.

Когда наконец задул юго-восточный ветер, для Чжоу Юя пробил долгожданный час. Он, «не теряя времени, созвал своих военачальников и велел Гань Нину взять с собой Цай Чжуна и его воинов, сдавшихся в плен, проникнуть в расположение врага, дойти до самого Улиня, где находятся склады Цао Цао, и там зажечь огонь, который послужит для него сигналом...»

Воины доложили Цао Цао, что с южного берега прибыл какой-то человек. Цао Цао велел его позвать, и тот передал ему письмо от Хуан Гая. В письме сообщалось, что Чжоу Юй неусыпно следит за Хуан Гаем и что сейчас убежать нет никакой возможности. Однако, говорилось далее, скоро такой случай представится: не сегодня-завтра с озера Поянху должен прибыть провиант, и Чжоу Юй пошлет его, Хуан Гая, встречать караван. «Улучив момент, — писал в заключение Хуан Гай, — я убью одного из известных цзяндунских военачальников и перейду к вам, господин чэн-сян. Может быть, сегодня во время второй стражи у вашего лагеря появятся суда со знаменами Черного дракона; знайте, что это я везу провиант».

Обрадованный Цао Цао отправился в речной лагерь, чтобы с большого корабля наблюдать за прибытием судов Хуан Гая...

Дул сильный восточный ветер. На реке бушевали волны. Цао Цао со своего корабля наблюдал за рекой. При свете луны вода искрилась и блестела. Река напоминала огромную золотую змею. Обратившись лицом к ветру, Цао Цао рассмеялся. Он считал, что наконец-то достиг желаемого! Вдруг один из воинов, вытянув руку в направлении южного берега, сказал, что там показались паруса. Цао Цао поднялся на вышку. Ему донесли, что на судах виднеются знамена Черного дракона и на самом большом знамени можно различить надпись: «Начальник передового отряда Хуан Гай». «Небо помогает мне! — воскликнул Цао Цао. — Это Хуан Гай едет сдаваться!» «А мне кажется, что эти суда идут с вероломной целью! — вдруг произнес Чэн Юй, который стоял рядом и молча следил за приближающимися судами. — Не разрешайте им приближаться к нашему лагерю, господин чэн-сян!» «Из чего вы это заключили?» — спросил Цао Цао. «Тяжело нагруженные суда сидят глубоко, а эти так и прыгают по волнам, — сказал Чэн Юй. — Не забывайте, господин чэн-сян, что дует юго-восточный ветер, и, если у них действительно дурные намерения, как мы от них увернемся?»

«Кто остановит суда?» — обратился Цао Цао к военачальникам, убедившись, что опасения Чэн Юя не лишены оснований. «Разрешите мне!» — вызвался Вэнь Пин. Он спрыгнул в лодку и понесся навстречу приближающимся судам Хуан Гая, сделав знак своим сторожевым судам следовать за ним. «Эй, вы! — крикнул Вэнь Пин. — Чэн-сян запрещает вам подходить к лагерю и приказывает остановиться на середине реки!» «Спускайте паруса!» — кричали воины Вэнь Пина. В ответ зазвенела тетива, и в левое плечо Вэнь Пина вонзилась стрела. Он упал на дно лодки. Среди его воинов возникло замешательство. Они стали поворачивать свои суда и уходить обратно.

Когда Хуан Гай был всего в двух ли от лагеря Цао Цао, он приказал на своих передовых судах зажечь огонь. Ветер раздувал пламя. Словно огненные стрелы, горящие суда ворвались в расположение флота противника. Скованные цепями, корабли Цао Цао не могли разойтись, и вскоре на них перебросился огонь. Пламя охватило корабли. Великая река окрасилась в багровый цвет, по небу разлилось зарево» [*Троецарствие*, гл. 49: там же, с. 609, 613—615].

Подзаголовок 47 главы романа *Троецарствие* гласит: «Пан Тун предложил стратегию цепи». Под стратегией цепи здесь понимается в буквальном смысле сцепление объектов, которые сами по себе являются независимыми. В данном случае это были корабли. Сцепление их Пан Тун обрисовал так, что, с точки зрения Цао Цао, который явно не разбирался в войне на воде, это казалось стратегией. Ведь, как бы то ни было, с помощью этого действия он смог уравновесить преимущество Чжоу Юя, войско которого было привычным к сражениям на воде, и в известной мере превратить морское сражение в сухопутное, в полном объеме используя в нем все сильные стороны своей армии. Навязывая Цао Цао стратегию цепи, сам Пан Тун использовал стратегию творца 7, или стратегию двуликого Януса 10. Он предложил в качестве полезного некоторое действие, которое в действительности привело к гибели.

В свою очередь, вторжение Пан Туна к Цао Цао является звеном в целой цепи стратегий, последовательно использованных Чжоу Юем для достижения конечной цели — победы над Цао Цао в битве у Красной скалы. Важными стратегиями в этом ряду являются, в частности, обезвреживание Цай Мао и Чжан Юня, осуществленное при помощи стратегий 33 и 3, стратегия 34, которую провел в жизнь Хуан Гай, и, наконец, введение в заблуждение Цао Цао, что сделал Пан Тун, используя стратегии 7 и 10.

Встреча Пан Туна и Цао Цао придумана, но правдивым является, во всяком случае, то обстоятельство, что в битве у Красной скалы (на северо-востоке района Цзяу, на месте современной провинции Хубэй) Чжоу Юй поджег весь флот Цао Цао и выгодно использовал последующее смятение в войске Цао Цао, численно намного превосходившем его собственную армию.

35.2. Окружение в открытом море

В 1409 г. отряд китайских кораблей отправился в путь, чтобы «усмирить варваров и собрать сокровища», как говорится в великолепном романе Ло Маодэна «Записки о путешествии внука по прозвищу Три Драгоценности по Западному океану» (ок. 1600). В этом романе речь идет об исторических событиях — морских экспедициях внука Чжэн Хэ в период между 1405 и 1433 гг. (см. 12.7, 34.8). На своем пути императорскому флоту пришлось выдержать несколько сражений, в которых китайцы победили отчасти благодаря лучшему вооружению, отчасти с помощью волшебства, а также используя стратагемы. Одна из стран, которые посетила китайская флотилия, называлась Лаво. Правитель Лаво решил подчиниться Китаю, но самовольные поступки одного из его военачальников и поспешные действия Чжэн Хэ привели к тому, что ситуация вышла из-под контроля. Правитель был взят в плен, его резиденцию заняли китайцы. Впрочем, вскоре к обоюдному удовлетворению это недоразумение разрешилось. К тому же упомянутый своенравный полководец проиграл битву с китайским войском, отдаленно напоминающую поражение Цао Цао в сражении с Чжоу Юем у Красной скалы, описанное в романе *Троецарствие*, Трехдневное морское сражение не привело к победе ни одну из сторон. Флот противника временно отступил. Перед тем как вступить в схватку во второй раз, Чжан Тяньши⁴⁴⁵, советник Чжэн Хэ, встретился со своими военачальниками и спросил, есть ли у них план для предстоящего сражения. Те ответили, что пребывают в растерянности и надеются на указания самого Чжан Тяньши. Помолчав некоторое время, он спросил: «Вы подумали о сражении у Красной скалы?» «Да, — ответили военачальники, — но здесь есть препятствие, которое мы пока не преодолели». «Понятно, вы говорите о благоприятном ветре, — сказал Чжан Тяньши с улыбкой и, уверенный в своей волшебной силе, прибавил: — Эту задачу я возьму на себя. Но вот кто станет Птенцом Феникса, Пан Туном, и предложит противнику стратагему цепи?» Военачальники ответили: «На этот раз стратагема цепи будет применяться не на вражеских кораблях, а на наших». «Отлично, — сказал Чжан Тяньши. — В битве у Красной скалы стратагему цепи использовал противник, но в этот раз мы сделаем наоборот — применим ее сами». Военачальники сказали: «Не значит ли это, что и получится наоборот?» Все засмеялись.

Корабли были стянуты к четырем местам: на севере, юге, западе и востоке, и везде их сковали друг с другом. На следующий день началась атака противника. Вражеское войско пыталось поджечь китайские корабли, скованные друг с другом по борту, но Чжан Тяньши, обладавший волшебной силой, все время разворачивал ветер так, что горящий материал относил обратно в сторону поджигателей. Испытав такое невезение, корабли противника хотели развернуться и уйти в открытое море, но тут путь им преградила первая цепь китайских кораблей, длинная, как змея. Тогда флот повернул вправо. Но и там его ожидала длинная стена сцепленных китайских кораблей. Вражеские корабли повернули налево и снова столкнулись со стеной китайских кораблей. В конце концов сторона, начавшая сражение, оказалась внутри огромного четырехугольника, образованного цепями китайских кораблей. Чжан Тяньши рассмеялся, увидев такое расположение, и сказал: «На самом деле стратагема сцепления на наших кораблях подействовала! Как прекрасна стратагема наших генералов!»

Конечно, спасения вражескому флоту уже не было, полная победа была за китайцами. С помощью стратагемы сцепления им удалось окружить противника на море и поступить с ним согласно стратагеме 22.

35.3. Надзор за надзирателями

После того как Вэй Цзиншэн задумал свою стратагему вместе с некоторыми китайскими ведомствами (см. 27.7), его 18 месяцев держали в тайном месте (разумеется, это уже не входило в совместно запланированную

⁴⁴⁵ Т. е. небесный наставник Чжан (наст, имя Чжан Лин, затем переделанное в Чжан Даолин (согласно преданию 34—156), полуполегендарный основатель первого организованного даосизма — школы «Путь истинного единства» («чжэн и дао»), или «Путь Небесных наставников» («тяньши дао»); ханьские чиновники именовали ее также «Пять мер риса» («у доу ми дао»), ибо для принятия ее учения необходимо было внести ритуальный взнос в пять мер риса. Ее формирование связано с мифом о новом пришествии («синь чу») Лао-Цзы в 145 г. и его откровением о новом миропорядке своему «наместнику» на земле Чжан Даолину. См. Е. Торчинов (1956—2003). *Даосизм*. СПб: Андреев и сыновья, 1993, с. 161 —173. — *Прим. пер.*

ими стратагему), и, по его словам, там его постоянно окружали 30 стражников, подчиненные трем различным ведомствам. «Некоторые держались со мной довольно дружелюбно, но некоторые вели себя враждебно. Они присматривали друг за другом точно так же, как и за мной» (*Politique internationale*. Париж, 1998, № 79, с. 203). Подобную организацию, где все служащие находятся под постоянным надзором друг у друга, возможно, также можно рассматривать как применение стратагемы цепи 35.

35.4. Ловушка сцепки

«Критический разбор стратагем на сцене Пекинской оперы происходит нечасто. Как правило, в спектаклях имеют место сцены, в которых решающее значение отводится физической силе, ловкости или объему бицепсов. Например, в спектакле Лян Хуань Тао герой Доу Эрдунь [1680—1720] сначала мерится силами в боевом искусстве с [придворным цинского императора Канси] Хуан Саньтаем, и тот терпит поражение из-за того, что его противник прибегает к тайному оружию⁴⁴⁶. Позже обстоятельства складываются таким образом, что Доу Эрдунь сражается с [Хуан Тяньбой] сыном Хуан Саньтая, и тут у Доу Эрдуня крадут его оружие, так что он терпит еще более горькое поражение», — пишет в *Жэньминь жибао* Юй Люй (Пекин, 27.11.1998, с. 12). Противостояние Доу Эрдуня и его противника, для которого характерно не использование стратагем, а владение боевым искусством, достигает своего апогея в местечке под названием Лянь Хуань Тао, которое и дало название этой опере.

Однако выражение «Ляньхуаньтао» (буквально: связанные / сцепленные друг с другом обстоятельства) можно рассматривать и как одно слово, которое будет иметь различные значения в зависимости от контекста: оно может означать «цепную реакцию» (например, в случае, когда наркотическая зависимость одного из членов семьи приводит к развитию наркомании у другого, затем следующего и так далее; см. *Небеса и ад*. Пекин, 1993, с. 205 и след.), «безвыходное положение» (в этом значении данное слово употреблялось в *Жэньминь жибао* (Пекин, 14.11.1998, с. 6) в связи с описанием отношений между Ираком и США, при этом имелись в виду их взаимно враждебные действия), а также и «взаимообусловленные соглашения». В последнем случае можно увидеть определенное сходство означенного положения со стратагемой 35. Так, например, 30 сентября 1978 г. пекинская газета *Жэньминь жибао* писала о западных деятелях, выступавших за то, чтобы предоставить Советскому Союзу ссуды и технические средства, обосновывая это тем, что таким образом возникнет «тесное и взаимовыгодное переплетение отношений» между западными странами и СССР и «взаимообусловленность договорных соглашений» будет сдерживать Советский Союз. За этим предложением стоял следующий расчет: Запад пойдет навстречу Советскому Союзу, а Советскому Союзу, в свою очередь, придется быть благодарным Западу.

Однако словосочетание «ляньхуаньтао» может означать и «ловушку сцепки»: в этом случае обстоятельства, совершенно не связанные друг с другом, искусственно ставятся в зависимость друг от друга, причем без объяснения причин. Например, можно вставить в разумный парламентский проект некую абсурдную оговорку таким образом, что это разумное предложение может быть принято только вместе с этой оговоркой, которая погубит весь проект. Другой пример, возможный в КНР: дефицитный товар можно продавать только вместе с каким-то залежавшимся товаром («с нагрузкой»). В частности, о такой «ловушке сцепки» говорит Ван Жунцзю, рассматривая в июле 1981 г. предложение министра иностранных дел Вьетнама, состоящее в том, что Вьетнам выведет войска из Камбоджи (во всяком случае, частично) в том случае, если страны Юго-Восточной Азии будут оказывать усиленное давление на Китай, чтобы китайско-вьетнамские отношения пришли в норму. Таким образом, Китай в итоге предстал в этой ситуации государством, поведение которого по отношению к Вьетнаму якобы обуславливает длительное присутствие Вьетнама в Камбодже. В установлении «сцепки» (ляньхуаньтао) между давлением на Китай, которого Вьетнам ожидал от стран Юго-Восточной Азии, и перспективой вывода вьетнамских войск из Камбоджи, представленной в качестве ответного обязательства, *Жэньминь жибао* видит попытку посеять раздор между странами Юго-Восточной Азии и Китаем (*Жэньминь жибао*. Пекин, 2.08. 1981).

35.5. Танцовщица по имени Соболий Хвост и Крылышки Цикады спасает династию Хань

Роман *Троецарствие* Ло Гуаньчжуна (около 1330—1400) относится к наиболее любимым в Китае произведениям. Сплошные козни и борьба последних десятилетий ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и последующей эпохи «Троецарствия» (220—265) проходят чередой в этом произведении исторической прозы. Здесь тесно переплетены действительность и вымысел, предоставляющие китайцам

⁴⁴⁶ См. одноименный с оперой роман современного сказителя, занимающегося пересказом исторических сюжетов, Дань Тяньфана (род. 1935). — *Прим. пер.*

неисчерпаемые темы для разговоров.

«Начальник приказа просвещения (блюстителю нравов) Ван Юнь ловко пользуется стратагемой цепи» — гласит название восьмой главы романа, согласно [издающемуся со дня основания в 1822 г. французским Азиатским обществом (Société asiatique) (на сегодняшний день вышло 290 номеров)] *Journal Asiatique* (Париж, ноябрь—декабрь 1851, с. 545) содержащей «одно из лучших мест китайской прозы» (нем. пер. Франц Кун (Kuhn), *Die drei Reiche. Франкфурт-на-Майне*, 1981, с. 115 и след.). В зале парчовых облаков тайне замышляют цепь уловок [«Цзинь-юньтан аньтин лянхуаньци», сокр. *Цепочка интриг* (Лянхуаньци)] — четырехактная пьеса юаньского (1271 — 1368) анонимного автора, переведенная на немецкий язык (Мартин Гимм (Gimm) [Ред.]. *Китайские пьесы юаньской династии* («Chinesische Dramen der Yuan-Dynastie»). Пер. Альфреда Форке (Forke), серия *Sinologica Coloniensis*, т. 6. Висбаден, 1976, с. 109 и след.). При описании, пожалуй, самого известного примера стратагемы цепи пьеса и роман расходятся в деталях, но в основной сюжетной линии они едины. Главная роль в задуманной сановником Ван Юнем стратагеме цепи отведена танцовщице Дяо Шань («Соболий Хвост и Крылышки Цикады»). Этот персонаж отсутствует в официальных исторических сочинениях, но прочие действующие лица существовали в действительности. И само происшествие в основных чертах исторически достоверно. В борьбе за власть после вступления в 189 г. на престол ханьского императора Шао-ди [176—190] вначале одерживает победу правитель [области Хэдун] Дун Чжо (см. 19.9, 29.32). «С тех пор Дун Чжо еще более возомнил о себе и стал буйствовать безудержно. Он присвоил себе титул шан-фу⁴⁴⁷ и во всем старался подражать Сыну неба» [«Троецарствие», гл. 8—9: *Ло Гу-аньчжун*. Троецарствие. Пер. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 1, с. 104]. Хотел даже стать императором с соблюдением видимости законности. Над династией Хань нависла смертельная угроза. Происходящие далее события я излагаю по современному китайскому комиксу, предназначенному прежде всего юным читателям.⁴⁴⁸

«В двухстах пятидесяти ли от Чананя Дун Чжо заложил крепость Мэйю, на строительство которой согнали двести пятьдесят тысяч крестьян. Стены крепости по высоте и толщине не уступали чананьским. В Мэйю были дворцы и склады с запасами провианта на двадцать лет. Дун Чжо выбрал восемьсот молодых и красивых девушек из народа, нарядил их в золото и парчу, украсил жемчугами и яшмой и вместе с семьями поселил во дворце. В Чанань Дун Чжо наезжал один-два раза в месяц. Сановники выходили встречать и провожать его за стены дворца. Дун Чжо раскидывал тут шатер и устраивал пиры. Однажды Дун Чжо собрал сановников на дворцовой башне и усадил их около себя в два ряда. Когда чаша с вином обошла несколько кругов, вошел Люй Бу и что-то шепнул Дун Чжо на ухо. «Вот оно что!» — с усмешкой воскликнул Дун Чжо и приказал Люй Бу схватить сидевшего на циновке сы-куна⁴⁴⁹ Чжан Вэня и сбросить с башни вниз. Сановники изменились в лице. Через несколько минут слуга на красном блюде принес голову Чжан Вэня. У присутствовавших душа ушла в пятки, а Дун Чжо, улыбаясь, сказал: «Не пугайтесь! Чжан Вэнь связался с Юань Шу, чтобы погубить меня. Он послал к нему человека с письмом, но оно случайно попало в руки моего названного сына Люй Бу. Вот почему я казнил Чжан Вэня. Вам же нечего бояться, если на то нет причин». Чиновники, почтительно поддакивая, разошлись. Сыту⁴⁵⁰ Ван Юнь, возвратившись домой, стал размышлять над тем, что произошло во время пира, и не находил себе покоя. Глубокой ночью, опираясь на посох, Ван Юнь вышел в сад. Ярко светила луна. Ван Юнь подошел к цветам и, обратив лицо к небу, заплакал. Тут ему послышалось, что кто-то протяжно вздыхает возле беседки Пиона. Ван Юнь потихоньку подкрался и увидел свою домашнюю певицу Дяо Шань. Девушка эта, с малых лет взятая в дом Ван Юня, была обучена пению и танцам. Ей едва исполнилось шестнадцать лет, и она была так изумительно красива и искусна, что ее прозвали Цикадой. Ван Юнь обращался с нею, как с родной дочерью. Услышав ее

⁴⁴⁷ Прим. В. Панасюка: «Шан-фу» — дословно: «Батюшка Шан». Титул этот связан с именем сподвижника чжоуских князей Вэнь-вана и У-ва-на, воспитателя У-вана — Люй Шана (Люй Вана, или Тайгун Вана). Существует предание, что когда чжоуский князь Вэнь-ван отправлялся на охоту, он гадал, и гадание показало ему: «Поймаешь не дракона, не медведя, а помощника ба-вана», то есть помощника главы союза князей. И действительно, на охоте Вэнь-ван встретился с Люй Шаном, который ловил рыбу на реке Вэйшуй. Люй Шану в это время было уже более семидесяти лет. Обращаясь к нему, Вэнь-ван сказал: «Я — Тайгун — давно надеюсь на вас!» И с этих пор Люй Шан стали называть Тайгун Ван, что значит Надежда Тайгуна. Люй Шан пользовался большим уважением чжоуского У-вана и оказал ему большую помощь в борьбе против последнего правителя Иньской династии. В данном случае присвоение Дун Чжо титула шан-фу следует понимать как желание показать себя равным Люй Шану, то есть учителем и воспитателем императора.

⁴⁴⁸ Ниже текст дан по русскому переводу «Троецарствия». — Прим. пер.

⁴⁴⁹ Высший сановник, один из трех гунов. Ведал государственными землями и водами.

⁴⁵⁰ Начальник приказа просвещения (блюстителю нравов), один из трех гунов. — Прим. пер.

вздохи в эту ночь, он с удивлением спросил: «Послушай, негодница, не завела ли ты шашни с кем-нибудь?» Дяо Шань испугалась и, упав на колени, воскликнула: «Смею ли я смотреть на кого-нибудь!» «Отчего же ты тогда вздыхаешь по ночам?» «Позвольте мне рассказать вам все от чистого сердца», — вымолвила Дяо Шань. «Не скрывай от меня ничего, ты должна говорить мне только правду», — ответил Ван Юнь. «Вы всегда были милостивы ко мне, — начала Дяо Шань. — Вы научили меня петь и танцевать и обращались со мной так хорошо, что если бы даже я умерла ради вас, и то я не отплатила бы и за десятую долю ваших благодеяний. С недавних пор я стала замечать, что вы, господин мой, сурово хмурите брови. Причиной тому, наверно, какое-то государственное дело, и я не осмеливаюсь спрашивать. Вот и сегодня вы опять чем-то озабочены. Я вижу это и потому вздыхаю. Если бы я могла вам чем-нибудь помочь, поверьте, я не пожалела бы своей жизни». «Кто знает! — воскликнул Ван Юнь, стукнув посохом о землю. — Может быть, судьба Поднебесной в твоих руках? Идем-ка со мной!» Дяо Шань последовала за Ван Юнем в его покои. Отослав всех служанок и наложниц, Ван Юнь усадил Дяо Шань на циновку и почтительно поклонился ей. «Зачем вы это делаете?» — испуганно вскричала Дяо Шань, падая перед ним ниц. «Сжался над людьми Поднебесной!» — промолвил Ван Юнь, и слезы ручьем хлынули из его глаз. «По вашему приказанию я готова десять тысяч раз умереть», — отвечала Дяо Шань. «Народ наш на краю гибели, — продолжал Ван Юнь, опускаясь на колени. — Связь между Сыном неба и подданными так же непрочна, как гряда яиц, — тронь ее, и она развалится. Дун Чжо посягает на императорскую власть, придворные не знают, как уберечь от него трон. Никто, кроме *тебя*, не спасет положение! У Дун Чжо есть приемный сын по имени Люй Бу. Он высокомерен и храбр необыкновенно. Но мне известно, что оба они питают слабость к женскому полу, и я придумал план «цепи». Вот что от тебя требуется. Сначала я просватаю тебя за Люй Бу, а потом отдам Дун Чжо. Находясь в его дворце, ты должна использовать каждый удобный случай, чтобы посеять между ними смертельную вражду. Ты должна добиться, чтобы Люй Бу убил Дун Чжо. Этим ты сможешь избавиться от злодея и укрепить государство. Все это в твоих силах. Не знаю, согласишься ли ты». «Отдавайте меня им хоть сейчас, — не колеблясь, заявила Дяо Шань. — А там уж я придумаю, как действовать». «Но если тайна раскроется, мы все погибнем», — сказал Ван Юнь. «Не печальтесь, господин мой, — повторила Дяо Шань. — Пусть я умру под ударами десяти тысяч мечей, если не исполню своего великого долга!» Ван Юнь поклонился ей с благодарностью» [«Троецарствие», гл. 8: *там же*, с. 104—106].

И тут начинается претворение замысла в жизнь. «На другой день он приказал искуснейшему ювелиру сделать головной убор из бесценных жемчужин и тайно отослал его Люй Бу. Вскоре польщенный Люй Бу явился к Ван Юню с изъявлениями благодарности. А Ван Юнь в ожидании этого уж пригласил на красиво убранном столе самые богатые яства. Он встретил гостя у ворот, ввел во внутренний зал своего дома и усадил на почетное место. «Я — простой воин, — сказал Люй Бу, — а вы высокое лицо при дворе. Чем я заслужил такое уважение?» «Во всей Поднебесной нет сейчас героя, подобного вам! — воскликнул Ван Юнь. — Я почитаю вас не за ваше положение, а за ваши достоинства!» Продолжая превозносить таланты Люй Бу и расхваливая Дун Чжо, Ван Юнь щедро угощал гостя и непрерывно подливал ему вина. Люй Бу радостно смеялся и пил. Ван Юнь отослал всех приближенных, кроме нескольких служанок, подносивших вино, и сказал: «Позовите мое дитя!» Вскоре две служанки ввели Дяо Шань, необыкновенно прелестную и обаятельную, и сами удалились [*стратагема красавицы 31, 1-я часть*]. «Кто это?» — спросил пораженный Люй Бу. «Эта девушка — Дяо Шань, — сказал Ван Юнь. — Из уважения к вам и зная, как вы добры, я пригласил ее сюда». Когда Дяо Шань по приказанию Ван Юня поднесла Люй Бу кубок вина, они взглянули друг на друга. А Ван Юнь, притворяясь пьяным, говорил: «Девушка просит вас выпить! Как знать, может быть, вся семья наша будет зависеть от вас!» Люй Бу просил Дяо Шань сесть, но та сделала вид, что хочет уйти. «Дитя мое, ведь это мой лучший друг, — сказал Ван Юнь. — Ты можешь побыть с нами, в этом нет ничего плохого». Тогда Дяо Шань присела рядом с Ван Юнем. Люй Бу смотрел на нее, не сводя глаз. Когда он осушил еще несколько кубков, Ван Юнь сказал: «Я хочу отдать вам эту девушку. Согласны ли вы принять ее?» «О! — вскричал Люй Бу, вскакивая с Циновки. — Я буду вечно вам благодарен! Всегда готов служить вам, как верный пес и добрый конь!» «Мы выберем счастливый день, и я пришлю ее к вам во дворец», — пообещал Ван Юнь. Словно зачарованный, смотрел Люй Бу на Дяо Шань, и она тоже бросала на него выразительные взгляды. «Час уже поздний. Я попросил бы вас остаться у меня ночевать, — произнес Ван Юнь, — но боюсь, как бы тай-ши Дун Чжо не подумал чего-нибудь дурного». Люй Бу поблагодарил Ван Юня и, кланяясь, удалился» [«Троецарствие», гл. 8: *там же*, с. 107].

Теперь делается следующий шаг по претворению замысла сановника Ван Юня. «Прошло несколько дней. Ван Юнь зашел во дворец и, воспользовавшись отсутствием Люй Бу, склонился перед Дун Чжо до земли и молвил: «Почтительнейше кланяюсь и прошу вас ко мне на обед. Не смею спрашивать, каково будет ваше решение». «Раз вы приглашаете меня, я буду непременно!» — отвечал Дун Чжо. Ван Юнь с благодарностью поклонился и возвратился домой. Он поставил стол в парадном зале и приготовил все лучшие яства, какие только существуют в Поднебесной. Узорчатые коврики устлали полы, везде были развешаны красивые занавесы. На другой день около полудня приехал Дун Чжо. Ван Юнь в полном придворном одеянии вышел ему навстречу и поклонился дважды. Дун Чжо вышел из коляски и, окруженный сотней своих латников, направился в дом. У входа в зал Ван Юнь опять дважды поклонился. Дун Чжо уселся на возвышении и указал хозяину место рядом. «Высоки ваши добродетели, господин тай-ши! — воскликнул Ван Юнь. —

Даже И Инь и Чжоу-гун не смогли бы подняться до них!» Дун Чжо ухмылялся, чрезвычайно довольный. Внесли вино, заиграла музыка. Ван Юнь льстил гостю без всякой меры. Поздно вечером, когда вино сделало свое дело, Ван Юнь пригласил Дун Чжо во внутренние покои. Дун Чжо отослал охрану, а Ван Юнь, поднеся ему кубок, сказал так: «С малых лет я изучал астрологию и по ночам наблюдаю небесные явления. Судьба Хань уже свершилась! Ныне слава о ваших подвигах гремит по всей Поднебесной, как гремит слава Шуня, который наследовал Яо, и как слава Юя, продолжавшего дело Шуня, сообразуясь с волей неба и желаниями людей». «Э, да ты перехватил! Где уж мне с ними равняться!» — воскликнул Дун Чжо. «Разве я преувеличиваю? Ведь говорили же древние: «Идущие по правильному пути уничтожают сбившихся с него, и не имеющие добродетелей уступают место обладающим ими». — «Если по воле неба власть действительно перейдет ко мне, то быть тебе моим первым сподвижником!» Ван Юнь поблагодарил глубоко поклоном. В зале зажгли разноцветные свечи. Все слуги удалились, кроме прислужниц, подававших вина и яства. «Музыка, которую вы только что слушали, недостойна услаждать вас, — сказал Ван Юнь. — Но есть у меня одна танцовщица, и я осмелюсь обратиться на нее ваше внимание». «Прекрасно!» — отозвался Дун Чжо. Ван Юнь приказал опустить прозрачный занавес. Послышались звуки бамбуковых свирелей. В сопровождении служанок явилась Дяо Шань и стала танцевать по ту сторону занавеса [*стратагема красавицы 31, часть 2*]. Окончив танец, Дяо Шань по приказанию Дун Чжо вышла из-за занавеса. Приблизившись к Дун Чжо, она дважды низко поклонилась. Пораженный ее красотой, Дун Чжо спросил: «Кто эта девушка?» — «Это певица Дяо Шань». — «Так она не только танцует, но и поет?!» Ван Юнь велел Дяо Шань спеть под аккомпанемент тань-баня. Дун Чжо восхищался безмерно. Приняв кубок из рук Дяо Шань, он спросил: «Сколько тебе лет, девушка?» «Вашей служанке только два раза по восемь», — ответила Дяо Шань. «Она восхитительна!» — воскликнул Дун Чжо. «Я хотел бы подарить эту девушку вам, — молвил Ван Юнь вставая. — Не смею спрашивать, согласитесь ли вы принять ее» [*подготовка стратагемы раздора 33*]. «Как мне отблагодарить за такую щедрость?» — произнес Дун Чжо. «Если вы возьмете ее к себе в служанки, это будет величайшим счастьем в ее жизни», — отвечал Ван Юнь. Затем он приказал подать закрытую коляску и лично проводил Дун Чжо и Дяо Шань во дворец. Там он откланялся, сел на своего коня и отправился домой. Но не проехал он и полпути, как увидел два ряда красных фонарей, освещавших дорогу: это ехал Люй Бу на коне с алебардой в руках. Он остановился и, поймав Ван Юня за рукав, сердито произнес: «Вы обещали отдать Дяо Шань мне, а теперь отправили ее к тай-ши. Вы подшутили надо мной!» «Здесь не место для таких разговоров, — перебил его Ван Юнь. — Прошу вас зайти ко мне». У себя дома после приветственных церемоний он спросил Люй Бу: «В чем вы упрекаете меня, старика?» «Люди сказали мне, что вы тайком отослали Дяо Шань во дворец тай-ши, — отвечал Люй Бу. — Что это значит?» «Вы неправильно поняли! — воскликнул Ван Юнь. — Вчера во дворце тай-ши сказал мне, что собирается посетить меня по делу. В его честь я устроил пир, и он во время пиршества сообщил мне: «Я слышал, что у тебя есть девушка по имени Дяо Шань, которую ты обещал отдать моему сыну Люй Бу. Я решил проверить, не пустые ли это слухи, и кстати взглянуть на нее». Я не осмелился ослушаться и позвал Дяо Шань. Она вошла и поклонилась князю князей. «Сегодня счастливый день, — сказал тай-ши, — я возьму эту девушку с собой и обручу ее с моим сыном». Судите сами, мог ли я отказать всеильному?» «Вы ни в чем не виноваты, — произнес Люй Бу. — Я действительно неправильно понял. Приношу вам свои извинения». «У девушки есть приданое, — добавил Ван Юнь. — Когда она перейдет в ваш дворец, я пришлю его». Люй Бу поблагодарил и ушел. На другой день он отправился во дворец Дун Чжо разведать, что там делается, но ничего не узнал.

Тогда он вошел во внутренние покои и стал расспрашивать служанок. «Вчера вечером тай-ши лег в постель со своей новой наложницей, — сообщили ему служанки, — и до сих пор еще не вставал». Люй Бу пришел в бешенство и прокрался под окна спальни. В это время Дяо Шань причесывалась, стоя у окна. Вдруг она заметила в пруду отражение высокого человека, на голове которого была шапка с перьями. Узнав Люй Бу, Дяо Шань скорбно сдвинула брови и стала выгирать глаза своим благоухающим платочком [*стратагема нанесения себе увечья 34*]. Люй Бу долго наблюдал за ней, затем отошел и вскоре появился в доме. Дун Чжо сидел в приемном зале. Увидев Люй Бу, он спросил: «Все благополучно?» «Да», — ответил Люй Бу. Он стал рядом с Дун Чжо и, оглядевшись, заметил за узорчатым занавесом Дяо Шань, украдкой бросающую на него нежные взгляды. Люй Бу впал в смятение. Дун Чжо заметил это, и в его душу закралось ревнивое подозрение. «Если у тебя нет никаких дел ко мне, можешь идти», — сказал он. Люй Бу вышел быстрыми шагами. Больше месяца Дун Чжо предавался наслаждениям, забросив все дела. Когда он заболел, Дяо Шань не отходила от него ни на шаг, стараясь во всем угодить ему. Однажды Люй Бу пришел справиться о здоровье отца. Дун Чжо в это время спал. Дяо Шань молча смотрела на Люй Бу из-за спинки кровати, прижимая одну руку к сердцу, а другой указывая на Дун Чжо, слезы струились у нее из глаз. Люй Бу чувствовал, что сердце у него разрывается на части. Дун Чжо приоткрыл глаза и, проследив за взглядом Люй Бу, повернулся и увидел Дяо Шань. «Как ты смеешь обольщать мою любимую наложницу!» — гневно крикнул Дун Чжо. Он приказал слугам вывести Люй Бу и отныне не впускать его во внутренние покои. Жестоко оскорбленный, Люй Бу, возвращаясь к себе домой, встретил по дороге Ли Жу и рассказал ему обо всем. Ли Жу поспешил к Дун Чжо и сказал ему так: «Вы хотите завладеть Поднебесной, зачем же из-за малого проступка вы так обидели Люй Бу? Ведь если он отвернется от вас — одному вам великое дело совершить не удастся». «Как же быть?» — спросил Дун Чжо. «Позовите его завтра утром, — посоветовал

Ли Жу, — одарите золотом и тканями, успокойте добрым словом, и все будет хорошо». Дун Чжо последовал его совету. Люй Бу явился во дворец, и Дун Чжо сказал ему: «Третьего дня я плохо себя чувствовал и необдуманно обидел тебя. Забудь об этом». Он тут же подарил Люй Бу десять цзиней золота и двадцать кусков парчи. Люй Бу вернулся домой исполненный благодарности к Дун Чжо, но сердцем его теперь владела Дяо Шань.

Оправившись от болезни, Дун Чжо явился в императорский дворец на совет. Люй Бу следовал за ним с алебардой. Воспользовавшись тем, что Дун Чжо вступил в беседу с императором Сянь-ди, Люй Бу вышел из дворца, вскочил на коня и поскакал к Дяо Шань. Привязав коня перед дворцом, он с алебардой в руке вошел во внутренние покои и отыскал Дяо Шань. «Идите в сад и ждите меня возле беседки Феникса», — сказала она. Люй Бу ждал довольно долго, и наконец появилась Дяо Шань. Она приближалась, словно маленькая волшебница из дворца Луны, раздвигая цветы и подымая ивовые ветви. Вся в слезах, она сказала Люй Бу: «Хоть я и не родная дочь сы-ту Ван Юня, но он обращался со мной, как с родной. Когда я увидела вас, мне захотелось служить вам. Это было единственным моим желанием. Но кто думал, что у тай-ши может возникнуть низкое желание опозорить меня! Я страдала, но откладывала день своей смерти, чтобы открыть вам всю правду. Теперь вы знаете все! Тело мое опозорено и не может служить герою. Я хочу только одного: умереть на ваших глазах и этим доказать вам свою верность». Сказав так, она ухватила руками за ограду, чтобы прыгнуть в заросший лотосами пруд [*провокационная стратагема 13*]. Люй Бу подхватил ее и со слезами в голосе вскричал: «Я давно догадываюсь о твоём чувстве, но, к несчастью, мы не могли поговорить!» «Раз в этой жизни мне не суждено стать вашей женой, — прошептала Дяо Шань, отстраняясь от Люй Бу, — я хотела бы соединиться с вами в том мире». «Если я не женюсь на тебе, я недостоин быть героем!» — вскричал Люй Бу. «Для меня дни тянутся, как годы, — лепетала Дяо Шань. — Умоляю, сжальтесь надо мной, спасите меня!» «Сейчас я не могу остаться, — сказал Люй Бу. — Мне надо торопиться. Боюсь, что старый злодей хватится меня». «Если вы так боитесь его, — жалобно проговорила Дяо Шань, цепляясь за одежду Люй Бу, — я больше никогда не увижу восхода солнца!» «Дай мне время подумать!» — прервал ее Люй Бу. С этими словами он взял алебарду и собрался идти. «Прежде я слышала, что слава ваша подобна грому, и считала вас первым человеком в мире. Кто бы мог допустить, что вы повинуетесь власти другого!» — вскричала Дяо Шань, и слезы градом покатались у нее из глаз. Краска стыда разлилась по лицу Люй Бу. Он снова отставил алебарду и обнял Дяо Шань, стараясь утешить ее ласковыми словами. Так стояли они обнявшись, не будучи в силах расстаться.

Тем временем Дун Чжо, заметив исчезновение Люй Бу, заподозрил недоброе. Поспешно откланявшись, он сел в коляску и вернулся домой. Увидав привязанного перед домом коня, Дун Чжо спросил у привратника, где Люй Бу, и тот ответил: «Ваш сын вошел во внутренние покои». Дун Чжо проследовал туда, но никого там не нашел. Он позвал Дяо Шань, но и та не откликнулась. «Дяо Шань в саду ухаживает за цветами», — сказала ему служанка. Дун Чжо прошел в сад и возле беседки Феникса увидел Дяо Шань в объятиях Люй Бу; алебарда его стояла рядом. Дун Чжо закричал; Люй Бу мгновенно обратился в бегство. Дун Чжо схватил алебарду и бросился за ним. Люй Бу летел, как стрела, и тучный Дун Чжо не мог догнать его. Он метнул в беглеца алебарду, но тот отбил ее на лету. Пока Дун Чжо подобрал оружие и снова бросился в погоню, Люй Бу уже был далеко. А когда Дун Чжо выбежал из ворот сада, кто-то попался ему навстречу и так столкнулся с ним грудью, что Дун Чжо упал на землю. Человек, который сбил с ног Дун Чжо, был Ли Жу. Он помог Дун Чжо подняться, увел его в кабинет и усадил. «Как ты попал сюда?» — спросил Дун Чжо. «Проходя мимо вашего дворца, — отвечал Ли Жу, — я узнал, что вы в великом гневе направились в сад искать Люй Бу. Тут он сам выбежал с криком: «Тай-ши убивает меня!» Я тотчас же бросился в сад, чтобы вымолить у вас прощение для Люй Бу, и случайно столкнулся с вами. Поистине, я заслуживаю смерти!» «Он коварный злодей! — воскликнул Дун Чжо. — Он соблазняет мою любимую наложницу! Клянусь, я убью его!» «Всемиловейший правитель, — молвил Ли Жу, — вы ошибаетесь... Дяо Шань только девчонка, а Люй Бу ваш близкий друг и храбрый из военачальников. Если вы сейчас подарите ему Дяо Шань, он будет тронут вашей добротой и жизни своей не пожалеет, чтобы отблагодарить вас. Прошу, подумайте об этом». «Ты прав, — сказал Дун Чжо после длительного раздумья. — Я так и сделаю». Ли Жу, почтительно раскланяваясь, удалился, а Дун Чжо прошел во внутренние покои и позвал Дяо Шань. «Как ты посмела прелюбодействовать с Люй Бу?» — спросил он. «Я ухаживала за цветами в саду, — со слезами отвечала Дяо Шань, — и вдруг появился Люй Бу. Я хотела спрятаться, а Люй Бу и говорит мне: «Я ведь сын тай-ши, зачем тебе прятаться?» Потом он взял алебарду и погнал меня к беседке Феникса. Я догадалась, что у него нехорошие намерения, и хотела уже броситься в лотосовый пруд, но он поймал меня [*стратагема создания 7*]. Как раз в эту минуту явились вы и спасли мне жизнь». «Я собираюсь подарить тебя Люй Бу. Что ты на это скажешь?» — спросил Дун Чжо. Дяо Шань залилась слезами. «Мое тело служило благородному человеку, а теперь меня решили отдать рабу! — плакалась она. — Лучше мне умереть, чем быть опозоренной!» Она сняла со стены меч и хотела заколоть себя, но Дун Чжо выхватил меч у нее из рук и, обнимая, сказал: «Я подшутил над тобой». Дяо Шань упала ему на грудь и со слезами проговорила: «Этот совет вам дал Ли Жу. Он близкий друг Люй Бу, вот он и придумал все это ради него! Ли Жу не заботится ни о вашей славе, ни о моей жизни. Я съела бы его живьем!» «Я не вынесу разлуки с тобой!» — воскликнул Дун Чжо. «Хоть вы и любите меня, но, пожалуй, мне не следует оставаться здесь — Люй Бу все равно

станет меня преследовать». «Успокойся. Завтра мы уедем с тобой в Мэйу и будем там наслаждаться счастьем», — сказал Дун Чжо. Тогда Дяо Шань вытерла слезы и, поклонившись, удалилась. На другой день пришел Ли Жу и сказал: «Сегодня счастливый день — можно подарить Дяо Шань Люй Бу». «Я связан с Люй Бу, как отец с сыном, — возразил Дун Чжо. — Мне нельзя подарить ему Дяо Шань. Я ограничусь тем, что не стану наказывать его. Передай ему это и успокой ласковыми словами. Вот и все». «Вам не следовало бы поддаваться влиянию женщины», — сказал Ли Жу. «А ты бы согласился отдать свою жену Люй Бу? — изменившись в лице, вскричал Дун Чжо. — Я не хочу больше слышать об этом! Скажи еще слово, и ты заплатишься головой!» Ли Жу вышел и, взглянув на небо, со вздохом молвил: «Все мы погибнем от руки женщины!» В стихах, которые сложили об этом потомки, говорится: «Доверившись женщине хитрой, Ван Юнь рассчитал превосходно: оружие и войско отныне Ван Юню совсем не нужны. Три раза сражались в Хулао, напрасно растратили силы, — не в башне ли Феникса спета победная песня войны?» На проводы Дун Чжо в Мэйу собрались все сановники. Дяо Шань уже сидела в своей коляске. Увидев в толпе Люй Бу, она закрыла лицо, делая вид, что плачет. Отъезжающие были уже довольно далеко, а Люй Бу все еще стоял на холме, устремив свой взор на столб пыли, клубившейся на дороге. Невыразимая грусть и досада наполняли его сердце. Вдруг он услышал, как кто-то спросил позади него: «Почему вы не поехали с тай-ши, а стоите здесь и вздыхаете?» Люй Бу оглянулся и увидел Ван Юня. Они поклонились друг другу. «Мне нездоровилось в последние дни, я не выходил из дому и потому давно не виделся с вами, — продолжал Ван Юнь, обращаясь к Люй Бу. — Сегодня мне пришлось превозмочь недуг, чтобы проводить тай-ши. Я рад, что вижу вас. Но о чем вы здесь горюете?» «О вашей дочери», — сказал Люй Бу. «Прошло уже столько времени, а она все еще не с вами!» — воскликнул Ван Юнь, притворяясь удивленным. «Старый злодей сам влюбился в нее!» — отвечал Люй Бу. «Я не верю этому!» — запротестовал Ван Юнь, выражая еще большее удивление. Тогда Люй Бу рассказал ему всю историю, Ван Юнь даже ногой топнул с досады. «Не думал я, что он совершит такой скотский поступок! — произнес он после продолжительного молчания и, взяв Люй Бу за руку, добавил: — Зайдемте ко мне, потолкуем». Ван Юнь провел Люй Бу в потайную комнату и угостил вином. Люй Бу снова подробно рассказал ему о встрече в беседке Феникса. «Он обольстил мою дочь и отнял у вас жену! — возмутился Ван Юнь. — Он опозорил нас! Вся Поднебесная будет над этим смеяться! И смеяться не над тай-ши, а надо мной и над вами! Я уже стар и бессилён, что я могу поделать? Но я скорблю о том, что вы, величайший герой нашего века, тоже подверглись позору» [*провокационная стратагема 13*]. Люй Бу в сильном гневе ударил кулаком по столу. Ван Юнь стал успокаивать его: «Простите меня, я не обдумал своих слов». «Клянусь, я убью этого старого злодея и тем самым смою свой позор!» — воскликнул Люй Бу. Ван Юнь поспешно прикрыл ему рот рукой. «Замолчите, — молит он, — я боюсь, что попаду с вами в беду!» «Может ли отважный муж, одухотворенный сознанием собственного достоинства, долго томиться под властью какого-то негодяя!» — все больше распалялся Люй Бу. «Талантами, какими обладаете вы, должен распоряжаться не такой человек, как Дун Чжо», — добавил Ван Юнь. «Я убил бы этого старого прохвоста, но он мой названный отец, как тут быть? — спросил Люй Бу. — Не вызовет ли это осуждение потомков?» «Вы происходите из рода Люй, а он из рода Дун, — с улыбкой промолвил Ван Юнь. — Разве он руководствовался отцовскими чувствами, когда бросал в вас алебарду?» «О, сы-ту, вы открыли мне глаза!» — воодушевился Люй Бу. Ван Юнь, видя, что почва уже достаточно подготовлена, продолжал: «Если вы восстановите Ханьский дом, то прославите себя как верноподданный, и ваше имя останется в истории на многие поколения. Если же вы станете помогать Дун Чжо, вас будут считать изменником, и вы на многие века оставите по себе дурную славу». «Я уже принял решение, — сказал Люй Бу, — и не изменю его». «Но если дело не завершится успешно, нас ждут большие бедствия, вот чего я опасуюсь», — сказал Ван Юнь. Люй Бу обнажил свой меч, уколол себе руку и поклялся на собственной крови. Ван Юнь, опустившись на колени, поблагодарил его. «Жертвоприношения в храме предков династии Хань не прекратятся, — сказал он, — и это будет вашей заслугой! Но вы должны строго хранить нашу тайну. Мы составим план действий, и я сейчас же извещу вас». Люй Бу ушел в сильнейшем возбуждении... Когда пришел тайно вызванный на совет [земляк Люй Бу] Ли Су (156—192), Люй Бу сказал ему: «В свое время вы уговорили меня убить Дин Юаня и перейти к Дун Чжо. Теперь Дун Чжо оскорбляет Сына неба и жестоко обращается с народом. Преступлениям его нет конца. Чаша терпения преисполнилась: и люди и духи возмущены. Не согласились бы вы отвезти в Мэйу императорский указ и объявить Дун Чжо, что его призывают ко двору? А мы тем временем устроим засаду и убьем его. Этим вы помогли бы восстановить Ханьский дом и оказали бы великую услугу династии. Мы ждем вашего ответа». «Я сам давно мечтал убить этого злодея, — сказал Ли Су, — но что я мог предпринять без единомышленников? Ваше вмешательство — это дар небес! Я не способен на измену династии!» И в подтверждение клятвы он сломал стрелу... На другой день Ли Су с десятью всадниками отправился в Мэйу. Он сказал, что привез императорский указ, и был проведен к Дун Чжо. Ли Су приветствовал его поклоном. «Какой указ прислал Сын неба?» — спросил Дун Чжо. «Сын неба выздоровел и созывает всех сановников, чтобы объявить им о своем желании отречься от престола в вашу пользу, — произнес Ли Су. — В этом и состоит указ». Дун Чжо возликовал... Приказав своим приближенным... охранять Мэйу, Дун Чжо в тот же день собрался в столицу... Перед отъездом он сказал Дяо Шань: «Когда я стану императором, ты будешь моей гуй-фэй (любимой наложницей)». Дяо Шань, догадываясь, в чем дело, притворилась обрадованной и весело простилась с ним. Дун Чжо вышел из дворца, сел в коляску и в сопровождении охраны отправился в Чанань... Когда Дун Чжо был у себя во дворце, Люй Бу явился его поздравить. «Когда я подымусь на пятую

ступень из девяти, — сказал ему Дун Чжо, — ты будешь вестись всеми войсками Поднебесной!» На другой день Дун Чжо поднялся с рассветом и, приказав свите сопровождать его в столицу, отправился в путь в коляске. Все встречавшие его чиновники были в придворных одеждах. Ли Су с мечом в руке шагал рядом с коляской. Процессия остановилась у северных ворот. Из свиты Дун Чжо выпустили только двадцать человек, охранявших коляску, остальных же оставили за воротами. Дун Чжо еще издали заметил, что Ван Юнь и другие вооружены мечами. «Почему все с мечами?» — спросил он с испугом у Ли Су. Ли Су ничего не ответил. Люди подвезли коляску прямо к входу во дворец, и Ван Юнь во весь голос закричал: «Мятежник здесь! Где воины?» С двух сторон выбежали более ста человек с алебардами и копьями и набросились на Дун Чжо. Раненный в руку, он упал в коляске, громко взывая: «Где ты, сын мой, Люй Бу?» «Есть повеление покарать мятежника!» — крикнул Люй Бу и своей алебардой пронзил ему горло [*стратагема подставного лица*]. Ли Су отрубил Дун Чжо голову и высоко поднял ее. Люй Бу вытащил из-за пазухи указ и объявил: «Таков был приказ императора!» «Ван суй!» — в один голос закричали чиновники и все начальники» [*Троецарствие*], гл. 8—9: *там же*, с. 107—123]. Поручение Дяо Шань оказалось выполненным. Наконец Люй Бу держал ее в своих объятиях. Желания обоих исполнились: он хотел обладать ею, а она жаждала спасения ханьской династии.

Основной стратагемой, на претворение которой нацелена была цепочка всех прочих, вспомогательных стратагем, здесь выступала стратагема 3 «убить чужим ножом». Для ее осуществления вначале посредством стратагемы сладострастия 31 сеется раздор между ненавистным основным противником и его главной опорой (стратагема 33), завершаемый стратагемой 3.

35.6. Музыка в качестве оружия

«Правитель жунов отправил Ю-юя в Цинь. Предки Ю-юя были цзиньцами, которые бежали к жунам, поэтому [Ю-юй] умел разговаривать по-цзиньски. Прослышав о мудрости Му-гуна, правитель жунов послал Ю-юя ознакомиться с Цинь. Когда циньский Му-гун показал ему свои дворцовые палаты и собранные в них богатства, Ю-юй сказал: «Если вы заставляли духов все это сотворить, то утомили духов, а если заставляли людей создавать это, то просто замучили народ!». Му-гун удивился этим словам и спросил: «Срединные государства осуществляют управление на основе стихов и [исторических] записей, обрядов и музыки, законов и установлений, но, несмотря на это, в них часто происходят беспорядки. Ныне у диких жунов ничего этого нет. Как же у них строится управление? Разве не возникает трудностей?» Ю-юй со смехом ответил: «Именно в этом причина беспорядков в срединных государствах, ведь с тех пор как мудрейший Хуан-ди выработал обряды и музыку, законы и установления, он лично подавал пример их исполнения, почти не прибегая к управлению. Его же потомки день ото дня становились все более высокомерными и развращенными. Они строго надзирали за низшими и наказывали их, опираясь лишь на силу законов и установлений, [в результате] низшие уставали до крайности и, ратуя за человеколюбие и справедливость, начинали роптать на высших. Так между высшими и низшими возникала взаимная борьба из-за [нанесенных] обид. Взаимные убийства с целью захвата власти и даже уничтожения целых родов — все это порождено этой причиной. Совсем не так у жунов и у. Высшие, обладая простотой и добродетелью, применяют их в отношениях с низшими, а низшие, сохраняя искренность и преданность, служат высшим. Управление целым государством подобно управлению собственным телом, когда не думают, с помощью чего оно управляется, и это действительно управление мудрых». Затем, уединившись со своим секретарем (*нэйши*) Ляо, Му-гун спросил у него: «Я слышал, что если в соседнем государстве живет мудрый человек, это — источник тревоги для соперничающего с ним княжества. Ныне мудрость Ю-юя опасна для меня. Как же мне поступить?» Нэйши Ляо ответил: «Правитель жунов живет в глухих, отдаленных местах и еще не слышал музыки срединных государств. Вы, правитель, попробуйте послать ему ваших певичек, чтобы сломить его волю, попросите также разрешения [оставить] Ю-юя, чтобы отдалить их друг от друга. Задержите Ю-юя и не отпускайте его, чтобы он нарушил сроки [возвращения]. Правитель жунов удивится задержке и непременно заподозрит Ю-юя. А коли между государем и его чиновником появится трещина, можно держать его [нашим] пленником. Притом если правитель жунов увлечется певичками, он непременно забросит дела управления».

Му-гун сказал на это: «Превосходно!» После этого он сел с Ю-юем на разостланные циновки и стал его угощать, лично передавая ему блюда с едой. Расспросив у Ю-юя подробно о характере местности и военной силе жунов, [Му-гун] приказал своему секретарю Ляо отправить правителю жунов шестнадцать певичек. Правитель жунов, получив их, очень обрадовался и целый год не возвращал [певичек]. Тогда циньский правитель вернул Ю-юя домой. [Вернувшись], Ю-юй многократно увещевал [правителя жунов], но тот не слушал его. Му-гун в то же время несколько раз посылал людей [к жунам], которые, пользуясь каждым случаем, просили послать Ю-юя [в Цинь]. В конце концов Ю-юй бежал и перешел на сторону Цинь. Му-гун оказывал ему почести как гостю и расспрашивал о возможностях нападения на жунов. На тридцать седьмом году (623) Цинь по плану Ю-юя напало на правителя жунов, присоединило к себе двенадцать царств, устроило земли на расстоянии в тысячу ли и стало главенствовать над западными жунами» [*Ши Цзи*], гл.

5: *Сыма Цянь*. Исторические записки, т. 2. Пер. Р. Вяткина и С. Таскина. М.: Наука, 1975, с. 30-32].

Этот случай передает Хань Фэй (288—233), важнейший представитель легистов, наряду с законами утверждавший приемы управления своей школы, в приписываемом ему сочинении *Хань Фэй-цзы* [гл. 10 «Десять ошибок» («Ши го»)] (см.: Вильмар Мёглинг (Mögling), *Искусство государственного управления: сочинения наставника Хань Фэй* («Die Kunst der Staatsführung. Die Schriften des Meisters Han Fei»). Лейпциг, 1994, с. 87 и след.)⁴⁵¹. Му-гуну с помощью стратагемы красавицы (31) удается отвлечь правителя жунов от государственных дел, так что тот забрасывает все заботы о царстве и перестает прислушиваться к своему советнику Ю-юю. Тем самым удается осуществить стратагему раздора (33) и стратагему обескровливания (19), так что в итоге ю-юй переходит на службу Цинь, помогая этому делу захватить царство жунов и существенно расширить свои владения.

35.7. Прикрытый нос

«Однажды вэйский царь подарил чускому царю [Хуай-вану (правил 328—299)] красавицу, которая очень тому полюбилась. Жена царя, царица Чжэн Сю, узнав, что государь полюбил красавицу, тоже ее полюбила — и даже еще больше. Чего, бывало, та ни пожелает — будь то наряды или украшения, — все ей дарила. «Супруга моя поняла, как я люблю молодую жену, — сказал государь, — и полюбила ее даже пуще, чем я. Именно так почтительный сын должен угождать родителям, а верноподданный — служить государю!» Царица же, убедившись, что царь не считает ее ревнивицей, сказала как-то молодой жене: «Государь от тебя без ума — но терпеть не может твоего носа! Поэтому, когда видишься с ним, — прикрывай нос, и государь всегда будет к тебе благоволить». Молодая жена послушалась ее совета и стала при каждой встрече с царем прикрывать нос. «Почему это молодая жена всякий раз при виде меня прикрывает нос?» — спросил государь супругу. «Сама не знаю», — ответила царица. Когда же тот стал настаивать, сказала: «Она мне как-то призналась, что не выносит вашего запаха». «Так отрезать ей нос!» — воскликнул разгневанный царь. А царица успела уже перед тем наказать царскому слуге: «Как только государь что прикажет — немедленно исполнить!» И слуга тут же выхватил нож и отрезал красавице нос» [*Хань Фэй-цзы*], гл. 31 «Собрание советов» («Нэй чжу шо»), ч. II «Шесть скрытых пунктов» («Лю вэй»): «Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая». Пер. В. Сухорукова. М.: Худ. лит., 1987, с. 240-241]⁴⁵².

Данная история имеется в трактате *Хань Фэй-цзы*, восходящем к III в. до н. э. Она показывает третий из шести скрытых пунктов, под которыми подразумеваются шесть на первый взгляд невидимых опасностей для власти правителя. Третий пункт относится к видимости и подобию. Подданные придают некой вещи ложный облик, который правитель из-за его мнимой достоверности принимает за действительный. Опираясь на ложное восприятие действительности, правитель принимает ложное, но удобное подданным решение.

В приведенном выше случае новая красавица, приглянувшаяся царю, угрожает существованию Чжэн Сю, которая ради своего выживания вынуждена прибегнуть к уловке. У нее просто нет выбора ввиду отсутствия юридических средств защиты. Красавица является новой наложницей, тогда как Чжэн Сю по праву старшей занимает место супруги царя. И, пользуясь правом сильного, она вмешивается в происходящее. «Обычный путь» заключался бы во враждебном отношении к новоявленной красавице. Но цель у Чжэн Сю — обезвредить красавицу и вернуть себе царскую любовь. Было бы глупо открыто нападать на красавицу, к которой столь благоволит царь. Тот лишь бы разозлился на супругу. Поэтому для устранения соперницы она пускается на хитрость.

Чжэн Сю выказывает дружеское расположение к красавице (*стратагема 10*) и, завоевав ее доверие, даёт ей ложный совет (*стратагема 7*). Проявляемое супругой дружелюбие к красавице столь впечатляет царя, что и он верит ей, становясь жертвой стратагемы 10. Хуай-ван не сомневается в правдивости лживого ответа Чжэн Сю, сумевшей тем самым внести смуту в отношения царя с красавицей (*стратагема 33*). Поначалу на вопрос царя, почему это молодая жена всякий раз при виде его прикрывает нос, царица отвечает: «Сама не знаю». Она как бы тянет с ответом. Когда же тот стал настаивать, сказала: «Она мне как-то призналась, что не выносит вашего запаха». Поначалу Чжэн Сю притворяется, будто не хочет отвечать (*стратагема 27*). В данном случае царь должен был заметить ее лукавство, поскольку тогда у него сложится впечатление, что

⁴⁵¹ А. Иванов в своей книге «Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы» (СПб, 1912) дает не перевод, а сжатый пересказ. Поэтому выше мы приводим тот же подробно изложенный эпизод из «Ши Цзи», гл. 5. — *Прим. пер.*

⁴⁵² Пример с Чжэн Сю, фавориткой чуского правителя Хуай-вана, приводится также в «Чжань го цэ» («Планы сражающихся царств»; раздел «Замыслы Чу», 4.2 «Вэйский ван дарит чускому вану красавицу»). — *Прим. пер.*

ответ будет для него неприятен. Это еще больше укрепляет его в желании узнать, почему красавица прикрывает свой нос. Он вновь спрашивает. Тогда уже Чжэн Сю отвечает, но как бы против собственной воли. Здесь она привлекает стратагему 16: сперва истомить царя ожиданием, чтобы тот затем еще крепче уверовал в правдивость «вынужденного» ответа.

В рамках своего замысла Чжэн Сю наперед предупредила царского слугу. Здесь мы имеем дело со стратагемой 12. Чжэн Сю заранее известно, что царь разгневется и прикажет слуге что-нибудь сделать. Она целенаправленно пользуется этой благоприятной возможностью, своим наказом слуге предохраняясь от неудачи. Сама она остается в стороне, прибегая к стратагеме 3. Столь тщательный стратагемный разбор показывает, что Чжэн Сю воспользовалась целым рядом стратагем, переплетенных между собой. Значит, перед нами стратагема цепи.

«Знать разницу между важным и неважным» советует трактат III в. до н. э. «Весны и Осени господина Люя» [кн. 21, гл. 4 «Понимание деяний» («Шэнь вэй»): «Весны и Осени господина Люя» («Люйши чюньцзо»). Пер. с кит. Г. Ткаченко. М.: Мысль, 2001, с. 363]. Это относится и к разбору стратагемы цепи. Не все стратагемы одинаково важны. Целью Чжэн Сю было отвлечь царя от новоявленной красавицы. Поэтому главной стратагемой выступала стратагема 33, остальные же — 3, 7, 10, 12 и 27 — служили ей подспорьем.

35.8. Юдифь одолевает Олоферна⁴⁵³

После двадцатидневной осады Олоферном положение в Ветилуе стало просто отчаянным (см. 19-19). «Сыны Израиля воззвали к господу богу своему, потому что они пришли в уныние, так как все враги их окружили их и им нельзя было бежать от них. Вокруг них стояло все войско ассирийское — пешие, колесницы и конница их — тридцать четыре дня; у всех жителей Ветилуи истощились все сосуды с водою, опустели водоемы, и ни в один день они не могли пить воды досыта, потому что давали им пить мерою. И унывали дети их и жены их и юноши, и в изнеможении от жажды падали на улицах города и в проходах ворот, и уже не было в них крепости. Тогда весь народ собрался к Озии и к начальникам города — юноши, жены и дети — и с громким воплем говорили всем старейшинам: суди бог между нами и вами; вы сделали нам великую неправду, потому что не предложили мира сынам Ассура; и теперь нет нам помощника: бог предал нас в их руки, чтобы погубить нас жаждою и великою погибелью. Пригласите же их теперь и отдайте весь город на разграбление народу Олоферна и всему войску его, ибо лучше для нас достаться им на расхищение: хотя мы будем рабами их, зато жива будет душа наша, и глаза наши не увидят смерти младенцев наших и жен и детей наших, расстающихся с душами своими. Призываем пред вами во свидетели небо и землю, бога нашего и господа отцов наших, Который наказывает нас за грехи наши и за грехи отцов наших, да соделает по словам сим в нынешний день. И подняли они единодушно великий плач среди собрания и громко взывали к господу богу. Озия сказал им: не унывайте, братья! потерпим еще пять дней, в которые господь, бог наш, обратит милость Свою на нас, ибо Он не оставит нас вконец. Если же они пройдут и помощь к нам не придет, я сделаю по вашим словам. И отпустил народ в свой стан, и они пошли на стены и башни своего города, а жен и детей отослал по домам их; и в великой скорби оставались они в городе. В эти дни услышала Иудифь, дочь Ме-рарии... Муж ее Манассия, из одного с нею колена и племени, умер во время жатвы ячменя... И вдовствовала Иудифь в своем доме три года и четыре месяца. Она сделала для себя на кровле дома своего шатер, возложила на чресла свои вретиче, и были на ней одежды вдовства ее. Она постилась все дни вдовства своего, кроме дней пред субботами и суббот, дней пред новомесячиями и новомесячий, и праздников и торжеств дома Израилева. Она была красива видом и весьма привлекательна взору; муж ее Манассия оставил ей золото и серебро, слуг и служанок, скот и поля, чем она и владела. И никто не укорял ее злым словом, потому что она была очень богобоязненна. Услышала она о дурных речах народа против начальника, потому что они малодушествовали по причине оскудения воды, услышала Иудифь и о всех словах, которые сказал им Озия, как он поклонился им чрез пять дней сдать город ассириянам, и послала она служанку свою, распоряжавшуюся всем ее имуществом, пригласить Озию, Хаврина и Хармина, старейшин ее города. Они пришли, и она сказала им: выслушайте меня, начальники жителей Ветилуи! не право слово ваше, которое вы сегодня сказали перед народом и положили клятву, которую изрекли между богом и вами, и сказали, что сдадите город нашим врагам, если на этих днях господь не поможет нам. Кто же вы, искушавшие сегодня бога и ставшие вместо бога посреди сынов человеческих? Вот, вы теперь испытуете господу Вседержителя, но никогда ничего не узнаете; потому что вам не постигнуть глубины сердца у человека и не понять слов мысли его: как же испытаете вы бога, сотворившего все это, и познаете ум Его, и поймете мысль Его? Нет, братья, не прогневайтесь господу, бога нашего! Ибо если Он не захочет помочь нам в эти пять дней, то Он имеет власть защитить нас в какие угодно Ему дни или поразить нас пред лицом врагов наших. Не отдавайте же в залог заветов господу бога нашего: богу нельзя грозить, как человеку, нельзя и указывать Ему, как сыну человеческого. Посему,

⁴⁵³ Неканоническая книга «Иудифь» дается в синодальном переводе. — *Прим. пер.*

ожидая от Него спасения, будем призывать Его к себе на помощь, и Он услышит голос наш, если это Ему будет угодно. Ибо не было в родах наших и нет в настоящее время ни колена, ни племени, ни народа, ни города у нас, которые кланялись бы богам рукотворенным, как было в прежние дни, за что отцы наши преданы были мечу и расхищению и пали великим падением пред нашими врагами. Но мы не знаем другого бога, кроме Него, а потому и надеемся, что Он не презрит нас и никого из нашего рода. Ибо с пленением нас падет и вся Иудея, и святыни наши будут разграблены, и Он взыщет осквернение их от уст наших, и убиение братьев наших и пленение земли и опустошение наследия нашего обратит на нашу голову среди народов, которыми мы будем поработены, и будем в соблазн и поношение у тех, которые овладеют нами; потому что рабство не послужит нам в честь, но господь, бог наш, вменит его в бесчестие. Итак, братья, покажем братьям нашим, что от нас зависит жизнь их, и на нас утверждаются и святыни, и дом господень, и жертвенник. За все это возблагодарим господя, бога нашего, Который испытует нас, как и отцов наших... Озия сказал ей: все, что ты сказала, сказала от доброго сердца, и никто не будет противиться словам твоим... Но народ истомился от жажды и принудил нас поступить так, как мы сказали им, и обязал нас клятвою, которой мы не нарушим. Помолись же о нас, ибо ты жена благочестивая, и господь пошлет дождь для наполнения водохранилищ наших, и мы больше не будем изнемогать от жажды. Иудифь сказала им: послушайте меня, — и я совершу дело, которое пронесется сынами рода нашего в роды родов. Станьте в эту ночь у ворот, а я выйду с моею служанкою, и в продолжение дней, после которых вы решили отдать город нашим врагам, господь посетит Израиль моею рукою. Только не спрашивайте о моем предприятии, потому что я не скажу вам, доколе не совершится то, что я намерена сделать. И сказал ей Озия и начальники: ступай с миром, и господь бог пред тобою на отмщение врагам нашим! И вышли из шатра ее и пошли к полкам своим. А Иудифь пала на лице, посыпала голову свою пеплом и сбросила с себя вретиче, в которое была одета; и только что воскурили в Иерусалиме, в доме господнем, вечерний фимиа, Иудифь громким голосом воззвала к господу и сказала: вот, ассирияне умножились в силе своей, гордятся конем и всадником, тщеславятся мышцею пеших, надеются и на щит и на копье, и на лук и на пращу, а не знают того, что Ты — господь, сокрушающий брани... Воззри на превозношение их, пошли гнев Твой на главы их, дай вдовьей руке моей крепость на то, что задумала я. Устами хитрости моей порази раба перед вождем, и вождя — перед рабом его, и сокруши гордыню их рукою женскою [*просьба бога о помощи в осуществлении стратагемы 3*]; ибо не во множестве сила Твоя и не в могучих могущество Твое; но Ты — бог смиренных, Ты — помощник умаленных, заступник немощных, покровитель упавших духом, спаситель безнадежных. Так, так, боже отца моего и боже наследия Израилева, Владыка неба и земли, Творец вод, Царь всякого создания Твоего! Услышь молитву мою, сделай слово мое и хитрость мою раною и язвою для тех, которые задумали жестокое против завета Твоего, святого дома Твоего, высоты Сиона и дома наследия сынов Твоих. Вразуми весь народ Твой и всякое племя, чтобы видели они, что Ты — бог, бог всякой крепости и силы, и нет другого защитника рода Израилева, кроме Тебя» (Харро фон Зенгер цитирует Библию по книге: Немецкое библейское общество [издатель], *Библия на современном немецком языке* («Die Bibel in heutigem Deutsch»), 2-е изд., *Ветхий Завет*, Штутгарт, 1982, с. 868). Когда она перестала звать к богу Израилеву и окончила все эти слова, то поднялась на ноги, позвала служанку свою и вошла в дом, в котором она проводила субботние дни и праздники свои. Здесь она сняла с себя вретиче, которое надевала, сняла и одежды вдовства своего, омыла тело водою и намасти-лась драгоценным миром, причесала волосы и надела на голову повязку, оделась в одежды веселия своего, в которые она наряжалась во дни жизни мужа своего Манассии; обула ноги свои в сандалии, и возложила на себя цепочки, запястья, кольца, серьги и все свои наряды, и разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее [*приготовление стратагемы сладострастия 31*]. И дала служанке своей мех вина и сосуд масла, наполнила мешок мукою и сушеными плодами и чистыми хлебами и, обернув все эти припасы свои, возложила их на нее. Выйдя к воротам города Ветилуи, они нашли стоявшими при них Озию и старейшин города Хаврина и Хармина. Когда они увидели ее и перемену в ее лице и одежде, очень много дивились красоте ее и сказали ей: бог, бог отцов наших, да даст тебе благодать и да совершит твои намерения на радость сынов Израиля и на возвеличение Иерусалима. Она поклонилась богу и сказала им: велите отворить для меня ворота города; я выйду для исполнения дела, о котором вы говорили со мною. И велели юношам отворить для нее, как она сказала. Они исполнили это. И вышла Иудифь и служанка ее с нею; а мужи городские смотрели вслед за нею, пока она сходила с горы, пока проходила долиной и пока не скрылась от их глаз. Они шли прямо долиною, и встретила Иудифь передовая стража ассириян, и взяли ее и спросили: чья ты, откуда идешь и куда отправляешься? Она сказала: я дочь евреев и бегу от них, потому что они будут преданы вам на истребление. Я иду к Олоферну, вождю вашего войска, возвестить слова истины и указать ему путь, которым он пойдет и овладеет всею нагорною странюю, так что не погибнет из мужей его ни один человек и ни одна живая душа [*стратагема создателя 7; стратагема червяка и рыбки 17*]... И, выбрав из среды своей сто человек, приставили их к ней и к служанке ее, и они повели их к шатру Олоферна.

Во всем стане произошло движение, потому что весть о приходе ее разнеслась по шатрам: сбежавшиеся окружили ее, так как она стояла вне шатра Олоферна, пока не возвестили ему о ней; и дивились красоте ее, а из-за нее дивились и сынам Израиля, и говорили каждый ближнему своему: кто пренебрежет таким народом, который имеет таких жен у себя! Неблагоразумно оставить из них ни одного мужа, потому что оставшиеся будут в состоянии перехитрить всю землю.

Между тем спавшие при Олоферне и все служители его вышли и ввели ее в шатер. Олоферн отдыхал на своей постели за занавесом, украшенным пурпуром, золотом, изумрудом и драгоценными камнями. Когда ему доложили о ней, он вышел в переднее отделение шатра, и перед ним несли серебряные лампы. Когда Иудифь представилась ему и служителям его, все удивились красоте лица ее. Она, пав на лице, поклонилась ему, и служители его подняли ее.

Олоферн сказал ей: ободрись, жена; не бойся сердцем твоим, потому что я не сделал зла никому, кто добровольно решил служить Навуходоносору, царю всей земли. И теперь, если бы народ твой, живущий в нагорной стране, не пренебрег мною, я не поднял бы на них копья моего; но они сами это сделали для себя. Скажи же мне: почему ты бежала от них и пришла к нам? Ты найдешь себе здесь спасение; не бойся: ты будешь жива в эту ночь и после, потому что тебя никто не обидит, напротив, всякий будет благодетельствовать тебе, как бывает с рабами господина моего, царя Навуходоносора.

Иудифь сказала ему: выслушай слова рабы твоей; пусть раба говорит пред лицом твоим: я не скажу лжи господину моему в эту ночь. И если ты последуешь словам рабы твоей, то бог чрез тебя совершит дело, и господин мой не ошибется в своих предприятиях. Да живет Навуходоносор, царь всей земли, и да живет держава его, пославшего тебя для исправления всякой души, потому что не только люди чрез тебя будут служить ему, но и звери полевые, и скот, и птицы небесные чрез твою силу будут жить под властью Навуходоносора и всего дома его. Ибо мы слышали о твоей мудрости и хитрости ума твоего, и всей земле известно, что ты один добр во всем царстве, силен в знании и дивен в воинских подвигах [*стратагема червяка и рыбки 17*]. А что говорил Ахиор в собрании твоём, мы слышали слова его, потому что мужи Ветилуи оставили его в живых, и он рассказал им все, о чем говорил тебе. Посему, владыкя-господин, не оставляй без внимания слова его, но сложи его в сердце твоём, потому что оно истинно: род наш не наказывается, меч не имеет силы над нами, если они не грешат пред богом своим. Итак, чтобы господин мой не был отражен и безуспешен и чтобы их постигла смерть, — овладел ими грех, которым они прогневают бога своего, делая то, чего не следует; потому что у них оказался недостаток в пище и вся вода истощилась, — и вот они решились броситься на скот свой и думают питаться всем, что бог строго запретил в законе Своём употреблять в пищу. Даже начатки пшеницы и десятины вина и масла, которые, по освящении, хранятся для священников, предстоящих пред лицом бога нашего в Иерусалиме, они решились употребить; тогда как и руками касаться их не следовало никому из народа. Они послали в Иерусалим, так как и тамошние жители делали это, принести к ним разрешение на то собрания старейшин. И как скоро им дано будет известие и они сделают это, то в тот же день будут преданы тебе на погубление. Вот почему я, раба твоя, узнав обо всем этом, бежала от них [*стратагема создателя*], и бог послал меня сделать вместе с тобою такие дела, которым изумится вся земля, где только услышат о них, ибо раба твоя благочестива и день и ночь служит богу Небесному. Теперь, господин мой, я останусь у тебя; только пусть раба твоя по ночам выходит на долину молиться богу [*приготовление стратагемы coram publico* [лат. «в присутствии народа»] 1], — и Он откроет мне, когда они сделают свое преступление. Я приду и объявлю тебе, и ты выходи тогда со всем твоим войском, — и никто из них не противостанет тебе. Я поведу тебя чрез Иудею, доколе не дойдем до Иерусалима; поставлю среди его седалище твое, и ты погонишь их, как овец, не имеющих пастуха, — и пес не пошевелит против тебя языком своим [*стратагема червяка и рыбки 17*]. Это сказано мне по откровению и объявлено мне, и я послана возвестить тебе [*стратагема создателя 7*].

Понравились слова ее Олоферну и всем слугам его. Они дивились мудрости ее и говорили: от края до края земли нет такой жены по красоте лица и по разумным речам. Олоферн сказал ей: хорошо бог сделал, что вперед этого народа послал тебя, чтобы в руках наших была сила, а среди презревших господина моего — гибель. Прекрасна ты лицом, и добры речи твои. Если ты сделаешь, как сказала, то твой бог будет моим богом; ты будешь жить в доме царя Навуходоносора и будешь именита во всей земле. И приказал ввести ее туда, где хранились серебряные сосуды его, и велел ей пользоваться пищею от стола его и пить вино его. Но Иудифь сказала: не буду есть этого, чтобы не было соблазна, но пусть подадут мне то, что принесено со мною. Олоферн сказал ей: а когда истощится то, что с тобою, откуда мы возьмем, чтобы подавать тебе подобное этому? Ибо среди нас нет никого из рода твоего. Иудифь отвечала ему: да живет душа твоя, господин мой; раба твоя не издержит того, что со мною, прежде нежели господь совершит моею рукою то, что Он определил».

«И ввели ее слуги Олоферна в шатер, и спала она до полночи; а пред утреннюю стражею встала и послала сказать Олоферну: да даст господин мой повеление, чтобы рабе твоей дозволили выходить на молитву [*приготовление стратагемы coram publico 1*].

Олоферн приказал своим телохранителям не препятствовать ей. И пробыла она в лагере три дня, а по ночам выходила в долину Ветилуи [*приготовление стратагемы coram publico 1*], омывалась при источнике воды у лагеря. И, выходя, молилась господу, богу Израилеву, чтоб Он направил путь ее к избавлению сынов Его народа. По возвращении она пребывала в шатре чистою, а к вечеру приносили ей пищу.

В четвертый день Олоферн сделал пир для одних слуг своих и не пригласил к услужению никого из приставленных к службам. И сказал евноху Вагою, управлявшему всем, что у него было: ступай и убеди еврейскую женщину, которая у тебя, прийти к нам и есть и пить с нами: стыдно нам оставить такую жену, не побеседовав с нею; она осмеет нас, если мы не пригласим ее [*начинает действовать замышленная Иудифью стратагема сладострастия 31*].

Вагой, выйдя от Олоферна, пришел к ней и сказал: не откажись, прекрасная молодая женщина, прийти к господину моему, чтобы принять честь пред лицом его и пить с нами вино в веселие и быть в этот день как одною из дочерей сынов Ассура, которые предстоят в доме Навуходоносора. Иудифь сказала ему: кто я, чтобы прекословить господину моему? поспешу исполнить все, что будет угодно господину моему, и это будет служить мне утешением до дня смерти моей. Она встала и нарядилась в одежду и во все женское украшение; а служанка ее пришла и разостлала для нее по земле пред Олоферном ковры, которые она получила от Вагоя для всегдашнего употребления, чтобы есть, возлежа на них. Затем Иудифь пришла и возлегла. Подвиглось сердце Олоферна к ней, и душа его взволновалась: он сильно желал сойтись с нею и искал случая обольстить ее с того самого дня, как увидел ее. И сказал ей Олоферн: пей же и веселись с нами. А Иудифь сказала: буду пить, господин, потому что сегодня жизнь моя возвеличилась во мне больше, нежели во все дни от рождения моего. И она брала, ела и пила пред ним, что приготовила служанка ее. А Олоферн любовался на нее и пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения.

Когда поздно стало, рабы его поспешили удалиться, а Вагой, отпустив предстоявших пред лицом его господина, затворил шатер снаружи, и они пошли к постелям своим, так как все были утомлены продолжительностью пира. В шатре осталась одна Иудифь с Олоферном, упавшим на ложе свое, потому что был переполнен вином. Иудифь велела служанке своей стать вне спальни ее и ожидать ее выхода, как было каждый день, сказав, что она выйдет на молитву. То же самое сказала она и Вагою [*приготовление стратагема coram publico 1*].

Когда все от нее ушли и никого в спальне не осталось, ни малого, ни большого, Иудифь, став у постели Олоферна, сказала в сердце своем: господи, боже всякой силы! призри в час сей на дела рук моих к возвышению Иерусалима, ибо теперь время защитить наследие Твое и исполнить мое намерение, поразить врагов, восставших на нас. Потом, подойдя к столбику постели, стоявшему в головах у Олоферна, она сняла с него меч его и, приблизившись к постели, схватила волосы головы его и сказала: господи, боже Израиля! укрепи меня в этот день. И изо всей силы дважды ударила по шее Олоферна и сняла с него голову [*стратагема удара по голове 18*] и, сбросив с постели тело его, взяла со столбов занавес. Спустя немного она вышла и отдала служанке своей голову Олоферна, а та положила ее в мешок со съестными припасами, и обе вместе вышли, по обычаю своему, на молитву. Пройдя стан [*удавшаяся стратагема coram publico 1*], они обошли кругом ущелье, поднялись на гору Ветилуи и пошли к воротам ее. Иудифь издали кричала сторожившим при воротах: отворите, отворите ворота! с нами бог, бог наш, чтобы даровать еще силу Израиллю и победу над врагами, как даровал Он и сегодня. Как только услышали городские мужи голос ее, поспешили прийти к городским воротам и созвали старейшин города. И сбегались все, от малого до большого, так как приход ее был для них сверх ожидания, и, отворив ворота, приняли их, и, зажегши для освещения огонь, окружили их. Она же сказала им громким голосом: хвалите господа, хвалите, хвалите господа, что Он не удалил милости Своей от дома Израилева, но в эту ночь сокрушил врагов наших моею рукою. И, вынув голову из мешка, показала ее и сказала им: вот голова Олоферна, вождя ассирийского войска, и вот занавес его, за которым он лежал от опьянения, — и господь поразил его рукою женщины [*бог как проводник стратагема 3 «воспользовавшись чужим ножом, убить человека»*]. Жив господь, сохранивший меня в пути, которым я шла! ибо лице мое прельстило Олоферна на погибель его [*стратагема сладострастия 31*], но он не сделал со мною скверного и постыдного греха. Весь народ чрезвычайно изумился; пали, поклонились богу и единодушно сказали: благословен Ты, боже наш, уничивший сегодня врагов народа Твоего [*стратагемное истолкование происходящего: не Иудифь, а бог — зачинщик освобождения*]!

А Озия сказал ей: благословенна ты, дочь, всевышним богом более всех жен на земле, и благословен господь бог, создавший небеса и землю и наставивший тебя на поражение головы начальника наших врагов [*опять стратагемное, подчеркивающее значение бога истолкование освобождения*]...

Иудифь сказала им: послушайте же меня, братья, возьмите эту голову и повесьте на зубцах вашей стены. Когда же настанет утро и солнце взойдет над землею, возьмите каждый боевое свое оружие, идите все сильные за город и дайте им вождя, как будто намереваясь сойти на равнину против передовой стражи сынов Ассура, но не сходите [*провокационная стратагема 13*]. Тогда они, взяв все свое оружие, пойдут в свой стан, разбудят вождей войска ассирийского и сбегутся к шатру Олоферна, но не найдут его; оттого нападет на них страх [*стратагема разброды 20*], и они побегут от вас. А вы и все живущие во всяком пределе Израильском, преследуя их, поражайте их на пути...

Когда настало утро, повесили голову Олоферна на стену; каждый муж взял свое оружие, и вышли отрядами на всходы горы. Сыны Ассура, увидев их, послали к своим начальникам, а они пошли к вождям, к тысяченачальникам и ко всякому предводителю своему. Придя к шатру Олоферна, они сказали управлявшему всем именем его: разбуди нашего господина, потому что эти рабы осмелились выйти на сражение с нами, чтобы быть совершенно истребленными».

Вагой вошел и постучался в дверь шатра, ибо думал, что он спит с Иудифью. Когда же никто не отозвался ему, то, отворив, вошел в спальню и нашел, что Олоферн мертвый лежит у порога и голова его снята с него. И он громко воскликнул с плачем, стоном и крепким воплем, и разорвал свои одежды. Потом вошел в шатер, в котором пребывала Иудифь, и не нашел ее. Тогда он выскочил к народу и закричал: рабы поступили вероломно [*запоздалый стратагемный разбор сложившегося положения*]; одна еврейская жена опозорила дом царя Навуходоносора, ибо вот Олоферн на полу, и головы нет на нем. Когда услышали эти слова начальники войска ассирийского, то разорвали одежды свои, и душа их сильно смутилась, и раздался у них крик и весьма великий вопль среди стана.

Когда бывшие в шатрах услышали о том, что случилось, то смутились, и напал на них страх и трепет [*действие стратагем 18 и 19*], и ни один из них не остался в глазах ближнего [*действие стратагемы 20*], но все они бросились бежать по всем дорогам равнины и нагорной страны. И расположившиеся лагерем в нагорной стране около Ветилуи также обратились в бегство. Тогда сыны Израиля, каждый из них воинственный муж, погнались за ними.

Озия послал в Ветомасфем, Виваю, Ховаю и Холу и во все пределы Израильские, чтобы известить о совершившемся и чтобы все погнались за неприятелями для истребления их. Как скоро услышали об этом сыны Израиля, все дружно напали на них и поражали их до Ховы; равно и пришедшие из Иерусалима и из всей нагорной страны, так как им возвещено было о том, что случилось в стане врагов их, и из Галаада и Галилеи, со всех сторон наносили им большое поражение, доколе они не прошли за Дамаск и за пределы его...

Великий священник Иоаким и старейшины сынов Израилевых, жившие в Иерусалиме, пришли посмотреть, какое благо сотворил господь для Израиля, и видеть Иудифь и приветствовать ее. Как только они вошли к ней, то все единодушно благословили ее и сказали ей: ты величие Израиля, ты великая радость Израиля, ты великая слава нашего рода. Все это ты сделала твоею рукою; ты сделала добро Израилу, и да благоволит к нему бог; будь же благословенна от господина Вседержителя на вечное время. И весь народ сказал: да будет!..

И сказала Иудифь: начните богу моему на тимпанах, пойте господа моему на кимвалах, стройно воспевайте Ему новую песнь, возносите и призывайте имя Его; потому что Он есть бог господь, сокрушающий брани, потому что Он ополчился за меня среди народа и исторг меня из руки моих преследователей. Пришел Ассур с гор севера, пришел с мириадами войска своего, и множество их запрудило воду в источниках, и конница их покрыла холмы. Он сказал, что пределы мои сожжет, юношей моих мечом истребит, грудных младенцев бросит о землю, малых детей моих отдаст на расхищение, дев моих пленит. Но господь Вседержитель низложил их рукою жены [*намек на стратагему 3*]... Но после сих дней каждый возвратился в удел свой, а Иудифь отправилась в Ветилую, где оставалась в имении своем и была в свое время славною во всей земле. Многие желали ее, но мужчина не познал ее во все дни ее жизни с того дня, как муж ее Манассия умер и приложился к народу своему. Она приобрела великую славу и состарилась в доме мужа своего, прожив до ста пяти лет, и отпустила служанку свою на свободу. Она умерла в Ветилуе, и похоронили ее в пещере мужа ее Манассии. Дом Израиля оплакивал ее семь дней. Именье же свое прежде смерти своей она разделила между родственниками Манассии, мужа своего, и между близкими из рода своего. И никто более не утраивал сынов Израиля во дни Иудифи и много дней по смерти ее». (Иудифь 7:19—32; 8:1 — 36; 9:1 — 14; 10: 1-23; 11:1-23; 12: 1-20; 13: 1-18; 14:1-19; 15:1-10; 16:1-25).

Примечательно, что простые ассирийские воины встретили Иудифь более настороженно, нежели ассирийский полководец и его служители. Был бы Олоферн сведущим в стратагемах китайцем, то, при всем своем сладострастии, пожалуй, повелел бы одному из стражей наблюдать во время ночного пира за Иудифью через потайное окошко в шатре. Стратагему цепи Иудифи удостоивает похвалы Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) в своей *Сумме теологии*, сводя при этом полное сложного стратагемного расчета деяние Иудифи к простой лжи:

«Иных... упоминают в Писании не за их совершенные добродетели, а за крайнюю тягу к добродетели: ибо в них проснулось достохвальное движение души, гюдвигшее оных на неподобающие дела. Вот и восхваляют Иудифь, но не оттого, что она солгала Олоферну, а по причине переживания оной о благополучии своего народа, ради коего подвергла себя опасности. Как бы то ни было, можно утверждать, что ее слова в переносном (mysticum) смысле были правдивы!» ([Фома Аквинский. «Сумма теологии» («Summa Theologiae»), часть II, вопрос 110. «О лжи», статья 3. «Почему всякая ложь есть грех», возражение 3] *Немецкое издание Фомы Аквинского: полное несокращенное немецко-латинское издание «Суммы*

теологии», т. 20-й: «Добродетели общежития» («Die Deutsche Thomas-Ausgabe: vollständige ungekürzte deutsch-lateinische Ausgabe der Summa Theologica», 20. Band: Tugenden des Gemeinschaftsleben). Гейдельберг, 1943, с. 148).

Если Фома Аквинский говорит не о хитрости, а лишь о лжи, то в комиксе *Шэньцзин Шэньхуа Гуши* (Сказания и истории из Священного Писания. Шанхай, 1988) в уста Иудифи вкладывают такие слова: «Нам не надо открывать городские ворота и сдаваться. Если мы решимся на это, ассирийцы предадут огню наш город и уничтожат наш народ. Я замыслила одну стратегию («во сяну и цзи»), которая заставит их самих отступить».

[43667] Па-Пае q. 110 a. 3 ad 3: «...Quidam vero commendantur in Scriptura non propter perfectam virtutem, sed propter quandam virtutis indolem, quia scilicet apparebat in eis aliquis laudabilis affectus, ex quo movebantur ad quaedam indebita facienda. Et hoc modo Iudith laudatur, non quia mentita est Holoferni, sed propter affectum quem habuit ad salutem populi, pro qua periculis se exposuit. Quamvis etiam dici possit quod verba eius veritatem habent secundum aliquem mysticum intellectum». — *Прим. пер.*

35.9. Божественная стратегия

«Приближался праздник опресноков, называемый Пасхой» (Лк 22:1). «Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить» (Мф 26:3-4).

«Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати» (Лк 22:3) [*Использование сатаной стратегии паразитизма 14 и стратегии заместителя 3; Иуда — лишь жертва стратегии и как жертва невиновен; со стратегической точки зрения за все происходящее в дальнейшем несет ответственность стоящий за Иудой сатана; собственно сама сцена искушения, где Иуда так или иначе имеет выбор {см. 17. IS}, не описывается*]. «И он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им. Они обрадовались и согласились дать ему денег; и он обещал, и искал удобного времени, чтобы предать Его им не при народе» (Лк 22:4-6).

«И когда настал час, Он возлег, и двенадцать Апостолов с Ним, и сказал им: очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии божием. И, взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе бог не завершит свое дело (*Библия на современном немецком языке*, Штутгарт, 1982, *Новый Завет*, с. 95 и след.) (Лк 22:14—18) [*итак, Иисус обозначает бога завершителем возмездия «дела», а не человека; люди предстают лишь послушными орудиями при достигающей своей высшей точки в распятии божественном претворении в жизнь стратегии 3*].

«И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша [есть] Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается. И вот рука предающего Меня со Мною за столом; впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается [*этот человек — лишь жертва проводимых сатаной стратегией 14 и 3, см. выше; посредством стратегии 11 ответственность с проводника стратегией сатаны удастся свалить на их жертву, Иуду*]. И они начали спрашивать друг друга, кто бы из них был, который это сделает» (Лк 19:23).

«Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть [*стратегия 10*]. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого? Бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело, сказали Ему: господи! не ударить ли нам мечом? И один из них ударил раба первосвященникова и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его [*первый и единственный раз, когда в ходе распятия Иисус творит чудо; далее в своих действиях он руководствуется стратегией laissez-faire [невмешательства] 16*]» (Лк 22:48—51).

«Первосвященникам же и начальникам храма и старейшинам, собравшимся против Него, сказал Иисус: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня? Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы бог утвердил надо мной (*Библия на современном немецком языке*, указ, соч., с. 97) [*бог как проводник стратегии заместителя 3 и стратегии laissez-faire 16*]» (Лк 22:52—53).

«Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя? И много иных хулений произносили против Него [*чудотворец Иисус, который мог бы положить конец своим гонениям, прибегает здесь к стратегии laissez-faire 16*,

перекликающейся со стратагемой 27]» (Лк 22:63—65).

«И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион и сказали: Ты ли Христос? скажи нам [*вместо молчания — как затем перед Иродом — Иисус говорит, давая как раз те ответы, которые вызывают возмущение у противной стороны: провокационная стратагема 13*]. Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите [Меня]; отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы божией. И сказали все: итак, Ты Сын божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его» (Лк 22:66—71).

«И поднялось все множество их, и повели Его к Пилату, и начали обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем. Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он сказал ему в ответ: ты говоришь. Пилат сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке. Но они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места».

«Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеянин? И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме. Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему [*Вместо речей — как раньше перед синедрионом — чтобы с их помощью приблизиться к Ироду и по возможности склонить его на свою сторону, Иисус хранит молчание, сознательно вызывая у противной стороны наибольшее возмущение своим поведением: Иисус вновь обращается к провокационной стратагеме 13*]» (Лк 23:1—9).

«Обвиняемому нужно бы лишь на многочисленные просьбы судьи отмежеваться от столь очевидно ложного обвинения в том, что он царь Иудейский...» Однако Иисус «упорствовал в своем молчании, тем самым подтверждая свое *неповиновение*». «В действительности... подобное поведение по отношению к римскому наместнику являлось *неповиновением*. К *неповиновению*, безусловно, относился и случай отказа обвиняемого отвечать на вопросы суда...» *Неповиновение* Иисуса «явилось непосредственной причиной его распятия» (см. Александр Демандт (Demandt) [Ред.], *Власть и право: знаменитые судебные процессы в истории* («Macht und Recht: Große Prozesse in der Geschichte»). Мюнхен, 1990, с. 55 и след., 58).

«Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, уничтожив Его и насмеявшись над Ним [*без предыдущего молчания Иисуса они вряд ли бы зашли так далеко*], одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату».

«И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом. Пилат же, созвав первосвященников и начальников и народ, сказал им: вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ; и вот я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его; и Ирод также, ибо я послал Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти; итак, наказав Его, отпущу» (Лк 23:10—16). «Но первосвященники и старейшины возбудили народ [*стратагема заместителя 3*] простить Варавву, а Иисуса погубить» (Мф 27:20).

«Но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву. Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство. Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали: распни, распни Его! Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав Его, отпущу. Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят; и превозмог крик их и первосвященников» (Лк 23:18—23).

«Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы [*Пилат изображается невинным орудием толпы, которую тот косвенно обвиняет в использовании стратагемы 3*, см. также Герхард Отте (Otte), «Новый суд над Христом?»: *Neue Juristische Wochenschrift*. Мюнхен, тетрадь 14, 1992, с. 1025]. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф 27:24—25).

«И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие» (Мф 27:31).

«И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его... Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают [*Точное обозначение ничего не подозревающих исполнителей не распознанных козней; наивность жертвы стратагемы обусловлена самой природой хитрости*]» (Лк 23:33—34).

«Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась по средине. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю

дух Мой. И, сие сказав, испустил дух» (Лк 23:44-46).

«Иудеи или же в большей мере римляне повинны в смерти Иисуса? Теория убийства господя тянется кровавым следом через всю историю...» (*Новая цюрихская газета*, 22—23.03.1997, с. 104). «Четыре Евангелия явно склонны винить в смерти Иисуса не римлян, а иудеев» (*Шпигель*. Гамбург, № 14, 1997, с. 204). Евангелия «стремятся выгородить римлян как исполнителей смертного приговора Иисусу, представив иудеев закулисными заправилами случившегося» (*Новая цюрихская газета*, 3.11.1997, с. 26). Согласно единодушным в своем мнении сообщениям «четырех Евангелий в смерти Иисуса в первую голову виновны иудеи, тогда как с Пилата снимается ответственность за смерть Иисуса. Пилат в Евангелиях предстает лишь беспомощным орудием жаждущей расправы иудейской толпы...» (Уве Шульц (Schultz) [Ред.], *Знаменитые заговоры: право и справедливость в истории* («Große Prozesse. Recht und Gerechtigkeit in der Geschichte»). Мюнхен, 1996, с. 42). «Вера церкви, что ответственность за распятие Христа до окончания века лежит на иудейском народе, глубоко укоренилась в христианстве и не поколеблется, как бы ни изменились представления, взгляды и привычки людей» (патриарх Антиохии и всего Востока [Игнатий IV (Хазим, род. 1920)] в одной из переданных сирийским радио речей, см.: Клара Обермюллер (Obermüller), «Антисемитизм и его корни в антииудаизме христианской церкви: незаживающая рана на теле господнем». *Вельтвохе*. Цюрих, 14.06.1990, с. 33).

Исключительно между ответственностью со стороны римлян и иудеев за «величайшую утрату Запада» (*Новая цюрихская газета*, 8.09-1989, с. 67) снует подобно ткацкому челноку значительно затемняющая или загоняющая в узкие рамки стратагемную сторону новозаветного описания, а в остальном сугубо правово-историческая или богословская дискуссия (см. Джон Доминик Кроссан (Crossan). *Кто убил Иисуса?* Мюнхен, 1999; Жан Эмбер (Imbert), *Le procès de Jésus*, 2-е изд. Париж, 1984, особенно с. 88 и след., 114 и след.; см. также Иосиф Блинцлер, *Der Prozeß Jesu* («Суд над Иисусом»), 1955). Регенсбург, 1969; Розель Баум-Боденбендер (Baum-Bodenbender), *Величие и низость: иоаннова христология в суде Пилата над Христом (Инн 18:28—19:17)* («Hoheit in Niedrigkeit — Johanneische Christologie im Prozeß Jesu vor Pilatus (Jon. 18,28—19,16a)»). Вюрцбург, 1984; Мануэль Чико Кано (Cano), *Суд над Иисусом; литературно-критическое и редакционно-историческое исследование Лк 23:1—25*, («Prozeß Jesu; eine literarkritische und redaktionsgeschichtliche Untersuchung zu Lk 23,1 — 25»). Мюнстер (Вестфалия), 1980; Хаим Кон (Chaim Cohn), *Осуждение и смерть Иисуса с иудейской точки зрения* («Prozeß und Tod Jesu aus jüdischer Sicht»). Франкфурт-на-Майне, 1997; Гертруда Фуссенеггер (Fussenegger), *Пилат: действия вокруг суда над Иисусом: с приложением отчета* («Pilate: Szenenfolge um den Prozeß Jesu: mit einem Rechenschaftsbereich»). Фрайбург, 1982; Вернер Кох (Koch), *Суд над Иисусом: опыт составления отчета* («Der Prozeß Jesu: Versuch eines Tatsachenberichts»). Мюнхен, 1968; Тео Майер-Мали (Mayer-Maly), «Правово-исторические замечания о суде над Иисусом»: *Живое право: от шумеров до современности: сборник в честь 65-летия Райнхольда Тринкнера* (Trinkner) («Lebendiges Recht: von den Schumerern bis Gegenwart: Festschrift für Reinhold Trinkner zum 65. Geburtstag»). Гейдельберг, 1995, с. 39—44; Рудольф Пеш (Pesch), *Суд над Иисусом продолжается* («Der Prozeß Jesu geht weiter»), Фрайбург, 1988; Уве Везель (Wesel), *История права* («Geschichte des Rechts»). Мюнхен, 1997, с. 170—174).

«В убийстве Иисуса виновны не только иудеи», — говорится в направленных на борьбу с антисемитизмом «Зелисбергских десяти тезисах»⁴⁵⁴ 1947 г., которые были оглашены перед прессой по окончании международной религиозной конференции в швейцарском городе Зелисберге («Признание вины во враждебном отношении Церкви к иудеям». *Новая цюрихская газета*, 7.03.1997, с. 15). Итак, «иудеи» по-прежнему «виновны в убийстве Христа». С другой стороны, утверждается: «раз уж мир смертью Иисуса примиряется с богом, то вина в его смерти лежит на всем человечестве, а не на одних иудеях» (Мартин Гунц (Gunz). «Жестокий бог?»: *Антииудаизм в Новом Завете, дополнение: юбилейное приложение к еженедельнику «Реформатская пресса»* («AntiJudaismus im Neuen Testament. Annex: Jubiläumsbeilage zur

⁴⁵⁴ Международная конференция 1947 г. в Зелисберге (Швейцария), где представители различных христианских конфессий и иудаизма приняли 10 тезисов, положенных в основу развития христианско-иудейского диалога. Некоторые тезисы носили поистине революционный характер: в частности, призывалось «избегать возвеличивания христианства за счет умаления библейского или постбиблейского иудаизма», «избегать употребления слова «иудеи» в значении исключительно «враги Иисуса» и т. д.. Десять Зелисбергских тезисов были положены в основу будущей декларации II Ватиканского собора *Nostra Aetate*, где в разделе об отношении к иудаизму утверждается, что «иудеи донныне остаются, ради отцов, возлюбленными» и что Католическая церковь «сожалеет о ненависти, о гонениях и всех проявлениях антисемитизма... против иудеев» (*Юрий Табак. Основные вехи иудейско-христианского диалога//Заметки по еврейской истории* (Интернет-журнал еврейской истории, традиции, культуры), № 25 от 23.02.2003). Подробнее см.: *Жан Поль Лихтенберг. От Первого до Последнего из Праведников: к истории еврейско-христианских отношений*. Пер. с англ. и коммент. Ю. Табака. М.: Путь, 1996. - *Прим. пер.*

Reformierten Presse»). Цюрих, № 12, 1997, с. 18). Действительно ли это подвижки, когда, к примеру, китайцев тоже причисляют к виновникам гибели Христа?

Но если, кроме иудеев и римлян, существуют еще Третий и Четвертый Участники произошедшего Распятия, а именно Иисус и бог-отец? Действительно ли они были лишь безропотной жертвой либо иудеев, либо римлян, либо всего человечества? Было ли распятие Иисуса, «влиятельнейшего вождя мировой истории» (норвежский парламентарий Ларе Ризе (Riese): *Kirchen-Bote*. Базель, № 4, апрель 1998, с. 4) на самом деле «самым ужасным поражением и крайним самоунижением бога» (Уве Юстус Венцель (Wenzel). «Поражение бога»: *Новая цюрихская газета*, 29-30.03.1997, с. 65)? Был ли Иисус именно в ходе распятия на самом деле «бессильным царем», чья сила исключительно «покоилась на силе его любви» ([издающаяся с 1859 г. местная газета швейцарского городка Айнзидельн (Einsiedeln), кантон Санкт-Галлен] *Einsiedler Anzeiger*, 6.01.1998, с. 2)? Или же есть еще пятое действующее лицо? На это указывает высказывание о том, что якобы дьявол привел Иисуса «через иудеев на крест» (Раймунд Швагер (Schwager). *Чудесный подлог: касательно истории и толкования учения о спасении* («Der wunderbare Tausch: zur Geschichte und Deutung der Erlösungslehre»). Мюнхен, 1986, с. 34). Хотя сатана в Евангелиях и упоминается как водитель Иуды [Лк 22:3, Инн 13:2], более в новозаветных текстах о нем не слышно. Все происходящее, таким образом, сосредоточивается на четырех действующих лицах — «иудеях», «римлянах», «Иисусе» и «боге-отце». Следует поближе, сквозь призму страгем, присмотреться к разыгрываемому этими четверью актерами представлению: «...Бог *хочет* смерти человеку, а именно смерти Иисуса на кресте, дабы этой смертью мир обрел искупление (Versöhnung). Искупление смертью, *возжеланной богом смертью?*» (Мартин Кунц (Cunz), *там же*). Такое же направление мысли должен придать обозначенный вначале страгемный разбор повествования о ходе распятия. Далее я буду опираться на издание Библии, которым пользовался во время учебы в монастырской школе Айнзидельна (П. Иоганнес Перк (Perk), перевод и разъяснения: *Новый Завет*, Айнзидельн — Кёльн 1946 [на рус. яз. дается Синодальный перевод Библии]). Если рассматривать описание распятия в Евангелиях с точки зрения страгемы цепи, мы приходим к присутствующему изначально в тексте оправданию как римлян, так и иудеев, а тем паче китайцев или же всего человечества. И единственно повинными в смерти Иисуса со всей очевидностью предстают сам Иисус и, соответственно, бог-отец. Они, как показывает проведенный страгемный анализ, использовали невинных и наивных людей. Не оказались ли все они, будь то римляне, иудеи либо китайцы, жертвой божественной страгемы 3 «чужим ножом убить человека», сцепленной с многочисленными вспомогательными страгемами? Вспомним, что говорится в *Коране*: «Бог самый искусный из хитрецов», ([сура 3 «Семейство Имрана», аят 47 (54): «ва-ллаху хайру-л-макирине». Пер. Г. Саблукова, 1907], «Dieu est le meilleur des ruses»: Шейх Сы Хамза Бубакер (Si Hamza Voubakeur). *Коран*. Париж, 1985, с. 212 и след., см. также с. 598; *Коран*. Пер. на нем. Макса Хеннинга (Henning). Штутгарт, 1960, сура 3, аят 47). Правда, согласно *Корану*, хитрость бога состоит в использовании страгемы 11, так что Иисус сам избегает смерти [сура 4 *Женщины*, аят 156 (157)] (*указ. соч.*, с. 598). Поведение Иисуса отчасти напоминает поведение Сократа (ок. 470—399), который спровоцировал суд приговорить его к смерти, но при этом Сократ открыто стремился к выбранной им смерти через служащее этой цели судебное посредничество (Ксенофонт. *Сократические сочинения* («Die sokratischen Schriften»). Пер. Эрнста Букса (Büx). Штутгарт, 1956, с. 305 и след.).

Порой, однако, выдвигают и иные виды жертвенной смерти Иисуса. Якобы Иисус привел своих учеников и некоторых уверовавших на гору, где обратился к ним с последними словами. И тут внезапно раздался голос свыше, глаголющий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный. Ныне я жертвую им во спасение человечества». Затем в землю ударила молния, смертельно ранив Иисуса. Или вот: Иисус вынул меч либо взял чашу с ядом, чтобы лишиться себя жизни. Его погребли, а на третий день он воскрес. Это было совершенно лишнее страгемного замысла заклание себя. В таком случае никто не был бы виновен и не нес бы ответственность за случившееся. Тем самым чистая любовь бога изливалась бы столетиями на все незапятнанное человечество. И если бы Иисус избрал такую, лишнюю страгемного замысла, жертвенную смерть, то вряд ли бы мы читали такие вот строки.

«В каждом храме над алтарем висит образ крестных мук» (*Шпигель*. Гамбург, 1998, № 27, с. 79).

«Иудею тяжело стоять в храме перед крестом. Из-за креста он страдал столетиями, ибо многие погромы свершались во имя креста» (Мишель Боллаг (Bollag), помощник раввина еврейской общины Цюриха: *Новая цюрихская газета*, 12.06.1997, с. 15).

«Иудеи уже 2000 лет живут с виной за смерть Иисуса» (*Шпигель*. Гамбург, № 28, 1992. с. 61).

«Христианство» на Западе на протяжении 2000 лет всячески мучило и преследовало иудеев...» (Клаус Бергер (Berger): *Вольтвехе*. Цюрих, 19.12.1996, с. 41).

«Христиане взвалили вину за смерть Иисуса на иудеев, что привело к антисемитским религиозным актам насилия» (Чжу Маньтин. «Ватикан просит прощения у иудеев». *Жэньминь жибао*. Пекин, 29.03.1998, с. 3).

«Христианская враждебность к иудеям подготовила почву современному расистскому антисемитизму, неизменно сопутствуя ему» (Эккехард Штегеманн (Stegemann). «Новый Завет: питательная среда для антисемитизма»: *Антииудаизм в Новом Завете, дополнение: юбилейное приложение к еженедельнику «Реформатская пресса»* («AntiJudaismus im Neuen Testament, Annex: Jubiläumsbeilage zur Reformierten Presse»). Цюрих, № 12, 1997, с. 4).

«Ныне я уверен, что действую вполне в духе творца всемогущего: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело божие» (*Адольф Гитлер*. Майн Кампф, гл. II «Венские годы учения и мучения». *Гитлер*. Майн Кампф. М.: Т-ОКО, 1992): *Юлиус Х. Шенс* (Schöps). От призыва к убийству к массовому убийству. *Цайт*. Гамбург, 26.04.1996, с. 4).

Итак, зачем тогда совершенно в страгемном ключе описанное в Евангелиях распятие с вовлечением невинных, которых затем в итоге преследуют как «убийц господ»? «Крест: должен ли он нас мучить?» (*Бильд*. Гамбург, 17.09.1992, с. 4). Велась или идет ли здесь речь о «нападении человеческой толпы»? Или же для обретения власти над человечеством требовалось дать почувствовать ему свою вину и убедить его в необходимости спасения, причем Спаситель или Его наместник на земле, естественно, вновь обретает власть над нуждающимися в спасении по принципу: «Раз согрешил, падай ниц!»? Эти вопросы выходят за рамки страгемного замысла, который позволяет осознать лишь определенные, а именно хитроумные действия, оставив изучение мотивов использования хитрости иным предметам знаний, в данном случае богословию.

Об обсуждаемом здесь круге вопросов писал мне в одном из писем от 24.06.1990 г. отец Амеде Граб (Grab), в ту пору викарный епископ в Женеве, с 1 января 1998 г. глава католического Совета епископских конференций Европы (СЕЕК) и с 23 февраля того же года епископ Кура [главного города швейцарского кантона Граубюнден]: «В последние годы разбирают Библию со многих сторон. Страгемный подход так же правомерен, как и психоаналитический или социологический... Я лишь спрашиваю себя, поможет ли данный подход лучше понять волю бога [даровать] спасение. Бог действует через людей с учетом их сильных и слабых сторон, при этом получается то, о чем говорит португальская пословица: «Бог пишет правильно кривыми линиями» (*[Deus escreve certo por linhas tortas]*⁴⁵⁵ см. здесь 24.14). Касательно распятия отцы церкви единодушны: своими грехами люди привели Сына божьего на крест. Но таинственным образом мучители оказались и орудиями милосердия бога. Не оттого, что им двигала жажда мести или материального возмещения за невинные страдания Иисуса. Но по причине того, что эти добровольно принятые на Себя страдания Он избрал для проявления Своей любви и дарования прощения. Так понимает христианство пророческие строки Ветхого Завета: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис 53:3—5).

В своем письме от 3-04.1987 г. отец Амаде, к которому я 4.12.1998 г. еще раз устно обратился по поводу данного круга вопросов, написал мне несколько строк, которыми мы завершим затронутую тему. Но прежде разрешу себе сделать одно замечание: когда выставляют само орудие виновным или ответственным за что-либо, не упоминая при этом того, кто им воспользовался, вряд ли такой постановкой вопроса удовлетворится каждый, знакомый со страгемой заместителя 3 и страгемой козла отпущения 11. Подобный подход означал бы поощрение всякого рода закулисных заправил. Они могли бы сыграть на христианского бога как на великий образец для своих действий! При умерщвлении Иудифью Олоферна (35.8) при любой возможности подчеркивается содействие бога, даже Его решающая роль, тогда как в убийстве Иисуса ответственными предстают только люди. Божественный макиавеллизм: славные деяния подданных предстают заслугой их властелина, а совершенные с его воли и согласия злодеяния подданных оказываются исключительно их прегрешениями, совсем не касающимися их властелина?

Здесь не отрицается, что люди-преступники виновны, если действуют по собственному почину. Однако в Евангелиях, как кажется, не особенно ясно, виновен ли тот, кто позволил преступникам совершить злодеяние и воспользовался ими для его совершения, последствий которого не предвидел. Ведь сказано в Писании: «Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает ее? Как будто жезл восстает против того, кто поднимает его; как будто палка поднимается на того, кто не дерево!» (Исайя 10:15). (Зенгер приводит слова из перевода *Ветхого Завета* Мартина Лютера. 2-е изд. Штутгарт,

⁴⁵⁵ Так говорят в Бразилии, иносказательно утверждая, что бог всегда справедлив, но иногда способы, к которым Он прибегает, могут казаться человеку неправильными, «кривыми», извилистыми. Поскольку смерть, болезни и трагедии человеческой жизни находятся в руках бога, то такие выражения подразумевают, что человек не может непосредственно понять Его пути. — *Прим. пер.*

1971, с. 661). И все же слова отца Амеде, написанные мне 3.04.1987 г., как мне кажется, подтверждают предлагаемое мной стратегическое толкование». Вот эти слова: «Главная вина в смерти Иисуса лежит на нас как на грешниках. И «римляне», и «иудеи» были орудиями».

35.10. На пути в Эммаус

Через три дня после смерти Иисуса «двое из них [учеников Иисуса] шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его [иными словами: Иисус не дает узнать себя; стратегема превращения 21]. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? [Иисус притворяется глупцом; стратегема 27]. Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его [ограничивающийся лишь человеческими действующими лицами разбор происходящего под углом зрения стратегемы заместителя 3, см. 35-9]. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Он сказал им: о, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее [провокационная стратегема 13]. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, возвратились в Иерусалим и нашли вместе одиннадцать Апостолов и бывших с ними, которые говорили, что господь истинно воскрес и явился Симону. И они рассказывали о происшедшем на пути, и как Он был признан ими в преломлении хлеба» (Лк 24:13—35).

35.11. Одураченная Европа

«Агенор, сын Ливии и Посейдона... отправился из Египта и обосновался в стране Ханаан, где женился на Телефассе, которую также называли Аргиопой, родившей ему Кадма, Феникса, Килика, Фасоса, Финея и единственную дочь Европу. Влюбившийся в Европу Зевс [Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992, с. 153] превратился в быка и доставил ее на Крит на спине, переплыв море. Там овладел ею, после чего та родила ему сына, Миноса» (Греческие сказания («Griechische Sagen»). Введение и перевод Людвиг Мадера (Mader). Цюрих—Штутгарт, 1963, с. 328). Как это произошло? Густав Шваб излагает эти события более обстоятельно (Сказания классической древности («Sagen des klassischen Altertums»). Новое издание Вальтера Келлера (Keller). Цюрих, 1943, с. 167—170).

Итак, «влюбившийся в Европу Зевс приказал Гермесу перегнать скот Агенора поближе к берегу моря у Тира, где Европа любила гулять в сопровождении своих подруг, а сам присоединился к стаду, превратившись в белоснежного быка с широким подгрудком и маленькими жемчужными рожками, между которыми пролегла единственная черная полоска [стратегема превращения 21]. Европа была поражена красотой быка и, убедившись, что он нежен, как ягненок, подавила страх и стала играть с ним. Она совала ему в пасть цветы, украшала рога венками и, наконец, решила забраться к нему на спину и не испугалась, когда он пошел с ней в сторону моря [стратегема изоляции 15]. Неожиданно бык быстро поплыл, и ей осталось только с испугом смотреть на тающий вдали берег [стратегема тупика 28]. Одной рукой она продолжала держаться за правый рог быка, а в другой все еще держала корзину с цветами. Выйдя на берег около критского города Гортина, Зевс превратился в орла [стратегема превращения 21] и овладел Европой в ивовых зарослях у ручья. Некоторые утверждают, что это случилось под вечнозеленым платаном. Европа родила ему трех сыновей: Миноса, Радаманта и Сарпедона» [Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992, с. 153—154]⁴⁵⁶. Когда Зевс овладел Европой, та хотела со стыда

⁴⁵⁶ Изложение мифа по поэме Мосха (творил ок. 150 г. до н. э.) «Идиллии»: у царя богатого финикийского города Сидона, Агенора, было три сына и дочь, прекрасная, как бессмертная богиня. Звали эту юную красавицу Европа. Приснился однажды сон дочери Агенора. Она увидела, как Азия и тот материк, что

броситься в морскую пучину, но тут появилась Афродита и поведала ей, что она стала земной супругой непобедимого Зевса. Ее имя пребудет в веках, ибо чужой край, приютивший ее, впредь станет называться Европой.

35.12. Кобылица срывает возведение крепостной стены

«В те времена боги только начинали селиться, и когда они устроили Мидгард и возвели Вальгаллу, пришел к ним некий мастер и взялся построить за три полугодия стены, да такие прочные, чтоб могли устоять против горных великанов и исполинов, вздумай они напасть на Мидгард. А себе выговаривал он Фрейю в жены и хотел завладеть солнцем и месяцем.

Асы держали совет и сговорились с мастером на том, что он получит все, что просит, если сумеет построить стены в одну зиму. Но если с первым летним днем будет хоть что-нибудь не готово, он ничего не получит. И не вправе он пользоваться чьей-нибудь помощью в этой работе.

Когда они поставили эти условия, он стал просить у них позволения взять себе в помощь коня Свадильфари. И по совету Локи ему позволили это. С первым зимним днем принялся он за постройку. По ночам возил камни на своем коне, и дивились асы, что за глыбы тащил тот конь: он делал вдвое больше каменщика. Но договор был заключен при свидетелях и скреплен многими клятвами, ибо великаны думали, что иначе всего можно ждать от асов, когда вернется Тор. Он был тогда на востоке и бился с великанами. Шла зима, и все быстрее подвигалась постройка стены. Она была так высока и прочна, что, казалось, никому не взять ее приступом. И когда до лета оставалось всего три дня, дело было лишь за воротами.

Сели тогда боги на свои престолы и держали совет и спрашивали друг друга, кто посоветовал выдать Фрейю замуж в страну великанов и обезобразить небо, сняв с него солнце и звезды и отдав их великанам. И все

отделен от Азии морем, в виде двух женщин боролись за нее. Каждая женщина хотела обладать Европой. Победена была Азия, и ей, воспитавшей и вскормившей Европу, пришлось уступить ее другой. В страхе Европа проснулась, не могла она понять значения этого сна. Смирненно *стала* молить юная дочь Агенора, чтобы отвратили от нее боги несчастье, если сон грозит таковым. Затем, одевшись в пурпурные одежды, затканные золотом, пошла она со своими подругами на зеленый, покрытый цветами луг, к берегу моря. Там, резвясь, собирали сидонские девы цветы в свои золотые корзины. Они собирали душистые, белоснежные нарциссы, пестрые крокусы, фиалки и лилии. Сама же дочь Агенора, блистая красотой своей среди подруг, подобно Афродите, окруженной харитами, собирала в свою золотую корзиночку одни лишь алые розы. Набрав цветов, девы стали со смехом водить веселый хоровод. Их молодые голоса далеко разносились по цветущему лугу и по лазурному морю, заглушая его тихий, ласковый плеск. Недолго пришлось наслаждаться прекрасной Европе беззаботной жизнью. Увидел ее сын Крона, могучий тучегонитель Зевс, и решил ее похитить. Чтобы не испугать своим появлением юную Европу, он принял вид чудесного быка. Вся шерсть Зевса-быка сверкала, как золото, лишь на лбу у него горело, подобно сиянию луны, серебряное пятно, золотые же рога быка были изогнуты, подобно молодому месяцу, когда впервые виден он в лучах пурпурного заката. Чудесный бык появился на поляне и легкими шагами, едва касаясь травы, подошел к девам. Сидонские девы не испугались его, они окружили дивное животное и ласково гладили его. Бык подошел к Европе, он лизал ей руки и ласкался к ней. Дыхание быка благоухало амброзией, весь воздух был наполнен благоуханием. Европа гладила быка нежной рукой по золотой шерсти, обнимала его голову и целовала его. Бык лег у ног прекрасной девы, он как бы просил ее сесть на него. Смеясь, села Европа на широкую спину быка. Хотели и другие девушки сесть с ней рядом. Вдруг бык вскочил и быстро помчался к морю. Похитил он ту, которую хотел. Громко вскрикнули от испуга сидонянки. Европа же протягивала к ним руки и звала их на помощь; но не могли помочь ей сидонские девы. Как ветер, несся златорогий бык. Он бросился в море и быстро, словно дельфин, поплыл по его лазурным водам. А волны моря расступались перед ним, и брызги их скатывались, как алмазы, с его шерсти, не смочив ее. Всплыли из морской глубины прекрасные nereиды; они толпятся вокруг быка и плывут за ним. Сам бог моря Посейдон, окруженный морскими божествами, плывет впереди на своей колеснице, своим трезубцем укрощает он волны, ровняя путь по морю своему великому брату Зевсу. Трепещет от страха, сидит на спине быка Европа. Одной рукой она держится за его золотые рога, другой же подбирает край своего пурпурного платья, чтобы не замочили его морские волны. Напрасно боится она; море ласково шумит, и не долетают до нее его соленые брызги. Морской ветер колышет кудри Европы и развеивает ее легкое покрывало. Все дальше берег, вот уже скрылся он в голубой дали. Кругом лишь море да синее небо. Скоро показались в морской дали берега Крита. Быстро приплыл к нему со своей драгоценной ношей Зевс-бык и вышел на берег. Европа стала женой Зевса, и жила она с тех пор на Крите. Три сына родились у нее и Зевса: Минос, Радаманф и Сарпедон. По всему миру гремела слава этих могучих и мудрых сыновей громовержца Зевса. [Н. Кун. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1975].

сошлись на том, что такой совет дал не иначе, как Локи, сын Лаувейи, виновник всяческих бед. И сказали, что поделом ему будет лютая смерть, если он не найдет способа, как помешать мастеру выполнить условие сделки, и они надели на Локи.

А он струсил и поклялся подстроить так, что каменщик ни за что не выполнит условия. И в тот же вечер, лишь отправился мастер за камнями со своим конем Свадильфари, выбежала из лесу со ржанием кобыла навстречу коню. И лишь заметил конь, что это была за кобыла, он взбесился и, порвав удила, пустился за нею, а она ускакала в лес. Каменщик бросился вслед и хотел изловить коня, но лошади носились всю ночь, и работа не тронулась с места. И на следующий день было сделано меньше, чем обычно. И каменщик, увидев, что не закончить ему работу к сроку, впал в ярость великанскую.

Асы же, признав в пришельце горного великана, не посмотрели на клятвы и позвали Тора. Тотчас явился Тор, и в тот же миг взвился в воздух молот Мьёлльнир. Заплатил Тор мастеру за работу, да не солнцем и звездами, жить в Стране Великанов — и в том было отказано мастеру. Первый же удар вдребезги разбил ему череп, и отправился он в глубины Нифльхеля.

А был то Локи, кто бегал со Свадильфари, и спустя несколько времени он принес жеребенка. Жеребенок был серой масти и о восьми ногах, и нет коня лучше у богов и людей» [Снорри Стурлусон. «Младшая Эдда», часть 2 «Видение Гюльвы», глава «Асы нарушили клятвы, данные каменщику»: «Младшая Эдда». Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. Издание подготовили: О.А. Смирницкая; М.И. Стеблин-Каменский].

В этих событиях из жизни германских богов Локи соединяет стратагему превращения 21 со стратагемой сладострастия 31 и стратагемой обессиливания 19. Стратагема превращения и стратагема сладострастия служат предпосылкой для успешного приведения в действия стратагемы обессиливания. Все здесь держится на стратагеме 19.

Однако самому Снорри Стурлусону в его повествовании *Видение Гюльв* и невдомек это. У него в центре внимания находится не главенствующая в рамках стратагемы цепи стратагема обессиливания 19, обеспечившая сохранение готового рухнуть порядка, а волшебное, представляющееся предосудительным оборотничеством и связь между кобылой и жеребцом. Подобное «согласно и германско-языческим, и христианско-средневековым представлениям было неприемлемым, считалось извращением, мужеложством» (Хайнц Клингенбергер (Klingenberger)). То, как Снорри Стурлусон излагает стратагемное решение задачи, наводит на мысль, что пораженный слепотой к хитрости, он не видит стратагемного содержания того, что взялся описывать. Не высокая крепость горного великана, а стена из нравственных установлений застала ему взгляд на стратагемное творение Локи.

35.13. План завоевания Цезарем деревни Астерикса

В [15-м выпуске знаменитой серии комиксов французов, автора текста Рене Госсини (Goscinny, 1926—1977) и художника Альбера Юдерзо (Uderzo, род. 1927), *Склоки* («La zizanie», 1970), в нем. переводе] *Спор из-за Астерикса* Цезарь пытается сломить сопротивление деревушки на севере Бретани (называвшейся в ту пору Арморикой), где живут Астерикс и Обеликс, тем, что сеет там смуту. Он использует изощренного интригана [Тулия Громилу (Tullius Détritus)], которому, рассорив жителей, почти удается привести деревушку к гибели, но только почти... Астерикс все же сумел сам одолеть кознодеев, после чего натиск римлян терпит крах. Но неудача не отбивает охоту у Цезаря. Спустя некоторое время римский полководец решает повторить свою попытку, но на этот раз «посредством иной хитрости», как пишут [голландский историк] Рене ван Ройен (Roeyen) и [его супруга, филолог-античник] Суннива ван дер Вегт (Vegt) в своей книге *Правда об Астериксе*⁴⁵⁷ ([«Astérix en de Waarheid», 1997, на нем. яз.] «Astérix — Die ganze Wahrheit»). Мюнхен, 1998, с. 111). Цезарь заключил, что сила кельтских галлов велика из-за отсутствия у них культуры.

Зная, что культура смягчает нравы, Цезарь рядом с деревней Астерикса возводит великолепное современное поселение по римскому образцу, в котором живут воспитанные римляне. Хитрость, похоже, ему удалась, поскольку селяне стали втягиваться в полную удобств жизнь римлян. Но в итоге культурный натиск терпит поражение, потому что селяне все же остаются верными принятому у них укладу жизни, прогоняя

⁴⁵⁷ Решив выяснить, как соотносятся историческая правда и вымысел в историях об Астериксе, голландская чета написала три увлекательные книги помимо упомянутой: *Астерикс и окружающий мир* («Astérix en de wijde wereld», 2000) о путешествии героя по Римской империи, и *Наследие Астерикса: жизнь в Нижних Землях* («De erfenis van Astérix — Het leven in de Lage Landen», 2002). Недавно на экраны вышел фильм французского кинорежиссера Клода Зиди «Астерикс и Обеликс против Цезаря». — *Прим. пер.*

пришельцев. Однако могущественнейший римский муж не сдаётся: он надеется на силу денег. Ведь еще в ту пору знали: «при богатстве немногих воцаряется продажность и непомерность притязаний. Если весь народ подвержен этому, то подтачивается сам [его] корень» (Бото Штраус). Способствуя огромному спросу на ритуальные камни⁴⁵⁸, Цезарь сделал так, что в деревню Астерикса хлынул поток денег. В итоге всех жителей поразили зависть и соперничество, подточив тем самым их боевой дух. Но и в данном случае успех Цезаря оказался кратковременным. Асте-риксу с его друзьями вновь удалось отвести грозящую односельчанам пагубу. Цезарю пришлось признать свое поражение.

Цезарь приводит в действие одну за другой стратагемы раздора и дважды стратагему обессиливания 19, лишь бы поставить на колени галлов.

35.14. Брак, который должен стать произведением искусства

Роман *Зебра* («Le zèbre», 1988) Александра Жардена (Jardin) появился в 1988, получил награду «Prix femine» и целую неделю с 3 по 8 августа 1988 г. входил в тройку французских бестселлеров (на нем. яз. *Das Zebra*, Дюссельдорф, 1990). В 1992 г. Жан Пуаре перенес роман на экран. О большей, по сравнению с немецкоязычным миром, восприимчивости к стратагемам французов данное литературное произведение свидетельствует тем, что там (в оригинальном тексте) одиннадцать раз встречается слово «stratagème» (с. 22, 26, 34, 68, 75, 91, 116, 143, 167, 174, 202) и пять раз — слово «ruse» (хитрость) (с. 51, 58, 72, 105, 113). Но и французскому автору свойственна присущая Западу нехватка понимания хитрости, поскольку все ограничивается простым упоминанием «стратагемы» и «хитрости». Отсутствует всякий анализ используемых героями повествования стратагемных приемов или более подробное их объяснение. Приведем краткое изложение содержания романа.

Гаспар по прозвищу Зебра служит нотариусом в небольшом городке. Уже пятнадцать лет он женат на Камилле, школьной учительнице. И вот он обнаруживает, что их отношения с женой стали обыденными, из них исчезла всякая страсть или влюбленность. Видя, как иные мужчины его лет в подобном положении начинают посматривать на сторону, ища связи с более молодыми женщинами, Гаспар решает как бы заново завоевать свою жену, которую он крепко любит. Он хочет пробудить прежнюю страсть с помощью изощренных стратагем. К такому решению его подталкивает и случай, когда он видит свою жену без сознания в больнице, куда та попала после аварии. Как раз тогда ему становится ясно, что он в любой момент может потерять свою жену и поэтому столь важно в отпущенное еще судьбой время любить друг друга, а не довольствоваться поостывшими чувствами. «Всякий раз, когда ты засыпаешь, меня охватывает страх, что ты уже не проснешься», — говорит он ей. Гаспар любит читать биографии великих людей, и по сравнению с ними он кажется себе ничтожеством. И он решает, что его творением должен стать брак. Он говорит Камилле, что для ее завоевания собирается прибегнуть к стратагемам.

Первая стратагема: однажды утром он сообщает еще полусонной супруге: «Я покидаю тебя и детей», миглом собирает вещи из шкафа, укладывает их в чемодан. Камилла долго не может взять в толк происходящего. Она не понимает своего мужа, ведь ничего особенного не случилось между ними. Когда же он объясняет ей, что не в состоянии более жить с ней при столь остывших отношениях и поэтому предпочитает оставить ее, та начинает рыдать. И тут Гаспар заявляет: «Не плачь, дорогая, все уже в прошлом. Это был лишь дурной сон». Он спрашивает ее, действительно ли она поверила в его уход. Затем он говорит: «Мне хотелось лишиться тебя кислорода, чтобы ты вновь смогла оценить прелесть свежего воздуха» («Je voulais te priver doxy-gène pour te réapprendre a goûter lair frais»).

Вторая стратагема: в течение нескольких недель Гаспар посылает своей жене анонимные любовные письма. Она и не подозревает, кто ее тайный воздыхатель. И настолько привыкает к изысканным посланиям, что каждый день с нетерпением ожидает почтальона. Теперь она с большим тщанием относится к одежде и тому, как выглядит, лишь бы не разонравиться столь щедрому на похвалы незнакомцу. Порой она спрашивает себя, а не муж ли это, но затем полагает, что это кто-то из ее учеников. В дни, когда перестают приходить долгожданные письма, она не находит себе места. Несколько дней Гаспар отсутствует, будучи на каком-то совещании. Но любовные письма приходили каждый день и были отправлены из их же города; поэтому она исключает мужа в качестве их посланника. Ей все больше не терпится знать, кто же этот незнакомец. И вот однажды тайный воздыхатель в письме просит о встрече в тот же день у ратуши.

⁴⁵⁸ Так называемые *менгиры* (от бретон. maen — камень, и h i g — длинный), древнее мегалитическое сооружение; врытый в землю, поставленный вертикально удлинённый камень или столб (высотой 4—5 м и более). Встречаются целые комплексы менгиров (аллея менгиров в Карнаке, Бретань). Это, предположительно, культовые сооружения эпох энеолита и бронзового века. Менгиры известны в Западной Европе, Северной Африке, Сибири, на Кавказе, в Индии. — *Прим. пер.*

Предложение страшит Камиллу, стоит ей представить, что произойдет при встрече с незнакомцем или кем он окажется: стариком, инвалидом, слепым и т. д. И она не идет на встречу, после чего письма перестают приходить. Это заставляет ее досадовать и еще больше подогревает страсть к незнакомцу. Стараясь разжечь их любовное чувство, Гаспар ночью пристаёт к жене. Он хочет разыграть с ней их первую встречу в Париже в студенческие годы. Но Камилла сыта по горло его стратагемами — все это скорее настраивает ее против мужа. Чуть позже после уроков она встречается возле школы своего мужа, ожидающего ее с букетом цветов. Он преподносит ей еще украшение, которое давно ей хотелось иметь. Она воспринимает это как знаки любви и выказывает неподдельную радость.

Третья стратагема: вскоре Гаспар признается ей, что это в последний раз он хотел сделать ей приятное. Он говорит ей, что раз уж все его старания вернуть их браку былую страсть не нашли у нее отклика, то отныне им предстоит жить четой необратимо состарившихся супругов, с полностью охладевшими друг к другу чувствами. Они должны осознать, что представляет собой такая жизнь. На самом деле он надеется, что в итоге вся эта игра с ее ужасным действием вернет их на путь любовных отношений. И он сразу принимается осуществлять свой замысел. Кровати становятся отдельными, в стакан с водой опускаются зубные протезы. Гаспар напоминает, что впредь они должны звать друг друга «батьюшка» и «матушка». Разговаривать и смотреть друг на друга они не будут. Перед кроватями ставится телевизор, чтобы сделать излишними разговоры. Камилла пытается убедить мужа, что подобная инсценировка не имеет ничего общего с любовью и попросту нелепа, что не бывает «любви по приказу». С печалью она вспоминает о нежных письмах незнакомца. Гаспар с отчаянием понимает, что все его стратагемы обречены. Но он стоит на своем, горя желанием добиться своей цели. Неожиданно к Камилле вновь начинают приходить любовные письма. Через несколько дней незнакомец опять предлагает ей встретиться, на этот раз в кафе. На нем будет красный галстук. Теперь Камилла соглашается. Она отправляется на свидание. И кого же она видит в красном галстуке? Собственного мужа, Зебру. Она возмущена, чувствует себя совершенно обманутой, стыдится себя. На протяжении месяцев она красилась, красиво одевалась, чего не делала уже 15 лет, ради него, своего мужа. Своими письмами он разбудил в ней страсть. Гаспар надеялся, что на этот раз достиг своей цели. Но Камилла воспринимает все иначе. Но все же она сознает, насколько любит ее Гаспар. Она поражается тем усилиям, которые прикладывал ради ее любви муж.

Четвертая стратагема: Гаспар предлагает своей жене спать в разных комнатах. Это должно разжечь их страсть. Несколько раз за ночь он, скрипя половицами, подходит к ее комнате, так и не войдя туда. Этим он хотел возбудить в ней любовное волнение. Отнесшись поначалу крайне недоброжелательно к затеянной мужем игре, она в итоге, сама того не сознавая, втягивается в нее.

Пятая стратагема: Гаспар однажды не приходит домой ночевать, сказав ей затем, что напился у приятеля, но его объяснение после расспросов Камиллы оказывается неубедительным. К тому же Камилле кажется, что Гаспар постоянно думает о некой Анне, знакомом адвокате. Камилла испытывает нешуточную ревность, чего он и добивался. Он выдумывает, что ему якобы нужно на два дня уехать в Париж по делу о наследстве. Камилла уверена, что это лишь предлог для приятной поездки туда с Анной. Неожиданно она решает проводить Гаспара на вокзал, чтобы развеять свои подозрения. Гаспар, совсем не собиравшийся ехать в Париж, тем более с Анной, вынужден сесть в поезд, доехать до ближайшей станции и торчать там целый день. Гаспар считал, что, вернувшись, найдет Камиллу освободившейся от ревности. Однако все оказалось гораздо хуже. Камилла ушла от него вместе с детьми, оставив на столе записку: «Гаспар, я ухожу от тебя, поскольку поняла тебя. Покидаю тебя из любви, ради того, чтобы наши чувства никогда не обратились в привычку. Покидаю тебя, как не досматривают кинофильм, лишь бы не видеть смерти героев. Покидаю тебя, ибо Ромео и Джульетте не суждено дожить до серебряной свадьбы... Гаспар, мы не состаримся». Камилла поняла его, но, в отличие от него, отважилась прожить до конца его мечту. Этот уход сохранял в неприкосновенности их историю.

В отчаянии Гаспар думает, что этот уход — только хитрый ход жены. Однако он не находит вещей ни жены, ни детей, даже игрушек — ничего. Значит, все обстоит как нельзя серьезно. От соседей он узнает, что его жена перебралась к своей престарелой матери. Гаспар тотчас отправляется туда. При встрече Камилла объясняет ему, что жизнь с ним стала невыносимой и что она никогда к нему не вернется. Долгое отсутствие вестей о муже тревожит ее, ибо она все еще любит его. И вот она узнает, что Гаспар смертельно болен. Это побуждает ее после многих месяцев отсутствия вернуться в их дом. У Гаспара на самом деле лейкемия. Это приводит Камиллу в отчаяние. А у него на уме то же самое. Он сомневается, заладится ли у него вопреки всему жизнь с Камиллой. Но, с другой стороны, сама мысль, что в нем поселилась смерть, пьянит его. Ведь наконец он будет жить с Камиллой так, словно каждый час может оказаться последним, не разыгрывая для этого ничего. Гаспар знает о приближающейся смерти. Вместе с соседом, Альфонсом, он предпринимает меры, чтобы и после его ухода жена оставалась возлюбленной. Последние две недели его жизни проникнуты пылким единением с Камиллой. «Не покидай меня», — таковы его слова перед смертью.

Просидев долгое время у постели умершего мужа, Камилла выходит в сад. Вернувшись домой, она видит,

что ее мертвый муж облачен в свадебный костюм. Камиллу охватывает жуть, она спрашивает себя, а не игра ли сама эта смерть, не очередная ли стратагема? Но нет, это дочери переодели отца. Спустя несколько дней Камилла поражена, слыша по телефону голос своего мужа, который говорит: «Дорогая, приходи завтра утром в десять к водопаду в лесу. Ты найдешь свидетельство того, что я все еще жив. Я люблю тебя». Камилла никак не может прийти в себя. Она то и дело прослушивает запись телефонного звонка. Это его голос. Действительно ли он жив? Камиллу обуревают смятение, в котором смешаны радость и горе. Она скрывает от детей это сообщение на автоответчике. Она мучается вопросом, как муж сумел разыграть свою смерть. Она начинает верить, что он жив. В назначенный час она отправляется на свидание. Там она встречает обеих дочерей, получивших письмо от отца, где тот просит их прийти в определенный день в условленное место, не уведомляя об этом мать. Когда улеглось волнение, Камилла понимает, что имел в виду Гаспар, говоря, что будет продолжать жить. Затем она получает открытку от Гаспара, на сей раз в конверте страхового общества. Лишь позже до нее доходит, что посылкой писем, как это было некогда с любовными посланиями, он хотел поддержать в ней страсть. Итак, теперь она каждый день с нетерпением открывает свой почтовый ящик — до того самого дня, пока не получает пакет с видеокассетой. Там он объясняет ей, почему затеял все это и задействовал столько стратагем. Он говорит о своем честолюбивом замысле совершить нечто значительное и о своем крахе. Он убедился, что в свои 45 лет так и не приблизился ни к Шекспиру, ни к Бетховену, ни к Ганди. Поэтому и поставил перед собой цель сотворить из собственного брака произведение искусства. Это его последняя весточка. Он просит ее подойти к экрану и поцеловать его. Позже сознается и сосед, Альфонс, как он ради своего друга Гаспара взялся исполнять его желания. А Камилла? Опечаленная, она решает записать свою историю, чтобы поведать ее остальным супружеским парам.

Гаспар посредством всякий раз новой стратагемы добивается одной цели — предотвратить сползание брака к чему-то обыденному и оживить сильные чувства, свойственные молодым годам. Ввиду единой цели все стратагемы оказываются сцепленными друг с другом. После краха, а значит, завершения одной, Гаспар без всякой связи прибегает к другой. Подобно сменяющим друг друга стратагемам Цезаря против Астерикса (см. 35.13), следующие друг за другом стратагемы Гаспара также не дополняют искусно друг друга, когда несколько подготовительных стратагем в итоге способствуют осуществлению основной стратагемы. По сравнению с китайским использованием стратагемы цепи усилия француза по нанизыванию стратагем выглядят беспомощными. Возможно, Зебра оказался бы более удачливым, если бы имел перед собой французский перевод 36 стратагем!

35.15. Мальчики с именами девочек

Поскольку дьявол (или злой дух) достойными своих происков считает лишь мальчиков, а па девочек не обращает внимания, то сообразительный китаец старается перехитрить глупого дьявола. Он украшает мальчиков серьгами и иными женскими побрякушками, даже дает им девичьи имена; и тогда дьявол должен принять столь дорогого его сердцу юношу за никчемную девчонку. И юноша тем самым будет спасен.

Данное описание отца Карла Марии Босслета (Bosslet) из его книги *Китайское девичье зеркало* («Chinesischer Frauenspiegel») (Ольденбург, 1927, с. 105) в июле 1998 г. я показал Гуй Цяньюаню, профессору Шанхайского института иностранных языков. Он вспомнил, как в юности, еще до создания КНР, слышал о подобных обычаях. Если китайский мальчик часто болел, случалось, что его суеверные родители ходили к предсказателю или шаманке, которые советовали дать мальчику новое, девичье имя. Для полного успеха мальчика даже наряжали в девичье платье и соответствующим образом подстригали. Ведь частую хворь и слабость мальчика объясняли тем, что он понравился какой-либо волшебнице или дьяволице и та собирается его забрать к себе. Девичье имя и девичье облачение (стратагема 21), остудив пыл (с. 19) неземной женщины, которая, как считалось, интересуется исключительно мужским полом, должны были помочь юноше избежать грозящей ему опасности (с. 21).

35.16. Расстроенный брак по расчету

Мать, Филаминта, хочет выдать замуж свою младшую дочь Генриетту за остроумца [«латиниста и заодно поэта»] Триссотена. Однако дочери милее ее возлюбленный Клитандр. Отец, Кризаль, одобряет выбор дочки. Но мать уже пригласила нотариуса для заключения брачного договора. Присутствуют все: отец с Генриеттой и Клитандром, мать с Триссотеном [и каждый из супругов просит занести в договор своего жениха]. Возникает неразбериха. Нотариус: «Целых два! Но как с законом быть?.. Согласитесь же во мнениях своих, чтоб знал я в точности, какой из двух — жених». Тут появляется Арист, дядюшка Генриетты и брат Кризалья. Он сообщает, что принес два письма с плохими новостями. В одном стряпчий Филаминты сообщает, что она проиграла процесс и суд приговорил ее к оплате суммы в 40 000 экю. Из другого письма Кризаль узнает, что два его приятеля, которым он доверил свое состояние, обанкротились. После таких горестных сообщений Триссотен спешно заявляет, что ввиду чинимых браку препятствий неволить сердце

невесты не будет, и уходит. Клитандр же от своих намерений не отступает. И тогда Арист открывается: «Вас всех смутил сейчас я ложными вестями. То был лишь вымысел, обдуманый расчет, который, я считал, вас к счастью приведет. Хотел я показать сестре моей наглядно, какой ее мудрец до денег падкий, жадный». Аристова страгатагема цепи в комедии Мольера *Les femmes savantes* (*Ученые женщины*: [Мольер. Полное собрание сочинений в 3 тт., т. 3- Пер. М. Тумповской. М.: Искусство, 1987]) состоит из одного, но в страгатагемном отношении многоцелевого действия, а именно в подаче двух подложных писем (*страгатагема создателя* 7). Тем самым он вспугивает затаившуюся в траве змею (*страгатагема* 15) и выводит остроумца, единственно желавшего заполучить деньги родителей невесты, на чистую воду. Триссотена лишает оснований для женитьбы (*страгатагема* 19), и он ретируется. Одновременно становится очевидной настоящая любовь Клитандра к Генриетте. Генриетта и Клитандр добиваются своей цели.

35.17. Ранение головы как шаг к завоеванию доверия

В 1948 г., когда еще шла гражданская война (1945 — 1949) между гоминьдановским правительством и Коммунистической партией Китая (КПК), на студенческой сходке в университете г. Чунцини удалось разоблачить правительственного шпика. Тот сразу же бежал из помещения, где размещался секретариат. Студенты стали преследовать его. Неожиданно падает от удара камнем в голову чуть было не догнавший соглядатая Ли Циган. Кровь залила ему лицо. Свидетелем происшедшего стал Чэнь Сунлинь. Этот бывший заводской рабочий по поручению подпольной ячейки КПК содержал книжную лавку. Каждый понедельник, как и в тот день, она была закрыта. Чэнь Сунлинь отправлялся в чунцинский университет для передачи сотрудничавшему, как и он, с находившейся в подполье КПК студенту Хуа Вэю запрещенных листовок. Торговля книгами на самом деле служила прикрытием для встречи членов КПК. Раненый студент Ли Циган состоял главным редактором считавшейся прогрессивной газеты *Комета* («Хуэйсин бао»). Случайно он с недавних пор живет в помещении с двадцатью двухъярусными кроватями, где обитает и Хуа Вэй. Ненароком Чэнь Сунлинь встречает окровавленного Ли Цигана в общежитии у Хуа Вэя. Случившееся вызывает у Чэнь Сунлиня доверие к Ли Цигану. При очередном посещении общежития он вступает в разговор с Ли Циганом и замечает у него в кармане пиджака оттиск запрещенной коммунистической подпольной газеты *Вперед* («Тинцин бао»). Вскоре у Ли Цигана в общежитии поселяется его безработный двоюродный брат [Чжэн Кэчан], которого заприметил у себя в лавке Чэнь Сунлинь, где он целыми часами читал книги, но не покупал их, не имея на это денег. Чэнь Сунлинь подружился с обоими братьями. Однажды Чжэн Кэчан продал свое пальто и отдал деньги Чэнь Сунлиню на создание прогрессивного литературного журнала. Затем он и сам втягивается в торговлю книгами, помогая Сунлиню.

В шестой главе романа *Красный утес* [«Хун янь», 1961] Ло Гуанбиня [1924—1967] и Ян Ияня [род. 1925] (китайское издание — Пекин, 1965, немецкое издание — Пекин, 1972) неожиданно меняются декорации. В здании тайной службы министерства обороны появляется Ли Циган со своим «двоюродным братом» для беседы с генерал-майором от инфантерии Сюй Пэнфэем. Выясняется, что оба юноши являются соглядатаями гоминьдановского правительства. Ли Цигану поручено следить за революционным студенческим движением в чунцинском университете. Ему показался подозрительным Хуа Вэй. По приказу своего начальника Ли Циган проникает в комнату к Хуа Вэю, где находит свидетельства связи Хуа Вэя с деятельностью Чэнь Сунлиня. Происшествие с бежавшим шпиком и последующим ранением Ли Цигана было разыграно. Ли Циган «воспользовался страгатагемой нанесения себе увечья для завоевания доверия подпольной партии», говорится в романе. При обсуждении подробностей предстоящего задержания раскрытой благодаря стараниям Ли Цигана и его «двоюродного брата» ячейки КПК было решено арестовать и Чжэн Кэчана, чтобы тот и в заключении мог следить за коммунистами-сокамерниками. «Итак, «страгатагема нанесения себе увечья, — говорит Сюй Пэнфэн, — пригодилась и для повторного использования».

Оба соглядатая, из которых один бросил камень в голову другого, осуществили страгатагему нанесения себе увечья, которая в данном случае носит смешанный характер. С одной стороны, она служит для утаивания (соглядатайство Ли Цигана достоверно скрывается) и, соответственно, для притворства (Ли Циган предстает крайне мужественным оппозиционером). С другой стороны, страгатагема 34 выступает и в качестве информационной страгатагемы: своим ранением Ли Циган выманивает из зарослей коммунистических «змей», доверчиво приблизившихся к нему. Таким образом, Ли Циган благодаря страгатагеме 34 получает сведения, до которых иначе он бы не добрался.

35.18. Право человека, которого страшатся на Западе

«Насколько переплетены между собой различные культуры и как зависят друг от друга самые непримиримые правительства, сумел показать своим западным гостям китайский председатель Госсовета Ли Пэн одним-единственным вопросом. По долгу службы министр защиты окружающей среды и охраны природы [1994—1998] Германии Клаус Тёпфер (Töpfer), будучи в апреле 1992 г. с визитом в Пекине как

посредник между Севером и Югом накануне конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, говорил о необходимости Срединного государства соблюдать права человека. «Подобные права можно было бы уже предоставить своему народу, — ответил китайский стратег власти. — Но готова ли Германия ежегодно принимать 10—15 миллионов китайцев и заботиться о них?» Неожиданный ответ лишил дара речи проповедника западной демократии. Этот «невероятный цинизм», вспоминает Тёпфер, его просто обескуражил» (Ганс-Петер Мартин (Martin), Харальд Шуман (Schumann). Враги мы сами. *Шпигель*. Гамбург, № 2, 1993, с. 103).

На самом деле ответ Ли Пэна не имеет ничего общего с цинизмом. Ли Пэн прибегает не к цинизму, а к хитрости. Разбирая его ответ посредством китайского списка из 36 стратагем, выясняется, что китайский председатель Госсовета обезоружил своего европейского собеседника с помощью стратагемы 35, иначе говоря, стратагемы цепи, причем здесь выхвачены две соединенные Ли Пэном друг с другом стратагемы. Вначале Ли Пэн прибег к стратагеме 2, то есть стратагеме ахиллесовой пяты. Ли Пэн из многочисленных, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека 1948 года взял право, которое более всего неудобно для западного собеседника, а именно право человека на свободу местожительства. Статья 13.1 Всеобщей декларации прав человека [ВДПЧ] от 10.12.1948 г. гласит: «Каждый человек [«человек», а не «подданный»] имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства» (исходный английский текст: «Everyone has the right to freedom of movement and residence within the borders of each [sic!] state»). Статья 13.1 Всеобщей декларации прав человека распространяется и на иностранцев. В свое время Египет и Куба при ратификации статьи 13-1 предлагали ограничить право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство подданными своих стран. Но подобное предложение было отклонено (Неемия Робинсон (Robinson). *Всеобщая декларация прав человека* («Universal Declaration of Human Rights»). Нью-Йорк, 1958, с. 119). Так что, согласно статье 13-1 Всеобщей декларации прав человека, каждый человек в каждом государстве, куда бы он ни прибыл, имеет право на местожительство.

Подспудным указанием на статью 13.1 Всеобщей декларации прав человека китайский собеседник угодил в самое уязвимое место своего европейского оппонента. Ничего так не боятся западные политики, как буквального исполнения статьи 13.1 Всеобщей декларации прав человека. Посредством нелегальных перевозчиков, берущих за человека до 35 тысяч американских долларов, десятки тысяч китайцев перебрались в Европу и США, где они, большей частью внутри китайских общин, нелегально живут и работают в зачастую далеких от человеческих условиях. Целью этих китайцев, число которых в мире пошло уже на миллионы, является не жажда демократии и политической свободы, а единственно, как меня заверяли китайские собеседники, желание заработать и экономически преуспеть, чего им не достичь в КНР. Они любят блеск доллара, а не вкус свободы. Стоит им попасться, как они выдают себя за «лиц, преследуемых по политическим мотивам».

Вникая в притягательную силу прав человека для китайцев, на примере подобных «экономических беженцев» мы видим, что для них, наряду с правом человека на свободу местожительства, на передний план выдвигается также право человека на развитие. Впервые право на развитие было подтверждено в Декларации о праве на развитие, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 1986 г. 146 голосами при 1 против (США) и 8 воздержавшихся (среди которых и Германия). Это право гласит: «Человек является основным субъектом процесса развития и должен быть активным участником и бенефициарием права на развитие» (ст. 2.1). Есть основания полагать, что свобода местожительства (ВДПЧ, ст. 13.1) и свобода экономического развития для очень многих китайцев — и людей из других стран Юга — представляют большую ценность по сравнению с другими правами человека. Опираясь на право человека на развитие и право человека на свободу местожительства, Китай мог бы изменить состав населения многих стран Запада. «Крупнейшая иммиграционная держава в мире, США занимает равную с Китаем площадь, но располагает населением всего чуть более 200 млн человек [по сравнению с 1,2-миллиардным населением Китайской Народной Республики], и плотность населения составляет лишь одну пятую от китайской. Стоит 200 млн жителей Китая перебраться в США, и что станет тогда с превосходством США» (*Хао Цзайцзинь*. Эмигранты переполняют мир. Пекин, 1994, с. 246). А если еще в четыре крупнейшие державы Евросоюза (Францию, Англию, Италию и Германию) переселится по 50 млн китайцев, то и тогда в Китае останется свыше полумиллиарда жителей, но зато существенно облегчилась бы тяжкая внутренняя задача, а именно перенаселение. Мир, однако, выглядел бы совершенно иначе — и все это благодаря последовательному проведению в жизнь двух общепризнанных прав человека!

Со стратагемой 2 из китайского списка китайский собеседник связал стратагему 19: вытаскивание хвороста из-под очага. Ответ Ли Пэна оказался той иголкой, что спустила воздух из тёпферского шара с надписью «права человека». Этот ответ подействовал так, что убрал ветер из-под немецкого паруса с названием «права человека». Вот вам итог столкновения западной глухоты к хитрости с китайской сноровкой в управлении с хитростью: европейский собеседник промахнулся, куда метил, тогда как его китайский визави без труда достиг своей цели, а именно быстрее отделаться от надоевшего вопроса по правам человека.

Реакция господина Тёпфера, особенно занесение им ответа Ли Пэна в разряд «цинизма», наглядно показывает, насколько западный собеседник со своим сугубо юридическим представлением неспособен в политической беседе заранее и, соответственно, верно оценить поведение китайской стороны. Недостаточность сугубо юридического, да еще невосприимчивого к хитрости взгляда тогдашнего министра проявилась в его неготовности рассматривать проблематику прав человека не только чисто юридически и чисто политически, но и стратегами. Наряду с чисто юридическим или чисто политическим взглядом истинный знаток перед тем, как вступать в разговор с китайцами, должен вовремя произвести стратегический разбор по меньшей мере щекотливых вопросов.

Раз уж мы затронули стратегические приемы, с помощью которых Ли Пэну удалось выбить из колеи и лишить дара речи расторопного Клауса Тёпфера, то здесь можно написать целый «стратегический роман» («strategic fiction»). Из огромного числа соответствующих западных высказываний Китай мог бы, выбрав отдельные места, составить приведенные ниже два текста (см. 35.19, 35.20). Эти тексты Китай мог бы предоставить Генеральной Ассамблее ООН и утвердить в качестве резолюций ООН, естественно, при солидном перевесе голосов. Ведь причисляемые Китаем к «третьему миру» «более чем 120 стран Азии, Африки и Латинской Америки» (заглавное слово «Различие трех миров». *Словарь по научной выработке решений*. Пекин, 1995, с. 534), которые только бы выиграли от обеих резолюций и число которых преобладает на Генеральной Ассамблее ООН, несомненно, поддержали бы оба предложения. Одним ударом Китай мог бы убить нескольких зайцев.

Прежде всего, своим требованием свободного перемещения граждан по всему миру и утверждения всемирной демократии Китай угодил бы в ахиллесову пяту западных стран (стратегема 2). Именно требование по созданию демократической мировой республики затронуло бы самое уязвимое место значительной части западного общества, поскольку осуществление подобного замысла ужало бы Запад в мировых масштабах до уровня меньшинства, над которым прочно удерживало бы верх незападное большинство. Уже, похоже, и «имперской Америке» (Эрик Израелевич (Izraelewicz). «Север-Юг, Восток-Запад, вновь воздвигаются стены». *Le Monde*. Париж, 2.09.1998, с. 13) мерещится призрак мирового правительства ООН: «В республиканской партии [США] широко бытует мнение, что большинство стран — участниц ООН стремятся лишить США положения сверхдержавы и образовать своего рода мировое правительство» (*Berktingske Tidende*. Копенгаген, 2.08.1999, с. 27). И в Германии Юрген Хабермас выступает за «мировую внутреннюю политику» («Против выхолащивания политики: Юрген Хабермас исследует послегосударственное (postnationale) положение». *Новая цюрихская газета*, 6.10.1998, с. 18; Алан Цукер (Alain Zucker). «Огораживание капитализма: Юрген Хабермас вмешивается в спор относительно глобализации». *Вельтвохе*. Цюрих, 11.02.1999, с. 27). Неудивительно, что западное понимание демократии предстает крайне размытым, стоит только выйти за узкие государственные (nationale) рамки. Типичным для такого состояния дел является ответ бывшего шведского премьер-министра Ингвара Карлссона (Carlsson), председателя созданной главным образом при содействии Запада комиссии, которая в начале 90-х годов занималась выработкой предложений по реформированию ООН. В одном интервью он сказал, что будущее мировое правительство должно строиться «на демократической основе», однако на вопрос, как он это себе конкретно представляет, он дал совершенно беспомощный ответ: «Центральное место отводится неправительственным организациям (НПО). Мировая политика более не может быть отдана на откуп правительствам и парламентам» («Ингвар Карлссон видит ООН в качестве будущего мирового правительства»: [основанная в 1850 г. либеральная ежедневная газета] *Der Bund*. Берн, 1.05.1993, с. 5). Посредством вызванных к жизни главным образом Западом НПО, иначе говоря, частных объединений, которые никоим образом не подвластны демократическим народам, а их «власть не обусловлена никакими выборами» (Томас Фишерманн (Fischermann), Уве Ян Хойзер (Heuser). «Как мы управляем миром?». *Цайт*. Гамбург, 29.07.1999, с. 37), предстоит ввести мировую демократию! И «Лиссабонская группа»⁴⁵⁹, уповающая на «глобальное гражданское общество» (Лиссабонская группа. *Пределы конкуренции: глобализация экономики и будущее человечества*. Мюнхен, 1997, с. 187, 190), на «просвещенную элиту» (указ, соч., с. 190) и «города» (там же), избегает слов вроде «мировые выборы» и «мировая демократия», как и Осип Курт Флехтгейм (Flechtheim) (*Можно ли еще спасти будущее: всемирная федерация — третий путь в 21 век* («Ist die Zukunft noch zu retten?»: *Weltföderation — der dritte weg ins 21. Jahrhundert*), 1987). Франкфурт-на-Майне, 1995). А если и упоминается вскользь мировое правительство, то лишь для того, чтобы его тут же обозвать «недееспособным» (Ульрих Эрнст (Ernst). «Глобализация во Всемирной Паутине:

⁴⁵⁹ Англ. «group of Lisbon», во время празднования в Лиссабоне в 1992 году 500-летия открытия Америки по инициативе итальянского ученого-политэкономиста, ныне профессора Лувенского (Бельгия) католического университета Рикардо Петрелла (род. 1941) 19 ученых различных стран объединились с целью изучения влияния глобализации экономики на хозяйственную жизнь отдельных стран; отсюда за ними закрепилось название «лиссабонской группы». В 1995 группа выпустила переведенный на 12 языков своеобразный манифест *Limits to competition* (MIT Press, Boston, 1995). —Прим. пер.

власть по ту сторону национального государства». *Новая цюрихская газета*, 4.06.1999, с. 59) или «утопией» (Томас Фишерманн (Fischermann), Уве Ян Хойзер (Heuser), там же) либо, кратко, без всяких умственных усилий показав путь в будущее, констатировать его нынешнее отсутствие («Во имя глобального ответственного сообщества: накануне всемирного экономического форума в Давосе президент Германии Герцог предлагает восемь правил для плодотворной мировой внутренней политики/полный текст». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 29.01.1999, с. 8).

В отношении глобального защитного пояса из уст вполне компетентных западных лиц раздаются, впрочем, в основном слова, похоже, вдохновленные старонемецким вождизмом и ограничивающиеся американским мировым лидерством (см., например, Роберт Каган (Kagan). «Удача для мира: лишь гегемония Америки обеспечит минимум стабильности». *Цайт*. Гамбург, 9.07.1998, с. 11 и след.).

Поэтому вполне возможно, что нынешний натиск Запада на Китай по поводу демократии и прав человека после двух резолюций ООН захлебнулся бы (*стратагема 19*). И тогда уже Китай и страны третьего мира стали бы насаждать на Запад, а не наоборот (*стратагема 30*). Несомненно, кто-то на Западе горестно всплеснет руками, вспомнив строки из [драмы «Дантон»] Георга Бюхнера (1813—1817): «Последуйте за своими лозунгами до конца, до того момента, когда они воплощаются в жизнь. Оглянитесь кругом — все это вы говорили. Все это — мимическое воплощение ваших слов» [*Бюхнер*. Пьесы. Проза. Письма. Пер. А. Карельского. М.: Искусство, 1972, с. 124], а также Поля Валери (1871 — 1945) [из его эссе «Кризис духа», письмо второе]: «Nous avons étourdiement rendu les forces proportionnelles aux masses» («Мы безрассудно предоставили массам пропорциональное представительство»: Paul Valéry. *Œuvres I*. Париж, Gallimard, 1957, с. 998). Правда, некоторые круги на Западе согласятся с обеими резолюциями, что вызовет ожесточенное сопротивление (*стратагема 33*), создав положение, благоприятное для использования *стратагемы 20*. А в случае, если западные страны неожиданно одобряют обе резолюции и начнут проводить их в жизнь, то центр тяжести мировой политики тотчас в значительной мере и надолго переместится в Китай и на Юг, а Запад окажется на обочине, поверженный собственным же оружием — демократией и правами человека (*стратагемы 12 и 30*).

35.19. [Воображаемая] резолюция ООН по поводу «открытого мира для свободных людей»

Генеральная Ассамблея,

принимая во внимание, что «мы, люди, являемся 5 млрд иммигрантов» (Андре Лангане (Langaney), специалист в области популяционной генетики, заведующий Лабораторией биологической антропологии в Парижском музее человека и профессор Женевского университета: *Вельтвохе*. Цюрих, 29.10.1992, с. 67), что «все мы пришлый люд (Fremde)» (*Новая цюрихская газета*, 4.02.1998, с. 43), что «все мы всюду иностранцы» (*Zeitmagazin*. Гамбург, 2.04.1993, с. 44) и что наша «родина — земной шар» (Уве Ян Хойзер). «Колесо истории». *Цайт*. Гамбург, 14.05.1998, с. 1);

принимая во внимание утверждения: «нет ничего, что находилось бы вне сферы происходящих событий. Мир замкнулся. Земной шар стал единым» ([*Карл Ясперс*. «Истоки истории и ее цель» (1948), вторая часть «Настоящее и будущее», II. «Ситуация в современном мире»: К. Ясперс. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М. Левиной. М.: Политиздат, 1991, с. 141;]. Карл Ясперс (1883-1969), Хайнер Билефельд (Bielefeldt). «Права человека согласно ООН: колониализм в облачении гуманизма?». Стефан Баттли (Batzli) и др. *Облик человека, права человека: ислам и Запад: столкновение культур* («Menschenbilder, Menschenrechte: Islam und Okzident: Kulturen im Konflikt»). Цюрих, 1994, с. 44);

памятуя, что писал немецкий философ Гегель (1770—1831): «Значение человека в том, что он человек, а не в том, что он еврей, католик, протестант, итальянец и т. д. Это сознание... бесконечно важно...» [«Философия права», § 209В «Отправление правосудия»: Гегель. «Философия права». М.: Мысль, 1990, с. 246]; и что уже первый космополит мировой истории Гиппий [из Элиды] «провозгласил: «Мужички, собравшиеся здесь!.. вы все тут родственники, свойственники и сограждане — по природе, а не по закону» [*Платон*. Протагор, 337d. Пер. Вл. Соловьева: *Платон*. Собрание сочинений, т. 1. М.: Мысль, 1990]» (Андреа Кёлер (Köhler), «Глобализация с космополитической целью: устарела ли идея космополитизма?». *Новая цюрихская газета*, 9—10.08.1997, с. 39);

ссылаясь на утверждение христианского учения о том, что «природа объединяет, [а] не разъединяет людей» ([Бартоломе де Лас Касас (1474—1566), прозванный Карлом V «защитником индейцев», первый] епископ Чьяпаса [Мексика] на диспуте 1550 г. в Вальядолиде [устроенном императором Римской Священной империи Карлом V по поводу того, считать ли туземцев цивилизованным народом, достойным человеческого обращения и души которого можно обратить на путь христианского спасения]: «Призрачная победа Шейлока, обсуждение книги *Потерянное человечество* («L'humanité perdue», 1997)) Алёна

Финкелькраута (Finkielkraut)». *Der Bund*. Берн, 2.05.1998, с. 5); что «все люди чада божьи» (перевод из статьи «Comme prévu, le Vatican a blanchi le pape Pie XII [1876—1958]» («Как и ожидалось, Ватикан оправдал папу Пия XII»): *24 Heures*. Женева, 17.03.1998, с. 4); что Библия христиан утверждает: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28); и что христианское представление о единстве человеческой расы чудесно выражено в следующих строках:

«О если б образ наш святой

Любой в любом берег [в оригинале: в язычнике, иудее либо турке]!

Где Мир, Терпимость и Любовь —

Там, собственно, и бог!».

(Уильям Блейк (1757—1827) [цикл «Песни Невинности и Опыта», стихотворение «Святой образ», последнее четверостишие. Пер. С. Степанова]. *Новая цюрихская газета*, 29.04.1997, с. 47)

соглашаясь с представлением о том, что «все люди в мире, как выразился Эразм Роттердамский [1469—1536] — это «cives totius mundi»⁴⁶⁰», что «мы имеем гражданские права повсюду в мире» (Изо Камартен (Camartin). «Гражданин в музее: об опыте инакового». *Новая цюрихская газета*, 2.08.1994, с. 37);

руководствуясь девизом французского писателя, гуманиста и космополита Ромена Роллана (1866—1944), яростного противника всякой «ложной идеализации отчизны»: «Государство еще не отчизна... Моя отчизна — великое сообщество людей» («Совесть Европы: к 50-летию смерти Ромена Роллана». *Новая цюрихская газета*, 30.12.1994, с. 37); и установив, что «фашист — человек, который проводит различия между людьми» (Эрвин Лайзер (Leiser): *Вельтвохе*. Цюрих, 24.02.1994, с. 83);

с удовлетворением принимая к сведению следующие высказывания:

«представление о управляемости перемещениями населения следует оставить. Страны должны стать культурными тиглями» (Филипп Буа (Bois) [1942—1991], профессор факультета права и экономических наук университета Невшателя [административного центра одноименного кантона]: *Цайт*. Гамбург, 7.10.1988, С. 18);

«Нынешний человек» начинает «освобождаться от своей географической и исторической привязанности, чтобы ничем не обременять себя» («Ален Финкелькраут» и утрата человечности: катастрофический итог столетия». *Bücherpick*. Цюрих, апрель 1998, с. 15);

«Цель не должна находиться в твердыне Европе, напротив, необходима обращенная к мировому рынку политика открытого общества» (д-р Юрген Штрубе (Strube), председатель правления германского химического концерна «Басф» (BASF), глава Союза химической промышленности: Институт Вальтера Ойкена (Ред.), *Годовой отчет за 1996 г.*, с. 4);

«Перестанем быть косными. Нам не надо бояться влияния чужих культур» («Нет, я не боюсь чужой культуры»: беседа с известным политиком в области культуры Жаком Лангом (Lang) о ЕЭС, Америке и старых предрассудках». *Вельтвохе*. Цюрих, 4.06.1992, с. 53);

«Инобытие» — благо и способствует процветанию и обогащению нашей страны идеями. Поэтому инобытия надо не страшиться, а приветствовать его» (Роберт Б. Гольдман (Goldmann), [в 1980—1986] глава [основанной в 1913 г.] американо-еврейской лиги по борьбе с клеветой [на евреев (Anti-Defamation League — ADL); председательствует с 1987 г. Абрахам Фоксман (Foxman, род. 1940)], «Видеть в инобытии положительную альтернативу». *Allgemeine Jüdische Wochenzeitung*. Бонн, 25.06.1992, с. 15);

«[Странам] не надо возвращаться к этнически определяемой самоидентификации (Selbstverständnis)» (Юрген Хабермас. «Твердыня Европа и новая Германия». *Цайт*. Гамбург, 28.05.1993, с. 3);

«Вырисовывающееся будущее, похоже, всерьез воспримет слова о том, что появляющиеся на свет дети появляются для всего света. Права человека... не замечают границ» (Гуго Лёчер (Lötscher). «Патриотизм как

⁴⁶⁰ Зенгер приводит выражение «cives totius mundi»; у Эразма же в «Кратких изречениях» (Aprophthegmata, 1531; всего там содержится 2900 изречений) есть лишь такие слова: «Cives mundi sumus omnes» («мы все являемся гражданами мира»). — *Прим, пер.*

добродетель». *Новая цюрихская газета*, 11.11.1996, с. 19);

«Люди [должны] опять жить на земле, а не в государствах. Проще говоря, в мире с границами вскоре будет невозможно проведение Олимпийских игр» (Петер Бихсель (Bichsel): *Beobachter*. Цюрих, № 24, 1992, с. 41);

«Никакая страна не принадлежит одному народу, она принадлежит людям, которые живут там и мирно трудятся...» (Ганс Кон (Kohn), пражский историк [точнее, американский историк чешского происхождения]. «Сионизм: пламенные сердца». *Шпигель*. Гамбург, № 28, 1997, с. 133);

«Наибольшее счастье для наибольшего числа людей дается лишь открытостью» (Фриц Болькештайн (Bolkestein)), председатель Народной партии за свободу и демократию (Нидерланды), комиссар ЕС по валютным и экономическим вопросам: *Новая цюрихская газета*, 4.05.1998, с. 7);

указывая на то, что «национальная (völkisch) идентичность неизменно дается лишь проведением четкой границы между собой и *другими* и собственной однородностью, получаемой исключением чужих» (Дитер Оберндёрфер (Oberndörfer). «Националистическое (völkisch) мышление». *Цайт*. Гамбург, июнь, 1994), и сожалея, что «народы цепляются за унаследованную идентичность, несовместимую более с новыми требованиями» (Чарльз Тейлор (Taylor). «Будущее демократии: венская встреча». *Новая цюрихская газета*, 17.06.1997, с. 45);

вместе с бывшим французским президентом Франсуа Миттераном (1916—1996) отвергая понятие культурной идентичности, «которая — при ее злоупотреблении — ведет к расизму, оголтелому национализму и воинственной ненависти», и вместе с Миттераном выступая за всемирное «смешение культур» («métissage des cultures»: «Мировая академия культур: Эли Визель (Wiesel) как президент Миттерановой республики ученых в Париже». *Новая цюрихская газета*, 1.02.1993, с. 17) и за «смешение народов» (Михаэль Вольфсон (Wolffsohn). «Германия уже давно является многонациональным государством». *Бильд*. Гамбург, 5.08.1996, с. 2);

подчеркивая, что «территория, на которой действуют права человека, не ограничивается пределами национального государства» (Вольфганг Керстинг (Kersting), «Всеобщий мир и демократический разум: 200 лет назад появился трактат Иммануила Канта [1724—1804] *К вечному миру*». *Новая цюрихская газета*, 30.09—1.10.1995, с. 69); что «понятие прав человека... подразумевает равноправие всех в мире» (Хайнер Билефельд, *указ. соч.*, с. 48); что «гражданские права и гражданское общество лишь в том случае обретают полноту, когда становятся всемирными правами и всемирным гражданским обществом» («Ральф Дарендорф (Dahrendorf). «Свобода и принадлежность: перемены на Востоке и на Западе». *Новая цюрихская газета*, 15—16.02.1992, с. 69); что «права человека не ограничены повсюду, всегда и для всех людей»; что, в частности, «индивидуальные права человека по определению носят всеобщий характер, не знают исключений [и] относятся к каждому человеку, и каждый может на них сослаться» (Йорг Фиш (Fisch), ординарный профессор всеобщей новейшей истории в Цюрихском университете, «Последний оплот дискриминации: несовместимость гражданского общества и естественно-правового (naturrechtlich) равенства». *Новая цюрихская газета*, 13—14.12.1997, с. 17); что верны слова: «Human rights have no borders» («права человека не знают границ»: Эмнести Интернэшнл [Ред.]. *Беженцы: права человека не знают границ* («Refugees: Human rights have no borders»). Лондон, 1997); что это, в частности, верно и для записанного в статье 13.1 Всеобщей декларации прав человека на свободу местожительства, «по сути вненационального» (Флориан Коулмас (Coulmas), Юдит Штальперс (Stalpers). *Новая Азия: Материк обретает себя* («Das neue Asien: ein Kontinent findet zu sich selbst»). Цюрих, 1998, с. 159);

считая, что «космополит (гражданин мира) не испытывает более никакой особой привязанности к какому-то определенному сообществу и селится там, где сможет воспользоваться наибольшими привилегиями» (Вальтер Резе-Шефер (Reese-Schäfer), приводит Андреа Кёлер, *там же*); что «Открытость мира и самоопределение... составляют существо космополитического существования» (Андреа Кёлер, *там же*) и что все человечество должно стать одной «безгосударственной общностью» («Иов и судьба еврейского народа». *Новая цюрихская газета*, 14.08.1997, с. 43), состоящей из человеческих существ, которым определено «to share this planet with you and all others as brothers and sisters»⁴⁶¹ (Обращение к Конгрессу США: «Мирный план из пяти пунктов по Тибету» Его Святейшества Далай-ламы. Вашингтон, О.К., 21.09.1987);

принимая во внимание, что «понятие родины является отвлеченным, своего рода пережитком, ошибкой [ибо] везде, где находится человек, находится и его родина» (слова Анри Дюна-на (Dupant, 1828—1910), основателя Красного Креста, «Путешествие во времени к одному памятнику: роман Эвелин Хаслер (Hasler)

⁴⁶¹ «Жить на этой планете как братья и сестры».

об Анри Дюнане». *Новая цюрихская газета*, 8.09.1994, с. 47); что «всякий, наделенный чувством собственного достоинства, наделен и родиной» и что «только беспомощные прибегают к чувству родины в качестве опоры» (Пауль Парин (Pärin). «Родина, своеобразная пломба». *Цайт*. Гамбург, 23.12.1994, с. 43); что родина — «всеобщее наваждение» (Адольф Оги (Ogi), президент Швейцарской конфедерации [в 1993 и 2000]: *Wir Brückenbauer*. Цюрих, 28.07.1993, с. 37);

надеясь, что «в будущем о всяком можно будет сказать: его родиной было не иметь никакой родины» (Христиан Зайлер (Seiler) к 100-летию известного австрийского рассказчика Йо-зефа Рота (Roth). *Вельтвохе*. Цюрих, 1.09.1994, с. 57);

считая, что верны следующие утверждения:

«Тоска по родине... играет опасную роль: старый миф языческого мира, упрямо отгораживающийся от неумолимого бега времени, привносится в современность. На самом деле более всего беспомощно цепляются за него те, кто чаще всего пытается удержать его или замкнуться в нем. В этом бушующем мире есть лишь один способ вновь обрести спокойствие и уверенность: открытость ветру перемен» (Христиан Лутц (Lutz), директор Института Готлиба Дутвайлера по прогнозированию. «Тоска по родине». *Wir Brückenbauer*. Цюрих, 11.01.1995, с. 31);

«Родина — это то, где я живу, учусь, работаю!» («Молодые чужестранцы: наречие плюс внешвейцарские впечатления». *Новая цюрихская газета*, 21—22.05.1994, с. 23);

«Ubi liber tas, ibi patria [где свобода, там и отчизна]» (Дитер Оберндёрфер: Варнфрид Детлинг (Dettling). «Безмолвная дисциплина». *Цайт*. Гамбург, 4.11.1994, с. 50);

«Глобализация означает... что группы, страны и культуры, а также индивиды более не могут отгородиться друг от друга... Склонность к индивидуализации [означает] конец коллективной идентичности (Identität)...» (Ульрих Бек (Beck). «Что такое и каковы шансы на «второй модерн»? Беседа с социологом Уль-рихом Бекем». *Новая цюрихская газета*, 20.05.1997, с. 48);

«Мы давно живем в мировом обществе. Представление замкнутых пространств давно является выдумкой. Национальное государство как «политический биотоп (среда обитания)» не имеет будущего» (Ульрих Бек. «Есть ли у него будущее: по поводу тяжкого спора о Европе и глобализации». *Цайт*. Гамбург, 13.06.1997, с. 3);

«Ни от чего более не укроешься. Демагог тот, кто ныне играет на страхе перед будущим и решительно выступает против открытости и без того открытых границ» (Христоф Найдхард (Neidhard) об исчезновении границ. «Конец географии», передовая статья. *Вельтвохе*. Цюрих, 21.03.1996, с. 1);

«Твердыня Швейцария» или «твердыня Европа» ввиду многочисленных всемирных связей... оказывается просто выдумкой» (Петер Арбенц (Arbenz), бывший председатель Федерального ведомства (Германия) по делам беженцев (1990—1993), «Миграционная политика с гуманитарным уклоном». *Новая цюрихская газета*, 15.04.1997, с. 48);

«Германия для немцев — несбыточно» (Ханс Магнус Энценсбергер (Enzensberger). *Бильд*. Гамбург, 11.06.1993, с. 2);

спрашивая, реалистично ли представление «Европа для европейцев», «Америка для американцев» и т. д.;

указывая на неизбежность перехода к «Европе мулатов» (Ханс Магнус Энценсбергер, *там же*) и — что еще вероятней — к Европе, Америке, Австралии и т. д. метисов;

учитывая следующие факты:

переселение в XIX в. «крайне разгрузило» Европу — с 1800 по 1914 гг. из Старого Света выехало «60 млн. человек» (Вернер Шпириг (Sprig). «Миграция — известная и ограниченная? Относительность исторического обзора». *Новая цюрихская газета*, 14.07.1997, с. 25) — переселение в XXI в. крайне разгрузит Юг, который ввиду перенаселенных южных областей оживит «почти необитаемые огромные территории» (Рудольф фон Альбертини (Albertini). «Бурная история переселений народов». *Новая цюрихская газета*, 4—5.01.1992, с. 16) Севера, основываясь на «праве человека на свободу перемещения» (Отфрид Хёффе (Hoffe). *Разум и право: мостки к межкультурному правовому диалогу* («Vernunft und Recht: Bausteine zu einem interkulturellen Rechtsdiskurs»). Франкфурт-на-Майне, 1996, с. 248);

«ныне, в обстановке всемирного экономического и культурного переплетения, появляется оптация гражданина мира уже не как возможность развития, а... как необходимость. Действительно: индивиду во

многих случаях *приходится* выходить за узкие рамки своего происхождения, чтобы выжить в будущем» (Карл Отто Хондрих (Hondrich). «Пугающая поездка на незаселенную землю? Об ограниченности наших представлений о будущем». *Новая цюрихская газета*, 27—28.12.1997, с. 57);

указывая на противоречие того, что «мир становится единым рынком и единым местом торговли», но одновременно растут и укрепляются границы: «между Соединенными Штатами и Мексикой; между средиземноморскими странами Европы и исламским Магрибом [Тунис, Алжир и Марокко]; вдоль линии, где некогда проходил железный занавес...» (Жан-Кристоф Руфен (Rufin) в книге *Империя и новые варвары* [«L'Empire et les nouveaux barbares» (1996)]: Тео Зоммер (Sommer). «Будущее пока не вырисовывается». *Цайт*. Гамбург, 30.12.1994, с. 1; см. также «Сизифов труд на границе Мексики и США: Стальной забор и датчики против нелегальных иммигрантов». *Новая цюрихская газета*, 8.07.1998, с. 7), и что страны Севера ввиду намечающегося глобального внутреннего рынка, с одной стороны, благословляют «свободный приток капитала, услуг и товаров», а с другой — хотят защититься от свободного потока людей и «закупориться» (Бруно Шлеппи (Schläppi), «Русские идут». *Wir Brückenbauer*. Цюрих, 16.01.1991, с. 3);

решив преодолеть это противоречие незамедлительным осуществлением права человека на свободу перемещения, «снести межгосударственные границы» (Макс Хоркхаймер: Уве Юстус Венцель (Wenzel), «В чаяниях совершенно иного»: *Новая цюрихская газета*, 11/12.02.1995, 67) и противодействовать повсюду тем, «кто пламенными речами о расе, народе или религии хочет нас расколоть» (из речи президента США Била Клинтона у Бранденбургских ворот в Берлине: *Зюддойче цайтунг*. Мюнхен, 13.07.1994, с. 6);

выдвигая требование, чтобы «целью была интеграция, а не разъединение. Лишь те общества сохраняют в будущем стабильность, которые проявляют достаточную гибкость для присоединения к себе тех, кто приходит и будет приходить извне в большом количестве» (Уве Везель. «Мы хотим иметь два паспорта: парламент должен, наконец, ввести двойное гражданство». *Цайт*. Гамбург, 21.11.1997, с. 1);

учитывая утверждение западных националистов, что «ни один из нынешних перечней прав человека не содержит всеобщую свободу перемещения даже в качестве отдаленной цели» (Йорг Фиш. «Последний оплот дискриминации». *Новая цюрихская газета*, 13—14.12.1997, с. 17); учитывая утверждение приверженцев партикуляризма на Севере, что «человек — коллективное существо [и] живет в коллективах, отличающихся основными чертами друг от друга» (Йорг Фиш, *там же*), и противопоставляя этим антигуманистам как раз на Севере перевозносимое «главенство индивидуальных прав над правами коллективными» (Юрген Хабермас согласно статье Херффрида Мюнклера «Сила свободно изъявленного довода: дискурс как гарантийное письмо этики: Новые изыскания Юргена Хабермаса по политической теории». *Цайт*. Гамбург, 6.12.1996, с. 24);

памятуя, что «вопрос справедливости [решается] в положении исключенных и поставленных в наихудшее положение» (Райнер Фрост (Frost). «Справедливость как провокация: Джон Роулз (Rawls) ратует за политическую философию без конечных истин». *Цайт*. Гамбург, 7.05.1998, с. 43) и что таковыми в глобальном масштабе ныне в особенности являются жители Южного полушария;

сожалея, что пока право на свободный въезд в любое государство еще недостаточно обеспечено, что играет на руку занятым нелегальной переправкой людей преступным группировкам и ущемляет человеческое достоинство; считая, что никакое иное индивидуальное право человека не в состоянии создать больше возможностей каждому в отдельности, нежели право человека на свободу перемещения;

при полном согласии с выраженным в песне Джона Ленно-на «Вообрази» («Imagine») желанием:

Imagine theres no country, It isnt hard to do; Nothing to kill or die for... Imagine all the people Sharing all the world...

(Вообрази, что нет государств, / это не такое уж трудное дело; / не за что убивать или умирать... / вообрази, что всем людям / принадлежит весь мир);

призывая все человечество взяться за руки и претворить в жизнь последние строки песни «Вообрази»: «And the world will be as one» («и весь мир будет единым»);

торжественно постановляет:

1. Придерживаться дословно текста статьи 13.1 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 («Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства»), но при этом для внесения полной ясности в текст ст. 13.2 («Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну») изменить ее следующим образом: «Everyone has the right to leave *and to return to* any country, including his own» («Каждый

человек имеет право покидать *и возвращаться* в любую страну, включая свою собственную»).

2. Обязать правительства всех государств мира, особенно малонаселенных государств Севера, включая Австралию, в соответствии со статьей 13.1 Всеобщей декларации прав человека в течение года упразднить полностью и окончательно все законоположения по иммиграции, предоставлению жительства и убежища, а также визовый режим.

35.20. «Демократия для нынешнего мира» — [воображаемое] решение Генеральной Ассамблеи ООН по созданию Всемирной Республики

Генеральная Ассамблея,

учитывая законность следующих утверждений:

«Ныне отсутствует ясное разделение внутреннего и внешнего — мировая экономика, окружающая среда, мировая эпидемия СПИДа, гонка вооружений во всем мире затрагивают нас всех... Мы нуждаемся друг в друге. И мы обязаны заботиться друг о друге» («Обращение президента Клинтона к Америке: инаугурационная речь в дословном изложении». *Новая цюрихская газета*, 22.01.1993, с. 4);

одни только «угрозы экологии со стороны всемирной индустриализации сделали всех людей друзьями по несчастью» (Георг Колер (Kohler), профессор философии в Цюрихском университете, «Конец национальной государственности». *Новая цюрихская газета*, 28—29.09.1991, с. 25), однако «решить проблемы экологии можно лишь всем миром» (Отфрид Хёффе). «Индивид и дух общности: положения социальной этики XXI века». *Новая цюрихская газета*, 20—21.05.1995, с. 65);

земля неделима. «Огромные экономические, экологические и общественно-политические задачи нашего времени более не признают государственных границ» (из воззвания Макса Билла (Bill), Курта Фурглера (Purgier), Элизабет Копп (Kopp), Филиппа де Века (Weck) и др. «Верно наметить направление!» *Вельтвохе*, Цюрих, 19.11.1992, с. 1);

«технично-экономический процесс, разросшийся по всему миру, не удержать на одном-единственном политическом клочке земли (вроде Германии, Франции или Швейцарии)» (Петер Глоц (Glutz), специалист по СМИ. «Почему [нужно] противопоставлять Жан-Поля банку данных [Интернета, согласно заявлению писателя Адольфа Мушга «Одна глава Жан-Поля даст мне больше, нежели весь Интернет»?». *T ages-Angezeiger*. Цюрих, 15.08.1996, с. 2);

«Национальное государство как «политический биотоп» не имеет будущего» (Ульрих Бек. «Есть ли у него будущее: по поводу тяжкого спора о Европе и глобализации». *Цайт*. Гамбург, 13.06.1997, с. 3);

«Ввиду неуклонного роста интернационализма в экономике, науке и политике национально-государственный провинциализм... все заметнее... отстает от быстро принимающей глобальные очертания политической реальности» (Вольфганг Керстинг, профессор Кильского университета. «Всеобщий мир и демократический разум: 200 лет назад появился трактат Иммануила Канта [1724—1804] *К вечному миру*». *Новая цюрихская газета*, 30.09—1.10.1995, с. 69) и складывается «впечатление, что правительства национальных государств оказываются беспомощными перед лицом глобализации экономики» (Курт Мюллер (Müller), «Факты и опасения как замена идеологии: политическая шаткость (Glatteis) после падения Берлинской стены в 1989 г.». *Новая цюрихская газета*, 18.03.1998, с. 15) и что «мировая экономика нуждается во все большем государстве» (Роже де Век (Weck). «Новое суеверие». *Цайт*. Гамбург, 2.09.1999, с. 10);

«Современные проблемы больше не решить на национально-государственном уровне» (Клаус Хенш (Hänsch), председатель Европарламента [1994—1997]. «Реформа Евросоюза: политические требования и институциональные проблемы». Институт Вальтера Ойкена, Фрейбург (Ред.): *Годовой отчет* 1996 г., с. 1), даже «европейское мышление» является «локальным мышлением» («Big is beautiful: Хельмут Маухер (Maucher), президент фирмы Нестле, о глобализации...». *Цайт*. Гамбург, 9.07.1998, с. 21);

«национальное государство отжило свой век... Его более... не должно быть...» (из речи немецкого президента Романа Герцога, произнесенная 17.09.1996 г. перед 41-м съездом немецких историков);

принимая во внимание, что «касающееся всех можно решить лишь сообща» (Фридрих Дюрренматт (1921 — 1990) [пьеса «Физики», 17-й пункт из приложения к пьесе «21 пункт к Физикам»]; что «определенные задачи можно решить лишь на глобальном уровне» (Ганс Ру (Ruh), профессор отделения социальной этики

Цюрихского университета. «Ладится ли жизнь в мировой деревне?». *Magazin UNI ZÜRICH* 3, 1996, с. 58); что «появляются многочисленные проблемы, выходящие за национальные границы» (документ Либерально-демократической (Freisinnig-Demokratische) партии кантона Цюрих: *Новая цюрихская газета*, 1.09-1995, с. 53) и в одиночку с ними не справиться, как в случае с обеспечением всеобщего мира и международной безопасности; предотвращением и улаживанием локальных конфликтов на земном шаре; разоружением, в частности, ликвидацией оружия массового поражения; ростом населения; глобальным экономическим развитием; всеобщей борьбой с безработицей; обузданием разрушительной гонки за экономическим господством посредством обязательного для всех права о конкуренции, труде, картелях, а также всеобщего контроля за слиянием [компаний] и налогообложения биржевого капитала (Spekulationskapital) и создания нового, справедливого экономического и социального мирового порядка; обеспечением продовольствием всего мира; сглаживания повсеместного перекоса в уровне образования и благосостояния; энергетическими и экологическими проблемами (нехватка воды, загрязнение Мирового океана, повсеместное загрязнение воздуха, вырубка влажных тропических лесов, угроза многообразию живого); климатическими проблемами, потеплением земной поверхности; пандемиями; международными катастрофами; контролем за вредными химическими производствами; глобальными последствиями научно-технического прогресса, прежде всего в области атомной, генной и вычислительной техники; международной преступностью, в частности торговлей людьми, оружием и наркотиками, вывозом [радиоактивных] отходов, отмыванием денег, международным терроризмом; потоками беженцев и переселенцев; коренной реорганизацией информации и связи в мире и обмена данными; мирным использованием космоса и т. д.;

принимая во внимание, что «отказ от решения глобальных задач» для «связанного навеки единой судьбой человечества» («Год после Рио-де-Жанейро — например, Индия: отрезвляющий опыт в странах третьего мира»): *Новая цюрихская газета*, 21.06.1993, с. 3) будет иметь «катастрофические последствия» («Страсти господни: права человека в западно-восточном диалоге». *Новая цюрихская газета*, 4.07.1996, с. 40);

принимая во внимание, что пока «финансовые авантюристы на мировые рынки ссудного капитала ежедневно выбрасывают два миллиарда долларов» (Бартоломей Грилл (Grill). «Выявлять нерасторопность». *Вельтвохе*. Цюрих, 7.05.1998, с. 5) и ежегодный доход организованной преступности в мире превышает 700 миллиардов франков («Заложники международной преступности: угроза государственным структурам со стороны мафии». *Новая цюрихская газета*, 7.07.1998, с. 5), на обширной территории Юга царит крайняя нищета, 1,3 млрд людей вынуждены обходиться в день менее чем одним долларом (Берн-хард Фишер. «Миграция в странах третьего мира». *Nord-Süd aktuell*. Гамбург, № 2, 1995, с. 225; Рихард Герстер (Gerster). «Мы наверху, вы внизу». *Вельтвохе*. Цюрих, 9.04.1998, с. 14) и уже в 1998 г. 1,3 млрд людей жили в полной нищете («Фидель, субсидируемый Си-эн-эн». *Tages-Angezeiger*. Цюрих, 15.05.1998, с. 6); что «800 млн. людей голодают» и что «ежедневно от голода умирают 20 тысяч детей» (*Вельтвохе*. Цюрих, 8.10.1998, с. 15); что на самых богатых 20 процентов населения приходится 86 процентов общего личного потребления, а на самую бедную пятую часть населения приходится лишь 1,3 процента и «что обеспеченная четвертая часть населения потребляет 58 процентов производимой энергии» («Призыв ООН к взвешенному потреблению». *Новая цюрихская газета*, 10.09.1998, с. 27); что на страны третьего мира приходится 97 процентов заболеваний, а располагают они лишь 11 процентами приходящихся на здравоохранение средств («По-прежнему низкая продолжительность жизни у бедняков: новый отчет Всемирной организации здравоохранения требует увеличения помощи странам третьего мира». *Новая цюрихская газета*, 11.05.1998, с. 7); что «около 1,7 млрд людей — более трети населения планеты... не имеют доступа к гигиенически чистой воде» («Экологическая программа ООН предостерегает от «войны за воду». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 28.02.1998, с. 1) и что «миллиарду людей в 70 странах ныне приходится обходиться меньшими средствами, нежели 25 лет назад» (Ульрика Мейер-Тимпе (Meyer-Timpe), Фриц Форгольц (Vorholz). «Последняя ложь». *Цайт*. Гамбург, 10.09.1998, с. 23); что «не подъем и благосостояние, а упадок, ухудшение экологии и культурное вырождение определяют ныне жизнь трех пятых человечества» (Ганс-Петер Мартин, Харальд Шуман. Враги мы сами. *Шпигель*. Гамбург, № 2, 1993, с. 103); что «на обширных территориях земли грубо попирается человеческое достоинство и свобода» (из [программного документа] «Изложение целей» («Statement of aims») общества Мон-Пельрена (Mont-Pèlerin Society) [основанного знаменитым экономистом Фридрихом Хайеком (1899—1992) в 1947 г. в швейцарском местечке Мон-Пельрен близ гор. Вева у Женевского озера вместе с приглашенными им туда 36 учеными]: *Новая цюрихская газета*, 3—4.05.1997, с. 29); что нужно помешать превращению мира в повсеместную деревню с «расползающимися по ней трущобами» (Элиза Фухс (Fuchs), глава службы содействия развитию при благотворительной организации евангелической церкви Швейцарии — HEKS [Hilfswerk der Evangelischen Kirchen der Schweiz]. «Церковь как общественный институт в повсеместной (global) деревне». *Новая цюрихская газета*, 21 - 22.09.1996, с. 16), тогда как западные промышленные страны, где потребление энергии и сырья на человека «примерно в шестнадцать раз выше по сравнению с остальным миром» и куда с «населением, составляющим одну пятую жителей земли, уходит четыре пятых всех ресурсов» (Томас Кессельринг). «Демографическое будущее Европы — запретная зона». *Новая цюрихская газета*, 25—26.07.1998, с. 69), уподобляются «лимузину, едущему через район боевых действий» (Уильям Шокросс (Shawcross), британский публицист. «Власть и хаос». *Цайт*. Гамбург, 18.11.1994, с. 10);

принимая во внимание верность следующих утверждений:

«человечество вступает в эпоху послегосударственного (postnational) мира» (из аннотации к книге Дидье Лапейронни (Lapeyronnie) *Индивид и меньшинства* («L'individu et les minorités»): Presses Universitaires de France [Изд.], *Nouveautés*. Париж, № 255, ноябрь—декабрь, 1993, с. 26), где «национальное цеховое мышление (Kästchendenken)» (*Цайт*. Гамбург, 9.07.1998, с. 21) нужно заменить чувством «планетарной ответственности» (Андреа Кёлер. «Rien ne va plus — tout va bien [Ничего не клеится — все в порядке] — немецко-французская встреча писателей во Фрейбурге». *Новая цюрихская газета*, 3-05.1991, с. 27) каждого;

«жизнь не протекает более в раз и навсегда заданном территориальном государстве, а проходит через него наискосок — техникой, культурой и экономикой» («С 1291 г. царят здесь заграница и техника: Бит Каппелер (Karreier) о чужестоянии (Fremdbestimmung) в Швейцарии». *Вельтвохе*. Цюрих, 28.03.1996, с. 1);

считая, что людская ответственность «является повсеместной ответственностью» (Вацлав Гавел. «Европа на перепутье». *Шпигель*. Гамбург, № 48, 1992, с. 174), а значит, наконец можно осуществить «идею всеобщего единения людей» (Эрнст Никиш (Niekisch, 1889—1967). Штефан Бройе

сознавая, что «земля — наша планета» (Пьер Санэ (Sané), [с 1993] генеральный секретарь Эмнести Интернэшнл, редакционная статья [издающегося этой общественной организацией два раза в месяц на нескольких языках] журнала *Amnestie!* Берн, март, 1998, с. 1) и «у человечества один земной шар и у нас одно на всех будущее» («Ли Жуйхуань цзешоу Баси цзичжэ лянхэ цайфан» [(«Глава Народного политического консультационного совета КНР и член постоянной комиссии политического комитета ЦК КПК) Ли Жуйхуань принимает бразильских журналистов для совместной беседы]»). *Жэньминь жибао*. Пекин, 26.06.1995, с. 6) и что р (Breuer). «Неудавшаяся жизнь? Биография Эрнста Никита». *Новая цюрихская газета*, 20.08.1997, с. 40); больше нельзя пребывать в неведении относительно того, «куда надо держать курс мировому сообществу» (Мартин Мейер (Meuer). «Еще раз о немецкой республике: эссе Юргена Хабермаса». *Новая цюрихская газета*, 5—6.08.1995, с. 53);

указывая на то, что, наконец, наступает эпоха «civitas maxima, объемлющего землю целиком всеобщего государства» (Отфрид Хёффе. *Разум и право: мостки к межкультурному правовому диалогу* («Vernunft und Recht: Bausteine zu einem interkulturellen Rechtsdiskurs»). Франкфурт-на-Майне, 1996, с. 107), о котором говорил Христиан Вольф (Wolff, 1679—1754) (Христиан Вольф. *Право народов, научным способом исследованное* («Jus Gentium, Methodo Scientifica Pertractatum» в 8 частях, 1749, Предуведомление (Praefatio)); что «уже Кант [1724—1804] назвал всеобщее государство принципом разума» (из разговора с философом Витторио Хёсле (Hösle). «Нам потребна нравственная энергия». *Шпигель*. Гамбург, № 46, 1997, с. 252); что наступает эпоха «правового единства человечества» (Ганс Кельзен (Kelsen) [1881 — 1973]: Отфрид Хёффе, *указ. соч.* с. 108); что предсказание 1964 г. канадского профессора литературы Герберта Маршала Маклуэна (McLuhan, 1911 — 1980) о «повсеместной деревне» («Интернет — вызов времени». *Новая цюрихская газета*, 14—15.06.1997, с. 21) становится действительностью, отчего «эгоцентризм людей в природе должен уступить место общинному сознанию (Weltdorfbewusstsein), а непомерные потребности людей надо заменить приличествующими случаяю» («Чжэнфу дэ бэйсицзюй» [«Трагикомедия порабощения»]. *Китайская молодежь [Чжунго циннянь бао]*. Пекин, 19.12.1995, с. 7);

задаваясь вопросом, из какого собственного политико-философского загатника появляются выражения вроде «ведущая мировая держава» (из сообщения о положении страны, сделанного американским президентом Джорджем Бушем 28 января 1992 г., приведенного Вернером Л инком (Link), «Равновесие и господство». *Франкфуртер альгемайне цайтунг*, 19.09.1997, с. 13), а также «превосходство», «преобладание», «гегемония» (Роберт Каган (Kagan). «Благо для мира: лишь господство Америки обеспечит минимум стабильности». *Цайт*. Гамбург, 9.07.1998, с. 11), «главенствующее положение на земном шаре», «единственная ведущая держава с мировым влиянием» («Долларовая дипломатия Клинтона и ее последствия». *Новая цюрихская газета*, 18— 19.07.1998, с. 1) и кто уполномочил хоть какую державу производить себя в мирового гегемона;

подчеркивая, что понятие *leadership* хоть и подходит «отменно к выражению чаяний», но что *leadership* нужно рассматривать «как отрицание теории демократии» (Антон Пелинка (Pelinka). «Leadership: о дееспособности понятия». *Osterreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*, том 26. Вена, 1997, с. 369 и след.);

памятуя, что еще в 1979 г. Организация Объединенных Наций ясно отвергла глобальный гегемонизм («Объяснение недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях», заявление Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1979: *Ежегодник ООН 1979*, том 33. Нью-Йорк, 1982, с. 149 и след.) под видом так называемой «мировой ведущей державы» («Заслуживающий доверия ООН». *Basler Zeitung*, 27.03.1998, с. 9); что «история показывает, что те, кто постоянно прибегает к гегемонизму, будь то на мировом или местном уровне, в конечном итоге пожинают противоположное своим чаяниям, и ничего хорошего это не сулит» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 18.05.1998, с. 4) и что «время, когда одна сверхдержава

властвовала над миром, уходит в прошлое» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 13.05.1998, с. 7);

памятуя, как, например, Томас Манн, немецкий лауреат Нобелевской премии по литературе, жаловался на «космополитический радикализм» и на «заблуждение наших нынешних врагов, что стоит только объединиться демократиям отдельных стран... в мировую демократию, и тогда уж, при полном объединении демократий отдельных стран в мировую демократию, и следа не останется от немецкого духа (Wesen). Мировая демократия будет носить скорее романский или англо-саксонский характер — немецкий дух растворится и исчезнет там, он истребится, его более не будет» (Томас Манн. *Размышления аполитичного*. 1918, переиздание. Франкфурт-на-Майне, 1956, с. 31); находя удивительным, что в западных демократиях после Второй мировой войны более не заводят речь о мировой демократии и «сама вероятность создания «всеобщего государства» представляется «довольно малой» (Лиссабонская группа. *Пределы конкуренции: глобализация экономики и будущее человечества*. Мюнхен. 1997, с. 25); что «всемирные выборы» на Западе, «хоть и желательны по демократическим соображениям», отклоняются на основании представляющихся из-за тяжести стоящих мировых проблем смехотворными причин вроде того, что они «полны неизвестности», «дорогостоящи», «связаны с политическими трудностями», «сложны в обеспечении» и т. д. (Осип Курт Флехтгейм. *Можно ли еще спасти будущее: всемирная федерация — третий путь в 21 век*. Франкфурт-на-Майне, 1995, с. 271);

задаваясь вопросом, а не одолевают ли западных «космополитов» те же страхи, что мучили некогда Томаса Манна, только теперь по поводу не немецкого духа, а западных ценностей, «как они утвердились в западно-христианско-гуманистической традиции» (Изольда Пич (Pietsch), «Демографы бьют тревогу». *Новая цюрихская газета*, 25—26.07.1998, с. 70);

заверяя, что жителям Севера нечего бояться, поскольку идея парламентской демократии по принципу «один человек, один голос», идея всемирных выборов, идея создаваемого на этой основе мирового парламента и демократического мирового правительства являются лишь блестящим обобщением драгоценного наследия западного Просвещения и буржуазного общества, которое «делает разноименное сопоставимым тем, что редуцирует его к абстрактным величинам» (Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно. «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты» [Пер. с нем. М. Кузнецова. М.-СПб: Медиум, Ювента, 1997, с. 21; на нем. яз.]. Франкфурт-на-Майне, май, 1988, с. 13);

обещая, что над человечеством, которое в состоянии «старую европейскую идею демократии увидеть в свете глобальной эпохи» (Ульрих Бек. «Космополиты всех стран, объединяйтесь!» *Цайт*. Гамбург, 16.07.1998, с. 43), взойдет новая, демократическая заря и что гениальные идеи малых государств от великих европейских мыслителей XVI—XVIII вв. засияют новым, глобальным блеском в XXI в.;

касаясь факта, что это соответствует неумолимому ходу истории и развитию мировой цивилизации, поскольку стремление к мировому государству просматривается во всех человеческих цивилизациях и древнейший образ объединения людей дан в Китае: представление о великом единении («Да тун», см. Введение, § 1), описанном в конфуцианских *Записках о правилах благопристойности* и на протяжении веков воодушевлявшем китайцев, включая видного мыслителя Кан Ювэя (1858—1927) с его *Датун шу, Книгой Великого Единения*; Сунь Ятсена (1866—1925), основателя Китайской Республики; и китайское предложение 1944 г. о создании всеобъемлющей федерации государств с правом голоса соответственно количеству их населения (упоминается в кн.: Чжу Баоцзинь, *Веллингтон Ку* [кит. Гу Вэйцзюнь (1888—1985)]: *Исследование касательно китайского дипломата и китайской националистической дипломатии 1912—1966* (Chu Pao-chin, «V. K. Wellington Koo: A Case Study of Chinas Diplomat and Diplomacy of Nationalism 1912—1966»). Гонконг, 1981, с. 164);

пребывая в убеждении, что заверения американского президента Вудро Вильсона (1856—1924) 1918 г. «сделать мир пригодным для демократии» («to make the world safe for democracy») лучше всего претворить в жизнь можно «обращением мира в демократию» («to turn the world into a democracy»);

призывая людей всего мира «освободившись от уз вроде звания, сословия, религии, национальной принадлежности (Nation) и пола» (Карл Отто Хондрих. «Пугающая поездка на незаселенную землю? Об ограниченности наших представлений о будущем». *Новая цюрихская газета*, 27—28.12.1997, с. 57), стать хозяевами собственного будущего и поставить индивидуализацию во главу угла при рассмотрении любого вопроса, чтобы каждый человек повсюду в мире стал «субъектом мировой внутренней политики» («Речь о внешней политике президента Германии Герцога в Бонне: время прихлебательства прошло»);

сознавая, «что от глобализации никуда не деться» и что «теперь можно и стоит замахнуться на многое» (Уве Ян Хойзер). «Колесо истории: За кем завтра последнее слово, за концернами или за политикой?» *Цайт*. Гамбург, 14.05.1998, с. 1);

соглашаясь с утверждением, что «нет ничего могущественней», как некогда сказал Виктор Гюго (1802—

1885), «идей, чье время пришло»⁴⁶² (Роберт Ляйт (Leicht). «Сделать холопов гражданами...» *Caiim*. Гамбург, 28.06.1996, с. 1) и что ныне пришло время идеи демократической мировой республики;

подчеркивая, что ушло время «господствующих государств («a bunch of gods»), которые при этом повсюду кричат о демократии, но к истинной демократии среди народов не готовы» (Джулиус Камбарадже Ньерере (Nyerere), [(1922—1999), президент Танзании в 1964—1985]: «Ньерере против всеобщего социального стандарта: Доклад о равноценности народов». *Новая цюрихская газета*, 27.05.1998, с. 14), и что ушло время, когда «во всемирном масштабе отсутствовала демократически управляемая, подотчетная обществу власть» (Патрик Суттер (Sutter). «Глобализация — ответственный взгляд». *Handelzeitung*. Цюрих, 5.06.1998, с. 39);

с полным пониманием относясь к следующим строкам:

Мир объемлет людей, Люди объемлют мир, Обнимем же мир С Востока и Запада, С Юга и Севера.

(стихи японского посла в Швейцарии, произнесенные по случаю открытия недели Японии в июне 1993 г. в Цюрихе: *Nachrichten aus Japan* («Сообщения из Японии»). Берн, апрель/май/июнь, 1993, с. 4 [две последние строки слегка изменены]);

Одно только солнце,

Одна только луна,

Только пять миллионов жителей

Населяют землю.

(газета *Китайские пионеры* [«Чжунго шаонянь бао»]. Пекин, 4.06.1997, с. 4);

чтобы высказанные выше соображения не оставались «пустой болтовней» (Тони Блэр, британский премьер-министр. *Новая цюрихская газета*, 15.05.1998, с. 3), торжественно постановляет:

1. провести под руководством создаваемой Генеральной Ассамблеей избирательной комиссии в течение двух лет свободные и равноправные всеобщие выборы по принципу «один человек — один голос» для формирования описанного в § 2 мирового парламента. Имеющие право голоса граждане каждого государства, подписавшего эту резолюцию, составляют участвующий в мировых выборах мировой народ, а значит, мирового суверена. Жители каждого государства, подписывающего позднее предлагаемую резолюцию, принимают участие в следующих мировых выборах.

2. Мировой парламент состоит из 1000 человек и переизбирается каждые десять лет. Он уполномочен издавать всеобщие законы касательно задач, отнесенных к началу принятия данной резолюции или последующими решениями Генеральной Ассамблеи ООН к глобальным. Для проведения в жизнь всеобщих законов мировой парламент избирает мировое правительство.

3. Наряду с мировым парламентом, представляющим мировое население, Генеральная Ассамблея ООН выступает как парламент законных государств мира. Государства в отношении своих внутренних дел остаются суверенными, но обязуются исполнять всеобщие законы.

4. Для утверждения решений мирового парламента и выборов в него достаточно простого меньшинства.

5. Совет Безопасности ООН реформируется на демократической основе.

6. Порядок работы мирового парламента, правила организации мирового правительства и правила по координации действий мирового парламента, мирового правительства, Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН принимаются отдельно на пленуме ООН простым большинством голосов.

⁴⁶² Точное выражение Гюго: «On résiste a linvasion des armées; on ne résiste pas a linvasion des idées» («можно сопротивляться вторжению армий, нельзя сопротивляться вторжению идей» («История одного преступления» (1852, издана 1877). Пер. с фр. А. Тетерниковой и А. Кулишер: *Виктор Гюго. Собрание сочинений в 15 тт.* М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954, т. 5, с. 641). — *Прим. пер.*

35.21. Две саранчи на одной веревке

В появившемся 500 лет назад старейшем трактате по 36 стратагемам о стратагеме 35 говорится следующее: «Если войско противника слишком многочисленно и противостоять ему открыто нет возможности, нужно заставить его связать самого себя и так погубить свои силы» [«Гридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000, с. 176].

В качестве первого примера использования стратагемы 35 трактат упоминает сковывание судов цепью. «Пан Тун убедил Цао Цао связать цепями свои корабли (см. 35.1), и они не смогли избежать огня, предназначенного для них. Стратагема цепей заключается в том, чтобы противник каким-то образом сковал сам себя и стал уязвимым для нападения. Одна хитрость — связать, другая хитрость — напасть. Связь двух этих хитростей способна погубить даже самое могучее войско» [там же, с. 177].

Рассуждения о стратагеме 35 в старейшем трактате по 36 стратагемам завершаются примером, где главным героем предстает военачальник Би Цзайюй (XII—XIII вв. н. э.). В одном из походов против чжурчжэней он в течение дня то наступал, то отходил, сбивая противника с толку. Когда же ступили сумерки, Би Цзайюй повелел на выбранном им поле брани рассыпать в изобилии сваренные со специями черные соевые бобы. После этого он вновь двинулся вперед, словно хотел вызвать противника на бой. Вскоре он притворно бежал, чжурчжэни же бросились в погоню. Проголодавшиеся к тому времени их лошади вдруг почуяли запах вареных бобов и поскакали туда, где бобы были рассыпаны. Они набросились на еду, и даже плеткой всадники не могли их сдвинуть с места. Тут Би Цзайюй вновь поворотил свое войско и напал на чжурчжэней, одержав блистательную победу.

Разбирая эти два примера, можно видеть, что суть стратагемы цепи состоит в запутывании противника и тем самым его изматывании. Этого достигают, сковывая его силы таким образом, что тот утрачивает свободу движений (см. 35.1), или подрывая стратагемой имеющийся у противника симбиоз — например, всадника с лошастью — настолько, что он распадается и противник выводится из строя. В китайской литературе по стратагемам принцип действия стратагемы 35 поясняется следующим образом: если привязать веревку к саранче и отпустить ее, саранча улетит, увлекая за собой веревку. Но если ко второму концу веревки привязать еще одну саранчу, они едва ли полетят в одну сторону, а устремятся в разные, тем самым стреножив друг друга⁴⁶³.

Вражескими элементами, которые при их связывании друг с другом обездвиживают противника, могут выступать предметы или животные, а также люди. К стратагеме 35 относятся и те случаи, когда люди или установления ставятся в такие отношения между собой, что мешают друг другу. Так, разделение властей в западных демократиях можно рассматривать как удачное, лишаящее возможности злоупотребления властью использование стратагемы 35. Само «привязывание» Германии к Евросоюзу и НАТО вполне может быть объяснено стратагемой 35. Когда же противоречия между враждующими сторонами разжигают до такой степени, что те рвут друг друга в клочья, подобный образ действий относится скорее к стратагемам 33 и 3.

Если в отношении врага стратагему обращают подобной разрушительной стороной, то в собственном стане она может послужить созидательным целям. Исследователь стратагем Юй Сюэбинь разъясняет это на примере одного небольшого научного института. Принятый недавно в институт очень способный молодой специалист был всем недоволен, критиковал даже институтское начальство, которое на общеинститутском собрании высказалось следующим образом: «Мы приветствуем способные молодые кадры и прислушиваемся к ним. Но они должны доказывать что-либо на деле. Мы приглашаем их старших товарищей, не желающих ударить в грязь лицом, показать, что они могут на равных тягаться с молодежью и даже способны утереть им нос». Эти слова побудили нашего брызгу все свое внимание сосредоточить на научных занятиях. Другие сотрудники института, не желая отставать, тоже с головой ушли в работу. Институтское руководство старалось поддерживать соревновательный дух в коллективе, так что скучать было некогда. В глазах всех работников, включая новоприбывшего, руководство института предстало судьей в развернувшемся между ними соревновании. Тем самым руководство, на которое поначалу набросился молодой специалист, лишь укрепило свои позиции.

В другом примере научная Академия решила возвести новое административное здание. Государственное строительное предприятие, которое Академия хотела бы подрядить на эту работу, поскольку благодаря техническим и людским ресурсам и имеющемуся опыту оно занимало ведущее место среди строительных организаций, никак не соглашалось с предлагаемой оплатой. И тут Академия отыскала местное

⁴⁶³ Отсюда китайская поговорка: «Стоит привязать две саранчи к концам веревки, и они не улетят» («И гэнъ шэн шан шуань лян чжи мачжа, шуй е пао бу ляо»). — *Прим. пер.*

предприятие, предлагавшее значительно более выгодные условия. Тогда Академия приглашает представителей местного предприятия и столь желанного для них государственного строительного треста на совместные переговоры. Все произошло так, как и рассчитывали в Академии. Государственное предприятие, опасаясь потерять уже лежавший у них в кармане подряд, стало торговаться с представителями местного предприятия по поводу цен, и цены поползли вниз. Когда руководство Академии посчитало, что предложенная государственным предприятием цена их устраивает, оно тотчас поспешило заявить о передаче подряда государственному предприятию.

Без вспомогательной стратагеми, обойдясь одним приглашением, руководство Академии усадило представителей государственного и местного предприятий за стол переговоров. Однако чаще для осуществления стратагеми цепи привлекаются и другие стратагеми, как в случае сковывания судов — стратагема 7 (см. 35.1), а в победе Би Цзайюя над чжурчжэнями — сочетание стратагем 12 и 17. Руководство института использовало стратагему 35 как руководство к действию, привлекая при этом стратагему 17 — обещанные награды — и стратагему 33 («разделяй и властвуй»). К стратагеме цепи в этом смысле относится ловко сочиненная сцепка (35-4). В романе *Речные заводы*, написанном Ши Найанем около 1330 г., в названии одной из глав речь идет о стратагеме цепи [гл. 49 «рассказывающая о том, как У Юн осуществил сложный замысел...»]. Речь там идет вот о чем: Ху Чэну [по прозвищу Летающий тигр («Фэйтяньху»)] из деревни Ху, чью сестру [Ху Саньнян, по прозвищу «Зеленая в один чжан длиной» (Ичжанцин)] разбойники с Ляншаньских болот взяли в плен, обещали освободить ее при условии, что он окажет им встречную услугу: поместье Ху больше не станет поддерживать воюющее против разбойников поместье Чжу, «а если кто-нибудь оттуда прибежит к вам в поместье и будет искать у вас убежища, вы должны взять таких людей и передать нам» [«Речные заводы», гл. 49: *Ши Найань*. «Речные заводы», т. 2. Пер. с кит. А. Рогачева. М.: Гослитиздат, 1959].

В 16-й главе романа Вэнь Кана (см. 30.10) «Повесть о героях и героинях» применительно к тщательно подготовленному разговору, когда различным персонажам отводятся неодинаковые роли и в итоге удается переубедить упрямую героиню романа, чтобы та отказалась от своей опасной затеи, кровной мести, речь идет о стратагеме цепи. Здесь название стратагеми указывает на искусно связанные, как в пьесе, снабженные различными ловушками реплики собеседников.

Для стратагеми цепи в ее первом значении необходимы по меньшей мере две стратагеми. Одна обездвиживает противника, другая помогает собственно при нападении. Но помимо стратагеми 35 часто требуется сочетание стратагем, если цели одной стратагемой не достичь. Подобной связки стратагем, согласно Юй Сюэбиню, оказывается достаточно. Все требующие учета обстоятельства нужно рассмотреть со всех сторон; необходимо выяснить все плюсы и минусы. Далее надо рассмотреть все варианты возможного развития событий. Сами стратагеми допускают различные связки, например:

— опору друг на друга: предыдущая стратагема подготавливает следующую (см. 35.1, 35.5, 35-7);

— смена стратагем: после первой неудавшейся стратагеми затевают новую («и цзи бу чэн, ю шэн и цзи»), причем между следующими друг за другом стратагемами отсутствует всякая внутренняя связь; стратагеми объединяет лишь остающаяся неизменной преследуемая цель;

— параллельность: две или более одновременно задействованные стратагеми дополняют и поддерживают друг друга;

— пучок: с учетом всевозможных случайностей задействуются сразу две или более стратагеми, так что при неудаче одной продолжает дело оставшаяся стратагема (пожалуй, как в случае 32.17);

— одновременность: одним действием одновременно запускают две или более стратагем, или, другими словами: одно и то же действие одновременно соответствует, в зависимости от угла зрения, под которым на него смотрят, событийной канве различных стратагем (см. 35.16—35.20).

Стратагемная связка обуславливается стремлением обезопасить себя от неожиданной смены обстановки и учесть различные повороты событий. Речь вовсе не идет о привлечении как можно большего числа стратагем на авось. Ведь для определенного момента времени, определенных условий и определенного объекта оптимальными оказываются весьма немногие стратагеми. Согласно правилу «посредством многих уловок способствовать одной хитрости» («и шу цзи сянь и цзи») ⁴⁶⁴. Итак, сцепленные стратагеми необходимо оценивать и затем распределять по их значимости, иначе может случиться так, что они будут

⁴⁶⁴ Данное выражение встречается у военного теоретика XVII в. Цзе Сюаня (1613—1695) в его книге «Военный канон в ста главах» («Бин цзин бай янь»), первый раздел «Знание» («Чжи»). — *Прим. пер.*

просто мешать друг другу, и вся затея провалится. Действие стратагем можно уподобить часовому механизму с шестеренками из стратагем, точно входящих в сцепление друг с другом.

Оказавшись жертвой цепи из вражеских стратагем, необходимо как можно быстрее ретироваться в безопасное место. Ведь если и дальше упорствовать в своем желании противостоять врагу, давая втянуть себя в распри, пожалуй, удастся отразить некоторые стратагемы. Но невозможно будет ускользнуть от всех стратагем. Достаточно небольшого просмотра — и вы повержены. В подобном положении советуют прибегнуть к стратагеме 36. Бегство — лучшая из 36 стратагем.

Стратагема № 36. Бегство — лучший прием

Четыре
иероглифа

走

為

上

Современное
китайское чтение

Цзоу

вэй

шан

Перевод каждого иероглифа Бежать быть вверху/верх/лучший/лучше всего

Связный перевод Бегство (в безнадежном положении) лучшая (из 36 стратагем) /лучшая (из всех возможностей); (в случае неминуемой собственной гибели/когда уступаешь противнику), бегство — лучший прием

Сущность 1. Находясь в тяжелом и невыгодном положении, лучше всего избегать борьбы; стратагема (временного /мнимого и т. д.) отступления; стратагема отступления. Изменить направление, стратагема перемены курса. 2. Стратагема выжидания, наблюдения дистанции

Насколько известно, старейшее выражение для стратагемы 36 встречается в династийной хронике «Книга Южной Ци» [«Нань Ци шу»] Сяо Цзысяня (489—537), в жизнеописании Ван Цзинцэ [435—498], военачальника — основателя (479) династии Южная Ци Гао-ди (427—482) в пору разделения Китая на северные и южные династии (420—589). Ван Цзинцэ едва владел письмом и грамотой, но был человеком проницательным и хитрым. В 494 г. на престол вступил племянник Гао-ди Мин-ди (452—498), повелевший умертвить старых сановников. О дальнейших событиях повествует *Книга Южной Ци* в «Жизнеописании Ван Цзинцэ»:

Когда слег тяжело захворавший император, Ван Цзинцэ поспешно восстал... Второй сын императора, Дунхунь-хоу [483—501, южноциский император с 498], находился во дворце наследника престола. Узнав о мятеже, он послал человека на крышу разведать обстановку. Тот увидел, как пылает захваченный павильон. Посчитав, что Ван Цзинцэ уже близко, [наследник] решил бежать, прихватив самое необходимое. Когда Ван Цзинцэ донесли об этом, он сказал: «Из 36 уловок («цэ») господина Тань [Цаоци (ум. 436)] бегство — лучшая стратагема («ци»). Унесите быстрее ноги, отец с сыном!». И в жизнеописании Ван Цзинцэ [гл. 45] династийной хроники *История Южных [династий]* («Нань ши») танского Ли Яньшоу (ум. 679) за словами «Унесите быстрее ноги, отец с сыном!» следует дополнение: «Тут Вэнь Цзинцэ насмехается над Тань Даоци, уклонившимся от борьбы с [царством] Вэй». Однако зря был столь самонадеянным Ван Цзинцэ: его возвышение закончилось крахом, а сам он погиб.

Господин Тань, [чье жизнеописание дано в 15-й гл. *Истории Южных династий* и] с чьим именем Ван Цзинцэ связывал 36 стратагем, многое сделал для утверждения Южной династии [Лю-]Сун (420—479), преемницей которой стала династия Ци (479—502). После того как на престол вступил [424] император Вэнь-ди [родовое имя Лю Илун (407—453)], полководец Тань Да-оци стал отвечать за ведение войны с [северной китайской империей тобгачей] Тоба-Вэй [(386—534), по имени основавшего ее племени тобгачей (кит. Тоба)]⁴⁶⁵. В более чем тридцати сражениях он одержал победу. Когда прекратился подвоз

⁴⁶⁵ В 430 г. империя Сун сделала попытку вернуть Хэнань. Вступив в союз с ордосскими хуннами, готовыми поделить Северный Китай, и собрав 50 тыс. латников, император Вэнь-ди послал Тоба Дао ультиматум, требуя вернуть китайские земли южнее Хуанхэ. Хан занял выжидательную позицию, так как летом переправа конницы через Хуанхэ затруднительна. Сунские войска, не встретив сопротивления, заняли Лоян и все крепости Хэнани, но зимой табгачские всадники перешли Хуанхэ по льду, разбили южан в открытом бою и возвратили себе все крепости. Южане бежали, побросав тяжелое оружие и речные суда. Конница табгачей уничтожила все запасы продовольствия в зоне военных действий, вследствие чего южная армия,

продовольствия, ему с помощью стратагемы удалось отвести войска (см. *Стратагемы*, т. 1, «Введение», «Тридцать шесть стратагем почтенного господина Таня»). При отступлении полководец Тань использовал различные, согласующиеся друг с другом стратагемы, включая стратагемы мнимого наступления и сеянья раздора и т. д. В итоге вэйское войско не решилось продолжать преследование. Тем самым полководцу Таню удалось благополучно отвести свою армию обратно в сунские земли. Ван Цзинцзэ насмеялся над полководцем Танем за то, что тот уклонялся от столкновения с вэйским войском. Но, как видим, Ван Цзинцзэ выказал лишь свое полное непонимание стратагем. Хотя 36-я стратагема была и не в чести у Ван Цзинцзэ, все же ему досталась честь стать создателем выражения для стратагемы 36.

36.1. Стратагема 36 в сентябре 1962 г.

На протяжении веков китайские литераторы ссылались на 36 стратагем господина Таня, в частности, на его 36-ю стратагему, стратагему бегства. Вот и поэт Лу Ю (1125—1210) в своей «Элегии» [(«Бэй гэ син»)], сочиненной в 1174 г., пишет, как на одном пиру «напрямую прибег к стратагеме господина Таня», сбежав оттуда.

Не то, как улизнуть с безобидной попойки, заботило поэта, художника, историка и журналиста Дэн То (1912—1966), когда многими столетиями спустя он посвятил целую статью 36 стратагемам господина Таня, в заключение выделив последнюю из них. Дэн То принадлежал к той плеяде китайских интеллектуалов, которые в поисках нового общественного устройства еще в юности обратились к коммунистическому движению. В июле 1949 года 38-летний Дэн То вошел в состав подготовительного комитета по созданию Всекитайского союза журналистов, председателем которого был с 1954 по 1957. Насколько доверяло ему партийное руководство, видно из назначения его главным редактором *Жэньминь Жибао*, печатного органа Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Этот пост Дэн То занимал до 1959 г. С января 1959 г. до начала «культурной революции» (1966—1976) он наряду с У Ханем (см. 26.12) и Ляо Моша (1907—1990) входил в состав Пекинского горкома КПК

В начале 60-х гг. в произведениях кино и Театрального искусства, как и в китайской прессе, появилось множество намеков на то, что население выражает все большее недовольство нацеленной на «классовую борьбу» политикой Мао Цзэдуна. В это время Дэн То издает свои «Вечерние беседы у подножия Яньшань» (переведены Иоахимом Глаубиц (Glaubitz) под названием *Оппозиция Мао* («Opposition gegen Mao»), Ольтен, 1969). В 153-х очерках, с марта 1961 по сентябрь 1962 г. преимущественно появлявшихся в газете *Вечерний Пекин [Бэйцзин ваньбао]*, Дэн То пользовался среди прочих стратагемой 26 в ее разновидности «посредством древности порицать современность» [«и гу фэн цзинь»], проявив себя истинным мастером. Повод для критики давал экономический провал «большого скачка», приведший к трудному положению в Китае, а также различные иные промахи.

Последним в своей серии очерков на страницах *Вечернего Пекина* он поместил очерк о 36 стратагемах. Вначале он дает общее представление о стратагемах и их истории, а затем обращается к 36-й стратагеме. Он подробно останавливается на ее происхождении, поскольку, очевидно, сам думает к ней прибегнуть: сбежать, или, иначе говоря: оставить *Вечерние беседы*. Тогдашним наблюдателям показалось примечательным само время прекращения *Вечерних бесед*: 2.09.1962 г., за три недели до начала X пленума ЦК КПК [8-го созыва], на котором вновь были поставлены вопросы идеологической работы. В своем коммюнике пленум выдвигает первоочередную задачу партии: борьбу против «современных ревизионистов». Как скоро выяснилось, имелась в виду не только борьба с зарубежными ревизионистами вроде Хрущева и Тито, но и с так называемой ревизионистской угрозой у себя дома. «Красное знамя» [«Хунци»], теоретический орган Коммунистической партии Китая, стал недвусмысленно предостерегать против ревизионистских тенденций в литературе и искусстве.

Дэн То, прикрываясь псевдонимом, вместе с У Ханем и Ляо Моша вплоть до июля 1964 г. печатал *Заметки из деревни в три двора*, но уже к началу 1963 г. стало ощутимо приближение конца относительной свободы в культурной области, особо ощутимой в период с 1960 по 1962 гг. «На X пленуме ЦК партии восьмого созыва [1962 года] товарищ Мао Цзэдун говорил: «Чтобы свергнуть ту или иную политическую власть,

оторвавшаяся от противника, начала испытывать голод. Но сунский полководец Тань Даоци сумел восстановить порядок в разбитом войске, дезинформировать табгачей до такой степени, что они прекратили преследование, и отвести остаток армии в сунские земли. Только благодаря его выдержке и стойкости империя Сун избежала вторжения табгачского хана. «В благодарность за подвиг» он был в 436 г. арестован и казнен вместе со всеми родственниками по навету императорского министра, интриговавшего против боевого генерала. Эта казнь вызвала живую радость в Тоба-Вэй, переставшей опасаться своего южного соседа (*Гумилев Л.* Хунну. Хунну в Китае. М.: Айрис-пресс, 2003, с. 490—491). — *Прим. пер.*

всегда необходимо прежде всего подготовить общественное мнение, проделать работу в области идеологии. Так поступают революционные классы, так поступают и контрреволюционные классы» [«Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о великой пролетарской культурной революции (8 августа 1966 г.)». Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1966] (см. 19.33). Мао Цзедун при серьезной поддержке своего министра обороны следовал этому лозунгу, стремясь в последующие годы шаг за шагом очищать идеологическую сферу от тех, кто в литературе, искусстве, философии, в средствах массовой информации и образовательных учреждениях распространял «ревизионистскую отраву». Дэн То со своими *Вечерними беседами* одним из первых оказался под прицелом критики.

После начала «культурной революции» начались преследования Дэн То. Даже его личный шофер взбунтовался, вынудив Дэн То ходить пешком. 18 мая 1966 г. Дэн То покончил с собой, приняв яд. 22 февраля 1979 г. *Жэньминь жибао* сообщила, что Пекинский горком КПК принял постановление о реабилитации Дэн То наряду с У Ханем и Ляо Моша. Все трое теперь предстали примером мужественного поведения, их восхваляли как людей, отважившихся говорить то, на что не решались другие, бесстрашно «плывших против течения». В реабилитационной статье *Жэньминь жибао*, в частности, говорится, что очерк о 36 стратагемах (где особо выделяется «стратагема бегства») случайно оказался последним в ряду очерков из *Вечерних бесед*. Ведь сам Дэн То еще вплоть до 1964 г. продолжал выпускать *Заметки из деревни в три двора* (во время «культурной революции» тоже подвергшиеся нападкам). Утверждение того, что Дэн То своим очерком о 36 стратагемах намекал на свое «бегство», является высосанным из пальца, злопыхательским наветом «контрреволюционного» пропагандиста Яо Вэньюаня (см. 22.11). Подобную трактовку подтвердили в период моей учебы в Пекинском университете (1975—1977) китайские сокурсники.

30.2. Оставленный оплот коммунистов

«Необходимо хорошо разбираться в отношениях между «бегством» и «борьбой», — пишет Чэнь Боцзян в *Жэньминь жибао* (Пекин, 24.10.1996, с. 9). — С одной стороны, следует отмежеваться от пагубного, сторонящегося борьбы умонастроения беглеца, а с другой, нужно также сторониться опасного безрассудства, толкающего на борьбу с превосходящим вас противником. С одной стороны, надо избегать вражеской полноты и устремляться во вражескую пустоту (см. стратагему 2), а с другой, нужно иметь мужество при необходимости вступить в жестокую схватку... Раз потребно бегство, следует бежать, а если потребна борьба, следует бороться. Когда вырисовывается победа, сражаются до конца. Но если победить нельзя, следует бежать, чтобы при видах на успех стоять на поле брани насмерть».

При определенных условиях следует не бороться, а бежать, таков замечательный совет приведенных выше слов. И он целиком отвечает духу 36-й стратагемы. Представить себе, чтобы немцы в ходе Второй мировой войны сознательно сдали Берлин и впустили в столицу своего государства союзные войска, просто немыслимо! Но именно так поступила коммунистическая Красная армия во время гражданской войны в Китае (1945—1949). Под ожесточенным натиском врага Центральный Комитет Коммунистической партии Китая решил оставить Яньань (на севере провинции Шэньси). Общее соотношение гоминьдановских и красных войск равнялось 10 к 1 (*Жэньминь жибао*. Пекин, 5.12.1989). Яньань с 1937 по 1947 гг. была местопребыванием ЦК КПК и, соответственно, «первой столицей коммунистического Китая» (*Le Petit Robert* 2. Париж, 1990, с. 1146) и считалась одним из «святых мест революции». 19.03.1947 г. гоминьдановский военачальник Ху Цзуннань (1902—1962) вступил с 30-тысячной армией в Яньань. Президент Чан Кайши, верховный главнокомандующий гоминьдановских войск, тотчас распорядился распространить сообщение о блестящей победе. Населению тогдашней китайской столицы Нанькина и других городов гоминьдановским правительством предписывалось отпраздновать «великую победу на севере Шэньси» вывешиванием цветных бумажных фонариков и шелковых лент. Зарубежные и местные репортеры желали посетить завоеванный оплот коммунистов. Это поставило в затруднительное положение военачальника Ху Цзуннаня, поскольку ему достался пустой город. И тогда он распорядился соорудить в окрестностях Яньани десять «лагерей для военнопленных». Туда он поместил 1500 собственных солдат и 500 человек из местного населения, которых обрядили как «коммунистических военнопленных». Чан Кайши наградил его (*Литературная сводка* [«Вэньчжай бао»]. Пекин, № 642, 23.07.1989, с. 7).

Вот как описывает последующие события в *Жэньминь жибао* (Пекин 5.12.1989) Тянь Фан: «Небольшая наша ударная группировка, появившись перед расположением войск генерала Ху, изобразила затем отход на северо-запад. Главные силы нашей северо-западной полевой армии расположились в засаде [в тридцати пяти километрах] к северо-востоку от Яньани у [деревушки] Цинхуабянь. Там и была застигнута врасплох и уничтожена 132-я бригада генерала Ху. Это стало возможным лишь благодаря тому, что наши войска чувствовали себя здесь как дома. Население молчало, и противник не знал о нас ничего, тогда как нам было известно о нем буквально все... Сосредоточенное в Яньани более чем 200-тысячное войско мы не могли уничтожить сразу. Но когда нам удалось побудить его двинуться на север, мы вынудили противника для обеспечения своего продвижения соорудать многочисленные отдельные опорные пункты. Когда же

оказывалось, что главные силы более не могли своевременно прийти нам на помощь, мы, имея относительное превосходство, нападали на отдельные опорные пункты поодиночке и уничтожали. Покуда туда спешила вражеская подмога, мы, оставаясь на месте, «отдохнувшими поджидали измотанного врага» [см. стратагему 4] и, выждав благоприятного случая, нападали на находившиеся на марше более крупные неприятельские силы. Вкупе многочисленные малые победы обернулись, наконец, большой победой. Позже мы выиграли сражение у [городка] Паньлун [провинция Сычуань], а 21 апреля 1948 г. Ху Цзуннань вынужден был оставить Яньань». В 1981 г. в Тайбэе на английском языке вышла книга в двух томах *Рисованная история Китайской Республики: ее основание и становление* ("A Pictorial History of the Republic of China"). Завоеванию Яньани в марте 1947 г. здесь отведена целая глава, где проведенная Ху Цзуннанем операция по-прежнему восхваляется как блестящая победа. На одной из фотографий запечатлен президент Чан Кайши, совершающий инспекционную поездку по Яньани 7.08.1947 г., на другой согласно подписи предстает «безрадостная картина Яньани, печальный итог многолетнего коммунистического владычества», а под третьей стоит: «Мао Цзэдун ввиду наступления правительственных войск бежит из Яньани, оказавшись в положении скитающегося главаря разбойников». Видать, за семью печатями осталась для составителей этой хроники сама суть 36-й стратагемы.

30.3. Дополненная карикатура художника Семпе

Толпа людей теснится слева на картине. Каждый несет либо везет на тележке или велосипеде большой ящик. На ящиках, если прочесть все разбросанные по ним знаки, написано «дешевый товар». Люди размахивают листами бумаги с надписью: «Мы хотим вернуть приобретенный товар». Естественно, они желают возмещения за причиненный ущерб. Толпа движется к домику с вывеской «заводская дирекция». Напротив толпы в правом углу картины мы видим перепуганного директора, который вылезает из окна, собираясь бежать. Надпись под высмеивающей безответственных производителей низкокачественной продукции карикатурой в *Китайской молодежи* [Чжунго циннянь бао] гласит: «Бегство — лучший прием».

В шанхайской газете *Литературное собрание* [Вэньхуэй бао] за 26.06.1982 г. одна «иностранный карикатура» без точного указания изображает двух шахматистов. Но более всего бросается в глаза шахматная фигура, видимо король, в прыжке соскочившая с доски и большими скачками уносящаяся прочь. Оба игрока в замешательстве смотрят ей вслед. Тот же самый шарж появился в комиксе «Веселые рисунки со всего света» (Гуандун, 1982). В обоих случаях подпись следующая: «Бегство — лучшая из 36 стратагем». Я осведомился у издательства Diogenes Verlag (Цюрих) относительно оригинала. Оказалось, что это рисунок [известного во всем мире французского рисовальщика и карикатуриста Жан-Жака] Семпе (Sempré), появившийся в комиксе *Соня* («Der Morgenmensch». Цюрих, 1984 [на фр. яз. «De bon matin» (1983)]). «Ни во французском, ни в нашем издании нет подписи к этому рисунку, поскольку он и так красноречив», ответили мне 8.10.1986 г. из издательства. Примечательно стратагемное осознание китайцами этой карикатуры, получающей тем самым иной смысл. Даже на этом небольшом примере видна склонность китайцев воспринимать мир в стратагемном ключе. Пожалуй, можно сказать, что китайцы и европейцы при виде карикатуры Семпе думают об одном и том же, только китаец выражает словесно то, о чем европеец умалчивает.

36.4. Коту хватает одной хитрости, а вот лисе нет никакого проку от целой сотни искусств

«Случилось раз коту в лесу с госпожой лисой повстречаться. «Она умная и такая опытная, что ее все на свете уважают», — подумал кот и ласково к ней обратился: «Добрый день, милая госпожа лиса, как вам живется? Как справляетесь вы в наши трудные времена? Ведь дороговизна-то какая!» Посмотрела лиса надменно на кота, смерила его с ног до головы и помедлила, не зная, стоит ли ему и отвечать. Наконец она сказала: «Ах ты, несчастный Мурлыка, дурень ты этакий, голодный ты мышелов, что это тебе в голову пришло, что ты осмеливаешься еще спрашивать, как мне живется? Чему ты учился? Какие науки прошел?» «Я прошел только одну», — скромно ответил кот. «А какая же это наука? — спросила лиса. «Если за мной гонятся собаки, то я умею прыгнуть на дерево и спастись». «Это и все? — сказала лиса. — А вот я на целую сотню искусств мастерица, да, кроме того, у меня полный мешок хитростей. Мне тебя жаль, пойдём-ка вместе со мной, и я тебя научу, как лучше от собак убежать». А тут как раз на эту пору проходил охотник с четырьмя собаками. Кот быстро прыгнул на дерево и уселся на самой верхушке, а ветки и листья его укрыли. «Развяжите ваш мешок, госпожа лиса, развяжите мешок!» — крикнул ей кот, но собаки ее уже схватили и крепко держали в зубах. «Эх, госпожа лиса! — воскликнул кот. — Вот вы со своею сотней искусств и попались! А могли б вы взобраться, как я, на дерево, не пришлось бы вам с жизнью своей проститься» (Сказка «Лиса и кот»: Гримм Я., Гримм В. «Сказки». Пер. с нем. Г. Петникова. Минск, Белорусская Советская Энциклопедия, 1983). В этой сказке, как и в басне Лафонтена «Лисица и кот» (*Euvres complètes I*, [кн. IX, басня 14]. Париж, 1991, с. 372 [на рус. яз. Лафонтен, «Басни (Поли. собр.)»]. /

Под ред. А. Введенского. Т. 1—2. СПб, 1901 (репринт: М.: Алгоритм, 2000, басня 183, с. 390—392)), говорится, что бегство перевешивает все прочие сто хитростей — европейское подтверждение 36-й стратагемы!

36.5. У хитрого зайца всегда три норы

«Некий цисец, по имени Фэн Сюань⁴⁶⁶, по бедности не мог себя содержать и попросил доложить Мэнчан-цзюню, что хотел бы пойти к нему в нахлебники. «А что ему нравится?» — спросил Мэнчан-цзюнь. «Ничего не нравится», — ответил посланец. «А что он умеет?» — «Ничего не умеет». — «Ну, так уж и быть!» — сказал Мэнчан-цзюнь, рассмеявшись, и велел принять его в нахлебники. А приближенные Мэнчан-цзюня, посчитав, что господин их относится к Фэн Сюаню с презрением, стали кормить его грубой пищей. И вот однажды Фэн Сюань, прислонясь к колонне и аккомпанируя себе на собственном мече, запел: «Длинный мой меч, не вернуться ли нам? Рыбы мне здесь совсем не дают!» Приближенные доложили об этом Мэнчан-цзюню — и тот приказал: «Кормить его, как остальных моих нахлебников!» Прошло немного времени — и Фэн Сюань опять запел, аккомпанируя себе на мече: «Длинный мой меч, не вернуться ли нам? Выехать в город не на чем мне!» Приближенные рассмеялись и доложили Мэнчан-цзюню. «Дать ему колесницу, как всем моим конным нахлебникам!» — распорядился Мэнчан-цзюнь. И вот Фэн Сюань уселся в свою колесницу, высоко поднял меч и, приехав к другу, сказал ему: «Мэнчан-цзюнь взял меня к себе в нахлебники!» Прошло еще немного времени — и Фэн Сюань, аккомпанируя себе на рукоятке меча, опять запел: «Длинный мой меч, не вернуться ли нам? Нечем родню мне прокормить!» И тут уже приближенные вознегодовали, сочтя, что он жаден не в меру. «А что, у господина Фэна есть родные?» — спросил Мэнчан-цзюнь. «Есть старуха мать», — ответили ему. Мэнчан-цзюнь приказал дать ей пропитание — чтоб не знала нужды. И больше Фэн Сюань уже не пел. А вскоре Мэнчан-цзюнь повелел вывесить послание, в котором обращался к своим нахлебникам с вопросом: «Кто из вас силен в счетоводстве и сможет собрать для меня недоимки в моем уделе Се (на юге уезда Тэн нынешней провинции Шаньдун)?» «Я смогу», — сказал Фэн Сюань и поставил свою подпись. «Кто это?» — удивленно спросил Мэнчан-цзюнь. «Да тот самый, который все распевал: «Длинный мой меч, не вернуться ли нам?» — ответили приближенные. «А он ведь и вправду сможет! — сказал Мэнчан-цзюнь, рассмеявшись. — А я виноват перед ним — даже ни разу еще его не принял». И, пригласив к себе Фэн Сюаня, сказал, извиняясь: «Устал от дел, одурел от забот... К тому же еще вял и медлителен по природе — и по уши увяз в государственных делах. Оттого и проявил к вам непочтительность. И вы, не оскорбившись этим, хотите собрать для меня недоимки?» «Да, хочу», — сказал Фэн Сюань. И тут же заложил колесницу, уложил в нее долговые бирки, погрузил свои вещи и собрался в путь. А прощаясь, спросил: «Если соберу все долги сполна — чего вам на них купить?» «А вы сами посмотрите — чего еще не хватает в моем доме», — ответил Мэнчан-цзюнь.

Прискакав в Се, Фэн Сюань приказал местным чиновникам созвать всех должников — и чтобы каждый захватил с собой свою бирку. Когда же все бирки совпали, встал и, будто бы по приказанию свыше, простил народу его долги и бросил все бирки в огонь. «Да живет Мэнчан-цзюнь десять тысяч лет!» — воскликнул народ.

А Фэн Сюань, нигде не останавливаясь, на рассвете прискакал в Ци — и тут же попросил у Мэнчан-цзюня аудиенции. Тот, удивившись, что он так скоро обернулся, принял его в парадном одеянии и шапке и сразу же спросил: «Ну как, собрали все недоимки сполна? Почему так быстро?» «Все собрал сполна», — ответил Фэн Сюань. «И что же вы на них купили?» «Не вы ли мне сказали, чтоб я сам посмотрел, чего не хватает в вашем доме? — ответил Фэн Сюань. — Вот я и позволил себе принять в соображение, что дворцы ваши полны сокровищ, что собаки и кони заполняют даже дальние ваши конюшни, а красавицы теснятся даже в задних рядах. Единственное, чего вам не хватает, — это справедливости. Вот я и взял на себя смелость купить для вас справедливость».

«Что это значит — купить справедливость?» — спросил Мэнчан-цзюнь. «Вы владеете крохотным уделом Се, — сказал Фэн Сюань. — Однако обходитесь с его жителями не как подобает любящему отцу, но обираете их, как барышник. Вот я и позволил себе, будто бы по вашему приказанию, простить людям их долги и сжег их долговые бирки. И весь народ воскликнул: «Да живет Мэнчан-цзюнь десять тысяч лет!» Вот так я купил для вас справедливость». «Ну что же, — сказал Мэнчан-цзюнь с неудовольствием, — видно, уж так тому и быть!»

А через год циский царь сказал Мэнчан-цзюню: «Не смею больше почитать слуг покойного государя собственными слугами!» И Мэнчан-цзюнь отправился в свой удел Се. До города оставалась еще сотня ли — а уж весь народ, и стар и млад, вышел ему навстречу. И Мэнчан-цзюнь, оглянувшись на Фэн Сюаня, сказал:

⁴⁶⁶ У Сыма Цяня (т. 7, гл. 75) Фэн Сюань выведен под именем Фэн Хуань. — *Прим. пер.*

«Только теперь вижу — что вы для меня купили!»

«У хитрого зайца, — сказал Фэн Сюань, — всегда три норы: только так удастся ему избежать гибели. У вас же пока — всего одна, и вы еще не можете спать спокойно. Позвольте вырыть для вас еще две!»

Мэнчан-цзюнь дал ему пятьдесят колесниц и пятьсот цзиней золота, и Фэн Сюань отправился на запад — в Вэйское (Лянское) царство. «Царство Ци, — сказал он царю Хуэй-вану, — изгнало своего сановника Мэнчан-цзюня за пределы страны. Тот из государей, что примет его первым, разбогатеет и будет иметь сильную армию».

И вэйский царь поспешил освободить для Мэнчан-цзюня высший после себя пост в государстве, а прежнего первого министра поставил главнокомандующим. После чего направил к Мэнчан-цзюню посланца с тысячей цзиней золота и сотней колесниц — пригласить его на должность. Но Фэн Сюань его опередил, дабы остеречь Мэнчан-цзюня: «Тысяча цзиней — щедрый подарок, а сотня колесниц — почетный эскорт. И в Ци, надо думать, про это уже знают!»

Вэйский посланец трижды приезжал к Мэнчан-цзюню, но тот наотрез отказывался ехать. А циский царь и его приближенные, прослышав о том, перепугались. И царь послал к Мэнчан-цзюню великого наставника, дабы преподнести ему в дар тысячу цзиней золота, две четверки коней с расписными колесницами и меч для ношения на поясе. И еще направил запечатанное письмо с извинениями: «Не умею править, и предки ниспослали мне наказание: я окружен льстецами и угодниками и провинился перед вами. Не стою того, чтоб вы мне служили, и все же хотел бы просить вас взять на себя попечение над храмом моих предков, хотя бы на время вернуться в страну и взять на себя управление народом». А Фэн Сюань дал Мэнчан-цзюню совет: «Почему бы вам не попросить у царя утварь для жертвоприношений, что осталась от прежних государей, и не поставить этот храм в своем уделе Се?» Когда же храм был готов, явился к Мэнчан-цзюню и доложил ему: «Вот теперь у вас есть три норы: можете спать спокойно и со всеми удобствами!» После этого Мэнчан-цзюнь несколько десятков лет был в царстве Ци первым министром и не имел за это время никаких неприятностей. И все благодаря расчетам Фэн Сюаня!» [«Планы Сражающихся царств», раздел «Замыслы Ци», глава 4, рассказ 1: «Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая». Пер. В. Сухорукова. М.: Худ. лит., 1987, с. 311-314].

Три норы, оказавшиеся в распоряжении Мэнчан-цзюня, причем в случае утраты одной или даже двух у него все равно было где укрыться, представляли — по меньшей мере, воображаемую — возможность службы за пределами Ци, надежность, обеспеченную благорасположенностью населения, а позже устройством царского храма предков в уделе и полученным им местом первого министра в Ци. Как стратегическое, то есть предусматривающее будущее выражение «у хитрого зайца [всегда] три норы» («цзю ту сань ку») означает, что благоразумно постоянно иметь несколько убежищ или выходов, тем самым быть готовым в любую минуту прибегнуть к 36-й стратагеме, точно зная, куда можно бежать в случае опасности.

36.0. Жизненное кредо Ван Мэна

«В человеческих отношениях я руководствуюсь пословицей: «Верный путь обходится без искусства» («да дао у шу»). Мне хотелось бы естественно и непринужденно следовать верному пути, совершенно не заботясь о том, как сдюжить со своей «ловкостью» («цзишу») и «ухищрениями» в мышинной возне («цюаньшу») и проистекающих отсюда малых барышах и потерях. Мне хотелось бы познать «большую мудрость» («да чжи») и стать большим мудрецом и не ломать голову над всевозможными уловками, чтобы в итоге оказаться еще в худшем положении».

Так описывает писатель Ван Мэн (род. 1934, см. также 19-32, 26.13), в 1986—1989 гг. министр культуры Китайской Народной Республики, бывший член ЦК КПК, а с 2000 г. член Постоянной комиссии Народного политического консультативного совета Китая, свое отношение к миру и людям, изложенное им в 11 пунктах (*Душу [Книжное чтение]*. Пекин, № 2, 1995, с. 156).

Приведенный здесь 11-й пункт свидетельствует о позиции, отражающей на весьма высоком и принципиальном уровне содержание 36 стратагемы. Подобную позицию занимал чиновник минской поры (1368—1644), воспринимавший все взлеты и падения на своем поприще с таким же безучастием, как появление и исчезновение цветов в саду и облаков в небе, подчеркивая тем самым свою полную отрешенность. Его изречение с похвалой приводит *Рабочая газета [Гунжэнь Жибао]*, печатный орган Всекитайской федерации профсоюзов (Пекин, 6.02.1995, с. 5): «Милость либо немилость не беспокоят меня. Я взираю на них, как на цветение и увядание цветов в саду. Отставка либо сохранение места оставляют меня равнодушным. Ведь по своему произволу собираются и рассеиваются облака в небе!»

Речь идет о том, чтобы держаться в стороне от теневых сторон жизни и быть выше вещей, не быть слишком

падким до жалких побед, сторониться всякой ерунды, не воспринимать чересчур всерьез морок жизни, не цепляться за показное, не слишком дорожить преходящими вещами, не отдаваться им целиком, короче говоря, речь идет о позиции, именуемой итальянцами «desinvoltura», а французами «désinvolture»: естественной непринужденности, состояния безучастности. Представление о таком состоянии выражает китайская поговорка: «При ходьбе я ничего не ношу с собой. Усаживаясь, я ничего не ношу с собой. Ложась, я ничего не ношу с собой. До чего я свободен!» Всякий, обладающий подобным спокойствием, уже заранее вооружен стратагемой 36. Будучи свободным от воздействия мира, едва ли он окажется в положении, из которого придется убираться подобру-поздорову.

36.7. Зрелище прически

Сразу после появления 36-й стратагемы в китайской литературе над ней стали посмеиваться. Да и позднее ее удостаивали не только похвалы. Вот что писал мыслитель-реформатор и дипломат Хуан Цзуньсянь (1848—1905), 150-летие которого отмечали в Пекинском университете 29 мая 1998 г., в своем стихотворении «Скорблю о Пхеньяне» [«Бэй Пинчжан»]: «из 36 стратагем ни одна не сравнится с бегством». В этих строчках он порицает военачальника Е Чжичао (ум. 1901), неумелого главнокомандующего китайских войск в Корее, который в китайско-японскую войну в 1894 г., по мнению Хуан Цзуньсяня, преждевременно и без необходимости оставил Пхеньян и бежал от японцев. «В минуту опасности струсить/отступить» («линьвэй туйсо»), такие слова более подошли бы к поведению Е Чжичао, нежели выражение для стратагемы 36.

Санкциями вплоть до исключения грозят «решения дисциплинарной комиссии ЦК КПК в части мер против членов партии, преступающих нормы социалистической морали» (*Вэньхуэй бао*. Шанхай, 18.01.1990. с. 2), то есть тем партийцам, которые в случае угрозы для жизни и благосостояния народа и государственной собственности «скроются в минуту опасности». «Бегство от противоречий» («хуэйби маодунь») — еще одна распространенная позиция, официально осуждаемая Коммунистической партией Китая. Олицетворением подобной бесхарактерности служит Сюй Цзинхэн, слабовольный партийный работник из рассказа «Один день из жизни начальника энергетического управления» отмеченного многими наградами тянцзиньского писателя Цзян Цзылуна (род. 1941), члена партии с 1971 г. Когда наступает решающий момент, «Сюй Цзинхэн зажигает спичку, закуривает сигарету и начинает прикидывать. Он замечает, что стоит ему выложить задуманное, как ничего путного из этого не выходит. Похоже, здесь вполне уместно устраниваться, и уже вслух он произносит: «Не могу больше заниматься руководящей работой. Вот как можно выпутаться. Пойду к товарищу Юнь Тао, секретарю парткома нашего отдела, и скажусь больным».

В сунскую эпоху придворный евнух Тун Гуань (1054—1126) вместе с пятью другими видными сановниками, причисленный за свои злодеяния к «шести разбойникам» [«лю цзэй»], похвалился, что покорила империю [киданей] Ляо (916—1125, простиралась от нынешней провинции Хэйлуцзян до Монголии). Действительно, он целых двадцать лет возглавлял китайскую армию. В 1121 г. ему удалось подавить крестьянское восстание. Однако в походе против Ляо в 1122 г. он потерпел сокрушительное поражение. Тун Гуань и его приближенные спаслись бегством. Однажды в императорском дворце давали представление. Три выступавшие девицы обращали внимание подчеркнуто разными прическами. У первой волосы были высоко взбиты. Она сказала, что принадлежит к дому государственного советника [*тайшун*] Цай Цзина [1047—1126]. У второй с двух сторон мягко ниспадали собранные в узел волосы. Она сказала, что служит в доме бывшего первого министра [*тайцзай*] Чжэн Ся [1040—1119]. У третьей вся голова была в завитушках. Она сказала, что прислуживает главнокомандующему Тун Гуаню. У девушек спросили о причине столь различной укладки волос. Первая объяснила: «Мой господин ежедневно отправляется на прием к сыну Неба, поэтому величает мою прическу «Узел небесного стражника». Вторая девица сказала: «Мой господин уже на покое, поэтому называет мою прическу «узлом». Третья девица сказала: «Мой господин недавно воевал «^называет поэтому мою прическу «36 узлов». А известно, что «узел волос» по-китайски звучит так же, как слово «стратагема» («цзи»). Хотя сами знаки различны, но в разговоре звучат одинаково. Говоря «36 узлов», девица намекает на 36-ю стратагему «бегство — лучший прием». Очевидно, представление причесок, о котором сообщает поэт Чжоу Ми (1232—1298) [в своих «Росказах в 20 свитках» («Цидун е юй»)], было затеяно для скрытой насмешки над Тун Гуанем.

36.8. Не заплативший по счету

В 30-е гг. XII в. служил некий Цзэн Цзысюань в управе на западе столицы. Пэн Юаньцай со своим племянником и слугой пришел навестить его. «Они разговаривали о положении на границе. Юаньцай со всем жаром убеждал, что офицеры на границе негодны. Поэтому необходимо привлечь ученых мужей вроде него. «Такие слова пришлось по нраву Цзэн Цзысюаню, — вспоминал племянник Юаньцай и продолжал: — После беседы Юаньцай отправился со мной вниз по реке к храму Благополучия державы. Мы завернули туда, поели фруктов и выпили чаю. Все прошло замечательно. После трапезы Юаньцай повелел своему слуге Ян Чжао расплатиться. Но тот сказал, что забыл взять деньги. Как тут быть? На лице Юаньцай

отразилось крайнее замешательство. Я стал подтрунивать над ним: «Какую нынче военную хитрость ты преподнесешь?» Долго Юаньцай теребил бороду. Глядя на меня, он затем приблизился к задней двери и вышел, но с таким видом, будто [хочет справить нужду и] скоро вернется. Я последовал за ним. И тут он побежал, держа в одной руке шапку, а в другой — накидку. Похоже, он решил дать деру. Я закричал ему вслед, что за ним гонится его смиренный раб, а не хозяин. Я бежал за ним до храма Трех владык. Лишь там Юаньцай отважился оглянуться. Задыхаясь, он остановился. Его лицо было белым, как полотно. Он сказал: «Когда плеткой бьешь тигра по голове и теребишь ему подбородок, неминуемо окажешься в его пасти». Приводя такое сравнение, он, очевидно, имел в виду неоплаченный счет. Я опять пошутил: «А как твой поступок величать с точки зрения военного искусства?» Юаньцай ответил: «Из 36 стратагем лучшая — бегство».

Шутливо-стратагемная история иронизирует по поводу тех интеллектуалов, которые, как указано в начале рассказа, хоть отзываются надменно о якобы неспособных военных, но сами пользуются военным искусством на сугубо гражданском поприще. Сам рассказ приводится в «Ночных разговорах в холодном кабинете» [«Лэн чжай е хуа»] буддийского монаха Хуэйхуна (1170—1228), племянника Пэн Юаньцая.

36.9. Отрезал себе бороду и бросил халат

В смутное время цинской империи (1644—1911) правительство находилось в полном замешательстве. Чтобы овладеть положением в восставшей провинции Сычуань, оно поначалу избрало в качестве посредника Цэнь Чуньсюаня (1861 — 1933). Будучи одно время губернатором Сычуани, он оставил по себе добрую память, строго соблюдая законы и непримиримо борясь с продажностью чиновников. Но вскоре военное руководство Сычуанью дополнительно было возложено на маньчжура Дуаньфана (1861 — 1911), который должен был ввести туда две армии из Хубэя и подавить восстание. Тем самым цинское правительство решило действовать согласно стратагеме «кнута и пряника». Перед отъездом в Сычуань Цэнь Чуньсюань послал умело составленную, сердечную, состоящую всего из 500—600 знаков телеграмму ко «Всей Сычуани». Он называл себя по имени и обращался к отцам и братьям «Шу» [так прозывалась жившая там издревле народность с богатой культурой], используя тем самым почитаемое древнее название Сычуани. Послание стало тотчас известно во всей Сычуани, сама собой прекратилась на пару дней осада [столицы] Чэнду, а во всей провинции восставшие были готовы отвести свои войска. Цэнь Чуньсюань знал, как уговорить народ, не отрекаясь от своей должности и преследуемой цели. Несколько сотен слов смогли заменить миллион солдат.

Го Можо (см. 32.7) в своих воспоминаниях о юности пишет, что прибудь Цэнь Чуньсюань в Сычуань, там все утихомирилось бы. Однако правительство избрало оказавшийся гибельным путь. Одновременно, с одной стороны, оно посылает Цэнь Чуньсюаня для успокоения Сычуани, а с другой, приказывает Дуаньфану безжалостно подавить восстание. Тем самым оно выказало свое нежелание возложить задачу на одного человека и таким образом — примененная против себя и потому обернувшаяся глупостью стратагема 19 — подорвала авторитет посредника.

Цэнь Чуньсюань успел дойти лишь до Ханькоу (провинция Хубэй). А вот Дуаньфан, показывая свою силу, во главе огромного войска вторгся в Сычуань. Перед тем как туда заявиться, он тоже отстучал телеграмму, представляющую полную противоположность посланию ко «Всей Сычуани» Цэнь Чуньсюаня. Телеграмма Дуаньфана была составлена по образцу официальной бумаги. Она содержала почти 10000 знаков и по содержанию полностью отличалась от телеграммы Цэня. Например, там постоянно говорилось «я, верховный комиссар» и «вы, жители Сычуани». Он ведет солдат, и если население не проявит благоразумия и осмелится перечить приказам властей, то он испепелит дотла провинцию Сычуань. Тем самым жителей Сычуани толкнули на самопожертвование. Волнения в Сычуани стали шириться. 10.10.1911 г. разразилось восстание в Ухани (провинция Хубэй). Об этом событии ныне в Тайване (2000) напоминает «торжество двух десятков», посвященное празднованию падения Китайской империи и рождения Китайской Республики. Одна шанхайская газета в ту пору поместила карикатуру на Цэнь Чуньсюаня с надписью «Государственный советник Цэнь отрезает бороду и снимает халат».

Цэнь после назначения его, посредником так и не прибыл в Сычуань, поскольку не были ясны его полномочия, и выжидал в Ханькоу, где столкнулся с восстанием революционной армии. Ему ничего не оставалось, как бежать подобно — как пишет Го Можо — Цао Цао в пекинской опере «Битва за Юаньчэн» [«Чжань Юаньчэн»]. В этой опере замешанный в любовной истории Цао Цао вынужден бежать в женском платье. Цэнь Чуньсюань добрался до Шанхая, в чем ему помогла стратагема 36. Совершенно иначе повел себя Дуаньфан. Он решил силой, с помощью солдат навести в Сычуани порядок. Когда он достиг Чунцина, путь назад оказался отрезан. В этом городе, оплоте революционеров, началось брожение в его войсках. Был бы он, пишет Го Можо, сообразительным, как Цэнь Чуньсюань, — «обрезал бы бороду», сменил бы платье и бежал в одиночку — наверняка смог бы спасти свою шкуру. «Но он не обладал достаточной иронией», — поясняет Го Можо, увязывая здесь иронию со стратагемами. В немецком языке «шутка» порой тоже

означает «хитрость». Дуаньфан и бежал, но вместе со своим войском и на Запад. Когда он прибыл в Цзычжоу, Чунцин и Чэнду уже провозгласили свою независимость. И теперь он походил на «мечущуюся на раскаленной сковороде душу» (Го Можо) и в итоге был убит собственными солдатами.

36.10. Игра согласно партитуре стратагемы 36

Выражение для стратагемы 36 прижилось в японском, корейском и вьетнамском языках. Подобное преодоление границ Китая не удалось выражению ни одной другой стратагемы.

Если бы выражение для стратагемы 36 не получило столь широкого распространения в самом Китае, она не имела бы такого международного отклика. Китайцы то и дело пользуются популярностью выражения стратагемы 36, переделывая ее на тот или иной лад. При этом они заменяют «бегство» другими словами. Хотя остальное содержание не меняется, само выражение теряет свое стратагемное звучание, доходчиво объясняя, что дело, которое выражает заменяющее «бегство» слово, крайне важно. «Из 36 стратагем самая лучшая «оживление», говорится, например, в *Рабочей газете* ([*Гунжэнь жибао*] Пекин, 2.11.1979, с. 2) в отношении китайской экономики, которая сразу после окончания «культурной революции» (1966—1976) находилась в упадке. По поводу «ничего неделания», «пустозвонства», «чрезмерных заседаний» и т. д. глава Гуанси-Чжуанского автономного района на совещании ответственных правительственных чиновников высказал следующее, состоящее из восьми знаков пожелание: «Из 36 стратагем самая лучшая — работа» (*Жэньминь жибао*. Пекин, 24.02.1992, с. 4). И даже Мао Цзэдун переименовал на свой лад выражение стратагемы 36. «Ведь мы все китайцы. Из 36 стратагем самая лучшая — согласие», — заключил он в октябре 1958 г. свое обращение к враждебному Тайваню [«Обращение Министерства обороны КНР к соотечественникам из Тайваня» от 6 октября 1958] («Популярное чтение» [(«Дачжун юэду»), воскресный] номер *Литературной газеты* [*Вэньсюэ бао*]. Шанхай, № 6, 21.03.1996, с. 6).

36.11. Прыжок в последнюю минуту

В футбольном клубе *Барселона* желали видеть в воротах Ви-тора Байю, вратаря португальской сборной. Однако выдвинутые им требования оплаты были слишком высокими. И тогда испанцы предпочли голкипера немецкой сборной Андреаса Кепке и подписали с ним соответствующее соглашение. Кепке уже считал себя вратарем *Барселоны*.

Но тут спешно вмешался президент команды *Порто*, где играл Байя. Оказывается, через год Байя покидает *Порто* без всякой компенсации. К тому времени ему уже была найдена замена. И тогда *Барселона* быстро сумела договориться с *Порто* и Байей. В последнюю минуту 5 июля 1996 г. каталонцы отказали в соответствии с пунктом контракта Андреасу Кепке, которого просто использовали как козырную карту в переговорах с Байей.

Андреас Кепке, которому были неведомы тайны скрывающейся за оговоренным в контракте пункте стратагемой 36, воспринял происшедшее с ним так: «Я просто огорошен... до сих пор не могу прийти в себя» (*Бильд*. Гамбург, 6.07.1996, с. 8).

36.12. Убежать с равнины на холмы

В деловой жизни бегство может заключать в себе исключительно положительное содержание, открывая новые возможности для маневра.

Так, если на рынке *A* сбыт собственной продукции достиг своего предела или стал падать, не покидая рынок *L*, можно перенести центр тяжести в своей деятельности на рынок *B* и достичь там ошеломляющего сбыта. Образно говоря, убегаем с рынка *A* и завоевываем новый рынок *B*. Весьма успешное открытие филиала «Макдоналдса» на южном конце центральной пекинской улицы Ванфуцзин исследователь стратагем Юй Сюэбинь объясняет с точки зрения стратагемы 36. Он приводит пословицу «Хочешь разбогатеть, ступай в мир» («сян фацай, цзоучулай»), ибо «диковинка — всегда драгоценность» («у и си вэй гуй»). Подобно тому, как Макдоналдс своими закусочными, бывшими в новинку для Китая, смог существенно поправить свои дела, застопорившиеся в США, так и китайцы на китайских ресторанах зачастую зарабатывают больше на Западе, чем в самом Китае.

Другой вариант коммерческого бегства состоит в своевременном отклике на запросы рынка и отказе от пока еще востребованного, но выходящего в недалеком будущем из употребления товара и замене его на новый. Так, один завод в городе Цинхуандао (провинция Хэбэй) до 1988 г. производил пользовавшееся большим спросом пивоваренное оборудование, но затем, после изучения состояния рынка, выяснилось, что время бурного роста пивоваренных предприятий в Китае подходит к концу. И тогда завод отказался от хорошо

налаженного производства пивоваренного оборудования, заказав за границей самую передовую технологию по производству установок по переработке табака. Завод полностью переключился на этот новый товар, сменив даже название. В отличие от производителей пивоваренного оборудования «Завод по производству табачного оборудования» не потерял никаких убытков.

36.13. О философии бегства

Понятие «недеяние» («у вэй») из *Дао дэ цзин* Лао-Цзы питает стратегию 36, как и правило: «просвещенный и мудрый оберегают свою жизнь» («минчжэ баошэнь»), что, впрочем, истолковывается и в отрицательном смысле: «забота о собственной шкуре». Гадательная книга трехтысячелетней давности *И цзин* тоже в некотором смысле является крестницей стратегии 36, ведь 33-я гексаграмма [«Дунь»] имеет значение «бегство» и советует вопрошающему не упускать различные возможности отхода, в том числе перед лицом врага.

«Когда Поднебесная следует [должным] Путем, проявляйте себя. Когда Поднебесная не следует [должным] Путем, скрывайтесь», — говорится в «Лунь юй» (8.13), важнейшем конфуцианском сочинении. Оставить службу и покинуть двор чиновнику, трижды увещавшему своего правителя о несправедном поведении, если тот не внял ему, советуют конфуцианские *Записки о правилах благопристойности* («Ли цзи», (под)гл. 2 «Разнообразные правила благопристойного поведения»⁴⁶⁷ («Цюй ли», III. вв. до н. э.).

Еще донныне встречающийся в обиходе в качестве устойчивого оборота совет, близкий по содержанию к выражению стратегии 36, упоминается в *Цзо чжуань* (ок. V в. до н. э.): «Когда видишь непреодолимые трудности, отступай» («чжи нань эр туй») [«Комментарий Цзо [на Весны и Осени]», 28-й год [луского] Сигуна (632 до н. э.)]. «Если он [противник] полон сил, не нападай на него» [«Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 163], — внушает 7-я гл. *Сунь-цзы*, а в 3-й гл. говорится: «Если же силы равны, сумей с ним [противником] сразиться; если сил меньше, сумей оборониться от него; если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него. Поэтому упорствующие с малыми силами делают пленниками сильного противника» [там же, с. 130]. Подобный взгляд разделяет и Мэн Кэ (ок. 372—289): «Малый, безусловно, не может противостоять большому; один, безусловно, не может противостоять многим; слабый, безусловно, не может противостоять сильному» [«Мэн-цзы», 1.1.7: в русском пер. В. Колоколова с. 25]. «Когда победы нет, надлежит быстро уходить», — вторит военный трактат *У-цзы*, приписываемый У Ци (ум. 381 до н. э.), но в окончательном виде устоялся лишь во второй половине XI в. [«У-цзы», V.3.4 «Об изменениях» («Ин бьянь»): там же, пер. Н. Конрада, с. 235]. Немного иначе эта мысль выражена в сочинении *Хуайнань-цзы* II в. до н. э. (см. 19.3): «Если пуст [в значении «слаб» по отношению к неприятелю], беги» («суй цэ цзоу»); «Хуайнань-цзы», 14 гл. «Толкование к речам» («Цюань янь»)]. Ту же мысль уточняет военный трактат «Сто примеров воинского искусства» [Лю Цзи (1311—1375)], старейшее издание которого относится к концу XV — началу XVI вв.: «Когда неприятельское войско многочисленно, а собственное слабо, занимаемая позиция неблагоприятна и нет силы для отпора, нужно быстро отходить, чтобы избежать столкновения. Так можно сберечь свое войско» [60-й пример «Отступление на войне» («Туй чжань»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Аст-рель, 2002, с. 383].

36.14. Приходят подобно ветру, а уходят словно молния

«Бежать» или «не бежать», порой бывает трудно решить. Не бежать, хотя и нужно убираться восвояси, бежать, хотя и нужно остаться, — оба решения чреваты опасностью. Так что пресловутое «бегство» предстает не просто стратегией, а настоящим искусством. И чтобы овладеть им, уместно привести некоторые соображения скорее технического свойства. Существуют различные виды бегства, как-то:

1) показное или тайное бегство. Порой врага намеренно оповещают о бегстве, иногда даже трезвонят об этом повсюду, побуждая таким образом неприятеля принимать меры, которые предполагают использовать для своей выгоды. Тайное бегство тоже иногда требует соответствующего отвлекающего маневра, но всегда — быстроты и скрытности, ибо стараются избежать вражеского преследования или помешать ему;

2) истинное и притворное бегство: истинное бегство имеет целью сохранение собственных сил, для чего необходимо выйти из зоны досягаемости противника. Притворное бегство, напротив, представляет разновидность наступления либо подготавливает последующий натиск;

⁴⁶⁷ Такое условное название состоящей из двух (под)глав главе дает Ирина Кейдун (Амурский гос. ун-т), чей перевод 1-й (под)главы помещен в журнале «Религиоведение». М., Благовещенск, № 1, 2001. — *Прим. пер.*

3) скорое и размеренное бегство: поспешно бегут, когда противник неожиданно дает такую возможность или поначалу не замечает бегства либо замечает с запозданием и уже не в состоянии что-либо предпринять. «На войне важна скорость. Приходят подобно ветру, а уходят словно молния. И тогда врагу вас не обуздать», замечает живший в суньскую эпоху (960—1279) Чжан Юй в своем комментарии к тому месту «Сунь-цзы», где советуется быстрота отступления (гл. 6.5). При размеренном бегстве немного отойдут назад и осматриваются, и если все в порядке, вновь немного отступают и т. д. При такого рода бегстве стремятся своевременно выявить и предотвратить возможную угрозу;

4) раннее и позднее бегство: раннее бегство происходит при неблагоприятных знаменьях тогда, когда положение вполне сносно. Преимущество раннего бегства состоит в том, что вы еще основательно не увязли. Поэтому можно сравнительно благополучно избежать опасности и свести потери к минимуму. Конечно, раннее предвидение несчастья должно оказаться действительным, иначе вы упускаете случай одержать победу. Позднее бегство говорит о недюжинном мужестве. На бегство решаются лишь в последний миг, когда хоть малейшие виды на успех в непримиримом противостоянии отсутствуют. В таком случае не упустят ни одной благоприятной возможности для сражения, однако чем дольше оттягивают бегство, тем оно рискованней и может не удался;

5) дальнее и ближнее бегство: в первом случае уходят от противника на безопасное расстояние, когда не рассчитывают в скором времени иметь с ним дело. Во втором случае выводят свои силы лишь из-под непосредственного удара неприятеля, готовясь, как правило, к новым военным действиям. Такого рода отступление, когда вы по-прежнему находитесь вблизи неприятеля, не обеспечивает достаточной безопасности.

К бегству следует прибегать не слепо, а руководствуясь основательной оценкой положения, когда на основе объективных факторов (соотношение сил, положение на фронте, возможный ход развития и т. д.) бегство оказывается наилучшим выходом. Далее решают, какой из перечисленных выше видов бегства наиболее уместен. Для подобной оценки требуется трезвый ум и хладнокровие. Подробности бегства (вроде цели, пути следования и места назначения) нужно хранить в тайне от врага.

Стратегема 36 «представляет собой стратегию расширительного толкования» (Юй Сюэбинь). Выражение для стратегемы 36 содержит лишь призыв к бегству, но не дает никаких четких указаний на этот счет. В зависимости от обстоятельств данной цели служат другие стратегемы, например 1, 11, 21 и т. д. Что касается стратегемы 21, то она по существу связана с тактическим выходом из внезапного бедственного положения. В отношении же стратегемы 36 китайцы приводят, скажем, случай легендарного марша 1934—1936 гг. протяженностью в 10 тыс. км с юга Китая в Яньань (провинция Шэньси), когда постоянно теснимая вражескими войсками Красная армия, неся огромные потери — из 86 тысяч до цели добрались лишь 4 тысячи человек (*Новая цюрихская газета*, 14.09.1999, с. 65), — «пересекла 11 провинций, преодолела 18 горных вершин, среди которых пять покрывали вечные снега, и 34 реки» (*Китайская молодежь*. Пекин, 26.06.1995, с. 2).

Стратегема 36 охватывает разыгрываемое и настоящее, совершаемое совершенно открыто бегство. Стратегема 21, напротив, совершается всегда скрытно и неизменно сопряжена с действительным бегством. В стратегеме 36 заключены всевозможные, связанные с отступлением стратегемы, тогда как стратегема 21 ограничивается одним вариантом из многочисленных конкретных разновидностей исполнения стратегемы 36.

При осуществлении стратегемы 36 используются прорехи и слабости в расположении противника. Настоящего вооруженного столкновения в ходе отступления следует по возможности избегать, однако может случиться, что бегство потребует жертв и будет сопряжено с потерями. Сохранением в тайне собственных действий, выбором обходных путей, устройством засад и т. д. необходимо помешать преследованию, ибо только так и достигается цель бегства — отрыв от врага.

Что же касается мер, препятствующих проведению противником стратегемы 36, здесь можно посоветовать стратегемы 21 и 22. Преследуя убегающего противника, ни в коем случае нельзя просто бессмысленно следовать за ним, а надо изыскивать пути и средства, как обойти его и отрезать ему путь. Иначе вам угрожает опасность угодить в засаду или на заранее подготовленные вражеские позиции. Можно также громогласно объявить о прекращении погони, чтобы усыпить бдительность врага, а затем внезапно напасть на него и победить (см. стратегию 6).

36.15. Кто умней, тот должен уступить

Стратегемы можно разбить на две группы: стратегемы, используемые в положении сильнейшей стороны, и стратегемы, используемые в положении слабейшей стороны. В списке 36 стратегем среди первых 18

стратагем в преимуществе находятся стратагемы, используемые в положении сильнейшей стороны, например стратагема 4, тогда как среди стратагем 19—36 преобладают используемые в положении слабой стороны (см., например, 21, 32, 34). Сюда со всей очевидностью относится и стратагема 36, к которой прибегают в совершенно безнадежном положении, но иногда используют и в уничижительном смысле, чтобы жалким способом избежать тяжелого или неприятного положения либо ответственности. В китайском языке тогда вместо выражения для стратагемы 36 может использоваться оборот «бегством уладить дело» («и цзоу ляо чжи»).

«Бегство — лучший прием», прежде всего по сравнению с прочими стратагемами, которые уже не в состоянии помочь, но и в сравнении с прочими возможностями выбора, имеющимися в случае превосходящих сил противника: борьба до последнего, сдача и заключение мира. Борьба до последнего означает жертвование жизнью, сдача — полный проигрыш войны, а заключение мира — что война проиграна наполовину. Тут бегство оказывается наилучшим выходом. Сохраняются собственные силы и даже возможность одержать позднее победу. Так, например, по словам Лю Бана (256 или 247—195 гг. до н. э.), основателя самой долговечной императорской династии в Китае Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), его конечная победа стала следствием многократных отказов от обременительных военных походов — иными словами, его частого бегства от них.

Само по себе бегство предстает весьма простым, бесхитростным делом, так как, в отличие от стратагемы 21, при использовании стратагемы 36 бегство не требуется скрывать. Стратагемным, с китайской точки зрения, является не сам ход бегства, а ловкое, своевременное, обдуманное решение оставить поле боя, осторожная подготовка пути отхода совершением наступления и, вообще, обеспечение самой возможности бегства.

«Существует необозримое море дельной литературы о наступательной войне, о позиционной войне, об обороне, а вот теории отступления нет и в помине, однако отступление есть «действие, возвращающее вам свободу, которой лишили себя вы сами или лишил вас противник», — эти слова произносит в романе австрийского эссеиста и журналиста Херберта Айзенрайха (Eisenreich, род. 1925) старый генерал Тринка во время беспорядочного отступления немецкой армии на востоке в ходе Второй мировой войны (Антон Кретли (Krättli). «Мужество отступить: отрывок из романа Херберта Айзенрайха *Время испытаний* («Die abgelegte Zeit»). *Новая цюрихская газета*, 27.12.1985, с. 31). Старый европейский генерал действительно мог так сказать по незнанию им насчитывающей не одну тысячу лет китайской военной теории. В Китае утверждение генерала, что «надо быть готовым нести крест побежденного, надо смыть с отступления позорное клеймо поражения», не вызвало бы удивления. Так, например, основываясь на древнем китайском военном опыте, Мао Цзэдун в декабре 1936 г. в 5-й главе «Стратегическая оборона», параграф «Стратегическое отступление» своей работы «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» писал: «Стратегическое отступление — это планомерное стратегическое мероприятие, к которому прибегает менее сильная армия при наступлении превосходящих сил противника, учитывая, что она не может немедленно разгромить наступающего и, стремясь сохранить свою живую силу, дожидаться удобного момента для разгрома противника... Отступление потому и необходимо, что, не отступив перед лицом наступающего мощного противника, неизбежно поставишь под угрозу самое существование своей армии» (Мао Цзэдун. *Избранные произведения*, т. 1. Пекин, 1967, с. 268). Впрочем, и немецкому языку известно крылатое выражение «кто умней, тот должен уступить», отдаленно напоминающее стратагему 36.

Стратагема 36 не имеет ничего общего с эскапизмом, т. е. «[невротическим] поведением, когда перед лицом действительности и ее требований предаются [бредовым] иллюзиям или [осознанно] удовольствиям» (*Дуден. Большой словарь немецкого языка*, т. 2. Маннгей. М., 1976, с. 755). Стратагема 36 служит иным целям, например таким:

1) самосохранение вместо саморазрушения. Следует отступить от непреодолимого препятствия. Если чего-то не удастся добиться, нужно как можно быстрее оставить это дело и не терять на него более ни времени, ни сил. Трудность, перед которой надо отступить, должна быть такой, что вы не в состоянии ее преодолеть. Правильно понятая стратагема 36 вовсе не советует бежать всяких трудностей, она не одобряет шкурничества, ханжества или трусости. Просто не следует пытаться яйцами разбивать камни и безрассудно, рассчитывая на авось, выходить на арену. Если собственные силы слабы, надо не рисковать ими, а поберечь их;

2) защита от наказания. Так, в романе *Речные заводи* (написанном около 1330 г.) учителя фехтования, состоявшего при дворцовых войсках, Ван Цзиня, несправедливо отругал и пригрозил наказать палочными ударами новый начальник дворцовой стражи (*тайвэй*) Гао Цю [прежде звавшийся Гао-эр. Имя Гао Цю (Гао-мяч) он получил за искусное владение мячом]. «В большой печали вернулся Ван Цинь домой и рассказал матери о происшедшем. Обхватив голову руками, оба они заплакали. Потом мать сказала: «Сын мой, известно, что существует тридцать шесть выходов из любого положения. Сейчас лучше всего бежать. Опасаюсь только, что не найдется места, где бы ты мог скрыться» [*Речные заводи*], гл. 1: *Ши Найань*.

Речные заводы, т. 1. Пер. с кит. А. Рогачева. М.: Гослитиздат, 1959]. В ту же ночь мать с сыном собрали свой скарб и покинули город после того, как Ван Цзиню удалось отослать якобы по религиозной надобности оставленных его караулить двух стражников. В историческом романе «Хун Сюцюань» [«Хун Сюцюань яньи», 1911] цинского писателя Хуан Сяопэя (1873—1913) один юноша из предместья Гуанчжоу (провинция Гуандун), имея в виду двух бестолковых провинциальных правителей, пишет листовки со словами «неудавшиеся сыновья, неудавшиеся мужья» и развешивает их по всему городу. Его хотят арестовать, и тогда юноша отправляется за советом к знакомому, который говорит ему: «Бегство — лучшая из 36 стратагем» (см. также 19.34);

3) отступление во имя будущей победы. Отходят не из-за слабости, а выманивая противника из укрытия, чтобы побудить его к выгодным для нас действиям. На войне посредством мнимого бегства можно, например, «завлечь неприятеля внутрь [собственных владений]» («инь ди шэнь жу»), где ему уготована засада, или же можно побудить его ослабить собственные силы, когда часть своих войск он отправит преследовать «убегающего» противника, после чего атаковать и разгромить поодиночке теперь уже уступающие вам в отдельности обе вражеские части. Не следует сбрасывать со счетов и психологическое воздействие мнимого бегства на врага. На радостях он утратит бдительность, возможно, даже возгордится, так что станет достаточно легкой добычей при внезапном нападении на него;

4) отход в урочный час. Нужно выходить из дела вовремя, когда все идет наилучшим образом. Тем самым мы избегаем возможных напастей и сохраняем свое доброе имя. Подобное использование стратагемы 36 основывается на представлении о том, что все сущее после достижения высшей своей точки неизменно начинает двигаться к низшей точке (см. также 27.25). Подобно тому, как из полного корыта после попадания всего лишь одной капли вода переливается через край, так и успех из-за ненасытной погони за все новыми достижениями прекращается. От сияющего бокала остаются лишь осколки, вместо благоухающих цветов в людской памяти остается высохший букет. Уход, если ты находишься в зените успеха, требует мужества и решимости, и не в последнюю очередь — изрядную толику хитрости.

Осуществить эту разновидность стратагемы 36, по мнению Юй Сюэбиня, удалось тренеру Андерсу Тунстрёму (Thunström), в 1990—1993 г. приведшему шведскую команду по настольному теннису подряд девять раз к победе. В 1991 г. его мужская команда завоевала все титулы на чемпионате мира. В 1992 г. Ян-Ове Вальднер (Waldner) стал олимпийским чемпионом в одиночном разряде. Однако 11.11.1992 г. блестящий тренер вдруг заявляет, что после чемпионата мира в мае 1993 г. уходит от дел. Шведский союз настольного тенниса просит его остаться, но тот объяснил, что чувствует, как ему становится тяжело и самого себя и своих подопечных побуждать к новым блистательным победам. Поэтому он уверен, что настало время обновить шведскую команду и заменить тренера;

5) обход некоего вопроса. Многие политики являются знатоками стратагемы 36, а стало быть, искусства уверток и оставления лазеек. На неприятные вопросы они не удосуживаются отвечать, а предпочитают ходить вокруг да около, переводя разговор в иное русло. Вот как выразился один немецкий политик в отношении своего собрата: «Легче холодец приколотить к стене, нежели удержать [этого политика] на одной позиции» (*Бильд*. Гамбург, 3.03.1998, с. 2).

Некоторые ученые излагают свои мысли крайне путано. Зачастую не понимаешь, что за ними стоит и стоит ли что-нибудь вообще. Никто не может сказать, что это бессмыслица, поскольку просто невозможно оттуда выловить сколько-нибудь однозначный смысл. Тот, кто пишет или говорит непонятно, всегда может пойти на попятную и тем самым воспользоваться стратагемой 36 (см. также 20.20, 20.21, 29.25);

6) разоружение противника. При внесении предложения, заключая его такой оговоркой: «В случае, если наши мысли встретят возражения, мы не собираемся вступать в борьбу за них», открывается возможность еще до начала борьбы стать недосыгаемыми для нападков;

7) подача знака противнику. Если он делает шаг вперед, вы отходите на шаг, тем самым предупреждая его. Если он вновь делает шаг вперед, вы опять отступаете на шаг, вновь предупреждая его. Подобный отход заставит противника задуматься над происходящим. И здесь открываются две возможности. В первом случае противник принимает отход вовсе не как признак слабости и начинает проявлять осторожность. Во втором случае противник воспринимает отход как возможность решительных действий, возможность загнать своего соперника в угол. И тогда он нарывается на ответный удар. Подобным образом китайский премьер-министр Чжоу Эньлай 24.04.1963 г. характеризовал одну из «четырех идей», которыми китайцы руководствуются во внешних сношениях. В этом смысле советуют использовать стратагему 36 в качестве воспитательной меры: вместо того чтобы обрушиваться с увещаниями на молодежь, зачастую воспитательно выгодней сдержаться и воздействовать — что, пожалуй, значительно больше западет в душу — бессловесным внушением (Чэн Фанпин. «Учитель и «Книги различных разделов». *Гуанмин жибао*. Пекин, 17.02.1994, с. 3);

8) избегание бесполезной траты времени. В романе начала цинской эпохи «Брачные узы, мир пробуждающие» [«Син ши инь юань чжуань»]⁴⁶⁸ (гл. 50) господин Ди Сичэнь навещает госпожу Сунь Ланьци, собираясь завести с хозяйкой шуры-муры. Но застаёт там Цинь Цзиньюя, мужа госпожи Сунь, который приглашает его отобедать. Но не на это рассчитывал господин Ди. Он прикинул, что не предвидится случая остаться наедине с хозяйкой. «Почему бы не прибегнуть к 36-й стратагеме, тянуть здесь, видать, незачем», — подумал он и, отказавшись от приглашения, встал и ушел.

«Извините меня, договорим как-нибудь в следующий раз» — такова «общепринятая спасительная отговорка на совещаниях, позволяющая отделаться он вынужденного разговора» (Изо Камартин. «Съезд». *Новая цюрихская газета*, 6.06.1995, с. 43);

9) сохранение безмятежного существования (см. также 36.6). Странятся всяких столкновений и не вмешиваются ни в какие споры. Тем самым вас не в чем упрекнуть, и вы остаетесь незапятнанными. Но тут необходимо следить, как бы стратагема бегства не обернулась глупостью: «Коль умные уступают, то миром правят олухи» (см. «Современная немецкая разговорная лексика» («Neudeutsche Sprüche»), собранная Зигфридом Рёде-ром (Röder): *Sprachspiegel*. Базель, № 6, 1998, с. 269). Порой правило «предвидя трудности, отступить» стоит переиначить в «предвидя трудности, наступать» («чжи нань эр цзинь») (см. название статьи *в Жэньминь жибао*. Пекин, 17.12.1998, с. 7). Либо беззастенчиво спасать свою жизнь, к чему призывает звучавшая в 1937—1945 гг. и направленная против гоминьдановского правительства ратующая за дезертирство народная песня под названием «Из 36 стратагем наилучшая — бегство» (*Сборники китайских народных песен*, т. 2, ч. 2. Пекин, 1959, с. 186 и след.).

«Не потерпеть ни одного поражения уже означает победу» или «избежав поражения, достигают победы» — таковы правила, составляющие духовную основу стратагемы 36. Своими истоками они восходят к *Сунь-цзы* [4.6], где говорится: «Тот, кто искусен в военном деле, занимает такую позицию, которая делает невозможным его поражение, а потом не упускает случая нанести поражение неприятелю» [«Сунь-цзы», 4.6 «Диспозиции» («Син»): «Китайская военная стратегия». Пер. с кит. В. Малявина. М.: Астрель, 2002, с. 135].

Чтобы застраховать себя от поражения, необходимо создание соответствующих предпосылок. Прежде всего требуется обеспечивающая самозащиту основа, а именно в политическом, экономическом и военном отношении, куда должны входить вооруженные силы, вооружение, снабжение, хорошее психологическое состояние и иные факторы. Далее, требуется гибкое стратегически-тактическое мышление, допускающее возможность уступок и избегающее как любой недооценки противника, так и слепого безрассудства. По возможности быть хозяином при переходе от наступления к обороне и от обороны к наступлению и стараться управлять противником, а не наоборот. Если положение вдруг станет неблагоприятным, следует немедленно прибегнуть к стратагеме 36. Или, как писал Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832):

Хитроумный отход, мнимое бегство —

Оружие от ревности,

Более могущественное, нежели пика и булат.

Не стыдитесь даже обмана.

Действуя тихой сапой,

Вы обольстите соперника.

Каталог 36 стратагем

Стратагемы имеются во всем мире. Но по богатству содержания ничего подобного каталогу 36 стратагем, состоящему из 138 иероглифов, на Западе придумано не было. В этих 36 кратких формулировках китайцы собрали немалую часть своих тысячелетних наблюдений за способами выхода из всех мыслимых ситуаций и способами поведения с противником. Возможно, что у китайцев имеется еще не один арсенал с другими стратагемами.

⁴⁶⁸ Первоначальное название «Уродливые брачные узы» («Э инь юань»), автор Си Чжоушэн; возможно, за этим прозвищем скрывается знаменитый Пу Сунлин (1640—1715). — *Прим. пер.*

Изучение стратагем у европейцев, очевидно, развито слабее, чем у китайцев, несмотря на обоюдоострый совет Иисуса:

«Будьте кротки, как голуби, и мудры, как змии».

«Китайский народ, по-видимому, охотно примет лишь одну часть христианского учения, а именно требование Христа быть кроткими, как голуби, и мудрыми, как змии», — пишет известный китайский писатель и ученый Линь Юйтан (1895—1976). Так что китайцы нередко склоняются к тому, чтобы анализировать враждебное или непонятное поведение под углом зрения стратагем. Часто такая реакция может оказаться правильной. Но при контактах с иностранцами, которые незнакомы со стратагемной логикой, она может привести к непониманию. Возможно, здесь зарыт один из корней старого представления о «загадочном Китае».

Знание каталога 36 стратагем, из которых 18 полностью объяснены в этой книге, для западного человека может явиться ключом, который откроет ворота к китайскому стратагемному мышлению. При этом такое знание поможет также более гибко объяснять явления собственной культуры и образа жизни. В китайском искусстве стратагем поведение человека отражается с дурной стороны. Не проявляет ли здесь себя синология, над которой на Западе до сих пор посмеиваются как над экзотической наукой об орхидеях, в качестве выходящей за пределы Китая универсальной культурологии?

Такое обращение со стратагемами согласуется с высказыванием китайского мудреца Хун Цичэна:

«Обладать сердцем, вредящим людям, не следует, но от сердца, остерегающегося людей, трудно отказаться».

(«Цай гэнъ тань» — «Пословицы о диких кореньях», эпоха Мин)

Список 36 стратагем

36 стратагем, как они представлены в древнейшем трактате «Саньшилю цзи» («Мибэнь бинфа»)

Дополнения в квадратных скобках служат лучшему пониманию выраженных кратким языком (всего три-четыре знака) китайской письменности определений стратагем.

1. Обмануть императора, чтобы он переплыл море/Обманным путем [пригласив государя якобы в расположенный на берегу моря дом, в действительности бывший замаскированным кораблем,] вынудить императора пересечь море (Мань тянь го хай).
2. Осадить [незащищенную столицу царства] Вэй, чтобы спасти [подвергшееся нападению основных сил царства Вэй] царство Чжао (Вэй Вэй цзю Чжао).
3. Убить чужим ножом (Цзе гао ша жэнь)
4. В покое ждать, утомленного врага (И и гай лао)
5. Грабить во время пожара (Чэнь хо да цзе)
6. Поднять шум на востоке — напасть на западе (Шэн дун цзи си)
7. Извлечь нечто из ничего (У чжун шэн ю)
8. [Для вида чинить (сожженные) деревянные мостки (по дороге на Чэньцан), а самим] тайно выступить (обходным путем) в Чэньцан ([Мин сю чжань дао, ань ду чэнь цан])
9. С противоположного берега [с наигранной безучастностью] наблюдать за пожаром (Гэ ань гуань хо)
10. Скрывать за улыбкой кинжал (Сяо ли цан гао)
11. Сливовое дерево засыхает вместо персикового (Ли дай тао цзян)
12. Увести овцу, некой рукой (Шунь шоу цянъ ян).
13. Бить по траве, чтобы вспугнуть змею [и тем самым разведать, притаилась ли в траве змея/чтобы прогнать ее] (Да цао цзин шэ)

14. Позаимствовать труп, чтобы вернуть себе душу (Цзе ши хуань хунь)
15. Вынудить тигра покинуть гору (Дяо ху ли шань)
16. Если хочешь поймать, сначала отпусти (Юй цинь гу цзун)
17. Бросить кирпич, чтобы заполучить яшму (Пао чжуань инь юй)
18. Чтобы обезвредить разбойничью шайку, надо сначала поймать главаря (Цинь цзэй цинь ван)
19. Вытаскивать хворост из-под очага (Фу ди чоу синь) 20. Мутить воду, чтобы поймать рыбу (Хунь шуй мо юй)
21. Цикада сбрасывает золотой кокон (Цзинь чань то цяо)
22. Запереть ворота, чтобы схватить вора (Гуань мэнь чжо цзэй)
23. Дружить с дальним и воевать с ближним (Юань цзяо цзинь гун)
24. Потребовать прохода [через удел Юй], чтобы напасть на Го (Цзя ту фа Го)
25. Выкрасть балку и подменить колонны, не передвигая дома» (Тоу лян хуань чжу)
26. Грозить софоре (акации), указывая на тут (шелковицу) (Чжи сан ма хуай)
27. Притворяться глупцом, не теряя головы (Цзя чи бу дянь)
28. Заманить на крышу и убрать лестницу (Шан у чоу ти)
29. На [сухое] дерево украсить [искусственными] цветами (Шу шан кай хуа)
30. Пересадить гостя на место хозяина (Фань кэ вэй чжу)
31. Стратагема красавицы/красавца, подкупа (Мэй жэнь цзи)
32. Стратагема открытых городских ворот [на самом деле незащищенного города] (Кун чэн цзи)
33. Стратагема сеяния раздора (Фань цзянь цзи).
34. Стратагема нанесения [себе] увечья (Ку жоу цзи)
35. Стратагема цепи/Цепь уловов (Лянь хуань цзи)
36. [Своевременное] бегство [в безнадежном положении] — лучший выход (Цзоу вэй шан)

Указатель имен

А

Абача (Abacha) Сани (1943—1998), глава государства Нигерия с 1993

Авель (библ.)

Адорно (Adorno), Теодор Вильгельм (1903—69), немецкий философ, музыкальный критик, в соавторстве с Максом Хоркхаймером написал упоминаемую кн. «Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente» (1947, второе изд. 1969) (Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно, «Диалектика просвещения. Философские фрагменты». Пер. с нем. М. Кузнецова, М.-СПб: Медиум, Ювента, 1997)

Айзенрайх (Eisenreich), Херберт (род. 1925), австрийский прозаик («Голубой чертополох романтизма. Рассказы». М.: Прогресс, 1982)

Аквинский, Фома (1225 или 1226—1274), итальянский богослов

Акончио (Aconcio), Джакомо (латинское прозвание Acontius, Jacobus, около 1492 — около 1566), итальянский философ и правовед, один из первых проповедников веротерпимости, автор упоминаемого

трактата в восьми книгах «Satanae Stratagemata» (1564)

Алдеб (Aldeeb), Сами (род. 1949), швейцарский правовед (сравнительное изучение права) палестинского происхождения (выходец из христианской общины)

Александр I (1777—1825), русский царь с 1801

Александр VI (1431 — 1503, папа с 1492), римский первосвященник

Альбертини (Albertini), Рудольф фон (род. 1923), швейцарский историк, профессор всеобщей истории Нового времени Цюрихского университета в 1967—1987

Альенде (Allende), Сальвадор (1908—73), президент Чили в 1970—1973, убит во время военного переворота

Амвросий Медиоланский (339—397), один из отцов церкви

Амманн (Ammann), Людвиг, (род. 1961), литературный критик, исламовед

Андрич (Andriж, Андре), Зоран, сербский обозреватель белградского журнала «Нин»

Аннан (Annan), Кофи Атта (род. 1938), генеральный секретарь ООН с 1997, представитель Ганы

Антей (греч. миф.)

Аньчжун (около 1330—1400), автор исторического романа «Троецарствие» («Саньго яньи» — полное название «Популярное повествование по «Истории Трех царств» («Саньго чжи тунсу яньи») на рус. яз.: «Троецарствие», 2 тт. Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955)

Ао Тэн (Ao Teng)

Арбенц (Arbenz), Петер (род. 1937), первый председатель Федерального ведомства (Германия) по делам беженцев (1990—1993)

Арец (Aretz), Тильман, немецкий журналист и переводчик, сотрудник немецкой редакции основанного в 1988 тайваньского журнала *Freies China* (*Свободный Китай*, на рус. яз. выходит с 1994 г.), с 2000 г. именуемого *Тайвань сегодня* (на рус. яз. *Тайбейская панорама*)

Аристофан (около 445 — около 385 до н. э.), греческий комедиограф, автор упоминаемой комедии «Лисистрата» (*Аристофан*, Комедии, 2 тт. М.: Искусство, 1983)

Арндт (Arndt), Александр (1967—1993), фельдфебель медико-санитарной службы Бундесвера, погибший в Камбодже в составе миротворческих сил ООН

Арндт (Arndt), Эрнст Мориц (1769—1860), немецкий поэт, публицист, историк

Артаксеркс Лонгиман Долгорукий, правил в 465—424 до н. э. (Есф 1:1 — 2), персидский царь из династии Ахеменидов, вступивший на престол после того, как в результате придворного заговора был убит его отец — Ксеркс I, супруг Есфири

Архилох (2-я пол. VII в. до н. э.), древнегреческий поэт-лирик

Аттали (Attali), Жак (род. 1943), французский писатель и политолог, бывший советник президента Миттерана и первый президент Европейского банка реконструкции и развития

Афек (Aphék), Эдна (род. 1943), американская лингвистка

Ашдаун (Ashdown), Падди (полное имя Джереми Джон Дарем, род. 1941), лидер Либерально-демократической партии Великобритании

Ашшурбанипал (библ. Аснафар, Ездра 4:15), царь Ассирии в 669 — около 633 до н. э., воевал с Египтом, Эламом, Вавилонией, вошел в историю и как собиратель древних письменных памятников, библиотека Ашшурбанипала (около 30 000 тысяч «глиняных книг») найдена в 1849—1854 на месте Ниневии (холм Куянджик)

Б

Базиле (Basile), Джамбаттиста (1575—1632), итальянский поэт и писатель-сказочник («Сказка сказок, или Времяпрепровождение старушек» (*Lo cunto de li cunti overo Lo trattenemiento de peccerille*), издание 1634—1636, более известная в дальнейшем как «Пентамерон»)

Бай (или Бо) Ци (ум. 257 до н. э.), военачальник царства Цинь в эпоху Борющихся царств (см. его биографию в 73-й главе «Исторических записок» Сыма Цяня на рус. яз. в пер. Вяткина, т. 7. М.: Восточная литература РАН, 1996)

Бай Гуй, иначе Бо Гуй (375—290 до н. э.), уроженец Чжоу, прославившийся тем, что вел крайне умеренный образ жизни и посему скопил большое состояние, занимался делами «управления водами» (возводил плотины, рыл каналы), одно время был главным советником управителя владения Вэй (см. биографию у Сыма Цяня в 129-й главе «Ши цзи»)

Байя (Baia), Витор (род. 1969), вратарь португальской сборной по футболу образца 2002 года

Балладюр (Balladur), Эдуар (род. 1929), премьер-министр Франции с 1993 по 1995

Бальзак, Оноре де (1799—1855), французский писатель

Бальтеншпергер (Baltensperger), Эрнст (род. 1942), швейцарский экономист

Бань Гу (32—92), ханьский историк, ученый-конфуцианец, автор официальной хроники *Хань шу* («Книга Хань»)

Бань Чао (32—102), ханьский полководец

Бао Юйган (1918—1991), судовладелец из Гонконга

Барт (Barthes), Ролан (1915—1980), французский культуролог, автор упоминаемой книги «L'empire des signes» («Империя знаков»), рассказывающей о его впечатлениях от поездки в Японию. Издания на рус. яз.: «Избранные работы: Семиотика. Поэтика». М.: Прогресс, 1989; «S/Z». М.: Ad Marginem, 1994; «Мифологии». Пер. с фр., вступ. ст. и комм. С. Зенкина. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996; «Camera lucida. Комментарий к фотографии». Пер. с фр. и послесловие М. Рыклина. М.: Ad marginem, 1997; «Ролан Барт о Ролане Барте». Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Ad Marginem, Сталкер, 2002

Баум-Боденбендер (Baum-Bodenbender), Розель, немецкая богословка

Бауэр (Bauer), Вольфганг (1930—1996), немецкий синолог

Бауэр (Bauer), Франц, автор упоминаемой книги «Alt-Nürnberg. Sagen, Legenden und Geschichten erzählt und bebildert», 3-е изд. 1955

Бацли (Batzli), Стефан (род. 1964), швейцарский журналист

Бек (Beck), Альбрехт, глава экономического отдела немецкой газеты «Badische Zeitung»

Бек (Beck), Ульрих (род. 1944), крупный немецкий социолог, директор Социологического института Мюнхенского университета (на рус. яз.: статьи «От индустриального общества к обществу риска». Пер. с нем. А. Ковалева // *THESIS*, 1994, № 5, с. 161 — 168. «Космополитическая перспектива: социология второй эпохи модерна» // *Социологическое обозрение*, 2001, т. 1, № 1, с. 39—40. Книга «Общество риска. На пути к другому модерну». Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000)

Белинфанте (Belinfante), Юдит К. Э. (род. 1943), голландский историк, в 1978—1998 возглавляла Амстердамский еврейский музей, с 1998 депутат нижней палаты Генеральных Штатов (национальный парламент) от Рабочей партии

Бёлль, Генрих (1917—1985), немецкий писатель, Нобелевская премия по литературе 1972 года

Бендз (Bendz), Герхард, (1908—1985), шведский языковед и переводчик античной, греческой и римской литературы

Бентивольо (Bentivoglio), Джованни II (1443—1508), правитель Болоньи

Берг (Berg), Биргит, немецкая журналистка

Бергер (Berger), Клаус (род. 1940), немецкий библеист (специализируется на Новом Завете), профессор Гейдельбергского университета

Бергер (Berger), Питер Людвиг (род. 1929), американский социолог, культуролог и философ австрийского происхождения, один из ведущих представителей феноменологической социологии знания, директор Института экономической культуры Бостонского университета, автор упоминаемой здесь книги *Redeeming Laughter: The Comic Dimension of Human Experience* («Искушающий смех: комическая составляющая человеческого опыта», 1997; русскоязычные издания П. Бергера: «Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе». М.: Прогресс Универс, 1994; «Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания», совместно с Томасом Лукманом. М.: Моск. филос. Фонд, 1995; «Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива». Пер. с англ. под ред. Г. Батыгина. М.: Аспект-пресс, 1996)

Беро (Béroud), Жеральд (род. 1957), французский синолог

Бехштайн (Bechstein), Людвиг (1801 — 1860), немецкий литератор, фольклорист и литературовед, собрал и обработал немецкие сказки, которые издал отдельной книгой под названием «Немецкая книга сказок и сказаний» («Deutsches Märchenbuch», 1848), так что до начала XX в. сказки Бехштайна конкурировали со сказками братьев Гримм

Безинский (Brzezinski), Збигнев (род. 1928), американский социолог, государственный деятель, в 1977—1981 помощник президента Дж. Картера по национальной безопасности

Би Цзайюй (XII—XIII вв. н. э.), южносунский полководец, воевавший с армией царства чжурчжэней Цзинь

Биг (Bieg), Лутц (род. 1943), немецкий синолог, с 1989 профессор Кельнского университета по китайской литературе XX века и философии

Билефельдт (Bielefeldt), Хайнер (род. 1958), немецкий правовед

Билл (Bill), Макс (1908—1994), швейцарский художник и архитектор

Бильмайер (Bihlmeier), Карл (1874—1942), немецкий католический богослов, выпустивший переработанное издание *Учебника по истории церкви* Ф. Кс. Функа (1-й том «Христианская древность», 2-й том «Средневековье», 3-й том «Новое и новейшее время»)

Бирлинг (Bierling), Стефан (род. 1962), немецкий политолог

Бирс (Bierce) Амброз (1842—1914), американский писатель

Бисмарк (Bismarck), Отто фон Шенхаузен (1815—1998), князь, государственный деятель Германии

Бихсель (Bichsel), Петер (род. 1935), швейцарский писатель

Блейдер (Blader), Сюзан, американская китаеведка (профессор Пенсильванского университета) и переводчица с китайского языка (в том числе упоминаемого в книге романа, приписываемого Ши Юйкуню (1810 — 1871), «Трое храбрых, пятеро справедливых» («Сань-цзя у-и» — в 2000 году московское изд-во «Гудьял-Пресс» переиздало этот роман, выходящий в переводе Вл. Панасюка в 1984)

Блейк (Blake), Уильям (1757—1827), английский поэт и художник

Блинцлер (Blinzler), Иосиф (1910—1970), немецкий богослов и священнослужитель, получивший известность своей книгой *Der Prozeß' Jesu* («Суд над Иисусом», 1955)

Блэр (Blair), Энтони (род. 1953), английский государственный деятель, премьер-министр (с 1997)

Бо Цзюйи (772—846), великий танский поэт

Боккаччо (Boccaccio), Джованни (1313—1375), итальянский писатель, гуманист Раннего Возрождения

Боллаг (Bollag), Мишель (род. 1952), помощник раввина еврейской общины Цюриха

Боль (Bohl), Эльке, немецкая журналистка, глава правового отдела газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung»

Большестейн (Bolkestein), Фриц (род. 1933), председатель Народной партии за свободу и демократию (Нидерланды), комиссар ЕС по валютным и экономическим вопросам

Бонифаций (680—754), английский монах Уинфрид, признанный впоследствии апостолом Германии

Борджа (Borgia), Чезаре (1475—1507), герцог Валентинуа, создавший государство в Центральной Италии и присвоивший себе титул герцога Романьи, в некотором смысле прообраз правителя в «Государе» Макиавелли

Борсиг (Borsig), Маргарета фон, немецкий синолог и японист, переводчица с китайского языка «Лотосовой сутры» (1992)

Босслет (Bosslet), Карл Мария, немецкий монах-доминиканец, автор упоминаемой книги *Китайское девичье зеркало* («Chinesischer Frauenspiegel», 1927)

Браг (Brague), Реми (род. 1947), французский историк философии (помимо европейских языков владеет арабским и ивритом)

Брам (Brahm), Лоренс Дж., американский правовед, пишет о Китае, где проводит большую часть жизни (свыше двадцати книг)

Брандт (Brandt), Вилли (род. 1913), федеральный канцлер ФРГ в 1969

Брант (Brant), Себастьян (около 1457—1521), немецкий писатель, автор книги стихотворных сатир «Корабль дураков» («Das Narren Schyff», 1494)

Бредних (Brednich), Рольф Вильгельм (род. 1935), немецкий фольклорист, профессор Геттингенского университета, главный редактор «Enzyklopädie des Märchens»

Брежнев, Леонид Ильич (1906—1982), советский государственный деятель

Брехт (Brecht), Бертольд (1898—1956), немецкий писатель

Бройель (Broyelle), Жак, французский писатель, побывав вместе с женой в 1973—1975 в Китае, написал с ней и Эвелин Чирхарт книгу «Deuxième retour de Chine» (1977)

Бройер (Breuer), Стефан (род. 1948), немецкий социолог и публицист

Брок (Brock), Базон (род. 1948), немецкий культуролог, профессор ненормативной эстетики

Бу Шан (IV в. до н. э.), сановник удела Ци времен Сражающихся царств

Буа (Bois), Филипп (1942—1991), французский экономист и правовед

Бубакер, Шейх Сы Хамзз (Boubakeur, Cheikh Si Hamza) (1912—1995), выдающийся мусульманский богослов родом из Алжира, имам мечети Парижа, переводчик на французский язык с комментариями *Корана*

Бувэ (Bouvet), Жоашен, известный в Китае под именем Бай Цзин (1656—1730), французский священник-иезуит, находившийся в Китае с посольством от Людовика XIV, где и скончался, переписывался с Лейбницем по поводу «И-цзин»

Будда

Букс (Bux), Эрнст, немецкий переводчик древнегреческого историка и философа Ксенофонта

Бумедьен (Boumedienne), Хуари (1932—1978), президент Алжира с декабря 1976, председатель Революционного совета и Совета министров с 1965

Буркхард (Burkhard), Эрнст, швейцарский историк, автор упоминаемой книги «Welt-und Schweizergeschichte» (1901)

Бурмайстер (Burmeister), Карл Хайнц (род. 1936), немецкий историк, автор упоминаемой книги «Olympe de Gouges: Die Rechte der Frau 1791» (1999)

Буш (Bush), Джордж Герберт Уокер (род. 1924), президент США (1989—1993) от Республиканской партии

Бьюкенен (Buchanan), Патрик Джозеф (род. 1938), американский политический деятель, теле-, радиокомментатор, помощник президента Р. Никсона по связям со средствами массовой информации

Бэй Дао (настоящее имя Чжао Чжэнкай — род. 1949), китайский поэт-изгнанник, выдвигался в 2000 году на Нобелевскую премию (которую присудили его соотечественнику, писателю и драматургу, живущему с 1987 года во Франции, Гао Синцзяню (род. 1940)

Бэрри (Berry), Джон Э., один из составителей упоминаемого сборника «Genocide in Rwanda: A Collective Memory» (1995)

Бэрри, Кэрол Потт (Berry, Carol Pott), одна из составительниц упоминаемого сборника «Genocide in Rwanda: A Collective Memory» (1995)

Бюргер (Bürger), Готфрид Август (1747—1794), немецкий поэт, выразитель идей «Бури и натиска», сторонник Великой французской революции, создал жанр современной немецкой баллады («Ленора», 1773, русский перевод В. А. Жуковского)

В

Вагенкнехт (Wagenknecht), Сара (род. 1969), член Партии демократического социализма (ПДС), правопреемницы правившей в ГДР Социалистической единой партии (СЕПГ), с 2000 входит в ее правление, лидер ортодоксального крыла партии

Вагнер (Wagner), Томас (род. 1943), мэр Цюриха в 1982-1990, с 1978 член городской ратуши

Вайгель (Waigel), Тео (род. 1939), председатель Христианско-социального союза (ХСС) в 1988—1999, министр финансов Германии в 1989-1998

Вайденфельд (Weidenfeld), Вернер (род. 1947), немецкий профессор политологии Института им. брата и сестры Шолль Мюнхенского университета им. Людвига-Максимилиана

Вакс (Vachss), Эндрю (род. 1942), один из ведущих американских мастеров «черного романа» и практикующий адвокат (представляет исключительно интересы детей)

Валери (Valéry), Поль (1871 — 1945), французский поэт

Вальднер (Waldner), Ян-Ове (род. 1965), шведский игрок в настольный теннис, олимпийский чемпион (1992) в одиночном разряде

Вальдшмидт (Waldschmidt), Эрнст (1897—1985), один из ведущих немецких индологов, занимался изданием и восстановлением санскритских рукописей, собранных в ходе четырех прусских экспедиций (1902—1914) в буддистские монастыри по северному Шелковому пути (Синцзян), на его счету 137 печатных работ, в том числе биография Будды («Die Legende vom Leben des Buddha: in Auszügen aus den heiligen Texten», Berlin 1929, дополненное и исправленное переиздание Гамбург, 1991)

Вальзер (Waiser), Мартин (род. 1927), немецкий писатель, известный своими многочисленными стилизованными экспериментами — от кафкианства и абсурдизма до гротеска, чей последний роман «Смерть одного критика» (он там сводит счеты с Райх-Раницким) наделал много шума и автора обвинили в антисемитизме

Вальтер (Walter), Рудольф, немецкий социолог, один из составителей упоминаемого сборника «Anstiftung zur Zivilcourage. Prominente Autoren berichten über bestandene Konflikte» (1983)

Вальядарес (Valladares), Армандо (род. 1937), кубинский поэт, политзаключенный в 1960—1982 (был осужден на 30 лет), которого под давлением мировой общественности кубинские власти были вынуждены выслат в США

Ван Дунсин (род. 1916), руководитель личной охраны Мао Цзэдуна и специального подразделения 8341, охранявшего правительственные учреждения и высших лидеров страны

Ван Мэн (род. 1934), писатель, автор упоминаемого романа «Метаморфозы, или Игра в складные картинки» («Ходун бьянь жэньсин», главный герой Ни Учэн, — на русском языке роман в переводе Д. Воскресенского вышел в 1988 году: *Ван Мэн*. Избранное. Под ред. С. Торопцева. М.: Радуга; в немецком пер. он звучит как «Редкий дар — глупость» («Rare Gabe Torheit»), рассказа «Неподатливая каша-размазня» («Цзяньин дэ»), 1989)

Ван Сюаньмин (Wang Xuanming, род. 1950), китайский художник, выпустивший в виде комиксов несколько китайских классических военных трактатов («Сунь-цзы», «Тридцать шесть стратегем» и т. д.)

Ван Фу (76—157), философ-конфуцианец, автор «Суждений сокровенного человека» («Цяньфулунь»)

Ван Хунвэнь (1932—1992), один из «банды четырех» («сы жэнь бан»), бывший охранник одной из шанхайских фабрик, шанхайский «рабочий вожак», ставший затем заместителем председателя ЦК КПК (1973), приговорен в 1981 к пожизненному заключению, по некоторым сведениям покончил с собой

Ван Хунцзинь (Wang Hongjin)

Ван Цзи, чиновник по особым поручениям циньского государя Чжао-вана (правил 306—251 до н. э.)

Ван Цзинцзэ (435—498), военачальник династии Южная Ци

Ван Цзюньцин, другое имя Бабао Ванлан, цинский прозаик начала двадцатого века, автор упоминаемого романа «Трезвый взгляд» («Лэнь-янь гуань», 1907)

Ван Цян, по прозвищу Чжаоцзюнь, ханьская придворная дама из гарема императора Юань-ди (75—33, правил с 49 до н. э.), выданная им замуж (33 до н. э.) за предводителя сюнну Хуханье.

Ван Чжиу (Wang Zhiwu)

Ван Шичжэнь (1526—1590), минский ученый муж, высокопоставленный чиновник и плодовитый сочинитель, возможный автор пьесы «Поющий феникс» («Мин фэн ши» — авторство еще приписывается некоему Тан Ифэну) и эротического романа «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь, Пин, Мэй»), чей перевод на русский язык В. Манухиным издавался в 1977 (сокр. вариант) и 1994 (вышло три тома из пяти)

Ван Шоужэнь (1472—1529) более известный у нас как Ван Янмин, минский поэт, философ-неоконфуцианец, создатель оригинальной философской доктрины в русле так наз. учения о сердце (на русском яз. см. монографию: А. Кобзев. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Наука, 1983)

Ван Юаньлян (1241 — после 1317), поэт династии Южная Сун

Ван Юнь (137—192), ханьский сановник, *сы-ту*, т. е. начальник приказа просвещения (блюститель нравов), один из трех гунов

Варбург (Warburg), Аби (1866—1929), нем. историк и теоретик искусства. Созданный на базе библиотеки В. научный ин-т в Гамбурге после прихода фашистов к власти переезжает в 1933 в Лондон, где ныне составляет часть Ин-та Варбурга и Курто (возродилась библиотека в том же здании в 1995 году)

Вариг (Wahrig), Герхард (1923—1978), составитель (1966) знаменитого одноименного словаря немецкого языка, чье дело продолжила дочь Рената Вариг-Бурфайнд (Wahrig-Burfeind, род. 1959)

Вебер (Weber), Макс (1864—1920), немецкий социолог, историк, экономист и юрист

Вегт (Vegt), Суннива ван дер, голландская филолог-античник из Амстердамского университета

Везель (Wesel), Уве (род. 1933), немецкий правовед, профессор истории права Берлинского университета

Вёзлер (Wösler), Мартин (род. 1969), немецкий синолог

Век (Weck), Филипп де (род. 1919), швейцарский банкир

Век, Роже де (род. 1953), сын Филиппа де Рожера, журналист, главный редактор гамбургского еженедельника «Die Zeit»

Венцель (Wenzel), Уве Юстус, редактор литературного отдела *Новой цюрихской газеты*

Верная (Vernant), Жан-Пьер (род. 1914), французский культуролог, специалист по античности

Видмер (Widmer), Вернер, швейцарский преподаватель латинского языка

Видукинд Корвейский (около 925 — после 973), немецкий средневековый историк, саксонский бенедиктинский монах аббатства Кореей в Вестфалии, автор «Истории саксов» (в 3 книгах доведена В. до

967, продлена неизвестным автором до 973)

Визель (Wiesel), Эли (род. 1928), американский писатель, общественный деятель. Пишет на французском языке. Родился в Румынии, с 1956 живет в США. Одна из основных тем — геноцид евреев во Второй мировой войне («холокост»). Нобелевская премия мира (1986) — 885

Виккерт (Wickert), Эрвин (род. 1915), немецкий дипломат (посол ФРГ в Китае, 1976—1980), писатель, автор воспоминаний, упомянутой книги, ставшей бестселлером, «China von innen gesehen» (1982)

Виллигер (Villiger), Каспар (род. 1941), представитель кантона Люцерн в Федеральном собрании с 1989, президент Швейцарской конфедерации в 1995 и 2002

Вильгельм (Wilhelm), Рихард (1873—1930), немецкий исследователь китайской классической литературы и философии, переводчик ряда древних памятников («И цзин», «Дао дэ цзин», «Мэн-цзы», «Ле-цзы», «Чжуан-цзы», «Лунь юй»)

Вилькомирский (Wilkomirski), Бенджамен (род. 1939), польский еврей, живущий ныне в Швейцарии, автор книги «Обломки» («Fragments», 1995), наделавшей много шума во всем мире и переведенной на 11 языков. Автор вспоминал в ней о своем лагерном детстве в Аушвице и Майданеке. Но подлинность пережитого вызвала серьезные сомнения (репортер швейцарского еженедельника *Вельтwoche* пишет, что это швейцарский гражданин христианского исповедания Бруно Грожан (Grosjean) 1941 года рождения, не покидавший страны до самого совершеннолетия). Последовали судебные процессы и изъятие книги из продажи

Вильсон (Wilson), Томас Вудро (1856—1924), государственный деятель, 28-й президент Соединенных Штатов Америки (1913—1921), с его именем связаны глубокие реформы в американском обществе и утверждение США как мировой державы, выдвинул идею создания послевоенного союза государств, наиболее полно получившую отражение в т. н. «Четырнадцати пунктах» (январь 1918), выступал за учреждение Лиги Наций. Нобелевская премия мира (1920)

Виноградов, Владимир, советский посол в Египте времен Садата

Вирсавия, в Библии одна из жен царя Давида, мать Соломона

Вителли (Vitelli), Вителлоцо (ум. 1502), итальянский кондотьер

Виттманн (Wittmann), Йохен, немецкий корреспондент в Лондоне, пишущий для многих германских газет

Вобель (Vaubel), Ролан (род. 1948), немецкий политэконом и социолог

Вольтер (Voltaire) (наст. имя Мари Франсуа Аруэ, Arouet) (1694—1778), французский писатель и философ-просветитель

Вольф (Wolff), Христиан (Кристиан) (1679—1754), немецкий философ, представитель рационализма, популяризатор и систематизатор идей Лейбница

Вольфсон (Wolffsohn), Михаэль (род. 1947), профессор новой истории университета Бундесвера в Мюнхене

Вуд (Wood), Фрэнсис, английский синолог, заведующая китайским отделом Британской библиотеки, автор ряда книг

Вульф-Матис (Wulf-Mathies), Моника (род. 1942), немецкий политик, член СДПГ, в 1995—1999 член Европейской комиссии, уполномоченная по региональной политике, ныне представитель Германии в Европарламенте

Вэй Ляо, автор одного из семи военных классических трактатов — «Вэй Ляо-цзы»

Вэй Цзиншэн (род. 1950), китайский политзаключенный (1979—1993, 1994—1997), в 1997 году был выпущен в США

Вэй Чжунсянь (1568—1627), родовое имя Цзиньчжун, всеильный евнух при императоре Сицзуне (1605—1627, правил с 1621), стоявший во главе сыскной службы Дунчань

Вэй Чжэн (580—643), составитель официальной хроники династии Суй («Суй шу»)

Вэй Шоу (506—572), северноциский сановник, составитель официальной хроники династии Вэй («Вэй шу»)

Вэй Шу (Wei Shu)

Вэй Юань (1794—1856), философ-неоконфуцианец, ученый-энциклопедист (историк, географ), литератор, автор упоминаемых «Записок о священной войне» («Шэн у цзи», 1842) и «Описания заморских стран» («Хай го ту чжи», 1844 (50 разделов), 1847 (60 разделов), 1852 (100 разделов))

Вэнь Кан (полное имя Вэнь Тесянь, конец XVIII — начало XIX в.—1860-е гг.), псевдоним Яньбэй Сяньжэнь, автор романа в 40 гл. «Повесть о героях и героинях» («Эрнью инсюн чжуань», 1850)

Вэнь Чжун (V в. до н. э.), уроженец Чу, занимавший во владении Юэ пост *дафу* при государе Гоу Цзяне (правил 496—465 до н. э.)

Вэнь-гун по имени Хуэй, вэйский правитель в 659—635 гг. до н. э.

Вэнь-гун (родовое имя Чун-эр или Чжун-эр, 697—628), цзиньский государь с 636 до н. э.

Вэнь-ди, родовое имя Лю Илун (407—453), император южной династии Лю-Сун с 424 н. э.

Вэнь-ди, родовое имя Ян Цзянь (541—604), основатель (581) династии Суй, объединитель Китая (589)

Г

Гавел (Havel), Вацлав (род. 1936), чешский драматург, президент Чехословакии в 1989—92, президент Чехии с 1993 — 895 Ганди Мохандас Карамчанд (1869—1948), один из лидеров индийского национально-освободительного движения, его идеолог

Гань Нин (род. 175 н. э.), усский военачальник

Ганьчжун (около 1330—1400), автор исторического романа «Троецарствие» («Саньго яньи», полное название «Популярное повествование по «Истории Трех царств» («Саньго чжи тунсу яньи») на рус. яз.: «Троецарствие», 2 тт. Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955)

Гао Хуань (496—547), военный диктатор (с 534) Восточной Вэй

Гао Чэн (521-549), сын Гао Хуаня

Гао Юань (Gao Yuan, род. 1952), выходец из Китая, автор упоминаемой книги «Lure the tiger out of the mountains: the thirty-six stratagems of ancient China» (1991)

Гао-ди, родовое имя Сяо Даочэн (427—482) полководец династии Лю-Сун (420—479), свергший ее и основавший (479) династию Южная Ци (479-502)

Гао-цзу (родовое имя Ли Юань, 565—635), основатель танской династии (правил 618-626)

Гартман (Hartmann), Вильфрид (род. 1942), немецкий историк (средневековье)

Гартман (Hartmann), Петер, швейцарский журналист, сотрудник еженедельника *Вельтwoche*

Гастайгер (Gasteyger), Курт (род. 1929), швейцарский политолог, профессор Института международных исследований (Лондон)

Гаувайлер (Gauweiler), Петер (род. 1949), депутат бундестага от ХСС (Христианско-социального союза)

Гашек (Hasek), Ярослав (1883—1923), чешский писатель-сатирик («Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», 1921-1923)

Гевара (Гевара де ла Серна) (Guevara de la Serna) Эрнесто (Че) (1928— 1967), латиноамериканский революционер. В 1965 покинул Кубу для участия в революционном движении народов Латинской Америки. В 1966—1967 руководил партизанским движением в *Боливи*, захвачен в плен и убит

Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической основе систематическую теорию диалектики

Гейбл (Gable), Кларк (1901 — 1960), американский киноактер

Генрих I (876—936), германский король (первый в Саксонской династии Людольфингов), известный также как Генрих Птицелов

Генрих IV (1050—1106), германский король с 1056 и император «Священной Римской империи» с 1084, из Франконской династии. Вел с римскими папами (Григорием VII и др.) борьбу за инвеституру (один из ее эпизодов — «хождение в Каноссу»)

Генрих X Гордый из рода Вельфов, герцог Баварский и Саксонский (1108—1139), был женат на Гертруде, дочери императора Лотаря Саксонского, который сделал его наследником своих родовых земель и надеялся передать ему корону, однако немецкие князья, опасаясь могущества Вельфов, выбрали королем Конрада Гогенштауфена, которому удалось утвердиться на троне

Геракл

Гернер (Göner), Рюдигер (род. 1957), немецкий филолог, литературный критик

Геродот (между 490 и 480 — около 425 до н. э.), древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Автор монументального труда, посвященного истории греко-персидских войн и описанию стран и народов, воевавших с персами

Герстер (Gerster), Рихард, швейцарский экономист, публицист

Герцог (Herzog), Роман (род. 1934), президент Германии в 1994—1999, член партии ХДС (Христианско-демократический союз)

Герцог, Хаим (1918—1997), президент Израиля в 1983—1993. В 1975-1978 глава делегации Израиля в ООН.

Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.), первый известный по имени древнегреческий поэт, эпическая поэма «Труды и дни» прославления крестьянского труда и поэма «Теогония» (т. е. «Родословная богов»)

Гете (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, основоположник немецкой литературы Нового времени, мыслитель и естествоиспытатель

Гетта (Guetta), Бернар (род. 1951), французский политический обозреватель и журналист

Гештайгер (Gsteiger), Фреди (род. 1962), швейцарский журналист, главный редактор еженедельника *Вельтwoche* (1997—2001)

Гизи (Gysi), Грегор (род. 1948), немецкий политик, после краха режима ГДР возглавил СЕПГ, начиная с 1990 г. был бессменным депутатом Германского Бундестага. Именно под его руководством партия трансформировалась в ПДС — Партию демократического социализма. Но и после ухода в 1993 году с поста председателя ПДС Грегор Гизи оставался ее лидером. В 2002 Гизи ушел со всех политических постов

Гимм (Gimm), Мартин (род. 1930), немецкий синолог, знаток маньчжурской культуры и юаньской драмы

Гиммерталь (Gimmerthal), Михаэль, автор книги «Kriegslist und Per-fidieverbot im Zusatzprotokoll vom 10. Juni 1977 zu den vier Genfer Rotkreuz-Abkommen von 1949 (Zusatzprotokoll I)» (1990)

Гиппий из Элиды (жил около 400 до н. э.), древнегреческий софист, младший современник Протагора и Сократа, вел жизнь странствующего учителя и часто выполнял посольские миссии своего родного города

Глаубиц (Glaubitz), Иоахим, современный немецкий политолог, специалист по Дальнему Востоку

Глоц (Glutz), Петер (род. 1939), немецкий ученый, специалист по СМИ

Го Бяо, двоюродный брат супруги вэйского императора Вэнь-ди (родовое имя Цао Пэй, 187-226, правил с 220)

Го Ваньжун (род. 1930), именуемая еще Ширли Ко (Shirley Kuo), высокопоставленный тайваньский чиновник, занимала пост министра финансов

Го Можо (1892—1978), китайский ученый, историк, писатель, президент АН Китая (с 1949)

Го Сы (ум. 197), ханьский царедворец

Го Цин (XVII в.), «праведник из Чанъани», автор романа «Сны темный и светлый, мир предостерегающие» («Цзин ши инь ян мэнь», первое печатное издание 1628, частичный русский пер. Дм. Воскресенского см. в книге: «Книга дворцовых интриг: Евнухи у кормила власти в Китае». М.: Наталис, 2002, с. 54—105), рассказывающего о евнухе Вэй Чжунсяне (см.)

Го Чун, выходец из Цзиньчэна, ныне Чэнду, западноцинский (265— 316) составитель сборника «Пять утраченных деяний Чжугэ Ляна» («Чжугэ Лян иньмо у ши»)

Гогенлоэ, Хозенлоэ (Hohenlohe), Хлодвиг Карл Виктор, князь Шиллингсфюрст (Schillingsfürst) (1819—1901), германский государственный деятель и дипломат, крупный землевладелец. В 1867—1870 министр-президент и министр иностранных дел Баварии. В 1874— 1885 посол Германии во Франции. В 1885—1894 наместник в Эльзас-Лотарингии. В 1894—1900 рейхсканцлер и министр-президент Пруссии

Голиаф

Гольдман (Goldmann), Роберт Б. (род. 1921), американский журналист немецкого происхождения (его еврейской семье пришлось в 1940 уехать за океан)

Гомер (VIII или VII в. до н. э.), древнегреческий эпический поэт, которому со времен античности приписывается авторство «Илиады», «Одиссеи» и других произведений

Гоу Цзянь (ум. 465 до н. э.), юэский правитель в 496—465 до н. э. (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки*. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 5, гл. 41)

Гофман фон Фаллерслебен (Hoffmann von Fallersleben, собственно, Август-Генрих Гофман, родившийся в дер. Фаллерслебен, 1798—1874), немецкий поэт и ученый-филолог. Как поэт испытал влияние К. Т. Кернера, как филолог — братьев Я. и В. Гримм — 789 Граб (Grab), Амеле, швейцарский священнослужитель, глава католического Совета епископских конференций Европы (СЕЕК) — 858—859 Грайнер (Greiner), Петер (род. 1940), немецкий синолог, профессор Фрейбургского университета

Грамши (Gramsci), Антонио (1891 —1937), основатель и теоретик Итальянской компартии, написал в тюрьме огромный труд «Тюремные тетради». Он был тайно вывезен и через Испанию переправлен в Москву. Опубликован впервые в Италии в 1948—1951 гг., в 1975 г. вышло его четырехтомное научное издание с комментариями

Грасс (Grass), Гюнтер (род. 1927), немецкий писатель (Нобелевская премия 1999)

Греф (Graf), Эрвин, немецкий исламовед

Григорий VII (Gregorius) Гильдебранд (Gildebrand, монашеское имя) (между 1015 и 1020—1085), римский папа с 1073

Грилл (Grill), Бартоломей (род. 1954), живущий в Йоханнесбурге, немецкий корреспондент в Африке гамбургского либерального еженедельника «Цайт»

Грильпарцер (Grillparzer), Франц (1791 — 1872), австрийский драматург

Гримм (Grimm), братья Якоб (1785 — 1863) и Вильгельм (1786—1859), немецкие филологи, основоположники германистики как науки о языке и литературе («Немецкая мифология». *Deutsche Mythologie*, 2 тт., 1835). Издали: «Детские и семейные сказки» (*Kinder-und Hausmärchen*, 1812—1814, известны как »Сказки братьев Гримм»), «Немецкие предания» (*Deutsche Sagen*, 1816—1818)

Гриффит (Griffith), Сэмюэль Б., американский бригадный генерал морской пехоты, переведший в 1963 году Сунь-цзы.

Грожан (Grosjean), Роже (род. 1922), ныне покойный французский археолог, исследовавший неолитическую культуру на Корсике

Грушке (Gruschke), Андреас (род. 1960), немецкий синолог, знаток Тибета

Грэслин (Grässlin), Юрген (род. 1957), член партии зеленых в Германии

Гу Вэйцзюнь (1888—1985), больше известный как Веллингтон Ку (Wellington Koo), знаменитый китайский дипломат

Гу Пин (Gu Ping)

Гу Хунмин, иначе Гу Таншэн (1856—1928), китайский мыслитель, публицист, литератор, владевший европейскими языками (перевел на английский «Лунь Юй»), состоял в переписке с Львом Толстым, автор упоминаемой и написанной на английском книги заметок «История китайского оксфордского движения» («Story of a Chinese Oxford Movement», 1911), переведенной Р. Вильгельмом на немецкий язык под названием «Защита Китая от европейских идей» («Chinas Verteidigung gegen westliche Ideen»)

Гуань Ханьцин (около 1240—1320), драматург, именуемый «китайским Шекспиром», автор упоминаемых пьес «Правитель Цянь оценивает по достоинству Се Тяньсян» («Цянь да-инь чжи чун Се Тяньсян») и «Великий государь Гуань с одним мечом на пир» («Гуань да-ван дань-дао хуэй»).

Гуань Чжун (ум. 649 до н. э.), первый советник правителя владения Ци, признанный основоположник легизма, чьи идеи легли в основу трактата IV—III вв. до н. э. «Гуань-цзы»

Гуань Юй (около 162—219), ханьский военачальник

Гуаньчжун (около 1330—1400), автор исторического романа «Троецарствие» («Саньго яньи», полное название «Популярное повествование по «Истории Трех царств» («Саньго чжи тунсу яньи»), на рус. яз.: «Троецарствие», 2 тт. Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955)

Гуж (Gouges), Мария Олимпия (1748—1793), французская писательница и деятельница Французской революции, с оскорбительным письмом обратилась к Робеспьеру, предлагая ему вместе с ней броситься в Сену. Робеспьер приказал ее арестовать, и Олимпия Гуж была приговорена к смерти, которую встретила спокойно и мужественно

Гуй Цяньюань (Gui Qianyuanyuan)

Гун Цзычжэнь (1792—1841), философ-неоконфуцианец, ученый, литератор, автор упоминаемого очерка «Постоялый двор для недужных слив» («Бин мэи гуань цзи»)

Гун Чжици (VI в. до н. э.), юйский сановник (*дафу*) времен Весен и Осени

Гуньян Гао (V в. до н. э.), по преданию ученик Цзы Ся (внука Конфуция)

Гуццони (Guzzoni), Ута (род. 1936), немецкий философ, профессор Фрейбургского университета

Гэ Баоцюань (1913—2000), выдающийся китайский переводчик с европейских языков (в том числе Пушкина, Шевченко, античных писателей), внесший огромный вклад в дело культурного обмена между Китаем и зарубежными странами

Гюго (Hugo), Виктор (1802—1885), французский писатель

Д

Да Юй, Великий Юй, основатель первой династии Ся (правил 2205—2197 или 1989—1978 гг. до н. э.)

Давид, царь израильско-иудейского государства в кон. XI в. — около 950 до н. э.

Дайле (Deile), Фолькмар (род. 1943), немецкий пастор и общественный деятель, в 1990—1999 председатель немецкого отделения Amnesty International (международной независимой неправительственной организации по защите прав человека, особенно незаконно репрессированных, политических узников совести, религиозных и др. диссидентов, инакомыслящих).

Далай-лама XIV (род. 1935), он же Тензин Гьяцо, духовный лидер последователей тибето-монгольского буддизма, глава школы гелуги тибетского правительства в изгнании, находящегося с 1959 г. в Дхарамсале (Индия), лауреат Нобелевской премии мира (1989).

Дамато (d'Amato), Энтони (род. 1937), американский правовед.

Дандамаев, Магомед Абдул-Кадырович (род. 1928), историк-востоковед, член-корреспондент РАН (1997). Труды по истории Древнего Востока, в том числе Ассирии-Вавилонии и Ирана.

Дантон (Danton), Жорж Жак (1759—94), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев.

Дао-гун, родовое имя Чжоу, цзиньский государь (правил 572—558 до н. э.).

Дарендорф (Dahrendorf), Ральф (род. 1929), немецкий социолог, идеолог современного либерализма.

Даффи (Duffy), Кристофер, известный современный британский военный историк, автор многих книг, в том числе упоминаемой «Аустерлиц, 1805».

Дебон (Debon), Гюнтер (род. 1921), немецкий востоковед (китайский, японский, маньчжурский, санскрит), в 1966—1985 возглавлял Синологический институт Гейдельбергского университета, переводчик Лао-Цзы.

Дебре, Режи (Debrau, Regis, род. 1940), французский философ и писатель, активно участвовал в левом движении (соратник Че Гевары).

Демандт (Demandt), Александр (род. 1937), видный немецкий историк по античности (Рим и Греция), автор многих монографий, в том числе упоминаемой книги «Macht und Recht: Große Prozesse in der Geschichte» (1990).

Демпф (Dempf), Алоиз (1892—1981), немецкий философ, историк-медиевист, культуролог, автор упоминаемой книги «Священная империя. Историография и философия государства в средневековье и эпоху политического Возрождения» (*Sacrum Imperium, Geschichtsschreibung und Staatsphilosophie des Mittelalters und der politischen Renaissance*, 1929).

Дёнхоф (Dönhoff), Марион фон (1909—2002), немецкая журналистка и писательница. С 1946 года она в большой степени определяла лицо влиятельной газеты *Цайт*, где была сначала журналистом, а позднее — редактором и издателем. Она прожила долгую жизнь, которая тесно переплетена с историей XX века. Графиня Дёнхоф — единственная из участников заговора, пережившая последствия покушения на Гитлера в 1944 году. Она — автор нескольких десятков книг, многие из которых посвящены анализу истории Германии в XX веке.

Дёрдельман-Люг (Dördelmann-Lueg), Анна, противница безбрачия католических священников, автор книги «Wenn Frauen Priester lieben. Der Zölibat und seine Folgen» («Когда женщины любят священников: целибат и его последствия»). Мюнхен, 1994).

Детлинг (Dettling), Варнфрид (род. 1943), немецкий политолог и публицист.

Детьен (Détienne), Марсель (род. 1935), бельгийский культуролог, специалист по античности (Древняя Греция).

Джайлс (Giles), Лайонел (1875—1958), сын знаменитого английского сиолога Герберта Джайлса (1845—1935), переводчик на английский трактата «Сунь-цзы».

Джеймс (James), Роберт Роудз (1933—1999), известный английский историк и биограф (жизнеописание Черчилля).

Дженкин (Jenkin), Гай, британский сценарист и кинорежиссер.

Джефферсон (Jefferson), Томас (1743—1826), американский просветитель, идеолог демократического направления в период Войны за независимость в Северной Америке 1775—83, автор проекта Декларации независимости США, 3-й президент США (1801 — 1809), государственный секретарь (1790—1793), вице-президент (1797—1801).

Джэксон Эндрю (1767—1845), 7-й президент США (1829—1837), один из основателей Демократической партии (1828).

Ди Цин (1008—1057), посмертное имя Усян, сунский военачальник.

Диана (Diana), принцесса Уэльская (1961 — 1997).

Дирс (Diers), Михаэль, немецкий искусствовед, профессор Йенского университета.

Домради (Domradi), Ева, немецкий ассиролог.

Донг, Фам Ван (1906—2000), премьер-министр Северного Вьетнама (1955—1976) и Социалистической Республики Вьетнам (1976— 1987).

Доргонь, иначе До Эргунь (1612—1651), китаизированное имя маньчжурского князя (его звали еще Жуйван), ставшего после смерти хана Абахая в 1643 принцем-регентом и во многом способствовавшего завоеванию Китая маньчжурами.

Доу Эрдунь (1680—1720), лесной разбойник.

Драффкорн Килмер (Draffkorn Kilmer), Анн, известная американская исследовательница в области ассириологии.

Дрейфус (Dreyfus), Альфред (1859—1935), офицер французского Генерального штаба, как еврей был несправедливо обвинен (1894) в шпионаже в пользу Германии и приговорен к пожизненной каторге, в 1906 полностью оправдан.

Ду Му (803—852), тайский поэт, один из десяти признанных комментаторов военного трактата «Сунь-цзы».

Дуаньфан (1861 — 1911), маньчжур по происхождению, видный палеограф и политический деятель цинского Китая (был генерал-губернатором Сычуани).

Дуйсенберг (Duisenberg), Вим (род. 1935), голландский экономист, бывший глава Европейского центрального банка (1998—2002).

Дун Чжо (ум. 190 н. э.), военачальник, всемогущий временщик на исходе дин. Восточная Хань.

Дун Чэн (154—200), придворный последнего ханьского императора Сянь-ди (правил 189-220).

Дун Шихуа (Dong Shihua).

Дунхунь-хоу (т. е. правитель Дунхуня (такое не подобающее императору посмертное имя за распутный образ жизни определил ему поднявший против него мятеж и низложивший южноцискую династию Сяо Янь, вошедший в историю под именем У-ди, основатель династии Лян), родовое имя Сяо Баоцзюань, 483—501), южноциский император с 498 — 908.

Дутвайлер (Duttweiler), Готлиб (1888—1962), швейцарский предприниматель, основавший в 1925 знаменитое ныне акционерное общество «Мигро», основной идеей которого было связать напрямую производителей и продавца.

Дэке (Däke), Карл Хайнц (род. 1943), немецкий экономист, с 1994 председатель Союза немецких налогоплательщиков.

Дэн Сяопин (1904—97), китайский политический деятель, после смерти Мао Цзэдуна в 1976 ставший инициатором экономических реформ в Китае.

Дэн То (1912—1966), китайский историк и писатель, тонкий знаток китайской традиционной культуры и живописи, главный редактор (*цзун-бяньцзи*) (1949—1954) и председатель (*шэчжан*) (1954—1957) печатного органа КПК «Жэньминь Жибао», одна из первых жертв «культурной революции» (покончил с собой, приняв яд), автор упоминаемых «Вечерних бесед у подножия Яньшань» («Яньшань е хуа»).

Дюкре (Ducrey), Пьер (род. 1938), швейцарский профессор античной истории, ректор Лозаннского университета.

Дюма (Dumas), Александр (1824—95), французский писатель (Дюма-сын). Роман (1848) и одноименная пьеса (1852) «Дама с камелиями» (опера Дж. Верди «Травиата»).

Дюнан (Dunant), Анри Жан (1828— 1910), швейцарский общественный деятель, инициатор создания международного общества «Красный Крест» (1863). Нобелевская премия мира (1901).

Дюрренматт (Durrenmatt), Фридрих (1921 — 1990), швейцарский немецкоязычный писатель.

Дяо Шань (досл. «соболый хвост и крылышки цикады» — украшение на головном уборе военачальника), танцовщица, персонаж романа «Троецарствие».

Е

Е Цзяньин (1897—1986), китайский военный, государственный и политический деятель, министр обороны КНР (1975—1978), в 1978—1983 председатель Всекитайского Совета Народных Представителей (ВСНП),

поддержал Хуа Гофэна в его борьбе с «бандой четырех».

Е Чжичао (ум. 1901), цинский военачальник.

Шэнтао (настоящее имя Е Шаоцзюнь, 1894—1988), китайский писатель, автор упоминаемого рассказа «В городе» («Чэн чжун»), где главный герой Дин Юйшэн решает создать школу, из одноименного сборника 1926 года (на рус. яз. см.: *Е Шэнтао. Одна жизнь. Рассказы*. М.: Гослитиздат, 1960, рассказ «В городе». Пер. с кит. Е. Слабнова, с. 151 — 166).

Е Энь (Ye En).

Екатерина II Великая (1729—1796), российская императрица (с 1762).

Ж

Жан Поль (Jean Paul) (наст. имя и фам. Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, (Richter), 1763—1825), немецкий писатель.

Жан-хоу по имени Вэй Жань, дядя циньского государя Чжао-вана (правил 306—251 до н. э.), крупный государственный деятель, более 30 лет определявший политику циньского двора (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки*. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 72, с. 253-258).

Жарден (Jardin), Александр (род. 1965), сын известного киносценариста Пьера Жардена (1934—1980) («Старое ружье», «Тайна фермы Мессе», «Кот», «Гром небесный»), писатель, киносценарист, кинорежиссер («Аромат любви Фанфан», 1993), автор упоминаемого романа «Зебра» («Le zèbre», 1988, перенесен на экран Жаном Пуаре в 1992).

Жерне (Gernet), Жак (род. 1921), французский синолог, автор упоминаемой книги «Chine et christianisme. La première confrontation» («Китай и христианство: первое противостояние», 1982, переведена на немецкий («Christus kam bis nach China: eine erste Begegnung und ihr Scheitern», 1984), английский, итальянский, испанский, японский, китайский).

Жу Бэй (VI—V в. до н. э.), человек из княжества Лу, о котором почти ничего неизвестно. Луский правитель направил его к Конфуцию поучиться ритуалу, однако, как отмечают комментаторы, сам Жу Бэй непочтительно относился к старшим по возрасту, поэтому Конфуций («Лунь юй», 17.20) и решил проучить его (*Л. Переломов, Конфуций: «Лунь Юй»*. М.: Восточная литература РАН, 2000, с. 430).

Жэнь-цзун, родовое имя Чжао Чжэнь (1010—1063), император династии Северная Сун в 1023—1063 гг..

Жюппе (Jurpe), Ален (род. 1945), французский государственный деятель, премьер-министр страны в 1995—1997.

З

Зайбт (Seibt), Константин (род. 1966), швейцарский писатель-сатирик, редактор и обозреватель швейцарской газеты «Wochenzeitung».

Зенгер (Senger), Харро фон (род. 1944), швейцарский синолог, профессор Фрейбургского университета, автор настоящей книги.

Зирикли, Хайрадин (Khaug-ad-Din Az-Zarkali, 1893—1976), сирийский поэт и писатель, составитель известного биографического словаря «Знаменитости: словарь жизнеописаний наиболее видных мужей и жен из арабов, арабистов и востоковедов» (1954—1959 *al-Alam: Qamus Taragim li-Ashhar al-Rigal wa-al-Nisa min al-Arab wa-al-Mustaribin wa-al-Mustashriqin*, первое издание 1927 года в трех частях, второе, исправленное и дополненное, появилось спустя тридцать лет, а четвертое, полное, десятичастное, увидело свет уже после смерти автора в 1976 году).

Зоммер (Sommer), Тео (род. 1930), немецкий политолог, публицист, соиздатель с 1992 гамбургского либерального еженедельника «Цайт».

Зопир (VI в. до н. э.), приближенный Кира II Великого.

И

Иван III (1440—1505), великий князь московский (с 1462), сын Василия II. В правление Ивана III сложилось территориальное ядро единого Российского государства, началось складывание центрального государственного аппарата.

Израелевич (Izraelewicz), Эрик (род. 1954), французский экономист и журналист, главный редактор крупнейшей французской ежедневной экономической газеты «Les Echos».

Иисус.

Имхасли (Imhasly), Бернхард, швейцарский дипломат (в 1984—1989 советник швейцарского посольства в Индии по экономическим вопросам), с 1990 корреспондент *Новой цюрихской газеты*, в Индии.

Ин Хань, китайский автор книги «36 стратагем и торговая смекалка» («Сань ши лю цзи юй цзиншан моулюэ», 1997).

Инь Хао (ум. 356 н. э.), восточноцинский военачальник.

Инь Чанхэн (1884—1952), военный наместник Сычуани (1911 — 1912), после трехлетнего заключения в 1916 году был освобожден и больше не занимался политической деятельностью, удалившись в Чэнду.

Иоанн Павел II (Joannes Paulus), в миру Кароль Войтыла (Wojtyła) (род. 1920), римский папа с октября 1978.

Исайя, библейский пророк.

Иудифь.

Ишай Тобин (Yishai Tobin, род. 1946), американский фонолог, семиотик, приверженец идей Ф. Соссюра.

Йохник (Jochnick), Хрис аф, американский правовед, директор нью-йоркского Центра экономических и социальных прав.

К

Кавам (Khawam), Рене (род. 1917), сириец, с 1947 года живущий во Франции, ученик знаменитого востоковеда Луи Массиньона (1883— 1962), занимается переводом на французский язык арабских произведений (более 40 книг, в том числе «Коран», «Тысяча и одна ночь»).

Каган (Kagan), Роберт, обозреватель газеты «Вашингтон пост», влиятельный аналитик Фонда Карнеги, автор цитируемой статьи «The Benevolent Empire» (журнал «Foreign Policy», лето 1998).

Казакья (Casacchia), Джорджо, итальянский синолог.

Каин.

Кайзер (Kaiser), Отто (род. 1924), видный немецкий библеист.

Камартен (Camartin), Изо (род. 1944), швейцарский публицист и сочинитель, специалист по ретороманской литературе.

Кан Ювэй (1858—1927), мыслитель и политический деятель, лидер реформаторского движения в Китае на рубеже XIX—XX вв., автор упоминаемого трактата «Книга о великом единении» («Да тун шу»), ознаменовавшего собой возникновение в Китае новой политической философии.

Кано (Сапо), Мануэль Чико.

Канси (родовое имя Сюаньэ, 1654—1722), китайский император династии Цин (с 1662).

Кант (Kant), Иммануил (1724—1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

Кань Цзэ (ум. 243 н. э.), усский сановник.

Као Ле-ван, чуский правитель в 262—238 до н. э..

Каплан (Kaplan), Роберт Д., известный современный американский путешественник (Западная Африка, Балканы, Кавказ, Средняя Азия, китайский автономный район Синцзянь, Иран) и журналист.

Каппелер, Бит (Rappeler, Beat, род. 1946), швейцарский социолог.

Карл Великий (лат. Carolus Magnus) (742—814), франкский король с 768, с 800 император из династии Каролингов.

Карлссон (Carlsson), Ингвар (род. 1934), премьер-министр Швеции в 1986—1991, председатель Социал-демократической рабочей партии с марта 1986.

Кастро (Castro), Фидель (род. 1926—27), кубинский государственный деятель, премьер-министр (1959—1976), председатель Государственного совета и Совета министров Кубы с 1976.

Касыр.

Катер (Kather), Регина (род. 1955), специалист по античной философии.

Каутц (Kautz), Ульрих, видный немецкий переводчик современных китайских писателей, в том числе Ван Мэна.

Кёлер (Köhler), Андреа (родилась 1957), литературный критик.

Кёлер (Köhler), Моника (род. 1941), немецкая писательница, автор упоминаемого романа «Уродица-подменьш» («Kielkopf», 1996)

Келин (Kälin), Бернхард (1887—1962), родом из Австрии католический священник-бенедиктианец, имел сан примаса

Келин (Kälin), Вальтер (род. 1951), швейцарский правовед

Кёлле (Kölle), Ганс Мартин, немецкий экономист

Келлер (Keller), Вальтер (1882—1966), швейцарский собиратель и переводчик на немецкий язык сказок и преданий

Келлер (Keller), Готфрид (1819—1890), швейцарский писатель, сочинявший на немецком языке сборники новелл «Люди из Зельдвилы» (т. 1-2, 1856-1874), «Семь легенд» (1872)

Келли (Kelley), Китти (род. 1942), американская писательница в жанре биографии, автор упоминаемой книги «Nancy Reagan: The Unauthorized Biography» (1992)

Кельзен (Kelsen), Ганс (1881 — 1973), австрийский юрист, с 1942 — в США один из основателей нормативизма в праве, выдвинул идею «чистого учения о праве»

Кеннеди (Kennedy), Джон Фицджеральд (1917—1963), 35-й президент США (1961 — 1963) от Демократической партии

Кепке (Körke), Андреас (род. 1962, бывший вратарь немецкой сборной по футболу, чемпион Европы 1996 года

Керстинг (Kersting), Вольфганг (род. 1946), видный немецкий политический философ и исследователь истории европейской политической и социальной мысли (Платон, Макиавелли, Гоббс, Руссо, Кант, Роулз).

Кессельринг (Kesselring), Томас, швейцарский философ и публицист.

Кестнер Эрих (1899—1974), немецкий писатель. Сатирические и юмористические стихи, правоописательный роман «Фабриан» (1931), книги для детей («Эмиль и сыщики», 1928, на рус. яз. 1985).

Кибат (Kibat), Артур, перевел (1928) вместе с братом Отто классический китайский роман «Цветы сливы в золотой вазе» (Otto und Arthur Kibat Übers.). «Djin Ping Men. Schlehenblüten in goldener Vase». Bd. 1—6. Zürich: Die Waage, 1967—1983 сокр. вариант (25-е изд.): Kibat, Otto, Arthur Kibat, «Djin Ping Meh. Schlehenblüten in goldener Vase. Sittenroman aus der Ming-Zeit». Stuttgart 1968. 758 S.).

Кинаст (Kienast), Буркхарт (род. 1929), известный немецкий ассириолог.

Киндерманн (Kindermann), Готтфрид-Карл (род. 1926), немецкий политолог, основатель мюнхенской школы неореализма.

Кир II Великий (погиб 530 до н. э.), первый царь (с 558 до н. э.) государства Ахеменидов.

Кирше (Kircher), Франсуа, переводчик на французский язык «36 стратагем» (1991).

Киссинджер (Kissinger), Генри, (род. 1923), государственный секретарь США в 1973—1977, советник президента по вопросам национальной безопасности в 1969—75.

Классен (Classen), Петер, автор монографии о Карле Великом («Karl der Große, das Papsttum und Byzanz. Die Begründung des karolingischen Kaisertums» (Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters 9). Sigmaringen: Thorbecke, 1985).

Клаузевиц (Clausewitz), Карл фон (1780—1831), немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818), автор упоминаемого трактата «О войне» (1832, 1-е посмертное изд.).

Клей (Kläy), Дитер (род. 1963), швейцарский политолог, специалист по России, где работал многие годы.

Клингенберг (Klingenberg), Хайнц (род. 1934), немецкий специалист по исландским сагам, переводчик «Младшей Эдды».

Клинтон (Clinton), Билл (род. 1946), 42-й президент США (1993—2000) от Демократической партии.

Клинтон (Clinton), Хиллари (род. 1947), супруга американского президента Билла Клинтона.

Клир (Klier), Вальтер (род. 1955), австрийский писатель и литературный критик.

Когельфранц (Kogelfranz), Зигфрид, немецкий историк, многолетний сотрудник журнала *Шпигель*.

Коди, Уильям Фредерик (1846—1917), по прозвищу Баффало Бил, охотник на бизонов, разведчик американской армии в сражениях с индейцами на Диком Западе, где прославился своими подвигами, позднее стал хозяином циркового ревью из ковбойской жизни, с успехом гастролировавшего в Европе и Америке.

Кок (Cok), Вим (род. 1938), премьер-министр Нидерландов в 1994—2002.

Колер (Kohler), Георг (род. 1945), швейцарский политический философ, публицист.

Колумб (лат. Columbus, итал. Colombo, исп. Colon) Христофор (1451 — 1506), мореплаватель, считается открывателем Америки (1492).

Коль (Kohl), Хельмут (род. 1930), государственный деятель ФРГ, федеральный канцлер (1982—1998).

Кон (Kohn), Ганс (1891 — 1971), американский историк и политолог чешского происхождения.

Конрад I (ум. 918), герцог франконский, избран королем Восточно-франконского королевства в 911 после смерти Людовика Дитяти, последнего представителя немецкой линии Каролингов.

Конрад III (1093—1152), сын Фридриха Швабского из рода Гогенштауфенов, в 1138 г. был избран германским королем, несмотря на наличие сильного соперника — Генриха Гордого из рода Вельфов, но не коронован императорской короной, поскольку так и не выбрался в Рим.

Конфуций, латинизированная форма от кит. Кун Фу-цзы, «учитель Кун» (иначе Кун-цзы — около 551—479 до н. э.), древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства, чьи основные взгляды изложены в книге «Беседы и суждения» («Лунь Юй»).

Копп (Kopp), Элизабет (родилась 1936), швейцарский политик.

Корнблум (Kornblum), Джон Кристиан (род. 1943), посол США в Германии в 1997-2001.

Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980), советский политический деятель, в 1964—1980 председатель Совета Министров СССР.

Коулмас (Coulmas), Флориан (род. 1949), немецкий языковед (профессор Дуйсбургского университета) и писатель, специалист по Японии.

Кох (Koch), Вернер (1926—1992), немецкий писатель, автор упоминаемой книги «Der Prozeß Jesu. Versuch eines Tatsachenberichts» (1966).

Коэн (Cohen), Уильям Себастьян (род. 1940), министр обороны США (1997—2000) при Клинтоне.

Красе (Krass), Стефан, политический и литературный обозреватель *Новой цюрихской газеты*.

Крауэль (Krauel), Торстен (род. 1955), главный обозреватель берлинской ежедневной газеты «Die Welt».

Кремер (Krämer), Вальтер (род. 1948), немецкий профессор социальной статистики, основатель «Общества немецкого языка» (Verein Deutsche Sprache), на рус. яз.: *Вальтер Кремер, Гетц Тренклер. Лексикон популярных заблуждений. 500 ложных мнений, логических ошибок и предубеждений*. Пер. с нем. Г. Гаева. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

Крёбер (Kröber), Буркхарт, немецкий переводчик с итальянского языка (Манцони, Эко).

Кретли (Krättli), Антон (род. 1922), швейцарский литературный и театральный критик.

Кривеллер (Criveller), Джанни (род. 1961), итальянский священник-миссионер в Гонконге, изучает историю христианства в Китае.

Кристофер (Christopher), Уоррен (род. 1925), госсекретарь (1993—1997) при Клинтоне.

Кроссан (Crossan), Джон Доминик (род. 1934), ирландский священник (в 1969 оставляет службу) и историк религии, автор многих книг, в том числе бестселлера «The Historical Jesus: The Life of a Mediterranean Jewish Peasant» (1991).

Ксенофонт (около 430—355 или 354 до н. э.), древнегреческий писатель и историк («Греческая история» в 7 книгах — изложение событий 411—362 до н. э. с проспартанских и антидемократических позиций).

Ксеркс I (ум. 465 до н. э.), царь государства Ахеменидов с 486, в 480—479 возглавлял поход персов в Грецию, окончившийся их поражением.

Кубин (Kubin), Вольфганг (род. 1945), немецкий синолог и переводчик с китайского языка.

Кубрик (Kubrick), Стэнли (1928—1999), американский кинорежиссер («Космическая Одиссея, 2001», «Заводной апельсин»).

Куль (Kühl), Лотар, немец, автор книги «Die Untersuchungs und Berichtstätigkeit des Special Committee to Investigate Israeli Practices der Generalversammlung der Vereinten Nationen» (1995).

Кульман (Kullmann), Вольфганг (род. 1927), немецкий специалист по античности.

Кун (Kühn), Франц (1884—1961), немецкий китаевед, переводчик двенадцати классических романов, в том числе «Цветы сливы в золотой вазе» (1930), «Сон в красном тереме» (1932), «Речные заводы» (1934), «Троецарствие» (1940) и тридцати четырех повестей.

Кун Мин, см. Чжугэ Лян.

Кунц (Cunz), Мартин, швейцарский пастор и теолог.

Купчая (Kurchan), Чарльз Э., американский политолог, Член Совета Национальной Безопасности США при президенте Клинтоне.

Куртуа (Courtois), Стефан, современный французский историк, сотрудник Национального центра научных исследований в Париже (CNRS), издатель журнала «Коммунизм». Автор многих книг, посвященных французской компартии и ее роли во Второй мировой войне, в том числе упоминаемой «Черной книги коммунизма» (Стефан Куртуа, Николя Верт, Жан-Луи Панне, Анджей Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Маргален. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии». Пер. с фр. М.: Три века истории, 1999).

Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), русский полководец, генерал-фельдмаршал (1812).

Кэ Ли (Ke Li).

Кэмпф (Kämpf), Хельмут, немецкий историк-медиевист.

Л

Ламберт (Lambert), Уилфред Дж., видный английский ассириолог и библеист.

Ламфалушши (Lamfalussy), Александр (Шандор) (род. 1929), видный бельгийский экономист (банковское дело) венгерского происхождения, первый директор Европейского валютного института (1994—1996), с 1999 года глава экономического консультативного совета при премьер-министре Венгерской республики.

Ланг (Lang), Жак (род. 1939), французский правовед, многолетний министр культуры при Миттеране.

Лангане (Langaneu), Андре (род. 1943), швейцарский генетик и антрополог.

Лао-цзы (согласно Сыма Цяню годы жизни которого около 604 — около 531 до н. э.), иначе Ли Эр, легендарный автор древнекитайского трактата «Дао дэ цзин», канонического сочинения даосизма.

Лапейронни (Lapeyronnie), Дидье, французский социолог.

Ларошфуко (La Rochefoucauld), Франсуа де (1613—1680), французский писатель-моралист.

Лафонтен (La Fontaine), Жан де (1621 —1695), французский писатель, автор знаменитых «Басен» (т. 1 — 12, 1668—1694).

Лебедь, Александр (1950—2002), российский военный и государственный деятель.

Лев III (750—816), папа римский с 795, короновавший в 800 Карла Великого римским императором.

Левински (Lewinsky), Моника (род. 1973).

Левинсон (Levinson), Стив К., известный американский лингвист, ныне глава Института Макса Планка по психолингвистике, Голландия.

Легг (Legge), Джеймс (1815—1897), английский переводчик и комментатор классических произведений древнекитайской философии, осуществивший перевод всего конфуцианского канона (*Тринадцатикнижие*).

Лейбниц (Leibnitz), Клаус, признанный специалист в области средневекового оружия, переводчик на немецкий язык (1989) китайского военного канона *Сунь-цзы*.

Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646—1716), немецкий философ, математик, физик, языковед.

Лейс (Leys), Симон (наст. имя Пьер Рикманс, род. 1935), бельгийский китаевед, с 1970 живущий в Австралии (в 1987—1993 профессор синологии Сиднейского университета), переводчик на английский (1997) конфуциевых «Бесед» («Лунь юй»).

Лёндорф (Löhndorf), Марион, литературная обозревательница *Новой цюрихской газеты*.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), видный российский политический деятель.

Леннон (Lennon) Джон (1940—1980), английский рок-певец, композитор, один из участников легендарной рок-группы «Биттлз».

Леопольд I (Leopold, 1290—1326), герцог Австрийский из династии Габсбургов.

Лепенис (Lepenies), Вольф, (род. 1941), немецкий социолог.

Лёчер (Lötscher), Гуго (род. 1929), немецкоязычный швейцарский писатель и журналист, мастер иронической прозы, занимает «следующее место после Фриша и Дюрренматта», на рус. яз.: роман «Ной». Пер. с нем. В. Сидельника. М.: АСТ, 2000, отрывок из повести «Осень в городе Большого Апельсина». Пер. с нем. С. Фридлянд, ж-л «Иностранная литература», № 9 за 2002.

Ли Баодун (Li Baodong).

Ли Бинъянь (род. 1945), автор упоминаемых трудов «Новое издание тридцати шести стратагем» («Саньшилю цзи синьбянь», 1995), «Стратагемы для военачальников» («Бинцзя цюаньмоу», 3-е изд. Пекин, 1991).

Ли Бо (701—762), великий танский поэт.

Ли Вэй-гун, т. е. вэйский гун (князь) Ли Цзин (571—649), полководец танского императора Тай-цзуна (правил 627—649), автор одного из семи китайских классических военных трактатов «Беседы вэйского князя Ли» («Ли Вэй-гун вэньдуй»).

Ли Говэнь (род. 1930), известный китайский писатель, путеец по образованию.

Ли Гуан (ум. 116 до н. э.), ханьский военачальник (жизнеописание приводится в 109 главе «Исторических записок» Сыма Цяня и в династийной хронике «Хань шу»).

Ли Дэнхуэй (род. 1923), бывший президент Тайваня (1988—2000).

Ли Дэшэн (род. 1916), военачальник (стоял во главе генерального штаба), государственный и политический деятель КНР, на протяжении 26 лет командовал Шэньянским военным округом.

Ли Жу (ум. 194 н. э.), зять и ближайший советник Дун Чжо.

Ли Жуйхуань (род. 1934), глава Народного политического консультационного совета КНР.

Ли Жучжэнь (около 1763—1830), автор сатирико-фантастического романа «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань», 1828, на русском яз. см.: Ли Жучжэнь. «Цветы в зеркале». Пер. В. Вельгуса, Г. Монзелера, О. Фишман, И. Циперович, под ред. В. Колоколова, М.-Л.: Наука, 1959, серия «Лит. памятники»).

Ли Кэ (VII в. до н. э.), цзиньский сановник времен Весен и Осеней, убийца цзиньских правителей Си Ци (651 до н. э.) и Чжо-цзы (650 до н. э.), но и сам был умерщвлен в том же году.

Ли Пэн (род. 1928), премьер Государственного совета Китая 1988—1998, возглавивший затем законодательный орган, Народное собрание.

Ли Сы (ум. 208 до н. э.), крупный политический деятель в царстве, затем империи Цинь.

Ли Хунчжи (род. 1952), основатель (1992) религиозной буддистско-дао-ской секты «Фалунь Дафа» (доел. «Великий закон колеса Дхармы», в обиходе же ее зовут «Фалунь гун», доел. «Деяния колеса Дхармы»).

Ли Цзиньян (Li Jingyang).

Ли Цзочэ, правитель (*цзюнь*) области Гуаньфу в период установления династии Хань на переломе III—II вв. до н. э..

Ли Цзычэн (1606—1645), вождь Крестьянской войны 1628—1645 в Китае, пал в бою.

Ли Цзюэ, (род. 1914), китайский военачальник (генерал-майор), участвовал в создании китайской атомной бомбы (руководил полигоном).

Ли Цзянь, современный китайский историк и писатель, автор упоминаемой книги «Хроника событий за Красной стеной» («Хунцянь цзиши», 1996).

Ли Цзячэн (род. 1928), гонконгский торговец недвижимостью.

Ли Цюань (сер. VIII в. н. э.), танский автор комментария к военному трактату «Сунь-цзы».

Ли Чжилин (Li Zhilin).

Ли Чу, сановник (*дафу*) циского князя Цзин-гуна (правил 548—491 до н. э.).

Ли Чу, сановник луского государя Му-гуна (правил 407—377 до н. э.).

Ли Шаньинь (813—858), танский поэт.

Ли Шиминь, см. Тай-цзун.

Ли Шэн (III в. н. э.), вэйский сановник.

Ли Шэн (Li Sheng).

Ли Юань, см. Гао-цзу.

Ли Юй (1611—1679), китайский новеллист, драматург, музыковед, блестящий эссеист, создатель знаменитой печати «Сад с горчичное зерно» (на русском яз. см.: *Ли Юй*. Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти. Пер. Д. Воскресенского. М.: Худ. лит., 1995), автор упоминаемой пьесы «Самка феникса ищет самца» («Хуан цю фэн» — другое название «Песнь о селезне и утке» («юань ян чжуань»)) из цикла «Десять пьес Старца в бамбуковой шляпе» («Ли вэн ши чжун цюй»).

Ли Яньшоу (ум. 679), танский составитель (659) официальных хроник «История Северных династий» («Бэй ши» — сюда входят династии Северная Вэй (иначе Тоба-Вэй по имени основавшего ее племени тобгачей, по-кит. Тоба — 386—534), Восточная (534—550) и Западная Вэй (535-556), Северная Ци (550-577) и Северная Чжоу (557-581)) и «История Южных династий» («Нань ши» — сюда входят династии Лю-Сун (420-479), Ци (479-502), Лян (502-557) и Чэнь (557-589)).

Ливии (Livius), Тит (59 до н. э. — 17 н. э.), римский историк, автор «Римской истории от основания города» (142 кн.: сохранилось 35 — о событиях периода до 293 до н. э. и 218—168 до н. э.).

Линдгрэн (Lindgren), Астрид (1907—2002), шведская детская писательница.

Лин-ди, родовое имя Лю Хун (156—189), ханьский император (правил 168-189).

Линк (Link), Вернер (род. 1934), немецкий политолог.

Линкольн (Lincoln), Авраам (1809-65), 16-й президент США (1861-65), один из организаторов Республиканской партии (1854), выступившей против рабства. В ходе развязанной плантаторами Юга Гражданской войны в США 1861—1865 правительство Линкольна провело ряд демократических преобразований, в частности приняло законы о гомстедах (см. Гомстед-акт), об отмене рабства, обеспечило разгром войск южан. Вскоре после избрания президентом на 2-й срок убит южанином.

Линь Бяо (1906—1971), военачальник Народно-освободительной армии Китая, занимал пост министра обороны, погиб при загадочных обстоятельствах.

Линь Циньнань, иначе Линь Шу (1852—1924), литератор, переводчик (переложил на древний лит. язык гувэнь более 180 произведений европейских и американских авторов, воспринимая их «с голоса», в устном переводе на современный кит. язык), идеолог традиционализма.

Линь Шу, см. Линь Циньнань.

Линь Юйтан (1895—1976), китайский литератор, философ (долгие годы преподавал в Колумбийском университете) христианского вероисповедания, переводчик на английский язык даосских классиков Лао-цзы и Чжуан-цзы, с 1936 года жил за границей и лишь в конце жизни вернулся на Тайвань — 299, 512

Липперт (Lippert), Сабина.

Липпманн (Lippmann), Уолтер (1889—1974), американский социолог и публицист, основоположник американской журналистики, был советником двенадцати американских президентов. Наиболее известной его книгой (среди двадцати напечатанных) было изданное в 1922 исследование «Общественное мнение» (перевод отрывка из этой книги см.: *Почепцов Г. Г.* Теория и практика коммуникации. М., 1998).

Ло Гуанбинь (1924—1967), писатель, один из авторов романа «Красный утес» («Хун янь»).

Локк (Locke), Джон (1632—1704), английский философ.

Лондр (Londres), Альбер (1884—1932), легендарный французский журналист первой трети XX века, вдоль и поперек исколесивший мир и погибший при кораблекрушении в Красном море.

Ло Мадэн (жил в эпоху Ваньли, 1573—1620), минский автор упоминаемых «Записок о путешествии евнуха по прозвищу Три Драгоценности по Западному океану» («Саньбао тайцзянь сиян цзи тунсу яньи», 1597, сокр. (на рус. яз. см.: *Боревская Н.* «Сравнительный анализ «Лизиад» и «Плавания Чжэ Хэ по Индийскому океану» // «Народы Азии и Африки», 1969, номер 4)).

Лорен (Lauren), Пол Гордон, американский специалист в области международных отношений, автор нескольких книг по дипломатии.

Лортц (Lortz), Йозеф Адам (1887—1975), немецкий иезуит, специалист по Реформации, очень авторитетный в середине XX в. («лорцевская» школа католических специалистов по лютеранству), идейно оказался близок нацизму, автор упоминаемого учебника «История церкви» (2 тт. М.: Христианская Россия, 1999),

издаваемого с 1929 отдельными выпусками, переведенного на пять языков и выдержавшего 23 переиздания (21-е изд. 1962—64, полностью переработанное).

Лу Синь (1881—1936), писатель, мыслитель, общественный деятель, основоположник новой китайской литературы.

Лу Су (172-217), усский сановник.

Лу Тайвэй (Lu Taiwei).

Лу Чжи (754—805), высокопоставленный танский сановник, литератор (собственно, книг он не писал, не желая становиться предметом нападок, а память в потомстве сохранил благодаря своим докладным запискам («цзоу-и»), где затрагивал животрепещущие вопросы своего времени).

Лу Ю (1125—1210), сунский поэт.

Луйкен (Luyken), Райнер, политический обозреватель немецкого гамбургского либерального еженедельника *Caiit*.

Лука, евангелист.

Лун Юнь (1887—1962), военачальник у Чан Кайши.

Лутц (Lutz), Христиан (род. 1940), швейцарский экономист и журналист, автор многочисленных статей и книг, в 1980—1998 директор Института Готлиба Дутвайлера по прогнозированию.

Луциус (Lucius), Роберт фон (род. 1949), корреспондент немецкой газеты *Фракфуртер Альгемайне Цайтунг* в Африке (1987—2000), с 2001 в странах Скандинавии и Балтики.

Лэн Чэнцзинь (род. 1962), китайский литературовед.

Лю Ань (179—122 до н. э.), мыслитель, литератор, правитель области Ху-айнань (на территории совр. пров. Аньхуэй), по преданию, привлек несколько тысяч «гостей-приживальщиков» (бинькэ) — ученых, живших на его содержании, для написания трактата даоского толка «Ху-айнань-цзы» (доел. «Учители из Южного заречья реки Хуай»), и сам принял участие в его создании (есть частичный пер. на русский язык Л. Померанцевой (гл. 1, 2, 6, 7, 9, 12, 18, 21), см.: «XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки» (6—7 апреля 1999). СПб., Изд-во СПбГУ, 2000; или Дао де цзин. Книга пути и благодати. М., ЭКСМО, 2001, с. 65—330).

Лю Бан (256 или 247—195 до н. э.), один из руководителей восстания в Китае против циньской тирании в 209—206 до н. э., основатель династии Хань (206 до н. э.).

Лю Бэй (161—223) по прозвищу Сюаньдэ, военачальник, потомок ханьских императоров, ставший (221) во главе царства Шу (221 — 263) с центром в г. Чэнду.

Лю Бяо (142—208), правитель Цзинчжоу.

Лю Жуши (1618—1654), минская поэтесса.

Лю Ицин (403—444), восточноциньский царевич, составитель сборника коротких рассказов «Ходячие толки» («Ши шо»), позднее получившего название «Ходячие толки в новом пересказе» («Ши шо синь юй»), где запечатлены примечательные и курьезные случаи из жизни исторических личностей, большей частью эпохи II—V вв. н. э..

Лю Пи (216—154), племянник Лю Бана, сделавшего его усским правителем, проявил себя умелым администратором и экономистом, но в политике был неудачлив (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки*. М.: Восточная литература РАН, 2002, т. 8, гл. 106).

Лю Сян (77—6 до н. э.), каноновед (т. е. толкователь конфуцианских канонических («цзин») книг), библиограф, литератор, составитель упоминаемых сборников «Планы сражающихся царств» («Чжаньго цэ»), имеется частичный перевод на рус. яз.: *Васильев К. Планы Сражающихся царств* (исслед. и переводы). М.: Наука, 1968) и «Чуские строфы» («Чу цы»), автор упоминаемого «Хранилища учений» («Шо юань»).

Лю Цзесю, китайский языковед.

Лю Цзинь (ум. 1510 н. э.), придворный евнух, всесильный временщик, не избежавший в итоге плахи.

Лю Цзун (195—208 н. э.), второй сын Лю Бяо, правителя округа Цзин-чжоу, убит по приказу Цао Цао.

Лю Ци (180-208), сын Лю Бяо.

Лю Цинъюнь (1841 —1915), цинская поэтесса и драматург, автор упоминаемой пьесы «Противень» («Даньцин фу»).

Лю Чжан (ум. 219 н. э.), правитель области Ичжоу.

Людовик XI (1423—1483), французский король с 1461, из династии Валуа, проводил централизаторскую политику, подавлял мятежи.

Людовик XIII (1601 — 1643), французский король с 1610, первым министром которого был знаменитый Ришелье.

Людовик XIV (1638—1715), французский король с 1643, из династии Бурбонов, сын Людовика XIII.

Люй Бу (ум. 198 н. э.), ханьский военачальник.

Люй Мэн (178—219), усский военачальник.

Лютер (Luther), Мартин (1483—1546), деятель Реформации в Германии, начало которой положило его выступление (1517) в Виттенберге с 95 тезисами против индульгенций, отвергавшими основные догматы католицизма.

Ляйзер (Leiser), Эрвин (1923—1996), известный шведский кинорежиссер-документалист немецкого происхождения, главной темой творчества которого был германский нацизм.

Ляйхт (Leicht), Роберт (род. 1944), главный редактор гамбургского еженедельника «Цайт» в 1992—1997, ныне его политический обозреватель.

Лян Чэньюй (1521 — 1594), минский драматург, автор упоминаемой пьесы жанра чуаньци (досл. «история об удивительном») «Девушка, моющая шелк» («Хуань ша цзи»), кроме того оставил после себя путевые заметки «Записки о дальних странствиях» («Юань ю гао»), сделанные им во время многочисленных путешествий по стране, любителем которых слыл.

Лян Шаньбо (IV в. н. э.), возлюбленный Чжу Интай — 288 Лянь По (чья деятельность выпадает на 298—236 гг.), чжаоский военачальник времен Сражающихся царств (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки*. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 81).

Лянь По (чья деятельность выпадает на 298—236 гг.), чжаоский военачальник времен «Сражающихся царств» (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки*. М., Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 81).

Лянь Чжань (род. 1934), тайваньский государственный деятель, бывший вице-президент республики, ныне избран генеральным секретарем Гоминьдана, потерпел сокрушительное поражение на последних президентских выборах 2000 года, где победил мэр Тайбэя Чэнь Шуйбянь (род. 1950).

Ляо (VII в. до н. э.), канцлер (нэйши) циньского Му-гуна — 833 Ляо Моша (1907—1990), китайский журналист, драматург, член КПК с 1930 года, преследовался в годы «культурной революции».

М

Ма Су (190—228), шуский военачальник.

Ма Сэньлян, один из авторов книги «36 стратагем с примерами из древности и современности» («Сань ши лю цзи гу цзинь инь ли», Гонконг, 1969).

Ма Сяочунь (род. 1964), игрок в облавные шашки (обладатель девятого дана, чемпион мира 1995 года), автор книг «Вновь составленные 36 стратагем облавных шашек» («Синьбяо вэйци саньинию цзи»), «Тридцать шесть уловок и облавные шашки» («Сань ши лю цзи юй вэйци», Чэнду, 1990).

Ма Чжиюань (1250—1321), юаньский драматург, автор упоминаемой пьесы «Ма Даньян трижды обращает в

веру Бешеного Жэня» («Ма Даньян чжи саньди Фэнцзы»).

Ма Юнцин (в период 1106—1110 гг. получил высшую ученую степень *цзиньши*), суньский бытописатель, автор своеобразных энциклопедий (в виде очерков, заметок) «Слова в Юаньчэн» («Юаньчэн юй-лу» — представляет собой запись суждений происходящего из Юаньчэн (ныне административный центр области Дамин в пров. Хэбэй) своего учителя Лю Аньши (1048—1125), принадлежавшего философской школе знаменитого Сыма Гуана.

Мадер (Mader), Людвиг, немецкий переводчик древнегреческих и латинских авторов.

Майер (Meier), Генрих (род. 1953), немецкий философ, занимающийся изучением творчества политических философов и социологов Л. Штраусса (1899—1973) и К. Шмитта (1888—1985), издатель полного собр. соч. Л. Штраусса (вышло 6 тт.).

Майер (Meier), Христиан (род. 1929), специалист по античной истории (ординарный профессор Мюнхенского университета).

Майер (Meier), Эрнст Генрих (1811 — 1866), профессор ближневосточных языков в Тюбингене, известный собиратель народных преданий, обычаев, забав (выпустил в 1851 сборник детских игр и считалок из Швабии), автор упоминаемой книги «Deutsche Sagen, Sitten und Gebräuche aus Schwaben» (Штутгарт, 1852).

Майер-Мали (Mayer-Maly), Тео (род. 1931), немецкий историк права.

Майер-Пфангольц (Mayer-Pfannholz), Антон (1891 — 1982), немецкий богослов.

Макарчик (Makarczyk), Ежи, польский политик и правовед (профессор международного права), в 1989—1992 заместитель министра иностранных дел Польши, в 1992—2002 член Европейского суда по правам человека в Страсбурге.

Маккари (McCurry), Майк, пресс-секретарь Белого дома в 1995—1998 при Клинтоне.

Маккиавелли (Machiavelli), Никколо (1469—1527), итальянский политический писатель, историк (видел главную причину бедствий Италии в ее политической раздробленности, преодолеть которую способна лишь сильная государственная власть («Государь», 1513, издан 1532).

Маклуэн (McLuhan), Герберт Маршал (1911 — 1980), канадский социолог и культуролог, публицист.

Малком (Malcom) X (часто пишется Малькольм Икс, 1925—1965), один из лидеров черных мусульман Америки, поначалу ярый националист, ратовавший за расовую сегрегацию, но впоследствии отказавшийся от экстремистских взглядов, и это стоило ему жизни.

Мангейм (Mannheim) Карл (1893—1947), немецкий социолог (с 1933 в Великобритании), ученик Макса Вебера, создатель социологии знания; на рус. яз.: «Структурный анализ эпистемологии» (1922). М.: РАН ИНИОН, 1992, «Диагноз нашего времени» (сюда входит «Идеология и утопия»). М.: Юрист, 1994.

Манн (Mann), Томас, (1875—1955), немецкий писатель, Нобелевская премия (1929).

Мао Дунь (наст. имя ШэньЯньбин, 1896—1981), китайский писатель, автор упоминаемой социальной эпопеи «Перед рассветом» («Цзые», 1933, на русском яз. см.: *Мао Дунь. Сочинения*, 3 тт., т. 2. М.: Гослитиздат, 1956).

Мао Цзэдун (1893—1976), один из основателей КПК (председатель ЦК КП Китая (КПК) с 1943), в 1954—59 председатель Китайской Народной Республики (КНР).

Мариас (Magias), Хавьер (род. 1951), испанский писатель, романы «Чувствительный мужчина» (1986), «Былые страсти» (1991), «Сердца моего белизна» (1992), на рус. яз.: «Белое сердце», роман. Пер. с исп. Н. Мечтаевой. СПб: Амфора, 2001. «В час битвы завтра вспомни обо мне», роман. Пер. с исп. Н. Мечтаевой. СПб: Амфора, 2002 (опубликован в журнале «Иностранная литература», 2002, № 5).

Маркс (Marx), Карл (1818—83), мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма.

Марон (Maron), Моника (род. 1941), немецкая писательница и журналистка.

Мартин (Martin), Ганс-Петер (род. 1957), австрийский политолог (вопросы глобализации и экологии) и журналист, один из авторов бестселлера «Die Globalisierungsfalle» (1996: *Мартин Г. -П., Шуманн Х.* Западня

глобализации: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001).

Мартин (Martin), Гельмут (1940—1999), известный немецкий синолог (современная китайская и тайваньская литература) и переводчик, в 1993 основал Переводческий центр им. Рихарда Вильгельма (Richard-Wilhelm-bbersetzungszentrum).

Матт (Matt), Петер фон (род. 1937), швейцарский германист и литературный критик, ординарный профессор новейшей немецкой литературы в Цюрихском университете, кого немецкий критик Марсель Райх-Раницки назвал «самым значительным писателем немецкоговорящей Швейцарии».

Мауль (Maul), Стефан М. (род. 1958), немецкий ассириолог (профессор Гейдельбергского университета), лауреат престижной премии им. Лейбница (1997).

Маух (Mauch), Ульрих, швейцарский пастор, автор книг *Der listige Jesus*, Zürich, 1992, *Jesus und die List: Über menschenfreundliche Strategeme*, Theologischer Verlag Zürich, 2001 (введение написал Харро фон Зенгер).

Маухер (Maucher), Хельмут (род. 1927), президент фирмы «Нестле» с 1982.

Мейер (Meyer), Мартин (род. 1951), немецкий публицист.

Мейер-Тимпе (Meyer-Timpe), Ульрика, экономическая обозревательница либерального гамбургского еженедельника *Цайт*.

Мейлер (Mailer), Норман (род. 1923), американский писатель и публицист.

Мёглинг (Mögling), Вильмар, переводчик на немецкий язык всего Хань Фэй-цзы («Die Kunst der Staatsführung. Die Schriften des Meisters Han Fei», Leipzig, 1994).

Мёрш (Morsch), Георг (род. 1940), немецкий профессор архитектуры, занимается охраной исторических памятников, член Союза архитекторов Швейцарии.

Миллер (Miller), Артур (род. 1915), американский драматург.

Милошевич (Milosevic), Слободан, (род. 1941), президент Сербии (1986), переизбран в 1990 и 1992, с 1997 по 2000 гг. президент Югославии, ныне как военный преступник, обвиняемый в этнических чистках, предстал перед Гаагским международным судом.

Мин-ди, родовое имя Цао Жуй (203—238), вэйский император с 226.

Мин-ди (28—75), родовое имя Лю Чжуан, восточноханьский император с 57 н. э..

Мин-ди (452—498), родовое имя Сяо Луань, племянник Гао-ди, южно-циский император с 484 н. э..

Минерби (Minerbi), Серджио Ицхак, родом из Италии, живущий на Святой земле с 1947 израильский историк (отношения Израиля с Ватиканом) и бывший посол в Бельгии.

Минь-ван, циский государь (правил 323—284 до н. э., или согласно *Бамбуковым анналам* («Чжушу цзинянь») 300—284).

Миттеран (Mitterrand), Франсуа (1916—96), президент Франции в 1981—95 гг., 1-й секретарь французской Социалистической партии в 1971-81 гг..

Мо Вансюн (Mo Wangxiong).

Мозер (Moser), Майкл, американский юрист, специалист в области китайского права, консультант деловых кругов Китая и Запада.

Мольер (Molière), наст, имя и фам. Жан Батист Поклен (Poquelin) (1622—1673), великий французский комедиограф, актер.

Монро (Monroe), Джеймс (1758—1831), 5-й президент США (1817— 1825), в 1823 провозгласил доктрину Монро.

Монтани (Montani), Марко.

Монтескье (Montesquieu), Шарль Луи (1689—1755), французский просветитель, правовед, философ, чья теория «разделения властей» оказала большое влияние на развитие конституционной мысли XVIII—XX вв..

Морохаси Тэцудзи (1883—1982), составитель знаменитого «Большого китайско-японского словаря» в 13 тт. («Дай канва дзитэн», первое издание 1955—1960, второе 1984—1986).

Мубарак Мухаммед Хосни Сейид (род. 1928), президент Египта с октября 1981.

Му-гун, луский государь (правил 407—377 до н. э.).

Му-гун, циньский государь (правил 659—621 до н. э.).

Мухаммед Али, или Али-Бей аль-Кабир (1728—1773), мамлюкский правитель Египта с 1757 (с 1770 султан), в период русско-турецкой войны 1768—74 выслал турецкого пашу (1768), провозгласил (1770) независимость Египта и начал войну с Турцией, в 1772 был свергнут мамлюкскими беями, противниками борьбы с Турцией, и бежал в Палестину.

Мушг (Muschg), Адольф, (род. 1934), швейцарский немецкоязычный писатель, литературовед, историк литературы, на рус. яз.: «Счастье Зуттера», роман. Пер. с нем. и послесловие Вл. Седельника, журнал «Иностранная литература», № 12, 2002.

Мэй Чэн (ум. 140 до н. э.), уский сановник.

Мэй Яочэнь (1002—1060), сунский поэт, один из десяти признанных комментаторов военного трактата «Сунь-цзы».

Мэн Кэ (около 372—289), мыслитель, политик, второй после Конфуция идеолог раннего конфуцианства, чье учение представлено в конфуцианском каноне «Мэн-цзы», который на русском яз. в переводе В. Колоколова издан в 1999 году (есть старый, дореволюционный (1904) перевод П. Попова, переизданный в 1998).

Мэн Сянь-цзы (ум. 554 до н. э.), родовое имя Чжунсунь Ми, луский сановник.

Мэн Тянь (ум. 210 до н. э.), циньский военачальник.

Мэнчан-цзюнь, родовое имя Тянь Вэнь (ум. около 279 до н. э.), виднейший циский политик времен Сражающихся царств (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 75, там же упомянут эпизод с Фэн Хуанем*).

Мэп (Мар или Mapes), Уолтер (около 1140 — около 1209), средневековый английский священник, литератор, остроумец. *Mort Artus Queste del Saint Graal*.

Мюллер (Müller), Герфрид Г. В., современный немецкий ассиролог.

Мюллер (Müller), Изо (род. 1901), немецкий богослов и историк церкви, монах-бенедиктинец.

Мюллер (Müller), Курт (род. 1925), швейцарский общественный и политический деятель, в 1957—1990 возглавлял отечественную редакцию *Новой цюрихской газеты*.

Мюллер (Müller), Христиан, боннский корреспондент (1988—1997) *Новой цюрихской газеты*.

Мюнклер (Münkler), Герфрид (род. 1951), профессор политологии берлинского Университета имени Гумбольдта, автор книг и публикаций.

Мюнхгаузен (Münchhausen), Иероним Карл Фридрих (1720 —1797), барон, немецкий солдат, родом из Ганновера, сражался в русской армии против турок; выйдя в отставку в 1760 году, принялся за написание мемуаров и описание своих приключений. Стал прототипом героя «Приключений барона Мюнхгаузена» немецкого писателя Р. Э. Распе (1785) и синонимом экстравагантного хвастуна и бахвала.

Мяо Сянь (III в. до н. э.), чжоуский старший евнух.

Мясников, Владимир Степанович (род. 1931), академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. Труды по международным отношениям на Дальнем Востоке, новой и новейшей истории Китая. Научный редактор выпущенного в 1995 российским изд. «Прогресс» первого тома «Стратегем» Харро фон Зенгера.

Н

Навуходоносор (Набу-кудурри-уцур, 630—562 до н. э.), вавилонский царь с 605 до н. э..

Найдер (Najder), Здислав (род. 1930), польский историк литературы, публицист, политик, в 1978 году покинул страну, работал на Радио «Свобода» (в 1983 году был приговорен военным судом в Польше к смертной казни за шпионскую деятельность, в 1989 оправдан), в 1990 году вернулся на родину, занимал высокие посты в Солидарности, ныне оказывает существенное влияние на формирование внешней политики Польши.

Найдхард (Neidhard), Христоф, политический обозреватель швейцарского еженедельника *Вельтвохе*.

Наката Тосабуро (1887—1967), японский изобретатель шариковой ручки с укороченным стержнем.

Нань Хуайцинъ (род. 1918), чань-буддийский монах и ученый муж, живущий ныне на Тайване, автор упоминаемого труда «Иной взгляд на Лунь юй» («Лунь юй бецай»).

Наполеон I (Napoléon) (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император в 1804—14 и в марте — июне 1815.

Нараянан, Кочерил Раман (род. 1921), президент Индии с 1997.

Нардоне (Nardone), Джорджо (род. 1958), итальянский психотерапевт.

Насер (Nasser), Гамаль Абдель (1918—1970), президент Египта с 1956.

Насс (Naß), Маттиас, заместитель гл. ред. и политический обозреватель гамбургского либерального еженедельника «Цайт».

Науманн (Naumann), Клаус-Дитер (род. 1939), немецкий военный, генеральный инспектор Бундесвера (1991 — 1996), глава Военного комитета НАТО (1996—1999).

Нваканма, Оби (Nwakanma, Obi), современный нигерийский поэт.

Нейман (Neumann), Карл Эйген (1865—1915), австрийский исследователь буддизма, получивший основательные знания в Берлине и Лейпциге; став в 1884 году буддистом, он посвящает свою жизнь переводу священных текстов палийского канона *Tunataka*, упоминается 1. *Die Reden Gotamo Buddhos aus der Mittleren Sammlung (Majjhimanikāyo)*, Bd I: Leipzig: Friedrich, 1896. Bd II: Leipzig: Friedrich, 1900. Bd III: Berlin: Altmann, 1902. 2. *Die Lieder der Mönche und Nonnen Gotamo Buddhos / aus den Theragātha und Therogāthā zum erstenmal übers.* Berlin: Hofmann, 1899.

Неру (Nehru), Джавахарлал (1889—1964), премьер-министр и министр иностранных дел Республики Индия с 1947, сподвижник Ганди в борьбе за национальное освобождение.

Неф (Nef), Эрнст (род. 1931), швейцарский литературный критик и поэт.

Ни Вэнья (род. 1906), видный тайваньский государственный деятель, в 1972—1989 возглавлял законодательное собрание Тайваня Лифаю-ань.

Нивёнер (Niewöhner), Фридрих (род. 1941), немецкий философ (история европейской и ближневосточной философии).

Никиш (Niekisch), Эрнст (1889—1967), политический деятель Германии, предтеча европейского национал-большевизма (провозвестник всех консервативных революций третьего мира — сочетание темы социальной справедливости и почвенности, органической традиционности), воплощение нонконформизма (тюрьма при Веймарской республике, при Гитлере).

Никсон (Nixon), Ричард 1913-1994), 37-й президент США в 1969-1974 от Республиканской партии (ушел со своего поста из-за угрозы импичмента).

Нимиц (Nimitz), Честер Уильям (1885-1966), американский адмирал флота (1944). Во Вторую мировую войну с 1942 главнокомандующий американскими вооруженными силами в Тихоокеанском районе. Провел несколько успешных крупных операций против японских вооруженных сил. 2.09.1945 подписал от имени США акт о капитуляции Японии.

Нин У-цзы, иначе Нин Юй (У — посмертное имя VII в. до н. э.), сановник вэйских князей Вэнь-гуна (правил 659—635) и Чэн-гуна (правил 635—600), упоминается в «Лунь юй» и «Цзо чжуань».

Нифергельт (Nievergelt), Дитер, швейцарский архитектор.

Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844—1900), немецкий философ.

Ноак (Noack), Пауль (род. 1925), немецкий политолог, публицист, писатель, автор упоминаемой книги «Olympe de Gougues: 1748—1793. Kurtisane und Kämpferin für die Rechte der Frau» (1992).

Нойком (Neukom), Мариус, швейцарский психотерапевт.

Норманд (Normand), Роджер Майкл, американский юрист, специалист в области прав человека.

Норьега (Noriega), Мануэль (род. 1938), военный диктатор Панамы (1983—1989), в 1990 году был насильственно захвачен американцами, а затем осужден за торговлю наркотиками.

Нун Чжигао (1025 — 1055), племенной вождь так называемых южных варваров (предводитель рода Нун) из области Гуаньюаньчжоу (частью располагалась на территории совр. Вьетнама и Гуанси), основавший в 1041 свое государство Далиго, а в 1052 провозгласивший себя императором Жэньхуэй-хуанди созданной империи Данань (иначе «Нань тяньго»), открыто поднявший бунт против династии Сун и захвативший девять южных областей. В 1053 более чем тридцатитысячная сунская армия под командованием Ди Цина разгромила войска Нун Чжи-гао в Юнчжоу (Гуанси) в битве у заставы Куньлунь (на границе нынешних уездов Юннин и Биньян), пленила его мать и младшего брата. Сам Нун Чжигао бежал в сопредельное государство Дали, где, согласно некоторым историческим свидетельствам, был позже убит.

Нур Мухаммед Тараки (1917—1979), президент Афганистана в 1978—1979.

Ньерере (Nyerere), Джулиус Камбарадже (1922—1999), президент Танзании в 1964—1985, один из основателей Организации африканского единства (ОАЕ) в 1963, международная Ленинская премия мира (1987).

Ньютон (Newton), Исаак (1643—1727), английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики, член (с 1672) и президент (с 1703) Лондонского королевского общества.

О

Обермюллер (Obermüller), Клара, швейцарская писательница, литературный критик и редактор *Новой юрихской газеты*, ныне телеведущая передачи «Звездный час философии».

Оберндёрфер (Oberndörfer), Дитер (род. 1929), немецкий социолог и политолог.

Овидий, Публий Овидий Назон (43 до н. э. — около 18 н. э.), римский поэт.

Оги (Ogi), Адольф (род. 1942), представитель кантона Берн в Федеральном собрании с 1987, президент Швейцарской конфедерации в 1993 и 2000, советник Генсека ООН Кофи Аннана по вопросам спорта с 2001.

Одиссей.

Олбрайт (Albright), Мадлен (род. 1937), госсекретарь США в 1997-2000 гг. при Клинтоне.

Олоферн.

Ор (Ohr), Рената (родилась 1953), немецкий экономист, профессор Геттингенского университета.

Орсини (Orsini), Паоло (ум. 1503), итальянский кондотьер.

Осирис (Озирис), в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы, брат и супруг Исиды, отец Гора, покровитель и судья мертвых.

Отт (Ott), Эдвард Эмиль, швейцарский правовед, автор упоминаемой книги «Juristische Dialektik».

Отте (Otte), Герхард, современный немецкий историк права.

Оуян Сю (1007—1072), сунский ученый муж, писатель, поэт, на основе официальных хроник пяти династий

(получившей название старой: «Цю удай ши» — (974), автор Сюэ Цзючжэн (912—981)) и династии Тан (получившей название старой: «Цю тан шу» (945), автор Лю Сюй (888—947)) составивший Новую хронику династии Тан («Синь тан шу», 1061), а также новую хронику пяти династий («Синь удай ши», 1072).

П

Павел, апостол.

Пан Тун (178—213), шуский военачальник.

Пан Цзюань (IV в. до н. э.), вэйский военачальник времен Сражающихся царств.

Пантоя (Pantoja), Дидакус де (исп. Диего де Пантоха), известный в Китае под именем Пан Диво (1571 — 1618), иезуитский священник родом из Испании, основавший вместе с Маттео Риччи .

Парин (Parin), Пауль (род. 1916), выходец из Словении, хирург, затем психоаналитик, один из зачинателей этнопсихологии, немецкоязычный писатель.

Паси (Pusey), Джеймс Рив (род. 1940), американский синолог, автор упоминаемой книги «Wu Han: Attacking the Present Through the Past» (1969).

Пауль (Paul), Грегор (род. 1947), немецкий философ, занимается сравнительным изучением философии, особенно на китайском и японском материале, президент с 1998 Немецко-китайского общества.

Пауль (Paul), Кармен, немецкая китаеведка.

Пелинка (Pelinka), Антон (род. 1941), австрийский профессор политологии.

Пемзель (Pemsel), Хельмут (род. 1927), австрийский предприниматель, автор серии книг об истории мореплавания (вышло три из намечаемых семи томов серии).

Перк (Perk), Иоганн, швейцарский монах-сезианец (т. е. член католического монашеского ордена, избравшего своим покровителем Франциска Сальского (1567—1622) и основанного в 1859 св. Джованни Боско (дон Боско) (1815—1888), цель ордена — школьное образование и воспитание детей), автор перевода на немецкий Нового Завета (1944).

Першинг (Pershing), Джон Джозеф (1860—1948), американский генерал армии (1919), с 1917 командующий американскими экспедиционными силами в Европе. В 1921 — 1924 начальник штаба армии США.

Петр из Блуа (1130—1203), священнослужитель (архидиакон Батский, затем Лондонский и поверенный архиепископа Кентерберийского) и государственный деятель (служил английскому и французскому двору), богослов.

Петр, апостол.

Пеш (Pesch), Рудольф (род. 1936), немецкий католический богослов (специалист по Новому Завету), ныне проживает в Иерусалиме.

Пий IX (в миру Джованни Мария, 1792—1878), папа римский с 1846.

Пий XII (в миру Эудженио Пачелли, 1876—1958), папа римский с 1939.

Пин Будиан (1832—1896), цинский писатель, автор упоминаемых «Россыпей, собранных за [пологом]» («Ся вай цзюнь се»).

Пиночет (Pinochet), Аугусто (род. 1915), президент Чили в 1974—1989, генерал, в 1973—1974 председатель военной хунты, захватившей власть, в сентябре 1973 в результате военного переворота установил диктаторский режим.

Пиплз (Peeples), Марио Ван (род. 1957), афро-американский кинорежиссер и актер, фильм «Пантеры» (1995) по сценарию отца, известного режиссера и сценариста Мелвина Ван Пиплза.

Пит (Pieth), Рето, швейцарский журналист, корреспондент еженедельника *Вельтвохе* в Канаде.

Пич (Pietsch), Изольда, корреспондентка *Новой цюрихской газеты*.

Пол (Pohl), Стефан, экономический обозреватель немецкой газеты *Westfalenpost*.

Полански (Polanski), Роман (род. 1933), англо-американский кинорежиссер, сценарист, продюсер родом из Польши, с 1979 французский гражданин.

Поло (Polo), Марко (около 1254—1324), венецианский купец, путешественник и писатель.

Помпиду (Pompidou), Жорж (1911 — 1974), президент Франции с 1969.

Поппер (Popper), Карл (1902—1994), английский философ, логик и социолог, родом из Австрии.

Потемкин, Григорий (1739—1791), российский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784), один из участников дворцового переворота 1762, фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II.

Пройсль (Proissl, род. 1967), Вольфганг, немецкий журналист, экономический обозреватель гамбургского либерального еженедельника *Цайт* в Париже (1995—1999), с 1999 заведующий заграничным отделом немецкого издания *Файненшл таймс* (Financial Times Deutschland).

Птак (Ptak), Родерих, немецкий синолог, ученик Альфреда Хофмана (Hoffmann, 1911 — 1997), переводчик «Записок о путешествии евнуха по прозвищу Три Драгоценности по Западному океану» («Cheng Hs Abenteuer im Drama und Roman der Mingzeit. «Hsia Hsi-yang»: Eine Übersetzung und Untersuchung «Hsi-yang chi»: Ein Deutungsversuch», Stuttgart, 1986).

Пэй-гун («правитель Пэй»), см. Лю Бан.

Пэй Сунчжи (372—451), южносунский историк, автор «Комментариев к *Троецарствию*» («Саньго чжи чжу»).

Пэй Ци (570—632) по прозвищу Сюань Чжэнь, суйский сановник (помощник управляющего (*фуцзянь*) императорским дворцом в Цзиньяне (ныне г. Тайюань в провинции Шаньси)), затем царедворец основателя танской династии Гао-цзу.

Пэн Дэхуай (1901 — 1974), военачальник, министр обороны КНР, одна из первых жертв «культурной революции».

Пэн Минминь (род 1923), тайваньский политический деятель.

Пэн Чжэнь (1902—1997), партийный и государственный деятель КНР.

Пэн Юаньцай (XII—XIII вв.), южносунский музыкант и поэт, дядя знаменитого поэта-монаха Хуэйхуна (см.).

Пэрри (Parry), Ричард Ллойд, английский журналист («Independent», «Times»), с 1995 живущий в Токио.

P

Райнахер (Reinmacher), Пия, литературный критик *Франкфуртер Альгемайне Цайтунг*, родом из Швейцарии.

Райх-Раницкий (Reich-Ranicki), Марсель (род. 1920), польский еврей, выживший в Варшавском гетто, чьей родиной и убежищем с детских лет стала немецкая литература. Влиятельнейший из литературных критиков Германии (Моя жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2002).

Ранер (Rahner), Карл (1904—1984), немецкий религиозный философ, теолог, ведущий представитель неотолизма, член ордена иезуитов (с 1922). Теологию Ранера называют «переложением мистического опыта на современный язык», на протяжении десятилетий он оказывал глубокое воздействие на идейную жизнь Католической церкви.

Резе-Шефер (Reese-Schäfer) Вальтер (род. 1951), немецкий профессор политологии.

Рейган (Reagan), Ненси (род. 1923), супруга Рональда Рейгана.

Рейган (Reagan), Рональд (род. 1911), 40-й президент США (в 1981—89) от Республиканской партии.

Рейнольдс (Reynolds), Берт (род. 1936), американский киноактер.

Рёдер (Röder), Зигфрид, немецкий языковед.

Рерих (Röhrich), Лутц (род. 1922), немецкий фольклорист, профессор Фрейбургского университета, редактор «Enzyklopädie des Märchens».

Рихтер (Richter), Хорст-Эберхард (род. 1923), крупный немецкий психоаналитик, сотрудник института Зигмунда Фрейда во Франкфурте, автор многих книг, в том числе упоминаемой «Der Gotteskomplex» («Комплекс бога», 1979).

Риччи (Ricci), Маттео, известный в Китае под именем Ли Мадоу (1552—1610, Пекин), итальянский иезуит, миссионер, несколько басен Эзопа Риччи приводит в сочинении «Десять рассказов о незаурядных людях» («Цзижэнь шипянь»).

Ришелье (Richelieu), Арман Жан дю Плесси (1585—1642), кардинал (с 1622), с 1624 глава Королевского совета, фактический правитель Франции.

Робинсон (Robinson), Мэри (род. 1944), президент Ирландии (1990—1997), с 1997 Верховный комиссар ООН по правам человека.

Робинсон (Robinson), Неемия, литовский еврей, создатель (1941) вместе с братом Яковом и второй после него директор (1947—1964) выработавшего идею Нюрнбергского процесса и репараций Института по делам евреев (The Institute of Jewish Affairs, ныне располагается в Лондоне), выдающийся знаток права, автор упомянутой книги «Universal Declaration of Human Rights — Its Origins, Significance and Interpretation» (1950).

Ройен (Rouen), Рене ван, голландский историк античности из Амстердамского университета.

Роллан (Rolland), Ромен (1866—1944), французский писатель, нобелевский лауреат (1915).

Рот (Roth), Йозеф (1894—1939), известный австрийский писатель.

Роулз (Rawls), Джон (1921—2002), американский этический философ, автор (1971) знаменитой книги «A Theory of Justice» (Роулз Д., Теория справедливости. Новосибирск: Наука, 1995).

Ру (Ruh), Ганс (род. 1933), швейцарский профессор социальной этики.

Рузвельт (Roosevelt), Франклин Делано (1882—1945), американский президент (с 1933), четыре раза избирался на этот срок.

Руфен (Rufin), Жан-Кристоф (род. 1952), французский писатель, дважды лауреат Гонкуровской премии, автор упомянутой книги «L'Empire et les nouveaux barbares» (1996), врач по образованию, он один из основателей международного движения «Врачи без границ».

Русди (Rushdie), Салман (род. 1947), английский писатель родом из Индии, за роман «Сатанинские стихи» (1988) заочно приговорен аятоллой Хомейни к смертной казни по обвинению в антиисламской направленности (вынужден скрываться от мусульманских фанатиков), автор упоминаемого романа «Прощальный вздох мавра» (на рус. яз.: пер. с англ. Л. Мотылева. СПб: Лимбус Пресс, 1999).

Рюле (Ruble), Михаэль (род. 1959), руководитель сектора разработки политики и составления речей (Policy Planning and Speech Writing Section) в отделе политического планирования (Political Affairs Division) НАТО.

Рюмкорф (Rühmkorf), Петер (род. 1929), известный немецкий писатель и поэт.

Рюз (Ruhe), Фолькер (род. 1942), министр обороны Германии в 1992-1998, с 1998 зампредела фракции ХДС/ХСС в Бундестаге.

С

Садат (Sadat), Анвар (1918—1981), президент Египта с 1970, заключил мирный договор с Израилем (1979), Нобелевская премия мира (1978), убит в ходе покушения.

Салем (Salem), Жерар, швейцарский психиатр.

Салис (Salis), Жан-Рудольф фон (1901—1996), швейцарский историк и публицист.

Санэ (Sané), Пьер (род. 1948), синегальский политический деятель, с 1993 генеральный секретарь Эмнести Интернэшнл (англ. Amnesty International — Международная амнистия), основана в 1961 британским юристом Питером Бененсоном (Benenson, род. 1921) — международной независимой неправительственной организации по защите прав человека (особенно незаконно репрессированных, политических узников совести, религиозных и др. диссидентов, инакомыслящих).

Свифт (Swift), Джонатан (1667—1745), английский писатель, политический деятель, автор «Путешествий Гулливера».

Се Вэньцин (Xie Wenqing).

Семпе (Sempé), Жан-Жак (род. 1932), известный во всем мире французский рисовальщик и карикатурист, автор многих комиксов, иллюстраций к книгам (*П. Зюскинд. Повесть о господине Зоммере*). СПб: Азбука, 2000).

Сет (Сетх), в египетской мифологии божество пустыни, противопоставлялся Осирису как олицетворение войны, засухи, смерти, изображался в виде человека с головой осла.

Си Ши (V в. до н. э.), юэская красавица.

Силлаба (Syllaba), Александр, автор книги (магистерская диссертация) «Tibet — Sein stilles Sterben. Die Minderheitenpolitik der VR China am Beispiel Tibets» (1992).

Симпсон (Simpson), Орентал Джеймс (род. 1947), звезда американского футбола (обладатель Кубка Хайсмана, занесен в Зал Славы Национальной футбольной ассоциации в составе «Буффало Билз»), обвиненный в убийстве (1994) своей бывшей жены и ее любовника.

Синатра (Sinatra), Фрэнк (1915—1998), американский эстрадный певец и киноактер.

Синь Цин (Xin Qing).

Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson) (1178—1241) — исландский ученый, поэт, проявил блестящие способности в овладении самыми различными отраслями знаний и благодаря приобретенным знаниям занимал высокий судейский пост, соответствующий рангу графа. Однако некоторые его личные качества (как рассказывают, жадность), беспокойная и несдержанная натура вовлекли его в распри не только со многими влиятельными людьми, но даже с собственной родней, он был убит одним из своих родственников (зятем), вступившим в прямой заговор с его врагами. Его сочинения: «Эдда Младшая» («Снорриева Эдда», после 1222) — трактат о древнескандинавской мифологии и поэзии, королевская сага «Круг земной» (около 1225—1230) — история Норвегии до 1177 (Heimskringla).

Сноу (Snow), Эдгар (1905—1972), американский журналист.

Сойер (Sawyer), Ральф Д., известный американский специалист по военной истории и военному делу Китая, переведший все семь классических трактатов (на рус. яз. см.: «У-цзин: семь военных канонов Древнего Китая». Пер. с англ. Р. Котенко. СПб: Евразия, 2001).

Сократ (около 470—399 до н. э.), древнегреческий философ.

Солженицын, Александр Исаевич (род. 1918), русский писатель (Нобелевская премия 1970).

Солива (Soliva), Клаудио (род. 1929), швейцарский историк права.

Сталин, Иосиф (1878—1953), политический деятель СССР, в 1922—1953 генеральный секретарь ЦК партии.

Старр (Starr), Кеннет Уинстон (род. 1946), государственный обвинитель по делу Моника Левински против Президента США.

Стэнтон (Stanton), Эдвин М. (1815—1869), североамериканский политический деятель, был адвокатом в Вашингтоне. В 1861 г., при президенте Линкольне, сделался военным министром и оказал большие услуги своей неутомимой деятельностью по организации и доставке продовольствия во время междоусобной войны; с другой стороны, он грешил непотизмом и вмешательством в военные операции. С. выступил противником примирительной политики Джонсона и был смещен с должности, что имело последствием государственное обвинение против президента. В 1868 г. С. был назначен членом Верховного суда.

Су Дунпо, иначе Су Ши (1036—1101), сунский писатель, поэт и государственный муж.

Су Жочжоу (род. 1946), один из авторов книги *Военные речения* («Цзюньши чэньюй», 2-е изд., Тайюань, 1984).

Сунь Бинь (IV в. до н. э.), циский полководец времен Сражающихся царств (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки*. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, с. 49—51 (гл. 65)).

Сунь Цзянь (155—191), ханьский наместник области Чанша, отец Сунь Цюаня.

Сунь Цюань (182—253), военачальник, ставший правителем царства У (222—253) со столицей в Нанкине.

Сунь Ю (XVI в.), минский драматург, автор упоминаемой пьесы «Песнь, тронувшая сердце» («Цинь синь цзи»).

Сунь Ятсен (диалектная версия от Сунь Исянь, 1868—1925), китайский политический деятель, вождь Синьхайской революции 1911—1913, первый (временный) президент Китайской Республики (1 января—1 апреля 1912), в 1912 основал партию Гоминьдан, в 1917—1919 и 1923—1925 возглавлял правительство Южного Китая в Гуанчжоу, автор упоминаемой статьи «Три народных принципа» («Сань минь чжуи», 1924), на рус. яз.: *Сунь Ятсен. Основные идеи Сан-Мин: Три начала народоправства*, Харбин, 1929- *Сунь Ятсен. Избранные произведения*. Под ред. С. Тихвинского, 2-е, испр. и доп. изд.. М.: Гл. ред. вост. лит., 1985.

Сунь-цзы (иначе Сунь У, VI в. до н. э. — нач. V в. до н. э.), циский полководец, автор одного из семи классических военных трактатов «Военное искусство Сунь-цзы» («Сунь-цзы бинфа»), сокращенно «Сунь-цзы».

Суттер (Sutler), Патрик, швейцарский правовед (международное право), внештатный преподаватель университета в Санкт-Галлене.

Сухарто (Suharto) (род. 1921), президент Индонезии в 1968—1998.

Сыма (Тянь) Жанцзюй, (VI — нач. V в. до н. э.), полководец времен циского государя Цзин-гуна (правил 548—491 до н. э.), автор «Сыма фа» («Правила Сыма»), одного из военных трактатов, входящих в состав «Семикнижия военного канона».

Сыма Гуан (1019—1086), философ, историк, государственный деятель (канцлер), автор исторического труда «Всеотражающее зеркало, управлению помогающее» («Цзычжи тунцзянь»). Н. Я. Бичурин (1777—1853) полностью перевел выдающийся памятник китайского аналитического историописания «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» («Основное содержание «Всеобъемлющего зеркала, управлению помогающего») — многотомный труд (из 59 цзюаней), составленный Чжу Си на основе знаменитой сводной истории Сыма Гуана «Цзычжи тун-цзянь». Перевод был поименован «Летопись Китайской Империи, называемая Юй-пъхи цзы-чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись Древнюю, Среднюю и Новейшую. Перевод с китайского. Тома I—XV». Этот крупнейший труд выдающегося ученого хранится в настоящее время в АВ СПбФ ИВ РАН и по сей день остается неизданным, хотя сотрудники Института востоковедения АН несколько раз предпринимали усилия к изданию перевода (подготовили к изданию 16 томов «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» и составили к ним примечания).

Сыма И (179—251), вэйский военачальник.

Сыма Сянжу (179—117 до н. э.), ханьский поэт жанра фу (придворной оды) (биографию см. у Сыма Цяня в «Ши цзи», гл. 130, на русском яз.: *Сыма Цянь. Избранное*. Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Худ. лит., 1955, с. 283-325).

Сыма Цянь (145 или 135 — около 86 до н. э.), древнекитайский ученый-историк, главный труд которого — «Исторические записки» («Ши цзи»).

Сыма Чжао (211—265), сын Сыма И.

Сыма Ши (208—255), сын Сыма И.

Сыма Янь (236-290), вэйский военачальник, основавший (265) на месте династии Вэй династию Цзинь и получивший династийное имя У-ди.

Сюань-ван, родовое имя Лянфу, цзинский, т. е. чуский, государь (правил 369-340).

Сюань-ван (правил 342—329 до н. э.), циский государь.

Сюаньцзун, родовое имя Ли Чэнь (810—859), танский император в 847-859.

Сюй Гоцзин (Xu Guojing).

Сюй Синью (род. 1644) — ученик Хуан Лунши (см.), считался лучшим игроком своего времени в облавные шашки.

Сюй Цзилинь (род. 1957), китайский историк.

Сюй Цзя (сер. III в. до н. э.), вэйский сановник эпохи Сражающихся царств.

Сюй Цзянь (659—729, танский составитель энциклопедии «Записи для приступающих к учебе» («Чусюэ цзи», 34 тт., 749).

Сюй Чуньюй (Xu Chongyu).

Сюнь Куан (около 313 — около 238) по прозвищу Цин, крупнейший философ и просветитель Древнего Китая, принадлежал к конфуцианской школе, испытывал сильное влияние философии даосизма, легизма и моизма, оставил обширный труд, носящий имя автора «Сюнь-цзы» (первый редактор и систематизатор трудов философа Лю Сян (см.) именует его Сунь Цин).

Сюнь Си (ум. 650 до н. э.), советник цзиньского Сянь-гуна (правил 676—651).

Сюнь Ю (157—214), один из советников Цао Цао.

Сюнь-цзы, см. Сюнь Куан.

Сюэ Тао (770—832), танская поэтесса.

Сюй Тянью (XIII в.), юаньский автор комментированного издания «Весен и Осеней У и Юэ» («У Юэ чуньцю»).

Сюэ Чанжу (1000—1061), сунский военачальник.

Ся Чжан (Hsia Chang), Мария, американская профессор политологии родом с Тайваня.

Ся Янь (1482—1548), минский сановник, глава (*шоуфу*) дворцового секретариата (*нэйгу*).

Сян Лян (ум. 208 до н. э.), чуский военачальник, восставший против гегемонии империи Цинь.

Сян Цянь (Xiang Qian).

Сян Чжуан, двоюродный брат чуского правителя Сян Юя (см.), пытавшийся заколоть Лю Бана (см.).

Сян Юй (232—202), племянник Сян Ляна, чуский военачальник, свергший последнего циньского императора, став единовластным правителем Китая (206 до н. э.), но затем побежденный Лю Банем, основателем впоследствии Ханьской династии (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1975, т. 2, гл. 7*).

Сян-ван по имени Фа Чжан, циский государь (правил 283—265 до н. э.).

Сянжу (III в. до н. э.), чжаоский придворный сановник времен Сражающихся царств (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 81*).

Сянь Гао (VII в. до н. э.), чжэнский купец.

Сянь-гун, родовое имя Гуй Чжу, цзиньский государь (правил 676—651 до н. э.).

Сянь-ди (181—234, родовое имя Лю Се), последний ханьский император (189-220).

Сяо Вэнь-ди (202—157), родовое имя Лю Хэн, ханьский император (179-157).

Сяо Лунь (Xiao Lun).

Сяо Цзин-ди (188—141), родовое имя Лю Ци, ханьский император (157-141).

Сяо Цзысянь (489—537), историк, автор династийной хроники «Книга южной Ци» («Нань Ци шу»).

Сяоин Чжунвэнь (XII в. н. э.), чань-буддист направления *Хуанлун* толка *Линьцзи*, ученик прославленного Дахуэй Цзунгао (1089—1163), автор упоминаемых «Неофициальных записок с озера Ло» («Ло ху елу», 1155).

Сяоу Юань (ум. 219), военачальник у Цао Цао.

T

Табукки (Tabuchi), Антонио (род. 1943), крупный итальянский прозаик, преподает португальскую литературу и португальский язык в Сиенском университете.

Тай-цзун (родовое имя Ли Шиминь, 598—649), танский император (626—649), сын Ли Юаня, основателя танской династии.

Тайцзун — родовое имя Чжао Куаньинь (927—976), основатель (960) династии Сун.

Такэда Сингэн (1521-1573), японский прославленный полководец «эпохи воюющих провинций» (*сингоку дзидай*, 1467-1573), удельный князь (*даймё*) провинции Кай (ныне префектура Яманаси).

Тамер (Tamer), Джорджес (род. 1960), живущий в Германии ливанец, исламовед, преподает арабский в Эрлангенском университете.

Тан Ин (1682—1756), китайский поэт, драматург, поставщик фарфора из Цзиндэчжэня императорскому двору, автор упоминаемых пьес «Дело о двух гвоздях» («Шуан дин ань») и «Проделка с мучным жбаном» («Мянь ган сяо»).

Тань Даоцзи (ум. 436 н. э.), именуемый еще господин Тань (Тань-гун), военачальник династии Лю-Сун.

Тарквиний Гордый (Tarquinius Superbus), римский царь (правил 533— 509 до н. э.) .

Тахери (Taheri), Ахмад, обозреватель гамбургского либерального еженедельника *Цайт*.

Тейлор (Taylor), Чарльз (род. 1931), канадский философ, представитель неогегельянства (на рус. яз.: статья «Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами» в кн. «Современный либерализм: Ролз. Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон». Пер. с англ. Л. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998, с. 219—248, статья «Неразложимо социальные блага» в журнале «Неприкосновенный запас», № 4 (18), 2001).

Теккерей (Thackeray), Баль Кешав (род. 1927), глава индийской националистической партии Шив Сена («Воинство Шивы»), ныне находящейся у власти в штате Махараштра.

Телль (Tell), Вильгельм, герой швейцарской народной легенды.

Темучин (Тэмуджин), он же Чингисхан (около 1155—1227), основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206), организатор завоевательных походов в Азию и Восточную Европу.

Тенгку Ахмад Ритауддин (Tengku Ahmad Rithaudeen, род. 1932), юрист по образованию, бывший в 70—80-е годы министром иностранных дел и обороны Малайзии.

Теодор (Theodor), Ханнелора, сделала авторизованный перевод на нем. яз. романа кит. писательницы Чжу Цингэ (1914—1999) о кит. Ромео и Джульетте «Лян Шаньбо юй Чжу Интай» (1954): «Liang Shanbo und Zhu Yingtai oder Romeo und Julia in China» (1984).

Теннис (Tönnies), Сибилла (родилась 1944), немецкий социолог и правовед, публицистка.

Тёпфер (Töpfer), Клаус (род. 1938), немецкий политик, член Партии зеленых, министр защиты окружающей среды и охраны природы (1994—1998), с 1998 возглавляет экологическую программу ООН со штаб-квартирой в столице Кении Найроби.

Тибери (Tiberi), Жан (род. 1925), член основанной Ж. Шираком (1976) голлистской партии «Объединение в защиту республики», мэр Парижа в 1995-2001.

Титмайер (Tietmeyer), Ганс (род. 1931), немецкий банкир, президент Бундесбанка в 1993—1999.

Титмар (Thietmar, около 850—932 или 937), граф северной Тюрингии, воспитатель германского короля из династии Людольфингов Генриха I.

Тито (Броз Тито) (Broz Tito), Иосип (1892—1980), президент Югославии с 1953 (в мае 1974 скупщина СФРЮ избрала Тито на этот пост без ограничения срока полномочий).

Тойнби Арнолд Джозеф (1889—1975), английский историк и социолог. Выдвинул теорию круговорота сменяющих друг друга локальных цивилизаций, основной труд «Постижение истории» (т. 1 — 12, 1934-1961).

Токугава Иэясу (1542—1616), основатель третьей и последней династии сегунов Токугава в Японии; завершил объединение страны, начатое полководцами Ода Нобунага (1534—82) и Тоётоми Хидэёси (1536—98).

Том (Thorn), Роберт (1807—1846), английский служащий в Китае, издавший в 1840 в качестве учебного пособия перевод Эзопа (82 басни) на китайский язык с параллельным английским текстом.

Томас (Thomas), Дональд Майкл (род. 1935), английский писатель (знаменитый роман «The White Hotel» (1981): «Белый отель». Пер. с англ. Г. Ярпольского. М.: Эксмо /СПб: Валери СПД, 2002, серия «Игра в классику»), по основной профессии — переводчик Пушкина и Ахматовой, автор упоминаемой книги «Alexander Solzhenitsyn: A century in his life» (1998).

Трауцеттель (Trauzettel), Рольф (род. 1930), известный немецкий синолог, в 1975—1995 возглавлял отделение китаистики Боннского университета.

Триго (Trigault), Никола, известный в Китае под именем Цзинь Нигэ (1577—1628), иезуитский миссионер в Китае.

Трише (Triebe), Жан Клод (род. 1942), глава Банка Франции в 1993—2001, с 2002 года председатель Европейского центрального банка.

Троше (Troche), Александр, немецкий историк, чья диссертация вышла в виде книги: «Berlin wird am Mekong verteidigt. Die Ostasienpolitik der Bundesrepublikin China, Taiwan und Süd-Vietnam 1954—1966» (2001).

Туманов, Олег Александрович (1944—1993), агент КГБ.

Тун Гуань (1054—1126), сунский придворный евнух, прославившийся в сражениях с киданями полководец.

Тунстрём (Thunström), Андерс, тренер сборной Швеции по настольному теннису в 1990—1993.

Тучи (Tucci), Уильям, американский сочинитель комиксов.

Тхит Ньят Хань (Thich Nhat Hanh, род. 1926), дзэнский наставник родом из Вьетнама, ныне живущий во Франции, переводчик таких буддийских сутр, как «Сатипаттхана-сутта» («Сутра применения внимательности», высоко ценящаяся в буддизме Тхеравады, где изложено учение о достижении одноточечности сознания), «Анапанасата-сутта» («Рассуждение об осознанности дыхания») и «Хридая-сутта» («Сутра сердца»), автор упоминаемой книги «Обретение мира» (на русском яз. см.: *Тхит Ньят Хань. Обретение мира.* СПб: «Андреев и сыновья», 1993).

Тюч (Tütsch), Ганс Э., многолетний корреспондент *Новой цюрихской газеты* в США.

Тянь Дань (III в. до н. э.), циский военачальник (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки.* М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, с. 262—266).

Тянь Фан (Tian Fang).

Тяньсицзай (от инд. Дэвашанти — 960—1027, поем, имя Минцзяо Даши, после 985 года известен как Фасянь, инд. Дхармабхадра), выходец из Кашмира, переводчик на китайский буддийских текстов, в том числе в 983 году с тибетского списка (тиб. Npags-pa za-ma-tog bkod-pa shes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo) упоминаемой знаменитой «Карандавьюхи» (санскрит, полное название «Авалокитешвара-гуна-карандавьюха» — «Детальное описание корзины достоинств Авалокитешвары», VI—VII вв. н. э.), заложившей во многом основу тантризма (там находится знаменитое заклинание-дхарани «ом мани падме хум»), и в

переводе на китайский звучащей как «Сутра Великой колесницы о царе, величественно украшенном драгоценностями» («Дачэн чжуанъянь баован цзин»), и где дается жизнеописание Ава-локитешвары (кит. Гуань (ши) инь).

У

У Гу, современный издатель «Тридцати шести стратагем».

У Саньгуй (1612—1678), минский военачальник.

У Хань (ум. 44 н. э.), ханьский начальник войскового приказа (*дасыма*).

У Хань (1909—1969), известный китайский историк (специализация — династия Мин, на рус. яз.: *У Хань*. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. Пер. с кит. А. Желоховцева, Л. Боровковой, Н. Мункуева. М.: Прогресс, 1980), публицист и общественный деятель, павший жертвой «культурной революции», автор упоминаемой пьесы «Разжалование Хай Жуя» («Хай Жуй ба гуань», 1961) (*У Хань*. Разжалование Хай Жуя, историческая драма в 9 действиях. Пер. с кит. В. Годыны, в сборнике: «Избранные произведения драматургов Азии». М.: Радуга, 1983, с. 162—204).

У Цзинцзы (1701 — 1754), автор сатирического романа «Неофициальная история конфуцианцев» («Жулин вайши», издание 1803, русский перевод Д. Вознесенского 1959, в 1999 вышло повторное издание).

У Цзысюй, полководец и политик уских государей Хэ Лу (правил 514— 496) и Фу Ча (правил 495—473). После того как в 531 до н. э. его отец был казнен в Чу, бежал во владение У, чей правитель пожаловал ему земли в Шэнь, поэтому его стали называть Шэнь Сюй (его биографию см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 66.).

У Цзэтянь (624—705), единственная женщина-император Китая, основавшая собственную династию (690) Чжоу (многие годы правила Поднебесной сначала как императрица (*хуанхоу*, *хуантяньхоу*) при супруге-императоре Гао-цзуне (родовое имя Ли Чжи, 628—683, правил с 650), затем фактически как регентша при сыновьях Чжун-цзуне и Жуй-цзуне и в конце концов самовластно в 690—704 гг.), покровительствовала буддизму. (См.: *Попова И.* Наставление «Правила подданных» («Чэнь гуй») танской императрицы У-хоу/*Российское востоковедение в память о М.С. Капице*. М.: Муравей, 2001, с. 127— 168).

У Ци (ум. 381 до н. э.), вэйский полководец, автор одного из семи классических военных трактатов «У-цзы».

У Чэньэнь (около 1500—1582), автор фантастического романа «Путешествие на Запад» («Сиюцзи», издан в 1592), на рус. яз.: «Путешествие на Запад», 2 тт. Пер. А. Рогачева. М.: Худ. лит., 1959.

У-ди (родовое имя Сяо Янь, 464—549), основатель (502) южнокитайской династии Лян, покровительствовал буддизму (его посетил легендарный Бодхидхарма), был не чужд изящной словесности.

Уншульд (Unschuld), Пауль Ульрих (род. 1943), немецкий синолог и историк восточной медицины.

Урия, хеттеянин, муж Вирсавии, см. 2-ю кн. Царств 11:1—27.

Чжан Чжидун (1837—1909), видный сановник-реформатор, идеолог политики «самоусиления», предложивший использовать «китайскую науку в качестве основы, западную науку для применения».

У-цзун (родовое имя Чжу Хоучжао, 1491 —1521), минский император с 1506.

У-цзы, см. У Ци.

Ф

Фа Чжэн (176—220), советник Лю Бэя.

Фавацца (Favazza), Армандо Р., американский психиатр, занимается вопросом добровольного членовредительства, автор упоминаемой книги «Bodies under Siege: Self-mutilation and body modification in culture and psychiatry» (1987).

Фалькенштайн (Falkenstein), Адам (1906—1966), известный немецкий шумеролог.

Фан Личжи (род. 1936), физик, прозванный на Западе «китайским Сахаровым».

Фан Сюаньлин (579—648), составитель официальной хроники династии Цзинь («Цзинь шу»).

Фан Чжиминь (1900—1935), китайский революционер-коммунист, один из создателей Красной армии.

Фан Чэн (Fang Cheng).

Фань Е (398—445), составитель династийной хроники Поздней Хань («Хоу Хань шу»).

Фань Инь, составитель напечатанного в 1882 году трехтомного словаря «Юэские поговорки» («Юэ янь»).

Фань Ли, советник юэского государя Гоу Цзяня (правил 496—465 до н.э.), (биографию см.: *Сьма Цянь. Исторические записки*. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 5, гл. 41, а также гл. 129).

Фань Суй (ум. 225 до н. э.), уроженец Вэй, ставший советником циньско-го государя Чжао-вана (правил 306—251 до н. э.) (биографию см.: *Сьма Цянь. Исторические записки*. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 79).

Фарни (Fahni), Оливер (род. 1955), швейцарский журналист.

Фарракан (Farrakhan), Луис (род. 1933), лидер черных мусульман Америки, глава «Нации ислама», организации антисемитского толка.

Фемистокл (около 525 — около 460 до н. э), древнегреческий государственный деятель и полководец.

Феодора (497—548), супруга византийского императора Юстиниана I Великого.

Финкелькраут (Finkelkraut), Ален (род. 1949), французский философ еврейского происхождения, автор упоминаемой книги «L'humanité perdue» («Потерянное человечество», 1997).

Финни (Finney), Джек (наст. имя Уолтер Браден, 1911 — 1995), американский писатель, автор упоминаемого фантастического романа ужасов «Похитители тел» (*The Body Snatchers*, 1955).

Фиш (Fisch), Йорг (род. 1947), швейцарский историк.

Фишер (Fischer), Бернхард, современный немецкий экономист.

Фишер (Fischer), Йошка (род. 1948), лидер Партии зеленых Германии, министр иностранных дел с 1998.

Фишерман (Fischermann), Томас, обозреватель гамбургского либерального еженедельника *Цайт*.

Флавины (Flavigny), французский богослов XVII века — 502 Флайг (Flaig), Эгон (род. 1949), немецкий историк (античность).

Флехтгейм (Flechtheim), Осип Курт (1909—1998), немецкий социолог родом из Одессы, создатель футурологии.

Флора (Flora), Пауль (род. 1922), австрийский художник.

Фольгер (Volger), Гельмут, немецкий историк, координатор исследовательской группы «Организация Объединенных Наций», редактор «Справочника ООН» («Lexikon der Vereinten Nationen», 2000).

Фольмер (Volmer), Людгер (род. 1952), немецкий политик, социолог по образованию, один из основателей Партии зеленых (1979), в 1998— 2002 заместитель министра иностранных дел Германии.

Фольц (Folz), Робер, французский историк, автор упоминаемой книги «Le couronnement impérial de Charlemagne, 25 décembre 800» («Коронование Карла императором 25 декабря 800», 1964) — 661

Форгольц (Vorholz), Фриц, экономический обозреватель гамбургского либерального еженедельника *Цайт*.

Форке (Forke), Альфред (1867—1944), немецкий синолог.

Франке (Franke), Вольфганг (род. 1912), немецкий синолог.

Франке (Franke), Герберт (род. 1914), немецкий синолог.

Франке (Franke), Отто (1863—1946), немецкий синолог, историк, религиовед, автор упоминаемой

капитальной «Истории китайского государства» («Geschichte des chinesischen Reiches», 3 тт., 1930—1937).

Франклин (Franklin), Бенджамин (Вениамин) (1706—1790), американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости США (1776) и Конституции 1787.

Фридрих II Великий (1712—86), прусский король с 1740, из династии Гогенцоллернов, крупный полководец.

Фронтин (Frontinus), Секст Юлий (около 40—103 н. э.), римский наместник в Британии, писал о землемерных работах (Gromatici scripto-res), о водопроводах Рима (De aquis urbis Romae), создал интересное собрание примеров военных хитростей и уловок (Strategemata).

Фу Лэчэн (Fu Lecheng), тайваньский историк.

Фу Су (умер 210 до н. э.), старший сын императора Цинь Ши-хуанди.

Фу Цзюи (1895—1974), гоминьдановский военачальник.

Фу Ча, правитель владения У в 495—473 до н. э..

Фукидид (около 460—400 до н. э.), древнегреческий историк, автор «Истории» (в 8 кн.) — труда, посвященного истории Пелопоннесской войны (до 411 до н. э.).

Фурглер (Purgier), Курт (род. 1924), швейцарский политик.

Фурман (Fuhrmann), Марк .

Фуссенеггер (Fussenegger), Гертруда (род. 1912), немецкая писательница.

Фухс (Fuchs), Элиза, швейцарский миссионер, долгие годы проработала в Мозамбике.

Фэн Сюань (IV—III в. до н. э.), пришлый советник (*бинькэ*) циского сановника Мэнчана (см. «Планы сражающихся царств», раздел «Замыслы Ци», глава 4, рассказ 1 «У цисцев был некто Фэн Хуань», у Сыма Цяня (т. 7, гл. 75) он выведен под именем Фэн Хуаня)).

Фэн Юйсян (1882—1948), китайский военачальник.

Х

Хабермас (Habermas), Юрген (род. 1929), известный немецкий социолог, директор (наряду с К. Вейцеккером) института М. Планка по исследованию условий жизни научно-технического мира в Штарнберге (с 1970), на рус. яз.: «Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью», отв. ред. Н. Мотрошилова. М.: Наука, 1992. «Моральное сознание и коммуникативное действие». Пер. с нем. под ред. Д. Скляднева. СПб: Наука, 2000. «Вовлечение другого. Очерки политической теории». Пер. с нем. Ю. Медведева. СПб: Наука, 2001. «Будущее человеческой природы: на пути к либеральной евгенике?». Пер. с нем. М. Хорькова. М.: Весь мир, 2002. «Философский дискурс о модерне». Пер. с нем. под ред. Е. Петренко. М.: Весь мир, 2003).

Хаджар (Hajjar), Юсуф Н. (род. 1923), сирийский историк, священник мелькитской греко-католической церкви, составитель арабско-французского и французско-арабского словаря пословиц и фразеологизмов: «Al-Munjid fi al-amthal wa-al-hikam wa-al-faraidal-lugha-wiyah» (1967).

Хаим Кон (Chaim Cohn, род. 1911), израильский правовед, писатель.

Хай Жуй (1514—1587), минский сановник.

Хайш (Heisch), Петер.

Хакке (Hаске), Христиан (род. 1943), немецкий политолог, профессор по международным отношениям в гамбургском университете Бундесвера.

Хантингтон (Huntington), Сэмюэль (род. 1927), американский политолог, директор Института стратегических исследований им. Дж. Олина при Гарвардском университете («Столкновение цивилизаций» // журнал «Полис», № 1, 1994).

Ханун (Hanoune), Луиза (род. 1954), лидер троцкистской Партии трудящихся Алжира, член алжирского межджлиса.

Хань Банцин (1856—1894), сочинитель, выпустивший, начиная с 1892 года, в 15 номерах на страницах собственного журнала роман в 64 гл. «Жизнеописание шанхайских певичек» (досл. «Жизнеописание цветов на воде»: «Хай шан хуа лечжуань»), в 1998 году роман был экранизирован тайваньским режиссером Хоу Сяосянем (род. 1947).

Хань Ин (II в. до н. э.), исследователь канонических конфуцианских сочинений в русле «школы текстов новых имен», автор упоминаемого «Внешнего комментария Хань к книге Песен» («Хань ши вай чжу-ань»).

Хань Синь (ум. 196 до н. э.), полководец Лю Бана.

Хань Фэй (288—233), крупнейший теоретик легизма, автор трактата «Хань Фэй-цзы» (почти полный перевод на русском языке (отсутствуют гл. 22, 23, 37, 39, некоторые даны в сокращении) см.: *Иванов А. И.* Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб, 1912).

Хань Цзыдун (Han Zidong).

Хао Бин (Hao Bing).

Хао Цзайцзинь (Hao Zaijin).

Харпрехт (Harpprecht), Клаус (род. 1927), немецкий издатель и писатель, с 1982 живет во Франции.

Харун Ар-Рашид (Гарун аль-Рашид) (763 или 766—809), халиф из династии Аббасидов.

Хаслер (Hasler), Эвелин, швейцарская писательница.

Хафс (Haefs), Гансвильгельм (род. 1935), немецкий издатель, писатель, переводчик англоязычной и французской литературы.

Хениш (Hänisch), Эрих (1880—1966), немецкий синолог.

Хеннинг (Henning), Макс (1861 — 1927), под этим именем в 1901 году вышел немецкий перевод *Корана*, считают, что за ним стоит известный арабист Август Мюллер (Müller, 1842—1892), в 1888 году опубликовавший перевод *Корана* немецкого поэта («Песни об умерших детях» Малера, 1904) и профессора-востоковеда (иранистика) Эрлангенского университета Фридриха Рюккерта (Rücken, 1788— 1866), в 1895—1897 гг. под именем Макса Хеннинга вышел перевод «Тысячи и одной ночи» в 24 тт..

Хеннингсен (Henningsen), Манфред, профессор политологии Гавайского университета.

Хенш (Hänsch), Клаус (род. 1938), один из лидеров правящей Социал-демократической партии Германии, председатель Европарламента (1994-1997).

Хёсле (Hösle), Витторио (род. 1960 в Милане), немецкий философ и публицист.

Хетцель (Hetzl), Петер. М., швейцарский литературный обозреватель еженедельного цюрихского журнала «Schweizer Illustrierte».

Хёффе (Hoffe), Отфрид (род. 1943), видный немецкий политический философ.

Хойзер (Heuser), Уве Ян (род. 1963), экономический обозреватель гамбургского либерального еженедельника *Цайт*, писатель.

Холбрук (Holbrooke), Ричард (род. 1941), американский дипломат, представитель США в ООН (с 1994).

Холмс (Holmes), Оливер Венделл младший (1841-1935), именитый американский правовед, член Верховного суда США (1902—1932), сын прославленного писателя и врача О. В. Холмса, произведший переворот в юриспруденции своей книгой «The common law» (Бостон, 1881), считается основоположником т. н. «конструктивного» (в противоположность «механистическому») толкования духа и буквы Конституции.

Хольцман (Holzman), Мари, французский синолог, профессор Парижского университета.

Хомский (Чомски) (Chomsky), Аврам Ноам (род. 1928), американский лингвист и общественный деятель, на рус. яз.: «Язык и мышление». М.: Издательство МГУ, 1972. «Прибыль на людях. Неoliberalизм и

глобальный порядок». М.: Практис, 2002.

Хондрих (Hondrich), Карл Отто (род. 1937), профессор социологии Франкфуртского университета.

Хонеггер (Honegger), Клаудия (род. 1947), швейцарский социолог, написала книгу «Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaften vom Menschen und das Weib» («Положение полов. Наука о мужчине и женщине», 1991).

Хоркхаймер (Horkheimer), Макс (1895-1973), немецкий философ и социолог, основатель Франкфуртской школы, автор наряду с Адорно упоминаемой кн. «Диалектика просвещения. Философские фрагменты». Пер. с нем. М. Кузнецова, М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997.

Хорн (Horn), Каталин, швейцарская современная исследовательница сказок.

Хоу (Howe), Эллик (1910—1991), английский писатель и масон, автор упоминаемой книги «The Black Game: British Subversive Operations Against the Germans During the Second World War» («Темная игра: британские диверсии против Германии в ходе Второй мировой войны», 1982).

Хоу Цзин (503—552), сановник (наместник Хэнани) в Восточной Вэй (534—550), после смерти (547) тамошнего военного диктатора Гао Хуаня (496—547) поднял мятеж и передался Юйвэнь Гаю (502—556), военному диктатору Западной Вэй (535—556). Но через месяц он предал и его, предложив императору Лян, У-ди (464—549), покорность и совместное завоевание Северного Китая. У-ди доверчиво принял хэнаньского владыку за патриота и поддержал его, по совету цензора Чжу И даровав Хоу Цзину генеральскую должность, но тот, потерпев поражение от северных войск, начал мятеж и против Лян, во время которого У-ди погиб. Хоу Цзин не смог установить в Южном Китае тот режим военной диктатуры, который привился на Севере, и в 552 г. погиб.

Хоххут (Hochhuth), Рольф (род. 1931), немецкий драматург, с 1963 в Швейцарии, автор упоминаемых документально-исторических пьес «Наместник» (1963), «Солдаты» (1967).

Христос.

Хрущев, Никита Сергеевич (1894—1971), советский государственный и политический деятель, с 1953 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 председатель Совета министров СССР.

Ху Хай (231—207), младший сын Цинь Ши-хуанди, будущий циньский император Эр-ши Хуан-ди (правил 209—207).

Ху Цзинь (1878—1950), китайский военачальник, военный наместник Сычуани (1912).

Ху Цзуннань (1902—1962), гоминьдановский военачальник.

Ху Чжэньцзе (Hu Zhenjie), современный китайский правовед.

Ху Янь (VII в. до н. э.) по прозвищу Цзы-фань, именуемый еще просто дядюшка («цзю») Фань, цзиньский сановник, родной дядя тамошнего правителя Вэнь-гуна (697—628).

Хуа Гофэн (род. 1921), политический деятель, после смерти Мао Цзэдуна глава госсвета (премьер-министр) КНР (1976—1980) и председатель ЦК КП Китая (1976-1981).

Хуай-ван по имени Хуай, чуский государь (правил 328—299 до н. э., ум. 296 до н. э.).

Хуан Гай (род. 145 н. э.), уский военачальник времен Троецарствия.

Хуан Лунши (1651—1690-е), знаменитый игрок в облавные шашки (*вэй-ци*), у японцев именуемые *го*.

Хуан Сяопэй (1873—1913), цинский писатель, автор исторического романа в 54 главах «Хун Сюцюань» («Хун Сюцюань янь»), 1911).

Хуан Тинцзянь (1045—1105), сунский поэт и каллиграф.

Хуан Цзунсянь (1848—1905), наиболее яркий поэт второй пол. XIX в., многое в его творчестве определила дипломатическая служба за границей (Япония, США), автор упоминаемого стихотворения «Скорблю о Пхеньяне» («Бэй Пинчжан»).

Хуан Чжун (ум. 220 н. э.), шуский военачальник.

Хуань Вэнь (312—373), восточноцинский военачальник.

Хуань-гун, луский правитель (711—694 до н. э.).

Хуань-гун (ум. 643 до н. э.), носивший имя Сяобо циский правитель (685-643 до н. э.).

Хуань-ди, родовое имя Лю Чжи (132—167), ханьский император, правил 147-167.

Хубилай-хан (Кублай) (кит. Ху-би-ле, 1215—1294), посмертное имя Ши-цзу, 5-й монгольский великий хан (с 1260), внук Чингисхана. В 1279 завершил завоевание Китая, основав династию Юань. Предпринял неудачные завоевательные походы против Японии, Вьетнама, Бирмы, Явы.

Хун Сюцюань (1814—1864), организатор и руководитель Тайпинского восстания 1850—1864 гг. в Китае.

Хун Цзычэн, иначе Хун Инмин (XVI—XVII вв.), автор сборника афоризмов «Вкус корней» («Цай гэн тань»), приверженец даосизма, живший во времена правления императора Ванли (1573—1619). Название сборника (букв. «Речи как корни овощей») навеяно сентенцией ученого сунской эпохи Ван Синьминя, гласящей: «Тому, кто разжевывает корни овощей, любое дело будет по плечу» (см. *Афоризмы старого Китая*. Пер. с кит. В. Малавина. М.: Наука, 1988, с. 156—165).

Хун Шэнь (1894—1955), китайский драматург и кинорежиссер.

Хуханье (ум. 31 до н. э.), предводитель (*шиньюй*) в 58—31 до н. э. племени сюнну, иначе хунну.

Хуэй-ван, яньский государь (правил 278—272).

Хуэй Вэнь-ван по имени Хэ, чжаоский государь (правил 298—266).

Хуэйхун Цзяофань, или Хун Цзяофань либо просто Хуэйхун (1170-1228), буддийский монах, выдающийся поэт времен династии Южная Сун, сохранились две его книги: «Молитвенная надпись на каменных воротах» («Ши мэнь вэнь цзы чань») в 30 свитках и упоминаемые «Ночные разговоры в холодном кабинете» («Лэн чжай е хуа») в 10 свитках.

Хэ Инцин (1890—1987), гоминьдановский военачальник.

Хэ Лун (1896-1969), военачальник КНР.

Хэ Цзинь (конец I в. н. э.), ханьский военачальник.

Хэ Юн (род. 1940), министр контроля КНР с 1998.

Хэ Яньси, иначе господин Хэ («Хэ-ши») (960—1279), сунский комментатор военного трактата «Сунь-цзы».

Хэлмс (Helms), Джесси Александер (род. 1921), американский сенатор (1973-2003).

Хэмм (Hamm), Джон Кристофер, современный американский синолог.

Хэнг Нгор (Haing Ngor, 1925—1996), кампучиец, который, будучи врачом-гинекологом, угодил в полпотовские лагеря, затем бежал и стал киноактером в Голливуде, получил «Оскара» за роль второго плана в фильме «Поля смерти» («The Killing Fields», 1984) британского режиссера Рональда Джоффе (Ronald Joffe, род. 1945).

Хюнсберг (Hüngsberg), Петер, перевел частично на немецкий язык китайский роман «Трое храбрых, пятеро справедливых» («Сань-цзя у-и») под названием *Richter und Retter. Roman aus der Sungzeit* («Судья и спаситель. Роман сунской поры», 1967).

Хюрлиманн (Hürlimann), Томас (род. 1950), немецкоязычный швейцарский писатель.

Ц

Цай Мао (род. 155 н. э.), советник Лю Бяо.

Цай Э (1882—1916), китайский военачальник.

Цао Гуй, луский сановник при Чжуан-гуне (по имени Тун, правил 693— 662 до н. э.).

Цао Сюэцинь (около 1715—1762 или 1724—1763), автор знаменитого романа «Сон в красном тереме».

Цао Цао (155—220) по прозванию Мэндэ, военачальник, ставший правителем царства Вэй (215—220) со столицей в г. Лоян.

Цао Шуан (ум. 249 н. э.), вэйский сановник и военачальник.

Цезарь (Caesar), Гай Юлий (100—44 до н. э.), римский полководец, политический деятель (диктатор в 49, 48—46, 45, с 44 — пожизненно).

Цёпфель (Zörffel), Рената (род. 1934), специалист по Древней Греции, в 1981 — 1997 экстраординарный профессор на отделении древней истории Фрейбургского университета.

Цзан Учжун, старший современник Конфуция, чиновник княжества Лу (возглавлял судебное ведомство), пользовавшийся репутацией мудрого человека («Лунь юй», 14.12). Спасаясь от преследования Мэнсуня, первого советника княжества Лу, вынужден был бежать в соседнее владение Ци.

Цзи Хуань-цзы, именуемый еще у Сыма Цяня в память об именитом предке Цзи Сунем, т. е. «внуком Цзи», временщик при луском государе Дин-гуне (правил 509—495) периода Весен и Осеней.

Цзи Чан (XI в. до н. э.), чжоуский правитель, известный более по своему посмертному имени Вэнь-ван, чей сын У-ван (родовое имя Цзи Фа) сверг династию Шан-Инь и основал династию Чжоу (около 1050 до н. э.).

Цзи Юнь (1724—1805), другое имя Цзи Сяолань, цинский ученый и государственный муж, литератор, отвечал за составление по указу императора Цяньлуна (родовое имя Хунли, 1711 — 1795, правил с 1735) знаменитого «Аннотированного сводного каталога полного собрания книг четырех хранилищ» («Сы ку цюань шу цзун му ти яо» — сокр. «Сы ку цюань шу»), славу же ему принесли рассказы, собранные в опубликованной в 1800 г. коллекции «Заметки из хижины «Великое в Малом» («Юэвэй цаотан бици»), состоящей из пяти сборников (всего 1193 произведения, в том числе 1044 коротких рассказа и 149 «заметок»), которые выходили сразу по их написанию (на русском яз. см.: *Заметки из хижины «Великое в Малом»*. Пер. с кит. О. Фишман. М.: Наука, 1974, серия «Памятники письменности Востока», где опубликован полный перевод около 300 рассказов и заметок, а сами переводы перемежаются кратким изложением содержания непереуведенных произведений в последовательности, соблюдающейся в оригинале).

Цзин (1047—1126), сунский канцлер, прославился как каллиграф (ученик знаменитого художника Цай Сяна).

Цзин-гун, по имени Чуцзю, циский государь, правил 548—491 до н. э..

Цзо Цюмин (VI—V в. до н. э.), историограф владения Лу, согласно традиции автор входящего в число «Тринадцати канонов» («Ши сань цзин») конфуцианской классики «Комментария Цзо» («Цзо чжуань»), другое название «Комментарии господина Цзо на *Весны и Осени*» («Чунь цю Цзо-ши чжуань»).

Цзы Гун (род. 520 до н. э.), ученик Конфуция, был моложе Учителя на 31 год, отличался красноречием и большой интеллектуальной активностью.

Цзы Лу, прозвище ученика Конфуция, который отличался прямоотой и резкостью в суждениях.

Цзы Чань (ум. 522 до н. э.), он же Гун Сунь по имени Цяо, многолетний советник во владении Чжэн, отличавшийся исключительным красноречием.

Цзэн Цзысюань.

Цзя И (200—168 до н. э.), ханьский царедворец, мыслитель, один из создателей идеологической системы централизованной империи Хань.

Цзя Линь, танский автор комментария к военному трактату «Сунь-цзы».

Цзян Гань (род. 175 н. э.), вэйский военачальник, сподвижник Цао Цао.

Цзян И, уроженец владения Вэй, служил у чуского Сюань-вана (правил 369-340 до н. э.).

Цзян Инкэ (1553—1605), минский сочинитель, автор сборника «Озорные рассказы, снегом и волнами» («Сюэ тао се ши» — в англоязычном переводе данный сборник носит название «Озорные рассказы из

заснеженной беседки»).

Цзян Тай-гун (родовое имя — Цзян Цзыя, XI в. до н. э.), он же Люй Шан, ближайший сподвижник, тесть и наставник основателя чжоуской династии У-вана, первый циский правитель (биографию см. в 1-м (4-я глава) и 5-м (32-я глава) томе русского издания «Исторических записок» Сыма Цяня), к нему возводится состоящий из 6 глав военный трактат «Шесть наставлений» («Лю тао»).

Цзян Цзылун (род. 1941), китайский писатель из Тяньцзиня, автор упоминаемого рассказа «Один день из жизни начальника энергетического управления» («Цзидянь цзюйчжан дэ и тянь», 1976).

Цзян Цзэминь (род. 1926), генеральный секретарь ЦК КП Китая (1989— 2002), председатель КНР (1993— 2003), с марта 2003 председатель Центрального военного совета КНР.

Цзян Цин (1914-1991), вдова Мао Цзэдуна.

Цзянь Ши (ум. 189 н. э.), порой именуемый неверно как Цзянь Шо, ханьский придворный евнух, военачальник.

Цзяцзин (девиз правления), династийное имя Ши-цзун, родовое имя Чжу Хоуцун (1507—1566), минский император с 1521.

Ци Вэнь (Qi Wen).

Ци Цзе, военачальник у яньского государя Чжао-ван Пина (правил 312-279 до н.э.).

Ци Юаньцзо (XVI в. н. э.), минский литератор и ученый муж (в 1562 получил степень *цзиньши*), автор цитируемого здесь труда «Записка о взыскании местных правителей императорского рода» («И-чу цзун-фань шу»).

Ци-ван, родовое имя Цао Фан (232—274), вэйский император (239— 254).

Цин Ци, царевич, вэйский полководец, воевавший с владением У и умерщвленный Яо Ли с согласия тамошнего узурпатора Хэ Лу (правил над У в 514—496), отца Фу Ча.

Цинцера (Cincera), Эрнст (род. 1928), швейцарский общественный деятель, автор упоминаемой книги «Deutsch nach Marx oder Sprache der Politik» (1983), создатель частного политического сыска (семидесятые годы) по выявлению подрывных элементов у себя в стране, что вызвало невиданный скандал и привело к судебному разбирательству.

Цинь Ши-хуанди (259—210 до н. э.), правитель (246—221) царства Цинь, император Китая с 221 г. до н. э..

Ци-цзы (XI в. до н. э.), один из племенных вождей в конце царства Инь-Шан, после падения последнего (по традиционной хронологии, в 1122 до н. э.) вместе со своей племенной группой (историческое предание говорит о 5000 человек) перешел на Корейский полуостров, где и обосновался в его северной части, в районе нынешнего Пхеньяна, основав здесь свое царство, которое в старой китайской историографии получило название «Чао-сянь».

Цичэнь (род. 1928), министр иностранных дел КНР в 1988—1998, член Политбюро ЦК КПК с 1992, вице-премьер Госсовета с 1993, владеет английским и русским.

Цун Вэйси (род. 1933), китайский писатель, автор упоминаемого рассказа «Красная магнолия под длинной стеной» («Да цян ся дэ хун юйлань»).

Цыси (1835—1908), маньчжурская (цинская) вдовствующая императрица (*тайхоу*), фактически стоявшая у власти в Китае в 1861-1908.

Цэнь Чуньсюань (1861 — 1933), политический деятель Китая.

Цю Луань (ум. 1552), минский царедворец.

Цюй Цюбо (1899—1935), настоящее имя Цюй Шуан, литератор (стихи, публицистика, переводы произведений русской классической и советской литературы), пропагандист марксизма, общественный деятель, один из основателей и руководителей КПК на ранних этапах ее существования, казнен гоминьдановскими властями (на русском яз. см.: «Очерки и статьи». М., 1959. «Избранное». М., 1975. «Публицистика разных лет». М., 1979).

Цюй Юань (около 340—278 до н. э.), чуский сановник, поэт, мыслитель времен Сражающихся царств, чьи стихи дошли до нас в упоминаемом сборнике «Чуские строфы» («Чу цы»), составленном летописцем и книжником Лю Сяном (77—6 до н. э.), там же дается поэма «Отец-рыбак» («Юйфу»), биографию см. *Сыма Цянь*. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 84 — 550—551

Цянь Цай (XVIII в.), цинский составитель упоминаемого «Сказания о Юэ Фэе» («Шо Юэ цюань чжуань»), на русском яз. см.: *Цянь Цай*. Сказание о Юэ Фэе. Пер. с кит. В. Панасюка, 2 тт. М.: Худ. лит., 1963 (серия «Библиотека исторического романа»).

Цянь Цяньи (1582—1664), минский поэт.

Ч

Чан Кайши (диалектная форма от Цзян Цзешу, 1887—1975), глава (с 1927) гоминьдановского правительства в Китае, с 1935 главнокомандующий китайской армией, маршал, после его свержения в Китае с 1949 возглавлял правительство на Тайване.

Чансунь Шэн (551—609), севернотяньский, затем суйский сановник и военачальник (упоминаемый эпизод приводится в 51-й главе «Истории Суй»).

Чао Цо (около 200—154 до н. э.), ханьский сановник, проповедник ле-гизма (биографию см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 2002, т. 8, гл. 101).

Чарльз (Charles), принц Уэльский (род. 1948).

Чемпель (Czempiel), Эрнст-Отто (род. 1927), немецкий политолог.

Черутти (Cerutti), Герберт (род. 1943), научный обозреватель *Новой цюрихской газеты*.

Черчилль (Churchill), Уинстон (1874—1965), государственный деятель Великобритании.

Чжан Лайпин, один из авторов книги «36 стратагем с примерами из древности и современности» («Сань ши лю цзи гу цзинь инь ли», 1969).

Чжан Лу, см. Фань Суй.

Чжан Фэй (167—221), шуэцкий военачальник времен Троецарствия.

Чжан Хань (ум. 205 до н. э.), циньский военачальник.

Чжан Хуа (232—300), цзиньский сановник и поэт, автор упоминаемого «Описания всех вещей» («Бо у чжи») в 10 тт., сохранившегося отрывочно в сочинениях других авторов и различных антологиях.

Чжан Хэ (ум. 231 н. э.), вэйский военачальник времен Троецарствия.

Чжан Чуньцяо (род. 1917), один из «банды четырех», был в «Группе по делам культурной революции» правой рукой Цзян Цин и руководил шанхайским ревкомом, приговорен в 1981 к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

Чжан Шаньин (1043—1122), знаменитый буддист-мирянин по прозвищу Неистощимый (Уцзин), высокопоставленный сунский сановник, покровитель прославленного проповедника чаньбуддизма Дахуэя (1089-1163).

Чжан Шаосюн (Zhang Shaoxiong).

Чжан Шоугуй (ум. 739), танский военачальник.

Чжан Эр (ум. 202 до н. э.), первый советник в Чжао, которому Сян Юй (232—202) пожаловал за заслуги земли в этом княжестве.

Чжан Юй, сунский комментатор военного трактата «Сунь-цзы».

Чжан Юнь (род. 163 н. э.), флотоводец времен Троецарствия.

Чжао Гао (ум. 207 до н. э.), всесильный евнух при Эр-ши Хуане.

- Чжао Ко (III в. до н. э.), чжаоский военачальник времен Сражающихся царств, сын полководца Чжао Шэ.
- Чжао Сисюй (IV в. до н. э.), военачальник у чуского Сюань-вана (правил 369-340).
- Чжао Цзыян (род. 1919), государственный деятель КНР, в 1989 году из-за студенческих волнений в Пекине смещен с поста председателя компартии Китая.
- Чжао Шэ (III в. до н. э.), чжаоский сборщик податей и военачальник времен Сражающихся царств.
- Чжао Эрфэн (1845—1911), наместник Сычуани (1908—1911).
- Чжао Юнь (158—229), вэйский военачальник.
- Чжао-ван по имени Су, вэйский государь (правил в 295—277).
- Чжао-ван, он же Чжао Сян-ван по имени Ин Цзэ или Ин Цзи, циньский государь (правил 306—251 до н. э.) времен Сражающихся царств.
- Чжао-ван Пин, яньский государь (правил 312—279 до н. э.) времен Сражающихся царств.
- Чжо Вэньцзюнь (150— 115 до н. э.), возлюбленная, в дальнейшем жена поэта Сыма Сянжу, сумевшая противостоятъ условностям света.
- Чжоу Годун (Zhou Guodong).
- Чжоу Ми (1232—1298), сунский поэт, автор упоминаемых книг «Улинь-ская старина» или «Забывтые деяния Улиня» («Улинь цзю ши», описывается природа, быт, нравы, культура края), где Улинь — не что иное, как Ханчжоу, «Росказни» в 20 свитках («Цидун е юй»), где само название представляет собой аллюзию на слова Мэн-цзы: «это — росказни людей в восточной части владения Ци, а вовсе не слова добропорядочного мужа» (гл. 9-4, в пер. Колоколова с. 134), т. е. там собраны своего рода побасенки времен династии Южная Сун (1127— 1279).
- Чжоу Синьфан (1895—1975), прославленный артист пекинской оперы, автор наряду с Сюй Сянем (1918—1987) упоминаемой пьесы «Доклад Хай Жуя на высочайшее имя» («Хай Жуй шан шу», 1959).
- Чжоу Эньлай (1898—1976), государственный деятель Китайской Народной Республики.
- Чжоу Юй (175—210 н. э.), уский флотоводец времен Троецарствия.
- Чжоу Яфу (ум. 143 до н. э.), ханьский военачальник.
- Чжоу(-синь) (1174— 1112 до н. э.), или Дисинь, последний правитель династии Шан-Инь, прославившийся своей жестокостью и распутством.
- Чжу Баоцзинь (род. 1928), китайский историк, с 1967 года профессор истории китайского отделения Пенсильванского университета в Сан Диего, автор упоминаемой книги *Веллингтон Ку: Исследование касательно китайского дипломата и китайской националистической дипломатии 1912—1966* (Chu Bao-chin, «V. K. Wellington Koo: A Case Study of Chinas Diplomat and Diplomacy of Nationalism 1912— 1966», кит.: «1912-1966»).
- Чжу Жунци (род. 1928), политический и государственный деятель КНР, с 1998 председатель Госсовета.
- Чжу Интай (IV в. н. э.), восточноцинская девица, китайская Джульетта.
- Чжу Маньтин (Zhu Manting).
- Чжу Мучжи (род. 1916), председатель Китайского общества по изучению прав человека и глава Китайского общества по культурным связям с заграницей.
- Чжу Тяньсинь (род. 1958), тайваньская писательница, автор упоминаемого рассказа «Девятнадцать дней новой партии» («Синь дан ши цзю жи»).
- Чжу Цзюнь (ум. 195 н. э.), ханьский военачальник.
- Чжу Цзюнь (ум. 195), ханьский военачальник.

Чжу Юаньчжан (1328—1398), основатель (1368) династии Мин.

Чжуан Чжоу (около 369 — около 286), один из основоположников философии даосизма, автор трактата «Чжуан-цзы».

Чжуан-ван, чуский государь (правил 613—591 до н. э.) периода Весен и Осеней.

Чжуан-гун (VI в. до н. э.), циский правитель (553—548 до н. э.).

Чжугэ Лян, иначе Кун Мин (181—234), шуцкий полководец времен Троецарствия.

Чжунчан Тун, иначе Чжун Гунли (179—220), ханьский сановник и философ-рационалист, автор «Откровенных речей» («Чан янь»).

Чжэн Баньцяо (1693—1765), иначе Чжэн Се, цинский поэт, художник и каллиграф, один из восьми «янчжоуских чудачков», проложивших свой оригинальный путь в жанре «цветы, бамбук, камни», и чья манера оказала большое влияние на художников, живших как в указанную эпоху, так и в более поздний период.

Чжэн Дань (V в. до н. э.), юэская красавица.

Чжэн Сю, любимая наложница чуского государя Хуай-вана (правил 328-299 до н. э.).

Чжэн Хэ (1371-1434), императорский евнух по прозвищу Саньбао (Три драгоценности), прославившийся как флотоводец и дипломат, в 1405-1433 с перерывами руководил 7 морскими походами для исследования берегов Индокитая, Суматры, Явы, Индостана, Восточной Африки и ряда островов Индийского океана.

Чжэнь-цзун, родовое имя Чжао Хэн (986—1022), император династии Северная Сун (правил с 998).

Чу Вэньхуэй (Chu Wen-huei), пишущий детективы швейцарский писатель тайваньского происхождения.

Чуань Синь, автор упоминаемой книги «Ван Сифэн и 36 стратагем» («Ван Сифэн юй Сань ши лю цзи»).

Хокс (Hawkes), Дэвид (род. 1923), английский синолог и переводчик («История камня» («Шитоу цзи»), 5тт., 1973—1986, другое название «Сна в красном тереме», «Чуские строфы»).

Чунчжэнь — девиз правления.

Чунынэнь-цзюнь (родовое имя Хуан Се, ум. 238 до н. э.), бессменный первый чуский советник с 262 до н. э. при Као Ле-ване (биографию см.: *Сыма Цянь. Исторические записки. Пер. с кит. Р. Вяткина. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, гл. 78*).

Чэн Фанпин (Cheng Fangping).

Чэн-ван, чуский правитель в 671 —626 до н. э..

Чэн-гун по имени Чжэн, вэйский правитель в 635—600 до н. э..

Чэнь Боцзян (Chen Bojiang), современный китайский историк.

Чэнь Гэн (1903—1961), китайский военачальник.

Чэнь Минсянь (Chen Mingxian).

Чэнь Сюин (Chen Xiuying).

Чэнь Сянхуа (Chen Xianghua).

Чэнь Тэань (Chen Tean).

Чэнь Цзитай (1563—1637), минский поэт.

Чэнь Чэнь (1590—1670), автор продолжения «Речных заводов»: «Позднее повествование о речных заводах» («Шуи ху хоу чжуань», 1664) в 40 главах.

Чэнь Шидао (1053—1102), сунский поэт.

Чэнь Шоу (233—297), составитель исторического труда «Троецарствие» («Сань го чжи»).

Чэнь Юй (ум. 204 до н. э.), уроженец Вэй, правитель Чэньани, чжаоский союзник и военачальник, известный борец с гегемонией Цинь, (биографию см. у Сыма Цяня («Ши цзи», 89 глава, на рус. яз. т. 8, 2002)).

Ш

Шаброль (Chabrol), Клод (род. 1930), французский кинорежиссер.

Шаберт (Schabert), Тило, немецкий политолог.

Шаванн (Chavannes), Эдуард (1865—1918), французский китаевед, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1913).

Шамир (Shamir), Ицхак (род. 1915 в Польше), израильский государственный деятель, премьер-министр (1983—84 и 1986—92), в 1980—83 и 1984—86 министр иностранных дел.

Шамиссо (Chamisso), Адельберт фон (1781 — 1838), немецкий писатель и ученый-естествоиспытатель.

Шантрен (Chantraine), Пьер (1899—1974), французский лексиколог, составитель этимологического словаря греческого языка («Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots», Paris, Klincksieck, 1968—1980), на рус. яз.: *П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка*. Пер. со 2-го фр. изд. (Morphologie Historique du Grec), прил., предисл. Я. М. Боровского, 2-е изд. (1-е появилось в 1953), стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001, серия «Школа классической филологии».

Шао Жуцзы (V в. до н. э.), уский сановник времен Весен и Осеней.

Шао Имин, современный китайский врач-иммунолог.

Шао Яньсян (род. 1933), китайский поэт и литературный критик, автор упоминаемой книги *Сто печальных и радостных глав* («Ю юэ ши пянь», 1986).

Шао-ди, Хуннун-ван после низложения, родовое имя Лю Бянь (176— 190), ханьский император в 189, свергнутый Дун Чжо и умерщвленный в 190.

Шаранг (Scharang), Михаэль (род. 1941), австрийский писатель.

Шаттук (Shattuck), Джон, помощник Государственного секретаря по вопросам демократии, прав человека и труда при президенте Клинтоне.

Шахрай, Сергей (род. 1956), российский государственный деятель (с 2000 года заместитель председателя Счетной палаты РФ), кандидат юридических наук.

Шваб (Schwab), Густав (1792—1850), немецкий литератор, собиратель фольклора и знаток древней мифологии («Schönsten Sagen des klassischen Altertums», 3 тт., 1838—1840).

Швагер (Schwager), Раймунд (род. 1935), немецкий богослов, член ордена иезуитов с 1955.

Швайдлер (Schweidler), Вальтер, немецкий специалист по этике.

Шварц (Schwarz), Александр (род. 1950), швейцарский германист.

Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564—1616), великий английский драматург.

Шепс (Schöps), Юлиус Х. (род. 1942), профессор новейшей истории Потсдамского университета, писатель (на рус. яз.: *Шепс. Герцль. Жаботинский*. М.: Феникс, 1998, серия «Исторические силуэты»).

Шеридан (Sheridan), Филипп Генри (1831 — 1888), военачальник северян времен Гражданской войны в Америке.

Шёттли (Schöttli), Урс, корреспондент *Новой цюрихской газеты* в Азии (1983-1990 Дели, 1995-1999 Гонконг, с 1999 Токио).

Шефер (Schäfer), Инго, немецкий переводчик с китайского и японского языков (стихи переводит на

кельнский диалект).

Ши Найань (1296—1370), автор основанного на народных преданиях романа-эпопеи о крестьянском восстании XII века «Речные заводи» («Шуи ху чжуань») (на русском яз. см.: *Ши Найань. Речные заводи*, 2 тт. Пер. А. Рогачева, под ред. В. Колоколова. М.: Гослитиздат, 1955).

Ши Хуэй (XIII — первая четв. XIV вв.), юаньский драматург, автор упоминаемой любовно-приключенческой пьесы «Женские покои» («Ю гуй цзи»), более известной (уже в переработанном в минскую эпоху виде) под названием «Беседка поклонения луне» («Бай юэ тин»).

Ши Юнсун (Shi Yongsong).

Шиллер (Schiller), Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения, наряду с Лессингом и Гете основоположник немецкой классической литературы.

Ширак (Chirac), Жак (род. 1932), французский государственный деятель, президент Франции с 1995 года.

Ширли Ко, см. Го Ваньжун.

Ширдинг (Schirnding), Альберт фон (род. 1935), немецкий писатель, филолог-античник (в 1965—1998 преподаватель мюнхенской гимназии им. баварского короля Людвиг I — Ludwigs-gymnasium), переводчик с древнегреческого.

Шлегель (Schlegel), Август Вильгельм (1767—1845), немецкий историк литературы, критик, переводчик и поэт, иностранный почетный член Петербургской АН (1824).

Шлеппи (Schläppi), Бруно.

Шмайдлер (Schmeidler), Бернхард (1979—1959), крупный немецкий историк-медиевист.

Шмале (Schmale), Вольфганг (род. 1956), австрийский философ.

Шмидт-Глинцер (Schmidt-Glinterz), Хельвиг (род. 1948), немецкий китаевед (профессор Геттингенского университета), переводчик классических текстов, автор нескольких книг о Китае.

Шмидт (Schmidt), Хельмут (род. 1918), федеральный канцлер ФРГ в 1974-1982.

Шмюкле (Schmückle), Герд (род. 1917), немецкий генерал, некогда первый заместитель командующего объединенными силами НАТО в Европе.

Шнайдер (Schneider), Вольф (род. 1925), немецкий языковед, литератор, журналист с 50-летним стажем, создатель одной из лучших школ журналистики в Германии.

Шнеебели (Schneebeli), Роберт, швейцарский историк (в 1948 окончил Цюрихский университет), специалист по Великобритании.

Шнюрер (Schnürer), Густав (1860—1941), немецкий историк-католик (история церкви, средневековье), автор упоминаемой книги «Kirche und Kultur im Mittelalter» (т. 1 1924, т. 2 1926, т. 3 1929).

Шойинка (Soyinka), Воле (род. 1934), нигерийский писатель, журналист, театральный деятель (Нобелевская премия по литературе 1986).

Шокросс (Shawcross), Уильям (род. 1946), известный британский писатель, репортер, радио- и телеведущий.

Шоу (Shaw), Джордж Бернард (1856—1950), английский драматург, прозаик, эссеист, один из реформаторов театра XX века, пропагандист драмы идей, Нобелевская премия (1925).

Шпёрри (Schpörri), Балъц, швейцарский социолог и журналист.

Шпириг (Spigig), Вернер (род. 1949), швейцарский адвокат, писатель.

Шпрингер (Springer), ОТТО, немецкий лексикограф, ныне покойный.

Шредер (Schröder), Герхард (род. 1944), канцлер Германии с 1998.

Шредер (Schröder), Ханнелора (род. 1935), историк, философ и активная участница феминистского

движения, автор упоминаемой книги «Olympe de Gouges. Mensch und Bürgerin» (1995).

Штайбле (Steible), Хорст, немецкий ассиролог и переводчик с шумерского.

Штайгер (Staiger), Брунхильда (родилась 1938), заместитель директора Азиатского института в Гамбурге, специалист по Китаю, автор нескольких книг.

Штальперс (Stalpers), Юдит, немецкая журналистка, пишущая об Азии.

Штаудингер (Staudinger), Магда.

Штаэль (Stahel), Альберт (род. 1943), профессор политологии Цюрихского университета.

Штегеманн (Stegemann), Эккехард (род. 1945), профессор теологии Базельского университета (специалист по Новому Завету).

Штегер (Steger), Гуго (род. 1929), немецкий филолог и музыковед, многие годы возглавлявший Институт немецкого языка и древней литературы.

Штрауб (Sträub), Эберхард (род. 1940), историк по образованию, обозреватель *Франкфуртер альгемайне цайтунг* и автор популярных книг по истории.

Штраус (Strauss), Франц Йозеф (1915—1988), государственный деятель ФРГ, председатель Христианско-социального союза (ХСС) с 1961, премьер-министр земли Бавария с 1978.

Штраус (Strauss), Лео (1899—1973), немецкий мыслитель, с 1938 в США, один из крупнейших политических философов XX века, писавший о Сократе, Платоне, Спинозе, Гоббсе, Макиавелли (на рус. яз. см.: *Лео Штраус*. Введение в политическую философию. Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000).

Штраус (Strauß), Бото (род. 1940), немецкий прозаик и драматург.

Штрубе (Strube), Юрген (род. 1939), председатель правления германского химического концерна «Басф» (BASF).

Штюрмер (Stürmer), Михаэль (род. 1938), немецкий историк (профессор средневековой и новой истории Эрлангенского университета с 1973) и публицист.

Шу Хань (Shu Han).

Шубарт (Schubart), Кристиан Фридрих Даниель (1739—1791), немецкий публицист и поэт.

Шубарт (Schubarth), Муза, швейцарская славистка.

Шуберт (Schubert), Франц (1797—1828), знаменитый австрийский композитор.

Шульц (Schultz), Уве (род. 1936), немецкий социолог, писатель-историк, работал (1976—1994) заведующим культурным отделом на Немецком радио, лауреат (1999) премии немецко-французского культурного общества как эссеист, редактор упоминаемой книги «Große Prozesse. Recht und Gerechtigkeit in der Geschichte» (1996).

Шулян Хэ (ум. 548 до н. э.), отец Конфуция, заслуживший славу храброго военачальника во владении Лу.

Шуманн (Schumann), Харальд (род. 1957), немецкий журналист, один из авторов бестселлера «Die Globalisierungsfalle» (1996: *Мартин Г. -П., Шуманн Х.* Западная глобализации: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001).

Шунь (2317—2208 до н. э.), он же (Ю-)юй, последний из так называемых Пяти императоров (мудрых идеальных правителей), а с выбранного им правопреемника Юя начинается первая династия Ся.

Шуньюй Юэ (2-я пол. III в. до н. э.), уроженец княжества Ци, ученый муж при дворе первого китайского императора Цинь Ши-хуанди.

Шэнь Дао (около 395 — около 315 до н. э.), именуемый еще Шэнь-цзы («учитель Шэнь»), философ-легист.

Шэнь Ю, луский житель во времена Конфуция.

Шэнь Юэ (441—513), политический деятель, ученый, проповедник буддизма, литератор, составитель официальной хроники династии Лю-Сун «История Сун» («Сун шу», 488 н. э.).

Шэньинэн (ум. 655 до н. э.), законный наследник, как старший сын, цзиньского Сянь-гуна, которого тот, желая передать престол родившемуся от новой жены Ли-цзи (дочери вождя жунов, уведенной им в полон вместе с младшей сестрой после разгрома жунов) сыну Си Ци (умерщвленному сановником Ли Кэ вскоре после смерти Гуна), пожелал удалить от себя, отправив в другой город, а затем вынудив покончить с собой в 655 до н. э. (см. *Гоюй*. Речи царств, гл. 81—82, на русском яз. издание 1987 года. Пер. с кит. С. Таскина) или *Шицзи*, гл. 39 (на русском яз. т. 5, год издания 1987).

Э

Эберхард (Eberhard), Вольфрам (1909—1989), немецкий и американский синолог, фольклорист, философ, обзорный труд «История Китая» («History of China», 1960).

Эзоп, древнегреческий баснописец (VI в. до н. э.), считавшийся создателем (канонизатором) басни, сборник басен Эзопа составил в IV в. до н. э. Деметрий Фалерский.

Эйкен (Ойкен) (Eucken), Вальтер (1891 — 1950), немецкий экономист, теоретик неолиберализма.

Эймс (Ames), Роджер Т. (род. 1947), канадский специалист по китайской философии (профессор Гавайского университета), переводчик Сунь-цзы, Сунь Биня, Конфуция, ныне занят переводом даосского канона «Дао дэ цзин».

Эйрингер (Euringer), Рихард (1891 — 1953), немецкий поэт, романист, публицист, боевой летчик Первой мировой войны, рьяный национал-социалист (до конца жизни оставался почитателем фюрера), за что после поражения гитлеровской Германии был отлучен от литературской деятельности, но в 1948 году запрет был снят (книга воспоминаний «Die Sargbreite Leben: wir sind Internierte», 1952).

Экманн (Eckmann), Даниель, представитель министерства финансов Швейцарии по общественным связям.

Эко (Eco), Умберто (род. 1932), итальянский ученый, писатель (книги по истории культуры средневековья, проблемам семиотики, романы «Имя розы», «Маятник Фуко»).

Эмбер (Imbert), Жан (1919—1999), французский историк-правовед, автор упоминаемой книги «Le procès de Jésus» (1980).

Эммерих (Emmerich), Роланд (род. 1955), немецкий кинорежиссер («День независимости», 1996), прозванный «швабским Спилбергом».

Энгельс (Engels), Фридрих (1820—1895), немецкий мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма.

Энценсбергер (Enzensberger), Ханс Магнус (род. 1929), немецкий поэт, эссеист, публицист, переводчик, издатель. Лауреат премии имени Бюхнера. Автор сборников стихов «Защита волков», «Язык страны», «Шрифт слепых», «Мавзолей, 37 баллад из истории прогресса», «Музыка будущего», книги очерков «Ах, Европа!» (1987) и др. Книга «Предчувствие гражданской войны» (1993) в пер. А. Егоршева напечатана в журнале «Иностранная литература» (№ 6, 1995).

Эразм Роттердамский Дезидерий (Erasmus Roterodamus Desiderius, 1467—1536), гуманист эпохи Возрождения (глава «северных гуманистов»), филолог, писатель, автор «Похвалы глупости» — сатиры, высмеивавшей нравы и пороки современного ему общества.

Эрже (Hergé), псевдоним Жоржа Реми (1907—1983), бельгийского художника, нарисовавшего с 1929 по 1979 год 23 серии приключений склонного к авантюрам репорера Тинтина (последняя серия, оставшаяся в набросках, была опубликована в 1986 году).

Эрлих (Erllich), Мишель, французский этнопсихиатр, занимается вопросами женского обрезания.

Эсфирь (звезда Есф 2:7—9), прежде называлась: *Гадасса* (мирта), молодая, красивая еврейка, дочь Авигалла, из колена Вениаминова, сделавшаяся царицей, супругой персидского царя Ассиура (Артаксеркса) Лонгимана.

Этцольд (Etzold), Сабина, редактор гамбургского либерального еженедельника *Цайт*.

Ю

Ю Юй (VII в. до н. э.), жунский посланник к циньскому государю Му-гуну (правил 659—621).

Юань Кай (вторая пол. XIV в.), широко известный под поэтическим псевдонимом Юань Байянь (т. е. Юань Белая ласточка) сановник и поэт, написавший о своей отставке с поста ревизора (*юйши*) стихотворение «Пьяный пред хризантемой» («Дуй цзюй хуа цзуй»).

Юань Цзе (723—772), танский поэт и прозаик.

Юань Чунхуань (1584—1630), минский военачальник.

Юань Шао (ум. 202), по прозвищу Бэньчу, знатный вельможа, ханьский царедворец, один из соперников Цао Цао в борьбе за власть.

Юань Шикай (1860—1916), первый президент Китайской Республики (добился у Сунь Ятсена сложения полномочий временного президента), установивший личную диктатуру и метивший в императоры, покончил с собой.

Юань Ювэнь (род. 1920), видный партийный работник, редактор книги «Стратагемы китайской старины» («Чжунго гудай цюаньмоу», 1988).

Ю-ван Хань, чуский государь Ю-ван (по имени Хань), правивший в 238-228 до н. э..

Юй Ваньчюнь (1794—1849), цинский писатель, автор упоминаемого романа «История усмирения бандитов» («Дан коу чжи», изд. 1851, имеет подзаголовок «Полное заключительное повествование о речных заводах» («Цзе шуйху цюань чжуань»), т. е. выступает продолжением «Речных заводов» из 70 глав в редакции известного ученого Цзинь Жэньжуня, иначе Цзинь Шэнтаня (1608—1661), перенесшего туда героев Ляншаньбо из «Речных заводов» Ши Найяня).

Юй Жуцзи (XVII в.), автор упоминаемого «Наброска сообщения министерству церемоний» («Либу чжи гао», 1620).

Юй Сюэбинь, современный китайский филолог, автор упоминаемого труда «36 стратагем, заново истолкованных и тщательно разобранных» («Саньшилю цзи синь цзе сянь си», 1993).

Юй Уцзинь (род. 1946), китайский философ, профессор Дуфаньского университета в Шанхае.

Юн Цзи, советник цзиньского Вэнь-гуна (697—628).

Юнчжэн (девиз правления, родовое имя Инчжэнь, 1678—1735), китайский император династии Цин (правил 1723—1735).

Юнь Бань (VI в. до н. э.), чжэньский военачальник.

Юстиниан I Великий (около 482—565), византийский император с 527.

Юэ Бочуань, юаньский (1271 — 1368) драматург, автор упоминаемой пьесы «Люй Дунбинь уводит от мира Ли Юэ с железным посохом» («Люй Дунбинь ду тегауй Ли Юэ»).

Юэ И (III в. до н. э.), сановник эпохи Сражающихся царств, родом из Вэй, но служивший и Чжао, и Янь, и Вэй в зависимости от складывающейся обстановки (биографию см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. М.: Восточная литература РАН, 1996, т. 7, с. 240—242).

Юэ Фэй (1103—1142), китайский полководец, с 1122 воевал против киданей, с 1126 — против чжурчжэней, ложно обвинен в государственной измене и казнен.

Я

Якоби (Jacobi), Клаус (род. 1927), немецкий журналист и издатель.

Ямамото Сацуо (1910—1983), японский кинорежиссер, фильм «Август без императора» («Котэй-но инай хатигацу», 1978), но упоминаемый фильм «Великая японская империя» («Дай Нихон тэйкоку») в 1982 году снял Тосио Масуда.

Ян Боцзюнь (1909—1992), китайский филолог, текстолог.

Ян Бяо (142—225), ханьский царедворец, начальник военного приказа (*тайвэи*).

Ян Иянь (род. 1925), китайский писатель, соавтор романа «Красный утес» («Хун янь», 1961).

Ян Хо (VI—V вв. до н. э.), персонаж «Лунь юй», управляющий делами семейства Цзи, который сумел сосредоточить в своих руках значительную политическую власть.

Ян Цишэн (1516—1555), минский сановник.

Ян Шуань (Yang Shuan), современный китайский автор беллетризованных биографий Конфуция и Лао-Цзы.

Ян Шэнь (1488—1559), иначе Ян Шэньянь, минский писатель, автор упоминаемого «Описания гор и рек Юньнани» («Юньнань шань чуань чжи»).

Янг (Young), Лоретта (1913—2000), американская киноактриса.

Ян-ди, родовое имя Ян Хуан (569—618, на троне в 605—617), фактически последний суйский император, если не считать марионеточного императора Дай-вана Ян Ю (династийное имя Гун-ди, 609—619, правил 617—618), малолетнего племянника отстраненного от власти Ян-ди.

Янь Жоцуй (1636—1704), текстолог конфуцианских канонических сочинений.

Янь Сун (1480—1567), минский сановник, глава (*шоуфу*) дворцового секретариата (*нэйгэ*).

Янь Шифань (ум. 1665), минский сановник, сын Янь Суна.

Янь-цзы, иначе Янь Ин (ум. 500 до н. э.), политический деятель, министр владения Ци при трех государях — Лин-гуне (правил 582—555), Чжуан-гуне (правил 554—549) и Цзин-гуне (правил 548—491), ему приписывается памятник «Весны и Осени Янь-цзы» («Янь-цзы чунь цю»).

Яо, четвертый из пяти мифологических правителей, чье царствование (2356—2255 до н. э.) представлялось конфуцианцам «золотым веком».

Яо Вэньюань (род. 1932), один из «банды четырех» («сы жэнь бан»), журналист, главный идеолог партийной группировки «шанхайских радикалов», возглавлял агитпроп КПК, в 1981 приговорен к 20 годам заключения (ныне живет в Шанхае), автор упоминаемой книги «Комментарий к двум книгам Тао Чжу» («Пин Тао Чжу дэ лян бэнь шу». Пекин, 1967).

Яо Ли (VI—V вв. до н. э.), уский подданный времен Чуныцю (Весен и Осени), умертвивший царевича Цин Цзи.

Яо Сюэинь (1910—1999), китайский писатель, автор романа «Ли Цзы-чэн».

Ярузельский (Jaruzelski), Войцех (род. 1923), польский государственный и партийный деятель, президент Польши в июле 1989 — декабре 1990, генерал армии, в декабре 1981 ввел военное положение, отмененное в 1983.

Ясперс (Jaspers), Карл (1883—1969), немецкий философ, представитель религиозного экзистенциализма, психиатр.

Зенгер Х. фон. *Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать.* ТТ. 1, 2. — М: Изд-во Эксмо, 2004. — 512 с, 1024 с.

Впервые полное современное прочтение всех 36 знаменитых стратегем, истинного воплощения трехтысячелетней мудрости

Перевод с немецкого А. В. Дыбо (1 том), А.Д.Гарькавый (2 том)

Общая редакция, вступительная статья и комментарии академика В.С. Мясникова

© Москва, «ЭКМО», 2004